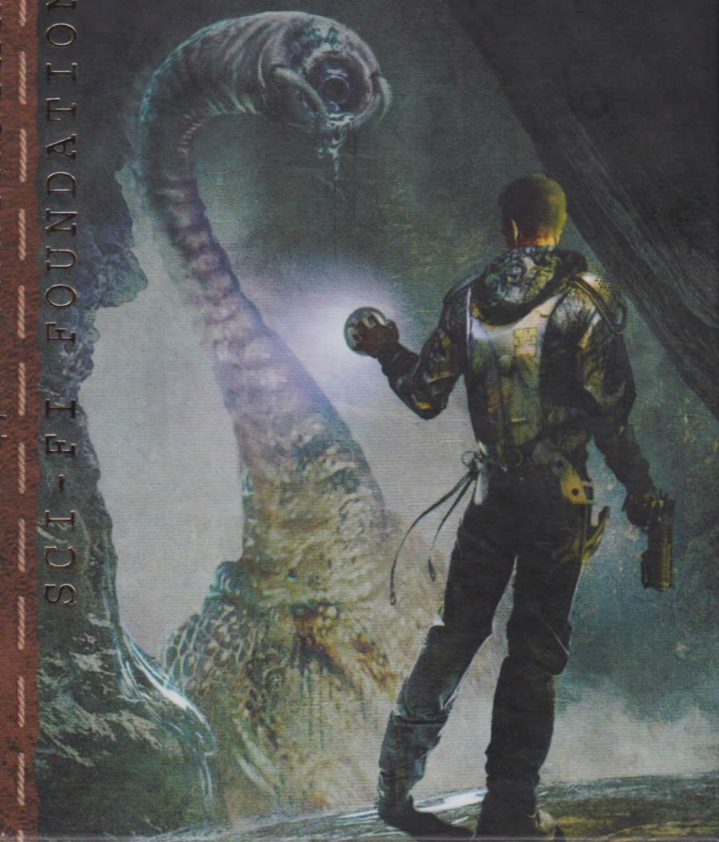
ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН
НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

Вся
НОРТОН
НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ
SCI-FI FOUNDATION



Вся НОРТОН

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся НОРТОН

МАГИЯ
ЗОВ ЛИРЫ
АРОМАТ МАГИИ
КОРОЛЕВА СОЛНЦА
ТОРГОВЦЫ ВО ВРЕМЕНИ
ПЕРЕКРЕСТКИ ВРЕМЕНИ
ЗВЕЗДНЫЙ ОХОТНИК
ПОБЕДА НА ЯНУСЕ
ЗВЕЗДНЫЕ ИЗГНАННИКИ
БРАТ ТЕНЕЙ
КОЛДОВСКОЙ МИР
НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Андрэ

НОРТОН

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

Москва
2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44
Н82

Andre Norton
DREAD COMPANION
Copyright © 1970 by Andre Norton
DARK PIPER
Copyright © 1968 by Andre Norton
X FACTOR
Copyright © 1965 by Andre Norton
PERILOUS DREAMS
Copyright © 1976 by Andre Norton
ANDROID AT ARMS
Copyright © 1971 by Andre Norton

Публикуется с разрешения наследников автора
и Bill Fawcett & Associates (США) при участии агентства
Александра Корженевского (Россия)

Издательство благодарит Андрея Зильберштейна
за помощь в подготовке издания

Разработка серии *А. Саукова*
Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

Нортон, Андрэ.

Н82 Неизвестный фактор : [романы : перевод с английского] / Андрэ Нортон — Москва : Издательство «Э», 2016. — 896 с. — (Отцы-основатели).

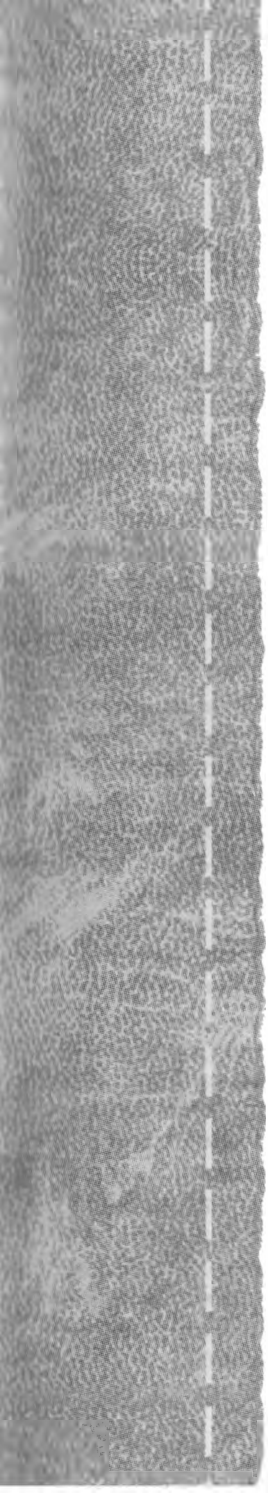
ISBN 978-5-699-90700-7

На протяжении более полувека Андрэ Нортон — один из самых популярных авторов научной фантастики и фэнтези в мире. Ее первые произведения были опубликованы в далеких 40-х годах прошлого века и вызвали бурю восторга у читателей всех возрастов, и жанр научной фантастики обрел бесчисленное количество новых поклонников. В данное издание, помимо заглавного, вошли романы «Опасные сны», «Угрюмый дудочник», «Опасный спутник» и впервые публикующийся на русском языке роман «Андроид, к оружию!».

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Сое)-44

© Д. Арсеньев, О. Колесников, С. Сергеев, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке. Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90700-7



НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

Глава первая

Даже ночь на Ваанчарде — тревожное время. Не период мира и спокойствия, когда можно куда-нибудь уединиться. Садовые дорожки сверкают, словно отделаны драгоценными камнями, мягко светится растительность, доносятся новые ароматы и...

Дискан Фентресс сидел, скорчившись, подбородком почти касаясь колен и заткнув пальцами уши. Он и глаза закрыл, чтобы не видеть окружающее, — хотя невозможно перекрыть запахи, которые приходят вместе с воздухом. Рот его шевелился: Дискан боялся, что его позорно вырвет на глазах у всех. Конечно, никто не позволит себе выказать презрение. Все будут продолжать делать вид, будто Дискан Фентресс один из них, и это будет продолжаться, и продолжаться, и продолжаться... Он судорожно сглотнул.

Теперь зеленоватый лунный свет добрался до дорожки, и она замерцала подобно жемчугам. Донесся новый запах, но не агрессивный. Дискан вообще не мог представить себе, чтобы в этом саду что-то было агрессивным. Место для отдыха и развлечений, созданное и доведенное до совершенства ваанами, всегда очень ненавязчивое.

Дискан молча боролся с протестом своей внутренней сущности, пытался разорвать путы этого сада и здания, из которого бежал, этого города, этого окружающего его мира. Его неприятности начались задолго до прилета сюда, на Ваанчард, — начались в тот день, когда Улькен-надсмотрщик на Найборге привел на берег пруда незнакомца, вызвал Дискана из мутной воды — Дискан был по пояс вымазан зеленой слизью — и заговорил с ним так, словно он... не человек, а *тварь*; но у него

ведь есть чувства и разум, такие же, как у всех, даже если тело не такое.

Дыхание вырывалось неровными толчками, почти всхлипываниями. Глаза Дискана могли бы увидеть дорожку и необычную растительность, если бы он захотел, смогли бы оценить волшебную красоту ночи, но сейчас он смотрел в прошлое.

Беды его начались и не в пруду, но много лет раньше. Рот его изогнулся в мрачной гримасе, почти в рыке сдерживаемого гнева. Давно, с самого начала...

Он не мог вспомнить времени, когда бы не сознавал, что Дискан Фентресс — отверженный, неудачно сотворенный образец человеческого материала, которому можно поручить только самую простую и грязную работу. Он не умел правильно пользоваться силой своего необычайно большого тела и ломал все, что хотел починить или сберечь. И мозг его функционировал почти так же, как тело, — медленно и тупо.

Почему? Сколько раз он спрашивал об этом — с того самого времени, как научился думать и удивляться! Но он очень быстро понял, что спрашивать можно только самого себя — и еще ту безличную силу, которая приложила руку к его неудачному сотворению, — а может, наоборот, не приложила.

На Найборге он... можно ли назвать это словом «приспособился»? По крайней мере его использовали для выполнения работ, требующих большой грубой силы, и это оставляло его на бóльшую часть дня наедине — убежище, которого здесь у него нет.

Дискан, вопреки тому что внутренне съежился, думал о той сцене у пруда. Улькен, грязный, грубый, но все же на шкале ценностей общины стоящий неизмеримо выше Дискана, стоял на берегу с легкой улыбкой на лице и кричал так, словно Дискан вдобавок ко всему еще и глух.

А человек рядом с ним... Дискан закрыл глаза, облизнул губы, прежде чем снова сглотнуть, заставляя себя не... не...

Человек, стройный и гибкий, среднего роста, воплощение кошачьей грации и ловкости, в отлично подогнанной коричнево-зеленой форме изыскателей, с серебряной кометой перворазведчика на груди! Незнакомец выглядел таким чистым, так напоминал идеал снов и мечтаний Дискана, что тот просто смотрел на него, не отвечая на крики и приказы Улькена, —

пока не увидел, как почернело лицо разведчика, когда тот повернулся к надсмотрщику. Улькен задрожал и попятился. Но когда разведчик снова посмотрел на Дискана, Улькен злобно улыбнулся, уходя.

— Ты — Дискан Фентресс? — Недоверие — да, в этом вопросе звучало недоверие, и его было достаточно, чтобы пробудить старое неприязненное сопротивление.

Он вышел из воды, стряхивая с себя комья грязи и слизи.

— Я Фентресс.

— Я тоже. Ренфри Фентресс.

Дискан понял не сразу. Он продолжал вытирать свое большое неуклюжее тело. Но потом ответил — сказал то, что всегда знал.

— Но ты мертв!

— Между этим предположением и реальностью больше светового года, — ответил разведчик, продолжая разглядывать Дискана. И боль, всегда таившаяся в громоздком каркасе из костей и плоти, стала сильней.

Какая встреча отца с сыном! Но как мог Ренфри Фентресс стать отцом — *его*? Разведчика, которому на какое-то время поручали обязанности на планете, побуждали заключить брачный контракт Службы. Это было вызвано необходимостью воспроизводить особый вид людей, почти мутантов, пригодных к исследованию галактики. Определенные свойства мозга и организма передаются по наследству, и таких людей побуждали производить себе подобных. Поэтому на Найборге Ренфри Фентресс женился на Лиле Клайас. Контракт был заключен на время его пребывания на планете, это законный и общественно признанный союз, Лила получала пенсию, а детей от этого брака ждало многообещающее будущее.

В должное время Ренфри Фентресс получил новое назначение. Согласно «Положению об отбытии», он формально прервал свой брак и улетел, не зная, что будет ребенок, поскольку улетал он по чрезвычайно срочному делу. Восемь месяцев спустя родился Дискан, и, вопреки мастерству медиков, роды были очень тяжелыми, настолько тяжелыми, что мать их не пережила.

Он не помнил первые дни в правительственном приюте, но сканнер личности почти сразу установил, что Дискан Фентресс не пригоден для Службы. Что-то во всем этом тщатель-

ном планировании не сработало. Он не походил ни на мать, ни на отца, он был регрессией, слишком большим, слишком неуклюжим, слишком медлительным в мысли и речи, чтобы стать членом сообщества космических путешественников.

Его подвергли и другим проверкам, множеству проверок. Он теперь не мог вспомнить все их, только помнил, что это было время постоянного раздражения, душевной боли, разочарований и иногда страха. В течение нескольких лет, пока он был еще ребенком, его снова и снова тестировали. Власти не могли поверить, что он такой непригодный экземпляр, как докладывали приборы.

Потом он отказался проходить испытания, дважды убегал из начальной школы. Наконец один из руководителей после недели срывов, приступов мрачного гнева и вспышек агрессивности предложил направить его на работу. Ему тогда было тринадцать, но он уже был крупнее большинства взрослых. И его начали опасаться. Вспоминая это, Дискан испытывал удовлетворение. Но он понимал, что нельзя решать свои проблемы кулаками. Ему совсем не хотелось быть приговоренным к стиранию личности. Он, может, и глуповат, но все же он Дискан Фентресс.

И вот он переходил от одной тяжелой работы к другой, и так проходили годы — пять, шесть? Он точно не знал. Потом на Найборг вернулся Ренфри Фентресс, и все изменилось — к худшему, определенно к худшему!

С самого начала Дискан подозрительно отнесся к отцу из космоса. Ренфри не проявлял своего разочарования, не показывал — по крайней мере с момента первой встречи, — что считает сына неудачей. Но Дискан знал, что скрывается за этим внешним принятием.

Отношение Ренфри стало еще одним неразрешимым «почему», причиняя почти такую же боль, как первое «почему». Почему Ренфри так настойчиво искал сына, которого никогда не видел? Когда родился Дискан, а его мать умерла, Служба начала поиски разведчика, как это и было положено по правилам, чтобы он мог высказать свои пожелания относительно будущего сына. Поиски дали ответ: «Пропал без вести, считается погибшим» — эпитафия многих перворазведчиков.

Но Фентресс не погиб в черных далях космоса, где столкновение с метеором вывело из строя его корабль. Напротив,

его подобрал исследовательский корабль чужаков, занятый аналогичным делом — поиском планет, пригодных для заселения растущей расой.

И у своих спасителей Ренфри нашел дом и новую жену. Когда смог снова вступить в контакт со своими, ему — с большим опозданием — сообщили о рождении сына. И поскольку в новом браке — каким бы счастливым он ни был — потомства у него не могло быть, он искал сына, чтобы привезти его на Ваанчард, где сам Ренфри поселился, подав в отставку по собственному желанию.

Ваанчард — это прекрасный, удивительный рай, о котором всегда мечтала раса Ренфри. Местные жители — само очарование, грациозность, разум, активно использующий воображение. Безупречный мир — был, пока Ренфри не привез сына и тем сам не единожды, но много раз нарушил покой своей семьи.

Дискан отнял руки от ушей, страдая от звуков. Принялся разглядывать свои мозолистые ладони, загрубевшие пальцы. Несмотря на смягчающие мази, его пальцы по-прежнему рвут красивую одежду, оконные занавеси — любую ткань, к которой он прикасается. Эти руки могут и разбить, как было сегодня.

На подушечке правого большого пальца кровь. Это напоминание о том, что случилось недавно там, откуда доносится печальная музыка, не человеческая, но такая, которая пленяет сердце, становится частью тела. Свет, звуки, и теперь, когда он отнял руки от ушей, еще и смех. Они смеются не над ним. Они так добры, так сочувственны. Они не используют смех как оружие; у них вообще нет оружия. Они только стараются не замечать, они прощают, идут ему на уступки — и всегда так делают!

Если бы только он смог возненавидеть их, как ненавидел Улькена и ему подобных! Ненависть — это топливо, придающее человеку силы. Но он не может ненавидеть Друстанса и Риксу, не может ненавидеть Эйнаду, их мать, которая стала женой его отца. Невозможно ненавидеть тех, кто является совершенством по твоим меркам; можно только ненавидеть себя за то, что ты не такой, как они.

От движения пальцев капля крови увеличилась. Она начала медленно стекать, и Дискан слизнул ее.

— Диисссскааннн?

Протяжно, словно бы пропето — Рикса! Она его отыщет. Не будет никаких упоминаний об осколках драгоценного камня на белом полу. Никто даже не упомянет о бесценном сокровище, которое превратилось в груду обломков после столетий тщательного сохранения. Если бы они рассердились, если бы хоть раз сказали, что думают, ему было бы легче. А теперь Рикса хочет, чтобы он вернулся с нею. Нет!

Дискан встал. Резная скамья качнулась. Он несколько мгновений отвлеченно и покорно смотрел на нее — она тоже разобьется? Потом зашел за скамью, двигаясь с той сосредоточенностью и осторожностью, которые стали его составной частью со времени появления на Ваанчарде. В то же время он знал, что это бесполезно, что он снова разобьет, раздавит, наступит, растопчет и за ним в этом мире мечты всегда будут оставаться обломки.

Он даже не может скрыться в своих помещениях: слишком часто он проделывал это за последние дни. Они будут искать его в первую очередь там. Но и прятаться в саду, когда его ищет Рикса, нельзя. Дискан осмотрел освещенное здание. Музыка, приходящие и уходящие фигуры во всех окнах, ни одного укрытия, только...

Одна темная комната на первом этаже... Он попытался определить, окна какого помещения не светятся. Точно не смог, но окна манили его, как убежище притягивает к себе раненое животное...

Ощущение собственного несчастья ослабло: он решал, как незаметно добраться до этого убежища. Здесь густо посажены кусты, он может не приближаться к светящимся статуям. Сквозь музыку и голоса из дома он услышал звонкий призыв ночного летающего варча. Варч! Если немного повезет...

— Диисссскааннн? — Рикса на дорожке недалеко от скамьи.

Он спрятался за соседним кустом. И сосредоточил все свои мысли на варче, представил себе широкие зеленые крылья, словно усыпанные жемчужной пылью, создающие в полете туманную ауру, увидел тонкую шею, голову с хохолком. Варч... Дискан представлял себе варча, старался ощутить варча.

Неожиданно слева снова послышалась трель, закончившаяся испуганным криком. В тени мелькнуло зеленое тело, направляясь к дорожке. Дискан услышал второй испуганный

вскрик — это Рикса. Но он уже бежал, переходя от одного укрытия к другому, пока не оказался под ближайшим из этих двух окон и не прикоснулся к подоконнику. Сейчас нельзя допустить ошибку — никаких неловких падений. Пожалуйста, ничего не сломать... только пробраться в темноту и одиночество, которые ему так нужны.

И на этот раз его хаотичная молитва не осталась безответной. Дискан спрыгнул с подоконника, и оконные занавеси скрыли его. Он сидел, тяжело дыша, — не от физических усилий, а от напряжения воли, пытаясь подчинить себе неуклюжее тело. Прошло несколько секунд, прежде чем он отвел занавес и принялся разглядывать комнату.

Света единственного слабенького фонаря вполне достаточно, чтобы увидеть, что он действительно нашел убежище, где его не будут искать, — это комната Ренфри. Здесь он держит путевые диски с записями о своих полетах, трофеи своих звездных странствий. В этой комнате Дискан никогда не был, и у него не хватило бы храбрости сюда войти.

Он на четвереньках выбрался из-за занавеси и сел посредине пустого пространства, подальше от всего, что можно уронить и разбить. Обхватил тяжелыми руками колени и осмотрелся.

В этой комнате жизнь человека. А как будет выглядеть его комната, если после его смерти выставят на обозрение то, что от него останется? Обломки и кусочки, разорванные и испачканные ткани — и медлительные, тупые слова, неверные поступки, малозначительные, но вызывающие слезы у него и окружающих. Дискан поднес руки к голове — не для того, чтобы заглушить доносящиеся из-за двери звуки музыки и гул голосов, а чтобы потереть голову, смягчить тупую боль, которую он всегда ощущает на Ваанчарде, когда не спит. Но самому себе он не кажется тупым, по крайней мере пока не попытается передать на словах свои мысли и чувства; как будто у него неудачное соединение внутреннего мира с наружным и он не может хорошо и точно общаться даже со своим телом, не говоря уже об окружающих.

Но ведь кое-что он может делать! Рот Дискана расслабился, на его лице появилась легкая улыбка, которая изумила бы его самого, если он мог в этот момент посмотреть в зеркало. Да, кое-что он может делать, и делает совсем не неловко. Этот

варч... он подумал о варче, о том, что тот должен сделать, и варч сделал именно то, что ему захотелось, и сделал быстрее и более ловко, чем сделали бы его собственные руки по приказу мозга.

Так бывало и раньше, когда он оставался один. Он никогда не пытался продемонстрировать это перед другими: его и так считают странным, и незачем добавлять еще одну странность. Он умеет общаться с животными — вероятно, это означает, что он гораздо ближе к ним, чем другие, что он — шаг назад на сложном пути эволюции. Но варч отвлек внимание Риксы на несколько необходимых секунд.

Дискан расслабился. В комнате тихо, звуки веселья звучат здесь слабее, чем в саду. И внешне это помещение кажется менее чужим, чем все остальные в доме. Ткани занавесей на окнах тоже местного изготовления, но здесь цвета их не кажутся здесь такими ускользающими. Они как-то теплее. И, если не считать одного кружевного спирального предмета на столе, в комнате нет никаких местных украшений. А стеллаж с путевыми дисками, должно быть, перенесли прямо с корабля.

Он разглядывал этот стеллаж, шевелил губами, считая диски, — каждый в своей ячейке. Свыше ста планет — ключи к более чем ста мирам, — на всех этих планетах в то или иное время побывал Ренфри Фентресс. Стоит только вставить любой диск в автопилот корабля, и корабль перенесет человека на планету...

Сначала синие ленты — планеты, исследованные Фентрессом, теперь открытые для колонизации. Их десять, таким достижением можно гордиться. Желтые диски — планеты, на которых не может жить человек. Зеленые — населенные туземными расами, планеты открыты для торговли, но закрыты для поселения. Красные... Дискан смотрел на красные. Их всего три, они в самом низу стеллажа.

Красное означает неизвестное — планеты, на которые было совершено только одно приземление, об этом сделан доклад, но в остальном планета не исследована. Да, на ней нет разумной жизни и климат и атмосфера пригодны для человека, но планета представляет собой какую-то загадку. Какой может быть эта загадка, думал Дискан. На мгновение он забыл о своих неприятностях и заботах. Возможны сотни причин, по

которым планету обозначают красным цветом. Такая планета ждет дальнейших исследований.

Ключи к мирам — а что, если воспользоваться одним из них? Дискан снова опустил руки на колени, но чуть согнул пальцы. И начали возникать мысли, совершенно ясные для него самого — пока он не пытался перевести их в слова или действия.

Синяя планета — еще один Найборг или Ваанчард. Зеленая — нет, он не испытывает желания встретиться еще с одной расой чужаков, да и приземление его на такой планете будет сразу замечено. Желтая — это смерть, тоже своего рода выход, но еще слишком молод и положение его не настолько отчаянное, чтобы думать о таком исходе. Но эти три красные...

Он облизал губы. Слишком долго он оставался замкнут в самом себе и ничего не делал: ведь все равно его действия заканчиваются неудачей. Перед ним ключ, которым может воспользоваться только очень безрассудный человек, такой, которому нечего терять. Дискан Фентресс может считать себя таким человеком. На Ваанчарде он никогда не будет знать удовлетворения. То, что ему нужно, здесь ему не обрести — одиночество и свободу от всего, чем являются они и чем не может стать он.

Но сможет ли он это сделать? Вот диски, а за этим домом, но не очень далеко, порт. На посадочном поле стоят небольшие быстрые корабли. По крайней мере на этот раз внешность хорошо послужит ему. Кто подумает, что тупой инопланетник задумал украсть космический корабль, если у него нет пилотской подготовки, а контрольная рубка небольшого корабля так мала, что он с трудом в ней поместится? Глупый план, но он и сам глуп.

Дискан не стал вставать. Даже сейчас стараясь не шуметь, ничем себя не выдать, на четвереньках, как животное, он добрался до стеллажа с дисками. Крупная рука повисла над тремя красными дисками. Какой? Неважно. Он взял средний, переложил его в карман пояса — но так остается заметное пустое место. Дискан сделал второе перемещение на стеллаже: теперь пустая ячейка в тени, на краю стеллажа. Если ему повезет, пропажу заметят не скоро.

Вставая, он услышал щелчок дверного замка. До укрытия всего два шага. Решится ли он их сделать? И снова мозг и тело

сработали одновременно и гармонично. Он не споткнулся, не сбросил со стола украшение, вообще не допустил ошибки; благополучно скрылся за оконным занавесом до того, как открылась дверь.

Глава вторая

Несмотря на полутьму, фигура вошедшего слабо светилась. Морозные звезды сверкали на широком воротнике и на поясе. Друстанс! Дискан плотнее прижался к оконной раме, почувствовал, как она больно впивается в ноги, постарался дышать как можно тише. Рикса — и то достаточно плохо, но встретиться с ее братом Друстансом — это двойное поражение.

Молодой ваан двигался с грациозностью своего народа. Он подошел к столу и на несколько мгновений замер. Дискан ожидал, что он в любое мгновение повернется к окну и одной силой своей воли вытащит укрывающегося. Конечно, серьезное и озабоченное выражение его лица не изменится. Он будет вести себя корректно, как всегда, говорить правильные слова в нужно время и все делать правильно.

В груди Дискана вспыхнул гнев — может быть, потому что только что в этой комнате он смог самостоятельно принять решение и удачно выполнить его. И сейчас сдаться Друстансу — особенно горько.

Но если ваан ищет Дискана, каким-то образом его вынюхивает, — а Дискан готов признать, что эти чужаки обладают неведомыми ему способностями, — то Друстанс ведет себя неправильно. Потому что у стола он задержался лишь на мгновение. Он подошел к стеллажу и склонился к нему.

Дискан нащупал диск у себя в кармане. Неужели... неужели Друстанс узнал о краже, почувствовал как-то? Да, рука ваана двинулась к красным дискам! Но почему... как?..

Друстанс взял диск — тот самый, который Дискан переставил в пустую ячейку. Стоя на коленях, ваан потрогал диск пальцем и принялся его разглядывать. Потом сунул в карман и так же быстро и неслышно, как вошел в комнату, вышел.

Дискан перевел дыхание. Значит, он приходил не за ним, а за лентой. А это может означать неприятности — ведь ленты он поменял местами. Предположим, Ренфри послал при-

емного сына за нужным диском. Сегодня здесь присутствуют по меньшей мере три человека, которых может интересовать информация о «красных» планетах: капитан вольных торговцев Исин Гинзар, атташе из закатанского посольства Злисмак и еще один разведчик в отставке, Бэзил Альперн.

Как только ошибка будет обнаружена, Ренфри придет сюда — а это значит, что Дискану нужно либо уходить сегодня же, немедленно, либо потерпеть еще одну позорную неудачу, испытать еще больше стыда и унижений. Он может вставить диск в другую ячейку, чтобы они решили, будто была допущена ошибка при расстановке, — но он не мог заставить себя сделать несколько шагов к стеллажу, отказаться от своего плана. Он сам все это продумал, совершил, сделал. И будет осуществлять свой план — ему теперь необходимо это сделать!

В этом доме нет ничего такого, чего еще он хотел бы взять с собой; все необходимое у него на поясе. Сейчас ночь. Выбравшись в сад, он сможет оттуда легко добраться до космопорта. Он хорошо знает эту небольшую территорию. И, понял Дискан, если он не попытается сбежать сейчас, то не сможет никогда: на вторую попытку у него не хватит мужества.

Он вылез в окно. Сад треугольной формы, самый острый угол вдали от дома, и оттуда можно выбраться на соседнюю улицу. Дискан осмотрел себя. На рубашке пятно. Он никогда не мог носить одежду так, чтобы через несколько минут она не пачкалась. К счастью, для такого праздничного дня он одет очень просто: ни воротника с холодно светящимися звездами, ни украшений, которые считают необходимыми Друстанс и другие ваны. Если его заметят, вполне могут принять за портового рабочего или бродягу.

Дискан осторожно прошел к углу треугольника. Дом ярко освещен, но уже скоро полночь и вот-вот в банкетном зале начнется ужин. Рикса давно должна была отказаться от поисков его в саду. Нужно получше использовать оставшееся время.

Каким-то образом ему удалось перебраться через кружевную ограду — скорее украшение, чем препятствие. Рукав порвался на плече, и над локтем появилась кровоточащая царапина. Шел Дискан бесшумно. Тонкая подошва обуви позволяла ощущать каждый камень. Но это неважно: он так долго ходил босиком, что подошвы его тверже кожи сапог.

Сюда, за угол, потом первый поворот — эта дорога ведет прямо в порт. Он окажется довольно далеко от места, где стоят небольшие корабли, но, выйдя на поле, разберется. От неожиданного прилива уверенности закружилась голова. Как в старых сказках: тебе дают талисман и ты становишься неуязвимым. Талисман у него в кармане пояса, под рукой, и в нем возрастала уверенность, что последует и остальное, что он найдет корабль и улетит...

Такой корабль должен иметь ручное управление и автопилот. Дискан нахмурился, пытаясь вспомнить подробности. Все корабли взлетают по определенной схеме, но он не может просить диспетчера указать ему нужную схему. Поэтому придется рискнуть: вставить диск, включить автопилот, самому лечь в анабиоз — и надеяться. А для этого... Что ж, Ренфри очень старался найти общие интересы с сыном, когда они на Найборге ждали оформления нужных документов, он много рассказывал о себе и своей работе. А Дискан слушал — и надеялся, что узнал достаточно, чтобы улететь с Ваанчарда.

Один участок поля ярко освещен. Должно быть, недавно сел лайнер: у одного корабля оживленная деятельность. Дискан какое-то время наблюдал, потом пошел вперед — уверенно и целеустремленно. Задержался у груды предназначенных для перевозки коробок, взвалил одну на плечо и быстро направился к своей цели. Он надеялся, что невнимательному наблюдателю покажется просто рабочим, одним из тех, кто перетаскивает грузы, которые не решаются доверить машинам.

Он не смеет споткнуться, нужно думать о стройных маленьких кораблях, стоящих в своих стартовых люльках. Думать о руках, ногах, о неуклюжем теле и о том, что он будет делать, когда попадет на корабль. Он пройдет в рубку управления, привяжется, вставит диск, включит установку замораживания, примет таблетки перлима...

В тени торгового корабля Дискан решил, что здесь можно безопасно оставить груз, и пошел быстрей. Первые два небольших корабля все же слишком велики для его целей, но третий, скоростной корабль, предназначенный для полетов внутри этой солнечной системы, между Ваанчардом и двумя его необитаемыми соседями, подходит больше, хотя Дискан не знал, можно ли его использовать для полетов в глубоком

космосе. Зато такой корабль способен на максимально быстрый старт, он сразу уйдет за пределы доступа контрольной башни. Скорость — очень важный фактор. Однако на таком корабле должен быть сторожевой робот.

Воровство не характерно для туземцев Ваанчарда, но в портах встречаются бродяги, недостойные доверия. И поэтому на кораблях всегда остается сторожевой робот. Дискан еще на Найборге получил от своих товарищей по работе полезную информацию. Роботы — враги лихих парней. И если рацион становился сильно ограниченным, рабочие находили способы обойти таких механических сторожей складов, хотя дело это рискованное.

Дискан посмотрел на свои большие мозолистые руки. Он еще ни разу не пытался обезвредить сторожа. Ему казалось, что он слишком неуклюж для такого дела. Но сегодня придется попытаться!

Он внимательно разглядывал корабль в стартовой люльке. Люк закрыт, трап поднят, сторож контролирует то и другое. Но сторож не только для того, чтобы противостоять вторжению: он настроен также на любые перемены на корабле. Дискан подошел к люльке туда, где расположены сканирующие пластины портовых проверочных устройств. Он заставлял себя двигаться медленно. Не должно быть никакой ошибки в том, что он наберет на циферблате. Когда он осуществил задуманное, щеки и подбородок у него вспотели.

Теперь вверх из люльки — и ждать. Люк наверху открылся со скрипом. Гладко скользнул трап. Вот оно! Дискан напрягся. Сторожевой робот, выйдя из корабля, мгновенно его почувствует и пойдет к нему. Сторож не может убивать или даже просто причинять физический вред; он может только захватить пленника и передать его людям.

И Дискан должен позволить ему захватить себя, чтобы добиться своей цели. Послышался грохот: робот быстро спустился по трапу и бросился к нему. Вор стал бы убегать, попытался бы уклониться. Дискан стоял неподвижно. Машина замедлила скорость. Должно быть, робота смутило его поведение: может, он решил, что у человека есть законное основание здесь находиться. Теперь, если бы Дискан знал кодовое слово, обезоруживающее робота, ему нечего было бы опасаться, но он этого слова не знает.

Взметнулась сеть, опустилась на Дискана, потянула его к машине, и он пошел не сопротивляясь. Сеть, которая должна была сжимать сопротивляющегося, на нем висела свободно. Он был почти рядом с роботом, когда прыгнул, — но не от сторожа, а к нему. И впервые, насколько мог вспомнить Дискан, ему помогла масса тела. Он ударился о робота, и сила этого удара покачнула машину, лишила ее равновесия. Робот упал, потащив за собой Дискана, но рука его оказалась под корпусом, и, прежде чем они перевернулись, Дискан сунул указательный палец в углубление, где находится чувствительная пластина ориентировки в пространстве.

Боль, какой он никогда раньше не испытывал, распространилась от пальца по руке и плечу, весь мир окутался туманом этой боли. Но каким-то образом Дискан сумел отнять палец и даже немного поднялся по трапу, прежде чем чувствительность к нему вернулась. Те, кто рассказал ему об этом приеме, всегда выводили пластину из строя с помощью какого-нибудь инструмента. Сделать это пальцем — безумие, в которое никто не поверит. Дискан, разрываемый болью, протиснулся в люк.

Вспотев, охая, он поднялся на ноги, здоровой рукой нажал кнопку, закрывающую люк, и покачнулся. Теперь вверх на один уровень. Уловив тепло его тела, на стенах вспыхивали огни. Он увидел кресло-лежак пилота и упал в него.

Каким-то образом все же ему удалось наклониться вперед, достать из кармана диск и вложить его в щель автопилота, а потом нажать на нужные клавиши. Корабль ожил и начал действовать. Кресло обхватило Дискана. Словно ниоткуда появилась мягкая прокладка и окутала поврежденную руку. Дискан чувствовал, как задрожали стены: это включились атомные двигатели. Укол.

И лишь как набор бессмысленных слов, уже засыпая, воспринимал он вопросы тех, кто находился в контрольной башне: там неожиданно поняли, что корабль начинает неразрешенный подъем. И уже совсем не чувствовал, как корабль на максимальной скорости, подчиняясь инструкциям красной ленты, улетел с Ваанчарда.

Для человека в анабиозе время не существует. Дискан вновь начал его ощущать, услышав пронзительный требовательный звон, шум, вгрызавшийся в плоть и кости. Он сопротивлялся этому звуку, боролся с необходимостью реагировать

на него. Устало открыв глаза, обнаружил, что перед ним щит с рычажками, переключателями, вспыхивающими огоньками. Два таких огонька горели зловещим красным светом. Дискан совершенно не разбирался в пилотировании, однако понял, что ровного гудения двигателей, какое сопровождало весь его перелет с отцом, сейчас не слышно. Напротив, корабль неровно пульсировал, энергия прибывала и убывала.

Вспыхнул еще один красный огонь.

— Критические условия!

Голова Дискана дернулась на мягкой подушке кресла. Механический голос доносился из стен.

— Повреждена пятая часть. Произвожу экстренную посадку. Повторяю: экстренная посадка!

Из стены слева потянулась какая-то материя. В воздухе она казалась белым туманом. Окутав тело Дискана, она становилась все толще и превратилась в защитный кокон. Ритм колебаний стал еще более неровным. Дискан знал, что экстренная посадка может закончиться катастрофой: в момент удара и корабль, и его пассажир мгновенно погибнут.

Хуже всего была беспомощность. Настоящая пытка — лежать в защитном коконе и ждать гибели. Он пытался высвободиться — бесполезно. И тогда он выразил свое стремление к свободе в криках, отразившихся от стен.

Но тут ожидание закончилось и его окутала милосердная тьма. Он не чувствовал, как поврежденный корабль вошел в атмосферу планеты и начал спуск.

Вращающийся шар на экране постепенно терял расплывчатость очертаний, вызванную большим расстоянием. На его поверхности, на экране над головой Дискана, появились тени континентов, пятна морей. Мрачный мир, угрюмая планета, не покрытая роскошной зеленью, как Ваанчард, не коричнево-зеленая, как Найборг. Эта планета серо-зеленая, цвета закаленной стали.

Все быстрее сменялись день и ночь: корабль опускался по круговой орбите. Солнце здесь бледное, и пять спутников отбрасывают тусклый свет на острые вершины хребтов, окруженных болотами; мелкие моря и суша постоянно борются друг с другом.

За спуском корабля следили глаза. И в этих глазах был разум — своего рода, — оценивающий, вопрошающий. На срав-

нительно широком пространстве началось движение... сближение, которое не было естественным. Возможно, на этот раз... Глаза наблюдали за тем, как корабль, стоя на столбах огня, опускался к относительной безопасности камня и земли.

Спуск проходил не гладко. Одна опора подогнулась. Вместо того чтобы приземлиться на три опоры, корабль упал и покатился. Вокруг в этом безумном вращении горела растительность. Мгновенно гибли растения и животные. Но вот разбитый корпус замер, лег на грязь, которая пузырилась вокруг, поглощая корабль, окутывая его липкой субстанцией.

Дискан снова пришел в себя. Умирающий корабль напрягал все силы, вложенные в него создателями, чтобы защитить жизнь, которую он призван охранять. Кокон, ядром которого был пассажир, слетел с кресла, ударился о люк, который уже частично открылся, и застрял. Дискана окончательно привели в себя вонь грязи и запах горелой растительности. Он слабо закашлялся.

Его голову и плечи окутывали клочья разорванного белого вещества. В последние мгновения перед потерей сознания Дискан испытал страх перед беспомощностью, перед тем, что он связан по рукам и ногам, и теперь этот страх заставил его приложить усилия, чтобы выбраться через полуоткрытый люк, предназначенный для аварийной эвакуации.

Он головой вперед упал в грязь, плечом больно ударился о камень, и боль привела его в себя. Каким-то образом ему удалось выбраться из грязи, которая засасывала его; руки его ощутили твердую опору, и он выбрался на островок посредине этой нестабильности.

Срывая остатки защитного кокона с головы, Дискан удивленно осматривался. Корабль уже на три четверти погрузился в засасывающую грязь, и теперь поток грязи устремился в люк, через который он только что выбрался. Дискан старался составить представление о своем окружении.

Ветер холодный, хотя от опаленной и горящей болотной растительности еще исходит немного тепла. Но пожар, начавшийся во время посадки, уже кончается. Невдалеке Дискан увидел белые полосы: это может быть снег или верхушки камней. Он помнил зиму на Найборге, и сейчас такой же холодный ветер касается его тела. Но на Найборге были одежда, убежище, пища...

Дискан подобрал остатки кокона и, как шаль, накинул на плечи. С этим материалом трудно управляться, но это все же какая-то защита. Корабль! Там есть набор для выживания: средства для разжигания костра, неприкосновенный запас продовольствия, оружие... Дискан повернулся на своем скальном островке.

Надежды вернуться на корабль не было. В открытый люк непрерывно устремляется поток грязи: попытаться вернуться значит попасть в западню. Неожиданно захотелось прочной поверхности, много суши под собой и вокруг. И это заведомо можно найти это на покрытых снегом камнях.

Должно быть, корабль разбился на исходе дня; солнца не видно, небо затянуто тучами, но серого света достаточно для освещения сцены. К тому времени как Дискан, выпачканный ледяной грязью, уставший и почти потерявший надежду, добрался до цели, сгустились сумерки, и он не решался идти дальше: неверный выбор направления может привести его в трясину, ту самую, в которой теперь бесследно исчез корабль.

Он пополз по каменному возвышению, нашел расщелину, забрался в нее и закутался в остатки кокона. Встала первая луна, круглая зелено-голубая монета на небе; над горизонтом показалась ее сестра. Но ни та, ни другая не давали достаточно света, чтобы идти по незнакомой местности.

По другую сторону от бассейна грязи еще виднелось несколько мест, где догорал огонь. Как стремился Дискан к этим драгоценным искрам! Но здесь нет топлива для костра и невозможно перебраться к обгоревшей земле. Он как можно глубже забрался в убежище, остро ощущая свою невезучесть.

Итак — насмехалась какая-то часть сознания — ты думал, что тебе повезет, когда ты вставишь свой ключ, и перед тобой откроется лучшее будущее. Что ж, вот оно, это будущее, и чем же оно лучше прошлого?

Дискан кашлял, дрожал и горько размышлял. Свобода у него есть — свобода умереть тем или иным способом: замерзнуть ночью, утонуть в грязи завтра, погибнуть в одной из бесчисленных ловушек этой неведомой планеты. Но с этим насмешливым внутренним голосом боролась друга мысль — он ведь дожил до этого момента. И каждое следующее мгновение жизни — это небольшая победа над судьбой. Над судьбой или

над тем, что искалечило его с самого рождения. У него есть эта свобода — да, и еще есть жизнь, и он держался за эти свои преимущества, словно они способны дать ему тепло, убежище и питание.

Глава третья

Ночью Дискан больше всего опасался вездесущего коварного холода. Временами он выползал из своей расселины, топал и прижимал руки к груди. Уснуть на таком холоде, вероятно, означает больше не проснуться. И всякий раз, выходя, он в свете лун пытался рассмотреть, что его окружает.

Скалистый хребет уходил в обе стороны, образуя миниатюрную горную цепь. Насколько он мог судить, все остальное занято трясиной. Дважды с тропы, проложенной катившимся кораблем, доносился вой, а однажды — шум драки, рычание, как будто столкнулись два равных противника. Наверно, на выжженной полоске была пища, и это привлекало стервятников. Пища — внутренности Дискана сразу отреагировали на эту мысль. В прошлом он не раз знавал голод, его крупное тело требовало гораздо больше пищи, чем позволялось съесть работникам, но он не мог вспомнить, чтобы был так голоден!

Пища, вода, убежище, укрытие от ветра и холода — и все это нужно отыскать на планете, где один кусок растения или глоток мяса чужого животного может для инопланетника означать смерть. Продукты, средства иммунизации, которые должны помочь продержаться потерпевшему крушение, — все это погибло.

Снова вой — на этот раз ближе. Дискан смотрел на другой берег бассейна грязи, туда, где еще светятся угли. Там мелькают тени, их много, и они могут скрывать что угодно. Сколько длится ночь на этой планете? Время теряет смысл, когда его невозможно измерить по знакомым правилам.

Пошел снег — вначале несколько хлопьев залетело в расселину и растаяло на его коже, потом все гуще, и вскоре Дискан видел только сплошной белый полог. Но при этом стих ветер. Дискан тупо смотрел на снегопад. Снег, если его наметет много, накроет болото и предательски замаскирует трясину.

Из оцепенения Дискана вывел резкий крик. Этот крик... он доносится с хребта за его убежищем. Он прислушался. Шелест падающего снега оглушал, словно бы он заткнул уши пальцами. Проходили минуты. Крик не повторился. Но Дискан знал, что он не ошибся: он слышал голос живого существа. Охотник — или добыча? Может, это был предсмертный крик жертвы?

Паника холодила сильнее скальных стен, к которым он прижимался. Каждый нерв кричал: «Беги!» Но сознание его боролось со страхом. Здесь перед ним только выход в окружающий мир: в случае необходимости он может защищаться руками; а вот на открытом пространстве его могут сбить с ног.

Дискан обнаружил, что время притупляет даже самый острый страх. Второго крика не было. И, хотя он напряженно прислушивался, не было и никаких других звуков в ночи. Наконец, прежде чем он это осознал, постепенно наступил и конец долгой ночи.

Дискан впервые понял это, когда обнаружил, что видимость улучшилась. Снег покрывал все ковром, разорванным темными пятнами, которые могли обозначать жидкую поверхность. Тот скалистый дальний берег уже не покрывали тени, и он с каждым мгновением становился все яснее. И хотя солнца видно не было, наступал день.

Дискан собрал разорванный материал кокона. Он такой же белый, как снег, только местами видны пятна грязи. Его можно превратить в некое подобие плаща. Пальцы замерзли и стали вдвойне более неловкими, но он упорно работал, пока не получил треугольник, закрывающий плечи; концы можно засунуть под одежду. Грязь, налипшая, когда он вброд шел от корабля, засохла на коже и одежде и превратилась в жесткую синюю оболочку, которая при движениях трескалась, но все же давала дополнительную защиту от холода.

Больше всего он нуждается в пище. Дискан собрал снег вокруг расщелины и начал сосать, чтобы утолить жажду. Но когда начал спускаться от своего убогого убежища вниз по склону к бассейну грязи в слабой надежде увидеть хотя бы часть корабля, перед ним открылась только синяя поверхность с хрупкими обледеневшими стеблями растительности с одной стороны и почерневшим пятном с другой.

Но одна незначительная деталь обратила на себя внимание — бело-желтый клуб над черным выгоревшим шрамом.

Дым! Дискан сделал быстрый шаг в том направлении и остановился. Там, может, и есть его горящие уголья, но перед ними — западня.

— Спокойней... — сказал он себе, и произнесенное вслух слово подействовало успокоительно, словно сорвалось из чьих-то других, а не его собственных растрескавшихся губ. — Спокойно... не торопись...

Он повернул голову — высохшая растрескавшаяся грязь падала с плеч, — чтобы посмотреть, что находится направо, насколько далеко простирается твердая поверхность. Напряженно, заставляя себя вглядываться в поверхность, прежде чем сделать очередной шаг, Дискан обошел скалы. Холодный камень обжигал руки; пришлось остановиться, оборвать несколько кусков материала кокона и обмотать ими ладони. Этот изоляционный материал давал некоторую защиту от холода, хотя делал руки еще более неуклюжими, ими трудно стало держаться.

Он вскарабкался на один каменный холм и впервые получил возможность увидеть более широкую округу. Этот хребет является частью другого, большего; возможно, это основная площадь суши. Перед собой Дискан видел черный шрам от падения корабля. Виднелись пятна зловещей синей грязи и заросли замерзшей растительности, но были также потрескавшиеся камни, которые могут служить опорой при переправе.

— Медленней... — предупредил себя Дискан. — Направо... к этому блоку... к этой кочке... и ухватиться дальше. Потом второй камень... Спокойней... Рукой держись здесь... ногу поставь туда...

Он не мог бы объяснить, почему ему легче двигаться, когда он отдает себе такие приказы, как будто его тело существует отдельно от мозга, но именно так и было. И он продолжал говорить, описывая каждый шаг, прежде чем сделать его.

Он убедился, что полоски белого снега обозначают более твердую поверхность, но осторожность все равно заставляла проверять каждую. И однажды брошенный вперед камень доказал разумность такой осторожности: камень провалился, и синяя поверхность засосала его.

Он уже оказался на выжженной площадке, почувствовал запах черного пепла, который при каждом шаге порошком взлетал в воздух, когда услышал резкий крик, заставивший

посмотреть в небо. Там парило, изредка взмахивая крыльями, крылатое существо, яркое пятно в утреннем свете: существо кроваво-красное, с длинной шеей, которая поворачивалась и изгибалась по-змеиному, с головой, которую увенчивает острый хохолок. И оно большое. Дискан решил, что размах крыльев существа в рост его самого.

Еще один крик, и существо устремилось вниз — но не на него. Оно село в самой середине выжженной площадки. Потом снова послышался крик, и появился второй красный летун и сел на том же месте. Дискан остановился. С того направления пахнет дымом, но ему не нравится вид этих птиц — если это птицы. Несколько таких созданий могут причинить серьезные неприятности.

Впереди еще крики. Между Дисканом и тем местом, где сели птицы, небольшое возвышение. И из-за него шквал звуков — такой же, какой Дискан слышал ночью. Такие звуки могут означать только схватку. Дискан поднялся на вершину и с нее увидел поле битвы, а утренний ветер принес такой запах, что его чуть не стошнило.

Здесь, на тех местах, где их застиг огонь, лежали существа. Тела их так обгорели, что понять можно было только, что существа были крупные. Рядом с самым большим из них стоял красный летун и острым клювом пытался достать меньшую четвероногую тварь, которая огрызалась, пищала, скалила зубы и отказывалась допустить его на пир. Их четыре, пять... по меньшей мере восемь таких тварей, и они передвигаются с такой быстротой, что птицы за ними не поспевают.

Но потом один из защитников слишком осмелел или проявил неосторожность. Острый клюв, как шпага, ударил его, ударил снова. Тварь свернулась комком шерсти и безжизненно упала между костями, с которых срывала плоть. Победа как будто придала смелости красному летуну. Он издал громогласный крик. И сверху донесся ответ. Появились еще три... четыре такие же птицы.

Животные у туш рычали и огрызались, но отступили, каждым движением ясно выражая свое недовольство. С двумя летунами они готовы были соперничать, но перед целой стаей спасовали.

Когда они отступали от нападавших летунов, Дискан имел возможность лучше их рассмотреть. Но он так и не смог ре-

шить, теплокровные ли это животные или рептилии. Спина и верхняя часть ног покрыты жесткой желто-зеленой шерстью, на голове эта шерсть стоит дыбом, но выступающая вперед морда, сильные когтистые лапы и хлесткие хвосты без шерсти, голые, покрытые мелкими чешуйками. Наружность у них такая же злобная, как и у летунов, и, хоть они невелики, у Дискана не было никакого желания с ними встречаться.

К счастью, они мрачно отступали в противоположном направлении, поднимались по другому склону чаши, в которой лежали обгоревшие туши. И хотя летуны не преграждали им путь к возвышенности, где был Дискан, он тоже попятился. Отступая по пеплу, споткнулся об углубление, из которого все еще поднимался дым. Здесь лежала горсть чего-то похожего на камни, и два из них отливали красным. Дискан наклонился и осторожно подул. Красный цвет усилился — минерал, впитавший тепло костра и сохраняющий его? Дискан присел на корточки. Вот средство для разведения костра и получения тепла, и его можно использовать не только немедленно, но и взять с собой в менее населенную часть местности, если бы только найти возможность переносить такой уголь. Но его возможности в этом отношении ограничены.

Под коркой из грязи на нем облегающие брюки и многоцветная рубашка — праздничный наряд ваана. В таком наряде невозможно даже повесить на пояс церемониальный охотничий нож, как модно на Найборге. И у него только два кармана на поясе, один из них — в нем раньше был диск — пуст.

Карман! Дискан вывернул карман. Потом взялся за обрывки, служившие ему перчатками. Оторвал кусок ткани. Изоляция одного типа... а вот и другая. Он подошел к краю бассейна из грязи, опустил нити в дурно пахнущую слизь и осторожно стал переносить в карманы пояса, стараясь покрыть всю поверхность толстым слоем.

Несколько мгновений спустя все было сделано; рука его лежала поверх выпячивающегося кармана, в котором в безопасности находился кусок горячего минерала. У него есть огонь, древнейшее оружие его вида. И ему хотелось уйти: звуки из-за хребта свидетельствуют, что наземные стервятники получили подкрепление и снова начали бой.

Дискан двинулся назад к хребту. Еда... может, ему бы и удалось убить одну из чешуйчатых тварей или летуна, но он был

не очень уверен. И было бы глупо вызывать агрессию других животных, являясь при этом потенциальной добычей. Но судя по числу животных, это совсем не пустынная местность. Он имеет шанс найти другую добычу.

Он миновал расселину, в которой провел ночь, и начал подниматься дальше, к возможной ровной местности. Поднявшись на вершину, уловил сильный запах — не вонь пира стервятников, но определенно и не запах растительности. Запах не вызывал отвращения и привлекал настолько, что ему захотелось узнать его источник.

Биологический вид Дискана давно утратил зависимость от обоняния, если она вообще когда-то была, как у других млекопитающих с его родной планеты. То, что для них было бы легко узнаваемым маяком, для его носа было всего лишь ускользающим следом. Но он продолжал принюхиваться на ходу.

Источник запаха он обнаружил в узком разрезе между двумя наклонившимся скалами. На серой поверхности обеих скал были серебристые пятна, которые блестели на ярком теперь солнечном свете. Дискану показалось, что здесь пролили какую-то жидкость. Жидкость вначале текла, но быстро застыла крупными каплями. А между скалами лежало то, что сразу привлекло его внимание.

Существо мертво, у него разорвано горло, запекшаяся кровь похожа на красные кристаллы. В отличие от стервятников, оно все покрыто шерстью, такой же серой, как окружающие скалы, так что он прежде всего увидел рану. О том, что это хищник, свидетельствовали клыки в раскрытой пасти и когти на лапах. Голова длинная и узкая, с заостренными и торчащими вперед ушами. Лапы короткие, а тело длинное, хорошо приспособленное к каменистой местности, где существо умерло. И это мясо!

Дискан поднял тело, обнаружив, что оно легче, чем ему казалось. Благодаря неведомому охотнику, который не стал задерживаться возле своей добычи, у него есть еда. Полоской материала от кокона он привязал добычу к поясу и принялся икать место для лагеря.

И вскоре нашел. Крутой подъем через небольшую рощу привел его на берег затянутого льдом ручья. И вдоль ручья росло много кустов и небольших деревьев, побитых морозом.

Несколько увядших листьев, которые все еще висели на ветвях, серебристого цвета. Ломая ветви для костра, Дискан думал, нормальный ли это цвет местной растительности? С помощью горячего минерала он развел костер и осмотрел тело животного. У него не было ножа, не было возможности разрезать или очистить тушу или даже просто снять с нее шкуру. Оставалось только бросить ее в огонь и предоставить тому действовать.

Это было неприятное, даже отвратительное занятие, но голод подстегивал. И когда Дискан облизал пальцы, боль внутри стихла — хотя он продолжал гадать, в состоянии ли его организм усвоить мясо чужака или эта пища приведет его к болезненной смерти. Он достал из костра почерневший череп и принялся разглядывать его. Его внимание привлекли крепкие, слегка изогнутые клыки, и он с помощью камня выломал самые крупные из них. Два размером с его мизинец, очень острые, они могут пригодиться ему в будущем. Дискан открыл второй карман пояса и извлек его содержимое.

Световая ручка — Дискан сухо улыбнулся: самая нужная вещь сейчас. Пластинка с его именем и личным кодом — несколько мгновений он вертел ее в руках, намереваясь выбросить. Код на этой металлической полоске дал бы ему повсюду на Ваанчарде пищу, одежду, жилье и транспорт — здесь он совершенно бесполезен. Но он не станет ничего выбрасывать, пока не будет абсолютно уверен в его бесполезности. Кольцо — Дискан принялся поворачивать его. Пурпурный камень не вспыхивает на солнце — он темный и мрачный. Дискан сам выбрал это украшение, хотя почти не разглядывал его, когда доставал из шкатулки на Ваанчарде. Обычай требовал, чтобы он его носил. Дискан надел кольцо на мизинец — ни на какой другой палец оно не налезало, — потом снова стащил: уж слишком неуместно выглядит украшение на его руке. Такое же бесполезное, как все остальное.

Теперь он может добавить к своим сокровищам шесть зубов, почерневших от огня; они могут на этой планете оказаться полезней всех других его вещей. Он все сложил в карман, положив зубы сверху.

Одежда, покрытая пятнами и грязью, как будто неплохо перенесла тяжелое утреннее путешествие. Дискан внимательно

но осмотрел свою обувь. Царапины, в одном-двух местах обожжено, но подошвы, на удивление, целы. А плащ из кокона, хоть и свисает обрывками, все же дает какую-то защиту.

Он жив; у него есть еда и огонь, и он свободен. Дискан прислонился спиной к источенной водой скале и посмотрел на полосу нанесенного водой мусора: этот ручей, сейчас скованный льдом, бывает бурным потоком. Его русло кажется самым легким путем вверх, на возвышенность, и к тому же здесь много топлива для костра. Одну ногу животного Дискан отложил: съест потом. А солнце, хотя и не очень греющее, так усердно светит в этом разрезе, что снег начинает подтаивать.

Если не считать мертвого животного, в этой местности Дискан пока не видел ничего живого. Может, большинство хищников привлекло к себе место крушения. Во всяком случае, он на это надеялся.

С другой стороны, климат суровый, и он к нему не готов. Возможно, это только начало гораздо более суровой зимы и погода будет все ухудшаться. У него нет оружия, он не знает, долго ли кусок минерала будет тлеть и какие еще местные животные будут возражать против вторжения на территорию, которую считают своей.

Но мысли о худшем ни к чему не приведут, а чем больше свободы даешь воображению, тем темней кажутся тени. Дискан начал рассматривать груды плавника. Он весь побелел, но один предмет настолько отличался по цвету, что привлек внимание. Дискан наклонился и высвободил его из замерзшей почвы.

В руках его оказалась ветка без коры. Толщиной в запястье, с тусклой поверхностью, но не серо-белой, а тускло-зеленой, с вкраплениями более темного, изумрудного цвета. Один конец толще, похож на дубинку, и из него торчат небольшие наросты. А другой конец расколот, и потому он острый.

Дискан взмахнул находкой. Неплохо лежит в руке. Одна сторона — дубина, другая — короткое копье. Немного поработать, например, прикрепить к наростам зубы, а другой конец еще больше заострить, и у него будет оружие — конечно, давно вышедшее из моды, совсем не бластер, не шокер и вообще не оружие с точки зрения звездной цивилизации, — но для него это все же оружие.

Привязав остатки мяса к поясу, держа в руке дубинку-копье, Дискан удалялся от своего погасшего костра. Шел он твердо, решительно подняв голову, внимательно разглядывая окружающую местность. Оружие держал крепко, и в походке его не было неуверенности.

Глава четвертая

Хотя облака не закрывали солнце, по стенам утесов, прорезанных ручьем, ползли тени, и Дискан видел, что эти стены с обеих сторон понемногу поднимаются. Между ними становилось все холодней, реже встречалась застывшая растительность. У него есть выбор: остановиться на ночь здесь, пока еще встречается топливо, или рискнуть и углубиться в неизвестность. Наконец он решил остановиться.

Он развел костер и собирал топливо на ночь, но вдруг распрямился, поднеся руку к дубинке, которую сунул за пояс. Ощущение, что за ним наблюдают, такое острое, что он был обескуражен, когда обернулся и увидел только скалы, замерзшую землю, поломанные кусты. И насколько он мог судить, на поверхности утеса нет отверстия, достаточно большого, чтобы скрыть поджидающего в засаде врага.

И однако он уверен, что кто-то — или что-то — прячется, наблюдая за ним. Дискан достал из-за пояса оружие, делая вид, что с его помощью выковыривает вмерзшую в почву ветку. Он надеялся, что неожиданный поворот не выдал его подозрений. Возможно, это небольшое преимущество — то, что скрытый наблюдатель не подозревает, что его присутствие обнаружено. Но теперь Дискан собирал топливо левой рукой, держа дубину наготове в правой.

Дважды еще возвращался он к костру с охапками веток. И все время пытался обнаружить, откуда за ним наблюдают. Никаких углублений в стенах, никаких зарослей, способных скрыть существо такого размера, чтобы оно представляло опасность. Но действительно ли оно опасно? На некоторых планетах существуют ящерицы, насекомые, мелкие, но смертельно опасные. То же самое может быть справедливо и на этой планете. Но Дискан никак не мог связать мысль о том, что за ним наблюдают, с представлением о ящерице или насе-

комом. Он выбрал обветренный камень и сел спиной к нему. «Продолжай делать вид, что ничего не замечаешь, и не используй, — сердито сказал он самому себе, — не используй то, что знаешь, для оценки того, что можешь здесь встретить!»

Он потрогал пальцем острый конец своего копья-дубины. Кусок дерева. Какая это защита от нападения? Дискан посмотрел на отростки, три из них отходили под углом. У него была смутная идея каким-то образом прикрепить к ним зубы. Но как это сделать? Что бы он ни делал, получалось неудачно — если требовалась точная работа пальцев.

— Спокойней... — шепотом сказал он себе. — Спокойней... — И посмотрел на огонь, продолжая размышлять.

Всегда... его всегда что-то подталкивало извне. Он всегда ощущал нетерпение окружающих, в мире которых неловко бродил, спотыкаясь. Он никогда не шел своим темпом — он не мог такого вспомнить, кроме тех случаев, когда ему поручали грязную работу и оставляли одного. И даже в таких случаях появлялись надсмотрщики и давали ему понять, что он никогда не сможет удовлетворять их требованиям.

Думая о событиях ближайшего прошлого, Дискан подбросил топлива в костер. И с новой уверенностью улыбнулся, гладя на пламя. Да ведь он сейчас преступник! Он украл корабль — и понятия не имеет, сколько законов, правил и инструкций нарушил с тех пор, как взял диск со стеллажа. С другой стороны, он сумел улететь, пережил крушение, пережил холодную ночь, нашел дорогу к возвышенной местности, раздобыл огонь и оружие — хотя за ним продолжают наблюдать. Непрочное равновесие, и малейшая ошибка может его нарушить — навсегда.

То, что он преступник, его не беспокоило. В своем роде он им был с самого рождения — преступником и чужаком. И не чувствовал вины из-за корабля. Если бы пришлось заново переживать последние часы, он поступил бы так же. Последние часы! Впервые Дискан удивленно подумал, что понятия не имеет, сколько времени продолжалось его путешествие. Он мог месяцы пролежать в анабиозе. Для него бегство с Ваанчарда произошло накануне. И нет смысла думать об этом времени — имеет значение только день и ночь, проведенные здесь.

Приближается ночь. Этого ли ждет наблюдатель, поэтому он бездействует? Это хищник, охотящийся по ночам? Дискан

посмотрел на груду топлива. Он почти не спал прошлой ночью и не уверен, что сможет долго не засыпать. А если костер погаснет, холод может быть так же опасен, как наблюдатель. Солнце уже ушло из долины ручья, и темные пятна теней все ближе подползали к оазису огня и тепла.

Движение! Дискан крепче ухватился за дубину. Он, несомненно, видел, как от одного камня к другому передвинулась какая-то тень. Животное? Если так, сможет ли он...

Впервые вспомнил он о том, как использовал варча. Может ли он так же обойтись с неизвестным животным? Но о повадках варчей он кое-что знал. А на Найборге у него случались неудачи, когда он пытался справиться с хищниками, незнакомыми человеку.

Но... Дискан не может создать мысленный образ промелькнувшей тени. Для мысли не хватает информации. Он видел стервятников в чешуйках, красных летунов и мертвое животное, которое дало ему пищу. Он по очереди сосредоточивался на мысленном образе каждого — и ничего не встречал. Эта тень — не соответствует ни одному из них.

За пределами ощущений Дискана что-то шевельнулось — усилилась сосредоточенность. Тень изменила положение, из-за волнения мышцы напряглись. Вступило в действие чувство, для которого у человека нет названия. Тень ждала, вначале почти восторженно, потом нетерпеливо, а потом с умирающей надеждой, сменившейся покорностью. Двинулась голова, раскрылись и закрылись челюсти. Итак, другой способ — гораздо более медленный способ контакта. Стройное тело скользнуло меж камней, волоча за собой что-то.

Дискан сидел неподвижно. Тень становилась все более материальной. Темное пятно отделилось от скалы, приблизилось к нему своеобразными подскоками — вверх-вниз. Даже в сгустившихся сумерках Дискан разглядел голову существа — голова была неправильной формы. Потом он увидел, что существо тащит за собой тело другого животного, это тело рывками дергается при неровностях почвы.

На самом краю освещенного костром пространства ноша была оставлена, а принесший ее тонким мохнатым столбиком замер неподалеку. На голове, размерами не больше поддерживающей ее шеи, красные пятна, яркие, словно драгоценные камни на ваанчардском воротнике. Существо довольно круп-

ное: стоя на задних лапах, оно достигает носа стоящего Дискана. И во всем облике этого существа чувствуется не только сила, но и уверенность.

Шерсть, густая и сверкающая, покрывает все тело, она темная, только искрится в свете костра. Передние лапы, теперь прижатые к чуть более светлой груди, вооружены крепкими длинными когтями.

Дискан не шевелился, не решался. Клыки, высовывающиеся из-под верхней губы, представляют собой угрозу, и он понимал это. Но в самом животном ничто не свидетельствовало о том, что оно собирается напасть. Может, это хозяин территории, настолько уверенный в своем превосходстве, что не рассматривает пришельца как врага? Многие существа отличаются большим любопытством. Охотники на Найборге привязывали к ветками яркие полоски ткани, что выманивать фесилов и убивать их: иначе эти быстроногие животные не подпускали к себе охотника на расстояние выстрела.

Его запах, костер, его след — все это могло привлечь внимание существа, которое сейчас смотрит на него с холодным оценивающим видом. И если он не будет делать угрожающих движений, оно может уйти, удовлетворив свое любопытство. Но животное с легким подергиванием уселось поудобнее, будто собиралось продолжить наблюдения. Дискан мало что знал о животных: только то, что усвоил, сам наблюдая за ними. Но по мере того как первоначальное удивление проходило, а пришелец не уходил, любопытство самого Дискана становилось все сильней.

Оно пришло на четырех ногах, и Дискан считал, что такова нормальная форма его передвижения. Но оно легко сидит в вертикальной позе. И как-то необычно держит передние лапы.

Костер нуждается во внимании, но можно ли ему пошевелиться? Любое его движение может встревожить гостя, стать причиной нападения испуганного животного. Или оно может убежать, а Дискан неожиданно обнаружил, что и этого он не хочет, — по крайней мере пока не узнает больше.

Надеясь, что он сможет двигаться аккуратно, Дискан протянул руку. Но старое проклятие заставило его неверно оценить расстояние и опрокинуть груду веток. Судорожно схватив дубину, он ждал.

Но гость не пошевелился. Узкая извилистая голова по-прежнему высоко поднята, красные глаза продолжают рассматривать человека. Он схватил несколько веток и бросил их в костер. Взметнулось пламя, закрыв от него посетителя. Когда он снова смог его увидеть, животное отошло на некоторое расстояние и село в прежней позе. Но тело, которое оно с собой притащило, осталось на месте.

Дискан посмотрел на него, потом на гостя.

— Ты забыл свой ужин... — Его слова прозвучали слишком резко, неровно, но, к своему изумлению, он получил ответ.

Как описать звук, который послышался из-за рядов острых зубов, — не шипение и не рычание. Мягкий звук; Дискан решил, что это может быть предупреждением. Он снова насторожился, ожидая каких-то агрессивных действий. И тут в голове у него возникла неожиданная мысль: животное ведет себя так, словно ждет от него определенного ответа!

Какого ответа? Произнесло ли оно формальное предостережение, которое понимают другие животные его вида, что-то вроде вызова «убирайся с моей территории, или будешь отвечать за последствия»? Теперь его невежество становилось опасно. Какой разум смотрит на него через эти глаза, оценивая увиденное? Люди давно установили, что разум и гуманоидная внешность далеко не всегда взаимосвязаны. Существуют гуманоидные животные и негуманоидные «люди». Что же сейчас перед ним?

Обучение Дискана ограничивалось тем, что он получил в правительственном приюте. Негодование на безличную власть, а также страх настраивали его против учения, и его списали как бесполезный материал. Он сопротивлялся тренировке мысли, как боролся со всей этой системой, в которую никак не вписывался. То, что он изучил, пришло позднее — из собственных наблюдений, из услышанных обрывочных сведений, — когда он понял, что вместе с плохим выбросил и хорошее. И теперь ему почти не на чем основывать свои выводы, и у него нет никакой уверенности в этих выводах.

Предположим, он столкнулся с разумом. Может этот разум быть настолько отличающимся, что общение вообще невозможно? Как определить, есть ли разум у существа, которое его вид скорее всего сочтет животным?

— Я не причиню тебе вреда... — Он произносил эти слова и

чувствовал, как глупо они звучат. Для существа, общающегося шипением и рычанием, они вообще ничего не значат. Существует жест, универсальный у его вида, — но будет он что-нибудь значить здесь? Дискан поднял руки ладонями вверх на уровень плеч — старый, старый жест «посмотри, у меня нет с собой оружия, я пришел с миром».

Ответа не было; красные глаза даже не мигнули. Дискан опустил руки. Так же глупо, как и его словесное обращение. Конечно, его жест ничего не значит. Но у него появилось сильное стремление настойчиво продолжать, вступить в контакт: чем больше он обдумывал поведение существа, тем больше ему казалось, что это не просто любопытство дикого животного, пусть даже охотника, который на своей территории ничего не боится, удерживает его здесь. Но может ли он подойти поближе?

Дискан переместил центр тяжести, собираясь встать. Но застыл, потому что гость повернул голову. Он больше не смотрел на человека. Напротив, долго смотрел через плечо на темную теперь долину. Затем встал на все четыре лапы и с почти змеиной гибкостью скользнул между двумя камнями, исчез в ночи.

И хотя Дискан ждал, пытаясь уловить любой звук, кроме треска огня, он ничего не слышал. Однако он был уверен, что животное встревожилось или было кем-то вызвано и что ушло оно с совершенно определенной целью. Когда ожидание ничего не дало, Дискан обошел костер и подошел к добыче, лежащей за ним. Он снова подобрал длинноухое коротконогое животное с разорванным горлом. Но это не замерзло. Должно быть, убито совсем недавно.

Что ж, потеря гостя — его находка. Еще пища — хотя хотелось бы изобрести другой способ ее приготовления. Несколько экспериментов с острым концом дубины показали, что она может функционировать и как нож. И вот с ее помощью Дискан сумел снять шкуру и освежевать добычу. Потом наколол тушу на ветку и поджарил гораздо лучше, чем утром. Повинуясь какому-то импульсу, часть туши оставил нетронутой и отнес на то место, где в последний раз видел гостя. Может, тому не нужно жареное мясо, но он все же попытается его угостить.

Дискан не спал как мог долго, подбрасывая дрова в костер. Тепло, отражаясь от скал, вызвало у него сонливость, и нако-

нец голова его упала на грудь. Но дубина лежала наготове под рукой.

Пушистая голова показалась из тени. Ее владельцу не нужно было принюхиваться, чтобы понять, что лежит перед ним. В гримасе отвращения оскалились клыки: обгоревшее мясо ему явно не по вкусу. Но вот голова приподнялась, взгляд устремился к костру и к спящему за ним человеку.

Итак, хоть какой-то контакт, мелькнуло в мохнатой голове. Он принял пищу, то есть ответил. Теперь нужно ждать. Стервятники ниже по течению... они не скоро пойдут этой тропой. Удовлетворение, горячее и полное, на мгновение смело все другие мысли. Наблюдать... наблюдать и постараться, чтобы этот пошел по верному пути. Возможно, только возможно...

Последовал строгий выговор самому себе за подобные размышления. Вспомни другие неудачи. Но этот не такой. Конечно, общая форма та же. Форма — какое значение имеет форма? Этот ответил по-другому.

Молчаливый спор, который само с собой вело мохнатое существо, неожиданно кончился. Пушистое тело свернулось кольцом, морда легла на сильные передние лапы. На какое-то время наблюдатель впал в состояние, более легкое, чем сон, но приносящее отдых телу и разуму. Сон Дискана был гораздо глубже; костер постепенно гас, дрова превращались в серый пепел.

Он очнулся от сна, чувствуя себя замерзшим и онемевшим. На месте костра черный мертвый круг, снова идет снег. Лицо мокрое от растаявшего снега, и трудно смотреть. Дискан потопал: онемевшие ноги его встревожили. Он повернулся в ту сторону, где лежало его подношение.

Мясо покрыл снег, но он видит конец торчащей кости. Он подошел и поднял мясо — замерзло, и ни следа, что к нему прикасались. Он не мог бы объяснить, почему испытывает разочарование. Дискан говорил себе, что ему следовало бы быть довольным. Гость, вероятно, не возвращался, а его запасы еды увеличились.

Снег шел все сильней. Теперь можно выйти на открытое место, спуститься по течению туда, где стены сближались друг с другом, нависая почти как крыша. Он собрал вязанку несгоревших веток, взвалил на спину, взял в руку дубину и пошел.

Вокруг белая поверхность без единого следа, хотя Дискан все время искал отпечатки лап животных. Он прав: здесь, в узком месте, слой снега не такой толстый. Но идти все равно трудно. На камнях видны следы высокого паводка, и повсюду торчат остатки плавника и вздыбленные камни, превращаясь в препятствия и западни. Дискан шел все медленней.

К тому же здесь темней. Он видел в просвет небо, но вчерашнего солнца не было и тяжелые тучи превращали день в сумерки. Один раз он остановился и подумал, не стоит ли вернуться на открытое место, где есть топливо для костра и можно переждать бурю, — конечно, если она не будет продолжаться несколько дней. Но стоило ему повернуть и сделать шаг назад, как Дискан обнаружил, что его охватывает все большее беспокойство и нежелание возвращаться, и поэтому повернулся и упрямо пошел дальше.

Снег пошел гуще, и это означало конец узкого ущелья; он вышел на открытое место, где вода образовывала не ручей, а небольшое озеро. Слева с утеса спускались ледяные канаты, обозначая водопад. Здесь росли те же безжизненные серые кусты, но виднелись и небольшие деревья, причем не лишенные листвы. Напротив, они были ослепительно-ярко одеты.

Не красный и не алый цвет, а нечто среднее между ними, которое Дискан не смог назвать; на ветру листья дребезжали, задевая друг за друга. Он уловил металлический оттенок: листья как будто из какого-то твердого материала. Еще множество их яркими полосками лежит под деревьями. Дискан видел, как такие же листья, оторванные ветром, падали, и тяжесть влекла их прямо на землю, ветер не мог их унести.

Красная роща на противоположном краю озера — она влекла к себе Дискана, как будто ее цвет обещал тепло. Он прополз по мосту из обледеневших камней, видя под собой замерзшую поверхность воды, под которой по-прежнему тек ручей, приведший его сюда. И когда подошел поближе к деревьям, увидел, что каждый лист одет в тонкую прозрачную ледяную оболочку; это и превращало листья в зимние драгоценности. А их острые края могли порезать — он отступил от этой опасности.

Открыв карман с углем, Дискан в беспокойстве осмотрел его. Кажется, он такой же, каким был, когда Дискан его впервые увидел: его возможность воспламенять не уменьшилась.

Но ведь так не может продолжаться вечно, а сумеет ли он найти еще один такой? Он видел в нем только горящий уголь и понятия не имеет, как его искать и как он выглядит в естественном состоянии.

Дискан опустил вязанку дров. Больше не стоит тащить ее с собой: здесь хватает топлива. И снова благоразумие руководило его приготовлениями. Вначале огонь, потом еда, потом...

Ему нужно поставить себе задачу, не блуждать бесцельно. Найти место для постоянного лагеря, потом охотиться и... Дискан покачал головой. Сначала огонь. Спокойней... по одному действию за раз.

Глава пятая

Красное и серебряное — словно огонь и серебро соединились в необыкновенном союзе, воздвигнув эти стены, ибо это город, и по нему движутся фигуры — всего лишь гибкие плывущие тени, которые невозможно ясно разглядеть. Однако движутся они целенаправленно, это Дискан смутно осознает, хотя цель ему непонятна и вообще нечеловеческая. Больше того, он чувствует, как стремление, побуждающее эти тени двигаться, касается и его, охватывает, вызывает тревогу, но причины ее он не знает — только чувствует, что его все глубже втягивает в сердце этого льда и огня, чтобы сделать свидетелем или участником какого-то важного обряда.

Иногда, когда он шел за этими тенями, на мгновение часть города становилась отчетливо видна, например, лестничный пролет, прочный и реальный посреди сновидения. Но хотя он стремился достичь таких мест — они казались островами безопасности в окружающей их необычной жидкой жизни, — его всегда уносило течение реки, которому он не мог сопротивляться.

Потом к зрению добавилось звуковое восприятие — звук, который он мог понять не больше, чем природу теней. И этот звук казался частью его самого, он звучал в костях, привязывая его к городу и его цели, пока Дискан не испытал прилив паники. Он еще сильнее принялся бороться, стараясь преодолеть это течение, вырваться из потока.

Виды, звуки, а теперь запах — запах, показавшийся отда-

ленно знакомым. В одном из проблесков ясной видимости — столб. Или это дерево — дерево с яркими красными листьями? Дискан сделал могучее усилие. Если бы он мог охватить руками ствол, мог бы освободиться от течения...

Коснулись ли его пальцы коры? Звук бил теперь в уши, как пульсация его собственного сердца, а город превратился в вихрь красного и серебряного, серебряного и красного, пока все цвета не слились в один.

Но все же пальцы его ощущают что-то... Тяжело дыша, Дискан пришел в себя.

Он стоял по колено в снегу, укутанными в ткань ладонями держась за ствол одного из деревьев, замерзшие листья которого звенели на ветру. Снежный ковер освещали бегущие по небу луны. Он видел четкие границы между теневыми и открытыми участками.

Его костер горит, как единственный красный глаз. Но от него поднимается белый дым — не желто-белый, как при обычном горении. Он виден на фоне снежного сугроба благодаря танцующим в нем крошечным красным точкам. Те, поднимаясь, сверкают на свету.

Дискан выбрался из сугроба и пошел назад к костру. У этого дыма запах липко-сладкий, и он протянулся языком ему навстречу. Кашляя, отгоняя красные точки рукой от лица, Дискан обошел костер. Видно, что костер подкармливали. Теперь все это почти сгорело, но ясно, что это листья деревьев из рощи.

Он подобрал ветку и измельчил сгоревшие листья, превратил их в пепел. Остатки листьев выпустили последнюю тучу красных мошек. Дискан набрал полные легкие морозного воздуха. Конечно, всем снятся сны, но то, что он только что видел, не похоже на его прежние сны. Несмотря на неразличимость деталей, все было так реально. Неужели виноват дым от листьев?

Он осторожно осмотрел груду топлива и отложил все, что могло происходить от соседних деревьев. И только потом подбросил в костер дров: он был уверен, что такой сон опасен. Проснувшись, он был довольно далеко от костра. А что, если бы он ушел еще дальше и замерз, так и не проснувшись?

Однако, присев к костру, Дискан не мог забыть об увиденном во сне. Картины, в отличие от обычных сновидений, не рассеивались; чем больше он о них думал, тем ярче они ста-

новились. Эти мгновенные отчетливые видения мест города: резной блок, установленный в стене... изображение на этом блоке — он видел его только во сне... дверь, за которой — он это знает — лестница... хотя он ее не видел...

Дискан покачал головой. Кроме этих обрывков — ничего. Но они почему-то очень важны. Он никогда их не забудет, как бы ни старался.

С восходом солнца начался ясный день, снег прекратился. Дискан съел остатки мяса. Благоразумно сберечь немного на будущее, но он, когда начал жевать жесткое мясо, так и не смог остановиться.

К тому времени как солнце взошло высоко, он понял, что долина у водопадов и озеро — это тюрьма. Взобраться по ледяным склонам утесов у водопада — подвиг, на который он не решится. За рощей еще один крутой подъем, так что единственным входом и выходом в эту чашу является ручей — путь, по которому он пришел накануне вечером. Но всякий раз как он поворачивался к этому выходу, что-то останавливало его, словно он натыкался на преграду. Что это, он не знал; знал только, что этот выход для него закрыт.

Остается исследовать стены долины. К полудню он выбрал место, которое показалось ему самым подходящим для подъема, — сразу за рощей. Здесь как будто не так круто, как в других местах. В полной мере вернулся страх перед собственной неуклюжестью, и к тому времени, как он поднялся на карниз на высоту примерно в три его роста от поверхности озера, он вспотел, несмотря на холод. Вспомнив элементарную предосторожность — не смотреть вниз, он двинулся по карнизу, прижимаясь к стене утеса, обдумывая каждый шаг, прежде чем сделать его.

Вскоре узкий карниз расширился, превратился в горную тропу, похожую на примитивную лестницу. Добравшись до этого места, Дискан осмотрел путь впереди. Неровная поверхность тропы поднималась не вертикально, а по диагонали. И только немного отойдя от стены и посмотрев наверх, он увидел нависающий снег. Если случится лавина...

Дискан прикусил кончик языка и попытался дышать ровнее. Воображение с готовностью нарисовало картину возможной катастрофы. Но, преодолевая сопротивление собственного тела, он стал подниматься дальше.

Он никогда не сомневался в своей силе — только в способности ею воспользоваться, но этот подъем оказался таким трудным, что потребовалось все его упрямство. И дело не только в трудности: он находил опоры для рук и ног; нет, он боялся, что не сумеет правильно воспользоваться этими опорами и допустит какую-нибудь нелепую ошибку.

Обычно поле его зрения ограничивалось несколькими футами, но он постоянно чувствовал нависший снег, который может мгновенно смахнуть его с тропы, одолеваемой с таким трудом. Материал кокона, которым он обвязал руки, поглощал пот, но лицо его стало мокрым, светлые волосы прилипли к голове. И ему время от времени приходилось протирать глаза, чтобы избавиться от едкой соленой влаги.

Изучение дальнейшего пути показало, что он должен двигаться вдоль узкой, почти горизонтальной трещины справа от себя. Именно здесь угроза нависающего снега стала наибольшей. Руки дрожали от усилий; Дискану казалось, что тело все труднее ему повинуется. Но отступление невозможно.

Он выдохнул и передвинулся вправо, поближе к трещине. Теперь под ногами у него узкая, в четыре дюйма, полоска, которую трудно назвать карнизом. А выше, на уровне плеч, опора для рук или по крайней мере для пальцев. Прижимаясь к твердому камню, так что он царапает лицо, Дискан мог продвигаться вперед по несколько дюймов за раз.

На дюйм вперед, подтянуться, на дюйм вперед, подтянуться — кошмарное путешествие продолжалось. Он весь дрожал от напряжения, от усилий, которые требовались для преодоления этих дюймов, когда почувствовал под ногами более широкую поверхность. Узкий карниз расширялся! Облегченно передохнув, Дискан двинулся быстрее и тут же взял себя в руки: не время терять осторожность.

И как только он обогнул выступ в скале, вспыхнувшая было надежда мгновенно его покинула. Карниз расширялся — он превратился в широкий выступ — и затем кончился! И никакой надежды на продолжение пути выше по откосу. Дискан остановился, губы его дрожали, он был вынужден признать свое поражение.

И что еще хуже, он совсем не уверен, что сумеет вернуться. Он не мог сдержать дрожь в руках — дрожь, распространившуюся на все тело, пока он пытался справиться с этим след-

ствием усталости и напряжения. Он поджал ноги и свернулся в клубок страха и отчаяния.

Сверху падал мелкий снег, покрывая порошком его тело. Этот навес — может ли ветер его сбросить? Дискан вырвался из тумана несчастья и жалости к самому себе. Если он не может двигаться вперед, ему придется возвращаться, и лучше попытаться это сделать немедленно, пока бездействие и мороз не приведут его нервы и тело в такое состояние, что он вообще не сможет двигаться.

Он встал, повернулся налево и прощупывал свой первый шаг назад, когда увидел темное пятно, как и он, прижавшееся к стене утеса. Мех шевелился на ветру, но когтистые лапы цеплялись плотно, а глаза — не красноватые, как в свете костра, но по-прежнему очень яркие — устремлены на него. Существо из дикой местности шло за ним.

Дискан не мог поднять дубину, и на его глазах пятно шевельнулось и приблизилось. Существо остановилось, глядя на него. И этот взгляд лишил Дискана даже слабой уверенности в себе, которая у него сохранялась. Он вернулся на широкий участок карниза и закричал — отчасти вызывающе, но скорее уступая непреклонной судьбе. Затем упал почти в центре этой площадки и отчаянно вцепился, чтобы не свалиться с карниза. И тут животное приземлилось рядом с ним, почти на нем, и он услышал рев сползающего снега. Дискан всегда удивлялся тому, что этот поток снега не унес его с собой, но центр потока оказался левее, как раз над тем участком, которые он преодолевал дюйм за дюймом. Снег засыпал его, но он все еще был на карнизе, когда лавина миновала и с грохотом обрушилась на дно долины.

Он почувствовал дыхание на щеке и уловил запах, такой же, как от пятен на скале, где он нашел тело первого убитого животного. Дискан лежал на спине и смотрел в глаза всего в нескольких дюймах от его собственных. Тяжело дыша, он лежал неподвижно. Зубастая пасть слишком близко к его горлу, а он помнил раны на добыче.

Затем мохнатая голова отдалились — существо, похоже, отодвинулось от него. Но Дискан не шевелился, пока оно не отошло на другой конец небольшой площадки. Тогда он очень осторожно сел, прижимаясь спиной к стене и свесив ноги над пропастью.

Животное не двигалось. Оно сидело на задних лапах — прямо, как перед костром. Его внимание делилось между человеком и ситуацией, в которой они оказались. Дискан вздрогнул. Лавина унесла грозящий снежный навес, но он знал, что не сможет повернуться спиной к животному, чтобы начать опасный спуск.

Спутник по несчастью ничего не предпринимал, и Дискан слегка расслабился. Он внимательно разглядывал животное. При свете костра и при первой встрече здесь оно казалось темным. Но теперь ветер разрыхлил длинный мех на спине и плечах, и появились светлые полоски, как будто мех у кожи гораздо светлей. Он серого цвета с голубоватым оттенком, того же цвета, что камень сзади, и чуть светлее на животе и на внутренней стороне ног. Красивое животное, хотя его манера движения говорит о силе и даже, может быть, о злобе.

— Куда же мы двинемся отсюда? — спросил наконец Дискан; голос его резко прозвучал в тишине.

Узкая голова повернулась. Потом вернулась в прежнее положение с почти сознательной целеустремленностью: животное продолжало разглядывать стену утеса, который стал для них ловушкой.

Еще раз посмотрело оно на Дискана и снова на стену. Человек нахмурился. Видеть смысл в этих движениях — чистая игра воображения, но похоже, животное пытается привлечь его внимание к чему-то в том направлении.

— Там нет дороги, — сказал Дискан. — Я уже смотрел...

Снова голова повернулась, животное смотрело ему в глаза, притягивало его взгляд. С негромким криком Дискан разорвал этот контакт. Он не знал, что произошло, знал только, что испугался и не хочет повторения этого странного ощущения.

Впервые животное издало звук — шипение, в котором, по мнению Дискана, слышался гнев. Потом, все с той же целеустремленностью, подошло к краю карниза, повернулось, опустило с края задние лапы и на несколько секунд повисло в такой позе. Как будто искало опоры для когтей, зная, что она там есть. И исчезло из виду.

— Что?.. — Дискан подполз к месту, где оно исчезло, и, борясь с головокружением, посмотрел вниз.

Животное уверенно и быстро спускалось по стене. Добравшись до какого-то места прямо под карнизом, оно снова на-

чало подниматься. И при этом шипело, глядя на Дискана. Он больше не мог отрицать: оно пытается показать ему дорогу.

— У меня нет когтей, — сказал Дискан. — Ты лучше подготовлен для такого. — Но теперь, когда животное ему не мешает, он может попытаться вернуться прежним путем.

Животное продолжало подниматься. Оно быстро оказалось на другом карнизе и село там, глядя на человека. Оно, казалось, в чем-то превосходило его, и Дискан был уязвлен.

— Хорошо, попробую! — Он не знал, почему предпринимает эту безумную попытку, но повернуться спиной, поджать хвост на глазах у этого наблюдателя — этого он не может сделать! Где прошла мохнатая тварь, пройдет и он.

По большей части ему приходилось тяжело. Как он и сказал, у него не было когтей, а пальцы рук и ног в сапогах гораздо менее эффективны, чем природное снаряжение его спутника. Один раз его рука соскользнула, и он подумал, что все кончено, но ухватился за другую опору. После бесконечного тяжелейшего подъема он оказался на втором карнизе — и нашел его пустым. И только на снегу, покрывавшем все расширяющийся выступ, видна была цепочка когтистых следов, ведущих направо. Дискан тупо пошел по этому следу. Он мог бы пропустить, пройдя мимо, выход из долины — еще одну расселину в скале, если бы она не была обозначена для него. Запах на этот раз был сильней, чем в первый раз, потому что блестящие пятна на камне еще влажные.

Дискан втиснулся в расселину. Она совсем узкая, и его кокон рвался, задевая за каменные выступы; в результате появилось несколько болезненных царапин. Но вот последний рывок вывел его наружу, вероятно, на верх ограждающей долину стены.

Здесь ветер смел снег с открытого места, и следы животного видны были только в углублениях. Высокогорье неровное, все из острых выступов и углублений. Отсюда Дискану видна широкая болотистая низина, с отчетливо заметным на сером и белом общем фоне местности голубыми бассейнами грязи.

Еда — впервые с начала подъема Дискан вспомнил о своем желудке. В покинутой им долине должна быть добыча, на которую можно поохотиться. Здесь, наверху, вообще ничего нет. Разумно было бы спуститься вниз, к болотам. И он начал высматривать путь с высот.

Его внимание привлекла вспышка слева, несколько в стороне от его цели. Это что-то неестественное для скальной местности. Он не мог бы сказать, почему в этом уверен. Не огонь — откуда здесь взяться огню? Разве что он не один на планете. Несмотря на голод, Дискан отвернулся от склона, который вел к болоту, и принялся отыскивать источник вспышки.

Какая-то последовательность! Вспышки не беспорядочные, они следуют какому-то правилу! А правило означает, что это сигнал!

Он скользя выбрался на небольшую открытую площадку и остановился, глядя на то, что привлекло его внимание. Когда-то — очень давно, решил он, заметив выветренные края камня, — кто-то или что-то превратило природный каменный выступ в прямоугольную колонну. И немного ниже ее верхушки овал из белого непрозрачного материала через определенные промежутки издает вспышки яркого света.

Дискан сосчитал до пяти — вспышка, потом до трех — вспышка, до десяти, до восьми, — и весь цикл повторился. Кому предназначен этот сигнал, невозможно сказать. Для улетевшего воздушного корабля? Далекому поселению? Но этот сигнал очень древний, и создан он разумом.

Итак, возможно, он здесь не один и не только его мохнатый спутник целенаправленно перебирался через хребет.

Дискан обошел колонну. С другой стороны знакомый когтистый отпечаток — подпись и дорожный указатель. А ниже, такие же обветренные, как колонна, следы дороги, вырубленной в скалах и идущей вдоль хребта.

Глупо отворачиваться от болота с его обещанием пищи, глупо. Как и все, что он проделал до сих пор, говорил себе Дискан. Но он уже наступил на след и знал, что пойдет по древней дороге.

Глава шестая

В сгущающихся сумерках Дискан временами вообще не был уверен, что все еще идет по дороге. Но потом замечал прорубленный в скалах проход, облегчающий продвижение, или ровную площадку под ногами. И дорога опускалась, но

не вдоль той стороны хребта, что обращена к болоту, а с противоположной, где находилось высокогорье. Он видел другие долины, подобные той, с озером, их ровные днища были покрыты густым слоем снега; кое-где росли деревья с красными листьями.

Древняя дорога свернула в самую широкую из таких долин. И конец ее был обозначен двумя столбами, такими же, как тот, сигнальный. На верхушках столбов утолщения, назначение которых понять невозможно: слишком сильно подействовало на них время. А дальше — только ничем не примечательные бесконечные снежные поля. Направо и налево, вдоль основания хребта, заросли растительности — обещание убежища.

Здесь Дискан увидел следы, и не только от когтистых лап, но и другие, маленькие и круглые, похожие на копыта. Но не пошел по следам, потому что из воздуха послышался голос.

Слова непонятны, но это слова, и они должны привлечь его внимание, в этом Дискан не сомневался. Почти инстинктивно он укрылся за кустом, вжался в землю и всматривался в темноту. Он был уверен, что голос доносится спереди, откуда-то из долины, и эхом отражается от скальных стен.

Последовала тишина, полная напряжения. Дискан лежал, наблюдал и ждал. Почти не сознавая этого, он начал считать про себя, как тогда, когда наблюдал за вспышками вверху. Досчитал до тридцати, и снова в воздухе зазвучали слова. После третьего повтора он был уверен, что слова те же самые, что повторяются они механически, да и тон тоже ровный, механический: это предупреждение, приветствие или призыв произносит не живое существо, а машина.

Очень важно, что именно из этих трех вариантов. Если предупреждение, опасно не обращать на него внимание. Если призыв — ответить на него значит идти навстречу опасности. А вот приветствие — нечто совсем иное. И эта передача такая же древняя, как маяк наверху? Слова произносятся резко и властно. Дискан не мог связать их с представлением о древности, с сигнальным столбом и дорогой.

Здесь есть кустарники. Укрываясь за ними, он может идти вдоль стены долины. Если его увидели и голос адресован ему, рано или поздно тот, кто говорил, придет искать его. Дискан пошел, сжимая в руке дубину и не отводя взгляд от открытого пространства.

Он перебегал от одного укрытия к другому, а передача продолжалась с теми же интервалами и без всяких перемен. Но это не успокаивало Дискана, не ослабляло его настороженности. Слова могли произноситься механически, но это совсем не означает, что за ним не наблюдают.

Снова пошел снег, и он обрадовался и ему, и темноте. И то, и другое создает завесу, за которой он может двигаться быстрей. Стена долины изгибается, и ему показалось, что голос звучит ближе.

Он обогнул выступ и снова увидел открытое пространство. Но здесь кустов не было, только несколько тощих стебельков поблизости. И взгляд на них... Дискан протянул дубину и пригнул ближайший стебель. Тот от легкого нажима сломался, и Дискан внимательно осмотрел его.

Обгорел! Похож на обгоревшую растительность, какую он видел у места катастрофы корабля. Он потер горелый стебель пальцами, внимательно разглядывая открытое пространство. Ровное, необычно ровное, он таких на этой планете еще не видел. Хорошее место для посадки корабля. Может, так и есть? Сюда садился корабль, а потом взлетел? Снег прикрыл все следы посадки и старта, но возможно, его догадка верна.

Снова в неподвижном воздухе прозвучало непонятное сообщение, хотя сейчас оно казалось приглушенным, как будто падающий снег глушил передачу. Дискан встал, решившись рискнуть.

Он пошел вперед, через самый узкий конец открытого пространства, направляясь к растительности на дальней стороне. И тут в тусклом свете увидел полусферу, знакомую по его прошлому. Такие временные убежища он видел в 3D-фильмах. Убежище без окон и дверей, но где-то на его поверхности есть вход, открывающийся нажатием руки — под действием тепла тела. Такое убежище разбивают для выживших в крушении космического корабля. Возможно, не один корабль падал в болота этой неведомой планеты.

Теперь Дискан понимал цель передачи, хотя не понимал ее слов. Это сигнал, привлекающий выживших к убежищу. И поскольку сообщение продолжает звучать, убежищем еще никто не пользовался.

Онемевшими пальцами и зубами Дискан сорвал повязки с пальцев, приложил ладонь на уровне пояса к поверхности по-

лусферы и начал обходить ее. В отличие от обычных домов, здесь замок должен быть настроен на общее тепло тела, а не на индивидуальный отпечаток ладони человека или людей. Когда он найдет замок, тот должен открыться. И тогда в его распоряжении будет еда, убежище, может быть, оружие — все, что угодно.

Сколько времени стоит здесь это убежище, как долго звучит передача? И почему оно было оставлено? Может, здесь приземлился корабль, послал сигнал SOS, потом сели спасатели, может быть, патрульный крейсер; спасатели не нашли выживших, но видели доказательства их существования, поэтому оставили убежище и улетели, рассчитывая позже вернуться? Правдоподобное объяснение — но только сообщение не на основном, как должно быть, если убежище оставлено спасателями Службы.

Дискан почти не получил образования, но каждого ребенка, как только он начинает говорить, гипнотически учат и основному, и родному языку планеты. Сейчас нет космических цивилизаций, человеческих и нечеловеческих, которые не использовали бы основной в качестве общего языка, хотя некоторым чужакам приходилось для перевода на него использовать механические средства. Итак, почему же маяк убежища говорит не на основном?

Рука неожиданно нащупала углубление, незаметное для глаза. Оно не очень большое, это углубление, и Дискан как можно крепче прижал к этому месту свою обнаженную ладонь. Он нашел замок — теперь нужно его открыть.

По стене медленно разливалось свечение. Затем неожиданно, как щелчок пальцами, перед ним открылась узкая щель, и Дискан протиснулся в нее — в свет, тепло, запахи. Стена за ним закрылась; он стоял, осматриваясь.

Еда — прежде всего еда. Он сделал шаг, другой от вновь закрывшейся двери, и тут ноги под ним подогнулись, он покачнулся и упал. Свет ослеплял; от него болели глаза. Дискан, приподнявшись на руках, смотрел на груду контейнеров, торопливо сваленных друг на друга.

Он подполз к ближайшему и снял крышку. Снял еще с нескольких. Потом узнал один, вытащил из груды и нажал небольшую кнопку на боку.

Несколько минут спустя он глотал животворную жид-

кость, по вкусу напоминающую густой суп с приправами. Дискан знал, что такой контейнер содержит высококалорийную пищу, которая должна поддержать силы выживших в катастрофе. Поглотив содержимое контейнера, он продолжал рыться в груде. Но по мере того как он разглядывал все больше коробок, ящиков и тюбиков, его недоумение усиливалось. Росла и тревога.

Некоторые из припасов ему знакомы, но большинство нет. И не только это приводило в замешательство: незнакомые предметы тоже чрезвычайно различались. Он видел самые различные идентификационные символы и был теперь уверен, что разбирает припасы, предназначенные для десятков рас или даже видов. Значит ли это, что убежище должно было обслуживать смешанную группу выживших: людей, чужаков и все промежуточные виды между ними? Но только в каком-то безумном рейсе на корабле может оказаться столько различных пассажиров.

И потеря такого корабля — новость, которая, конечно, дошла бы до Ваанчарда. Или... Дискан мрачно и сосредоточенно смотрел на груду разнообразных контейнеров... или крушение произошло, когда экипаж находился в анабиозе в глубоком космосе?

Но такой лайнер обычно несет тысячу и больше пассажиров. Это убежище не может содержать припасы для такого количества. Может, здесь села спасательная шлюпка со смешанным экипажем? Возможно. Только... почему же передача не на основном? Что-то не совпадает.

И ни на одном знакомом контейнере нет символа Патруля — а он обязательно должен был бы быть, если бы это было убежище Службы. То, что вещи не сложены, а просто набросаны грудой... Дискан снова начал их разбирать. Несомненно, на табличках не один язык. Он нажал кнопку нагревания на втором тюбике и медленно съел его содержимое, разглядывая груду. Закончив, вернулся к неизвестному рациону в цилиндре.

А потом начал методично разглядывать остальные контейнеры в убежище — и обнаружил, что все они, кроме трех, закрыты на персональные кодовые замки. Это не может быть убежищем Службы, иначе все содержимое было бы доступно любому добравшемуся до убежища. Да, это, конечно, убежи-

ще, но предназначено оно не для любого потерпевшего, а для конкретных выживших.

Он обнаружил, что некоторые вещи он может использовать. Нашел пальто-парку из шкуры орканза с подбивкой из изолирующего мха; парка тесновата в плечах, но он может ее надеть. Сапоги из той же шкуры орканза, смазанные специальной мазью, которая делает их водонепроницаемым, ему малы, и он с сожалением отставил их в сторону. Под ними лежала рубашка. Дискан расправил ее на коленях, и его тревога усилилась.

Нарядная рубашка из шелка узакианского паука — или из другого материала, похожего на эту легендарную ткань. На высоком воротнике и на груди кружевные узоры из сотен крошечных драгоценных камней, нашитых на шелк. Только очень важная персона может позволить себе носить такую одежду. Но на груди пятно, чуть скользкое на ощупь, словно кто-то беззаботно испачкал рубашку едой.

Дискан сложил рубашку и отложил к сапогам. Он нашел два спальных мешка. Оба небольшие, но если их соединить, у него будет постель, какой не было уже много дней. Но — ни оружия, ни инструментов. Разве что они в закрытых ящиках. У него есть еда, новая одежда и большая загадка.

Он попытался открыть закрытые ящики, используя острый конец своего импровизированного копья, но остановился, услышав треск дерева. Как ни примитивно это оружие, оно еще послужит ему: ведь убежище ничего иного не дает. Дискан расправил спальные мешки и принялся нагромождать контейнеры у входа: теперь всякий входящий уронит их и тем самым объявит о своем приходе. Потом с довольным вздохом растянулся на постели.

И несмотря на яркий свет на стенах, уснул — но не видел город во сне. За пределами теплой сердцевины продолжал идти снег, заметая его собственные следы, ведущие к убежищу.

Но в ночи ожили другие; началось общение, но не в словах. Силы сталкивались, двигались, расходились. Нетерпение и гнев окрашивали обсуждение. А потом наблюдатели окружили убежище и его содержимое — такое важное для их целей.

Дискан пошевелился, перевернулся и посмотрел на неустойчивую пирамиду из ящиков, которую сделал как сигнал

тревоги. Свет оставался прежним, но что-то изменилось. Он сел и внимательней осмотрел внутренности полусферы. Насколько он помнит, все то же самое. Никто не входил, иначе обрушилась бы груда ящиков.

Тихо, вот в чем дело, слишком тихо! Передача, которая привела его сюда, прекратилась. Он больше не слышит ее звуки, которые стены убежища превращали в негромкий гул. Возможно, его приход в убежище и прекратил ее.

Он не знал, почему это заставило его насторожиться. Но теперь, пытаясь вспомнить, что происходило с ним до того, как он уснул, Дискан почувствовал уверенность: передача продолжала звучать и тогда. Так что его приход автоматически не прервал ее.

Он никогда не считал, что обладает очень ярким воображением, но сейчас ему казалось, что само отсутствие передачи — это какой-то сигнал. Предположим, только предположим, что где-то на этой планете есть лагерь или поселение, которые поддерживают автоматическую связь с этим убежищем, — так что, когда кто-то сюда приходит, в лагере сразу становится известно. И тогда убежище может стать ловушкой!

Дискан подошел к груде припасов, потом взял свой плащ из порванного материала кокона, связал в виде мешка и стал укладывать туда пищу. Мысль о западне так овладела им, что он считал ее уже доказанной. Неважно, кто установил эту ловушку и почему. Нужно побыстрее убираться отсюда.

Натянув парку, взяв в руки мешок и дубину, он приложил ладонь к замку. Щель открылась, и он вышел наружу — в день и в снег по колено.

Как бы то ни было, но он оставит след, ведущий к убежищу, если только его не покроет еще одна снежная буря. Перед ним роща, но деревья не с красной листвой, а другие, с голыми очень густыми ветвями. Углубиться в эту рощу — значит потерять всякое представление о направлении. Нужно держаться открытой местности и вернуться на высокогорье, с которого он пришел. Там, среди скал, достаточно хороших укрытий.

Приняв решение, Дискан пошел по рыхлому снегу. Идти по сугробам оказалось гораздо труднее, чем ему показалось сначала. Снег влажный и тяжелый, липнет к ногам, забивается в сапоги, налипает на края парки. Дважды Дискан проваливался в снег и падал. Но продолжал идти, миновал место,

где, как ему показалось, приземлялся инопланетный корабль или корабли, и пошел в направлении скальной стены и выветренных каменных столбов, обозначающих начало древней дороги.

Он прошел уже примерно две трети расстояния до цели, когда ожил голос маяка. Дискан вздрогнул, потерял равновесие и упал в сугроб в третий раз. Выбираясь, он прислушивался. Те же самые слова, что он слышал вчера, или они изменились? Дискан обнаружил, что не может рассчитывать на память. Возможно, слова другие: сначала сообщалось о его приходе, теперь — об уходе.

Но идти быстрее невозможно: передвижение в глубоком снегу поневоле медленное. Дважды, останавливаясь перевести дыхание, он с тревогой изучал дорогу впереди. Много похожих на столбы формаций, увенчанных снежными шапками. Он понял, что заблудился.

Что ж, на самом деле ему и столбы не нужны. В любом пригодном для подъема месте он может вернуться наверх и оттуда весь день наблюдать за убежищем. И если никаких посетителей не будет, к ночи возвратиться туда. Сверху будет виден его след, и он сможет проверить, преследует ли его кто-нибудь.

Для любого офицера Патруля он будущий пленник, но он уверен, что убежище не принадлежит Патрулю. Возможно, другие могут принять его за выжившего из спасательной шлюпки. Дискан улыбнулся. У него целый день на то, чтобы придумать правдоподобную историю и запомнить все подробности так, чтобы рассказывать убедительно. Он начал подниматься.

Трижды он перемещался, пока не нашел хороший наблюдательный пункт. Хотя бинокля у него нет, долина внизу раскрыта перед ним, как белая карта, и прорезает ее только его собственный след. Конечно, убежище отсюда не видно, но в морозном воздухе по-прежнему слышна передача.

Нудное занятие — смотреть на снег и свой след на нем. Дискан пожалел, что у него нет бинокля: тогда он смог бы разглядеть, что лежит за частой рощей, куда он побоялся заходить. Время от времени он посматривал на небо; однажды застыл, увидев что-то летящее, но тут же успокоился: это не машина, а красные птицы.

Проходили часы — Дискан не мог измерять время, — и он

начинал думать, что его утренние страхи беспочвенны. Голос продолжал звучать; ни следа кого-нибудь идущего по его следу. Возможно, на всей планете он единственный пришелец. Наверху холодно; вероятно, он бесцельно потратил весь день. Но возвращаться к убежищу он не хотел — во всяком случае, не прямо сейчас. Можно будет вернуться вечером. Он пойдет по своему следу...

Трудно сидеть и ждать. Он разглядывал ту часть долины, которую видел отчетливо. Вероятно, разумно пройти по высоте и вернуться к убежищу с другого направления. Дискан плотнее уложил припасы — мешок получился поменьше, — взвалил на плечо и пошел, старясь держаться в укрытиях, как разведчик, передвигающийся по вражеской территории. Хотя он не мог ни назвать врага, ни объяснить, почему убежден, что должен скрывать свое присутствие.

Но за ним наблюдали, и эти наблюдатели возрадовались. Подопечный снова идет — и идет в нужном направлении.

Глава седьмая

Дискан уже какое-то время был в пути, когда заметил под снегом и редкой растительностью указания на то, что снова идет по дороге, — не по тропе, какую оставляют животные, но по дороге из каменных плит. Плиты больше не расположены ровно, на одной линии, но все еще сохранились. И даже в таком состоянии по ним идти легче; можно быстрей передвигаться, хотя дорога уводит в сторону.

Передача теперь слышалась как далекий гул, в котором больше не различаются отдельные слова. И аккомпанировал ей ветер, со свистом пролетая между скалами.

Но остановивший его крик не был ни голосом, ни шумом ветра. Дорога привела к проходу между двумя скалами, и в дальнем конце прохода перед ним...

Дискан пригнулся, держа оружие обеими руками острым концом вперед. Тварь большая, гораздо крупней существа, которое сопровождало его раньше. Стоит прямо на двух массивных задних ногах, таких толстых, что они, поросшие мехом, кажутся прямыми. Брюхо голое, тусклого, нездорового желтого цвета, с небольшими пятнами, словно покрыто чешуей. На

взгляд Дискана, эта тварь, как и стервятники, отвратительная помесь млекопитающего и рептилии.

На голове хохолок из сморщенной кожи, а сама голова вперед сужается, переходя в рыло, из-под желтых губ торчат клыки. Но хуже всего то, что, когда тварь передвигается на задних лапах, движения ее гротескно человеческие; передние лапы она держит перед собой, словно готовится к кулачному бою.

Тут бронированная пасть раскрылась, и Дискан услышал не крик, как раньше, а отчетливое змеиное шипение; дыхание облачком вырывалось из пасти. Тварь с него ростом, может, на дюйм-два выше. И Дискан не сомневался, что, если окажется в досягаемости этих когтей, у него будет очень слабая надежда выжить.

Стоя лицом к твари, он отступал шаг за шагом. К счастью, существо как будто не торопится и не сокращает расстояние между ними. Идет за ним шаг за шагом и, если не считать шипения, никак не проявляет враждебности. Но он знает, что ему следует опасаться.

Назад — теперь он у начала прохода, в месте, где больше пространства, можно уклониться от нападения. Он знал, что нельзя поворачиваться спиной и убегать — такой шаг только вызовет нападение. Он не мог сказать, насколько быстро может передвигаться эта тварь, но она сражается на своей территории и все преимущества на ее стороне.

Справа от Дискана углубление в скалах, узкая щель, которая может послужить убежищем. Он начал пятиться к ней. Тварь опустила голову. Шипение звучало выше и стало почти непрерывным. Дискан был уверен, что тварь готовится к нападению.

И вот он уже в углублении, и его копье нацелено в брюхо твари. Поверхность неровная: время от времени приходится смотреть под ноги. И каждый раз, делая это, он давал противнику секунду преимущества.

Чудовище снова закричало. Словно из воздуха, между ним и Дисканом появилось темное тело. Спина изогнута, хвост гневно колотится, клыки оскалены; прежний спутник Дискана или его близнец непрерывно и грозно рычит.

Шипение приближающейся твари стало ужасно. И вот она двинулась с невероятной быстротой: Дискан поверить не мог, что неуклюжее тело способно двигаться так стремительно.

Когти вцепились — но не в мохнатое животное, как намеревался нападающий, а в воздух: мохнатый со скоростью молнии увернулся и под лапами нападающей твари вцепился в ее желтое брюхо; появилась кровоточащий разрез. Огромные лапы топали, пинались, но у маленького противника появилась еще одна возможность, и он снова ранил чудовище.

Но на этот раз увернуться не удалось. Когти вцепились в мех, подняли животное и поднесли к ждущей пасти; захваченный противник напрасно извивался и отбивался. И тут вмешался Дискан. Ему и в голову не пришло оставить сцепившихся в схватке животных и убежать. Напротив, он устремился вперед, держа наготове свое примитивное оружие.

Он не мог подойти очень близко, но постарался попасть в широкий глаз головы, теперь нагнувшейся к яростно сопротивляющейся жертве. Попал не совсем точно, но острием все же задел глазное яблоко. Тварь ужасно закричала и подняла голову.

Дискан снова ударил, целясь в место под головой. У него была смутная надежда, что тут уязвимое место в броне твари. Копье встретило сопротивление, он даже не пробил обманчиво голую шкуру, но шипение резко прервалось.

Тварь пыталась отбросить своего пленника, одну лапу она поднесла к горлу, но мохнатое животное клыками и когтями вцепилось в другую. И так как тварь пыталась по-прежнему дотянуться до горла, когти ее противника с ужасающей эффективностью резали плоть на груди.

Шипение прекратилось, но тварь продолжала яростно мотать головой. Наконец ей удалось оторвать от себя противника и отбросить в сторону. Пушистое тело попало в Дискана и увлекло за собой на землю.

Когти рвали его парку, но не тронули кожу: животное с рычанием пыталось высвободиться, разорвать их невольное соединение. В лицо Дискану брызнула кровь из раны на плече мохнатого. Животное наконец освободилось и снова повернулось к врагу; тварь стояла в той же позе, в какой начала нападение. Но хвост ее метался не так быстро; на камнях под ним видны были красные пятна.

Двуногая тварь поднесла обе лапы к горлу, острая морда устремилась к небу. Тварь начала двигаться, но не нападая, а словно стараясь прекратить мучения. Протянув руку, Дискан

подтащил к себе мохнатое животное, убрал с дороги слепо мечущейся твари.

Тварь пролетела мимо них и изо всей силы ударилась о скалу. Долго стояла так, тело ее конвульсивно дергалось, а потом упала, забила лапами в воздухе. Дискан отпустил мохнатое животное. Оно больше не сопротивлялось, а прижималось к нему, наблюдая за умирающим врагом.

Но что его убило? Дискан вытер руки о парку. Ни одна рана, нанесенная мохнатым, не выглядит смертельной. Его первый удар не пробил глаз. А удар в горло даже не разорвал шкуру.

Теперь передние лапы застыли, прижатые к груди; грудь больше не вздымалась. Дискан решил, что тварь мертва или почти мертва.

Пушистый встал, слегка вскрикнув от боли, когда передние лапы коснулись земли. Но, несмотря на раны, подошел к мертвой твари, принюхался к морде, потом к горлу — как будто думал, как окончательно избавиться от опасности.

Прежде чем тоже подойти к телу, Дискан повернул свое оружие. Пришлось подавлять отвращение, чтобы коснуться мерзкого туловища. В том месте горла, куда попало копье, он нащупал пальцами мягкое место. Неужели ему случайно удалось повредить дыхательное горло твари, лишив ее возможности дышать? Но главное то, что она мертва.

От туши шел такой отвратительный запах, что Дискан отошел и принялся оттирать снегом руку, чтобы стереть память о прикосновении к этой шкуре. Потом посмотрел на мохнатого.

Тот алым языком вылизывал рану на плече. Еще одна кровоточащая рана видна на боку. Дискан набрал в обе ладони снег и принес раненому животному. Оно перестало вылизывать рану, его лишенные зрачков глаза разглядывали человека. Потом язык коснулся снега; животное лизало, пока шершавым языком не задело ладони. Дискан принес еще, потом мохнатый стал снова зализывать раны.

Дискан колебался. Приближается ночь. Ему хотелось вернуться к безопасности убежища. Но он не может уйти и оставить раненое животное. В морозную ночь оно погибнет. Но и нести его по пересеченной местности невозможно.

Легкий визг — мохнатый стоит и смотрит на него. Второй раз посмотрел Дискан в эти глаза — и снова испытал странное

ощущение смешения личностей. Это не то же самое, что его контакт с варчем или с животными на Найборге, когда он сознательно использовал их для своих целей; этого он не хочет! Он пытался оторвать взгляд, не углубляться туда, где правил страх.

Он пошел дальше по древней дороге, и мохнатый, хромая, пошел за ним. Дискан сознавал их движения, так, словно это происходит во сне. И он не мог разорвать ритма собственных шагов. Это его обычный контакт с животными, только наоборот. Варч прилетел по его приказу, а теперь он действует по приказу идущего рядом животного.

Одна воля схватилась с другой, но кончилась для Дискана только изнеможением. Тело его повиновалось, а сознание отступило. Открытая борьба ничего ему не дала. Хорошо, он повинуется — как много раз в прошлом, когда видел, что сопротивление принесет ему только неприятности.

Время от времени, когда они останавливались, чтобы передохнуть, животное прижималось к ноге Дискана. Тот по собственной воле хватал его за кожу и мех на плечах и поддерживал во время отдыха. Облизав раны, мохнатый прекратил кровотечение, но двигался он медленно, ему явно было нехорошо.

Они вместе миновали проход, который защищала мертвая тварь. За ним древняя дорога превратилась в серию широких невысоких ступеней, потрескавшихся и выветренных, но дающих удобный спуск вниз. Дискан стоял наверху; та часть его сознания, которая отказалась от управления, регистрировала то, что видят глаза.

Отсюда было видно, что хребет разрезает надвое низинную болотистую местность и уходит вправо и влево, насколько хватает глаз. Ступени, спускаясь к низине, становились все шире, а за последней ступенью открывался пологий спуск прямо к болоту. Уже конец дня. Но света еще достаточно, чтобы разглядеть то, что стоит среди воды и грязи, — кубы, тускло-черные прямоугольники, размещенные в определенной последовательности, словно крыши древнего города торчат из поглотившей город могилы.

Но как ни всматривался Дискан в здания, как ни пытался определить их размеры, общие очертания и расположение относительно друг друга, у него оставалось странное ощущение,

что на самом деле их там нет — какая-то неосязаемая дымка отделяла его от руин.

Ряды прямоугольников расходились во все стороны от ступеней и терялись в глубине болота. Конца того, что когда-то было гигантским городом, он не видел.

Пушистый отделился от него и, хромая, продолжал спускаться. Дискан, все еще под контролем, последовал за ним. Город отталкивал его, он пытался освободиться, вернуться к убежищу, к тому, что казалось безопасностью.

Они остановились на последней широкой ступени. Неужели мохнатый хочет спрыгнуть с нее и углубиться в лабиринт затопленных зданий? Но животное со стоном легло, раненой стороной вверх, не отрывая от Дискана взгляда. Он тоже сел, понимая, что они дошли до конца пути: принуждение, которое привело его сюда, исчезло. Теперь он может повернуться и подняться по ступеням, направиться в долину с убежищем, — но он слишком устал, чтобы сделать это, все тело болит, голова кружится.

Их нынешнее положение слишком открытое. Вокруг сугробы, а если подует ветер, они замерзнут до смерти. Ему только пришла в голову эта тупая мысль, когда показалось, что спутник поднял голову и посмотрел на развалины. В его движении была такая настоятельность и стремительность, что Дискан проследил за направлением его взгляда. То, что приближалось, уже достигло края их платформы: одна круглая голова, другая, третья...

Они поднимались, балансируя на задних лапах, глядя вначале на своего соплеменника, потом на Дискана немигающим взглядом. Беззвучная коммуникация? Один из трех подошел к раненому и сел рядом с ним; он поворачивал голову, словно ориентируясь по запаху, осматривал раны. И потом принялся их вылизывать.

Остальные двое исчезли с той же ошеломляющей скоростью, какую продемонстрировал его спутник в бою. Он привел раненое животное туда, где ему могут оказаться помощь; может, это его и освободило. Больше он не мог сомневаться в их разумности. Однако они интересовались им еще до схватки в проходе. Возможно ли, что раненый сознательно вмешался в схватку на его стороне?

Дискан с тупым удивлением наблюдал за двумя животными. Он не видел никаких различий между ними — ни в разме-

ре, ни в цвете. Они словно близнецы. Раненый теперь как будто спокойно отдыхал, уверенный, что товарищи его излечат.

Что-то мелькнуло на краю платформы. Показалась голова. В острых зубах вновь прибывший держал несколько прутьев. Животное прошло по площадке и опустило свою ношу недалеко от человека. И оно не одно — появились еще двое, они тоже принесли из болота ветки. И продолжали уходить и приходить, и груда топлива все росла.

Дискан устал удивляться. Он перенес подношения поближе к раненому и разжег костер. Как ни удивительно — впрочем, все эти чудеса его уже не поражали, — огненный камень еще сохранил жизнь. Поднялось пламя, а животные продолжали подносить дрова.

Дискан развязал мешок с припасами. Если предложить продукты мохнатым помощникам, они тут же все закончатся, но пока он колебался, держа в руке тюбик и глядя на раненого, его сомнения разрешились. Появился еще один. Животное держало голову высоко, в свете костра в его пасти билось что-то серебристое. Добычу положили перед больным, который ударом лапы остановил ее рывки и принялся есть.

Дискан ел, подбрасывал в костер дрова и наблюдал за тем, как приходят и уходят мохнатые. Поскольку он не мог отличить одного от другого, а они непрерывно поднимались на платформу и спускались с нее, он не мог сосчитать, сколько их. Тот, что первым стал ухаживать за раненым, часто оставался, сидел рядом с пациентом, время от времени вылизывал его раны, а другие приходили и уходили: поодиночке, по двое и по трое.

Наевшись, согревшись у костра, Дискан почувствовал себя лучше. Проверяя реакцию спутников, он подошел к краю платформы и спустился на несколько шагов. Те не обратили на это никакого внимания. Он определенно может уйти, если захочет. Но зачем это сейчас делать? У него есть огонь, и они по-прежнему подносят дрова, словно собираются жечь костер всю ночь. И не совершают никаких враждебных действий.

К тому же — Дискан понял это неожиданно — он совсем не хочет от них уходить, оставлять их! С тех пор как в финальной попытке спасти его жизнь корабль выбросил его, он оставался один — если не считать посещений мохнатых. Когда-то он хотел остаться в одиночестве, уйти от жалости и отвержения соплеменников. Но здесь — здесь он не может повернуться

спиной к огню и животным и уйти в темноту, только чтобы найти покинутое убежище своего народа.

Дискан вернулся к костру. Сапог задел что-то лежащее под снегом и выбросил предмет на свет. Дискан поднял его.

Шокер! Он, не веря своим глазам, смотрел на оружие. Предназначенное для того, чтобы парализовать, а не убивать, второе по важности оружие космонавтов, — он надеялся найти его в убежище, но никак не на открытой скале. Бесценная находка. Дискан быстро проверил шкалу заряда. Заряд наполовину истрачен, если верить прибору. Итак, из шокера стреляли, потом его уронили...

Он перевел взгляд с оружия на животных. Не в них ли стреляли? Они не кажутся враждебными. Но у их нынешней безвредности может быть какая-то причина. Теперь у него есть более эффективное оружие, чем дубинка-копье.

Дискан подсел поближе к огню и осмотрел рукоять шокера в поисках каких-либо указаний на его владельца, но рукоять совершенно чистая — самое обычное оружие. Еще один след людей из убежища?

Он вернулся к тому месту, где нашел его, разбросал снег. Больше ничего, а оружие могло пролежать здесь дни — и даже месяцы. Он спрятал его в карман парки, и теперь, когда телом ощущалась его прохлада, почувствовал себя уверенней.

Опять сел к огню, и на него навалилась сонливость. Раненый и его нянька свернулись вместе, а остальные исчезли. Голова Дискана опустилась. Он вытащил шокер и лег, не выпуская оружие из руки.

Сонно смотрел на огонь, почти не сознавая движений слева от себя. Еще одни мохнатый принес дрова, на этот раз более крупные ветки. Странный цвет... листья... замерзшие листья деревьев в долине... красные листья...

И животное... оно бросает ветви в огонь, сует прямо в пламя листья. Дискан пытался встать, но он слишком хочет спать...

Глава восьмая

Кскотал... Дискан шел по воде, чистой и пресной, постоянно текущей воде, иногда ему по щиколотку, иногда, когда он оказывался на перекрестке улиц, по колено. Запах

воды, свежий, острый, терпкий, приятный. Кскотал во время праздника. Но все видится неясно, словно во сне, а он хочет видеть отчетливо, видеть всю эту красоту, все цвета, весь свет!

Вокруг плещутся и играют братья-в-меху, его товарищи, как и он, радующиеся времени праздника и игр. Их мысли иногда смешиваются с его, так что он наслаждается удовольствием водяных дорог, видит и чувствует то, что не может видеть и чувствовать своим телом. Это Кскотал Великий, и он идет в его сердце, где ждет чудо из чудес.

Но другие — не братья — другие? Это тени; да, он улавливает их очертания, но не настолько, чтобы они обрели материальность, плоть и кости, чтобы они стали действительными. И Кскотал совсем не покинутый город. Есть и иная жизнь, кроме жизни в его стенах, его улицах, которые стали ручьями и реками. Он хочет встретиться с этой жизнью, стать единым с ней, стремится так сильно, что почти ощущает боль! Но хотя то и дело оборачивается и смотрит, видит только тени.

Резные лица на стенах, бегущие руны. Он почти способен прочесть их и знает, что если бы сумел на самом деле прочесть, тени приобрели бы материальность. Так близко — и всегда неудача!

Но братья-в-меху не тени, и их мысли побуждают Дискана пробовать снова и снова. Может быть, когда он доберется до чуда, все будет в порядке. Но до него так далеко! Он шел по воде; с обеих сторон уходят вдаль здания, слишком расплывчатые и неясные, чтобы он мог рассмотреть их форму; он каким-то образом знает, что не сможет войти в них, если свернет с улицы.

Первая заполняющая сознание радость рассеивается, отступает перед этим стремлением, и все острее ощущается одиночество. Братья-в-меху — они знают. Они прекратили свои игры, подошли к нему, прижались, успокаивая и внушая уверенность, прикосновение их мокрого меха как ласка. Но он знает — теперь знает, — что эти здания не истинный Кскотал. Это как сон, хотя сон-указание и послан ему нарочно. И глаза его слезятся от сознания утраты, это сознание становится все острее, он идет в тени Кскотала в поисках теней — в бесконечных поисках...

* * *

Рассвет превратил небо в серебряное блюдо. В круге темных фигур на платформе над болотом все еще горит костер. Дискан застонал и замахал руками, словно пытаясь схватить что-то уходящее, быстро рассеивающееся. На щеках его следы слез. Но глаза еще закрыты. Остальные вокруг него зашевелились, вставали, глядя на огонь.

Он снова ушел.

Этого недостаточно! — Резко и нетерпеливо.

Не торопи его. Хочешь все потерять из-за спешки?

Он как та, другая — женщина. Этого недостаточно.

Может быть. Но, возможно, Место раскроет дверь.

Никогда недостаточно. — Печально, с болью и сознанием потери.

Мы не должны прекращать попытки. Теперь пусть проснется. Пошлите ему желание: пусть ищет то, что должно быть найдено, на этот раз будет искать в телесной форме.

Этот путь опасен: есть трясина и болотные западни.

Ну и что? Разве мы не здесь, чтобы направлять и вести? Женщина и остальные — они все смогли пройти, разве не так? И этот определенно не слабее их. Возможно, он сильнее, гораздо сильнее. Разбудите его, пошлите ему желание, следуйте за ним так, чтобы он не мог нас увидеть. Все согласны?

Несколько секунд тишины и ответ:

Согласны.

Дискан открыл глаза и посмотрел на небо. Он все еще находился под влиянием сна. Ожидал увидеть цвета зданий, ощутить мягкость воздуха, как тогда, когда шел по залитым водой улицам, а не этот холод и суровое небо. Затем сон рассеялся, превратился в пустоту, и он сел.

Огонь продолжал гореть, и рядом лежало еще несколько веток, но животные, вместе с ним гревшиеся у костра, исчезли, даже раненое. Он сидит один, глядя на темные руины.

— Кскотал, — произнес он вслух. Это Кскотал, вернее, то, во что превратился Кскотал за многие столетия под действием поднимающейся грязи и воды. Где-то в сердце города находится то, что он должен найти. Он подошел к краю платформы

и посмотрел на замерзшее болото. Между рядами зданий поверхность разрывают пятна тускло-синего цвета, предупреждая о грязевых ямах. Нелегкая дорога, но он должен по ней пройти.

Дискан поел, проверил шокер, поднял мешок с припасами и дубину-копье. И спустился с платформы на уровень города.

Послышался резкий крик: птицы кружили над гнездами на крыше ближайшего здания. Птицы черно-белые, с удивительно контрастными цветами. Они летели перед ним, издавая резкие крики, словно поднимая тревогу в молчаливом городе: чужак идет, чтобы потревожить зачарованный сон.

Дискан выбирал дорогу осторожно. Его проводником на каждом шагу служила увядшая и замерзшая растительность, иногда камни и плиты, сдвинувшиеся со своей основы. Но если во сне им владело чувство радостного возбуждения, сейчас он шел в облаке тревоги и со смутным ощущением потери.

Он видел двери, ведущие в темные внутренности зданий. Но у него не было никакого желания в них входить. На стенах слабые, почти стершиеся следы рельефных изображений, которые он помнил, и много других непонятных линий; возможно, это руны, которые он так хотел прочесть.

Братья-в-меху — те самые животные, что кувыркались вокруг него в другой прогулке по Кскоталу, — Дискан ожидал их увидеть. Но не увидел ни отпечатка лапы, ни мелькнувшего темного тела. Однажды он оглянулся, посмотрел на береговую линию, обозначенную столбами, которые теперь уже далеко позади. Затем улица повернула направо, и здание скрыло столбы из виду.

Движение замедляли большие лужи, подернутые льдом: приходилось их обходить. К счастью, на этой улице оказалось мало участков синей грязи, и оба раза, когда он с ними сталкивался, сбоку находилось место для прохода. Дискан остановился у рухнувшей стены, подобрал немного снега, чтобы утолить жажду, и здесь увидел первое указание на то, что в ужасной пустыне кто-то побывал до него.

Здесь на краю лужи лед был проломлен, и на грязи виднелись отпечатки, теперь замерзшие и твердые, как железо. Дискан пригнулся к ним.

— Сапоги! — Он произнес это вслух и вздрогнул, услышав гулкое эхо. Но это действительно следы сапог, а за ними еще

один отпечаток: как будто кто-то тут упал и поднимался, опираясь руками. Отпечаток руки — пять пальцев отчетливо видны в грязи. Но рука маленькая — Дискан приложил для сравнения собственную. Отпечаток руки, и следы сапог, и шокер, который он нашел. До него здесь проходил какой-то инопланетник. И судя по размеру руки — маленький инопланетник.

Дискан пошел быстрей. Одинокий человек, заблудившийся, обезоруженный. Его нечего бояться, и, возможно, он не будет больше одинок в этом пустынном месте. Может быть, крик привлечет внимание незнакомца. Но Дискан не решался крикнуть. Не хотелось вызывать мрачное эхо. Такой крик может оказаться концом окружающего спокойствия.

Но почему он так подумал? Конец спокойствия — как закончился мир Кскотала? Во сне он видел этот город в расцвете и силе — теперь же он мертв, и видно, что мертв очень давно. Между «тогда» и «теперь» прошли сотни, может, тысячи лет. Но братья-в-меху существовали тогда, и они определенно были с ним сейчас — если, конечно, это тоже не иллюзия.

Дискан вздрогнул. В чем он может быть уверен? Никогда раньше не приходилось ему смотреть на окружающее и гадать, что реально, а что нет, потому что он слишком хорошо осознавал реальность, и для него реальность всегда была полна принуждения и отвержения. Ваанчард был реален, Найборг тоже, да и правительственный приют — тоже реальность. Но здесь реальное и нереальное переплетаются. Он может топнуть по замерзшей грязи, чувствовать всем телом этот толчок, тем самым подтверждая истинность того, что стоит на земле. Но прошлой ночью он так же был уверен в мягкой воде вокруг себя — на этих же улицах.

А с мохнатыми он ходил и в реальности и в нереальности, так как же ему быть уверенным, что вокруг него сейчас? Может быть, сейчас он тоже видит сон; может, Дискан Фентресс сейчас лежит в утонувшем в грязи корабле. Он решительно отбросил эти мысли. Нет — второй раз топнул по замерзшей земле. *Это* реальность! Это происходит сейчас, и это реально. И, судя по следам, кто-то из его племени до него уже обнаружил реальность всего этого.

Он снова пошел по улице, которая шла теперь не прямо, а поворачивала. И по пути постоянно искал следы того, кто прошел до него. Размеры города начали производить на него

впечатление. Он быстро идет уже много времени, а улица все уходит от него вдаль с одной только переменой: здания становятся все выше. Когда он вошел в город, они были двухэтажными, теперь вдвое выше, и заметно меньше разрушенных стен. А впереди он видит еще более высокие сооружения. Синие пятна грязи исчезли, гуще стали заросли жесткой растительности. Время от времени Дискан видел черных и белых птиц, сидящих в окнах домов. Они вопросительно смотрели на него. Должно быть, решили, что он не опасен, потому что больше не издавали свое хриплое предупреждение.

Однако то, что птицы ведут себя так тихо, действовало ему на нервы. Если бы они иногда не взлетали, не скользили над своими насестами, их можно было бы принять за менее обветрившиеся рельефные изображения — украшения мертвого города. Дискан время от времени смотрел на них. Они не проявляли страха, скорее выглядели любопытствующими, будто уверены, что то, что произойдет, их не затронет.

Но что произойдет? Ожидание — часть всего этого, причем напряженность этого ожидания усиливается, заставляя его сделать что-то, быть где-то.

День тусклый и облачный, хотя снег больше не идет. Может, солнце сделало бы этот каньон между зданиями менее мрачным. Дискан специально остановился, опустил мешок с припасами и с ощущением вызова сел на ступеньки, ведущие к одной из дверей. Он неторопливо поел, как можно дольше растягивая этот процесс. За день картина Кскотала из сна поблекла, как будто он стер ее этими древними камнями. И, глядя вокруг себя, он удивлялся, как мог поверить, что этот город когда-то был живым.

Кто и когда жил здесь? Тени, которые оставались тенями без определенных очертаний? Город мог и во сне быть таким же мертвым или по крайней мере необитаемым, если не считать братьев-в-меху.

Звук, вызвавший эхо. Рука Дискана легла на шокер, но он не извлек оружие. Хромая лапа уронила камень, объявив о появлении того, кто сражался с ним в проходе.

Животное смотрело на Дискана. Тот пожал плечами и подобрал свой мешок. Нет смысла сопротивляться этому призыву, который становится все настоятельней. Он пошел, и сон словно ожил: рядом с ним, хромая, шел брат-в-меху. Были и

другие. Дискану не нужно было их видеть. Ощущение их присутствия так осязаемо, словно он мог рукой коснуться их меха.

Все дальше и дальше, здания постоянно становятся выше. Город, размышлял Дискан, чем-то похож на пирамиду. Странно, что он этого не заметил, когда впервые с вершины хребта разглядывал руины. Теперь он мог насчитать больше десяти этажей, прежде чем виднелась обвалившаяся крыша. А впереди еще более высокие дома.

Оно там — место, которого он стремился достичь во сне! Он не мог сказать, почему он в этом уверен, но — уверен. Они вышли на открытое место — площадь? — или, вернее, оказались в круге, от которого, как спицы колеса от втулки, расходятся улицы. В центре круга здание, не похожее на остальные, оно тоже круглое, и его окружает лестница, ведущая к крытой аркаде. Дискан пересек площадь и начал подниматься по лестнице.

Теперь те, кто незримо сопровождал его, стали видны; они двигались темными группами, всегда беззвучно, всегда немного позади, и сколько их, он не мог сосчитать.

Поднявшись на аркаду, он увидел множество дверей. Дискан выбрал самую близкую и оказался во тьме, такой глубокой, что ему потребовалось много времени, чтобы зрение приспособилось. Потом тонкий луч света сверху показал ему, что он стоит в клинообразном помещении, сужающемся в дальнем конце. И это все. Голые стены, голый пол — ничего нет!

Он посмотрел на своего хромающего спутника.

— Чего ты хочешь? — спросил Дискан, и слова его эхом отразились от стен.

Они чего-то хотят от него, и это желание сделать что-то неизвестное преследует его. Он должен что-то сделать, совершить какое-то действие, которого от него ждут. Но они не дают никаких указаний, никаких намеков, и напряжение стало таким сильным, что он крикнул:

— Я не знаю, чего вы хотите! Не понимаешь? Не знаю!

Крик принес некоторое облегчение. А может, они чуть ослабили давление, уменьшили его бремя? Что-то шевельнулось. Дискан оглянулся через плечо. Молча, как появились, они отступали, оставляя его в одиночестве. Один! Он не вынесет одиночества — не здесь!

Дискан уронил мешок и дубину-копье.

— Нет! — Он стоял на коленях, протягивая руки к своему хромому спутнику — даже не в мольбе, а в уверенности, что этот его не покинет.

Сердитое шипение, гневно сверкнувшие глаза — отказ такой решительный и полный, что Дискан застыл, а животное, хромая, исчезло. Оно тоже ушло, и он остался один.

Все то давление, которое он ощутил с самого утра, проснувшись, покинуло его, но образовавшаяся пустота была такой пугающей, что Дискан не находил сил, чтобы пошевелиться. Что-то великое и удивительное, такое, что невозможно описать словами его языка, ждало его здесь. И из-за его собственной глупости оно утрачено. Разум говорил ему, что это не может быть, но чувства утверждали — это правда!

Он потянулся за дубиной и увидел следы на пыльном полу: чем дольше он здесь находился, тем лучше мог видеть. Не отчетливые следы — но кто-то или что-то было здесь до него. Тупо — другой цели все равно нет — он пошел по отпечаткам.

Снова наружу, в крытую аркаду, куда привела его лестница. За столетия сюда нанесло почву. И на самых толстых наносах росла увядшая трава. И следы — теперь гораздо отчетливей — следы сапог! Два следа. Может, три — и в одном месте один отпечаток на другом. Три или четыре человека! Возможно, они все еще здесь!

Дискан ускорил шаг. След провел вокруг здания к другой двери. Перед ней он в нерешительности остановился. Уже почти ночь. Не хотелось входить внутрь в темноте. Какие воспоминания, какие призраки бродят здесь во снах? Он не посмеет снова увидеть Кскотал таким, каким тот когда-то был.

Но внутри свет, слабый рассеянный свет, причем никакого видимого источника нет. Свет словно рождается в воздухе. Следы ведут прямо по полу через все помещение. Дискан автоматически пошел по ним и наткнулся на стену. След исчезал в ней.

Потрясенный, он прижал руки к препятствию. Оно сдвинулось так легко, что он потерял равновесие и упал в коридор, тоже тускло освещенный. Здесь пыль собралась не таким густым слоем, лишь на одном-двух участках виден след. А коридор круглый, очевидно, идущий вдоль внешней стены.

Дискан принялся ощупывать стену слева от себя — в поисках еще одного замаскированного отверстия. Его догадка подтвердилась, повернулся второй камень, и он увидел нечто вроде колодца. В колодце вверх и вниз уходила спиральная лестница. Вниз он не пойдет — там темно. Но вверх — с верхнего этажа он может увидеть весь город и понять, где находится относительно берега болота, с которого пришел. Дискан начал подъем, оказавшийся нелегким: ступени узкие и крутые, и никаких площадок до самой вершины.

Вверху он снова стал ощупывать стены, не представляя, как далеко он от уровня улиц. Еще одна каменная дверь привела в гораздо более широкий коридор; правая стена коридора разрывается арками, в которые видно вечернее облачное небо. Дул свежий ветер, и Дискан подошел к отверстию и остановился.

Внизу под ним расстилался город; однако между ним и этими зданиями и улицами какая-то странная дымка, не знакомый ему туман или водяной пар, а скорее искажение зрения: в одно мгновение здание кажется таким, в другое — совсем иным. Дискану это напоминало Кскотал, каким он видел его во сне. Но не было цвета и чувства радостного оживления, ощущения, что ты здесь на месте; однако Кскотал, который он увидел с высоты, не был разрушенным городом.

Искажение не испугало Дискана; напротив, оно смягчило ощущение утраты, которые он испытывал с того времени, когда не смог осуществить желание братьев-в-меху. Дискан продолжал наблюдать за меняющимися сценами внизу, пока сильная усталость не заставила его закрыть глаза. Он скользнул на пол, опираясь плечами, и присел у стены, положил руки на колени. Закрыл глаза. Он снова хочет увидеть сон. Быть может, в нем он найдет ответ.

Но сегодня снов не было.

Тени мелькали на улицах, они совещались.

Он не подходит для нашей цели, как и все остальные. Забудьте о нем.

Но он так отчетливо видел сон. Из всех остальных только женщина тоже видела сон, но она испугалась и проснулась, чтобы призвать силы своего рода для защиты. А он во сне был счастлив; этим он отличается от всех остальных.

Подумали ли вы об этом, мудрые? Мы можем не найти снова то, что имели, но почему нельзя использовать этого для наших целей?

Тяжело придавать нужную форму. И в этом процессе тот, кому мы придаем форму, может сломаться.

Но пусть это не задержит придание формы? Как вы думаете, все и каждый?

Долго мы ждали — мы лишь половина целого. Этот оказался самым отзывчивым из всех. Пусть будет опробовано придание формы. Все согласны?

Согласны.

Дискан продолжал спокойно спать, а тени разошлись и принялись осуществлять свои цели на улицах Кскотала.

Глава девятая

Черные и белые птицы вились над арками отверстий. Дискан вяло следил за ними. Он не сдвинулся с места, которое выбрал для ночного отдыха, хотя теперь ярко светило солнце и небо расчистилось. Он чувствовал себя опустошенным, не хотел ни шевелиться. Ни думать, ни...

Но вот в нем ожила искра жизни. С трудом встав, Дискан направился назад к лестнице, которая привела его на эту высоту над городом. Он устало спускался по спирали, спускался медленно, словно от спуска у него кружилась голова. Вокруг царила тишина. Что это за здание — храм, крепость, дворец? Одно из трех или все вместе — он не мог решить.

Наконец он оказался в нижнем зале. Теперь следы, по которым он шел накануне вечером, видны гораздо отчетливей. И не желая больше ничем заниматься, он снова пошел по следу тех, кто проходил здесь до него.

На высоте плеча на одной стене — почерневшая полоска. Это не след от шокера! Здесь поработал бластер, хотя Дискан не очень знаком с этим оружием. И сразу за этим ожогом — открытая дверь. Дискан достал свой шокер. Конечно, против бластера он немногим лучше дубины-копья, но ничего другого у него нет.

Помещение за дверью поразило его. Во всем здании он не видел никаких следов разрушений или распада, но здесь в сте-

не рваные отверстия, а на полу груда обломков. А за отверстиями чернота, там словно большое открытое пространство.

Следы огня — ожоги от бластера. Дискан понял, что этот хаос — не результат времени, а следы работы человека, который энергично разрушал стену здания — в поисках чего? Он начал осторожно обходить помещения, обходя груды обломков. Как хорошо бы иметь фонарь, чтобы заглянуть в эту черноту!

Щелканье. Дискан взмахнул шокером, нажимая на курок, и увидел, как упала какая-то масса. Носком сапога он перевернул тело одного из стервятников, которых видел на обгоревшем участке.

Дискан подошел поближе к камню со следами когтей, из-под которого текла какая-то темная, теперь высохшая жидкость. Положил мешок, чтобы внимательней осмотреть камни. Осторожно начал разбирать груду и отскочил, когда камни рухнули в отверстие в стене.

Из трясущейся груды доносились звуки — щелканье. Дискан подготовил шокер, ожидая увидеть еще одного стервятника, но в слабом освещении увидел голову, плечи и протянутую руку. Человек мертв, и мертв уже какое-то время. То, что видел Дискан из его одежды, напоминает форму космонавта, а на стоячем воротнике блестят офицерские нашивки.

На вытянутой руке широкий браслет с циферблатом. Циферблат светится, и от него доносится устойчивое тиканье — какое-то устройство связи. И оно принимает или передает что-то даже сейчас. Дискан снял браслет с холодной руки и поднес его к свету.

Шкала без цифр или символов, которые он смог бы прочесть, только единственная стрелка поворачивается, когда он поворачивает браслет; стрелка поворачивается так, чтобы всегда указывать одно и то же направление — сейчас вправо от него, на одну из стен, как он убедился при помощи поворотов. Какой-то указатель направления. Заинтересованный, Дискан попытался надеть его себе на руку, но обнаружил, что браслет слишком мал, поэтому прикрепил его к поясу.

Потом вернулся к мертвецу. Два камня, которые он не смог сдвинуть, удерживали тело, но он достаточно расчистил обломки, чтобы увидеть, что убило этого человека. Не обрушившаяся стена частично похоронила его, но ожог от бласте-

ра на уровне груди. Теперь ясно, почему помещение в таком состоянии: это поле битвы. Дискан медленно положил поверх тела самый большой камень: единственное возможное сейчас погребение.

Теперь ему хотелось выйти на свет дня. Уходя, он ударил дубиной неподвижное тело стервятника: теперь он уже не вернется к своим раскопкам. И по дороге продолжал поворачивать найденный прибор.

Игла постоянно указывала в одном направлении, и Дискану показалось, что тиканье ускорилось. На что настроен этот прибор? На других, бродящих по этому зданию, ведущих собственную отчаянную борьбу? Ему не хотелось в этом участвовать. Но поворачивающаяся игла его интересовала, и он пошел по ее указанию по наружному коридору.

Здесь тонкая стрелка показала влево. Дискан обыскал стену в поисках входа, и один камень подался под его рукой. Перед ним было отверстие, прожженное в дальней стене. Тиканье стало еще быстрей, но этот звук предупредил его. Ему совсем не хотелось попадать под огонь бластера. Дискан медленно попятился и позволил двери за собой закрыться. Еще одна загадка Кскотала, и у него нет никакого желания ее разгадывать.

Он решительно вышел из здания, в которое его привели животные. Оказавшись на ступенях, глубоко вдохнул. Нужно уходить отсюда, освободиться от этого мертвого города, от этой неудачи. Ссоры инопланетников его не касаются. Он чувствовал своеобразную отчужденность, как будто больше ничего не связывает его с его собственным племенем.

Припасы почти кончились. Сможет ли он вернуться к убежищу? Дискан на мгновение закрыл глаза, пытаясь мысленно представить себе свой маршрут. Очень просто. Возможно, он и не подготовленный следопыт, ни тут нет ничего трудного. Он уверенно спустился по лестнице и поискал начало улицы, по которой пришел.

Тут его уверенность чуть пошатнулась. Все эти улицы-спицы выглядели совершенно одинаково. Он пришел отсюда... нет, отсюда... По зданиям он определить не мог: все они одинаковые.

Утреннее солнце растопило полоски снега, на которых могли сохраниться следы; приходилось идти наудачу. Но вот направление к хребту. Дискан повернулся туда. Конечно,

двигаясь в общем верном направлении, он рано или поздно найдет выход. Если ориентиром ему будет служить хребет, он в безопасности.

Он пошел по выбранной улице. Жаль, что вчера он был не очень внимателен. Но в последней части пути, когда к нему присоединилось животное, он сознавал только присутствие спутников, того, что шел рядом, и других, которых он не видел. Но с тех пор как они покинули его в клинообразном помещении, животных больше не видно.

Если это и не та улица, по которой он шел вчера, то очень на нее похожа. Солнце блеснуло на льду, и Дискан увидел след — блестящую полоску, шедшую от одного здания к другому. Он потрогал след концом своего копья, и острие скользнуло по гладкой слизистой поверхности, к острию прилит комок противного вещества. Дискан много раз совал острие в снег и пучок травы на кочке, чтобы очистить. И пошел быстрей. Потому что этот след ему не понравился и ему совсем не хотелось устанавливать его происхождение.

Вчера в городе были птицы и животные, но сегодня стали видны тревожащие следы других обитателей. Улицу пересек второй слизистый след, шире, толще и отвратительней первого. На этот раз Дискану пришлось разбежаться, чтобы перепрыгнуть через него. Возможно, такой след оставляют ночные существа. Если это так, то чем быстрей он уберется из города, тем лучше. Город утратил для него всю привлекательность, которой обладал во сне; его зловещие аспекты становились все заметней, так что, даже когда солнце освещало улицы, здания словно выдыхали тьму из открытых дверей, распространяли миазмы страха.

Дискан пошел быстрым шагом, посматривая по сторонам и изредка оглядываясь. Никакого движения, никого не видно. Но именно эта неподвижность и тишина вызывали беспокойство: они намекали на то, что ждет за окнами и в тени дверей. Позволяет ему пройти, миновать, а потом идет следом... Дважды он резко останавливался и оборачивался со шокером наготове: был уверен, что слышал какой-то предательский шум, что по его стопам идет опасность.

Он посмотрел на прибор, снятый с руки мертвеца. Тиканье очень слабое, еле слышное, когда он подносит прибор к уху. И стрелка указывает назад, на центр города. Он уверен,

что опасность, присутствие которой он ощущает, не имеет ничего общего с людьми. Эта опасность исходит от города, но не от Кскотала. От Кскотала осталась пустая оболочка, и в нее вползли другие существа, не родственные тем, кто создал эту оболочку. Это не город обещанного света, цвета и радости, какой он видел вчера, но кладбище, не соответствующее его видениям.

Новые слизистые следы, и один такой широкий, что он опасался, что не перепрыгнет. Отвратительный запах сильней: следы, вероятно, свежие. И тут Дискан понял, что неправильно выбрал дорогу, потому что улица расширилась, образовав широкую площадь-озеро, в центре которого находился бассейн синей грязи. У него на глазах в грязи появился пузырь, тусклая поверхность вспучилась — и разорвалась, разбросав по поверхности озера обрывки желтого вещества.

Желтое вещество оказалось очень легким, оно летело, как мошки. Некоторые из этих мошек устремились друг к другу, притягиваемые словно магнитом. И там, где они встретились, возникла вспышка, маленький пламенеющий уголек, который падал на лед (лед начинал таять) или воспламенял высохшую траву. И вонь была сильней, чем от слизистых следов.

Возможности безопасно пересечь это озеро найти не удалось. Ледяная корка тонкая, и Дискан не смел ступить на нее даже у берегов, где вода подходила к основаниям зданий. Назад, назад к втулке колеса — и выбирать снова. У Дискана появилось впечатление, что его отступление кого-то позабавило и сделало довольным.

Вернувшись на круглую площадь, он сел на ступени центрального здания. Здесь солнце греет сильней, оно ярче. Он посмотрел на одну из улиц и наткнулся на дымку, такую же, как тогда, когда осматривал город из-под арки на верху здания. Нет, эта дымка другая: в тот раз он ощущал какое-то очарование и ожидание, а сейчас дымка отталкивает, создает преграду. Дискан взвесил в руке мешок с припасами. Придется ограничивать себя. Во всех припасах есть подкрепляющие ингредиенты, которые позволяют уменьшать порции и все же получать достаточное питание. Но он хочет уйти — уйти от этих улиц, которые теперь кажутся зловещими, вернуться к естественным скалам и болотам, которые он в состоянии понять.

Он внимательно разглядывал четыре улицы, ведущие налево. По первой из них он вернулся. Но у него сохранилось достаточно воспоминаний со вчера, чтобы сделать выбор из четырех — нет, из трех улиц, которые он еще не пробовал. Он выбрал центральную из трех и снова пустился в путь.

Снова слизистые следы, но затвердевшие на морозном воздухе. Что касается остального, то эта улица точно такая же, как предыдущая.

Он шел быстро. Полдень уже миновал, а он хотел до сумерек выбраться из этого лабиринта. Застрять на ночь в одном из этих темных путей — на такой риск он идти не хотел, поэтому нужно торопиться.

Озеро с бассейном синей грязи в центре — Дискан не поверил своим глазам. Он ударил копьем по ледяной поверхности у ног, пробил корку над темной жидкостью и почувствовал отвратительное зловоние. Значит, все это реально. Он вернулся на прежнее место! Но ведь он пошел по другой улице, он не мог совершить такую ошибку!

Яростно цепляясь за эту свою веру, он снова пошел назад. Улица, которая в первый раз привела его сюда, первая, а во второй — третья! Он знал, что это правда. Но, насколько можно судить, он оказался в том же самом месте...

Назад к втулке. Тяжело дыша, вспотев, он снова сел на ступени и по пальцам пересчитал улицы. Он прав! Вот тюбик: содержимое он высосал, а тюбик остался лежать на месте, где он отдыхал. Это первая улица, а это третья! И поскольку они расходятся от одного места, как могут они снова встретиться без заметных поворотов? И тем не менее он снова пришел к тому же озеру.

Дискан обхватил голову руками и попытался обдумать проблему тщательно и логично. Но в этом нет никакой нормальной логики! Должно быть, он неправильно считал. Нет, кричал участок сознания, ничего подобного. Привычное раздражение, сознание, что он опять что-то сделал неверно, в чем-то ошибся. Потрясенный, Дискан почти боялся поднять голову и посмотреть на улицы, такие похожие и ставшие для него западней.

А когда поднял голову и посмотрел, вернув себе самообладание, дымка невидимости сгустилась. Да он с трудом различает что-то за первыми двумя-тремя зданиями. Дискан

подавленно вскрикнул, схватил мешок и дубину и начал подниматься по ступеням центрального здания. Несмотря на всю свою решимость, он не может смотреть на этот мрак на улицах. А в третий раз вернуться к тому же озеру — такого его рассудок просто не выдержит.

Он вошел в первую же дверь и оказался в темном зале, том самом, куда привели его животные. Итак, все вернулось на круги своя! Примерно в то же самое время вчера он стоял здесь. Тогда им руководило желание, давление извне. Теперь он один — совершенно один.

Дискан смотрел на пустые стены, все время возвращаясь взглядом к тому месту клина, где всего темнее. Но здесь не ощущается той мрачности, что испугала его на улицах. Какова была цель этого помещения? Оно такое большое, тут могло собраться множество верующих. Может, это был храм? Или здесь могли проходить совещания, если тут заседало правительство. Можно было проводить суды и священные церемонии. Но теперь здесь только тишина, пыль, тени. Ни следа рельефных изображений, пусть даже стершихся, ни малейшего впечатления, что когда-то на этих стенах виднелись руны, никакого алтаря, помоста, трона, приподнятого над полом.

Он пошел к самому узкому месту. Прибор на поясе тикал все громче. Дискан положил его на ладонь — стрелка указывала вперед. Но здесь нет ни груд обломков, ни следов битвы.

Неожиданно он вслух произнес:

— Чего вы от меня хотите?

В какой-то степени он начал испытывать то же, что и накануне: требование усиливалось, становилось все настоятельней. Словно ему дали вторую попытку в каком-то испытании, важность которого он не в состоянии оценить.

Теперь он находился посредине помещения. Неужели тени, собравшиеся в узком углу, материальны? Вернулись ли животные? Нет, их не видно, никто не идет ему навстречу. Его не ждет ничего конкретного. И тем не менее он чувствовал, что что-то происходит, что-то движется, складывается в рисунок, понять который невозможно. Если бы только он мог разглядеть линии этого рисунка, он мог бы понять! Но хотя он сосредоточивался, пытался уловить тень понимания, оно не приходило — только движение, которое он не мог проследить. Но наконец и оно превратилось в ничто, исчезло.

— Скажите мне! — Голос его, скорее отчаянный крик, гулко отразился от стен. Но когда стихло эхо, осталась только пыльная пустота и ощущение потери, приносившее боль.

Дискан ждал, надеясь снова увидеть это сплетение, которое можно заметить только краем зрения, уловить хоть какой-то намек на цель, узнать, каков следующий шаг, какую невидимую дверь ему нужно открыть. Ничего... То, что на какое-то время принесло отдаленное подобие жизни в этот древний зал, умерло, как пламя превращается в пепел, если костер не подкармливать.

Наконец он повернулся, плечи его повисли, походка превратилась в усталое шарканье. Последняя, может быть, самая тяжелая неудача лишила его всяческих целей и чувств. Он вышел из зала и, поскольку идти все равно было некуда, отыскал внутреннюю лестницу и поднялся на площадку, на которой провел предыдущую ночь. Под ним расстилался Кскотал, но на этот раз у него не было желания смотреть на руины. Он боялся того, что может увидеть на этих улицах ночью.

И как человек, испытывающий боль, которую невозможно смягчить, он присел на корточки и начал медленно раскачиваться взад и вперед, обхватив себя руками.

— Чего вы от меня хотите? — На этот раз не крик, только хриплый шепот, но он повторял эти слова снова и снова, пока во рту не пересохло, а голос совсем не охрип. И никакого ответа, не было даже крика птиц.

Он не спал — не мог. Ощущение опасности исходило от прошлого, как зловоние от грязевого озера. Никакая проверка на смелость не могла бы быть тяжелей. Дискан боролся в темноте, и у него почти не оставалось сил. Наступил момент, когда он уже не мог переносить свой страх и одиночество, и Дискан на четвереньках пополз по каменному полу, чтобы посмотреть на город — темную яму, из которой поднимался ужас.

Тьма такая, какую трудно себе вообразить, но чем дольше он смотрел, тем больше видел, что темнота эта разной степени, — и словами это описать невозможно. Какие-то потоки, приливы, отливы, которые тоже определить невозможно, жизнь, которая не его жизнь и не жизнь тех, кто собирался в этом помещении. Это что-то пришло непрошеное, постара-

лось закрепиться среди развалин, остаться, чтобы не могло вернуться то, что было здесь когда-то.

То, что было когда-то! Кскотал...

— Это прошлое... — Он не знал, почему шепотом произнес эти слова протеста.

Прошлое! Прошлое! Возможно, его слова подхватило эхо, или это вздох ветерка здесь наверху. Сплетение тьмы во тьме стало быстрей, оно все выше поднималось по стенам центрального здания. Дискан заставил себя смотреть. Он дрожал, ногти его впивались в тело, но он не ощущал боли от этого: его заполняла гораздо более сильная боль.

Кскотал — он цеплялся за свой сон, пытался отбросить этот прилив тьмы, победить его цветом, жизнью, красотой, разрушенной и погребенной. Кскотал не должен быть захвачен! Тех, кто здесь жил, не так-то легко победить, уничтожить... Кскотал... Дискан смотрел в ночь и боролся... отбросив всякую логику, всякий здравый смысл.

Он знал только, что, призывая свой сон и держась за него, он ведет собственный бой посреди общей битвы, и упорно удерживал свой пост. То, что было темными волнами, бьющимися с тенями, стало меняться. Он не знал, когда впервые увидел вспышку света, огненную точку на улице. Но вот еще одна и еще... крошечные огоньки, о происхождении которых он не мог догадаться. Никакой упорядоченности или рисунка, группа здесь, линия отдельных огоньков там, широкий луч посредине тьмы.

Огоньки не двигались: в отличие от волн тьмы, они оставались на месте. Наконец новые перестали появляться. Дискан разжал кулаки. Снова на четвереньках вернулся к стене. Спать не хотелось, сон ему не нужен. Какое-то острое покалывание, какого он никогда не испытывал раньше, растекалось по телу, согревало так, что он нетерпеливо расстегнул воротник парки, распахнул ее.

Что-то — он не знал, что именно, — произошло, словно долго не работавшая машина вдруг была приведена в действие и рябь от ее работы расходилась все дальше и дальше. Этого хотели от него братья-в-меху? Нет, сразу пришел отрицательный ответ, и он знал, что это правда. В тот раз он потерпел неудачу, но сейчас...

Дискан больше не замечал прибор у себя на поясе. Стрелка

на шкале дрожала, передвигалась, тиканье стало таким тихим, что он его не слышал. Все, что реально, для него теперь там, в ночи, шевелится, движется. И на этот раз он обязательно узнает, что это такое!

Глава десятая

Не звук, а колебания воздуха, дрожь тела, передающаяся через камень, на котором он сидит. Призыв? Снова дрожь, словно каждый тяжелый камень пытается ответить, но не имеет голоса. Дискан напряженно ждал...

Опять!

Когда он встал, тело его не подчинялось приказам мозга. Кровь в жилах потекла быстрей, он чувствовал себя готовым встретить все, что угодно. Отупляющий туман страха разорвался клочьями, уходил.

В темноте, не нуждаясь в физическом зрении, Дискан отыскал ступени и начал спускаться. Удар... еще удар! Пробуждается к жизни сердце — сердце Кскотала? От нетерпения он споткнулся, едва не упал, но эта ошибка напомнила ему об осторожности. Кругом и кругом, вниз, все время ожидая этого странного биения жизни в самом сердце древней смерти.

Он был на пороге клинообразного помещения, когда удар прозвучал в четвертый раз. И он увидел животных в меху, которые тоже передвигались по ступеням, скользили мимо него, как будто он для них не существует. В этом слабом свете невозможно было сосчитать количество темных фигур. Дискан знал только, что их много и что они приходят со всех направлений, какая-то необходимость ведет их сюда, в этот клинообразный зал. Братья-в-меху! Но они не могут быть одни, здесь должны быть и другие!

В изумлении Дискан отошел от двери; он искал взглядом то, что, как он чувствовал, должно быть здесь, хотя сам не мог бы сказать, что это. В огромном зале, где раньше было темно, постепенно становилось светлее. Тут и там в воздухе, над массой мохнатых тел, висели искры; животные все сидели на широких задних лапах, повернув головы к узкому концу, словно в гипнозе, не отрывая взгляда от того, что он не мог увидеть. И их так много!

Но вот головы их повернулись, ритмичное движение пробежало вплоть до того места у входа, где стоял Дискан. И вслед за этой рябью пришло колебание, на этот раз сильней, дрожь, которая сотрясла здание, сотрясла все живое в нем. Словно поднялась сама земля.

Рябь, рябь. Неожиданно Дискан осознал, что и его голова движется в такт, он присоединился к этим медленным наклонам — вперед и назад. Искры в воздухе стали ярче. Они разного цвета — драгоценные камни, брошенные наугад: зеленые, синие, оранжевые, алые, фиолетовые, со всеми промежуточными оттенками, — на них трудно смотреть, они ослепляют.

Огоньки над головами животных двигались, плыли к голым стенам. Но, прикоснувшись к камню, они таяли, растекались огненными ручейками. И эти ручейки тоже не оставались неподвижными, они двигались, сплетались, расплетались, снова сплетались в другом рисунке, как и тусклые тени. Но только тени были мертвым пеплом, а здесь — живое великолепие.

Дискан рукой прикрыл глаза от этого обжигающе яркого зрелища. Ему хотелось смотреть, но он больше не мог. Он стоял на коленях, голова двигалась в такт с движениями окружающих животных. И чувствовал, как от них к нему переходит возбуждение и ожидание предстоящего чуда.

Бум! Бум! Кскотал просыпается... прошлое возвращается и снова расцветает.

Да! Да! Губы Дискана складывались в слова, которые он не мог произнести вслух. Знать... Быть в этот час в Кскотале! Именно это он искал, сам того не понимая. Он стоит на пороге: еще один шаг, и он станет обладателем невообразимого чуда!

Крик...

Ткань света, единство с животными — все это было разрезано, словно ножом. Дискан, ошеломленный, не понимающий, дрожал. Он упал, и это спасло ему жизнь, потому что над ним сверкнул луч бластера, ударился о стену, на стене появилась алая полоса.

Дискан пошевелился; он все еще находился под чарами и знал только, что они разрушены. Ошеломленно смотрел на дымящиеся доказательства выстрела. И тут его сбили с ног и поглотили мохнатые тела. И к тому времени, как он высвободился, к нему вернулась способность думать.

Неужели животные на него напали? Сидя спиной к стене подальше от того места, откуда выстрелили, Дискан решил, что это не так. Его соучастники по ритуалу просто убрали его с линии огня.

Огонь из инопланетного оружия! А теперь пронзительное гудение прибора на поясе! Неужели этот прибор привел сюда врага? Дискан отцепил его и едва не отбросил. Печаль и гнев от этого непрошеного вмешательства превратились в ярость. Нет, он отыщет того, кто стрелял! Да, он едва не погиб от этого луча. Но что гораздо хуже, он потерял то, что почти было у него в руках. И за это прощения не будет! Этот прибор, который он держит в руке, возможно, приведет его к нападавшему.

Но когда он встал, животные окружили его, создали из своих тел преграду на пути к выходу.

— Нет! — Дискан пытался уйти от их защиты. — Пропустите меня! — Он попытался протиснуться. Потом вспомнил про шокер, достал его и широко взмахнул.

Животные попадали, временно парализованные, и путь расчистился. Дискан побежал в ночь, держа в одной руке прибор-указатель, в другой шокер. Выбежав из помещения, он остановился. Глупо нарываться на бластер. Вернулась способность логично рассуждать, вернулось самообладание, которое исчезло под влиянием гнева. Не беги навстречу смерти — ищи, выслеживай, хитри.

Он посмотрел на шкалу прибора. Стрелка повернула влево, в общем направлении разрушенного помещения, в котором он нашел мертвеца. Здесь темно; зрение его еще ослеплено яркими огнями, которые исчезли после выстрела из бластера. Но тьма не только помеха, но и защита. Он хорошо помнит дорогу. Прижимаясь плечом к стене, Дискан пошел вдоль изгиба.

Гудение прибора стихало: враг, должно быть, ушел вперед. Но стрелка продолжала показывать в том же направлении. Он его найдет, обязательно найдет!

А за его спиной пришли в действие силы, которых он не ощущал.

Он был близок, он не должен уйти. Мы были так близко, братья!

Пусть идет: он теперь для нас бесполезен. Он вернулся к себе. Может быть, он все же для нас не подходит.

Близко! — Хор, прогоняющий сомнения.

Если снова не придет на порог по собственному желанию, он для нас бесполезен. Пусть теперь ищет своих: пусть это будет испытанием.

Возражения, горячие и страстные, но они преодолены.

Если он идет к смерти, значит, так предопределено, и мы всем своим мастерством не сможем этого изменить. Мы не можем достичь цельности с помощью того, что не совершенно. Он должен сам помочь себе приобрести форму, иначе эта форма будет несовершенной. Пусть свободно делает то, что хочет. Только когда он освободится сам, перед ним откроется вход. Мы наблюдаем, мы ждем, но не можем действовать, пока он не вернется с открытым умом и сердцем.

Так близко... — Печально, с сожалением.

Близко, да. Но мы должны ждать... Наше обновление откладывается, мы не можем изменить это, ибо всякая перезарядка требует времени, много времени.

Дискан вошел в помещение с разрушенными стенами, стараясь не смотреть на груду обломков, ставшую могилой. В тусклом свете он видел, что стрелка указывает на один из разрывов в стене. Идти туда без фонаря, без надежды увидеть, что впереди, в то время как его может ожидать засада, — это настоящее безумие. Но он пойдет!

Неосторожный шаг среди обломков, и он тяжело упал. И лежа услышал впереди звук. Громче зажужжал прибор. Стиснув зубы, Дискан пополз — это его единственная предосторожность против бластера.

Как ни странно, но, просунув в отверстие голову и плечи, он не оказался в абсолютной темноте, какая могла бы царить за стеной. Напротив, миновав преграду, он увидел серый полусвет. Он находится возле другой лестницы. Но эта лестница ведет не вверх, а вниз.

Добравшись до нее, Дискан лег и прижался ухом к полу. Слабые звуки — шаги на ступенях? Враг уходит. Но быть захваченным на лестнице, стать целью для луча снизу...

Он ждал, пока звуки не стали такими слабыми, что он с трудом их различал. И тогда начал спускаться, но очень осторожно.

Жужжание прибора еле слышалось, из устойчивого биения оно превратилось в отдельные щелчки. И когда он подносил

шкалу к глазам, то видел, что с каждым поворотом лестницы поворачивается и стрелка.

Вокруг и вокруг, вниз и вниз. Он уверен, что находится уже ниже уровня наружных улиц. Стало сыро, от ступеней исходил неприятный запах разложения, как на болоте. Возможно, у болота, которое затопило Кскотал, есть какое-то подземное дополнение.

Спускаться приходилось медленно: повороты лестницы вызывали головокружение. Однажды, остановившись, он услышал позади слабый звук. Дискан прижался к стене, поднял голову и всматривался в уходящую вверх спираль.

На фоне тусклого света промелькнула мохнатая голова. Животные! По меньшей мере одно идет за ним. Он воспользовался шокером в том помещении. Может, это превратило друга во врага? Но когда он остановился, животное тоже остановилось, оно не пыталось приблизиться. После долгого ожидания Дискан успокоился. В каком-то смысле это возвращение к первым дням в мире загадок, когда он в сопровождении такого же спутника шел вдоль хребта. Он снова начал спускаться.

Насколько глубоко уходит эта витая лестница? Он не пытался считать ступени, но наконец они привели его на площадку, от которой отходил коридор. Сюда протянуло свои щупальца болото.

Влажный воздух полон зловонием. У стен отвратительными полосами болезненная, слабо светящаяся растительность. Некоторые растения поднимаются посредине прохода прямо с пола. Никогда Дискан не встречался с местом, которое понравилось бы ему меньше. Однако прибор утверждал, что нужно идти туда, и он видел следы. Здесь проходили другие — вот раздавленный гриб, вот полоски на слизистом полу.

Растительность у стен мешала ясно видеть. Дискан шел медленно и осторожно, постоянно прислушиваясь: слушал, не прозвучат ли впереди шаги, прислушивался к жужжанию прибора, к звукам животного за ним. Животного он совсем не слышал, зато прибор ожил, теперь его гудение стало громче.

Внизу светлей, чем было вверху: светится уродливая, неприязненного вида растительность. Ее внешность так отвратительна, что Дискан всячески пытался избежать прикосно-

вений к ней. Но все же неосторожно задел рукой за мясистый вырост, сломанный тем, кто проходил до него.

Руку обожгло словно огнем; боль напоминала ту, что он испытал, когда выводил из строя сторожевой робот. Тогда его рану залечил корабль. Теперь же он может только тереть руку о парку, надеясь, что убирает жгучую жидкость, а не размазывает ее. Пальцы у оснований покраснели и распухли, и когда он пытался их сгибать, испытывал сильную боль.

Впереди еще много сломанных «ветвей», приходилось уворачиваться от капавшего из них яда. Почему враг не использовал бластер, чтобы прочистить себе проход?

Дискан очень мало знал об этом оружии. По закону его можно носить и использовать только на планетах, имеющих статус «опасных», и делать это могут только сотрудники Службы. У обычных галактических граждан нет никаких причин пользоваться таким оружием. Дискан предполагал, что бластер работает так же, как шокеры, то есть у него есть определенный запас энергии, который может истощиться. И если человек впереди не использовал бластер, чтобы расчистить дорогу, это могло означать, что у его бластера кончается заряд.

Впервые за несколько часов Дискан внимательно посмотрел на указатель на шокере. В последний раз он пользовался шокером наверху: вначале уложил стервятника, потом расчистил себе дорогу. А когда он его нашел, тот был заряжен только наполовину. Теперь маленькая черная стрелка стояла почти у красной черты — «разряжен». Так что если у врага разряжен бластер, у него самого оружие не в лучшем состоянии. Тем не менее у Дискана не было никакого желания идти открыто.

Что привело человека, по следу которого он идет, в этот ад? Спасался от более сильного врага? Но если так, куда делся этот враг? Животные? Нет, человек наверху был убит выстрелом из бластера, да и в большом зале бластер был нацелен на Дискана, а не на животных. Значит, тот, за кем он идет, считал его частью угрозы, приведшей его в это укрытие.

Впереди открытое пространство, расчищенное от растительности, если не считать нескольких оставшихся стебельков и пепла на полу. Здесь систематически использовали бластер, чтобы очистить стены по обе стороны прохода. Убрав растительность, бластер обнажил рельефные изображения на стенах — не едва заметные и выветрившиеся, как наверху, а

глубокие и четкие, хотя обесцвеченные долгими годами и наростами грибов.

И это не рисунки, а руны, настоящие руны! Но только в них ничего не понятно, они идут не прямыми линиями, а дугами по стенам и горизонтально и вертикально, и настолько сложно, что трудно отделить один знак от другого.

У стен четыре каменных блока — по два с каждой стороны. И перед одним масса разбитого устройства из металла и стекла, явно инопланетного происхождения. Рядом разорванная лента звукозаписывающего аппарата, спутанная так, что распутать невозможно. Прибор на поясе зазвучал громче. Дискан не стал подходить к ленте и пошел в ту часть коридора, где снова была растительность.

— Груфа на сандак — форварре!

Крик донесся откуда-то спереди, но Дискану показалось, что кричащий близко, совсем близко. И слова не имеют никакого смысла. Он укрылся за выростом грибов. Это может быть только предупреждением. В высоком голосе слышны истеричные нотки, а это еще больше способствует нежеланию двигаться дальше. Достаточно одного этого места, чтобы передумать и идти назад. Дискан считал, что кричащий выстрелит в любого загнавшего его в угол.

— Кто ты? — Дискан постарался, чтобы его голос звучал спокойно и естественно. Говорил он на основном и ожидал ответа, который сумеет понять.

— Не считай нас дураками, джек-подонок. Выходи, или я выстрелю!

Ответ на основном, но все равно мало смысла.

— Я не знаю кто такой Джек-подонок, — ответил Дискан. — И не знаю, кто вы. Меня зовут Дискан Фентресс.

— В куртке джека? — В этих словах слышалось презрительное недоверие. — Считаю до пяти, потом мы начнем стрелять по растительности у стен. Запах горения задушит тебя.

— В куртке, которую я нашел в убежище, — торопливо ответил Дискан. Вот почему по нему сразу выстрелили вверху. Парка заставила принять его за врага. — Говорю тебе: мой корабль здесь разбился. Я бродил поблизости...

— Я тебе не верю. Кал надра сонк!

— Хорошо, хорошо, выхожу. — Он вышел на расчищенное место. Конечно, дым от растительности способен задушить,

но если догадка верна, на него они не станут тратить заряд бластера.

Дискан осмотрелся. Прямо посредине коридора, вдалеке от обеих стен, стояло одно из животных. Подняв голову, оно наблюдало за ним. Вот оно, хромая, сделало шаг, другой, и Дискан понял, что это то самое, которое сражалось вместе с ним в горном проходе. Животное медленно подошло, остановилось рядом и посмотрело вдоль коридора. И у Дискана появилось чувство, что они снова противостоят общему врагу.

Какие-то звуки, негромкий говор, слова непонятны, но ясно, что впереди не один человек.

— Нет, вы не можете, высочайший! Прошу вас, вернитесь!

Высокий голос теперь звучал нервно и протестующе. Впереди какое-то движение. От стены отделилась фигура, рядом вторая, меньше и стройней. Первая сделала два шага в сторону Дискана и опустилась на скользкий пол, увлекая за собой вторую. Дискан, понимая, что это его единственная возможность, прыгнул вперед и выстрелил из шокера.

Обе фигуры лежали неподвижно, пораженные лучом. Мгновение спустя он остановился перед ними и наклонился в поисках оружия.

Закатанин! Мягкие складки шеи и кожистый хохолок на затылке чужака. Желто-серая кожа почти такого же цвета, как растительность. Большие глаза рептилии смотрели на Дискана, хотя взгляд явно не мог сфокусироваться. На уровне пояса защитный костюм чужака срезан, и торс его перевязан. Поверх белых складок налеплена пластакожа.

Меньший спутник закатанина тоже смотрел на Дискана, когда тот его перевернул, но этот взгляд был полон страха и ненависти. Девушка, длинные волосы выбиваются из-под сетки, защитный костюм испачкан и исцарапан, а на поясе то, что он ищет, — бластер. Отобрав бластер, Дискан огляделся.

В стене дыра — грубо выжженный проход. Должно быть, они прошли здесь. Дискан прошел в него, чтобы посмотреть, что там. И нашел два походных мешка с припасами, расправленный спальный мешок, горящую лампу и груду других вещей у стены — но никого больше.

Он поднял девушку, перенес ее внутрь и уложил на мешок. Потом проделал тот же маршрут с закатанином, которого уло-

жил на пол. Кожа чужака была сухой и горячей на ощупь; у чужака температура, он, похоже, серьезно болен.

Подбоченясь, Дискан переводил взгляд от одной к другому. Уцелевшие в крушении космического корабля не будут ходить в защитных костюмах. Такая одежда используются только исследователями планет на правительственной службе. Он не знал, сколько придется ждать, прежде чем пройдет воздействие шокера и он сможет задать вопросы, но время теперь у него есть.

Глава одиннадцатая

Мохнатый лег на пол у двери и время от времени поглядывал в проход, может, прислушивался, подумал Дискан. Он сам бродил по комнате, рассматривая нагроможденные предметы. Потом включил диктофон, в который была заправлена лента.

— Сообщение 6А3, экспедиция на Мимир. Пятый день после высадки. ист-технер Зимгральд страдает от последствий ранения, он без сознания, но временами приходит в себя. Мне необходимо проверить, по-прежнему ли за нами охотятся. Допишу вернувшись. Сообщение сделала Джула Тан.

— Джула Тан, — повторил Дискан, глядя на девушку, которая смотрела на него полными ненависти глазами. — Меня зовут Дискан Фентресс... — Показалось ли ему, но во взгляде девушки что-то изменилось, когда он назвался. Повинуясь порыву, он стащил тесную парку, чтобы она могла увидеть его наряд ваана, хотя он грязный и изорванный.

— Я тебе говорил правду, — добавил он. — Я выжил при катастрофе, мой корабль утонул в болоте. А я нашел убежище — там и взял эту крутку.

Пока действует луч шокера, она не может ответить, но будет слушать, не сможет заткнуть уши, как сделал он в ваанчардском саду.

— Не знаю, что тут происходит. В комнате, от которой ведет лестница, я нашел под обломками мертвеца. На нем было это, и это привело меня к вам — после того как вы попытались сжечь меня из бластера. — Дискан показал девушке прибор. — Поверь мне, я вас не преследую. У меня нет причин драться с вами...

Он вспомнил о том мгновении, когда выбежал из помещения вслед за стрелявшим. Тогда он был в гневе, но сейчас этот гнев прошел. И теперь он способен понять недоразумение из-за парки. Он отвернулся от девушки и наклонился к закатанину. Он ничего не может сделать для чужака. Медицинских знаний у него нет; он не проходил даже инструктажа по оказанию первой помощи, как члены любых экспедиций. И несомненно, все, что можно сделать, девушка уже сделала.

Дискан с нетерпением ждал, когда кончится действие шокера. Ему хотелось услышать ответы на свои вопросы. Он снова обратился к диктофону. В нем было еще несколько лент. Дискан заменил первую.

— Сообщение 2Б1. — Ему показалось, что он узнает голос девушки. — Стрельба по растительности у стен дала неприятные и, возможно, опасные последствия. Мы перешли в боковое помещение, оставив проход под контролем на расстоянии. Есть основания считать предварительные гипотезы верными: «Место великих сокровищ» поблизости отсюда, и мы можем найти ключ ко всему поиску. Капитан Ренбо и два члена экипажа пошли за новыми зарядами, а также чтобы обезопасить корабль для дальнейшей работы здесь. Докладывала Джула Тан, второй тех.

Щелк, щелк, щелк — и снова тот же голос.

— Сообщение 2Б2. Заряд теплового устройства кончился, но результаты использования устройства положительные. На стенах превосходные образцы рельефных изображений — смотри видеоленту 884. Первый тех Мик с'Фан отправился вперед на разведку. Мы получили от него два сигнала. Капитан Ренбо и его люди еще не вернулись. Мы не можем продолжать исследования без оборудования, которое они должны принести. Используем время, чтобы сделать подробную сканзапись изображений на стенах.

Снова промежуток, заполненный щелканьем. Потом другой голос, более низкий, со свистящими интонациями, — несомненно, голос закатанина. Это сообщение было на техническом жаргоне, который для Дискана ничего не значил. Сообщение продолжалось до конца ленты. Дискан вернул диск на место и выбрал другой.

— Сообщение 5Д5. В течение восьми планетных часов никаких известий от первого теха с'Фана. Три часа назад вклю-

чили срочный вызов с просьбой немедленно вернуться. Попытались также связаться с капитаном Ренбо. Ничего после искаженного сообщения, пришедшего час назад. Животные на лестнице, они кажутся враждебно настроенными и не дают нам подниматься. Ист-технер Зимгральд не хочет их возбуждать по причинам, указанным в предыдущем отчете. Их уровень интеллекта даже по нашей грубой оценке выше восьми X, поэтому он пытается вступить в контакт согласно Четырем правилам. Они не причиняют нам вреда, но и не дают уйти. Настроили призыв на полную мощность, вызываем также корабль.

Снова перерыв, потом опять голос Джулы, но на этот раз не спокойный и сдержанный, а высокий, взволнованный, говорит она быстро, слова сливаются друг с другом.

— Сообщение 5Д6. Передача с корабля, оборвавшаяся после первых слов. На корабль напали. Никакого ответа от с'Фана. Животные по-прежнему караулят лестницу, но против нас не выступают...

Здесь сообщение прерывалось, и на ленте больше ничего не было. Дискан достал следующий диск.

— Сообщение 5... 5Д. — Очевидно, Джула сбилась со счета. Голос ее звучал напряженно, и говорила она запинаясь.

— После исчезновения животных мы пошли вверх по лестнице. Наверху никого. Указатели действуют, но когда мы попытались покинуть город, то поняли, что заблудились. Объяснить это не можем. К ночи вернулись в башню-храм. Животные, как обычно, собрались в большом зале. Мы попытались войти, но нам не дали. Мы вернулись сюда, в базовый лагерь. За время нашего отсутствия не было никаких сообщений. Я снова попросила высочайшего усыпить меня гипнотически: сны мои становятся все страшнее. Он хотел, чтобы я их видела и записывала с помощью приборов, фиксирующих деятельность мозга, но эти сны так меня пугают, что я боюсь не выдержать. На лестнице нет животных. Мы приготовим мешки с неприкосновенными запасами и завтра снова попытаемся уйти из города. Не понимаю, почему наши указатели нас подводят. Сообщение продолжит ист-технер Зимгральд...

Опять совершенно непонятное техническое сообщение. Дискан снова посмотрел на девушку.

— Значит, вы тоже не смогли выйти из города, — заметил

он. — Что происходит с этими улицами, когда пытаешься уйти к хребту? На всех ли это действует? Если у вас были оставлены указатели...

В ее взгляде больше не было настороженности или страха. Его она теперь разглядывала как проблему, скорее интересную, чем опасную.

— Так что произошло дальше? — Дискан взял следующий диск.

— Сообщение 6А1. Утром предприняли новую попытку вернуться на корабль. Увидели группу из троих, наблюдали за ними с верха башни из укрытия. Высочайший считает, что это джеки. Остались наверху. Когда они приблизились, мы заметили, что их окружают животные, но не показываются. Мы оставались в укрытии, но решили отступить еще выше. Наверное, старая история: это охотники за сокровищами. Если это так, то мы, вероятно, остались одни, капитан Ренбо и его люди... мертвы. — После небольшой паузы она продолжила: — Ист-технер Зимгральд просит зафиксировать, что мы действуем по протоколу Защита-Один. Он достал оружие, и теперь мы будем постоянно носить его с собой. Указатель на Мика с'Фана перестал действовать, и мы не можем усилить действие прибора. Насколько нам известно, мы остались одни...

— Так оно и было...

Дискан повернулся. Девушка приподнялась на руках, борясь со слабостью мышц, вызванной действием луча.

— Помоги мне сесть. Нужно уложить сюда высочайшего. Кровотечение не должно возобновиться... у меня больше нет пластакожи и инъекций.

Он помог ей сесть, прислонившись спиной к стене, потом осторожно уложил закатанина на импровизированную постель.

— Его ранили джеки?

— Да. Они начали прожигать дыры в стенах наверху. Очевидно, знали, за чем охотятся. Наверно, заставили говорить кого-то из членов экипажа. Высочайший попытался следить за ними, но тут произошел обвал, и он попал под него. Думаю, они решили, что он мертв. Тогда я и увидела их главаря в таком... — Она показала на снятую Дисканом парку. — Не могу сказать, почему они не спустились сюда. Они поспешно ушли. Я извлекла высочайшего из-под камней. Тогда он не казался

серьезно раненным. Мы с трудом спустились сюда, но тут он упал, и с тех пор... — Она в жесте беспомощности развела руки.

— А мертвец наверху?

Она вздрогнула и закрыла лицо руками.

— Позже я поднялась наверх. Он напал на меня, и я выстрелила... Не понимаю, что случилось.

— Но сюда они не приходили?

— Нет. Я... я подумала, что ты один из них. Животные... они приходили посмотреть на нас, но потом ушли. Я думала, ты используешь их против нас. Я... — Джула рассмеялась дрожащим смехом. — Я пыталась поговорить с ними, но ничего не вышло. Они разумны, знаешь; высочайший в этом уверен. Но мы не сумели выработать метод коммуникации.

— Ты говоришь, джеки знают, что ищут. А что именно?

Джула ответила не сразу, она закусила губу, словно сдерживая ответ, прежде чем его обдумает. Потом, по-видимому приняла решение ему довериться, потому что начала быстро говорить.

— Эта планета была обнаружена двадцать лет назад перворазведчиком Ренфри Фентрессом. — Она круглыми глазами посмотрела на Дискана. — Фентресс... ты?

Дискан покачал головой.

— Это мой отец.

— Да, действительно, ты неподходящего возраста, если только ты не мутант. Так вот, в его отчете содержатся видеозаписи этих руин. И архивисты закатане заинтересовались ими. У них есть собрание легенд, относящихся к этой части галактики; и очень часто они считают — и обычно оказываются правы, — что, исследуя первоисточники таких легенд, могут обнаружить следы Предтеч. Это был один из таких случаев.

И, как всегда, пошли слухи об открытых сокровищах, в особенности потому, что во главе экспедиции встал высочайший Зимгральд. В прошлом он уже сделал две исключительных находки: Сверкающий дворец на Сланге и погребения на Воорджане. Обе находки оказались сказочно ценными, хотя их археологическая ценность вообще безмерна. Поиски по следам легенд — всегда азартная игра...

Закатане получили лицензию на раскопки здесь, с правом удержания всего, что обнаружат. Согласно правилам, экспедиция была смешанная. Я второй археолог-технер с Новой

Британии, Мик был с Ларога, а капитан Ренбо, его экипаж и два наших лаборанта были изыскателями.

— Не очень большая экспедиция, — заметил Дискан.

— Да, но планировалось, что мы сделаем только предварительный осмотр, только потом придут остальные, если наши находки окажутся перспективными.

— И ты считаешь их перспективными?

— Так считает высочайший. Я не понимаю весь процесс изучения легенд. Закатане существуют гораздо дольше нас, и у них есть техника и знания, с которыми наши не могут сравниться. Я знаю: что-то здесь привело высочайшего в крайнее возбуждение. И я уверена: джеки следят за нами, потому что хотят отобрать у нас то, что мы нашли. Такие сокровища можно продать в любом из сотни подпольных торговых центров.

— Но... куда они ушли? — Дискан сел на корточки. — Я нашел место, куда садился корабль или корабли, и поблизости было убежище для выживших — в нем работал передатчик.

— Но разве из передачи ты не узнал, кто они?

Дискан покачал головой.

— Передача не на основном.

— Значит, убежище оставили не наши люди. — Она сложила руки. — Я думала... может, им пришлось улететь. Но они оставили бы стандартное сообщение.

— Возможно. Там я взял эту куртку. И там было множество контейнеров, закрытых на личные замки. Должно быть, оставлены для конкретных людей.

— Значит, куда бы они ни ушли, они намерены вернуться. И наш корабль — он тоже, должно быть, улетел. Но почему?

Дискан обдумывал эти вопросы. Неожиданно он понял, что впервые в жизни думает быстро и четко и способен без помех преобразовать мысль в слова. И испытал прилив необычной уверенности в себе.

— Ты сказала, что за вами должен был прилететь другой корабль. Он ждет какого-то сигнала?

— Да... о да. Эта экспедиция завершает работу на Зорастере. И если наш отчет окажется отрицательным, она должна вернуться на базу.

Дискан кивнул.

— Тогда возможно такое объяснение. Ваш корабль использовали, чтобы отправить такое сообщение. Возможно, капи-

тан Ренбо или его люди действовали под гипноконтролем. Ваш второй корабль получил отрицательный ответ и отправился на базу. Теперь джеки не опасаются вмешательства, и у них достаточно времени, чтобы все здесь расчистить.

— И они могут прийти снова — даже сейчас!

Дискан поднял указующее устройство, которое положил рядом с диктофоном.

— А это что? И как с его помощью можно кого-нибудь выследить?

— Мы используем их, чтобы следить за нашими людьми во время исследований. Всегда возможен несчастный случай, потребность в помощи. Когда мы в поле, такой прибор настраивается на каждого отдельно. — Она взяла у него устройство, внимательно осмотрела и потом со страхом взглянула на Дискана.

— Этот прибор настроен на меня.

— Они нашли его на вашем корабле?

Она кивнула.

— Значит, у них может быть и прибор, настроенный на него. — Дискан показал на закатанина.

— Не знаю. Потребуется изменить много настроек, и я не уверена, что они знают, как это сделать. Закатане телепаты, и у них эта связь действует по-другому.

— Но если у них такой прибор есть, они направятся прямо сюда.

— Да, но мы не можем поднять его по лестнице!

— Конечно, но от этого помещения ведет проход.

— По нему пошел Мик, — негромко сказала Джула.

— У нас может быть много времени, — говорил Дискан, — а может быть очень мало. Но если останемся здесь, у нас вообще не будет шансов. Есть ли у тебя подкрепляющее? Достаточно, чтобы поставить его на ноги?

— Но если вести его так — это его убьет!

— А если остаться — тоже убьет, и не только его, но и нас. Или же они, зная, кто он, не захотят его убивать. Он станет их инструментом — после того как они его сломают. — Дискан сознательно говорил резко и жестоко и видел, какую реакцию вызвали у нее его слова.

— Молодой человек совершенно прав... — Слова, произнесенные медленно, с шипением, заставили их посмотреть на закатанина.

Он по-прежнему лежал на спальном мешке, куда его положил Дискан, но взгляд сфокусирован и в нем ясное сознание.

— Высочайший! — Джула отошла от стены. Он поднял одну руку с когтистой четырехпалой ладонью.

— Он прав, — медленно повторил Зимгральд. — Этим стервятникам ничто так не нужно, как ключ, способный открыть множество замков. Поэтому они не должны его получить — никогда. И если бы я не был еще в состоянии служить нашей общей цели, то я сам позаботился бы об этом. Не думаю, что, говоря это вам, я слишком уж тревожусь о своем будущем. Но если останусь с вами и смогу помочь, вам это будет полезно... Истинная помощь вам вот где...

И он с огромным трудом показал на мохнатого, который по-прежнему лежал у порога.

— Есть путь в руинах, который они знают и которым пользуются. Узнайте его от них, и вы сможете бесконечно долго уходить от охотников. Хааа...

Он издал низкий шипящий звук, адресованный мохнатому. Животное повернуло голову и посмотрело на закатанина немигающим взглядом, каким оно же или его собратья смотрели в прошлом на Дискана. Человек-рептилия и мохнатый долго смотрели друг на друга, и Дискан ощутил беспокойство.

— Не могу непосредственно обмениваться с ним мыслями, — сказал наконец закатанин, — но надеюсь, теперь он понял, что здесь нам грозит опасность и мы должны уйти. Но я не уверен, что он поведет нас.

— Даже с подкрепляющим ты, высочайший, не сможешь подняться по лестнице, — возразила Джула.

— Это тоже верно. Поэтому пойдем другой дорогой — по коридору.

— Мик... — Она скорее прошептала, чем произнесла вслух это имя.

— Да, Мик пошел этим путем и не вернулся. Но у нас нет выбора. Подняться по лестнице, возможно, означает попасть прямо в руки к врагам. — Желтые губы сложились в полуулыбку. — В то время как здесь мы можем оставить кое-что такое, что задержит преследователей — пусть только на время. У нас есть инструменты, которые в случае необходимости превращаются в оружие. Теперь сделайте следующее...

Со своего места он давал краткие, но четкие указания. Они

отбирали из груды припасов определенные вещи и соединяли их, причем Дискан обнаружил, что к нему вернулась привычная неуклюжесть. Когда девушка проявила нетерпение его неловкостью, закатанин отправил ее готовить дорожные мешки. Под его терпеливым и точным руководством Дискан стал действовать уверенней.

В конце концов у него получилась рама из трубок, к которой был прикреплен высоковольтный фонарь. Он не понимал, как будет действовать это странное собрание предметов, но Зимгральд был уверен в его эффективности.

Они разместили его поперек прохода — очень хрупкая преграда. Мохнатый с сосредоточенным интересом наблюдал за действиями Дискана. Когда молодой человек вернулся в помещение, Джула на коленях стояла у спальника, готовая сделать инъекцию подкрепляющего.

— Хотелось бы знать, — заметил Зимгральд, — сколько времени даст нам Дух Защиты, прежде чем катастрофа обрушится на нас, словно граястреб. Но это еще одна загадка, которой нам не разрешить. Но сомневайся, младшая. Я так же хочу убраться из этой дыры, как и вы оба.

Реакция на животворный укол наступила быстро, и, встав на ноги, закатанин двигался уверенно. Дискан взвалил на спину самый большой мешок, девушка взяла поменьше. Они вышли в проход, где их дожидался мохнатый. Как только они вышли, животное повернулось и, хромая, пошло вперед. Зимгральд с Джулой — за ним, последним шел Дискан. Он оглянулся на раму, оставленную в коридоре. По слова закатанина, она задержит преследователей. Как именно — Дискан понятия не имел. Он только надеялся, что так и будет.

Глава двенадцатая

Зимгральд нес фонарь, но не включал его. Закатанина, повидимому, устраивало рассеянное свечение растительности. Дискан не видел никаких признаков того, что кто-то проходил здесь до них. Восстановленные силы ист-технера поражали его: Зимгральд шел так же быстро, как и два его спутника, а немного впереди хромал мохнатый проводник.

— Высочайший, — Джула коснулась плеча закатанина. — Инъекция подкрепляющего перестанет действовать...

— Тем скорее нам нужно уходить, младшая. — Его голос звучал почти весело. — Не тревожься: наши организмы устроены по-разному. Мои способности держаться вас еще удивят. Фентресс... — Он чуть возвысил голос, и имя гулко разнеслось в воздухе.

— Да?

— Что вы знаете об этой планете?

— Очень мало. Мой корабль разбился при посадке и утонул в трясине. Я был в анабиозе, и мне повезло, что катапульта меня выбросила. Увидел хребет и пошел вдоль него. Так нашел убежище...

— И город. Но не без руководства. Это ведь так? У вас были проводники, такие, как этот. — Одна из четырехпалых серо-желтых рук показала на мохнатого.

— Да...

— Но вы ведь сын разведчика, который открыл Мимир? Вы должны знать больше... — Эти слова были произнесены с особым значением, Дискан понимал это. Возможно, за внешним принятием закатанин скрывал собственные сомнения.

Но Дискан не собирался рассказывать чужаку всю свою историю, даже если это и могло развеять его сомнения.

— Перворазведчик посещает множество планет. Даже он не может помнить их все без дисков... — Сказав это, Дискан сразу понял, что допустил ошибку.

— Диск, да... Вы разбились на Мимире. Но эта планета далеко от всех транспортных маршрутов, Фентресс. Ее нет ни в коммерческих дисках, ни в дисках для туристов. И у вас не могло быть обычных причин посещать Мимир.

— У меня были собственные причины! — выпалил Дискан.

Он видел бледный овал лица оглянувшейся Джулы, но закатанин не оборачивался. И Дискану даже в этом тусклом свете показалось, что во взгляде девушки опять настороженность.

— Причины, имеющие отношение к тем, кто нас ищет? — продолжал расспрашивать закатанин.

— Нет! — Дискан надеялся, что в его отчаянном взрыве слышна правдивость. — Пока корабль здесь не сел, я даже не подозревал о существовании Мимира.

— Но ваш корабль прилетел на автопилоте, а вы были в

анабиозе. — Ни намека на подозрительность, но Дискан понял, что должен дать удовлетворительные объяснения, иначе эти двое его не примут.

— Да, мой корабль шел на автопилоте, и я не знал места назначения. Случайно оказалось, что это Мимир. Я не пилот; корабль шел автоматически. Я даже не знаю, почему он разбился. Меня это не интересовало, пока он не начал спуск и не потерпел неудачу. Почему корабль шел по курсу этого диска — мое дело, но клянусь всем, чем угодно, что это не имеет к вам никакого отношения!

Ему самому ответ показался слишком поспешным и резким. Он не был уверен, что, окажись в данных обстоятельствах на месте Зимгральда, поверил бы. Он понял, что Джула ему не поверила, потому что она пошла быстрей, держалась ближе к закатанину и старалась увеличить расстояние между ними. Пусть поступает как хочет. Верят они или нет — он сказал правду.

— Вы достаточно удовлетворили мое любопытство, Фентресс. Никто не станет отрицать существования случайности. Фактор икс...

— Фактор икс? — повторил Дискан. Серьезно ли говорит закатанин? Поверил ли он или только пытается скрыть свои сомнения?

— Да, фактор икс — тот самый неизвестный фактор, что вмешивается в уравнения, размышления, жизни, в историю. Те неведомые мелкие события, которые меняют личное будущее человека, его работу, будущее народов и целых империй, те, что переводят будущее с одной вероятной линии на другую. Человек может быть близок к решению проблемы. Но тут возникает фактор икс и делает простое сложным, а все расчеты неверными. Возможно, для Мимира вы и есть этот неизвестный фактор, а Мимир — то же самое для вас. Так мне кажется.

Случайность, которую мы не можем контролировать, не можем даже понять, привела вас сюда, и как раз вовремя. Ах... — Послышался звук, очень напоминающий человеческий смешок. — Какой интересной может внезапно стать жизнь! Этот Мимир — планета со множеством загадок; может быть, мы увеличим их число. А теперь — что это у нас?

Коридор кончился. Джула вскрикнула, и в ее голосе слышался страх. Дискан присоединился к ним.

Перед ними расстилалось огромное помещение, с огромными прямоугольными столбами, поддерживающими крышу наверху; столбы поднимались из болота.

Хотя Зимгральд включил мощный фонарь и направил его луч между рядами столбов, они увидели только грязные лужи, заросли грибов — кошмарное болото. Мохнатый опустил голову и принюхался к одной из луж у самых ног. Он зашипел, плюнул и молниеносно ударил лапой. Поверхность воды подернулась рябью, закачались несколько водяных растений. Затем мимирское животное село и посмотрело на инопланетников. «Предупреждает?» — подумал Дискан.

Посмеет он попробовать вступить в контакт? Он понимал, какой опасности подвергается, вступая в мысленный контакт. Почему ему пришло это в голову сейчас, да так настоятельно? Он отбросил страх и попытался проникнуть в мозг, скрывающийся за этими глазами.

Головокружительное ощущение вращения, его словно захватила и повлекла сила, гораздо более мощная, чем он. Дискан услышал собственный крик. Он запаниковал, потому что никакие усилия не могли избавить его от этого вращения.

— Дискан!

Голова повисла на грудь; он шатается, поддерживаемый закатанином, и едва не падает в ядовитую воду. Но мохнатый продолжает сидеть неподвижно, смотреть... пытается связаться! Да, вот оно что! Связаться!

Дискан по своей воле открыл дверь, и оттуда что-то протянулось к нему, почти втянуло его в неизвестность, такую страшную, что сама мысль об этом вызывает тошноту и отталкивает. Если бы он затерялся в этом немыслимом, то никогда не вернулся бы.

По-прежнему поддерживаемый закатанином, Дискан попятился подальше от животного, чувствуя такую слабость, словно только что выдержал смертельную схватку.

— Что случилось? — Голос Зимгральда действовал успокаивающе, словно поддерживал дрожащее тело.

— Я... попытался установить мысленный контакт... с ним!

Рука поднялась словно сама по себе и указала на мохнатого. Вытянутые пальцы могли бы быть стволом шокера, нацеленного для самозащиты.

— Контакт? Вы ксенопат?

— Я... иногда я могу заставить животное или птицу сделать то, что хочу. Раньше я боялся контакта с ним, но сейчас сделал, сам не знаю почему!..

— И нашли больше, чем ожидали. — Это не вопрос, а решительное утверждение. — Да, они телепаты высокого уровня, хотя прежде о такой разновидности телепатии мне не было известно. Но опять-таки нам везет. Если вам удастся установить лучший контакт, чем мне...

Дискан высвободился.

— Нет! Больше никогда! Говорю вам — оно меня едва не захватило! — Он пытался объяснить, но прежняя невозможность выразить мысли в словах заставила его запинаться. Он готов защищаться от такого риска даже шокером — а если понадобится, то голыми руками!

Здравый смысл помог ему восстановить самообладание. Закатанин не может заставить его вступить в контакт, если не введет в гипноз. А он постарается сделать так, чтобы этого не случилось. Дискан собирался сказать об этом, как вдруг услышал звук, доносящийся из прохода.

Черты ящеричьего лица Зимгральда заострились; шейный гребешок поднялся и образовал широкий веер вокруг головы.

— Итак, они нашли наш сюрприз. — Слова его напоминали шипение. — Теперь у нас очень мало времени.

Джула схватила закатанина за руку.

— Высочайший, что нам делать?

Воротник закатанина начал складываться.

— Как что, младшая? Поплетемся дальше... или, пожалуй, поищем более надежный путь. — Он посмотрел на мохнатого. — Он знает, что мы хотим... убежать. И думаю, продолжит нам помогать. Некоторые чувства так сильны, что легко улавливаются: страх, надежда, любовь... сейчас наша надежда на страх. Он передаст наше желание. Но нам лучше двигаться. Сюрприз задержит их, но ненадолго; это препятствие они преодолеют.

Но они пошли не вперед, в болото. Мохнатый опустился на все четыре лапы и двинулся направо, вдоль стены, в которую уходил коридор. Зимгральд готов был следовать за животным. Держа Дискана за руку, он повел его. Джула поддерживала с другой стороны.

Снова закатанин выключил фонарь. Дискан собирался

возразить, но сразу понял разумность этого поступка. Сильный луч не только предупреждает об их приходе неизвестную угрозу впереди, но и может быть замечен преследователями.

Здесь свечение растений было не таким густым, как в коридоре, но все же света достаточно, чтобы видеть, куда ступаешь; видно было и животное в нескольких шагах впереди.

— Что это за место? — спросила немного погодя Джула.

— Кто знает? — ответил Зимгральд. — Оно было по какой-то причине нужно жителям города. Эти столбы могут поддерживать здания вверху. Но зачем эта пещера? Кто может сказать? — Он слегка приподнял воротник, словно пожимал плечами. — Когда-то она использовалась, иначе ее не было бы. Этот город всегда был связан с водой...

— Да, — сонно подтвердил Дискан. — Залитые водой улицы, прохладные сладкие залитые водой улицы...

— Да? — мягко побуждал его закатанин. — И что еще насчет залитых водой улиц?

На мгновение Дискан вернулся в свой сон.

— Сладкая вода, ароматная вода... вода улиц Кскотала... — Он пришел в себя и увидел, что оба они его внимательно слушают.

— Вы видели сон? — Вопрос уже не мягкий, требовательный и быстрый.

— Я шел по Кскоталу, и вода была вокруг меня, — правдиво ответил чужаку Дискан.

— И что вы узнали о Кскотале, когда ходили так?

— Что он прекрасен, полон света и цвета — замечательное место.

— И что вы снова ходили бы по нему, если бы могли?

— Да... — Дискан почувствовал, как после этого признания рука закатанина крепче сжала его руку. Но тут же разжалась.

— Значит, они связывались с вами... Видишь, младшая, — обратился закатанин к девушке. — Сны не злые. Они пытались связаться...

Она энергично покачала головой.

— Нет! Это были ужасные сны, они угрожали! Я не ходила по прекрасным, полным воды улицам, — бежала по темным проходам, а меня все время преследовали, за мной гнались!

— Кто? — спросил Дискан. — Джеки?

Она снова покачала головой, еще энергичней.

— Нет. Я никогда этих преследователей не видела... только знала, что они хотят меня схватить. И это было ужасно. Наши сны разные, хотя я тоже была в городе...

— В городе Кскотале... — Закатанин задумчиво повторил это название. — Это название города, оно тоже из сна?

— Да. И это Кскотал... хотя я видел его не таким.

— Живая плоть на мгновение облекла рассыпающиеся кости. У вас необычный дар, Фентресс, я ему завидую. Глядя на рухнувшие камни и покинутые здания, я могу в сознании восстановить картину. Подготовка, много знаний, рассуждения — все это помогает создать картину, но я никогда не знаю, насколько она верна. Иногда она бывает очень близка, но немного не так здесь, небольшое отклонение там...

Дискан спросил, словно на вдохновении:

— Фактор икс?

Зимгральд снова усмехнулся.

— Несомненно — фактор икс. Мне его не хватает; но у вас он может быть. Возможно, вы умеете создавать всю точную картину.

— Я не археолог.

— А кто вы, Дискан Фентресс? — спросил закатанин.

В ответе прозвучала старая горечь.

— Никто, совсем никто. Нет... — Неожиданно возникло желание нарушить спокойствие закатанина. — Это не совсем так. Я преступник... Если меня найдут, подвергнут исправляющему лечению!

Джула споткнулась, но Зимгральд лишь слегка фыркнул.

— Я в этом не сомневался, Фентресс: вы этим так гордитесь, словно одержали победу. Но почему вы считаете это победой? От какой жизни бежали с такой поспешностью? Нет, нет, не сердитесь: я не собираюсь копаться под той оболочкой, которую вы нам представили, чтобы за ней укрыться. Но только вы гораздо больше, чем сами считаете. Не ползите по грязи, если можете парить. Ха... замечаете перемены в атмосфере, дети?

Быстрая смена темы заставила Дискана замолчать, но Джула тут же ответила:

— Стало теплей!

— Мне тоже так показалось, хотя подкрепляющее защищает меня от холода. Но почему потеплело?

И не только стало теплей — так тепло не было с самой высадки Дискана на Мимире, разве только у самого костра, — но и запах изменился. Зимгральд несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, прежде чем слегка кивнул.

— Вероятно, теплый источник. Естественный источник, но я не ожидал найти такое под городом... хотя всегда следует с недоверием относиться к «ожидаемому». Никогда не бывает точно то, чего мы ожидаем. Наш друг ждет...

Действительно, мимирское животное остановилось у основания широкого камня, тут и там покрытого полосами слизистой растительности; камень слева от них, и от него открывается наклонный путь в открытые болота. Зимгральд внимательно разглядывал то, что можно было увидеть.

— Своего рода мост. Но смотрите под ноги. На камне эти полоски растительности могут быть очень опасными.

— Так и есть! — Джула бросилась вперед, подняла и принесла блестящий предмет. Она протянула его закатанину. — Это уронил Мик.

— Запасной заряд для ручного фонаря, — сразу определил Зимгральд. — Да, можно с большой долей вероятности предположить, что он принадлежал с'Фану. — Он включил свой гораздо более мощный фонарь и осветил наклонную поверхность камня. Выше по наклону виднелась полоса. Ее мог оставить упавший в заросли человек.

— Мик! — хлопнула в ладоши Джула. — Он, должно быть, перед нами — на этом пути! Он может быть еще жив!

— Это возможно, — согласился Зимгральд. Но в глубине души Дискан считал, что закатанин вряд ли больше, чем он, надеется на то, что они найдут пропавшего исследователя. — Нет, младшая. — Инопланетянин протянул руку и остановил Джулу. — Мы не станем торопиться! Не можем рисковать пострадать от оплошности. Смотри, как осторожно идет наш проводник...

Мохнатый поднимался на мост, если это действительно мост, но, как заметил закатанин, животное продвигалось осторожно и стороной обходило слизистые растения. Все трое, выстроившись цепочкой, так же осторожно двинулись за ним.

Химические запахи, поднимающиеся от болота, стали сильней. Зловоние доносилось порывами, словно болото время от времени выдыхало его. Вскоре рампа перестала подни-

маться, выровнялась, превратилась в дамбу или прямую дорогу между двумя рядами мощных каменных подпорок; она уходила во мрак пещеры.

Местами растительность исчезала, и тут мохнатый шел быстрей. Затем новые слизистые участки, и снова приходилось обходить растения. Дискану показалось, что их проводник опасается не только того, что на таких местах можно поскользнуться: он знает, что прикосновение к ним опасно. Он вспомнил жгучие ожоги, когда сам задел растительность в коридоре, и решил, что предосторожность вполне оправданна.

— Где же это может кончиться? — спросила наконец Джула.

Дискан знал, что время относительно и его восприятие зависит от действий, но ему показалось, что они идут по этой приподнятой дороге очень долго. Несколько раз он оглядывался, пытаясь разглядеть стену, от которой они шли, но слабый свет грибов ограничивал видимость, тени за ними смыкались, и он мог видеть очень немногое. Тем временем дорога бесконечно уходила вперед.

— Конец будет там и тогда, младшая, когда и где мы его найдем, — устало ответил закатанин.

Должно быть, она это заметила, потому что схватила Зимгральда за руку и поднесла его руку к себе.

— Высочайший, ты устал! Мы должны отдохнуть, поесть, позаботиться о тебе!

Дискан ожидал, что закатанин возразит, и встревожился, видя, как тот согласно кивнул. Неужели начинает сдавать?

— Как всегда, младшая, в твоих словах здравый смысл. Да, давайте отдохнем, но недолго. И поедим. Хорошие мысли нужно превращать в действия.

Они сели на участке, свободном от слизи, и девушка открыла свой мешок, достала тюбики с продовольствием, такие же, как Дискан нашел в убежище. Но закатанина она заставила проглотить таблетку, прежде чем он начал высасывать жидкую пищу из тюбика.

Дискан поколебался, потом руками, которые за годы физической работы стали сильны, разорвал тюбик пополам. Держа половинку открытым местом кверху, он протянул ее мохнатому.

Животное встало и, хромая, подошло к нему. Сев на задние

лапы, поднесло тюбик к пасти и когтями передних лап выжало содержимое. Теперь Дискан увидел, что поразило его в этих когтях, когда он впервые увидел представителей этого вида. Да, это лапы и когти, но ловкие, как рука, — может быть, не человеческая, но все же рука.

Он оглянулся и увидел, что Зимгральд наблюдает за ним.

— Они не животные. — Закатанин словно вслух высказал мысли Дискана. — Но кто они? Это очень важный вопрос — кто они?

И другой, не менее важный, хотел добавить Дискан, но не стал: чего они хотят от нас?

Глава тринадцатая

Тепло подземного мира усыпляло. Возможно, в болотных испарениях было что-то наркотическое. Дискану не хотелось идти дальше. Да и спутники его не торопились вставать. Джула внимательно наблюдала за закатанином.

— Высочайший... — первой нарушила она молчание. — Как ты себя чувствуешь?

Шевельнулись концы кожистого воротника.

— Не волнуйся, младшая. Старик способен еще немного поползать. Если не по другим причинам, то хотя бы из любопытства: хочу увидеть, что на другом конце этой дороги. Мне кажется, что когда-то это было водяное место. Они любили воду — те, что ушли задолго до нас. Но почему вода должна была омывать фундаменты их стен и башен, можно только гадать...

— Амфибии, раса, живущая в воде? — предположил Дискан.

— Возможно. Такие существуют... вернее, существовали... как есть расы ползающие и летающие. Однако наш друг... — он кивком указал на мимирское животное, — он не из воды.

Осмелев, Дискан решился задать собственный вопрос.

— А что говорят легенды о Кскотале?

Зимгральд улыбнулся.

— Очень немногое. Намек... всего лишь очень древний намек... на сокровище, которое может быть найдено в морском городе...

— Сокровище?

Воротник закатанина поднялся, окружив его лицо ящера.

— Да, от этого слова кровь бежит быстрей, верно? Но я считаю, что сокровища Кскотала нельзя держать в руках, разглядывать, подсчитывать и хранить в ящиках. Да, у всех рас есть свои сокровища, и иногда их собирают в груды. Но я думаю, что если бы здесь было такое сокровище, оно за долгие годы рассеялось бы, и эти джеки не найдут то, что ищут, даже если камень за камнем разберут весь Кскотал... к чему они определенно не готовы.

— Сокровища — знания? — размышлял Дискан.

— Именно так. Знания. Всегда помните это, юные. За самыми причудливыми древними сказками скрывается зерно истины. Иногда оно бывает очень мало и искажено слухами и легендами, но оно есть. И если его можно высвободить из-под отложений долгих лет, оно становится дороже всех драгоценных металлов и камней, которые можно нагромоздить, чтобы любоваться ими; пир ума гораздо богаче и длится дольше. Охотники за нами гонятся за «сокровищами», которые, возможно, давно исчезли, но я ищу здесь другое.

— Но королевские усыпальницы, сокровищницы...

Зимгральд кивнул.

— Да, их можно найти... и ограбить. И я тоже могу ошибаться. Я никогда не считал себя непогрешимым, дети мои. Смотрите, наш проводник теряет терпение. Я сказал бы, что пора нам снова в путь.

Увидев, что они встали, мимирское животное повернулось и пошло, высоко задрав голову, словно принюхиваясь к запаху в воздухе. Но Дискану казалось, что достаточно и запахов болота, чтобы затруднить дыхание. Он шел позади, оглядываясь в поисках врага, но если джеки миновали их преграду, они не торопились догнать беглецов. Однако сама мысль об этом преследовании заставляла Дискана ускорять шаг, пока он не догнал идущих впереди.

— Не нужно торопиться. Высочайший не может идти быстрей, — выпалила Джула.

— Боюсь, разум подсказывает, что все же нужно, — сказал ей Зимгральд. — Сейчас мы представляем отличную цель для нападения, и я не хочу оставлять эту дорогу, если только не появится выбор.

С этим Дискан был вполне согласен. У него шокер почти без заряда и бластер, который он взял у Джулы. Сопротивляться нападающим джекам — самоубийство.

Человек не становится джеком, грабящим торговцев и колонии, если до этого уже не стал преступником, для которого закрыт путь к честной жизни. И эти джеки будут добиваться того, что им нужно, любыми способами, не испытывая никаких угрызений совести. Закатанину они сохранят жизнь, пока не получат от него все, что хотят. Джула, как женщина, для них дополнительная добыча. А его они не задумываясь сожгут, и это еще в лучшем случае. Но почему джеки так уверены в том, что сокровища на Мимире? Неужели их привела сюда репутация Зимгральда, тот факт, что в прошлом ист-технер сделал два выдающихся археологических открытия? Это рассуждение слишком примитивно, а джеки отнюдь не глупы. Они очень хорошо подготовились и запаслись снаряжением. Все, что они делают, свидетельствует о тщательно спланированной операции.

С другой стороны, несколько минут назад закатанин говорил правду: сокровища, которые он ищет, не материальные. Так что это значит? Какие тайны прошлого настолько ценны, чтобы оправдать попытку их похитить?

— Что им здесь нужно? — спросил Дискан, думая о своем.

— Добыча! — презрительно ответила Джула.

— Но наш молодой друг спрашивает, добыча какого рода, — сказал Зимгральд. — Да, и для меня это загадка — небольшая, по сравнению с другими. Они очень хорошо подготовились, эти джеки, и у них хорошие сведения о наших планах. Они уверены, что можно найти что-то ценное, достойное больших усилий, уверены в своем успехе. Но я не знаю, что могло бы стоить такого риска.

— Может быть, вы? — спросил Дискан. Возможно ли это — захватить известного ист-технера и держать его в анабиозе? Но не похоже на джеков, которые предпочитают легкую и быструю добычу и возможность быстро ускользнуть.

— Весьма лестно. — Смешок Зимгральда прозвучал тепло. — Но думаю, нет: я могу быть им полезен только здесь. Закон усреднения говорит, что человек не может ежегодно делать находки. Нет, к несчастью для нас, то, что они ищут, находится здесь. Они считают, что мы знаем тайну, и это де-

лает нас важными. В противном случае они бы списали нас и занялись поисками сокровищ — а мы бродили бы в этом лабиринте, беспомощные и покинутые.

— Рррррруггггг!

Джула вскрикнула. Воротник закатанина взметнулся и раскрылся. Дискан положил руку на рукоять бластера. Мохнатый, который всю дорогу по этому зловонному подземелью молчал, вдруг издал режущий нервы крик. Он остановился, приподнялся на задних лапах, вытянул вперед передние и оскалил пасть, показав клыки. Ошибиться было невозможно — он увидел опасность.

Дискан протиснулся мимо Зимгральда и Джулы, сбрасывая по пути мешок.

— Ложитесь! — приказал он, представив себе залп бластера на этой дороге. Сам он присел, пытаясь проникнуть взглядом во мглу впереди, разглядеть угрозу.

После первого боевого клича мимирское животное молчало, но Дискан слышал свист его дыхания.

— Зимгральд, — крикнул он, — включите фонарь!

Луч может выдать их, но он способен и осветить то, что ждет их впереди. Это лучше, чем вяло ждать прихода опасности, возможно, такой, от которой нет защиты.

Сзади вспыхнул бело-желтый яркий свет, и от Дискана и мохнатого легли черные тени. Луч осветил — слишком отчетливо, на взгляд инопланетника, — то, что находилось посредине дороги. Дискан отшатнулся, прежде чем начал всматриваться. Эта тварь гораздо хуже того чудовища, с которым он столкнулся в горном проходе. При всей его чуждости, то имело что-то общее с животными, которых он встречал на других планетах. Но эта отвратительная тварь словно бы появилась из безумного кошмара. Передняя его часть поднимается вверх над туловищем, она раскачивается взад и вперед, непристойный столб, сужающийся наверху, без каких-либо отличительных подробностей, которые Дискан мог бы разглядеть, кроме сморщенного отверстия, которое раскрывается и закрывается.

По серой шкуре стекают полоски слизи и лужицами собираются вокруг центральной толстой части твари. Именно эта тварь или такая же оставила следы, которые он видел на улицах города.

Отвращение Дискана смешалось со страхом. Тварь огром-

ная, в два, может, в три раза больше его самого, а он ведь не маленький. И, несмотря на отсутствие видимых глаз или других органов чувств, он уверен, что тварь хорошо знает, где они. И все свидетельствует о враждебности ее намерений.

Он поднял бластер, нацелил в раскачивающуюся голову, но потом переместил прицел на центральную толстую часть туши. Возможно, выстрел в эту неподвижную часть принесет гораздо больший ущерб.

— Подождите! — Приказ Зимгральда раздался, когда Дискан уже собирался спустить курок, и прозвучал он так властно, что Дискан подчинился.

Мохнатый сделал стремительный бросок — но не вперед, к твари, а в сторону, прямо на Дискана, отбросив его направо. Отверстие на верху раскачивающегося столба выпятилось вперед, и из него вылетела струя темной жидкости — к счастью, не долетевшая на несколько дюймов.

Дискан выстрелил, но неудачно: луч лишь скользнул по заостренной «голове» твари. Тварь завертелась, столб превратился в невероятный свертывающийся и развертывающийся хлыст из кожи и мышц. Иногда он втягивался в туловище: очевидно, скелет, если такой и существует под отвратительными выступами плоти, не жесткий.

— Подождите! — снова прозвучал приказ закатанина.

Но на этот раз Дискан не намерен был подчиняться. Он нацелился и выстрелил в самую середину туши. Движения твари стали лихорадочными, конвульсивными, и при этом полными мощи. Неужели легкий ожог причинил столько вреда?

Послышался звук, словно кто-то разрывает ткань. Посредине лихорадочно извивающегося корпуса в коже и плоти появилась трещина, которая становилась все шире и шире. Движения чудовища словно разрывали его самого надвое. Столб в последний раз мощно выпятился, потом опал и лежал неподвижно во всю длину на камне, и стало отчетливо видно то, что поднимается из туши, освобожденное разрывом: весь слизень был как будто оболочкой, и теперь из этой оболочки высвобождался пленник. Что это такое, трудно было разглядеть даже в ярком свете фонаря, потому что оно двигалось рывками, сжималось, словно стараясь уйти от света. Да, есть ноги — вот одна неожиданно устремилась в сторону. Суставчатая нога, длиной с Дискана, покрытая тонкой красной ко-

жей, скользкой и блестящей. Потом, как и слизень, новое существо конвульсивно содрогнулось и выпрямилось.

Дискан услышал подавленный возглас Джулы, шипение Зимгральда. Теперь тварь была видна отчетливо и полностью: вытянутое тело висело в нескольких футах над поверхностью, опираясь на восемь ног, причем средние суставы ног поднимались выше туловища. Была и голова — круглый шар с глазами или пятнами, похожими на глаза, и длинный хобот, который то вытягивался, то собирался в шар.

Слизень был отвратителен и вызывал в Дискане страх, но глядя на эту тварь, отбрасывающую от себя сморщенную шкуру, он понял, кто его смертельный враг. И выстрелил.

Хобот устремился вперед, из него начала вырваться струя жидкости. И в этот момент испепеляющий луч бластера попал твари в голову. Дискан словно угодил в запас взрывчатки: существо буквально взорвалось. Вспыхнуло яркое пламя, с громким хлопком от вытолкнутого взрывом воздуха.

Дискан пошатнулся, ослепленный этим сверканием. Он не чувствовал, как прижалось к нему мохнатое тело, отталкивая от края жидкости. А отвратительный запах вызывал тошноту.

— Зимгральд! — с трудом произнес Дискан. — Вы это видели?

Оно мертво, должно быть мертво. Но Дискан не мог так легко преодолеть страх перед этой чудовищной насекомоподобной головой, нацеленной на них. Он не мог сказать, почему ощущение опасности так сильно, но был уверен, что они избежали самой страшной на Мимире опасности.

— Ничего... там ничего... — Даже голос закатанина звучал потрясенно.

Дискан потер слезящиеся глаза: он уже снова мог немного видеть. Но поверить в то, что сообщало зрение, — совсем другое дело. На месте, где была тварь, освобождавшаяся от сморщенной кожи, как и сказал Зимгральд, не было ничего. Словно и слизняка и того, что появилось из него, никогда и не существовало. Пустой камень.

— Нам все это... показалось? — Дискан запинался.

Луч фонаря передвинулся. Он осветил стеклянистую скользкую полоску. На месте слизня остался этот след. Нет, это им не приснилось. Но Дискана поразило действие его последнего выстрела.

— Мы не вообразили это... и это тоже!

Вдали на дороге, там, откуда они пришли, послышался крик.

Должно быть, фейерверк вывел джеков на их след. Мимирское животное уже шло дальше, минуя так неожиданно опустевшую сцену. Дискан снова пошел сзади. Зимгральд выключил фонарь и вместе с Джулой пошел за мохнатым.

Дискан надел на плечи свой мешок и поднес к глазам оружие, пытаясь разглядеть, сколько осталось заряда. Ноль! Он в тревоге постучал по указателю, чтобы стрелка индикатора сдвинулась, но та оставалась на месте. Тогда он сунул за пояс бесполезный теперь бластер и достал шокер, хотя можно ли будет его использовать против еще одного слизня-оборотня, он не знал.

Сознание, что их преследуют, заставляло идти по бесконечной дороге. Потом закатанин негромко произнес:

— Мы спускаемся.

Действительно, приходилось снова внимательно смотреть под ноги, потому что опять появилось много полосок слизи. Но вот они наконец спустились и оказались перед стеной с растительностью и лужами у основания. Здесь мохнатый снова повернул направо и повел их в, казалось бы, непроходимую преграду. Затем — он исчез! Дискан пошел медленней, видя, что Зимгральд и девушка тоже исчезли. И в свою очередь скользнул в узкую щель, которая вела в проход между внутренней и внешней стеной. Здесь света не было вообще, и он пошел вперед слепо, доверившись проводнику-животному.

Проход оказался очень узким. Дискан задевал стены плечами по обе стороны, а иногда не просто задевал: приходилось поворачиваться боком, чтобы пройти. Тепло болота исчезло; здесь было так же холодно, как на поверхности Мимира.

— Еще один поворот — направо... — предупредил впереди Зимгральд.

Дискан вытянул руку и, едва уперевшись в стену, протиснулся в другой проход. Но здесь впереди показался слабый свет, и на его фоне стали видны очертания идущих впереди.

Они шли, пока серый свет не сменился солнечным, и наконец вышли на открытое пространство, на свежий морозный воздух. Зимгральд прислонился к камню. Обе руки он прижал к перевязанному телу и дышал тяжело, судорожными рывка-

ми. Несомненно, его силы были на исходе, идти дальше он не может. Нужно найти укрытие, и найти его можно где-нибудь в городских руинах!

Но в городе ли они? Дискан осмотрелся, пытаясь найти какой-нибудь ориентир. Вот черные руины — но не вокруг них; между ними и городом болото в синих пятнах. А прямо перед ними нечто вроде дороги, проходящей по возвышению, примитивной и разбитой. Она ведет к хребту. К тому самому хребту, который привел их к Кскоталу? Дискан не был в этом уверен. Насколько ему известно, они могли пройти весь город и выйти с его противоположной стороны. Но если они доберутся до хребта, там можно найти убежище. И не стоит задерживаться здесь, у камня, под жгучим холодным ветром.

— Надо идти... — Дискан подошел к Зимгральду.

Джула поддерживала закатанина. Она враждебно посмотрела на Дискана.

— Он не может! — возразила девушка. — Хочешь его убить?

— Нет, — коротко ответил Дискан. — Но этот ветер может... или те, что идут за нами. Надо добраться туда... — он показал на хребет, — и побыстрей.

Закатанин кивнул.

— Он говорит правильно, младшая. И со мной еще не покончено!

Но Дискан видел, что к этому близко, а дорога нелегкая. Он убрал шокер, чтобы освободить обе руки, подошел и положил руку закатанина себе на плечо.

— Сюда! — Он уже почти нес Зимгральда. — Иди прямо передо мной! — бросил он девушке. И больше ничего не говорил во все время пути, только хмыкал и тяжело дышал. Тело, натренированное годами тяжелого труда, не отказало, несмотря на всю его неловкость. Он шел медленно, но не оступался и вел закатанина, который все больше и больше повисал на нем.

Как очень быстро понял Дискан, нужно сосредоточиться только на следующем шаге, выбросить все остальное из головы, не думать о том, что ждет впереди, или о джеках, которые могут появиться сзади — ты сейчас стал прекрасной целью для шокера, — обездвижить тебя и делать с тобой что угодно. Нет, о джеках нужно совершенно забыть, а весь мир должен сузиться до следующего шага.

Теперь он тяжело дышал: Зимгральд мертвым грузом ви-

сел на нем. Ребра Дискана словно опоясала полоса боли; спина и ноги ныли... Забудь и об этом. Вверх по этому камню... сюда... Здесь дорога ровнее. Вверх на следующий... два шага... еще одна ступень вверх... Ступень? Сознание Дискана работало медлительно и вяло. Впервые он позволил себе заглянуть дальше ближайшего шага.

Вокруг камни, а дальше ряды ступеней: две, три — и еще одна ровная площадка. Они добрались до вершины хребта!

Глава четырнадцатая

— Сюда!

Дискан смутно видел впереди девушку, она энергично махала рукой. Он, шатаясь, направился к ней, боль вгрызалась в ребра, он уже почти не мог выдерживать тяжесть Зимгральда. Он сделал еще одно усилие, и оба они оказались в проходе между двумя высокими камнями, в углублении, куда не достигает ветер и откуда Джула уже убрала снег.

Он попытался усадить закатанина, но споткнулся и упал, увлекая его за собой; инопланетник лег на него. Какое-то время Дискан просто лежал, пока кто-то не стал дергать его за руку и тем вернул к осознанию окружающего. Над ним наклонилась Джула. В глазах ее была ненависть, как при их первой встрече, тупо подумал он.

— Вставай! Ты должен встать и помочь мне! Ему хуже... помоги мне! — Она с такой силой ударила его по лицу, что голова дернулась и болезненно задела о мерзлую землю. Затем девушка пальцами вцепилась в воротник его парки и попыталась его поднять.

Дискан каким-то чудом оперся на руки и привстал, но для этого потребовались такие усилия, что он едва не задохнулся. Снова опустился на холодный камень и тупо смотрел на пришедшую в ярость девушку.

Закатанин лежал теперь на земле, укрытый пластаодеялом из одного мешка. Острый, как клюв, нос торчал над лицом, с которого словно сошла вся плоть, резко выступали кости под кожей. Глаза его были закрыты, и дышал он ртом, часто и мелко.

Рядом с ним стоял портативный нагреватель — его тепло, нацеленное на закатанина, доходило и до Дискана, так что он

полусознательно протянул руки к благодатному теплу. Мешки его и девушки открыты, содержимое их частично разбросано по полу, словно она торопливо искала что-то необходимое.

— Говорю тебе... — Она прижала руки ко рту, глаза ее расширились и взгляд неподвижно застыл. — Ему хуже! У меня больше нет подкрепляющего. А ему нужен Глубокий Сон и восстановительные уколы. А у меня их нет!

Дискан продолжал мигать. Тепло и усталость — каждое движение требовало невероятных усилий — словно туманная дымка висели между ним и Джулой. Он слышал ее слова, почти понимал их смысл, но ему было все равно. Хотелось только закрыть свинцовые веки, уйти, погрузиться в сон и просто спать, спать...

Еще один резкий шлепок по лицу немного привел его в себя.

— Не спи! Не смей спать! Говорю тебе: он умрет, если ему не помочь! Мы должны найти помощь!

— Где? — тупо произнес одно слово Дискан.

— В убежище... ты говорил, что есть убежище для выживших. Там должны быть самые разные припасы. Где это убежище? — Она вцепилась в грудь его парки и трясла Дискана.

Убежище? На мгновение туман, затянувший сознание Дискана, разошелся. Он вспомнил убежище. Там было много вещей. Да, там могла быть и аптечка: он ее не искал, когда осматривал палатку. Но убежище... он понятия не имеет, где они сейчас или где были.

Он протянул руку, набрал снега из трещины в камне и потер лицо. Холод привел его в себя.

— Где убежище? — Она нетерпеливо подгоняла его.

— Не знаю. Не знаю даже, на том ли мы хребте или нет.

— На том хребте?

— Мы могли пройти под всем городом и выйти с противоположной стороны. Если это так...

Она откинулась, выражение ее стало мрачным.

— Если это так, у него нет никаких шансов, верно? — Она плотнее укрыла закатанина одеялом. — Но ты в этом не уверен?

— Нет.

— Тогда проверь! Вставай и проверь!

Дискан поморщился.

— У тебя что — есть для нас мешок, полный чудес? Я совсем не знаю местность. Потребуются дни разведки, чтобы понять, где мы. И, откровенно говоря, я не могу встать — сейчас не могу.

— Тогда я пойду! — Она вскочила, но покачнулась и ухватилась за камень. Вцепилась в него, глаза ее заполнились слезами, и ручейки потекли по щекам.

— Чтобы погибнуть, когда он больше всего в тебе нуждается? — Дискан пытался обратиться к ее здравому смыслу, указать ей на то, что ему самому очевидно. — Мы ничего не можем сделать, ни один из нас, пока не поедим и не отдохнем... Тебе это трудно принять, но это правда.

Джула отвернулась и тыльной стороной ладони вытерла слезы со щек.

— Хорошо! — Но ее согласие прозвучало как проклятие. — Хорошо!

Она снова опустилась на колени и рылась в вещах, пока не нашла тюбики с едой. Один бросила в направлении Дискана, и он несколько секунд смотрел на него, прежде чем собрался с силами, чтобы дотянуться до тюбика и взять. Подержал немного и только потом нажал на кнопку, приводящую в действие разогрев. Но как только тюбик раскрылся и запах его содержимого достиг ноздрей, поднести его ко рту оказалось гораздо легче.

Горячо, вкусно и почти сразу начало рассеивать дымку усталости. Проглотив последнюю каплю, Дискан более живо осмотрелся. И только тут кое-что заметил. Один из их группы отсутствовал.

— Животное... где животное? — спросил он.

Джула пыталась заставить Зимгральда проглотить несколько капель еды. Она нетерпеливо пожала плечами.

— Животное? А, его уже давно нет. С тех пор как мы добрались до хребта.

— Куда оно пошло? — Дискан не понимал, почему это так важно для него, но исчезновение мохнатого вызвало у него ощущение пустоты, словно убрали какую-то опору, на которую он привык рассчитывать.

— Не знаю. Не видела его с того момента, как мы стали подниматься. Разве это важно?

— Возможно, очень важно...

— Не понимаю почему.

— Оно привело нас сюда из города. И могло помочь найти убежище...

— Но я его не видела. На хребет оно не поднималось.

Вернулось ли оно под землю, думал Дискан, выполнив свой долг, когда вывело их под открытое небо? И где джеки, которые их преследовали? Джула словно прочла его мысли, потому что спросила:

— Джеки... почему они не пришли сюда? Мы не можем его двигать...

Дискан достал шокер.

— Заряд бластера кончился, и у этого тоже почти кончился. Но это все, что у нас есть. Посмотрим...

Теперь ему удалось встать и неторопливо осмотреть их укрытие. Пришлось признать, что девушка выбирала удачно, когда привела их сюда. Только один вход — узкая щель, которую можно оборонять неопределенно долго, если есть подходящее оружие. И хотя наверху небо, которое постепенно серее, каменные стены вдвое выше его роста.

Он направился к выходу. Снаружи голые скалы, и это ослабило его опасения: никаких следов они не оставили. Снег, который вымела Джула из углубления, уже унесло ветром. У них есть переносной нагреватель, поэтому костер им не понадобится. Да, очень вероятно, что их след никто из преследователей не нашел.

— Послушай! — Он повернулся назад. — У меня есть прибор, который они могли бы использовать, чтобы выследить тебя. А как Зимгральд? Может быть такой прибор, настроенный на него?

— Нет, если он сам этого не захочет. Я проверяла: у закатан другая система, они могут исказить свою личную передачу, а нашу исказить нельзя. И он изменил свою, как только узнал, что нас преследуют...

Эта информация обрадовала Дискана. Прибора девушки у джеков нет; не существует прибора, настроенного на него и на закатанина; это значит, что им придется выслеживать, как делают это примитивные охотники. Быстро темнеет. И Дискан не верил, что джеки рискнут в темноте пробираться в нагромождении скал. Он так и сказал Джуле.

— Значит, мы в безопасности от них, — возразила она, — но высочайшему нужна помощь!

— Сегодня мы ничего не можем сделать. Падение может означать сломанные кости, а рана любого из нас смертельна. Утром я поднимусь повыше и разведаю местность. И если увижу знакомые ориентиры и пойму, что мы на хребте со стороны убежища, мы сможем составить план.

Она долго смотрела на него, потом взяла шокер.

— Хорошо... или не очень хорошо, но придется. Поспи немного, потом я...

Дискан хотел возразить, но здравый смысл подсказал ему, что она права. В своем нынешнем состоянии он уснет на страже. Поэтому он лег в тепло нагревателя рядом с Зимгральдом и уснул раньше, чем его голова коснулась земли.

Когда он проснулся — его разбудила Джула, — на небе не было лун, все небо затянули тяжелые тучи, из которых снова шел снег. Хлопья снега с шипением таяли на нагретых камнях, и по камням текли ручейки.

— Как он? — Дискан наклонился к закатанину. Тот продолжал дышать мелко и часто. На взгляд Дискана, в состоянии инопланетника никаких перемен не произошло.

— Он жив, — негромко ответила Джула. — И пока он жив, остается надежда. Когда он начнет метаться, положи ему в рот немного снега. Это, похоже, приносит ему облегчение. — Она натянула капюшон своего костюма и легла рядом с закатанином.

Дискан взял шокер, которые она ему отдала, и посмотрел на падающий снег. Если начинается действительно сильная буря, утром они могут оказаться пленниками в ущелье меж скал. И тем не менее Зимгральд долго без помощи не протянет. Эта помощь может найтись в убежище, а может и не найтись.

Очевидно, корабль джеков вернулся. А может, и нет. Группа, охотившаяся на них в Кскотале, могла быть специально оставлена, чтобы отыскать Зимгральда и девушку. Если это так, то убежище приготовлено для них. Но в таком случае Дискан не понимал цели передачи, которая привела его туда. Очевидно, она должна была завлекать чужаков. Кого именно? Членов археологической экспедиции, которые, подобно Зимгральду и Джуле, спаслись от первого нападения? Или корабль

джеков и захваченный ими корабль экспедиции улетели так поспешно, что не смогли подобрать всех высадившихся?

В любом случае убежище сейчас может быть приманкой в ловушке. Джеки будут ждать, что выжившие впадут в отчаяние и устремятся к нему. Поэтому у него нет никакого шанса выполнить просьбу Джулы: незаметно пробраться в убежище и взять там медикаменты. В другой стороны, альтернатива тоже казалась ему неприемлемой: они должны сидеть здесь и смотреть, как умирает закатанин, зная, что существует шанс, а они слишком осторожны, чтобы им воспользоваться.

Дискан знал, что с Джулой спорить бессмысленно. Либо попробует он, либо она. Конечно, они могут быть так далеко от нужного хребта, что вообще нет никакой возможности добраться до убежища. Дискан встал, снова подошел к выходу — он время от времени это проделывал — и посмотрел в темноту: не потому, что ожидал что-то увидеть снаружи, просто это действие помогало ему сохранять бодрость.

Когда он вернулся в круг тепла, со стороны закатанина послышался легкий шум, какое-то движение. Дискан подошел к нему. Глаза инопланетника были открыты, губы шевелились. Дискан торопливо набрал снега и положил Зимгральду в рот. Он сделал это трижды, прежде чем закатанин отвернул голову, отказываясь от новой порции.

— Где Джула? — Шепот еле слышался.

— Спит, — прошептал в ответ Дискан.

— Хорошо. Слушай внимательно... — Ему было очень трудно говорить, и Дискан пытался облегчить эту задачу. — Я... собираюсь... намеренно... впасть... в спячку. Я очень слаб... это может стать... самоубийством... но это... единственный... выход.

Спячка? Дискан не понимал, что имеет в виду закатанин, но не решался задавать вопросы.

— У меня в поясе... — Рука Зимгральда шевельнулась под одеялом. — Достань... зеркало...

Стараясь не снимать одеяло, Дискан порылся под ним. Рука с когтистыми пальцами перехватила его руку и передвинула к карману на поясе. Он извлек металлический овал, так тщательно отполированный, что его даже в слабом свете нагревателя можно было использовать как зеркало.

— Джула... скажи ей... спячка... Постарайся...

— Да?

— Животные... у них... есть... тайна... Открой... дверь... к ним... если сможешь. Теперь... держи зеркало...

Дискан решил, что Зимгральд бредит, но послушно поднес зеркало к его глазам. Инопланетник не мигая уставился на поверхность овала. Проходило время, снаружи, падая, шелестел снег, но взгляд по-прежнему был устремлен на зеркало. У Дискана затекли пальцы, потом вся рука. Он должен пошевелиться!

Он попытался очень медленно изменить позу, не опуская руку. И словно это его легкое движение послужило сигналом: глаза Зимгральда закрылись. Прерывистое дыхание прекратилось...

Удивленный и испуганный, Дискан коснулся щеки закатанина. Плоть на ощупь казалась очень холодной. Умер! Неужели Зимгральд умер у него на глазах? Дискан уронил зеркало, и металл со звоном ударился о нагреватель.

— В чем дело? — Джула села. Негромко вскрикнула и склонилась к инопланетнику. — Умер! Ты позволил ему умереть...

— Нет! — Он пытался объяснить, остановить припадок ярости, которая нарастала в ней. — Он велел мне так сделать... — поднял зеркало и протянул ей. — Сказал, что впадет в спячку...

— В спячку! О нет, нет! — Джула быстро отбросила одеяло и потрогала грудь, на три четверти покрытую повязкой из пластакожи. — Да, он это сделал. Сам себя погрузил в сон. И ничего не подготовлено, ничего!

— Но что это? — спросил Дискан.

— Закатане... они могут сами себя гипнотизировать... погружать в транс на неопределенное время. Но это большое напряжение, а у него и так силы на исходе... Почему ты позволил ему это сделать?

Дискан встал.

— Думаешь, мой отказ остановил бы его? Не думаю, что у него воля была слабее, чем у нас. Долго ли он останется в таком состоянии?

— Пока его из него не выведут. Но... — она снова принялась укрывать Зимгральда, — но, вероятно, так и в самом деле лучше. В трансе он не чувствует боли, не страдает от болезни. А когда ты вернешься из убежища с тем, что там найдешь, мы

сможем его разбудить. — Дискан чувствовал, что она в этом очень сомневается.

— Да, убежище...

Если они смогут найти убежище, если подберутся к нему незаметно, если там есть то, что им необходимо, если это не ловушка — множество «если», которые он обдумывал во время дежурства, перевешивают не в его пользу. Дискан очень мало надеялся на успех экспедиции и на то, что они сумеют донести закатанина.

Джула тем временем плотнее укрывала тело инопланетника. Она нетерпеливо сказала:

— Помоги мне! В трансе он должен находиться в тепле.

Когда она была удовлетворена и нагреватель передвинули поближе к телу — на взгляд Дискана, это было тело мертвеца, — Джула начала перепаковывать припасы.

Небо посерело, снег пошел не так густо. Дискан знал, что должен показать ей, что готов действовать.

— Поднимусь по склону, — сказал он. — Нужно получше разглядеть местность, прежде чем строить планы...

— Я останусь здесь. Он должен быть все время укрыт, и чтобы нагреватель не отказал. До твоего возвращения я позабочусь о высочайшем. Понимаешь... — Она немного поколебалась, потом продолжила, — Между нами узы родственного долга. Когда я родилась, он дал отцовскую клятву, потому что мой отец был его помощником и погиб в одной из экспедиций. Поэтому Зимгральд пришел к моей матери и предложил защиту своего дома по отцовской клятве. Она приняла это, и я стала его дочерью. Он всегда был мне как отец... хотя считался очень влиятельным и великим ученым. И мне была оказана честь, позволено помогать ему в этой экспедиции... впервые я смогла отплатить ему хоть чем-то за то, что он сделал для меня. Поэтому я не могу оставить его умирать... мы — родственники если не по телу, то по сердцу. — Она говорила так, словно излагала мысли про себя, и Дискан верил в ее искренность.

— Держи это! — Он протянул ей шокер. — Я пошел...

Он протиснулся сквозь щель наружу и поднялся по склону, по возможности избегая участков, куда нанесло снег. Стало светлей, и к тому времени, как он поднялся на вершину, стало так хорошо видно, что можно было сориентироваться. Теперь все зависит от их расположения относительно города.

Подъем был нелегок и занял больше времени, чем он ожидал. Но наконец Дискан лежал на вершине небольшого отрога и разглядывал болото. Перед ним город, его бесконечные кварталы погружены в туманную дымку. Видна дорога, по которой они поднимались. На ней ничего не движется, но над землей кружатся черные и белые птицы.

Медленно, тщательно и внимательно разглядывая каждый участок местности, Дискан поворачивался. Вот оно! Широкая лестница, по которой они после битвы в проходе спустились с хромым мохнатым! Этот тот самый хребет — хоть что-то для них удачно! А справа от него, где-то за этими заснеженными вершинами, убежище. И он, вопреки здравому смыслу, постарается добраться до него. Джула не оставила ему другого выбора.

Глава пятнадцатая

— Тот самый хребет! — Глаза Джулы блестели; она преобразилась. — Тогда нам это удастся — спасти высочайшего. Но ты должен торопиться...

Дискан знал, что теперь она не примет никаких возражений. Она не признавала никакие опасности. По ее мнению, ему нужно только предпринять небольшой переход, забрать все необходимое и вернуться. Если бы это было так просто! Но Дискан не думал, что сумеет убедить ее, что его может подстерегать серьезная опасность.

Он старался думать о том немногом, что является их преимуществом. Он взял из убежища парку, на нем не защитный костюм, как у археологов. Поэтому, если джеки ничего о нем не знают, на расстоянии он может сойти за одного из них. А убежище не было закрыто. Если за день он преодолеет разделяющее их расстояние и попытается подобраться к убежищу в темноте... Но, составляя эти смутные планы, Дискан не очень рассчитывал на успех.

Прихватив тюбик с едой, он сунул его под парку. Шокер лежал на мешке. Дискан подумал, стоит ли его брать. Потом с сожалением решил, что нужно оставить оружие Джуле: он не может оставить ее и лишившегося сознания закатанина без средств защиты.

— Ну, ты идешь?

В ее голосе звучало нетерпение.

— Да. Если не вернусь через пару дней...

— Дней! — подхватила она.

— Да, дней. Не забудь, я не могу идти прямо через хребет. Если не вернусь — делай, что сможешь, — мрачно закончил он, понимая, что для девушки он всего лишь средство помощи Зимгральду. Было бы... немного теплей, если бы она хоть немного подумала и о нем. Снаружи холодный день, ветер порывами несет тучи снега. Здесь тепло, но, что гораздо важнее, — здесь люди, знание, что есть и другие такие же, как он. Как он? Когда это он был таким же, как другие — люди или чужаки? Джула лишь использовала его, так же, как всегда использовали другие. Он обладает силой — и им можно не задумываясь воспользоваться.

Дискан нахмурился и направился к выходу — и увидел оскаленные зубы, услышал ворчание. Мохнатый вернулся, преграждал выход, но, похоже, только предупреждает. И так как Дискан шел вперед, животное отступало, по-прежнему ворча и угрожая.

Дискан вышел из щели. Мохнатый сидел на земле, хлестал хвостом, шипел и рычал. Но Дискан был уверен, что гнев направлен не против него, а против его действий. Он сделал еще шаг. Животное прыгнуло и с такой силой ударилось о него, что он упал и ударился о скалу. Но клыки не впились в него. Мохнатый снова сел, готовый к новому прыжку.

— Нет!

Мохнатый вздрогнул и упал, только глаза его оставались живыми и смотрели так напряженно, что Дискан не на шутку встревожился. Джула последовала за ним; теперь она опустила шокер, которым воспользовалась.

— Иди! Я стреляла слабым зарядом. Уходи быстрей!

Неужели животное старалось предупредить его об опасности? Дискан поднялся на камень и осмотрелся. Он видел цепочку — темный след; это след мохнатого по пути из болот. Но, кроме птиц, ничего не движется.

— Иди! — резче сказала Джула. Она протянула руку, словно отталкивая его.

Дискан спрыгнул и взял на руки беспомощное животное.

— Что ты делаешь? — сердито спросила девушка.

— Я его не оставлю замерзать, — так же резко ответил он. — Он привел нас сюда...

— Но он только что напал на тебя!

— Он старался помешать мне уйти. И не использовал ни зубы, ни когти. Пусть остается здесь, понятно? — Впервые Дискан отдал прямой приказ. Он положил животное недалеко от закатанина, где оно не замерзнет. Потом, не говоря больше ни слова, вышел и снова начал подниматься.

День был долгим и трудным. В бело-сером мире Дискан не встретил ни одного живого существа, кроме одной или двух стай птиц высоко в небе над болотами. На снегу виднелись следы, но они принадлежали не мохнатым и определенно оставлены не сапогами инопланетников. Однако он держался укрытий, а открытые участки пересекал с осторожностью человека, за которым идут преследователи.

В конце дня он из скрытого наблюдательного пункта разглядывал долину с убежищем. Посреди поля носом в небо стоял корабль. Его очертания не очень отличались от стройных правительственных космических кораблей, которые Дискан видел много раз. Но на борту нет символов какой-либо Службы. Закрыт только внутренний люк, а длинный трап спущен, его нижний конец упирается в почву.

Не очень большой корабль. Дискан пытался определить численность экипажа, но он мало что знает о кораблях, а джеки могли посадить в грузовые трюмы много своих бойцов. Лучше не гадать, а готовиться к худшему.

Еще одно — передача из убежища больше не звучит. Возможно, вернувшись, джеки отключили ее. Он не сможет в этом убедиться, пока не проберется на другую сторону долины. И наступающие сумерки ему в этом помогут.

Невозможность какого-либо успеха мертвым грузом лежала на его плечах, затуманивала сознание. Дискан и раньше никогда не был импровизатором и не умел быстро соображать, у него не было никакой надежды на то, что сейчас такая способность неожиданно возникнет. Единственная возможность — идти вдоль стены долины и смотреть, что покажется возле убежища.

Если он раньше и был осторожен, то теперь изнеможение было таким, что он дважды падал, и оба раза подолгу лежал, опасаясь сам не зная чего. Всякий раз как он решался взглянуть на корабль, там не было никаких перемен, никаких признаков

деятельности. Снег намело у основания трапа, снег заполнил углубления, которые могли быть отпечатками сапог; эти отпечатки вели примерно в сторону убежища. Если снег собирается здесь и не тает, значит, корабль приземлился достаточно давно и земля остыла от огня тормозящих ракетных двигателей.

Сумерки сгущались, и Дискан пошел быстрей. В темноте трудно идти по неровной поверхности. Но снова пошел густой снег, и если он сумеет добраться до более ровной части долины, снег скроет его передвижение. Кое-как ему удалось спуститься. Никаких огней. Возможно, джеки в корабле или бродят по Кскоталу. Дискан надеялся на последнее.

Он увидел свечение стен убежища — значит, его не размонтировали. Но теперь нужно раздобыть содержимое, не вызвав подозрений. Но если внутри кто-то есть и он просто войдет... Вся эта затея была совершенно безнадежна. Но сидеть здесь за кустом, когда снег облепляет, а ветер медленно остужает кровь, тоже не выход. Что-то внутри Дискана упрямо не позволяло согласиться с отступлением.

И вот он стал обходить убежище, постепенно приближаясь к нему. Никаких следов — значит, за последнее время никто не приходил. Вероятно, он может просто войти внутрь... Ноги у него застыли, сапоги, которые в начале пути казались такими удобными, оказались непригодными для сугробов. А пальцы рук такие холодные, что приходилось совать их под мышки, чтобы вернуть к жизни.

И вот он против входа. Поднял онемевшую руку, коснулся поверхности полушария, готовый активировать замок.

— Джав тилтмис люр?..

Снег заглушил шаги подошедшего. Дискан вздрогнул: ему на плечо легла рука. Говорящий был с ним примерно одного роста. Шок, замедливший мыслительные процессы Дискана, длился чуть дольше обычного. Он пытался увернуться, но вместо этого его нетерпеливо толкнули вперед, и он через открывшуюся дверь влетел в освещенное помещение.

Слишком поздно — здесь еще двое, и оба лицом к нему. Дискан отскочил назад и наткнулся на того, кто его втолкнул. Он слишком медлителен и неуклюж. Прежде чем его плохо направленный удар смог попасть в цель, он сам получил удар, нанесенный с уверенностью и мастерством. Свет, комната, весь мир — все для Дискана исчезло.

Он плавает в море, легко и приятно. Откуда-то слышатся звуки, вначале успокаивающие, как ропот волн. Но вот тревожная дрожь нарушила удовлетворенность, сотрясла его. Слова... кто-то говорит. И почему-то очень важно, чтобы Дискан понял, что означают эти слова и кто говорит. Он начал сосредоточиваться, с усилиями, которые очень трудно поддерживать, пытался отделить одно слово от другого.

— ...приземлился в болото и затонул. Я выбрался на берег... на скалы. Было очень холодно, и была ночь. Там, где упал корабль и скатился в грязь, горел огонь...

Это... так оно и было! Корабль разбился... и он выбрался на берег, к скалам, смотрел на огонь и хотел согреться. Все так и было! Он Дискан Фентресс, который сбежал с Ваанчарда и с помощью украденного диска приземлился на Мимире. Но кто может все это знать? Потому что голос продолжал звучать, подробно описывая происходившее... не только что происходило, но и о чем он тогда думал. И кто все это знает? Дискан Фентресс знает. Тревожная рябь перешла в жестокие уколы страха. Это его голос, это он продолжает быстро говорить, не по своей воле, только память диктует эти слова.

Но как это возможно? Не он направляет этот поток слов. В сущности, его сознание не говорит, а слушает. Он никак не может управлять этим процессом.

Сыворотка правды! Или прибор, заставляющий говорить! Он под действием того или другого. И будет продолжать описывать мельчайшие подробности всякому, кто его слушает, не сможет ничего упустить из происшествий последних нескольких дней. А это значит, что те, кто его слушает, узнают о бегстве из Кскотала и о том месте, где сейчас Джула и Зимгральд, — узнают так же верно, как если бы он взял врагов за руку и привел к нужному месту. Они могут выслушать его рассказ о первых часах пребывания на Мимире, не требуя никаких подробностей. Но Дискан не сомневался, что они шаг за шагом проведут его по развалинам и машина заставит его припомнить такие подробности, которые он сам не сознавал. И он ничего не может с этим сделать — ничего! Он будет беспомощно лежать и слушать, как предает тех, кто в него верит.

Монотонный голос продолжал звучать, этот голос не принадлежит ему, и Дискан попытался думать. Его контролируют

так, как контролировал в космическом порту робот-сторож, — пока он не устроил этому сторожу короткое замыкание.

Дискан подумал о своих пальцах. Двигайтесь... двигайтесь, пальцы! Если он сумеет ими пошевелить, у него еще есть надежда... Но тело не повиновалось его приказам. Он даже не мог открыть глаза, чтобы посмотреть, где лежит, кто слушает его болтовню.

Бесполезно — он в их власти! Могут полностью его использовать, а после этого не так уж важно, что они с ним сделают. Отчаяние заставило его снова искать забвения, беспамятства.

Но Дискану не суждено было достичь этого блаженного забвения, к которому он стремился. Напротив, он снова услышал слова, и эти слова вызвали у него настоящий шок.

— ...туземцы повели меня на север. Там, за развалинами, у них поселок. Чужаки. Но с ними можно связаться с помощью альфа-волны...

Что за вздор? Какие туземцы? Мохнатые? Он не знает никакого их поселка. И что такое альфа-волна? Это не его память, машина вызвала не его воспоминания. В полном замешательстве Дискан стал внимательно слушать.

— Гостеприимны, готовы к контактам. Руины знают, но считают их табу. Но не возражают против посещения их инопланетниками, поскольку считают, что проклятие падает не на них, а на тех, кто туда вторгнется.

— Сокровища, — это другой голос, слабый, но отчетливый. — Что насчет сокровищ?

— Туземцы знают два места богатых захоронений. Они спросили меня, из тех ли я, кто хочет потревожить покой Старших. Говорили, что такие навлекают на себя гнев теней, но их это не касается. Эти места в городе... под центральной башней. Показали мне снаружи. Пойдете...

Указания, подробные указания, как добраться до центра Кскотала и до определенного помещения в центральной башне. Та часть сознания Дискана, что слушала, не содержала никаких воспоминаний об этом.

— А как же археологи? Ты их видел?

— Туземцы говорили о них, сказали, что их проглотили тени. Они осквернили стражу, оставленную Старшими. То, что там лежит, защищать не нужно, говорят туземцы; город сам о себе позаботится, как — этого туземцы не знают.

— Хорошо. Он дал нам все необходимое. Выведите его из-под контроля, немедленно!

Дискан не знал, что с ним делали, но что-то у него в голове щелкнуло, как будто поставили на место деталь сложного механизма. Он открыл глаза и увидел двух смотрящих на него человек. Ни их расу, ни планету происхождения узнать он не смог. У одного кожа с синеватым оттенком, а грубые пятнистые волосы свисают до бровей. На нем рабочий офицерский космический комбинезон, из-за пояса торчит рукоять бластера.

Второй в очень хорошо пригнанном, хорошо скроенном дорожном костюме: рубашка, брюки и сапоги обитателя внутренних планет. Щеголь, следующий последним капризам моды: кожа совершенно лишена волос, и на ней сложный рисунок татуировки, которую подчеркивает золотая сеточка на голове. Дискан видел таких в космических портах, это Патроны, важные персоны, с декадентских торговых планет, но увидеть такого здесь — настоящий сюрприз. Он так же неуместен на Мимире, как Дискан был на Ваанчарде. Этот человек улыбнулся, хотя улыбка, раздвинувшая тонкие губы, была неприятна и не затрагивала глаза.

— Мы должны поблагодарить вас, Фентресс. И ваш рассказ разъяснил одну небольшую загадку: почему диск, который мы с таким трудом добыли у вашего отца, оказался неверным проводником. К счастью, мы проверили его перед стартом, иначе потратили бы очень много ценного времени. Вы отняли у нас немало ценного времени, молодой человек. Но сегодня вы полностью компенсировали эти затраты. Вы понимаете, что нам рассказали?

Дискан кивнул. Он все еще пытался оценить ситуацию. Присутствовал и третий человек в костюме обитателя внутренних планет. Медицинский символ на рубашке означал скорее всего, что это личный врач Патрона; возможно, именно он делал укол, после которого Дискан начал болтать.

— Хорошо. Мы думали услышать от вас совсем другую историю. Но сейчас это неважно. Эти туземцы... вы говорите, что они не препятствуют приходу в город?

— Да, — импровизировал Дискан.

— Табу примитивных планет часто бывают полезны. Удачная ситуация. Они готовы позволить нам вызвать любое проклятие и не будут препятствовать поискам.

— Может быть ловушка, джентльхомо? Они могли нарочно распространять такой рассказ, — вмешался медик.

— Конечно. Но нам не обязательно самим идти в ловушку, верно? У нас достаточно для этого людей, включая и молодого человека... конечно, если он не предпочтет переделку личности в какой-нибудь коррекционной лаборатории. Не думайте, что я буду колебаться перед тем, как передать вас властям для такой процедуры, Фентресс, если вы поведете себя неразумно. Ваш побег с Ваанчарда поместил вас в группу «ненадежных личностей», и я в любой момент могу передать вас Патрулю, поместив в ваше сознание соответствующую нашим целям историю. Всегда полезно достичь полного понимания с самого начала, согласны?

Дискан плохо представлял себе, что можно сделать с мозгом человека. Но то, чем грозит Патрон, вполне возможно. Они могут поместить ложные воспоминания, как смогли заставить его говорить, вывезти с Мимира и передать Патрулю как сбежавшего преступника. Но они считают, что он говорил правду, что они все знают о том, что с ним произошло, однако на самом деле это не так! Что заставило его передавать эту ложную информацию? Туземцы — мохнатые? Но сейчас он может только пассивно участвовать в действиях и ждать объяснений.

— Хорошо. — Он поколебался, прежде чем дать согласие, но, вероятно, это естественно. Очевидно, пауза не вызвала подозрений у Патрона.

— Да, конечно, вы будете сотрудничать — вы нам нужны. Теперь предлагаю отдохнуть: экспедиция начнется только завтра. Вы, молодой человек, останетесь здесь. Если хотите избежать чрезмерной и ненужной усталости, поверьте мне на слово: вы под действием мышечного стазиса, и поле мы снимем, только когда будем готовы к выступлению. Вам даже пальцем пошевелить не удастся. Скарт нур глоз... — Он перешел с основного на другой язык, взял меховой плащ, набросил его на плечи и натянул на голову капюшон с лицевой маской. Врач сделал то же самое, и они исчезли из поля зрения Дискана.

Синекожий офицер-космонавт подошел и склонился к нему. Носком сапога он потрогал пленника, тело которого вело себя так, словно все его суставы потеряли подвижность.

— Ты много болтал, болотный червь, — задумчиво сказал

он. — Такую болтовню невозможно подделать. Но эти туземцы... мы ни одного не видели. Как тебе удалось их найти... словно ты прямо с орбиты попал к ним?

— Они меня нашли... — снова принялся импровизировать Дискан.

— И, возможно, найдут нас. — Рука джека легла на рукоять бластера. — Будем надеяться, что они поведут себя так, как ты говорил. Иначе мне придется пустить в ход бластер, и им это не понравится. И ты случайно можешь оказаться как раз на пути луча...

Он снова пнул Дискана и вышел, оставив пленника со множеством вопросов, на которые не было ответа.

Глава шестнадцатая

Дискан лежал неподвижно, закрыв глаза, но напряженно размышлял. Они заставили его говорить, и он многое наговорил, но часть информации была ложной. И он по-прежнему не мог понять, как это произошло и откуда взялась информация, по-видимому, убедившая его захватчиков. «Туземцы» — но кто они? Он был уверен, что его используют, чтобы заманить джеков в Кскотал; это очевидно. Но весь этот рассказ о проклятиях и о городе, у которого есть своя защита, — которую джеки, конечно, сочли суеверием.

И этот их босс... что, по его мнению, скрыто на Мимире... что-то настолько богатое, что он сам — а он важная шишка, сразу видно, — прилетел из внутренних планет и лично принял участие в операции? Возможно, считает, что его наемные работники присвоят находку, если он не будет за ними присматривать. То, что говорили Дискану Джула и Зимгральд, имеет смысл: имя закатанина в прошлом связано с двумя выдающимися археологическими открытиями, и само его присутствие на Мимире — достаточный повод для набега джеков... но все же не такой экспедиции под руководством Патрона! Такой человек может организовать налет, но явиться самому — значит, добыча так велика, что оправдывает риск.

Это упоминание диска из собрания его отца. Это тот диск, который у него на глазах взял Друстанс? Но Дискан не мог себе представить, чтобы его отец или ваяны были связаны с

налетом джеков. Дискан пытался вспомнить, кто еще был тем вечером. Закатанин из посольства, вольный торговец и другие гости-инопланетники. Но он так мало внимания на них обращал, так был погружен в собственные несчастья, что для него они были только промелькнувшими лицами, с которыми не связаны никакие имена. И связь Друстанса с одним из них? Никаких ответов.

Но одно Дискан знал твердо: Патрон говорит так откровенно, потому что жизнь пленника и любого другого свидетеля не стоит ничего, как только он перестанет быть полезен. Бандитский босс может говорить, что будет держать Дискана под стражей за бегство с Ваанчарда и украденный корабль, но мертвеца контролировать легче. Его могут просто оставить на планете; если впоследствии его найдут, решат, что он жертва крушения. И Джула и Зимгральд, если их найдут, не могут ожидать лучшей участи. Возможно, весь остальной персонал археологической экспедиции уже мертв.

Сейчас — пусть очень ненадолго — закатанин и девушка в безопасности. Дискан о них не рассказал — благодаря ложной информации, разумного объяснения которой у него не было. Утром джеки, скорее всего, направятся в город, используя его и других заложников, о которых упоминали, чтобы проверять каждую возможную ловушку в Кскотале. А на открытом месте у него может появиться возможность сбежать — пусть очень слабая.

Туземцы? Его мысли постоянно возвращались к этому. Мохнатые — это могут быть только мохнатые. Существует только один способ... У Дискана это вызывало боязнь, он задрожал бы, если бы не стянутое полем стазиса тело. Это гораздо труднее подъема на крутой утес, похода по подземному болоту, борьбы со слизнем или переноса Зимгральда через хребет. Дискан никогда не боялся рискнуть своим телом, но это означало рисковать чем-то большим, такой его частью, которую он не хотел делать ставкой в игре. Но как он ни прикидывал, всегда приходил к одному и тому же решению.

Наконец Дискан понял это и заставил себя признать, что другого выхода нет. И затем, прежде чем его охватила паника, сделал. Хромой мохнатый... он сосредоточился на нем, создал мысленно самый отчетливый, как мог, образ мохнатого тела, этого красноречивого взгляда, каким видел мимирское живот-

ное в последний раз, прежде чем Джула уложила его выстрелом из шокера. Сейчас действие луча должно уже кончиться, и луч низкой мощности не отражается на деятельности мозга.

В мысленном образе глаза мохнатого становились все больше и больше, они превратились в темный бассейн, или в туннель, или в пространство, в которое втянуло Дискана, и он, вращаясь, полетел все быстрее и быстрее.

Теперь он не мог вырваться, потому что не он призывал других, как призывал животных на Найборге или варча на Ваанчарде, а его самого призывали. И чувство полной беспомощности в тисках безжалостной силы было таким ужасным, что ему пришлось отчаянно бороться, чтобы сохранить клочки своей личности, не раствориться в темноте, в которой Дискан Фентресс совершенно перестает существовать.

Он обнаружил, что с ослепляющим вихрем можно бороться. Он все еще остается собой, маленьким ядром человека. Довольный этим, он слегка ослабил сопротивление. То, что он теперь воспринимал, походило на то, как будто он слышал свой собственный голос, но не мог контролировать ни его, ни воспоминания, о которых этот голос рассказывал. А вокруг него идет обсуждение. Он может уловить слово, отдельную мысль, все это мучительно колышется на самом пороге понимания, но он не может понять. Болтовня... может, это и есть то влияние, которое так искусно вложило в его уста ложную информацию?

Чувство растущего нетерпения. Он отшатнулся от него. Прежнее раздражающее ощущение того, что он не попадает в ритм, совершает действия, в которых ум и тело не координируют друг с другом. Но на этот раз привычная утрата уверенности в себе встретила быстрый ответ, такое понимание, которое поразило Дискана. И в сознании возникла такая отчетливая картина, словно он видит ее собственными глазами. Но кто они, эти мохнатые, если обладают такой силой?

На последней широкой ступени лестницы, по которой он спустился к болотным улицам Кскотала, лежит груда хвороста. Нужно разжечь костер из этих веток, среди которых есть и те, с красными замерзшими листьями. Это нужно сделать, прежде чем они войдут в город. Это совершенно необходимо!

Дискан согласился — хотя сам не понимал, как и почему. И вот он снова ошеломленно вертится, он вылетает из темного

бассейна глаз мохнатого. Но он принес с собой нечто такое, чего никогда в жизни не испытывал, даже не знал, что на это способен; но это нечто укрепило его дух, ускорило мышление, превратилось в защитную броню против того, что произойдет позже. Впервые в жизни Дискан Фентресс познал родство, основанное на доверии.

Сознание говорило с сознанием, через футы или лиги мозг соединялся с мозгом, вызывая рябь, как на поверхности пруда; но эта рябь имела вполне конкретную цель.

Ответ, братья, наконец! Поиск в ответ на наш поиск. Теперь дайте силу и посмотрим, как он завершит окончательное формирование. Мы испытывали его один раз, испытаем снова. Возможно, мы наконец нашли форму, которая послужит нашим целям. Соединение... да, братья, думайте о соединении после всего этого утомительного времени.

А остальные?

Согласно их духу, пусть приходят, уходят или служат так, как могут. Ящер, женщина — они не подходят для формирования. А среди этих новых — кто знает? — возможно, мы сумеем найти еще одного. Но вот этот, вот этот, мои братья, он готов. Концентрируйтесь на формировании. Пусть будет произнесено слово!

Итак, он должен разжечь костер на этой последней ступени и подбросить в него ветки с красными листьями, размышлял Дискан. Так хочет мохнатый, но откуда у него это?.. И тут он вспомнил последние слова Зимгральда, прежде чем закатанин погрузился в транс:

— У животных есть тайна...

Дискан считал, что эти слова — бред, рожденный высокой температурой, но, может, это не так? Какая тайна? Относительно сокровищ? И какое отношение к этому имеют листья? В ту первую ночь, когда ему приснился город, задолго до того, как он понял, что город существует в реальности, он был в долине деревьев с красными листьями, сжег несколько таких веток в костре и проснулся под ветвями с такими листьями. Листья, полный искрами дым — какой-то наркотик, вызывающий сон о далеком прошлом?

Ему приказывают привести джеков в Кскотал? Да, мохна-

тый хочет этого. И это может подействовать. Если он сохранит рассудок, а остальные будут под действием наркотика!.. Но как он объяснит, что нужно развести такой костер? Приказ туземцев — сделать перед входом в священный город? Примут ли джеки и их босс такое объяснение? Сейчас бесполезно волноваться: он будет решать такие проблемы, когда они возникнут. С уверенностью, какой не знал раньше, Дискан решил, что завтрашние его действия будут импровизацией и что сегодня он ничего не может сделать. И словно подняв якорь, он погрузился в сон.

Следующий день выдался светлым и чистым, таким непохожим на бури Мимира. Когда отряд вышел из убежища — к нему присоединились ночевавшие в корабле Патрон, врач и человек со значком личного телохранителя, — Дискан думал о том, как выглядит Мимир в более теплое время года. Болота станут вдвое опасней, по рекам передвигаться трудно, но долины на высокогорье могут быть очень приятными — впрочем, он вряд ли увидит хоть что-нибудь из этого!

Три джека, все хорошо вооружены, Патрон и двое его сопровождающих, причем телохранитель вооружен не только обычным оружием, но и владеет разными формами борьбы без оружия, — таков их отряд. Неудивительно, что стазис с Дискана сняли и позволили ему идти несвязанным. Попытаться убежать от такой компании — чистое самоубийство.

Вначале Дискан постоянно ощущал присутствие охранников рядом с собой, но к тому времени как они добрались до остатков древней дороги наверху хребта, его видимая покорность оказала свое действие. Джеки по-прежнему держались поблизости, но больше не следили за каждым его движением и поглядывали по сторонам. И поглядывали настороженно. Должно быть, недоверие офицера к «туземцам» разделяли все члены экипажа.

Возможно, они чувствовали то, что Дискан знал твердо. Хребет совсем не был лишен жизни, как когда он возвращался к убежищу. Он не заметил ни одного следа на снегу, который мог бы выдать присутствие разведчиков, но знал, что за ними постоянно наблюдают, причем наблюдают многие.

— Эти туземцы... — Патрон, в плаще и с маской на лице, подошел к Дискану, — ...где их поселок?

Дискан пальцем показал направление, в котором они идут.

— Там...

— И они не помешают нам заходить в руины?

Дискан заставил себя не менять выражение лица. Если он достаточно долго и подробно рассказывал обо всех обстоятельствах, приведших его к появлению на Мимире, Патрон теперь ожидает от него тупой покорности. Раньше он никогда не пытался играть роль, но теперь достаточно только представить себе, что он вернулся в дни Ваанчарда, и остальное будет просто. Однако сейчас возникла возможность немного подготовить будущие действия.

— А зачем им это, джентльхомо? — спросил он. — Они верят, что то, что защищает руины, способно это сделать без их участия. Они сказали только, что нужно развести сторожевой костер, чтобы то, что живет в городе, не рассердилось на них.

— Сторожевой костер?

Дискан знал, что глаза под маской с опасной сосредоточенностью наблюдают за ним. Офицер-джек обладает хитростью и силой, которые подкрепляются его решительностью. У этого Патрона те же способности, но он гораздо опасней. Его нелегко обмануть.

— При входе в город нужно разжечь костер. Для них это очень важно. Они так поступили, когда приняли меня. Думаю, они так отпугивают то, что живет там... но костер действует только на определенном расстоянии.

— И ты во время своего посещения не видел ничего опасного?

— Только следы... — Дискан подумал о следах слизней.

— Следы? Какие следы? Инопланетников?

Дискан покачал головой. Патрон сразу спросил об этом. Но джеки уже исследовали Кскотал... может, не раз. Зачем же тогда делать вид, что они ни разу не бывали в городе? И где другие заложники, о которых Патрон говорил накануне вечером? Дискан едва не споткнулся. А что, если предводитель джеков уже знает о Зимгральде и девушке и намерен сейчас их схватить?

— Необычные полосы на земле, — механически ответил он, пытаясь представить, что может произойти, — вымазанные слизью. Некоторые очень большие...

Патрон кивнул.

— Какие-то местные болотные твари. Этого следовало ожидать. Но люди Имбура о них уже сообщали. Они кажутся естественными, и их нечего опасаться. И это все, что вы видели?

— Да, — с отсутствующим видом ответил Дискан. За последние мгновения ощущение, что он не пленник один среди множества врагов, а разведчик, стало настолько сильным, что он начал опасаться, что выдаст свое нарастающее спокойствие и уверенность.

— И они не боятся, что сокровища будут найдены и унесены из города, эти туземцы?

— Это не их забота. — Слова легко срывались с губ, как тогда, когда он болтал под действием наркотика, и Дискан позволил им вылетать. — Они считают это делом Старших; им должны заняться стражники, поставленные Старшими.

Патрон похлопал в ладоши, словно у него замерзли пальцы.

— Их уверенность в данных обстоятельствах кажется чрезмерной. — Это были скорее его мысли про себя, чем реплика, адресованная Дискану. — Конечно, они могли и раньше сталкиваться с инопланетниками.

Дискану не нужно было поворачивать голову и смотреть: он знал, что глаза под маской стараются проникнуть в его мысли, поймать хоть какое-то указание на то, что Дискан знает об археологах.

— Не знаю... знаю только то, что они мне говорили.

— Говорили? — повторил Патрон. — Они говорят на основном?.. Это значит, что у них были контакты с инопланетниками.

Дискан ждал намека, но не решился молчать слишком долго. Потом ответил:

— Они шлют мысленные сообщения... картины в сознании.

Правильно ли он поступил, открыв в какой-то степени правду? Но скрытые наблюдатели никак не выразили свой протест. Они не возражали.

— Телепаты!

Да, с этим Патрон мог согласиться. Известно несколько рас, обладающих телепатией, и Дискан с холодком припомнил — возможно, он допустил ошибку, — что одна из таких

рас закатане. Но он уже сказал, и теперь нужно ждать результатов.

— Телепаты. — Теперь Патрон улыбался, его губы, видные из-под маски, изогнулись. — Что ж, еще одно звено в цепи. Неудивительно, что высочайший решил провести здесь поиски с небольшим отрядом. К тому же это, возможно, причина того, что они не боятся исследователей города. Контроль на расстоянии... Но боюсь, Фентресс, наша изобретательность способна преодолеть даже эту подготовленность чужаков. У нас есть своя защита и свое оружие нападения. К тому же у нас есть вы и другие, чтобы проверять ловушки.

Дискан понимал уверенность своего собеседника. Все члены группы, кроме него самого, обвешаны оружием и многочисленными приборами. Среди них должны быть устройства обнаружения и слежения. И при движении они то и дело на них посматривают. Он не верил, что Патрон или офицер начнут поход, не приняв все предосторожности, какие позволяет делать современная галактическая наука и изобретательность. Но наблюдателей они не обнаружили, и он не верит, что подозревают о его беззвучных контактах с невидимыми. Следовательно, обитатели Мимира владеют чем-то таким, что способно одолеть инопланетные системы защиты.

— Они говорят, что город сам может себя защитить. Не знаю, как. — Дискан старался говорить мрачным и подавленным голосом. И, вероятно, это ему удалось. Потому что Патрон рассмеялся.

— Конечно, не знаете, Фентресс. Ага, свидание точно в назначенное время.

Из тени скалы на солнечный свет вышли три человека. Один джек, вооруженный, как все остальные. И еще двое... Дискану показалось, что они идут как-то неестественно, подергиваясь, словно каждый шаг делают по приказу. Но он едва не закричал от облегчения. Это не Джула и Зимгральд.

Когда группы встретились, он смог получше разглядеть других пленных.

— Друстанс! — невольно вырвалось у него.

Но его сводный брат ваан, он... он исчез. Этот незнакомец, который идет странно напряженным шагом, черты лица его застыли, руки плотно прижаты к бокам, словно их удерживают невидимые путы, он совсем не похож на гибкого, граци-

озного, абсолютно уверенного в себе человека, при взгляде на которого у Дискана только усиливалось ощущение своей неполноценности и неуклюжести. И второй рядом с Друстансом — изыскатель, судя по форме, идет такой же напряженной походкой, с лишенным выражения лицом, с глазами, словно смотрящими внутрь...

— Да, семейная встреча. — В ровном голосе Патрона слышалась усмешка. — К несчастью, Друстанс слишком много знал, и нам пришлось захватить его с собой, когда мы улетали с Ваанчарда. Он сыграл для нас несколько ролей... сначала эксперта-исследователя, потом заложника, теперь он снова исследователь... или лучше сказать разведчик? Превосходно, Фентресс. Мне кажется, вам хотелось стать перворазведчиком, пойти по стопам отца. Что ж, теперь у вас есть возможность осуществить эту мечту — немного поздновато, правда. Советовал бы вам также отметить нынешнее состояние этих джентльхомо. Они причиняли нам затруднения — вначале. Но теперь полностью согласны с нашими планами. Они исполнят любой приказ, включая убийство друг друга... или вас, если возникнет необходимость в таком решительном дисциплинарном воздействии. До сих пор вы сотрудничали с нами, Фентресс. Продолжайте в том же духе, или вам придется перейти к их типу сотрудничества с нами.

Дискан решил, что остальные пленники находятся под воздействием какого-то ментального стазиса. Возможно, их состояние теперь постоянное и помочь им никак нельзя. Он слышал о таком состоянии послушания, свойственного роботам, хотя на всех цивилизованных планетах это считалось более страшным преступлением, чем убийство. И такой угрозы стоило опасаться.

Он пошел дальше, Друстанс шел слева от него, второй пленник справа, и их дергающаяся походка мешала ему идти в ногу.

— С таким авангардом, — услышал он сзади слова Патрона, — нам нечего бояться.

Но чего ждет инопланетник? Что дорога заминирована, что они попадут в засаду? Неужели Патрон знает о наблюдателях и это его ответ на угрозу с их стороны?

Нет!

Заверение ниоткуда, но все равно заверение. Наблюдатели

свободны в своих передвижениях: инопланетники их не увидят. Впереди узкий проход, где Дискан и мохнатый плечом к плечу сражались со зверем. Поднялись две красные птицы; сытые, летели они тяжело. Пахнуло смертью и разложением. Один из членов экипажа извлек бластер и прошел мимо Дискана и его спутников, чтобы посмотреть. Потом помахал рукой.

— Какое-то животное, мертвое, — доложил он.

— Об этом не обязательно докладывать! — раздраженно ответил Патрон. — Тьфу!..

Они миновали частично обнажившиеся кости. Начало лестницы не очень далеко, а внизу — Кскотал. По приказу остановились. Патрон поднялся на возвышенность и стал в бинокль рассматривать руины. Сегодня Кскотал такой же, как и в других случаях, заметил Дискан. Ближайшие здания четко видны на фоне замерзшего болота, но чем дальше, тем все больше картину искажает странная дымка. Отсюда можно было бы разглядеть высокие центральные сооружения и башню посредине. Но в том направлении, где они находятся, виден только густой туман. Он наблюдал, как Патрон пытается отрегулировать бинокль, но даже с его помощью невозможно рассмотреть скелет Кскотала.

Дискан посмотрел вниз на лестницу. На последней широкой платформе, точно так, как он видел мысленно, груда хвороста ждет, чтобы ее подожгли. И среди желтых ветвей яркие красные пятна — листья...

Теперь его часть действий. Поднести к костру пламя, и все начнется. Что все? Дискан не знал, но его заполняло ощущение уверенности и истинности, которым невозможно отказать.

Разжечь костер и потом...

Глава семнадцатая

Патрон перестал разглядывать город и спустился к ним. Убирая бинокль, он смотрел на лестницу, на платформу с грудой дров. Потом через плечо посмотрел на Дискана.

— Все для нас готово — очень удобно. — Голос его звучал словно ласковое мурлыканье. — Мы сообщили о своем прихо-

де, и они приготовились нас встретить. Неужели они считают нас такими простаками?

— Эти дрова не специально для нас, — ответил Дискан. — Они сами так поступают, когда ходят в руины. Это их обычай.

— И, возможно, оборонительное средство, джентльхомо, — впервые заговорил врач.

— Средство, чтобы мы сами использовали? — Бандитский босс рассмеялся. — Кажется, среди нас действительно есть простаки.

— Может иметь значение дым от костра, джентльхомо, — настаивал медик. — Если туземцы сами разжигают такие костры, разумно последовать их примеру.

— Дым? — Патрон снова рассмеялся. — Даже если ветер дует в нужном направлении, как далеко достанет этот дым? И у нас есть только его слова, что они сделали это для нас...

— Произнесенные под влиянием аппарата, — возразил медик.

Патрон смотрел на ждущие дрова.

— Не вижу никакой причины...

Тут вмешался джек-офицер.

— Туземцы делают много такого, что не кажется нам разумным, джентльхомо. Возможно, это какой-то обряд. Если это так, не будет никакого вреда, если мы ему последуем. Напротив, если не сделаем, они могут на нас напасть.

— Мы благодарны вам за то, что вы пытаетесь применить свои знания для решения возникшей проблемы, Муграх, — резко ответил Патрон, — но, думаю, мы не станем разжигать костры...

Дискан старался не проявить свой ужас. За ним постоянно наблюдают, у него нет никакой возможности разжечь костер. Или есть? Он пытался размышлять, опереться на ту странную поддержку, которую испытывал в предыдущие часы. Связь сохранилась: его призыв был услышан. Но ответа не его бессловесный вопрос не было. Либо мохнатые не могут, либо не должны подсказывать ему следующий ход. Дискан предоставлен самому себе.

— Вперед! — Стражник за Дисканом подтвердил свой приказ толчком в спину. Два его оцепеневших спутника уже начали спуск. Они спустятся по лестнице и углубятся в руины. Он должен разжечь костер... должен!

Есть только один способ. К нему толкает отчаяние. Они втроем: он сам, Друстанс и изыскатель — все еще идут впереди. Между Дисканом и дровами нет никого. Он смотрел на ступени перед ним, считал их, старался определить их высоту и решить, с какой именно предпринять попытку.

Они в пяти ступеньках от платформы. Пора — и все должно выглядеть естественно. Нет смысла кончить, нарвавшись на луч бластера, и при этом не достичь цели. Забавно. Сколько раз в прошлом он падал из-за своей неуклюжести, не желая этого, — теперь должен сделать то же преднамеренно. Пальцы его уже были под паркой. К счастью, он и раньше время от времени так согревал руки. Стражник ничего не заподозрит, заметив знакомый жест. Застежка кармана на поясе — неужели не поддастся? Горячий, обжигающий, огненный камень все еще действует! Он боялся противоположного, и это был одно большое опасение среди множества поменьше.

Голые руки жгло почти так же сильно, как после битвы со сторожевым роботом. Пора!

Дискан споткнулся и упал вперед, подавляя всякую попытку сохранить равновесие. Он тяжело ударился о камень платформы, и сила удара почти лишила его дыхания, он едва не потерял сознание. Но продолжал осуществлять свою цель. Теперь покатиться... все должно выглядеть естественно. Стон... да, теперь он должен застонать и попытаться встать на ноги...

И эта попытка привела его еще ближе к груде дров. Он взмахнул руками, раскрыл измученные, обожженные пальцы, так что камень упал в середину груды. И отшатнулся, закрывая лицо руками, стал, хромая, отходить. Послышался топот сапог по камню, крики сзади.

Но одновременно и потрескивание, волна жара, словно не от естественного пламени. Дискан позволил себе украдкой взглянуть. Вся груда была охвачена пламенем — дрова словно пропитали легковоспламеняющимся горючим. И от костра поднимался столб дыма — не прямо в воздух, а порывами, словно облаками. Первое облако уже достигло его. Дискан вдохнул острый запах, который словно прояснил голову, смягчил боль в руке, боль от ударов при падении. Он видел, как прямо в облако вбежал охранник и...

Цвет, свет, текучая вода, свежая и ароматная, поднима-

ющаяся у ног. Улицы Кскотала в праздничные дни. И рядом идут братья-в-меху, вернее, сплетают вокруг него сложный радостный танец. Тени, с которыми он и раньше ощущал глубокое единство, стали плотней, материальней. Он улавливал очертания форм — красота, грация, сила. Если бы можно было лучше видеть их!

С окон свисают богатые многоцветные ткани, мягкая рябь цвета пробегает вниз по стенам. Ветер нежно ласкает, сладкий, как вода, которая все время плещется у его усталых ног. Дискан понимает, что устал, но это счастливая усталость. Он подошел к концу долгого и трудного пути, здесь путь кончается — это его дом!

Наслаждение, удовлетворенность... Он не может назвать чувство, которое объединяет его с братьями-в-меху. Люди-тени, они становятся все более и более реальными, вот один из них идет слева...

Нет, это не люди-тени! Это такие же люди, как он, хотя ему и не видны их лица. Их окутывает какая-то искристая аура, искорки по спирали движутся вокруг тел, так что он улавливает то свисающую руку, то идущие по воде ноги. Но он знает, что это люди его племени. И они здесь неуместны, в отличие от людей-теней. Они не часть Кскотала, как он его часть. И рядом с ними не пляшут братья-в-меху, не сплетают свои узоры. Это чужаки, захватчики!

Дискан хотел напасть на них, силой заставить покинуть мирный и счастливый Кскотал, но братья сплели танец, заставивший его двигаться определенным узором, и нарушить этот рисунок было бы святотатством.

Все в свое время, брат! — услышал он заверение. — *В свое время и на их пути их будут судить и примут решение. Теперь не думай о них.*

Но вид этих темных фигур, идущих рядом с его тропой, отравлял ему возвращение домой. Он не мог избавиться от мыслей и принять участие в танце, как следовало, и это было опасно. Пришло предупреждение от братьев:

Танцуй с нами, направо, налево, наружу, вот так, и вот так, и вот так.

Хотя губы его не двигались и он не издавал ни звука, Дискан чувствовал, что поет — не слова, а мелодию, рожденную ритмом этого танца. И когда он запел, то услышал пение

остальных — не чужаков, даже не братьев-в-меху, но теней — тех, что должны стать реальными. Должны...

Вода вокруг него поднималась; он приближался к сердцу Кскотала. Несомненно, в этом месте тени наденут одежду реальности, и он будет с ними, как и должно быть. Вот и башня, и из нее слышен призыв, и тени собираются здесь, поднимаются по спиральной лестнице в То, Что Было, Есть и Всегда Будет.

Но чужаки продолжают идти, и стоило Дискану взглянуть на них или просто подумать, как тени становились менее материальными, песня слышалась хуже, а рисунок танца расстраивался. Но почему они должны идти?

На своем собственном пути они тоже должны увидеть — то, что хотят увидеть. И от этого видения зависит суд. Терпение, брат, терпение. У всего бывает конец.

— Но не у *Того, Что Есть*! — возразил он.

Мы на это надеемся, брат. Докажи, что это так, о докажи!

Дискан поморщился от силы этого призыва, пошатнулся под тяжестью, которую внезапно на него обрушили. Но чего они хотят от него? Что он должен сделать? У него нет ответов.

Делай то, что приходит тебе в голову. Поступай, как должен, брат.

Смотри в лицо тому, чему нужно смотреть в лицо, как подсказывает тебе твоя природа.

Совет, который не даст никакой помощи. Теперь его ноги на ступенях; но он продолжает двигаться в ритме танца. А тени исчезли; теперь с ним движутся только захватчики, все еще закутанные в сверкающие вуали. Они и братья-в-меху — ибо он их ключ! Это он понял вдруг неожиданно. Очень долго они были лишены возможности осуществить их самое горячее желание; от него зависит и их будущее. Однако когда Дискан послал просьбу объяснить, он не получил никакого ответа. И он понял: действовать он должен один. Они помогли ему всем, чем могли; теперь он, как и все остальные, идет навстречу испытанию и суду.

Он в клинообразном зале, но зал совсем не такой, каким он его видел раньше. На серебристых стенах, наступая и отступая, светлея и темнея, рисунки танца. И — некоторые из них он узнает!

Дискан взглядом проследил бегущий извивающийся крас-

но-золотой завиток и улыбнулся. Работаешь мыслью, так и так, и — почти ослепляющая вспышка. Со сверкающей поверхности срываются маленькие блестящие точки и ослепительным водопадом опускаются на пол. Материал, который может быть использован...

Сокровища! Они ведь пришли в поисках сокровищ, так? Блестящих игрушек, не имеющих подлинной ценности. Так пусть же получат свои сокровища...

Снова заработала воля Дискана. Капли — драгоценности? Неважно. Это игрушки... их можно использовать и так...

Капли собирались в рисунки и оставались в таком виде. На полу лежала алая и золотая диадема. Дискан рассмеялся. Игрушки... конечно, красивые... созданные, чтобы радовать глаз. Но это он делает их такими!..

Ты прав, предлагая их этим. Делай их, брат!

Дискан повиновался, хотя его возбуждение постепенно спадало. Сокровища, то, что он создал своей волей из энергии танца, грудой лежали на полу. Но они ничто, как можно ими интересоваться?

Это не так, брат. А теперь испытание — смотри!

Сверкающие облака, которые окутывали вторгшихся, редели и исчезали. Дискан видел в них воспоминания, порожденные чарами Кскотала. Остались только они: Патрон, его личный телохранитель, врач, три джека, пленники в стазисе и их охранник, а цвета и рисунки танца ушли. Стало холодно, этот уход Дискан ощущал как боль. Даже братья-в-меху исчезли.

Только сверкающая груда на полу оставалась прежней — но так ли это? На взгляд Дискана, драгоценности теперь сверкали жестко, отталкивающе. Неужели... неужели он на самом деле создал их из рисунка танца, или они тоже сон? Могут ли они быть реальны?

Джек, охранявший пленников, хрипло крикнул, прыгнул вперед и попытался схватить ожерелье. Но упал, не дотянувшись на несколько дюймов. Телохранитель Патрона держал шокер наготове, а его наниматель откинул капюшон плаща и смотрел на богатства перед собой, как будто не мог поверить в их существование.

Он наклонился, чтобы взять украшенный драгоценными голубыми камнями пояс, но распрямился и подозвал пленного изыскателя.

— Возьми это, — приказал он хриплым шепотом.

Пленник прошел вперед и в свою очередь наклонился. Пальцы его двигались неловко, но он подобрал сверкающий пояс и держал его, причем во взгляде его не было никакого интереса. После долгого ожидания Патрон медленно протянул руку и взял у него пояс. Перебирал в руках, отбрасывая столбы света.

На лице Патрона появилось новое выражение. Он был явно возбужден, захвачен.

— Они настоящие, настоящие, говорю вам! — Он почти кричал.

Остальные три джека переводили взгляд со сверкающей груды на полу на телохранителя и назад. У Мургаха был голодный взгляд, но он не поддался на приманку. Неподвижное тело перед ним было предупреждением.

Но телохранитель тоже заинтересовался. Сказывались долгие годы тренировки: он контролировал себя и продолжал следить за тремя джеками, но время от времени бросал взгляды на добычу.

— Настоящее! — повторил Патрон, и это слово почти осязаемо повисло в воздухе.

Дискан напрягся, предупрежденный сосредоточением невидимого. Быстро посмотрел налево. Тольку Друстанс и человек из патрульной службы не были захвачены этим зрелищем. Джеки с трудом сдерживались — опасались телохранителя. Сколько еще будет их удерживать этот страх, Дискан не знал, но был уверен, что они что-нибудь предпримут.

Зачарованность Патрона проходила. Он снова провел руками вдоль пояса, но теперь разглядывал его критически, как будто догадывался, что в нем есть какой-то порок, нужно только его обнаружить. Потом посмотрел на Дискана.

— Откуда все это взялось? Наши разведчики здесь ничего не видели.

— Посмотрите по сторонам, — ответил Дискан. — Это не тот город, в котором они побывали. — Он думал, что Патрон потребует у него объяснений.

Но тот, по-прежнему держа в руках пояс, прошел к выходу из клинообразного зала. Постоял в дверях, глядя наружу. Телохранитель несколько отступил, давая ему место, но продолжал занимать позицию, с которой мог прикрыть

подход к сокровищам и к своему нанимателю. Затем Патрон вернулся.

— Вы правы, — согласился он своим обычным контролируемым голосом. — Это больше не руины. Так что же произошло? Временной вихрь? Или наше сознание контролируется?

— Дым! — вмешался врач. — Тот дым!

Патрон нетерпеливо покачал головой:

— У меня прививка от действия наркотиков, у вас тоже, Шерод. Так в чем дело, Фентресс?

— Не знаю. Но это подлинный город... — Он не знал, почему добавил это.

Телохранитель стал отступать, держа шокер по-прежнему наготове и не поворачиваясь лицом к выходу. Добравшись до него, он прижался к стене и быстро выглянул. И когда повернулся назад, на его лице впервые появилось какое-то выражение.

— Что это? — спросил он у Патрона резко, без обычной почтительности.

— Понятия не имею. Это, — он взмахнул поясом, который по-прежнему держал в руках, — на ощупь реально, выглядит настоящим... а у меня блок против любых обычных галлюцинаций. Но насколько можно здесь и сейчас доверять чувствам... Что скажете, Шерод?

Врач покачал головой:

— Не думаю, чтобы это было возможно — создать такую иллюзию. Но это должно быть иллюзией...

Мургах разразился хриплым хохотом. Его голубоватая кожа вокруг рта сморщилась.

— Есть только один способ проверить. Возьмем это с собой и улетим — побыстрей!

— Я склонен согласиться с вами, капитан, — кивнул Патрон. — И в качестве добавочной предосторожности урожай соберут наши друзья. — Он указал на Друстанса, изыскателя и Дискана. — Собирайте!

Изыскатель был ближе всех, он опустился на колено, чтобы поднять красно-золотую диадему. Друстанс подошел справа и тоже наклонился. Дискан ощутил мгновенное нарастание внутреннего напряжения. Он бросился на пол, и в это мгновение над ним с треском пронесся обжигающий луч. Он попал прямо в телохранителя, и у того было лишь одно мгновение для крика.

Дискан, катившийся по полу, ударился о чьи-то ноги, и на него упал Друстанс. Руки ваана неловко взметнулись, и на них упала дополнительная тяжесть. Дискан, лицо которого болезненно прижималось к полу, был бессилен что-то сделать и не мог высвободиться. Он слышал крики боли, ощущал удушающий запах горящей плоти.

Тяжело дыша от напряжения, стараясь выбраться из-под тяжести, Дискан сжал в руке какой-то острый предмет и подтащил к себе. Потом сделал последний сильный толчок, сбросил с себя тяжесть и скользнул к стене.

К тому времени как он смог оглянуться, сражение превратилось в преследование. От двери стреляли из бластера, из помещения отвечали лучами из двух. Люди выбегали наружу. Дискан сел. В руке его был нож, усаженный драгоценностями. Он тупо смотрел на него.

Тот член экипажа, который лежал под действием шокера, теперь был мертв. Во время схватки в него попали из бластера. Недалеко от него лежал изыскатель, тоже обгоревший. У двери корчился телохранитель. А рядом с Дисканом продолжали бороться две фигуры. Они двигались медленно, словно в замедленной съемке, и смотреть на это было даже забавно.

Что касается остальных, то Патрон, капитан Мургах и один из джеков исчезли. Кто за кем охотился, Дискан не знал. Главное то, что он свободен. Он встал.

Боровшиеся откатились. Один из них лежал на полу, его руки и ноги еще двигались, словно он продолжает драться. Дискан склонился к нему. Друстанс! Как ваан мог драться в состоянии стазиса, Дискан не понимал. Дальше лежал Шерод, вокруг его горла было затянуто жемчужное ожерелье.

— Уходим... — В глазах Друстанса, устремленных на Дискана, сознание.

Дискан не ответил, но помог ваану встать, поддерживая его стройное тело.

— Надо уходить... из города! — настаивал тот. Он с трудом подошел к двери и упал бы, если бы Дискан его не подхватил.

Из города — один раз Дискан уже уходил из него. Тогда он тоже помогал раненому — Зимгральду. Зимгральд и Джула! В сознании Дискана из отдаленных воспоминаний они вне-

запно превратились в срочную необходимость. Зимгральд и Джула в горах, и смерть смыкает вокруг них свою холодную хватку...

— Хорошо. — Он обхватил Друстанса за талию и потащил ваана за собой. Но шел он словно по пояс в мокром песке, не имея устойчивой опоры. Дискану приходилось сдерживать рвавшийся изнутри крик: «Нет! Нет!»

И он боролся, хотя дыхание вырывалось болезненными всхлипами. И при этом он не мог не оглядываться на Кскотал, который был когда-то... и снова стал таким для него.

Глава восемнадцатая

— Позвольте мне уйти... позвольте уйти! — Дискан не знал, произносит ли это вслух или у него другой способ связи. — Я должен это сделать!

Очевидно, было принято какое-то решение — он не принимал участия в его принятии, — потому что сдерживание неожиданно ослабело. Он на спиральной лестнице центрального здания, рядом шатается Друсканс. И город выглядит необычно, он колеблется, словно одна расплывчатая картина наложена на не вполне соответствующую другую. Иногда они идут меж мрачных руин, иногда у ног их плещет вода, со стен свисают знамена, а люди-тени ходят взад и вперед по своим загадочным делам.

Сумеют ли они выбраться? Дискан пробовал это и раньше, и все улицы приводили его к одному и тому же пруду, но на этот раз он шел в состоянии какой-то внутренней уверенности. Но как же джеки и их Патрон? И те другие, что были здесь раньше, в проходах под башней? Теперь все они могут бродить по темным улицам.

— Куда мы идем? — спросил Друсканс, нарушая сосредоточенность Дискана, который напряженно прислушивался, всматривался — искал то, что может затаиться в темной двери или переулке.

— К хребту — если сможем.

— Думаешь, туземцы смогут помочь?

— Они уже помогли...

— Ты имеешь в виду... иллюзии?

Иллюзии? Нет, Кскотал не иллюзия, но Дискан не собирался сейчас спорить. Его жгла потребность идти быстрей — он должен добраться до беженцев, скрывающихся на высокогорье, а потом... что потом? Дискан не знал, что произойдет после этого, но был уверен в том, что следует абсолютно необходимой цепочке действий.

На этот раз туман не закрывал путь. Даже дымка, которая всегда окутывала руины, исчезла. Больше не было сравнения города с его скелетом. Развалины Кскотала отчетливо виднелись в свете лун; этот свет был таким ярким, что Дискан видел множество следов на белой поверхности снега — следы сапог и лап все вели в город. Мохнатых очень много, и они по-прежнему сопровождают его, хотя он их не видит.

Он уходит от нас!

Это его право. Он должен это совершить — формирование его рода. Эту дорогу он должен пройти сам.

Братья! — Впервые Дискан попытался вмешаться в этот разговор, который не слышен уху, но который тем не менее происходит.

Долго никакого ответа не было. Затем гул, словно одновременно отозвалось множество мыслей.

Брат! — Такая радость в этом ответе, что согрела замерзшее тело и оживила застывшее сердце.

— Сколько их — джеков? — спросил Дискан у Друстанса.

— Не знаю. Они держали нас пленниками в корабле. Мы видели только охранников и тех, кто был с нами здесь. Дискан... — он заговорил медленней... — ты не спрашиваешь, как я здесь оказался?

— Как пленник, конечно. Думаешь, я поверю кому-нибудь из них?

Тень выражения, которое Дискан не смог понять, пробежала по лицу ваана.

— Я был глуп. — Друстанс говорил резко, словно вера в него Дискана вызывала его негодование. — Я поверил их словам, что необходимо убедиться в сведениях на диске. Поэтому я его взял, но он оказался не тот, что был им нужен...

— Конечно. Потому что тот я уже украл, — ответил Дискан. Ему хотелось рассмеяться, закричать, запрыгать от радости. Какое это имеет значение — все то, что происходило на другой планете, в другое время, с другим человеком? В своей

прежней тусклой жизни он никогда не испытывал такого возбуждения. Это свобода! И теперь совершенно неважно, что он такой большой, неуклюжий и медлительный, не имеют значения все его недостатки, с которыми он привык жить. Да, он правильно оценивал свои недостатки и использовал их как стену, чтобы отгородиться от мира. Но больше он не завидует Друстансу. Ему абсолютно безразличен и сам ваан, и та жизнь, которую он представляет.

— Тебя обманули, а я сделал это сам, — сказал он. — Украл диск и корабль... он сейчас на дне болота. Вероятно, меня отнесут к неисправимым...

— Но мы можем оспорить такое решение! — прервал его Друстанс. — Будут слушания, будет возможность защищаться. Нынешние обстоятельства расценят в твою пользу...

— Слушания возможны, если мы уберемся с этой планеты, — сухо напомнил Дискан.

— Помощь идет, они это знали. — Теперь Друстанс говорил с прежней уверенностью. — Поэтому Синкред так торопился. Его разыскивает Патруль. Ему нужно было найти сокровища и как можно быстрей убраться с Мимира. Он думает, что в космосе его найти не смогут. А даже если найдут, ничего не смогут доказать. Добычу он намеревался выгрузить поблизости; у него есть такие места. Будет множество подозрений, да, но обвинить его в нарушении законов не смогут.

— Если они возьмут его сейчас — свидетелей достаточно.

— Когда вернемся на корабль, я вызову патрульный крейсер! — Друстанс пошел быстрей.

Все кажется таким простым и легким. Но ведь этот Патрон Синкред не мог оставить корабль без охраны, и Дискан упомянул об этом.

— Верно. Но все равно у нас сейчас лучшие шансы, чем были недавно. И может быть...

— Да, может быть, Патрон и джеки все еще стреляют друг в друга. Но нужно позаботиться и о других...

— О туземцах?

— Нет. Об уцелевших членах археологической экспедиции.

Они стояли внизу лестницы. Дискан подпрыгнул, ухватился за край платформы и поднялся на нее. Друстанс, все еще испытывая последствия стазиса, подтянулся за ним.

Брат, за тобой началась охота.

Дискан вскочил и оглянулся. Ничего не двигалось на улицах города, но он не сомневался в истинности этого предупреждения. Там, хоть они и не видны, скрываются джеки или их Патрон.

— Нас преследуют...

Друстанс повернулся и стал внимательно разглядывать руины.

— Я их не вижу!

Но не успел он это произнести, как они увидели вспышку луча бластера, и на древнем камне стены здания появилась светящаяся черта. Стреляли не в них, но идут в их сторону.

Дискан принял решение. Он схватил ваана за руку.

— Там тяжело раненный закатанин и девушка. Я не умею работать с корабельным коммом, а ты умеешь. Попытаешься добраться до корабля, пока я помогаю остальным? Если там продолжается бой на бластерах, они могут еще долго оттуда выбираться.

— А что, если мы пойдем вместе?

— Нет. Один ты пойдешь быстрей, и ты знаешь корабль. Подожди... у Джулы есть шокер. Конечно, им не защитишься от бластера, но все же это оружие, а тебе нельзя выступать безоружным против тех, кто охраняет корабль.

Дискан уже шел, делая большие шаги, издали определяя место, откуда можно начать поиски расселины. Лунный свет был таким ярким, что он словно идет в полдень. Вот — вот она!

— Джула! — Он решил позвать, опасаясь напороться на луч шокера. Вот он — вход в расселину. Шипение из тени, потом визг — мохнатый! Он узнает его, приветствует...

Дискан и ваан пробрались в убежище, хорошо укрытое каменными стенами. Перед лежащим Зимгральдом стояла Джула. Она посмотрела на Дискана, потом перевела взгляд с него на Друстанса, потом снова на Дискана.

— Ты нашел помощь... — Она покачнулась, но Дискан подхватил ее, поймал выпавшее оружие и протянул его Друстансу.

— Иди! — приказал он ваану. — И...

Вы можете защитить этого, позаботиться, чтобы он благополучно добрался до корабля? — спросил он у других.

Ты просишь о том, что нас не касается, мы не вмешиваемся в дела тех, кто не наши братья. — По сути, протест.

Значит, это невозможно? — Дискан испытал острое разочарование.

Молчание; затем впечатление совещание, в котором он не принимает участия.

Это нужно сделать ради блага тех, кто живет в Кскотале?

Это правильное дело и соответствует узору. Мне поклясться в этом?

Не нужно. Отправь того, у кого нет ушей, чтобы слышать правду, нет глаз, чтобы видеть. Мы примем участие в игре, но ты знаешь цену.

Разве думаешь о цене, когда речь идет о самом горячем желании сердца? — быстро ответил Дискан. Потом произнес вслух:

— У тебя будут спутники, Друстанс. Не знаю, насколько они смогут тебе помочь. Но помогут, насколько способны.

И ваан и Джула странно смотрели на него. Первым заговорил Друстанс:

— Туземцы?

Дискан кивнул и опустил руку на голову у своего бедра.

— Братья-в-меху. Теперь иди!

Джула возражала, но ваан уже уходил, держа шокер в руке. Мохнатый пошел за ним.

— Куда он пошел? И что будешь делать ты? — Она схватила Дискана и попыталась оттащить его от закатанина.

— Очень скоро стрельба в Кскотале прекратится, — ответил он ей. — И мне совсем не хочется попасть под огонь бластера. Мы пойдем к кораблю, а Друстанс уже на пути туда, чтобы позвать помощь...

— Наши люди вернулись? Но они сразу придут за Зимгральдом! Разве ты не сказал им, что мы здесь? Нет, ты не можешь его двигать!

— Могу и буду. Здесь единственный корабль — корабль джеков. Есть небольшой шанс, что Друстанс сумеет проникнуть на его борт и вызовет патрульный крейсер, который, как он считает, ищет этих джеков. А теперь не задавай больше вопросов — пора двигаться!

Дискан сознательно говорил резко. Пока он поднимал закатанина, она схватила несколько самых нужных вещей из мешков. Дискан с трудом поднял чужака. Девушка пошла впереди, они вышли из расселины и начали подниматься по древней дороге.

По камням плыли тени, но он их не боялся и быстро сказал девушке:

— Не бойся! С нами мохнатые. Они предупредят об опасности. — Вялое тело, которое он нес, оказалось тяжелым, но в эту ночь он чувствовал, что может все, что сейчас в его распоряжении вся сила и энергия планеты!

Они извилистым путем между скалами поднялись на верх хребта.

— Там, в городе! — воскликнула Джула. — Это выстрелы из бластера. С кем они сражаются? С нашими людьми, с Миком?

— Друг с другом, — коротко ответил Дискан.

— Почему?

— Потому что нашли то, что искали...

— Сокровище! О нет! — Она была в отчаянии. — Его должен был найти высочайший...

— Они нашли *свое* сокровище, — поправился Дискан. — Этого они хотели от Кскотала. Думаю, Зимгральд искал другое. У Кскотала много сокровищ...

Да, это так. Он держался за это знание, которое согревало, подбадривало, давало защиту против всего, что может появиться из ночи и напасть.

Он не сознавал, как проходит время, пока девушка не споткнулась и не упала, а ему сообщили об это мохнатые.

— Не могу идти, — тихим голосом сказала Джула. — Иди, я потом тебя догоню.

— Не нужно. Пока мы в безопасности. Сюда...

Еще одно углубление в скалах, но на этот раз не с выходом к городу и болоту; напротив, оно смотрит на ту долину, в которой стоит корабль. Наблюдатели окружили их защитным барьером. Джула склонилась к закатанину, нежно касаясь руками его лица с клювастым носом.

— Он жив и по-прежнему спит, — сказала она.

— И пока он жив, есть надежда, — повторил Дискан ее слова, сказанные раньше.

— Расскажи, что случилось? Ты нашел убежище? И кто этот человек, что пришел с тобой?

Дискан рассказывал очень сжато, но когда подошел к сцене в клинообразном зале — там он создал сокровища Кскотала и дал их тем, кто к ним стремился, — он заколебался. Кто ему поверит, если не видел этого или не проделал сам? Было

ли это все только иллюзией? Он знал, что это не иллюзия! Но эту часть он не может рассказать. Слишком она близка к тайне его собственного сокровища, которое ни с кем нельзя разделить.

— И там они решили, что нашли то, что искали, — сказал он ей.

— Часть иллюзии. — Она кивнула, и поскольку она не спрашивала, а утверждала, Дискану оставалось только промолчать.

— И это натравило их друг на друга, — продолжил он и рассказал обо всем остальном.

— Значит, — она рукой поправляла одеяло закатанина, — они на самом деле ничего не нашли. Сокровище еще ждет высочайшего. Когда все это закончится, он сможет возобновить поиски.

Дискан напрягся. Новые поиски, новые раскопки... попытка разорвать сердце Кскотала?

Нет, брат. Для тех, у кого нет глаз и ушей, нет ни вида, ни звука, ни существа. Возможно, позже придут те, кто обладает зрением и слухом... и для них Кскотал откроет двери, множество дверей. Но эти — ничего. Они устанут от своих бесполезных поисков и уйдут, перестанут искать то, что невозможно найти, — для них невозможно. — Быстрый ответ без слов.

— Может быть, — согласился Дискан, но подумал, что Зимгральд, даже если полностью оправится, никогда не вернется в Кскотал. — А если он это сделает, ты будешь ему помогать? — продолжал он.

Руки ее шевельнулись, словно она отталкивала какую-то тяжесть, которую не могла снова поднять.

— Если он попросит, буду. Но...

— Но ты надеешься, что он не попросит. Правда? Ты так ненавидишь этот город?

— Я... думаю, я его боюсь. Что-то там таится. Если его разбудить...

— Оно изменит весь мир! — негромко сказал Дискан.

— Но я не хочу перемен! — прошептала она.

— Значит, для тебя оно никогда не придет. Не бойся, оно не придет...

Она подняла взгляд.

— Ты... какой-то другой. И ты что-то знаешь, верно?

Дискан кивнул.

— Я кое-что знаю. Я видел изменившийся мир...

— И ты не испугался. — Снова утверждение, а не вопрос.

— Нет, испугался, очень испугался.

— Но теперь не боишься.

— Нет.

Брат... с неба... оно идет!

Дискан тоже видел это — звезду, но не неподвижную, а быстро перемещающуюся по небу. Корабль на орбите, готовится к посадке. Патруль?

— Корабль! — Джула тоже увидела и вскочила. — Помощь для нас?

— Надеюсь... теперь ты можешь идти?

— Да, о да!

Дискан снова поднял закатанина. Теперь, когда все шло к завершению, его снедали последние сомнения. Он собирался крепко закрыть дверь, а если ее закроешь, то снова открыть невозможно. Несмотря на все тяжелое прошлое, так трудно радикально изменить свою жизнь ради будущего.

Джула почти бежала, но Дискан шел гораздо медленней. Возможно, последний раз идет он с такими же, как сам.

Идет один!

— Дискан? — Возглас из ночи.

— Друстанс — сюда! — Зов с некоторого расстояния, и у него есть еще несколько мгновений.

Он опустил Зимгральда. Наверно, из всех только закатанин ближе всех к пониманию тех перемен, которые приносит в его жизнь фактор икс и которые не в состоянии контролировать ни один человек. Но все равно оставались последние сомнения, такое чувство, будто его тянут в противоположных направлениях и он утрачивает четкую уверенность, которую чувствовал почти всю ночь.

— Чего ты ждешь? — Джула бегом вернулась к нему. — Высочайший... ему хуже? — Она опустилась на колени перед Зимгральдом, трогала руками его тело.

— Его состояние не изменилось...

Должно быть, тон его голос привлек ее внимание, заставил повернуться. Дискан снял парку, расстегнул пояс и бросил все это рядом с неподвижным закатанином.

— Что... что ты делаешь?

— Ухожу. Ты в безопасности. Очень скоро появится Друстанс. Садится патрульный корабль...

— Ты хочешь сказать... ты преступник и боишься, что тебя подвергнут переделке? Но это невозможно... мы расскажем им, что ты здесь сделал, и они не будут... Мы поручимся за тебя!

Дискан рассмеялся. Он почти забыл, что его могут судить как преступника — неисправимого, которого его племя... *ее* племя обязано наказать. Он слишком далеко зашел по незримой дороге.

— Я не боюсь Патруля, — сказал он улыбаясь. — Нет, Джула. Я возвращаюсь в Кскотал, потому что теперь это мой мир...

— Но то, что ты видел, было иллюзией! — воскликнула она. — На самом деле там пустые развалины. Ты умрешь от холода и голода.

— Может быть... — снова на поверхность поднялось сомнение, — может быть, ты и права и я ухожу в галлюцинации или сновидения. Но для меня они реальны — в гораздо большей степени, чем ваш мир, в котором я стою сейчас. Я возвращаюсь, может быть, как ты говоришь, умереть среди развалин и осыпающихся камней. Но для меня Кскотал не мертв — он живет, в нем не заканчивается танец и течет вода. Есть то, что способен создать ум, как вы создаете вещи руками. И там меня ждут, меня приветствуют, мне радуются так, как не радовался никто в вашем мире...

— Ты не можешь! Тебя убьют джеки... — Она продолжала спорить.

Дискан покачал головой. Несмотря на холод, он продолжал раздеваться, снимал рубашку, которая будто бы всегда скрывала его большие руки и широкие плечи.

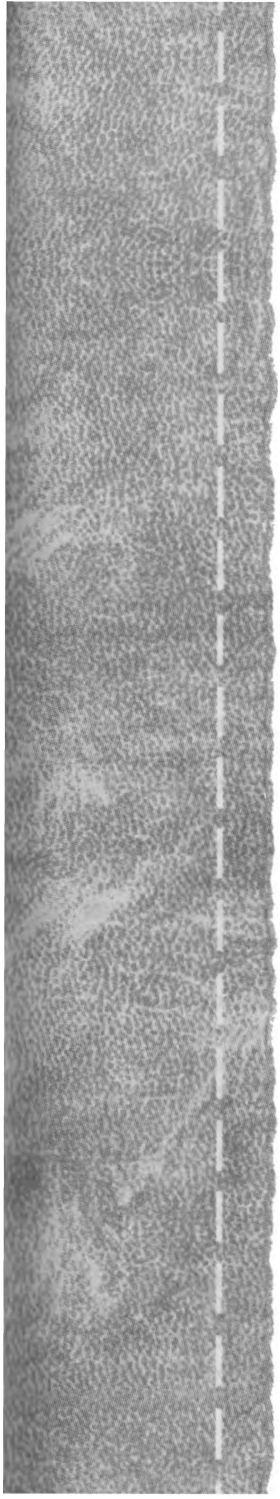
— Я пойду не в *их* Кскотал. — Он уронил рубашку. — Доброго пути, Джула. Когда высочайший придет в себя, скажи ему, что он был прав. Мохнатые — это ключ, если умеешь им воспользоваться. И в Кскотале есть сокровище, которое превосходит все богатства мира. Скажи ему, что я смог это узнать!

— Нет! — Он повернулся, и она попыталась схватить его. Но он уже бежал меж камней, не обращая внимания на камни под ногами, не чувствуя холода полуобнаженным телом. И вокруг плясали мохнатые, возбужденно и игриво прыгали друг через друга.

Наконец Дискан оказался на лестнице и большими прыжками принялся спускаться. И вот он стоит на платформе, нетерпеливо срывая остатки одежды — последнего, что соединяет его с прошлым.

Перед ним прямой ручей со сладкой проточной водой — это дорога, по которой движутся тени. Но они больше не тени, наконец он видит, каковы они на самом деле — у них тела, как у него, они не чужаки, хотя даже если бы у них была другая форма, они казались бы ему чужими. В их взглядах узнавание, приветствие тому, кто открыл дверь, соединил братьев-в-меху с братьями-во-плоти, кто поведет их дальше, через другие, еще более неодолимые преграды.

Слыша приветственные крики, Дискан прыгнул вперед, в сладкую воду, в танец и жизнь Кскотала — того Кскотала, каким он был когда-то и каким снова стал!



ОПАСНЫЕ СНЫ

Часть первая
ИГРУШКИ ТАМИСАН

Глава первая

— Лорд Старрекс, Фустмэм определила ее как настоящего мастера активных снов десятого разряда!

Джебис был слишком нетерпелив: он проявлял чрезмерную настойчивость. И Тамисан мысленно усмехнулась, но лицо ее было непроницаемо, хотя она бросала быстрые взгляды из-под полуопущенных век. Этот торг имел к ней самое близкое отношение, потому что именно она была предметом спора, но сказать ничего не могла.

Она предполагала, что это была самая типичная небесная башня, которая, казалось, плыла, поскольку ее опоры, тонкие и хорошо скрытые, поднимали башню высоко над Ти-Кри. Однако ни одно из окон не выходило на настоящее небо. Все они показывали разные ландшафты, иллюстрирующие, по мнению Тамисан, сцены с других планет; некоторые, возможно, были сновидениями, запомнившимися или внушенными.

На ковре из живой травы располагался шезлонг, где полусидел-полулежал владелец. Но Джебису даже не предложили придвинутой к стене скамейки, и два других человека в присутствии лорда Старрекса тоже стояли. Они были настоящими людьми, не андроидами, что относило их владельца к очень богатому классу. Один, подумала Тамисан, был телохранителем, а другой, моложе и худощавый, с капризным ртом, одет почти так же, как и человек на ложе, но некоторые мелочи свидетельствовали о его более низком положении в доме.

Тамисан запоминала все, что видела, и откладывала для будущего. Большинство мастеров снов мало обращало внимания на окружающий мир, они были слишком запутаны в собственных творениях, чтобы думать о реальности. Тамисан

нахмурилась. Она была мастером снов. Джебис и Фустмэм могли подтвердить это; лежащий в шезлонге тоже сможет подтвердить это, если заплатит требуемую цену. Но она была еще чем-то, хотя и сама не была уверена, чем именно. В ней было что-то, отличающее ее от других мастеров, и у нее хватало ума скрывать это с тех пор, как она впервые узнала, что остальные в Улье Фустмэм не были полностью самостоятельными, некоторых даже приходилось кормить, одевать и заботиться о них, словно они не знали, что у них есть тело.

— Мастер активных снов... — Лорд Старрекс повел плечами, и кресло немедленно приспособилось к его движению, создавая человеку максимум удобств. — А активные сны — это ребячество.

Тамисан владела собой, но внутри нее вспыхнула искра злобы. Ребячество? О, она показала бы ему ребячество в сновидении, которое сможет сплести для клиента. Но Джебиса не задело унизительное замечание возможного покупателя: в его глазах это было логичным поведением в торговле.

— Если вас устраивает Э-мастер... — Он пожал плечами. — Но вы требовали от Улья именно А-мастера...

Он рискнул быть чуточку резким. Неужели он так уверен в этом лорде? — подумала Тамисан. Видимо, у него есть какая-то секретная информация, которая позволяет ему такую самонадеянность, потому что Джебис мог бы съежится от страха и ползти на брюхе, как последний нищий, если бы считал, что этим заработает один-два кредита.

— Кас, это твоя идея. Какова цена мастеру снов? — небрежно спросил Старрекс.

Младший из его компаньонов сделал два шага вперед. Это он был причиной ее появления здесь. Лорд Кас, кузен владельца всего этого великолепия, хотя наверняка, по мнению Тамисан, он не имел в доме никакого авторитета. Тот факт, что Старрекс лежал в шезлонге, был продиктован не пренебрежением к гостям, а тем, что скрывалось под шелковым халатом, покрывающим до половины тело Старрекса. Человек, который лишился возможности ходить, мог заинтересоваться способностями мастера деятельных сновидений.

— У нее десятый разряд, — напомнил Кас.

Черные брови Старрекса сдвинулись:

— Это верно?

— Верно, лорд Старрекс, — быстро вмешался Джебис. — Из роя этого года она лучше всех. Именно поэтому... мы и сделали предложение вашей светлости.

— Я не стану платить только за репутацию, — ответил Старрекс.

Джебис не обиделся.

— Десятый разряд, милорд, не делает демонстраций. Как вам известно, свидетельство Улья не может быть подделано. У меня важное дело в Броке, и мне очень нужно остаться здесь, только поэтому я и продаю ее. Сама Фустмэм предлагала только сдавать ее в аренду.

Тамисан, не имея ничего, на что держать пари, и никого, с кем его держать, на сей раз поставила бы на своего дядю. Дядя? Тамисан считала, что у нее нет кровной связи с этим подобным человеку насекомым, с его морщинистым лицом, вечно бегающими глазами и худыми руками с полускрюченными пальцами, которые всегда напоминали ей вытянутые клешни краба. Конечно, ее мать нисколько не напоминала дядю Джебиса, поскольку отец ее был не из клана и ценил свою жену лишь в постели, хотя и не одну ночь, а полгода.

Не впервые Тамисан думала о своих родителях. Ее мать не была мастером снов, но у нее была сестра, которая умерла (что весьма прискорбно для семейного благосостояния) в Улье во время юношеской стимуляции как Э-мастера. Ее отец был из другого мира, чужак, но достаточно гуманоидный, чтобы дать потомство. Он снова исчез с планеты, когда желание бороздить звездные просторы стало слишком одолевать его. Если бы Тамисан не проявила так рано свой талант мастера снов, дядя Джебис и остальной выводок клана Ески никогда бы не задумались о ее будущем, когда ее мать умерла от синей чумы.

Тамисан была полукровкой и достаточно умна, чтобы рано понять, какое преимущество дает ей разница между ее силой и силой других в Улье. Способность творить сны — врожденный талант. Для мастеров низкого класса это был уход из мира, и такие мастера широко использовались. Но те, которые могли проецировать сновидения, включая других в цепь, брали высокую цену в зависимости от силы и стабильности своих творений. Э-мастера, творящие эротические и сладострастные сны, ценились выше, чем мастера активных снов. Но в

последние годы произошел поворот в обратную сторону, хотя Тамисан не знала, долго ли это продержится. Те, кому повезло иметь для продажи А-мастера, старались сбыть свой товар побыстрее, пока цена не упала.

Скрытый талант Тамисан состоял в том, что она никогда полностью не оставалась в мире сна, как было с теми, кого она отправляла туда — она обнаружила это совсем недавно и держала это открытие при себе. И таким образом она могла в какой-то мере управлять связью, а не быть бессильной пленницей, вынужденной видеть во сне чужие желания.

Она вспоминала то, что знала о лорде Старрексе. Что Джебис хотел продать ее владельцу небесной башни, было ясно с самого начала, и естественно, он выбирал лучший момент для наиболее выгодной, по его мнению, сделки. Но хотя по Улью бродили слухи, Тамисан была уверена, что многое из рассказов о других мирах было неточным и искаженным.

Мастера снов были ограждены от любой реальной встречи с повседневной жизнью, их талант безудержно питался и укреплялся продолжительными занятиями с триди-проекторами и информационными лентами.

Старрекс, в противовес большинству людей своего класса, был деятельной натурой. Он нарушил обычаи касты, отправившись в длительное путешествие к другим мирам. Только после какого-то таинственного несчастного случая, искалечившего его, он стал затворником, видимо, ввиду изувеченности тела. Он не из тех, кто идет сам в Улей за товаром. Наверняка их вызвал сюда лорд Кас.

О внешности Старрекса трудно было судить, когда он вытянулся в шезлонге и большая часть его тела скрывалась под сказочно красивым шелком. Тамисан оценила, что стоя он будет на голову выше Джебиса, и выглядел он хорошо сложенным и мускулистым, чем больше походил на своего стража, а не на кузена.

Лицо его было необычным: от широкого лба и скул оно сужалось к крепкому подбородку, выглядя почти треугольным. Кожа его была темная, почти такая же, как у космолетчиков. Черные волосы так коротко острижены, что казались плотной бархатной шапкой, особенно по контрасту с длинными прядями его кузена.

Его латрексовая туника модного цвета была из дорогого

материала, но менее украшена, чем у молодого человека. Ее широкие и свободные рукава легко соскальзывали, когда он поднимал руки. Единственной драгоценностью на нем был камень корос, вставленный в серьгу, которая качалась на уровне челюсти.

Тамисан не назвала бы его красивым, но чем-то он приковывал внимание. Возможно, своей надменной уверенностью, что никто никогда не пойдет наперекор его желаниям. Но он никогда еще не встречался с Джебисом, и теперь, возможно, даже лорду Старрексу придется чему-то научиться.

Изгибаясь и вертясь, негодуя и убеждая и пользуясь всеми хитростями и давней тренировкой в делах, Джебис торговался. Он призывал богов и демонов в свидетели его бескорыстного желания угодить, его отчаяния, что его неправильно понимают. Это было совершенно выдающееся представление, и Тамисан отобрала из него лучшие отрывки в свой мысленный резервуар для применения в сновидениях. Это было гораздо более возбуждающим, чем триди, и она удивлялась, почему живой драматический материал не ценится в Улье. Возможно, Фустмэм и ее помощницы боялись любого клочка реальности, могущей пробудить мастеров от их тщательно поддерживаемого погружения в собственные творения.

Какое-то время ей казалось, что лорд Старрекс тоже развлекается этим. Но затем в его лице появилось нечто вроде усталости, намекающей на скуку, хотя это было ненормально для любого желающего иметь личного мастера снов. Затем внезапно как будто ему все надоело, он перебил самую страстную мольбу Джебиса о небесном понимании его правоты одной простой фразой:

— Я устал, парень. Возьми деньги и уходи...

И лорд закрыл глаза.

Стражник достал из своего пояса кредитную пластинку, вытянул длинную руку через спинку шезлонга, чтобы лорд Старрекс приложил большой палец к поверхности пластинки, утверждая платеж, и швырнул ее Джебису. Она упала на пол, и маленький человечек заскреб по ней пальцами. Тамисан увидела выражение его бегающих глаз. Джебису не слишком нравился лорд Старрекс, но это не означало, конечно, что он презирает и кредитную пластинку, которую силился схватить.

Он откланялся, стараясь не смотреть на Тамисан. Она осталась стоять, будто была андроидом. Лорд Кас шагнул вперед и легко коснулся ее руки, по-видимому считая, что она нуждается в руководстве.

— Пошли, — сказал он, и его пальцы схватили ее запястье и потянули за собой. Лорд Старрекс не обратил никакого внимания на свое новое приобретение.

— Как тебя зовут? — Лорд Кас говорил, медленно, подчеркивая каждое слово, будто старался пробить какую-то преграду между ними. Тамисан догадалась, что он имел контакт с мастерами высшего класса, которые всегда теряются в реальном мире. Осторожность советовала оставить его в уверенности, что она так же ошеломлена. Поэтому она медленно подняла голову и посмотрела на него, делая вид, что ей трудно сфокусировать свой взгляд.

— Тамисан, — ответила она после достаточной паузы. — Я — Тамисан.

— Красивое имя — Тамисан, — сказал он, как если бы обращался к тупоумному ребенку. — Я лорд Кас. Я твой друг.

Но Тамисан, восприимчивая к интонациям голосов, подумала, что правильно сделала, что разыграла растерянность. Кем бы Кас ни был, но не другом ей, разве что когда это отвечало его целям.

— Вот твои комнаты. — Он провел ее по холлу к дальней двери, где провел рукой по поверхности, чтобы открыть световой замок. Затем ввел Тамисан в овальную комнату с высоким потолком. Окон в ней не было. Центр комнаты спускался рядом широких ступеней к водоему, где маленький фонтан поднимался душистым туманом и капал обратно в белый, как кость, бассейн. На ступенях лежало множество подушек и мягких ковриков нежных оттенков голубого и зеленого. Овальные стены были задрапированы эпдексовой тканью светло-серого оттенка с лиловым и завитками бледно-зеленого цвета.

В создание и убранство комнаты было вложено много заботы. Возможно, Тамисан была последней в серии мастеров сна, потому что это было замечательным местом отдыха, таким, подобного которому в Улье не было.

Полоса ткани на стене поднялась, и вошла личная телохранительница-андроид. Голова ее представляла собой овал с

фасеточными глазами-пластинками и слуховыми сенсорами. Гуманоидное тело было белым, как слоновая кость.

— Это Пурпей, — сказал Кас. — Она будет следить за тобой.

Мой страж, — подумала Тамисан. Забота робота-андроида, возможно, будет ей неприятна, а самое главное — Тамисан в этом не сомневалась — это белое существо будет стоять между ней и надеждой на свободу.

— Если что-нибудь пожелаешь, скажи Пурпей. — Кас выпустил ее руку и повернулся к двери. — Когда лорд Старрекс пожелает видеть сны, он пошлет за тобой.

— Я в его распоряжении, — пробормотала в ответ Тамисан; это был необходимый ответ.

Она проводила Каса взглядом и повернулась к Пурпей. Тамисан имела все основания считать, что андроид запрограммирован записывать каждое ее движение. Но неужели же кто-нибудь здесь думает, что мастер снов имеет хоть какое-то желание стать свободным? Мастер сна желает только сна: это ее жизнь, вся жизнь. Оставить место, которое благоприятствовало такой жизни, было бы сродни самоубийству, это нечто такое, о чем дисциплинированный мастер снов и подумать не может.

— Я хочу есть, — сказала она андроиду.

— Пища сейчас будет. — Пурпей подошла к стене, откинула в сторону полоску ткани, за которой была серия кнопок: Андроид нажала на них сложным образом.

Прибыл закрытый поднос с яствами, каждое в своем горячем или холодном отделении. Тамисан поела. Она узнала обычные блюда диеты мастеров, только они были приготовлены гораздо лучше и поданы красивее, чем в Улье.

Она ела, пользовалась ванной за другой стенной обивкой, куда Пурпей привела ее, и хорошо спала на подушках рядом с бассейном, где легкая игра воды убаюкивала ее.

Время почти ничего не значило в овальной комнате. Тамисан ела, спала, мылась и смотрела триди, который по ее просьбе принесла Пурпей. Будь она такой же, как остальные в Улье, это существование было бы для нее идеальным. Но Тамисан, наоборот, становилась беспокойной, когда ее долго не звали показать свое искусство. Она была наемницей здесь, и никто из обитателей небесной башни, похоже, не знал о ней.

Можно сделать только одно — решила Тамисан после второго пробуждения. Мастеру снов разрешалось, хотя в обязанность и не вменялось, изучать личность хозяина, которому она должна служить, если она личный мастер, а не арендована от Улья. Теперь она имела право просить ленты, касавшиеся Старрекса. В сущности, могло бы показаться странным, если бы она этого не сделала, так что она потребовала их. Таким образом она узнала кое-что о Старрексе и его домочадцах.

Кас имел когда-то личное состояние, которое улетучилось в результате какого-то происшествия, когда он был еще ребенком. Его в некотором роде усыновил Старрекс, глава клана, и ввиду болезни Старрекса он стал действовать в качестве его поверенного. Телохранителем был Улфилес, инопланетный наемник, которого Старрекс привез из своих звездных странствий.

Но Старрекс, если не считать нескольких голых фактов, оставался загадкой. Он как-то совсем не походил на других. Он искал разнообразия в других местах и мирах, но то, что он мог найти там, не излечило его от вечной усталости жить. Данные о его личной жизни были очень скудны. Теперь Тамисан была уверена, что любой из домочадцев был для него только орудием, которым он мог пользоваться или отбросить. Он не был женат, и связи с женщинами, которых он приближал к дому (больше их стараниями, чем прямыми действиями с его стороны), не длились долго. По существу, он настолько закрылся в раковине безразличия, что Тамисан сомневалась, есть ли в этом укрытии реальный человек.

Она стала размышлять, почему он позволил Касу добавить ее к его собственности. Чтобы как можно лучше использовать мастера снов, хозяин должен быть готовым участвовать, а прочитанные Тамисан ленты ясно давали понять, что безразличие Старрекса поставит барьер любому реальному сновидению.

Чем больше Тамисан узнавала о Старрексе негативного, тем более это казалось ей вызовом. Она лежала возле бассейна в глубоком раздумье, хотя мысли блуждали даже больше, чем она сама догадывалась, от сложнейших упражнений, полагающихся мастеру десятого разряда. Придумать

сон, который может пленить Старрекса, — это действительно вызов.

Он хотел активного сна, но, как ни сильна была тренировка Тамисан, ее не хватало, чтобы увлечь его. Следовательно, ее сновидение должно стать иным.

Это был сверхутонченный век, когда звездные путешествия стали обыденным фактом, и, хотя ленты не указывали детально, что именно Старрекс делал в других мирах, было ясно, что лорд имел большой опыт в отношении всего, что касалось его времени.

Значит, он будет удовлетворен неизвестным. Она не нашла в лентах намека на садистские или извращенные наклонности и при этом знала, что если бы он имел склонность к такому образу сна, она, Тамисан, не годилась для этого. Да и Кас выставил бы ей в Улье другие требования.

Здесь было много исторических лент, из которых она могла бы кое-что взять, но все они были смотрены много-много раз. Будущее было чересчур затаскано, изношено. Темные брови Тамисан сдвинулись над закрытыми глазами. Банально. Все, о чем она думала, было банальным! И вообще, чего ради она беспокоится? Совершенно непонятно, почему ее так сильно увлекает желание создать сон, который вытряхнет Старрекса из его раковины и докажет ему, что Тамисан достойна своего разряда. Может, отчасти потому, что он и не думает посылать за ней, чтобы дать ей возможность доказать свою силу. Судя по его безразличию, он думает, что она ничего не может предложить.

Тамисан имела право затребовать хоть всю библиотеку лент из Улья. Это было самое большое собрание на звездных путях. Ну, еще бы! Корабли посылались только для того, чтобы привозить новые знания, которые будут питать воображение мастеров сна!

История... Ее мысли вернулись к прошлому, хотя оно было слишком изношено для ее целей. История... Что такое история? Это череда событий, действий личностей или наций. Действия имели результаты. Тамисан села на подушках. *Результаты действия!* Иногда от одного единственного мелкого события шли далеко идущие результаты: смерть правителя, исход одной битвы, посадка звездного корабля... или его гибель при посадке.

Так...

Мерцающий огонек идеи окреп. История может иметь множество дорог рядом с уже известной. Но могла ли Тамисан воспользоваться этим? А ведь тут имелись бесчисленные возможности. Руки Тамисан вцепились в полы халата. Проблема начала вырисовываться. Но требуется время... Тамисан больше не сетовала на равнодушие лорда. Пусть оно тянется дольше — ей дорога каждая минута.

— Пурпей!

Андроид материализовался из-под сетки.

— Мне нужны некоторые ленты из Улья. — Она заколебалась. Несмотря на нетерпение, она должна действовать гладко и точно. — Послание Фустмэм: прислать Тамисан ленты истории Ти-Кри пятилетней давности.

Это была история независимого города, который основал небесные башни. Тамисан начнет с малого, но попробует свою идею. Сегодня это будет один город, завтра планета, а затем — кто знает, может, и солнечная система... Она обуздала свое возбуждение. Сделать надо многое. Ей нужно время и устройство для чтения. Но, во имя Четырех Грудей Власты, только бы ей удалось это сделать!

Время, похоже, у нее было, хотя в душе все время тлела искорка страха: вызов от лорда может прийти в любое время. Но вот из Улья прибыли ленты и устройство для чтения, так что она металась от одного к другому, делая выписки из того, что узнавала. Когда ленты были прокручены, она стала лихорадочно изучать заметки. Теперь для нее ее идея означала больше, нежели просто инструмент для развлечения требовательного хозяина. Идея поглотила Тамисан целиком, словно она была мастером низшей ступени, попавшим в собственное творение.

Когда Тамисан осознала опасность этого, она бросила изучение и вернулась к лентам того дома, где находилась, чтобы снова узнать, что можно, о Старрексе.

Но когда наконец пришел вызов, она снова пробежала свои заметки. Она не знала, сколько времени провела в небесной башне, потому что дни и ночи в овальной комнате одинаковы. Она ела и спала только заботами Пурпей.

За Тамисан пришел лорд Кас. Она едва успела войти в свою роль растерянного мастера, когда он вошел.

— Ты здорова, счастлива? — спросил он, как это было принято.

— Радуюсь хорошей жизни.

— Лорд Старрекс желает войти в сон. — Кас потянулся к ее руке, и она не возражала. — Лорд Старрекс требует многого. Предложи же ему самое лучшее, мастер снов. — Он как бы предупреждал ее.

— Мастер снов спит, — ответила она неопределенно, — и ее сон можно разделить.

— Правильно, но лорду Старрексу трудно угодить. Сделай для него самое лучшее, мастер.

Она не ответила. Он вывел ее из комнаты в серый коридор, а затем вниз, к нижнему уровню. Комната, в которой они в конце концов очутились, имела знакомое ей оснащение: ложе для мастера, второе для разделяющего сон мастера, и между ними связующая машина. Только тут было еще и третье ложе. Тамисан удивленно взглянула на него.

— Спят двое, а не трое.

Кас покачал головой.

— Лорд Старрекс хочет, чтобы другой человек тоже разделил сон. Связь новой модели машины очень сильная. Это уже проверено.

Кто же будет третьим? Улфилес? Неужели лорд Старрекс хочет тащить телохранителя с собой в сон?

Дверь отворилась, и вошел лорд Старрекс. Он вошел с трудом, волоча ногу, словно не мог ни согнуть ее в колене, ни управлять ею мышцами, и тяжело наваливался на андроида. Когда слуга уложил его на кушетку, он даже не взглянул на Тамисан, а только слегка кивнул Касу.

— Займи свое место, — приказал он.

Может быть, Старрекс боялся погружаться в сонное состояние и хотел иметь Каса для контроля, поскольку Кас определенно спал и раньше.

Затем Старрекс повернулся к Тамисан и, взяв корону снов, скопировал движения, которыми Тамисан прилаживала такой же обруч на свою голову.

— Покажи нам, что ты можешь предложить.

В его голосе слышалась тень враждебности и вызова, из чего она заключила, что и он не верит в ее возможности.

Глава вторая

Она не могла позволить себе сейчас думать о Старрексе: она должна думать только о сне. Она должна творить и не сомневаться, что ее творение будет идеальным. Тамисан закрыла глаза, укрепила волю, потянула в свое воображение все нити изученных лент и стала ткать сон.

С минуту все было как и в начале любого сна, а потом...

Она не исследовала, а лишь наблюдала, внимательно и критически за тем, что сама проворно крутила. Но получилось, будто сетка внезапно стала реальной и туго сплела Тамисан, как паутина фис-паука запутывает синекрылого мотылька.

С таким сном Тамисан еще никогда не сталкивалась, и паника так крепко охватила ее, что она не могла крикнуть, да и голоса не осталось. Она падала все ниже и ниже из какой-то точки наверху, задела за кустарник, немного задержавший ее падение, и наконец больно ударилась, почти потеряв сознание. Затем лежала неподвижно, тяжело дыша, с закрытыми глазами и боялась открыть их и увидеть, что она и в самом деле попала в какой-то кошмар, а не в правильное сновидение.

Она медленно оправилась от своей кружащей голову растерянности и попыталась обрести контроль не только над своими страхами, но и над своими силами мастера снов. Затем осторожно открыла глаза.

Над ней было бледно-зеленое небо со следами тонких серых облаков, похожих на длинные слепившиеся пальцы. Небо было таким же реальным, как любое небо, находись она в собственном мире и времени. *В собственном* времени и мире!

Она подумала об идее, которую создала, чтобы поразить Старрекса. Неужели тот факт, что она работала с новой теорией, пытаясь создать поворот сновидениям, могущим пробить безразличие усталого человека, вызвал это?

Тамисан села, вздрагивая от боли ушибов, и огляделась. Она находилась на гребне небольшого бугра. Страна вокруг не была дикой... Местность была ровной, обработанной, там и сям виднелись скалы, аккуратно обтесанные и обвитые цветущими виноградными лозами. А другие скалы были абсолютно голые, мрачные, и все же они спускались к стене. Они имели самую разнообразную форму: от смутно приемлемой гуманоидной до гротескно чудовищной. Тамисан, разглядев их по-

ближе, решила, что их вид ей не нравится. Они были не из ее воображения.

За стеной начиналась группа строений. И поскольку Тамисан привыкла видеть небесные башни и меньшие, но зато более основательные здания, эти показались ей необычно приземистыми и тяжелыми. Насколько она могла видеть, самый высокий дом имел три этажа. Здесь люди не тянулись к звездам, а жались к земле.

Но где это — *здесь?* Это не ее сон. Тамисан закрыла глаза и сосредоточилась на начале того сна, который планировала. Они должны были попасть в мир, созданный ее воображением, а вовсе не этот. Ее основная идея была довольно проста, но, насколько она знала, ни один мастер ею не пользовался. Идея состояла в том, что прошлая история мира Тамисан могла быть изменена несколько раз за время своего течения. Тамисан взяла три основные точки изменения и изучала, что могло произойти, если бы судьба дала этим точкам противоположное решение.

Зажмурившись, чтобы не видеть этой мнимой реальности, в которую она попала, Тамисан сосредоточилась на выбранных ею точках.

Приветствие Верховной Королевы Ахты — это первая точка.

Что бы случилось, если бы первый звездолет при своем приземлении не был бы принят за сверхъестественное явление и маленькое королевство, в котором он коснулся почвы, не приняло бы его экипаж как богов, а встречало бы его отравленными дротиками?

Аварийная посадка «Странника» — это вторая точка.

Это был корабль колонистов, отклонившийся от предписанного ему курса из-за поломки бортового компьютера. Ему пришлось приземлиться здесь, иначе его пассажиры могли погибнуть.

Что бы произошло, если бы поломки компьютера не было и «Странник» продолжил бы свой путь?

Смерть Силта Сладкогласного до того, как он добрался до алтаря Иктио, — третья точка.

Этот проповедник мог бы не оказаться сосредоточением той жестокой силой, что вела кровопролитное восстание от храма к храму и погрузила во тьму три четверти планеты.

Тамисан выбрала эти точки, но вовсе не была уверена, что одна не может полностью исключить другую. Силт вел восстание против колонистов со «Странника». Если бы приветствие Верховной Королевы Ахты не состоялось... Тамисан не знала, что бы произошло, она лишь пыталась найти рисунок событий, а затем вообразить современный ей мир, исходя из этих перемен.

Она снова открыла глаза. Нет, это не ее воображаемый мир. Во сне никто не ушибает ребра, не сидит на влажной земле, не чувствует ветра и не позволяет дождю мочить волосы и одежду.

Она подняла руки к голове: что с короной снов?

Ее пальцы коснулись металлического плетения, но шнуров не было. Тут она впервые вспомнила, что была связана со Старрексом и Касом, когда это случилось.

Тамисан встала и огляделась вокруг, надеясь увидеть их где-нибудь поблизости... Нет, она была одна, и дождь усиливался. Возле стены был навес, и Тамисан поспешила к нему. Три кривых столба поддерживали маленький купол. Стен у навеса не было, и она встала в самом центре, чтобы избежать приносимой ветром влаги. Ей никак не удавалось избавиться от ощущения, что это не сон, а самая настоящая реальность.

Тамисан попыталась подавить панику и обдумать свои возможности. Неужели она попала в вероятностный Ти-Кри, который мог бы существовать, если бы выбранные ею три ключевые точки и в самом деле имели бы другое решение? Если так, не может ли она вернуться, пересмотрев эти точки в обратном порядке? Она закрыла глаза и сосредоточилась.

Выворачивающее желудок головокружение... Она покачнулась. Сотрясаемая тошнотой, Тамисан оставила попытку и открыла глаза. Она силилась понять, что же все-таки произошло. Это кружение напоминало ощущение нарушенного сна и означало, что она во сне. Но было совершенно ясно, что она пленница в нем. Но *как* и *почему?* Глаза ее сузились, хотя она смотрела внутрь, а не на дождь. *Чьим взглядом?*

«Допустим... допустим, что один или оба из тех, кто делил мой сон, также появились в этом месте, хотя оно и неправильное. Тогда я должна найти их. Мы должны вернуться вместе, потому что оставшийся станет якорем для остальных. Нужно найти их как можно скорее!»

В первый раз она взглянула на мокрое платье, прилипшее к ее стройному телу. Это не был серое одеяние мастера снов, а длинное, хлюпающее по лодыжкам платье темно-фиолетового цвета, почему-то показавшееся ей уместным и приятным.

От колен до конца подола платья была замысловатая вышивка. Узор был настолько сложным, что Тамисан не могла выделить ни одной его детали. Но, как ни странно, чем дольше она рассматривала его, тем более он казался ей не нитями на ткани, а словами на странице рукописи, какие она видела на видеолентах по древней истории. И нити эти были металлически-зеленые и серебряные, и среди них только несколько мелких штрихов фиолетового более светлого оттенка.

На ее талии был пояс из серебряных сегментов, усыпанный пурпурными камнями, с широкой пряжкой из того же металла. К поясу пристегнута сумка. Платье от горловины до пояса зашнуровано серебряными шнурками, продетыми сквозь металлические глазки в ткани. Рукава платья длинные, широкие, разрезанные от локтя вниз на четыре части, отставшие от рук, когда Тамисан подняла их, чтобы снять корону снов.

Она сняла отнюдь не знакомую ей легкую шапочку, плотно прилегающую к ее коротко остриженным волосам, а нечто вроде серебряного обруча; внутренние проволочки или полоски металла поднимались из него вверх по крайней мере на фут и сходились конусом. На его верхушке было прекрасно сделанное летающее существо со слегка опущенными крыльями и крошечными блестящими камешками глаз.

Когда она повернула голову, длинная шея существа изменила положение и крылья его дрогнули. Тамисан сначала так испугалась, что чуть не выронила корону, подумав, что существо живое.

Но она вспомнила одну из исторических лент. Птица была флэкаром Олавы. Тамисан носила ее, значит, она была Устами Олавы — частично жрица, частично чародейка и, как ни странно, — частично женщиной для развлечений. Но судьба благоприятствовала ей в этом. Уста Олавы могли бродить где угодно и, похоже, запросто заниматься любыми своими делами.

Тамисан провела рукой по голове, прежде чем снова надеть корону. Ее пальцы коснулись не короткого ежика мастера снов, а мягких влажных прядей, завивающихся на лбу и шее.

Конечно, она придумывала себе одежду для сна; но на этот раз она представила себя не такой, и то, что она стала Устами Олавы, тоже было не по ее воле. Но ведь Олава относился ко времени правления Верховной Королевы. Значит, Тамисан каким-то образом пронеслась дальше во времени. Чем раньше она узнает, где она и *когда*, тем лучше.

Дождь стих, и Тамисан вышла из-под купола. Взбираясь обратно на холм, она приподняла подол платья обеими руками. Поднявшись на вершину, медленно повернулась в попытке обнаружить, что не одна в этом странном мире.

Но здесь не было ничего, кроме каменных фигур и растительности. Внизу виднелись стена и купол. Но позади Тамисан был второй холм, выше этого, и наверху была крыша, видимая только отдельными кусками через экран деревьев. Крыша имела гребень, заканчивавшийся с каждой стороны резким завитком, так что здание как бы имело на каждом конце ухо. Крыша была зеленая, поблескивающая, несмотря на тучи над ней.

Направо и налево Тамисан участками видела изгиб стены, опять каменные фигуры и цветы или кустарники.

Подобрав юбки, Тамисан стала подниматься по крутизне высокого холма в поисках дороги или тропинки, ведущей к зданию. Она обнаружила ее, обойдя густой, плотный куст с громадными красными цветами. Это была широкая дорога, вымощенная мелкими цветными камешками по прочному основанию, и вела она к воротам здания на вершине холма.

Строение по виду казалось чем-то знакомым, но Тамисан не могла точно определить. Может, что-то похожее она видела на триди. Дверь была такая же блестяще-зеленая, как и крыша, а стены — бледно-желтые, и в них с правильными интервалами были прорезаны узкие окна, высотой от крыши до низа.

Когда она остановилась, недоумевая, где она видела такой дом, из него вышла женщина. На ней было такое же, как и у Тамисан платье, зашнурованное на груди и с разрезными ру-

кавами, но зеленое, как дверь дома, так что, когда она встала в дверях, хорошо выделялись только ее голова и руки. Она сильно жестикулировала, и Тамисан внезапно поняла, что это именно ее зовут и ждут. И снова она почувствовала неловкость.

В снах она широко использовала встречи и прощания, но они всегда были придуманы ею самой, и ничто не происходило помимо ее желания. Люди в ее снах были игрушками, фишками, чтобы двигать их туда или обратно по своему желанию, и она всегда управляла ими.

— Тамисан, тебя ждут, иди скорее! — кричала женщина.

Тамисан на минуту подумала, не убежать ли ей в другую сторону, но необходимость узнать, что же произошло, заставила ее, несмотря на возможную опасность, подойти к женщине.

— Ну, ты вся промокла! Сейчас не время гулять по саду. Первая Стоящая просит что-нибудь из уст. Если ты рассчитываешь на щедрость ее кошелька, поспеши — иначе ей надоест ждать!

Дверь вела в узкий проход, и женщина толкнула Тамисан во вторую дверь, расположенную напротив первой. Они вошли в большую комнату, в центре которой кружком стояли кушетки. Возле каждой стоял маленький столик, заставленный блюдами. Прислуживающие девушки уносили их — видимо, трапеза была закончена. Между кушетками также стояли высокие, в рост Тамисан, подсвечники. В каждом были свечи толщиной в руку, от которых исходил не только яркий свет, но и нежный запах.

В середине круга диванов стояло кресло с высокой спинкой и балдахином. В нем сидела женщина со стаканчиком в руке. На ней был меховой плащ, закрывающий почти все ее платье, только кое-где мерцало золото, выхваченное огнем свечей. Капюшон из той же, похожей на металл, ткани открывал только ее лицо, лицо старой женщины с глубокими морщинами и ввалившимися глазами.

Диваны были заняты мужчинами и женщинами — женщины возле кресла, а мужчины как можно дальше от древней благородной дамы. Прямо напротив нее стояло другое внушительное кресло, только без балдахина, и перед ним стол, на четырех углах которого размещались небольшие чаши: кремо-

вая, бледно-розовая, светло-голубая и зеленая, как морская пена.

Кладовая знаний Тамисан дала ей некоторую подготовку. Это было сиденье для магии уст, и от Тамисан явно требовались ее услуги, как предсказательницы. Что же она сделала, позволив привести себя сюда? Сможет ли она сыграть роль достаточно хорошо, чтобы обмануть эту компанию?

— Я голодна, Уста Олавы. И жажду, но не того, что питает тело, а того, что удовлетворяет разум. — Старая женщина слегка наклонилась вперед. Голос ее был слабым от возраста, но нес в себе силу власти, силу человека, который очень давно не встречал противодействия своему слову или желанию.

Придется импровизировать, — решила Тамисан. Она была мастером снов и разрабатывала в сновидениях многие странные вещи, и теперь нужно было только вспомнить. Ее мокрые юбки липли к ногам и бедрам, когда она вышла вперед, не оглядываясь на женщину позади себя, и села в кресло напротив своей клиентки. Она потянулась к слабым всплескам памяти, которая вроде была и не совсем ее собственная, но Тамисан еще не осознала это полностью.

— Что ты хочешь знать, Первая Стоящая? — Она инстинктивным жестом подняла руки и коснулась пальцами висков.

— Что будет со мной... и с моими... — Последние два слова были произнесены почти как вздох.

Руки Тамисан двинулись сами собой, и она чуть не обмерла от изумления. Она словно повторила действие, известное ей так же хорошо, как и техника мастера снов. Левой рукой она зачерпнула песок из кремовой чаши. Он был на два тона темнее, чем сама чаша. Резким движением она бросила песок, и он рассыпался по столу тонким, как пленка, гладким слоем.

Это не было ее сознательным действием: будто кто-то другой руководил ею. Женщина в кресле наклонилась вперед, и по ее молчанию было ясно, что все идет правильно.

Опять-таки без приказа разума правая рука Тамисан взяла синего песку из голубой чаши. На сей раз она не бросила песок, а, сжав в кулаке его мелкие зерна, медленно провела им над столом, так что песок сыпался тонкой струйкой и оставил рисунок на первом слое.

Это был именно рисунок, а не случайный разброс. Был

изображен меч с эфесом чашеобразной формы и чуть изогнутым лезвием, сужающимся до тонкого острия.

Теперь рука Тамисан потянулась к розовой чаше. Песок в ней был темно-красный, он казался пятнышками только что пролитой крови. Тамисан тоже зажала его в кулаке, и высыпавшаяся струйка превратилась в космический корабль. По своим контурам он слегка отличался от тех, что Тамисан видела всю жизнь, но ошибиться было невозможно. Это был корабль, и он парил над столом, как бы угрожая опуститься на остроконечный меч. *А может, это меч угрожал ему?*

Тамисан услышала вздох изумления, а возможно, и страха. Но этот звук исходил не от женщины, которая ждала предсказаний; он вырвался, видимо, у какого-то другого члена компании, напряженно следившего, как Тамисан рисует цветным песком.

Теперь она потянулась к последней чаше, но взяла оттуда только щепотку. Она высоко подняла руку над рисунком и разжала пальцы. Зеленые пылинки поплыли вниз и собрались в знак в виде круга, в котором не хватало одной части.

Тамисан уставилась на него, и под силой ее взгляда он немного изменился. Он стал символом, который Тамисан хорошо знала. Это была эмблема, правда, упрощенная, но легко читаемая — эмблема дома Старрекса, и она легла одновременно на край корабля, и на эфес меча.

— Прочти это! — резко потребовала благородная дама.

К Тамисан откуда-то пришли слова:

— Это меч Ти-Кри, поднятый для защиты.

— Точно, точно! — пробежал шепоток по диванам.

— Корабль идет, как опасность.

— Эта штука? Но это не корабль.

— Это корабль со звезд.

— Вай, вай, вай! — Это был уже не шепот, а крик страха. — Во времена наших отцов нам доводилось встречаться с фальшивыми существами. Ахта, пусть твой дух будет нашим щитом, нашим мечом!

Благородная дама жестом призвала всех к молчанию.

— Хватит! Скликая почитаемых духов, можно вызвать субстанцию, но это не значит, что они будут помогать нам, а не сражаться в собственных интересах. Во времена Ахты здесь

бывали небесные корабли, и мы имели с ними дело — для наших целей. Если такой корабль придет — мы предупреждены, а значит, и вооружены. Но что заключается в зеленом, о Уста Олавы? Это удивило даже тебя.

Тамисан имела время подумать. Если правда, что она привязана к этому миру теми, кого привела сюда, то она должна их найти, и совершенно ясно, что в этой компании их нет. Следовательно, ей придется поработать на себя.

— Зеленый знак — это герой, способный вступить в бой. Но о нем ничего не известно, кроме того, что знак указывает на него, и, возможно, это увидит только тот, кто имеет дар.

Тамисан взглянула на благородную даму. Встретившись со взглядом старческих глаз, она почувствовала озноб, но он исходил не от ее все еще влажной одежды — он шел от этих темных глаз, которые холодно допрашивали и не принимали ничего без доказательств.

— Итак, должен появиться тот, кто, как ты говоришь, имеет дар, обрыщет весь Ти-Кри — загородную местность, а может, и до границ мира?

— Если понадобится, — твердо ответила Тамисан.

— Долгое будет путешествие и много опасных шагов. А если корабль придет раньше, чем будет найден герой? Я думаю, о Уста, что будущее города, королевства и народа висит на слишком тонкой нитке. Относись как хочешь, но я сказала бы, что у нас есть более проверенные способы борьбы с непрошеными гостями. Но, Уста, поскольку ты сделала предупреждение, оно будет запомнено.

Старуха оперлась на подлокотники кресла и встала. Вся ее свита тоже поднялась, две женщины поспешили к ней, чтобы она положила руки им на плечи для поддержки. Она вышла, не взглянув на Тамисан, и мастер снов не встала, чтобы проводить ее взглядом, потому что внезапно почувствовала себя выдохнувшейся, уставшей, как бывало в прошлом, когда сон ломался и оставлял ее вялой и опустошенной. Но этот ее сон не был нарушен; он удерживал ее перед столом с песчаными рисунками, и она смотрела на зеленый символ, все еще крепко державший ее в паутине другого мира. Женщина в зеленом вернулась, держа обеими руками стаканчик, и предложила его Тамисан.

— Первая Стоящая направилась в Большой Замок к Вер-

ховной Королеве. Она повернула в ту сторону. Выпей, Тамисан, и быть может, сама Верховная Королева призовет тебя для ясновидения.

Тамисан? Это было ее настоящее имя, женщина уже два раза назвала ее так. Откуда его *знают во сне?* Но она остерегалась задавать вопросы. Она выпила горячую пряную жидкость, в момент изгнавшую холод из ее тела.

Здесь было очень много того, чему следовало научиться и следовало узнать, но открывать не сразу, чтобы не выдать себя.

— Я устала.

— Место для отдыха готово, — ответила ей женщина. — Идем.

Тамисан поднялась почти с таким же трудом, с каким вставала благородная дама. У нее закружилась голова, и она схватилась за спинку кресла, а потом пошла за своей провожатой, мучительно надеясь что-либо узнать.

Глава третья

Можно ли спать во сне... накладывается ли, так сказать, сон на сон? — думала Тамисан, вытягиваясь на кушетке, на которую указала ей хозяйка. Но когда она сняла корону и положила голову на валик, служивший подушкой, то еще больше встревожилась, мысли ее путались в диком беспорядке, она чувствовала себя такой же слабой, какой встала с кресла.

В песчаном рисунке символ Старрекса перекрывал меч и звездолет. Означает ли это, что она найдет то, чего желает, только в том случае, если мощь этого мира встретится с мощью звездных людей? Неужели она и вправду попала в прошлое и переживает теперь первое появление в Ти-Кри космических путешественников? Но ведь благородная дама упоминала о прошлых столкновениях с ними, которые закончились в пользу Ти-Кри.

Тамисан попыталась представить современный ей мир, история которого пошла по другому пути. Но здесь было очень много от прошлого. Значит ли это, что без тех ключевых решений ее собственного времени мир Ти-Кри почти не изменялся от столетия к столетию?

Реальное, нереальное, прошлое, настоящее. Она, мастер снов, потеряла все управление сновидением. Теперь она не играла в игрушки, передвигая их по своей воле, а оказалась захвачена событиями и не смогла ни предвидеть их, ни управлять ими. Однако же женщина дважды назвала ее настоящим именем. И Тамисан, помимо своей воли, пользовалась навыками Уст Олавы для предсказаний, словно делала это не впервые.

Может ли такое быть? Тамисан прикусила губу и почувствовала боль, как почувствовала ушибы, полученные ею при резком вторжении в этот таинственный мир. *Могло ли быть, чтобы сон был так глубок, так хорошо соткан, что стал реальностью для мастера? Не было ли это судьбой тех самых «закрытых» мастеров, которые не имели ценности для улья? Не переживали ли они бесчисленное количество жизней во время своих трансов?* Но ведь она не закрытый мастер!

Надо проснуться! Она еще раз применила хорошо отработанную технику для выталкивания себя из сна, но опять оказалась в диком ничто, где крутилась до тошноты, привязанная к якорю, который не отпускал ее в безопасность. Этому было только одно объяснение: где-то в этом странном Ти-Кри находятся те двое, кто делят ее сон, их надо найти, и тогда она сможет вернуться.

Итак, чем раньше, тем лучше! Но где искать? Слабость сковывала ее тело и делала ее движения такими медленными, будто она шла против штормового течения. Но Тамисан встала с кушетки. Повернувшись, чтобы взять свою корону Уста Олавы, она взглянула в овальное зеркало и застыла в испуге. Лицо, увиденное ею в зеркале, было совсем не тем, которое она видела всегда.

Ее изменили не только платье и корона — она сама стала другой. Сколько она себя помнила, у нее была бледная кожа мастера снов, редко бывающего на солнце, коротко остриженные волосы. А лицо в зеркале было смуглым, почти коричневым. Широкие скулы, большие глаза и очень красивые губы. А брови... Она даже наклонилась ближе к зеркалу, чтобы увидеть, почему они так странно скошены вверх, и решила, что они либо выщипаны, либо подбриты. Волосы были значительно длиннее и не прежнего знакомого цвета, а темные и вьющиеся. Она не была той Тамисан, которую знала, но и эта незнакомка не была продуктом ее воли.

Если она не похожа на себя, то можно сделать логический вывод, что и те двое тоже не те, какими она их помнила... Следовательно, ее поиски будут вдвойне трудными. Сможет ли она когда-нибудь узнать их?

Испугавшись, она села на кушетку перед зеркалом. Тамисан старалась не давать воли страху, потому что тот мог сломить ее самоконтроль, и тогда она окончательно пропадет. Логичное рассуждение даже в этом нелогичном мире должно прояснить ее мысли.

Правдиво ли было ее предсказание? Но во всяком случае, оно никак не влияло на падение песка. Возможно, Уста Олавы должны иметь сверхъестественные силы. В прошлом, вышивая сны, она играла с идеей магии, но то было ее собственное творчество. Может ли она пользоваться этими силами по своей воле? Похоже, что эта незнакомая ее половина черпала их из какого-то неизвестного ей источника.

Надо сосредоточить мысли на одном из тех людей и держать его в сознании. Может ли связь сна притянуть ее к Касу или к Старрексу? О своем хозяине она знала только то, что было в лентах, но ленты содержали лишь поверхностные сведения. Нельзя хорошо изучить человека лишь по малопонятным сведениям и действиям за вуалью, которая скрывает больше, чем через нее видно. Кас непосредственно говорил с ней, его рука касалась ее. Если выбирать, кто может быстрее притянуть ее, то лучше выбрать Каса.

Тамисан построила в уме его образ, как строила предварительный узор для сна. Внезапно изображение Каса замерцало, изменилось; она увидела совсем другого человека. Он был выше Каса, и носил униформу и космические сапоги; черты его лица было трудно рассмотреть. Это видение оставалось очень недолго.

Корабль! Символ в видении песка касался корабля и меча. Наверное, легче найти человека на корабле, чем бегать по улицам чужого города и искать дубль Старрекса.

И с таких мелочей надо начинать поиск! Корабль то ли приближается к Ти-Кри, то ли нет, — и каков будет ему прием? Допустим, Кас или его дубль будет убит. Станет ли это якорем для нее навеки? Тамисан решительно загнала подобные размышления в дальний угол сознания. *Самое главное: корабль еще не приземлился.* Когда же это случится, она

должна быть уверена, что окажется среди тех, кто готовит ему встречу.

Приняв такое решение, она наконец смогла уснуть, потому что ее усталость вернулась стократно усиленной. Она как пьяная упала на кушетку и ничего не помнила до пробуждения. Женщина в зеленом стояла над ней и осторожно трясла ее за плечо.

— Проснись, пришел вызов.

«Вызов для сна?» — с изумлением подумала Тамисан, но вид незнакомой комнаты полностью привел ее в себя.

— Вызывает Первая Стоящая Джесса. — Голос женщины звучал возбужденно. — Это сказал ее посланец, он привел колесницу для тебя, и ты поедешь в Большой Замок! Может быть, ты увидишь саму Верховную Королеву! Но я выпросила для тебя немного времени, чтобы ты успела вымыться, поесть и переодеться. Взгляни, я залезла в свой сундук с приданым! — Она указала на стул, через спинку которого было перекинуто платье цвета пурпурного вина. — Это единственное подходящего цвета. — Женщина любовно провела рукой по пышным складкам... — Однако поторопись, — добавила она быстро. — Как Уста Олавы, ты имеешь право приготовиться, чтобы появиться перед высоким обществом, но слишком долгое промедление вызовет гнев Первой Стоящей.

В дальней комнате был бассейн, достаточно большой, чтобы пользоваться им в качестве ванны. Женщина принесла свежее белье. Когда Тамисан снова встала перед зеркалом, чтобы застегнуть серебряный пояс и водрузить на место корону Уст, она почувствовала себя свежей, обновленной и полной благодарности.

Но женщина жестом отмела слова признательности.

— Разве мы не одного клана, кузина? Пусть кто-нибудь скажет, что Нейра держится за свои тряпки! Наш клан гордится, что ты Уста Олавы, позволь же нам радоваться через тебя!

Женщина принесла закрытую крышкой чашу и стаканчик. Тамисан съела кушанье из сушеных фруктов и мелко нарезанного мяса. Это было очень вкусно, она съела все до последней крошки и опустошила стакан сладкого напитка.

— Счастливого пути, Тамисан! Это великий день для клана Фримонта, когда ты едешь в Большой Замок и, может быть,

предстанешь перед Верховной Королевой. Может быть, то видение было не для плохого, а для хорошего. Ты ведь только уста Олавы, а не Та, что распоряжается судьбой всех нас — кому жить, кому умереть.

— Прими мою благодарность за твою помощь и добрые пожелания, — сказала Тамисан. — Я тоже надеюсь, что в этот день счастье придет раньше несчастья. (И это чистая правда, подумала она). Мне следует ухватить удачу обеими руками и крепко держать ее, а иначе я проиграла.

Посланный Первой Стоящей Джессы был офицером. Волосы его были забраны под шлем, чтобы служить дополнительной защитой для головы в бою; голубая эмалевая нагрудная пластина с двойной короной Верховной Королевы и меч выдавались вперед, как будто он шагал по улицам завоеванного города. В колесницу был впряжен маленький грифон, и два вооруженных человека стояли наготове — один у головы грифона, а другой откинул занавеску, когда офицер подсаживал Тамисан в колесницу. Он быстро опустил занавеску, не спрашивая согласия Тамисан, и она решила, что ее визит в Большой Замок, видимо, был тайным.

В просвет между занавесками Тамисан видела Ти-Кри этого мира. Частично он был ей чужим, но в нем имелось достаточно знакомых черт, чтобы уверить ее в реальности происходящего. Небесных башен и других инопланетных архитектурных форм, привнесенных космическими путешественниками, здесь не было, но сами улицы и множество зеленых лужаек и цветов были такие же, какими она знала их всю жизнь.

Когда они оставили позади город и направились вдоль реки, Тамисан увидела Большой Замок и глубоко вздохнула: он тоже оказался частью ее мира, но при ней был очень древними развалинами. Частично его разрушили во время восстания Силта, во время Тамисан на него смотрели как на несчастливое место и обходили стороной, и эти развалины посещали только инопланетные туристы, искавшие необычное.

Здесь же он стоял во всем своем великолепии и был гораздо шире, чем в Ти-Кри из будущего Тамисан, таким, как если бы поколения, разрушившие его в ее мире, здесь дорожили им, расширяли и украшали его. Это было не единое здание, а почти целый город. Но не было ни лавок, ни общественных зданий. Он давал кров благородным особам, которые часть года

должны были находиться при дворе, и всем их слугам, а также всем официальным лицам королевства.

В центре стояло здание, давшее имя всему городку: единая группа башен, поднимавшихся значительно выше других зданий у их подножья. Стены башен были серыми у основания и постепенно переходили в глубоко синий у вершины.

Колесница подскакивала на своих двух колесах, грифон шел ровным шагом вровень с человеком, идущим возле его головы. Они прошли через толстую арку во внешней стене и двинулись по улице между домами, которые, хоть и казались карликами в сравнении с башнями, но, в свою очередь, выглядели великанами по сравнению с теми, кто шел или ехал мимо них.

Вторые ворота. Еще больше зданий. Третьи ворота, и наконец открытое пространство вокруг центральных башен. После первых же ворот они проследовали мимо множества людей. Много было солдат стражи, но некоторые из вооруженных людей носили особые отличительные цвета и эмблемы. Они, подумала Тамисан, слуги придворных лордов. Если гордо выходил какой-нибудь лорд, то его слуги проворно выстраивалась за ним по трое в ряд, и это зрелище забавляло Тамисан. Как будто число следующих по пятам особы сопровождающих увеличивает ее важность и значимость, — подумала она.

Ее высадили с несколько меньшими церемониями, чем при отъезде; офицер предложил ей руку, его люди пошли позади, а грум поторопился отвести экипаж, чтобы тоже затем присоединиться к ее почетному эскорту.

Башни Большого Замка были такими высоченными, такими внушающими страх, что Тамисан была рада эскорту. Чем дальше они шли по холмам, тем беспокойнее она становилась. Ей казалось, что она попала в лабиринт, откуда нет выхода, и она потеряется здесь навсегда.

Дважды они поднимались по лестницам, высоким, как горы, так что у Тамисан заныли ноги. Затем их отряд вошел в длинный холл, освещенный не только свечами, но и какими-то странными лучами, пробивающимися через окна. Окна размещались так высоко над головой, что сквозь них нельзя было ничего увидеть. Та часть Тамисан, которая была знакома с этим миром, знала, что это проход Благородных, и общество, сейчас собравшееся здесь, состояло из Третьих Стоящих —

ближайших ко входу, затем Вторых, и в дальнем конце голубой ковровой дорожки, по которой вели Тамисан, — Первых Стоящих. Первые сидели; там было два полукруга кресел с балдахинами, а в середине трон на возвышении с тремя ступеньками. Верх трона был увенчан двойной короной, сверкающей драгоценными камнями. На ступенях расположились стражи и другие воины в ярких мундирах и с длинными, до плеч, волосами.

Офицер вел Тамисан к трону. Когда они проходили через ряды Третьих Стоящих, послышалось тихое бормотание голосов. Тамисан не глядела ни вправо, ни влево; она ожидала увидеть Верховную Королеву, поскольку было ясно, что она удостоена полной аудиенции. Что-то шевельнулось внутри Тамисан, как булавочный укол. Она не поняла причины — наверное, впереди было что-то очень важное для нее.

Вот они поравнялись с креслами Первых, и Тамисан увидела, что большинство сидевших в них были женщинами, в основном средних лет. Тамисан подошла к возвышению. Она не опустилась на одно колено, как это сделал офицер, а лишь прикоснулась кончиками пальцев к своей короне. Еще одна вспышка полузнания сказала ей, что в этом месте она не кланяется, как другие, а лишь подтверждает, что человеческая преданность Верховной Королеве стоит на втором плане после другой, совсем великой преданности, принятой в другом месте.

Верховная Королева смотрела на Тамисан пристально и оценивающе, а Тамисан глядела на нее снизу вверх. Она видела женщину, бывшую как бы вне возраста: может быть, молодая, может быть — старая, но годы не оставили на ней следов. На ее полной фигуре было платье мягкого перламутрового цвета без всяких украшений, не считая пояса из сплетенных серебряных цепочек и напоминающего ошейник ожерелья, тоже серебряного, с бахромой из каплевидных, молочного цвета камней. Диадема из таких же камней почти скрывалась в блеске огненно-рыжих волос. Красива ли она? Тамисан не могла бы ответить, но в жизненной силе королевы не было сомнений. Даже когда она сидела спокойно, вокруг нее была аура могущества, которая говорила, что это только пауза между действиями, исполненными величия и непреклонности. Это была самая самоуверенная особа, которую Тамисан когда-

либо видела, и внутренняя охранные привычки мастера снов тут же пришли в действие. Служить такой госпоже, подумала Тамисан, это значит дать высушить всю свою личность, да так, что станешь только кусочком зеркала.

— Добро пожаловать, Уста Олавы, высказавшая чрезвычайно странные вещи. — Голос Верховной Королевы был насмешливым и вызывающим.

— Уста не говорят ничего, Великая, кроме того, что им дано высказать. — Тамисан нашла в себе готовый ответ, хотя сознательно заранее не готовила его.

— Мы привыкли так говорить, но, возможно, боги состарились и устали. Или это только людская участь? Но теперь мы желаем, чтобы Уста Олавы говорили снова, если час благоприятный. Да будет так?

Как если бы эти слова были приказом, тут же среди стоявших на ступеньках началось движение. Два стража принесли стол, третий — стул, четвертый — поднос с четырьмя чашами с песком. Все это они поставили перед троном.

Тамисан заняла свое место за столом и снова коснулась пальцами висков. Сработает ли это вторично, или ей придется самой изображать рисунки из песка? Она почувствовала легкую дрожь и постаралась овладеть нервами.

— Что желает Великая? — Она порадовалась тому, что голос ее ровен и не выдает ее беспокойства.

— Что случится, скажем, за четыре оборота солнца?

Тамисан замерла. Возьмет ли верх та, другая личность, или сила, или что там еще могло быть? Ее рука не шевелилась. Зато странный, тревожный укол стал сильнее. Она потянулась, как будто на ее лоб надели петлю и поворачивали голову. Тамисан повернулась, следуя приказу, и посмотрела на то, что хотели видеть ее глаза. Она увидела только ряд офицеров на ступенях трона; они смотрели сквозь нее, и ни один не подавал знака, что узнал ее. *Старрекс!* Она хваталась за эту надежду, но никто из офицеров не походил на человека, которого она искала.

— Олава не спит? Может, ее Уста потерялись в пространстве? — Резкий голос Верховной Королевы отвлек внимание Тамисан, и она вновь взглянула на трон и на женщину на нем.

— Устам не положено говорить, пока Олава не пожелает, — начала Тамисан, чувствуя невероятную тревогу; что-то сжало

ее левую руку, и рука как бы не слушалась более ее приказов, а подчинялась чьей-то чужой воле. И эта рука зачерпнула коричневый песок и бросила его на стол.

На этот раз Тамисан взяла не синий песок: ее кулак нырнул в красный и двинулся, рисуя очертания космического корабля и один красный кружок над ним.

После минутного колебания ее пальцы потянулись к золотому, захватили щепотку, и снова появился символ Старрекса.

— Одно солнце, — прочитала Верховная Королева. — Один день до появления врага. Но что содержит оставшееся Слово Олавы, Уста?

— Здесь должен быть тот, кто является ключом к победе. Он встанет против врага, и от него придет удача.

— Вот как! Кто же этот герой?

Тамисан снова взглянула на ряд офицеров. Рискнет ли она довериться инстинкту? Что-то в ней требовало этого.

— Позволь каждому из этих защитников Ти-Кри, — она показала на офицеров, — выйти вперед и взять песок видения. А также позволь Устам коснуться каждой руки, и быть может, мы получим ответ. Возможно, Олава пожелает сделать это ясным.

К удивлению Тамисан, Верховная Королева рассмеялась.

— Такой способ выбора героя не хуже любого другого. А вот остаться ли верным выбору Олавы — это другое дело. — Ее улыбка погасла, когда она взглянула на мужчин, словно какие-то мысли встревожили ее.

По ее кивку они стали подходить по одному. Под тенью шлемов их лица были очень похожи, поскольку они были одной расы, и Тамисан, вглядываясь в каждого, не могла сказать, кто из них Старрекс.

Каждый брал щепотку зеленого песка, опускал руку и разжимал пальцы, в то время как Тамисан прикасалась кончиком пальца к суставам руки офицера. Песок высыпался, не создавая никакого рисунка.

Но когда подошел последний офицер, песок упал в виде символа, который уже дважды появлялся на столе. Тамисан подняла глаза. Офицер смотрел не на нее, а на песок; рот его был напряжен, а лицо было лицом человека, стоящего спиной к стене, в то время как острия мечей окружают его горло.

— Вот ваш человек, — сказала Тамисан. Он — Старрекс?

Она должна быть уверена. Ах, если бы она могла узнать сейчас правду!

Но это было невозможно.

— Решение Олавы подделано, — крикнул офицер, стоящий позади Тамисан. Тот самый, что привел ее сюда.

— Может быть, не стоит плохо думать о решении Олавы? — Голос Верховной Королевы стал гортанным, мурлычущим. — И возможно, эти Уста не полностью преданы службе, говоря иной раз за других, а не за Олаву? Хаверел, значит, ты будешь нашим героем.

Офицер упал на колено и бессильно вытянул вперед руки, как бы показывая всем, что он не тянется к какому-либо оружию.

— Меня никто не выберет, кроме Великой. — Несмотря на заметную напряженность тела, он говорил ровно и без дрожи в голосе.

— Великая, этот изменник... — Два офицера шагнули вперед, как бы для того, чтобы оттащить его.

— Нет. Разве Олава не сказал? — Насмешка в голосе Верховной Королевы была теперь очень отчетливой. — Но для уверенности, что воля Олавы будет выполнена, мы хорошенько позаботимся о нашем будущем бойце. Поскольку Хаверел будет сражаться за нас с проклятым звездным человеком, мы должны сберечь его для этого. И, — она посмотрела на Тамисан, испуганную неожиданно быстрым ходом событий и враждебностью к выбору Олавы, — пусть Уста Олавы разделят с Хаверелом это ожидание. Возможно, она вольет в выбор Олавы ту мощь и силу, какие требуются нашему избранному защитнику для битвы. — Каждый раз слово *защитник* или *герой* Верховная Королева произносила с презрением и легкой угрозой. — Аудиенция закончена.

Королева встала и шагнула за трон. Все вокруг Тамисан упали на колени. Затем Верховная Королева исчезла. Офицер, приведший Тамисан, встал рядом с ней. К Хаверелу вплотную подошли два стражника и быстро извлекли меч из его ножен. Затем Хаверела повели, и Тамисан была вынуждена идти за ним, хотя ее никто не коснулся.

В тот момент она была даже рада идти, в надежде, что ей удастся доказать правильность своей догадки — что Хаверел и

Старрекс одно и то же лицо, и что она нашла первого из последовавших за мастером снов.

Они прошли множество коридоров и наконец подошли к двери. Один из сопровождавших Хаверела открыл ее. Пленник вошел, и эскорт Тамисан слегка подтолкнул ее следом за ним. Дверь за ней с лязгом захлопнулась, и Хаверел повернулся на этот звук.

Под защитным козырьком шлема его глаза горели холодным огнем, и он казался человеком, готовым вцепиться врагу в горло. Его голос был только хриплым шепотом:

— Кто... кто послал тебя желать моей смерти, ведьма?

Глава четвертая

Его руки тянулись к ее горлу. Тамисан подняла руку в попытке защититься и отступила назад.

— Лорд Старрекс!

А что, если это ошибка, если... Хотя его пальцы коснулись ее плеч, он не схватил ее, но отступил на шаг назад, тяжело дыша полуоткрытым ртом.

— Ведьма! Ведьма! — рычал он, и слова его вылетали, как стрелы из древнего арбалета.

— Лорд Старрекс! — повторила Тамисан, чувствуя себя несколько в большей безопасности, когда он был сдержан изумлением и не собирался больше нападать. Его реакция на это имя показала ей, что она права, хотя он, похоже, не узнавал ее.

— Я Хаверел из Ваноры, — хрипло сказал он.

Тамисан огляделась вокруг. Комната с голыми стенами без каких-либо тайных мест для подслушивающих устройств. В своем времени и месте она могла бы опасаться таких аппаратов, но в этом Ти-Кри вряд ли они известны. Склонить Хаверела-Старрекса к сотрудничеству было просто необходимо.

— Ты лорд Старрекс, — смело повторила она в надежде, что тон ее достаточно убедителен. — Так же как я — Тамисан, мастер снов. И мы попали в сон, который ты заказал мне.

Он поднес руку ко лбу, ощупал шлем и неторопливо сбросил его, так что тот покатился по полированному полу. Волосы, сплетенные в виде защитной подушки, торчали над его головой, придавая ему странное сходство с Тамисан. Они были

такие же черные и густые, а кожа коричневого оттенка, как и у новой Тамисан. Теперь она могла лучше разглядеть его лицо, но не нашла в нем никакого сходства с надменным хозяином небесной башни. Кроме того, Хаверел был более молодым и менее уверенным в себе.

— Я Хаверел, — упрямо повторил он. — Ты пытаешься поймать меня в ловушку, а может быть, ловушка уже захлопнулась и ты теперь хочешь, чтобы я сам обвинил себя. Говорю тебе — я не изменник. Я — Хаверел и свято храню клятву крови, принесенную мной Великой.

Тамисан решила быть терпеливой. Она не считала лорда Старрекса глупым человеком, но его здешнему аналогу явно недоставало не только внешнего сходства со своим другим «я».

— Ты — Старрекс, и это все сон! — Будь это не так, она не рискнула бы так говорить с ним. — Помнишь небесную башню? Ты купил меня у Джебиса для плетения снов. Потом ты вызвал меня и лорда Каса и велел мне доказать, что я стою своей цены.

Сдвинув брови, он уставился на нее.

— Что тебе дали и обещали за то, что ты сделала со мной? Я не враг тебе и твоим.

Тамисан вздохнула:

— Значит, ты отрицаешь, что тебе знакомо имя Старрекс?

Он долго молчал, затем отвернулся и сделал несколько шагов. Он запнулся за свой шлем и отшвырнул его ногой подальше. Тамисан ждала. Он снова повернулся к ней.

— Ты Уста Олавы...

Покачав головой, она перебила его:

— У нас мало времени для подобного фехтования, лорд Старрекс. Ты знаешь это и, я надеюсь, вспомнишь также и остальное, хотя бы в какой-то мере. Я же — Тамисан, мастер снов.

Теперь была его очередь вздохнуть.

— Мало ли что ты говоришь.

— Я буду продолжать говорить, и, возможно, услышишь не только ты.

— Так я и думал! — вспыхнул он. — Ты хочешь, чтобы я сам себя предал.

— Если ты подлинный Хаверел, как пытаешься уверить, то что ты можешь выдать?

— Ладно, так и быть. Я... в двух лицах. Я — Хаверел и кто-то еще, у кого странные воспоминания и который, возможно, является ночным демоном, спорящим с Хаверелом за обладание этим телом. Ну вот, теперь ты это знаешь. Иди и скажи тем, кто тебя послал, и пусть меня поставят перед рядом стрелков для быстрого конца. Наверное, это лучше, чем быть полем битвы двух различных «я».

Может, он и в самом деле не справится, подумала Тамисан. Возможно, сон захватил его сильнее, чем ее. В конце концов, она была тренированным мастером и привыкла к опасностям иллюзий, сотканных воображением.

— Если ты можешь вспомнить хоть что-либо, тогда слушай. — Она придвинулась к нему и стала говорить тихим голосом, и не потому, что боялась быть подслушанной, а для убедительности. Она быстро рассказала обо всей этой путанице и о своем участии в ней.

Закончив, она с удивлением заметила определенную твердость в его лице, теперь он выглядел более решительным и менее похожим на человека, попавшего в лабиринт без проводника.

— И все это правда?

— Какую клятву ты хочешь получить от меня? Какими богами или силами я должна поклясться? — Она была раздражена и расстроена его долгими сомнениями.

— Не нужно. Это объясняет то, что раньше было необъяснимым и делало мою жизнь адом сомнений и что навлекло на меня подозрения. Я был двумя личностями. Но если все это сон, почему же это так?

— Я не знаю. — Тамисан решила говорить откровенно, так, как это наиболее соответствовало обстановке. — Это не похоже ни на один сон, который я творила.

— В чем же проблема?

— Одной из обязанностей мастеров снов является изучение личности хозяина, чтобы следовать его желаниям, даже если они явно не выражены и скрыты. Из того, что я узнала о тебе, лорд Старрекс, я подумала, что ты уже слишком много видел, испытал и знал, значит, я должна была найти новый подход, иначе ты сказал бы, что сновидение просто бесполезно.

И вот мне внезапно пришла мысль, что я поведу не в прошлое и не в будущее — это слишком общий подход для ма-

стера активных снов, — но сделаю сюжет более утонченным. В историческом прошлом бывали времена, когда будущее зависело от одного решения. И я решила изменить некоторые из этих решений и представить себе мир, в котором эти решения были совершены в противоположную сторону, и посмотреть, как действия в прошлом скажутся на настоящем.

— Так вот что ты задумала! И какие же решения ты выбрала для того, чтобы переписать историю? — Теперь он был весь внимание.

— Я выбрала три. Первое — приветствие Верховной Королевы Ахты; второе — посадка корабля колонистов «Странник»; третье — восстание Силта. Приветствие королевы должно было стать недружелюбным, корабль колонистов не появился бы здесь, Силт потерпел бы поражение — это создало бы мир, который как я думала, интересно было посмотреть во сне. Я прочла исторические ленты, какие смогла достать. Так что, когда ты вызвал меня творить сон, у меня уже была готова идея. Но все сработало не так, как должно было. Вместо того чтобы раскручивать настоящий сон в должном порядке, я сама крепко завязла в мире, которого не создавала и не знаю.

Говоря это, она следила за переменой в нем. Он потерял весь свой агрессивный пыл первой атаки. Она все больше и больше убеждалась, что общается с личностью лорда Старрекса, пробивающуюся сквозь незнакомую оболочку этого человеческого тела.

— Значит, это сработало неправильно?

— Да, как я уже говорила, я сама оказалась во сне, не имея возможности управлять происходящим и не узнавая своих творений. Я не понимаю.

— Не понимаешь? Возможно, есть объяснение. — Резкая линия вновь появилась между его бровями, но этот сердитый взгляд не относился к Тамисан. Старрекс вроде бы старался вспомнить что-то важное, ускользавшее от него. — Есть одна очень старая теория — параллельные миры.

При всем обширном знакомстве с лентами, Тамисан ни разу не встречалась с этим понятием и поэтому почти сердито спросила:

— Что это такое?

— Не ты первая обратила внимание, что иногда будущее истории висит на тонком шнурке и может качнуться в ту или

иную сторону от малейшей случайности. Однажды была выдвинута теория, что в этом случае создается второй мир: в одном из них решение пошло в одну сторону, а в другом, в том, который мы знаем, — в другую.

— Но где и как существуют, в таком случае, альтернативные миры?

— Возможно, на разных уровнях, в слоях. — Он вытянул руки одну выше другой. — Есть даже рассказы, придуманные для развлечения, о людях, которые путешествовали во времени не вперед или назад, а сквозь него, с одного параллельного мира на другой.

— Но мы здесь. Я — Уста Олавы и не похожу на себя, так же как и ты по виду не лорд Старрекс.

— Возможно, мы были такими, если бы наш мир дал другое направление твоим трем решениям. Для мастера снов это мудрый способ творить, Тамисан.

— Но я не думаю, что я сотворила этот мир. Я же явно не могу управлять им.

— Ты пыталась разбить этот сон?

— Конечно, но я привязана... скорее всего, тобою или лордом Касом. Пока мы трое не попытаемся сообща разрушить сон, вряд ли кто-нибудь из нас сможет вернуться.

— И тебе нужно найти Каса с помощью этих ваших фокусов со столом и песком?

Она покачала головой.

— Я думаю, что Кас — член экипажа того космического корабля, который вот-вот приземлится. Я уверена, что видела его, хотя лица его не разглядела. — Она слегка улыбнулась. — Похоже, что хотя я в основном прежняя Тамисан, но имею также кое-что от сил Уст Олавы, наподобие того, как и ты Хаверел и Старрекс.

— Чем больше я слушаю тебя, — сказал он, — тем больше становлюсь Старрексом. Значит, мы должны найти Каса на корабле, чтобы выпутаться из этой неразберихи. Это как раз может оказаться серьезной проблемой. Я достаточно Хаверел и знаю, что корабль получит обычный для здешних мест прием: обман и уничтожение. Твои три точки были именно такими, как ты придумала: здесь было не приветствие, а резня; никакой колонистский корабль не появлялся здесь, а Силт был убит копьем вооруженного всадника, как только поднял го-

лос, чтобы собрать толпу. Хаверел знает это как истину, а как Старрекс я знаю, что эта истина радикально изменила жизнь на этой планете. Ну а теперь скажи: ты отыскала меня специально, а твоя басня о герое предназначалась для нашего моста к Касу?

— Нет, во всяком случае, я ничего не устраивала сознательно. Я же сказала, что у меня есть какие-то способности Уст Олавы — вот они и проявились.

Он издал странный звук, который, собственно, не был смехом, но чем-то сродни ему.

— Клянусь кулаком Джимсэма Тарагона! У нас все осложнено магией! И я полагаю, ты не сможешь точно сказать, много ли тут могут сделать Уста Олавы в смысле предвидения, помощи в бою или освобождения из твоей ловушки?

Тамисан покачала головой:

— Уста упоминались в исторических лентах, когда-то они были чрезвычайно важны. Но после мятежа Силта все они были либо убиты, либо исчезли. За ними охотились обе враждующие стороны, и в основном мы знаем о них только из легенд. И я не могу сказать тебе, что я способна делать. Иногда что-то, может, память этого тела, берет верх, и тогда я делаю странные вещи. Но я никогда не желаю этого сознательно и не понимаю их.

Он взял из дальнего угла комнаты два стула.

— Мы прекрасно можем и сидя выяснить, что у нас есть от памяти этого мира. Это нужно делать сообща, тогда мы узнаем больше, чем поодиночке. Беда в том... — Он протянул руку, и Тамисан машинально коснулась ее странным церемониальным жестом, о котором ничего не знала. Он подвел ее к стульям, и они с удовольствием сели.

— Беда в том, — повторил он, усевшись на другом стуле, вытянул длинные ноги и начал дергать пустые ножны, — что я здорово одурел, когда проснулся, если можно так сказать, в этом теле. Мои первые реакции, видимо, произвели на окружающих впечатление умственного расстройства. К счастью, часть Хаверела довольно быстро взяла верх, и это спасло меня. Но в этой личности был еще один недостаток — я и так был под подозрением, так как приехал из местности, охваченной мятежом. А здесь, в Ти-Кри, я, в сущности, не столько член охраны, сколько заложник. Я не имел возможности задавать

вопросы и узнавал все урывками и кусочками. Настоящий Хаверел — абсолютно честный и простой солдат, горячо преданный короне и страдающий от подозрений против него. Интересно, как принял свое пробуждение Кас? Если он сохранил остатки своего прежнего «я», то, наверное, теперь хорошо устроился.

Удивленная Тамисан спросила, надеясь на честный и прямой ответ:

— Ты его не любишь... У тебя есть причины бояться Каса?

— Любить? Бояться? — Тонкая оболочка Старрекса, покрывавшая Хаверела, стала более заметной. — Это все эмоции. В последнее время я мало имел дел с эмоциями.

— Однако же ты хотел, чтобы он делил твой сон?

— Правильно. Я не эмоционален по отношению к моему уважаемому кузену, но я человек осторожный. Поскольку твое присоединение к моему имуществу произошло по его настоянию и фактически им устроено, я подумал, что будет неплохо, если он разделит задуманное им мое развлечение. И я знаю, что Кас очень внимателен к своему кузену-калеке и всегда готов служить ему, не щадя своего здоровья и энергии.

— Ты подозреваешь его в чем-нибудь? — Ей казалось, что она почувствовала то, что скрывалось за его словами.

— Подозревать? В чем? Он был, как любой подтвердил бы тебе, моим лучшим другом — насколько я позволял это. — Он взглянул на нее, как бы советуя ей не углубляться дальше. — Кузен-калека, — повторил он как бы про себя. — Во всяком случае, в чем-то ты оказала мне услугу. — Он показал на свою правую ногу с несвойственным Старрексу удовлетворением. — Ты добыла мне тело в хорошем состоянии, и оно мне понадобится, поскольку в этом мире зло перевесило добро.

— Хаверел, лорд Старрекс... — начала она, но он перебил ее:

— Называй меня всегда Хаверелом. Не нужно добавлять что-то к и без того тяжелому грузу подозрений, окружающих меня в этих стенах.

— Хаверел, я не выбирала тебя в герои, это сделала сила, непонятная мне и работавшая через меня. Если они согласятся, у тебя удобный случай найти Каса. Ты даже можешь потребовать, чтобы именно он сражался с тобой.

— А как его найти?

— Могут послать меня, чтобы я выбрала нужного из инопланетников. Наш план избавления держится на тонкой нити, но лучшей я не вижу.

— И ты думаешь, что рисующий песок укажет на него, как ранее указал на меня?

— Но ведь он указал на тебя!

— Не отрицаю.

— В первый раз, когда я предсказывала для одной из Первых Стоящих, это произвело на нее такое впечатление, что она вызвала меня сюда предсказать для Верховной Королевы.

— Магия! — Он снова хохотнул.

— В чужих мирах есть многое, что космические путешественники могли бы назвать магией.

— Хорошо сказано. Я видел странные вещи. Да, сам видел, и не во сне. Замечательно, я добровольно вызываюсь встретиться с вражеским бойцом, и тогда твой песок укажет нужного. А если тебе удается обнаружить Каса, что дальше?

— Просто мы проснемся.

— Ты, конечно, возьмешь нас с собой?

— Если мы так связаны, что не можем оставить этот мир поодиночке, то, значит, проснемся все вместе.

— А ты уверена, что нам нужен Кас? В конечном счете ты задумала этот сон для меня!

— Уйдем и оставим лорда Каса здесь?

— Трусливое отступление, ты думаешь? Я уверяю тебя, мастер снов, это решило бы многие проблемы. А ты не можешь вывести меня и вернуться за Касом? Я хотел бы знать, что происходит теперь со мной в нашем собственном мире. Разве мастер снов не дает клятву, что тот, для кого сработан сон, имеет преимущество перед мастером?

Его втайне тревожила связь с Касом, но по сути дела он был прав. Прежде чем он понял, что она хочет сделать, она схватила его за руку и произнесла формулу пробуждения. И снова туман небытия окружил ее. Но ничего другого не произошло. Первая ее догадка оказалась правильной: они все еще были связаны. Она открыла глаза в той же комнате. Хаверел обмяк и чуть не упал с табурета, так что Тамисан встала на колени и поддержала плечом его тело. Затем его мускулы окрепли, он рывком выпрямился, открыл глаза и посмотрел на Тамисан с той же холодной злобой, с какой встретил ее у входа в комнату.

— В чем дело?

— Ты же просил...

Он опустил веки, и она не видела больше этой ледяной злобы.

— Да, просил. Но я не думал, что меня обслужат так быстро. И теперь ты доказала верность своей точки зрения: либо трое, либо никто. И так будет до тех пор, пока мы не найдем нашего третьего.

Он больше ни о чем не спрашивал, и она была рада этому, потому что это окружение в «нигде», в бесплотной попытке проснуться, сильно утомило ее. Она отодвинула свою табуретку, чтобы иметь возможность прислониться к стене и быть подальше от Хаверела. Он очень скоро встал и начал расхаживать по комнате, как будто желание действовать горело в нем и не давало ему сидеть спокойно.

Снова открылась дверь, но их не вызвали. Стражник принес им еду и питье, в то время как другой держал наготове арбалет.

— О нас хорошо заботятся. — Хаверел открыл крышки чаш и осмотрел содержимое. — И мы, видимо, важные птицы. Эй, Ругвард, когда мы выйдем из этой комнаты? Мне уже надоело.

— Не беспокойся, на тебя хватит дел, когда пожелает Великая, — ответил офицер с арбалетом. — Корабль со звезд уже виден: маяки на горе вспыхивали уже дважды. Корабль, похоже, нацелен на равнины позади Ти-Кри. Удивительно, до чего все они одинаково мыслят и садятся в один и тот же загон. Наверное, Дельскол правильно сказал, что они вообще не думают сами, а подчиняются приказам инопланетной силы, которая не позволяет им иметь независимое суждение. Время твоей службы приближается. Уста Олавы, — офицер сделал жест и шагнул к Тамисан. — Великая сказала, что в твоих собственных интересах следовало бы лучше читать цветной песок. Фальшивые пророки дают такие предсказания тем, кого хотят принизить, и с ними будут поступать как с людьми, опозорившими доверенное им решение.

— Всем известно, — ответила Тамисан, — что я не имею дела с обманом, и в нужном времени и месте это будет ясно.

Когда стражники ушли, проголодавшиеся Тамисан и Хаверел честно разделили между собой еду и не оставили от нее ни крошки. Затем он сказал:

— Поскольку ты читала историю и знаешь старинные обычаи, ты наверняка помнишь обычай, о котором сейчас неприятно вспоминать: у некоторых рас было принято давать хороший обед пленнику, ожидающему смерти.

— Приятную тему ты выбрал для размышления.

— Это ты выбрала, ведь это твой мир, не забывай этого, мастер снов!

Тамисан закрыла глаза и откинулась, сидя на стуле, к стене.

Раздался внезапный шум, и они очнулись от дремоты. В комнате было темно, но дверь была ярко освещена: в проеме стоял офицер, а позади него копьеносцы.

— Время пришло.

— Мы долго ждали, — сказал Хаверел, встал и раскинул руки, как бы показывая, что он давно готов. Потом он повернулся к Тамисан и предложил ей руку. Она предпочла бы идти без его помощи, но у нее затекли ноги, так что волей-неволей пришлось принять его предложение.

Они шли через коридоры, спускались по лестницам и наконец вышли в ночь. Их ожидала крытая повозка, запряженная двумя грифонами. Повозка была намного шире той колесницы, в которой Тамисан приехала в Большой Замок.

По приказу стражников они сели в повозку. Стражник опустил занавески и укрепил их колышками снаружи, так что сидящие внутри при всем желании не могли ничего увидеть. Когда повозка двинулась, Тамисан старалась по звукам угадать, куда их везут.

Но звуков почти не было, будто они ехали по спящему городу. В темноте повозки она скорее почувствовала, чем увидела движение, потом прикосновение к своему плечу и услышала тихий шепот:

— Выехали из замка.

— Куда?

— Думаю, в запретное место.

Память этого мира дала Тамисан объяснение: место, где приземлялись два других космических корабля, но более не взлетели. Один, приземлившийся пятьдесят лет назад, так там и остался. Стоя грудой ржавого металла он служил предупреждением: никаких вторжений со звезд, и Ти-Кри всегда настороже.

Тамисан казалось, что эта поездка никогда не кончится. Но

вдруг — резкая остановка. Следом за остановкой яркий свет ослепил глаза, когда занавески раздвинулись.

— Выходите, герой и его создатель!

Хаверел повиновался первым и повернулся, чтобы помочь Тамисан, но был оттеснен в сторону, и офицер скорее вытащил, чем вывел ее из повозки. Их окружили копьеносцы с факелами. Позади была пестрая толпа, и двойной ряд стражников барьером отделял ее от темной местности.

— Смотри вверх. — Хаверел снова был рядом с Тамисан.

Она подняла глаза и чуть не ослепла от внезапно вспыхнувшего столба света в ночном небе. Космический корабль опускался с помощью хвостовых ракетных двигателей, чтобы плавно приземлиться.

Глава пятая

Эти огни осветили всю равнину. Вдалеке виднелась громада потерпевшего неудачу корабля, оставшегося на планете. Там стояли, вытянувшись в линию, копьеносцы, арбалетчики и офицеры с мечами. Однако это были не войска, а почетная стража Верховной Королевы, восседавшей на очень высокой колеснице.

Люди на корабле, вероятно, смотрели с презрением на архаическое вооружение. Как могли люди Ти-Кри захватить корабль и его экипаж? Обманом и изменой, как сказали бы пострадавшие. Хитроумными трюками, как считала та часть Тамисан, что была Устами Олавы.

Поверхность земли закипела под струями опускавшихся двигателей. Затем огни исчезли, оставив равнину в полутьме, пока глаза людей не привыкли к факельному освещению.

В ожидающей толпе не чувствовалось страха. Хотя по внешним атрибутам — одежде и вооружению — они на столетия отстали от технических знаний вновь прибывших, но держались достойно и знали, что стоят не перед богами неведомых сил, а перед обычными смертными, с которыми они успешно сражались раньше. *Что дает им эта поза перед звездными бродягами*, — думала Тамисан, — *и почему они так противятся любым контактам со звездными цивилизациями? По-видимому, их удовлетворяет тот уровень цивилизации, на котором они застыли,*

отстав лет на пятьсот от моего мира. Не производят ли они промывку мозгов тем, кто желает жить по-другому?

Корабль сел. Он не подавал признаков жизни, но Тамисан знала, что его сканнеры должны сейчас тщательно собирать информацию и представлять ее на видеоэкраны. Если они заметили покинутый корабль, это будет хорошим предупреждением для прибывших. Тамисан перевела взгляд с молчаливого корабля на Верховную Королеву как раз вовремя, чтобы увидеть, как правительница подняла руку. Четыре человека вышли из рядов стражи и знати. На них не было ни доспехов, ни шлемов, только черные туники. В руках их были луки — не арбалеты, а еще более древние луки мастеров-лучников. У здешней Тамисан захватило дух, потому что эти луки не были похожи ни на какие другие в стране и люди, державшие их, не походили на других лучников. Ничего удивительного, что обычные мужчины и женщины расступились перед ними: это была чудовищная группа. На голове каждого из них была укреплена искусно сделанная маска, казавшаяся вовсе не маской, а реальным лицом, только черты эти не были человеческими: маски были скопированы с громадных голов, увенчивающих защитные стены Ти-Кри по одной на каждое направление компаса. Не человек и не животное, а нечто среднее между ними.

Из закрытых колчанов каждый из них достал по стреле, и стрелы эти блестели при свете факелов, и казалось, что они сосредотачивали на себе сияние до тех пор, пока сами не стали светом. Положенные на тетивы, они производили гипнотический эффект, притягивая всеобщее внимание. Тамисан внезапно поняла это и постаралась сбить впечатление, но в этот момент стрелы вылетели, и она повернула голову, как и все остальные, чтобы проследить за полетом стрел. Они казались огненными линиями в темном небе, когда поднимались вверх, потом над темным кораблем, затем по кривой и скрылись из виду позади него.

Вызывало сильный страх то, что в полете они оставляли за собой громадные дуги света, которые не гасли сразу, а бросали слабые отблески на оболочку корабля. Здешняя Тамисан знала, что это основано на древней силе и должно повлиять на людей в корабле. Но личность мастера снов в ней не могла поверить в эффективность подобной церемонии.

Стрелы эти летели с таким пронзительным высоким визгом, что люди зажимали уши. И откуда-то поднялся ветер, сопровождаемый громким треском. Тамисан увидела над головой Верховной Королевы громадную птицу, хлопающую синими с золотым крыльями. При более внимательном рассмотрении стало ясно, что это не птица, а знамя, сделанное таким образом, что оно развевалось на ветру, имитируя живое существо.

Лучники в черном стояли строем, чуть выступив из ряда стражи. Хотя Верховная Королева вроде бы не сделала никакого знака, стражники, окружавшие Хаверела и Тамисан, погнали своих пленников вперед, пока они не оказались против черных лучников и колесницы Верховной Королевы.

— Ну, герой, намерен ли ты выполнить дело, которое тебе назначили Уста? — В голосе королевы слышалась язвительная насмешка, как если бы она не верила в пророчество Тамисан, но позволила жертве обмана идти на гибель.

Хаверел встал на одно колено, положил поперек второго пустые ножны, показывая этим отсутствие у него оружия.

— По твоему желанию, Великая, я готов. Не по твоей ли воле битва между мной и врагом должна быть даже без меча?

Тамисан увидела улыбку на губах Верховной Королевы и почувствовала, что правительнице хотелось бы такой судьбы для Хаверела. Но если Верховная Королева и порадовалась такой мысли, она быстро отмела ее и сделала жест:

— Дайте ему меч, и пусть он пользуется им. Уста сказали, что он является главной нашей защитой на этот раз. Не так ли, Уста? — Она бросила жестокий взгляд на Тамисан.

— Он был выбран дальновидением, и это было прочитано дважды, — ответила Тамисан громким голосом, словно читала указ.

Верховная Королева засмеялась:

— Будь тверже, Уста, поставь свою волю за этим своим выбором. Ты пойдешь с ним и дашь ему поддержку Олавы!

Хаверел принял меч от офицера, стоявшего рядом, поднялся на ноги и, взмахнув мечом, салютовал с воодушевлением, которое показывало, что если он и знал, что идет на смерть, он намерен идти словно под звуки труб и барабанов.

— Правое дело будет силой твоей руки, защитой твоему телу, — нараспев произнесла Верховная Королева, но в голо-

се ее не слышалось, что произнесенные ею слова искренни, и чувствовалось, что это только ритуал, не предназначенный даже для ободрения этого воина.

Хаверел повернулся к молчаливому кораблю. От сожженной земли вокруг места посадки поднимались столбы пара и дыма. Светящиеся дуги, оставшиеся после полета стрел черных лучников, теперь исчезли.

Хаверел двинулся вперед. Тамисан шла за ним на шаг позади. Если корабль так и останется закрытым, если не откроется люк и не спустится трап, как они смогут выполнить свой план, она не могла представить.

И думает ли Верховная Королева заставить их ждать часами решения командира корабля — иметь с ними контакт или нет?

К счастью, экипаж корабля оказался более предприимчивым. Возможно, вид старого корпуса на краю поля вынуждал их узнать побольше. Люк открылся, но не большой, входной, а маленькая дверца над стабилизатором. Из нее вылетел луч шокера.

К счастью для Хаверела и Тамисан, этот луч ударил их до того, как они достигли края вспыхнувшего вслед за тем пламени, так что их внезапно ставшие беспомощными тела не упали в огонь. Сознания они не потеряли, но лишились способности управлять ослабевшими мышцами.

Тамисан упала вниз лицом, и только тот факт, что к земле прижалась одна ее щека, дал ей возможность дышать. Взгляд ее уперся в полосу горящей травы, неумолимо ползущую к ней. Увидев это, она забыла обо всем. Это были худшие минуты в ее жизни. В прошлом она придумывала трудные обстоятельства в снах, но всегда знала, что в последний момент возможен выход. А здесь выхода не было, было только ее беспомощное тело и линия надвигающегося огня.

С внезапностью взрыва, потрясшего все ее тело, она была схвачена чем-то вроде гигантских щипцов. Они сомкнулись вокруг ее тела и потащили вверх. Дым и жар от горящей растительности душили ее. Она кашляла, крутясь в жестоком захвате. Ее втащили в корабль.

Она очутилась в слепящем свете. Затем руки схватили ее, потянули вниз, положили на спину. Действие парализующего луча закончилось, видимо, луч был минимальной мощности. Затем возникло колющее ощущение в ногах и отяжелевших

руках. Она смогла чуть-чуть приподнять голову, чтобы увидеть стоявших над ней людей в одежде космонавтов. На них были шлемы, как если бы они собирались выйти во враждебный мир, у некоторых визоры были опущены. Двое из них подняли ее и понесли по коридору, а затем небрежно бросили в маленькую каюту, явно напоминавшую клетку.

Тамисан лежала на полу, постепенно обретая власть над собственным телом и пытаясь дышать. Хаверела они тоже взяли? Не было причин думать иначе, но в этой камере его не было. Теперь она уже смогла сесть, прислонилась к стене и неуверенно улыбнулась. Мысль о том, что их предполагаемый «чемпионский» бой так быстро был сведен на нет, вызвала улыбку. Это не совсем то, чего желала Верховная Королева, но Тамисан и Старрекс выиграли многое для своего дела — они были в корабле, где, как она была уверена, находился и Кас. Только бы им троим войти в контакт, и они оставят сон. *А не разрушит ли наш уход этот мир сна? Насколько он реален?* Она ни в чем не была уверена, но и беспокоиться заранее не стоит. Сейчас надо сосредоточиться только на Касе.

Что делать? Стучать в дверь и требовать беседы с командиром корабля? Просить показать ей весь экипаж, чтобы она могла узнать Каса в его здешнем маскараде? И у нее было подозрение, что никто не поверит ее рассказу. Хотя Хаверел-Старрекс принял его.

Важно было совершить какое-то действие, которое даст ей свободу и возможность поиска.

Дверь открылась. Тамисан вздрогнула от столь быстрого ответа на свои мысли.

Человек, стоявший в дверях, не носил шлема, но на нем был мундир с эмблемами высшего офицера, слегка отличающийся от того, какой Тамисан знала в своем Ти-Кри. Офицер направил на нее шокер; на его шее висел ящик переводчика.

— Я пришел с миром.

— С оружием в руках? — спросила Тамисан.

Вошедший удивленно взглянул на нее: он предполагал услышать ответ на чужом языке, а она ответила на основном, который является вторым языком всей Конфедерации планет.

— У нас есть основания полагать, что оружие необходимо при общении с вашим народом. Я — Глендон Торг из изыскателей.

— Я — Тамисан и Уста Олавы. — Она подняла руку к голове и обнаружила, что, несмотря на ее перелет по воздуху, ее корона все еще на месте. Тогда она задала важный вопрос:

— Где герой?

— Твой спутник? — Шокер больше не смотрел на нее, и тон офицера стал менее воинственным. — Он в безопасности. А почему ты называешь его героем?

— Потому что он... пришел вызвать *вашего* на честный поединок.

— Понятно. И мы должны в свою очередь выбрать бойца, так? И что за честный поединок?

Она ответила сначала на его последний вопрос:

— Если ты заявляешь права на землю, ты встречаешься с представителем от власти этой земли в честном поединке.

— Но мы не требуем земли, — запротестовал он.

— Ты потребовал, когда посадил свой корабль на полях Ти-Кри.

— Значит, ваш народ рассматривает посадку как вторжение? И это можно разрешить одной битвой между двумя бойцами? И мы выбираем своего человека...

Тамисан перебила его:

— Не так. Выбирают Уста Олавы; вернее, выбирает песковидение. Поэтому я и пришла, хотя вы и не встретили меня с честью.

— Как ты выбираешь бойца?

— Как я уже сказала — через видение.

— Не понял, но, без сомнения, все прояснится в свое время. И где должен состояться этот поединок?

Она указала рукой в сторону, где, по ее мнению, были стены корабля.

— Там, на земле, которую требуют.

— Логично, — согласился он и затем заговорил как бы в пространство: — Все записано? — Поскольку воздух не ответил, офицер, похоже, удовлетворился молчанием. — Это, значит, ваш обычай, леди Уста Олавы. Но поскольку у нас такого обычая нет, мы должны обсудить его. Мы так и сделаем, а тебя пока оставим.

— Как желаешь.

Ей повезло. Он сказал, что он изыскатель, а это означало, что его учили необходимости понимать чужие обычаи. Глав-

ным принципом такого обучения было насколько возможно следовать обычаям планеты. Если экипаж примет идею «единоборства», то согласится и следовать ее требованиям полностью. Она увидит каждого члена экипажа и таким образом найдет Каса.

Но, — сказала себе Тамисан, — не рассчитывай на слишком легкий конец этого приключения...

В глубине ее сознания таилось маленькое назойливое сомнение, связанное с теми светящимися стрелами и руинами корабля. Народ Ти-Кри, с виду так слабо защищенный, ухитрялся столетиями охранять свой мир от космических пришельцев. Она пыталась рыться в памяти здешней Тамисан, чтобы выяснить, каким образом это достигалось, и в ответе говорилось о магических силах, понятных ей только частично. Она знала лишь, что стрелы были первым шагом в применении этих сил. А дальше она верила только, что силы эти сродни ее власти Уст Олавы, которой Тамисан не понимала, хотя и пользовалась ею.

Тамисан вдруг осознала, что принимает все это так, будто этот мир существует в действительности, что это не сон, вышедший из-под ее контроля. Возможно, что Старрекс прав, предположив, что они попали в альтернативный мир.

Терпение ее кончалось, она жаждала действия, и ожидание было ей тяжело. Тамисан была уверена, что на нее направлены разного рода сканеры и ей следует играть роль Уст Олавы и не показывать нетерпения, а быть спокойной и уверенной в своей миссии.

Поэтому она держалась, как могла.

Возможно, ожидание только казалось ей долгим. Торк вернулся, вывел ее из камеры и проводил вверх по лестнице с одного уровня на другой. Длинные юбки сильно затрудняли ей подъем.

Она вошла в большую, хорошо обставленную каюту, где сидело несколько человек. Тамисан испытующим взглядом оглядела их. Она ничего не могла сказать определенно. Сейчас она не ощущала беспокойства, охватившего ее в тронном зале, когда там был Хаверел. Наверняка это означало, что в этой группе людей Каса нет, хотя корабль изыскателей, как правило, не имел большого экипажа, на нем обычно были различные специалисты. По всей вероятности, их было еще

человек десять-двенадцать, не считая шести, присутствующих здесь.

Торк подвел ее к удобному креслу, и она села.

— Капитан Левольд, медик Тром, психотех Симс и истехнер Эль Хамди. — Торк называл имена, и каждый подтверждал полупоклоном. — Я передал им твое предложение, и они обсудили его. Каким образом ты будешь выбирать бойца среди нас?

Песка у Тамисан не было, и она впервые растерялась. Ей придется рассчитывать только на прикосновение; она почему-то была уверена, что оно выдаст ей Каса.

— Пусть ваши люди подходят ко мне и касаются моей руки. — Она положила свою руку на стол ладонью вверх. — Я узнаю, кого выберет Олава, и сожму руку.

— Довольно просто, — сказал капитан. — Ну что ж, давайте сделаем, как советует леди. — Он наклонился и на секунду приложил ладонь к ее ладони. Ответа не последовало, как не было его и с другими. Капитан вызывал по комму, и члены экипажа один за другим подходили к Тамисан и касались руками ее ладони. Тамисан забеспокоилась и начала думать, что ошиблась, может быть, только песок мог бы определить Каса. Она смотрела в лицо каждому, когда тот садился напротив нее и касался ее руки, но не видела сходства с кузеном Старрекса и не ощущала внутреннего предупреждения, что нужный человек здесь.

— Все, — сказал капитан, когда последний член команды встал. — Так кто же наш представитель?

— Его здесь нет, — выпалила она; ее тревога пробилась сквозь осторожность.

— Но ты коснулась рук всех людей на борту, — ответил капитан. — Значит, это какой-то обман?

Его прервал звук, такой резкий, что мог испугать. Числа, начавшие звучать из комма, ничего не значили для Тамисан, но остальных в каюте привели к немедленному действию. Шокер в руках Торка тут же ударил в Тамисан, прежде чем она успела встать, и она снова потеряла способность двигаться, хотя оставалась в сознании. И пока другие офицеры поспешно выскакивали за дверь, Торк протянул руку и удерживал вялое тело Тамисан в кресле, а другой рукой нажал кнопку на столе.

На его вызов быстро явились два члена команды, взяли Та-

мисан и снова втолкнули ее в маленькую каюту-клетку. Это становится слишком уж регулярной процедурой, сердито подумала Тамисан, когда ее небрежно бросили на койку, даже не взглянув, а не свалится ли она на пол. Что бы ни означала эта тревога, именно она вновь сделала Тамисан пленницей.

Видимо, уверенные, что луч шокера удержит Тамисан, они оставили дверь приоткрытой, так что ей слышны были топот бегущих ног и резкие звуки, вероятно, повторной тревоги.

Какую атаку могли предпринять силы Верховной Королевы против хорошо вооруженного и уже предупрежденного корабля? Однако было ясно, что эти люди считают себя в опасности и собираются защищаться.

Старрекс и Кас. Где же Кас? Капитан ей сказал, что она видела всех. Означает ли это, что ее прежнее видение было фальшивым, что безликий человек в космическом скафандре был просто созданием ее чрезмерно активного воображения?

Я не должна терять уверенности... Кас здесь, *он должен быть здесь!* — Она пыталась теперь догадаться по звукам, что же происходит. Но за первой волной шума и движения наступила тишина. И где Хаверел?

Действие шокера ослабело. Она с трудом приподнялась, когда в дверях показались Торк и капитан.

— Уста Олавы или кто ты там на самом деле, — начал капитан с холодом в голосе, что напомнило Тамисан прежнюю ярость Хаверела, — я не знаю, твоя ли это выдумка — оттянуть время с помощью вздора о бойцах и честном поединке. Возможно, твои правители обманули и тебя тоже. Но теперь это не имеет значения. Они сделали что смогли, доставив нам пленников, и теперь не отвечают на наши сигналы к переговорам, так что мы должны использовать тебя как посланника. Скажи своей правительнице, что мы задержали ее героя и готовы использовать его как ключ к воротам, захлопнувшимся перед нашим носом. Наше оружие далеко превосходит мечи и копья. Превосходит даже то, которое не помогло людям на том, другом корабле. Ваша правительница может привязать нас здесь на некоторое время, но мы порвем эти узы. Мы пришли не как захватчики, что бы вы об этом ни думали; и мы не одиноки. Если наш сигнал не дойдет до нашего второго корабля на орбите, с вами будет такой расчет, какого ваша раса никогда не видела и представить себе не может. Сейчас мы вы-

пустим тебя, и ты скажешь все это вашей Королеве. Если она до зари не пришлет людей на переговоры с нами — ей же будет хуже. Поняла?

— А Хаверел? — спросила Тамисан.

— Хаверел?

— Боец. Вы оставляете его здесь?

— Как я уже сказал, у нас есть способы сделать его ключом к дверям вашей крепости. Скажи ей это, Уста. Из того, что мы прочли в мозгу твоего героя, мы поняли, что ты имеешь некоторый авторитет и можешь повлиять на вашу королеву.

Прочли в мозге Старрекса? Что они имеют в виду? — Тамисан внезапно испугалась. — *Что-то вроде зонда? Но тогда они узнали и остальное.* — Она была полностью сбита с толку, и ей трудно было сосредоточиться на том, что она должна передать Верховной Королеве это дерзкое послание. Поскольку она не могла протестовать против этого действия, ей придется его выполнить. — *Какой прием ожидает меня в Ти-Кри?* — Тамисан вздрогнула, когда Торк сдернул ее с койки и повел по коридору.

Глава шестая

Тамисан в третий раз оказалась в тюрьме, но на этот раз не в гладких стенах каюты космического корабля, а в древних каменных стенах Большого Замка. Расчет капитана Левольда на ее влияние на Верховную Королеву быстро провалился, и ее просьба согласиться на переговоры с космонавтами сразу же была отвергнута. Угроза их оружия и таинственного использования Хаверела в качестве *ключа* вызвала смех. Тот факт, что люди Ти-Кри в прошлом успешно справлялись с такой угрозой, давал им уверенность, что те самые способы послужат им и в этот раз. Каковы были эти способы — Тамисан не имела представления, если не считать того, что с кораблем что-то произошло еще до того, как ее бесцеремонно выкинули оттуда.

Хаверела они оставили на борту, Кас исчез, и пока она не найдет их обоих, она останется пленницей. Кас... ее мысли снова вернулись к тому, что его не было среди членов экипажа. Левольд уверял, что она видела всех.

Постой! Она стала вспоминать каждое его слово: «Ты соприкоснулась со всеми людьми на борту», но он не сказал — всего экипажа. Мог кто-нибудь находиться вне корабля? Все, что она знала о космических путешествиях, она почерпнула из лент, но ленты давали множество деталей, поскольку должны были снабдить мастеров сна фактическим материалом и вдохновением, из которого строились фантастические миры. Это был корабль изыскателей и действовал он не в одиночку. Итак, *у него был компаньон на орбите, и Кас мог быть там.* Но если это так, у нее нет никаких шансов добраться до него.

Если это был просто сон... Тамисан вздохнула, откинула голову к стене, но тут же отдернула назад, потому что холод камня пронзил ее плечо.

Сон...

Она выпрямилась, настороженная и чуточку возбужденная.

Что, если я усну во сне и таким образом найду Каса? Возможно ли это? Не попробуешь — не скажешь. У нее не было ни стабилизатора, ни усилителя, которые нужны при разделяемом сне. Она могла надеяться только на себя.

Но если я усну во сне, могу ли я в какой-то степени вести дело правильно? Ах, да зачем спрашивать, если не получишь ответа, пока не попробуешь?

Она вытянулась на каменном полу и решительно заблокировала те участки своего мозга, которые извещали о дискомфорте для тела. Тамисан начала глубокое ровное дыхание мастера, закрепила мысли на рисунке самогипноза, который был дверью в сон. Ее целью был Кас, каким он был в реальности. Жалкий проводник...

Ей повезло, она еще могла спать.

Вокруг нее поднимались стены, но они просвечивали и сквозь них проплывали мягкие и приятные цвета. Это не космический корабль. Сцена заколыхалась, и Тамисан быстро отогнала сомнения, которые могли проколоть ткань сна. Стены стали отчетливыми и крепкими; это был коридор, и перед Тамисан была дверь. Она захотела увидеть, что за дверью, и сразу, как это бывает во сне, оказалась в комнате. Стены ее были увешаны той же блестящей сетчатой тканью, что была в ее комнате в небесной башне. И разыскивая Каса, она вернулась в свой родной мир. Но она удерживала сон, желая знать,

как и почему поставленная перед собой цель привела ее сюда. Неужели она ошиблась и Кас не пошел с ними? Но тогда почему же она и Старрекс застряли в том сне?

В комнате никого не было, но ее тянуло именно сюда. Она искала Каса, и что-то говорило ей, что он здесь. За ней была вторая комната. Войдя, Тамисан вздрогнула: она хорошо знала эту комнату — комнату мастера снов. Кас стоял у пустой кушетки, а вторая была занята.

На мастере была корона снов, но на другом ложе не было спящего, а стоял низкий металлический ящик, к которому шли провода для сна, но мастером была не Тамисан. Она предполагала увидеть себя, но в трансе была другая, с заторможенным мозгом, что безошибочно доказывалось полной пустотой ее лица. Силу сна здесь творил, похоже, не мастер, а этот ящик.

Придя к такому заключению, Тамисан стала разглядывать остальное. Это была не та комната, в которой заснула она: та была больше. Кас и не думал спать, он напряженно следил за шкалами на крышке ящика. Мастер и ящик, соединенные вместе, возможно, и удерживали ее и самого Старрекса в том мире. *Но откуда же то слабое видение Каса в космической униформе? Чтобы сбить меня с толку? Или это обманный сон, продиктованный подозрением Старрекса по отношению к своему кузену?* Такие подозрения были логически обоснованы, если ее и Старрекса послали в мир сна и закрыли там с помощью другого мастера сна и ящика-машины. Что же здесь реальность, а что сон?

Видима ли она для Каса? Если это сон, то должна быть видима. Если она вернулась в реальность... Ее голова кружилась от перечисления того, что могло быть настоящим, ненастоящим, наполовину настоящим; и чтобы показать хоть что-то, она шагнула вперед и положила свою руку на руку Каса как раз тогда, когда он нагнулся к ящику, что-то исправляя.

Он испуганно вскрикнул, отдернул руку и повернулся. Он смотрел прямо на Тамисан, но ничего не видел. Она была бестелесна, как призрак в старых сказках. Однако если он ее не видел, то все-таки почувствовал... что-то.

Кас снова склонился к ящику и внимательно вглядывался в него, возможно, предполагая, что почувствовал удар или излучение из ящика. Мастер на ложе не шевелилась. Она казалась

мертвой, но по ее слабому дыханию Тамисан определила, что та крепко спит. Лицо ее было истощенное, бесцветное; Тамисан встревожилась, глядя на него. Это орудие Каса находилось во сне слишком долго. Ее должны были разбудить, если она не разрушила сон сама. Одной из опасностей творения сна являлась потеря возможности нарушить сон. Такое случалось, и страж должен был вмешаться. Как правило, корона мастера снабжалась необходимым для этого стимулятором. Но корона на голове этого мастера имела такие модификации, каких Тамисан никогда не видела, и они, наверное, предупреждали пробуждение.

Что произойдет, если Тамисан удастся разбудить мастера? Освободит ли это ее и Старрекса, где бы он ни был, от *того* сна, вернет ли их в нормальный мир? Она была хорошо тренирована в технике разрушения сна и однажды воспользовалась этими знаниями, когда в реальности стояла возле жертвы, превысившей свое время сна.

Она протянула руку, коснулась пульса на горле спящей и хотела сделать легкий массаж, но ее руки только ей самой казались телесными и крепкими, а для других это было не так. Для проверки Тамисан сильно ткнула пальцем в подушку над головой девушки. Палец не оставил ни малейшего следа, а просто вошел, как будто плоть и кости Тамисан не имели субстанции.

Был и другой метод: он считался грубым и использовался лишь в самых крайних случаях. Но у Тамисан не было выбора. Она приложила свои бесплотные пальцы к вискам спящей, точно под краем короны, и сосредоточилась на одной команде.

Мастер зашевелилась. Лицо ее исказилось, и она слабо застонала. Кас издал восклицание и снова навис над ящиком, нажимая кнопки с осторожностью, свидетельствующей, что это была сложная задача.

«Проснись!» — внушала Тамисан.

Руки спящей медленно поднялись к короне, но глаза ее были закрыты. Лицо ее теперь выражало боль. Кас, хрипло дыша, возился с ящиком.

Так вели они молчаливую борьбу за обладание мастером. Тамисан вынуждена была признать, что сила, заключающаяся в ящике, превосходила всю технику, какую знала она сама. Но

чем дольше Кас будет удерживать эту беднягу, тем слабее она будет становиться. И дело может кончиться смертью мастера, что Каса, возможно, вовсе и не беспокоит.

Если Тамисан не удастся разбудить мастера и разбить оковы, привязывающие Старрекса и ее к этому миру, тогда ей придется каким-то образом взять в тот мир самого Каса. Он все-таки заметил ее присутствие.

Тамисан отошла от изголовья кушетки и встала позади Каса. Он выпрямился, на его лице слабо проступила уверенность, потому что ящик, видимо, сообщил ему, что никаких помех больше нет.

Тамисан подняла руки к его голове и широко расставила пальцы, так что они прикрыли его голову точно корона мастера, а затем крепко сжала его виски, хотя реального давления выполнить и не могла.

Он приглушенно вскрикнул и затряс головой, как бы освобождаясь от облака. Но Тамисан крепко держала его. Она видела, как это делалось однажды в Улье; тогда это проводилось на послушном объекте, а контролируемый и мастер находились на одном уровне существования. Теперь она надеялась, что сможет нарушить ход мыслей Каса и заставить его самого освободить мастера. И она направила на эту цель всю свою волю. Кас не только тряс головой, но и сам качался и поднимал руки к голове, как бы пытаясь сорвать то, что его держало. Но коснуться Тамисан он тоже не мог.

Весь запас энергии, помогавшей Тамисан творить необычайные миры и держать их для следующего за ней спящего, был теперь послан с заданием повлиять на Каса. Но, к ее разочарованию, тот лишь прекратил свои яростные движения. Глаза его закрылись, лицо скривилось в выражении ужаса. К ящику он даже не подходил. Затем он неожиданно покачнулся и упал поперек кушетки. При падении он задел за ящик и смахнул его на пол, а ящик потянул за собой корону мастера.

Девушка несколько раз глубоко вздохнула, и ее измученное лицо слегка порозовело. А Тамисан, испуганная результатом своих действий над Касом, начала думать, не сделала ли она хуже. Она не знала, насколько ящик связан с их транспортацией в альтернативный мир и смогут ли они вернуться, если этот ящик сломался.

И еще одно дело, думала Тамисан. Я же должна вернуться

в ту тюремную камеру в Большом Замке, иначе Старрекс-Хаверел потеряется навсегда; но тогда Кас здесь останется без контроля и снова задействует свою машину... Нет! Но что же теперь делать?

Тамисан смотрела на шевелящегося мастера снов. Девушка выбиралась в бессознательном состоянии из глубины сна и не понимала, что происходит вокруг нее. В таком состоянии она может быть податливой на внушение. Нужно попытаться.

Оставив Каса, Тамисан вернулась к мастеру. Она снова коснулась висков и лба девушки и старалась повлиять на нее. Мастер села так медленно, словно ее тело было невероятно тяжелым. Медленным, болезненным жестом она поднесла руки к голове, ища корону, которой больше там не было. Глаза ее все еще были закрыты. Тамисан напрягала все свои силы, чтобы вложить в мозг мастера свои приказы.

Не открывая глаз, мастер ощупывала край кушетки, пока ее пальцы не наткнулись на провода, идущие от короны к ящику, слабые пальцы дергали их, пока не отсоединили их от ящика.

Держа корону в одной руке, она соскользнула с кушетки и упала на колени, верхняя часть ее тела легла на вторую кушетку, коснувшись щекой лежавшего без сознания Каса.

Напряжение Тамисан было очень велико. И несколько раз ее контроль над мастером ослабевал, и тогда слабые руки девушки бессильно опускались. Но Тамисан каждый раз находила в себе энергию снова вернуть эти руки к действию, так что наконец корона была на Касе, а провода присоединены к ящику.

Такая большая удача при таких слабых шансах! Тамисан не могла быть уверена, она только надеялась. Она прекратила контроль над девушкой, и та лежала на одном краю кушетки, в то время как Кас лежал на другом конце.

Тамисан собрала всю ту силу, которой втайне обладала всегда, — то небольшое отличие от других мастеров, которым она дорожила. Она еще раз коснулась лба спящей девушки и разрушила свой сон во сне.

Это было так, словно она поднималась в гору со страшно тяжелым грузом, будто тащила чье-то тяжелое мертвое тело через болото, тянущее ее вниз. Это было такое невероятно тяжелое усилие, какого она не могла вынести...

Потом тяжесть исчезла, и Тамисан с радостью почувствовала, что ее ничто больше не тянет. Наконец она открыла глаза, и даже такое малое усилие утомило ее.

Она была не в небесной башне. Здесь были каменные стены, тусклый свет пробивался в узкую щель в стене. Она была в Большом Замке, из которого перебралась во сне в свой родной Ти-Кри. Но хорошо ли она поработала там?

Сейчас она слишком устала, чтобы связно думать. Обрывки всего того, что она видела и делала с тех пор, как впервые проснулась в *этом* Ти-Кри, проплывали в ее мозгу, не складываясь в конкретный узор.

Возник мысленный образ Хаверела, каким она его видела в последний раз, когда они шли к космическому кораблю. Она вспомнила угрозу капитана, от которой Верховная Королева отмахнулась. Если Тамисан и вправду сломала замок Каса, закрепивший их здесь, то этой угрозы можно было бы избежать. Но теперь в Тамисан совсем не оставалось сил. Она пыталась вспомнить формулу пробуждения и почувствовала удар холодного страха, когда память подвела ее. Она не может сделать этого сейчас: нужно время, чтобы отдохнули тело и разум. Теперь она почувствовала мучительные голод и жажду. *Неужели они оставят меня здесь без пищи?*

Тамисан прислушалась, затем чуть-чуть повернула голову.

Она была не одна.

Кас!

Значит, ей удалось притянуть за собой Каса? Если так, то у него не было аналога в этом мире и он все еще в собственном обличье?

Однако у нее не было времени изучить эту возможность, так как раздался громкий скрип и линия света отметила открытую дверь. Там, освещенный факелом, стоял тот же офицер, что привел ее сюда. Опираясь на руки, Тамисан стала подниматься, и в то же время из дальнего угла послышался крик. Кто-то зашевелился там, поднял голову, и показалось лицо, которое она видела в небесной башне. Это был Кас в его истинном теле. Он покачивался, а офицер и стражник смотрели на него, не веря своим глазам.

Губы Каса оттянулись в странном оскале, ничем не напоминая улыбку. В его руке был маленький лазер, и Тамисан не двинулась, хотя он собирался сжечь ее. В эту минуту она

была так уверена в этом, что даже не испытала страха и только ждала.

Но его оружие было нацелено не на нее, а на дверь. Офицер и стражник упали. Держась одной рукой за стену, Кас брел к Тамисан. Он отошел от стены, переложил лазер в левую руку, а правой вцепился в ее плечо.

— Вставай! — с трудом выговорил он, словно был таким же обессиленным, как и она. — Не знаю, как, почему и что...

Факел, выпавший из обуглившейся руки стражника, давал тусклый свет. Кас повернул Тамисан, чтобы увидеть ее лицо. Он так напряженно смотрел на нее, как будто сила его взгляда могла снять с нее нечто, маскирующее тело, и показать прежнюю Тамисан.

— Ты — Тамисан! Иначе не может быть! Не знаю, как ты это сделала, дьяволица! — Он со злобой затряс ее, так что она больно ударилась о стену. — Где он?

Но из ее пересохшего горла вырвался только хриплый звук.

— Ладно, не важно! — Кас теперь стоял тверже, голос его стал более сильным. — Где бы он ни был, я его найду. И тебя не отпущу, чертово отродье, потому что ты — мой путь назад. А что касается лорда Старрекса, то здесь ему не будет ни стражников, ни щитов. Наверное, это лучшая возможность. Ну, отвечай, что это за место? — И он ударил ее ладонью по лицу. Ее голова опять ударилась о стену, так что край ее короны Уст врезался в кожу. Тамисан вскрикнула от боли.

— Говори! Что это за место?

— Большой Замок Ти-Кри, — прохрипела она.

— Что ты делаешь в этой норе?

— Я пленница Верховной Королевы.

— Пленница? Что ты имеешь в виду? Ты же мастер снов, и это твой сон. Так почему же ты пленница?

Тамисан была так потрясена, что не могла подобрать слова. Она смутно подумала, что Кас ни в коем случае не поверит тому ее объяснению, какое она давала Старрексу.

— Не... полностью... сон, — выдавила она.

Он, казалось, не удивился.

— Значит, контроль имеет такое свойство — внушать чувство реальности. — Он впился в нее взглядом. — Ты не можешь управлять этим сном, так? И тут судьба благоприятствует мне. Где Старрекс?

Тамисан рада была ответить правду, поскольку ей казалось, что она не сумеет убедительно солгать.

— Не знаю.

— Но он где-нибудь в этом сне?

— Да.

— Тогда ты найдешь его для меня, Тамисан, и быстро. Нам надо обыскать этот Большой Замок?

— В последний раз я видела его не здесь.

Она боялась повернуть глаза к двери, к тому, что лежало там. Но Кас толкнул ее вперед, и ее чуть не вырвало. Она не знала, смогут ли они выйти в городок, окружавший Большой Замок. Те, кто привел ее сюда, не пошли к центру башни, а повернули от первых ворот и спускались по длинным пролетам лестниц. Она сомневалась, что они выйдут отсюда так же легко, как предполагал Кас.

— Пошли. — Он потащил ее вперед, оттолкнув ногой лежащих в дверях. Тамисан зажмурилась, но запах смерти был так силен, что она прижалась к стене, затем зашаталась и устояла только потому, что Кас держал ее.

Дважды она смотрела остекленевшим взглядом, как он сжигал противников. Ему помогала удача и неожиданность. Так они дошли до лестницы и начали подниматься. Тамисан держалась только надеждой. Теперь ее силы в какой-то мере вернулись и она уже не боялась упасть, если Кас выпустит ее. Когда они наконец вышли на воздух и ветер развеял острый и сырой запах подземелья, Тамисан почувствовала себя чистой и обновленной и смогла думать более ясно.

Кас тащил ее вовсе не из-за ее слабости, которую он считал притворной. Его оружие, чуждое этому миру и, однако, столь эффективное, вполне могло пробить им путь к Старрексу. Но это не значило, что, когда они доберутся до него, она станет повиноваться Касу. Она чувствовала, что Кас, очутившись лицом к лицу со своим лордом, потеряет свою уверенность в успехе.

Их остановил не вездесущий стражник, а массивные ворота. Кас, осмотрев засов, засмеялся, поднял лазер и направил тонкий, как игла, луч в нужное место. Откуда-то сверху закричали. Кас спокойно повернул луч к узкой лестнице, ведущей на укрепления, и снова засмеялся, услышав испуганный вопль, затем звук падения тела.

— Пошли. — Кас толкнул плечом ворота, и они открылись неожиданно легко для своего веса. — Так где же Старрекс? Если солжешь... — Его улыбка угрожала.

— Там. — Тамисан уверенно показала туда, где факелы ярко освещали корпус приземлившегося космического корабля.

Глава седьмая

— Космический корабль! — Кас остановился.

— Осажденный здешним народом, — сообщила Тамисан. — Старрекс — заложник на борту, если он еще жив. Они грозились использовать его каким-то образом в качестве оружия, но Верховная Королева, насколько я знаю, не обратила внимания на эту угрозу.

Кас повернулся к ней; веселость его исчезла, усмешка стала оскалом, и он затряс головой.

— Это твой сон, контролируй его!

Тамисан заколебалась. Можно ли сказать ему то, что она считала правдой? Кас и его оружие были ее единственной надеждой добраться до Старрекса. Пойдет ли он в лобовую атаку, когда узнает, что это их единственный шанс достичь цели. С другой стороны, если она признается, что не сможет разрушить сон, Кас просто сожжет ее.

Она вдруг поняла, что у нее есть решение.

— Твое вмешательство исказило рисунок, лорд Кас. Некоторые элементы я не могу контролировать и не могу разбить сон до тех пор, пока лорд Старрекс не будет с нами, потому что мы связаны последовательно в этом рисунке.

Ее спокойный ответ, казалось, произвел на него некоторое впечатление. Правда, он снова пребольно дернул ее и непристойно выругался, но спокойно посмотрел на факелы и слабо видимый корпус корабля.

Они сделали круг, чтобы обойти большую часть факелов, расположенных на открытом пространстве к югу от корабля. Небо посерело, показывая, что близок рассвет. Теперь они видели лучше. Похоже, корабль был наглухо закрыт. Не было ни одного открытого люка, не было трапа; и лазер в руке Каса не мог тут помочь, как это было с воротами Большого Замка.

По-видимому, эти затруднения пришли на ум и Касу, потому что он рывком остановил Тамисан, пока они еще были в тени, далеко от линии факелов, квадратом окружающих корабль. Наблюдая за происходящим, они укрылись в небольшой яме.

Факелы теперь были не в руках людей, а воткнуты в землю с одинаковыми интервалами. Пестрая толпа, окружавшая Верховную Королеву и ее придворных при первом появлении Тамисан на посадочном поле, теперь исчезла; осталась только линия стражников вокруг закрытого корабля.

Почему корабль не улетел? — удивлялась Тамисан. Может быть, суматоха у него на борту в последнюю минуту ее пребывания там означала, что он не может взлететь? Они говорили тогда о другом корабле на орбите. Похоже, что тот и не подумал помочь им. А впрочем, Тамисан не имела представления, сколько времени прошло с тех пор, как она была здесь в последний раз.

Кас снова повернулся к ней:

— Ты можешь послать сообщение Старрексу?

— Могу попробовать. А зачем?

— Проси его, чтобы нас пустили к нему.

«Неужели он так глуп и не соображает, что в любом сообщении, которое мне удастся послать, я дам предупреждение? Или он принял меры предосторожности против этого? Но смогу ли я дотянуться до Старрекса?»

Она погружалась во второй сон, чтобы войти в контакт с Касом. Но сейчас у нее и не было столько времени в запасе. Сейчас она может воспользоваться только техникой мысли, чтобы вызвать сон и посмотреть, а что из этого получится. Она сказала об этом Касу, но успеха не обещала.

— Делай, что сможешь! — резко приказал он.

Тамисан закрыла глаза и представила себе Хаверела, как он стоял рядом с ней на этом поле. Она слышала тяжелое дыхание Каса.

Открыв глаза, она увидела Хаверела, вернее, бледную его копию, качающуюся и расплывающуюся, и быстро проговорила:

— Скажи им, что мы пришли с посланием от королевы и должны видеть капитана.

Очертания Хаверела растаяли в ночи. Кас злобно пробормотал:

— Чего хорошего можно ожидать от этого призрака?

— Не могу сказать. Если он вернется к тому, чьей частью является, то сможет передать сообщение. А дальше... — Тамисан пожала плечами. — Я уже говорила тебе, что не могу управлять этим сном. Иначе разве мы стояли бы здесь?

Его тонкие губы скривились в безрадостной усмешке.

— Ты-то нет, я знаю, мастер! — Он внимательно оглядел линию факелов и стоявших перед ними стражников. — Если мы подойдем ближе к кораблю, можем мы надеяться, что нам откроют?

— В прошлый раз нас взяли с помощью шокера, — предупредила Тамисан. — Они могут поступить так и сейчас.

— Шокер? — Он указал на лазер. Тамисан надеялась, что этот жест не означает опрометчивой атаки на корабль.

Он толкнул ее вперед, к линии факелов.

— Если они откроют, — пояснил он, — то я приму меры.

Тамисан подобрала длинную юбку; она уже изодралась от грубого обращения и могла превратиться в лохмотья, если при ходьбе наступить на подол. Здесь рос жесткий кустарник, так что Тамисан постоянно спотыкалась, когда Кас тащил ее за плечо, и так уже покрытое синяками.

Они дошли до линии факелов. Стражники стояли лицом к кораблю. Все они были вооружены арбалетами, но не костяными, какие носили люди в черном. Стрелы против мощи корабля. Это выглядело смехотворным, жутко наивным. Однако корабль все еще здесь, и Тамисан помнила испуг людей, допрашивающих ее на борту.

В корпусе корабля появилось темное пятно, и люк неожиданно открылся. Она узнала боевой люк, хотя видела его только на лентах.

— Кас, они собираются стрелять!

Лазерным лучом они могли бы сжечь все на этом поле, а то и дальше, до самых стен Большого Замка.

Она пыталась вырваться из рук Каса, бежать назад, хотя знала, что погибнет на первых же шагах. Но Кас крепко держал ее.

— Оружия нет, — сказал он.

Тамисан старалась разглядеть сквозь мерцающий свет. Может, это подсветила молния в небе, и при ее вспышке было

видно, что тут нет оружия. Но стойка с оружием на корабле была.

Люк закрылся так же быстро, как и открылся. Корабль был снова плотно запечатан.

— Что это?

— То ли они не могут воспользоваться оружием, — ответил Кас, — то ли им предписано сделать что-то лучшее... В любом случае у нас есть шанс. Не пытайся сбежать, иначе тебе не поздоровится! Не думай, что я не разыщу тебя!

Она осталась. Да и куда ей было идти? Если она попадется на глаза любому стражу, ее отведут обратно в тюрьму и все кончится смертью. Если она хочет уйти отсюда, то должна добраться до Старрекса.

Стражники внимательно следили за кораблем, и Кас воспользовался этим. Он подполз к одному из стражников с ловкостью, удивительной для человека, привыкшего к роскоши небесной башни.

Она не видела, каким оружием он воспользовался, во всяком случае, казалось, что он только коснулся шеи ничего не подозревающего стражника, и тот без звука упал. Кас подхватил его и оттащил назад, к яме, где ждала Тамисан.

— Быстро, — приказал Кас, — сними с него плащ и шлем.

Он содрал с себя мундир с огромными подложенными плечами, пока Тамисан, встав на колени, неумело отстегивала большую брошь, скрепляющую плащ стражника. Кас выхватил край плаща из ее рук, выдернул и остальную его часть из-под вялого тела, надел на себя, приладил шлем и взял в руки арбалет стража.

— Иди передо мной, — сказал он Тамисан. — Если на корабле есть полевой сканер, то я хочу показать им пленницу под стражей. Может, они захотят взять ее для переговоров? Это довольно хилый шанс, но лучшего у нас нет.

Он не мог знать, что это, возможно, наилучший шанс, поскольку не знал, что Тамисан была на корабле и что экипаж, вероятно, ждет ее возвращения с посланием от Верховной Королевы. Но открыто идти мимо линии факелов — тут везенье Каса могло не сработать: ведь их увидят другие стражники, едва они пройдут четверть пути к кораблю. Но она ничего не могла предложить вместо этого.

Такого приключения она никогда не переживала во сне и

была уверена, что если умрет сейчас, то умрет по-настоящему и не вернется невредимой в свой собственный мир. Ее сердце сжималась от страха, руки дрожали под складками платья. В любую секунду она могла почувствовать удар стрелы, услышать крик обнаружения и...

Но Тамисан все еще шла вперед, настороженно прислушиваясь к слабому скрипу сапог Каса за собой. Ее удивляло его презрение к опасности, которая для нее была более чем реальна, но он, видимо, все еще был уверен, что она способна управлять этим сном, а значит, следить надо только за ней. Она не могла найти слов, чтобы убедить его в страшной ошибке.

Тамисан так напряженно ждала нападения сзади, что не заметила, как подошла к кораблю. Внезапно она увидела открытый люк и стала ждать из него слепящего разряда шокера.

Атаки, которой она ждала, не произошло. Небо ярко осветилось, хотя солнце еще не показывалось. Посыпались первые капли грозового дождя, затем факелы зашипели, затрещали и наконец погасли.

Они подошли совсем близко к кораблю и остановились. Внутри Тамисан зарождался истерический смех. Что, если корабль откажется принять их? Не могут же они стоять тут вечно, а другого способа пробиться внутрь нет. Не слишком ли был уверен Кас в ее общении с призраком Хаверела?

Пока она думала, что их дело пропащее, над ними раздался легкий звук и в стене корабля открылся еще один люк и оттуда спустился узкий трап.

— Пошли! — Кас толкнул ее вперед. Она с трудом стала подниматься. Тяжелые, обтрепанные юбки тянули ее назад, но она вцепилась в единственный поручень трапа и взбиралась вверх. Но почему никто из стражников не двинулся? Неужели их обмануло переодевание Каса? И они подумали, что Тамисан действительно послана для переговоров?

Она почти уже добралась до люка и увидела там людей, ожидавших в тени. У них были наготове танглеры, чтобы выпустить кружащуюся паутину и спеленать обоих гостей. Но прежде чем их скользкие нити были выброшены вперед, чтобы закрепиться, два космонавта отлетели в стороны, хватаясь уже безжизненными руками за обугленные на груди мундиры, из которых поднимались маленькие спиральки дыма.

Они считали, что стражник вооружен арбалетом, а встретили лазер Каса. Толчок плечом в спину бросил Тамисан на тела тех, что ждали их. Она услышала шарканье, затем ее пинком отшвырнули в сторону, чтобы она не загромождала вход. Она полетела вперед, поскольку отступления не было, затем наткнулась на стену коридора и обернулась назад.

Два человека лежали мертвыми, а Кас направлял лазер на третьего. Не оглядываясь, он отдал приказ, и она механически повиновалась:

— Возьми танглер!

Тамисан поползла обратно к люку и взяла оружие. Она хотел взять и второй танглер для собственной защиты, но Кас не дал ей времени сделать этого:

— Давай его сюда!

Не отводя лазера от груди третьего члена экипажа, Кас протянул свободную руку назад.

«У меня нет выбора, и я это сделаю! Если Кас думает, что полностью запугал меня...» Не теряя времени на прицеливание, Тамисан вскинула танглер и нажала кнопку.

Толстая плеть взвилась в воздухе, ударилась о стену и задела руку человека, неподвижно стоящего под прицелом Каса, перекинулась с руки на грудь, оттуда по воздуху на руку Каса, державшую оружие, далее на другую руку и тут же приклеилась с обычной эффективностью, связав вместе нападавшего и его жертву.

Кас, отбиваясь, повернул лазер в Тамисан. Хотел ли он сжечь ее в ярости — она не знала, но танглер сделал достаточно, чтобы она успела отойти от линии возможного огня. Теперь, видя их обоих на какое-то время обезвреженными, Тамисан облегченно вздохнула.

Она отпустила кнопку танглера, как только увидела, что Кас не может двигать руками. Затем снова использовала оружие, чтобы спутать Касу ноги. Он остался стоять, но был так же беспомощен, как если бы получил заряд шокера.

Она осторожно подошла к нему. Поняв ее намерение, он бешено забился, чтобы клейкие нити танглера коснулись и ее тела. Но она оторвала ткань от подола своего платья и обмотала руку, чтобы избежать риска быть пойманной.

Несмотря на сопротивление Каса, ей удалось вырвать лазер из его руки, и на секунду Тамисан ощутила прилив уверенности.

Кас не издал ни звука, но глаза его выражали дикую злобу; он оскалил зубы, и из уголков его рта стекали струйки слюны. Бесстрастно глядя на него, Тамисан думала, что он близок к помешательству.

Член команды зашевелился. Она повернулась и предупреждающе подняла лазер. Человек двигался вдоль стены; свободные ноги давали ему большую подвижность, хотя нити танглера связывали его с Касом. Тамисан осмотрелась, ища то, к чему он явно стремился. Это был комм.

— Стой на месте! — приказала она. Он застыл, боясь лазера. Продолжая держать его под прицелом, она быстро взглянула через плечо на люк. Затем, осторожно пробравшись вдоль стены, она захлопнула люк и, засунув танглер за пояс, повернула рукоять запора.

Пользуясь лазером точно указкой, она предложила члену команды подойти ближе к комму, но неподвижный Кас был для него крепким якорем.

— Отодвинься!

Он ничего не сказал за все это время, но повиновался с поспешностью, намекавшей, что вид оружия в ее руках нравится ему еще меньше, чем в руках Каса. Он натянул нити до предела. Кас извергал ругань, которая для Тамисан была всего лишь ничего не значащим шумом. Пока Кас не освободился, он был всего лишь хорошо закрепленным грузом. А член команды был ей нужен. Подтянув к нему комм, она указала на него жестом. Она старалась сыграть как можно лучше в этой отчаянной игре.

— Где Хаверел, местный житель, которого взяли на борт?

Конечно, он мог солгать, и она не узнает об этом. Но он, похоже, был рад ответить, видимо, считая, что правда заденет ее куда сильнее, чем любая ложь.

— Он в лаборатории, где его доводят до кондиции. — И усмехнулся так же недобро, как Кас.

Она вспомнила угрозу капитана сделать Хаверела орудием против Верховной Королевы и ее армии. Неужели она опоздала? Оставался только один путь, и она уже выбрала его в те несколько секунд, когда овладела танглером и пустила его в ход. Тамисан сказала медленно и отчетливо:

— Ты вызовешь капитана и скажешь, чтобы Хаверела освободили и привели сюда.

— Зачем бы? — с заметной наглостью ответил космонавт. — Что ты можешь сделать? Ну, сожжешь меня? Это не нарушит планов капитана, пусть сгорит хоть половина команды.

— Возможно, — кивнула она. Не зная капитана, она не могла сказать, правда это или блеф. — Но захочет ли он пожертвовать своим кораблем?

— А что ты можешь сделать? — начал было человек, но замолчал. Усмешка его исчезла, он внимательно взглянул на Тамисан. В ее внешности, вероятно, не было ничего такого страшного, чтобы угрожать кораблю, но откуда ему знать? Из опыта своего времени и места она твердо знала: космолетчиков учат прежде всего не доверять ничему на новых планетах. Он вполне мог подумать, что она управляет какими-то неведомыми силами.

— Что я могу сделать? Очень многое. — Она быстро воспользовалась его колебанием. — А можете ли вы поднять корабль? — Она отчаянно надеялась, что ее догадка правильна. — Можете вы общаться с вашим кораблем или кораблями на орбите?

Выражение его лица ответило ей, и ее надежда вспыхнула ярким пламенем. Корабль был пригвожден к земле, и они не могли побороть то, что держало его.

— Капитан не будет слушать, — угрюмо выговорил космонавт.

— А я думаю, будет. Скажи ему, чтобы Хаверел был здесь и чтобы пришел он сам, с помощью своих ног, иначе мы всерьез покажем вам, что случилось с тем кораблем, чей остов на краю поля.

Кас молчал. Он смотрел на нее, но не с той осторожностью, как смотрел член команды корабля, а с каким-то непонятным чувством. Удивление? Или оно маскировало какой-то коварный план прекратить ее блеф?

— Говори! — поторопилась Тамисан. Ведь люди в корабле, наверное, удивлялись, почему пленников до сих пор не привели. Да и снаружи люди Верховной Королевы уже доложили, что Тамисан и стражник вошли в корабль.

— Я не могу включить комм, — ответил пленник.

— Тогда скажи мне, как это сделать.

— Красная кнопка.

Ей показалось, что в глазах его что-то блеснуло. Тамисан протянула руку и нажала *зеленую* кнопку. Не обвиняя его в обмане, она сказала еще более повелительно:

— Говори!

— Говорит Сеннард. — Он наклонился к ящику. — Меня взяли. Русо и Кэмбр мертвы. Они желают получить местного...

— В хорошем состоянии, — прошипела Тамисан, — и немедленно!

— Они хотят его немедленно и в хорошем состоянии, — послушно повторил Сеннард. — И они угрожают кораблю.

Ответа из комма не последовало. Может, она действительно нажала не на ту кнопку из-за своей чрезмерной подозрительности? Но что может случиться? Она не могла ждать.

— Сеннард, — послышался из комма металлический голос без человеческих интонаций.

— Да, сэр?

Но Тамисан толкнула его так, что он проехал вдоль стены назад и натолкнулся на Каса; узы обоих мужчин немедленно соединились и сделали из них один брыкающийся сверток. Тамисан заговорила в комм:

— Капитан, я не шучу. Пришлите сюда вашего пленника или посмотрите на те обломки корабля и скажите себе: «Вот что будет и с моим кораблем». Так и будет, и это так же точно, как то, что я стою здесь и держу в плену вашего человека. Пошлите Хаверела одного и молитесь всем бессмертным богам, чтобы он смог прийти сам! Время не ждет, и вы не обрадуетесь, если не сделаете по-моему.

Член команды пытался оттолкнуться от Каса ногами, но его усилия только опрокинули обоих на пол. Тамисан опустила руки и прислонилась к стене, тяжело дыша. Всей своей волей она хотела управлять событиями, как всегда делала во сне, но теперь все зависело только от судьбы.

Глава восьмая

Даже опираясь на стену, Тамисан чувствовала себя как в стальном футляре. Время шло ужасно медленно, а скованность тела и духа усиливались. Кас и его противник прекратили борьбу. Лица космонавта она не видела, но у Каса, по-

вернутого к ней лицом, был странный искаженный взгляд, как будто он на ее глазах стал совсем другим человеком.

Со времени ее возвращения в небесную башню во втором сне она знала, что Каса следует опасаться. Хотя его тело было надежно спеленато, она непроизвольно отступила, словно сила этого враждебного взгляда могла стать оружием и убить ее. Но он молчал и лежал так спокойно, как если бы предвидел ее полный провал.

Она знает слишком мало, подумала Тамисан, а ведь она всегда гордилась своим обучением, обилием знаний, получаемых ею для создания снов. Команда корабля могла впустить в этот короткий коридорчик ядовитый газ или воспользоваться лучом скрытого шокера и покончить с ними. Тамисан провела руками по стенам, изучая ровную поверхность и ища место, откуда может выйти невидимая смерть.

В конце коридора была другая дверь, а в нескольких шагах от внешнего люка лестница, поднимающаяся к закрытому трапу. Голова Тамисан все время поворачивалась от одного входа к другому, но затем она взяла себя в руки. «Им стоит только подождать, чтобы обнаружить мой блеф... Только подождать...»

Да, они ждут и...

Воздух в помещении изменился: в нем появился запах, но не неприятный, хотя даже самые лучшие духи показались бы вонючими в этих условиях. И свет изменился: он был как дневной, а теперь стал синеватым. Ее коричневая кожа приобрела в нем странный вид. «*Я пропаду тут!* Не открыть ли снова люк, впустить свежего воздуха?»

Тамисан поплелась до люка, схватила заклинивающее колесо и собрала все силы. Кас снова завертелся, пытаясь освободиться от своего невольного партнера. Странное дело, но космонавт лежал вяло и неподвижно, голова его болталась, когда Кас дергал его тело, хотя глаза его были открыты. В это время Тамисан открыла люк и изумилась: неужели воображение заставило ее поверить, что она в опасности? Она глубоко вздохнула... и чуть не вскрикнула: она не потеряла, а получила новые силы! Она вдыхала полной грудью этот пахнущий воздух, дышала все глубже и медленнее, как будто ее тело желало такого питания. Это восстанавливало силы.

И у Каса тоже? Она обернулась к нему. В то время как

она дышала глубоко и без опасений, он задыхался, его лицо казалось прозрачным в изменившемся освещении. Затем он затих, голова откинулась так же бессильно, как у члена команды.

Какова бы ни была перемена здесь, она подействовала на мужчин, но не на нее. Теперь ее тренированное воображение сделало другой прыжок. Возможно, она и не так уж была не права, когда угрожала людям корабля. Правда, она не догадывалась, каким образом это было сделано, но ясно было: применено еще одно странное оружие из арсенала Верховной Королевы.

А Хаверел? Космолетчики наверняка не собирались посылать его. Рискнуть ли самой пойти на его поиски? Тамисан посмотрела на лестницу, на другую дверь. Если все в корабле так реагировали на странный воздух, тогда, возможно, ее никто не остановит. Если она убежит из корабля, то потеряет ключи от своего мира и может попасть в злые руки Верховной Королевы. Ведь она бежала из тюрьмы и оставила после себя двух мертвых. Как Уста Олавы, она содрогалась от приговора, какой ей вынесут за такие неправильные сверхъестественные действия.

Тамисан решительно пошла к двери в конце коридора. По правде говоря, выбора не было вовсе. Она должна найти Старрекса и привести его сюда, где они будут все трое вместе. И им нужно некоторое время, чтобы разрушить сон, иначе она пропала окончательно.

Она поддернула платье как можно выше. На поясе был танглер и лазер, бывший ранее у Каса. Вдобавок появилось ощущение подъема сил, прекрасное самочувствие, хотя внутреннее чувство предупреждало Тамисан против излишней самоуверенности.

Дверь открылась от ее толчка. Глазам Тамисан предстала сцена, которая сначала ее испугала, а затем успокоила. В коридоре были члены экипажа, но они лежали плашмя, будто шли в то время, когда внезапно оказались скованы. Лазеры — несколько иного вида, чем был у Каса, — выпали из их рук; у троих-четверых были танглеры.

Тамисан осторожно обошла их и собрала все оружие в подол, как девочка в поле собирает весенние цветы. Люди были живы, она это ясно видела — они мирно спали.

Один танглер она взяла вместо своего, поскольку опасалась, что его заряд мог кончиться, а всю остальную коллекцию отнесла в дальний конец прохода и направила на нее луч лазера, так что от оружия осталась лишь груда металла.

Ее представления об устройстве корабля были крайне скудны. Она решила искать до тех пор, пока не найдет Старрекса, начиная с самого верха. Тамисан воспользовалась лестницей с одного уровня на другой и три раза натыкалась на спящих. Каждый раз она обезоруживала их, а потом шла дальше.

Голубой цвет освещения становился глубже и придавал странный вид лицам спящих... Тамисан дошла до третьего уровня, когда услышала звук — первый за все время с тех пор, как она ушла от люка.

Она прислушалась и решила, что звук идет как раз с этого уровня. С лазером наготове она пошла на этот звук, хотя он не давал направления и мог исходить из любой каюты. Поэтому она шла и открывала каждую дверь. Там было много спящих, кто на койках, а кто на полу, кто сидя и положив голову на стол. Теперь она уже не останавливалась, чтобы собрать оружие; необходимость как можно быстрее выполнить свою задачу и уйти с этого корабля подгоняла ее так резко, как плеть по вздрагивающим плечам раба.

Внезапно звук усилился: она дошла до последней двери, толкнула ее и очутилась в каюте, которая предназначалась не для жизни, а скорее для смерти. Двое мужчин в простых мундирах лежали у порога, словно что-то предупредило их об опасности, и они хотели выбежать, но не успели. За ними был стол, а на столе тело, вполне живое, упорно сражающееся с удерживающими его путами.

Хотя череп его был гладко выбрит, в человеке безошибочно узнавался Хаверел. Он не только пытался освободиться от скоб и ремней, но еще и вертел головой, чтобы сбросить диски, укрепленные у него на висках и подсоединенные к машине, занимавшей четверть маленькой каюты.

Тамисан перешагнула через лежавших, подошла к столу и сбросила диски с головы пленника — видимо, его яростные движения в какой-то мере ослабили крепления. Он открыл рот, хотел что-то сказать, но либо она не слышала, либо у него не было голоса. Но когда она выключила аппарат, Хаверел издал торжествующий крик.

— Освободи меня! — скомандовал он.

Она уже осматривала нижнюю часть стола, ища механизм, освобождающий ремни и зажимы. Через несколько секунд она смогла выполнить его приказ.

Он сел на столе, голый до пояса. На столе, где до этого лежали его плечи и спина, располагалась серия дисков. Прежде чем она успела что-либо сказать, он схватил лазер, который она положила на край стола, пока освобождала зажимы. Он сделал жест, показывающий, что им надо побыстрее уходить и что с оружием в руках он считает себя хозяином положения.

— Они все спят, — сказала она. — И Кас. Он пленник.

— Я не думал, что ты найдешь его. Среди членов команды его не было.

— Не было. Но теперь я его держу, и мы сможем вернуться.

— Сколько времени это займет? — Он встал на колени, обыскивая людей на полу. — И какая подготовка тебе понадобится?

— Не могу сказать, — искренне ответила она. — Но долго ли продлится их сон? Я думаю, он вызван каким-то фокусом Верховной Королевы.

— Они этого не ожидали, — согласился Хаверел. — И ты, наверное, права: это предварительное действие, чтобы напасть на корабль! Я многое узнал тут: их инструменты и большая часть аппаратуры работали так неправильно, что люди не могли им доверять. Иначе я бы не выжил как личность, — добавил он угрюмо.

— Давай, пошли! — Теперь, когда ей таким образом повезло, она не хотела, чтобы что-то помешало их побегу.

Они вернулись к люку. Весь корабль спал. Старрекс наклонился над Касом и с изумлением обернулся к Тамисан:

— Но ведь это настоящий Кас!

— Да, вполне настоящий, — согласилась Тамисан, — и для этого есть причина. Но стоит ли сейчас обсуждать это? Если люди Верховной Королевы придут брать корабль, то, будь уверен, они встретят нас похуже, чем тебя встретили здесь. У меня достаточно воспоминаний здешней Тамисан — Уст Олавы, так что я знаю.

Он кивнул:

— Ты можешь нарушить их сон здесь?

Она несколько нерешительно огляделась.

Нет, почему-то я не могу мыслить ясно, подумала Тамисан. Похоже, что действие этого пахнущего воздуха высушило ее и ушло то, в чем она больше всего нуждалась...

— Я... Боюсь, что нет, — сказала она вслух.

— Ну что ж, остается одно. — Он снова осмотрел нити танглера. — Мы уйдем туда, где ты сможешь заняться пробуждением.

Он поставил лазер на самую малую мощность и пережег нити, связывающие Каса с другим человеком. Но самого кузена освобождать не стал.

А что, если мы выйдем из люка прямо в руки воинов Верховной Королевы? — подумала Тамисан. На их стороне был лазер, танглер и, может быть, улыбка фортуны. Придется рискнуть.

Тамисан открыла внутреннюю дверь люка. Мертвецы лежали там, где упали. Тамисан посторонилась и пропустила Старрекса, который нес на плече Каса и шел медленно. Пленника завернули в плащ, чтобы предохранить тело Старрекса от контакта с нитями танглера. Внешний люк был открыт.

Порывистый ветер с ледяным дождем жестоко ударил их. Когда Тамисан входила в корабль, начинался рассвет, а сейчас был день, но ничуть не светлее. Факелы были погашены. Тамисан тщетно пыталась рассмотреть линию стражей. Возможно, суровая погода разогнала их. По крайней мере, у подножья трапа их никто не ждал. Но стражники могли прятаться за опорами корабля, и такую возможность следовало принимать во внимание. Она сказала об этом Старрексу, и тот кивнул.

— Куда мы пойдем?

— Куда-нибудь за город. Мне нужно какое-то укрытие и время.

— Рука Вермера над нами, и мы можем это сделать, — сказал он. — Возьми-ка!

Он кивнул на что-то на металлическом полу, и она увидела, что это лазер одного из мертвецов. Она взяла его в свободную руку, Старрекс с грузом не мог сам защищаться, и Тамисан должна была играть в реальной жизни такую роль, которую не раз придумывала для сна. Только тут это было уже не развлечение, а стремление убежать в любое сколько-нибудь безопасное место, и так быстро, как позволяют ветер и дождь.

У трапа были наклонные ступени, она боялась поскользнуться, поэтому сунула танглер за пояс, взялась одной рукой

за поручень и двигалась медленнее, чем приказывало сильно бьющееся сердце. Она боялась, как бы Старрекс не оступился и не упал на нее.

Сила ветра была такова, что приходилось бороться за каждую ступеньку, но все-таки Тамисан благополучно спустилась. Она не была уверена, в каком направлении им следует идти, чтобы обойти замок и город. Ее память как бы отшибло грозой, и оставалось только действовать наугад. И она боялась потерять контакт со Старрексом, потому что, как ни медленно шла, он все равно тащился значительно позади.

Она наткнулась на какой-то кол и, ощупав его, поняла, что это погашенный дождем факел. Это означало, что они дошли до барьера и что стражников здесь нет. Как видно, гроза оказалась спасительницей для троих беглецов.

Тамисан остановилась, поджидая Старрекса. Он подошел, схватился за факел и оперся на него.

— В этом Хавереле у меня хорошее тело, но я не грузчик-андроид. Нам надо найти укрытие.

Слева что-то темнело, возможно, рощица. Но даже редкие деревья или большие кусты могли в какой-то мере укрыть их.

— Туда, — указала она.

Он слегка выпрямился под своим грузом и пошел дальше, покачиваясь.

Им пришлось пробиваться через поросль. Тамисан, освободив руки, проламывала тропку для Старрекса. Можно было бы воспользоваться лазером, но они берегли заряды для дальнейшей защиты. Наконец, ценой исхлестанных ветвями и исколотых шипами тел, они вышли на сравнительно открытое место. Старрекс уронил свой груз на землю.

— Теперь ты можешь разрушить сон? — Он присел на корточки рядом с Касом, а Тамисан тихонечко опустилась поблизости.

— Могу... — Она не договорила. Раздался звук, перекрывавший даже шум грозы, и та часть Тамисан и Старрекса, что относилась к этому миру, узнала его. Он означал охоту. Если они были в состоянии услышать его, значит, охота шла на них.

— Айтер-собаки? — сказал Старрекс.

— И они бегут за нами! — Уста Олавы знали, что, если айтер-собаки бегут по следу, от них нет защиты, потому что они становятся неуправляемыми, как только их спускают охотиться. — Мы можем защищаться...

— Не слишком надейся, — ответил он. — У нас лазеры, оружие не из этого мира. То, что усыпило людей на корабле, не подействовало на нас; очень возможно, что чужое оружие здесь подействует по-другому.

— Но Кас... — Ей казалось, что она нашла слабую точку в его рассуждениях.

— Кас в собственном теле: он, возможно, ближе к экипажу корабля, чем мы. Да, кстати, как он очутился здесь?

Она коротко рассказала о своем сне во сне и о том, как она нашла Каса. Старрекс засмеялся.

— Так я и знал, что в центре этой паутины сидел мой драгоценный кузен. Но теперь он так же запутался в ней, как и мы. Как вероятная следующая жертва, он, вероятно, будет более склонен к сотрудничеству.

— Целиком и полностью, мой благородный лорд! — раздался голос из темноты.

— Ага, ты проснулся, кузен. Ну, нам пора проснуться окончательно. Здесь воюют две группы врагов — те и другие хотят поскорее разделаться с нами. Нам лучше побыстрее убраться куда-нибудь, если мы дорожим нашими шкурами. Как насчет этого, Тамисан?

— Мне нужно время.

— Я сделаю все, чтобы добыть его тебе. — Это прозвучало как клятва на мече. — Если лазеры действуют вне законов этого мира, то они, возможно, остановят даже айтер-собак. Ну, действуй!

У нее не было настоящего проводника, не было ничего, кроме воли и необходимости. Вытянув руки, она коснулась мокрого плеча Старрекса и очень осторожно выбрала место на Касе, чтобы не дотронуться до нитей танглера. Затем напрягла волю и стала смотреть внутрь.

Бесполезно. Ее мастерство пропало. Было минутное ощущение внетелесного состояния между двумя мирами, а затем она вернулась назад, в темные кусты, не задерживающие дождь.

— Я не могу разбить сон. Нет энергетической машины, чтобы восстановить силу. — Но она не добавила, что, возможно, могла бы сделать это для себя одной.

Кас засмеялся:

— Похоже, мое устройство все еще работает, несмотря на твое вмешательство, Тамисан. Боюсь, мой благородный лорд,

что тебе придется доказывать эффективность своего оружия. Кстати, ты мог бы освободить меня и дать мне оружие, раз уж мы связаны вместе.

— Тамисан! — Голос Старрекса вывел ее из тупой боли провала. — Вспомни, этот сон не был обычным. Не может ли открыться дверь другого мира?

— Какого? — В ее памяти закружились видеоленты. Беззвучный клич айтер-собак, на который *эта* Тамисан была настроена, заставлял ее тело сжиматься и дрожать и гасил ее мышление.

— Какой? Да любой!.. Думай, девушка, думай! Старайся!

— Не могу. Собаки впереди. Они идут! Мы — мясо для клыков тех, кто бежит темными тропами под безлунным небом. — Тамисан растворилась в Устах Олавы, а Уста Олавы исчезли в свою очередь, и теперь она была голым, беззащитным существом, скорчившимся под тенью смерти, против которой у нее не было щита. Она...

Голова ее качнулась, щека вспыхнула от пощечины Старрекса.

— Ты — мастер сна! — повелительно сказал он. — Усни теперь, как никогда не спала раньше, так как в тебе есть то, что ты можешь использовать, если захочешь.

Это произвело такое же действие, как и пахнущий воздух в корабле: ее воля возродилась, мозг снова активно заработал. Тамисан-мастер изгнала другую, слабую Тамисан.

Но какой мир? Дайте мне хоть только одну решающую точку истории! — думала она.

— Нааах! — крик, вырвавшийся из горла Старрекса, не предназначался для подбадривания Тамисан. Наверное, это был боевой клич Хаверела.

Бледная фосфоресцирующая морда просунулась сквозь кусты. Тамисан скорее почувствовала, чем увидела, как Старрекс выстрелил.

Решение: *вода хлещет вокруг меня. Ветер поднимается, намереваясь вырвать нас из жалкого убежища и сделать легкой добычей для охотников. Глубокие океаны, море... Морские Короли Кейта!*

Она лихорадочно схватилась за это. Она мало знала о Морских Королях, которые когда-то владели островами к востоку от Ти-Кри. Они угрожали самому Ти-Кри так давно, что эта война стала легендой, а не подлинной историей. Они погибли

в результате предательства: король и его военачальники были изменнически схвачены.

Чаша Кейта... Тамисан заставила себя вспомнить, задержаться на этом. И теперь, когда выбор был сделан, ее сознание снова стало прежним. Она протянула руки, снова коснулась Старрекса и Каса. Она не думала о Касе, но ее руки снова потянулись к нему, как будто он обязательно должен был включен, иначе все пропадет.

Чаша Кейта — на этот раз она не будет выпита!

Тамисан открыла глаза. *Нет, не Тамисан — Тэм-син!* Она села и огляделась вокруг. Мягкое бледно-зеленое покрывало спало с ее нагого тела. Осматривая это тело, она заметила, что оно больше не светло-коричневое, а жемчужно-белое. Она сидела в кровати, сделанной в виде громадной раковины, часть которой изгибалась над головой, напоминая спинку дивана.

И она была не одна. Она осторожно повернулась, чтобы увидеть спящего. Голова его была повернута чуть в сторону, так что она видела только изгиб плеча, такого же белого, как у нее, и плотно прилегающие к голове кудрявые волосы красно-коричневого оттенка выброшенных штормом морских водорослей.

Очень осторожно, кончиком пальца, прикоснулась она к этому плечу и узнала. Он вздохнул и повернулся к ней. Она улыбнулась и сложила руки под маленькими высокими грудями.

Она была Тэм-син, а он Кильвером, а также Старрексом и Хаверелом, а теперь стал лордом ЛохНара Ближнего Моря. Но ведь был еще третий! Улыбка ее увяла, память обострилась. Кас! Она в тревоге оглядела комнату, ее перламутровые стены и бледно-зеленые драпировки, так знакомые Тэм-син.

Каса здесь не было, но это не означало, что его нет вообще: он мог где-нибудь притаиться — все такой же подлый, если его природа осталась прежней.

Горячая рука обвила ее тело. Вздрогнув, она взглянула в зеленые глаза, которые знали и ее, и другую Тамисан. Губы его улыбались.

Голос его был знаком и тем не менее звучал странно.

— Я думаю, что это будет очень интересный сон, моя Тэм-син!

Он притянул ее к себе. Она не возражала. Возможно — нет, даже наверняка — он был прав.

Часть вторая
КОРАБЛЬ В ТУМАНЕ

Глава первая

Тэм-син, бывшая Тамисан, мастер снов, стояла в узкой щели скалистой башни. Внизу плескалось море и подкидывало кружево пены так близко к ней, что она могла бы, наклонившись, набрать горсть соленой пряжи. Будет страшная штормовая ночь. Но перед растущей яростью воды Тэм-син не чувствовала никакого страха, а только возбуждение, пьянящее, словно выдержанное вино, и согревающее ее скудно одетое жемчужное тело.

Позади нее была комната, в которой она проснулась, с перламутровыми стенами, постелью-раковиной, драпировками и зеленовато-голубым ковром; она была частью морского мира, как народ Ближнего Моря был в какой-то мере охраной окружающих их островов. Море было их жизнью, а кого пугает дыхание жизни?

— Миледи... — раздался сонный, ленивый голос с постели-раковины, — ты что-то ищешь?

Она медленно повернулась к мужчине, который все еще нежился; шелковое одеяло почти сползло с его тела.

— Милорд, — она повысила голос, чтобы перекрыть непрерывную песню воды, — сейчас я вспомнила Каса.

Его зеленые глаза сузились, улыбка удовлетворения исчезла. В его лице, в этом новом его лице, она видела элементы, какие, возможно, могла видеть только она: стоическую сдержанность Старрекса, недоумение Хаверела — тех, кем он был в прошлом и кто теперь еще должен был остаться в его мозгу.

— Да, Кас... — Его голос потерял теплоту, звучал устало, словно человек очнулся от приятного полусна и снова взвалил на себя тяжелый груз.

Полусон? То, что держало их, было больше, чем любой сон. Тэм-син знала сны; она могла вызывать их и отсылать прочь по своей воле, сны и люди в них были всего лишь игрушками, которыми она играла как хотела. Так было до тех пор, пока она не создала сон для лорда Старрекса, и они оба нырнули в такие опасные авантюры, которыми она не могла управлять. Убегая от опасностей неконтролируемого сна, она каким-то образом привела их сюда, к новым личностям, новым приключениям и, без сомнения, к новым опасностям. Но где Кас, кузен лорда и его враг, который стремился уничтожить их обоих в двух временах, в двух мирах, и который должен был появиться с ними и здесь?

Мужчина сел в постели. Мягкая ткань покрывала придавала зеленоватый оттенок его белой коже. Такие, как у него, каштановые волосы она видела и у себя, когда смотрелась в зеркало из полированного серебра на стене.

— Я — Кильвер, лорд ЛохНара, — медленно произнес он, как бы подтверждая истину этого установления личности. — Какой сон ты сработала на этот раз, моя Тэм-син?

— Это мир, в котором Чаша Кейта не коснулась губ этого народа, нашего народа, милорд.

— Чаша Кейта — предательство, погубившее Морских Королей. — Он слегка нахмурился, как бы с трудом вспоминая — памятью не Кильвера, а Старрекса. — Значит, это черное дело не поглотило Кейта?

— Так я пожелала, милорд.

Он улыбнулся:

— Тэм-син, если ты можешь изменять историю, то ты и в самом деле великий мастер. Я думаю, что ЛохНар придется мне куда больше по вкусу, чем мир Хаверела. Но, как ты сказала, тут еще происки Каса. Мы еще хлебнем с ним горя. Ты притащила его с нами?

— Мы же были связаны, лорд. Мы не могли уйти оттуда, не взяв его с собой.

— Ну, что же делать. — Кильвер встал. Его тело не было таким крепким, как у Хаверела, и жаберные складки на горле казались ошейником из отстающей кожи. Однако вокруг его нагого тела была та же аура власти, что и у Старрекса. — И, — добавил он, — я не слишком рад тому, что Кас не здесь, где я мог бы не спускать с него глаз. Он может уйти обратно, к самому началу?

— Нет, — уверенно сказала Тэм-син. — Его мастер сна проснулась перед тем, как я увела его! Нет, он слишком тесно связан с нами.

— Миледи властительница! — Он быстро шагнул к ней, и их тела слились так радостно, как если бы они намеревались сделать то же с той властью, что дана была им от рожденья.

— Ты очень красива. И ты — Тэм-син, которая выбрала жизнь, соединенную с моей.

Она отдалась его ласкам, зная, что Тамисан, мастер снов, ушла на задний план и что она действительно Тэм-син и он желает ее. И она была довольна.

Его губы нежно коснулись ее закрытых глаз. Затем очарование их близости было прервано скорбным гудящим призывом.

— Сигнал раковины... — Он выпустил ее из объятий.

Кильвер не был больше любовником: он был лордом, когда потянулся к украшенному раковинами поясу и юбке из чешуйчатой кожи. А Тэм-син держала наготове его меч, сделанный из огромной смертоносной пилы на морде *спаллекса*; его зубчатые края скрывались в ножнах из прочной кожи спаллекса.

Пока Кильвер опоясывался и прицеплял к поясу меч, Тэм-син надела короткое платье без рукавов и взяла свой кинжал из резного зуба таскана. Они торопились одеться, и за это время горн прозвучал еще два раза, прокатываясь эхом по комнатам, вырубленным в толще морского утеса.

Тэм-син знала, что этот зов был сигналом опасности. И тут же пришла мысль о Касе — не от него ли идет беда? Он так стремился убить своего кузена во время первого сна, что от него можно ожидать всего. Ведь со смертью Старрекса богатство и власть переходила к Касу. Но в Ти-Кри Тамисан удалось разрушить замыслы Каса. Не нашел ли он здесь для них какую-то таившуюся угрозу?

Она вышла из комнаты вслед за Кильвером. Стенам коридора не хватало гладкости жилых помещений: это был грубый естественный камень. Между большими комнатами шли узкие извилистые проходы. Тэм-син и Кильвер спускались по истертым за века ступеням, и камень доносил до них вибрацию волн, бьющихся за стеной слева.

Тэм-син знала, что теперь они почти на уровне моря, и шла по пятам Кильвера, когда они вышли через гладко обтесанный

портал в обширное пространство с каменным потолком. Здесь плескалось море, образуя длинную ленту между двумя площадями, расположенными на уровне над самой высокой точкой прилива. На якоре стояло маленькое суденышко. Хотя Морской Народ чувствовал себя в воде как дома, он нуждался в кораблях для перевозки товаров; как раз такой корабль находился здесь. Люди сходили с него, ловко прыгая на естественные доки, между которыми стояло судно.

Другие люди, вооруженные мечами и подводными ружьями, салютовали Кильверу, когда он шел сквозь их ряды навстречу морякам с корабля. Все они были из рода Кейт, потому что хотя здесь и бывали береговые торговцы, они не пользовались внутренними гаванями. Капитан поднял руку, приветствуя Кильвера. Тот ответил благодарностью.

Их было только четверо, а не вся команда: на палубе никого больше не было. И было в них напряжение, которое Тэмсин заметила так же легко, как если бы они кричали о тревоге.

Она знала капитана Пигоуса. Его нелегко было озадачить. Будучи охотником за спаллексами в их собственных водах, он не знал страха. Однако в его тревоге, которую чувствовала Тэм-син, был налет страха.

— Лорд... — Пигоус замялся, как бы не находя слов, чтобы высказать то, что хотел.

— Ты вернулся, — Кильвер, как полагалось главе клана, положил руку на плечо капитана, — с какими-то новостями. Говори же. Может, береговые жители показывают зубы? Но это не может беспокоить того, кто командовал в Битве ущелий.

— Береговая пена? — Пигоус покачал головой. — Не совсем так, лорд. Хотя, возможно, что за этими вещами стоит какое-то их колдовство. Это такое... — Он глубоко вздохнул и начал торопливо объяснять: — Мы обследовали рифы Лохака, поскольку у нас была информация, что спаллексы направились в эти отмели по каким-то причинам. Был туман, какой бывает на рассвете, и в тумане мы обнаружили покинутый корабль. Это было судно береговых торговцев, и его груз был цел и запечатан. Я думаю, судно отнесло течением от восточных земель. Это был чистый трофей, потому что на борту не было ни одного человека. Однако все шлюпки были на месте.

Поскольку береговые не могут долго жить в воде, они должны были взять шлюпки.

Там была даже еда, словно люди внезапно покинули трапезу, но не было и признака какого-либо сражения или другой неожиданности, и никаких разрушений от шторма, если бы они попали в него. Мы подумали, что Власта улыбнулась нам, поскольку корабль был хорош во всех отношениях и тяжело нагружен товаром. И вот я оставил на борту четырех человек и взял судно на буксир.

Туман был очень плотным, и, хотя судно-трофей было привязано к корме «Тайкенна» мы не видели его, а видели только канат, удерживающий его. Я приказал Райкеру, которого поставил главным на борту судна, трубить в раковину при каждом обороте песочной склянки. Он трубил три раза, а затем, мой лорд, наступила тишина. Мы окликали их, но не получили ответа. Тогда мы вернулись и поднялись на борт. Лорд, все мои люди исчезли, словно их никогда и не было! Но если их взяло море, то почему бы им было не вернуться на «Тайкенн». Мы нашли только раковину-горн, валявшуюся на палубе.

— А корабль?

— Лорд, я во второй раз сделал злой выбор. Венд, брат Райкера, и Виткор, его соратник, просили, чтобы я позволил им подежурить на судне и узнать, что за странные вещи творятся на борту. И я согласился. И опять мы были окутаны туманом, и снова горн-раковина замолчал. И люди исчезли. — Пигоус развел руками в беспомощном жесте. — И я поклялся, что приведу этот корабль, чтобы люди ЛохНара могли осмотреть его. Но когда мы снова вернулись на «Тайкенн» и туман сгустился... Лорд, этому трудно поверить, но канат ослаб; мы потянули его, и он оказался обрезанным!

Глава вторая

— Корабль береговых, — задумчиво повторил Кильвер. — Я уверен, что вы хорошо обыскивали его каждый раз.

Пигоус кивнул:

— Лорд, там не было ни одного местечка, которое бы мы не осмотрели. А грузовой люк запечатан, и печать цела.

— Однако, капитан, должен же быть ответ на вашу тайну! —

Голос был высокий и такой неприятный по тону, что Тэм-син оглянулась через плечо на человека, подходившего к доку. Он шел неуклюже, клонясь в сторону, лицо его кривилось от раздражения, но у него было сходство с Кильвером, и здешняя Тэм-син знала его. Райс, брат Кильвера. Два сезона назад он покалечился во время зимней охоты, и это сделало его угрюмым и резким. В ее мозгу шевельнулось и другое воспоминание: в скалистом замке Райс был ее врагом. Не открытым, но с такой злой волей, которую заметил бы любой сенситив (а все мастера снов были сенситивами). Сейчас он даже не взглянул на нее, а проковылял к Кильверу, стоявшему против капитана.

— Лорд Райс, — сказал Пигоус куда более официальным тоном, — я могу сказать только о том, что знаю. Мы обыскали судно от носа до кормы. Шлюпки висели на своих местах, а на борту не было ни одной живой души.

— Ни одной живой души? — повторил Кильвер. — Это звучит так, словно ты, Пигоус, имеешь какое-то объяснение не от живого мира.

Капитан пожал плечами:

— Лорд, все наши поколения жили в море, морем и на море. Но разве не остались еще тайны, которые ни мы, ни старые записи не объясняют? Существуют страшные бездны, куда наша раса не может спуститься. Кто знает, что скрывается там?

— Но здесь, — настаивал Райс, — не мифические бездны, а поверхность моря и судно береговых людей. Они не имеют дела с нашими тайнами; они боятся нас.

Тэм-син подумала, что в этом утверждении слышалась гордость. Возможно, из-за того, что Райс так много потерял в жизни, он хватался за мысль, что другие боятся их расы.

— Говорю только о том, что видел, что слышал и что произошло, — спокойно повторил Пигоус. Он даже не смотрел на Райса, а обращался прямо к Кильверу. Райса недолюбливали в ЛохНаре: его сварливый характер проявлялся слишком часто.

— Хотел бы иметь твою карту, Пигоус, — сказал Кильвер. — Возможно, корабль все еще плавает. Ты говоришь, что канат был обрезан; может, это работа спаллекса?

Пигоус повернулся и сделал знак одному из моряков. Тот спрыгнул на палубу судна и вернулся с тяжелым витком каната на плече. Капитан взял болтавшийся конец и предъявил его для осмотра. Даже Тэм-син, мало знакомая с корабельным

оборудованием, видела, что канат обрезан острым ножом или топориком.

Кильвер провел пальцем по жесткому концу.

— Тут нужна сила и острое оружие. Он был обрезан на борту корабля или где-то между ним и вами?

— Возле корабля, лорд, судя по длине, — сразу же ответил Пигоус. — И его не перепиливали, а обрезали одним ударом.

Райс визгливо рассмеялся.

— Его мог обрезать человек, решивший, что ради ценного груза можно погубить товарищей. Если судно береговых не повреждено, как ты сказал, его легко можно продать в Инсигале, где, как всем известно, живут не слишком честные люди.

Пигоус первый раз взглянул прямо в лицо Райсу:

— Лорд, если бы кто спрятался на борту, мы нашли бы его. Мы знаем корабли, а на этом мы обнюхали даже днище. А если это намек на то, что мои люди надумали сыграть такой трюк... — Взгляд, который он бросил на брата Кильвера, был близок к угрожающему.

— Нет, Пигоус, — вмешался Кильвер, — никто не намекает, что ты или твои люди могли бы отдать спасенное имущество Инсигалу, а не в наши руки. — Он нахмурился, но не взглянул на брата.

Тэм-син невольно вздохнула. Иногда Кильверу стоило бы увидеть Райса таким, каким он был: озлобленным смутьяном, вечно раздувающим искры ссоры и рассчитывающим, что Кильвер не даст ему сгореть, когда искры эти превратятся в открытое пламя. Тэм-син не могла ничего требовать от своего лорда, она это знала. Райс мог убедить Кильвера, когда хотел, а ее ненавидел. Она не должна допустить, чтобы вбили клин между нею и Кильвером.

— Дай-ка мне свою карту, — продолжал Кильвер. — Я спрошу у лордов Лохрисса и Лохака, не видели ли они чего, или, может быть, у них есть записи; если ты наткнулся на это покинутое судно за Рифами, то эта территория патрулируется их силами.

Карта области Рифов была разложена на столе в зале совета, и Кильвер созвал тех старейшин, чьи знания странных морских легенд превосходили все, что было собрано в архивах. Он заставил Пигоуса повторить рассказ о скрывающемся в тумане корабле, а затем посмотрел на лордов.

— Случалось ли когда-нибудь подобное? — спросил лорд ЛохНара, когда после детального рапорта Пигоуса воцарилась тишина. Долгое время все молчали. Затем Фоллан, который, как все знали, десятки раз путешествовал на восток, встал, подошел к карте и пальцем начертил линию пути, указанного Пигоусом.

— Лорд, такое случалось, но не в этих водах.

— Где и когда? — коротко спросил Кильвер.

— К востоку от Кинквара есть место, где видели покинутые корабли, даже поднимались на их борт. Но ни одному капитану не удалось вывести эти корабли. Однажды это вызвало такую большую опасность, что люди пожелали больше не плавать в Кинквар, и торговля с этим городом заглохла, его народ бежал на острова или за море, и там остались только руины. Но шли годы, призрачные корабли не появлялись, и Кинквар поднялся снова, но уже так и не стал тем великим городом, каким был когда-то.

— Кинквар, — задумчиво произнес Кильвер. — Это очень далеко, через все море. А на этом берегу видели когда-нибудь такие корабли?

— Вот теперь увидели, — ответил Фоллан. — Лорд, мне это очень не нравится. Точно то же происходило на призрачных кораблях Кинквара. Если их держит какая-то сила и теперь переходит на нас, то быть беде!

— Лорд, птицы-посланники... — Человек быстро подошел к столу, держа на каждом запястье по птице. Птицы смотрели на всех яркими свирепыми глазами, недовольно переступали лапами по тяжелым перчаткам мастера птиц. Это были морские орлы, способные без устали летать над волнами, с врожденным интеллектом, тренированные для передачи посланий из одного скалистого замка Морских Королей в другой.

Кильвер взял кусочки вощеной кожи морской змеи и написал на них кодовые слова, а затем вложил послания в трубочки, привязанные к ноге каждой птицы.

— Теперь выпусти их, — приказал он, — и следи, когда они вернутся.

— Будет сделано, лорд.

— А пока, — продолжал Кильвер, — пусть готовят наш боевой корабль. Мы сами поищем это призрачное судно, если оно еще плавает, и найдем людей, которые, как на приманке,

лежат в засаде. Пигоус, какого вида печать на грузовом люке? Ты помнишь ее?

— Лорд, она была такого рисунка. — Капитан взял лоскуток змеиной кожи и палочкой для письма начертил несколько линий. — Я такой никогда не видел, — добавил он, кладя палочку и передавая набросок лорду.

Тэм-син шагнула вперед, не обращая внимания на взгляд Райса, и посмотрела через плечо Кильвера. У нее захватило дух. Тэм-син из ЛохНара не знала такого изображения, но Тамисан из Ти-Кри знала его хорошо... И она увидела, почти ощутила внезапное напряжение тела Кильвера, когда он тоже узнал его.

— Похоже, брат, — сказал Райс, — что хотя храбрый капитан и не знает этого символа, зато его знает та, что разделяет с тобой ложе?

Шестиконечная звезда, прочерченная зубчатой линией молнии, — герб Старрекса из Ти-Кри, из реального Ти-Кри. Да, конечно, ошибки быть не может!

Глава третья

Тэм-син не ответила на слова Райса, брошенные как обвинение. Она была уверена, что Кильвер тут же узнал знак собственного Дома в другом времени, откуда они были унесены в эти сны происками Каса. Поэтому она оставила за Кильвером право сказать — да или нет. Но первым заговорил Фоллан с той серьезностью, которая казалась неотъемлемой частью его личности:

— Леди Тэм-син, ты и в самом деле знаешь этот знак?

Она внимательно взглянула на старика, но не почувствовала в нем той ненависти, какую ее сила улавливала в Райсе. И здешняя Тэм-син знала, что Фоллан был ее другом с самого ее появления в этом месте: она родилась не в ЛохНаре, а в маленькой, куда менее значительной скалистой башне, находящейся ближе к побережью.

— Мы оба его знаем, — ответил Кильвер до того, как она успела подобрать слова. — Это знак материкового дома, имевшего в свое время немалую власть. Теперь этот знак может быть знаком врага. — Он, конечно, подумал о Касе. Но могло

ли случиться, что в этом мире сна существует лорд клан Старрекса? — Мне не нравится, — продолжал Кильвер, — что этот знак стал частью этого дела с судном-призраком.

При этом ответе Кильвера все глаза обратились к Тэм-син. Она заметила только злобный и быстрый взгляд Райса и, решительно вздернув подбородок, пристально уставилась на него. Райсу не удалось поссорить с ней Кильвера, но в прошлом он уже не раз вступал в борьбу с той Тэм-син, что дала ей плоть и кровь здесь.

— Материковые! — взорвался капитан. — Разве они когда-нибудь угрожали нам? Да и с какой стати? Мы не хотим их неподвижной территории и не запрещаем им пользоваться морем, когда они набираются храбрости и путешествуют по нему! Так почему же они встали против нас, если всегда остерегались этого?

— У них врожденная жадность, — ответил Фоллан. — Им всегда мало того, что они имеют, они всегда хотят большего. Верховной Королеве не нравится, что наши лорды не кланяются до полу при ее дворе и не посылают ей даров. К тому же они видят, что мы можем жить там, где не могут они, — он коснулся пальцами своих закрытых теперь жабр, — мы не из их породы. И они боятся того, чего не понимают. Нельзя отрицать, что и мы поступаем так же в подобных случаях. Это корабль материковых, и естественно, что он носит печать Дома.

— Приманка в капкане, — сказал Райс, вставая рядом с Кильвером, по другую сторону которого стояла Тэм-син. — Этот корабль — приманка, брат. Уже шесть человек пропало на нем безвозвратно. Они явно хотят, чтобы мы попытались еще и еще... И каждый раз теряли бы людей. Не лучше ли воспользоваться морским огнем и сжечь это судно полностью?

— И таким образом, — сухо начал Пигоус, — уничтожить возможность узнать, где наши люди, и найти их.

— Не думаешь ли ты, что они еще живы? — бросил Райс. — Вроде бы ты не полный идиот, капитан?

Рука Пигоуса потянулась к рукоятке ножа, а Райс улыбнулся. Он сознательно провоцировал капитана для какой-то своей цели, в этом Тэм-син не сомневалась.

— Успокойся, Райс, — сказал Кильвер спокойно, но таким тоном, что лицо его брата вспыхнуло. — Мы подождем ответа Лохрисса и Лохака; если у них есть сведения об этом, то нам

стоит получить их. А затем, на восходе солнца, мы отплывем на военных кораблях и посмотрим, что сумеем обнаружить. Если вы, старейшие и капитан, можете что-то предложить в качестве совета, то подумайте над этим, и когда соберется следующий совет, мы выслушаем вас.

Те молча вышли. Кильвер проводил их взглядом, все еще держа руку на карте. Только Райс не вышел.

— Я еще раз скажу — это западня.

— Возможно, ты прав, брат. Но мы должны удостовериться, какого сорта эта западня, прежде чем пытаться ее обезвредить. И кто ставил такую ловушку Кинквару в прошлом? Мы не касаемся северо-восточных стран не потому, что они побеждены камоками, которым не нужно море и которые не пускают торговцев в пределы захваченных ими стран... Вполне возможно, что тот, кто задумал сровнять Кинквар с землей, сменяет поле действия из-за этих самых камоков. Однако я не вижу выгоды в этом деле. Корабли не были ограблены, это ясно, разве что взяли груз, а люк снова запечатали, во что я не верю. Пигоус достаточно опытный моряк, чтобы отличить нагруженный корабль от пустого. Но не слишком ли хитра ловушка, чтобы поймать горстку моряков, рискнувших подняться на борт покинутого, как они думали, судна?

— Шесть человек из десяти, брат, не так уж мало.

— Это по нашему счету. Но если такая игра идет давно... — Кильвер нахмурился. — Скорее бы пришел ответ от Лохака и Лохрисса, мы, может быть, узнаем чуть больше... Если посланцы вернутся, я буду у себя.

Он протянул руку, Тэм-син положила пальцы на его запястье, и они оставили Райса одного.

Они не обменялись ни одним словом, пока не очутились в своей комнате. Кильвер подошел к узкому окну.

— Крепкий шторм приближается, — отметил он. — И вполне возможно, что ни один корабль не сможет плыть, как бы ни подгоняла его необходимость.

— Кильвер!

Он повернулся. Тэм-син быстро огляделась по сторонам. У нее было странное ощущение, что даже здесь их подслушивают, а может быть, и видят. Однако та часть ее, которая хорошо знала эту башню, понимала, что подобная форма шпионажа невозможна.

— Печать... — продолжала она.

— Да, печать. — Он подошел к ней ближе, как будто тоже чувствовал себя под наблюдением. — Ты говорила, что эти сны сделали нас такими, какими мы могли бы быть, если бы история в прошлом повернулась по-другому.

— Я так считала.

— Считала? Значит, теперь ты сомневаешься?

— Не знаю. В числе моих предков нет морских людей. А у тебя, милорд?

— Не знаю. Но, похоже, что мой дом есть и здесь, только я не член его.

— Там Кас.

— Верно. Ты не знаешь, Тэм-син, мог ли он каким-то поворотом судьбы стать лордом клана?

Она покачала головой:

— Лорд, я тебе говорила о нашем первом приключении, что это не обычный сон, на события которого я могу влиять. Я сама запуталась в этих снах, подобного этому просто не должно быть. Я могу прервать сон — во всяком случае, надеюсь, что могу, — но, как ты знаешь, нас должно быть трое. А Каса у нас нет.

— Если только он не часть того корабля-призрака... Отыскивая секреты этого судна, мы можем наткнуться на него. Тем не менее хотя я и не беспочвенный фантазер, но чувствую беду так же, как она ждала нас при дворе Верховной Королевы.

— Следи за Райсом, — предупредила она. И это казалось ей наиболее важным. — Он дурной человек и, как Кас, злится, что ты имеешь то, чего ему не хватает. Кас жаждал управления кланом и твоего богатства. Райс хочет того же и, кроме того, в нем горит злоба, что ты здоров, а он калека и отрезан этим от полноценной жизни.

— Моя здешняя часть, — медленно сказал Кильвер, — возмущается твоими словами. Но ты права. Узы крови сдерживают его — все-таки мы братья. Но братская ненависть может быть хуже всякой другой. А ты ненавидишь его еще больше. Наш брак для него позор, потому что ты — Певица Волны и из низшего Моря. И он будет удерживать меня, если сможет, от появления наследника.

«Певица Волны», — повторила она про себя и стала рыться в памяти ее здешней личности. Да, она в самом деле была

Певицей Волны; как только она отставила в сторону память Тэм-син, в ней проснулось знание. Странное знание, чуждое всему, что она знала. Надо хорошенько обыскать память, узнать больше об этой власти, принадлежавшей другой расе и другому времени.

Жестокий порыв ветра коснулся ее сквозь щель окна, и Кильвер быстро натянул на отверстие щит.

— Так и есть, шторм, — заметил он.

Но Тэм-син подумала, что едва ли не столь же могучий шторм набирает силу здесь, в этом замке.

Глава четвертая

Шторм бушевал и сотрясал массивную скалистую башню всю ночь. Тэм-син то и дело просыпалась и слышала удары ярости снаружи. И когда она лежала, напряженная и дрожащая, руки Кильвера находили ее, и она успокаивалась от его близости и прикосновения.

Она обыскала память Тэм-син, чтобы узнать, какова власть той, чье тело она теперь носила. Когда-то она была мастером снов, затем Устами Олавы, теперь она Певица Волны, которая песней загоняет рыбу в сети и может *видеть* на далеком расстоянии любой корабль Морских Королей. В каждой из жизней она имела таланты, которые не были обычными для ее народа.

Певица Волны могла мысленно следовать за кораблем, если была связана с кем-то на его борту. Если таких связей не было, она не могла различить корабль. И Тэм-син стремилась извлечь из второй Тэм-син все, чем могла бы теперь воспользоваться.

— Лорд, — шепнула она, — как ты думаешь, что лежит в сердцевине этого дела?

— Любые догадки одинаково хороши, — ответил он тоже шепотом. — Но мне неприятно, что на грузе известная мне печать.

Он замолчал, и она тоже лежала спокойно, положив голову ему на плечо, зная, что они оба чувствуют надвигающуюся опасность.

Они больше не говорили, и когда первый серый свет по-

явился на краю ставня, Кильвер встал с постели, тут же подняв и Тэм-син.

— Лорд, возьми меня с собой, когда пойдешь охотиться за тем судном.

— Не могу, и ты знаешь это. Закон этого народа запрещает брать женщину, если возможно сражение.

Да, в памяти Тэм-син это было. Но боязнь потерять Кильвера была невыносима... Остаться одной...

Тэм-син видела по его лицу, что он не может или не хочет идти против обычаев Морского Народа.

— Ты знаешь, — сказала она, и губы плохо слушались ее, — если с тобой что-либо случится, а меня не будет поблизости, этот сон никогда не прервется.

Кильвер кивнул:

— Я знаю, но ничего не поделаешь. Как Морской Король, я должен идти этим курсом. Ты Певица, ты можешь связаться со мной.

— Это так, но у меня не будет силы помочь, даже если мои мысли поедут с твоими и я узнаю, что тебя постигла страшная судьба.

Она отвернулась, не желая, чтобы он прочел то, что было написано на ее лице. Кильвер уйдет по волнам, когда шторм стихнет. А она останется здесь... одна.

Но чуть позднее она овладела собой и стояла вполне невозмутимая, когда он поднимался на борт боевого корабля и люди его лиги в своей чешуйчатой броне салютовали ему подаренным морем оружием.

Тэм-син смотрела, как подняли якорь и человек в шлеме принял управление над кораблем и направил его через проход в открытое море.

Шторм действительно стих. Птицы вернулись через час после рассвета, и каждая принесла послание. Корабли Лохрисса видели корабль-призрак и потеряли четырех человек. Лохак ничего не мог сообщить о судне. Тем не менее оба лорда собирались присоединиться к Кильверу на Рифах.

Тэм-син смотрела, как корабль, уносивший ее лорда, вышел в открытое море. Слабый солнечный свет заиграл на чешуйчатой броне, и знамя ЛохНара цвета свежей крови полоскалось на ветру.

Она следила, пока корабль не исчез из вида. Только тогда

она заметила Райса, который прищуренными глазами смотрел не столько на уходящее судно, сколько на нее. Взгляд его был нагло оценивающим, словно она была колдовской книгой и он хотел узнать для себя ее тайны. Она ответила ему спокойным взглядом.

Губы его дрогнули, и она подумала, что он сейчас что-то скажет. Но он промолчал, только сгорбился, как от сильного ветра, и заковылял прочь, нахально повернувшись к ней спиной и невежливо предоставив Тэм-син возвращаться одной.

Она высоко держала голову: ни одна из замешкавшихся здесь женщин, провожавших своих мужей в такое сомнительное плавание, не должна думать, что ее смутило это открытое пренебрежение к ее положению в ЛохНаре.

Вернувшись во внутренние проходы, она поднялась по узкой лестнице через все уровни башни на самый верх утеса. Здесь, стоя на ветру, она искала последний след корабля Кильвера. Но он, видимо, уже ушел слишком далеко, и его скрыл замок Лохака, стоявший между их башнями и северными Рифами.

Морские птицы кричали над ней и кидались вниз, искать в обломках, принесенных штормом, рыбу или другую пищу. Поглядев вниз, Тэм-син увидела множество женщин и детей ЛохНара, уже работающих там. Они, как и птицы, искали, что принесло щедрое море. Но Тэм-син не намеревалась присоединяться к ним. Она села, прислонившись к каменному выступу, обняла руками колени и смотрела на море. Она снова обыскивала память Тэм-син и приводила в порядок все, что смогла узнать от своей второй половины.

Многое ее изумляло. Как оккультное знание Уст Олавы пришло к ней в предыдущем сне, так теперь просачивались или пробивались в ее сознание таланты Тэм-син. Некоторые из них она тщательно изучала, стараясь найти то, что пригодится ей сейчас. Но в данный момент она не пыталась наладить связь с Кильвером, потому что сначала хотела узнать, с чем она может столкнуться, когда такая связь осуществится.

— Миледи.

Голос раздался так внезапно, что она вздрогнула и повернула голову. Это был старейшина Фоллан. Он смотрел на нее, как перед этим смотрел Райс, но во взгляде Фоллана не было

и следа той злобы, какая возникала в Райсе, когда он видел Тэм-син.

— Фоллан, — спросила она, — что ты еще знаешь о кораблях Кинквара?

— Ничего, кроме того, что я сказал нашему лорду, леди. Это загадка, и конца ее я не слышал.

— Но как могут люди исчезнуть с палубы буксируемого корабля?

— Я не знаю. С материковыми жителями — такое возможно: внезапная паника, налетевший шквал, угрожающий кораблю... или безумие, пославшее их в бездну. Такое безумие приходит, когда едят порченое зерно. Подобных объяснений много, но все они неприменимы к людям Пигоуса. И капитан — опытный и осторожный хозяин. На борту мог быть тайник, который не был обнаружен и обыскан.

— Но какая угроза могла быть в нем? — спросила Тэм-син, когда Фоллан замялся.

— Леди, в мире и в море есть много такого, о чем нет никаких сведений. Только... — Он снова сделал паузу и добавил грустно: — Леди, ты предана моему лорду во всем, и ты его избранница. И я должен предупредить тебя: будь осторожна.

— Я догадываюсь об этом, старейший. Меня не любят в ЛохНаре.

Казалось, он был рад, что она так быстро приняла его предостережение.

— Здесь всегда болтают, — сказал он, — и для безмозглых слушателей в болтовне есть частичка истины, и они в это верят. Ты не здешняя, и некоторые считают, что наш лорд мог сделать лучший выбор. И что Певица Волны не ровня другим...

— Фоллан, я благодарю тебя за откровенное высказывание. Я уже узнала, что здесь есть такие, кто жаждет прогнать меня с этого места. Но я не думала, что они могут выступить открыто.

Она сжала руки. У Райса есть сторонники, но разве она когда-нибудь думала, что их нет? Какую басню он придумает по поводу ее гибели? А что, если Кильвер не вернется?

— Ты избранница нашего лорда, — повторил Фоллан. — Тебе стоит только приказать, и большинство из нас с готовностью исполнит твои приказы.

Она чуть заметно улыбнулась.

— Старейший, такие слова для меня все равно что щит и меч. Я только надеюсь, что мне не понадобится это оружие.

Но его лицо оставалось встревоженным:

— Леди, веди себя осторожно. По нашим обычаям во время отсутствия нашего лорда командует лорд Райс. Он калека, и мы не выберем его Морским Королем, но как раз это и усугубляет его желание отдавать приказы, пока есть возможность.

Глава пятая

Тэм-син лежала в постели-раковине. Глаза ее были широко открыты, но она не видела замысловатой мозаики из ракушек на потолке. Она пользовалась своим вторым зрением и видела перед собой Кильвера, стоящего на палубе корабля. Вокруг него свивались щупальца тумана, серого, как кости давно умерших людей.

Она видела его так ясно, что, казалось, стоит протянуть руку, положить ее на мускулистое плечо Морского Короля, и он обернется и встретится с ней глазами. Однако же тела их разделяло пространство.

— Кильвер! — Она шевелила губами, но не произносила его имени вслух. И была уверена, что он слышит ее беззвучный зов, потому что он повернул голову и взглянул через плечо. Но как раз в этот момент его тело напряглось, и Тэм-син поняла, что он что-то услышал, чего не слышала она. Дело в том, что эта мысленная связь не могла нести никакого звука и была только зрительной. И было еще нечто вроде бессловесного общения, которым она пока не решалась пользоваться, чтобы не отвлекать Кильвера от его главнейшей задачи.

Из тумана вышел другой человек, и Тэм-син узнала Пигоуса. Хотя его изображение колыхалось и не было таким четким, как изображение самого Кильвера, возможно, из-за того, что с Пигоусом у нее не было настоящей связи.

Капитан показал рукой влево, как бы призывая своего лорда обратить на что-то внимание. А когда Кильвер шагнул к поручням, чтобы взглянуть в густой туман, Тэм-син тоже увидела... узкий нос судна, пробивающий складки тумана, как игла прокалывает ткань.

Однако странное судно не шло по какому-то определенному курсу, а меняло его с каждой волной. И Тэм-син была уверена, что им никто не управляет. Она увидела, что Кильвер снова повернулся, увидела движения его губ. На палубе позади него появились люди, спустили маленькую лодку. Итак, ее лорд действительно собирался на туманный корабль-призрак.

Страх ударил ее так крепко, что она ослабила контроль. Кильвер, проступающие в тумане корабли — все исчезло. Тэм-син лежала с влажными ладонями, с пересохшим ртом. Отчаянный страх... Она собрала всю свою волю. Это не был нормальный страх человека, оказывающегося перед неведомой опасностью; нет. Это была паника, какой Тэм-син никогда не испытывала. Как будто некая энергия со странного судна ударила прямо в основание ее собственного сенситивного таланта.

Нет, она должна вернуться, увидеть Кильвера, хотя ее сердце сжималась и все тело дрожало, как от ледяного зимнего ветра.

Кильвер! Она еще раз приготовилась, чтобы отогнать страх и возобновить связь. А там... смерть? Нет, что-то другое, разрушительное для их рода, оно ждало на слабо различимом в тумане корабле. Тэм-син знала это, как если бы видела своими глазами чудовище, встающее за поручнями и протягивающее когти, чтобы схватить добычу.

Кильвер! Тэм-син собрала свои почти деморализованные силы и построила мысленное изображение. Мир как бы затрясся, и она вернулась, но в другое место: она стояла с Морским Королем на палубе покинутого судна.

Это судно, насколько она могла видеть сквозь туман, было по размерам средним между кораблем Пигоуса и боевым, которым командовал ее лорд. Оно не имело четких прямых линий кораблей Морского Народа, было более округлым, созданным для перевозки больших грузов, какими не обладали Морские Короли. Перед Кильвером был люк; крепящие его веревки были крепко завязаны и запечатаны большой, размером с ладонь, печатью. Когда Кильвер встал на колено, чтобы осмотреть изображение печати, Тэм-син ничуть не удивилась, увидев то, что Пигоус нарисовал им.

Кильвер жестикулировал, отдавал приказы, но Тэм-син не могла их слышать. Люди вылезли из лодки и пошли парами с

оружием в руках обыскивать судно. Сам Кильвер отправился в офицерское помещение.

Там стоял стол, привинченный к полу для безопасности во время шторма, стул, скамейка и у дальней стены койка, покрытая малиновой тканью с пятнами от соли. На полу валялся кувшин. Была стойка для мечей — все было на месте; под ней — стенд с двойными абордажными топорами. Но не было и признака кого-либо живого, кроме Кильвера и его людей. Люди приходили попарно с рапортами. Тэм-син по его лицу видела, что он не узнал ничего, кроме того, что уже сообщил Пигоус: корабль пуст.

Однако угроза, которую Тэм-син чувствовала в приступе паники, все еще скрывалась там: Тэм-син из последних сил держала связь. Ей показалось невероятным, что она никого не видит сидящего в засаде, хотя *оно* было более субстанцией, нежели тенью. При всех ее стараниях она не могла зацепиться ни за что конкретное, только знала, что *оно* присутствует там.

Отрапортовала последняя пара. Кильвер сидел, поставив локти на стол и подперев кулаками подбородок. Затем он заговорил, но Пигоус, похоже, с ним не соглашался и что-то оживленно доказывал, но Кильвер резко оборвал его. Глядя мимо капитана, он указал на двух ожидавших воинов; Тэм-син знала их как давних соратников лорда. И в ответ они подняли в салюте обнаженные мечи.

Пигоус снова начал было протестовать, но по приказу Кильвера вышел из каюты. С ним вышли и остальные, кроме выбранных лордом воинов. Тэм-син догадывалась, каковы были приказы Кильвера: он решил сам остаться на борту судна, чтобы найти разгадку тайны. Ее снова захлестнула паника, талант ее ослабел и вернул ее в башню, к новому сражению со страхом.

На сей раз борьба была более продолжительной. Возможно, ее воля несколько ослабла в первой встрече со страхом. Но она мужественно боролась, как могла. Когда же она наконец-то дотянулась до Кильвера, в каюте было темновато. Два корабельных фонаря, стоявшие на столе, светили слабо, освещая лишь небольшой участок. Кильвер сидел на стуле. На столе перед ним лежал не только обнаженный меч, но и два двойных топора. Стойка с мечами теперь опустела. Как видно, Кильвер взял оружие, чтобы никто не смог тайно вооружиться.

Он сидел в позе прислушивающегося, но Тэм-син была уверена, что он не слышит ничего подозрительного, а только ждет, что таковое проявится само. Время от времени он открывал рот и, по-видимому, окликал своих людей, стоявших на страже за дверью каюты.

Время тянулось бесконечно. Свет фонарей стал мигать. Иногда Кильвер вставал и прохаживался по каюте. В таких случаях он брал меч, как если бы не хотел быть неожиданно захваченным врасплох неизвестными врагами.

Внезапно он закричал, метнулся к столу и схватил в левую руку топор, а затем прыгнул в тень, куда не доходил свет фонарей. Но выбежал ли он на палубу?

Наверное так, потому что Тэм-син увидела занавес тумана; это был не обычный туман: в нем мелькали мелкие искорки, которые летали взад и вперед, точно насекомые. И сквозь туман просвечивало что-то темное, шатающееся. Темная фигура человека упала как раз, когда Кильвер вломился в толщу тумана. Он сделал второй прыжок, встал одной ногой по другую сторону упавшего тела, его меч был готов разить, а голова слегка наклонена, как будто он пытался что-то разглядеть.

В этот момент ужас, дважды изгнанный Тэм-син, снова ударил ее с полной силой. Она скатилась во мрак абсолютного ужаса, она ничего не смогла видеть и не имела никакой надежды вообразить. Так было до тех пор, пока наконец она не перестала вообще что-либо понимать и осознавать.

Глава шестая

— Леди!

Звали откуда-то издалека. Она не хотела слышать. Здесь была безопасность...

— Леди!

Тэм-син постепенно стала осознавать свое тело, но еще не хотела открывать глаз. Ее память поворачивалась к последнему мысленному изображению лорда, окутанного туманом с искрами дьявольского света. Но на ее плече лежала рука, и голос настойчиво окликал ее в третий раз!

— Леди!

Тэм-син нехотя открыла глаза. Алтама, ее горничная, на-

клонилась над ней, и на лице ее была написана дурная весть. За ее плечом Тэм-син увидела Фоллана. То, что старейшина пришел в ее личные покои, доказывало, что произошло нечто страшное.

Тэм-син села.

— Наш лорд, — резко сказала она, — стоит перед лицом опасности.

— Леди, — сумрачно ответил Фоллан, — птица принесла известие, что когда лорды Лохрисса и Лохака прибыли на место встречи, наш лорд исчез с двумя своими людьми, а покинутый корабль дрейфует пустой.

— Он не умер!

— Леди, они обыскали корабль-призрак. И не нашли никого, никаких признаков жизни.

— Он не умер, — резко повторила она. — Я бы узнала об этом, старейший. Когда к одному из мысленно связанных приходит смерть, другой испытывает такой шок потери, что ошибиться нельзя. Я была на связи, когда наш лорд вступил в бой...

— В бой с кем? — быстро спросил Фоллан. — Что ты видела, леди?

— Ничего... ничего, кроме тумана с кружащимися искрами света. Но этой энергии я не знаю. И я оказалась отрезана...

Фоллан покачал головой.

— Леди, известия слишком ясны. Наш лорд ушел от нас, живой или мертвый, но ушел. Теперь настал день Райса, потому что, получив известие, он потребовал регентства. Человек с неполноценным телом не может править, но он может держать власть до тех пор, пока по прошествии времени наши люди наконец не признают, что наш лорд действительно умер.

— Но я скажу, что наш лорд жив.

— Леди, кто из людей, связанных с Райсом, захочет слушать тебя? Они будут уверены, что ты просто хочешь править здесь. Райс много говорил за последние часы. Он говорил, что ты навела чары на нашего лорда при вашей первой встрече и из-за этого колдовства Кильвер пошел на смерть. И он выдумал такую басню, что те, кто не имеет твоего таланта, могут ей поверить.

Тэм-син провела языком по внезапно пересохшим губам. Да, она видела логику в выдумках Райса, но что она могла про-

тивопоставить ей? Она была Певицей Волны, это верно, но те, кто не имел такого дара, из зависти имели сомнения.

— Что он хочет сделать со мной? — прямо спросила она Фоллана.

— Леди, за твоей дверью уже стоят два стража. Не знаю, что у него на уме, но, во всяком случае, ничего хорошего не жди.

— Однако ты пришел предупредить меня.

— Леди, я знал тебя с того дня, когда мой лорд посватался за тебя. Ты его избранница, и, по-моему, ты никогда не сделаешь никому зла. Ты сейчас сказала, что мой лорд жив, но где же он?

Он подошел ближе, пристально глядя ей в глаза. В его взгляде было что-то свирепое. Так смотрят на человека морские орлы.

— Я не знаю, но уверена, что он жив. И теперь я должна... идти искать его. Мы были мысленно связаны; на борту этого дьявольского корабля должен остаться какой-то след, и я могу найти его. Но я не могу сделать это отсюда. А ты говоришь, что за дверью стражники... — Она быстро поглядела на служанку. — Алтама, ты хочешь послужить мне?

— Леди, я твоя женщина, — просто ответила горничная. — Твое желание — мое дело.

— Стражники пропустят тебя?

— Думаю, да, леди. Только сначала удостоверятся, что я не несу никакого послания.

— Что ты задумала? — спросил старейшина.

— Это моя единственная надежда. Фоллан, ты всегда был предан моему лорду. Каков же ты по отношению ко мне?

— Ты говоришь, что наш лорд не умер и что твой талант может отыскать жизнь и отделить ее от смерти в таком деле? Леди, я с тобой. Что ты задумала?

— Вот что. — Она снова взглянула на Алтаму. — Я могу силой своего таланта стать похожей на Алтаму. Ненадолго, но надеюсь, что смогу выйти отсюда. А чтобы Райс не обвинил ее в моем побеге, я привяжу ее к этой кровати. Ты согласна, Алтама?

Служанка энергично закивала:

— Леди, если ты можешь сделать такое, то делай поскорее. Женщины здесь о многом шепчутся, и некоторые недомогают от страха... Теперь власть в руках Райса, а он боится

и ненавидит тебя. Но куда ты пойдешь? Ни один корабль не выйдет отсюда без ведома тех, кто тут же доложит о тебе лорду Райсу.

— Меня не будет ни на одном корабле. И, Алтама, если я ничего не скажу тебе, они не смогут выдавить из тебя ответ. Говори всем, что ненавидишь меня, что я тронулась умом из-за гибели своего лорда и ты уверена, что я пошла по темной дороге самоуничтожения из-за любви к нему и в страхе перед Райсом. Мысль, что я настолько боюсь его, будет ему так приятна, что он услышит только это.

Она встала. Фоллан туго связал запястья и лодыжки Алтамы и забил ей в рот тряпку, но так, чтобы она могла ее вытолкнуть и позвать на помощь стражников.

Тэм-син надела юбку служанки, постояла некоторое время с закрытыми глазами, призывая иллюзионный талант, чтобы стать той, кем она не была. Услышав возглас Фоллана, она открыла глаза.

— Леди, если бы не видел сам, я сказал бы, что этого не может быть.

— Я не могу держать иллюзию долго, — заметила она. — Проводи меня в бухту, где роются в штормовых наносах.

— Это я могу обеспечить, — спокойно ответил он.

Итак, в облике Алтамы Тэм-син пошла по коридорам, почтительно держась в двух шагах позади старейшины, который прошел мимо стражи, будто ее не было. Он и Тэм-син спустились по узкой лестнице, потом по более широкой и вышли на открытое место. Теперь она слышала, как перекликались женщины, занятые разборкой даров шторма на берегу. Тэм-син поспешила обогнать старейшину, как будто что-то раньше удерживало ее от этой охоты за сокровищами, и теперь она жаждала добраться до обломков, а поскольку вблизи входа в башню все было расчищено, ей нужно было бежать дальше.

Они поднялись на груду камней, омываемых волной. Фоллан последовал за ней.

— Леди, здесь нет корабля, чтобы уплыть отсюда.

Она кивнула:

— Я знаю, старейший, но у меня есть свои возможности. Они приведут меня туда, где исчез мой лорд. — И она пошла дальше по камням, над которыми летели брызги, омывая их поверхность.

Когда Тэм-син добралась до последнего камня, она посмотрела вниз, а затем назад, на Фоллана.

— Старейший, а что сделает Райс, когда узнает, что ты поддержал меня?

Фоллан криво улыбнулся:

— Ничего. Я был свидетелем, как ты в помрачении ума отдала себя Морю, нашей Матери. Но будь уверена, миледи, Райсу будет нелегко управлять ЛохНаром, законно или нет. Ему я не окажу никакой поддержки.

— Добрый друг, — сказала Тэм-син, неуверенно улыбнувшись. Фоллана нелегко было понять, но то, что он сделал для нее, выглядело почти по-родственному. — Скажи, что захочешь, но, по возможности, не правду.

Она расстегнула юбку, и на ней остался только пояс с длинным ножом, подаренным ей Кильвером при их обручении. Затем она повернулась лицом к морю и, приложив руки трубкой ко рту, послала высокий звенящий зов. Три раза она звала, и на третий увидела вдали что-то, появившееся на секунду над волнами, и отметила, что ее услышали и ответили.

Страшно довольная, Тэм-син скользнула в объятия моря, выбрав момент, чтобы ее не бросило волной о скалы, и поплыла. И очень скоро те, кого она звала, присоединились к ней по обеим сторонам; их округлые голубоватые тела были видны только наполовину. Она положила руки им на спины, а затем ее рука была ласково зажата пастью, вооруженной крупными зубами, но это оружие никогда не будет угрожать той, кто знает тайну вызова. Теперь ее тянули вперед со скоростью, равной которой не было ни у одного из пловцов, даже у Морского Народа. С теми, кто служил ей, она не нуждалась в корабле, чтобы достичь Рифов.

Глава седьмая

Временами Тэм-син плыла сама, а локсы держались рядом, готовые помочь, когда она устанет. Слабый солнечный свет исчез, и небо, когда бы Тэм-син ни поднималась на поверхность для обозрения, имело глубокий пурпурно-красный цвет заката. Водный мир, по которому она плыла, был знаком ей, как собственная комната в улье мастеров сна, из которого

пришла другая ее половина. Иногда мимо проплывали темные фигуры, но ни одна не поворачивала к ней, видя охраняющих ее локсов.

Они были существами высокого интеллекта, но образ их мышления настолько чужд человеческому, что общаться с ними трудно, и общение это поневоле сильно ограничивалось. Они знали, куда она спешит, и поэтому не спрашивали у нее объяснения.

Взошла луна, и подводные спутники снова понесли Тэм-син. Затем появились еще два локса, сменяя прежних, чтобы тоже помогать ей.

Она проголодалась и хотела пить, но о подобных желаниях сейчас следовало забыть. Теперь бы ей добраться до Рифов, там она может ослабить несгибаемую волю, которая управляла локсами и несла ее вдаль.

Тэм-син казалось, что она плывет бесчисленные часы. Затем, поднявшись на поверхность, она увидела темную массу корабля. На секунду ей показалось, что это корабль-призрак, но тут она услышала звук гонга, пронесшийся над водой, и поняла, что это сторожевое судно Морского Народа.

Сейчас Тэм-син не имела желания обнаружить какой-нибудь корабль, кроме того, зловещего и дрейфующего в море тумана. Если она случайно наткнется на корабль Кильвера, то вполне может быть, что среди команды есть люди Райса. Она нисколько не сомневалась, что тот имел на борту своих шпионов. И если она попытается приветствовать боевые корабли Лохака и Лохрисса, результат может оказаться таким же. Следовательно, ей нужно идти к Рифам и ждать шанса отыскать ловушку, захватившую отряд Кильвера.

Локсы взяли в сторону, отводя Тэм-син подальше от корабля. Поскольку плыли они под водой, ночью никто не мог их заметить. А затем перед ними выросли скалы, и девушка поняла, что добралась к подножью стены, чей зазубренный верх образовал поверхность Рифов. Отпустив локсов, она медленно поплыла туда. Цепляясь за выступы руками и ногами, Тэм-син вышла из волн в ночной воздух, такой холодный, что у нее захватило дух, пока она добралась до зазубренной вершины. Держась ниже гребня, чтобы движения ее тела не привлекли внимание какого-нибудь остроглазого наблюдателя, она глубоко дышала, снова набрала воздух в легкие и прекратила действие жабр.

С этого места она видела свет трех кораблей. Они, видимо, стояли на якоре. Тумана не было, и Тэм-син подумала, что судно-призрак само производило туман, чтобы скрыть зло, явно обитающее там.

Сейчас глаза не могли ей помочь, и ей следовало искать с помощью своего таланта, искать сквозь покров ночи то сознание, с которым могла связаться. Сначала она обнаружила чью-то слабую внутреннюю и внешнюю структуру, но не стала пытаться прояснить ее: это были мысли локсов, не представлявшие для нее ценности. Все дальше, все шире закидывала она сеть поиска, надеясь найти хоть слабую искру, которая поведет ее к Кильверу, но не находила.

Она дошла почти до границы, какую имеет такой поиск, если он не питается связью. Затем сжала руки в кулаки и повернула голову к северу. Собрав всю свою силу, она повела поиск в том направлении.

Нет, настоящей связи не было. Она нашла только как бы обрывок нити вместо целого куска ткани. Но и этого было достаточно: теперь она знала, что поле ее поиска лежит в том направлении. Ободренная Тэм-син снова скользнула в воду, где ее встретили локсы, не ожидая вызова.

Теперь их было уже шестеро. Локсы вообще очень любопытны, особенно в том, что касается людей. Хорошо известно, что они часто сопровождали Морской Народ на расстоянии и просто наблюдали за действиями людей. С Тэм-син они сблизились только потому, что она пользовалась древним призывом. Теперь они плыли рядом с обеих ее сторон, и ее уши улавливали лишь слабые отзвуки их визгливых криков, которые, как и их мысли, то быстро входили в сферу улавливания ее сознания, то уходили. Гладкие тела локсов, вдвое длиннее тела Тэм-син, составляли устрашающее кольцо защиты, и они будут таким образом охранять ее, пока она не доберется до цели, — что, собственно говоря, могло и не произойти.

Поскольку локсы плыли под водой и тащили Тэм-син со скоростью, которую они без труда достигали, она перестала думать о своем пути и сосредоточила все свои мысли на определении следа, который завлек ее сюда.

Она знала, что это не было настоящей связью. Всего лишь возможность ощущать легкую тень вместо человека. Но Тэм-

син знала, что ошибки нет и что какая-то форма контакта с Кильвером существует.

Однако по мере приближения контакт не становился сильнее, как она надеялась. В конце концов она ослабила связь с локсами и всплыла на поверхность. Над ней...

Сердце ее подпрыгнуло от смеси торжества и страха. Туман лежал тяжелыми складками, скрывая поверхность моря, так что она не могла бы сказать, где восток, юг, запад или север. Локсы высунули морды из воды и смотрели вдаль. Тэм-син еще раз постаралась наладить контакт с ними и получила слабое подтверждение. Туман не был преградой для морских созданий: за ним находилось что-то, сделанное человеком.

И это мог быть только корабль-призрак. Тэм-син напрягла волю и послала желание — подойти к скрытому туманом темному пятну. Но, к ее удивлению, локсы в первый раз отказались помогать ей.

Она чувствовала их протест, хотя и не могла слышать их ультразвуковых голосов или же встретиться с ними мыслью. То, что качалось на волнах в тумане, почему-то их пугало.

Ее это тоже пугало. Но она решительно поплыла вперед, зная, что локсы идут вокруг нее на расстоянии, пытаясь отвести ее обратно от этой, по их понятиям, опасной территории. Только ее сила воли заставила их, хоть и неохотно, не препятствовать ей. Теперь они уже не шли по ее бокам, а тянулись сзади, и расстояние между ней и ими росло. Локсы решительно никого не боялись в море, и Тэм-син это знала. Их теперешнее недовольство служило предупреждением, что она сознательно делает безумный шаг.

Туман был таким плотным, что казался стеной, задерживающей ее. Она нырнула под воду, чтобы не видеть этой стены. Вперед, вперед, к фосфоресцирующей линии, которая могла быть только килем корабля. Это свечение само по себе было предупреждением, потому что исходило от раковин существ, которым лучше жилось на дереве, долгое время омываемом солеными волнами, и такое большое скопление их означало, что судно в море очень давно и его корпус никогда не очищался.

Тэм-син держала курс прямо на источник тусклого света. Она знала, что локсы остались далеко позади, и все ее мысли направлялись теперь на то, как ей подняться на борт. Ей это

может удаться только в том случае, если где-нибудь свешивался с борта канат.

Поднявшись на поверхность, она подняла голову и поплыла стоя, касаясь рукой обшивки судна. Никакой веревки не было; может, якорная цепь?

Она подплыла к корме и увидела цепь, даже услышала, как она трется о дерево, и уж отполировала его и очистила от ракушек и водорослей. Якорь исчез, но цепь осталась и висела достаточно близко к воде, чтобы Тэм-син, сделав рывок вверх, схватилась рукой за полуоткрытое звено.

Лезть было очень трудно, но Тэм-син все же добралась до отверстия, откуда выходила цепь. Отверстие было слишком мало даже для ее очень гибкого тела, но она нашла, за что ухватиться над этим отверстием, и, едва дыша от усилий, наконец перевалилась через расщепленные поручни на палубу. Туман скрывал все. Она стала прислушиваться — не сознанием, а ушами.

Глава восьмая

Здесь была жизнь, и Тэм-син чувствовала ее. Но жизнь была чужой, как локсы; и она перекрывала и почти заглаживала следы Кильвера. В одном Тэм-син была уверена: она ничего не найдет ни в общих каютах, ни в коридорах судна. Там поиски были произведены добросовестно, не осталось ничего, что человек мог бы найти.

Но что-то здесь жило...

Босые ноги Тэм-син бесшумно ступали по палубе. Нож был наготове. Она достала его просто инстинктивно, хотя знала, что скрывающееся здесь зло нельзя убить никаким ножом.

Если не на корабле, то где же?

Клубящийся туман окутал почти всю палубу, за исключением того, что было непосредственно перед Тэм-син. И как она ни прислушивалась, но не слышала ничего, кроме плеска волн о борт судна и скрипа качающейся взад и вперед якорной цепи.

Что-то темное виднелось в тумане. Тэм-син медленно подошла. Это был всего лишь край запечатанного люка. Опершись левой рукой о край, она ощупала широкий квадрат, опутанный веревками. Это было единственное место, которое не обыскали те, кто попал в ловушку дьявольского судна.

Поскольку веревки были туго связаны и выглядели неповрежденными, к тому же там стояла печать, никто из поднявшихся на борт не подумал дважды. А ведь это единственное место, где могло скрываться то, что и делало корабль угрозой.

Тэм-син потянулась к печати. Даже при тусклом свете, который был как бы частью тумана, видна была эмблема Дома, которым в реальном мире правил Старрекс.

Тэм-син встала на колени на мокрую от сконденсировавшегося тумана палубу. Откуда-то повеяло холодом. Она вздрогнула, взялась за печать, покрывавшую узлы веревки, и дернула.

Ей показалось, что перекрещивающиеся веревки подались. Она дернула сильнее. Печать свободно соскользнула, и концы веревки рассыпались сами собой. Значит, люк не был по-настоящему запечатан — была просто видимость.

Она торопливо работала, открывая задвижки люка. Хватит ли у нее сил поднять крышку — это был другой вопрос. Крышка была двухстворчатой, со щелью в середине. Зажав нож в зубах, Тэм-син запустила пальцы в щель и потянула изо всех сил.

Она чуть не потеряла равновесие, потому что створки поднялись очень быстро, точно были много легче, чем выглядели, или же там была какая-то пружина, помогавшая им открываться.

Снизу вырвался свет, бледный, зеленоватый и удивительно противный. Вместе со светом поднялась вонь, подобной которой Тэм-син в жизни не встречала.

Она отшатнулась в ожидании, какой еще ужас покажется оттуда. Но ничего более не исходило, кроме света и запаха. Зажав нос, Тэм-син снова подошла к отверстию и заглянула внутрь, хотя все ее предостерегающие чувства и даже кожа противились этому.

Она не сразу поняла, что видит, так это было страшно. Но она заставила себя осмотреть все, что там было, и зафиксировать в своем мозгу.

Прямо в центре внизу стоял длинный ящик или сундук. И в нем лежал человек. На его голове покоился сияющий шар, от которого исходило зеленоватое свечение.

С каждой стороны открытого сундука были навалены тела... Тэм-син прижала руки к губам, чтобы удержать вопль. Некоторые из тел лежали там, по-видимому, очень давно, потому что их пергаментная кожа прилипла к костям: оболочка

того, что было некогда человеком. У самого сундука, близ его изголовья, лежал Кильвер! И с ним его оруженосцы. Они лежали позади трех других, видимо, людей Пигоуса; по их ввалившимся и широко раскрытым глазам она решила, что они мертвы.

Кильвер! Ее настойчивая мысль пробилась в сознание полуживого тела. Полуживого, но не мертвого.

Но как могла она освободить его из этой ужасной тюрьмы?

Она схватила веревки, свисающие с люка, связала их вместе, чтобы они стали длинными. Она еще не понимала значения увиденного ею, но была уверена, что у Кильвера осталось очень мало времени.

Тэм-син закрепила веревку за поручень палубы и проверила каждый узел, возвращаясь вдоль своей импровизированной лестницы к люку.

Теперь перед ней встала нелегкая задача — спуститься вниз самой и придумать, как вытащить Кильвера и его людей, если они еще живы. Требовалась вся ее решительность, чтобы начать этот спуск по веревке.

Когда она встала над Морским Королем, то осознала, какая страшная сила исходила из этой ужасной ловушки. Она чувствовала что-то страшно сытое, шевелящееся во сне от пресыщения... Ее тоже могли схватить... и она должна была воспользоваться тем, что в данный момент *оно* было сыто!

Она наклонилась и взяла меч Кильвера. Он был много тяжелее ее кинжала, и она неумело подняла его, так как никогда не училась пользоваться подобным оружием. Свет стал ярче. Она взглянула на шар: в нем что-то крутилось.

Это было что-то живое!..

Что-то приближалось к ней, обхватывало ее крепко, как бы желая задушить, вытягивало воздух из ее легких, оставляя только тошнотворную вонь. Оно хотело взять ее!

Она схватила Кильвера за плечо и потрясла. Искра жизни еще тлела в нем, она это знала. Он должен проснуться, помочь самому себе. Потому что теперь она встретилась с силой, далеко превосходящей те силы, с которыми она когда-либо сталкивалась во сне или наяву.

— Кильвер, — выкрикнула она, почувствовав, что он слабо шевельнулся. Тэм-син не могла подтащить его к веревке: он был слишком тяжел для нее. Он слегка качнулся к ней и

прижал ее к сундуку. Она в первый раз увидела лицо человека, лежавшего в нем, увидела и... узнала.

Кас! Спал ли он или был мертв и вытягивал жизненную силу из других?

Шар пульсировал ярким светом. От лежащего тела исходила надменная самоуверенность. Это существо никогда не знало поражений, оно захватывало свои жертвы, и ни одна из них не могла противостоять ему. Тэм-син призвала все свои силы мастера снов. Существо не было человеком, насколько она понимала, оно намного превосходило ее знания... Но ей надо найти Каса, лежащего здесь... Почему-то это укрепило и усилило ту часть ее мастерства, которая тоже никогда не знала поражений.

Интересно: шар сам питался или кормил охраняемого им человека? На теле Каса не было и следа разложения. Ей показалось даже, что грудь его поднимается и опускается в очень медленном дыхании.

Шар...

То, что жило в нем, стало сильнее, оно было готово победить ее. Тэм-син повернула меч. Остро зазубренные края больно врезались в ее плоть, когда она подняла его и ударила рукояткой по шару.

Шар не разлетелся, как она надеялась, но от удара свет злобно закружился, и она пошатнулась от ответного злобного усилия. Она ударила во второй раз. Лезвие стало липким от крови из порезов на ее руках.

Разбить его не удается. И через секунду его сила возьмет верх над ней. Что же...

Тэм-син снова повернула оружие. У нее оставалась только секунда, и в это время пришла страшная догадка. Держа меч как можно крепче, она нацелила его острие прямо в грудь лежащего в сундуке человека. Другого выбора у нее не было...

Глава девятая

Раздался воющий звук, но не из горла Тэм-син — в основном потому, что она в этот момент не могла издать ни звука. Она качнулась и упала на груду тел, отчаянно цепляясь за гаснущую искру своей жизни.

Вой был мукой для ее ушей, а свет слепил глаза. Она слабо застонала. У нее не оставалось сил, она только терпела, сколько могла.

Рядом возникло движение.

Получив ответный удар энергии, она уже не знала, поразила она человека в сундуке или нет.

Каким-то образом Тэм-син собрала в себе последние остатки сил. Она боролась, чувствуя отвращение к тому, что лежало внизу, вокруг нее. Свет больше не терзал ее залитые слезами глаза: он мерцал в шаре, как если бы тот тоже был при последнем дыхании.

И та страшная ненависть, которая ударила ее, исчезла. Тэм-син положила руку на сундук, вцепилась пальцами в его края и только тогда смогла наконец встать.

В шаре металось что-то, как раненая змея. Тэм-син жалела, что у нее нет ни топора, ни сил, чтобы ударить по шару, безжалостно и беспрепятственно.

— Тэм-син!

Хотя вой утих, она едва расслышала свое имя. Затем заглянула в сундук. Меч Кильвера торчал рукояткой вверх, войдя между ребрами спящего. Но это был уже не спящий... Плоть его сморщилась, кожа плотно прилипла к костям.

— Тэм-син!

Пока она боролась с тошнотой, ее плечи обняли сильные руки.

— Кас, — она дрожащей рукой указала на то, что выглядело теперь давным-давно умершим человеком.

Злоба. Невероятная злоба. Бессильная злоба. Хотя Тэм-син чувствовала обнимавшие ее руки, но не могла отвести глаз от шара. Он уже не был безукоризненно правильной сферой света, а выгнулся так, будто нечто, жившее в нем, выбиралось на свободу.

— Уйти, — с трудом выговорила она. — Уйти...

Рука потянула ее от шара, от сундука, ближе к веревке. Зеленоватый свет в шаре все еще корчился, но его попытки бороться стали слабее. Руки повернули Тэм-син к веревке лицом и подняли ее тело над полом. Едва сознавая, что она делает, Тэм-син вцепилась в веревку. Но у нее совсем не осталось сил, и она не могла лезть наверх.

— Лезь, Тэм-син!

Резкий приказ пробился сквозь ее заторможенность и вызвал слабое стремление к неповиновению. Кто-то был рядом с ней и заставлял ее подниматься. Каким-то образом она все-таки поднялась и упала на палубу. Встать у нее уже не было сил.

— Лежи! — снова резкий приказ. — А я пойду за Травендом и Лотаром.

Веки ее опустились. Она никогда не была такой обессиленной. То, что билось в шаре, похоже, вытянуло из нее всю энергию. Но она теперь не беспокоилась об этом, с нее было достаточно и того, что она вышла из этого кошмарного места на морской ветер.

Тэм-син повернулась, чтобы видеть люк. Веревка была туго натянута и слегка подергивалась.

Над краем люка показалась голова, и на палубу выбрался мужчина.

Кильвер. Она даже не поверила, что видит его. Слишком она обессилила...

Он повернулся и стал тянуть веревку, пока не показалась вторая голова, бессильно поникшая. Кильвер вытащил неподвижное тело и положил его рядом с Тэм-син, а сам снова исчез в глубине, чтобы вынести второе тело, такое же беспомощное, как и первое.

Следом за спасенным пришел слепящий глаза свет. Из люка вырвалось пламя, словно желая схватить спасителя, который оттаскивал второго человека в безопасное место.

— Пожар! — закричал Кильвер, схватил Тэм-син, поставил на подгибающиеся ноги и толкнул к поручням. — Уходи отсюда!

Она вцепилась в поручни и смотрела, как Кильвер прыгнул к люку с мечом и начал рубить часть его крышки. Затем он подтащил выдержанное сухое дерево к поручням и перебросил в воду. Увидев его на волнах, он повернулся к Тэм-син:

— Прыгай! Я спущу их к тебе, а ты положи их на плот.

Она прыгнула в воду, не приведшую ее полностью в чувства, но все же омывшую тело, и подплыла к импровизированному плотику. Кильвер спустил тела своих боевых товарищей на эту качающуюся на волнах поверхность, прыгнул сам и лег рядом с Тэм-син, придерживая своих людей за пояса.

Туман позади них пылал, как будто тоже был охвачен огнем. Тэм-син тупо следила, как пламя ползет по поручням судна. И что-то, возможно, жар от горящего судна, победило туман, высушило его, как раз в тот момент, когда люди на плоту оттолкнулись от судна.

Кильвер передвинул неподвижные тела на середину плотика.

— Это, — он указал на горящий корабль, — вызовет интерес, его захотят исследовать. Мы можем продержаться здесь до тех пор.

— Пожар! — Тэм-син следила за разрушением призрачного корабля безо всякого волнения. Испытания этой ночи лишили ее способности вообще что-либо чувствовать.

— Существо, бывшее в шаре, — сказал Кильвер. — Его жилище оказалось разбито — вот и результат.

Что-то она должна была сказать ему, но ее мозг не мог сейчас логически мыслить... Что-то важное — но она не могла сосредоточиться.

— Рррууу!

Позади корабля кто-то гудел в раковину-горн. Кильвер встал на колени, осторожно балансируя на качающемся плоту, и послал зов, такой же звонкий, как звук горна. И через мгновение ему ответили криком.

— Тэм-син, — его теплая рука нежно легла на ее плечо, — это идут за нами.

Она не ответила, даже когда он положил ее голову к себе на колени. Сквозь дымку усталости она увидела, что один из тех, кого спас Кильвер, повернул голову и смотрит на своего лорда.

Туман исчез. Тэм-син видела звезды над головой. Горящий корабль ярко светил над волнами. И этот свет прорезал нос другого корабля, идущего к ним.

Тэм-син едва сознавала, как ее подняли на борт и уложили на койку, а Кильвер укрыл ее теплым одеялом и ушел. Он вернулся раньше, чем она полностью осознала, что его нет, и принес стаканчик. Приподняв ее за плечи, поднес стаканчик к ее губам, и она, хоть и услышала запах крепкого вина, слишком устала, чтобы протестовать, и проглотила огненную жидкость.

— Но... это существо, — прошептала она,

Кошмарная мысль возникла в ее мозгу. А что, если это существо, освободив Каса из своего контейнера, будет преследовать их?

— Оно погибло или, во всяком случае, исчезло, — быстро успокоил ее Кильвер — Спи, моя дорогая леди, и знай, что здесь нам ничто не может повредить.

Она позволила уложить себя снова. Когда-нибудь она разберется в том, что произошло, но сейчас она больше не беспокоилась, так как провалилась в сон...

Глава десятая

Серый свет, проникший сквозь иллюминатор, коснулся развалившегося в кресле Кильвера. Его голова была откинута назад, а глаза закрыты. Тэм-син смотрела, как он спит, и приводила в порядок разрозненные воспоминания недавнего прошлого: корабль-призрак и то, что таилось в его трюме. Еще раз она с презрением вспомнила того, кто выглядел спящим под губительным светом того шара.

Кас!

Только потом она поняла, во что могла вылиться ее атака на спящего. Втроем они были связаны этим сном, который существовал, казалось, вне ее контроля. А если Кас умер...

Но она видела своими глазами, что тело, которое, когда она использовала меч, конечно же, сморщилось, уменьшилось до размера трупа, который был мертв не мгновения, но дни, а то и дольше. Мог ли это быть тот же корабль, который появился у побережья Кинквара? Если так, то Кас на этом судне был мертв уже долгое время, или был наполовину жив, охраняемый шаром.

Какова природа странной и пугающей магии этого существа в трюме того корабля?

Кильвер пошевелился, открыл глаза и выпрямился. Затем он быстро взглянул на нее, и откуда-то у Тэм-син нашлись силы улыбнуться.

— Миледи!

Он быстро пересел к ней.

— Милорд!

Ее тронуло его беспокойство. Она почувствовала, что он

нуждается в ней как в опоре, находящейся в самом центре столь многого, чего она не могла понять.

— Ты рискнула отправиться... *туда*.

Он взял ее за руки и слишком сильно их сжал, но сейчас ей и так было некомфортно.

— Когда в этом была столь острая необходимость, разве можно было поступить иначе? — спросила она. — Но, Кильвер, именно твоя сила помогла нам выбраться в конце. Что это было?

Он медленно покачал головой.

— То, что я не могу назвать. Оно... оно *питалось*... жизненной силой тех, кого захватило. И у него было много жертв.

Тэм-син задрожала, вспомнив, что лежало в том гробу. Потом облизала губы. Если он не знает, она должна сказать ему немедленно. И именно это ее и угнетало.

— Кильвер, ты видел, что лежало в гробу?

— Еще один мертвец...

— Не совсем... как я считаю. Только пока я не повернула его твоим мечом. Кильвер, там лежал Кас!

— Кас! — он посмотрел на нее. — Ты действительно видела его?

— Я видела его, знала его. Он не изменился, как ты или я, но его лицо мне было знакомо. И... ты понимаешь, Кильвер... я убила его!

Удивление все еще оставалось на его лице.

— Кас? — повторил он озадаченно. — Но тот корабль, должно быть, находился в плавании долгое время.

Она узнала внезапную слабость, нараставшую в ней по мере осознания того, чему она стала свидетелем. Кас перенесся в этот сон и был в плену у своего двойника — полуживого тела, управляемого существом в шаре! Сознавал ли он, что с ним случилось? Нет, она не могла, не рискнула в это поверить!

Руки Кильвера обнимали ее, прижимая к ее теплому тела, как будто он мог защитить ее даже от ее собственных мыслей... мыслей, вызывавших чистейший ужас.

— Если это был Кас в этом мире, тогда ты не имеешь к этому никакого отношения.

— Но, лорд, мои воля и сила перенесли нас сюда.

— Подальше от неминуемой гибели, — напомнил он ей. — Я не знаю, какой смысл был в корабле смерти. Поскольку шар

старался поддерживать жизнь двойника моего кузена, может, именно он сделал такую ловушку. Должно быть, эти двое были связаны, а когда ты перевернула его, шар взбесился. Независимо от природы, это было убийственное создание. И ты не можешь винить себя ни в чем, Тэм-син.

— Но я перенесла его сюда... к *этому,* — почти прошептала она.

— Ты перенесла нас всех туда, где, на твой взгляд, было безопасно. Кас на этом судне должно быть заключил сделку с этой черной магией, иначе он не был бы связан с этим пожирателем человеческой силы.

— В этом мы не можем быть уверены.

Ей хотелось успокоиться, поверить, что догадка Кильвера верна, но откуда им это знать?

— Я был там, помнишь? — Нежным прикосновением руки он откинул ей со лба волосы. — Я был жертвой, которую искала тварь. Если бы понадобилось принести в жертву полсотни человек и каждый из них был бы моим кровным родственником, то я отдал бы такой приказ, потому что этой нечистой твари не место в этом мире. Она убивала снова и снова, беспощадно и с прожорливостью, одна мысль о которой вызывает тошноту. Живой или мертвый, но именно Кас привязал его к той ловушке. Не думаешь ли ты, что кто-нибудь скажет, что его смерть в этих обстоятельствах была незаслуженной?

— Ты так и не понял... — Тэм-син попыталась вырваться из его объятий. — Кас мертв... Теперь я не могу прервать этот сон. Мы можем никогда не вернуться назад.

Его лицо лишилось всякого выражения, даже глаза, казалось, смотрели вглубь себя. Теперь он знал и не простит ей того, что она сделала, не сможет. Они застряли в этом сне... не будет никакого возвращения на Ти-Кри, где он правил королевством небесной башни.

— Это правда? Ты уверена? — Он задал вопрос спокойный тоном, лишенным, как и его лицо, эмоций.

— Да, это так, — ответила она безутешно.

Она ненавидела Каса за то, что тот пытался сделать, за его замысел увидеть, как Старекс умирает во сне, который она сама создала. Но она должна была оберегать его, насколько могла, чтобы они могли вернуться.

— Что ж, да будет так!

Кильвер улыбался, а его лицо светилось, как никогда лицо Старрекса.

— Неужели ты не помнишь, моя Тэм-син? В Ти-Кри я был всего лишь наполовину человеком, связан с телом, которое более мне не подчинялось. Как Хаверел я был наполовину человеком в другом смысле, из-за мысленного малодушия, с которым я бы долго не прожил. Но здесь, — он гордо поднял голову, — у меня есть то, чего я так жаждал! Неужели ты думаешь, что прошлое лучше настоящего? Вовсе нет. Я повелитель ЛохНара, и у меня есть моя леди. Если Кас мертв, то давай примем этот факт и повернемся лицом к будущему. Смотри. — Он аккуратно поднял ее на руки, поправил одежду и перенес к иллюминатору.

Солнечный свет коснулся верхушки волн. Темное тело выпрыгнуло из воды, на мгновение зависло в воздухе, остроносая морда повернулась в ее сторону, и Тэм-син не сомневалась, что локс увидел и узнал ее.

— Тэм-син, это еще один день. Мы выбрались из ночи туманов в день, который нам дан для жизни... и мы так и сделаем. Ты сожалеешь о прошлом?

— Нет!

И она не сожалела. Она была мастером снов, но даже если это был сон без реальности, в ловушку которого они теперь полностью попали, ее это больше не беспокоило. Возможно, ее реальное тело и лежало в башне Ти-Кри, она отказывалась верить в его реальность... не сейчас. Она была Тэм-син, а он был Кильвером, а не Старрексом, и они оба были свободны не просто следовать извилистому пути запланированного сна, а жить. Она счастливо засмеялась, пока губы Кильвера не накрыли ее и не наступило еще одно блаженство.

Часть третья

УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕГО СНА

У каждого мира свои правила, законы и обычаи. Итлотис Сб Нат полагала себя сыскным агентом, хорошо умеющим справляться с подобными барьерами и препятствиями в проведении встреч. Но внутренне она признавала, что никогда еще не встречалась с такой проблемой.

Хотя она не сидела в шезлонге, который автоматически предоставил бы ее телу максимум удобств, но надеялась, что создала у женщины, сидевшей напротив, впечатление, что она полностью расслабилась и уверена в себе во время их беседы. В том, что эта... эта Фустмэм упряма, не было ничего нового. Итлотис умела управлять как человеческим, так и псевдочеловеческим антагонизмом. Но сама ситуация создавала препятствия и не допускала продолжения.

Она по-прежнему улыбалась, когда медленно и четко излагала свое дело уже, кажется, в двадцатый раз за эти два дня. Терпение было лучшей добродетелью агента, оно служило одновременно щитом и оружием.

— Джентльфем, вы видели полученные мною распоряжения. Вы признали, что они весьма разумны и вызваны необходимостью. Вы сказали, что Ослан Сб Атто — один из ваших теперешних клиентов. Мои инструкции содержат приказ поговорить с ним. Время не терпит, он должен как можно скорее узнать о положении в своем родовом поместье. Это чрезвычайно важно не только для его будущего, но и для будущего других. Мы не отправляемся на другие планеты иначе как с одобрения Верховного Совета.

Выражение лица ее собеседницы не менялось. Двадцать Волос Инга! Итлотис могла с тем же успехом обращаться к за-

писывающему устройству или даже к изъеденной временем стене позади Фустмэм.

— Тот, кого вы ищете, — голос женщины был безжизненным, словно она была в трансе, но глаза были настороженные, живые, хитрые, — лежит в комнате сна. Я сказала вам правду, джентльфем. Спящего тревожить нельзя. Это опасно как для вашего соотечественника, так и для самого мастера. Он заказал сон на неделю, выдал свои собственные ленты для инструктажа мастера. Сегодня только второй день...

Итлотис подавила желание ударить кулаком по столу и зарычать от злости. Она слышала эти слова, или подобные им, уже в шестой раз. Даже двухдневная отсрочка — и она не отвечает за успех своей миссии. Ослана Сб Атто *необходимо* разбудить, сказать ему о ситуации на Бинольде, а затем увезти его на первом же звездном корабле.

— Он, без сомнения, просыпается, чтобы поесть, — сказала она.

— Мастера и ее клиента питают в таких случаях внутривенно, — ответила Фустмэм. Итлотис показалось, что она слышит нотку торжества. Она, однако, не была готова так легко принять поражение.

Итлотис наклонилась и коснулась пальцем одного из зеленых дисков, которые разложила на столе. Ее полированный ноготь щелкнул по этому лучшему из удостоверений, на которое мог надеяться агент. Даже если этот диск сделан в другом месте, не местным агентством, уверившим, что никогда не вмешивается в местные дела, все равно вид его открывал все двери в этом городе Ти-Кри.

— Джентльфем, будьте уверены, что я не собираюсь просить вас о каких-либо действиях, способных нанести вред мастеру или ее клиенту. Но я знаю, есть способ прервать такое сновидение... если другой человек войдет в этот сон, чтобы передать важное сообщение клиенту.

В первый раз тень хоть какого-то выражения мелькнула на мрачном, с резкими чертами, лице женщины, которая могла бы служить воплощением той архаичности, какую Итлотис видела в этой части старого города, где никогда не вздымались небесные башни.

— Кто... — начала Фустмэм и тут же поджала губы.

В Итлотис вспыхнула искра возбуждения — она нашла ключ!

— Кто сказал мне об этом? — докончила она невысказанный вопрос. — Какое это имеет значение? Мне иногда бывает необходимо знать подобные вещи... Но это можно сделать? Да или нет?

Женщина очень неохотно чуть заметно кивнула.

— Конечно, — продолжала Итлотис, — я доложила представителям Совета о том, что собираюсь сделать. Они пришлют врача, чтобы мы могли быть под квалифицированным наблюдением.

Фустмэм снова стала бесстрастной. Если она восприняла этот намек как угрозу или предупреждение, то не подала виду, что предполагаемое недоверие Итлотис ей неприятно.

— Этот метод не всегда дает положительный результат, — сказала Фустмэм. — Аннота — наш лучший А-мастер. Я теперь не могу равняться с ней в мастерстве. Не занята сейчас только... — Она, видимо, включила какой-то сигнал, потому что на стене напротив загорелась панель с символами, непонятными инопланетному агенту. Фустмэм изучала их довольно долго.

— Вы можете использовать Элоуд. Она молода, но многообещающа, и однажды ее использовали как мастера вторжения.

— Отлично. — Итлотис встала. — Вызову врача, и мы вторгаемся в тот сон. И ваше сотрудничество будет достойно оценено, Фустмэм. — А про себя подумала: «Но при этом и все твои оттяжки тоже зачтутся».

Она так радовалась своей победе, что, только войдя в комнату вместе с прибывшим врачом, осознала, что лезет в жуткую авантюру, с какой не сталкивалась в своих предыдущих назначениях. Одно дело — выслеживать дичь по нескольким планетам необитаемой галактики, что ей приходилось делать уже не раз, и совсем другое — искать ее во сне. Это было нечто новое в ее практике. Она не думала, что эта идея так уж ей нравится, но и отказаться теперь было немыслимо.

Мастера снов в Ти-Кри пользовались всеобщей известностью. Работая в очень древнем улье под руководством Фустмэм, они творили воображаемые миры и приключения и могли разделить их с любым, кто оплачивал их высокий гонорар. Некоторых мастеров на долгий срок арендовали семьи

высшего класса, живущие в небесных башнях, где их услугами пользовались для развлечения кого-либо или всего домашнего клана. Другие оставались в улье, и клиенты приходили к ним сами.

Клиент, мысленно сплетенный с мастером, входил в мир, казавшийся ему совершенно реальным. И творения А-мастера были теперь модными и дорогостоящими.

Итлотис оглядела комнату, в которой лежала затерянная в своем сне ее добыча.

Здесь было две кушетки. Фустмэм руководила приготовлением еще двух, которые едва могли вместиться в комнате. На одной лежала девушка, худая и бледная, и волосы ее покрывал металлический шлем, соединенный проводами с другим таким же, покрывавшем голову Ослана, который лежал на другой кушетке. Между ними стоял аппарат с бутылочками питательной жидкости, вводимой в вены рук спящих.

Итлотис видела только часть лица Ослана, потому что шлем закрывал его до носа, но все же узнала его. Это был тот самый человек, за которым она охотилась. Ей хотелось положить конец своим заботам, сбросить шлем и вернуть Ослана к действительности. Только представление о высокой опасности подобных действий удерживало ее пальцы.

Помощницы Фустмэм поставили кушетку рядом с мастером и осторожно соединили проводами шлем девушки с другим, свободным. Вторая же кушетка была поставлена за кушеткой Ослана, и второй ожидающий шлем был подсоединен к шлему Ослана.

Тревога Итлотис росла и была близка к страху. Ей было до крайности неприятно оказаться под чужой волей. Но, с другой стороны, необходимо было вернуть Ослана. И у нее был на страже врач.

Хотя Итлотис внешне ничем не проявила неохоты, когда по приказу Фустмэм легла на кушетку и позволила укрепить у себя на голове шлем, у нее все же были несколько секунд смятения, когда хотелось скинуть с себя этот светлый и мягкий внутри головной убор и бежать из этой комнаты.

Никто не мог сказать, в какого рода приключения был введен Ослан. Никогда не бывало двух одинаковых снов, и даже сам мастер не всегда мог предвидеть, по какому образцу пойдут ее творения, когда она начнет ткать свои фантазии.

И Фустмэм из осторожности указала, что Ослан сам принес ленты, не полагаясь на записи из собрания записей улья. Так что сейчас Итлотис не знала, с каким миром она встретится.

Впоследствии она не могла сказать, каким образом вошла в мир сна. Был момент полной потери памяти и сознания, вроде обычного сна, а потом она открыла один глаз...

Итлотис осознала только, что внезапно оказалась на вершине утеса, где ветер вырезал из камней странные фигуры, и воздух между ними проходил со свистом и унылой жалобой. Был еще и другой звук — ритмичные удары, в которых Итлотис узнала морской прибой.

Но ведь она *знала* это место! Она оказалась в Юлгриве, на ее собственной планете. Стоит отвернуться от моря, и она увидит древние развалины Юла во всей их давящей на сознание мрачности. Голова у нее пошла кругом. Она готовилась к какому-то необычному, жуткому миру сна, а вдруг вернулась на планету, где родилась! Но зачем... и как?

Итлотис повернулась к Юлу, чтобы удостовериться в своем предположении. Но...

Развалин не было!

Вместо них поднимались тяжелые, массивные башни, словно они выросли из утесов, а не были сложены камень за камнем человеком или созданием, подобным человеку. Древняя крепость во всей своей мощи была куда более впечатляюща, чем руины, которые знала Итлотис... Крепость была шире и более протяженна, чем можно было предположить по остаткам, сохранившимся до тех времен, в которые жила Итлотис.

И вспомнив, что в ее время было известно о Юле, Итлотис отшатнулась назад, пока плечи ее не уперлись в скалу. Она не хотела видеть Юл целым, но почему-то не могла отвести глаз от темных башен и стен. Юл был в руинах, когда первые люди пришли в мир Бинольда тысячу планетных лет назад. Были и другие разбросанные следы какой-то очень древней цивилизации. Но Юл был разрушен меньше, чем все остальное. Но люди, всегда жаждущие исследовать тайны своих предшественников в колонизованном мире, изучали Юл неохотно. Было что-то неприятное в обрушившихся стенах, оно так давило на душу любого вторгшегося туда, что он в конце концов торопился уйти.

Итак, его рассматривали только на расстоянии, как сейчас видела его Итлотис, и все триди изображения его тоже были сделаны только снаружи. Зачем Ослан захотел увидеть Юл таким, каким он был когда-то?

Эта загадка отмела большую часть ее начального отвращения. Похоже, что сей сон имел реальную цель. Не просто форма ухода в приятное.

Девушка отошла от скалы и стала еще раз обдумывать свою миссию.

Ослан Сб Атто по обычаям Бинольда был наследником обширных поместий Атто. Следовательно, когда Атто Сб Натон умер шесть планетных месяцев назад, было необходимо, чтобы его наследник как можно скорее принял на себя обязанности главы клана. Его брат, Ларс Сб Атто, нанял агентство Итлотис, чтобы срочно вернуть наследника, путешествующего по другим мирам. Позднее, когда продолжительное отсутствие наследника Атто стало сказываться на политике, к поискам присоединился Совет.

Но зачем Ослан явился на планету мастеров снов, разыскал улей и вошел в сон, направленный на далекое прошлое своей родной планеты? Он словно бы искал что-то очень важное. Итлотис решила, что так оно и есть. Но почему здесь? За чем он охотился?

Ну что ж, чем скорее она узнает это, тем скорее они вернутся в настоящий Бинольд, к ожидавшим Ослана обязанностям. Как ни противно это было Итлотис, но она двинулась к Юлу, словно сам Ослан сказал ей, что центр этой путаницы именно там.

Формы жизни, знакомые Итлотис по ее времени, не изменились. Над головой пролетали сипары, их мелодичные крики перекрывали грохот прибоя, а блестящее оранжевое, голубое и зеленое оперенье сверкало даже в этот пасмурный день. За скалами росли мелкие растения, в основном серо-коричневые, как и камни рядом с ними, пуская гордые побеги, которые тянулись к расположенной далее трещине в земле между скалами.

Итлотис настороженно следила за Юлом. И хотя стены его были теперь целыми и неповрежденные башни высоко вздымались, она не видела никаких признаков, что там есть обитатели. На башнях не развевались знамена, в окнах никто не

показывался, и сами окна были как глаза, уставившиеся одновременно на море и на резкие края холмов на западе.

Юл находился на краю владений Атто. Итлотис видела его, когда ездила договариваться с Ларсом Сб Атто, перед тем как оставить Бинольд. Она летела из Килламарша и миновала руины, чтобы добраться до внутренней долины за холмами.

Вообще-то говоря, Дом Атто мог присоединить к себе этот утес и руины, если бы пожелал. Но скверная репутация Юла сделала его ничейной территорией.

Итлотис решительно шла по каменистой дороге и прислушивалась к крикам сипар, одновременно изучая угрюмую громаду Юла. Она думала, что, войдя в сон Ослана, тут же встретится с ним, но, по-видимому, это было не так. Ну ничего, она выследит его, даже если след его ведет к Юлу. В ее сознании росла уверенность, что это правильное решение, несмотря на горячее желание оказаться где-нибудь в другом месте.

Когда она подошла к внешней стене, громадные блоки, из которых состояла стена, усилили ее беспокойство. В стене были ворота, это она знала. Очень странно, что они смотрели не вглубь страны, а в море. И если она желала добраться до них, то должна была идти по опасной дороге вдоль края утеса.

Собственно, это была не дорога, а скорее тропа. Здесь не было ничего привычного, что всегда сбивало с толку экспертов народа Итлотис. Почему в стене только одни ворота, да и те выходят не на какую-нибудь подходящую к стенам дорогу? И внизу не было никаких следов гавани, никаких признаков, что здесь когда-либо был порт.

Итлотис колебалась, с сомнением глядя на путь перед собой; это несколько уменьшило ее самоуверенность. Она начала этот поиск, уверенная в том, что ее опыт и тренировка подготовили ее к любым неожиданностям. В конце концов, она была первоклассным агентом, со множеством удачно выполненных дел за плечами. Но до сих пор она всегда действовала в нормальном мире... нормальном в смысле реальности. А здесь она чувствовала, что все больше и больше отклоняется в сторону от привычного мастерства и пренебрегает осторожностью.

Реальный мир... Она глубоко вздохнула. Она должна заставить себя признать, что в данный момент это и есть ее реальный мир. Если она вновь не обретет уверенность в себе,

то пропадет окончательно. В конце концов, многие планеты, где она работала, были жуткими и страшными. Следовательно, нечего думать, что это — фантастический Бинольд: просто один из странных миров. Если она будет в этом уверена, то овладеет ситуацией.

Путь вперед был очень тяжелым, и она не знала, наблюдали ли за ней с Юла... Она бросила взгляд на окна, но ничего в них не увидела. Однако ее не оставляло ощущение, что за ней следят.

Вздернув подбородок, Итлотис поплелась вперед. Пространство между краем утеса и стеной казалось очень узким, прибой — очень громким. Она прижалась спиной к стене и осторожно скользила вдоль нее, боясь оступиться и упасть вниз.

Здесь было множество каменных выступов, и у каждого она останавливалась. Вдруг она скорчилась в укрытии, с бьющимся сердцем затаив дыхание: над волнами парили не только сипары!

Кто бы ни были эти летающие существа, они летали с такой скоростью, что Итлотис только диву давалась. И направлялись они к воротам, куда пробиралась и она. Как стрелы, выпущенные из лука, они влетели в ворота, не снижая скорости.

Машины или какие-то живые существа? Итлотис не могла решить этот вопрос. У нее было смутное впечатление крыльев и тела между ними, сверкающего металлическим блеском. Создания человеческих рук... или живые?

Ее обеспокоило мимолетное движение наверху, и она подняла глаза. Там, прямо над ней, в окне кто-то двигался.

Итлотис прижалась к стене, укрывающей ее. Да, в открытом окне появились голова и плечи. И, если сравнивать размеры, либо незнакомой расы, либо окно было непропорциональным, потому что тело в раме окна казалось карликовым.

И он влез на подоконник!

Итлотис затаила дыхание. Не хочет ли он прыгнуть? Зачем? Нет, он двигался осторожно и потихоньку спускал ноги вниз. Видимо, он нашел для них какую-то опору. О, как он рискует! Он плотно прижался к стене и дюйм за дюймом спускался вниз, ощупывая руками и ногами камни в поисках опоры.

Итлотис в напряжении следила за этим спуском. Ей каза-

лось чудом, что незнакомец отыскивал себе путь. Но он спускался уверенно, хотя медленно находил опору для ног и тела.

Итлотис чуть отошла от своего укрытия, потому что человек опасно висел как раз над ним. Она подняла руки и провела ими по поверхности стены; ее пальцы обнаружили выемку, вырезанную так хитро, что она явно предназначалась для того, чтобы служить невидимой лестницей.

Она отступила на шаг, чтобы видеть, как человек спускается. Было что-то знакомое в форме его головы, в посадке плеч. Ее глаза опознали его.

Ослан!

Облегченно вздохнув, Итлотис стала ждать. Теперь оставалось лишь завязать контакт, объяснить все и прервать сон. И они вернутся в реальный мир. Ведь Фустмэм признала, что усилия мастера находятся в равновесии с желанием Ослана, так что он может проснуться, как только пожелает.

Возможно, он уже выполнил ту задачу, что привела его в этот древний Юл. Но в любом случае сообщение Итлотис было достаточно важным, чтобы он здесь не задерживался.

Проверяя еще раз себя, Ослан ли это, она отметила, что одежда на нем совсем не такая, какую она когда-либо видела. Одежда плотно облегала его тело, но была эластична и как бы сделана из мелких чешуек, слегка находящих одна на другую. Голыми были только руки и ноги. Кожа была такая же темная, как и камень, по которому он полз. Волосы были гладкие, темные. Хотя Итлотис еще не видела его лица, она знала, что у него были четко выраженные черты его клана; он, вероятно, мог бы считаться красивым, если бы на изображении в триди, где она его видела, было бы хоть какое-нибудь выражение, прояснявшее тупой, неподвижный образ.

Он опустил голову и закончил свой спуск прыжком. Приземлившись, глубоко вздохнул. Итлотис догадывалась, чего ему стоил этот спуск по стене.

Некоторое время он оставался на четвереньках, тяжело дыша и свесив голову.

— Глава клана Ослан! — официально произнесла Итлотис.

Он резко поднял голову, словно его приветствовало какое-то морское чудовище. Его взгляд сосредоточился на Итлотис, он медленно встал на ноги и прислонился к стене. Руки его сжались в кулаки, готовые отразить атаку, блестящие зеленые

глаза сузились. Теперь его лицо выражало нарастающую злобу. Затем глаза его полузакрылись, кулаки разжались, как если бы он не увидел в ней той опасности, какую ожидал.

— Кто ты? — Его вопрос прозвучал почти так же монотонно, как у Фустмэм; возможно он не хотел показывать никаких эмоций.

— Сыскной агент Итлотис Сб Нат, — ответила она. — Глава клана Ослан, ты очень нужен...

— Глава клана? — перебил он. — Значит, Натон умер?

— Во втором ледяном месяце, глава клана. Ты очень нужен на Бинольде. — Итлотис вдруг поразила странность их теперешнего положения. Ведь они и так на Бинольде! Но, к сожалению, мир сна не то, что мир реальности. А то можно было бы сэкономить массу времени. — Ты должен уладить не только дела клана, — продолжала она. — Нужен новый договор на продукцию рудников, и Совет очень торопит.

Ослан покачал головой. Лицо его снова приняло выражение тревоги и злобы.

— Нет, агент, ты не вытащишь меня отсюда. — Он подошел ближе. Итлотис невольно отступила на шаг.

— А теперь, — сказал он, как кнутом щелкнул, — убирайся из моего сна! — Он как бы ударял ее каждым словом.

Но его открытая оппозиция вызвала противоположную реакцию. Итлотис теперь не испытывала колебаний, а твердо решила стоять, ожидая его приближения. Не впервые она попадала в подобную ситуацию. Его угрожающая поза укрепила ее.

— Это дело Совета, — резко сказала она. — Если ты не...

Ослан засмеялся. Он откинул голову и смеялся, хотя его смех был явно вызван яростью.

— Совет и ты, сыскной агент, что вы предполагаете сделать? Можешь ли ты вызвать сюда вооруженного человека, чтобы увести меня?

В уме Итлотис мелькнуло видение еще одной кушетки, еще одного мастера, если бы они могли уместиться в комнате, и солдата, готового к транспортировке. Это было явно невозможно. Здесь она должна действовать только сама.

— Сама видишь, — он сделал к ней еще один шаг, — имеет ли Совет здесь какой-нибудь авторитет. Ведь сам Совет находится в отдаленном будущем.

— Ты не хочешь понять. — Итлотис оставалась внешне

спокойной. — Это же дело величайшей важности и для тебя тоже. Твой брат Ларс и Совет нуждаются в тебе на Бинольде в День Высокого Солнца. У меня есть права отправить тебя на ближайшем гиперкорабле.

— Здесь у тебя никаких прав нет! — снова перебил ее Ослан. — Это *мой* сон, и только я могу прервать его. Тебе об этом говорили?

— Да.

— Ну, стало быть, ты знаешь. И ты теперь — моя пленница, со всей своей властью и полномочиями, пока добровольно не согласишься, чтобы я отослал тебя обратно.

— Без тебя не уйду! — Отвечая так, Итлотис думала, что она, возможно, делает роковой выбор. Но она не собиралась так легко сдаваться, как он, по-видимому, предполагал. — Значит, ты хочешь, чтобы тебя считали отказавшимся от управления кланом вообще? — быстро добавила она. — В этом случае у Совета исключительная власть, и...

— Тихо! — Он быстро повернул голову к стене Юла. Он настолько явно прислушивался, что она тоже насторожилась.

Откуда это низкое гудение? То ли реальный звук, то ли вибрация через камни, на которых они стояли, — трудно было сказать.

— Назад! — Ослан схватил девушку за руку и потащил за собой, пока они оба не прижались к стене. Он все еще прислушивался, склонив голову набок.

— Что это? — спросила она шепотом.

— Рой. Молчи!

Весьма малоинформативно. Но его напряжение передалось ей и заставило последовать его примеру. Это был сон Ослана, и Ослан родом с Юла — значит, он знал.

Взрыв света, вроде сигнального огня, пронесся над морем. Еще и еще вылетали из ворот вспышки и проносились над волнами с такой скоростью, что Итлотис видела только нечто вроде жесткого излучения. Все это быстро исчезло, затерявшись в дали над водой.

Поскольку Ослан стоял вплотную к Итлотис, она почувствовала, как напряжение ушло из его тела. Он глубоко вздохнул.

— Ушли! Теперь безопасный период.

— От чего безопасный?

Ослан взглянул ей прямо в глаза. Итлотис не очень понравился этот испытующий взгляд, он как бы хотел прочесть ее мысли, и это ее возмущало. Она не стала ждать ответа на свой вопрос, а повторила свое сообщение насколько могла спокойно.

— Если ты теперь же не разобьешь сон, ты потеряешь Атто. Совет назначил главой клана Ларса, не теряй времени зря.

Его улыбка была такой же яростной, как и его недавний смех.

— Ларс — глава? Возможно... если только в Атто останется что-нибудь, чем ему править.

— Что ты имеешь в виду?

— Как ты думаешь, зачем я здесь? — спросил он. — Для чего я пересек половину Галактики и нашел мастера снов, который привел меня в прошлое Юла?

Его взгляд все еще держал ее. Его руки опустились на ее плечи и трясли Итлотис, будто бы подчеркивая этим его слова.

— Ты думаешь, Юл в нашем мире — развалины, ничейное место? Люди повторяют это с тех пор, как первые поселения основались на Бинольде. Но Юл — не просто разрушенные стены и ощущение страха; нет, это жилище чего-то очень древнего... и опасного.

Он был уверен в этом, она слышала искренность в его голосе. Но что это? У Итлотис не было возможности задавать вопросы, потому что из Ослана слова лились потоком.

— Я был в этом Юле. Я видел... — Он закрыл глаза, изгоняя какое-то видение. — Наш Юл на поверхности планеты разрушен временем на три четверти. Но то, что находится в сердце Юла, не умерло. Оно спит, но начинает просыпаться. Я не один год размышлял об этом, искал по всем отчетам. В прошлом году я рискнул принести туда сканнер и послал данные в центральный компьютер. Хочешь знать, каково было его заключение? — Он снова встряхнул ее. — Так вот, новые туннели рудников, протянувшиеся на восток, встревожили, разбудили *нечто*, и оно готовится *вывестись*...

Итлотис понимала: он горячо верит в существование того, что привело его сюда, а у нее нет никаких аргументов, которые он захочет выслушивать, — фанатизм полностью овладел им.

— Вывестись? — повторила она. — Но что оно такое?

— То, что когда-то наполняло Юл жизнью. Ты сама виде-

ла, как летел его рой; так вот, это лишь тысячная часть того, что может произвести Юл. Эти летающие штуки есть энергия, и они питаются энергией. Если бы одно из них приблизилось к нам, наши тела превратились бы в пепел. А здесь есть и другие его части. То, что живет в Юле, может принимать разные формы, и все они полностью чужды нам и весьма опасны.

Люди или существа, похожие на людей, построили Юл и те города, следы которых мы находим на нашем Бинольде. Затем... пришло *Оно*. Может быть, появилось в результате неудачного эксперимента, может, вылезло из другого измерения, из другого мира... Об этом нет сведений.

Но те, кто обнаружил его, объявили его богом и питали его жизненной энергией, пока оно не выросло до абсолютного властителя всей планеты. И тогда *Оно* сожгло всех людей планеты, поскольку не нуждалось в них больше или думало, что не нуждается.

Но когда жизненной энергии не стало, *Оно* начало слабеть и уже не кружилось по всей планете, а вынуждено было вернуться на свой континент, а потом — только в один Юл. *Оно* испугалось и приготовило себе гнездо, где и залегло в спячку... на многие годы. Геологоразведывательные лучи разбудили его и наполнили новой энергией. *Оно* снова стало расти. И теперь Бинольд для него — новая пища. И...

— Ты должен предупредить Совет! Разбуди нас!

Он покачал головой.

— Ты не поняла. Это чудовище не может быть уничтожено в наше время. Оно съест мозг тех, кто окажется перед ним, отнимет жизненную силу их тел. Защиты от него нет. Поразить его можно только в прошлом. Если его запечатать в его гнезде, оно умрет с голоду, и тогда Бинольд будет свободен.

Итлотис вздрогнула. Не иначе, Ослан сошел сума! Он же знает, что это сон! Что можно сделать во сне? А если она слегка посмеется над ним...

— Я собрал все сведения, — продолжал Ослан, — и дал их этому мастеру снов. Мастер может использовать их как фон для сна. Клиенты часто хотят побывать в прошлом. И она сосредоточилась на моих записях.

— Но ведь это же сон! — протестовала Итлотис. — Ты не в реальном прошлом Бинольда, и ты не можешь ничего сделать...

На этот раз он встряхнул ее что было силы.

— Не могу? Но смотри и увидишь! Здесь измерение на измерении, мир на мире. И вера дает нам реальность. Я вижу, что этот Бинольд предшествует нашему Бинольду. — Ослан отвернулся к стене. — Оно послало своих питателей и сосредоточилось только на них. Мое время настало! — И он начал подниматься по стене.

Итлотис не успела остановить его, но и не могла бросить этого сумасшедшего. Если она пойдет за ним, для виду согласившись, что он говорит правду, то, может, ей удастся уговорить его прервать сон? С тех пор как она вошла в эту фантазию, Итлотис чувствовала, как исчезает ее спокойная уверенность. И ей оставалось только цепляться за надежду, что она сможет в дальнейшем повлиять на Ослана, если останется с ним.

Она села на камень и разулась. Цепляясь пальцами рук и ног за впадины, полезла по стене древнего Юла.

К счастью, она не боялась высоты, но вниз старалась не смотреть. Ей было страшно, но она все же лезла дальше. Ослан был уже в окне и протянул ей руку, чтобы помочь. И вот они спустились с широкого подоконника в комнату с темными углами.

— Хорошо, что ты поднялась сюда, — заметил он, — иначе *Оно* могло почувствовать твое присутствие. Но веди себя тихо, потому что ты и представить себе не можешь, чего может стоить тебе твоя глупость — войти в мой сон.

Итлотис подавила злость. Это сумасшедший. На него нельзя повлиять никакими аргументами. Поэтому она решила не протестовать и кралась за ним вдоль стены, поскольку он явно избегал центральной части комнаты.

Голые каменные стены, пол, потолок. Свет шел из окна. Ослан не пошел к двери, которую Итлотис видела в противоположной стене. Он остановился на полпути и стал ощупывать стену, вытянув руки вверх, словно бы собираясь лезть на нее.

Однако он не полез вверх, как подумала Итлотис, да это было бы бесцельно, потому что высокий потолок выглядел совершенно целым и крепким. Раздался скрипучий звук, и три массивных блока стены подались назад, открывая темное отверстие.

Откуда Ослан знал это? Ну, конечно, во сне воображаемый

переход сквозь стену вполне возможен. Но чувство реальности этой темной комнаты продолжало воевать с логикой. Как может сон казаться таким реальным?

— Иди, — прошептал он и толкнул ее в проход. Она не сразу двинулась, пыталась протестовать, но блоки снова повернулись и закрыли их в темноте, тем более ужасной, что теперь у Итлотис было неуловимое ощущение опасности того, что жило в Юле.

— Здесь лестница, — он сильно сжал ее запястье, — я пойду первым, держись рукой за стену.

Ослан выпустил ее руку. Теперь Итлотис слышала только приглушенные звуки его шагов. Пути назад не было, оставалось только следовать приказу. Стиснув зубы, испуганная более, чем когда-либо в жизни, Итлотис осторожно скользила одной ногой вперед, ощупывая каждую ступеньку.

Этот спуск был кошмаром: она измучилась и покрылась потом. Хорошо еще, что тут был не спертый воздух. А лестница продолжалась бесконечно.

С тех пор как они покинула комнату наверху, Ослан не произнес ни слова. Итлотис не решалась прервать молчание, потому что у нее было впечатление, что так осторожно они идут из-за великого страха перед опасностью, которую нельзя предупреждать о своем присутствии.

Прикосновение к руке заставило ее слегка вскрикнуть.

— Тихо!

Он притянул ее к себе. Ее голые ноги погрузились во что-то мягкое, как будто пыль столетий осела на этом тайном пути. В абсолютном мраке Итлотис с радостью цеплялась за Ослана, потому что боялась даже подумать, что будет, если она утратит контакт с ним. Наконец он отпустил ее руку и сказал:

— Дай мне пройти, я открою дверь.

Итлотис, дрожа, посторонилась. Впереди появился серовато свет. После их путешествия в темноте этот свет показался ей ярким сиянием. Через него прошел темный силуэт Ослана. Итлотис поспешила за ним. Они оказались в комнате, почти вдвое большей той, чем наверху, но потолок здесь был много ниже, и стены слева не было, так что пространство было еще большее. Но оно не было пустым. Свет шел отсюда, и Итлотис не могла определить его источник. При этом свете был виден огромный парк колесных машин.

Ослан остановился и чуть повернул голову вправо, как бы прислушиваясь. Затем махнул ей и пошел к машинам.

Там оставалось лишь узкое пространство вдоль стены. Ослан шел так быстро, насколько позволяла загроможденность места. Время от времени он останавливался и осматривал одну из этих странных машин, но каждый раз, видимо, неудовлетворенный, шел дальше.

Наконец они дошли до другой открытой стены, и он резко остановился. Ноздри его расширились, как будто он услышал предупреждающий запах. Так собаки нюхают след.

Прямо перед ними стоял другой странный экипаж, и Ослан подошел к его кабине. Когда Итлотис двинулась за ним, он жестом отогнал ее. Возмущенная, она смотрела, как он садится на сиденье водителя и изучает приборную панель.

Наконец он кивнул, как бы в ответ на собственные мысли, и снова махнул Итлотис, и она поспешила сесть рядом с ним. Сиденье оказалось мягким, но очень коротким и узким, так что их тела плотно прижались друг к другу. Ослан едва дождался, пока она сядет, и тут же положил ладонь на кнопку управления.

Сначала была вибрация, ворчание, машина как бы ожила и двинулась вперед, к открытому проходу напротив. Итлотис не могла больше ждать:

— Что ты хочешь делать?

— Запечатать гнездо.

— А ты можешь?

— Попробую, тогда узнаю. Другого способа нет.

Нечего было и пытаться отыскивать какой-то смысл в его навязчивой идее, пусть идет в своей выдумке до конца. Тогда он, возможно, разрушит сон.

— Это мой второй визит в Юл. Я был тут раньше, в первой части моего сна. Но тогда здесь были люди, обслуживающие *Это*.

Он был в глубоком сне два дня, когда Итлотис нашла его; видимо, фантазии сна могут прыгать через годы, если понадобится. Это было в какой-то степени логично.

Машина мчалась вперед. Вскоре дорога начала разветвляться, но Ослан не обращал внимания на боковые ходы и ехал все время по прямой до тех пор, пока путь не преградила скала. Ослан свернул влево.

Новая дорога была намного уже. Итлотис начала думать, что рано или поздно они и сами не протиснутся между стенами. Время от времени Ослан останавливался, вставал ногами на сиденье и пытался пальцами коснуться потолка коридора.

В третьей попытке он издал тихое восклицание и сел, но не послал машину вперед, а согнулся над панелью управления, вглядываясь в кнопки.

— Выходи! — приказал он, не глядя на Итлотис. — Беги обратно! Бегом!

В этом приказе была такая сила, что Итлотис повиновалась, не спрашивая. Она только заметила, спрыгнув на пол, как его руки в сложном движении летают над кнопками.

Итлотис бежала по коридору. Она слышала за собой скрежет машины. Обернувшись, она увидела, что Ослан бежит за ней, а машина удаляется сама по себе. Радуясь, что Ослан не покинул ее, она продолжала бежать. Он догнал ее, схватил за руку и поволок за собой. Звук движущейся машины стал стихать. Они уже добежали до главного туннеля. Ослан тащил ее, не сбавляя скорости. Страх, бурливший в нем, передался ей, хотя она не знала его источника, и изо всех сил неслась вперед, словно смерть бежала за ними по пятам.

Они достигли машинного парка, когда пол и стены затряслись. Затем послышался оглушительный грохот. А затем мрак...

Что-то охотилось в темноте. Ярость, которая была как удар. Итлотис пряталась от этой ярости, от бродящей где-то рядом гигантской злобы. Трясясь от страха, она открыла глаза. В дюйме от ее лица было другое лицо, которое она почти не видела. И голос ее прозвучал слабо, как бы издалека:

— Глава клана Ослан...

Она пришла сюда искать его, а теперь кто-то, какое-то существо ищет ее!

Его глаза открылись. Он смотрел на нее. И на его лице лежала та же тень страха, что и у нее. Губы его шевелились, но звука почти не было.

— *Оно* знает! *Оно* ищет!

Его навязчивая идея. Но, может быть, воспользоваться ею, чтобы спасти их обоих? Она схватила руками его голову, заставляя его смотреть на нее. Слава Всем Силам, у него еще есть искра здравого смысла.

Медленно, останавливаясь после каждого слова, собрав всю свою волю, она приказала:

— Немедленно прерви сон!

Что мелькнуло в его глазах? Сознание или тот же иррациональный и дикий страх, который владел теперь и ею, тащил его в глубины его фантазии, куда она не могла за ним последовать. Итлотис снова повторила — твердо и спокойно, как только могла:

— Прерви сон!

Страх мучил ее. То, что искало, подошло ближе. Но впасть самой в безумие, в ужас было хуже всякой боли. Он должен! Он...

А затем...

Итлотис заморгала. Свет, гораздо ярче, чем в подземелье Юла. Она смотрела в серый потолок. Не было запаха пыли, запаха веков.

Она вернулась обратно!

Руки сняли с нее шлем для сна. Она села, все еще не решаясь поверить, что они вернулись. Она быстро повернулась к другому дивану. Помощники сняли с Ослана шлем, его руки неуверенно поднялись к голове, глаза были открыты. Он с изумлением смотрел на Итлотис:

— Значит, ты была реальной?

— Да.

Неужели он и вправду воображал, что она — часть его сна? Ее почему-то огорчила эта мысль. Она так рисковала, служа ему, а он думал, что она всего лишь плод его фантазии.

Ослан сел и огляделся вокруг, как бы не вполне веря, что он вернулся. Затем засмеялся — не злобно, как в Юле, а торжествующе.

— Мы сделали это! — Он стукнул кулаком о кушетку. — Гнездо было завалено, вот поэтому оно так бесилось. Юл мертв!

Он принес свой бред с собой, навязчивая идея все еще владеет им! Итлотис прямо тошнило от этого. Но Ослан Сб Атто все еще оставался ее клиентом. Она не может, не имеет права соглашаться с ним. Она удачно провела свою миссию, теперь пусть уж его семья возится с ним. Итлотис повернулась к врачу:

— Глава клана в некотором помрачении.

— Я вовсе не в помрачении! — воскликнул Ослан. — Подожди — и увидишь! Сама увидишь, джентльфем!

Хотя во время гиперпрыжка на Бинольд она мучилась предчувствиями, Ослан более не упоминал про свой сон. Он не пытался навязать ей свою компанию и в основном отсиживался в своей каюте. Но когда они приземлились в космопорте своей родной планеты, он стал командовать с таким авторитетом и уверенностью, что подавил инициативу Итлотис.

Прежде чем она успела что-либо сказать, он быстро отвел ее на борт частного летательного аппарата с эмблемой Атто. Его действия не столько злили, сколько смущали ее. Она надеялась, что за это время он избавился от эффекта сна, но теперь видела, что он по-прежнему одержим. Хотя на Бинольде не было мастеров сна.

Ослан повернул машину на север и бросил взгляд на Итлотис.

— Ты считаешь, что меня нужно лечить, так, Итлотис?

Она не ответила. Их, наверное, сопровождают. Она ухитрилась послать сигнал, прежде чем они вылетели из порта.

— Хочешь доказательств, что я в здравом уме? Так я дам тебе их!

Он выжимал предельную скорость. Впереди по курсу лежал Атто, но и Юл тоже. Что хочет сделать Ослан?

Меньше чем через час Итлотис получила ответ. Маленький летательный аппарат полетел над развалинами. Но это был совсем не тот Юл, что она видела при своем первом полете в Атто. Осталась только часть внешней стены, а все внутри стало обширной впадиной, где валялось несколько разбитых блоков.

Ослан сбросил скорость и посадил машину в самом центре впадины. Он быстро выскочил из кабины и помог выйти Итлотис. Не отпуская ее, он спросил:

— Видишь?

Слово гулко отразилось от остатков внешней стены.

— Это... — Итлотис не могла не согласиться, что это был другой Юл. Но как поверить, что действия, совершенные во сне, да еще на планете за много световых лет отсюда, могли произвести подобные разрушения?

— Заряд добрался до гнезда! — сказал он возбужденно. — Я поставил энергию краулера на предел. Когда она дошла до

опасной отметки, краулер взорвался. И тогда у *Этого* не осталось никакого места, чтобы погрузиться в сон!

Итлотис пришлось поверить своим глазам. Но то, что она видела, противоречило всякому здравому смыслу. Но какой бы взрыв ни произошел здесь, он был не неделю, не месяц назад, а, по всем признакам, в давние времена! Как могли они повернуть время вспять? Итлотис стало казаться, что *это* сон, какая-то кошмарная галлюцинация.

А Ослан продолжал:

— Чувствуешь? *Это* ушло. Теперь здесь уже нет какой-то иной жизни.

Она стояла, он обнимал ее за плечи. Однажды в детстве, когда Итлотис только начали тренировать для службы, ее привезли в Юл. Тогда можно было только пройти за бывшую внешнюю стену, сделать несколько шагов, и то никто не решался оставаться здесь надолго. И она хорошо помнила это. Да, Ослан прав! Здесь больше нет этой гнездящейся угрозы. Здесь только крики морских птиц и далекий прибой. Юл мертв, в нем давным-давно нет жизни.

— Но ведь это был *сон!* — растерянно возразила она. — Всего лишь сон!

Ослан медленно покачал головой.

— Это была реальность. Теперь Юл свободен. Мы здесь, чтобы доказать это. Я сказал тебе как-то: «Убирайся из моего сна!» Я был не прав. Это был и твой сон тоже. А теперь это наша реальность... пустой Юл и свободный мир. А со временем, возможно, кое-что еще...

Его руки сжали ее крепче. Не в злобе, не в страхе. Итлотис, встретив взгляд блестящих зеленых глаз, поняла, что сны... некоторые сны никогда полностью не отпускают тех, кто их видел.

Часть четвертая
КОШМАР

Глава первая

— Но я совсем не знаю этого сектора! — Младший из тех, кто был в комнате, слегка завертелся в шезлонге, словно это полунаклонное сиденье, дающее максимум комфорта, вдруг стало для него неудобным.

— Именно поэтому ты и необходим для этой операции, — холодно прозвучал ответ одного из троих, сидевших перед ним, — тристианина, чей гребень оперения слегка опустился с возрастом.

— Террианец из богатого клана, путешествующий в этом секторе, — сказал человек на с7иденье слева от тристианина, — может посетить Ти-Кри и заказать услуги мастера снов безо всяких вопросов и комментариев; все знают, что наше высшее общество падко на новые эксперименты. Твоя «легенда» будет, разумеется, безупречной.

Барр Никлас пожал плечами. У него никогда не было никаких поводов жаловаться на этот отдел Службы. Любой тыл, каким они обеспечивали, может быть проверен и перепроверен безнаказанно для того, кто пользуется им, ему могут дать биографию, начиная со дня рождения, и в ней не будет ни одного изъяна. Его беспокоило отнюдь не это. И он откровенно высказал свой основной аргумент:

— Я не эспер.

— Поэтому тебя и выбрали, — ответил Рион и пояснил: — Ни один настоящий эспер, даже если на минуту допустить, что они не проверят тебя тут же, не добьется успеха.

— Значит, я — приманка... и, похоже, незаменимая?

Грегор Бнон, единственный настоящий человек в этом тайном совете, улыбнулся. Барру показалось, что в изгибе его

губ таилась насмешка. Про Бнона говорили — и он, кажется, тому радовался, — что он бывал абсолютно бесчеловечным, когда дело касалось выбора людей для задания.

— Очень хорошая приманка, — тихо сказал он. — Судя по сведениям, ты как раз подходящий тип для этой ловушки, где бы и как бы она ни работала.

— Большое спасибо, коммандер! — огрызнулся Барр. — А если я скажу нет?

Бнон пожал плечами:

— Конечно, такое возможно. И это твое право.

А ты хочешь, чтобы я отказался, мысленно произнес Барр. Ты даже ждешь случая схватить меня за шкирку и вышвырнуть как в случае «да», так и в случае «нет». И у него стало кисло во рту от осознания этого.

— Значит, я иду безо всякой защиты; а что, если я вернусь только трупом? Узнаете ли вы больше, чем знаете теперь? Вы же не можете контролировать эти сны?

Это был полувопрос. Если они не могут контролировать их и вытащить его из сна до роковой минуты, вся операция принимает другой вид.

— Не совсем так, как ты думаешь, — в первый раз заговорил третий, сидящий прямо напротив Барра. Внешне он был настолько гуманоидным, что Барр мог принять его за потомка терранских колонистов. Только его странные глаза без зрачков и тонкий пух, покрывающий видимые участки его кожи, выдавали чужака. — Но за тобой будет присмотр. Нам вовсе не нужен еще один убитый.

— Рад это слышать, — иронически ответил Барр, обращаясь к корпмастеру Улану.

Улан сделал вид, что не слышит. И Гион продолжал:

— Мы обеспечим тебе мастера снов, о которой ты уже знаешь. Полагаю, тебе известно из полученного тобой инструктажа, что мастера либо сдаются внаем, либо продаются из Улья. В случае смерти покупателя мастер должна вернуться в Улей, половина ее цены выплачивается обратно клану бывшего ее хозяина. А если она снова сдается в аренду, то только на точно согласованное время.

Осдейв, лорд Алэй, купил мастера снов десятого разряда два года назад. У него была последняя стадия кафер-лихорадки. Два дня назад он умер. Его мастер, Юхач, должна теперь

вернуться в Улей. По обычаю, такой мастер до конца года не работает, потому что каждый собственник или арендатор готовит мастера по своему вкусу, и ей просто необходимо отдохнуть, прежде чем настраиваться снова.

Однако Фустмэм не любит праздных мозгов. Она разрешит Улью воспользоваться Юхач при условии, что покупатель времени девушки согласится на любой сон и не будет давать каких-либо определенных инструкций.

Ты будешь туристом, желающим просто попробовать сон, как часть дорожных впечатлений. Таким образом, Юхач отвечает твоим целям так же, как и любая другая. Ты слышал о ней, и у тебя отличная причина просить именно ее...

Гион сделал паузу, и Барр тут же задал вопрос:

— Как же я мог слышать о ней, если никогда не бывал в Ти-Кри?

— Осдейв уезжал с планеты год назад. Он посетил Милитис; там ты с ним и познакомился. Он так много рассказывал о снах, что тебя соблазнили его слова и ты приехал в Ти-Кри.

Барр слегка нахмурился. Он не сомневался, что эта якобы состоявшаяся встреча на Милитисе будет так документально подтверждена, что он и сам в нее поверит. Но его смущало другое:

— Эта Юхач... можем мы доверять ей?

— Она наш агент... или будет им, когда вернется в Улей, — объяснил Бнон. — С помощью некоторой пластической операции она станет Юхач; она эспер, и некоторое время подвергалась обучению снам. Мы занимались ею задолго до того, как компьютер выбрал тебя.

Барр признал, что эта неизвестная рискует куда больше, чем он. Мастера снов были таковыми от природы, хотя и подвергались усиленной тренировке, чтобы добиться статуса А- или Э-мастера, способного вести любого по своим воображаемым мирам.

— Да, она одна из наших, — снова вступил Гион, — и она была свободна, когда мы встретились при весьма загадочных обстоятельствах. Пять смертей, и все необъяснимые! — В первый раз тристианин не сдержал эмоции. — И все известные люди: два дипломата, инженер, недавно сделавший открытие, настолько обогатившее его, что он основал собственную исследовательскую лабораторию, и двое очень богатых людей,

чья смерть во сне привела в замешательство чуть ли не всю галактику. Кто-то мутит воду, чтобы ловить в этой мути рыбу.

— Может, у них было больное сердце... Я слышал, что активные сны переносятся тяжело, — намекнул Барр, хотя и сам не верил в это.

Бнон фыркнул:

— Нельзя получить сна в Улье, если не представишь Фустмэм свидетельства о здоровье при первом же визите. Они могут не обращать внимания на то, что вообще случится с *владельцем* мастера, но даже при однократной экскурсии в сон в Улье предусматривается, чтобы такого рода случаи не происходили. В Улье не хотят, чтобы их обвиняли в убийстве клиентов. Это разорит их бизнес.

— Однако же такое случалось, — уточнил Барр. — Пять раз.

— Пять раз за один планетный год, — согласился Гион.

— Но раз произошло пять смертей, вряд ли там играли опрометчиво, — пробормотал Барр скорее себе, чем остальным. — Я думаю, они должны были ждать властей для расследования.

— Власти планеты, — ответил Гион, — сделали все, что могли. Но они не могут закрыть Улей, не могут даже проверить мастеров, потому что это будет иметь катастрофические последствия... Ти-Кри живет мастерами сна. Умершие все были инопланетниками, и поэтому местные власти не слишком тревожились. К тому же Виланд и Бивид путешествовали инкогнито и неофициально. Но, во всяком случае, власти позаботились осведомить нас, и это было с их стороны беспрецедентным шагом, потому что местные жители недовольны высокой степенью мысленных контактов. Нас предупредили, чтобы мы не появлялись там официально и что власти не окажут нам никакой открытой помощи, если мы начнем официальное расследование.

Барр невесело усмехнулся.

— Они знают насчет нашего подсадного мастера?

— Нет! И не узнают. Улей имеет монополию на свой бизнес. Если станет известно, что мастер снов может быть создан искусственным образом, на всей планете будут возмущения. Существование таких девушек имеет важное значение для их религии, и мы не рискуем вмешиваться.

— Но что делает меня таким значительным, чтобы они пытались сыграть в шестой раз? — поинтересовался Барр.

— Барр Никлас становится собственником астероида, состоящего почти из чистого билотита, — ответил Гион.

Барр недоверчиво поднял брови:

— И такой астероид есть?

— Да, он существует. Он под охраной Патруля. Сейчас все права на него записаны на твое имя. У тебя почти нет родственников... и, — Гион сделал паузу, как бы желая подчеркнуть то, что собирается сказать, — к одному из твоих партнеров по «Предприятиям Никласа» уже подъезжали... очень осторожно, но с достаточной серьезностью, чтобы выяснить, будет ли астероид в случае твоей смерти включен в твое общее состояние. Я не сомневаюсь, что уже написано — возможно, не на Ти-Кри, поскольку это было бы слишком заметно, — завещание, готовое перевести это состояние на любого, кто бы этого ни хотел.

— Ловко это вы подставили меня под молот, — нахмурился Барр. — Итак, я — отличная приманка для убийцы. Ладно, когда я должен добровольно лечь под удар на алтарь Улья?

— Тебя проинструктируют еще раз, — сказал Гион. — Потом ты полетишь в Ти-Кри на собственном космическом крейсере. Там ты постараешься быть очень заметным, как человек с громадным состоянием, ищущий необычного. Я думаю, не будет затруднений в том, чтобы тебя хорошо встретили в Улье, и тогда ты попросишь Юхач...

— И вправду в прекрасный мир смерти, — заключил Барр. — Благодарю вас всех за это замечательное назначение. Я помяну вас в своих снах!

Глава вторая

Ее фигуру скрывало тускло-серое мешковидное платье, а волосы были острижены очень коротко, менее чем на полпальца, — для того чтобы шлем для сна плотнее прилегал к голове. Легкое тело, соскользнувшее с привезшего ее паланкина, могло быть любого возраста — и от раннеюношеского до пожилого. Лицо ее ничего не выражало, и двигалась она как во сне. Стражница распахнула дверь, и девушка вошла в тихую, занавешенную сокровенную часть Улья.

Когда она шла по центральному холлу, ее глаза пристально

смотрели в одну точку, но внутренне она замечала и узнавала то, чего никогда не видела, но что было внедрено в нее интенсивным мысленным инструктажем. Теперь она была не Ладия Тангул, а Юхач, А-мастер десятого разряда. Чуть более двух лет назад она оставила Улей и теперь вернулась в него. К счастью, удалось войти в мозг мастера так глубоко, что теперь двойнику было знакомо все, что та видела, и она хорошо знала ритуал возвращения.

Юхач повернула к двери направо и бесстрастно остановилась, ожидая, чтобы проверяющий луч доложил о ней. Когда барьер отодвинулся, она вошла.

Комната была маленькая, в ней стояло всего два стула — не шезлонги, а архаические стулья с жесткими сиденьями. Похоже, что Фустмэм не имела намерений создавать удобства для тех, кто хотел ее видеть. Между стульями стоял пульт контроля памяти, легко доступный правительнице Улья. На одной стене был пустой экран. На одном из стульев сидела сама Фустмэм, ожидавшая появление Юхач. Она не поздоровалась с мастером вслух, а только подняла руку, показывая, что мастер может сесть на второй стул.

— Ты не торопилась прийти, — заметила Фустмэм. — Твой лорд умер четыре дня назад.

Она говорила монотонно. Если ее слова и означали вопрос, то вопросительной интонации они не имели. Если же они содержали упрек, то и об этом можно было только догадываться.

— Меня не отпускал наследник моего лорда до тех пор, пока я не получила видеопослание. — Голос Юхач тоже был бесстрастным. Руки ее вяло лежали на коленях. Она сидела как человек, всю жизнь привыкший повиноваться.

— Правильно. Улью пришлось напомнить лорду Улфу, что наш контракт относится только к его предшественнику. Его нежелание отпускать тебя отмечено должным образом в записях. Может быть, он рассчитывал поторговаться... из-за твоего разряда и того удовлетворения, какое получал твой лорд от твоих снов. Но мы не торгуемся. И ты вернулась. Записи твоих снов внесены в архив. В настоящее время ты в бездеятельном состоянии. Лорд Осдейв требовал многого; возможно, тебе даже надо было бы подвергнуться стиранию памяти. — В глазах Фустмэм теперь мелькнула тень каких-то эмоций. — Записи будут полностью изучены, я не хотела бы применять стирание, если оно не необходимо.

Юхач оставалась с виду бесстрастной, но в ней проснулся инстинкт самосохранения... Предвидел ли такое корпмастер? Стирание памяти уничтожит все, что в нее вложили. Если это случится, она и в самом деле станет Юхач...

— У нас тут есть... — Тонкие губы Фустмэм отчеканивали каждое слово. — Мы получаем все больше и больше клиентов нового типа — инопланетников, которые ищут незнакомых им ощущений. Знания, которые ты изучала для лорда Осдейва, были активными приключениями. И ты можешь быть мастером Улья, временно обслуживающим таких новичков. Они не скажут, что ты предлагаешь им хорошо знакомое.

— И у меня десятый разряд, — сказала Юхач.

— Так что, на службе Улья? — Фустмэм кивнула. — Договорились. Но ты должна пройти новый инструктаж, прежде чем снова пойдешь в аренду вне Улья. Будь уверена, что тебя не понизят в разряде.

— Вы поведете меня в этом, как и во всем остальном, — ответила девушка уставными словами. Значит, Бнон был прав — первый ход в ее игре был сделан.

— Ты — истинный мастер снов, — сказала Фустмэм также уставными словами, позволяющими уйти. — Я назначила тебе комнату Минтли Скос. Ты можешь пользоваться диском, твой кредит не ограничен.

Юхач встала и коснулась рукой лба. Фустмэм ответила тем же жестом. Неограниченный кредит для Юхач означал, что она еще очень «ценный товар» для торговли. Проходя по холлу и поднимаясь на двадцать ступенек к следующей двери, она уже обдумывала, что должна теперь делать. И поскольку Фустмэм намекнула на службу, она имела право изучать все, что хочет.

Библиотека лент, принадлежащих Улью, была самым впечатляющим хранилищем общей информации, собранной со всей галактики, за исключением штаб-квартиры Патруля. Рассказы путешественников с тысяч планет, истории, удивительные повести — все, что могло обогатить миры, создаваемые мастерами сна для клиентов, было собрано в библиотеке Улья. Но можно ли определить, какие ленты заказывали подозреваемые мастера? Это было единственное, что не могли разузнать для нее. Она знала имена этих мастеров: Иза и Динамис. Обе были А-мастерами, но, предположительно, ни та,

ни другая не имели десятого разряда и никогда не отдавались в аренду за пределы Улья. Память Юхач, изученная так тщательно, как только умела наука Патруля, дала смутное изображение Изы, а Динамис была совершенно неизвестна. Она была молода, из поздних мастеров, чей талант достаточно выявился лишь в юношеском возрасте, а не с раннего детства, как у большинства тех, кого обнаруживали и брали в Улей для тщательного обучения.

У Изы два сна убили ее клиентов. По всем местным законам она была вынуждена перейти почти на растительное существование. Динамис повезло больше. Хотя для нее требовалось стирание, Фустмэм настояла на длительном перепрограммировании.

Само сновидение не было чрезмерно сложным делом, хотя и было важным в этом мире. Машина связывала мастера и клиента через шлемы, мастер входила в состояние сна, в которых клиент принимал деятельное участие. Тип активности выбирался им заранее. Он мог вернуться в прошлое, мог исследовать другие миры, путешествовать в воображаемом будущем. Если заказывался длительный сон, например на неделю, то мастера и клиента питали внутривенно. Но в любую минуту клиент мог потребовать пробуждения.

Однако пять человек спали до самой смерти и не проснулись. Раз, может, два такое могло случиться из-за неисправности машины, слабости сердца клиента или еще какой-либо причины, вполне естественной, но пять — это уже слишком.

Юхач хорошо знала, что Фустмэм требовала от властей проверки каждой машины; она требовала, и в этом ее поддерживали те же власти, удостоверения о здоровье от каждого будущего клиента. Результаты освидетельствования не могли быть подделаны. И власти Ти-Кри не хотели продолжения скандала, который зашел слишком далеко. Мастера, долгое время обслуживавшие только местных жителей, лишь недавно стали главным увлечением туристов, и ценность этого правители планеты прекрасно понимали.

Юхач подошла к двери, на которой было нарисовано сказочное существо, упомянутое Фустмэм, и знала, что это одна из желаемых всеми сказочных комнат в этой части дома. Это показывало, что ценность Юхач для Улья не уменьшилась.

Хотя эта комната считалась роскошной для тех мастеров,

кто не жил в Небесных башнях лордов, она была маленькой и мало чем привлекала. Здесь было ложе из подушек тусклого ровно-зеленого и серого цветов — ничто не должно отвлекать внимание мастера от работы. У одной стены экран для чтения с открывающимся блоком, куда вставлялась лента, на другой стене маленькая полка с рядом кнопок: Юхач могла заказать легкую, почти безвкусную, но высокопротеиновую и питательную еду, обычную для мастеров.

За занавесом была маленькая личная ванна; занавес, как и ковер на полу, тоже серые. Юхач села на ложе, думая, нет ли у Фустмэм какого-либо тайного способа наблюдать за подопечными. Если да — то этого все равно не узнаешь, так что надо быть в любой момент начеку.

Здесь было очень тихо, ни один звук не проникал извне, хотя Улей был переполнен. Опять-таки для того, чтобы мастер мог без помех заниматься своими построениями. Видимо, тишина не производила на мастеров давящего впечатления. Их жизнью был сон, а внешний мир казался им неинтересной тенью.

Она подошла к диску, заказала питье и с чувством благодарности приняла чашечку горячей жидкости. У нее пересохло во рту, и она знала, что это обычная реакция на приближающуюся опасность. Сухость губ и языка, влажность ладоней предупреждали, что следует пустить в ход технику, которой она так долго обучалась.

Ждать всегда трудно. Если человек кидается прямо в действие, он рискует пропасть в нем. Но сидеть и ждать... Скоро ли появится другой игрок Гиона? Она даже не знала, кто он и насколько она может на него рассчитывать. А она не любит работать вслепую. Это совсем не походило на то, в чем она раньше участвовала. И с каждой минутой ей это нравилось все меньше.

Глава третья

— Пожалуй, меня устроила бы эта Юхач.

Руки Фустмэм лежали на краю панели контрольной памяти. Она одарила Барра немигающим взглядом, настолько безличным, что он начал думать, не впала ли сама правительница Улья в какой-нибудь сон. Затем она заговорила без каких-либо модуляций в голосе:

— Вы говорите, что лорд Осдейв рассказывал вам о ней. Да, он нанимал ее. Но вы должны понять, лорд, что она еще не перенастроилась на новые серии, поскольку вернулась в Улей всего два дня назад. Вы не сможете выбрать собственный сюжет...

Барр открыл поясной карман и достал серебряную кредитную пластинку.

— А я вовсе и не требую серий, установленных специально для меня. В сущности... мне просто интересно посмотреть, как работает это... эти сны в Ти-Кри. Любая программа, сделанная ею для лорда Осдейва, и мне вполне подойдет. Вы понимаете, я просто хочу попробовать.

Взгляд Фустмэм на несколько секунд перешел на его кредитную карточку. Барр и сам никогда не держал в руках такие: неограниченный кредит на любой планете, где Совет имеет посольство.

— На единовременный сон, — сказала Фустмэм, — цена выше, поскольку мастер не имеет обеспечения на будущее.

Барр пожал плечами:

— Цена не имеет значения. Но я хочу, чтобы это была Юхач. Осдейв столько наговорил о ее снах, когда я виделся с ним в последний раз.

Фустмэм снова одарила его тем же невыразительным взглядом. Но ее рука потянулась к одной из кнопок на маленькой панели и дважды нажала ее. На видеоэкране мелькнул узор, не лицо. Она взглянула на него и положила руку на кредитную пластинку.

— Она еще не прошла переподготовку. Ну хорошо, раз вы принимаете серию Осдейва, это можно сделать. У вас есть сертификат здоровья и стабильности?

Он подал ей кусочек перфорированного пластика. Она взяла его и сунула в щель контрольной панели. Серия щелчков — и узор на экране изменился.

— А разве в этом есть опасность? — решился открыто спросить Барр, разыгрывая инопланетника, незнакомого с процедурой Улья. Он считал такой вопрос вполне законным.

— А-мастер десятого разряда, — ответила Фустмэм, — может создать настолько живой сон, что тот целиком захватывает клиента. В таких случаях любая нагрузка на сердце или мозг может дать очень серьезные последствия. А мы, естественно, не хотим этого. У нас есть штатный врач. Но окончательное ре-

шение прервать сон всегда остается за клиентом. Если сон вам неприятен, вы заканчиваете его. Поскольку вы мысленно связаны с мастером, вы тут же сообщаете ей, и она отпускает вас.

— Ну, тогда опасность минимальна.

— Так оно и есть. — По-видимому, Фустмэм не собиралась говорить о недавних роковых событиях в Улье. — Когда вы желаете получить услуги Юхач?

— Как насчет того, чтобы прямо сейчас? Остальные пять дней я — гость лорда Эрлина, и я почти не сомневаюсь, что он запланировал какие-то развлечения, от которых я просто не смогу отказаться.

Фустмэм держала двумя пальцами его кредитную карточку и снова смотрела на Барра, но он был убежден, что она не изучает его, а просто глубоко задумалась.

— Юхач свободна, это верно. Но мы должны сделать множество приготовлений. Сейчас у нас все комнаты для сна заняты. Но если вы согласитесь вернуться после полудня, мы все устроим.

— Прекрасно. — Барр наклонился и выдернул кредитную пластинку из ее пальцев. Ей явно не хотелось отдавать ее. Барр мимолетно подумал, много ли таких пластинок она видела. Не так-то много людей, имеющих безлимитный кредит по всей галактике.

Он позавтракал в лучшем ресторане Ти-Кри и ел умеренно, выбирая из списка, предложенного ему, чтобы соответствовать пластинке, вызвавшей интерес у хозяйки Улья. Было сделано все, что можно, для обеспечения его личной безопасности (кроме отмены самой операции), но он должен был встретиться с неизвестным — и с весьма опасным неизвестным.

Когда он вернулся в Улей, его сразу провели в комнату, почти полностью занятую двумя кушетками. Между ними стояла машина, и на одной кушетке уже лежала девушка в надвинутом до носа шлеме. Второй такой же ждал Барра. Мастер дышала спокойно, медленно, и Барр подумал, что она, может быть, уже уснула.

Две помощницы, одна из которых носила эмблему врача, приветствовала его и, как только Барр вытянулся на своей кушетке, ему закрыли глаза шлемом. Барр глубоко вздохнул. Все! Пути назад нет!

Он на мгновение потерял сознание в смутном ощущении

кружения и переноса через пространство. Затем вспыхнул яркий свет, как будто он лежал без всякого шлема в открытом месте под жарким солнцем.

Барр медленно сел и осмотрелся. Он такого не ожидал... такой свободы тела и полнейшей реальности того, что видел. И для проверки он дернул пучок серо-зеленой травы. Та сопротивлялась, но вылезла, показав корни и красноватую землю. Это... это же было реально!

Вокруг были невысокие холмы или курганы. Они стояли кругом вокруг низины, в которой он лежал. На вершине каждого холма был вделан вертикальный камень, изношенный непогодой, но, конечно, поставленный здесь не природными силами. Местность была совершенно незнакома Барру, ничего похожего он никогда не видел.

Его внимание привлек ближайший холм. С его вершины, конечно, можно увидеть больше, чем из этой впадины. И Барр полез на эту вершину, увенчанную камнем.

Высокий курган был покрыт такой же серо-зеленой травой, какую он только что рвал. И она была мокрой и скользкой, так что он то и дело оступался и хватался за траву, чтобы не скатиться обратно на то место, где он вступил в этот воображаемый мир.

Поднявшись на гребень, он медленно повернулся, пытаясь составить представление о местности. Холмы со столбами продолжались бесконечными рядами к северу, как он предположил. К югу же их было немного, а дальше шло широкое открытое пространство. Там было множество сваленных вместе камней, и это вызывало предположение, что они представляли собой остатки зданий, давно рассыпавшихся то ли от времени, то ли в результате какого-то бедствия.

Над этим каменным пейзажем царила глубокая тишина. Однако откуда-то шла вибрация, не столько слышимая, сколько ощущаемая. Как будто сама местность медленно и тяжело дышала.

Барру захотелось крикнуть, зашуметь, чтобы разорвать это спокойствие. Он не доверял тому, что видел, и что-то в нем предупреждало, что это... опасно, хотя он не мог уловить, что именно.

Его руки потянулись к поясу, вернее, к тому месту, где должен был быть пояс, инстинктивно ища шокер, каковой носит в незнакомой местности любой осторожный человек. Но его пальцы скользнули по голой коже, и он впервые оглядел себя.

На нем больше не было почти фантастического костюма, предназначенного для Барра Никласа, весьма богатого человека. И кожа его стала гораздо темнее. Штаны из выглядящей как сталь ткани, видимо эластика, почти так же плотно облегающие тело, как и сама кожа. На ногах было что-то мягкое, как бы сделанное из тряпок, но на толстой тускло-красной подошве, а верхняя часть этой обуви была прострочена яркими красными нитками вдоль каждого пальца.

Через плечи шли два узких ремня; они перекрещивались на груди и скреплялись тут серебряной пластинкой с ладонь величиной, в которую были вставлены камни, подобранные по оттенкам от глубокого красного до блестящего оранжевого. На плечах его были широкие полосы, тоже серебряные; на одной были только красные камни всех оттенков, на другой — от желтого до оранжевого цвета. Эта одежда показалась Барру какой-то иноземно-варварской, хотя и выполненной весьма изящно, и он, конечно, никогда не видел такой.

Движение в груде камней в руинах заставило его нырнуть за монолит, стоящий рядом с ним на вершине холма. Он впервые сообразил, какую совершает глупость, так открыто показываясь здесь. Что-то перебегало от укрытия к укрытию среди камней, но так проворно, что Барр не мог ничего разглядеть. Он не был даже уверен, что это гуманоид.

Его одежда явно не предусматривала никакого оружия. Встав на колени позади камня, Барр начал осматриваться, нельзя ли чем-то вооружиться. В конце концов он зажал в руке небольшой камень. Обычный клиент мастера снов готов к природе сновидения, поскольку сам ее заказывал. Но Барр должен был принять программу, составленную Осдейвом и вложенную в псевдо-Юхач. Поскольку он не знал, чего ожидать, кроме неприятностей, то вполне возможно, что как раз сейчас эти неприятности и двигаются к нему.

Глава четвертая

Он здесь не один... Барр глубоко вздохнул, так крепко сжав камень, что его грубая поверхность врезалась в кожу пальцев. Один прятался за двумя стоящими друг на друге камнями, а другой передвигался с такой же скоростью вправо, исчезая

раньше, чем Барр мог заметить что-либо, кроме пронзительно-синего цвета, быстро мелькнувшего среди камней.

Он почему-то знал, что они охотятся за ним. Видимо, Осдейву нравился такой тип возбуждения, и он из-за болезненности в последнее время выбирал для себя во сне охоту и сражения.

Барр взглянул через плечо на цепочку курганов-холмов, уходящую к далекому горизонту. Может быть, следовало бы отступить к северу, раз он уверен, что эта игра в прятки будет смертельной. Но это только затянет действие, заложенное в сон. Нет, он останется на месте до тех пор, пока опасность не станет слишком сильной, что он не сможет управлять ею.

Возможно, они потеряли его из виду, но были достаточно нетерпеливы, чтобы искать его, и двинулись дальше, к открытому пространству. Там, на некотором расстоянии друг от друга, но на одной линии, встали трое странных, неподвижных, как статуи, существа, словно эта неподвижность могла скрыть их присутствие.

Космический путешественник Барр давно потерял способность удивляться какому-либо отличию от его собственного понимания норм. Но эти создания были достаточно необычны и привлекали его внимание.

Об их размерах трудно было судить на расстоянии, однако он решил, что эти трое выше его ростом. И это были птицы или, по крайней мере, птицеподобные. Их тела на длинных тонких ногах были покрыты ярким синим или зеленым оперением (один зеленый и двое синих) с пучком пышных хвостовых перьев. Головы были необычно крупными, с высоким гребнем из перьев, большими глазами и смертоносными по виду клювами, похожими на короткие мечи. Эти громадные головы сидели на длинных гибких шеях с чешуйчатой кожей вместо оперенья.

В них не было решительно ничего привлекательного. Кроме того, Барр точно *знал*, что был предметом их охоты, что они смертельные враги всего человеческого рода.

Теперь они уже не были неподвижными. Зеленый чуть опустил голову и вытянул шею, указывая направление, где притаился Барр. Человек начал подозревать, что его задержка здесь была ошибкой. Но скорость, с которой птицеподобные пересекли развалины, внушила ему уверенность, что попытка к бегству окажется для него роковой.

Не так ли умерли те пятеро? Охотились ли за ними — может, не эти оперенные чудовища, а какие-нибудь другие враги? Он вспомнил предупреждение Фустмэм: он в любой момент может проснуться...

Зеленая птица сделала летящий прыжок, который поднял ее над камнями и перенес на вершину ближайшего к ней холма чуть ниже того камня, за которым укрывался Барр. Нечего разыгрывать героя, самое время проснуться.

Но в ответ на его приказ произошло не исчезновение угрожающих ему охотников, а мерцание в воздухе. Рядом с монолитом, укрывшим Барра, в землю глубоко вонзилось копье; его древко дрожало от силы броска.

Рука Барра инстинктивно схватила копье. И в то же время с севера раздался крик. Голова зеленой птицы резко повернулась; она напряженно всматривалась туда, откуда раздался крик.

Барр вытащил копье из земли, но мозг его занимала одна мысль — требование прекращения сна не сработало!

Он взвесил копье в руке. Значит, вот оно как! И вполне может быть, что его, Барра, забыли здесь, а псевдо-Юхач, приведшая его сюда, не смогла его вытащить. Но его упорный отказ быть убитым взял верх. Кто-то бросил ему оружие, пусть даже такое жалкое против размеров врага. И кто-то отвлек внимание птиц...

Барр огляделся вокруг, пытаясь одновременно не выпускать из виду птиц и обнаружить того, кто пришел ему на помощь, хотя бы и ненадолго. В этот момент зеленая птица издала первый звук, который Барр услышал от нее: пронзительный, душераздирающий визг. Затем она взлетела прямо с места в воздух и приземлилась уже на другом холме.

Птица казалась бескрылой и вроде бы не могла лететь, но чудесный прыжок перенес ее на другой холм, ближе к Барру. Птица больше не следила за Барром, а смотрела на север.

Хотя Барр боялся отвести глаза от двух других птиц, оставшихся пока в развалинах, ему хотелось знать, кто или что теперь пошло в атаку.

Тело птицы напряглось и потом чуть согнулось. Барр был уверен, что сейчас последует третий прыжок. Если так, то птица чуточку запоздала со своим решением: что-то закружилось в воздухе. Длинная веревка с грузами на концах щелкнула по но-

гам птицы как раз под телом и скрутила их. Птица разразилась яростными воплями, голова ее дергалась вверх и вниз и рвала веревку своим страшным клювом. Пока она корчилась на земле, закружилась вторая веревка, обмоталась вокруг шеи птицы, полностью опрокинула ее и прикрутила ее голову к телу.

Барр посмотрел, где остальные птицы: они исчезли, хотя под прикрытием холмов могли бы прийти на помощь своему связанному собрату.

— Иди сюда!

Это был уже не крик птицы, а четко различимые слова на основном. Барр снова повернулся. На третьем холме от него стояла и махала ему какая-то фигура. Она была в плаще с низко опущенным капюшоном; можно было различить лишь, что фигура напоминает человека. Делать нечего, Барр повиновался: бросился бегом с холма как мог быстро, в то время как связанная птица продолжала кричать.

Барр тяжело дышал, преодолевая последний подъем. Из-под плаща высунулась рука, поймала его руку и дернула так, что оба они ударились о монолит на этом кургане.

— Этот круговой кнут не удержит куейкера надолго.

Барр встретился глазами с девушкой. Она отбросила капюшон, и открылись волосы, туго стянутые на голове высокой, как корона, пряжкой, а сзади свободно падающие на плечи. Волосы были темно-синие. Руки — темно-коричневые, как у Барра. Глаза под гладкими синими бровями горели оранжевым огнем.

Барр задумчиво покачал копьем.

— Не сказал бы, что это уж очень эффективное оружие, — начал он. — Куда теперь мы должны бежать?

Он не имел представления, откуда взялась эта девушка. Вроде бы она спасла ему жизнь — на данный момент, по крайней мере.

Она затрясла головой:

— Именно этого они и хотят. Они бегают быстрее любого человека. Нет, мы сменим...

— Что сменим?

— Сменим участок нашего сна. Дай руку!

Ее пальцы стиснули его руку отнюдь не нежно. Другой рукой она сделала быстрый жест.

Мир закружился, и Барр зажмурился, борясь с тошнотой, по-

тому что эта нестабильность была выше его понимания. Когда он заставил себя снова открыть глаза, он стоял на желтоватом песке, который омывала с методичной медлительностью вода, — возможно, море. Рука Барра была все еще зажата в руке девушки, и он облегченно вздохнул. Она отпустила его руку и отошла.

— Так... — сказала она как бы про себя. — Настолько далеко они не могут изменять.

— Что все это значит? — решился спросить Барр, и его голос неприятно громко пронесся над легким шепотом воды.

— Видишь ли, — она повернулась и взглянула ему прямо в глаза, — нас каким-то образом закрыли. Когда ты потребовал прервать сон, я не смогла этого сделать. Понимаешь? Нас обоих защелкнули в этом сне, и сон этот только частично взят из памяти Юхач. Развалины были... и куейкеры тоже. Они и в самом деле существуют, или существовали, на Альтаире IV. Но они не агрессивны. Теперь...

— Память Юхач. — Барр схватился за те ее слова, которые понял сначала. — Значит, ты...

Она рассмеялась:

— Я твой подстраховщик, мастер снов. Но сейчас я попалась в собственные силки. Ты дал сигнал проснуться, и я должна была повиноваться, но тут оказался барьер. Но они пока еще не могут препятствовать нашему движению в этом сне. Сейчас мы здесь, — она указала на взморье, — вместо того чтобы прятаться от куейкеров на тех холмах. Я не знаю, контролируют ли нас во сне или просто держат здесь, но мы не можем рассчитывать на безопасность.

Барр крепче сжал копье. Он понял вполне достаточно. Они заперты в этом исключительно реальном сне, и выхода из него нет.

— Мы можем вот так... перемещаться, если нам угрожают?

Она пожала плечами.

— Ограниченно. Я мало чего могу взять из памяти Юхач. Но если меня заставят дойти до конца, тогда... — Она покачала головой. — За пределами ее памяти у меня нет образца, чтобы следовать ему. Об этом море я знала. Может быть, найдется еще четыре места, куда мы сможем переключиться.

— А потом, — закончил он за нее, — мы будем пойманы окончательно.

Она медленно кивнула и повторила:

— Пойманы окончательно...

Глава пятая

Барр проверил остроту копья, которое все еще держал в руках. Наконечник был трехгранной формы, мрачно-тусклый по цвету. Барр был обучен пользоваться таким варварским оружием, как меч, кинжал и примитивные метательные снаряды, но с копьем встречался впервые.

— Ты знаешь этот сон, — медленно сказал он. — Он по тому образцу, какой Юхач делала для Осдейва? Видишь ли ты в достаточной мере вперед, чтобы знать следующие события?

— В целом сон должен быть тот же, что по плану, даже куейкеры. Но есть небольшие изменения. Куейкеры были предназначены, чтобы на них охотиться. Осдейв любил охоту. Тут... — она заколебалась, — он собирался встретиться с Морскими бродягами и присоединиться к их экспедиции против древних Владык островов. Во сне были три основные вариации: охота на птиц, морское путешествие и, наконец, авантюра с захватом башни Килн-нам-у. Каждый эпизод потенциально опасен, если сон пойдет не так, как полагается. А теперь здесь давление, которого я не понимаю... — она говорила медленно, и легкие складки собрались у нее на лбу. — Ты понимаешь, что ты теперь совсем другая личность? Ты Гэррет, Воин Правой Стороны.

Барр нахмурился:

— Как это?

— Мастера снов творят Форму реальности: ты часть этого мира, который является древним временем на Альтаире IV, но не точно таким, потому что каждый мастер добавляет свое. Я — Кайтили, Воительница Левой Стороны. Традиционно мы враги. Но Юхач во сне изменила эту точку. По ее плану мы с тобой объединились в поиске, поэтому, как положено в легендах любого мира, мы должны найти некие вещи. С ними мы вернемся в Три Башни, и там... — Она слегка улыбнулась и закончила: — Судя по воспоминаниям мастера, наша награда должна быть очень эффективной. Хотя в этом сне был сильный элемент риска, Осдейв, конечно, не попадал в большую опасность, — ее было ровно столько, чтобы удовлетворить его страсть к действиям. Но теперь, с этими изменениями, я не могу предвидеть, что может быть впереди в общей основе первоначального сна.

— Если мы воины, — заметил Барр, — почему у нас нет настоящего оружия?

— Потому что этот поиск означал испытание. Я несла копья и веревки с грузами, но ничем не пользовалась. А тебе было назначено идти с голыми руками.

— Ты вытащила нас из этой атаки. Не можешь ли ты придумать для сна шокер или что-нибудь получше этого? — Барр показал на копье.

— Я ничего не могу добавить от себя, я пользуюсь только тем материалом, что взят из памяти Юхач. Ты знаешь, что я же нетренированный мастер снов, и, — она повернула голову и оглядела пустынный пляж, — на меня производят давление. Здесь есть еще кто-то, кто вмешивается и изменяет все так незаметно, что я не могу проследить источник этого вмешательства. Так, например, изменилась на противоположное охота в холмах. Не сомневаюсь, что мы увидим и другие зеркальные отражения событий.

— Ловко! — присвистнул Барр. — Не лучше ли нам сразу же сбежать отсюда, а ты попытаешься разрушить сон.

— Мы не можем остановить активную волну, — ответила мастер. — Нам придется разыграть узор до конца.

Она была уверена в том, что говорит, Барр знал это. Итак, роли переменились. Сумеют ли они одолеть то, что последует?

— Значит, еще два куска?

— Ты должен зажечь маяк. — Кайтили, как она себя называла, показала на ободранное морем бревно, возвышавшееся среди береговых скал. — Это следует сделать в сумерках. Тогда подойдет пиратское судно под названием «Эрн». Ты, или, вернее, Гэррет, уже встречался с капитаном «Эрна» и обещал богатую добычу в Морской Башне Восточного Вура. Тебе самому нужна только Чаша Кровавой Смерти, хранящаяся там. Это дело может быть очень опасным, но «Эрну» повезет — он войдет и выйдет без больших бед. А имея Чашу, ты сможешь договориться с тем, кто владеет башней Килн-нам-у...

Барр засмеялся:

— Это же похоже на детскую сказку! Неужели ты хочешь сказать, что Осдейв желал пережить такую дикую бессмыслицу?

— Это не история, а легенда, но в ее основе лежит истинная история, — поправила его девушка. — Было сделано множество исследований, чтобы снабдить древний остов героиче-

ской сказки подлинным фоном и современными ему деталями. Частично это история. Гэррет действительно существовал, он был первым Верховным Полководцем на половине этой планеты, и он добился этого положения, испытав подобное приключение. Мастера снов — эксперты по возвращению в прошлое не только своего мира, но и в прошлое любой другой планеты, если ее история имеется на лентах.

— Но если это *было*... если это история, как она может измениться? Проснувшись здесь, я предполагал делать что-нибудь другое, а не бегать от куейкеров, как мне пришлось.

— Да, ты взял в плен двух куейкеров, которые хотели отогнать тебя от их места гнездования. В развалинах ты нашел старинный металлический цилиндр, в котором была карта Вура...

— Какой вздор! — прервал ее Барр. — Не могу поверить, что взрослый человек всерьез примет такое, даже если предполагает, что это история!

— Уверяю тебя, что Осдейву это нравилось. Как человек, почти утративший возможность пользоваться собственным телом, он жаждал этой отдушины, как наркоман — порошка, дающего ему вход в другой мир. Это был последний сон Осдейва перед смертью, и он был самым хитроумным сном из всех, какие Юхач когда-либо создавала, потому что Осдейв прекрасно знал о своем близком конце.

— Я думал, что никому в тяжелом состоянии здоровья не позволяют идти в сон, — заметил Барр.

— Инопланетнику не позволяют. А жители Ти-Кри такими правилами не связаны. Некоторые предпочитают умирать во сне.

— Вот как... Я думал, это невозможно. Мы здесь именно из-за того, что умерли люди.

— Тут совершенно иная ситуация. Те жертвы были инопланетниками, в добром здравии и не давали никаких подписок. И сны, которые они выбирали, не были опасными.

Барр покачал головой:

— Однако человек может умереть во сне?

— Да, если такое его желание зафиксировано. И не просто записано, но и утверждено лордами Совета и главой его собственного клана. Но ни одному инопланетнику такого разрешения не дадут.

— Возможно. — Барр знал, что она, без сомнения, хорошо осведомлена в этих делах. — Но этот сон уже был изменен. Я не находил никакой карты или чего там еще Гэррет предполагал иметь. А что, если я не зажгу сигнальный огонь и рейдер не придет? Это не разрушит сон?

— Не знаю. Возможно, тебя вынудят сделать следующий шаг.

Барр сел на песок и скрестил ноги:

— В это я не верю.

Она тоже села, несколько поодаль. Морской ветер играл ее длинными волосами.

— Отлично. Вот мы и проверим силу того, кто выступает против нас, — спокойно ответила она.

Через некоторое время он нарушил возникшее молчание:

— Ты все еще не можешь проснуться?

— Нет. И кроме того... — Она замялась в раздумье, сказать ли ему, а затем добавила: — Я больше не командую.

— Что это значит?

— То, что я сказала. Раньше я знала, что ждет тебя... нас впереди. А теперь я не могу быть уверена в будущем. Все как бы... расплывается. Это самое подходящее слово. Вроде как ты взял картинку и наложил на нее другую, и разные сцены закрывают друг друга.

— Значит, есть другой мастер?

— Не знаю. Не уверена. Но только на тот сон, который я знала, накладывается другой и...

Она исчезла. Барр уставился на то место на берегу, где она только что сидела. И в песке все еще оставалась вмятина. Но Юхач, или Кайтили, или кто она там еще — исчезла у него на глазах.

Он встал и осторожно коснулся концом копья отметки на песке. Никого и ничего.

Он сомневался, что она сделала это по своей воле. Может быть, другой рисунок, наложенный, как она чувствовала, на сон Осдейва, старался стереть ее, убрать из предназначенного для Барра будущего.

Она спасла его от куейкеров. Вполне возможно, что он не будет спасен от следующего испытания, имеющегося в древней легенде. Но она сказала, что он должен зажечь сигнальный огонь и привлечь внимание корабля, и от этого он мог воздержаться.

И вообще тут же уйдет отсюда! Хотя он не мог идти за Юхач, но он все равно уйдет от этого внезапно ставшего предательским берега в глубь страны, даст себе время найти какой-то способ обезвредить неизвестного мастера, поскольку он не имел ни малейшей надежды, что на его сигнал о пробуждении ответят... иначе как отказом.

Глава шестая

Барр пошел прямиком от моря. Перед ним лежала местность, покрытая густыми зарослями не то высокого кустарника, не то низкорослых деревьев. Листья были плотные и темные по цвету, так что каждая группа казалась пятном. В этом ландшафте было что-то зловещее. Местность с курганами казалась странной и чуждой, а эта не производила впечатления активно угрожающей, и потому еще сложнее было определить, в чем именно таилась угроза.

К тому же ему приходилось бороться со вполне определенным и упорно нарастающим требованием не ходить вглубь страны. Видимо, новый рисунок сна хотел заставить его зажечь береговой маяк и последовать, как в первоначальном сне, в рейд на Вур. И теперь две воли сражались в Барре за его путь. Землю покрывала та же жесткая трава, что была на курганах; ее длинные острые концы захлестывались вокруг его ног, едва не лишая равновесия, как бы стараясь насколько возможно затруднить ему продвижение. Но знание того, что продвигается *вперед* против желания того, что боролось с ним, поддерживало его.

Атмосфера лежащего впереди района была настолько зловеща, что Барр в любую минуту ожидал появления неведомой опасности, жаждущей сражения.

Потрясенная Юхач-Кайтили-Ладия (кто она в действительности?) прислонилась к подпорке, которую она чувствовала, но отчетливо не видела, и попыталась окончательно прийти в себя. Она не была больше на морском берегу, но и не вернулась на свое ложе в Улье. Нет, она снова была на кургане, где оказалась, когда вошла в сон. Вдалеке она увидела мужчину, согнувшегося у монолита, и куейкеров, готовых ринуться

на него. Ее руки потянулись к поясу, чтобы снять утяжеленную веревку.

Только... это было неправильно!

Ей трудно было привести мысли в ясность. Она должна спасти человека.

Но ей показалось, что вся сцена перед ней заколыхалась: в ней не было глубокой реальности, как в первый раз.

Воля ее обострилась, сознание полностью проснулось. Никаких инстинктивных действий... Это не ее сон, а другого мастера. Она была здесь не со своим компаньоном по приключению; это был сон-симуляция.

Куейкер прыгнул, целясь в грудь человека клювом, и, легко уклонившись от ответного удара, ударил. Она услышала всхлипывающий крик человека, торжествующий визг куейкера, но вела сейчас собственную битву за то, чтобы разорвать на куски фальшивый сон.

Вся сцена покрылась рябью, отчаянно стараясь сохраниться, хотя была разорвана, точно тряпка, сверху донизу. На миг девушка увидела какую-то тень, удалявшуюся от нее, но действующую как бы на другом плане. Юхач увидела врага, но не могла ни определить, кто он, ни установить, каково его положение по отношению к ним.

Умирающий человек и куейкер исчезли, курган окутался туманом, который сгустился над девушкой, так что ей стало трудно дышать. Ее словно завернули в мокрое одеяло. Если бы она не боролась, не призвала на помощь свой природный талант эспера и все то, что узнала от Юхач, она нашла бы здесь свою смерть.

Это был сон, иллюзия. И та, что пряла сон, не могла быть захвачена сном другой без своего полного согласия. Поэтому девушка могла быть убита только в том случае, если бы приняла иллюзию. Она заставила себя дышать глубоко и медленно, бороться с тем, что видели ее глаза. Она не впуталась во вражеский сон, она участвовала в том сне, рисунок которого глубоко лежал в ее сознании. Только он был истинным!

Туман откатился. Она познала минуту триумфа, но не поддалась ему. Случившееся было далеко за пределами знаний, полученных ей от Юхач, или любых записей, какие она видела. Ясно было только одно: несмотря на вражеские усилия, галлюцинация не могла удержаться, коль скоро ее рас-

познали. Каким-то образом девушка была вооружена; но что с Барром?

Их намеренно разлучили, и она была убеждена, что другой мастер может вполне захватить над ним власть, несмотря на силу его воли. Он не обладал талантом эспера, иначе его не выбрали бы на роль, которую он играл, и ее помощь была его единственным оружием. Для них обоих оставалась лишь одна надежда: только вместе они могут иметь шанс на спасение. Нужно отыскать Барра.

Туман не развеялся полностью, но разошелся достаточно, чтобы она могла оглядеть местность вокруг. Она была уверена, что ее минутная защита, ее отказ от действия при дуэли на кургане разбил рисунок, составленный другим мастером. Найти Барра можно было только одним способом: сконцентрировать волю. Они были на морском берегу... Она закрыла глаза и сосредоточилась на этом берегу, как и в первый раз, когда их так быстро перекинуло из одной точки измененного сна в следующую. Закрыв мозг для всего внешнего, а также и для внутреннего, она рисовала себе берег, каким видела его в тот раз, и сильно хотела очутиться там снова.

Возникло ощущение невесомости и резкой боли. Она открыла глаза и огляделась. Да, здесь был песок, вода бесприливного моря, скалы... Но любая часть берега похожа на другую. И Барра здесь не было.

Она отчасти надеялась, что увидит его, зажигающего маяк, поскольку была уверена, что другой мастер следует общей основе первоначального сна; но и здесь не было и признака Барра.

Обернувшись, она посмотрела вглубь местности. В ландшафте не было ничего приятного. Ее охватила ярость при виде деревьев, очертания которых имели какой-то странный вид. Словно бы деревья могли по своей воле изменять свою природу и принимать другие, смертоносные формы.

И там никого...

Однако она почувствовала... Что же именно? Неопределенную тягу, как будто от ее тела шла тончайшая нить, прикрепленная к чему-то невидимому, находящемуся среди тех устрашающих деревьев. Наверное, это Барр; он оставил берег, желая сломить угрозу сна тем, что пойдет наперекор тому будущему, которое она составила для него.

Ее удивило, что он оказался способным на это. Она была уверена, что всякий сон, достаточно сильный, чтобы вернуть ее к началу всех действий, без труда повернет Барра по новому пути. Барр сам сделал себя уязвимым, играя роль клиента, принявшего первоначальное сновидение.

Возможно, борьба, которую она вела, в какой-то мере сослужила ему службу: она оттянула на себя большую часть чужой воли, и поэтому ему удалось сменить курс.

Но в любом случае они должны идти вместе, иначе у них вообще не будет никаких шансов. Поскольку клиент и мастер неразрывно связаны, они либо входят в сон и выходят из него вместе, либо этого не происходит вообще. Итак, ей оставалось только последовать этому слабому чувству притяжения. И она решительно двинулась в ту сторону.

Небо потемнело. Видимо, наступала ночь. В настоящем сне они должны были провести эту ночь на борту «Эрна». Но сейчас был новый рисунок сна, и кто знает, какие опасности могут грозить путнику в темноте? Поднялся холодный ветер. Юхач плотнее запахнула плащ-халат и продолжала идти, надеясь, что ведущее ее чувство не обманывает.

Стемнело. Барр, избегая разбросанных групп деревьев, старался обходить стороной даже тени, которые они отбрасывали на землю. Он очень устал, но не от самой ходьбы, а от постоянного сопротивления чужой воле, которая понуждала его вернуться и зажечь маяк. Теперь эта воля шла потоками силы, более тревожащей, чем первоначальное ровное давление, потому что между потоками были интервалы, как бы дающие ему надежду на победу, но затем следовал новый удар, более резкий, более настойчивый. И то, что действовало на него, казалось, было неутомимым, так что Барр подумывал, долго ли он еще продержится, прежде чем повернет назад, к прибрежным скалам, зажжет ночной сигнал и примет смерть, которая, как он был уверен, ждет его в измененном сне. После того как куейкеры едва не покончили с ним, он подумал, что вряд ли может рассчитывать на дружелюбие Морских бродяг; вполне возможно, что они встретят его сталью и сильным желанием отнять у него жизнь.

Он все еще шел вперед, несмотря на удары. Вдруг он поднял голову и пригляделся к группе деревьев слева. Они изменяли очертания... Тут что-то было не так.

Глава седьмая

Фигура поднялась из полусогнутого состояния, которое делало ее похожей на другие низкорослые деревья. Фигура была крупнее человека, но очертания ее были настолько неопределенны, что Барр даже не мог сказать, стоит ли он перед большим зверем или разумным существом. В быстро надвигающихся сумерках фигура казалась просто черной массой. И странное дело: пока Барр подходил ближе, масса съеживалась в размерах и в конце концов стала не выше человека.

Барр крепче ухватился за копье. Существо, встав у него на дороге, больше не двигалось, но Барр не сомневался, что это вражеская сила. Это был явно не куейкер, но откуда Барру было знать, какие еще опасности могут встретиться ему в этих краях? Хотя в прошлом он повидал немало опасностей, это приключение не походило ни на одну операцию, в которой он принимал участие. То все было в реальном мире, где он мог хоть частично, но оценить опасность. А эта местность — порождение воли и воображения... кого? По собственному признанию Юхач, не только ее.

Он не пытался избежать встречи с ожидавшим его существом. Лучше смотреть страху прямо в лицо, чем позволять своему воображению дополнять его деталями.

Фигура шевельнулась, отбрасывая складки черного плаща. Света было еще достаточно, чтобы увидеть ее голову и лицо.

Она вернулась!

На его губах уже был приветственный возглас, но он не произнес его. Хотя все черты и движения головы были теми же, что он видел раньше, но...

Девушка протянула руку и повелительно махнула. Барр остался на месте. Давление, действовавшее на него с тех пор, как он оставил берег, теперь изменило направление: оно понуждало его идти вперед, к этой Юхач. И это изменение в невидимой воле насторожило Барра.

— Иди сюда! — Она сказала те же слова, что и при первой их встрече. Затем еще раз махнула рукой и нахмурилась, возможно, от нетерпения.

Он воткнул конец копья в землю, сжал древко обеими руками, как бы удерживая себя от повиновения приказу.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — Кайтили.

Голос имел тот же тембр, ничем не отличался от голоса Юхач. Но настойчивое принуждение настораживало, а в этом месте Барру следовало обращать внимание на любое, даже самое малое предупреждение.

— Нет, ты не она!

— Я Кайтили. Пойдем... — Она как бы не слышала его ответа. — Наступает ночь, и тут бродит то, что может погубить нас. Мы должны найти убежище... Пойдем! — Ее приказ был усилен внезапным потоком принуждения, таким сильным, что оно едва не сорвало Барра с его места, заставив его споткнуться.

— Ты — не она, — повторил он. А вдруг... она? Барр не знал, он полагался лишь на внезапное отвращение к ней, шевельнувшееся в нем.

— Я Кайтили! — Она подняла руки и откинула капюшон. — Посмотри на меня, дурак, и увидишь!

Теперь Барр был уверен — она сделала ошибку. На секунду она вышла на свет из своей личины. Она *не была* той девушкой на берегу!

— Ты не Кайтили, — убежденно сказал он. Она уставилась на него. Всякое выражение исчезло с его лица. Теперь она реагировала так быстро, что он почти не имел времени отреагировать. Ее правая рука взметнулась и что-то бросила в него. Он увидел только искру света, но его тренированные рефлексы не пропали даже в мире сна. Он упал на землю, перекатился и снова вскочил легким и быстрым движением опытного невооруженного бойца.

Что-то ударилось позади него, оттуда вырвался огонь. Барр прыгнул, но не к девушке, а в сторону, как только ее рука снова двинулась. На этот раз огненная вспышка слегка коснулась его, и он почувствовал ожог.

Лицо ее стало безобразной маской, она плюнула в его сторону. Плащ ее закрутился вверх, как будто обладал собственной жизнью или подчинялся только ее воле; он обвернулся вокруг девушки, превратив ее в черный столб, снова скрыв ее лицо в своих бесформенных складках.

Эта черная колонна стала погружаться в землю. На тропе со стороны Барра трава обуглилась, и в ней еще горели красные огоньки. Но девушка исчезла.

В ночном воздухе чувствовался едкий запах. Но Барру казалось, что он был один, не считая только теней от деревьев.

— Гэррет?

Он обернулся, взяв копье на изготовку... Еще одна тень шла к нему.

— Гэррет! — с интонацией узнавания сказал голос, но он не обманул Барра. Она что, хочет вторично сыграть в ту же игру? Он приготовился еще раз избежать атаки.

— Не выйдет, — сказал он, — ты не Кайтили.

— Нет, — ответила она, — но я та, которая делала сон.

Барр внимательно оглядел ее. В самом деле, было небольшое различие между этой девушкой (он не хотел назвать ее имя даже мысленно) и той, которая только что исчезла, как будто земля разверзлась под ней.

— Если ты мастер снов, то дай мне доказательство.

— Какого доказательства ты требуешь?

— Скажи... куда ты уходила и зачем?

Она не пыталась подойти к нему ближе.

— Куда уходила? Назад, к началу сна. А зачем? Не знаю. Знаю только, что та, которая хочет изменить наше путешествие, пыталась уверить меня, что ты умер.

— Почти так оно и было. Если человека можно убить оружием во сне, — он показал концом копья на сожженную траву.

Настороженность, охватившая его, когда он стоял перед той, другой, теперь исчезла.

— Как ты вернулась?

— Своей волей. — Юхач, казалось, была уверена в этом.

Барр покачал головой.

— Тени да сны... Как может человек сражаться с ними? Во всяком случае, у твоего двойника было оружие, которое смогло сделать это. — Он снова указал на обгоревшую землю и испепеленную траву и рассказал ей о той, что приняла ее облик, облик Юхач.

— Другой мастер? — переспросила она. — Так, значит, ты не пошел по образцу... — Она глубоко вздохнула. — То, что было сломано, другой может обратить в свою пользу.

— Так что мы не знаем, на что рассчитывать? — Он понял значительность ее тревоги.

— Возможно. Осталась только одна вещь, которую мы можем попробовать: подойти ближе к концу сна и попытаться ускорить

его завершение. Пока она собирает силы и строит более сильный контроль над рисунком сна, мы сможем вырваться.

— А сумеем?

— Не знаю. Во всяком случае, она не смогла удержать меня своей иллюзией, когда вернула на курганы. Возможно, она не сможет удержать нас обоих, если мы пожелаем конца сна. Нелегкое дело — сохранять рисунок, хотя я не знаю, случалось ли когда-нибудь, чтобы клиент сам желал изменить его. Я твой мастер, следовательно, связана с тобой; если мы будем работать вместе, мы станем сильнее...

— Ты думаешь, что мы можем... перепрыгнуть? — спросил Барр.

— Попробуем.

Но ему показалось, что в ее ответе есть тень сомнения.

— А что ты выбираешь?

— Башню Килн-нам-у.

Она протянула руку, как это делала другая. И сходство этих жестов было так велико, что Барр секунду-другую не решался подойти, чтобы не оказаться обманутым... Но тут не было давления на него, выбор явно оставался за ним.

Он сделал два шага к ней и почувствовал, как она сжала его пальцы. Прикосновение было чуточку холодным, и он чувствовал через этот контакт напряжение ее тела и сосредоточенность.

— Думай, — резко сказала она, — думай о Башне на море, на том самом море, которое мы видели... Думай о ней!

Он не знал хитростей и уловок мозга эспера, но если это для пользы дела, он, во всяком случае, может думать о Башне. И он, как умел, представил себе Башню, архаичную по стандартам его родного мира, но при этом по разрушенности близкую к кургану. Он закрыл глаза, чтобы лучше построить этот мысленный рисунок, а затем ее прикосновение показалось ему жгущим почти с истребляющей силой, как будто их объединил сильнейший электрической удар.

Глава восьмая

Итак, это была Башня, усилия Юхач привели их к концу сна. Барр уставился на строение. Некоторое время тот мысленный образ, который он создал в мозгу, накладывался, как

туманная мелодия, на реальность. Затем иллюзия исчезла, и он смотрел на строение, родное этому миру сна.

Башня была поставлена так, что пики утеса закрывали две ее стены со стороны моря; стены стояли под прямым углом. Древняя кладка была так тщательно пригнана, что даже само время не смогло нарушить ее. Поэтому строение вызывало такое тяжелое ощущение древности, что это ощущение казалось почти визуальным.

До уровня, как оценил Барр, в два обычных этажа не было никаких отверстий; выше находился треугольник клинообразных окон, оправленных в ромб. Они казались абсолютно черными, поскольку ни один солнечный луч не проникал в эти глубокие норы.

Еще один поразительный фокус: в путешествии, которое создала их объединенная воля, они оставили за собой ночь, а здесь, по мнению Барра, время подходило к середине дня.

Башня была сложена из тускло-красного камня, совсем не похожего на желто-коричневый камень утесов, наполовину укрывавший ее. В грубо сглаженной поверхности блоков искрились вкрапления кристаллов, отражающих солнце, так что здание казалось окруженным ожерельем из драгоценных камней.

— Килн-нам-у. — Юхач выпустила руку Барра. — Нам здорово повезло.

— Что Осдейв собирался здесь делать?

— Он омыл этот блок, — она указала на один из камней на высоте плеча Барра — по-видимому, хорошо пригнанную часть основания Башни, — водой из Чаши Кровавой Смерти. Это должно было дать выход существу, которое всегда жило внутри, и Осдейв торговался с ним за Жезл Ара... чтобы он мог править.

— Поскольку у нас нет этой Чаши, — сказал Барр, — не можем ли мы сразу сломать сон?

Она не ответила. Он перевел взгляд с Башни на девушку.

Ее лицо застыло, глаза не смотрели ни на него, ни на Башню, а куда-то вдаль, сквозь нее, что было перед ними.

— Я... не... могу... — Она с трудом выдыхала каждое слово, как будто перед этим долго-долго бежала.

— Мы же дошли до самого конца сна, почти... И ты не можешь прекратить его?

— Тогда мы сразу же попадем в рисунок, выбранный другим мастером, — высказала она горькую правду.

Барр принял ее ответ как должное. Ладно, значит, они не могут разбить сон, составленный Осдейвом, но должны следовать другому...

— Ты знаешь все, что знала Юхач. Ты должна знать, раз тебя инструктировали. Такое когда-нибудь случалось?

— Насколько я знаю, Юхач не было известно о таких перемещениях. Она мастер десятого разряда. Это высший разряд по шкале Улья.

— Однако должны существовать разряды и выше, иначе мы бы не были захвачены. Ты не можешь установить источник?

Слабая тень растерянности в ее глазах пропала. Теперь в них было напряженное выражение.

— Могу попытаться. Она... доберется до нас рано или поздно. Сон должен идти до самого конца, иначе врач Улья узнает, что тут несчастье. Они... Фустмэм, если только сама не участвует в том, что мы ищем, не посмеет помешать врачу вмешаться. Мы наверняка лежим там в настоящем глубоком сне. И поскольку наш сон ограничен во времени, та, что ткала новый рисунок, должна спешить. Мы отрезали среднюю часть приключений Осдейва и приблизили конец. Мне остается только ждать следующего хода, и это будет их ход.

Барру это не нравилось. Терпение было оружием, которое он культивировал в своих собственных операциях. Но то относилось к реальному миру, и тогда он имел некоторый контроль над будущим. Ему приходилось ждать нападений, но противник всегда работал на той основе, которую он, Барр, мог понять. А вот такая призрачная борьба выводила его из себя.

— А есть какой-нибудь способ установить защиту заранее? — спросил он.

Вместо ответа она сделала предупреждающий жест. Через секунду он зашатался под ударом — не физическим, хотя у него было ощущение, что некий гигант двинул его кулаком, направляя к Башне. В то же время Юхач поднесла руки к голове и вскрикнула от боли.

Эта... эта сила хотела толкнуть Барра к Башне, ударить его о каменные блоки. Но он не растерялся и снова воткнул копье в землю, чтобы остаться на месте. Тело его качалось туда и

сюда под невидимыми ударами, но он крепко держался, стиснув зубы.

Его спутница упала на колени, ее руки все еще зажимали уши, из глаз текли слезы. Она стонала, и эти стоны отдавались в камнях вокруг. Похоже, что они оба сражались с каким-то насилием, которое почти превышало их сопротивление.

Башня перед глазами Барра затуманилась... Может, тот блок, на который недавно указывала Юхач, двинулся с места? То, что стремилось управлять Барром, хотело швырнуть его туда, в темную щель отверстия. Если это была дверь, то ее очертания были очень неровными, она больше походила на естественный проход между камнями.

Барр стоял крепко. Он не желал повиноваться. Юхач говорила, что они дошли почти до конца первоначального сна; следовательно, Барр может не принимать никакого нового рисунка. Он собрал все свое упрямство и волю и пользовался ими, как броней, против ударов.

Девушка медленно встала на ноги. Ее лицо, мокрое от слез, все еще выражало боль, но также и твердую решимость, равную решимости Барра.

Неправильно очерченное отверстие в основании Башни открылось полностью. Юхач говорила, что в подлинном сне существо, — как там она его называла? — должно было выйти и договориться с Осдейвом. Но у Барра не было той таинственной Чаши Крови, которую желало существо. А то, что правило сейчас Барром, хотело, чтобы он вошел туда, а не ждал здесь.

Как и в клинообразном окне, в это отверстие солнце тоже не попадало. И за его порогом — дыхание тьмы.

Выйдет ли существо? И как будет реагировать на то, что у Барра нет того, что обещал существу Осдейв? Барр покачнулся, когда принуждение нанесло еще более жестокий удар.

Оно хочет видеть его внутри, в Башне... Нет уж, он *не пойдет!*

В первый раз за время этой борьбы Юхач заговорила:

— Этому другому мастеру не удается контролировать нас обоих. — Она снова обрела самообладание и независимый вид. — Когда я подниму руку, попытайся податься назад. Старайся из всех сил.

Она пристально уставилась на Башню; тело ее напряглось.

Затем она подняла руку. Барр дернулся назад, вложив в это действие всю свою упрямую силу.

Тянувший его «шнур» словно бы лопнул. Барр упал, сильно ударившись о землю, и, полуоглушенный, покатился. Девушка стояла прямо, как столб, между ним и отверстием, которое наверняка было западней. Но теперь Барр почувствовал освобождение.

Юхач зашаталась и снова упала на колени, как будто ее прижал тяжелый груз. Даже не успев подумать, Барр выпустил копье, вскочил на ноги и одним прыжком преодолел расстояние до Юхач. Он крепко схватил ее за плечи и поддержал ослабевшее тело.

Глава девятая

Воздух вокруг них наполнился раздражением и злобой. Барр не мог бы сказать, почему он был так уверен в этих бестелесных эмоциях, он просто знал, что так оно и есть. И от этой угрюмой ярости он приобрел некоторую долю самоуверенности.

Другой мастер не рассчитывала на столь сильную защиту со стороны их обоих, и ее дело в данный момент не удалось. Но только на данный момент — в этом Барр не сомневался. Неожиданно проявление чужой воли закончилось — даже злоба исчезла.

Юхач глубоко, почти с рыданием вздохнула, прошептав слабым голосом:

— Оно ушло.

— Но она попытается все это повторить снова? — спросил он.

— Кто знает? Во всяком случае, у нее еще хватает сил держать нас здесь.

— Ты уверена?

— Ты думаешь, я не проверила? Да, мы тут прикованы, в сне Осдейва, и я не знаю, каков будет его новый рисунок.

Барр посмотрел на щель в стене Башни. Он надеялся, что она теперь закроется, поскольку давящее на Барра требование войти туда ушло. Но отверстие не только осталось открытым, но и что-то явно угрожающее лежало в его густом мраке. Бар-

ру хотелось подойти и ткнуть туда копьем, но другая его часть сжималась при мысли о том, чтобы подойти ближе к этой загадочной крепости.

— Есть ли какой-нибудь способ, — он продолжал изыскивать возможные пути для бегства или хотя бы защиты, — продолжить импровизацию от конца известного сна Осдейва.

Она покачала головой:

— Я не подлинный мастер. Поскольку я эспер, я могла точно перенять опыт Юхач, возродить его. Но у мастеров Ти-Кри врожденный талант, и его укрепляют тренировкой с той минуты, как только он обнаружится. Многие из них почти не живут реальной жизнью вне своих снов. Я же знаю только то, что взято из прошлого Юхач и внесено в меня инструктажем.

— Значит, способа нет?

Но Барр отказывался признать поражение. Он не намерен покорно ждать, пока неведомое станет им угрозой.

— Я не знаю...

Сначала ее слова едва проникли ему в сознание. Но когда их значение дошло до Барра, он быстро повернулся к ней; его озлобленность на происходящее вырвалась вопросом:

— Ты можешь не знать, но какие-то догадки ты можешь сделать?

— Возможность есть, но весьма опасная... Она скоро сделает шаг; ты, наверное, чувствовал ее ярость, когда она не смогла нас заставить подчиниться ее желаниям. Если мы позволим какой-либо ее угрозе развиться полностью, то есть шанс, что я смогу связаться с нитью пряжи ее сна. Но тогда сон должен быть ее... не мой и не гибрид этого и другого.

— Но если ты обнаружишь связующую нить, что тогда?

— Если я смогу крепко держаться за нить, мы проложим себе путь отсюда. Мастера полностью запрограммированы насчет одного важного фактора: они обязаны разрушить сон по требованию клиента. Я не могла сделать этого для тебя из-за этой замкнувшей нас ситуации. Сон был дублирован и уже перекрыт силой другого, очень мощного мастера.

Барр подумал над ее словами. Все это ему совсем не нравилось.

— Как далеко зайдет новый сон, прежде чем ты сделаешь это?

Она отвела глаза:

— Боюсь, достаточно далеко, чтобы сделать последствия очень опасными. Тебе придется встретиться с неожиданной опасностью, какую она произведет, и удерживать ее, пока я не обнаружу нить сна и не прикреплю нас к ней.

В этом была логика отчаяния, и Барр понял, что Юхач предлагает то, что намного превосходит ее опыт. Он ничуть не сомневался в опасности такого действия, но другого выхода не было.

— Значит, будем ждать, пока она снова начнет действовать, — решительно сказал он и неожиданно спросил: — Ты не знаешь, не можешь догадаться, кто она? Фустмэм?

— Нет, Фустмэм обучает мастеров, но сама мастером быть не может. Понимаешь, многие мастера почти полностью отгораживаются от реальности; за ними ухаживают, как за малыми детьми. И те, кто о них заботится, не могут быть мастерами как раз по этой причине. У Улья есть два мастера, у которых умерли клиенты. Одна сама покалечилась в мире сна, так что хотя и жива, но... ее спящий мозг то ли мертв, то ли настолько поврежден, что до него нельзя добраться. Другая необычна в том отношении, что ее потенциальные возможности были обнаружены лишь тогда, когда она достигла юношеского возраста. Такое вообще-то случается, но крайне редко. Каждая семья, в которой в прошлом появлялся мастер, знает признаки и ищет их с раннего детства, потому что найти такую — гордость для клана. И богатство... Такое позднее развитие время от времени случается, но это исключение из правил.

— Ты думаешь, что это она?

Юхач пожала плечами.

— Откуда мне знать? Два человека умерли во сне, который она пряла для них, но она сама не пострадала. Так что я могу дать тебе только факты.

— Ты видела ее? Разговаривала с ней?

— Нет. Улей держит своих мастеров высокого разряда отдельно друг от друга. Если мастер не работает, он рассчитывает повысить свои способности к творению сна сбором информации. Она изучает ленты, собирает материал для своих снов. Те, кто бодрствует, ведут очень одинокую жизнь.

— Для каждого из этих умерших имелись основания, чтобы кто-то желал их смерти, — комментировал Барр. — Либо их богатство, либо их положение делало их уязвимыми. Так

что, если кто-нибудь сумел договориться с мастером, может быть, даже дал собственные ленты...

— Да, это может быть, — кивнула девушка. — Все мы прячем в себе какой-то личный страх. Если узнать природу этого страха и материализовать его на самой высокой волне...

— ...то человек может умереть или проснуться безумным! — закончил Барр. — Но такую информацию может дать только близкий человек.

— А как насчет твоего страха? — спросила она.

— У меня отличная поддельная личность, — смущенно ответил Барр, — но такое едва ли записано.

Он ходил взад и вперед, размышляя. Может ли сам мастер извлечь из человеческого мозга его самый большой страх и материализовать его?

Когда он снова повернулся к девушке, то увидел, что она изменила позу и теперь пристально смотрит в черную дыру в Башне, которая так и осталась открытой. Тело ее снова было напряжено. Другого предупреждения ему не понадобилось. Что-то собиралось напасть, их враг двинулся снова. Но сколько Барр ни вглядывался в отверстие, он не видел ничего, кроме мрака. Он встал и подошел, встав плечом к плечу с Юхач. Он хотел спросить, нет ли у нее намека на то, что ожидается, но побоялся нарушить ее сосредоточенность. Она уже дала ему понять, что ему придется смело встретить все, что ждало их, и держаться как можно дольше, чтобы Юхач успела добраться до нити сна.

Что-то ползло к ним в черной тени. Часть его высунулась вперед, как черный ищущий язык, двигаясь в свете и воздухе, как остроконечная лента мрака.

Барр инстинктивно отступил, потянув за собой свою спутницу.

В этой видимости жизни было что-то, сжимавшее желудок Барра, покрывавшее его тело пупырышками, словно он стоял под ледяным ветром.

Острый конец поднялся с земли, покачался из стороны в сторону, как змеиная голова. На нем появились выпуклости, они звучно лопались, и появлялись красные угольки глаз.

Барр не мог определить, что это за существо. Хотя вид его вызывал в Барре какое-то непонятное болезненное чувство, он старался победить страх. Возможно, не получив никаких

сведений насчет его личных страхов, неизвестный мастер воспроизвела фрагмент собственного больного воображения.

Черная лента медленно поплыла вперед. Голова перестала качаться, угольки глаз сфокусировались на Барре. Если голова была узкой, то пухлое тело, показавшееся в дверном отверстии, было вяло-жирным, бóльшую его часть покрывали дрожащие бугорки.

— Нет!

Девушка рядом с Барром вскрикнула, подняла руки, как бы толкая ползущее чудовище обратно в его убежище. Лицо ее казалось маской отвращения и ужаса, а страх довлел надо всем.

Глава десятая

Барр угадал, что случилось. Враг хотел напасть не на него, а на Юхач, поскольку противостоящий им уже знал, что в этой битве девушка была более сильным противником.

От ползущего исходил зловонный запах, настолько густой и отвратительный, что Барр едва не подавился. Он схватил девушку левой рукой за плечо и почувствовал, как дрожь пробегает по ее телу. Это ползущее чудовище было неизвестно только Барру, но не Юхач.

— Держись! — Он встряхнул ее. — Это сон... Вспомни... Это сон!

Она не могла унять дрожь, но он видел, что ее голова шевельнулась. Было ясно, что она сейчас не в состоянии делать то, что нужно — выявить нить связи с другим мастером.

Барр убрал руку с округлости ее плеча к ее горлу и взялся за пряжку ее широкого плаща. Его пальцы отстегнули пряжку, и он быстро собрал в горсти длинную складчатую ткань.

— Встань позади!

Зажав копье в коленях, он обеими руками взял плащ. Ткань была очень плотной и шелковистой на ощупь. Он развернул плащ и, собрав все свое умение, раскрутил его в воздухе и швырнул вперед.

Складки упали на чудовище и скрыли его. Прежде чем существо освободилось, Барр бросился вперед и стал колоть копьем эту тварь, шевелящуюся под плащом. Не в его ушах, а

в голове послышался пронзительный визг, потрясший Барра, но не заставивший отступить. На плаще множились пятна, вонючая жидкость проступала сквозь ткань в дыры, прорезанные копьем.

Однако существо не было убито, поскольку шевеление под разорванным и испачканным плащом не прекращалось. Барр колол, колол, колол. Может, существо вообще *нельзя* убить?

Барр снова ощутил в воздухе жестокую злобу. Но чудовище наконец перестало шевелиться. Барр осторожно стащил с него вонючий плащ, держа наготове копье для повторной атаки.

Юхач глубоко и прерывисто дышала, но когда Барр встретился с ней взглядом, он увидел в ее глазах понимание.

— Ты смогла сделать что-нибудь? — спросил он без особой надежды. Она была слишком потрясена появлением чудовища.

Но она кивнула:

— Кое-что. Еще недостаточно. Я должна попытаться снова. Я... я не рассчитывала на *это*. — Она все еще вздрагивала, указывая на то, что лежало на земле.

— Это был твой страх?

Она покачала головой:

— Нет, не мой... ее... Юхач! Похоже, в меня вложили не только память Юхач.

Они помолчали. Эта атака была хитро организована... не для того, чтобы просто захватить Барра, а чтобы лишить его поддержки истинного мастера. Если бы при этом он оказался убит, то одновременно были поражены обе цели второго мастера. Барр был убежден, что девушка испытала такой же страх, что и он. И когда она заговорила, Барр знал, что она тоже это понимает.

— Если ослабить мою поддержку, — сказала она чуть слышно, — тогда легко будет взять тебя — так она думала!

— Что следующее она пошлет? — спросил он и тут же понял глупость своего вопроса. Пусть его псевдомастер и имеет талант эспера, но предвидеть, что сделает вражеский мастер, она не могла, на это нельзя надеяться.

Раздался шум, но не из Башни, а откуда-то с утеса. Барр повернулся, и у него остановилось дыхание.

Может быть, враг и не имел представление о личном страхе Барра, но то, что было наколдовано теперь, что ползло по

камням, пробудило бы тошнотворный ужас в любом человеке, в чьих жилах есть хотя бы следы крови терранцев.

На каждой планете есть свои опасности. Но есть наивысшая, которая в прошлом привела к отчаянным мерам, к сознательному выжиганию зараженных миров, пока страшная смерть не успела размножиться и перенестись каким-либо образом на большую часть галактики.

Это существо, ковылявшее к ним... Барр видел такие в предупреждающих триди; каждый агент обязан был запомнить их в самом начале обучения. Хныкающее создание было когда-то человеком или гуманоидом, скрещенным с человеком-терранцем, потому что только терранцы были восприимчивы к тому, что носило в себе это создание. Добавочным проклятием отвратительной болезни являлось то, что жертвы, носящие ее в себе, были вынуждены заражать своих товарищей. Прикосновение, дуновение дыхания из их полуразложившейся глотки... Тысячи и тысячи разных недугов мог переносить вирус... вирус, который имел собственную жизнь и питался не только телом жертвы, но и ее мозгом и внушал своему носителю, где и когда удобнее взять следующую свежую жертву.

Создание, уже умершее, как человек, ковыляло к ним, подгоняемое волей того, что убило его так безжалостно. Все инстинкты Барра гнали его бежать, хотя он понимал, что это не приведет ни к чему хорошему — если существо напало на их след, оно без устали будет преследовать их. Поскольку оно уже мертво, никакое оружие, кроме сжигающего луча, не разрушит его. И оно угрожало им обоим. Похоже, что тот мастер решил убить их одним ударом.

Барр уверял себя, что это сон, что только его согласие принять такие действия за реальность может дать существу власть убить его. Но знание этой болезни так глубоко вошло в него, что логика такого аргумента была явна слаба.

Море... Позади существа море, а утес... высокий. Если найдется способ скинуть существо назад с утеса, он выиграет время, потому что этому переломанному и объеденному телу понадобится немало времени на то, чтобы снова взобраться на такой барьер и пуститься за ними.

Барр, стиснув зубы, сделал несколько шагов вперед и схватился за плащ, не обращая внимания на зловонную массу рядом.

— У тебя есть вторая веревка? — спросил он через плечо.

Девушка не ответила. Обернувшись, он увидел, что его спутница опять находится в состоянии транса. По-видимому, она не была так напугана омерзительным существом, неумолимо ползущим к ним; она старалась направить кошмарное создание обратно к его создательнице.

Волоча рваный и грязный плащ, Барр бросился к девушке. У нее и в самом деле оказалась веревка, прикрепленная к поясу. Барр сорвал ее, едва не свалив девушку с ног, но она не обратила на Барра внимания.

Барр повернулся лицом к волочившему ноги кошмару. Веревка была для него новым оружием, но другого не было. Подпустить существо достаточно близко и ударить копьем — бесполезно, потому что это тело будет продолжать преследовать, пока его ноги не сгниют, да и в этом случае оно поползет на руках.

Барр раскрутил веревку над головой, как это делала на его глазах Юхач. Это был весьма слабый шанс, но единственный. Он пустил петлю. Она пролетела по воздуху и охватила существо чуть пониже боков как раз в тот момент, когда оно качалось на камне, чтобы прыгнуть и приземлиться рядом с ними.

Но оно не прыгнуло, а упало, понуждаемое к этому веревкой.

Барр тут же бросил плащ на барахтающееся существо. Оно отбивалось; рука, представляющая почти голую кость, просунулась сквозь дырку в ткани. Но Барр был наготове. Повернув копье, он жестоко ударил создание древком. Дважды его оружие попадало в цель, откатывая существо обратно к краю утеса. Оно ухитрилось снова встать на колени, но Барр ударил в третий раз, вложив в удар всю свою силу, прямо в середину закутанной фигуры.

На этот раз удар отбросил существо далеко. Сначала ему показалось, что недостаточно далеко. Но существо, силясь встать, откачнулось назад и упало... вниз в море.

Глава одиннадцатая

— У нас есть передышка, — закричал он с облегчением, но, повернувшись к Юхач, увидел, что она даже не повернула головы. Она не была свидетельницей его маленькой победы. Губы ее шевельнулись:

— Иди сюда.

Она не сказала этого вслух, он прочел это по ее губам. Ее левая рука сделала неопределенное движение в сторону, словно собираясь что-то схватить. Барр бросился вперед и схватил ее за пальцы. Неужели она сделала это... нашла связь с врагом? Мог ли он поверить в это?

Мир Башни закрылся пеленой непроницаемой тьмы. Барр даже не чувствовал, держит ли он еще руку девушки и держится ли за что-либо вообще. Было ощущение подъема сквозь мрак...

Значит, так кончается сон? Его последним ощущением было пробуждение нового страха: что, если они захвачены этим местом небытия и потому останутся здесь навеки? Дважды мелькнули искры света, возникали туманные башни и скалы. У Барра было впечатление, что его тянут в двух направлениях одновременно. Затем пришла боль, но не в тело, а в сами чувства.

Мрак держался стойко. И ощущение прохождения через это пространство было очень сильным. Потом произошел прорыв в черноте. Там, окутанные туманом, лежали не башни и не скалы, а тело, вытянувшееся на какой-то подпорке, которую никак не удавалось разглядеть.

И его тащило к этому телу.

Это был мастер; ее голову наполовину закрывал шлем.

И тут Барра захлестнули чьи-то сильные эмоции. Не злоба, ударявшая его раньше, — нет, это была потребность в действии, повелительная, требующая. И шла она не от мастера, а откуда-то сверху.

Он следил за рукой, материализовавшейся неизвестно откуда; ее скрюченные, как когти, пальцы тянулись к шлему мастера. И тут же беззвучное требование:

— Пора! Отдай мне... Пора!

В нем бессознательно возник ответ на этот крик. Он должен дать форму и субстанцию этой цепляющейся руке той частью энергии, которую мог собрать. Произошел быстрый переброс такой силы, какой он никогда не подозревал у себя, и он почувствовал себя опустошенным.

Рука стала более плотной, более реальной. Барр был совсем обессилен, а рука начала опускаться, бесконечно медленно, легкими толчками, как бы преодолевая некое защитное покрытие, к телу мастера.

Он уже не мог ничего дать, но должен был. Если эта рука не выполнит свою миссию, они пропадут. Барр не знал, почему уверен в этом, знал только, что это именно так, словно это входило в инструктаж.

Рука двигалась медленно... очень медленно. Барр невероятно устал от своей опустошенности, он чувствовал, что упал бы от дуновения ветерка.

Согнутые пальцы слегка выпрямились и уже не напоминали когти. Палец повернулся и указал на грудь спящей.

Барр старался держаться. Ничто в прошлом не готовило его к такой борьбе. Все зависело от прикосновения пальца... Но оно должно произойти быстро, очень быстро!

Рука продолжала опускаться толчками, как будто энергия вливалась и выливалась из нее. Затем палец коснулся туманной фигуры мастера, которая так и не приобрела вещественности за все то время, пока Барр был с ней рядом, — по крайней мере, так казалось.

Мастер дернулась, как будто палец был хорошо направленным острым стальным острием. Затем из-под шлема показался рот, губы шевелились, как бы произнося проклятия. Но Барр ничего не слышал.

Снова защелкнулась тьма, и он... потерялся.

Что-то больно ударило его. И эта боль была глубоко внутри... нет, он чувствовал ее в своем теле. Вирус ужаса? Воображение Барра рисовало образ того, что карабкалось на утес, чтобы обладать им, Барром...

Задыхаясь, он открыл глаза. Человек с эмблемой врача склонился над ним, спокойно и оценивающе глядя на него. Барр заморгал. Он был ошеломлен и сначала не мог сообразить, где он.

— С вами все в порядке?

Даже эти слова, сказанные на бейсике, казались странными и шли как бы издалека.

Все его тело напряглось, когда он рывком поднял руку: шлема не было. Барр вернулся! Осознание этого влилось в него теперь теплым потоком. Он лежал на диване.

— А Юхач? — дрожащим голосом спросил он.

— Она в порядке, — успокоил его врач. — Но здесь близко есть что-то...

— Другая! — вспомнил Барр. — Другой мастер.

Он увидел, как сузились глаза врача. Этот человек был откомандирован Советом, и его хорошо проинструктировали.

— Она... — Голос, столь слабый, как и у Барра, заставил последнего повернуть голову.

Шлем мастера был сброшен. На другом диване сидела худенькая девушка с кудрявыми каштановыми волосами. Черты ее бледного лица обострились, как у голодающей. Тонкие руки были сложены под грудью, и она так отличалась от боевой Кайтили, которую Барр знал в другом месте, что почти невозможно было поверить, что это измученное бесцветное существо его спутница.

— Пойдем. — Юхач сделала попытку встать на ноги, но покачнулась и снова упала. Врач быстро повернулся к ней.

— Лежите спокойно! — приказал он.

— Нет! — прозвучал решительный ответ. — Мы должны... идти к... ней... немедленно!

Барр встал, покачиваясь. Он так ослаб, как будто вышел из кошмарного мира Башни серьезно раненный.

— Она права, — сказал он, обращаясь к врачу. — С этим надо покончить.

Он обрадовался, когда в поле его зрения шагнул вооруженный человек и протянул руку, чтобы поддержать его. В это время врач с недовольным видом помогал встать Юхач.

— Где она? — спросил Барр.

— Потерялась... там... — не очень вразумительно ответила Юхач.

Когда врач выводил ее из комнаты, прямо перед дверью стояла Фустмэм с ничего не выражающим лицом. Она загораживала проход и не сделала ни одного движения, чтобы посторониться.

— По распоряжению ваших собственных лордов, — рявкнул врач, — дайте нам пройти.

— Улей нельзя брать силой! — резко ответила женщина.

— В этом случае можно. — Врач отклонил в сторону голову, и стал виден стражник. — Отойдите, или вас оттолкнут.

Спазм открытой ненависти исказил лицо Фустмэм:

— Вы слишком много себе позволяете, инопланетник. В Улье так не полагается.

— А убийства им совершать полагается? — спросил Барр.

Она повернула к нему снова ставшее бесстрастным лицо:

— Это неправда. Ваши же собственные методы расследования доказали мою безупречность.

— Но вы держите небезупречного мастера, — возразил врач, — и мы сейчас посмотрим на нее. А позднее будет расследование насчет ее обучения. Возможно, вы назовете тех, кто может создать Улью намного более темную репутацию, чем он имел до сих пор.

— Улей не виноват. Мастера не могут убивать... — Броня ее защиты оставалась несокрушимой.

— Могу засвидетельствовать, — сказал Барр решительно, — что они могут попытаться.

Слабость его прошла, он мог уже стоять без поддержки стража.

Юхач ничего не сказала во время этой перепалки. Лицо ее было пустым, тело еще более напряжено, когда она бросила всю свою энергию на поиск неизвестного им врага. Врач глянул на нее и кивнул:

— Посторонитесь!

На этот раз Фустмэм, пожав плечами, повиновалась. Правительница Улья, как видно, шла за ними, когда они прошли по холлу во второй коридор. Теперь ее голос снова повысился в новом протесте:

— Здесь нет комнат сна... Вы не должны входить в личные комнаты!

Врач даже не ответил. Его рука обнимала Юхач, поддерживая ее. Барр решил, что затраты сил эспера ради их возвращения были куда более серьезными, чем его собственные страдания. Однако она шла вперед, ведомая необходимостью найти источник той энергии, которая пыталась закрыть их в мире сна.

Она остановилась перед дверью в дальнем конце коридора и положила кончики пальцев на нее.

— Внутри... — Ее голосу не хватило силы.

Глава двенадцатая

По жесту врача страж положил ладонь на замок двери. С минуту казалось, что замок противится любому вмешательству извне, но затем дверь начала отходить в сторону, медленно и со скрипом.

Внутри слышался шум, что-то вроде хихиканья больного животного. Врач, глядя поверх плеча Юхач, был так ошеломлен, что Барр встал рядом с ним. Но врач тут же оттащил Юхач назад и загородил рукой проход перед Барром.

— Закройте это, черт побери! — приказал он. И страж, с тем же выражением ошеломленности и ужаса на лице, снова задвинул засов. Но Барр все-таки успел бросить взгляд на то, что полулежало поперек дивана и пыталось встать: слепое, изуродованное лицо вопросительно повернулось к ним, тем, кого хотело заполучить.

Это существо само подверглось действию того ужаса, что охотился за ними на утесе. И здесь были безошибочные признаки той же смертельной болезни. Барр сделал быстрое движение поддержать Юхач, пока медик повернулся к стражу, отдавая ему приказы.

Барр отвел девушку обратно в комнату сна. Когда он устроил ее на диване и сел рядом, обняв ее за плечи, она медленно сказала:

— Это... отдача. То, что она замышляла против нас, стало частью ее самой.

— Как это могло случиться? — спросил Барр. Ему не хотелось вспоминать, что он видел в той комнате и что должно быть уничтожено без всякой жалости и как можно скорее.

— Не знаю, — ответила Юхач, — но думаю, что она не настоящий мастер, не такая, какие всегда были в Ти-Кри. И она сознательно пользовалась своей силой, чтобы убивать. Говорили, что она запоздалого развития... Может быть, она была и чем-то еще, мутанткой из рода мастеров. Но я уверена, что она силилась послать против нас эту ползущую смерть, когда мы пробивались в пробуждение. И тогда эта сила каким-то образом обернулась... против нее самой. Ее звали Динамис. Теперь нам надо узнать, откуда она явилась и кто стоял за ней.

— Теперь это уже не наша работа, — сказал Барр. — Пусть по этому следу идут умеющие делать это специалисты.

Юхач вздохнула:

— Мы должны составить рапорт...

— С этим я вполне согласен. Но все остальное пусть делает организация. А мы, я уверен, заслужили внеочередной отпуск. Да, кстати, — добавил он, помолчав, — как твое настоящее

имя? Я отказываюсь отдыхать с Кайтили, хотя она и прекрасный боец, и с Юхач, мастером снов...

Она вздрогнула:

— Я не мастер снов!

И этим утверждением она как бы отмела все, что угрожало им, включая последний взрыв ужаса, обнаруженного в комнате Улья.

Барр улыбнулся:

— Конечно, ты не мастер! Говорят, Авалон — отличная планета для проведения отпуска. Но я хотел бы знать твое имя, чтобы вписать его в заявочный талон.

— Я — Ладия Тангели, — ответила она, и ее голос окреп. — Да, я действительно Ладия Тангели! — Она как бы утверждала свою личность и уверяла, что в ней нет ничего от Юхач.

Барр кивнул.

— Прекрасно, Ладия Тангели, теперь ваш долг — отправиться в штаб-квартиру, сдать записи отчета, а затем...

Она выпрямилась в обхватившем ее полукруге его руки, будто в нее влились новые силы.

— А затем... я подумаю о твоем предложении, — сказала она с уверенностью в голосе.

АНДРОИД, К ОРУЖИЮ!

1

Мрачная пустыня рассечена глубокими ущельями, будто какой-то жестокий бог-садист исхлестал ее молниями. Никакой растительности — ни серой, ни зеленой, ни пурпурной или голубой, ничего, кроме скал, которые иногда отражают яркий блеск солнца, иногда угрюмо вздымаются к густым тучам, как сейчас.

За скалу цепко держится здание; приземистое, оно словно прижалось в ожидании смертельного удара. Оно еще уродливее пустыни, потому что построено сознательно, а не создано безжалостными ветрами и ливнями.

Впрочем, заключенный, стоявший возле узкого оконца, за которым открывался маленький кусочек внешнего мира, не мог видеть самого здания. То, что он узник в стенах тюрьмы, он понимал. Но как он сюда попал?.. И кто он?..

Иногда ему снились сны; казалось, в этих снах он все это знал. Но, как ни старался удержать в памяти хотя бы обрывки сновидений, ему это никогда не удавалось. И, проснувшись, он уносил в следующий бессмысленный день только неудовлетворенность, смутное ощущение, что существует другая жизнь и он когда-то знал ее.

Его кормили, давали одежду, и время от времени неудовлетворенность заставляла работать его вялое сознание — но он все равно не мог воскресить утраченные воспоминания, а становился у окна и смотрел на выжженную, голую землю. Но, сколько ни смотрел, никогда не видел никаких признаков жизни.

Тени облаков перемещались, росли, уменьшались — больше ничего, только иногда начиналась гроза, потоки дождя

текли по ущельям, прорытым минувшими грозами, сыпались огромные градины и таяли в лужицах.

Он мог вспомнить одно — почему, непонятно. У него есть имя — Андас Кастор. Его ли это имя? Но это все, что у него есть. Он нахмурился, беззвучно произнося его.

Где-то там должна была существовать другая жизнь, но в чем он провинился, что его изгнали из этой жизни? Давно ли он здесь? Однажды он попытался считать дни, процарапывая метки на стенах, но потом заболел и потерял счет. Тогда и сам счет утратил смысл. Роботы приносили ему еду, ухаживали за ним, когда он болел, — безликие механические создания, которых он ненавидел, вкладывая в эту ненависть остатки душевных сил, но которые не реагировали на его гнев и нападения. Он дважды бросался на них, но всякий раз ему в камеру впускали сонный газ.

Снова собирается гроза. В нем вспыхнула слабая искорка интереса. Это нарушит заведенный порядок, а все, что нарушает его однообразие, — драгоценное сокровище. Сильная гроза была всего два дня назад. Еще не высохли оставленные ею лужи. Вторая гроза за столь короткое время... весьма необычно.

Тучи сгущались так быстро, что вскоре стало темно, как ночью. В углах его камеры вспыхнул свет, хотя обычно во время грозы этого не происходило.

Он оставался возле узкого окна, хотя вид за ним страшно переменился. Почему-то страх обострил его умственные способности. Ведь было столько гроз. Ветер, град, проливные дожди никогда не причиняли вреда зданию. Почему же сейчас его охватили смутные дурные предчувствия?

Ночная тьма и вой ветра — он слышен даже сквозь эти глухие стены. Приложив руки к оконному стеклу, он почувствовал дрожь. Здание прочно и надежно, но буря бьет по нему с необычайной силой.

Засверкали молнии, такие яркие, что ему пришлось закрыть глаза руками. Он добрался до кровати, лег, подтянув колени к голове, заткнув уши. Он испугался так, как никогда еще не пугался. Буря била с невероятной силой, и он мог только ежиться.

Сверкнула молния — и все исчезло.

Наследный принц Андас ошеломленно смотрел перед собой. Голова кружилась. Сильно тошнило. Но он оперся рукой о стену и недоверчиво осмотрелся. И не поверил своим глазам. Ну конечно, сон — это сон!

Где его кровать? Здесь должны быть четыре столба из золотого калдроденского мрамора, на каждом лоскет с распростертыми крыльями, а над головой — имперская корона из драгоценного дармерианского дерева, с пятью драгоценными камнями. Стены... эти серые стены? Где подобающая его положению раскрашенная кожа ламны, бронзово-зеленая, с проблесками красного тут и там? Ни ковров, ни...

Где он?

Андас закрыл глаза, чтобы прогнать кошмар, и попробовал поразмыслить, подавить панику, которая вызывала неприятный кислый привкус во рту и дрожь в теле.

Айнеки! Это дело рук Айнеки! Но как... как этому полубезумному мятежнику, которого никто не принимал всерьез, это удалось сделать?

Андас продолжал сидеть с закрытыми глазами. Как — это он сможет узнать позже. Важнее то, что происходит сейчас. В его сознании возникла череда кровавых исторических событий, монтаж из всех фильмов ужасов, какие только можно вообразить. Дворцовые интриги... он о них слышал, но только о минувших. В наши дни такого просто не бывает — не может быть! Никто в здравом уме не станет прислушиваться к бредням Айнеки. У него вообще нет права на трон, ведь он наследник незаконных и давно исчезнувших линий родства.

Андас снова осторожно открыл глаза и заставил себя осмотреться. Вместо его спальни — серая комната с очень простой мебелью, без цветов и той красоты, которая всегда его окружала. Он посмотрел на себя, провел руками по телу, желая убедиться, что глаза его не обманывают.

Никакой шелковой ночной пижамы — цельный комбинезон, какие носят рабочие, серый, как стены. Руки: их естественная коричневая окраска приобрела зеленоватый оттенок, как будто он давно не бывал на солнце. Нет колец, которые он всегда носит как символ своего положения, исчезли и два браслета — он убедился в этом, поспешно отвернув рукава.

Теперь он начал ощупывать голову. Густые волосы оказа-

лись не такими длинными, какими должны быть. Их коротко подстригли.

Андас потрясенно встал. Наружу — надо обязательно выйти, узнать, где он. Но это, должно быть, тюрьма. Однако, поглядев на дальнюю стену, он увидел полуоткрытую дверь, хотя в той части комнаты было темно: единственное освещение обеспечивало узкое окно.

Опасаясь приближаться к двери, Андас подошел к окну и выглянул наружу и испытал новое сильное потрясение. Это не Иньянга. Не Бенин и не Дарфор — он бывал на обеих этих планетах Динганской системы. Он взялся руками за края окна и уставился на бесконечные дикие скалы, заливаемые потоками воды. Ничего подобного он никогда не видел! А значит... это не может быть делом рук Айнеки!

Пошатываясь, Андас двинулся вдоль стены, придерживаясь за нее рукой. Нужно найти кого-нибудь, узнать... Он должен знать!

Но у полуоткрытой двери Андас в нерешительности остановился. За дверью было еще темнее. Что там могло его поджидать? Он потянулся к поясу, но пояса не нашел. У него не было даже длинного церемониального ножа, который так редко извлекают из нарядных ножен. Ничего, кроме голых рук. Но его подгоняла необходимость узнать, и поэтому он проскользнул в дверь и остановился в темном коридоре.

И увидел два слабых светлых пятна. Свет как будто исходил из других комнат. Держась за стену, он направился к ближайшему такому пятну.

Похоже на боевую подготовку в Паве. Он вдруг чрезвычайно обрадовался, что уговорил деда разрешить ему тренировки. Конечно, тогда он был лишь третьим по очереди наследником трона Льва, и никого не интересовало, что ему хочется увидеть жизнь за пределами Тройных Башен.

Он добрался до двери и замер. Изнутри доносились слабые звуки. Комната не была пуста. Андас сжал руки. Он многому научился на боевых тренировках и чувствовал, как верх над недоумением и страхом берет холодный смертоносный гнев, наследие его рода. Кто-то загнал его сюда, и теперь он готов был рассчитаться.

— Пожалуйста... есть здесь кто-нибудь... есть кто-нибудь живой?

Женщина. Но как раз в этом нет ничего странного. В прошлом падение династий не единожды приключалось из-за интриг женщин Цветочного Двора. Хотя он знает, что там никто не покровительствует Айнеки.

— Кто-нибудь... — голос перешел в плач.

Андас услышал в нем страх, и это побудило его действовать. Он прошел в полуоткрытую дверь и увидел обитательницу точно такой же камеры, как его собственная. Она посмотрела на него, ее губы дрожали. Еще мгновение — и она закричит. Он не знал, как догадался об этом, но не сомневался — это правда. И с приобретенной на тренировках быстротой и точностью подхватил ее и зажал ей рот рукой.

Однако это оказалась не придворная, она даже не из Динганской системы, он готов был поклясться в этом на ноже. Кожа гораздо светлее, чем у него, и покрыта крошечными перламутровыми чешуйками (он на ощупь определил их наличие). Волосы зеленые, на стройной шее с боков какие-то странные утолщения.

— Тише! — прошептал он.

После первой инстинктивной попытки вырваться она перестала сопротивляться. Кивнула, и он почему-то сразу ей поверил и убрал руку. Осмотрев помещение, он понял, что она, должно быть, тоже пленница, хотя он не мог бы назвать ее расу или планету, откуда она родом.

— Кто ты? — Теперь ее голос звучал ровнее, чем когда она звала на помощь. Как будто его вид вселил в нее уверенность.

— Андас из Иньянги, наследный принц Динганской империи, — ответил он, сомневаясь, что она поверит. — А ты?

— Элис из Посейдонии, — сказала она так же гордо, как он, называя свой титул. — А что это за место?

Андас покачал головой:

— Знаю не больше тебя. Я проснулся и обнаружил, что я здесь. А должен быть в Тройных Башнях в Иктио.

— А я в Айлвейте. Это... это тюрьма, верно? Но почему?

Он снова кивнул:

— Вокруг нас множество «почему», госпожа. И чем скорее мы получим ответы, тем лучше.

Андас заметил, что она тоже говорит с ним на основном; это означало, что она с планеты, заселенной в прошлом выходцами с Терры или испытавшей терранское влияние. Но

сегодня никто не может перечислить такие планеты, так что у нее нет оснований знать его родину, и наоборот.

Он повернул к выходу. Она схватила его за руку:

— Не бросай меня!

— Тогда пойдем, только тихо, — приказал он.

Мгновение спустя они услышали в темном коридоре шаги и застыли. В двери появилась смутная фигура. Андас подобрался, готовясь нанести смертельный удар из тех, каким его научили.

— Мир! — Появившийся поднял руку ладонью вперед — жест такой же древний, как сама Галактика. Он был чуть выше Андаса, и на сей раз принц узнал и расу, и родную планету незнакомца.

Саларикиец! Все в нем, от заостренных ушей до обутых в сандалии ног с выставленными когтями, безошибочно свидетельствовало о происхождении от кошек. Шерсть на голове, руках, на плечах и спине была серо-голубой, кожа — того же цвета или чуть темнее. А раскосые глаза на широком лице — яркие, сине-зеленые. Одет он был не в комбинезон, как они, а в килт из такого же грубого материала. Он стоял подбоченясь и разглядывал их.

— Еще две рыбы в сети, — заметил он на основном с легким свистящим акцентом, характерным для всех его соплеменников.

— Ты тоже? — спросил Андас. Он обнаружил, что взгляд саларикийца его раздражает.

— Я тоже, — с готовностью согласился тот. — Хотя как я сюда попал с Фрэмвара...

— Фрэмвар? — Андасу было откуда-то знакомо это название. Он напряг память. — Фрэмвар, торговая станция в гровианских Шести планетах.

Саларикиец обнажил клыки в улыбке, и Андасу эта улыбка показалась совсем не веселой.

— Совершенно верно. Я глава торговой миссии лорд Йолиос.

Андас тоже представился. Саларикиец провел пальцем по груди, полностью выпустив один длинный, с виду опасный коготь.

— Похоже, — заметил он, — кто-то собирал влиятельных лиц. Ты наследный принц не знаю откуда — несомненно, в

нужных месте и времени это очень много значит. А ты, госпожа, — повернулся он к женщине, — тоже правительница или будущая правительница?

— Да, я подлинная Демизонда. — В быстром ответе звучала гордость.

— У нас есть и другие товарищи по несчастью, — продолжал лорд Йолиос. — Один из них, Хайсон Грейсти, заверил нас и продолжает регулярно напоминать, что он — главный советник из какого-то места под названием Триск. Еще Айилас Тсивон, архивождь Наула, и некто по имени Терпин. Этот пока сообщил нам только свое имя. А что ты помнишь? — Вопрос был задан неожиданно и властно, требование, не просьба, и принц обнаружил, что отвечает, не успев вознегодовать на подобную непочтительность.

— Ничего. Помню только, что лег в постель у себя в спальне, а проснулся здесь. А ты?

— То же самое. И никто из нас не может сказать, где именно находится это «здесь». А ты, госпожа?

Девушка покачала головой.

— Я помню не больше. Знакомая комната — потом это!

— Похоже, — продолжал лорд Йолиос, — в этом здании прервалась подача энергии.

— Подача энергии... — повторил Андас. — Ингибитор! К нам применили ингибитор!

— Ингибитор? — Должно быть, Элис не поняла.

— Средство, подавляющее память, создающее преграду в сознании. Если никто из нас ничего не может вспомнить, должно быть, так и есть.

— Возможно, ты прав, — сказал саларикиец. — И еще одно. Судя по всему, мы здесь одни. Тюрьму обслуживают только роботы.

— Но это невозможно! — возразил Андас.

— Я был бы счастлив доказать противное. — Лорд Йолиос поднял руку, выпустив все когти. Андас почтительно посмотрел на это оружие. Несмотря на полученную подготовку, ему не хотелось бы встретиться с салариканийцем в поединке без оружия. А тот продолжал: — Я бы хотел поговорить с правителем этого места. Не думаю, что он отказал бы мне в ответах.

Они тщательно обшарили здание. Но, вновь собравшись вместе в центральном помещении, пленники остановились

возле стоящих роботов, уверенные, что под этой крышей никого живого, кроме них самих, нет.

Самым старшим оказался Айилас Тсивон, хотя, учитывая современные методы омоложения и различную продолжительность жизни у разных рас, судить об этом с уверенностью было трудно. Но он же был явно и самым слабым — человек невысокого роста, физически близкий к терранской норме. Волосы у него были редкие и седые, лицо бледное, с глубокими морщинами по обе стороны крючковатого носа. Комбинезон казался слишком большим для его высохшего тела, а руки он прижимал к себе, чтобы сдержать их дрожь.

Хайсон Грейсти возвышался над Тсивоном, из него можно было бы сделать двух архивождей. Но охваченный отвращением Андас решил, что большую часть этой массы составляет жир. Круглое лицо Хайсона казалось вдвойне отвратительным из-за красного пятна вокруг носа и тройного подбородка. С каждым грузным движением полное тело пыталось прорвать швы одежды.

Терпин, который произвел на Андаса большое впечатление своей способностью отыскивать самые укромные уголки здания, был полной противоположностью двум другим. Он по происхождению, вероятно, тоже был терранец, но планетные мутации явно привели к отклонениям от первоначального вида.

Волосы его, коротко подстриженные, казались почти такими же густыми и мягкими, как у саларикийца. Белыми они были не от старости. Вдобавок и подбородок его густо порос волосами. И очень странные были глаза: совершенно без белков, только широкий серебристый диск-зрачок. Терпин говорил редко, односложно и ничего не сообщил о своем прошлом, кроме имени.

Но сейчас он заговорил первым.

— Здесь никого нет — всем управляют роботы.

— Надо уйти, — энергично сказала Элис. — Прежде чем кто-нибудь придет чинить машины.

Терпин посмотрел на нее своими холодными глазами-дисками.

— Как? Мы в пустыне. Здесь нет никакого транспорта. И если мы не активируем здесь кухонный блок, то даже поесть не сможем.

— А что, если попытка добыть пищу приведет в действие все остальное, даже охрану? — спросил Андас.

Терпин пожал плечами:

— Не знаю, сможете ли вы прожить без еды. Я не смогу.

Андас понял, что тоже проголодался. Терпин был прав: им следовало добыть еду.

Заговорил Йолиос.

— А каковы наши шансы добраться до припасов? Признаю, мы редко имеем дело с роботами. Я лично полный невежда в этой области. Есть ли среди нас специалист?

Тсивон помотал головой; мгновение спустя его жест повторил Грейсти. Элис сказала вслух:

— Мы живем в море. И не используем такие инопланетные машины.

Андас был сердит на себя: ему тоже пришлось признаться в отсутствии нужных знаний. Но когда саларикиец посмотрел на Терпина, выражение его лица слегка изменилось.

— Мне кажется, ты в этом разбираешься. Я прав?

Андасу показалось, что, задавая вопрос, саларикиец умышлено выпустил когти. Но, возможно, это была невольная реакция на враждебность Турпана, которую ощущал со стороны и Андас.

— Может быть... немного... — Турпан направился к дальней стене комнаты, остальные последовали за ним. Здесь была панель управления, и Турпан медленно прошелся вдоль нее, время от времени протягивая руку, чтобы нажать ту или иную кнопку, но ни разу не завершив движения.

Наконец он как будто принял решение, пошел обратно, задержался на секунду и повернул какой-то переключатель. Дойдя до конца, он остановился и оглянулся на остальных.

— Это проверка, — сказал он. — Я переключусь на альтернативный источник энергии. Может, получится, а может, и нет. Надеюсь, я не включу охрану, но не ручаюсь. Как на доске, когда передвигаешь звезду, рискуя всеми кометами. — Он свел их шансы к возможности выигрыша в известной всей Галактике игре.

Тсивон вытянул дрожащую руку, словно собирался возразить, но если у него и было что-то на уме, он передумал и промолчал. Грейсти попятился и занял такую позицию, откуда ему видны были и панель управления, и замершие роботы. Са-

ларикиец не шелохнулся. Андас почувствовал легкое прикосновение руки Элис. Девушка словно искала у него поддержки.

Терпин повернул последний переключатель. Загорелся свет. Все заморгали — они отвыкли в полутьме от яркого освещения. Андас подумал: свет — доказательство того, что эти помещения иногда используются и людьми, роботы в нем не нуждаются.

Как и все остальные, он с опаской наблюдал за роботами. Сдвинулся с места только один, и все увидели, что это робот-слуга. Робот не останавливаясь прошел мимо них в глубину комнаты и послал кодовый сигнал. На будто бы сплошной с виду поверхности открылась панель.

— Пока все хорошо. — Терпин явно успокоился. — Но, если мы собираемся поесть, предлагаю разойтись по комнатам. Эта штука запрограммирована для доставки еды туда. — И он направился к пандусу, ведущему в коридор с камерами.

После недолгих колебаний остальные последовали за ним. Первыми шли Тсивон и Грейсти, остальные трое за ними. Когда начали подниматься, Йолиос сделал еле заметный знак, призывающий к осторожности.

— Он знает больше, чем показывает. — Саларикийцу незачем было объяснять, кто этот «он». Неожиданно у Андаса возникла мысль. А что, если тюремщик среди них? Разве можно спрятаться лучше, чем притвориться одним из заключенных?

— Как ты считаешь, он может быть одним из них?

Йолиос снова обнажил клыки.

— Мысль, достойная хитрости самого Яреда! Не стоит о ней забывать. Я бы не сказал, что он наш враг, но и не назвал бы его братом по чаше. Нам следует установить цель нашего пребывания здесь, только так мы сможем вывести врагов на чистую воду. Подумайте об этом за едой...

— Нам обязательно есть порознь? — быстро вмешалась Элис. — Признаюсь, господа, мне не хочется снова входить в эту камеру, тем более сидеть в ней в одиночестве. А нельзя ли взять еду и поесть где-нибудь в другом месте?

— Конечно! — Андас сам не заговорил бы об этом, но его преследовало такое же чувство. Зайти в камеру и ждать, думая, что дверь может закрыться и никогда не откроется снова.

— Твоя комната между моей и принца, — сразу согласился Йолиос. — Будем есть у тебя.

Андас не стал заходить в свою камеру. Он подождал снаружи, пока в коридоре не появился робот. Тот прошел в пустую камеру, поставил на стол два закрытых контейнера и миску с ложкой и вышел. Андас быстро взял еду и отправился в камеру Элис, из двери которой как раз показался робот.

Когда он вошел, Элис отделилась от стены. Андас снял покрывало с ее постели, свернул тугим комком и просунул в дверь, не давая ей автоматически закрыться.

— Разумно. — Это появился со своими блюдами саларикиец.

Но, когда они открыли контейнеры, их ждал новый сюрприз.

— Это не может быть тюремной пищей, — заявил Йолиос. — Ножки смолка, тушенные в соусе, жареный гуан... — Он принюхался к своим блюдам. — Если верить моему обонянию, вормолоко многолетней выдержки.

Поскольку саларикийцы славились своим обонянием, Андас решил, что ему можно доверять. Но и собственная еда его удивила. В Тройных Башнях такая еда могла стоять на главных столах. Только сейчас ее подали без должных церемоний, не на золотых тарелках, и на нем не было подобающих его положению одежд.

— Нас поместили в камеры, одели вот в это... — Элис с отвращением коснулась своего комбинезона, — а потом так роскошно кормят. Почему?

— И еда — с родной планеты каждого. — Андас посмотрел на тарелку девушки. И не узнал блюдо: круглые белые шарики на зелени, напоминающей вареные листья.

— Да. — Саларикиец взял ложку и принялся шумно есть. Принц вспомнил, что у этой расы принято есть громко, чтобы хозяин не сомневался — гости довольны.

Еще один вопрос, на который нужно найти ответ, подумал он. И с аппетитом принялся за еду.

2

Андас не знал, решили ли остальные узники обедать вместе, да и не интересовался этим. Но, как только голод был утолен, принц понял, что их группа как будто бы разделилась. Он,

Йолиос и Элис — и остальные трое (если, конечно, Терпин не предпочел одиночество). Он сказал об этом.

Саларикиец отставил свою тарелку, с удовольствием доев без остатка.

— Я кое-что знаю о Науле, — сказал он. — Это недалеко от Небьюлы, три системы, десять планет. На трех из них у нас есть торговые базы. Оттуда мы вывозим капли слез Лура...

Должно быть, он заметил удивление Элис, потому что объяснил:

— Благовоние, госпожа, и очень редкое. Его получают из выделений на определенных камнях, которые столбами возвышаются среди местной растительности. Но ведь вам сейчас не нужны торговые сведения. Однако я слышал о Науле, и если Тсивон тот, за кого себя выдает, могуществом он равен вашему императору, принц. Кстати, а где расположена ваша империя?

— Отсюда? Кто знает. Мы, правители Иньянги, владеем пятью планетами системы Дингана. Все заселены потомками терран. Наш Первый Корабль привез переселенцев из Афро, — гордо сказал он, но тотчас понял, что для этих чужаков его история — пустой звук, и торопливо добавил: — Одну из первых групп переселенцев.

Но поскольку и это им как будто ничего не сказало, он не стал распространяться дальше. Напротив, уступил Элис возможность поделиться информацией.

— Я Демизонда Айлвейтская. Мы не расселились по другим планетам, поскольку, хотя в нашей системе их три, две почти безводные. Но я слышала о Триске, где, должно быть, правит этот Грейсти. Они контролируют Картель металлических водорослей.

— Наул, Иньянга, Триск, Посейдония, Саргол... — начал перечислять Андас, но саларикиец его поправил:

— Не Саргол, если ты имеешь в виду место, где меня схватили. Я тогда был на Фрэмваре. И с тех пор все гадаю, заключили ли после моего исчезновения торговый договор. — Он выпустил и втянул когти, рассеянно глядя на них.

— Время! — Андас вскочил, впервые осознав, какие катастрофические последствия могли иметь прошедшие дни, а то и недели. — Какой день, какой сейчас месяц? Давно ли мы здесь?

Элис негромко вскрикнула и поднесла ко рту руки с тонкими перепонками между пальцев.

— Время! — повторила она. — Большой прилив Квингуама! Если он миновал...

— Что ж. — Это слово на основном в устах Йолиоса прозвучало кошачьим шипением. — Верна ли моя догадка, что все вы оказались в положении, когда необычайно важно время?

Андас сразу понял смысл вопроса.

— Думаешь, мы здесь поэтому? — И сразу сам ответил Йолиосу: — Да, время для меня очень важно. Я не прямой наследник трона. У нас не так, как на других планетах: корона не переходит от отца к сыну. У моих предков было много официальных жен — по одной из каждого благородного семейства, — поэтому император выбирает из кланов королевской семьи, назначая наследником человека подходящих лет. И хотя такие полигамные браки уже не практикуются, император по-прежнему выбирает наследника из мужчин королевского рода.

Тройными Башнями правит мой дед, и в моем поколении у него три возможных наследника — четыре, если считать и Айнеки. Но, когда он призвал меня к себе, стало понятно, что он сделал выбор. Однако чтобы этот выбор стал окончательным, он должен в день Чаки собственноручно короновать меня в присутствии всех кланов Ста Имен. Если меня в этот день не будет...

— Ты потеряешь трон? — подсказал Йолиос, потому что Андас замолчал, впервые осознав всю глубину возможной катастрофы.

— Да. — И он сел на край постели Элис.

— Ну а мне предстояло не трон получить, а заключить договор. Но я не на Фрэмваре, не могу довести дело до конца, и поэтому будут опозорены не только мое имя и весь мой клан, но пострадает и Саргол. — Саларикиец снова выпустил когти, и голос его перешел в глухое рычание.

— Я должна петь при большом приливе, должна! — Элис сжала кулаки. — Иначе чары от потомков Эльдена перейдет к роду Эвуана. А это не должно произойти!

— Итак, все мы трое, а возможно, и они. — Андас кивнул в сторону двери, напоминая об остальных. — Но почему? Тех, кто хотел бы, чтобы мы оказались где-нибудь в другом месте,

разделяют огромные расстояния, и между собой не имеют ничего общего. Кто собрал нас здесь?

— Хороший вопрос, молодой человек. — Голос звучал старчески, но в нем слышалась сила. В дверях стоял Тсивон. — Я могу увеличить ваш перечень тех, кому важно знать текущую дату. Если я не буду присутствовать и не выступлю против предполагаемого союза с упшарами... — Он покачал головой. — Я боюсь за Наул. Ну-с, — обратился он к Андасу, — какой последний день вы провели в подобающем вам месте?

— Это был пятый день после пира Итуби. Ах, ты о галактическом летосчислении... погодите. — Андас стал подсчитывать в уме — время планеты годилось только для жизни на этой планете, и от планеты к планете продолжительности дня и года менялись. — Могу назвать только год — 2230 ПП.

— Ошибаешься! — Элис энергично покачала головой. Она загибала пальцы, будто считая с их помощью. — Год 2195. Я знаю, что это правильно, — торжествующе сказала она, — потому что у меня были причины справляться как раз накануне... накануне дня...

— Ты говоришь — 2230, а эта молодая дама — 2195, — повторил Тсивон. — Но у меня есть причины, очень основательные причины, знать точную дату — я связывался с представителем Главного Управления и подписал два документа. И на них значился 2246 год.

— Увеличу общее смятение, — прервал это уверенное заявление Йолиос. — Мой последний день пришелся на 2200 год.

Андас переводил взгляд с одного на другого. На морщинистом лице Тсивона и на молодом — Элис — явственно читалось негодование. Только саларикиец хранил спокойствие в ходе этого чрезвычайно неточного подсчета галактического времени.

Принц продолжал складывать и вычитать в уме. Его дату и дату Элис разделяли тридцать пять галактических лет, даты Йолиоса и его — тридцать, а от времени Тсивона его отделяло шестнадцать лет.

— Не взялись ли вы гадать, — нарушил тишину несогласия Йолиос, — как долго нас держали порознь и возможно ли, что мы пришли из разных времен?

Но Андас не хотел даже думать об этом. Если подсчеты Тсивона верны... его шанс стать императором давным-давно

ускользнул от него! Кто же теперь правит — Джессар, Йуор, может, даже Айнеки? Сколько времени он здесь провел? Он взглянул на свои коричневые руки и на видимую часть тела. Как будто бы не состарился. Не может быть!

— Прежде всего, как нам убраться отсюда? — спросила Элис. — Что толку говорить о времени, пока мы здесь? Наше мышление было заблокировано, иначе мы вспомнили бы, как оказались в этой дыре! — Она с отвращением огляделась. — Мы даже сейчас не можем ничего вспомнить. Но я должна освободиться!

Андас отошел к окну. Снаружи картина открывалась почти такая же, как из его камеры, только вода, которую он видел раньше, высыхала, оставляя на месте рек и озер лужи и ручейки. Но мрачная картина не обещала никаких возможностей для бегства.

— Думаю, следует спросить Терпина, — сказал Йолиос.

Андас оглянулся.

— Думаешь, он охранник, выдающий себя за одного из нас? — повторил он свою раннюю мысль.

— Изобретательно и возможно. Однако мне кажется, что при нашей первой встрече он так же, как все мы, реагировал на неизвестное. Но он либо знает это место лучше нас, либо догадывается о его назначении и о том, зачем мы здесь, потому что первым его чувством был гнев.

— Как будто он угодил в собственную ловушку? — прервал Тсивон. — Ты прав, лорд Йолиос. У меня при нашей первой встрече сложилось такое же впечатление. Так что давайте зададим Терпину вопросы и на этот раз постараемся получить прямые ответы. — Лицо старика и раньше не казалось доброжелательным, а теперь сжатые губы и выражение глаз заставили Андаса переступить с ноги на ногу.

История Иньянги была достаточно кровавой — мятежи, возникновение и падение династий, сопровождавшиеся кровопролитием. Его народу было чего стыдиться. Но то, что он сегодня стыдился этого, свидетельствовало о переходе на иную ступень цивилизации. А в лице Тсивона Андас увидел возврат к старинным мрачным обычаям.

Но пока не найден нужный человек, говорить и спорить не о чем. Андас вслед за архивождем Наула и саларикийцем вышел из камеры. Элис за ним.

Ни Терпина, ни Грейсти в камере не было, и все снова спустились по пандусу. Стоящие роботы мешали видеть все помещение. Самое подходящее место для засады. Андас знаком велел девушке встать позади него. Он жалел, что при нем нет хотя бы церемониального ножа. Один человек со шокером или бластером мог остановить их всех.

— Сюда... — Принц вздрогнул, услышав слева от себя это шипение. Саларикиец показывал направо, туда, где виднелась полуоткрытая дверь.

Пришлось обходить кружным путем, чтобы не пробираться между стоящими роботами. Эту предосторожность Андас от всей души одобрил. Он с самого начала не доверял Терпину, и его продолжал преследовать вопрос, есть ли здесь другие, кого они не смогли найти. Казалось невозможным, чтобы тюрьмой управляли только роботы.

— ...не лучше остального. Так что и не пытайся! Мое предложение единственное, которое стоит принять.

Это был хриплый голос Грейсти. Последовал ответ, но они были слишком далеко, чтобы расслышать. Снова заговорил Грейсти, с досадой и гневом.

— Ты это сделаешь, потому что ты не в лучшем положении, чем мы, Патрон!

Патрон! Почти любая планета галактики имеет основания опасаться человека, носящего это звание. Глава Воровской гильдии! Точно соответствует положению дел! Похитить их всех под силу только Гильдии. В таком случае их держат ради выкупа, и Терпин тот, кто здесь оставлен за главного...

Андас поймал взгляд саларикийца. Инопланетянин сделал быстрый знак: согласен. Тсивон и девушка... Андас знаком велел им оставаться на месте. Плечом к плечу с Йолиосом они направились к двери, и принц пинком распахнул ее. Грейсти стоял над Терпином, сидевшим перед небольшой панелью.

При появлении принца и саларикийца они обернулись. Грейсти отступил на шаг-два и оказался прижатым спиной к шкафу с магнитными лентами. Андас приблизился, готовый нанести удар, который сделает этого тучного человека беспомощным. Саларикиец направился к Терпину, вцепился когтями в воротник его комбинезона и вытащил из кресла.

— Что... — начал Грейсти.

— Закрой рот! — приказал Андас. — Или я сделаю это за тебя. Какой договор ты собрался заключить с Патроном?

— Спросим у источника информации, — сказал Йолиос. Он обманчиво мягко потряс пленника, и бледное лицо Терпина исказилось. Впрочем, Андас не мог сказать отчего: от боли или в предчувствии дальнейшего.

— А теперь, человечек, — продолжал Йолиос, — расскажи обо всем, о чем нам стоит знать. — Он как будто без всяких усилий держал Терпина так, что ноги Патрона больше не касались пола. Тот дергался и сопротивлялся, но высвободиться не мог. Затем лицо его разгладилось, он как будто принял решение и прекратил бесполезное сопротивление.

— Я скажу все, что знаю, — спокойно согласился он. — Это совсем немного, хотя здесь есть то, что может оказаться полезным. — Он подбородком указал на стену перед собой.

Андас увидел, что шкаф, к которому прижался Грейсти, не единственное хранилище записей. Три из четырех стен были заставлены такими же шкафами, а на четвертой стене, перед которой сидел Терпин, помещался экран, сейчас темный.

— Говори. — Йолиос опустил его в кресло, но не отпустил и стоял за Терпином, когтями пронзив его одежду, на которой проступили маленькие красные пятнышки.

— Я многого не знаю. — Лицо Терпина стало спокойным и невыразительным. — Только догадки... на основании того, что я когда-то слышал...

— Не трать зря время, — приказал Йолиос. — Начни с того, что знаешь, и позволь нам судить, много это или мало.

— Не забудьте... у меня только обрывки сведений, — заупрямился Терпин. — Но вот что я слышал — будто бы существует место, где за плату можно поменять человека на двойника-андроида. Этого двойника можно запрограммировать так, что он будет делать все необходимое покупателю. А подлинного человека держат про запас, чтобы от него можно было избавиться, если пожелает покупатель.

— Какая нелепая выдумка! — взорвался Андас.

— Не торопитесь, молодой человек. — В дверях стоял Тсивон. — Никогда не говори «невозможно». И кто же предоставляет эту услугу? — Он подошел к столу и наклонился над ним, чтобы лучше видеть глаза Терпина. — Гильдия?

Терпин покачал головой.

— Не наша. Иначе разве я бы оказался здесь?

Грейсти рассмеялся.

— Мог и оказаться, если шла борьба за власть. Продвижение в Гильдии часто достигается силой.

Терпин поджал губы, но не взглянул на члена совета и не ответил на его насмешку.

— Согласно тому, что я слышал, этим занимаются менгиане.

Андас удивился. Это слово было ему незнакомо. Но он заметил, что остальные изменились в лице. Грейсти сразу перестал злорадно улыбаться, а Тсивон и Элис казались ошеломленными. И все трое явно испугались.

— Просвети нас, — приказал Йолиос. — Не осложняй положение. Кто такие менгиане?

— Наследники психократов, — раньше Терпина отозвался Тсивон. — Не всем это известно, но при свержении их олигархии психократы были уничтожены не полностью. Всегда ходили слухи о немногих спасшихся. Эти немногие затаились и продолжили свои эксперименты. Кодовое название их штаба было «Менгия». В легендах часто содержится зерно истины.

Андас содрогнулся. Психократы не вмешивались в дела системы Дингана. Но и там слышали рассказы о них. И если психократы действительно существуют, для четверти Галактики может начаться кошмар.

— Должно быть, так и есть. — Грейсти утратил все свое высокомерие. — Именно такой план они составили бы, подменяя правителей своими созданиями. И, судя по всему, их инженерам хватало знаний, чтобы сделать андроидов, неотличимых от людей. Да они могут вернуть себе все потерянное, а люди спохватятся, когда будет поздно! Я должен вернуться на Триск... предупредить...

— Возможно, уже поздно, — медленно проговорил Тсивон. — Мы не знаем, сколько времени провели здесь. Двойники вполне могли передать наши владения в руки менгиан.

Озноб, пронизавший Андаса, не шел ни в какое сравнение с новой ледяной дрожью. Если они пленники потомков психократов, даже странная разница во времени может оказаться истинной! Их могли держать в состоянии, схожем со стаз-

заморозкой. А известно, что в ней человек может провести столетия по планетарному времени!

Первым заговорил Йолиос:

— Раньше ты упомянул, Терпин, что это услуга платная. А теперь говоришь о плане менгиан вернуть себе власть. Так с чем мы имеем дело — с договором, заключенном с теми, у кого есть причины желать нашего устранения, или с заговором, составленным против нас только из-за нашего положения?

Терпин покачал головой:

— На этот вопрос я не могу ответить. Уверяю вас, именно не могу, а не не хочу. Я слышал, что это делается исключительно ради денег. Для контроля над крупным капиталом подбирают того, кого нужно сместить, и заменяют его андроидом. Но ходили слухи о том, что и заказчика тоже, возможно, обманывают. Насколько это верно, не знаю.

— Но сделать такого андроида, наделить его подлинными воспоминаниями — как это вообще возможно? — удивилась Элис. — Ведь чтобы обмануть тех, кто хорошо нас знает, андроиды должны вести себя безупречно. Обеспечение этого требует времени. Но, если мы сами не предоставляли им записи своей памяти, как они могли их раздобыть?

— Если менгиане действительно психократы и виновны в нашем похищении, — сказал Андас, хотя в глубине души отшатывался от этой как будто бы правды, — они каким-то образом могут это делать. В свое правление они делали с телами и сознанием людей и более странные вещи.

Вперед выступил Грейсти:

— Тем больше у нас оснований как можно быстрей вернуться, узнать, что произошло, и попробовать устранить ущерб...

Андас решил, что Грейсти забыл о временном промежутке. Но действительно — первой их заботой должно быть как отсюда убраться. Только как? Йолиос думал о том же.

— Ты кое-что знаешь о таких установках, — обратился он к Терпину. — Как сюда доставляли припасы? Едва ли нашу еду выращивали из белков.

— За тобой устройство для вызова корабля, но оно свидетельствует о том, что кораблем тоже управляют роботы, — ответил Патрон. — Если приходит корабль с припасами, он на-

верняка автоматический и ему задан всего один курс. Чтобы воспользоваться таким кораблем для побега, нужно заменить ленту, а где ее взять? Разве что на корабле несколько лент... но на транспорте с одним маршрутом это не нужно.

— А что в этой комнате? Здесь какие-то записи. — Андас попытался надавить пальцем на защелку ближайшего шкафа, но безрезультатно.

— Закрыто. Какой-то личный замок.

— С каких это пор личный замок может стать преградой для техника Гильдии? — спросил Грейсти. — Ты можешь это открыть?

— Только при наличии времени и инструментов, — возразил Терпин.

— Получишь и то, и другое, — пообещал саларикиец. — Давайте поищем инструменты.

Хотя Терпин ворчал, что не сумеет отыскать нужные инструменты, он прошел в соседнее небольшое помещение, где роботы ремонтировали одного из своих собратьев, сняв его внешнюю оболочку. Основные детали его устройства были разложены на рабочем столе.

Патрон подбирал нужное, пока в его руках не оказалось с полдюжины инструментов, назначение которых Андас не мог определить. Все пришли следом и наблюдали за его действиями, словно их объединенная воля могла побудить его к большим стараниям.

С набором «отмычек» Терпин вернулся в помещение с записями и принялся за работу. Сразу стало ясно, что он специалист в своей области. Андаса поразили его ловкость и сноровка. Если Терпин был Патроном, то, конечно, не мог быть рядовым членом Гильдии; разве что существовали такие преступления, которые совершала только верхушка. Во всяком случае, он знал, что делает.

Потребовалось много времени. Тсивон заявил, что устал, и ушел в свою камеру. Чуть позже его примеру последовала Элис; казалось, она утратила свой страх одиночества.

Грейсти уселся перед экраном, с трудом втиснув в кресло свое тучное тело. Андас некоторое время наблюдал, но ему не сиделось на месте, и он принялся расхаживать по большему помещению, теперь уже не так настороженно минуя неподвижных роботов.

Помимо небольшого ремонтного отсека было помещение, куда уходил за едой робот, но его дверь Андас открыть не смог. Но другая дверь подалась.

В лицо ему ударил обжигающий ветер. Сморщившись от яркого сияния, он сделал шаг во внешний мир, придерживая дверь, чтобы иметь возможность вернуться, уйти от жары, резкого освещения и запаха — острого запаха, от которого Андас закашлялся. Он опасался долго оставаться снаружи. Но ему хватило времени, чтобы увидеть обожженные посадочными двигателями участки летного поля. Как давно здесь не садился корабль?

Кашляя, он отступил обратно и отрезал доступ внешней атмосфере. Одно было ясно: без защитного костюма, а также, вероятно, маски для дыхания и темных очков никто из них не продержится долго на поверхности планеты.

Других выходов не было. Он обошел стены и вернулся туда, где все еще работал Терпин. Андас пришел как раз вовремя, чтобы увидеть, как Патрон встал, отодвинулся и дернул один из инструментов, глубоко вставленный в замок. Послышался резкий звук, и ящик открылся.

Догадка Андаса подтвердилась. Перед ними были ровные ряды лент с записями. Грейсти пытался выбраться из кресла. Йолиос локтем отодвинул Терпина в сторону и схватил одну из ближайших лент.

Вместо названия только код — как и следовало ожидать.

— Считыватель, где считыватель? — Грейсти пухлой рукой колотил по крышке стола, как будто необходимый прибор должен был вырасти из ее поверхности.

Но, похоже, Терпин знал об этой комнате больше. Он выхватил ленту у саларикийца, извлек ее из коробки и вставил в узкую щель на малозаметной панели, занимавшей половину поверхности стола.

— С дороги, лохань с помоями! — Он вытащил Грейсти из кресла и оттолкнул от стола.

Больше не обращая на толстяка внимания, Терпин повернул какой-то рычажок. Экран ожил, и на нем стала видна четкая трехмерная картина. Совершенно нагое тело инопланетянина.

— Закатанин. — Андас не знал, произнес ли это вслух или оставил свое открытие при себе. Но тут его слова заглушил

механический голос; человеческий по тембру, он произносил бессмысленные сочетания звуков. Картина изменилась: вместо всего тела стали видны отдельные его части, все сильно увеличенные, каждая была снабжена кодовым обозначением.

Они просмотрели ленту до конца, но не получили никакой информации, кроме точных изображений частей тела неизвестного закатанина. Затем и картина, и голос исчезли.

— Думаю, — заметил Йолиос, — это была матрица для изготовления андроида. Двойника еще одного несчастного, который должен был присоединиться к нашему обществу, но не присоединился. Посмотрим другую?

Он уже готов был вставить в прорезь вторую ленту, когда экран внезапно ожил. Но сейчас бегущие по его поверхности кодовые сигналы Терпин понял.

— Садится корабль, — сообщил он.

Одновременно в соседней комнате послышалось звяканье. Андас, который стоял ближе всех к двери, подошел и заглянул в нее.

Три самых больших из стоявших в ряд у дальней стены роботов двигались вперед, словно прибытие корабля активировало их, хотя корабль еще не сел. Это были грузчики, и двигались они к двери, ведущей наружу.

3

— Таково нынешнее положение дел. — Всеобщее внимание было сосредоточено на Йолиосе. Он стоял, положив руку на широкую спину одного из роботов-грузчиков. — Нам удалось — вернее, Терпину удалось — прервать разгрузку. Пока корабль не разгружен, он не улетит. Это не пассажирский корабль, но в нем есть аварийная секция, предназначенная для людей. Впрочем, если все мы погрузимся и улетим на этом корабле, он покажется нам тесноватым.

Андас обдумывал те многочисленные «если», «и» и «но», с которыми они столкнулись. Достаточно легко было бы разместиться в пассажирской секции и позволить кораблю увезти их. Но это отдаст их в руки врага. Нужно снабдить корабль другой лентой с указанием маршрута. Однако пока во всех

шкафах они находили только записи изображений людей и чужаков.

Просматривая ленты одну за другой, Андас гадал, не попадется ли среди них та, что относилась бы к кому-нибудь из их небольшой группы. Пока ничего такого он не нашел. А Терпин тем временем открыл остальные шкафы и отбирал образцы наугад.

Они снова поели и, вдруг ощутив усталость, вздремнули. И по-прежнему держались двумя группами, хотя Тсивон теперь меньше сторонился Андаса и его товарищей. А вот Грейсти и Патрон, хотя и держались вместе, не проявляли никакого дружелюбия.

На второй день Терпин признал свое поражение. Он стоял среди открытых ящиков, а на полу возвышалась груда лент, доходившая ему почти до лодыжек.

— Ничего, — сказал он безжизненно. — Ничего такого, что пригодилось бы.

Заговорил Андас:

— Мы еще не осмотрели корабль.

— Попасть в него сложно, — ответил Терпин довольно оживленно. — У меня есть кое-какие технические знания, но я не космонавт. А вы? — Он медленно поворачивал голову, бросая на каждого проницательный взгляд.

У Андаса был опыт, но всего лишь опыт пассажира. Он решил, что у остальных и того нет — если Терпин ничего от них не утаивает. К его удивлению, заговорила Элис:

— Я знаю, что входной люк управляется изнутри. Но ведь такая проблема уже должна была возникнуть — где-нибудь, когда-нибудь. Разве у корабля нет запасных выходов на случай опасности?

Ее слова словно повернули ключ в памяти Андаса. У него возникло мимолетное воспоминание о корабле, стоящем на опорах на посадочном поле, и о фигуре, поднимающейся по одной из них. Что-то такое он когда-то видел. И расспрашивал тогда с ленивым любопытством.

— Служебный люк!

Он не сознавал, что остальные смотрят на него. У всех кораблей должно быть что-то общее в конструкции. Если это верно, такой люк есть и на этом корабле.

— Над опорами. — Он старался объяснять как можно ко-

роче. — Люк для доступа техов во время ремонта. Возможно, он открыт.

— Стоит проверить все возможности. — Дрожь Тсивона сменило волнение, голос его окреп.

— В любом случае — ночью или в сумерках, — сказал Йолиос. И когда Андас, которому не терпелось проверить свое предположение, попробовал возразить, саларикиец указал на очевидное:

— У нас нет защитных костюмов. Выходить наружу при солнце и пытаться открыть люк...

Он был прав. Как ни различны были их расы и виды, никто из них не мог жить в мире за этими стенами.

Несмотря на все свое нетерпение, Андас осознавал и другую трудность. Даже если они смогут найти и открыть запасной люк, куда тот ведет — в корабль или только в ограниченный отсек технического обслуживания? Если бы он или кто-нибудь из них знали больше! В обучении наследного принца явно недоставало курса выживания. Конечно, они не умрут здесь, если не сумеют улететь, но, возможно, быстрая смерть предпочтительнее бесконечного прозябания.

В группу, которой предстояло попытаться проникнуть в корабль, входили трое: Андас, Йолиос и Терпин, чьи технические познания невозможно было не оценить. Когда жестокое солнце, выжигавшее неведомую планету, село, они отправились на поле.

Команда, запустившая автоматическую разгрузку, не сработала. Главный люк корабля был прочно задраен, как в космосе. Но они не стали тратить на него время и направились прямо к посадочным опорам, напоминающим плавники. К счастью, мучительно сухой ветер утих, хотя сделать глубокий вдох было по-прежнему трудно, и Андас гадал, к чему приведет длительное пребывание в этой атмосфере.

На опорах были скобы для подъема. Не хотелось, но пришлось позволить Терпину подняться первым: люк следовало открыть, а с этим мог справиться только он. Андас старался не отставать от Терпина. Он совсем не доверял Патрону.

Держась за скобы ниже Терпина, который время от времени чертыхался (не на основном), Андас старался дышать неглубоко и не обращать внимания на жжение в носу, на резь в глазах и на слезы.

Терпин громко хмыкнул и забрался в люк. За ним последовал Андас, потом Йолиос. Попав внутрь корабля, они очутились в узком проходе, через который трудно было протиснуться. Фонарь Терпина осветил впереди второй люк, но Патрон продолжал подниматься по скобам на верхние уровни.

Они миновали узкие проходы, предназначенные для ремонтных работ и технического обслуживания, и оказались в жилой секции. Быстро осмотрев ее, Терпин с облегчением вздохнул.

— Она использовалась, и совсем недавно, быть может, в последнем рейсе. Ее устройства, проделав некоторую работу, можно активировать. Но сначала следовало взглянуть на рубку управления. Иначе все было бы бессмысленно.

Вслед за ним они направились в пилотскую рубку. Здесь бросалось в глаза, что кораблем иногда управляли люди: кресла пилота и штурмана были снабжены защитными сетками.

Терпин миновал кресла и остановился перед панелью управления, разглядывая многочисленные кнопки и переключатели. Потом нажал одну кнопку, и из прорези со щелчком показалась лента.

— Если здесь есть набор таких... — Он держал бесполезную запись в руке. Андас уже начал поиски у кресла штурмана. И не напрасно. Открылась ниша еще с четырьмя лентами. Он схватил первую и посмотрел на символ на ленте, но не узнал его. Ленты могли содержать маршруты по совершенно неизвестной ему части Галактики. Он бросил ленту на сиденье и взял вторую.

Снова разочарование. Он больше не надеялся на удачу, но, может быть, кому-то из их группы повезет больше. Но... третья! Вначале он не поверил собственным глазам и провел пальцем туда-сюда, чтобы почувствовать легкие углубления и выпуклости рисунка, убедиться, что он действительно есть.

— Иньянга... это Иньянга!

Йолиос подобрал две брошенные ленты.

— А четвертая?.. — Он показал на последнюю в нише.

— Неважно! — Принц держал находку обеими руками, словно опасаясь, что кто-нибудь отнимет у него этот ключ к дому. — Разве ты не понял? Мы сможем улететь на Иньянгу... а оттуда все вы легко доберетесь до своих планет.

— Тем не менее мне любопытно. — Йолиос взял последнюю ленту.

— Наул...

Андас ревниво держал свою ленту. Ну ладно, есть и лента с маршрутом на Наул, но сначала они полетят к Иньянге.

— Я думаю... — саларикиец словно прочел его мысли, — что твой план столкнется с некоторым сопротивлением, принц. К тому же мы не знаем, где мы. Может быть, именно Наул — лучший и самый безопасный вариант.

Йолиос положил две неизвестные ленты назад в нишу, а ленту с маршрутом к Наулу оставил у себя. Однако Андас не собирался расставаться со своей, пока ее не вставят в нужное гнездо и он не убедится, что корабль поднимается.

Как ни странно, Терпин слушал их вполуха. Он прохаживался по рубке управления, поворачивая рычажки и нажимая на кнопки, словно проверял, нельзя ли перевести корабль из автоматического режима на ручное управление. Наконец он заговорил:

— Вот что: будет тесно, и мы не знаем, сколько продлится полет. На борту должны быть запасы продовольствия на чрезвычайный случай. Но лучше самим позаботиться о припасах.

Они снова спустились в жилые отсеки. Как заметил Патрон, эта секция предназначалась не больше чем на четверых. Но, чтобы сбежать из тюрьмы, стоило немного потерпеть.

Запасы продуктов нашлись, установка регенерации воздуха работала... а если полет затянется?.. Может, Наул действительно ближе? А может, лучший их шанс — одна из отвергнутых лент? Но если бы Наул и Иньянга не были в пределах досягаемости корабля, здесь не хранились бы ленты с маршрутами к ним. Только корабли перворазведчиков и патрульные крейсеры располагают лентами для длительных полетов.

Убежденный этими соображениями, Андас готов был бороться за свой выбор. Они вернулись в тюрьму, выбравшись из корабля на этот раз через основной люк, который открыли изнутри. Их ждали с нетерпением.

— Конечно, Наул, — уверенно сказал Тсивон, словно другие решения исключались. — Из наших портов корабли уходят по всем направлениям, и вы без труда сможете добраться

до своих планет. К тому же у нас расположен штаб Патруля сектора. Их следует немедленно известить. Нужно тщательное расследование, чтобы установить, как глубоко уходят корни этого заговора.

— Но Иньянга — тоже центр сектора, — упрямо возразил Андас, не намеренный сдаваться. — Не вижу причин выбирать Наул.

— Конечно, вы можете спорить сколько угодно, — устало сказала Элис, — но я не собираюсь тратить время, слушая ваш спор. Если хотите знать мое мнение, Наул ничем не лучше Иньянги. Возможно, так же думают член совета Грейсти, лорд Йолиос и Патрон Терпин. Ведь я у себя на родине не слышала ни о той, ни о другой планете, а значит, мне придется пролететь полгалактики, чтобы попасть домой. Мы не знаем, где мы и далеко ли от ваших планет, так что все — дело случая.

— Наул!

— Иньянга!

В один голос ответили Андас и Тсивон.

Йолиос издал звук, очень похожий на рычание.

— Дама права. Ленты две, а нас шестеро, и, возможно, нам нужно лететь в прямо противоположных направлениях. У нас нет предпочтений по отношению к вашим двум портам. Поэтому доверимся случаю. Вот... — Он взял сосуд с крышкой, в котором им принесли последнюю еду, и, взяв ткань, служившую салфеткой, тщательно вытер его изнутри.

— Клади ее сюда, архивождь, — велел он Тсивону, вцепившемуся в ленту «Наул» так же крепко, как Андас — в свою. — Ты тоже, принц. Бросим жребий.

— Кто же будет выбирать? — спросил Тсивон, опередив Андаса. — Дама была с тобой. А ты постоянно оставался с ним. — Он показал пальцем сначала на саларикийца, потом на Андаса.

— Справедливо. — Йолиос накрыл сосуд крышкой. — Терпин, можно ли заставить робота-ремонтника взять одну из лент? Его мы не сможем обвинить в пристрастности.

— Можно, — оживленно, как будто уже отчаялся дождаться решения, ответил Патрон. — Идемте.

Под взглядами остальных Йолиос поставил сосуд, вновь сняв с него крышку, перед роботом. Андас и Тсивон положили

в него свои ленты. Терпин проделал необходимые манипуляции, и одно из торчавших неподвижно щупальцев робота выронило небольшой инструмент, опустилось к сосуду и снова поднялось рывками, держа одну из лент. Патрон торопливо отключил энергию, а Йолиос взял ленту.

— Иньянга, — сообщил он.

Теперь Тсивон не мог сказать, что это несправедливо. Но лицо у него было мрачное; он взял отвергнутую ленту с таким видом, словно все-таки надеялся ее использовать.

Багажа у них не было, но они опустошили помещение с припасами, прихватив с собой все, что можно было хранить в контейнерах. На рассвете они наконец поднялись в корабль и с трудом разместились в жилой секции. Когда Терпин, Йолиос и Андас поднялись в рубку управления, стало не так тесно. Хотя он и не был штурманом, высокий саларикиец занял штурманское место, а Андас занял место вахтенного офицера позади него. Терпин разместился в кресле пилота. Принц наблюдал, как Патрон вставляет ленту в гнездо и включает автопилот.

Прозвучал предупреждающий сигнал, и все пристегнулись, готовясь к перегрузкам подъема. Когда подъем начался, перенести его Андасу оказалось гораздо труднее, чем он полагал: в обычных рейсах пассажирам помогают перенести ускорение многочисленные средства.

Наконец Андас смог ошеломленно подняться и тут же обнаружил новое отличие от тех способов передвижения, к которым привык. В корабле-роботе не было искусственного тяготения, и приходилось приноравливаться к невесомости. А это оказалось очередной пыткой.

Йолиос первым приспособился к ситуации, хотя признался, что и ему не приходилось испытывать ничего подобного. Труднее всего пришлось Тсивону, Грейсти и Элис. На корабле не было обычных медикаментов для таких случаев, не было и средств полетного сна — последнего убежища тех, кто не в состоянии терпеть физические неудобства.

Самым тяжелым оказалось однообразие. Элис и Тсивон по большей части оставались в своих койках. Остальные четверо по очереди занимали два оставшихся спальных места, хотя Грейсти при этом непрерывно жаловался, ворчал и всячески демонстрировал неуживчивость. Счет времени утратил

смысл — на корабле невозможно отличить день от ночи. Конечно, оставался сон, но нельзя же постоянно спать, и Андас чувствовал, что ему все тяжелее.

Вечные жалобы Грейсти так его раздражали, что принцу приходилось собирать все свое самообладание, чтобы не ударить этого человека по зубам. Терпин после старта почти перестал говорить. Если у него была возможность лечь на койку, он спал, если не было — садился в одно из кресел пилотской рубки и сидел с закрытыми глазами. Андас подозревал, что Патрон просто не желает посвящать разношерстных спутников в свои мысли.

Оставался Йолиос, хотя саларикиец тоже порой погружался в глубокое молчание, и Андас уважал такие периоды. Но когда саларикиец был настроен поговорить, он с ядовитым юмором описывал их новое житье. Андас обнаружил, что чересчур много болтает, и стыдился этой болтливости: наследному принцу не пристало так себя вести. Ему никогда не казалось, что болтливость — его порок, но, кажется, он ошибался.

— А ты не думал о том, что могло произойти за время твоего отсутствия? — задал саларикиец очередной язвительный вопрос. — Конечно, если высчитанная нами разница во времени соответствует действительности.

Андас действительно думал об этом, хотя и без всякой охоты. Предположим, он просто исчез. Тогда наследником будет избран один из оставшихся принцев. Но что, если его заменил андроид? Ему придется доказывать подмену. Способ есть. Он оглянулся: они находились в рубке управления. Терпина и Грейсти не было. А он не мог представить себе, что член совета в состоянии успешно подслушивать. При малейшем движении он сопел так, что сразу выдавал себя. Терпин — другое дело. Андас чуть повернулся в кресле. Теперь он был уверен, что Патрон не сможет незаметно пробраться в рубку.

А вот с Йолиосом Андас нисколько не опасался откровенничать. У саларикийца не было связей с его империей, и чем больше принц узнавал его, тем больше ему нравился этот чужак. К тому же Андас, обсуждая с Йолиосом конкретные планы, снимал внутреннее напряжение.

— В Тройных Башнях есть много такого, о чем не подозревают даже живущие в них. Строения уходят далеко от

первоначальных башен — словно бросаешь камень в пруд и смотришь, как расходятся круги. Только этими кругами служат стены, павильоны, сады, залы, приемные — великое множество. Я уверен, никто не знает всего этого. Даже для императора там найдутся сюрпризы. Некоторые части не использовались на протяжении поколений. В прошлом творились злые дела, и часть сооружений оставалась заброшенной, потому что с ними связывали слухи об убийствах и гораздо худшем: ведь королевские кланы десятилетиями воевали друг с другом. Некоторые части нашей истории сознательно замалчивались или искажались, и теперь невозможно установить истину.

Но фрагменты истины восстанавливаются. У нас наследование не передается от отца к сыну, как в некоторых монархиях, что гораздо проще и непосредственней. Первым наследником становится сын сестры императора — конечно, если ее брак был заключен в определенном кругу лиц королевской крови. Но у сестры нынешнего императора сыновей нет, так что выбирать приходится из второй очереди наследников. Обязанность императора — в должное время избрать наследника и в присутствии семейств из числа Ста Имен короновать его в качестве тронного принца. После этого всякие возражения и споры считаются изменой.

Я один из троих — из четверых, если считать и Айнеки, хотя его линия родства — незаконная. Все удивились, когда Акрама, держатель света, вызвал меня. Император долго выжидал, прежде чем объявить имя своего наследника. На него оказывали давление, убеждая сделать выбор, — особенно после того, как Айнеки возглавил силы мятежников. Три года назад под именем Айнеки произошло восстание на Бенине. Потребовалось четыре полка императорской гвардии, чтобы его подавить. Айнеки заявил, что ничего об этом мятеже не слышал, и никто, даже Глаза и Уши, не смог доказать его виновность.

Если я просто исчез, принцем империи теперь, возможно, стал Джессар — или Йоур. Вот что я должен узнать, прежде чем объявить о своем возвращении. А значит, мне придется воспользоваться тайными ходами.

— Тайными ходами? Ты их знаешь?

— Да — по счастливой случайности. Словно судьба готови-

ла меня к тому, что случится. Отец был затворником. Вскоре после моего рождения, через два года после женитьбы на двоюродной сестре, принцессе Аннете, дочери предыдущего императора, его ранило при взрыве его личного флиттера. Он из тех немногих, кто не переносит трансплантацию пластаплоти, а его лицо было сильно изуродовано. Мать, тогда совсем юная, принимала свой брак как безрадостную обязанность. К тому же она не выносила физического уродства окружающих. Понимая это, отец передал ей все свои почетные обязанности, а сам удалился в полузабытую часть дворца, одну из тех, о которых я упоминал.

Единственной радостью в его жизни стала история. Сначала история империи, затем Тройных Башен и интриг и тайн королевских кланов. Положение его, второго сына императора, было прочным, и ему никто не мешал.

В сущности, с годами его почти забыли. У него был свой небольшой двор, не связанный с жизнью Тройных Башен. Я жил в этом одиночестве, окруженный няньками, а потом и учителями, которых подбирал отец, пока не достиг возраста боевых тренировок. И никогда не видел отца без маски, созданной одним из придворных художников. Маска напоминала его прежнее, красивое, лицо. Но я знал отца лучше всех... насколько он позволял мне проникать в его внутренний мир.

Он учил меня многому, в том числе и посвящал во вновь открытые дворцовые тайны. В стенах есть тайные ходы, есть потайные отверстия, через которые можно подглядывать, есть даже тайные двери, ведущие туда, где хранится оружие прошлого или сокровища. Отец заставил меня запомнить каждое его новое открытие. Не знаю, как возникла его страсть к столь необычным исследованиям, но он был уверен, что эти знания могут быть полезны. В конечном счете они и привели его к смерти.

Андас больше не замечал лица саларикийца, не видел его внимательных блестящих глаз. Перед ним была мысленная картина, милосердно затушеванная временем, но он ее никогда не забудет.

— Каким образом? — спросил Йолиос. — Или ты не хочешь говорить об этом?

— Когда-то не мог. Об этом знал только я и еще Хамнаки, личный слуга отца. Мы... я приехал в отпуск с военной подго-

товки, но отца не было целый день. Наконец мы взяли факелы и пошли отыскивать его в потайных коридорах. И нашли во вновь открытой части. Это крыло дворца строил очень подозрительный человек, и в ней были размещены ловушки. Оставалось только надеяться, что отец умер сразу. Мы вытащили его и сообщили всем, что он умер от лихорадки. Поскольку его уже позабыли и всем было все равно, вопросов не задавали. Отца похоронили с почестями, соответствующими его положению, и вырезали его имя в храме. Знаешь, пока я не увидел эту надпись собственными глазами, я даже не знал, что он имеет право носить два плюмажа. Эту награду он завоевал, отбивая вторжение пиратов с Дарфура, но мне никто об этом не говорил.

Однако он дал мне — и был прав, предполагая, что это мне пригодится, — знание потайных путей. Мне бы только добраться до Иньянги, пусть даже до самой внешней стены Тройных Башен, и я сумею узнать, что случилось.

— А если подозрения Терпина справедливы и твое место занял андроид?

— Тогда я узнаю достаточно, чтобы доказать императору правду.

— Будем надеяться.

Послышался резкий сигнал, который ни с чем невозможно было спутать. Корабль выходил из гипера. Их путь подходил к концу. Руки Андаса слегка дрожали, когда он закреплял защитные ремни. Иньянга. Они дома!

4

Они приземлились. Придя в себя после жесткой, на три точки, посадки, Андас и посмотрел на экран, чтобы понять, что снаружи корабля.

Но...

Это не Иньянга!

Вначале он не верил собственным глазам. Они не в порту. Изображение на экране постепенно перемещалось, давая возможность кругового обзора, и Андас увидел ожоги, оставленные посадочными двигателями... Да, но старые — никаких следов недавних посещений.

Растительность, сплошной густой стеной окружавшая поле, по цвету отличалась от той, что была ему знакома. Светло-зеленая со светло-желтыми полосками.

Не Иньянга! Значит, лента... но почему ленту неверно надписали? У Андаса возникло то же ощущение неопределенности, какое он испытал, впервые осознав, что он в тюрьме.

— Догадываюсь, что ты ожидал иного, — вторгся в его замешательство голос Йолиоса.

— Да. Я... я никогда раньше такого не видел.

— Весьма поучительно, — ответил саларикиец.

«Что поучительно», — подумал Андас. Он не мог ошибиться — на ленте стоял символ его родной планеты. Возможно, его сознательно нанесли неверно, чтобы предотвратить такие побеги, какой сделала возможным гроза? Может, они приземлились в неведомом порту, где их легко будет схватить.

— Наживка в ловушке... — Либо Йолиос по выражению лица догадался, о чем он думает, либо у него возникли такие же подозрения. — Но в таком случае лента со знаком Наула доставила бы нас сюда же. Однако стоило бы узнать, что такое это «сюда».

Он высвободил руку из защитной сетки кресла и нажал кнопку на панели управления. Мгновение спустя механический голос сообщил, что атмосфера и тяготение — в пределах нормы по меньшей мере для них двоих.

— Можно жить. И мы не улетим, пока не узнаем больше о том, куда нас привел наш выбор.

— Возможно, все эти четыре ленты приводят сюда, — высказал свое подозрение Андас.

— Изобретательно. — Йолиос выбирался из защитной сетки. — Достойно мастера торговли. — В его голосе слышалось искреннее восхищение. — Если это правда, то следует ожидать, что нас схватят... кто-нибудь... когда-нибудь. Предлагаю как можно больше осложнить этот захват. А заметил ты кое-что?..

— Нет свежих следов посадки? Здесь никто не садился... наверное, уже много лет.

— Но когда-то поле посещали часто. Однако... — Вытянутым когтем Йолиос указал на экран. — Если это обычный порт, за растениями должны скрываться здания. Но растительность такая густая, словно никто через нее не проходил.

— Может, быстрорастущая. — Но даже быстрорастущим деревьям нужны годы, чтобы поглотить все портовые сооружения. А главное, даже на небольшой перевалочной базе здания сооружают из материалов, способных противостоять растительности. Такова стандартная предосторожность, если приходится строить на планетах с самыми разными условиями. Либо порт не использовали очень давно и растительность успела занять его, либо здесь никогда не было постоянных сооружений.

— Тайное посадочное поле... такое нужно только одной разновидности космических путешественников. Джекам!

Андас произнес это вслух и услышал утвердительное ворчание Йолиоса.

— Ведь известно, что Гильдия действует заодно с джеками, — добавил последний штрих саларикиец.

Джеки, как правило, низший слой преступников. Они грабили далекие планеты и продавали добычу скупщикам из Гильдии. Время от времени их использовал какой-нибудь из Патронов Гильдии для участия в авантюрах, в которых требовалась помощь тех, кого потом легко заменить.

— Патрон Гильдии! — И снова их мысли совпали.

— Терпин, — прорычал саларикиец.

Вдвоем они с Терпином справятся. Вероятно, Андас справится с ним и в одиночку. Но им нужно вытянуть у него информацию. Андас вскочил, готовый отыскать Патрона и немедленно приняться за работу. Его яростное разочарование сменил холодный гнев, прославивший род Касторов.

— Ленты... — Саларикиец будто случайно оказался между Андасом и лестницей, ведущей к добыче. — Я все думаю об этих лентах, принц. Патрон Гильдии — мастер своего дела. Я знавал людей из Гильдии, которые умели снять кольцо с пальца человека так, что он даже не заметит. Возможно, твоя лента Иньянги оказалась вовсе не в автопилоте. Терпин ее подменил.

— Он не мог! Я все время следил за ним!

— Я тоже, — согласился Йолиос, — но не скажу, что могу превзойти мастера в его деле. А тебе часто доводилось встречаться со специалистами из Гильдии, принц?

— Ни разу. Но если он мог проделать такое... — Андас глубоко вдохнул. Неужели Терпин сумел обмануть их у всех на виду?

Все эти басни о легендарных подвигах Гильдии! Говорят, Гильдия покупает (или приобретает иными, более темными способами) новые изобретения, которых нет даже у Патруля. Но Терпин побывал в плену, у него не осталось ничего, кроме одежды. Он не мог пустить в ход галлюцинации... или мог? Андас почувствовал, что его вера в собственное зрение, в способность перехитрить противника глубоко поколеблена.

— Итак, у нас есть два ответа, — продолжал Йолиос. — Либо эти ленты оставлены как приманка и, возможно, все они, несмотря на обозначения, привели бы нас сюда. Либо Терпин по каким-то собственным причинам подменил ленту. Он не участвовал в нашем споре насчет Наула и Иньянги. Возможно, не видел в этом смысла, потому что уже сделал свой выбор.

Послышался резкий сигнал. На экране появилось предупреждение.

— Трап! — Андас бросился к лестнице. Кто-то выходит из корабля, выходит почти сразу после приземления. Нетрудно было догадаться, кто это. Они должны помешать Терпину добраться до того, с кем он хочет встретиться. Нужно перехватить его и узнать, какая здесь таится опасность.

Андас спускался со всей возможной быстротой, а Йолиос следовал за ним, да так близко, что едва не наступал ему на пальцы.

— В чем дело? Где мы? — спросила Элис. За ней виднелся Тсивон.

Андас, не желая терять ни минуты, не отвечая, протиснулся мимо девушки и бросился к люку.

Они успели вовремя. Едва ступив на еще не остывшую от пламени посадочных двигателей землю, они увидели Терпина посреди посадочного поля. Андас ожидал, что Патрон сбежит под защиту растительности. И как только окажется там, опасался принц, найти его будет очень трудно.

Но Патрон замедлил шаг и остановился, оглядываясь в полном недоумении. Если у него и была цель, ради которой он вышел из корабля, он как будто лишился ее. Терпин поворачивался в разные стороны, загораживая глаза от яркого солнечного света и отыскивая прорехи в сплошной стене растительности.

Андас сбежал по трапу, Йолиос за ним. Они полагали, что Терпин услышит их и кинется наутек. Но Патрон продолжал оглядываться, словно значение имело только то, что он видел вокруг.

Даже когда они подбежали к нему, он не обернулся и не взглянул на них. Андас схватил его за плечо и развернул, готовый потребовать ответов на свои вопросы. Но так и не задал их, потому что такого лица у Патрона никогда еще не видел. На нем явственно читалось полное изумление; Терпин словно всю жизнь вырабатывал подвижные черты актера трехмерного кино.

— Все... все исчезло! — Он говорил словно сам с собой, пытаясь усвоить то, чего не хотел признавать рассудок.

— А что ты ожидал увидеть? — Андас не отпускал его и теперь потряс, чтобы вырвать из ошеломления.

— Но оно не может исчезнуть! — Очевидно, Терпин был потрясен. Как будто до этой минуты его защищала некая уверенность, и потому он мог ничего не бояться. А сейчас эту уверенность у него отняли.

— Что исчезло? — Андас начал сомневаться, в уме ли этот человек. Он заговорил медленно, с паузами, пытаясь пробиться к его сознанию.

— Порт. Порт Вендиткавер.

Это название ничего не говорило принцу. Он оглянулся на саларикийца, но тот ответил жестом, выражающим такое же непонимание.

— Что такое Вендиткавер? — снова спросил Андас.

Но тут со стороны корабля послышался крик. По трапу с быстротой, которая могла оказаться для него опасной, если он споткнется, спускался Грейсти.

На бегу голос советника звучал все резче, но Андас не понимал слов. Очевидно, в волнении тот отказался от основного и перешел на язык Триска. Лицо его под грязноватой жирной кожей покраснело, он колотил кулаком о ладонь, выкрикивая то, что могло быть только оскорблениями, — и предназначались они Терпину.

Патрон стоял неподвижно. Изумление исчезло с его лица. Он вновь стал дисциплинированным и загадочным, каким был в тюрьме. Андас готов был проклясть Грейсти. Если бы советник не появился в самый неподходящий момент, они могли

бы что-нибудь вытянуть из Терпина. Теперь же он уверился, что недостаточно искусен, чтобы заставить его разговориться.

Грейсти, продолжая кричать, добежал до них. Не обратив никакого внимания на Андаса, он с силой ударил Патрона. Тот легко уклонился. А потом, сам не понимая, что произошло, Андас обнаружил, что, вращаясь, отлетает. Он упал бы, если бы рука Йолиоса, крепкая, как городская стена, не удержала его.

А вот Грейсти грянулся о землю с такой силой, что задохнулся. Терпин стоял над ним, потирая костяшки пальцев одной руки, такой бесстрастный, будто Грейсти упал споткнувшись.

Советник пыхтел, держась обеими руками за массивный живот. Губы его шевелились, но он не произносил ни слова. Как будто в результате короткой стычки лишился не только способности дышать, но и дара речи. Терпин отступил от него. Посмотрел на Андаса, Йолиоса, потом на стену зелени. И повернул к кораблю.

И тут вмешался саларикиец. Хотя Патрон без труда справился и с Андасом (а ведь принц гордился своей боевой подготовкой), и с неуклюжим Грейсти, он понял, что воин с Саргола — нечто совсем иное. Йолиос двигался так стремительно, что его тело словно теряло четкие очертания. Последовала мгновенная схватка, и Терпин вновь застыл, Йолиос возвышался над ним, впившись когтями в плечевые мышцы.

Продолжая так удерживать Терпина, Йолиос мягко потряс его. Вернее, только казалось, что мягко. Рот Патрона дернулся, и от внимания Андаса не ускользнули два красных пятна под когтями.

— Итак, это место называется Вендиткавер. Ты должен простить наше невежество, Терпин. Не обладая твоими преимуществами, мы этого названия не знаем. Думаю, ты должен нам кое-что объяснить. Во-первых, где находится этот Вендиткавер — не по отношению к нам в настоящий момент, конечно, но по отношению к тому, куда мы направлялись, помнишь? Во-вторых, что такое этот Вендиткавер. Признай, в настоящее время он буквально пустое место. В-третьих, что — или кого — ты ожидал здесь встретить? Времени у нас достаточно — бесполезно поднимать корабль, пока мы не узнаем, как оказались здесь.

А тем временем, Терпин, — голос саларикийца звучал мягко и ласково, но Андас обрадовался, что не он находится на месте Патрона, — ты должен понять, что существуют разные способы задавать вопросы. Можно спрашивать вежливо, а можно и не очень. Совершенно очевидно, что ты пытался нас предать. И у нас нет причин обращаться с тобой учтиво.

Андас верил, что Йолиос выполнит свои обещания. В его голосе звучала полная убежденность. И это произвело на Патрона впечатление, потому что он заговорил — короткими невыразительными предложениями. Но от его слов легче их не стало.

— Вендиткавер — порт джеков... вернее, был портом джеков. Не знаю, что случилось. — В его голосе на миг проскользнуло чувство. — Как это все могло исчезнуть? — Он покачал головой. — Полная бессмыслица. Можно подумать, здесь годами никто не высаживался. А ведь это обычная база для разгрузки и ремонта.

— И с обязательной резиденцией скупщика Гильдии? — спросил саларикиец. — Как в Путеводной, крепости джеков?

— Поменьше. Но да, в том же роде. Говорю вам, — продолжал Патрон, — я ничего не понимаю! Здесь должны быть здания, стоять корабли. Все это не могло исчезнуть!

— Предположим, мы пойдем и посмотрим, что там за зарослями. — Йолиос не выпускал Патрона и толкал его перед собой в сторону зеленой стены.

Андас пошел за ними. Грейсти остался на месте. Лежа на земле, он дышал уже ровнее, но смотрел на Патрона убийственным взглядом. Возможно, и на всех остальных. Будь советник вооружен, Андас никогда не повернулся бы к нему спиной. Но сейчас принц не считал этого человека опасным — по крайней мере пока.

И только подойдя к растительности поближе, они поняли, что здания здесь все же есть, — по крайней мере их части. Но они так заросли, что стали почти не видны.

— Возможно, это быстрорастущие породы, — предположил Андас. Но это не изгнало из его сознания мрачную тень. Как бы быстро ни росли деревья, такую крепость они могли скрыть только за годы. А ведь Терпин был уверен, что это хорошо известный порт джеков, обладающий связями с Гильдией.

— Так быстро ничто не может расти, — ответил ему Терпин. — И это вообще не та растительность.

— Ты бывал здесь раньше? — спросил Йолиос.

— Меня отсюда забрали... во всяком случае, это мое последнее воспоминание...

Их словно ударило. Андас спросил только:

— В каком году... галактическом?

Терпин долго не отвечал. Пытается вспомнить или пересчитывает местное время на галактическое? Или его заставил замолчать сам вопрос о времени? Наконец он ответил:

— 2265 год.

Через тридцать пять лет после даты Андаса, через сорок пять после года Йолиоса и далеко от времени Элис и Тсивона! Время. Смутный страх Андаса становился все более осязаемым. Сколько же времени он провел в этой тюрьме?

— Говоришь, 2265, — заметил Йолиос. — А как по-твоему, давно ли заброшен этот твой порт?

— Не могу понять. — Но Андасу показалось, что Патрон скорее не хочет. И он понял, что страх, возникнув в сознании Терпина, теперь, как и у всех остальных, станет его постоянным спутником.

— Поскольку теперь мы знаем, чем был когда-то Вендиткавер и что ты ожидал здесь найти, можем ли мы также предположить, что ты вставил в гнездо автопилота свою ленту? — Если время и тревожило саларикийца, он ничем этого не выдал и вернулся к допросу Терпина.

— Я узнал символ на одной из лент. Подменить было легко, — нетерпеливо ответил он, как будто они должны были догадаться об этом с самого начала.

— Но лента Иньянги все еще у тебя?

— Да.

— И мы можем считать, что Иньянга не исчезла в глубинах времени, как этот порт, — продолжал Йолиос. — Поэтому...

Он отстранился, комбинезон на плечах Терпина зашуршал там, где под одеждой проступили красные пятна, но Патрон сумел вырваться. И бросился в густую растительность, где развалины зданий давали непрочное убежище в джунглях.

Андас побежал было за ним, но его остановил резкий, с оттенком приказа, голос Йолиоса:

— Оставь его. В этих джунглях его не найти. Когда он увидит, что тут нечего делать, вернется сам.

— Лжец, обманщик! — послышался крик у них за спиной. К ним, согнувшись, держась за живот, брел Грейсти с посеревшим лицом и выкрикивал проклятия на основном. Потом снова перешел на свой язык. Но не последовал за Патроном. Возможно, так же быстро, как саларикиец, понял бессмысленность такого поступка.

— Лжец? Обманщик? — повторил Йолиос. — Ты рассердился гораздо сильней принца, а ведь принц имел все основания считать, что летит домой. Или, советник, у тебя тоже были основания считать, что ты летишь в другую сторону? Помнится, ты не раз говорил с нашим проводником с глазу на глаз? Ты заключил с ним отдельный договор? Думал, мы летим на Триск?

— Но ведь ленты с символом Триска не было. — Однако Андасу показалось, что Йолиос действительно на что-то наткнулся. Услышав вопрос саларикийца, Грейсти явственно вздрогнул. Нападение произвело на него не меньшее впечатление, чем первый взгляд на заброшенный порт — на Терпина. И пока он не опомнился, им стоило докопаться до правды.

— Я главный советник Триска. — Грейсти хотел выглядеть достойно, но не мог выпрямиться и не умолкая стонал, держась за живот, отчетливо выпиравший под одеждой. — У меня есть свои источники...

— И ты сделал предложение Терпину, — подсказал Йолиос, когда тот оборвал фразу. — Куда же, по-твоему, мы летели?

— Он сказал — на Куан-Ти. У этой планеты прочные связи с Триском.

— И ты поверил? — Йолиосу стало смешно.

— Он должен был получить миллион кредитов! — Слова словно причиняли Грейсти боль.

Миллион... но каково в таком случае личное состояние Грейсти? Или он собирался воспользоваться средствами Триска? Или вообще не платить, добившись своего? Андас подозревал, что верно последнее. Двое заключили договор, который оба намеревались нарушить. У Грейсти есть причины чертыхаться.

— Похоже, твое доверие не было обоюдным, — заметил Йолиос. — Не думаю, чтобы тебе удалось скоро увидеть Куан-Ти или твой Триск...

— Помогите!

Крик донесся от корабля, а не из леса, куда убежал Терпин. У подножия трапа стоял Тсивон и дико махал руками. У его ног лежала Элис. Андас добежал до них первым и склонился к девушке.

Она лежала с закрытыми глазами, странные наросты на ее шее сморщились, покрылись чешуйками и выглядели нездорово.

— Она сказала, что ей нужна вода, — задыхаясь, объяснял Тсивон пискляво, — она чует запах воды и должна до нее добраться, иначе умрет. Она собралась бежать... вот в ту сторону, — показал он.

— Водная раса. — Йолиос тоже опустился на одно колено. — Удивляюсь, что она выдержала так долго. Но ей надо оказаться в воде, или она умрет. Очевидно, ее способность оставаться без воды небезгранична.

— Но ее камера казалась такой же, как моя...

— Мы не знаем, какой блок был в сознании у каждого из нас. Однако сейчас главное — побыстрее доставить ее к воде. — Саларикиец встал. — Сможешь нести ее? Если да, я буду прокладывать дорогу.

Андас тоже встал, радуясь необычайной хрупкости девушки. На корабле он не замечал ее худобы, но теперь кости выступали под кожей. Может, и это следствие обезвоживания?

Они двинулись в указанном Тсивоном направлении. Йолиос взялся за дело: пригибал и ломал ветки и лианы, расчищал тропу, чтобы мог пройти Андас с девушкой на плече. А она не шевелилась и не издала ни звука с того момента, как он ее поднял.

— Она права... вода... — Йолиос принюхивался, словно у воды был запах. Впрочем, он действительно мог быть — для саларикийца. У этой расы обоняние такое острое, что саларикийцы обычно носят с собой пахучие мешочки. Уловить запах воды для них не самое трудное.

А как Йолиос перенес отсутствие привычных ароматов? Инопланетяне, прилетая на Саргол, обычно сперва окуна-

лись в букет ароматов и уж потом встречались с туземцами. А Йолиос был так долго заперт на корабле... Что он перенес? Должно быть, ему пришлось очень нелегко, хотя он ни разу не пожаловался.

Они преодолели последнюю завесу растительности и оказались на берегу пруда.

— Что делать? — растерялся Андас.

— Непонятно, насколько здесь глубоко. Плавать умеешь?

— Да. — Андас опустил девушку на землю и расстегнул комбинезон. Воздух был влажным и достаточно теплым, чтобы он не мерз. Андас осторожно вошел в воду и обнаружил, что она доходит ему только до пояса. Хорошо, он справится.

— Давай ее.

Йолиос передал ему в руки обвисшее тело. Принц опустил девушку в воду, оставив на поверхности только лицо. Комбинезон намок и тянул вниз. Волосы Элис поплыли по воде, цветом почти неотличимые от водорослей. Андас поддерживал девушку, надеясь, что в воде нет обитателей, заинтересованных в мясной пище. Незнакомые планеты всегда преподносят неприятные сюрпризы, и только чрезвычайные обстоятельства могли заставить человека так рискнуть.

Элис вздохнула и открыла глаза. Пятна на ее наростах уже исчезали, кожа приобретала нормальный цвет. Она хотела вырваться от принца.

— Пусти! — В этом приказе была такая сила, что он подчинился. Элис оттолкнулась и исчезла под поверхностью, прежде чем он смог ей помешать. Андас попытался последовать за ней, но она вынырнула поодаль от него.

— Это мой мир! Отвяжись!

Она уже как будто восстановила силы. Если ей так угодно... но девушка уже снова исчезла под водой. Андас выбрался из пруда и увидел, что Йолиос ждет его с охапками сухой травы. Принц, как мог, вытерся травой и снова оделся, жалея, что не может надеть свежее.

Йолиос немного отошел по берегу. Там рос куст, увешанный гроздья желтых цветов, и саларикиец зарылся в них лицом. Глубоко дыша, он вбирал их благоухание.

5

В ответ на зов Андаса из воды вышла новая Элис. Было заметно, что выходить ей не хочется. Словно у голодающего после нескольких недель усиленного питания, ее истощенное тело вновь приобрело нормальные очертания.

— Я чувствую себя, как жрица Ло-Анга, которая бросила табличку со своим именем в море и так родилась заново! — По-прежнему стоя в воде, она широко раскинула руки.

Андас нетерпеливо расхаживал по берегу. Ему пришло в голову, что Терпин мог вернуться на корабль. Ни Грейсти, ни Тсивон не смогут или не захотят помешать Патрону направиться в какое-нибудь другое логово Гильдии. Задерживаясь здесь, они дают ему эту возможность. А остаться на этой планете...

Он поискал взглядом саларикийца, но тот бродил, словно опившийся формианским вином или накурившийся дыма счастья, срывал какие-то пурпурные цветы, растирал их в пальцах и натирал широкую грудь. Запах был такой сильный, что его чувствовал и Андас.

— Нужно вернуться на корабль! — сказал принц Элис. — Если Терпин улетит без нас...

Но та была слишком увлечена возможностью освежиться, наклонялась, набирала воды и плескалась, как ребенок. Принца оба они теперь раздражали.

— Ах... — послышался возглас Йолиоса, который уже исчез из виду. Андас побежал на звук.

Заросли ароматных цветов, высаженные вокруг пруда, оказались невелики. Пробравшись сквозь них, принц увидел саларикийца на небольшой поляне.

На мгновение ему даже показалось, что он столкнулся с хозяевами этого заросшего сада. Но потом он понял, в чем дело. Стволы деревьев были превращены в подобия фигур, собравшихся полукругом вокруг ключа, бьющего из камней. Побелевшие (возможно, под действием какого-то грибка джунглей), эти фигуры казались живыми. Гуманоидные тела, пусть большие и неуклюжие, но лица безжалостные и чуждые. На шарообразных головах выросли лианы — то ли случайно, то ли по замыслу неведомых создателей, — напоминающие пряди волос. На этих лианах росли пурпурные цветы, вокруг

которых вились рои насекомых. Но цветы издавали зловоние, заставившее Андаса вскрикнуть и с отвращением отступить на пару шагов.

Возможно, ароматные листья, которыми натерся Йолиос, помешали ему уловить этот тошнотворный запах, потому что саларикиец подошел к одной из фигур и остановился, всматриваясь в ее безглазое лицо. Потом покачал головой и вернулся к Андасу.

— Никогда не видел ничего подобного.

— А с меня довольно! Чем быстрей мы вернемся на корабль, тем лучше. Если Терпин вернется первым, он может улететь.

— Да, это возможно, — согласился Йолиос.

— Тогда пошли! — Андас не трогался с места, пока не убедился, что саларикиец пойдет с ним.

Но на ходу Йолиос постоянно останавливался, срывал листья и цветы, и вскоре у него в руках была целая груда ароматных растений.

Элис все еще стояла на краю пруда. Промокший комбинезон прилип к ее телу. Но ей это как будто даже нравилось.

— Корабль! Если мы хотим убраться отсюда, нельзя потерять корабль! — Андас пытался объяснить, чего опасается.

Его спутники были словно одурманены, каждый наслаждался по-своему. Наконец Андас поставил их перед собой и погнал, как якканская пастушья собака гонит стадо.

Они той же дорогой вернулись на поле. Корабельный трап был по-прежнему спущен. Увидев это, Андас облегченно вздохнул. Корабль не задраен. Ни следа остальных не видно. Тем не менее проход по открытому полю делал их легкой добычей врага, проникшего на корабль или затаившегося в укрытии, и он стал одним из самых трудных и долгих переходов, какие приходилось делать принцу. Его спутники не торопились. Андас не мог все время тянуть их или толкать, поэтому скорость продвижения не увеличивалась. Элис довольным голосом негромко пела, расчесывая влажные волосы перепончатыми пальцами, а Йолиос все время наклонял голову и нюхал цветы. Более неосторожной компании у Андаса никогда еще не было. Он кипел от гнева. Покажи Элис воду, а Йолиосу цветы, и они обречены на поражение.

Вблизи трапа не было видно ни Грейсти, ни Тсивона. Они поднялись по трапу. Андас поднимался спиной вперед, чтобы

не выпускать из вида джунгли, откуда мог показаться Терпин. Он не думал, что Патрон легко сдастся.

Грейсти стоял у койки, на которой с закрытыми глазами лежал архивождь Наула, с осунувшимся, напоминавшим череп лицом. Когда они вошли, советник поднял голову.

— Вовремя, — пропыхтел он, словно еще не пришел в себя от удара Терпина. — У него, — он кивком указал на Тсивона, — что-то вроде удара. Упал, словно подбитый из бластера.

Архивождь казался мертвым, но Андас нащупал слабый пульс. И снова его охватила паника. Врач-профессионал смог бы вернуть старика в сознание, даже сберечь в нем искру жизни. Но у них нет врача. К его удивлению, Элис, все еще мокрая, нетерпеливо оттолкнула его.

Уверенными движениями — явно зная, что делает, — девушка правой рукой коснулась лба Тсивона, а левой — груди в районе сердца. И закрыла глаза, словно сосредоточилась или прислушивалась к тому, чего не слышат остальные.

Ее уверенность произвела на Андаса впечатление, и он решил не мешать ей. После долгого молчания Элис открыла глаза.

— У него слабое сердце. Он должен погрузиться в сэн-сон, пока мы не найдем целителя.

Это «сэн-сон» ничего не говорило Андасу, но он понимал, что человек со слабым сердцем не переживет взлета. И сказал об этом. Элис покачала головой.

— В сэн-сне сможет. А какие шансы у него здесь? Не думаю, чтобы тут, — она куда-то показала кивком, — можно было найти целителя. — И опять она была совершенно права.

— Но как погрузить его в сэн-сон? — спросил Андас.

— Я спою ему, — ответила Элис. Не найдя что возразить, Андас согласился.

Элис пересела к изголовью. Обеими руками она взяла голову Тсивона, как можно шире расставив пальцы. И издала низкий, монотонный, долгий звук. Она трижды повторила этот звук, потом оглянулась.

— Теперь уходите. Вас тоже может захватить... хотя и в меньшей степени.

Вопреки протестам и стонам Грейсти они утащили его в рубку управления, оставив Элис наедине с пациентом. Уходя,

Андас слышал долгий ноющий звук, от которого становилось не по себе.

— Думаете, у нее получится? — спросил он, присоединившись к остальным.

Йолиос ответил:

— Кто знает? Без врача мы больше ничего не можем. Жаль, что нас не учили технике выживания. Вообще сейчас становится очевидно, что большая часть того, чему нас обучают, в таких ситуациях бесполезна.

Он положил свою добычу на кресло, подошел к хранилищу лент и открыл его. Там лежало три ленты, и он когтем вытащил их одну за другой. Андас увидел символы, но знака Иньянги не было.

— Ну что, выберем теперь Наул? — спросил саларикиец.

— Нет! — Грейсти приподнялся и попытался схватить ленту. — Не Наул!

— Интересно, почему. Что ты знаешь о Науле? — Кошачьи глаза Йолиоса угрожающе сузились. — Ты сговорился с Терпином... что такого ты знаешь о Науле, что не хочешь туда лететь?

Грейсти держался за живот. Его красноватая от природы кожа приобрела серый оттенок.

— Наул... Наул захвачен Джауавумской империей.

— Что? — Андас вздрогнул. — Но Тсивон... он не хотел бы отдать свой мир...

— Именно он все это и начал! — ответил Грейсти. И скороговоркой продолжил: — Айилас Тсивон отдал приказ, из-за которого джауавумский флот сумел захватить Наул. Весь Восьмой сектор это знает. Стоит только ему назваться на любой планете, и предателя разорвут на куски!

— Когда он их предал? — спросил Йолиос.

— В 2250 году.

— Но Тсивон сказал, что помнит только 2246 год.

— Он сказал! — Грейсти неприятно рассмеялся. — Человек, которого ненавидит вся Галактика, может сказать что угодно.

— Нет! — вмешался Андас. — Как вы не понимаете! Если Терпин прав и нас всех захватили, чтобы наше место заняли двойники, то именно это и должно было произойти. Предатель — двойник Тсивона, андроид. А если ты помнишь, что

было в 2250 году, — обратился он к Грейсти, — то какой ты год запомнил последним?

— 2273 год. Но неужели мы могли столько времени провести в тюрьме? — Голос его звучал все пронзительнее. — И Триск — что с Триском?

— Можешь догадаться из того, что случилось с Наулом после подмены Тсивона, — сухо сказал Йолиос. — Если это действительно случилось. Итак, у нас есть еще и 2273 год.

Андас занялся подсчетами. Сорок три галактических года! Но как может человек... Должно быть, они были в стаз-сне. Когда-то, до открытия гиперпространства, люди спали в стазисе столетиями, пока Первые Корабли совершали вслепую свои галактические перелеты. Сорок три года — и сколько еще? Давно ли Грейсти стал одним из их компании?

— Терпин помнит 2265 год, — продолжал Йолиос. — И ожидал увидеть здесь действующий порт. Однако, судя по всему, порт не используется уже много лет. Согласно твоим подсчетам, сам я провел в тюрьме примерно семьдесят три года, а Элис томилась в ней дольше всех — семьдесят восемь лет. Боюсь, нужно предположить, что то, ради чего нас подменили, давным-давно произошло — как мнимое предательство Тсивона на Науле. Интересно... что сделал мой двойник с торговой миссией? А ты, принц... Возможно, правление твоего двойника — это еще один план. Мы должны узнать больше. Ну, допустим, Грейсти, ты расскажешь все, что знаешь о Сарголе, Иньянге или...

Главный советник покачал головой:

— Ничего никогда не слышал ни о Сарголе, ни об Иньянге. Галактика слишком обширна. Можно всю жизнь провести в пути и посетить лишь ничтожную часть обитаемых планет — сами знаете. Я знаю о Науле, потому что он в Восьмом секторе, а Триск в Девятом. После вторжения джауавумцев к нам приходили корабли с беженцами.

— Что ж, надо думать, что в таких условиях репатриация будет проходить непросто, — заметил Йолиос. — Нам стоит ждать по возвращении какой-нибудь катастрофы. Ты по-прежнему хочешь на Иньянгу, принц?

— Да! — Андас полагал, что его собственные опасения и рассуждения саларикийца справедливы. Однако ему надо было знать точно. Но вдруг, вернувшись, он узнает, что стал

предателем, как Тсивон, или сделал еще что-нибудь похуже? Он еще больше укрепился в убеждении, что должен посетить Тройные Башни тайно и не показываться, пока не узнает истину.

— Вначале нужно найти ленту, — сказал Грейсти. — Или выбрать наугад одну из двух.

Йолиос уже раскрыл коробку с одной из них, достал ленту, осмотрел и снова уложил в футляр. Потом то же самое проделал со второй. Протянув ее Андасу, когтем указал на крошечный символ:

— Иньянга?

— Да! Но как ты...

— Как я догадался, что Терпин поменял коробки? В нашей тесноте это самый простой способ спрятать ленту. Не забудь, он считал, что мы сядем там, где у него есть друзья. Остальные ленты ему могли понадобиться после. Если наше похищение связано с Гильдией, он мог бы удерживать нас здесь и попытаться получить выкуп вторично... или продать тем, кто больше заплатит.

— Значит, мы можем лететь на Иньянгу? Но как быть с Терпином?

Они столкнулись с одним из древнейших и самых фундаментальных законов космических перелетов. Нельзя бросать космонавта на чужой планете, даже если он твой злейший враг. Но Терпин не хочет возвращаться, не хочет улетать с ними — как им его найти? Чтобы отыскать его против его воли, потребуются дни, а то и недели и гораздо больший и лучше снаряженный поисковый отряд.

— Да, Терпин...

— Да пусть сгниет здесь! — рявкнул Грейсти.

— Может, он и заслуживает такой участи, — ответил Йолиос. — Но не мы обречем его на это, раз он не хочет. Однако и бесконечно ждать здесь, пока он изменит свои намерения, мы не можем. Искать его вечером тоже нельзя...

Андас взглянул на экран. Саларикиец был прав. От джунглей к кораблю темными пальцами потянулись тени. Глупо углубляться в незнакомую местность в темноте. Они не знают дорог, не знают, какая враждебная жизнь может поджидать их в развалинах.

Появилась Элис с тюбиками продовольствия из неприкосновенного запаса.

— Как Тсивон? — спросил Андас.

— Спит, но искра жизни почти погасла. Не знаю, переживет ли он полет. Должен, если хочет сохранить хоть какую-то надежду на будущее.

Андас смотрел на руку, в которой девушка держала тюбики. Семьдесят восемь лет, согласно их подсчетам! Но Элис казалась его ровесницей, может, даже была моложе, хотя трудно определить возраст представителя другого вида. Продолжительность ее жизни может быть невелика или огромна, как у закатан, которые переживают целые эпохи. Рассказать ли ей об их новых открытиях и о том, что, по словам Грейсти, произошло на Науле, о том, как давно ее оторвали от ее народа? Он решил, что пока не стоит.

Ночь выдалась тяжелая, Андас почти не спал. Они включили носовой прожектор, думая, что, возможно, Терпин заблудился и свет прожектора послужит ему маяком, но трап убрали — логичная предосторожность. Экран оставался включенным, и дважды на нем появлялась светящаяся точка. Андас вздрагивал, думая, что Терпин мог найти какое-нибудь жилище туземцев и возвращается. Но каждый раз приходил к выводу, что это просто какое-то светящееся ночное животное.

К утру он чувствовал еще большую усталость, чем когда вечером садился в кресло штурмана. Но, по-видимому, остальные не разделяли его тревог: Грейсти храпел, а саларикиец дышал ровно, как всегда во сне. Андас некоторое время лежал, наблюдая за переменами на экране.

По полю двигался темный горб. Андас нажал на кнопку увеличения. Ползет человек? Раненый Терпин? Нет, это неторопливо двигалось животное, поедая по пути растения по краям старых подпалин. Из длинной острой морды выстреливал синий язык, обертывался вокруг растения, выдирал его из почвы и отправлял в ждущую пасть с методичностью и размеренностью робота.

Горбатое тело было блестящим и темным, на очень коротких ногах, но хвост не заострялся к концу. Наоборот, вопреки обычному устройству, он соединялся с телом в самом узком месте, а затем расширялся, превращаясь в дубину, поросшую

как будто птичьими перьями, которые тварь временами вольно или невольно взъерошивала, так что они начинали зловеще шевелиться.

Но вниманием Андаса завладел какой-то предмет, зацепившийся за эти перья. Что-то развевавшееся, как небольшой флажок, рваный и испачканный. Это как будто раздражало тварь — время от времени она (с большим трудом из-за короткой шеи и широких плеч) пыталась достать его языком и сорвать с перьев.

Порыв ветра позволил ей наконец дотянуться языком до «флажка», животное сорвало его и принялось жевать. Потом с явным отвращением наступило на него и повернуло в сторону, продолжая проедать себе дорогу в зарослях.

Андас уже был на лестнице. Он как мог быстро спустился, выдвинул трап, вышел из корабля и направился к этой тряпке. Тряпка была грязной и мокрой, но при помощи стеблей он расправил ее и убедился, что его подозрения оправдались. Изжеванная, рваная, грязная, она к тому же пропиталась кровью. Это была часть комбинезона Терпина.

След животного был очень хорошо виден. По нему он легко прошел бы туда, откуда оно пришло. Они должны были это сделать. Андас направился к кораблю.

Грейсти отказался идти, а Элис, вызвавшуюся добровольно, они отговорили. По следу со всей возможной осторожностью пошли Йолиос и Андас. След привел их к зданиям, которые поглотили джунгли. В центре оказался двор, и там они нашли то, что искали.

Смотреть на это было неприятно, поэтому они торопливо вырыли могилу, желая побыстрее избавиться от этого зрелища. То, что они увидели, теперь мало напоминало человека. Саларикиец все время принюхивался и, когда они закончили, показал на одну из дверей, окружавших их, точно беззубые рты.

— Здесь логово... запах самый сильный. Должно быть, он его потревожил. И может быть, тут выводок. Нам лучше уйти, пока оно не вернулось. Если бы у меня был бластер...

Он шевельнул руками, словно хотел взять оружие прямо из воздуха. Они обыскали корабль, надеясь найти какое-нибудь тайное хранилище оружия, но безуспешно. В таких обстоятельствах без оружия они чувствовали себя голыми. Андас согласился поскорее вернуться на корабль.

— По-твоему, что он искал? — Может, Терпин что-то нашел в темных помещениях — послание, оружие?

— Какая разница? Смерть нашла его. И неплохо бы постараться, чтобы она не пошла и по нашему следу, — ответил Йолиос.

Они вернулись на корабль, озираясь по сторонам, прислушиваясь к звукам, которые могли бы выдать приближение убийцы Терпина. Сила этой твари в сравнении с ее размерами была очень велика. Они видели страшные подтверждения тому, как хорошо она вооружена.

Однако теперь одна из проблем решилась. Ничто больше не удерживало их на этой забытой планете, они могли лететь на Иньянгу. Несмотря на то, чем им только что пришлось заниматься, несмотря на ужасную находку, Андас поднимался по лестнице с легким сердцем. Он возвращается домой! Хотя что он там застанет... нет смысла тревожиться раньше времени. Нужно найти способ появиться незаметно. Зато, оказавшись на Иньянге, он будет знать, каких опасностей ожидать. Всегда легче справиться с тем, что знаешь. От неизвестного — такого, с чем столкнулся в темноте Терпин, — защиты нет.

— Нашли его? — Элис встретила их на нижнем уровне.

— Он мертв, — ответил Андас, но не стал рассказывать, как умер Терпин.

— Тсивон тоже, — сказала она. — Я заглянула к нему недавно...

Итак, двое из их группы уже умерли, и, возможно, им повезло. Но Андас был слишком молод, чтобы долго думать о таких вещах. Он стал деловито подниматься в рубку управления. Чем скорее они улетят, тем лучше. Саларикиец уже был там, с лентой в руках. Прежде чем вставить ее в автопилот, он вопросительно посмотрел на Андаса.

— Ты уверен, принц? А вдруг ты увидишь планету такой, какой увидел бы свою Тсивон, если бы Первые Предки не смилостивились над ним, или какую Терпин увидел здесь?

— По крайней мере, это будет известная мне планета, — высказал Андас свою мысль вслух. — А в знакомом мне мире я кое-что могу, не сомневайся. Будь уверен, — он пристально посмотрел на саларикийца, — я сделаю все возможное, чтобы помочь тебе — помочь вам всем — вернуться домой. Как наследный принц империи...

— Если ты все еще наследный принц, — напомнил ему Йолиос. — Не считай головы, пока не выставил над своей дверью. Это страшное выражение моего народа связано с кровавым варварским обычаем, которому сегодня следуют только дикари на далеких внешних планетах. Но к нашей нынешней ситуации оно подходит. Головы по-прежнему иногда скатываются: постарайся, чтобы среди них не было твоей.

Андас постарался ответить саларикийцу улыбкой на улыбку, но опасался, что него получилась только холодная гримаса.

— Приму все возможные предосторожности.

Он уже начал составлять план. Лента посадит корабль так, что они не смогут выбрать порт. А общественные порты Иньянги охраняются полицией. Нужно найти, как сделать, чтобы его не обнаружили, пока он не узнает все, что удастся, о происходящем в Тройных Башнях. Если бы он или кто-нибудь из остальных мог посадить корабль вручную, они бы высадились тайно. Но это было невозможно. Единственный человек, который, возможно, обладал такими знаниями (впрочем, даже если и обладал, то скрыл это от них), оставался позади как часть этой планеты.

Вставили ленту. Но прежде, чем включить автопилот, пришлось заняться еще одним делом. Тсивона завернули в покрывало с койки, на которой он лежал, вынесли и похоронили во второй выкопанной могиле. Элис ждала, пока они соорудят небольшую насыпь из камней.

— Не знаю, в каких богов или духов он верил, — негромко сказала девушка. — Но, если эти божества сейчас встречают его, да будет так: ни один человек не должен уходить без веры, которая облегчит ему дорогу. — Она словно цитировала на память какую-то молитву, и они перестали отыскивать камни и остановились с боков от могилы, молча прощаясь с архивождем Наула, о котором мало знали, но которому желали благополучного пути к тайне, не разгаданной еще ни одним живым существом.

6

Где на Иньянге они сядут? Этот вопрос преследовал его во время бодрствования, а во сне вызывал кошмары. Во сне Андас видел Тройные Башни в руинах, как на Вендиткавере, или

его поджидал отряд гвардии, чтобы схватить за преступление, совершенное его двойником. Такие рассуждения вели к бесчисленным вероятным исходам, а он не мог составить разумный план, почти ничего не зная. И напряжение могло бы стать непереносимым, если бы его не отвлек Йолиос.

— Ты готов безоружным пойти навстречу опасности? — спросил саларикиец.

Андасу нужны были физические усилия, чтобы разрядить напряжение. Но в невесомости это невозможно, и он вцепился в штурманское кресло.

— Безоружным? — переспросил он. — А разве у нас есть оружие? — Он неожиданно насторожился. — Или ты все-таки нашел тайник?

— Твое личное оружие, — ответил Йолиос. — Твой мозг, твои руки. Признай, что нельзя предвидеть, что тебя ждет, и не старайся подготовиться к полусотне возможных вариантов, когда понадобится внимание только к одному.

— Не понимаю. — Андасу этот довод показался бессмысленным. Но саларикиец был прав. Нельзя защищаться, не зная противника.

— Подумай сам. Этот корабль использовали в противозаконных целях. Нам очень просто доказать это. Куда привела нас лента Терпина? На тайную базу джеков. Следовательно...

Но Андас уже понял, к чему клонит Йолиос, и удивился, как сам до этого не додумался.

— Ты хочешь сказать, что лента посадит корабль там, где нас не будут ждать представители власти! — Возможно, это многое решало. Но холодная логика тут же устранила первоначальное облегчение.

— Это немногим лучше. Порт Гильдии...

— Конечно, но там не ждут нашего появления. Возможно, такое поле даже не занято постоянно. Где на Иньянге оно может быть расположено? Как по-твоему? Подумай. Это помогло бы.

Андас закрыл глаза, чтобы не видеть пилотскую рубку, и попытался представить материки родной планеты. Для устройства тайного посадочного поля необходимы определенные условия. А на Иньянге осталось мало глухих углов, где можно было бы разместить такое поле. Наконец он остано-

вился на двух таких местах: пустыня Калли и часть гор Умбанги. И сказал об этом.

— Пустыня или горы, — задумчиво произнес Йолиос. — И как тщательно их патрулируют?

— Не слишком тщательно. По Калли проходят две дороги, но обе следуют караванным путям от оазиса к оазису. В сущности, у нас всего несколько карт, составленных на основе аэрофотосъемок, а северную часть пустыни никто никогда не исследовал. Что касается Умбанги, горы расположены на севере. Большая их часть когда-то была королевским охотничьим заповедником. Теперь это экспериментальная территория, где правительство применяет меры по сохранению окружающей среды. Эту местность патрулируют рейнджеры, но не очень часто: они не могут заглянуть в каждый каньон. Слишком много земли и мало людей.

— Но из этих двух возможностей пустыня, вероятно, предпочтительней?

— Думаю, нет. — Если бы они попали в горы, Андас мог бы раздобыть какое-нибудь транспортное средство. А вот если сесть в Калли, в каком-нибудь тайном порту Гильдии, пусть даже там не будет людей, они не смогут добраться до цивилизации. С другой стороны, не хотелось приземляться прямо посреди гарнизона Гильдии.

Он понял, что предположения Йолиоса не помогают снять напряжение. Если возможным противником окажется не власть, им станет Гильдия. Андас вздохнул.

— Видишь? — Саларикиец говорил довольным тоном. Может, его радовало напоминание об ожидающем их мрачном будущем? — В обоих случаях планировать невозможно. И чем больше ты будешь истощать мозг, пытаясь угадать, тем вероятней неудача. Тебе лучше обо всем этом забыть.

— Легко говорить! — вспыхнул Андас. Он мрачно хмурился, пытаясь вспомнить все, что знал о Калли. Наверно, порт все-таки в пустыне.

Опять планетарное время потеряло на корабле смысл, и длительность полета в неизвестное не способствовала улучшению настроения. Элис лежала на койке, не в состоянии привыкнуть к невесомости. На этот раз и Грейсти объявил себя больным; он утверждал, что полученный удар причиняет ему

неутихающую боль. Наверное, он говорил правду — во всяком случае, ел он меньше.

Но вот прозвучало предупреждение о выходе из гипера, и корабль перешел на посадочную орбиту. На экране Андас видел неясное пятнистое изображение — лента утверждала, что это Иньянга, — но ничего не узнавал. И в который раз испытывал внутренний холод при мысли, что их снова могли обмануть.

Предчувствуя новое жестокое разочарование, принц закрыл глаза. Скоро корабль сядет. Где? В Калли, в Умбанги или в порту? Он не может этого изменить, придется принимать игру. Но и не хочет ничего чувствовать, пока они не сядут. Андас заставил себя ни о чем не думать.

И очнулся от вопроса Йолиоса:

— Ты знаешь, где мы?

Саларикиец включил экран; стал виден медленно поворачивающийся пустынный пейзаж. Они приземлились на голом участке между холмами.

Почва там, где не запеклась от старых ожогов ракетными двигателями, была красной с полосками зеленого и винного цвета, выходами различных пород. Утесы слагали красные, белые и желтые слои. Ни следа зданий или других кораблей. Они не в обычном порту.

Новый поворот экрана показал широкий проход в утесах, а в нем...

— Стоп! — приказал Андас, и Йолиос нажал кнопку.

Изображение остановилось, и они смогли рассмотреть его внимательнее. Местность не была заброшенной. В нише под скалами стояли какие-то предметы, укрытые защитными пологами.

— Думаю, дома никого нет, — заметил саларикиец. — Нам пока везет. Но ты узнаешь эти места?

Андас покачал головой.

— Если мы на Иньянге и ленту опять не подменили, это Калли.

Немного позже у него уже не осталось сомнений — они были на Иньянге и в Калли. Укрытыми объектами в пещере оказались скиммеры, предназначенные для воздушных перелетов и хорошо приспособленные к пустыне. Да не обычные

скиммеры, а очень хорошие. А за ними — энергетические установки, тоже укрытые.

Ветер нанес вокруг скиммеров груды песка. Андас счел это доказательством того, что машинами давно не пользовались. Любой скиммер с энергетической установкой — подходящее транспортное средство.

— Похоже, удача продолжает улыбаться тебе, принц, — заметил саларикиец. — Ты просто полетишь? Куда?

— Если подождем до ночи, направление покажут звезды, — уверенно ответил Андас. Коль скоро удача, о которой говорит Йолиос, действительно на его стороне, он готов ей довериться. — Отсюда я полечу на север. Когда увижу тропу Манхани, пойму, в какой стороне Тройные Башни. Вот только...

Он положил руку на выбранный скиммер, с которого Йолиос помог снять чехол, и посмотрел на корабль. Теперь, когда они приземлились, Элис больше не мучила невесомость, но ей необходима была вода. На теле девушки опять показались признаки обезвоживания. А где в Калли ей найти воду?

— Что — только? — поторопил его Йолиос.

— Элис и все вы останетесь здесь...

Саларикиец ничего не ответил, только смотрел на Андаса сверкающими зелеными глазами, словно принц должен был принять решение самостоятельно.

Андас знал, что сможет тайно проникнуть в Тройные Башни. Его уверенность основывалась на знании потайных ходов. Но взять с собой Элис, Грейсти... Конечно, относительно Йолиоса он не испытывал таких опасений. Ему с самого начала показалось, что саларикиец в состоянии позаботиться о себе. Андас мог отправиться к Тройным Башням и послать за остальными при первой возможности...

Но что если у него ничего не получится? В эту группу его привел случай. Ни перед кем из них у него нет родственных обязательств. Однако теперь, когда появилась возможность освободиться, он колебался. Элис в безводной пустыне? Он вспомнил, какой она была легкой, когда он нес ее к воде, означающей для нее жизнь. И Грейсти с его жалобами на боль... что вдруг у него внутренние повреждения и его жалобы не просто способ привлечь к себе внимание?

Если полетят все, скиммер будет перегружен, а будущее у них неопределенное — настолько неопределенное, что он

не решался думать о нем, чтобы не разбудить собственные страхи.

— Ты скоро отправишься? — Он не сознавал, насколько затянулась пауза, пока саларикиец не задал второй вопрос.

— Решай сам! — огрызнулся Андас. Пусть каждый сделает выбор, чтобы будущее зависело не только от него. — Оставайся на корабле или лети со мной.

— А они?

— Пусть тоже сами решают.

— Хорошо, — согласился саларикиец. — Хотя впоследствии мы можем стать для тебя обузой.

— Вряд ли все, — ответил Андас.

И он обратился к группе. Существует возможность выбраться из пустыни к цивилизации. Но он постарался дать понять, что не уверен, кончились ли их неприятности.

Элис приподнялась на локте. Даже за то короткое время, что они здесь, ее состояние ухудшилось. Кости снова проступили сквозь кожу. Грейсти держался руками за живот.

— Выбор невелик, — простонал он. — Оставаться здесь и умереть от боли в животе или улететь и попасть в еще худшее положение. Но я полечу.

Элис внимательно смотрела на Андаса, словно надеялась найти в его лице больше надежды, чем в словах.

— Это пустыня, тут нет воды. — Голос ее звучал слабо. — Я рискну.

В скиммере будет тесно, тем более что Андас решил прихватить припасы. Но с наступлением ночи зной, весь день плотно накрывавший долину, спал, стали видны звезды.

Взлетели они в темноте. Андас, отвыкший от управления, под стоны Грейсти рывком поднял машину. Затем принц перевел скиммер в горизонтальную плоскость, и они полетели над пустыней к северу.

К рассвету они достигли поросшей кустарником местности, граничившей с пустыней, и полетели над медленной рекой. В это время года река превратилась в цепочку мутных луж. Элис нужна была вода. Андас все больше беспокоился о ней, хотя, в отличие от стонущего и жалующегося Грейсти, девушка не просила о помощи и молчала с тех пор, как ее переместили в машину.

Принц посадил скиммер на песчаную полоску, разделяв-

шую эти «пруды», и с помощью Йолиоса отнес неподвижную девушку к ближайшему. При помощи куска дерева Андас разогнал грязь и пену, и они уложили Элис в мутную воду. Андас встал в зловонное озерцо, поддерживая девушку.

На потрескавшейся глине по краям виднелись следы животных, но ни одного человеческого. Не хотелось держать девушку в грязной воде, но другой не было. А Элис зашевелилась, застонала и открыла глаза.

— Глубже! — Ее голова дернулась у него в руках. — Глубже!

Он не решался. Зловоние, исходящее от грязи, было столь отвратительным, что ему не хотелось выполнять ее просьбу. Но он все-таки опустил ее в воду настолько, что на поверхности оставалось лишь лицо.

И опять восстановление произошло очень быстро. Девушка вырвалась из его рук. Нырнула, но вода была такая мутная, что он не мог видеть Элис, хотя поверхность воды зыбилась от ее движений.

— Оставь ее! — Йолиос взял принца за рукав и оттащил от воды. — Она знает, что для нее лучше.

Андасу пришлось согласиться. Он присел на песок и принялся счищать с себя грязь и слизь. Но продолжал смотреть на воду, думая, не вытащить ли девушку вопреки ее желанию.

Наконец она выбралась самостоятельно. Волосы темными прядями свисали на плечи, но того оживления и энергии, какие дало ей купание в джунглях, не было. Элис сплюнула, пригладила волосы, и на ее лице появилось отвращение.

— Лучшего ты не мог предложить, — сказала она. — Я знаю. Но всегда старайся не навредить, даже с благими намерениями. Где мы и куда отправимся? — Она осмотрелась, будто только сейчас поняла, что корабля поблизости нет. — А где корабль?

— Остался в пустыне, — ответил Андас. Неожиданно его накрыла сильная усталость. Теперь ему хотелось только отдохнуть. — Мы на пути к Тройным Башням.

— Я все думаю... — Йолиос взглянул на быстро высыхающую реку. — Это горы?

Андас посмотрел на запад, куда показал саларикиец.

— Отрог хребта Кангали. — По крайней мере это он знает.

— Там, в горах, должна быть вода. Там лучшее место для лагеря. Или ты намерен передвигаться днем?

Андас покачал головой. Если им повезет — очень повезет, — они смогут добраться туда затемно. Днем скиммер заметит первый же патруль. Но предложение Йолиоса разумно. Элис нужна вода, и не такая, как та, из которой она только что вышла. А ближе к горам можно найти воду.

— Да. — Он не стал обосновывать свое решение. Они опять забрались в скиммер. Элис сидела неподвижно, словно ей ненавистна была жидкость, вернувшая ее к жизни. Машина поднялась и полетела вдоль реки на запад.

К тому времени как солнце спустилось к горизонту, они оказались в зеленой местности, где росли деревья. Здесь река была более многоводной, даже с течением, напоминавшим о том, какой была эта река до наступления жары. В предгорьях они нашли то, что искали: открытый участок, где река поворачивала. Здесь можно было посадить скиммер.

Не успели Андас с Йолиосом пошевелиться, как Элис уже выбралась наружу. Она побежала прямо к воде и с радостным криком, похожим на птичий, бросилась в реку. И исчезла. Они предоставили ее самой себе.

Вернулась она не скоро. Все следы пребывания в грязи были смыты, девушка вновь лучилась жизнью и энергией, схватила тюбик с едой. Но Грейсти лежал в тени скиммера и стонал, когда с ним заговаривали. Он отказался от еды и воды, которую Андас набрал из ручья. Вода с горных высот была холодной и такой чистой, что видны были мелкие существа, плавающие между камнями и в углублениях на дне.

Спали по очереди. Дежурили, сменяя друг друга, Элис, Йолиос и Андас. Они знали, что Грейсти им не поможет. Дождались рассвета и снова полетели.

— Ты держишь в уме какое-то особое место для посадки? — спросил Йолиос. — Мне казалось, ты хочешь подойти как можно незаметней.

— Тройные Башни построены на западном берегу Замбасси. Из Иктио в них можно попасть только через три моста, по одному на каждую башню. Пройти по суше, конечно. С запада — кольцо крепостей и внешняя стена. Над территорией дворца любые полеты запрещены. Однако если подлететь на уровне крыш в определенной точке между крепостями Коли и Кала, можно сесть в том районе, о котором я тебе рассказывал. Там когда-то жил мой отец. Если никаких чрезвычайных

перемен во дворце не произошло, это должна быть давно покинутая часть без постоянных обитателей. Нужно только высадиться там...

Он не стал продолжать. С Йолиосом он может поделиться тайнами Тройных Башен. И... говорить о них в присутствии Элис. Но Грейсти он не доверяет.

— Что же нам делать? — спросила Элис.

— Оставаться в укрытии. Эта часть Тройных Башен не заселена — вернее, была не заселена. Там можно годы прожить незамеченным, если захочешь.

— Но ты ведь говорил о дворце? Разве это не дворец? — продолжала она расспросы.

— Его очень давно строят — добавляют пристройки, — ведь он используется уже много поколений. Дворы, обращенные к трем мостам, по традиции отводятся императору, императрице, их свитам и членам королевских фамилий; они постоянно используются с самой постройки — почти тысячу лет. Другие части сооружены для развлечений в определенное время года, а в остальное время пустуют. В прочих дворах живут остальные жены. Это если императору ради примирения враждующих кланов приходится выбирать себе жен из каждого из них. Некоторые возведены по капризу того или иного императора, которого заинтересовали новые формы зданий и он захотел иметь у себя их образец.

Когда Асаф Второй путешествовал по Четвертому сектору, он собирал художников и архитекторов, как собирают ягоды людены на речных берегах. Он поручил им повторить в миниатюре выдающиеся сооружения их планет — те, что ему особенно понравились. И до его убийства десять лет спустя они успели закончить строительство пяти таких сооружений. Прочие остались недостроенными и были заброшены. Сейчас в них стараются не заходить.

Таким образом, Тройные Башни сами по себе — большой город, где примерно три части из пяти обитаемы. Если мы сумеем сесть там, где я рассчитываю, у нас будет большой выбор укрытий.

— Укрытий! — вмешался Грейсти. — А где же твои щедрые обещания, принц? Обещания вернуть нас домой? Что в этом дворце такого, от чего ты должен скрываться сам и держать

взаперти нас? Думаю, ты не был откровенен с нами, раз в твоем дворце мы должны прятаться.

— Если мое место занял андроид, — ответил Андас, — какая польза мне — или тебе — от того, что мы неожиданно появимся? Я постараюсь оставить вас в безопасном месте, а сам попробую узнать, что произошло в мое отсутствие. — Он не добавил, что больше всего опасается, не было ли его отсутствие слишком долгим. Если они действительно провели в тюрьме много лет, правительство должно было смениться. Его дед давно умер. И кому теперь принадлежит корона Балкиса-Кэндаса, меховой плащ Уганы и меч без острия — символ императорской справедливости?

Скиммер оставил позади холмы. Теперь внизу показались огни — большие скопления огней, обозначающие города, и отдельные огоньки ферм и вилл. Андас увеличил скорость: надо было добраться к цели до первых лучей рассвета. А в такой близости от дворца не было мест, чтобы безопасно дождаться новой ночи.

Андас заметил несколько знакомых ориентиров и понял, что он на правильном курсе. Он начал снижение. Наступал миг, который он должен был точно определить: нужно будет выключить двигатель, бесшумно продолжить спуск и пролететь над самой стеной. Андас напряженно вглядывался в приборы управления. Впереди свет на небе служил указателем на дворец и Иктио на противоположном берегу реки. Принц считал крепостные башни вдоль стены...

Вниз, вниз... сбросить скорость... медленнее... медленнее...

Он понемногу уменьшал подачу энергии и наконец совсем выключил двигатель. Они пронеслись между двумя фортами и миновали стену, едва не задев ее. Повезло ли им, или часовой их заметил? С этим Андас ничего не мог поделать. Если они сумеют выбраться до появления отряда, отправленного на поиски, у них сохранится превосходная возможность поиграть в прятки. В крайнем случае он сможет увести всех в потайные ходы.

Двигатель не работал, но Андас решился включить тормозящее поле приземления. Без поддержки двигателя оно продержалось бы недолго, но достаточно, чтобы смягчить посадку. Мелькнуло что-то светлое. Андас отключил поле и посадил скиммер.

Хвост машины застрял в трещине. Раздался глухой звук, похожий на барабанную дробь. Легкая машина наклонилась и скользнула носом вперед. Андас успел включить систему безопасности, и их тела, мгновенно густея на воздухе, окутало пенное желе. К тому времени как скиммер остановился, они были полностью облеплены пеной и отделались ушибами.

Андасу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять: получилось. Но тут он вспомнил о грохоте в момент приземления и потянулся к люку. Их наверняка услышали в сторожевой башне. Нужно было уходить в укрытие — и поскорей. Он выбрался наружу и стал помогать выбираться остальным.

Скиммер, похожий на гигантское водяное насекомое, клюнул носом, приподняв разбитый хвост. Выглядел он так, словно насекомое в полете ударили веером. Приземлился Андас точно там, где и собирался: во Дворе Семи Драков, хотя как называется это место по-настоящему, он не знал. Это он сам в детстве прозвал его так, потому что столбы здесь венчали страшные изображения драков. Это было одно из незаконченных зданий, которые начали строить по приказу Асафа. Сейчас от него остались только камни фундамента, сопротивляющиеся ходу времени.

Андас хорошо знал путь отсюда в лабиринт, где его никто не сможет отыскать. Конечно, он не собирался ломать скиммер. Но среди всех многочисленных неудач, какие могли ожидать их ночью, эта было не самой страшной.

— Пошли! — поторопил он. — Нужно уходить отсюда, да побыстрее.

7

— Куда ты нас ведешь? Здесь темно и пахнет старым злом! — Элис остановилась у отверстия — узкой щели, которую только что открыл Андас. Он радовался тому, что память не подвела.

— Старое зло! — повторила девушка. — Я туда не пойду!

И прежде чем кто-нибудь успел ей помешать, она отбежала на другую сторону пустого помещения, в которое привел их Андас. Ее фигуру то очерчивал лунный свет, падавший в окна, то проглатывала тень.

— Элис! — Он хотел броситься за ней, но Йолиос схватил его за руку.

— Предоставь это мне. — В голосе саларикийца слышалось рычание охотящейся кошки. — Я о ней позабочусь. Есть и другие укрытия, кроме твоих потайных ходов. И чем быстрее ты узнаешь, какие у тебя права, тем лучше. Я присмотрю за Элис и Грейсти. Возвращайся, когда сможешь.

Андасу очень хотелось послушаться Йолиоса, но он чувствовал ответственность за остальных. Когда он не шелохнулся, саларикиец подтолкнул его.

— Иди! Клянусь черными когтями Красного Горпа из Спала, я присмотрю за ними.

Облегченно вздохнув про себя, Андас уступил. Но перед уходом убедился, что саларикиец понял, как открывать дверь. Если здесь станет опасно, он вместе со своими подопечными сможет скрыться в потайных ходах. Андас прошел в дверь, она закрылась за ним, и он очутился в темноте.

Раньше у него всегда был с собой факел. Но иногда он под руководством отца гасил его и учился ходить в темноте, руководствуясь подсказками других органов чувств. С практикой развивалось ощущение пространства. И он знал, что в этой части руин нет неприятных сюрпризов.

Тем не менее продвигался он очень осторожно, держась рукой за стену. Миновал три боковых прохода, считая их шепотом, в четвертый свернул. Теперь он должен был выйти из заброшенного здания, построенного по приказу Асафа, и подойти к постоянно использовавшейся в его время части дворца.

В его время? Далеко ли оно в прошлом? Но не стоило думать об этом сейчас. Может быть, в тюрьме вмешались в их память, исказили воспоминания, чтобы затруднить побег.

Далеко впереди показалось слабое светлое пятнышко. Андас осторожно приближался к нему, борясь с неразумным желанием броситься скорее к отверстию для подсматривания. Он принюхался. Какой-то запах, достаточно сильный, чтобы заглушить запах ходов, — запах сырости. Цветы?

Он добрался до отверстия и прижался к стене, чтобы расширить поле зрения. И без труда увидел, откуда исходит запах. Перед ним была спальня с полом, усеянным свежими цветами и ароматными травами. По углам кровати стояли курильницы с благовониями.

Прижимаясь к стене и изворачиваясь, Андас сумел частично рассмотреть роскошное убранство комнаты. Потолок — он видел лишь узкую его часть — усеивали золотые звезды на светло-зеленом фоне цвета иньянгского неба в самые хорошие дни; пол под цветами и травами представлял собой яркую мозаику. Нижнюю часть стен тоже украшала яркая драгоценная мозаика, и он сосредоточил внимание на ней. Она изображала ряд фигур в торжественных одеяниях. Ему видны были всего четыре и пустое пространство за последней, как будто фреску еще не закончили.

Но невозможно было ошибиться в фигуре с короной, которую он видел прямо перед собой. Лицо деда с жесткими чертами и бесстрастным взглядом, как всегда во время аудиенций. Рядом с дедом еще одна фигура, даже две.

За императором Акрамой другая фигура в императорской одеянии и с диадемой, очевидно, преемник. Преемник! Значит, Акрама мертв! Андас больно прикусил губу.

Если император новый, то кто он? Лицо на фреске знакомое — он должен знать этого человека, но это не Айнеки, не Джассар и не Йуор. Он не мог назвать имя.

Чуть позади и ниже неизвестного он видел третий портрет — изображение девушки, явно Пурпуроносной, старшей дочери. Но ее лицо было Андасу совершенно незнакомо.

Он видел, что в комнате никого нет; как открыть потайную дверь с этой стороны, он знал и уже собирался сделать это, но услышал голоса. Открылась большая дверь, украшенная императорскими цветами, пятясь вошли две женщины в зеленых и белых одеяниях придворных внутреннего двора. Продолжая пятиться, они склонились перед третьей вошедшей.

Этой третьей оказалась та самая, что на фреске, только не в той напряженной позе, какой требовал строгий имперский этикет. Выглядела она гораздо моложе и человечнее, чем на портрете. Волосы, как и у прислужниц, скрывала высокая, украшенная драгоценными камнями диадема, с которой свисали цепочки, принимавшие на себя часть тяжести массивных серег. Платье из имперского пурпура с драгоценной вышивкой настолько стесняло тело, что женщина под его тяжестью двигалась медленно.

Плечи Андаса невольно дрогнули. Он чересчур хорошо помнил тяжесть такого наряда и как трудно было в нем вы-

держивать долгие часы сверхскучных придворных церемоний. Она наверняка была рада оказаться в своих личных покоях и избавиться от этих церемониальных одежд.

Она стояла как изваяние, неподвижная, как ее портрет, две женщины сражались с пряжками и узлами, снимая с нее наряд. В мягком нижнем платье девушка выглядела гораздо моложе. Она продолжала терпеливо ждать, пока прислужницы унесли наряд куда-то за пределы поля зрения Андаса и вернулись за короной. Тогда девушка подняла руки и быстрым движением распустила волосы, позволив им падать свободно.

Теперь Андас мог лучше разглядеть ее лицо. Не красавица, но что-то в ней притягивало мужские взгляды.

— Не угодно ли принцессе?.. — Одна из женщин опустилась на колени, держа поднос, на котором стоял хрустальный кубок со светло-розовым напитком.

Девушка покачала головой:

— Я столько съела и выпила, что мне нехорошо. Приходится есть, чтобы не слушать речи тех, кому нечего сказать. Они бесконечно повторяют одно и то же... — Она широко раскинула руки. — Дюз Золотогубая, как меня утомляют эти украшения! Когда-нибудь их снимут, и от меня останутся только кости. Можешь идти, Джакамада. Немного погодя пришли моих ночных прислужниц. Мне нужно отдохнуть...

— Как пожелает принцесса, — ответила женщина.

Андас нетерпеливо шевельнулся. Возвращается удушающая жизнь Тройных Башен! Можно говорить свободно, как сейчас принцесса, но ответ — если ты говоришь не с теми немногими, кто равен тебе по положению, — всегда будет строго формальным, в одних и тех же выражениях, выработанных за многие сотни лет придворного этикета. Вскоре и он сам лишится свободы, у него ее будет даже меньше, чем у той, за кем он наблюдает.

Если это покои одной из наследных принцесс, значит, он на окраине Цветочных Дворов. Но он не может так ошибаться в своих воспоминаниях о потайных ходах. Эти комнаты раньше не использовались. Это были... Он постарался вспомнить. Да, да, — сто лет назад здесь размещался двор императрицы Алахи, первой жены императора Амурака.

Императрица? Нет, прислужницы называли девушку принцессой, а так не титулуют правительниц. Разумнее пред-

положить, что она — старшая дочь. Он пытался догадаться о степени их родства, но вдруг увидел, что она смотрит прямо на панель, за которой он стоит.

— Соглядатай... шпион! — В ее голосе звучал холодный гнев. — Можешь доносить о чем угодно, но помни, что в эту игру могут играть двое. И еще не забудь — у меня есть способ узнавать, когда ты за мной подсматриваешь. Тебе это недоступно, потому что эту способность дает Голос Костлявой Старухи!

На миг изумление Андаса вытеснил страх. Услышав последнее имя, он похолодел, словно ледяная рука коснулась его в тесноте потайного хода.

Костлявая Старуха! Но как старшая дочь в самом сердце охраняемых Тройных Башен получила доступ к Старухе? В памяти всплыли давнишние слухи, а еще рассказы, которые он не раз слышал, когда жил в этих стенах. При Цветочных Дворах плелись свои интриги, и смерть здесь иногда бывала безжалостнее, чем в императорских темницах.

Девушка подняла руку и извлекла из-под складок платья цепочку, на которой висело кольцо. С легкой загадочной улыбкой она собралась надеть его на палец.

— Не думаю, — теперь в ее голосе звучала открытая угроза, — что ты сможешь вернуться к своей хозяйке таким же радостным, каким ушел от нее...

По-видимому, старые истории произвели на Андаса гораздо большее впечатление, чем он думал. Ведь этого никто не проверял. Принц обнаружил, что, вцепившись в панель, наблюдает за тем, как она неторопливо открывается. Он выскочил, готовый схватить врага.

Следовало помешать ей воспользоваться кольцом, если старые истории говорили правду о том, как оно действует. Она уже почти надела его на палец. Теперь стоит ей дохнуть на него, и...

Но она, не завершив движения, уставилась на него дикими глазами. Это дало ему возможность добраться до нее, схватить за руку и заломить ее за спину, одновременно другой рукой зажимая девушке рот, чтобы она не могла позвать стражу.

Она сопротивлялась, но он сумел подтащить ее к тайному ходу. И отпустил ее руку всего на миг — только чтобы схватить кольцо. Кольцо плотно сидело на ее пальце, и он не мог ста-

щить его, пока она сопротивлялась. Он крепче сжал девушку, так что она с трудом дышала — резкими, всхлипывающими вдохами.

Несколько мгновений он держал ее так; наконец она заговорила:

— Ты обрек себя на неизбежную смерть, прикоснувшись к старшей дочери. — Говорила она спокойно — чересчур спокойно, если вспомнить яростное сопротивление несколько секунд назад.

— Думаю, нет. — Он впервые заговорил. — Думай о собственной безопасности, старшая дочь, потому что сила Костлявой уступает Избранному на Высокий Престол.

Она рассмеялась:

— Ты спятил, подсматривающий из темноты. Избранного принца нет. Я это хорошо знаю. Ведь я старшая дочь, и у меня нет брата, которому мой отец, император, завещал бы трон, чтобы он делил его вместе с избранным для меня супругом.

— А как зовут императора? — спросил Андас.

Она явно удивилась, но сохранила самообладание. А когда заговорила, то не ответила на его вопрос, как будто для нее гораздо важнее было другое.

— Не думаю, что тебя подослала Ангсела. — Она взглянула на кольцо. — Нет, ее кровь и волосы предупреждают меня о ее планах, и она об этом не знает. Не она стоит за тобой. Так кто же ты... и почему тайком подглядываешь за мной?

— Я задал тебе вопрос... — Андас встряхнул девушку, надеясь таким образом показать свою власть и получить прямой ответ. — Кто император?

— Андас, сын Асалина, из Дома Кастора. — Она, нахмурившись, смотрела ему в лицо. Потом сказала: — В молодости мой отец прошел в Паве военную подготовку, но остальную жизнь провел в Тройных Башнях. До моей матери у него не было законной жены, и, насколько известно — а при Цветочных Дворах этого не скроешь, — он не делал и меньшего выбора. Но ты — вылитый мой отец в молодости. Ты его незаконный сын? — В ее глазах сверкнула откровенная ненависть.

— Я и есть Андас, сын Асалина. — Он сомневался в том, что сумеет убедить ее — и всех прочих — в том, что от его имени правит другой. Но она дочь поддельного Андаса! И давно ли... Он снова встряхнул ее.

— Год... в галактическом исчислении... какой сейчас год?

— 2275.

— Сорок пять лет, — произнес он и, не замечая этого, ослабил хватку. Она, готовая к такой возможности, вырвалась от него. Но Андас тут же снова схватил ее.

— Не знаю, о чем ты. Если ты незаконный сын, у тебя нет прав на императорский трон! — выкрикнула она.

— На троне не подлинный император, — ответил он, почти не веря себе, хотя это наверняка было правдой — ведь он здесь, а она, без сомнения, говорит правду. Иными словами, она — дочь андроида, занявшего его место. Но разве у андроидов бывают дети? Он понятия не имел — многое могло быть утаено по воле императора. Девушка могла оказаться подменой, сделанной ради того, чтобы подтвердить его человеческую природу.

— Ты спятил, совершенно спятил! — Она почти утратила уверенность в себе и снова начала сопротивляться.

— Императора Андаса нет, потому что Андас — это я, похищенный и спрятанный.

Она скривила губы.

— Ты смотрелся в зеркало? Ты молод. А мой отец уже сделал одну омолаживающую инъекцию. Думаешь, он сумел бы обмануть врачей? Это ты андроид, да к тому же спятивший! И хотя кольцо не предупредило меня, должно быть, это какая-то хитрость Ангселы. Она жаждет короны так сильно, словно это еда или питье и она без нее умрет! А ты — ее несовершенное орудие.

Андас почти не слушал ее. Дворцовые интриги, о которых она говорила, для него были пустым звуком. Важно было то, что долгие годы здесь, на Иньянге, власть принадлежала Андасу, императору, который был — мог быть — андроидом! А что же он сам? Могло ли стазисное поле в тюрьме сохранить ему молодость? И если император уже получил омолаживающую инъекцию, врачи должны были понять, что имеют дело с андроидом...

— Я не ее орудие, — уныло сказал он.

Он не заметил вспыхнувшую в ее взгляде искру. Теперь девушка смотрела на него с легкой жестокой улыбкой, как когда впервые поняла, что он наблюдает за ней из укрытия.

— Ты все еще сомневаешься? Тогда давай, докажи это! По-

смотрись вон в то зеркало и скажи, что ты действительно пожилой человек. Идем!

Она потащила его за собой, и он, едва понимая почему, пошел за ней и остановился перед высоким зеркалом, которое с безжалостной четкостью отражало все.

Он увидел себя не совсем таким же, как в прошлом, ведь грязный драный комбинезон не походил на одежду, в которой он в последний раз видел себя в зеркале. Но сам он остался тем, что и всегда — худое коричневое лицо, крючковатый фамильный нос, волосы темным ореолом окружают голову, глаза темные, зубы сверкают белизной на смуглом лице. На лбу тонко вытатуирован символ императорского дома — Змея Дамбо, корона, которую он никогда не сможет снять.

Девушка стояла рядом с ним (ему хватило ума не выпускать ее) и в зеркале казалась более стройной и хрупкой. Она могла бы быть его сестрой, их сходство было разительным — приходилось это признать. Хотя в прошлом королевские роды очень перемешались, семейное сходство сохранялось. Итак, она дочь императора, нехотя признал он. Дочь императора Андаса. Подменного.

Он видел ее в зеркале так же ясно, как она его. Девушка перестала насмешливо и недобро улыбаться. И вообще как-то изменилась.

— Ты... ты как мой отец на трехмерных съемках во время его коронации. Ты похож — слишком похож! Какое колдовство применила Ангсела?

Она вырвалась и поднесла руку к губам, чтобы дохнуть на зловещее кольцо. Но Андас перехватил ее кисть и смог лучше разглядеть кольцо. От круглого камня в оправе исходило свечение. Вот оно изменилось и превратилось в смутное лицо, которое проступало все отчетливее.

— Айнеки! — выкрикнул он при виде этого крошечного портрета.

Девушка посмотрела на него так, словно впервые испугалась.

— Анейки — предатель! Но откуда он здесь? Я не призывала... а он умер еще до моего рождения.

— Когда умер?

Она по-прежнему молча смотрела на кольцо.

— Я спросил, — резко повторил Андас, — когда он умер?

— Когда... когда мой отец стал Избранным. Анейки пытался его убить. Началась смута, Анейки и нескольких его сторонников казнили. Заговор раскрыл мой отец. А Анейки утверждал, будто мой отец замышлял убить императора. Но ему никто не поверил, потому что отец смог доказать свою верность.

Его заменил андроид, неужели за этим стоял Айнеки? Но если он андроид... Андас покачал головой. Он был словно в тумане.

— Отчего он показался в кольце? — продолжала девушка. — Я его не вызывала! Может, оттого, что ты держал меня за руку и заглянул в кольцо? Но кольцо не настроено на тебя! Я видела, как Риксисса достала его из пламени и настроила только на меня. А еще ты мужчина, поэтому не можешь служить Старухе, ты можешь быть только ее рабом.

— Чем ты бы меня и сделала, если бы я допустил, — мрачно ответил он. — Теперь скажи, как тебя зовут!

— Абена, что ты должен прекрасно знать. Да, я связала бы тебя этим кольцом. Оно предупредило меня, что за мной шпионят. Я могла бы сделать тебя своим орудием против Ангселы.

— Не знаю, кто такая эта Ангсела, и я ей не служу. Я... впрочем, это нужно доказать. И, Абена, мне это сейчас необходимо.

Он поднял свободную руку и нажал на определенную точку у нее на горле. Девушка не успела запротестовать. Он подхватил ее, прежде чем она упала на пол. Отнес на постель, откинул покрывало, убрал ароматизаторы и уложил Абену. И довольно долго пытался снять кольцо с ее пальца. Брать ее с собой в потайные ходы он не мог, но нужно было сделать так, чтобы она не могла использовать против него свое самое мощное оружие.

Есть только один способ доказать — хотя бы самому себе, — что он тот, кем себя считает. Если он не подлинно королевской крови или не прошел на глазах у деда первую из Трех Церемоний, он не сможет дотронуться до того, что сейчас ищет. А вот одно то, что он отыщет это и сможет взять в руки, докажет его правоту.

Теперь нужен свет. Опасаясь с минуты на минуту услышать, что в дверь скребется служанка, по двери он обошел комнату и обнаружил искомое на одном из подоконников.

Широком, со стойкой лент с записями триди. И с переносным фонарем, не очень удобным, но полезным.

Андас спрятал кольцо в карман комбинезона и застегнул молнию. Никто больше не увидит это кольцо. Есть несколько глубоких колодцев — там до него никто не доберется. На мгновение он задержался у постели. Принцесса, лежащая в ней, казалась совсем юной и невинной. Но она знала, как пользоваться этим кольцом, а значит, имела доступ к сокровенным мрачным знаниям, которых сторонилось большинство мужчин. И лишь немногим женщинам хватало храбрости обращаться к ним.

Андас вернулся в тайный ход и закрыл за собой дверь. Возможно, у него совсем мало времени, чтобы добраться до искомого. Чем быстрее он отправится в путь, тем лучше. До сих пор он пользовался кружными путями. Теперь ему предстояло пробраться в самое сердце Башен — к личным покоям императора. И о путях туда он ничего не может сказать. Возможно, императору о них известно.

Он включил фонарь на малую мощность. Если император — андроид, его должны были снабдить памятью Андаса, а значит, тому все известно о его былых путешествиях по тайным ходам. И, услышав рассказ Абены, он не долго думая начнет искать Андаса в тех самых переходах, на которые принц так полагается.

Он может даже устроить засаду!

Единственное, что способно помешать андроиду пустить по тайным ходам стражу, как охотничьих псов, — сознание, что при этом раскроется слишком много секретов. Но то, что будет важно потом, неважно сейчас. Нужно побыстрее отыскать императорские покои, и он надеется только на то, что память его не подведет.

Он стал считать боковые ходы: три, четыре... ему нужен шестой. Да, вот он, почти рядом с пятым. Андас перешел на лестничный пролет. Внизу очень сыро. И пахнет... как Элис назвала этот запах? Пахнет злом! Да, у зла есть свой запах, и это именно он. По этим ходам веками бродила смерть.

Андас насчитал двадцать ступеней, и пол снова стал ровным. Но здесь стены покрывала слизь. Слизистые следы блестели в свете фонаря. Он не помнил, чтобы когда-нибудь видел тварей, оставивших эти следы. И не хотел их видеть. Од-

нако решился включить фонарь на полную мощность, чтобы видеть, что ждет впереди.

Пол тоже был испещрен слизистыми следами. Сандалии Андаса скользили, приходилось идти медленно. Если он помнил верно, это была худшая часть пути, потому что здесь коридор проходил под рвом, окружавшим павильон императора.

Впереди снова показалась лестница, на этот раз наверх. Принц опять прикрутил свет и начал подниматься. Кажется, он выходил наконец из гнилого болотного воздуха: здесь стены были суше, а через отверстия для подсматривания наплывали ароматы благовоний и трав. Но Андас не стал задерживаться у этих отверстий. Время не ждет, а то, что он искал, ждало его в самом конце пути.

8

Андасу нужно было попасть в спальню императора, и если в ней кто-то был... В его время (Андас обнаружил, что начинает отделять настоящее от прошлого) в примыкающей к спальне комнате всегда несла караул охрана. Но император обычно оставался один, хотя из его спальни в обе стороны открывался прекрасный вид на сад Анкикаса. Согласно обычаю, в садах к стволам прикрепляли светильники, которые освещали траву и цветы. Вдобавок, если императору было угодно, вместо этих пейзажей он мог увидеть трехмерные сцены из жизни других планет. По дороге Андас вспоминал все больше подробностей. Наконец он оказался перед стеной. Здесь не было окошек для подглядывания, зато должно было быть несколько углублений.

Нажать три раза, еще три, потом четыре. Полоска света обозначила очертания двери. Но дверь открылась только чуть-чуть. Андас вставил в щель пальцы и надавил: очевидно, древний механизм заело.

Раздался громкий скрежет, который заставил его на мгновение замереть. Но этот звук означал, что дверь удалось открыть. Она отворилась, и принц заглянул в комнату, готовый увидеть нацеленный на него бластер или церемониальный кинжал, какие носят знатные придворные. Ловушки очень часто подстерегали императоров даже в их личных покоях. Ан-

даса, если честно, слегка удивило, что дверь открылась. Если к поддельному Андасу перешла его память, он должен знать и об этом проходе.

Удача по-прежнему сопутствовала ему. Комната, освещенная мягким светом ламп, установленных на невысоких, по плечо, пьедесталах, была пуста. Не теряя времени, Андас пересек ее, направляясь к большой маске на стене — маске чрезвычайно выразительной в своей красоте. Предполагалось, что эта маска (втрое больше оригинала) — изображение Акмеду, первого императора из рода Бурдо, которого легенда называла сверхчеловеком. Он обладал огромными знаниями и даже осмелился выступить против Старухи, освободив Иньянгу от ее залитых кровью святилищ.

Андас остановился, глядя в эти широко расставленные глаза, изготовленные таким образом, что они казались живыми и приковывали к зрителю. Словно за этим большим бронзовым лицом по-прежнему жила душа. Полные губы изогнуты в легкой улыбке, во взгляде — легкое любопытство и веселье.

Принц поднял обе руки, приветствуя старшего.

— Летящий на грозовых ветрах, носитель хлыста десяти молний, судья людей. — Он повернул голову справа налево и снова направо. — Ты, кого ищут, но кто приходит только по своей воле, желанный, но не желающий, стоящий высоко в тени и следящий за теми, кто идет по твоим стопам, хотя их следы не заполняют отпечатков, оставленных твоими мощными сапогами.

Ты, кто един с солнцем, с дождем, с холодом, с темнотой, со всем, что происходит на Иньянге, взгляни на меня. В моих жилах течет королевская кровь, и я пришел сюда, чтобы исправить зло, и нуждаюсь в сокровенном...

Андас снова поднял руки, словно закрывая лицо и глаза от нестерпимого сияния. Постоял так, считая до десяти. И придвинулся к стене. За маской был столик из полированного камня «черное сердце» с изображенными на крышке разнообразными символами, инкрустацией из красной кости клыков нурвалла. А в самом центре столика золотая курильница, над которой и сейчас клубится дымок.

С боков от курильницы лежит оружие. Оба предмета древние, это сокровища, к которым не смеет прикоснуться человек; сделать это можно лишь после определенных цере-

моний и обрядов, которые должны совершаться в строгом соответствии с традициями, созданными самим Акмеду. С одной стороны — церемониальный кинжал в драгоценных ножнах. С другой, справа от Андаса, бластер такого старинного образца, что другого подобного не найти во всей Галактике.

Но Андас искал не оружие. Ему нужно было то, что символически охраняли это оружие и маска, то, что принесет смерть дотронувшемуся до него человеку, если тот не император и не законный наследник.

Поднеся обе руки к маске, наклонившись над столиком, Андас с силой нажал пальцами на углы улыбающегося рта. И хотя маска казалась сделанной из цельного куска, рот медленно открылся. Между губами торчало то, что нужно было принцу. Но опять, как и с дверями, старинную пружину заело. Пришлось надавить изо всех сил, вытянувшись в неудобной позе.

Рот раскрылся шире. То, что благополучно пролежало в нем много лет, выпало с металлическим звоном, едва не задев крышку курильницы. Андас увидел то, что выплюнула маска, и вздохнул с облегчением.

Это сердце империи. То, что отпирает этот ключ, не здесь, а в большом храме Тени Акмеду. Только два человека имеют право хранить этот ключ и пользоваться им — император и его наследник.

Теперь ключ лежал перед ним. Андас нервно вытер руки о грязный комбинезон. Он верил, что имеет право, должен иметь! И вот сейчас он все узнает, взяв ключ в руки. Если у него нет на это права, его ждет смерть, страшная и непостижимая, за пределами человеческого правосудия. Так бывало и в историческом прошлом — сохранились даже видеозаписи этой кары.

Но ведь он точно знает! Если дед мертв, на Иньянге может быть всего один подлинный император — Андас Кастор, а он и есть Андас. Он взял в руки ключ. На ощупь тот казался холодным и твердым, ничем не отличаясь от любого другого куска металла. Не сверкнули молнии, маска не закричала, обвиняя его в кощунстве. Итак, он действительно Андас!

Его обуяло торжество — вероятно, он чересчур отвлекся, потому что услышал какой-то звук, когда отступать было уже

поздно. Человек, вошедший в комнату, теперь стоял между ним и потайной дверью. Андас снова потянулся к столику. В правой руке у него был ключ, но левой он сжал старинный бластер.

Он как будто увидел в зеркале свое искаженное, смутное отражение. После всего, что он услышал от Абены, ему следовало бы подготовиться к этому. Но мало кому доводится увидеть себя таким, каким станешь через много лет. Стоявший перед ним человек подвергся омоложению и находился в расцвете сил. Но глаза у него были старыми и усталыми, старше лица. Андас увидел, что эти глаза чуть округлились, но в остальном вошедший не выказал ни малейшего удивления.

— Итак, столько лет спустя выясняется, что Айнеки все-таки говорил правду, — промолвил он негромко и почти монотонно. — А мы-то считали, он бредит.

Андас нацелил бластер. В нем давно могло не быть заряда. Принц не знал даже, способно ли это оружие выстрелить, но другого у него все равно не было. Он осторожно продвинулся вдоль столика, не отрывая взгляда от человека у постели, надеясь, что тот пойдет за ним и тем самым откроет дорогу к отступлению. Но лжеимператор не двинулся с места.

— Хитро... — Андас молчал, и император наклонил голову, с интересом разглядывая его. — Очень хитро. Они были искусниками, эти менгианцы. Нам повезло, что Айнеки не выдержал, все о них рассказал и мы смогли их уничтожить. Но всех ли? — Он чуть прищурился. — Ты здесь, и тебя должны были где-то сделать. Но почему такое несоответствие возраста? Я не мальчик. Тебя не смогут короновать, даже если скажут, что это чудо омоложения: мои данные хранятся слишком во мчогих файлах. Так зачем ты пришел — вернее, зачем тебя сюда послали?

— Чтобы занять свой трон. — Андас отказывался верить услышанному. Конечно, узурпатор будет утверждать, что он и есть истинный Андас Кастор. И у него, естественно, было много лет, чтобы превратить эти свои утверждения почти в реальность. У него есть все, кроме того, что держит в правой руке Андас!

— Твой трон? — Лжеимператор рассмеялся. — Двойники-андроиды не могут сидеть на троне. По сути, они объявлены вне закона с тех пор, как после неудачного восстания Айнеки

был раскрыт заговор менгианцев. Тот, кто стоит за этой дикой авантюрой, должно быть, безумен.

— Никто за мной не стоит. — Андас добрался до постели, но теперь требовалось пройти вдоль ее длинной стороны, чтобы добраться до двери. Император продолжал стоять неподвижно. — Я Андас Кастор. И трон по праву принадлежит мне, андроид!

— Андроид? Тебя запрограммировали верить, что ты настоящий человек? Откуда ты явился?

— Откуда? Из тюрьмы, где ты всех нас держал в стазисе.

«Пусть говорит», — думал он. Возможно, ему удастся сохранить интерес противника достаточно долго, чтобы подобраться к нему и попробовать напасть. Он не надеялся, что оружие выстрелит, но у него было в запасе еще кое-что.

— «Всех нас»? Клянусь зубами Гата, неужели ты хочешь сказать, что вас много? Сколько еще Андасов, готовых затопить нашу бедную империю?

— Похитили не меня одного. Были и другие значительные лица — с других планет.

«Пусть говорит!» Не заметно, чтобы противник стал менее бдителен, но всегда есть шанс.

— Мы всегда считали, что это может быть правдой, — кивнул император, — хотя менгианцы, как всегда при угрозе, уничтожили все следы. Но, возможно, до их штаб-квартиры мы все-таки не добрались, им удалось бежать и где-то изготовить тебя и «других». Но не понимаю, зачем они выпустили вас так поздно и бесполезно.

— Нас не освободили — мы бежали. — Неважно, что он рассказывает свою историю: лишь бы лжеимператор не вызвал стражу.

— Возможное объяснение. — Снова кивок. — Что ж, очень жаль...

— Чего жаль? — Андас поднял руку, пальцем прижимая к ладони ключ, так чтобы двойник его увидел. — Жаль, что тебя наконец разоблачат, андроид? Неужели кто-нибудь кроме подлинного принца может взять это — и остаться в живых? Ты ведь знаешь, каковы предосторожности...

Тот стоял как изваяние. Словно окаменел при виде ключа, как утверждали старинные легенды. Потом он не произнес, а скорее прошептал слово, которое Андас прочел по губам.

— Это!

— Да, это! Я имею на него право.

— Ты... но это невозможно! — Он мгновенно растерял все свое спокойствие. — Совершенно невозможно! Я человек, что было неоднократно доказано. Да у меня дети — три дочери. Разве у андроида могут быть дочери?

Андас мрачно улыбнулся.

— Нам говорили, что нет. Но по приказу императора детей могут подменить или придумать что-нибудь другое. Мы все знаем, что в Тройных Башнях есть только один закон — воля человека, имеющего право держать это! — И он снова поднял ключ. — А теперь зови стражу, если хочешь. Пусть стражники увидят меня — с ключом!

— У меня есть стражники, на которых зрелища не действуют. Со времен моей молодости многое изменилось. Если ты был в стазисе, тебя не держали в курсе последних перемен.

Он вскинул руку. Андас даже не целился. Он бросил бластер, как его учил на тренировках в Паве горец с Умбанги. Оружие попало императору между глаз, он пошатнулся и упал. Однако сознания не потерял и попытался подняться. Андас набросился на него. Пришлось надавить на нерв; император обмяк, и принц усадил его в кресло и связал.

— А теперь можешь приказать страже искать меня. — Андас подошел к открытой двери. — Но в моей руке сердце империи, и я унесу его с собой. Если я потерплю поражение, то постараюсь, чтобы ты больше никогда его не увидел. И о своих притязаниях я заявлю там, где все смогут меня увидеть, — в храме Акмеду. — Тут ему пришла в голову новая мысль. Левой рукой он раскрыл молнию на кармане и достал кольцо, отобранное у Абены.

— Ты хвалишься дочерьми, император, не имеющий права на трон. У тебя есть старшая дочь Абена, верно?

Он не заткнул противнику рот, но тот не ответил, только следил за ним с непонятным выражением. Не с ненавистью, как он вначале подумал, — с неким еще более мрачным чувством.

— Посмотри, чем она угрожала мне, повелитель пяти солнц и десяти лун! — с насмешкой произнес он старинный придворный титул. — Кольцо Старухи. Похоже, грязь снова затопила двор. Подходящая дочь для самозваного правителя!

— Это не так...

— Хочешь посмотреть поближе, чтобы убедиться? Смотри! — Андас был настолько уверен в себе, что сделал три быстрых шага и поднес кольцо к императору, поднес близко, чтобы тот увидел.

— Ни один мужчина не может его надеть, и кольцо было у нее на груди, когда она вздумала использовать его против меня. Как тебе твоя старшая дочь? Я позабочусь о том, чтобы она не могла больше его использовать. Но, когда заключаешь сделку со Старухой, отказаться нельзя до самой смерти — и даже после нее. Так что оставляю тебя наедине с твоими мыслями, андроид; тебе осталось думать совсем недолго...

Он не договорил: широкие двери спальни без предупреждения раскрылись, и Андаса спасли только превосходные рефлексы, поскольку в комнате появился не человек, а робот и сразу направил на принца струю мелких брызг.

Андас отскочил, закашлявшись, глаза начало жечь, едва их коснулся туман. Голова у него закружилась, но он сумел проскочить в потайную дверь. И, хвала пяти силам Акмеду, та сразу закрылась от его лихорадочного толчка. Он кашлял, не ведая, когда сможет вновь уверенно держаться на ногах, но заставил себя идти по проходу. Если у лжеимператора память Андаса, он выследит его. Он может залить этим ядовитым туманом все проходы. Теперь принц ни в чем не был уверен, знал только, что ему удалось вернуться в потайные ходы и что в одной руке он держит ключ, а в другой — кольцо. Кольцо он тотчас снова убрал в карман. Чем меньше он будет иметь с ним дела, тем лучше.

Но как ему удалось спастись от нападения робота? Теперь, когда он задумался об этом, такой исход казался ему совершенно невероятным. Разве что справедлива другая старинная легенда: тот, кто владеет ключом по праву, временно становится обладателем силы самого Акмеду!

Но сейчас не стоило надеяться на неведомые силы, хотя в нужное время и в нужном месте они могли очень пригодиться. По всем рассказам выходило, что эти силы непостоянны и иногда оборачиваются даже против тех, кто в них верит. Поэтому он рассчитывал только на одно: с помощью ключа доказать свое право пользоваться им в храме. Если в несколько следующих часов ему удастся выжить — а он уверен, что лже-

император приложит все усилия, чтобы он столько не прожил, — именно так он и поступит.

Фонарь... куда он дел фонарь? Он не мог вспомнить, а времени возвращаться и искать его не было. Но это означало, что ему придется идти медленно, не бросаться очертя голову в ходы под рвом. Но очень трудно идти медленно, когда все инстинкты гонят вперед. Он должен был остаться в живых, враг не должен до него добраться, пока он сам не доберется до храма и не докажет, кто он.

Что будет после, он не думал. Ступени... да, он добрался до подводной части хода. Прикосновение пальцев к стенам вызывало омерзение: они касались слизистых следов, и Андасу пришлось напрячь всю свою волю, чтобы продолжать идти ощупью. Ему хотелось побыстрее миновать эти сырые переходы и понять, где он и куда двигаться дальше. Казалось, зловоние, темнота и слизь никогда не кончатся.

Но вот снова ступени — и душевный подъем. Андас продолжал крепко сжимать ключ. И хотя холодный металл не смягчало прикосновение принца, для его духа этот ключ был так же важен, как фонарь для тела. Последняя ступенька... Он в коридоре, где почти не ощущается зловоние ходов под рвом.

Теперь у него появилось время подумать, если оружие робота не лишило его этой способности. Возвращаться прежним путем глупо. Принцесса уже могла поднять тревогу, и его ищут. Остается долгий обход, а он не вполне уверен во всех разветвлениях и поворотах.

Если бы он не отвечал за остальных, если бы мог думать только о себе, вообще не возвращаться, а свернуть в другие ходы! Но если лжеимператор располагает всеми его воспоминаниями... Как это удалось? Его, должно быть, вначале похитили и поработали над ним, хотя это рискованно. Впрочем, теперь неважно, как они это проделали. Сейчас нельзя рассчитывать на то, что улыбающийся нечеловек не владеет его памятью.

Поэтому единственный выход — идти самым странным маршрутом, какой способен привести ко Двору Семи Драков и к тем, кого он там оставил. Как они там? После крушения скиммера должны были начаться поиски. Но принц почему-то верил, что если кому-то и удастся уйти от стражников, то

именно Йолиосу, даже обремененному Грейсти и девушкой. Что ж, им тоже приходилось рисковать.

Ему поразительно везло. Конечно, нельзя вечно на это рассчитывать. Только дурак верит, что удача всегда будет ему улыбаться. Надо считать...

Он старался теперь идти быстрее, но все равно приходилось считать ответвления. Затем принц свернул в один из боковых ходов — под прямым углом к коридору, ведущему от комнаты принцессы. Андас проклинал потерю фонаря, но потом заметил, что от его комбинезона исходит какой-то слабый свет. Он пошарил в кармане и отыскал кольцо.

Что?.. Андас достал кольцо и увидел свет — очень слабый, не ярче свечения нижнего крыла сонгула в брачный период. Этот свет позволял увидеть немногое, но принц приободрился. Надеть кольцо на палец он не решился — слишком много было с ним связано того, чего Андаса с детства учили опасаться. Но и убирать кольцо он не стал — держал его перед собой в руке, как фонарик, и мог видеть, что впереди.

Там была развилка: два коридора расходились под прямым углом. Андас поколебался и выбрал левый. Трудно было представить себе, что на поверхности над ним, и понять, под какой частью этого огромного скопления разнообразных сооружений он идет. Единственным его проводником стала память. Возможно, он уже вошел в лабиринт Сада ароматических растений. Если все время поворачивать влево, постепенно подойдешь к Двору Семи Драков.

Андас прошел уже за четвертый поворот, когда вдруг остановился, затаил дыхание и прислушался. Нет, он не ошибся: звуки! Андас издавна знал, что в этом подземном лабиринте звуки распространяются необычным образом, иногда кажется, что они дальше, чем на самом деле, иногда наоборот.

Он думал, вернее, надеялся, что по его следу идут не роботы. Их он опасался гораздо больше, чем стражников. Людей, если повезет, можно обмануть, надо только хорошо знать ходы. Но робот, который улавливает самые слабые излучения человеческого тела, — безжалостный преследователь.

Если он точно знал, где находится, — а ему казалось, что знал, — пройдя вперед, он получал возможность из безопасного укрытия разглядеть погоню.

По дороге Андас осторожно ощупывал стену. Но ему гораздо больше помогало слабое свечение кольца, потому что при этом свете он уловил слабый блеск металла и обнаружил первую глубоко врезанную в камень скобу своеобразной лестницы. Он проверил скобу, повиснув на ней всей тяжестью, хотя прочность первой вовсе не означала, что все они такие.

Надежно упрятав ключ и кольцо в комбинезон, Андас начал подъем. Он уже миновал второй этаж дворцового здания по скрытому в нем узкому колодцу, когда решил, что теперь он в безопасности и может подождать. Известные ему роботы не могли подняться по такой узкой шахте. А прежде чем робот сообщит о том, где Андас, он сможет подняться на крышу и, если понадобится, попробовать уйти поверху. В темноте внизу забрезжил слабый свет. Роботу не нужен фонарь, да он и не стал бы преследовать добычу при свете: слишком легко ее насторожить. Значит, стражники. Андас нашарил вверху очередную скобу. Тем не менее он остался на месте. Стражники, увидев лестницу, могут последовать за ним, могут даже выстрелить вверх из шокера, и он, беспомощный, упадет прямо им в руки. Стражники могут...

Свет факела был тусклым, но для того, кто пробирается по темным потайным ходам, этого света довольно. Если человек с факелом один, Андас может спрыгнуть позади него, сбить с ног и отобрать факел и оружие, которое у того наверняка есть. У него в голове постепенно созревал план — так каменщик кирпич за кирпичом складывает стену. Тот, кто планирует, основываясь только на предположениях и намеках, — глупец. Вот если сыграть роль приманки...

Внизу прошла одна еле различимая фигура. И чем больше Андас думал, тем яснее понимал, как нужны ему факел и оружие этого человека. Прижавшись лбом к неровному камню колодца, он пытался отчетливо представить себе, что впереди.

Да, недалеко отсюда два боковых хода. И если этот преследователь слишком оторвался от остальных, Андас может покончить с ним и уйти, а тем, кто пойдет за ним, придется выбирать одну из трех дорог. Он не побывал еще в их руках, и у них нет его личных данных, которые можно было бы передать роботу-следопыту.

Он принял решение и поспешно спустился. Свет все еще

был впереди. Он виден, хотя время от времени его закрывала фигура несшего факел человека. Андас прислушался — и легко побежал вперед.

Он уже занес руку для удара, но вдруг лучше рассмотрел человека, на которого охотится. Этого было достаточно, чтобы сделать удар не смертельным, хотя человек упал на пол и слегка задергался.

— Йолиос! — Андас отскочил. К счастью, светильник — маленький ручной фонарик — не разбился при падении. Андас схватил его и направил свет в лицо лежащему.

— Йолиос! — повторил он, не веря своим глазам.

9

Андас посветил в лицо саларикийцу. Тот держался за голову и болезненно, хотя и негромко стонал. Над воинственно встопорщенной щеточкой его усов виднелась полоска крови, уши Йолиос прижал, а глаза сощурил так, что они превратились в щелки.

Но тут Андас заметил еще кое-что. Волосы-шерсть на широком плече саларикийца были сожжены, и под почерневшими остатками волос алело пятно. Йолиос едва увернулся от выстрела из бластера.

— Сссс... — звук походил на шипение. — Сстало быть, я тебя нашел. А может, ты меня, принц. Судя по твоему приветствию, ты ожидал кого-то другого. — Речь саларикийца, начавшаяся с гневного шипения, постепенно становилась более разборчивой.

— А кто он, этот другой? — Андас внимательно прислушивался, но ничего не слышал.

— Не окажись я проворнее, чем он ожидал, он бы меня поджарил.

— Кто не ожидал? Как ты здесь оказался?

— Долгая история. Но стоит ли сидеть здесь, пока я буду рассказывать? Судя по твоему приветствию, у тебя есть причины кого-то опасаться в этих проходах.

Андас сразу вспомнил об опасности.

— Да!

Он встал, саларикиец тоже. Но Андасу нужно было знать,

что случилось. Если неразумно возвращаться туда, где он оставил остальных, нужно пересмотреть план.

— Вас обнаружили? Я должен знать, ведь если нам нельзя возвращаться во Двор Семи Драков...

— Когда я оттуда уходил, я так и думал, что ты вернешься. Но тебя там поджидает встречающая сторона. Нет, я бы посоветовал уйти в противоположном направлении. В любом другом направлении.

— А как же Элис? И Грейсти?

В ответ он услышал рычание.

— Да, наша нежная маленькая Элис! Это она все устроила, намеренно. Думаю, мы совсем неверно ее оценили, как котята, привлеченные первой же парой глаз, посмотревших на них. Элис, которая умрет без воды, которая нуждается в защите, которая...

— Ты расскажешь, что случилось, или мне гадать дальше? — перебил Андас.

— Я сам точно не знаю, в том-то и беда. Я пытался понять, как открывается дверь, через которую ты ушел. Подумал, что неплохо бы знать, как это быстро сделать. А в следующее мгновение кто-то ударил меня по голове, и я упал. И пару секунд видел больше звезд, чем в небе моей планеты. Пока все передо мной двоилось и троилось, Грейсти придавил меня своим огромным животом и приставил к шее силовой нож...

— Силовой нож? Но откуда?..

— Знаю не больше тебя. Может, Терпин ему дал. Мы не знаем, насколько он связан с нашим похищением. Или, может, эта драконица схватила его из воздуха. Грейсти был только ее подручным. Она совершенно ясно дала это понять.

Что она сделала... А вот что — решила договориться со стражей. Если бы все вышло, как она хотела, она появилась бы перед стражниками — безоружная женщина, — и они не стали бы сначала стрелять, а потом спрашивать. А появись у нее возможность говорить, она рассказала бы им о тебе, подкупила бы их этим. Она была совершенно уверена в том, что ты тут ничего не добьешься, а она попадет в милость к здешним правителям, представившись твоей пленницей, готовой все рассказать о твоих намерениях. Если помнишь, она много времени провела на корабле с Грейсти — достаточно, чтобы

разработать план и при первой же возможности привести его в действие. И Грейсти в этом плане играл важную роль.

Они не сомневались, что тот, кто все это придумал и правит здесь, будет им благодарен, если они помогут схватить тебя. Практичная и логичная — такова Элис. Ты бы должен восхититься логикой ее мышления. Ее главная цель — самосохранение и осуществление своих планов, всегда.

— Но ты сбежал...

— Да. Мы услышали, что приближается отряд стражников. Думаю, они были в антигравитационных поясах и прибыли по крышам. Элис выбежала на середину двора, им навстречу. Она жалобно звала на помощь. Я бы ей поверил — и ты тоже, принц.

Грейсти не боец. Происходившее во дворе его отвлекло. Элис прекрасно играла — она бросилась к первому же высадившемуся стражнику. Она сильно рисковала. Он мог бы сжечь ее, но она правильно просчитала его реакцию.

К тому времени я пришел в себя и тоже начал действовать. Уверен, что Грейсти раньше никогда не имел дела с салариканцами. У нас есть свои маленькие хитрости. В общем, я встал, держа его зубами за запястье так, что он не мог использовать силовой нож. Он закричал, и я попытался его ударить, но тут в нас выстрелили из бластера. Только тогда я начал искренне восхищаться планом Элис. Она хотела избавиться от нас обоих сразу. Тогда было бы только ее слово против твоего — если бы ты прожил достаточно долго, чтобы что-нибудь сказать. И кому бы в таком случае поверили?

Однако Первые Предки были со мной. Выстрел пришелся в Грейсти. Продолжая держать его как щит, я попятился, отшвырнул его и захлопнул дверь, надеясь, что они не знают, как ее открыть. И пошел — не могу сейчас сказать, в какую сторону. Но я наткнулся на ящик с вещами. В нем нашлись большой, но сгоревший факел и несколько контейнеров с припасами. Все пыльное, должно быть, долго лежало.

— Один из тайников отца. Он оставлял их, когда начинал исследовать новую для него секцию, — ответил Андас. Удивление от рассказанного Йолиосом не проходило. Чтобы Элис так выступила против них? Ему с трудом верилось в это. Да, салариканец указал, в ее действиях была жестокая логика. И, в конце концов, что ему известно об этой девушке с чужой пла-

неты? Нельзя мерить инопланетян своей меркой. То, что принято на одной планете, считается там законным, нравственным и соответствующим обычаям и традициям, на другой планете может быть признано преступлением. Элис, несомненно, поступала согласно своим представлениям об этике. Конечно, это не делало их более приемлемыми... А как же кольцо, которым он теперь владеет?

Кольцо, согласно его верованиям, — зло. Но кольцо носила и использовала женщина его племени. Как же он может судить о действиях Элис? Остается лишь признать, что их группа разделилась. И в глубине души он был рад, что из всех беглецов с ним оказался именно саларикиец.

— А что было с тобой? — спросил Йолиос. — Я бы сказал, что тебе не очень повезло, если ты поджидал охотников, идущих по твоему следу?

Андас замялся. Его преследовали обвинения Абены и лжеимператора (хотя он считал, что имеет право их отвергнуть). Он не может быть подменой! Он жив, он чувствует боль, он должен есть, спать... он настоящий!

— Ты узнал что-то, омрачившее твое сознание.

Эти слова удивили Андаса. Как Йолиос догадался? Он эспер? Но он никогда прежде не проявлял таких способностей. А если он скрыл этот свой дар, можно ли ему доверять? Андас снова остановился и направил фонарь в окровавленное лицо саларикийца.

— Ты... ты эспер! — Он высказал обвинение резко и прямо, надеясь тем самым вырвать правду. Но мгновением позже трезво подумал: разве можно удивить эспера?

— Нет. Мы не умеем читать мысли, — ответил Йолиос. — Мы читаем запахи...

— Запахи? — О чем говорит этот чужак?

— Ты ведь знаешь, что мы всегда носим с собой мешочки с благовониями. Так вот, их носят не только ради удовольствия, но и для защиты. Мы чувствуем запах страха, опасности, гнева, тревоги — разных эмоций. Подумай — постоянно чуять все это. Поэтому мы окружаем себя защитными экранами из запахов.

— Но ты не учуял предательство Элис.

— Нет, ведь она чужая — и в гораздо большей степени, чем об этом говорит ее физический облик. Для меня она всегда

была... рыбой! — Последнее слово он произнес так, словно в какой-то степени был виновен в том, что не сумел пробиться сквозь естественную защиту девушки. — А Грейсти так боялся, что этот страх заглушал остальное, поэтому и здесь я не считал предупреждение.

Но тебя я могу понять, твой вид не очень далек от моего. Мы оба млекопитающие, хотя далекие предки у нас разные. На одном из ваших торговых кораблей я видел животное под названием «кошка». Мне сказали, что это примитивный представитель моего вида. А у нас на Сарголе водилось животное — сейчас оно вымерло, — которое могло бы быть вашим предком. Ваши чувства не слишком отличны от наших, только иногда бывают очень сильными. Всякий из нас, кто покидает Саргол, пусть на короткое время, проходит специальную подготовку — так эспер создает защиту от толпы, иначе бремя читаемых одновременно мыслей множества людей сведет его с ума.

Да, я чувствую, что ты серьезно встревожен, — и не только тем, что тебя преследуют те, кто вряд ли желает тебе добра. Но если ты не поделишься своими страхами... — саларикиец сделал жест, соответствующий пожатию плечами у людей, — это только твой выбор.

Что, если они правы? Но это невозможно! Следует ли предупредить Йолиоса? На своей планете саларикиец может столкнуться с таким же обвинением. И, если будет предупрежден, сможет успешнее доказать, что он не андроид. Как Андас, намеренный использовать в качестве доказательства ключ.

Поэтому он рассказал саларикийцу о случившемся, о том, что в этом дворце правит лжеимператор Андас, и в том, что его единственный шанс доказать это — добраться до храма.

— Андроид, — задумчиво повторил Йолиос.

— Он лжет! Я человек. Я ем, чувствую боль, мне нужен сон...

— Что ты знаешь об андроидах? — перебил саларикиец. — Эта наука никогда не развивалась на Сарголе, но у меня такое впечатление, что они не такие, как роботы... которых мы тоже не любим. Разве не правда?

— Да, правда. Именно поэтому на большей части планет они давно запрещены. По нашим законам запрещено даже делать человекоподобных роботов. Толпы уничтожали пер-

вых андроидов, когда удавалось их отыскать. Люди боялись, что андроиды их заменят. Они похожи на людей, но не люди... Они бессмертны...

— Бессмертны? Но, кажется, этот император состарился самым обычным образом и ему сделали омолаживающую инъекцию.

— Так он говорит. Тот, кто обладает абсолютной властью, многое может утверждать, и никто не решится доказывать противное.

— Но для такого обмана нужны сообщники, например, врачи... и по меньшей мере одна женщина во внутреннем дворе, а может, и несколько, если считается, что у него есть дети. А тайна остается тайной только тогда, когда ее знает кто-то один. Едва ли ваши человеческие семьи сильно отличаются от наших. В моем клане то, что известно одной женщине, через день становится известно остальным женщинам, а через два дня — и мужчинам. Думаешь, два десятка людей здесь могут хранить такую тайну?

Андас обнаружил, что отрицательно мотает головой. Нет, слухи и сплетни всегда расходятся по Тройным Башням, иногда прокатываются мрачной разрушительной волной. О его отце шепотом передавали дикие слухи (он сам слышал такие рассказы) — только потому, что отец жил обособленно. И если можно так приукрасить и распространить вымысел, то что будет с поистине поразительными фактами?

Конечно, возможен хладнокровный ответ: те, кто знает, могут погибнуть от несчастного случая или внезапной болезни. Но устранить таким образом можно лишь определенное число, иначе пойдут те самые слухи, которых император хочет избежать. Приходилось признать, что этот Андас не сумел бы скрыть отчеты врачей.

А Йолиос безжалостно продолжал:

— Если он не может скрыть такие дела ложью, значит, говорит правду. И опять я спрошу: что ты знаешь об андроидах? Ты говоришь, к ним относились с отвращением, их запретили. Итак, мы имеем запрещенное научное направление. Но когда в прошлом такие запреты возымели действие? Можно ли удержать людей от исследований, направить их мысли в другое русло? Менгиане, о которых говорил Терпин, записи, найденные нами в тюрьме, — разве все это не напоминает тайную

базу, где такие исследования были продолжены... и принесли неведомые нам плоды? Предположим, итогом стал андроид, которого невозможно отличить от обычного человека?

Логика, безжалостная логика! Приходилось согласиться с каждым словом. Менгиане были наследниками психократов, а психократы — людьми (или бесстрастными подобиями людей), которые, с чем были согласны абсолютно все, знали о человеческом теле и мозге больше любых ученых. Их деспотические эксперименты охватывали такое множество областей, что и сегодня, через полвека после того, как в Девятом и Десятом секторах люди восстали против их ярма, постоянно обнаруживаются все новые подробности их планов. Да, с ресурсами и знаниями психократов, получив неограниченные возможности исследований, можно было создать андроида, какого не знала человеческая история.

— Если мы такие... — начал Андас.

— ...узнаем ли мы когда-нибудь об этом? — продолжил его мысль Йолиос. — Не сомневаюсь, что где-то на Сарголе или в торговой миссии на какой-нибудь планете действует мой двойник — точно как я в то последнее время, какое могу вспомнить. Ты говоришь, у тебя есть то, что может стать доказательством, если ты доберешься в нужное место. Я хотел бы присутствовать, поскольку это может отразиться и на моих планах на будущее. Но ты уверен, что можешь добраться до замка? Представляешь себе, где мы сейчас?

Андаса не удивил этот вопрос. Они между тем шли не останавливаясь; тусклый свет фонарика время от времени выхватывал из тьмы боковые ходы. Принц не мог бы сказать, сколько времени уже провел в лабиринте.

Он проголодался, и, хуже того, его мучила жажда. Сама мысль о воде заставляла проводить сухим языком по пересохшим губам. Необходимо было поскорее отыскать убежище, пищу и воду. А он знал только общее направление, в котором они двигались после того, как он покинул колодец. Конечно, они не шли обратно ко Двору Семи Драков, а шагали окольными путями по ходам, тем, что, если пройти по ним до конца, приводили к единственному месту, которое он мог назвать домом, — к отцовскому павильону.

— Я знаю довольно, чтобы добраться... — начал он и замолчал, вдруг осознав опасность своего плана. Преследователи

знали, кто он. Если так — и если лжеимператору достались все его воспоминания, — какое место покажется им самым подходящим для западни? Нет, туда идти нельзя. Но куда?

— Куда добраться? — спросил саларикиец.

Андас вздохнул.

— Боюсь, не туда, куда мы направлялись. Там нас могут ждать. Есть лишь одно место...

Он старался не думать о нем месте, но не мог. Только самый отчаянный и безрассудный человек пошел бы туда. Но он и в самом деле был в отчаянном положении. А когда все дороги, кроме одной, перекрыты, ты будешь драться, как загнанный в угол зверь, или пойдешь этой дорогой. Он знал, что произойдет, если он попробует дать бой. Его изжарят огнем из бластеров, снимут с обожженного тела ключ, и никто не узнает, кем он был на самом деле. Но другая возможность...

— Ты сейчас боишься, очень боишься.

Андас поморщился. Итак, саларикиец почуял запах страха. Что ж, если бы этот мохнатый чужак знал столько же, сколько Андас, он и сам испугался бы. Но это был его единственный шанс, и, если после его исчезновения Иньянга не изменилась самым коренным образом, лжеимператору будет очень трудно послать туда кого-то за ним.

— Есть одно место, куда можно пойти, — медленно проговорил Андас, а потом решил рассказать все, поверит ему собеседник или нет. Тому, кто не знал историю Иньянги, его рассказ мог показаться примитивным суеверием.

— Место, Откуда Нет Возврата.

— Очень ободряющее название.

— Ну, так бывает не всегда. Но с самых первых записей о строительстве Тройных Башен попадаются сообщения об исчезновениях в этом месте. Иногда — в первые годы — таких исчезновений бывало четыре-пять за год, потом долгое время любой мог зайти туда и вернуться без всякого вреда для себя. Эта проблема вызвала большую озабоченность, ведь по соседству располагались казармы, а в них много солдат на дежурстве. Близ этого места находились старые северные ворота.

Не имело значения, кем был исчезнувший. Иногда простой солдат, дважды пропадали офицеры высоких рангов, а потом исчез принц Акос. На глазах у свидетелей! Пять человек, в их числе его телохранитель и два генерала, видели, как он спе-

шился и пошел через внутренний двор. Они его видели — и вдруг он исчез!

— Полагаю, его искали.

Андас снова провел кончиком языка по губам.

— Искали так, что перевернули вверх дном все Тройные Башни. Даже в таких закоулках, куда годами никто не заглядывал. На третью ночь услышали, как он зовет...

— Зовет?

— Да, близ того места, где исчез принц Акос. Призыв был слабый и как будто доносился откуда-то издалека. Привели императора, чтобы он послушал, и принцессу Амику, жену Акоса. Позже, когда делались окончательные записи, оба они у алтаря Акмеду поклялись, что слышали голос принца. Он звал на протяжении двух часов, причем голос его все больше слабел. Принц призывал людей — все это слышали, — тех, кто присутствовал при его исчезновении, а под конец призывал свою жену. Наконец голос принца затих, и больше его никогда не слышали, хотя император еще и два года спустя держал там постоянный караул.

— Когда это произошло?

— Около двухсот лет назад. Тогда император приказал изучить все древние записи и сосчитать, сколько было таких исчезновений. Оказалось, почти пятьдесят — к общему изумлению, ведь раньше никому не приходило в голову их сосчитать. А когда за два года ничего не услышали и никого не нашли, император запретил посещать эту часть дворца. Северные ворота закрыли и построили новые. В эту часть вообще можно теперь попасть только таким путем. Не думаю, чтобы стража пошла туда за нами.

— А ты там бывал?

— Один раз, с отцом. Есть потайной ход, который заканчивается во внутреннем дворе старых казарм. Он ведет к помещениям командира. Мы стояли там у окна и смотрели на двор, где исчез принц. Должно быть, стена, которой он был обнесен, пострадала от бури, потому что по всему двору валялись камни, почти скрывавшие мостовую.

— Какие объяснения привели те, кто видел, как исчез принц, и слышал его голос?

— Невежи говорили о ночных демонах и колдовстве. Император созвал ученых. По мнению отца, лишь одно объясне-

ние имело смысл. Существует другой мир, в другой плоскости существования, и время от времени между этим миром и тем возникает зазор, через который может пройти человек. С тех пор я постоянно прислушивался к рассказам путешественников с других планет и слышал о подобных случаях. Говорят об альтернативных временных потоках, о слоях параллельных миров, в которых ход истории был иным. Говорят, такие миры могут существовать слоями бок о бок, и человек, знающий способ переходить из одного мира в другой, может перемещаться не вперед и не назад во времени, но поперек.

— Весьма любопытное предположение. И после того, как император закрыл доступ к этому месту, его никто не исследовал?

— Нет. Именно поэтому там мы будем в безопасности. И, если некоторое время не появимся, могут поверить, что мы тоже попали в невидимую ловушку.

— Но могут и предполагать, что не попали! А это опасное место — во внутреннем дворе? И если не подходить к нему, мы в безопасности?

— Да. — Обычный здравый смысл. Настроение Андаса улучшалось. Они могут находиться на краю опасности и избежать ее. Он вспомнил пустые казармы, которые видел в свое первое посещение. За ними есть даже небольшой сад, примыкающий к помещениям командира. А в нем источник и пруд. Вода... у них будет вода... и еще там могут расти дикие плоды...

Он пошел быстрее, но впереди их ждал трудный переход. Прежде всего предстояло преодолеть опасную часть дорог, проходивших в непосредственной близости от старых жилых помещений, потому что только оттуда можно было прийти к Месту, Откуда Нет Возврата. Они шли кружным путем, и время тянулось медленно. А когда добрались до помещения с каменными стенами, в которые углублялись четыре хода, Йолиос вдруг притронулся к плечу принца. Приблизив губы к его уху, саларикиец свистящим шепотом произнес:

— Здесь кто-то есть. Дурной запах... — Его широкая голова повернулась вправо, потом влево. Саларикиец принюхался. — Там! — Он показал когтем на левый проход.

— Можешь определить, далеко ли он? — тоже шепотом спросил Андас. Этот проход быстро переходил в лестницу к садовому домику, где его отец часто наслаждался ночным цветением квикситы.

— Запах не очень сильный.

Значит, подумал Андас, можно надеяться, что засада не в самом проходе, а там, где ничего не подозревающая добыча внезапно оказывается в помещениях наверху. Но он туда не пойдет. Ему нужен другой коридор. И он указал на проход прямо перед собой.

Путь оказался нелегким. Ход так круто уходил вниз, что им пришлось цепляться за камни в стенах в поисках опоры. Добравшись до конца этого спуска, они оказались под дном озера, о чем говорили ручейки на стенах. Проход сузился, он шел параллельно туннелю, по которому в дождливые периоды сбрасывали озерную воду. Пол покрывала слизь, в которой ползали и размножались твари, никогда не видевшие дневного света; от слизи исходило зловоние.

Услышав кашель Йолиоса, Андас подумал, насколько труднее переносить этот смрад чужаку с его тонким обонянием. Впрочем, «слизистый» участок быстро остался позади.

Преодолев три ступени вверх, они оказались в другом коридоре, удивительно сухом. Одна его стена представляла собой решетку из металлических прутьев, укрепленных в камне, с узкими щелями между ними.

— Что за решеткой?

— Винный погреб — вернее, был винный погреб, когда Хрустальный павильон давал приют императорским вдовам. Нам повезло — этот район расположен близ старых северных ворот.

— Винный погреб. Жаль, что мы не можем попробовать то, что здесь хранилось. У меня пересохло в горле.

— Возле старых казарм есть сад с источником, — пообещал Андас, вложив в слова больше уверенности, чем чувствовал. За минувшие годы могло произойти много перемен, и его по-прежнему пугала мысль о том, как давно он проходил этим путем, хотя, по его собственному представлению, прошло не больше десяти лет. Но Абена сказала, что сорок пять. Неужели правда?

Они снова начали подниматься. Андас считал ступени.

Опять они оказались в проходе с потайными глазками. Значит, была причина подглядывать за обитателями.

— Куда мы идем? — спросил Йолиос, когда они начали второй подъем.

— На крышу. Теперь нам нужны верхние пути. Подземный туннель закрыт.

Крыша — опасное место, если там расставлены стражники с антигравитационными поясами. Но другого пути у беглецов не было.

10

Они оказались на узком каменном мостике, испачканном пометом многих поколений птиц; здесь в щелях между камнями росли колючие кустики. Выход был проделан в каменной стене дымовой трубы; им нужно было пройти по этому мостику, спуститься на карнизы и по ним перебраться на соседнюю крышу. Так, по крайней мере, рассчитывал Андас.

В потайных ходах он потерял всякое представление о времени суток. Сейчас вечерело. Позади в небе еще не погасли солнечные лучи, света для трудного перехода было достаточно.

Что-то хрустнуло под ногой; посмотрев вниз, Андас увидел груду расколотых птичьих костей. На мху и среди растений не было никаких следов, кроме птичьих, но принц старался идти как можно быстрее, и саларикиец без труда следовал за ним.

Они спустились на карнизы. Андас ожидал, что в любую минуту их может заметить снизу кто-нибудь из стражников. Казалось невероятным, что их до сих пор не обнаружили, хотя, возможно, самозваный император, зная, что есть у Андаса, разместил свои западни ближе к его цели. Если ключ пропадет, последствия для империи будут ужасны.

Спустившись на карнизы, принц пришел в отчаяние. Когда он проходил тут в прошлый раз, у отца были с собой различные приспособления, обеспечивавшие безопасность его необычных исследований. Они с отцом выпускали короткие магнитные стрелы с привязанными к ним тросами; к этим тросам привязывались они сами, прежде чем начинать пере-

ход. Но теперь у него ничего не было, приходилось рассчитывать только на свои мышцы.

— Нам туда? — Йолиос показал на соседнюю крышу, расположенную чуть ниже.

— Если получится. — Андас признался, что боится. — Я проходил здесь всего один раз, и мы пользовались специальным снаряжением.

Саларикиец присел, подобрав под себя ноги. Его поза могла показаться неловкой. Потом с необычайной точностью и проворством прыгнул — и благополучно приземлился на соседнюю крышу. Андас только ахнул.

А Йолиос повернулся, и в меркнувшем свете в его полуоткрытом рту стали видны боковые клыки. В меркнувшем свете... Андас понял, что надо перебираться немедленно, иначе в темноте он не сможет прыгнуть.

— Живей! — В шипящем призыве саларикийца слышалось нетерпение, словно он не видел ничего необычного в таком прыжке и не понимал, отчего его спутник медлит.

Собравшись с духом, Андас отошел назад как можно дальше. И, не давая себе передумать, разбежался и прыгнул, вытянув руки вперед.

В его комбинезон вцепились когти, и принц мгновенно понял, что, если бы не Йолиос, он упал бы. Но саларикиец ухватил его и оттащил от края. Андас так дрожал, что не сразу смог продолжить путь.

Но Йолиос не дал ему отдохнуть.

— Куда теперь?

Позже Андас понял, что и тут Йолиос поступил разумно.

Он оперся рукой о парапет крыши и постарался забыть тошнотворную пустоту в голове, изучая окрестности в поисках знакомых ориентиров. Они стояли на крыше дворца Аликиаса. Здесь нет внутренних потайных ходов. Чтобы снова вернуться в темные переходы и спуститься на землю, придется пользоваться обычными лестницами.

Они отыскали выход с крыши. Несколько тревожных мгновений ушло на то, чтобы открыть дверь. Время укрыло ее пылью, словно одеялом. К тому времени как они оказались на узкой внутренней лестнице, снаружи уже стемнело. Андас перестал дрожать и сосредоточился на том, что ждет впереди,

а не на прошлом. Он был уверен, что они — по крайней мере на время — сбили преследователей со следа.

Даже если у них с императором общая память, тот не умеет читать мысли и не знает, в какую сторону двинется Андас. На самом деле они были сейчас так далеко от храма, что никто бы и не подумал искать их тут. Принц надеялся, что мнимый Андас и те, кто выполняет его приказы, решат, что он попытается поскорее добраться до храма. И именно там расставят свои самые надежные ловушки.

Чем дольше они здесь задержатся, тем меньше шансов на успех. Однако усталый мозг Андаса не видел иных возможностей.

Он устал. Усталость тяжелым покровом пригибала его к земле, именно тогда, когда ему особенно нужна была острота мышления и рефлексов. Если они сумеют добраться до запретного двора, он сможет отдохнуть. Он сказал об этом, и Йолиос ответил голосом, напоминавшим мурлыканье в темноте.

— Верно, мы сделаны не из металла, как роботы. И если мы андроиды, то, кажется, унаследовали слабости своих прототипов.

В старом дворце пахло пылью и животными, словно его давно покинутые покои превратились в логова. Но они не стали осматривать эти этажи и использовали свет фонарика, чтобы попасть на первый этаж, где память подсказала Андасу — есть еще один вход в потайные коридоры.

Он прибавил шагу. Необходимо было найти безопасное место, где можно отдохнуть, напиться, а то и найти нечто пригодное для наполнения желудка. Проход шел прямо, без боковых ответвлений, пока не привел их к новой, очень узкой лестнице. Они начали подъем. Лестница оказалась короткой, они миновали примерно два этажа. Затем Андас вставил пальцы в определенные углубления, вначале выдув из них пыль, и нажал. И они с Йолиосом наконец вышли в личные покои начальника стражи старых северных ворот.

В окнах сохранились стекла, но такие грязные — их не мыли много лет, — что сквозь них в темноте ничего нельзя было разглядеть. Были и внутренние ставни, и хотя их дорожки проржавели, Андас и Йолиос колотили по створкам, пока не вогнали их на место и не закрыли окна. Только тогда Андас включил фонарик на полную мощность и огляделся.

У стены стояла кровать, вернее, ее рама, такая массивная, что в одиночку не передвинуть. На полу темнели их отпечатки и следы множества мелких тварей, заселивших покинутые казармы. Больше ничего.

— Ты упоминал о воде... — сказал Йолиос.

— Там сад. — Йолиос повернул голову к западной стене, как будто мог посмотреть сквозь нее. — Когда мы приходили сюда в прошлый раз, там бил источник. Возможно, мы даже найдем спелые плоды. Кусты локвата могут много лет расти без ухода.

— Предлагаю проверить, существует ли то и другое — и немедленно.

Но теперь, когда он добрался до комнаты со ставнями, Андасу не хотелось покидать ее. Как будто за этими стенами его подстерегала опасность, от которой он бежал. Только потребности организма заставили подавить это предчувствие надвигающейся опасности.

Под комнатами командира помещались большие залы, где не осталось никаких свидетельств того, что когда-то здесь жили отряды стражи. Миновав эти помещения, они вышли на открытое пространство между казармами и внутренней стеной и из затхлого воздуха брошенного здания попали в умопомрачительное благоухание. Здесь по земле тянулись толстые стебли вьющихся растений, чрезвычайно выносливых и цепких, которые заплели все кусты и деревья, превратив их в скелеты, годные лишь в качестве опоры этой злой роскоши.

На стеблях росли огромные белые цветы; они буквально взрывались, подобные в своем росте огню из бластеров. Вся земля была покрыта толстым слоем гниющих остатков прошлых цветений. Поистине это был локват. Андас вздрогнул. Эти растения впервые предстали перед ним в диком виде.

Под гроздьями цветов виднелись и плоды — мельче тех, какие он знал, словно вся сила растения ушла в цвет. Но плоды были спелые и годились бы в пищу. Поесть они смогут, а вот пробиться сквозь эту густую чащу и найти воду?.. Андас понятия не имел, в какой стороне искать, и сомневался, что удастся обойтись без ножа, которым можно прорубить дорогу.

— Вода? Я ее найду! — Йолиос полной грудью вдыхал аромат, словно тот, слишком сильный для Андаса, на саларикийца действовал так же благотворно, как еда и питье.

— Сюда. — Он сказал это так уверенно, что Андас без вопросов пошел за ним.

Йолиос не стал рвать стебли, как сделал бы Андас. Напротив, он мягко раздвигал их, протискивался и часто оборачивался, придерживая растения, чтобы дать пройти принцу. Ему словно не нравилась сама мысль о жестоком обращении с растительностью.

Живая завеса была такой плотной, что они потеряли из виду казармы, когда наконец отыскали источник. Когда-то вода из ключа текла по трубе в бассейн, но его чашу давно разорвали корни вьюнка, и теперь вода собиралась в нескольких мелких углублениях, перетекала из одного в другое и дальше в ручей.

Вода была хороша — Андас не сознавал, до чего хороша, пока не принялся снова и снова погружать руки в одно из углублений и подносить полные воды пригоршни, с которых капало, ко рту. В старину он пил вина из лучших императорских запасов, но и они не могли сравниться с этой водой.

В саду стоял неумолкающий гул: шуршали растения под ветром, гудели насекомые, журчала вода. Но Андас слышал и восторженное бульканье — это его спутник наравне с ним наслаждался роскошью питья.

Принц проглотил две терпко-сладкие (с диких лоз скорее терпкие, чем сладкие) ягоды локвата и только тогда задумался о серьезной проблеме, которая могла возникнуть у саларикийца. Хотя саларикийцы были всеядны, их вкусы скорее были вкусами хищников. Но не это представляло главную трудность. Мог ли саларикиец благополучно усваивать местную пищу? Все, кто летал с планеты на планету, получали специальные иммуностимулирующие инъекции. Но это не значит, что инопланетяне могли безопасно употреблять чуждую пищу — для них она может оказаться смертельным ядом.

Андас, держа в руках ветку с плодами, посмотрел на Йолиоса: в полутьме тот казался тенью; саларикиец все еще погружал руки в воду.

— Может, тебе это нельзя.

— Есть только один способ проверить. А если перед тобой пища, не стоит умирать с голоду, — спокойно ответил тот. — Я понял тебя, принц.

Послышалось шуршание листвы, и Андас догадался, что саларикиец собирает плоды.

— Довольно вкусно, — немного погодя сказал он, — хотя это, конечно, не гарантирует безопасности. Во многих ловушках мы находим приятную приманку. Я предпочел бы жирную ногу ксара, но нельзя отворачиваться от того, что посылают тебе Первые Предки. Поэтому я поем.

Однако Андас за едой все время прислушивался. Не попал ли саларикиец в ловушку с приятной приманкой, как он выразился?

— Это, конечно, еда, но не слишком сытная, — заметил наконец инопланетник. — Однако нужно быть благодарным и за такую малость. То, что у нас есть еда и питье, — еще одна большая удача, и нужно отблагодарить Первых Предков, чтобы не быть у них в долгу.

Вставая, Андас почувствовал головокружение. Возможно, оно было вызвано недосыпанием и усталостью, но ему казалось, что виноват цветочный запах. Ему внезапно захотелось уйти из сада. И он сказал об этом так резко и неожиданно, что, должно быть, удивил Йолиоса, потому что тот спросил:

— Какую опасность ты здесь чувствуешь, принц?

— Цветы... запах... мне нужен свежий воздух! — Он пошатнулся и упал бы, если бы саларикиец его не поддержал. В конце концов Йолиосу пришлось чуть ли не унести Андаса из роскошной растительности в безжизненную пустоту казарм. Здесь принц вдохнул так же глубоко и радостно, как саларикиец, когда впервые почувствовал цветочный аромат.

— С тобой все в порядке? — Андас слышал Йолиоса, но не видел его. Луны не было, но масса белых цветов в саду словно бы светилась.

Он высвободился от Йолиоса, стыдясь того, что цветы, пусть даже в таком количестве, могли так его ослабить.

— Да. Мы можем отдохнуть наверху — в комнатах командира. — В месте с такой дурной славой ему хотелось быть поближе к знакомому выходу.

— Отдыхай. — Йолиос направился обратно к двери. — Для меня этот запах все равно что мясо и выпивка. Вернусь, когда насыщусь.

Андас чересчур устал, чтобы спорить. В конце концов, он ведь предупредил своего спутника. Если Йолиос, зная об

опасности, хочет еще дышать цветочным запахом в разросшемся саду, пусть.

Сам принц поднялся на второй этаж. От кровати сохранилась только пустая рама. Он мог бы принести со двора травы и ветвей, чтобы не так жестко было лежать на полу. Но хватит с него локвата. Со вздохом он вытянулся на твердой поверхности и закрыл глаза.

Тьма — только маленький красный огонек влечет его. Не зная зачем, чувствуя только, что должен, Андас пошел на огонек. Тот мгновенно стал большим, как будто принц в один шаг преодолел значительное расстояние. Это был костер, его пляшущие языки служили единственным источником освещения мрачной картины.

Костер горел не в очаге, а посреди комнаты, комната же представляла собой не обычные четыре стены и нетронутую крышу над головой: вздымающиеся и опадающие языки пламени освещали неровную дыру в стене, больше любого окна. Когда костер разгорался ярче, принц мог видеть, что и крыша сохранилась лишь частично. Очень слабая защита от густого тумана, какой на Иньянге не редкость перед наступлением зимы.

Костром занималась женщина: время от времени она подползала на четвереньках и осторожно бросала в огонь грубо нарубленные поленья, беря их из скромного запаса. На тренировках в Паве Андаса обучили этой технике выживания, хотя, судя по внешности, женщина не тренировалась, а выживала здесь.

О том, что это женщина, можно было судить только по волосам: они были заплетены во множество косичек и плотно охватывали голову; тело скрывала грубая бесформенная одежда, из которой торчали руки и ноги, худые и тонкие, как ветки, которые она подкладывала в костер. Лицо было таким худым, каким только может быть у живого человека. Если бы не глаза, ее вполне можно было бы принять за живого мертвеца из старинных легенд.

Женщина подбросила в костер дров. Огонь разгорелся, и стал виден другой участник этой сцены. Он сидел за костром, опираясь спиной о стену, лицом к Анадасу. Что-то в его позе, в том, как были вытянуты ноги под рваным покрывалом, говорило принцу, что этот человек не может ходить.

На коленях у незнакомца лежала... голосовая арфа? В тусклом свете Андас не мог разглядеть отчетливо, да и женщина то и дело оказывалась между ними. Действительно немного похоже на этот элегантный и дорогой старинный музыкальный инструмент, только с одного конца расходятся веером несколько тонких стержней. Эти стержни переплетены проводами и действительно превращаются в сверкающий на свету веер.

Но человек не играл. В одной руке он крепко сжимал огарок свечи; свеча горела неярко, и ее приходилось очень близко подносить ко второй руке, чтобы видеть, что в ней.

То, во что с таким напряжением вглядывался этот человек, было книгой — не лентой для чтения, какие использовались веками, но древней книгой со страницами, которые требовалось переворачивать вручную, с напечатанными на них словами. Андасу доводилось видеть книги. Антиквариат, на аукционах за него дорого платили. В Тройных Башнях среди сокровищ, собранных в прошлом любителями-императорами, хранились и с полдесятка книг. Но их высоко ценили и держали в закрытых футлярах.

Переплет у тома, который держал в руках человек в развалинах, был как будто бы из тонких деревянных досок, страницы толстые, словно пластиковые, но пожелтевшие и истрепанные по краям. Принц перевел удивленный взгляд с этой древней книги на лицо того, кто ее держал, и...

Он вскрикнул, или этот звук раздался только в его сознании? По крайней мере ни читатель, ни женщина-призрак, поддерживавшая костер, не вздрогнули и не оглянулись, чтобы увидеть его. Но ведь лицо человека, худое, с полузажившим шрамом на виске, — его собственное лицо!

Должно быть, приснилось, но ощущение реальности, какого Андас никогда раньше не испытывал во сне. Может, правда то, чему учили жрецы полузабытого культа Каиссе? Что человек проживает множество жизней? И некоторым позволено увидеть свои другие воплощения? Что поступки человека при жизни, дурные и хорошие, влияют на его следующую жизнь? Если так, то не смотрит ли он на самого себя в далеком прошлом?

Он видел, как шевелятся губы другого Андаса, но не слышал ни звука. Читатель, должно быть, что-то сказал женщине,

потому что она отошла от костра, склонилась к раненому, взяла в руку горящий конус и поднесла ближе к странице, а человек положил освободившуюся правую руку на струны арфы.

Пальцы его задвигались, нажали... раз, два, три... Андас попрежнему не слышал ни звука. Скорее ощутил дрожь воздуха. И закричал, когда эта дрожь сомкнулась вокруг него, точно сеть, и потащила к огню, несмотря на его сопротивление.

Пальцы снова шевельнулись, сеть стянулась плотнее. Теперь Андас услышал и звуки, очень слабые и далекие. Но они отдавались в его голове, и это была мука, от которой не было избавленья. Читатель поднял голову от книги и посмотрел прямо на Андаса. Принц увидел, как округлились глаза на этом худом измученном лице. Очевидно, его увидели.

Женщина вздрогнула и выронила свечу. И Андас услышал новый звук — тонкий отчаянный крик.

Но он уже освободился от сети, сплетенной арфой. И яростно отпрянул в поисках темноты за пределами этого освещенного костром пространства, подальше от человека с его лицом.

Он открыл глаза. На мгновение ему стало страшно: вдруг он опять увидит костер и поймет, что он пленник человека с арфой? Но острый запах пыли и тишина подсказали ему, что он в безопасности (если, конечно, его нынешнее положение можно было назвать безопасным) в квартире командира стражи.

Был ли это сон? Андас попытался сравнить его с другими своими снами. Но большинство его сновидений были мимолетны, и, проснувшись, он не мог вспомнить подробностей. Этот сон был совсем другим: вопреки рассудку инстинкт и чувства говорили, что где-то или когда-то картина, которую он видел, была реальна. Возможно, усталость, голод, жажда и цветочный аромат открыли неведомую часть его памяти и он увидел собственное далекое прошлое. Но в таком случае...

Андас сел и глубоко вздохнул — вначале с удивлением, потом с облегчением. Если он действительно видел это, если может, как учили жрецы Каиссе, помнить свою прошлую жизнь, это доказывает, что не андроид!

В ходе какого-то эксперимента его могли наделить памятью человека, которого он должен был напоминать. Но он не видел, как можно при этом передать и скрытое в подсознании

знание событий прошлой жизни человека. Если бы он верил в культ Каиссе, то отринул бы сомнения. А так ему оставалось только надеяться.

Присутствие во сне книги — несомненное свидетельство того, что это происходило в глубокой древности. Книги — сокровища. Ими никогда не пользуются так, как тот незнакомец. И арфа — отчасти она похожа на ту, на которой учили играть его самого, это одна из привилегий его статуса, — но сама арфа все же иная. Прошлое... он видел прошлое...

Может, это потому, что у него ключ? Он слышал о нем много легенд, хотя большинство представителей королевского рода не верит в эти старинные легенды. Но этот талисман окружала аура силы, его почитали поколение за поколением, а многолетнее поклонение отпечатывается на таких предметах, они хранят тень сил, которые представляют.

Андас провел рукой по груди в поисках ключа. Но наткнулся на другую вещь — на кольцо. И отдернул пальцы, словно их лизнуло пламя костра, который он видел во сне. Да, это предмет силы — силы, о которой он забыл, иначе не держал бы кольцо у себя так долго. Его нужно уничтожить, хотя сейчас это невозможно. Если спрятать его где-нибудь здесь, в развалинах, оно по-прежнему будет привлекать того, на кого настроено. Люди могут сомневаться в силе ключа, если используют его не по назначению. Но существует чересчур много доказательств силы такого кольца. Его долг — уничтожить кольцо. К счастью, доставив ключ в нужное место, он сможет заняться и этим.

Андас снова лег на камни, но спать ему расхотелось. Он начал одну за другой припоминать подробности сна, и они, вместо того чтобы расплываться, как обычное сновидение, становились все более отчетливыми; он сумел вспомнить то, на что вначале не обратил внимания, например, повязку на груди незнакомца, которая показалась, когда от движения его руки слегка распахнулась одежда. На повязке темнело пятно засохшей крови.

Итак, не только голод и холод вызвали темные круги под глазами незнакомца. Теперь, когда у Андаса появилась возможность сосредоточиться, он понял, что этот человек был серьезно ранен.

Что за развалины так плохо укрывали тех двоих, он не знал.

Определенно не знакомые ему Тройные Башни. Он видел съемки военных сцен, и сон напомнил ему лагерь беженцев. Только война приводит людей к таким бедствиям.

Иньянга знала множество войн, этого он отрицать не мог, хотя чаще всего в них участвовали претенденты на трон и их сторонники; такая война очень редко охватывала всю страну. Один из законов, принятых Акмеду, гласил, что при спорах, которые должны разрешаться кровью, спорщики обязаны удалиться в Красную пустыню. И действовал этот закон отлично. Однако последнюю войну таким образом вели несколько десятилетий назад. Он сам из Пава отправился в Красную пустыню — и там не было ничего похожего на сцену, свидетелем чему он стал.

— Принц!

Оторвавшись от своих размышлений, Андас поднялся. Тело затекло на жестком ложе, и он негромко вскрикнул от боли в мышцах.

— Да? — Ему не нужно было спрашивать, кто идет. Вошедшего сопровождал такой сильный запах цветов локвата, что саларикиец, должно быть, катался на одеяле из лунно-белых лепестков.

11

— Здесь вершится рок!

Для Андаса эти слова не имели смысла, но он распознал в голосе саларикийца сильное чувство. Йолиос ворчал, как всякий раз, когда испытывал гнев.

Несмотря на то, что они закрыли окна ставнями, Андас различал во мраке темную фигуру. Он включил фонарик и направил луч на саларикийца. Тот смотрел в окно, выходившее на смертельно опасное Место, Откуда Нет Возврата.

При свете фонарика принц увидел, что шерсть на руках и спине Йолиоса стоит дыбом. Волосы не прилегали к голове, как обычно, а торчали, уши были прижаты. Саларикиец повернул голову и через плечо посмотрел на Андаса.

— Тут разит роком! — снова проворчал он.

— Роком?

— Да, роком, тем, что выпадает во время Скрытой луны на

долю тех, кто увлекается барабанным разговором и работой клыков. — Его слова по-прежнему казались бессмыслицей. — Можешь называть его как хочешь, но здесь бьет барабан смерти, здесь оружие крадет жизнь людей, здесь невидимые отбирают дыхание. — Он повернулся и посмотрел прямо в лицо Андасу, оскалив клыки; глаза его сверкали так, как не могут блестеть у человека. — Что ты здесь делал, принц?

Вопреки своему желанию, словно подозрения спутника заставляли его говорить, Андас ответил:

— Ничего. Я видел сон.

— Видел сон? Какое же это «ничего»! Сны бывают истинные и ложные. Одни посылаются нам в предупреждение, другие — как заклинание. Ты сказал, что это дурное место и его избегают. А теперь ты видел сон. И в этих стенах пахнет роком. А ты говоришь — ничего!

Чем больше говорил саларикиец, тем отчетливее Андас видел, что чужак сильно встревожен и что их хорошие отношения под угрозой. Его собственная тревога тоже росла. Он не выбирал Йолиоса своим спутником в этом необыкновенном приключении. Так вышло случайно. Однако теперь он понял, что не хотел бы терять то общее, что связало его с этим воином другой расы, с другой планеты.

— Но я не виноват, — сказал он, надеясь, что говорит достаточно убедительно. — Я лег спать, и мне приснился сон...

— Какой? — Йолиос отчасти расслабился. Очевидно, поверил Андасу.

Принц рассказал, но не мог понять, разобрался ли саларикиец в услышанном. Он долго ждал, пока Йолиос не заговорил.

— У этого человека было твое лицо?

— Но со шрамом, — сознался Андас.

— А то место ты не знаешь?

— Было слишком темно, чтобы все разглядеть, но я уверен, что никогда его не видел.

— А женщину?

— Клянусь, насколько мне известно, и ее я никогда не видел, хотя она моей расы. Может, из кочевников пустыни.

Поведение Йолиоса чуть заметно изменилось, и Андас внутренне успокоился, уверившись, что больше не вызывает подозрений. И решился в свою очередь задать вопрос.

— А что это за рок, о котором ты говорил?

— У каждой расы свои верования в неощутимые силы — в «магию». И есть свои адепты. Я видел барабанщика смерти... — Йолиос замолчал, как будто эти воспоминания ему не хотелось воскрешать. — Как и другие ощущения, это тоже было связано с запахом. У моего племени обоняние может заменить другие чувства. А это был отвратительный запах. Когда я вошел, он был совсем свежий и сильный. Думаю, твой сон не простой, а вещий. Кто-то хочет что-то тебе передать. Еще ты сказал, что сеть тянула тебя к тому, кто ее сплел. То, что коснулось тебя... — Йолиос нахмурился. — Нет, здесь и сейчас я не назову этого имени. Произнося это имя, можно разбудить неведомые силы, когда меньше всего этого ждешь. — Андас видел, как широко раздулись ноздри чужака, словно тот проверял затхлый, пыльный воздух комнаты.

— Теперь он развеялся. Копье, нацеленное в тебя, пролетело мимо. Но я не стал бы надолго задерживаться здесь.

— Единственный выход отсюда — дверь в той стене. Насколько мне известно, других нет. — Слова Йолиоса его почти убедили, однако покидать безопасность, пусть ограниченную, потайных ходов ему не хотелось.

— Тогда позволь мне принять меры предосторожности, известные моему народу. Я установлю защиту! — Это была не просьба, а требование.

И, не успел Андас возразить, как Йолиос повернулся, когтями подцепил закрытые ими с Андасом ставни и распахнул их. Принц хотел остановить его:

— Нет! Нас могут увидеть!

— Кто? Ты сам сказал, что этого места все сторонятся. У нас не горит свет — не будет, если ты выключишь фонарик; пусть даже стражники решат пролететь над нами, они ничего не заметят. Говорю тебе, эту комнату обязательно надо защитить, или мы в ней не останемся!

Он говорил с такой убежденностью, что Андас покорился. Но помогать не стал. Наконец все окна были не только освобождены от ставней, но и открыты в ночь. Тогда при лунном свете саларикиец вернулся к двери, где оставил большую груду веток, цветов и листьев. Он словно оборвал весь сад.

Наклонившись, он выбрал несколько цветов, все еще белых как воск, хотя на нежных лепестках уже появились тем-

ные пятна. Эти цветы он принялся в определенном порядке раскладывать на подоконниках. А когда закончил, поднял руки к лунному свету, сгибая и разгибая пальцы, будто собирал лунное сияние.

Потом повернул руки ладонями вниз, растопырил пальцы и заговорил на мурлычащем языке своего племени, словно произнося ритуальную формулу. Это он проделал у каждого окна. Затем отступил, так что лицо его скрылось в тени. А когда заговорил, в голосе не было тревоги.

— Это могущественное заклинание моего народа. Если у тебя есть свое, можешь добавить...

Андас покачал головой, но тут же сообразил, что саларикиец его не видит.

— Мы не верим в заклинания. — Но свой отказ он смягчил умиротворяющим тоном. У каждого вида свои средства. А что говорил Йолиос о талисмане? У него есть ключ — хотя он всего лишь символ.

Мысль о ключе напомнила о кольце. А что, если оно — средоточие зла? Может, попробовать избавиться от него, пусть на время? Но он решил уничтожить кольцо, а если спрячет его сейчас, то не уверен, что сможет снова отыскать.

Йолиос разложил листья на полу. Готовит постель, подумал Андас. Снова сильно запахло цветами, закружилась голова. Его клонило ко сну, снова захотелось спать. Все та же усталость, которая заставила его лечь прямо на пол, навалилась на принца. Нельзя спать! Может вернуться сновидение, притянуть его...

Он словно раздвоился. Один Андас смотрел, как другой готов сдаться, свернуться рядом с Йолиосом на ароматном ложе из цветов и листьев. Он пытался сопротивляться и проиграл.

Лунный свет белыми полосами падал из окон на пол. В этом свете была видна фигура Йолиоса — саларикиец лежал свернувшись, положив голову на руку. Дышит он ровно и спокойно. Луна яркая, словно осколок льда. Очень холодно...

Андас постоял в лунном свете. Подошел к окну и выглянул наружу и вниз. Он больше не боялся, напротив, в нем нарастало возбуждение, напряжение, какое ощущают перед битвой или испытанием.

Подоконник по-прежнему украшал рисунок из цветов, старательно выложенный Йолиосом. Андас беззвучно рас-

смеялся. Неужели мохнатый варвар верит, что эта глупость отпугнет то, что подстерегает их здесь? Он рукой смахнул цветы. Потом, опираясь обеими руками на подоконник, посмотрел вниз.

Двор был усыпан обломками разрушенной стены. Камни покрывали его не целиком; они даже не касались самой важной его части. Но время еще не пришло, его разбудило лишь предостережение.

Он смотрел и ждал без страха или удивления; только все труднее становилось сдерживать волнение. Трудно было стоять неподвижно, молча, не бежать вниз с криком, очень трудно... но время еще не пришло.

И вот началось (не видимое глазом, но ощутимое глубоко внутри), биение, подобное биению сердца, только оно начиналось медленно и лениво и становилось все более быстрым и сильным. Андас слышал свое дыхание — оно тоже делалось все более тяжелым и частым, как после бега. Но время еще не пришло.

Андас стоял и ждал. И вдруг, в какой-то миг, дух его узнал сигнал, который не видят глаза и не слышат уши. Принц отошел от окна, миновал постель из цветов и листьев и зашагал по коридорам, залам и лестницам так, словно те не тонули во тьме, а были ярко освещены и путь ему хорошо известен.

Так он подошел к двери, которая была не просто заперта, а заварена, срослась со стеной — тут не пройдешь. Но должен же существовать путь! Как запрограммированный робот, он повернул обратно и шел той же дорогой, что сюда, пока вновь не оказался у окна, выходящего во двор, на то место, где он вскоре должен был стоять.

Он быстро развернулся и бросился к растительности, из которой они соорудили себе ложе. Йолиос по-прежнему спал на ней. Андас ухватился за лозу и дернул, не думая о спящем. Важно было одно — спуститься вниз. Но лоза оказалась коротка! Из окна он выберется, но до земли еще далеко...

Он слышал крик саларикийца, которого, должно быть, разбудил, но не обратил на них внимания. Набросив свернутую лозу на шею, он повернулся и уверенно, бесстрашно побежал в темноту, в другую комнату с окном.

Это окно было закрыто, лунный свет, пробивавшийся сквозь него, казался тусклым и пыльным. Андас осмотрелся.

На полу груда мусора, как будто когда-то сюда сволокли всю мебель из казарм и оставили гнить. Он порылся в груде и нашел проржавевший металлический стержень. Но центральная часть стержня была как будто бы прочной, и Андас разбил им стекло.

Металлический прут оказался шире окна. Послужит якорем! Принц привязал к нему лозу, закрепил прут в окне и выбрался, держась за конец стебля. Он услышал из комнаты крик, но не стал ждать.

Спуск был больше похож на падение, но лоза не позволила Андасу удариться о мостовую. Впрочем, ему было все равно. Он должен добраться до нужного места — пора!

Андас побежал. Он смутно услышал позади удар: кто-то еще спрыгнул из окна. Шаг, другой — и чья-то рука ухватила его за плечо, когти больно впились в плоть. Андас не пытался вырваться. На это не было времени. Добраться до места — только это сейчас имело значение!

Но здесь не было ни мостовой, ни яркой луны, ни обрушенных стен. Это время перехода он никогда впоследствии не мог описать — память отшатывалась от этого воспоминания. Потом он ощутил, что падает. С силой ударился о что-то твердое, задохнувшись от удара. А сзади его что-то сильно толкнуло.

Первое время Андас был занят только одним — старался вновь обрести способность дышать. А как только вернул, осмотрелся. Никакой луны. Все окутывал плащом густой туман, оседавший на коже холодными каплями.

— Глупец!

Рядом кто-то пошевелился. Андас ощутил прикосновение мягкого меха, смахнул влагу с кожи. Но в голосе, который он услышал, звучал гнев.

— Йолиос?

— Да, то, что от него осталось. В какой ад барабанщика смерти ты нас утащил?

У Андаса не было времени отвечать. То, что принудило его выбраться во двор, вернулось. Как будто перемещение сюда разорвало какие-то узы, а теперь они снова прочно держат его. Он встал, не глядя на саларикийца. Но, делая первый шаг, сказал:

— Сюда.

Неважно, идет ли за ним Йолиос. Важно одно — он, Андас Кастор, должен добраться туда, куда идет. И нужно спешить. Отчаянно спешить. Путь пролегал между камней, многие из них были выше его головы. Туман не исчезал, он превратился в дождь. Андас не знал, сколько прошел и долго ли идет. Перемещение, которое произошло в том, другом месте, как будто исказило его ощущение времени. Но вот он увидел впереди огонек.

Ожило воспоминание. Когда-то он уже видел этот красно-желтый огонек в темноте. Уже проделывал все это.

Костер — среди развалин. Камни, среди которых он с таким трудом пробирался, — вовсе не камни, а остатки зданий или здания. А вот и люди из его сна: худая женщина, которая поддерживала огонь в костре, и мужчина, игравший на необычной арфе. Он снова попал в этот сон! Но на этот раз — сон еще более реальный.

На сей раз женщина не подбрасывала дрова в костер. Она склонилась к полусидящему-полулежащему мужчине, просунув худую руку ему под плечи, как будто он нуждался в дополнительной поддержке. А мужчина держал не древнюю книгу, а арфу; руки его двигались, хотя Андас не слышал ни звука, только чувствовал дрожь, которая охватила его и не отпускала.

На сей раз он не плыл без всяких усилий к костру — шел своими ногами. А когда остановился по другую сторону костра, на лице арфиста отражались возбуждение и экстаз. Он заговорил, и Андас слышал и понимал его речь.

— Записи были правы. Удачно вышло...

Женщина перебила.

— Вышло — да, но удачно ли? Ах, любезный господин, только время может ответить на это!

— У меня очень мало времени — об этом ты подумала? — нетерпеливо спросил тот, отрывая руки от арфы и прижимая их к окровавленной повязке на груди, как будто держал что-то драгоценное, подвергающееся опасности. — Время придет, Шара. Я не завершил всех своих дел, и у меня нет времени их завершить!

Едва он заговорил, как принуждающая сила, владевшая принцем, исчезла. Андас был свободен. Но когда он повернул голову, чтобы высмотреть путь к отступлению, движения его были по-прежнему медленными.

— Да, ты здесь! И ты Андас — молодой Андас. Шара, по кажи мне его яснее!

Женщина покинула свое место, подошла, взяла ветку и сунула в костер. Когда ветка вспыхнула, она подняла ее и поднесла так близко к Андасу, что тот отдернул голову от жара.

— Сильный, молодой — настоящий Андас, как и предсказывали записи. — Незнакомец с лицом Андаса говорил так, словно пел победную песнь. — Андас за Андаса. Я умираю — ты живешь и выполняешь все обещания...

— Кто ты? И что за место — где это?

— Андас! — Но женщина смотрела не на него, а на человека на земле. Она взмахнула веткой, заставляя ее разгореться еще сильней, и выставила перед собой, как копье или меч.

Послышался стук камня о камень.

— Принц! Крикни, чтобы я мог тебя найти! — послышался из дождя и тьмы голос Йолиоса.

Принц отозвался:

— Я здесь! Иди на огонь костра...

— Этот огонь может убить! — крикнула женщина и угрожающе взмахнула веткой. Андас отскочил. Но арфист явно мучительным усилием схватил край бесформенного платья женщины и вложил все свои убывающие силы в рывок, так что она пошатнулась и едва не упала.

— Он не один! — крикнула она. — Это ловушка!

— Нет, — ответил арфист. Он говорил негромко — так успокаивают ребенка. — Мы привели его сюда. Но в миг, когда открылись врата, кто-то последовал за ним — по своей воле. Он знает его, говорит с ним как с другом. Не суди так поспешно, Шара.

Ветка догорела почти до руки. Женщина бросила ее в костер, но новую не взяла. На лице ее тоже появилось пустое, отсутствующее выражение. Больше не проронив ни слова, она опустилась на прежнее место и положила руки на плечи мужчины, словно ей этот контакт был нужен не меньше, чем ему — поддержка.

Она не смотрела на Андаса, но наклонила голову, не отрывая взгляда от лица мужчины, рядом с которым сидела. И даже не взглянула на появившегося из тени Йолиоса.

Но когда арфист увидел саларикийца, на его лице со шрамом отобразилось удивление. Он испытующе разглядывал чу-

жака, словно пытался прочесть его мысли и понять, друг перед ними или враг.

— Ты не один из нас. — Он говорил не на основном, и Андас был уверен, что Йолиос его не понял.

— Он не говорит на нашем языке, — быстро вмешался принц. — Да, он инопланетник, саларикиец, его зовут лорд Йолиос.

— Саларикиец. — Человек как будто попробовал это слово на вкус и ощутил что-то необычное, выходящее за пределы его опыта. — Инопланетник! — В его взгляде снова сверкнуло торжество. — В твоем мире, брат, люди летают к звездам?

— В моем мире? А это что за мир — если это не сон?

Мужчина вздохнул, руки его соскользнули с повязки на груди: у него словно не осталось сил так их держать.

— Это Иньянга, часть Динганской империи, которая была... была... была... — Он трижды повторил этот глагол, словно прозвонил колокол, возвещающий о смерти близкого человека. — Но это не твой мир, лишь в некоторых своих частях он двойник гораздо более счастливой жизни. Я во всем этом не разбираюсь, брат. Нужен куда более ученый человек, чтобы объяснить. Я знаю только, что наши миры-близнецы лежат рядом и в некоторых местах — или по меньшей мере в одном — соприкасаются. Разве у вас нет преданий о мужчинах... да и о женщинах тоже, — добавил он, видя, что женщина поднесла руку к губам, — которые неожиданно исчезли и больше не вернулись?

— Есть.

— Они приходили сюда — некоторые из них. Так Киога Атаби впервые придумал это. — Он поднял руку, но скорее уронил ее, чем показал на арфу. — Перед самым восстанием я... я недолго учился. Поэтому знал... или считал, что знаю, как намеренно открыть врата и привлечь человека, который нужен мне... нужен моему народу...

— Меня? — Андас быстро терял уверенность в реальности происходящего. Еще один яркий сон? Он не может стоять здесь под дождем, в развалинах, и слушать, как человек с его лицом говорит такие вещи.

— Тебя, потому что ты Андас Кастор. Так же, как в этом мире Андас Кастор — я. Но я умираю, а ты цел и невредим. Тебе продолжать битву, из которой я выхожу... по праву ко-

ролевской крови ты должен подхватить мой щит, хотя меня теперь никто не отнесет к могилам Тысячи Копий и никто не будет бить в Говорящий Барабан Аттикара, когда я уйду. Но идет жестокая война, и моему народу нужен вождь. Поэтому я вызвал того, кто будет верен без... без... — Он говорил все медленнее, потом умолк, сглотнул раз, другой, закашлялся, и из угла его рта потекла темная струйка.

Женщина вскрикнула и хотела броситься к нему на помощь. Но он знаком велел ей вернуться на место и с трудом продолжал:

— Оставляю тебе плащ из меха Уганы, меч Льва и корону великой королевы Балкис-Кэндас...

Эти слова давным-давно утратили всякий смысл, сохраняясь лишь как обряд, столь древний и священный, что Андас, не задумываясь, откликнулся на них. Неважно, что никто больше не знал, что такое «лев» или кто такая великая королева Балкис-Кэндас. Главное, что этот смертельно раненный человек пробудил нечто столь священное, столь неотъемлемую часть воспитания Андаса, что принц опустился на колени и простер вперед руки. Он знал, что однажды ему придется проделать это, но думал, что преклонит колени пред алтарем Акмеду и говорить ему эти слова будет высокий властный человек в великолепном одеянии — император, старик, признающий его своим законным наследником.

Арфист поднял дрожащие руки. И не положил, а скорее уронил их на ладони Андасу. Попытался сжать его пальцы, но не хватило сил. Только силой воли ему удавалось не прерывать прикосновение.

— По обряду короны, копья, щита, льва...

— Шипа, — подхватил Андас затихающие слова. — По праву воды, освежающей пустыню, облаков, закрывающих горы, по воле Того, кого не смеют назвать меньшие существа, кровью моего сердца, силой моих рук, волей духа, мыслями моими — принимаю эту ношу и распрямляюсь под ней.

Он уверенно говорил, а арфист смотрел на него лихорадочным требовательным взглядом. Губы его шевелились — он повторял слова великой клятвы, и видно было, что он собрал все силы, чтобы дослушать Андаса до конца.

— Распрямляюсь под ней, дабы служить тем, кто ждет от меня хлеба, воды и самой жизни. И пусть эту ношу я буду не-

сти до конца, назначенного мне звездами, когда я пойду по дороге, которую не видел ни один человек. Клянусь в этом ключом, на который возлагаю руку. — Он отпустил бессильные руки арфиста и порылся в нагрудном кармане комбинезона. Вытащил талисман, и костер словно разгорелся ярче, оживил то, что он держал в руке.

Арфист посмотрел на ключ, и лицо его исказила болезненная улыбка.

— О, как славно мы потрудились, Андас Кастор, который был, и Андас Кастор, который будет! Император и повелитель, держи крепко этот ключ... ключ...

Он вновь поискал слова, но сил ему уже не хватило. Глаза его закрылись, и он упал вперед, на арфу. Последним усилием дернул струны, и инструмент издал дикий негармоничный звук.

12

Шара поднесла кулаки ко рту, словно подавляя крик. Первым заговорил саларикиец:

— Он мертв. Но о чем он просил тебя?

Андас, по-прежнему склоненный, смотрел на неподвижное тело. И рассеянно ответил на основном:

— Он взял с меня императорскую клятву. Передал мне власть и корону. Хотя имел ли он право на это... — Он взглянул на руины. Не место для того, кто вправе принимать такую клятву: это делается только в атмосфере богатства и роскошных церемоний.

Шара повернула тело. Стало видно лицо арфиста. Дух и воля покинули тело, и теперь лицо мертвеца было маской терпения и отчаяния.

— Кем он был? — спросил Андас.

— Императором и повелителем. — Она не смотрела на него, но продолжала укладывать тело ровно.

— Повелителем? Чьим? Судя по его виду...

— Он продолжал сражаться, когда более слабые бросили оружие и ждали смерти. Он верил и трудился во имя этой веры! — Она оживилась, глядя на костер, как будто сама ощутила ту энергию, что заставляла умирающего не бросать свой

тяжкий труд. — Он был единственной надеждой империи. И когда понял, что смертельно ранен, сумел отогнать смерть, чтобы успеть призвать того, кто его заменит...

— Заменит? Но как я могу заменить его, женщина, если ничего не знаю?

Шара, хоть и казалась беднейшей кочевницей, говорила на правильном придворном языке. К тому же Андас начинал думать, что она гораздо моложе, чем кажется на первый взгляд. Кем она приходилась мертвецу? Женой, любовницей? По крайней мере, она должна помочь Андасу разобраться в происходящем.

Женщина сняла с плеч кусок грубой ткани, наброшенной, как шаль, и укрыла ею тело, закрыв лицо, — слепок с лица самого Андаса.

— Ты прав. Есть время оплакивать и бить в барабаны и время, когда об этом нужно забыть. Когда мы пришли сюда, он знал, что ему осталось жить несколько часов, и поручил мне остаться в живых и стать проводником для того, кто придет.

Этот мир — двойник твоего. Не знаю, почему это так. Но из твоего мира к нам действительно время от времени приходили люди. Казалось, им это удалось случайно и вернуться они не могут. Маг Атаби пытался раскрыть эту тайну. Он провел множество экспериментов. Последним стало это... — Она показала на арфу с порванными струнами. — Он считал, что определенные звуки могут открывать врата между мирами. Глубоким стариком явился он ко двору и умолял императора позволить испытать это изобретение.

Именно тогда Андас впервые увидел этого человека. Его воспитатель был учеником мага, он взял Андаса с собой на встречу. И старик, опасаясь, что властители не прислушаются к его словам (так и случилось), потратил много времени и сил, объясняя Андасу, что хотел сделать.

Но тень уже протянулась к нам. Его никто не стал слушать... кроме юного принца.

Она замолчала и больше не смотрела на укрытое тело Андаса, а бросила взгляд на развалины, словно что-то увидела в них. Андас мягко заговорил с ней, как с равной по положению.

— Ты говоришь о тени, госпожа?

— Да. И у этой тени есть имя... грязное имя... такое, кото-

рое нужно выплевывать! Кидайя... Кидайя Сребroязыкая! — Ее худое лицо омрачилось. — Кидайя из рода Нарадов.

Андас вздрогнул, и она, должно быть, заметила это.

— Значит, ты о ней слышал? В твоем мире она тоже проклята?

— О Кидайе я ничего не слышал. Но о роде Нарадов, о безымянном племени Старухи — да. Но как могла представительница этого проклятого рода проникнуть в ваш двор?

— Хороший вопрос. Задай его тем, кто поет песнь Костей. После восстания Ашанти был принят закон, согласно которому ни один представитель рода Безымянных не имеет права приближаться к императору ближе чем на день пути. Но Кидайя легла в его постель, ела с его свадебного блюда, хоть и не носила короны. Даже околдованного можно удержать от преступления! Император ввел ее в Цветочные Дворы, но не посмел оказать ей Первые Почести. Тогда Кидайя заставила его заплатить за это, и вся империя превратилась в то, что ты видишь, — в развалины, где царит запустение.

Своей хитростью и коварством Кидайя настраивала род против рода, и мятежи вспыхивали один за другим. Она наложила заклятие на память императора, и он стал ненавидеть тех, кто служил ему вернее всех. Кланы гибли, их главы и целые семейства были убиты. Даже жизнь Андаса удалось спасти только хитростью... — Она положила руку на укрытое тело.

Когда принц достиг возраста принятия щита, он оказался единственным прямым наследником. Об этом позаботилась Кидайя, сплетая свои паучьи сети. Император был слишком стар, слишком околдован ею, чтобы прислушаться к тем, кто еще мог спасти его и империю. А она — она не старела! Колдовство Старухи поддерживало ее. Шли годы, а Кидайя становилась все прекраснее и злее.

Но у нее не было сына — законного. Рассказывают, будто она тайно родила дочь, посвятив ее Старухе, и решила, что ее дочь будет хранить ключ...

Услышав эти слова, Андас крепче сжал талисман. Нельзя было сказать, что женщина не может властвовать, если имеет на это право. В прошлом императрицы дважды касались того, что он сейчас держит. Но чтобы та, кто владеет запретными знаниями, решилась на такое...

— Когда она сочла, что достаточно сильна, чтобы действовать, она настроила императора так, что он отвернулся от Андаса. Был раскрыт глупый заговор, столь бессмысленный, что все понимали — это фальшивка, но он давал императору предлог объявить Второе Наказание...

Она опять замолчала, а Андас шумно перевел дух. В его мире Второе Наказание существовало лишь в темных анналах далекой истории, хотя по закону ему по-прежнему можно было подвергнуть любого мятежного представителя королевского рода. Но уже сотни лет оно не применялось. В какое варварское состояние погрузился этот мир-двойник, если возродилось такое?

— Но глаза... — возразил он. Лицо мертвеца было закрыто, однако Андас был уверен, что не ошибается. Глаза были как глаза... его не ослепили.

— У Андаса сохранились друзья, готовые рискнуть жизнью ради того, чтобы подлинная линия не пресеклась и чтобы эта ведьма не села на Тройной Трон, — сказала Шара. — Но принцу пришлось вести игру, на которую мало кто способен: он постоянно носил маску Второго Наказания, и никто не знал, что он не потерял зрение. А у слепого принца нет права на трон. И Кидайя презрительно позволила ему заползти в нору, скрыть свой позор и бесчестье. Принц уцелел и одержал небольшую победу, ведь она не наслала на слепца те злые муки, какие известны последователям Старухи, обращающие людей друг против друга. Принц превратился в ничто, в пылинку, которую она смела в сторону и о которой забыла.

— Но он не ослеп, — медленно произнес Андас. Слепой принц, или калека, или слабоумный не может стать императором — в мрачном прошлом это был легкий и распространенный способ избавиться от соперника. Но играть роль слепого и тут спасти свою жизнь — на это требуется такое терпение, что Андас поразился самой мысли об этом.

— Да, он не ослеп. И он был молод, очень молод, но обладал умом и пониманием зрелого человека. Он замечательно сыграл свою роль. Сначала она держала его при дворе как предостережение и угрозу остальным. И, думаю, как символ своего торжества, которым она наслаждалась. Но обнаружив, что жалость к несчастным никогда не умирает, она отправила принца в крепость Кам. И допустила ошибку.

— Горцы никогда не любили последователей Старухи, — заметил Андас. И хотя он не знал, так ли обстояло дело в этом мире, Шара кивнула.

— И у вас так же, как у нас? Да, верно. У них был призывающий духов, наделенный необыкновенной силой, сторонник мира, хорошо разбирающийся в жизни и людях. На его счету несколько чудесных исцелений — публичных. А командиром крепости был человек из рода Ханганг...

— И он выступил против Безымянных... — снова вмешался Андас. Он словно просматривал полузабытую историческую ленту.

— Именно. А вызывающий духов провел еще одно чудесное исцеление — в тот день, когда из Тройных Башен пришла весть о кончине императора.

— И началась гражданская война? А много ли ваших лордов поддержало Кидайю?

— Она хорошо подготовилась. Больше трех четвертей ближнего круга императора были ее людьми. Ей стоило только сжать кулак, и она раздавила бы их, они это знали. Да, у нее была поддержка, и вспыхнула война. Но все решилось бы между нами, если бы она не призвала наемников со звезд. Их оружие прогнало верных лордов в горы, как зверей. И с тех пор дело приняло дурной оборот. — Шара подняла руку и снова уронила ее. — Наемники удерживают среднюю часть государства. Но у них нет поддержки извне — два года назад наши диверсанты уничтожили их центр связи в Трех Портах. А большую часть вооружения им уже пришлось бросить из-за отсутствия боеприпасов и запасных частей.

К тому же пришла удушающая смерть, и они пострадали от нее больше, чем мы. Говорят даже, что удушающая смерть — это их оружие, которое они неверно применили, и после того, как они захватили Зохейр, эпидемия распространилась оттуда. Но Кидайя выпустила и другое зло — ночных бродяг...

Андас содрогнулся.

— Но это легенда. Ею пугают детей. Разумные люди...

— Разумные люди не поверили — и погибли. То, что в дни безопасности мы гордо считаем суеверием, в темные времена, когда человек прячется от смерти, может обернуться правдой. Здесь ночные бродяги вполне реальны. К тому же... произошло предательство и в наших рядах! — Голос ее, ровный и спо-

койный, внезапно дрогнул. — Так сразили моего любимого повелителя. Он знал, что его рана смертельна, хотя, сколько мог, обеими руками цеплялся за жизнь, чтобы призвать на помощь того, в кого поверят его люди. Месяцами искал он тайник мага Атаби, надеясь найти там оружие, которое можно будет обратить против ослабевших захватчиков. А когда нашел, тайный враг нанес ему удар. Думаю, этот неизвестный хотел использовать то, что нашел мой повелитель, чтобы договориться с Кидайей.

Но повелитель отразил нападение, потеряв при этом все, кроме меня. И позволил мне только перевязать его раны и помочь добраться сюда... с тем, что он нашел в тайнике... ведь маг оставил послание, и мой повелитель считал, что с помощью этой необычной арфы можно призвать из другого мира того, кем в этом мире был он. И ему это удалось! Он передал в твои руки власть и обязанность...

— Но, госпожа, это не... я не могу... — Андас впервые понял, что натворил, когда, зачарованный древним ритуалом, дал клятву умирающему. Это не его война. Он не мог возложить на себя это бремя, ничего не зная и не понимая. Первый же встречный поймет, что он самозванец.

— Ты Андас, император. — Она строго посмотрела на него. — Я была свидетельницей, как и этот чужак... которого ты так неразумно привел с собой... что ты стал императором. И если я в этом поклянусь, кто не поверит мне? У тебя его лицо.

— У него был шрам. Это отличие, — сразу ответил Андас.

— Шрам был получен за несколько дней до гибельного нападения, в котором он был ранен, — сказала Шара. — Из уцелевших только я знаю о нем.

— И кто же ты, если твой голос может создать или уничтожить императора? — спросил Андас.

Он не видел в ней ничего такого, что подкрепило бы ее слова, ее уверенность, будто она обладает той же властью, какой в ее рассказе обладала Кидайя. Худая женщина с заплетенными и собранными в узел, как у кочевницы, волосами, в изорванной одежде.

— Я Шара, избранная императора Андаса. — Она подняла голову и гордо выпрямилась, словно и впрямь стояла перед ним в золотых туфлях и драгоценной короне на пыльной го-

лове. — Я из рода Брава-Балкис. Тебе это что-нибудь говорит, отпрыск рода Касторов?

Да, Касторы — королевский род. Но есть и более древние роды, имеющие право предлагать правителя Трех Башен, и один из них — сказочный, легендарный род Балкис. Последнюю дочь рода Балкис избрали, чтобы объединить его с родом Брава. Но в его мире этот род давно пришел в упадок и исчез. Здесь он сохранился, и Андас узнал речь благородного человека. Никто не станет заявлять о таком своем родстве, если это неправда.

Он поднял руки в церемониальном приветствии — защищая глаза от яркого, как солнце, императора.

— Приветствую тебя, благородная кровь.

— Это было давно и не здесь. — Из ее голоса исчезла высокомерная гордость. — Но я теперь здесь, и я избранная. Думаешь, моему слову о тебе не поверят? Ты Андас, император. А тот, кто лежит здесь, должен покоиться втайне, и почести ему мы можем возносить только в наших сердцах, даже не зная, где он похоронен.

Он не поспевал за ее мыслью. Андас встал и впервые за долгое время вспомнил о саларикийце. Он обернулся в поисках Йолиоса и увидел его едва различимый силуэт на некотором удалении. Саларикиец смотрел в дождь и ночь, он словно стоял на страже. Андас подошел к нему.

— Теперь ты представляешь, что происходит, — приветствовал Йолиос его скорее утверждением, чем вопросом.

Андас повторил рассказ Шары.

— И он передал тебе правление. А она говорит, что теперь ты император и должен скрыть его смерть и выдать себя за него. Ты это сделаешь?

Андас все время пытался оттянуть принятие решения. Может быть, именно поэтому он так терпеливо слушал ее рассказ, старался узнать о прошлом, чтобы не думать о настоящем и будущем.

Но об одном он не мог забыть. Хотя он давал клятву не в храме при блеске всего двора, он дал ее. И все, чему его учили, говорило, что теперь он император и у него свой долг и свои обязанности. Едва он дал клятву, он перестал быть человеком и стал символом. И хотя его окружали сейчас только холод и мрак, именно для этого он родился и был воспитан.

Может ли он объяснить это так, чтобы Йолиос понял? Андас старался подыскать слова, чтобы сказать: теперь избавить его от этой обязанности может только смерть. Он не понимал, почему отозвался на просьбу другого Андаса, почему покорился его воле. Но, сделав это, он связал себя.

— А что, если ты не подлинный Андас, а андроид? — спросил Йолиос, выслушав сбивчивые объяснения Андаса. Тот видел, что его логика непонятна чужаку, не знавшему такого длительного воспитания.

— Теперь я Андас, император! — От другой мысли он отказывался.

— Эта женщина говорит, что назад вернуться невозможно. Ты ей веришь?

— Сама она считает, что говорит правду. А арфа, которая как будто привела нас сюда, теперь сломана.

— Очень удобно для них, — усмехнулся Йолиос.

Андас устыдился своих тревог. Возможно, и должен здесь оставаться, но как же саларикиец? На него эта смерть, этот ритуал не возлагают никаких обязанностей, а ведь он сейчас изгнанник.

— Не исключено, что в тайнике мага, о котором она говорила, найдется и другая информация. Мы можем...

— Сохранить надежду? — закончил за него Йолиос. — Да. И еще одно. Если тебя в твоем времени заменили, то могли давно заменить и меня. Нет смысла считать рога кайи, пока не застрелишь ее, или зубы горпа, который ушел из ловушки. Лучше смотреть вперед, чем назад. Итак, мы спрячем тело императора... и что потом?

— Она нам скажет. — Теперь очень многое зависело от помощи Шары. Он знал, что она готова помогать, и охотно. И что ей нужно тщательно подготовить его, чтобы он мог выдавать себя за истинного Андаса даже перед теми, кто хорошо его знал. Но что он будет делать как Андас — об этом он пока не думал.

Они похоронили императора в развалинах здания, которое тот выбрал для своего последнего лагеря, набросали на его могилу камней из разрушенных стен, а потом объединенными усилиями обрушили еще стоявшую стену и надежно спрятали под ней могилу.

Когда это было сделано, Шара развязала свой узел. Там, за-

вернутое в ткань, лежало сушеное мясо и несколько плодов, твердых, как металлические пули, и таких терпких, что сводило рот.

— Похоже, у тебя плохой поставщик припасов, император, — заметил Йолиос, когда им удалось все это разжевать и проглотить, запив дождевой водой из углублений. Воду пришлось зачерпывать пригоршней.

Шара потянула Андаса за рукав.

— Он говорит на языке наемников. Ему лучше побыстрее выучиться нашему.

Андас вслух перевел. Саларикиец проворчал:

— Ладно, если сможешь меня научить. А наемники — есть ли среди них саларикийцы?

Когда Андас перевел этот вопрос, Шара помотала головой.

— Все они — как мы, только кожа очень светлая, а волосы желтые. И на лицах у них такое... — Она провела пальцем по верхней губе. — Между собой они переговариваются резким щелканьем, словно жуки пэнг, хотя пользуются и тем языком, на котором говоришь с ним ты. А одежда у них, как у тебя, — она коснулась рукава Андаса, — поэтому мы скажем, что ты убил их патрульного и забрал его одежду. У нас очень плохо со снабжением, и такое не редкость. В нынешние времена, когда корабли больше не летают и не привозят то, что им нужно, даже враг ходит в лохмотьях.

— Белокожие, светловолосые, с усами. — Андас пытался представить противника. Он все перевел Йолиосу. У того нашлось предположение.

— В наши дни наемников можно найти только в двух секторах. Я видел среди телохранителей лорда Свастиана людей с Ньорда, подходящих под твое описание. Но как можно по нашему миру судить об этом мире? У нас наемники объявлены вне закона. Может, и здесь корабли перестали приходить по той же причине. Ваша империя может быть в карантине, объявленном Патрулем.

Андас слышал о таких запретах — планеты или даже целые системы, охваченные гражданской войной, объявлялись запретными для космических контактов. Или, возможно, к изоляции этой планеты привела эпидемия, о которой говорила Шара. В Галактике ничего так не страшатся, как эпидемий, и ничто иное не способно ввергнуть планету в карантин, кото-

рый может длиться десятилетиями. Но если изоляция сокращает приток наемников, ее следует приветствовать, а не оплакивать. Однако сейчас важнее были непосредственные задачи. Андас не знал, долго ли они хоронили его двойника, но дождь прекратился и небо прояснилось. Начинался день. Развалины, где они скрыли могилу, представляли собой лишь часть обширной зоны опустошения, вызванного огнем, взрывами и оружием, способным плавить камни. Андас осматривался, не находя ничего общего с родным миром.

Наконец он спросил:

— Что это за место?

Шара завязывала свой узел, старательно пряча остатки скромного полевого рациона. Она со странной полуулыбкой подняла голову.

— Когда-то это было сердце империи, мой повелитель. Разве тебе не известны Тройные Башни?

— Тройные Башни?

Он схватился за голову, словно оглушенный сильным ударом. Андас не мог поверить, что эти запустение и разруху он видит на месте обширных дворцов, павильонов, залов, дворов и садов, которые он знал всю жизнь.

Андас медленно поворачивался, отыскивая хоть какой-нибудь знакомый ориентир, хотя бы одну из самих башен или очертания храма на фоне неба. Но перемены были слишком велики. Он не мог понять, где они находятся соответственно привычному ему миру.

— Что тут произошло? — спросил он.

— Спроси Кидайю, — ответила Шара. — Мы скрывались далеко, в горах. И видели только гигантскую вспышку. А уцелели не те, кто во дворце, а те, кто были за рекой, в Иктио, да и они сильно пострадали от радиационных ожогов.

— Но если взрыв уничтожил Кидайю...

— Я этого не говорила. Она и те, кто мог ей служить, к тому времени были далеко. Мы не знаем, произошло ли это по ее желанию или случайно... но возможность сохранить сердце Иньянги исчезла. Здесь было много наших, готовых поддержать нас. И если бы Андас смог добраться до храма... — Она пожала плечами. — То, что могло произойти, и то, что произошло, слишком далеки одно от другого.

— А где храм? — Андас снова положил руку на ключ. Если у

другого Андаса был такой же ключ и он пытался добраться до храма и если старые записи правдивы...

Шара отвернулась. Как и Андас, она отыскивала знакомые места.

— В той стороне, наверное. Но там высокая радиация, зайти без защитного костюма невозможно. Но такой костюм отыскать не легче, чем смерть Кидайи. А что тебе нужно в храме?

Он потрогал ключ. Что толку сейчас думать о его использовании? Если храм в зоне сильной радиации, попасть в него не легче, чем на третью луну Бенина.

— Ничего, что было бы важно сейчас. Но, думаю, нам лучше держаться подальше от источника радиации. Куда мы пойдем?

— Теперь это пустыня. — Шара взяла узел под мышку. — А единственная знакомая мне дорога — та, по которой мы пришли. Она кружная, но приведет нас к Саду Астарты, вернее, к тому, что от него осталось. Оттуда мы двинемся в горы. Дорога трудная, и по ней нельзя идти открыто. Враг по-прежнему повсюду рассылает разведочные скиммеры. Не знаю, насколько успешно помогают Старухины ясновидящие, но в прошлом Кидайя отлично их использовала. А такое событие, как твое появление через врата магов, они должны почуять, и это насторожит их и разбудит подозрения.

Андас решил, что Шара верит только фактам. Он перевел ее предостережение Йолиосу, и они пошли за женщиной. Дорога все время петляла, часто приходилось делать большие крюки: Шара говорила, что тут местами еще сохранялась высокая радиация. У нее на запястье был небольшой счетчик; Андас не был уверен в том, что его показания точны, но он помогал избегать смертельно опасных участков.

За время всего пути Андас не сумел узнать ни одного знакомого здания или хотя бы части здания. Он сосредоточился на обучении Йолиоса новому языку. К счастью, саларикиец, если не считать свистящего произношения, удивительно быстро овладевал новой речью. Его ответы по необходимости были коротки и очень просты, но он запоминал слова после одного-единственного повтора (гораздо быстрее, подумал Андас, чем он сам мог бы в подобных обстоятельствах).

Наконец они пришли туда, где растительность уцелела,

хоть и приобрела необычный цвет и форму. Каменные столбы разбросало во все стороны, они валились друг на друга, как палочки в игре. По этим колоннам Андас узнал Сад Астарты.

Здесь они остановились и заползли в укрытие под тремя упавшими столбами. Шара показала на участок перед ними. Там не было даже достаточного большого куста, который дал бы им укрытие.

— Идти здесь днем значит выдать себя, — заметила она. — Враги рассылают с горы Драк — там их крепость — патрули.

— Далеко нам идти? — спросил Андас.

— День пути и еще ночь, если пешком. Потом доберемся до тайника, где нас ждут ездовые элькланды. Если не разбежались.

— Подожди! — Йолиос положил руку на руку Андаса. — Слушайте!

Теперь и Андас услышал высокое слабое гудение, доносящееся с неба. Вверху летел скиммер.

13

Разведчик! Андас жадно смотрел на него. Если бы им сейчас раздобыть скиммер... Ему вовсе не хотелось пешком пересекать описанную Шарой местность, — не по такой пустыне.

— Ты думаешь о том же, принц? — Йолиос лежал так близко, что шерсть на его руке задела рукав Андаса. — Думаю, да.

— Как заставить его приземлиться? Просто захотеть? — высмеял Андас собственное желание.

— У них должен быть сканер, — размышлял саларикиец. — Чтобы на их экране видна была местность. Предположим, они что-то увидят... кого-то, кого здесь не должно быть...

— Вроде императора? — подхватил Андас. — Они просто пустят в ход флеймер.

— Не императора, а чужака. — Йолиос выпустил когти. — По словам этой дамы, на планету давно уже не приходили корабли из космоса. Поэтому им захочется узнать, что делает саларикиец на развалинах бывшей столицы. Они должны будут взять его в плен, причем не мертвым и обгоревшим, а живым.

— Будь у нас хотя бы шокер... — выдохнул Андас. Безумный замысел, но порой именно безумные поступки заставля-

ют удачу улыбнуться тебе. Над ними летало не только транспортное средство, но и люди, которые могли ответить на его вопросы.

— Что-то вы задумали с этим мохнатым? — Шара почти шептала; она словно опасалась, что те, кто кружит над головой, их услышат.

— Оружие... вы ведь пришли сюда с оружием? — ответил Андас. Он не видел ни бластера, ни шокера. У покойного императора не было даже меча или кинжала. Но ведь они наверняка сражались на пути к развалинам, вырывались из ловушек, а сделать это с пустыми руками невозможно.

Несколько мгновений Шара медлила. Потом нащупала под воротом платья и достала тонкую трубку, едва ли толще ветки, которую легко переломить руками.

— Вот... но заряд почти кончился; осталось разве только на один выстрел.

Она не отдала оружие Андасу. Когда он протянул к ней руку, ему подумалось, что и не отдаст. Но Шара все-таки отдала его. Личное офицерское оружие — игольник. Действует на очень небольшом расстоянии, да и заряд почти истрачен, не очень велик.

— Они могут направить на нас парализующий луч, — сказал Андас Йолиосу. — Я бы поступил в подобных обстоятельствах именно так — просто из предосторожности. Они могут даже накрыть всю местность.

— Луч? Возможно, — согласился саларикиец. — Но накрыть — нет. На патрульном скиммере должны быть только ручные шокеры. Их ведь посылают не сражаться, а на разведку. Остается лишь проверить, достаточно ли соблазнительна наживка.

И прежде чем Андас смог его остановить, Йолиос выкатился из-под столбов, под которыми они прятались. Но не поднялся. Напротив, он приподнялся на одно колено, волоча другую ногу за собой, словно отказавшую. Одной рукой опирался на землю, чтобы не упасть, а другой махал и громко звал на помощь на основном.

— Он нас предал! — Шара попыталась выхватить у Андаса оружие. Но тот не отдал.

— Тише! — приказал он. — Йолиос — наживка в ловушке. — Однако про себя подумал, что шансы на успех очень

малы. Скиммеру достаточно только повиснуть в воздухе и доложить на базу. Все теперь зависит от темперамента тех, кто в машине, от того, насколько они осторожны.

Андас делил свое внимание между саларикийцем, который превосходно изображал зовущего на помощь раненого, и парящим скиммером. Машина быстро пошла вниз и зависла над тем местом, где ковылял Йолиос. Потом из брюха машины выскользнула веревка с сиденьем.

Почему они не предвидели этого? Конечно же, с таким спасательным оборудованием скиммеру совсем не обязательно приземляться.

Движения Йолиоса замедлились. Он вел себя как человек, ослабленный раной; последние усилия его совершенно изнурили. Когда веревка с сиденьем повисла над ним, он сделал очень убедительную попытку схватить ее, но упал и затих. Из скиммера что-то крикнули. Йолиос умоляюще поднял руку, но она снова упала на грудь. В другой руке, скрытой тенью тела, он держал силовой нож, отобранный у Грейсти.

Трос с сиденьем снова подняли, он завис в воздухе. Неужели улетят? Нет, в люке кто-то показался; снабженный антигравитационным поясом солдат спускался медленно, почти лениво. Он четко приземлился рядом с лежащим саларикийцем и наклонился к нему.

Йолиос действовал с проворством опытного воина своей расы — быстрее любого человека. Одной рукой он обхватил солдата, отведя его руки от оружия, а другой держал его перед собой как щит.

Андас выскочил из укрытия, сжимая в зубах игольник и протягивая руки, чтобы схватить свисающий трос. Он ухватился за сиденье, и его тяжесть потянула трос вниз; тогда он начал подниматься. Шара повторила его маневр и повисла ниже. Скиммер перешел от парения к подъему — вернее, попробовал подняться.

Но встроенная в машину система безопасности подвела пилота. Хотя Андас и Шара висели высоко над землей, их двойная тяжесть не давала смотать трос, а скиммер не мог подняться, пока трос не убран: ведь он был спроектирован так, чтобы обезопасить спасаемых.

Но Андас сейчас не мог думать о Шаре. У него оставались считаные секунды, чтобы действовать. Он вскарабкался по

тросу и, когда люк оказался прямо над ним, взял игольник в руку, готовясь к схватке. Теперь все зависело от числа членов экипажа. Впрочем, эта машина не была рассчитана на многих.

Он в люке. Позади начал сматываться трос — вес одной Шары не мог его удержать. Но Андас смотрел на человека, который, переведя скиммер на автопилот, только что появился из пилотской кабины. Он держал бластер наготове, но Андас выстрелил на миг раньше.

Луч бластера прошел совсем рядом, и Андас вскрикнул — ему обожгло шею. Но пилот уже упал ничком. Бластер, еще шипящий, пролетел мимо Андаса и вывалился в люк. Сам Андас бросился на упавшего, но тот не шевелился, и принц перебрался через него к приборам управления. Трос с сиденьем продолжал сматываться; пока он не смотается весь, посадить машину невозможно. Поэтому Андас напряженно ждал.

Над краем люка показалась растрепанная голова Шары. Женщина цеплялась за сиденье, глаза ее были закрыты, зубы стиснуты так, словно она едва выдерживала страшное напряжение. Андас отпрянул, ухватил ее за платье и бесцеремонно втащил в люк. Оставив ее, он вернулся к приборам и посадил машину.

Даже посадив скиммер, Андас не мог поверить, что их отчаянная попытка удалась. Но он в скиммере, пилот мертв, и они владеют ситуацией. Похоже, что Йолиос прикончил и второго члена экипажа.

Некоторое время спустя они сидели в тени машины и с жадностью поедали продукты из пайка членов экипажа. Андас всегда считал продукты из неприкосновенного запаса безвкусными — им полагалось быть только питательными и высококалорийными. Но теперь то, что он ел из тюбиков и контейнеров, казалось ему императорским пиром.

Перед ними на земле были разложены боевые трофеи. Один шокер, один бластер (тот, что выпал из скиммера, разбился при ударе о землю и был бесполезен) и еще один иглострел, а также дополнительные ленты игл к тому иглострелу, что принесла Шара. Мертвецов уложили под столбами, так что их нельзя было увидеть с воздуха.

— Говорят, Первые Предки всегда благосклонны к храбрым, — заметил Йолиос, — хотя храбрость и безрассудство не

всегда одно и то же. Когда у меня будет время, отдам им пять кувшинов с благовониями. Что теперь? У нас есть корабль и оружие...

Андас повернулся к Шаре.

— Куда? Скиммер может отнести нас далеко и быстро.

Шара почти ничего не говорила с той минуты, как ее бесцеремонно втащили в люк после подъема на тросе. Она словно о чем-то думала, отложив разговоры на потом.

— Мы должны вернуться в Место Красной Воды — там стоят уцелевшие императорские войска. Но лететь прямо туда нельзя. Штаб защищен, и нас сожгут в небе раньше, чем мы успеем подать сигнал. Лучше сесть в горах. Там есть места, где это возможно. У нас давно не было своих летательных аппаратов.

— А это не крейсер, — заметил Андас. — Это разведчик, он способен только на быстрое перемещение.

— Интересно, есть ли на нем следящее устройство. Предположим, есть, и они пошлют кого-то посмотреть, что случилось, — сказал Йолиос. — Лучше поскорей уносить отсюда ноги.

Они надели отобранные ремни для оружия. Йолиос поместил в удобное гнездо своего пояса силовой нож. Шокер Андас отдал Шаре. Ему стало теперь как-то неловко с ней. Он понимал — таких женственных женщин, как Элис или Абена (их он считал женственными), немного. Но эта худая, некрасивая женщина с забранными в тугой пучок волосами, которая не задумываясь рискнула жизнью, чтобы обеспечить их успех, — для него это было нечто совсем новое. Она словно ждала, что с ней будут обращаться как с верным товарищем по оружию. И Андас обнаружил, что так и поступает, говорит с ней прямо, как с мужчиной, вопреки всему своему придворному воспитанию.

Под руководством Шары они полетели на север, чтобы не столкнуться с другими воздушными патрулями. Она рассказала, что север теперь — в основном дикая местность. Там, где когда-то фермы и пастбища обеспечивали материк большей частью продовольствия, сейчас расстилалась пустыня. Некоторые фермеры и скотоводы бежали на юг и основали новые поселки вдоль отрогов Калли. Многие умерли в своих домах или присоединились к силам императора.

На одичавший скот охотились, мясо солили на зиму. Но у каждого костра сидел призрак голода. Неизвестно, чем питались те, кто закрепился на горе Драк, но ходили слухи, что там еще до войны были сделаны запасы.

— Врагов сейчас должно быть меньше, — продолжала Шара (но так ли это на самом деле или она только надеется на это, они не знали). — Они сильно пострадали от эпидемии еще до падения Тройных Башен. А с тех пор прошли годы. Но гора Драк защищена так, что, даже если там все умрут, защита сработает автоматически и нам туда не пробиться.

— Тогда как же Андас — твой Андас — собирался прекратить эту войну? — спросил Андас.

— Мы очистили от врага весь север, — гордо ответила она. — Теперь у них только гора Драк. Не будь у них таких машин, как эта, мы бы их совсем не опасались. Но мы считаем, что у них есть по меньшей мере два летающих крейсера с лучеметами, хотя их давно не видели. Мой господин надеялся найти в тайнике мага помощь. Но нашел только смерть.

— Ты говорила о предательстве...

— И не без причины! — сразу ответила она. — О его планах знали только его личная охрана, трое самых доверенных предводителей и, возможно, еще главный жрец. К тому же тайник так хорошо скрыт, что случайно найти нас там невозможно. Нет, его предал один из тех, кому он верил, — потому что там нас ждала засада. И только благодаря одной из предохранительных систем магов, о которой знал мой господин, мы сумели уйти. Все остальные погибли, потому что, включенная, эта система не различает своих и чужих.

— А ты не подозреваешь никого из оставшихся? — Андас не хотел стать второй целью предателя.

— Нет, — не раздумывая ответила Шара.

Близ горы Драк они вели скиммер на предельной скорости. Андас внимательно вглядывался в землю внизу, какой она отражалась на экране. Женщина была права. Виднелись очертания некогда процветавших ферм и имений, но вся местность сильно пострадала и из богатых сельскохозяйственных угодий превратилась в заросшую кустарником полупустыню. На пустынных дорогах не было движения.

Некоторые из этих дорог вели к порту Гарбука на Восточном море, через который Иктио получал почти все товары с

моря. Андас помнил эти дороги в то время, когда их постоянно использовали.

Показались горы — отроги Кумби.

Шара велела:

— Поверни к Звездной Короне.

Андас послушно занялся приборами и повернул скиммер на запад, к указанному ориентиру. Внизу пролегала пересеченная местность. Когда-то здесь сажали и выращивали голубые деревья. Их древесина высоко ценилась в межзвездной торговле благодаря красоте, легкому весу и прочности мебели, которую из нее изготовляли. Андас видел, как внизу проносятся кроны этих деревьев — необычные, с широко расставленными ветвями. Сверху они напоминали большие плоские тарелки, разложенные поверх подлеска.

— К северу от этого утеса есть место для посадки. — Шара ткнула куда-то грязным пальцем с обломанным ногтем. Андас повернул согласно ее указаниям.

Она оказалась права. Они увидели ровную площадку, достаточно обширную, чтобы посадить скиммер. Посадка прошла спокойно, хотя Андаса немного тревожили возможные порывы горного ветра.

— Нам нужен якорь, — сказал он, когда они выбрались из машины.

— Ну, это не трудно: веревки, привязанные к камням, подойдут. — Йолиос показал на сползшие сверху большие камни, которые неровной стеной окружали посадочную площадку.

Они использовали трос с сиденьем и нашли в шкафу в кабине моток прочной веревки. Теперь скиммер даже в бурю останется на месте.

Набежали вечерние облака; Андас с сомнением посматривал на них. Припасы со скиммера уместились в два походных мешка. Мало, но больше ничего не нашлось. Они с Йолиосом легко могли их нести, но место, где они сели, было намного выше уровня леса. И ему совсем не хотелось спускаться в темноте. Он не был уверен, что Шара знает дорогу отсюда.

— А где это Место Красной Воды? — спросил он, когда они шли вдоль края плато, высматривая место для спуска.

— На западе, за перевалом Двух Рогов. — Она говорила уверенно, словно в голове у нее была карта с голосовым навигатором.

Он попытался вспомнить. Горы, да. Он бывал здесь... достаточно, чтобы узнать Звездную Корону. Но перевал Двух Рогов — такого он не помнил. Таким же новым названием для него было «Место Красной Воды».

— Мы не можем идти по ночам, — продолжала Шара. — Но это неважно. Тут поблизости есть сторожевой дом жителей леса. Там мы укроемся, а если на нем есть люди, узнаем новости.

— Сюда! — сделал знак Йолиос, шедший впереди.

Он обнаружил спуск из нескольких неровных карнизов, похожих на ступени неправильной лестницы. По ним можно было спуститься. Чтобы побороть страх высоты, Андас глядел на участок прямо перед собой. Но, когда они наконец добрались до кустарников на краю лесистой местности, он вспотел и его слегка мутило. Шара прошла вперед, разглядывая местность. Несколько мгновений спустя она обернулась. Ее уверенность как рукой сняло.

— Не вижу никаких знакомых ориентиров, — откровенно призналась она.

Йолиос поднял голову, раздул ноздри.

— Возможно, ты не видишь, госпожа, — запинаясь, заговорил он на ее языке, — но я чувствую запах. Там люди — в той стороне!

— Как он... — Шара посмотрела на Андаса.

— У его расы обоняние гораздо острее, чем у нас. Если он говорит, что там люди, так оно и есть.

Шара пошла за Андасом, замыкая группу; она как будто сомневалась, туда ли они идут, и хотела иметь возможность побыстрее уйти, если впереди ждет катастрофа.

То, что Йолиос не ошибся — люди здесь действительно недавно были, — выяснилось, когда они через кустарник вышли на тропу. Там Йолиос повернул влево. Но по пути спросил Шару:

— Твои друзья, госпожа, сначала стреляют, а потом окликают незнакомцев? Если так, нужно озаботиться тем, чтобы не стать их целью.

Она не ответила, но чуть подняла голову, проверяя ветер. Поджала губы и издала негромкий дрожащий свист. Трижды подала она этот сигнал, потом знаком велела идти дальше. Но

через десять шагов снова свистнула, на этот раз дважды, а потом еще — один раз.

Они остановились у подножия синего дерева, и сверху пришел ответ: из листвы показалась сплетенная из лиан лестница. Шара поднялась первой, Андас и Йолиос за ней.

Они оказались в тщательно скрытом лагере. Такие — исключительно ради курьеза — устраивали и в садах Тройных Башен, но здесь его использовали по прямому назначению. Ветви синего дерева росли под прямым углом к стволу и были относительно ровными. Этой необычной природной особенностью воспользовались, чтобы устроить на трех уровнях площадки, уложив на ветви доски. Получился трехэтажный лесной дом, причем с одного этажа на другой вели плетеные лестницы.

Как только лестницу убирали, тех, кто находился в этом доме, увидеть с земли было невозможно: снизу площадку закрывала листва, а сверху — крыша, тоже из листвы, через которую со скиммера ничего нельзя было разглядеть.

Человек, поджидавший их, был таким же худым, как Шара, и одежда его была такой же грубой, но местами выкрашена зеленым и коричневым, под стать лесному окружению. Мешковатые брюки были подвязаны веревкой, из плотно облегавшей голову шапки торчали листья и ветки. Андас понял, что в лесу этого человека трудно заметить.

— Просим приюта, хозяин, — сказала Шара.

Он внимательно посмотрел на нее, потом на Андаса. И, когда его взгляд встретился с взглядом принца, лицо его оживилось. Он опустился на одно колено, вытянув вперед обе руки ладонями вверх. Оружие — самострел — лежало на полу рядом.

— Сын Дингейма! Ты здесь!

— И рад этому, — ответил Андас. Он сделал традиционный жест — палец правой руки у ладони левой. — Нам нужно убежище на ночь.

— И охота в этот раз удалась! — На лице человека все еще читалось изумление. — У меня есть мясо, великий повелитель.

По-прежнему коленопреклоненный, он указал на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Прошу подняться. Еда скоро поспеет. Здесь вы можете

отдохнуть в безопасности. Никто, даже древесный кангор, не осмелится напасть на эту крепость.

— Как тебя зовут?

— Кай-Каус из рода Корб, великий повелитель. Некогда нам принадлежали...

— Земли от Верхнего Лимбо до моря, — кивнул Андас. — И будет принадлежать снова.

— Мы в этом не сомневаемся, великий повелитель, — гордо ответил лесной житель. Андас видел, что он совсем молод, но в нем чувствовалась уверенность человека, хорошо знающего свое дело. И хотя одет он был как лесник, в нем чувствуется благородная кровь.

На следующей платформе, средней из трех, располагались, очевидно, жилые помещения обитателей крепости. Постель на двоих из веток и листьев. В ряд стояли тыквенные бутылки с пробками и ящик с откинутой крышкой. В ящике лежало несколько самострелов. Небольшая обмазанная глиной и обложенная камнями площадка с углями: место для костра.

Хозяин сразу присоединился к ним с вязанкой дров и свертком из окровавленной шкуры. Сверток он развернул, в нем оказались полоски мяса даккера, наколотые на сделанные из веток вертелы вперемежку с кусками древесной дыни. У Андаса потекли слюнки. Это было гораздо лучше припасов из скиммера и сушеных плодов Шары.

Лесной житель уложил дрова и развел огонь. Андас потянулся к ближайшему вертелу.

— Между товарищами по оружию не должно быть церемоний. Сегодня мы едим вместе.

На мгновение могло показаться, что Шара и лесник начнут возражать. Но когда Андас поднес вертел к огню, они последовали его примеру. Йолиос уже держал свой вертел над костром.

Андас видел, как Кай-Каус поглядывает на саларикийца. Но ведь сейчас подозрения вызовет любой чужак. Нужно позаботиться о том, чтобы Йолиос не вызывал никаких подозрений.

— Это наш боевой друг — лорд Йолиос с другой планеты. Он тоже был пленником тех, с кем мы сражаемся, и только с его помощью мы одолели большие опасности. Поэтому его называют Другом Льва и Левым Щитом. — Эти титулы Ан-

дас извлек из древней легенды. Смысл их давно позабылся, но верные императору люди почитали их. Он вспомнил, что однажды его дед присвоил эти титулы воину, спасшему в битве его сына. И хотя то был простой солдат, впоследствии весь двор приветствовал его как благородного лорда.

— Приветствую тебя, лорд Йолиос. — Лесник приветственно поднял руку.

Йолиос оторвал взгляд от вертела, за которым внимательно наблюдал.

— И я приветствую тебя, Кай-Каус. Только хороший охотник способен накормить нежданных гостей.

Молодой охотник поерзал.

— День был удачный. Что-то испугало стадо, и оно побежало по тропе. Я сумел подстрелить пятерых, прежде чем они в панике унеслись. Животные так опасаются охотников, что их в последнее время трудно застать врасплох. Наверное, воля Акмеду, чтобы так случилось и я смог накормить повелителя...

— Или дело в чем-то еще. Ко всему непривычному надо относиться с подозрением, — сказала Шара.

— Верно, госпожа. Именно потому я здесь один. Икиуи, опытный следопыт, отправился посмотреть, что вспугнуло стадо. Охотников, кроме нас, здесь нет, и не думаю, чтобы враг решился углубиться в эту дикую местность.

— Нельзя недооценивать врага. — Йолиос убрал вертел с огня, хотя, на взгляд Андаса, мясо было еще сырым. Саларикиец пальцами снял первый кусок, помахал им немного, чтобы остудить, сунул в рот и принялся громко жевать, как диктовали хорошие манеры его народа.

14

Древесный дом не освещался лампами, и даже угли костра прикрыли с наступлением темноты глиняной чашей. Лесник спустился на нижнюю платформу и сидел там, прислушиваясь; в темноте его почти не было видно. Йолиос, утолив голод, занял такой же наблюдательный пункт. А теперь и Андас спустился по лестнице.

— К чему ты прислушиваешься? — Он остановился возле Кай-Кауса.

— Жду Икиуи. Он не вернулся. А мы не ходим по лесу ночью.

— Ну и что? — Саларикиец придвинулся ближе. — Почему не ходите?

— По ночам охотятся древесные кошки и большие змеи. А в последнее время и другие... — Он замолчал, и Андас заподозрил, что ему не хочется говорить об этих «других».

Но именно это подозрение заставило его добиваться информации.

— Что за другие?

— Еще никому не удавалось увидеть их и остаться в живых.

— Некоторые видели — и умерли?

— Да. Четверо с южной границы, великий повелитель. Их тела — два тела — были оставлены на тропе... мы считаем, в качестве предупреждения. Они встретились с ночными бродягами...

Андас застыл. Легенды не могут ожить! Страшные рассказы, от которых у детей мурашки бегут по спине, не имеют ничего общего с реальностью.

— У них выпили всю кровь, — продолжал Кай-Каус негромко, как будто самим рассказом мог разбудить упомянутое зло. — Мы находили и лесных зверей, с которыми обошлись так же. Их подвешивали к веткам, чтобы они бросались в глаза, но это раньше. Икиуи... он опасался, что бегство стада вызвано таким нападением.

Лесник был так уверен в своих словах, что подорвал недоверие Андаса. В конце концов, случившееся в последнее время с ним самим доказывало, что возможно все.

— Ночные бродяги служат *ей*, — прошептал Кай-Каус. — И эта крыса с горы Драк... это *ее* голос, она сама признавала это открыто. Тот, кто исполнял перед живыми танец костей, будет пищей Старухи.

Танец костей! Неужели кто-то решился провести такой страшный обряд? Поистине, эта Иньянга во власти дьяволов. Рука Андаса невольно устремилась к карману, где лежало кольцо. Понимают ли эти женщины, с чем связываются? Или их жажда власти так велика, что им все равно?

Он перебрал в памяти рассказы, которые считал вымыслом. И, вспоминая, содрогнулся. Кольцо... Если Кай-Каус го-

ворит правду и те, кого не стоит называть, свободно бродят в лесах, нужно как можно скорее избавиться от кольца.

Но как от него избавиться? Его нужно оставить там, где его не сможет учуять ни один последователь Старухи, ведь по всем рассказам выходило, что те, кто ей присягнул, настроены на такие предметы и кольцо будет их притягивать. Может быть, то, что кольцо у него с собой, делает их мишенью...

— Неприятности... — Рычание Йолиоса прозвучало не громче шепота Кай-Кауса. — Я чую их в ветре.

— Какие неприятности? Кто-то приближается?

— Нет. Опять рок. — Он с отвращением сплюнул. — Зло. Зловоние сильней, чем в гниющем логове горпа. — Он немного помолчал и быстро добавил: — К тому же кто-то бежит от него. И страх его так же силен, как зловоние преследователя.

Андас прислушался. Он ничего не слышал. Но из темноты показалась рука Кай-Кауса и сомкнулась на его руке.

— Повелитель, я твой человек и буду защищать тебя ценой своей жизни. Поднимись наверх и убери за собой лестницу. То, что приближается, может быть, ищет только охотников...

— Прежде чем стать императором, верный человек, — ответил Андас, — я был воином и принес клятву крови. А среди слов этой клятвы есть и обещание стоять в битве щит к щиту. Я не позволяю другим сражаться вместо меня.

— У императора нет выбора, великий повелитель. Другие умирают за него, и это правильно, ведь, если гибнет глава государства, вместе с ним гибнет и государство. Став императором, ты отказался от прав и обязанностей воина, чтобы принять на себя более тяжкую ношу.

Андасу пришлось согласиться с правотой этих слов. Он император, а значит, больше не человек — он воплощение империи, и его жизнь, если потребуется, надлежит сохранять ценой жизни других. Но он не хочет, чтобы это началось здесь и сейчас.

— Пока нет, — сказал он. — Йолиос, что еще ты можешь нам сказать?

— Тот, кто убегает, близко. Тот, что преследует, — на удалении. Но силы беглеца на исходе.

И тотчас послышался шорох листвы, но не от ветра. Он доносился снизу — кто-то пытался привлечь их внимание.

— Спусти лестницу! — приказал Андас.

— Ему придется пройти мимо, чтобы не подвергать тебя опасности.

— Император я или нет, но я не правлю в Тройных Башнях! — взорвался Андас. — И, возможно, никогда не буду. Правила, приложимые к Льву Славы, здесь неприменимы. — Он не будет нести ответственность за гибель другого человека. Пошарив в темноте, он нашел лестницу и сбросил вниз, прежде чем Кай-Каус смог его остановить. Лестница натянулась — беглец уже поднимался.

Андас слышал его тяжелое дыхание. Ему не нужны были слова Йолиоса, чтобы понять — этот человек спасался от смерти.

— Кай-Каус! — Человек перебрался через край. — Ночные бродяги...

— Тише! — послышался из темноты голос лесного жителя.

Андас ухватил человека за плечи, помог ему подняться, оттащил от отверстия и поскорее поднял лестницу. Может быть, преследователя смутит исчезновение добычи где-то наверху и он пойдет дальше. Принц не жалел о своем решении. Император он или нет, но он не может и, наверно, никогда не сможет мириться с такими жертвами. Он должен идти собственным путем. Может, тот, другой Андас сделал неудачный выбор, когда призвал его через врата; может, он и в своем мире стал бы неудачником, даже если бы его короновали. Возможно, он не из того теста, из которого сделаны императоры, непреклонные и непостижимые для окружающих. Что ж, он должен быть самим собой или погибнуть.

— Уже близко... — донеслось еле слышное предупреждение Йолиоса.

Андас лег животом на платформу, свесил голову в отверстие для лестницы и вгляделся в темноту внизу. Он видел там и сям мерцание светящихся насекомых, их почти невидимые прозрачные крылья источали мягкий свет. Странное свечение исходило и от некоторых растений, оно привлекало добычу. Но было и еще что-то...

Йолиос говорил о запахах — о зловонии. Андас поднес руку к носу, стараясь спастись от зловония, которое донеслось до него. Для чувствительного саларикийца это, должно быть, была страшная пытка. Запах разложения, давней смер-

ти. И хотя он чуял такое впервые, Андас подумал и о том, и о другом.

Появилось и слабое свечение, как от призрачных насекомых, но какое-то нечистое. Если зловоние способно светиться, то это был именно такой свет.

Свободной рукой Андас снял с пояса иглострел и нацелил его вниз. Он не знал, что там рыщет, но ему еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь уцелел после выпуска полного заряда иглострела. А он, перезаряжая оружие, настроил его на полную мощность.

Тварь внизу стремительно перемещалась по тропе, но как будто не шла и не бежала на обычных ногах. Андас прицелился в жирный силуэт.

Выстрел из иглострела осветил тропу. Принц услышал вой, который становился все пронзительнее, пока человеческое ухо не перестало его воспринимать. Но от звуков, испускаемых тварью, его голову и все тело пронзила дрожь. Андас снова выстрелил, хотя теперь, под действием этой мучительной дрожи, не был уверен, точно ли взял прицел.

Тварь металась, в агонии билась о землю, приминая и вырывая с корнем кусты. Но вот жуткий звук оборвался, тварь затихла, но Андас все не мог поверить, что она мертва.

— У тебя иглострел! — воскликнул Кай-Каус. — Мы такого не видели уже несколько лет.

Если самострелы были самым мощным оружием верных императору войск, Андас не удивился, что тварь внизу внушала такой ужас.

— Я выстрелю еще раз... — Он уже прицелился, но тут заговорил Йолиос:

— Эта тварь мертва. У тебя есть факел? Нам стоит получше разглядеть врага, чтобы узнать при новой встрече, — сказал он Кай-Каусу.

— Вот свет. — Все повернули головы. На лестнице, на полдороге от «спальной» платформы, стояла Шара с тлеющей веткой в руке. Она помахала ею, и огонь разгорелся, рассеивая темноту.

— Благодарю, госпожа! — Кай-Каус взял у нее ветку.

— Там внизу больше никто не ждет? — спросил Андас у Йолиоса.

— Слишком сильная вонь. Но я ничего не чую, кроме безвредных существ. Думаю, эта тварь охотилась одна.

Кай-Каус не стал возражать, когда Андас спустился вслед за ним. Он успокоился, узнав, что у правителя есть мощное оружие, и теперь не так остро чувствовал свою ответственность за него.

На земле смрад был так ужасен, что Йолиос зажал нос; его тошнило. Андас едва не повторил его жест, хотя, конечно, зловоние действовало на него не так сильно. Но он заставил себя всмотреться в тварь, которую судороги заставили свернуться клубком.

Он смотрел, как Кай-Каус подносит горящую ветвь ближе, но потом отступил, не в силах сдержать тошноту. Прислонившись к деревцу у тропы, он расстался со своим ужином.

Йолиос тоже отскочил. Андас увидел, что саларикиец вцепился в лестницу и начал подниматься так быстро, словно тварь гналась за ним. Оба лесных жителя хотели последовать его примеру, но остановились у лестницы и стали просить Андаса подняться перед ними.

Вид этого... этой твари почти парализовал рассудок принца. Он был хорошо знаком с записями, сделанными звездными путешественниками (у его отца была отличная коллекция таких записей, и он смотрел их с детства), и понимал, что в Галактике много необычных и даже ужасных существ. Но он никогда не видел ничего равного тому, что лежало в лесу на его родной планеты.

Нечистое? Больше, чем просто нечистое. Тварь до того пропитана злом и грязью, что казалось невероятным, как она еще способна жить. И все же у принца возникло стойкое ощущение, что он уже видел нечто в этом роде, — не точно такое, но достаточно схожее, чтобы это неуловимое подобие мучило его.

Он понятия не имел, откуда явилась эта тварь. Живет ли она на какой-нибудь из планет империи? Он надеялся, что нет. Под известными ему звездами никогда не рождалось такое исчадье. Но это ощущение знакомого...

— Во имя Первых Предков... — Голос Йолиоса звучал приглушенно — саларикиец все еще закрывал рот руками, как будто мог тем самым убрать зловоние из ночного воздуха, — что это за тварь?

— Не знаю, — начал Андас, и тут в его сознании возникло отчетливое воспоминание: — Элоплан... но этого не может быть!

— Элоплан из сада Старухи! — подхватила Шара. — Элоплан и еще что-то... похуже. Ей служит много садовников. Ей служат маги Несси...

Увидев эту мертвую тварь, Андас был готов поверить чему угодно. Но чтобы маг, как бы далеко он ни отошел от истинного Света, служил Старухе — это противоречие в терминах. Маги — мужчины, и особая подготовка заставляет их всеми силами и умениями поддерживать представителей своего пола. Старухе поклоняются только женщины, женщины такого норова, что они принадлежат Старухе чуть ли не с рождения. Маги и Старуха... нет!

Шара словно прочла его мысли.

— Маги Несси отличаются от всех прочих. Они заключили союз со Старухой сразу после того, как Кидайя начала околдовывать императора. У них как будто изменился весь строй мыслей. Именно один из этих троих принес императору смерть. И дважды они пытались захватить тебя. Разве ты не помнишь, мой повелитель? — Ее слова прозвучали предостережением, и он понял, что это одна из тех вещей, какие он должен знать.

— Знания Несси помогают создавать тварей вроде ночных бродяг. У нас были сведения о том, на что они способны. Именно такие исследования всегда интересовали Несси.

Андас заставил себя обдумать услышанное. Элоплан — подвижный в определенное время года, способный перемещаться и укореняться там, где почва плодороднее, — необычное растение. Он видел небольшой элоплан в саду экзотических растений во дворце.

Но это ведь не растение — у него есть голова. Андас стиснул зубы, всеми силами сдерживая рвоту. Эта тварь отчасти — ужасающе — человекоподобна! И если в этом виноваты маги Несси, их необходимо выкорчевать, уничтожить, и все их нечистые знания вместе с ними.

— Ты говоришь о ночных бродягах, — обратился он к Кай-Каусу. — Есть еще такие?

Ответил ему Икиуи. Он с благоговением посматривал на

Андаса при свете факела и, когда заговорил, знаком поприветствовал его.

— Повелитель, этой ночью в лесу по меньшей мере четыре таких. Все теплокровные животные бегут от них. Они разогнали дичь.

— А ты знаешь, откуда они пришли?

— Только одно — они двигались с востока. И они никогда не сворачивают — только для того, чтобы кормиться. Думаю, ими управляют.

— Как это?

— Они спугнули водяного лоффина, и тот побежал от них на восток. Один из бродяг бросился на них. Я... — Тут Икиуи поднес руки к голове, как при воспоминании о боли. — У меня заболела голова. Бродяга затормозил и закричал, словно бы в гневе, а потом перестал преследовать лоффина и вернулся на прежнюю дорогу.

— Откуда ты видел это?

— Сверху, с ветвей. За мной они не могли бы гнаться, но в одном месте невозможно было перебраться по веткам. И, когда я спустился на землю, они начали на меня охоту.

— Как будто увидели тебя и решили с тобой покончить? Вверху не было скиммера?

— Нет. А даже если бы был, то сквозь листву ничего не видно. Если и был шпион, то не над лесом, а ближе.

— Действительно ближе. — Йолиос все еще зажимал руками рот, и речь его звучала странно. — Принц, на эту тварь неприятно смотреть, но я посоветовал бы осмотреть ее внимательнее. Мне кажется, я что-то заметил... хотя, возможно, был не в состоянии смотреть как следует.

Меньше всего Андасу хотелось снова приближаться к убитой твари, но он понимал разумность предложения Йолиоса. И поэтому неохотно начал спускаться. Кай-Каус нес за ним факел. Саларикиец по приказу Андаса остался наверху: второе такое испытание было ему не под силу.

Жирная туша по-прежнему лежала свернувшись клубком, но теперь не таким тугим. Андас взял у Кай-Кауса факел и заставил себя внимательно рассмотреть животное, хотя ему приходилось бороться с тошнотой.

Факел осветил на круглом теле место за головой. К счастью, голова чуть откинулась и повернулась мордой вниз, так

что можно было на нее не смотреть. Принц обратился к Кай-Каусу:

— Держи факел и дай нож!

Потребовалась вся решительность, чтобы ножом вырезать то, что было вживлено в зловонную плоть. Андас не выдержал; он лихорадочно рубил и рвал и наконец вытащил окровавленный грязный прибор, от которого в тело твари уходили провода.

Бросив добычу на землю, принц листьями и травой попытался вытереть ее. Предстояло взять прибор с собой, хотя от мысли о прикосновении к нему все тело охватывала дрожь. Но он не мог просить Кай-Кауса сделать это за него.

Наконец он умудрился обернуть прибор листьями и отнести в древесную крепость. Там его положили на пол. Прибор оказался сложным механизмом, вероятно, электронным. Знаний в этой области Андасу явно не хватало. Он вопросительно взглянул на Йолиоса, но саларикиец сделал отрицательный жест.

— Я не тех, принц. Но я бы сказал, что штука не простая. Несомненно, именно с ее помощью контролировали тварь.

— Может, это наемники? — спросил Андас.

— Скорее Несси, — ответила Шара. — Но едва ли такая технология возможна сейчас, когда империя лежит в руинах. Ведь это продукт высокоспециализированного производства. У нас не осталось ни фабрик, ни лабораторий. И не думаю, что они есть на горе Драк, — там все настроено на войну.

— А в долине Костей? — Андас трогал коробочку острием ножа, стараясь не прикасаться к ней руками.

Он слышал, как у остальных перехватило дыхание. Нельзя было открыто упоминать это название. Он нарушил строжайшее табу, словно выкрикнул непристойность в почетном месте.

— Кидайя — родня Старухе, — медленно заговорил он, и его слова звучали не вопросительно, а утвердительно. В то же время он следил за Шарой, чтобы точно знать — он не допускает ошибки. — Возможно, это она свела Несси и свою хозяйку. А какое место подходит для их проклятых экспериментов лучше, чем долина? Я начинаю думать, что главная угроза исходит не от горы Драк, а с другого направления.

— Повелитель, — заговорил Кай-Каус, — мы не можем выступить против Старухи...

— Так нас всегда учили, — согласился Андас. — И учили не зря. Старуха — женщина, а у женщин есть тайны, недоступные мужчинам. Но если эти тайны бросают тень на нашу землю, надо сделать то, что в свое время сделал Акмеду, — перенести войну в сердце врага.

Он по-прежнему смотрел на коробочку, которая могла значить так много, но заметил, что все, кроме Йолиоса, отступили от него на шаг или два. Как ни верны они были делу императора, могло оказаться, что в этом они его не поддержат. Однако в глубине души он уже понимал, что прав: войну разожгли в крепости, где закрепились инопланетяне, но дров в этот огонь подбрасывают слабости его народа, то, что его люди слишком привержены обычаям, слишком боятся отойти от того, чему их учили.

У его народа всегда была заметна сильная склонность к мистике. У одних она воплощалась в традиционных верованиях, другие углублялись в философию, в эксперименты со сверхчувственным. А третьи выбирали более темные пути, вроде поклонения Старухе или исследований Несси. И в нем это тоже было — именно поэтому он так реагировал на кольцо, отобранное у Абены.

Но если он намерен дать бой, нужно забыть о своих верованиях и страхах. Люди, доведенные до крайности, изголодавшиеся, как эти лесные жители или Шара, возможно, не найдут в себе достаточно сил, чтобы разорвать эти старые узы. И станут легкой добычей таких дьявольских изобретений, как эти бродяги.

Но он не совсем такой, как они. К тому же с ним Йолиос, совсем не такой, как они, — поэтому у него будет шанс. Однако может получиться и так, что пытаться использовать этот шанс ему придется в одиночестве.

Андас бросил нож. Он порылся в своем комбинезоне и достал ключ. При свете факела ключ казался красным. Принц зажал его в правой руке. А левой нащупал кольцо и вынул его из кармана, сжимая в кулаке и не приближая к ключу, — они все еще находились на противоположных полюсах света и тьмы, добра и зла.

И вскрикнул — холодный металл кольца больше не был хо-

лодным. Принц разжал кулак. Кольцо лежало у него на ладони и светилось, но это не был отраженный свет факела. Это был блеск жизни. Одновременно засветился и прибор, который он извлек из бродяги, — засветился и басовито загудел.

15

— Кольцо ясновидящей! — воскликнула Шара и отпрянула.

— Да, кольцо ясновидящей, — спокойно подтвердил Андас. — Я отобрал его у одной из служанок Старухи, когда та хотела с его помощью предать меня. Но неужели вы думаете, что я мог бы в то же время хранить и это, — он поднял ключ, чтобы все могли его ясно видеть, — если бы поддался злу, заключенному в этом кольце?

Может, лесные люди не знали, что это за ключ, но Шара поняла. Она видела, как реагировали остальные.

— Он прав, — помолчав, сказала она. — Это ключ к сердцу империи. Но носить его вместе с кольцом...

— Кольцо надлежит уничтожить. Но как это сделать, пока я не нашел место, где его можно спрятать навсегда? — возразил Андас. — Закопать в землю? Бросить в озеро? И вы думаете, оно не притянет к себе тех, кто на него настроен? К тому же оно, возможно, пригодится нам...

— Посмотрите на него! — Шара ни на миг не отрывалась от кольца. Андас взглянул.

В молочно-белой оправе сгущался какой-то клубок цвета — что-то происходило! Но он ничего не делал, чтобы вызвать... Андас поместил ключ между собой и кольцом как защиту — единственную, о какой подумал.

— Назад, — приказал он, — подальше от этой линии.

Все охотно повиновались, словно он держал в руке живой огнемет, способный выпустить уничтожающую струю.

— Выбрось его! — крикнула Шара. — Повелитель, не используй вещи дьяволицы!

Все инстинкты Андаса были согласны с нею. Но он взял себя в руки, подавил желание отшвырнуть кольцо и продолжал держать его. В этот миг оно вступило в контакт с сердцем вражеских сил, а все, что он мог бы узнать, дало бы им пре-

имущество. Однако он повернул светящееся кольцо так, чтобы не видеть оправы, и нацелил его на прибор, извлеченный из твари.

Теперь прибор не просто сыпал искрами — ожили его провода, они извивались на полу, будто по-прежнему управляли телом. Кольцо стало желто-зеленым, и в нем появилось изображение — но не то, которого ожидал Андас. Это была серия искр-импульсов, складывавшихся в крошечные картины. Картины возникали и исчезали так стремительно, что невозможно было их разглядеть.

— Вопрос в том, принимает оно сообщение или передает. — Йолиос не последовал примеру других и не отошел, а присел рядом с Андасом на корточки и наблюдал за искрами. — Кольцо включило прибор или наоборот? И можно ли принять эту передачу где-нибудь в другом месте?

Его перебил Икиуи:

— Послушай, повелитель!

Но Андас не нуждался в предупреждениях, он и сам ясно слышал вой, какой можно услышать в ночи, но который отчетливо звучал в голове.

— Ночные бродяги... их несколько! — Кай-Каус на четвереньках подполз к отверстию с лестницей. — Они приближаются...

— Кольцо! Наверно, оно их позвало! — воскликнула Шара.

Андас снова сжал кулак и едва не закричал от боли: кольцо раскалилось. Он убрал его в карман.

— Может, это и к лучшему. — Йолиос достал свой иглострел. — Я предпочел бы встретиться с этими тварями не в лесу, а в месте, которое выбрал сам. Призвать их и покончить со всеми зараз!

— Ты прав! — Для лесных жителей, вооруженных только самострелами, бродяги представляли страшную угрозу. Но Андасу казалось теперь, что их легко уничтожить более мощным оружием. И если собрать их всех в одно место и перебить...

Он положил руку на плечо Кай-Кауса.

— Можно ли устроить засаду над тропой и перестрелять их, когда они появятся?

— Мы могли бы, повелитель. Но ты не подготовлен...

— Ты только покажи подходящее место.

— Если хватит времени. — Лицо Кай-Кауса оживилось. Победа над страшилищем придала ему уверенности.

Шара преградила Андасу путь.

— Мой повелитель, у тебя кольцо, и ты идешь к тварям, которые отвечают на его вызов. Молю тебя, не ходи с тем, что может стать брешью в твоей защите! Ты не знаешь, как оно действует, знаешь только, что его оживил прибор, управляющий бродягами. А что, если это оно заставляет тебя вступить с ними в бой на их территории?

— Оно не сделало этого раньше.

— Но тогда, повелитель, ты не доставал его. Оно не «жило» — пока ты не поднес его к прибору. Когда оно оживает, у него появляется сила.

Говорит ли в ней старинное суеверие, или к ее предупреждению стоит прислушаться? Прежде чем он решил, с другой стороны подошел Йолиос.

— Есть предложение, принц. Если это кольцо — приманка, пусть и послужит приманкой. Надо его подвесить так, чтобы оно притягивало тварей удобно для нас.

Андасу не хотелось выпускать кольцо из рук. С самого начала он опасался его потерять — оно могло больше не найтись. Но предостережение Шары на него подействовало. Ведь сражаться с врагами оружием, которое может предать, глупо. А в предложении Йолиоса была логика.

— Лорд незнакомец прав, мой повелитель, — согласился Икиуи. — Используй кольцо как приманку.

Андас поручил жителям леса выбрать подходящее место для засады, и они быстро исчезли. Вой, вначале слабый и далекий, звучал все громче. Да и лес внизу ожил — его обитатели бежали от общей судьбы, как от огня. Трещали кусты, кричали удирающие животные, слышался топот копыт, и в листве на земле что-то шуршало.

Принц обнаружил, что лесные жители справедливо не доверяли его способности передвигаться поверху. Ему помогли добраться до края платформы и перелезть на соседнюю ветку. Там было не так удобно, вдобавок она раскачивалась под ним. Кай-Каус дал ему сплетенную из лиан веревку, другим концом привязанную к стволу дерева. Теперь у принца в руках появилась опора.

Его слегка раздражало то, что саларикиец легко карабкался

по ветвям и без труда перебрался на соседнее дерево. Андас привязал кольцо, проверил прочность узла и только тогда позволил опустить его на веревке вниз. Кольцо раскачивалось, его сияние усилилось. А вой стих.

Андас повернулся к Кай-Каусу, который сидел на том же дереве недалеко от него.

— Они... — начал он, но тот тихим «ш-ш» попросил его молчать.

Принц устроился поудобнее и приготовился ждать. Впрочем, ожидание было недолгим: растительность расступилась, и показалась светлая туша бродяги. Животное неслось быстрее, чем, казалось бы, позволяла его масса, и затормозило под кольцом. Приподнялось и передней частью тела, видной в полумгле, потянулось к кольцу.

Ничего не вышло, но это его не смутило. Оно продолжало попытки, хотя явно не могло дотянуться до сокровища. И еще не успокоилось, когда появилось второе.

Чудовища не обращали друг на друга внимания. Их мир словно бы сузился до этого кольца. Меньшая тварь прислонилась к большей, когда обе старались дотянуться до него, и та покачнулась. Послышалось рычание: большая тварь повернула голову, чтобы отогнать меньшую от приманки.

Меньшая приняла вызов. Они сцепились, и в этот миг появилась третья, самая крупная. Растолкав дерущихся, она нацелилась на кольцо и передними лапами (если их можно было так назвать) едва не дотянулась до цели. Андас, опасаясь, что вторая попытка может оказаться удачной, выстрелил, не предупреждая Йолиоса. Но тот выстрелил одновременно с ним, и туши внизу оказались под перекрестным огнем. Выстрелы были смертельными.

Есть ли другие? И достаточно ли притяжения кольца, чтобы подманить их, даже если они получили какой-нибудь сигнал о гибели своих сородичей? Люди ждали в ветвях так долго, что Андасу показалось, будто прошла половина ночи. Но бродяги больше не появлялись, и воя тоже не было слышно.

Наконец Андас, уставший от непривычного положения и сомневающийся в том, что вторая попытка окажется такой же удачной, выбрал веревку и спрятал кольцо. Может, оно и было символом зла, но сегодня хорошо им послужило. Возможно, и в будущем удастся использовать его призыв в своих целях. Те-

перь, после этой победы, принц увереннее смотрел в будущее. Вначале им удалось захватить скиммер, сейчас — убить этих чудовищ.

Они вернулись в древесную крепость, и Андас согласился лечь. Тело болело от сидения на ветках, и он не помнил, чтобы спал после недолгого отдыха в комнатах командира в казарме.

Когда он проснулся, сквозь ветви над головой пробивался зеленый дневной свет. Но который час, он не знал. Принц повернулся, чтобы посмотреть, с кем делил постель. И увидел рядом голову Шары. Ее ввалившиеся глаза были закрыты, но ему показалось, что теперь она выглядит не такой изможденной и чуть более молодой...

Сколько же ей лет? Она назвалась избранницей императора. В прошлом бывали случаи, когда по династическим причинам заключались браки с большой разницей в возрасте, но Андас начинал понимать, что Шара — вовсе не измученная и изнуренная женщина, какой вначале казалась. Она устала от бродячей жизни, но это совсем молодая девушка. Он попрежнему внимательно разглядывал ее лицо, пытаясь определить возраст, и вдруг она открыла глаза.

В ее взгляде читалась мгновенное осознание. Так опытный воин мгновенно просыпается по тревоге. Однако она ничего не сказала, только ответила на его взгляд, в свою очередь внимательно изучая его лицо.

На спальной платформе они были одни. Андас заметил это и смущенно сел. Принц слегка стыдился того, что она заметила, как он разглядывал ее спящую.

— Ты избранница императора, — сказал он, не зная, как выразить свои чувства.

— Но не твоя. — Она говорила еле слышно, так что слышно было только ему. — Такой выбор был государственным делом... или так начиналось...

И тут же воображение подсказало ему, что его догадка верна.

— Но потом стало по-другому? — В глубине души он вдвойне стыдился собственной слепоты. Смерть здешнего Андаса для нее могла означать гибель половины мира, а для него ничего не значила и стала только дополнительным бременем. Он был жесток в своем эгоизме, а должен был быть добрым. Он размышлял только о том, что эти события означали для него,

и внутренне старался отстраниться от всего. Он негодовал, что другой человек заставил его вмешаться в эту жизнь, стать ее частью. В том, что другой Андас исполнял свой долг и использовал единственную возможность для воплощения своих планов, принц не сомневался. Но и тот Андас был эгоистичен, иначе не обрек бы незнакомца на такую участь.

— Да, по-другому. — Еле слышный шепот Шары снова оторвал его от мыслей о ней. Но она не стала распространяться и пояснять свое признание.

Избранница императора — его жена, хотя и не императрица, потому что не коронована публично. Он взял в жены представительницу своих сторонников, такую, от которой нельзя отказаться.

Эта мысль тревожила Андаса. Одинокая жизнь отца, которую он разделял, лишила его женского общества. У них не было даже служанок. А когда Андаса призвали ко двору, он вскоре отправился в Пав, учиться воинскому искусству, и это тоже был мир без женщин. Когда он вернулся, при дворе было достаточно женщин, готовых бросить ему свой цветочный венок. Но он был слишком стеснителен, слишком неловко чувствовал себя с ними, чтобы отвечать на их приглашения. Не вступил он и в официальный брак, а потом однажды ночью лег в свою постель — и проснулся в тюрьме на другой планете.

С тех пор была только Элис, которую он жалел, руководствуясь собственными страхами и чувствами, — лишь для того, чтобы узнать: она ему более чужда, чем даже мохнатый саларикиец. Еще он видел принцессу Абену (Андас сухо улыбнулся, вспомнив об этой встрече). Предположительно, Абена — его дочь. И вот теперь эта женщина, хрупкая, но выносливая, в потрепанной одежде, утверждает, будто она избранница другого Андаса. И считает, что он должен поддерживать с ней такие же отношения? Но насколько близкие?

Он не испытывает к ней никаких чувств, только нечто вроде приводящей в смущение жалости, — приводящей в смущение, потому что она часть той новой жизни, которой он для себя не просил. Может быть, недостаток чувств свидетельствует о том, что он андроид? В нем вспыхнул старый страх. Если бы только больше знать об андроидах! Их запретили так давно, что он знает о них только по слухам. Но можно ли создать андроида, настолько похожего на человека, что он мог бы обмануть вра-

чей и даже зачать детей? Если мнимый император на самом деле не мнимый — значит, андроид он, Андас!

— Тебя донимают тревожные мысли. — Он встал на ноги, но Шара лишь села на ложе из листьев. — Я не требую от тебя больше, чем ты можешь дать, но перед другими мы должны играть свою роль, чтобы сохранить тайну. И ради него я пойду на это! — Озабоченность в ее голосе стала предупреждением.

— Перед другими я тоже буду играть свою роль — как сумею. А сумею лучше, если ты расскажешь мне больше.

Шара кивнула.

— Самое подходящее время для такого разговора. Мы здесь одни. Даже мохнатый, которого ты называешь другом, ушел с охотниками. Бродяги мертвы, и есть шанс хорошо поохотиться. А любую возможность добыть еду следует использовать.

Штаб твоих сил расположен в Месте Красной Воды. У тебя сейчас четыре главных военачальника. Первый — Квайн Мейкнаген. Он самый старший и когда-то был губернатором Севера. Он высокий, сутуловатый, и у него привычка вот так тянуть себя за нижнюю губу, — она показала, — когда он глубоко задумается или попадет в затруднительное положение. Он думает не слишком быстро, но, приняв решение, доводит дело до конца.

Второй — Патопир Ишан. Он моложе, воин доблестный, но безрассудный, и его иногда приходится сдерживать. Он прихрамывает из-за старой раны, но умеет красиво говорить и пленяет женщин так, словно у него на шее любовный амулет. Он красив и часто смеется, но весьма проницателен. Только безрассудные порывы мешают ему стать подлинно великим.

Третий военачальник — госпожа Бахия Баноки.

— Женщина!

— Именно! — произнесла Шара укоризненно. — Когда ее супруг пал в битве при Наймарре, она возглавила его войско и прекратила отступление. Она очень умна, проницательна и опытна, средних лет, у нее было на твоей службе четыре сына. Из них только один остался в живых.

А четвертый и последний из твоих военачальников, мой повелитель, — некая Шара. С тех пор как мы вырвались из огненного кольца в Торту, я возглавила свой род, а мой старший брат прикрывал отступление.

С этими четырьмя ты будешь иметь дело чаще всего, но тебе надо знать и о других. — Она продолжала терпеливо рассказывать, а он старался запомнить подробности относительно множества мужчин и нескольких женщин, с которыми ему предстояло встретиться, чтобы приветствовать их как старых товарищей по оружию.

Андас обнаружил, что эта наука дается ему легче, чем он ожидал. Но удивился, когда Шара вдруг замолчала, понурила голову и посмотрела на свои руки.

— Есть еще один. — Ее нежелание говорить было таким явным, словно ее принуждали. — Это верховный жрец Келемейк.

— Келемейк! — Андас удивился, но в следующее мгновение подумал: а чему тут удивляться? Если у него, Андаса, есть здесь двойник, то почему их не может быть у других, кого он знает? То, что в рассказе Шары он не встретил ни одного знакомого имени, ничего не значит. Здесь произошли большие перемены. Люди, которые в обычных условиях никогда не привлекли бы внимания императора, теперь вступают с ним в прямой контакт.

— Ты говоришь так, словно знаешь его...

— В моем мире тоже есть Келемейк, хотя там он не верховный жрец. Он был придворным историком и какое-то время учил меня.

Она сразу поняла то, о чем Андас догадывался.

— Если есть двойник Андаса, то может быть и двойник Келемейка. Каким человеком был тот, кого ты знал? — Сейчас, когда они остались одни, она говорила с Андасом как с равным, без той почтительности, какую демонстрировала в обществе других. И ее прямота смущала его еще сильнее.

— Это был нелегкий человек: очень ученый, он не интересовался ничем, кроме своей работы. Он сторонился двора, пропадал в архивах. В конце концов император, мой дед, назначил его хранителем архивов. Он не был религиозен, но знал о религии больше многих жрецов, и так же очень много знал обо всем остальном. Но несмотря на все это, он не был магом — никогда не обучался этому искусству. Но, думаю, это больше прочего соответствовало его темпераменту.

— Знание форм религии и всего того, что связано более с прошлым, чем с настоящим? Это можно сказать и о нашем

Келемейке. Этот человек твердой рукой правит храмовым братством, и у него множество сторонников. Но мне он не по душе. И Андас тоже не хотел вводить его в свой ближний круг. Думаю, это его обижало, хотя Келемейк ничего не говорил. Но его окружение пыталось переубедить Андаса. Мой повелитель отвечал, что чувствует в этом человеке изъян, который не может назвать. Позволь тебе сказать, что есть несколько мужчин — и женщин, — которым при необходимости я могла бы рассказать о нашем обмане. Но Келемейк будет последним из них. Осторожнее с ним — не могу объяснить почему. В такой жизни, как наша, тени хуже реальности, потому что реальности можно противостоять, с ней можно бороться, а тени ускользают, чтобы вернуться, и ждут, когда храбрость покинет нас, а здравый смысл обманет в минуту нужды и отчаяния.

— Я предупрежден. Никогда еще у императора не было больше оснований опираться на свою избранницу, — сказал он намеренно, ибо его вновь тронула внутренняя сила Шары, то, что она смогла готовить другого человека к тому, чтобы он занял место того, кого она любила. В том, что она любила того Андаса, хотя держала эту любовь в себе, не открывая своих чувств, он не сомневался.

— Не только я избранница, но и ты, — негромко сказала он.

Он протянул руку.

— Поэтому давай обручимся заново.

Когда они начали этот разговор, Андас меньше всего думал о том, чтобы предложить ей руку. Однако это произошло легко и естественно, хотя он не сомневался, что между ними только дружеские отношения. Но и такой дружбы в прошлом он никогда не знал.

— Принц! — окликнул его с нижнего уровня Йолиос.

Андас отступил от девушки и посмотрел вниз. Саларикиец улыбнулся ему.

— Охота хороша — настолько, что твоим лесовикам нужна помощь. Они просят нас сходить к перевалу с просьбой выслать транспорт, потому что это мясо должно как можно скорее попасть в коптильни. А ты — в свой штаб.

Они пошли по тропе, ведущей из леса; теперь, когда она хотя бы временно очистилась от жуткого врага, здесь стало

очень приятно. Вышли они в полдень, но идти было легко, и к перевалу они подошли еще до заката.

Маленький местный гарнизон встретил их тепло. Шара заранее сообщила Андасу, что здесь нет никого из его близких последователей. С ним держались уважительно, и он отвечал тем же.

Десять человек отправили по их пути в лес за нежданным запасом мяса.

— Повелитель, до нас дошли слухи о том, что на свободе ночные бродяги... — сказал командир гарнизона, когда посыльные ушли.

— Уже нет. — Андас рассказал о своих приключениях и увидел, что командир смотрит на него недоверчиво.

— Четверо... четверо ночных бродяг убито! Повелитель, это почти такая же хорошая новость, как взятие горы Драк. Если лес свободен, можно охотиться и не бояться голодной смерти. Будь у нас прежнее оружие, что мы могли бы сделать!

— У нас есть и скиммер. — Андас коротко рассказал об удачном нападении на машину. — Мы не решились на нем лететь, чтобы нас не сбили свои же...

— Можешь не опасаться, мой повелитель. Пусть у нас нет коммов, как в прошлом, но есть то, что их заменяет, хотя уступает в скорости передачи. Мы можем отправить твое сообщение, и в штаб ты сможешь лететь. Марчер, — обратился он к часовому у двери, — позови Дуллаха с самыми быстрыми летунами.

Потом снова обратился к Андасу:

— Повелитель, напиши, что хочешь сообщить. Еще до восхода луны послание будет в руках твоих военачальников: Дуллах лучше всех умеет выращивать горных соколов, и никому не превзойти его посыльных в скорости и исполнительности.

— Разреши мне, — сказала Шара. — Я отправлю сообщение от твоего имени, а ты пока подробно узнай от командира о делах в горах. — Она быстро взяла все в свои руки, и Андас понял, что может не опасаться ошибок.

Он пришел в восторг, когда принесли соколов; к их лапам уже были прикреплены тонкие трубки — для надежности собирались пустить двух соколов. Они были не такие тяжелые, как птицы в его мире, но с более широкими крыльями. Оперение серое с переходом в черное — это делало соколов не-

видимыми ночью, а на голове, увенчанной хохолком, — зоркие глаза, привыкшие к темноте. В природном состоянии это были ночные хищники.

На листке прочной тонкой кожи, который ей дал командир, Шара начала писать сообщение. Пока она писала, Андас расспрашивал.

— Расскажи, что происходит в горах. — Он готов был получать новые данные, которые помогут ему играть роль главнокомандующего.

16

Свет был достаточно ярким, чтобы Андас разглядел лица сидевших за столом. Шара хорошо поработала. По ее описаниям он знал достаточно, чтобы без запинки назвать каждого. Слева от него на месте главного военачальника сидел Квайн Мейкнаген. За ним — Патопир Ишан, лицом к нему — госпожа Бахийя Баноки, а справа от Андаса — Шара.

Незадолго до этого они встретили его с явным облегчением, и в них он не заметил и тени страха или испуга. Но после предостережения Шары оставался начеку. Именно поэтому за столом совета лицом к Андасу сидел и Йолиос. Принц не знал, сможет ли саларикиец при помощи своего особого чутья разоблачить предателя, но это была хоть какая-то мера безопасности.

Первым энергично заговорил Ишан:

— Должно быть, это правда, мой повелитель. Пилот был полумертв, когда мои разведчики нашли его в разбитом скиммере. Они выслушали его рассказ и отправились к горе Драк. Там никаких признаков жизни.

— Это хитрость! — с жаром ответил Мейкнаген, бросив на Ишана сердитый взгляд. — Приманка, чтобы завлечь нас в западню.

— Верховный жрец говорит, что этот пленник сказал правду, — низким спокойным голосом произнесла госпожа Баноки. — Его допросили под гипнозом. Эпидемия широко распространилась по горе Драк. И все последние месяцы с нами сражались роботы в автоматическим режиме. Теперь и они выходят из строя, потому что нет техподдержки.

— Выходят из строя! — фыркнул Мейкнаген. — Они были настолько в рабочем состоянии, что прожгли дыру в нашем последнем краулере. И было это всего десять дней назад, когда мы искали тебя, мой повелитель. — Он обращался непосредственно к Андасу. — Говорю тебе: идти к этой горе смертельно опасно. Нет, это ловушка. Что бы ни говорил верховный жрец, мы знаем — в старину умели манипулировать памятью людей, вводить в нее ложные воспоминания. Так могли обработать и этого несчастного: у них еще остались механизмы и приборы, а мы вынуждены стрелять из самострелов и ездить на эльклandах.

Андас склонил голову, признавая горькую логику рассуждений своего военачальника. То, что он здесь увидел, не внушало оптимизма и бодрости. У продержавшихся до сих пор силы духа было гораздо больше, чем способностей вести войну против тех, кто все еще владел оружием так называемой цивилизации. Они словно ждали, что на их стороне выступит какой-нибудь герой из древней легенды и позволит «правым» с помощью его сверхъестественной силы одержать победу. Но рассчитывать на сверхъестественную силу... Неожиданно мысли его вернулись к тому, о чем он не думал с происшествия в лесу.

— Большинство умерли или умирают, сказал пленник? — спросил он у Ишана.

— Да, большинство. Среди них есть и как будто бы иммунные. Но их немного, и они сейчас не в состоянии оборонять гору. Мы можем выступить и...

— А не было ли среди умерших Кидайи? — прервал его Андас.

Ишан оживился:

— Этот человек всего лишь командир взвода и не общался с высшими офицерами. Но он сказал, что с месяц назад или чуть больше — после пережитого он не очень хорошо представлял себе время — лорды-сторонники Кидайи и она сама забрали последний крейсер и улетели.

— Вероятно, он не знает куда?

— Она могла улететь только в одно место, — своим обычным бесстрастным голосом сказала Шара. — В Долину Костей, где обитает сила, способная ей помочь.

Все молчали. Ишан смотрел на девушку, госпожа Бано-

ки — на свои руки, лежащие на столе, пухловатые, в дорогих кольцах — символах власти; эти кольца так впились в ее плоть, словно она носила их очень давно. Мейкнаген потянул себя за нижнюю губу. Йолиос сидел спокойно и расслабленно, но Андасу показалось, что у саларикийца раздулись ноздри: он словно почувствовал какой-то запах.

— Если инопланетники одни, а те, кто их нанял, их, так сказать, бросили, — первым заговорил Андас, — мы, вероятно, сможем убедить их, что их договор разорван. Предложим им сдаться на почетных условиях.

— Это ловушка!

— У нас есть возможность это проверить. Воспользуемся скиммером. Допустим, мы с его помощью вернем пленника на гору и подождем, что будет. Наемники очень не любят, когда их контракт разрывают на чужой планете. Все зависит от того, что им обещали.

Шара кивнула.

— Не сомневайтесь, сулили им многое. Есть основания считать, что они дали клятву сражаться не на жизнь, а на смерть. Сердце мятежа не на горе Драк, оно в Долине Костей.

— Но, чтобы отправиться в эту долину, я должен взять то, что находится на горе.

— У тебя есть план, мой повелитель? — спросил Мейкнаген.

— У меня есть это. — Андас положил руку на стол и разжал кулак. На ладони у него лежал ключ.

— Но ты не можешь... в храме смертоносная радиация! — воскликнул Ишан.

— Нет, если пойти в противорадиационном костюме. Я знаю, что искать. И найду, если будет защита.

— Нет! — Мейкнаген с силой ударил кулаком по столу. — Ты погибнешь. Риск слишком велик, а если с нами не будет тебя, Кидайя победит, нам же останется перерезать себе горло.

— Что же делать? — спросил Андас. — Ждать, пока Кидайя и ее дьявольские помощники придумают и пошлют против нас новое зло? Разве не довольно отступать во мрак варварства? Нам нужно то, что на горе, и нужно сейчас! Вы все знаете, что это значит, какой силой наделено то, что открывает этот ключ. — Он держал ключ в пальцах как указку, направляя вдоль стола.

— Пройти в храм невозможно, — повторил Мейкнаген. Он не отрывал взгляда от ключа, но упрямо качал головой.

Андас хотел бы признать это так же безоговорочно, как его полководец. Единственный план, какой ему удалось составить, ничуть его не привлекал. Он не был героем, готовым умереть, лишь бы выполнить задачу, способную спасти положение... а может, и не способную. Но это было частью возложенной на него ответственности. Только истинный император и его признанный наследник могли воспользоваться этим ключом. Андас даже не знал, что им откроет, если доберется до места, но верил — это даст ему окончательный ответ, жить или погибнуть империи. И, похоже, настал час, когда этот ответ стал необходим.

Если, как утверждают, гора Драк — действительно хорошо укрепленная крепость, там должны быть противорадиационные костюмы. В таком костюме он сможет войти в храм или в его развалины, и тогда... «Не торопись, — остановил себя Андас, — делай шаг за шагом. Ты ступил на очень опасный путь».

— Приведите пленника, — приказал Ишан, зная, что чем дольше они будут совещаться, тем меньше смогут решить, а действовать необходимо.

Внешне пленник походил на тех, кого Андас видел в захваченном скиммере, только этот растерял всю уверенность. Но его подготовка сказывалась, и он вытянулся перед Андасом.

— Ты рассказал нам о ваших бедах, — начал принц. Ему показалось, что дух пленника сломлен. Пожалуй, из него вытянули все, что он знает. Но, возможно, Йолиос способен узнать больше.

— Эпидемия, ваше величество...

— Вот именно. Я слышал также, будто ваш наниматель или наниматели вас обманули... это верно?

Солдат вздрогнул, словно вопрос пробил наросшую вокруг него оболочку невезения.

— Обманули, ваше величество?

— Ведь Кидайя и верные ей лорды бросили вас? Ведь это они пригласили вас сюда, а теперь бросили умирать. На взгляд честного человека, солдат, это нарушение контракта. Ты разве не думал об этом?

— Нам ничего не сказали, ваше величество. Мы продолжали выполнять свой долг.

— И зря. Но теперь, солдат, ты можешь кое-что сделать — и не только для себя, но и для всего вашего отряда, для тех, кто уцелел. Передай наши условия твоим уцелевшим командирам, имеющим полномочия сдаться. Мы выполним все требования кодекса наемников и предложим почетные условия, клянусь. Это уже не ваша битва, вам незачем расплачиваться за тех, кто сбежал и бросил вас.

— Ваше величество, невозможно вернуться к горе пешком. Я прилетел на скиммере, но он отказал. Тяжелое вооружение, согласно приказу госпожи Кидайи, задействуется автоматически, и к нему нет доступа. Я не смогу туда добраться.

— Ты прилетел на скиммере — и вернуться можешь на скиммере. Или ваша противовоздушная оборона тоже действует автоматически?

Под пристальным взглядом Андаса солдат облизнул губы, но глаз не отвел.

— Нет, ваше величество. Считалось... что у вас больше нет воздушных средств. А еще, ваше величество, говорили, что и ты сам мертв или скоро умрешь!

— Как видишь, я не умер, и воздушные средства у нас есть. Тебя отвезут к горе Драк, и там ты спустишься на антигравитационном поясе... — Андас повернулся к Ишану. — У него был такой пояс?

Военачальник утвердительно кивнул, и принц продолжил:

— Ты передашь своему командиру наши условия. Мы дадим ему день на обдумывание. Если он их примет, он сам и по меньшей мере два старших офицера должны подать сигнал с вершины горы. За ними прилетит скиммер и привезет ко мне для мирных переговоров. Ясно?

— Да, ваше величество.

— Приготовьте его, — велел Андас Ишану.

— Они не сдадутся. — Но теперь Мейкнаген был уже не так уверен в этом.

— Думаю, сдадутся. Наемники продают свою верность, но это правило имеет и обратное действие. Если они решат, что контракт нарушен, то сдадутся на условиях кодекса наемников. А мы, поскольку не можем выслать их с планеты, возьмем с них слово.

— Ты поверишь их клятве? — продолжал возражать Мейкнаген.

— Ты ведь знаешь наемников?

— Да. Если они дадут клятву, то, пожалуй, сдержат ее.

— Не все сразу. — Андас перешел на официальную придворную речь. — День на исходе, мои верные военачальники, аудиенция окончена. — Сказав так, он впервые перешел от роли командующего к роли императора. Все вышли, за исключением Йолиоса, которого он знаком попросил остаться, и Шары.

— Что ты узнал? — Андас едва дождался ухода остальных, чтобы задать свой вопрос.

— Во-первых, среди них нет предателя. Во-вторых, ты правильно оценил этого пленного. Думаю, он все сделает, как ты хочешь. Будем надеяться, что так же поступят его командиры. Но что ты собираешься делать, принц... или теперь следует говорить «император»?

— Я верю, что этот ключ, — Андас спрятал ключ в одежде (он наконец расстался со своим грязным рваным комбинезоном, сменив его на куртку, брюки и сапоги) — позволит нам наконец найти управу на Кидайю. Он — самое могущественное оружие, какое когда-либо знал мой народ. Мы даем клятву не прибегать к нему без крайней необходимости. И я считаю, что мы именно в таком чрезвычайном положении. Если у врага автоматическая защита, можно столетиями ждать падения горы Драк: защита будет действовать, пока не истощатся запасы энергии.

Но сейчас важна не эта гора, а Долина Костей. С первых дней существования империи нам всегда угрожала Старуха. Как говорится в предупреждении? — Он взглянул на Шару.

— Тьма порождает тьму, зло дает начало злу.

То, что человек делает, он может уничтожить.

Но так он устроен.

А иное ждет. Наблюдает.

И наконец торжествует над всеми.

Наступит ночь, а новый день не придет.

Будет зима, но не будет весны.

Высохшие кости лягут рядами,

Но некому будет их оплакать,

Ведь не станет глаз, способных проливать слезы.

— Невеселое предсказание, — заметил саларикиец. — У него есть какой-то смысл, помимо мрачных слов?

— Старуха отрицает все, что мы считаем жизнью. У нее много обличий. Иногда она снисходит до того, чтобы явиться страшилищем, которым пугают детей. Бывает, что ее последователи гордо владеют огромной силой. Но пророчество всегда предрекало, что когда-нибудь Старуха и тот, кто владеет ключом, вступят в последний бой. Я думаю, это время пришло.

— И Кидайя прислана в наш мир, чтобы ускорить события? — размышляла Шара. — В таком случае все зло, какое она причинила, складывается в единый рисунок. Если бы она жаждала получить только императорскую корону, то завладела бы ею, не навлекая таких несчастий на друзей и на врагов. У нее было множество возможностей, и она всегда выбирала ту, что сулила наибольший хаос и разрушения. Итак, ты воспользуешься оружием, ключом. И куда ты его отнесешь — в Долину Костей?

Андас неожиданно почувствовал страшную усталость, как человек, истративший все силы и обнаруживший, что должен взвалить на себя дополнительную ношу.

— А куда еще? — просто спросил он. Он никогда не хотел ничего иного, кроме обязанностей, которые сейчас казались легкими и приятными. Но обратной дороги нет. С той минуты, когда он взял в руки ключ, он выбрал свой путь. Тот привел его сюда, и он не мог с него свернуть, даже если бы захотел.

— Но один ты не пойдешь! — возразила она.

Он чересчур устал, чтобы спорить. Иногда, оставаясь в одиночестве (в последнее время это случалось так редко), он закрывал глаза и проводил пальцами по векам, словно пытаясь стереть свет и звуки. Без Шары он и часа не мог бы играть свою роль. Временами ему хотелось, чтобы она позволила ему ошибиться, выдать себя, — тогда он освободился бы.

Он подошел к окну маленькой комнаты, до которой сократилась огромная империя. Некоторое время он не сможет вмешиваться в действия. Теперь все зависит от того, сдастся ли гора Драк.

— Император, — Йолиос выговорил этот титул без почтительности, с какой его произносили другие, — к нам кто-то идет... — Он повернулся, ноздри его раздулись. — И с ним что-то неладно...

Андаса не успел попросить объяснений: часовой откинул одеяло, служившее дверью.

— Повелитель, верховный жрец просит срочно принять его.

— Пусть зайдет.

Вошедший был двойником того Келемейка, которого помнил Андас. Он не следовал распространенному обычаю бриться — его подбородок украшала воинственно заостренная бородка. Просторное одеяние, не столь истрепанное, как у солдат гарнизона, было, как и полагалось храмовому облачению, ржаво-красным. Голову, как предписывал сан, венчала высокая коническая митра, украшенная не драгоценными камнями, а лишь вышитым серебром изображением ключа. Серебряный ключ свисал на длинной цепи и с шеи.

С тех пор как Андас появился в крепости, он дважды видел верховного жреца. Оба раза это были чисто официальные встречи в большом обществе. Сейчас ему показалось, что верховный жрец, вместо того чтобы обрадоваться возвращению императора, старался как можно незаметнее избегать прямого общения с предводителем. Но вот он здесь и как будто очень хочет поговорить.

— Гордость рода Балкис-Кэндаса, — прозвучал голос, которым привыкли пользоваться при больших скоплениях народа, — мне стало известно, что мы выступаем против горы Драк.

— В общем, да... — подтвердил Андас. — Мы предлагаем ее защитникам сдаться.

— Этим инопланетникам, этому воплощению зла — им нет прощения! — Глаза жреца засверкали. Насколько можно судить о двойнике по тому человеку, которого знал Андас? Для прежнего Келемейка такая мина означала, что он собирается разнести в пух и прах какое-нибудь старинное верование.

— Они наемники. Мы предложим им обычные мирные условия, и они дадут клятву.

— Они осквернили нашу планету, превратили империю в пыль! Гордость рода Балкис-Кэндаса, те, что были до нас, не станут приветствовать такое недальновидное милосердие. Молю тебя еще раз подумать, прежде чем предлагать этим кровопийцам какие бы то ни было условия. Пусть остаются в норе, куда сами себя загнали, и перемрут.

— Это гораздо легче. — Андас надеялся, что говорит убедительно. Позиция жреца показалась ему несколько необычной.

Обычно жрецы не призывают к мести. — Но на это уйдут годы. А у нас их нет. И, если мы можем закончить войну сейчас, стоит дать клятву.

— Но никакого мира с Кидайей не будет! — выкрикнул Келемейк. — А она не на горе.

— Да, ее там нет. Но где бы она ни была, мы ее отыщем.

Келемейк оскалил зубы в презрительной улыбке:

— Конечно, с помощью оружия, захваченного на горе. Возможно, это недурной план, да только у тех, с кем сейчас Кидайя, такое оружие, по сравнению с которым оружие горы — ничто.

— Вовсе нет. — Андас протянул руку к груди; там под одеждой покоился ключ. — У меня есть вот что. — Повинуясь порыву, которого сам не понимал, он извлек свое наследие. И снова ему показалось, что весь свет в комнате сосредоточился на ключе.

В Келемейке произошла поразительная перемена. Только что его рука лежала на серебряном ключе, символе его сана. Теперь он сорвал этот ключ с шеи и замахнулся им, как оружием. Но не довершил то, что собирался сделать, — Йолиос прыгнул. Саларикиец напал сбоку, и это внезапное нападение заставило жреца осесть на колени. После второго удара чужака жрец упал. Йолиос перешагнул через него, поднял ключ, осмотрел его и глухо зарычал.

— Неплохая игрушка для жреца, император. Посмотри! — Держа ключ, как Келемейк, он подошел к столу. Послышался легкий щелчок, и в деревянную крышку стола вонзилась маленькая черная игла величиной с одежную застежку: должно быть, она скрывалась в ключе.

— Не дотрагивайся. — Йолиос отвел руку Андаса. — На ней очень подозрительное пятно. И скажу тебе кое-что еще. Это... — Он носком сапога толкнул тело жреца. — Это не человек. Во всяком случае, не такой, каких мы знаем.

— Андроид? — ухватился за предположение Андас.

— Нет, когда-то он был человеком. Но кем он стал, наверное, могут сказать только последователи этой вашей Старухи. Он и есть ваш предатель, или я никогда не чуял большего зловония!

— Келемейк! — выдохнула Шара. — Но ведь жрецы неподвластны Старухе. Иначе они не могут быть жрецами.

— А сколько времени прошло с тех пор, как перестала действовать защита храма? — спросил Андас. — Ты почуял предательство?

— Я уловил зловоние, похожее на то, что издавали лесные твари, и понял — он такой же. И пришел сюда, чтобы убить тебя, а это означает одно: те, кому ты противостоишь, тебя боятся. Возможно, им не понравился именно твой последний план.

— Но как они узнали? Мы ведь обсуждали его только что.

— Разве не ты показывал мне шпионские глазки в вашем дворце? Если их нет в стенах этой крепости, значит, у предателя были свои шпионы. Он так встревожился, что готов был убить тебя при свидетелях и тем самым выдать себя. Он либо замышлял убить и нас, либо служил хозяину... или хозяйке настолько преданно, что готов был погибнуть. Как лучше закончить свою службу, если не со славой, уничтожив главную угрозу?

Андас склонился к жрецу и перевернул его тело. Он не думал, что Келемейк мертв. Йолиос не мог ударить его так сильно. Но тот был мертв, и Андас обыскал его. Он не знал, что ищет, но должна была существовать какая-то связь между предателем и врагом. И наконец нашел ее внутри митры, непосредственно под символическим изображением ключа. Это оказался крошечный приборчик. Принц попытался его вытащить, но оказалось, что провода от него расходятся под тканью митры во все стороны и могут касаться черепа во многих местах.

Череп же, как принято у жрецов, был выбрит. Йолиос присел с другой стороны от трупа и стал разглядывать вначале шапку, потом череп. Вдруг он протянул руку, выпустил на полную длину когти двух пальцев и резко провел ими по черепу, разрезав кожу. Но кровь не полилась. Под кожей все увидели блеск металла. Частью черепа жреца была металлическая плата.

— Опять дела ваших Несси, — заметил Йолиос. — Они соединили свою магию с наукой, если это можно так назвать.

Андас встал.

— Чем скорей мы навестим Долину Костей, тем лучше, — процедил он сквозь зубы.

17

Андас расхаживал из стороны в сторону. Комнаты в небольшой крепости, предназначенной для размещения сторожевого отряда, не годились для таких метаний. Он мог преодолеть расстояние от стены до стены в два шага. Но сидеть спокойно он тоже не мог — после того как саларикиец раскрыл тайну верховного жреца, не было спасения от мыслей. Но сколько еще предателей здесь, на командном пункте? А помочь ему может только способность саларикийца чуять врага.

Непрошеными в голову лезли мрачные старинные сказания. Некогда его народ поклонялся богам, отвернувшимся от света; этих богов можно было умилостивить только кровавыми жертвоприношениями. С той поры уцелела лишь Старуха. Позже короли держали при себе «колдунов», мужчин и женщин, будто бы наделенных даром буквально «вынюхивать» врагов. И очень от этих колдунов зависели. Наряду с виновными часто страдали и невинные. Однако Андасу не верилось, что кто-то из людей мог быть наделен такими же способностями, как Йолиос. И ему следовало благодарить Акмеду за то, что саларикиец последовал за ним в этот оживший кошмар и стал его товарищем по оружию.

Теперь чужак, скрестив ноги, сидел на широком подоконнике и смотрел на Андаса. Он отказался надеть форму императорских войск, взял только брюки, сапоги и шапку. Очевидно, ему не нравилось, если укрыт его поросший шерстью торс. А еще с тех пор, как они оставили лес, он постоянно держал у носа увядший зеленый клубок, хотя травы и листья пахли сейчас не так сильно.

Шара сидела в единственном кресле. Свою изорванную грязную одежду она сменила на мужской наряд, только сложная прическа теперь выдавала ее пол — иначе ее можно было бы принять за юношу. Она сидела неподвижно, не сводя глаз с Андаса, но смотрела как будто куда-то внутрь его.

— Сколько?.. — Андас повернулся к ним. — Сколько еще таких может быть среди нас?

— Ни одного среди тех, кого я видел... кроме этого дьявольского жреца, — спокойно ответил Йолиос. — Но не сомневайся: я узнаю. Он был марионеткой, а за ниточки дергал другой, как в театре теней. Других я не встретил...

— Но этот сумел проникнуть...

— В древние времена и у нашего народа были такие искатели. — Шара говорила о тех же воспоминаниях, что были у Андаса. — Правитель созывал всех своих подданных и отправлял в их ряды своих колдунов. Тех, кого колдуны касались своим жезлом, убивали. Но...

— Это было варварство, — сказал Андас. — Выявление врагов правителя зависело от людей, у которых могли быть свои счеты и желание мстить. Если здесь есть еще предатели, Йолиос их учует. Думаю, пока мы в безопасности. Но надо выступить против Долины Костей раньше, чем они бросят против нас все свои силы!

Снаружи послышалось вежливое царапанье. По слову Андаса вошел Ишан. Он широко улыбался.

— Повелитель, ты мудро оценил тех, кто затаился на горе Драк. Они согласились на встречу. За ними послан скиммер. Он принесет их к утесу Зуба, как ты и приказал.

Андас почувствовал, как оживает надежда. До сих пор он верно оценивал обстановку. Вопреки действиям жреца, чье тело вынесли несколько часов назад, он сделал первый ход в сложной игре, и этот ход оказался успешным.

— Идем. — Он уже направился к двери. Йолиос соскочил с подоконника, девушка шла за ним. Их ждали элькланды горной породы, более мелкие, но более устойчивые на ходу. Шли они неторопливым шагом, то и дело поднимая и опуская рогатые головы. Время от времени один начинал трубить, и это подхватывали остальные.

Отряд состоял из Андаса, Йолиоса, Шары, Ишана и его преданной гвардии. До утеса Зуб было по меньшей мере два часа езды. В этой глуши требовалось постоянно быть настороже. После разоблачения Келемейка Андас никому не доверял.

Лагерь разбили на утесе, Андас и другие предводители устроились чуть в стороне. Внизу под ними тянулась неровная плоская земля — северный рукав той пустыни, куда на другой Иньянге сел корабль-робот. Андас на миг вспомнил Элис: что та рассказала лжеимператору и какой он сделал из этого вывод.

— Они приближаются, — тронула его за рукав Шара.

В небе, похожий на насекомое, показался скиммер. Ишан отдал приказ, и половина его людей исчезла среди камней,

окружив намеченное для встречи место. Андаса поразило их умение укрываться. Но ведь эти люди уже много лет вели партизанскую войну. Те, кто не научился этому искусству, давно погибли. Им было велено не показываться, если не будет обнаружено предательство.

Ровного места едва хватило для посадки. Скиммер летел тяжело, он был перегружен. Из него вышли четверо в форме наемников. У них было личное оружие, которое им разрешалось носить согласно обычаю, но ничего более смертоносного. Их головы закрывали шлемы с опущенными забралами. Но, выйдя из машины, все они подняли лицевые пластины, сняли шлемы и стояли с непокрытыми головами.

Двое были молоды — адъютанты или командиры отрядов. Они сопровождали двух офицеров постарше, явно более опытных в военных делах. Тот, что шел впереди, приветственно поднял руку, и Андас ответил на это приветствие.

— Командующий Модан Саллок, — отчеканил наемник. Потом представил остальных: капитаны Маскид, Херихор и Сэмсон.

— Наследник императора из рода Балкис-Кэндаса, — формально представил Ишан, — его избранница Шара, его товарищ по оружию лорд Йолиос.

Саллок мельком взглянул на Андаса и Шару и внимательно — на Йолиоса.

— Саларикиец! — Он не скрывал удивления. Но тут же справился с собой и снова поднял руку, приветствуя Андаса.

В таких обстоятельствах нельзя было тратить время на церемонии. Андас сразу перешел к делу.

— Вы получили наши условия, командующий, и отнеслись к ним серьезно, иначе вас бы здесь не было. Условия простые. Ваш контракт был разорван, когда ваша нанимательница бежала, бросив вас на милость эпидемии. Мы предлагаем вам почетную сдачу. И хотя не в состоянии предоставить вам возможность улететь с планеты, поскольку здесь давно не приземляются корабли, предлагаем вам все лучшее, что у нас есть. Мы с вами никогда не ссорились — вы попросту использовали свое искусство воевать в поддержку узурпаторши. Выбирайте: остаться на горе Драк и позволить эпидемии и времени покончить с вами или на почетных условиях сдать нам крепость. Мы

не враждуем с вами, вы лишь орудие в руках той, что несет нам горе.

Саллок долго смотрел на Андаса, прежде чем ответить.

— Поскольку вы так много о нас знаете, то знаете и о том, что полностью сдать гору мы не можем. Многие виды тяжелого оружия действуют автоматически, и настройки таковы, что мы не можем отменить их. По земле добраться до крепости на горе невозможно.

Андас пожал плечами:

— Пусть все так и остается — она будет памятником породившему ее злу. У нас есть скиммер. А у вас?

— Два отозванных из разведочных полетов. Крейсеров нет — ваша госпожа Кидайя забрала последний исправный.

— Скиммеры перевезут ваших людей в отведенное нами место. С собой пусть возьмут продовольствие и личное оружие, которое разрешено по закону. Но перед началом эвакуации вы должны дать мне еще кое-что.

— Что именно?

— Подходящий по размеру противорадиационный костюм. Лучший из тех, что есть у вас на горе. Таковы наши условия. Хотите посоветоваться со своими людьми на Драке, прежде чем дать ответ?

— Вы примете нашу сдачу и дадите слово согласно межпланетным законам?

— Да, — сразу ответил Андас. Он не знал, поверят ли ему после долгих лет жестокой войны. Но сейчас он должен был демонстрировать абсолютную уверенность.

— Обычай позволяет мне принять ваши условия, — сказал Саллок, — и мы их принимаем. Наш контракт разорван. — С этими словами он достал из кармана запечатанную ленту с лентой, бросил ее на землю и наступил, превратив ленту и ленту в месиво, которое прочесть уже невозможно. — Когда начинать эвакуацию?

— Можете начать, как только вернетесь в крепость. Но костюм мне нужен немедленно, поэтому я полечу с вами. Ваши люди могут остаться здесь.

Андас увидел, что Ишан шагнул вперед, собираясь возразить, и знаком велел ему остановиться, не дав возможности заговорить.

— Каждый ваш скиммер, высадив ваших людей, заберет с

собой наших, — продолжал он. — Мы перевезем припасы и вооружение...

— Там эпидемия! — предостерегла Шара.

Саллок взглянул на нее.

— Госпожа, эпидемия кончилась сорок дней назад. С тех пор ни одного случая заболевания. Она кончилась, когда улетела та, кому мы служили.

— Но почему? — спросила Шара. — Зачем Кидайе убивать тех, кто служил ей?

— Вы очень понятливы, госпожа, — поморщился Саллок. — Нам потребовалось больше времени, чтобы осознать правду. Вы верно сказали, лорд, — повернулся он к Андасу, — контракт разорван. К той, что нас наняла, как-то явился посыльный. Она пришла в сильнейшее волнение и улетела, прихватив всех своих... Ну и злые же у нее приспешники! Почему она решила от нас избавиться? Оружие действует автоматически, а запасы пищи ограниченны. Мы не могли улететь с планеты и стали для нее помехой, она перешла к другим способам ведения войны. И мы все погибли бы, если бы наш врач не обнаружил в системе водоснабжения ядовитые травы и не убрал их. Внешне она женщина, но по сути даже не человек!

— Значит, это не эпидемия, а яд! — воскликнула Шара. — Но она в силах использовать и болезни, угрозу эпидемии, чтобы изолировать нас, не пускать к звездам. Так кто же она, Андас, что вынашивает такие планы?

— Она? Не повелительница, а служанка. И, кажется, хорошая. Тем больше оснований ударить в самое сердце тьмы, да побыстрей.

И вот, заключив мир с наемниками, они сразу начали перевозить их в просторную долину к северу от Места Красной Воды. Там наемники разбили лагерь, туда перевозили с горы припасы. Андас не чувствовал недоверия к тем, кто сдался. Их способность держать слово знали во всей Галактике.

Поскольку на планету не прилетали корабли, он соображал, нельзя ли применить к этим людям старый метод своего народа — предложить им участки земли для поселения. Они могли бы составить ядро нового войска, ведь солдатский надел наследуется новыми поколениями при условии службы в армии. Но это подождет — решение можно принять потом.

То, что ему предстоит, не в нескольких месяцах, а в часах — или днях — впереди.

Саллок приказал принести со склада противорадиационные костюмы Андас на осмотр. Их не использовали много лет, и принц узнал в них модели, знакомые ему по собственным воспоминаниям. Они были вполне надежны. Среди его подчиненных не было техов, поэтому проверку костюмов пришлось поручить наемникам. Специалист доложил, что четыре костюма в рабочем состоянии.

Андас выбрал самый подходящий по размеру, хотя тот все равно был ему великоват. По совету врача наемников его тело дополнительно защитили пластаповязками, какие используются при лечении радиационных ожогов. Повязки делали его неуклюжим, но давали дополнительную защиту от мучительной смерти.

До последнего мгновения Шара пыталась добиться согласия на участие в этой отчаянной авантюре. Андас неумолимо отказывал. Задуманное мог осуществить только один человек, по жребию судьбы — он сам. Он убеждал Шару: защита храма такова, что она все равно не сможет пройти и станет для него дополнительной обузой.

Он настоял только на одном усовершенствовании: в костюм установили устройство громкой связи. Замок, с которым предстояло иметь дело Андасу, частично управлялся голосом.

Он не знал, уцелел ли храм настолько, чтобы в него войти, — после взрыва никто не решался туда ходить. Андас гадал, не произведено ли разрушение намеренно, не только для того, чтобы уничтожить дворец и его оборону. Если Старуха так могущественна, как говорят, ее приспешники вполне могли знать о существовании того, что он искал.

Потребовалась целая ночь работы, чтобы установить в костюме комм. Андас усилием воли заставил себя выспаться в комнатах командира горы Дарк — ему необходимо было отдохнуть.

— Если я не вернусь, — сказал он наутро Шаре и Йолиосу, — править будешь ты, Шара. Лорд, — обратился он к саларикийцу, — это не твоя планета, хотя ты, возможно, не сможешь ее покинуть, и не твоя война. Но, если ты станешь служить этой госпоже, используя свои способности, как помогал мне, я буду доволен, потому что лучшего товарища по оружию

быть не может. Не знаю, как дружат у вас, но у нас я называю тебя братом.

Саларикиец отыскал где-то на горе мешочек с пряностями и теперь то и дело подносил их к носу. Теперь он выпустил его, так что мешочек повис на ремне, и протянул к Андасу обе руки с втянутыми когтями, чтобы тот мог вложить в них свои.

Когти на всех пальцах саларикийца осторожно высунулись и впились в смуглую плоть Андаса. Выступили капельки крови.

— Госпожа, — обратился саларикиец к Шаре, — природа не подарила моему брату когтей, чтобы он мог оцарапать меня. Сними с пояса нож и сделай с моими руками то, что я сделал с его.

Ни о чем не спрашивая, Шара послушалась и использовала острие своего кинжала так же осторожно, как Йолиос когти.

Когда и на его руках показались капли крови, саларикиец, по-прежнему не отпуская рук Андаса, поднес их к губам и слизнул кровь. Андас последовал его примеру и слизнул кровь Йолиоса.

— Кровь к крови, — сказал чужак. — Отныне мы одного клана. Иди спокойно: я сделаю все, чтобы защитить твою госпожу.

Ощущая во рту соленый вкус крови Йолиоса, Андас надел массивный шлем и позволил теху закрепить его. Потом в тяжелых сапогах поднялся на борт скиммера, которому предстояло доставить его как можно ближе к цели.

Они приблизились к развалинам, и Андас понял, сколь трудная задача ему предстоит: он ничего не узнавал. Все здания и башни, которые могли бы служить ориентирами, сровняли с землей, разрушили, или их поглотили кратеры. Скиммер летел по кругу, пилот ждал, пока Андас выберет место высадки. В своем громоздком костюме он не мог пробираться через развалины. Поэтому его нужно было высадить как можно ближе к цели. Но где же храм?

Тут ему показалось, что он узнает Врата Девяти Побед. Он знаком велел пилоту лететь на восток. Затем увидел обвалившиеся столбы: это могла быть только колоннада террасы у входа в храм. Андас сделал знак и прикрепил трос к поясу, который надел заранее. Люк в днище скиммера открылся, машина зависла в воздухе, и Андас выбрался наружу.

Сматываясь с барабана, трос медленно и ровно удлинялся, и вот уже Андас опустился туда, где когда-то был вход в храм. Снижаясь, он разглядывал землю внизу, пытаясь сориентироваться. Вблизи повреждения становились особенно заметны. Стены рухнули, но между ними как будто сохранился достаточный зазор, чтобы войти.

Сапоги коснулись мостовой, и Андас пальцами в перчатке расстегнул карабин. Трос ушел вверх, потом показался снова; на этот раз на нем висел взятый на горе бластер. С его помощью принц надеялся пробить себе дорогу.

С поверхности развалины храма казались угрожающими. Если развалины спеклись от температуры взрыва, ему не пройти. Но тут он увидел подходящую брешь.

К счастью, ему не требовалось входить в основную часть здания, его целью была северная оконечность террасы. Там когда-то были Императорские Врата, пройти через которые он имел право всего дважды за жизнь: первый раз — направляясь на коронацию, второй — когда урна с его прахом поедет на тележке, уже не по его воле, на погребальную церемонию.

Ему преградил дорогу барьер из острых кусков узорного металла. Осторожно пользуясь бластером, Андас вырезал проход, пока не оказался в том месте, которое искал: там, на каменной глыбе, процессия с прахом императора на мгновение останавливалась. В нагромождении камней невозможно было отыскать пружину, открывавшую доступ к тому, что находилось внизу. Используя бластер в половину мощности, Андас разрезал поверхность вокруг блока. Потом, отложив оружие, с помощью металлического прута отодвинул камень.

Внизу показалось темное отверстие. Он посветил туда фонариком. Стали видны ступени, по-видимому, не пострадавшие, несмотря на разрушения наверху. Но костюм был слишком громоздким, чтобы пройти в отверстие. Пришлось опять воспользоваться бластером, расширить проход. Наконец Андас начал спуск.

Десять ступеней, более крутых, чем у обычной лестницы. Постоянно гудел дозиметр, но принц старался не слушать этот предостерегающий звук. Андас ничего не мог с этим поделать и потому не должен был обращать внимания на показания прибора. Расчистить проход — это только начало.

От подножия лестницы в сердце храма вел коридор. То, что

искал Андас, находилось непосредственно под троном, на котором во время государственных церемоний сидел император.

Фонарь освещал только пустые каменные стены — ничто не свидетельствовало о важности этого склепа. Где-то здесь должна была быть дверь. Но в конце коридора принц увидел только стену. Этого он не ожидал. Разве что...

Андас провел языком по губам. Поднял руку в перчатке, но к комму не притронулся. Устройство было установлено так, как сумел тех. Сейчас ничего изменить было нельзя.

Он заговорил. Слова были очень древние, языка он не понимал. Андас сомневался, что кто-нибудь, даже Келемейк, который изучал древние рукописи, мог бы перевести их. Он не понимал их смысла, знал только, что слова эти нужно произносить медленно, с паузами в определенных местах.

Ответа не было. Никакая дверь не открылась, стены не рухнули. Он попробовал еще раз, стараясь делать верные ударения в нужных местах, — и опять безрезультатно.

Наверное, виноват был комм. Вероятно, он искажал интонацию, которая была очень важна. Чтобы произнести слова верно, следовало снять шлем. Но снять шлем здесь, где дозиметр жужжит непрерывно?

Когда есть только один ответ, принимаешь его — или сдаешься. А принц зашел слишком далеко; дело слишком важное, чтобы отступить. Но прожечь стену он не мог: ее снабдили соответствующей защитой. То, что он искал, при первом же сигнале тревоги будет уничтожено.

Андас положил бластер у стены и приподнял лицевую пластину шлема. Воздух был затхлым, нос наполнил едкий запах гари. Но он не мог произносить формулу, сдерживая дыхание. Он в третий раз начал ее читать, зная, что это последняя попытка.

Потом закрыл шлем, кашляя. Стена разделилась посередине, ее половинки ушли в стены коридора. Получилось!

Кашляющий, Андас увидел впереди, в двух шагах от себя, металлическую решетку, блестевшую при свете его фонаря, как только что отодранная. В центре решетки виднелся знакомый рисунок, легендарный «лев» — сказочный зверь, священный символ императора. Раскрытая пасть льва и была замочной скважиной.

Но подойдет ли ключ из другого мира к этому замку? Не

время терять уверенность. Ключ вошел в скважину как по маслу.

Поворот влево — и замок открылся. Значит, точно такой же. От толчка решетка открылась, и Андас прошел внутрь. Впереди посреди возвышения стояла шкатулка. В ней тоже темнела замочная скважина, но Андас не воспользовался своим ключом. Напротив, он извлек его из скважины в решетке и прикрепил к поясу. А потом подсунул руки под шкатулку и поднял ее.

Он ожидал, что придется иметь дело с большой тяжестью, но шкатулка оказалась легкой, легче бластера; он сунул ее под мышку и быстро пошел назад той же дорогой.

Хотя Андас больше не кашлял, в горле у него пересохло, а глаза слезились. Он не решался задуматься о том, какую дозу облучения получил и прикончит ли она его. Нужно было отнести находку к тем, кто сможет ее использовать, пусть даже это будет означать его смерть.

Вверх по ступеням, потом через отверстие, прожженное бластером. Хотя в костюме трудно было поворачивать голову, Андас все-таки запрокинул ее, увидел вверху парящий скиммер. И дал сигнал, подняв руку.

Снова спустился трос. Андас бросил бластер — больше тот ему не был нужен — и, крепко держа шкатулку, привязался и знаком велел поднимать его.

Под его тяжестью трос натянулся. Поднимаясь, Андас надеялся, что пилот принял все меры предосторожности, которым его обучили, и установил между собой и пассажиром силовой экран. Никто не приблизится к Андасу, пока не будут испробованы все способы дезактивации. Но он сделал свое дело. Теперь у него в руках мощнейшее оружие!

18

Подвергнутый самым строгим способам дезактивации, какие только могли придумать врач и техи наемников, Андас сидел в одиночестве перед шкатулкой. Он думал только о том, что должен сделать, а не о результатах взятых у него проб. Он знал, что его поиск может грозить ему смертью, хотя человеку трудно смотреть в лицо гибели, исчезновению всего, что

он знает и чувствует... Ему сказали правду: пробы свидетельствовали о такой дозе облучения, с которой его организм не справится.

Итак, он уже заплатил. Его покупка должна быть достойна платы. Андас вставил ключв скважину и повернул его.

Как ни удивительно — крышку не открывали веками, — она легко поднялась. Внутри, завернутые в какой-то губчатый материал, лежали два предмета: свиток словно бы из тонкой кожи и цепочка темного тусклого металла, усаженная небольшими шишками, образующими декоративный орнамент. Андас достал цепочку и во всю длину разложил на столе. Его охватило разочарование.

Он равнодушно взял свиток, снял кольцо, удерживавшее его, и расправил. Знаки и рисунки на внутренней стороне вначале показались ему бессмысленными.

Ценой жизни приобрести такую малость! Значит, легенда лгала. Возможно, ее предназначение — только подбодрить императора, чтобы тот знал: у него есть выход из самого трудного положения. И от императора ждали, что он найдет выход самостоятельно, не рассчитывая на эту ложь.

Но все предосторожности? Неужели их стали бы соблюдать, будь легенда обманом? Да, если обман никогда не должен был раскрыться, поскольку его единственная сила — во внушаемой вере.

Андас смотрел на рукопись, которую не мог прочесть, на диаграммы, которые расплывались у него перед глазами. Но, кажется...

Прошло несколько мгновений, прежде чем Андас, охваченный отчаянием и разочарованный, обнаружил, что способен кое-где прочесть отдельные слова. Оправдались долгие часы, которые он еще мальчиком провел с Келемейком, когда тот, погрузившись в изучение древних рукописей и нуждаясь в слушателе, рассказывал о них принцу. Андас повторял звучание древних знаков и водил по диаграммам пальцем. Многого он не понимал, но было и такое — и предостаточно, — что понял!

Он пододвинул цепь к себе и пропустил сквозь пальцы, словно считая звенья. Но на самом деле Андас искал смысл в шишках этой цепи. Час спустя он откинулся в кресле. Цепь теперь была обернута вокруг пояса. Он сделал что мог, ниче-

го не понимая из своих приготовлений. Но старая легенда не подвела.

У него оставалась только одна причина, чтобы продолжать жить: отнести то, что хранит, — вернее, то, чем стал сам, — в Долину Костей и там принять последний бой, который так или иначе решит судьбу империи.

Андас вышел из комнаты. У стены на стуле сидела Шара. За ней стоял Йолиос, рассматривая один из видов ручного оружия, найденного на горе. Оба повернулись к нему, но он предостерегающе поднял руку. Теперь ему приходилось думать о том, что он смертельно опасен для других. Выражение их лиц согрело его, тепло пробилось даже сквозь ледяную оболочку, в которой он замкнулся, узнав о результатах проб.

— Нет. Теперь у меня есть то, что может спасти империю, — торопливо сказал он. Сколько ему осталось до начала смертельной болезни? — Скиммер готов?

— Андас. — Шара произнесла только имя и протянула к Андасу руки.

— Нет, — повторил он. — Это предначертано мне. Он отдал свою жизнь, начиная дело, и взял с меня клятву, что я закончу его.

Потом он посмотрел на Йолиоса.

— Было хорошо, — просто сказал принц. — У меня никогда не было брата, вообще никого, кроме отца, кому бы я мог верить. Было здорово узнать, что это такое, пусть даже ненадолго.

Йолиос кивнул.

— Да, было здорово, — негромко промурлыкал он. — Иди, брат, и знай, что я сделаю все, что дóлжно.

По его приказу между комнатой и двором, где стоял скиммер, уже зараженный во время полета к храму, расчистили короткий коридор. Собрался весь гарнизон, и Андас впервые в жизни услышал, что все громко приветствуют его как императора.

— Да здравствует Лев, гордость Балкис-Кэндаса, повелитель копий!

Андас не смел взглянуть ни направо, ни налево, не желая видеть тех, кто кричит. Он знал, что только гордость позволит ему с достоинством закончить это шествие. Ему каким-то образом удалось добраться до скиммера и сесть в кресло пи-

лота. Он по-прежнему не решался оглянуться. Нажал кнопку подъема, и от резкого движения у него перехватило дыхание. Потом летательный аппарат лег на курс, направляясь на последнюю битву.

У Андаса был только один проводник в Долину Костей (кроме тех общих сведений, которые он сумел почерпнуть из старинных рукописей) — кольцо: он был уверен, что оно связано с источником своей силы. Он привязал кольцо проволокой к панели управления скиммером и постоянно наблюдал за камнем в оправе.

Перевалив через горы, он летел не прямым курсом, а зигзагом, чтобы заставить кольцо вести его. И перед самым полуднем убедился, что его догадка верна: кольцо тускло засветилось, и свечение разгоралось ярче, когда он летел по указанному кольцом курсу.

Впереди снова возвышались горы — пустынный и засушливый отрог хребта Уаллога. Когда-то он был частью вулканического пояса, идущего вдоль всего материка. Теперь от вулканов остались только зазубренные конусы, в этой безводной местности не было ни людей, ни животных. На его родной Иньянге хребет Уаллога посещался редко, и многие его вершины оставались неисследованными.

Камень кольца засветился ярко, как никогда. Кольцо указывало прямо на эти дикие земли. Сколько у меня еще времени, подумал Андас, прежде чем ко мне придет смерть? Эта мысль заставила его увеличить скорость.

Он перелетел через цель, понял это по поведению кольца и развернул скиммер, внимательно разглядывая на экране местность внизу.

Кольцо привело его не в долину, а в углубление гигантского кратера. Переведя машину в режим парения, Андас заметил еще кое-что. Его пояс тоже начал греться, реагируя на поток какой-то энергии; к тому же он всем телом ощущал вибрацию, почти такую же неприятную, как при встрече с ночными бродягами.

Он повел скиммер вниз. Необходимости скрывать свое появление не было. Андас нисколько не сомневался в том, что укрывшиеся в этой норе знают о его прибытии. Но хотел тщательно все осмотреть.

Он осторожно отвязал кольцо, стараясь не касаться по-

лоски металла. Он не решался на это, пока на нем был пояс: сила цепи и сила кольца настолько противоречили друг другу, что он опасался столкновения, которое могло стать для него смертельным. Кольцо Андас подцепил офицерским жезлом, который Йолиос заострил специально для этого. И, держа его таким образом перед собой, вышел из скиммера.

Ближайшее из убежищ можно было рассмотреть, и Андаса поразил материал. Невозможно было ошибиться в природе напоминавших бревна предметов, из которых были сооружены стены: кости, огромные кости! Он никогда не слышал о таком огромном животном. Но почему бы и нет? Ведь это Долина Костей. Он просто не знал, что это название следует понимать буквально.

Правая рука Андаса повисла над поясом, не касаясь его. В левой он держал жезл, подальше от себя. Теперь кольцо светилось во мгле долины, как факел.

Он снова попробовал отыскать признаки того, что о его появлении знают и готовы его встретить. Вокруг царила неподвижность и тишина. Ни звука. Если в этом полумраке жили птицы или насекомые, они молчали. Создавалось ощущение ожидания, хотелось оставаться у открытого люка скиммера — это было какое-то убежище.

Наверно, всех людей его народа воспитывали так, чтобы они ждали от этого места самого худшего. Слишком много ходило старинных страшных легенд о его повелительнице, о том, что время от времени она выходит отсюда и делает людей своими последователями. Впрочем, он и так знал, что уже ходячий мертвец, и это знание стало его защитой. Ему больше не угрожала опасность подчинения.

Держа кольцо словно факел, Андас зашагал прочь от скиммера, от знакомого ему мира. И поскольку казалось самым разумным начать поиски с домов из костей, он направился к ним.

Прошло немного времени, и он прошел до конца ряд этих необычных жилищ; все они пустовали, хотя нашлось немало свидетельств того, что они обитаемы. Но где же те, кого он искал? Предчувствие того, что ему вот-вот предстоит действовать, не проходило. Но ни звук, ни движение не выдавали того, что он здесь не один.

Поведет ли кольцо его дальше? Он решил поставить опыт.

Взял жезл свободнее, едва удерживая его в руке. И впервые заговорил. Хотя Андас сознательно говорил тихо, собственный голос показался ему очень громким.

— Ступай к хозяйке!

Жезл шевельнулся, начал движение. Андас старался не мешать ему, не держать слишком крепко, но в то же время он нельзя было его уронить. Жезл замер под прямым углом. Андас тоже повернулся в ту сторону и обнаружил, что не может повернуть жезл.

Тот повел его в сторону от домов из костей, в сторону от озера и скиммера. Он был как копье, нацеленное на крутой склон кратера.

Андас обнаружил, что идет по тропе, с обеих сторон огороженной толстыми столбами — вначале высотой по колено, потом по пояс и наконец по подбородок, и все это были кости.

Меж этих стен Андас вышел к отверстию в стене кратера. А когда остановился, внутри что-то сверкнуло, какое-то зеленоватое пламя. Он ощутил зловоние — хуже вони бродяг.

И тут послышался голос:

— Ты искал нас, император. Пришел искать свою корону? Но твой час миновал — и корона перешла к той, кто больше достойна носить ее!

В зеленом свете он увидел собравшихся. У самой стены стояла группа мужчин, все они смотрели покорно, отчаянно, как будто у них отняли все силы. В центре собралось несколько женщин, а за ними еще одна — на троне.

Андас посмотрел ей в лицо. Ее голову венчала императорская корона, священная корона, которую надевают только тогда, когда правитель присягает на верность. Любого другого, кто коснется этой короны, ждет смерть. Увидав ее в таком месте, Андас почувствовал гнев.

Голова в короне была высоко и надменно поднята. Такого высокомерия не проявила бы даже полноправная императрица. Лицо напоминало прекрасную, но бездушную маску, лишь глаза и жестокий изгиб губ свидетельствовали о жизни.

Женщина была раздета донага. Но на коленях она держала огромную маску, которая закрывала ее до горла. Маску дьявольскую, но не уродливую. Напротив, она была прекрасна, но красотой, устремленной к злу, опороченной и осквернённой.

— Андас, — проговорила женщина с жестокой улыбкой. — Желающий стать императором. Перед тобой твоя императрица! Покорись!

Когда она заговорила, маска тоже посмотрела на принца повелительным взглядом. Андас содрогнулся, поняв, что маска тоже живая, — но то была не человеческая жизнь и не просто чуждая. Именно ее следовало бояться.

— Покорись, Андас, покорись... — Она словно напевала. Женщины, собравшиеся у подножия трона, подхватили эту песню. Она гулом отзывалась в голове, но Андас стоял прямо и не отвечал.

Кажется, она не ожидала такой строптивости, потому что провела языком по губам и замолчала. Но через мгновение заговорила снова:

— Ты не можешь больше мне противиться, император разрушенной империи. Если ты пришел сдаться...

— Я не собираюсь сдаваться, ведьма, — впервые заговорил Андас, и его слова столкнулись с ее словами, как сталкиваются мечи в поединке.

— И как знамя несешь нашу эмблему? — Она рассмеялась, подбородком указывая на кольцо.

— Это не флаг перемирия, Кидайя, а факел, указывающий дорогу к тебе.

— И ты пришел — к своей гибели, император пепла и мертвецов!

— Еще нет! — Впоследствии он не мог сказать, почему так поступил. Словно услышал приказ, прозвучавший в голове, — приказ, отданный силой, недоступной пониманию.

Он приготовился к броску, как человек, посылающий в цель копье. И бросил жезл, так что кольцо угодило точно в рот маски.

Андас увидел, как губы маски шевельнулись, сомкнулись на жезле и переломили его. Часть с кольцом исчезла.

— Подобное к подобному! — воскликнул он, и эти слова тоже пришли откуда-то извне, не из его сознания.

По собранию прокатился стон. Но Андас больше никого не замечал — он видел только Кидайю. Ее высокомерное лицо дрогнуло, на нем промелькнула тень чувства — всепоглощающей ненависти, и Андаса поразило сходство этой женщины с

Абеной, хоть и не очень сильное. Принцесса стояла в начале дороги зла и теней. Эта женщина прошла по ней до конца.

Она рассмеялась.

— Бедняжка! Выбросил свою единственную защиту! Старуха проглотила твое оружие, а теперь съест тебя. — Кидайя принялась, напевая, гладить маску, и Андас вдруг увидел: она не держит маску на коленях, та стоит сама.

Кидайя продолжала напевать, и маска начала расти. Она заслонила женщину, на виду остались только ноги и руки, продолжавшие гладить края. Если это была иллюзия, то ее создатель был очень силен.

Глаза маски жили, она устремила взгляд на него, чтобы увлечь к смерти. Рот раскрылся, показался большой язык и сделал манящее движение.

Андас чувствовал этот призыв, потребность двинуться к рту. Но цепь его удержала, хотя тяга становилась невыносимой. И все это время маска росла.

Однако Андас продолжал ждать сигнала. Он был уверен, что сигнал придет. Если он чересчур поторопится, существо, которое символизирует маска, не удастся втянуть в план реальности достаточно далеко. Надо ждать! Но потребность сдвинуться с места... Андас покачнулся, разрываемый чарами маски и удерживавшей его силой.

Он больше не выдержит, его разорвет!

Сигнал, которого он ждал, пришел вместе с потоком энергии, наполнившей все тело. Андас вскинул руки и начал чертить в воздухе контуры маски. Из его уст полились древние слова, которые он узнал в крепости. Эти звуки и интонация должны были высвободить энергию, затопившую все его существо, и нацелить ее. Он весь превратился в оружие уничтожения.

Все его тело дрожало, содрогаясь от наполнявшей его силы. Андасу показалось, что у него светятся пальцы. И тогда он подчинился зову маски и рванулся к ней, как будто наконец стал ее пленником.

Последовало...

Но ни один человек не может... не должен помнить того, что последовало. Только пустоту и тьму.

Холодно. Никогда в жизни ему не было так холодно. В жизни? Нет, это смерть, которую он нес в себе и которая

наконец им овладела. Но разве мертвый может слышать запахи? Может чувствовать? Если так, все старые суждения о смерти ошибочны. Обоняние, осязание, слух — он услышал негромкий стон.

Зрение? Андас открыл глаза. Он лежал на камне, почерневшем и обожженном, словно по нему стреляли из бластера.

Камень? Память вернулась. Значит, он не погиб. Он приподнялся и медленно посмотрел по сторонам. То, что он увидел, вызвало дурноту. Впрочем, далеко видеть он не мог: холод словно создал ледяную преграду между ним и остальным миром.

Он не смог встать и пополз прочь из углубления. Он полз, пока не оказался на тропе между стенами из костей-столбов. И не успел выбраться на открытое место, как внутри раздался грохот. Вырвалось огромное облако пыли. Андас вскрикнул и закрыл лицо руками. Но это был единственный стон, донесшийся из темноты.

Андас пополз дальше; камни ранили его руки и колени. Он не чувствовал боли — его по-прежнему окутывал холод, и сквозь эту преграду не могли пробиться никакие ощущения. Наконец он добрался до скиммера.

Последние остатки сил ушли на то, чтобы забраться внутрь и упасть в кресло пилота. Окровавленные руки потянулись к приборам. Андас не ощущал, как машина поднялась в воздух и на автопилоте пошла обратно по своему курсу.

Некоторое время он лежал неподвижно, ничего не чувствуя. Он знал, что сделал то, ради чего пришел: уничтожил — хотя бы на время и только в этом мире — маску и тех, кто ей служил. Но никакого торжества он не испытывал. Он словно смотрел видеозапись, в которой сам не принимал участия.

Андас надеялся в этот последний миг, когда превратил себя в смертоносное оружие, умереть быстро и без мучений. Но, кажется, сила, которую он пробудил, уберегла его, и теперь ему предстояла куда более страшная и долгая смерть. Но и об этом он думал отстраненно и только надеялся, что эта отстраненность сохранится. Если энергия выжгла в нем весь страх и все чувства, тем лучше.

Наконец его сковало оцепенение или сон. Скиммер продолжал уносить принца от зловещей горы к земле, ждущей возрождения.

Проснулся Андас не в скиммере, а в постели, в стенах крепости. Итак, он все-таки вернулся — вернее, его вернул запрограммированный на возвращение скиммер. И снова никакого торжества, только огромная усталость. Ему хотелось опять закрыть глаза и уснуть. Возможно, это были первые симптомы того, что ему предстоит испытать перед кончиной.

В поле его зрения что-то появилось. Рядом стояла Шара — но Шара изменившаяся. Узел плотно заплетенных косичек исчез. Теперь ее лицо, по-прежнему худое и истощенное, окружал ореол волос. Она словно сбросила бремя лет. Она была молода, в ней горел свет, который делал ее не похожей на ту женщину, что оплакивала умершего императора. Но хоть сейчас она и не плакала, ей предстояло смотреть, как умирает второй император. Ледяной кокон внезапно лопнул, и Андаса затопили чувства. Никто не будет его оплакивать. Навалилось одиночество, такое сильное, что он не мог этого вынести. Андас сомкнул веки. Но, кажется, она не хотела оставить его в покое.

— Андас! Андас!

Он неохотно вновь открыл глаза. Она стояла на коленях у его постели, ее лицо было совсем близко. А в ее глазах блестели слезы. Одна слеза ясной каплей скатилась по коричневой щеке.

— Андас...

— Дело сделано, — сказал он. — Старуха уничтожена... может быть, навсегда. Правь в безопасности, императрица!

— Только вместе с императором! — ответила она. — Андас, врач... он не нашел никаких следов влияния радиации. Ты не умрешь!

Он уставился на нее. Она говорила правду — он видел это в ее лице. Не умрет? С такой дозой облучения, которую ему назвали? Это невозможно! Человеку такого не выдержать.

Человек! Неужели он наконец получил ответ на свой мучительный вопрос? Неужто он, Андас, — мнимый император, андроид? Вот и доказательство.

— Я не то, что ты думаешь. Я не император, я даже не настоящий Андас. — Надо ей рассказать, прежде чем она продолжит строить воздушные замки. Она добра, но она человек, и то, кто он на самом деле, должно вызывать в ней отвращение.

— Ты Андас! — твердо сказала Шара. Взяла его за руки. У него не было ни сил, ни желания вырваться. Она прижала его руки к своей груди. — Ты император Андас, в этом нет никаких сомнений.

Как заставить ее понять? Остается сказать всю правду.

— Я андроид... я сделан в моем мире так, чтобы походить на настоящего Андаса. Но я считал себя настоящим Андасом.

— Ты и есть настоящий Андас...

— Нет! — Он почувствовал прилив сил — теперь, когда необходимо было дать ей понять, кто он такой на самом деле. — Это и есть доказательство. Я андроид. Человек не может выдержать такое облучение. Понимаешь? Я не человек!

— Брат. — Показалась рука, поросшая мехом с тыльной стороны, и легла ему на плечо. Андас повернул голову и увидел Йолиоса.

— Скажи ей, — попросил он саларикийца. — Расскажи нашу историю целиком. Она не должна верить...

— Он все мне рассказал, Андас. Рассказал, когда ты пошел на верную смерть. Неужели ты думаешь, что врачи не сумели бы установить, что ты андроид? Нет, они считают, что тебя исцелила та сила, с помощью которой ты уничтожил Старуху. Она могла бы убить тебя, если бы ты не был облучен. Одна сила уравновесила другую, и это тебя спасло.

— Нельзя по-человечески относиться к андроиду...

— Невозможно сделать андроида таким человечным. Ты человек. Поверь... прими это, — упрашивала она.

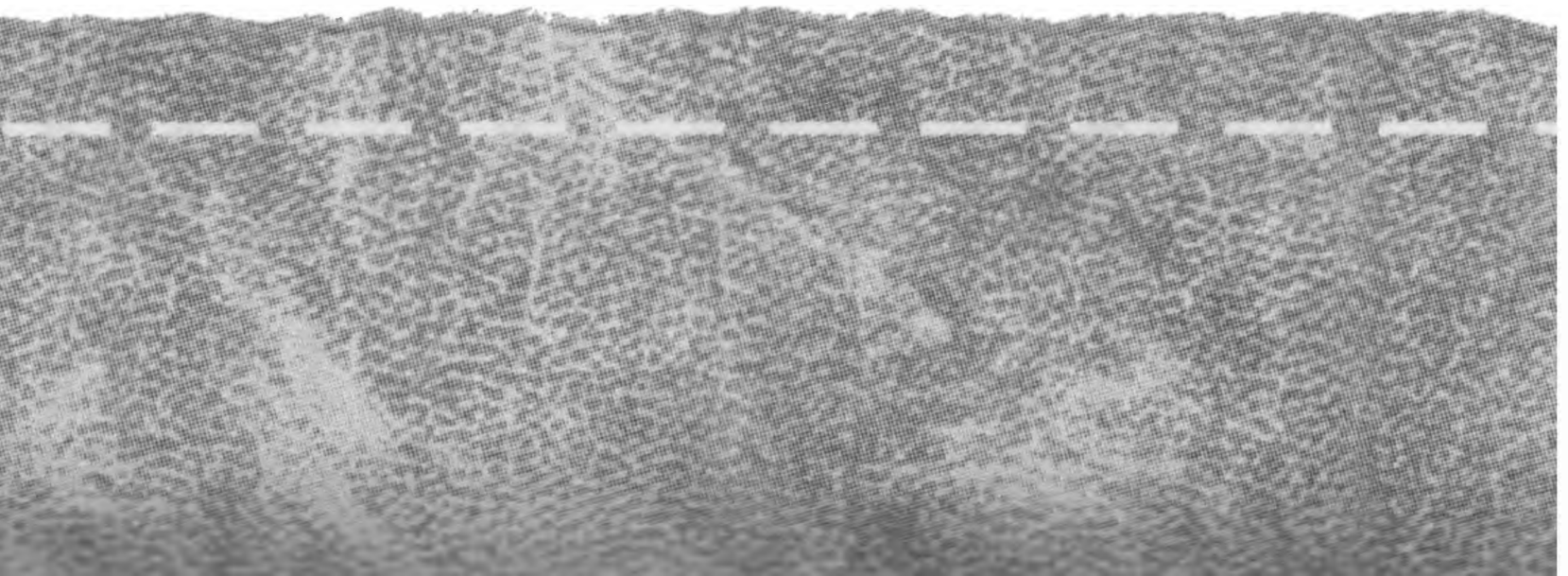
Но он смотрел на Йолиоса. Саларикиец улыбнулся.

— Если ты андроид, то я тоже, но мы все же достаточно человечны, чтобы быть людьми. В таком случае какая разница, брат? Тебя это дважды спасло. Радуйся!

— Радуйся... — Шара придвинулась. У нее были теплые ласковые губы.

И он сдался. Настолько человечен, чтобы быть человеком. Он поверит в это.

ОПАСНЫЙ СПУТНИК



Глава 1

Несколько дней назад (никогда больше не буду доверять отрезкам времени и с уверенностью заявлять: «Прошел день; это длилось неделю; мы прожили год!») мне показали несколько очень старых лент, переписанных, без сомнения, с лент, которые изначально были записаны на легендарной Терре. И кое-что из информации, которая на них хранилась, настолько напоминает события моей собственной жизни, что мне ничего не остается, как поверить, что те, кто впервые записал их (тому назад много веков, окутанных плотным туманом времени, так много, что не сосчитать и планетных лет, — намного больше, чем число звезд на небе), прошли тем же путем, на который направила меня судьба и собственное упрямство.

Не будь у меня неоспоримых доказательств того, что произошло со мной и еще несколькими людьми, то, возможно, сочли бы, что я плету пеструю ленту выдумки, чтобы изумить легковерных. Но это во многом правда, и ленты тому доказательство. Я родилась на планете Чалокс в 2405 году После Полета. Мне было между шестнадцатью и семнадцатью планетных лет, когда я покинула Чалокс и перелетела на Дилан. И с тех пор я не постарела даже на год — а тем не менее сейчас уже 2483 год!

Время! Иногда, когда я хмуро смотрю на эти даты и думаю о том, как мимо меня пролетели эти годы, ко мне возвращаются такие страхи, что я лихорадочно хватаюсь за какое-нибудь дело, вкладывая в него все свои силы и мысли, пока душащая меня волна паники не ослабеет. Если бы не Джорс, к которому я могу потянуться и прикоснуться, который разделяет мое

бремя, то... Но об этом вообще не буду думать — ни сейчас, ни потом, никогда!

Как уже говорила, я родилась на Чалоксе. Моим отцом был Рин Халкроу, разведчик-изыскатель. Он был из талгринцев, то есть из потомков Второй Волны терранцев. Моя мать была форсманкой, из семьи торговцев. Форсманцы тоже были людьми, но Первой Волны переселенцев, и мутировали от тех, кого считали настоящими терранцами.

Их брак был чисто планетным, что вполне обычно для человека на службе, и продлился он три чалоксных года. После церемонии разрыва уз мой отец был переведен в новый исследовательский отряд, осваивающий приграничные планеты. Он оставил мою мать с отличной пенсией и свободой, которой она могла воспользоваться, чтобы заключить новые узы, если захочет, — или если захочет ее отец, ибо форсманцы очень строго придерживаются семейных правил, а самые важные решения принимает старший мужчина клана.

Моя мать нашла нового мужа — это было делом нескольких месяцев, — одного из двоюродных братьев, тем самым сохраняя свое приданое от первого брака в рамках клана, что ее соплеменники сочли очень практичным и справедливым соглашением.

Меня же определили в приют Службы в Латтмахе. Расставание было окончательным. Больше я своих родителей никогда не видела. То, что я девочка, представляло некоторую проблему, так как большинство детей от таких браков — это мальчики, и их с детства готовят к службе правительству.

К несчастью, я унаследовала пол матери, но любопытство и дух отца. Я была бы очень счастлива, если бы стала разведчиком, разыскивающим отдаленные миры и невиданные места. Из всех лент мне больше всего нравилось читать отчеты об исследованиях, о торговле на примитивных планетах и тому подобное. Может, я хорошо вписалась бы в вольные торговцы. Но среди них женщины настолько редки, так охраняемы и лелеемы, что, наверное, в любом из их космических портов я была бы как в тюрьме, редко видясь со своим супругом, и ограничена законом о праве на повторное замужество только по прошествии установленного срока с того момента, как корабль моего мужа будет признан пропавшим без вести.

Итак, я, по мере возможности, готовилась к вероятному

побегу с Чалокса. Я стала хранительницей записей, знатоком в нескольких технологиях, включая технологию наложения воспоминаний. А мое имя — Килда с'Рин — было внесено во все возможные внепланетные списки сразу же, как только власти разрешили мне пройти регистрацию.

Но возможности не предоставлялось, и это начинало меня беспокоить. Мне оставалось меньше года до того времени, когда уже нельзя будет оставаться в приюте, и меня в обязательном порядке назначат на любую должность, которую выберут ответственные лица. Они могли даже вернуть меня в клан матери, а это меня совершенно не устраивало. Так что, в отчаянии, я в конце концов обратилась к одному из учителей, который казался мне наиболее благожелательным.

Лазк Вольк был мутантом-гибридом. В его случае смешение рас привело к определенным телесным отличиям, которые нельзя было исправить даже с помощью самой продвинутой пластической хирургии. Но он проявил такой потенциал ума для обучения и преподавания, что его все же оставили в приюте. А благодаря обширной аудиотеке и личным знакомством с разведчиками и другими путешественниками из дальних мест он приобрел знания, значительно превосходящие любой местный банк памяти, ну разве что кроме правительственного.

Из-за того что в чем-то мы с ним были схожи, — ведь оба томились по тому, что оказалось нам недоступно, — мы с Лазком Вольком стали друзьями. К тому времени как я выразила опасение, что останусь без будущего, или разве что с будущим, навязанным мне кем-то другим, я проработала у него архивариусом и библиотекарем четыре года. Я надеялась, что в ответ он предложит постоянную работу. Хотя это не удовлетворило бы мое желание путешествовать, я бы, по крайней мере, была его непосредственным заместителем в этой сокровищнице знаний.

Привычным жестом он вытянул тонкие двойные руки, изгибая бескостные пальцы над клавиатурой, по командам с которой на экране выводилось все, что бы он ни пожелал, — от полной истории планеты Огненный Дракон до церемонии званого обеда. Своей неуклюжей фигурой, закутанной в одеяние из богатой ткани бора, переливавшейся всеми цветами радуги при малейшем движении, он напоминал толстый валик,

взъерошенный с одного конца, как ворс. Только четыре руки и коническая голова свидетельствовали о том, что он все же живое существо.

Он снова пробежался по клавиатуре гибкими пальцами. Потом приоткрылась щелка рта.

— Нет.

— Нет? Почему? — Я была настолько удивлена, что не сдержала требовательного тона, на который никогда бы не отважилась при обычных обстоятельствах.

— Нет — ты не нужна у меня на службе. Это слишком просто, Килда. А ты не из тех, кто может идти легкой дорогой. — Он нажал одну из многочисленных клавиш и развернул мой стул так, что теперь я смотрела не на него, а на стену, на которой был экран, похожий на огромное зеркало.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Себя.

— Опиши! — У него был такой тон, будто мы находились в одной из тренировочных комнат, где он когда-то начал формировать в моем уме способность удерживать и сохранять знания.

— Я — девушка. Мои волосы... — Я колебалась. Мутанты, жившие в приюте, настолько отличались друг от друга, что у нас не было стандартов красивой внешности или некрасивого уродства. Я знала, что на определенные лица, цвета, формы мне приятно смотреть. Но у меня не было и тени тщеславия и даже ни малейшего представления о том, считалась ли моя внешность хотя бы приемлемой. — Мои волосы, — снова твердо начала я, — цвета темно-коричневого. У меня два глаза — они темно-зеленые; один нос, рот. Моя кожа тоже коричневая, но более светлого оттенка, чем волосы. В остальном — у меня тело гуманоида, и оно здоровое. Что еще, по-вашему, я должна увидеть — кроме этого?

— У тебя есть молодость. И хотя, Килда, ты характеризуешь себя так бедно, выйдя за эти стены, обнаружишь, что на фоне многих будешь выглядеть выше среднего. И, как ты и сама заметила, у тебя нормальное здоровое тело. Следовательно, незачем тебе губить все это, забившись в тень и повернувшись спиной к миру.

— Лучше, — возразила я, — остаться там, где счастлива, чем вернуться в дом форсманского клана или быть служащей в

каком-нибудь правительственном муравейнике, пока не стану такой же глупой, как стены вокруг.

— Может, и так. — Он кивнул. Я была удивлена, что так легко доказала свою правоту. Потом он продолжил: — Но ты привела только два варианта из имеющихся у тебя возможностей. Есть и другие.

— Брак с торговцем? — Я осмелилась высказать третье предположение, которое рассматривала.

— Как средство побега? Не думаю. Торговцы слишком осторожно относятся к женщинам — их ведь у них так мало. Возможно, такой брак окажется еще более отупляющим, чем два первых предложения. А вот...

Должно быть, он нажал еще какую-то кнопку, потому что на экране загорелось, сменяя мое собственное отражение, правительственное объявление. Это было одно из тех предложений эмигрантам, чрезмерно заманчивый и наверняка во многом приукрашенный список всех блестящих возможностей, ожидающих специалистов соответствующей квалификации на приграничной планете.

— Вы забываете, — хотя я не понимала, как он мог такое забыть, — что я не многообещающий мастер, не имею медицинского образования, и...

— Ты очень негативно настроена. — Но в его голосе не было нетерпения. — Это правительственный список. Есть и другие способы получить неплохое место, а именно — помощь по дому с детьми школьного возраста. Ты ведь помогала здесь при проведении занятий. И уж конечно, твой уровень подготовки выше, чем требуется такому помощнику. Разумеется, работа будет временной, но она даст тебе шанс эмигрировать. А в новом мире будут новые возможности. А если только группа эмигрантов не является тесной религиозной группой, то в приграничном мире правила не так строги. И возможно, что там ты получишь должность, которая на внутренних планетах недоступна для тебя из-за твоего пола.

То, что он говорил, звучало очень разумно. Было только одно слабое место.

— Могут решить, что я слишком молода.

— У тебя будут наилучшие рекомендации. — Он сказал это с такой уверенностью, что мне подумалось: не иначе как он уже все обдумал и теперь требовалось только мое согласие.

— Тогда... тогда... я согласна! — Я всегда воображала себе, что если мне выпадет шанс покинуть Чалокс и устремиться к неизвестности далеких звезд, то я ни минуты не буду колебаться. А вот сейчас, сказав, что поеду, я почувствовала, что у меня как-то неприятно засосало под ложечкой. Как будто, стоя на пороге открытой двери, я ощущала безопасность оставляемой комнаты намного сильнее.

— Вот и отлично! — Он снова развернул мой стул так, что я смотрела ему в лицо. — Но помни, Килда, я обеспечу тебе средство только для первого шага, а уж как ты пойдешь дальше, зависит только от тебя. Вот что я могу для тебя сделать. Я назначу тебя одним из моих внепланетных репортеров. Ты будешь поддерживать свои навыки, записывая и отсылая для меня все, что, по твоему мнению, сможет пополнить эту библиотеку.

Я почувствовала, как напряжение внутри меня ослабевает. Теперь во мне зажглась искорка волнения. Наверняка не много я могла добавить к той огромной сокровищнице материалов из тысяч... из сотен тысяч миров, которую хранил Лазк Вольк. Но даже если всего несколько моих сообщений окажутся достойными для включения в библиотеку, это будет для меня большой честью.

— Так что решено, — оживленно сказал он. — Остальное предоставь мне. А сейчас — мне нужен обзорный доклад о Рухкарве в сравнении с три-ди записями с Кскотала!

Я занялась изучением двух лент с археологическими тайнами для этого обзора. В различных заботах пролетели три дня, заполненные работой. В сущности, я была так занята, выискивая захороненные временем факты, которыми никто не интересовался многие годы, что на третью ночь, когда я вернулась к себе в комнату и со вздохом скинула с ног тапочки, у меня появилось подозрение, что Лазк Вольк беспрерывно гонял меня из одного конца архива в другой в каких-то своих собственных целях.

На четвертое утро, придя отчитываться о проделанной работе, я обнаружила, что он не обставлен рядами ящиков с лентами, а попивает чашечку кофе и пристально разглядывает проекционный экран, будто на нем сложные формулы. Когда я вошла, он остро взглянул на меня, потом указал правой нижней рукой на коробку на углу стола.

— Возьми это и надень. В десятом часу у тебя собеседование с джентльфем Гаской Зобак. Она остановилась в «Двойной Звезде».

— Надеть что?

— Одежду, соответствующую одежду, девочка! Если пойдешь в город в этом, — он указал на мое детдомовское платье, наряд из одного предмета, предназначенный для работы, а не для выхода, — то станешь центром внимания, хотя оно, предполагаю, будет тебе безразлично.

Я согласилась с этим и унесла коробку в кладовую неподалеку. Но была несколько удивлена, увидев содержимое. У меня был один наряд, который я иногда надевала, когда выполняла поручения, требовавшие выхода в город. Он был таким же простым, как и униформа, и однозначно свидетельствовал, что я училась в приюте. Но эти изумительные изделия из шелковой ткани разительно от него отличались. Я видела, что такое носят — но только дочери семей, наделенных землей.

Здесь была пара брюк свободного покроя богатого темно-фиолетового оттенка. Сверху надевался пиджак такого же цвета, но из другой ткани: он был плотный и по фактуре походила на мех, с длинными рукавами, доходившими до пальцев; от пояса до горловины был отделан рядом серебряных пряжек. Пояс из такого же металла плотно облегал талию.

Мои волосы были намного короче, чем у любой женщины за пределами приюта. Но, чтобы прикрыть голову, в коробке была и вуаль из серебристой ткани; у отверстий для глаз были блестящие ободки; она закрывала меня до бедер сзади и до талии спереди. В таком наряде я была хорошо замаскирована, и уж конечно, никто из моих детдомовских знакомых не узнал бы меня.

Когда я вернулась к Лазку Вольку и краем глаза заметила свое отражение на экране зеркала, то была так изумлена, что даже слегка вскрикнула. Он кивнул, подтолкнув ко мне транспортировочный жетон.

— Очень хорошо. — Он одобрил мой маскарадный наряд — а именно такой мне показалась эта одежда. — Джентльфем Зобак приписана к планете Дилан. У нее двое детей, сын и дочь, оба довольно маленькие. Из-за слабого здоровья она подала заявку на получение помощника по домашним делам. Ее муж

находится на Дилане лишь временно — где-то на два года по планетному времени, я думаю. Вряд ли Зобаки останутся дольше. Но у них есть связи, чтобы запросить дополнительную прислугу, так что, если ты им понравишься, они, может быть, откроют тебе и другие двери. А теперь тебе лучше поторопиться. Ни в коем случае не стоит заставлять джентльфем ждать.

Наверное, мне ни в коем случае не стоило заставлять моего будущего работодателя ждать, но когда я добралась до «Двойной Звезды», выяснилось, что здесь ситуация была прямо противоположной. Меня провели в дальнюю приемную, где я обнаружила и других соискательниц. Там сидели две женщины; вид у них был такой, будто они прождали уже слишком долго. Так как мы все следовали традиции закрывать лицо вуалью в присутствии незнакомых, единственное, что я видела, была их одежда, очень похожая на мою, но другого цвета и качества. Скучая, я стала рассматривать соискательниц-конкуренток.

На одной была одежда рыжего цвета. Я заметила две залатанные щели в ее вуали. А видневшиеся руки (ее рукава были намного короче моих) были красными и огрубелыми, как от тяжелой работы. У меня сложилось впечатление изнуренного среднего возраста. Другая, сидевшая напротив меня, была в голубом, но в чрезмерной вычурности покроя пиджака было что-то дешевое (рукава доходили до кончиков пальцев, как бы надменно выставляя напоказ аристократические замашки владелицы, которой не было нужды беспокоиться о работе руками). А отверстия для глаз не только были отделаны блестящей тканью (в то время как у ее соседки они были из простого материала), эта отделка была такой ширины, что ослепляла смотрящего блеском.

Первой пригласили измотанную работой женщину, и больше она не возвращалась; затем мою слишком блестящую конкурентку, которая тоже не вернулась. Я догадалась, что, наверное, они ушли через другую дверь. Наконец робот-слуга подал резкий приглашающий знак в мою сторону.

Комната, в которую я вошла, была типичной роскошной комнатой большой гостиницы. Но ее нынешняя обитательница внесла свои изменения. Она полулежала в постели, откинувшись назад, — а поверхность перед ней была усыпана

разнообразными предметами, предназначенными или для развлечения, или для ухода за ее персоной.

Я по правилам вежливости откинула вуаль и встретилась с ней взглядом. На вид она была очень маленькой и хрупкой. Волосы выбелены по моде и выкрашены в очень яркий зеленый цвет, контрастировавший с белизной кожи. Она представляла собой вершину моды — такое я видела только в телепередачах.

Хотя для удобства посетителей предназначались два кресла, она жестом указала мне на пуфик без спинки рядом с кроватью и долго пристально смотрела на меня, не произнося ни слова. У нее был капризный рот, а руки почти все время двигались, перебирая вещи, лежавшие на кровати перед ней, хотя она при этом не смотрела, что брала, и почти сразу же это бросала.

— Ты Килда с'Рин. — Она не столько спрашивала, сколько утверждала; таким тоном можно было назвать какой-нибудь предмет — как будто, если бы я не была Килдой, мне пришлось бы ею стать. Интересно, было ли это сказано для того, чтобы я начала волноваться? — тоном, каким она всегда говорила с потенциальными претендентами.

— Это так, джентльфем. — Я восприняла ее утверждение как вопрос и ответила на него.

— По крайней мере, ты молода. — Она продолжала пристально меня разглядывать. — По твоим данным, ты хорошо подготовлена в области образования. Ты из приюта. — Теперь в голосе звучала нотка любопытства, будто мои биографические данные вызывали у нее некоторый интерес. — Ты ведь понимаешь, что это только временная работа? Нам придется поехать в этот ужасный приграничный мир на год, может, на два, потому что мой муж здесь служит. Ты хорошо переносишь полеты?

Как я могла ответить на вопрос, если никогда не была ни на одном корабле? Но не думаю, чтобы она действительно интересовалась ответом, потому что она понеслась дальше.

— А я нет, ну просто ужасно. Я тут же ухожу в полетный сон, сразу же, как только взлетаем. Но Бартаре и Оомарк не могут спать в течение всего перелета — они еще слишком маленькие. Так что во время бодрствования тебе придется позаботиться о них. Не знаю... ты молода... — То, что сперва ее, по-видимому, порадовало, теперь, казалось, вызывало сомне-

ния. — С Бартаре довольно сложно, даже очень сложно. Ею нужно управлять. Сейчас у нее восьмилетний уровень обучения, и он еще будет расти, как нам сказали. Ты должна будешь обеспечить мотивацию, которая обеспечит этот интеллектуальный рост. Но, впрочем, ты ведь получала подготовку в приюте, так что должна все об этом знать. А у меня нет времени и сил, чтобы проводить еще собеседования с неинтересными женщинами — или с неподходящими. Тебе придется заняться этим.

Было ясно: ее выбор окончательно сделан. И хотя по ее словоизлияниям угадывалось, что меня ждет полное требовательности и изводящее будущее, я знала, что Лазк Вольк прав. Это была практически единственная дверь, открытая для меня, и только так у меня могло появиться иное будущее.

Она едва ли выслушала мое согласие. Вместо этого сразу приступила к инструктажу насчет того, где я должна с ними встретиться. И тут выяснилось, что у меня всего два дня до отъезда. Это мне не понравилось, но я не успела издать еще и звука протеста, как она изрекла последний приказ:

— Слуга проводит тебя в детскую. Ты должна познакомиться с ними, а они должны увидеть тебя. Туда... И помни — в 11 часов на седьмой день... вечер.

Мне не удалось завершить церемонию прощания — слуга вывел меня из комнаты в коридор. Там он остановился перед другой дверью и отправил предупредительный звонок, хотя и не стал ждать разрешения войти. Казалось, джентльфем обращалась со своими детьми так же, как и со своими подчиненными, без особых церемоний. Меня прислали сюда, чтобы я рассматривала и чтобы рассматривали меня — вот и все.

Действительно, я учила детей в приюте. Но там всегда царила атмосфера сдержанности и дисциплины. Детей туда отбирали самым тщательным образом. Те, у кого были проблемы с характером, получали профессиональное образование где-нибудь в другом месте. Дети, которых я учила, были хорошими и прилежными учениками, уже введенными в рамки практического обучения. Я воспитывала детей, которые явно имели желание использовать свои мозги. Так что комментарии моей шефини о том, чтобы подстегивать ее дочь к дальнейшим достижениям, имели смысл и не были мне незнакомы. Но интуиция подсказывала мне, когда я еще только

входила в комнату, что это вряд ли будет напоминать обычное преподавание в приюте.

Комната была такой же роскошной, как и та, которую занимала их мать, но это была только гостиная. Всякая всячина, вроде той, что изобиловала на постели их матери, была беспорядочно рассыпана на столе под лампой. Но один предмет, похоже, оказался столь интересным, что ни один ребенок не поднял глаз.

Бартаре была миниатюрной, худой и изящно выглядящей, как и ее мать. Но без вялости. Напротив, в ее маленьком худеньком теле чувствовалась такая концентрация напряжения, как и та, что временами проявлял и Лазк Вольк. Ее волосы были откинуты назад, открывая лицо, заостренное книзу маленьким подбородком, и схвачены серебряными шнурами, блестевшими тем сильнее, что обрамляли иссиня-черные волосы. У нее были очень четко очерченные брови, смыкающиеся над носом и выглядящие на лице сплошной линией. Ресницы очень густые и почти такие же черные, как и волосы; кожа — контрастно бледная, на щеках нет и тени румянца, а губы едва розоватые.

Платье было темно-зеленого цвета — странный цвет для ребенка, — и именно он потом всегда ассоциировался у меня с Бартаре. Полоской материала такого же цвета она как раз пеленала одну из маленьких резных фигурок, какие сельские жители ставят у себя в кухне как оберег от темных сил; только эта, на первый взгляд такая же простая, была чуть более утонченной. К примеру, вокруг головы обкручен металлический провод — в качестве короны.

Оомарк наблюдал, как его сестра облачает фигурку. Хотя он был младше, но, пожалуй, на палец выше, ширококостный и крепкий на вид. Лицо его было еще по-детски круглым, и сейчас на нем застыло странное выражение, примерно такое, будто он одновременно заворожен и обеспокоен тем, что делает его сестра — необычный взгляд, если учесть, что он смотрел, как пеленали куклу.

Он взглянул на меня. Потом наклонился и взял сестру за руку, почти застенчиво; по жесту видно было, что он благоговел перед ней и все же понимал, что надо как-то привлечь ее внимание.

— Посмотри, Бартаре, — он показал на меня пальцем.

Бартаре подняла голову. Ее взгляд был проницательным, оценивающим и как-то очень меня встревожил. Я была потрясена, как если бы под внешностью маленькой девочки-ребенка я встретилась с чем-то старым, авторитарным и слегка злобным. Но это длилось всего мгновение. Бартаре положила куклу с такой заботой, с которой откладывают важную ручную работу, отошла от стола и исполнила один из тех реверансов, какие дети ее сословия используют как вежливое приветствие.

— Я Бартаре, а это Оомарк. — У нее был чистый и приятный голос. Только когда она стрельнула в меня взглядом из-под полоски бровей, я немного поостыла.

— Я Килда с'Рин, — ответила я. — Ваша мама попросила меня...

— Посмотреть на нас и дать нам посмотреть на тебя. — Она кивнула. — Это значит, что именно ты собираешься поехать с нами на Дилан. Я думаю... — Она остановилась на секунду, и потом выразилась довольно странно: — Думаю, мы, может, и сойдемся. — Но было ли слово «может» под ударением или безударным, был ли это намек на запасные варианты, служило ли это предупреждением?

Многое из того, о чем мы говорили при первой встрече, я сейчас не могу вспомнить. Оомарк вообще так и не заговорил после того, как заметил, что я в комнате. Однако его сестра продемонстрировала не только безупречные манеры, но и тот факт, что она была ребенком исключительного ума и самообладания. Она... да, ничего плохого я о ней сказать не могу. И тем не менее все время, что мы были вместе, меня не покидало какое-то беспокойство, как будто мы обе только играли роли.

Как-то среди файлов Лазка Волька я видела ленту, показывающую театральную постановку из другого мира. Актеры и актрисы носили изысканные обрядовые маски, удерживаемые за палку. У каждого их было несколько, прикрепленных изящными цепочками к поясам. Когда наставало время говорить, они выбирали ту или иную маску и держали ее перед собой, декламируя стихи, но не прямо у лица. Именно это пришло мне в голову: мне показалось, что и Бартаре, и я держали маски, и то, что скрывалось за масками, очень отличалось от нашего напыщенного вежливого разговора.

И все же я обеспокоилась не настолько, чтобы отказаться

от работы. По сути дела, как только я подавила первоначальное чувство беспокойства, Бартаре заинтриговала меня, и я решила, что, возможно, предстоящий год окажется интересным для нас обеих. Кроме того, я пришла к выводу, что Оомарк находился в тени сестры и, возможно, только выиграет от особого внимания. В любом случае, я вернулась в приют вполне довольная сделкой, которую Лазк Вольк подбросил мне, готовая порвать со своей старой жизнью и подняться навстречу новому — прочь с этой планеты.

Глава 2

Прощания со всеми в приюте не заняли много времени. Кроме Лазка Волька, тесные узы связывали меня в приюте лишь с немногими. Под его влиянием я осталась на год дольше, чем другие моей возрастной группы, так что, как я уже говорила, приближалась к той опасной черте, когда мне бы пришлось уйти так или иначе. Мне выплатили выходную плату, наполовину одеждой, пригодной для будущего пребывания на Дилане, остальное небольшим количеством кредитов, которые я старалась сохранить всеми силами, понимая, что они моя ограда от бед.

Последние часы я провела с Лазком Вольком, принимая от него записывающее устройство, которое он уполномочен был передать мне как репортеру. Я не была представителем с идентификационной карточкой. Таких полномочий у него не было. Но какие бы данные я ни передала в хранилище Волька, его письменное подтверждение, что они были полезны, повысило бы мой рейтинг, и, возможно, привело бы дальнейшему трудоустройству.

И все же он предупредил меня, чтобы я тратила выделенные мне ресурсы только на самое важное. И я поняла, что мне придется по возможности экономить. Багаж космического путешественника был ограничен очень строго, и не приходилось ожидать поставки дополнительных лент, если я истрачу те, что взяла с собой, — разве только в том случае, если я верну одну из них с достаточно ценным содержанием.

Он спросил, что я думаю о своих обязанностях, и я слегка замялась. Бартаре была многообещающей ученицей — в этом

я практически не сомневалась. С Оомарком будет меньше хлопот. А вот к его сестре слово «хлопоты» хорошо подходило. Не сомневаюсь, что Лазк Вольк заметил мою сдержанность, хоть и оставил ее без комментариев.

К семье Зобак я присоединилась, только когда мы встретились у входа на корабль. Джентльфем укуталась в толстые складки накидки для поездок, а Бартаре откинула капюшон верхней одежды и внимательно разглядывала звездолет, будто он ей чем-то мешал. Оомарк взволнованно вертел головой из стороны в сторону, целиком поглощенный появлением и шествием членов экипажа.

Когда я подошла, джентльфем Гаска повернулась ко мне, хотя я и не могла разглядеть ее лица под вуалью. Ее голос был еще раздражительнее, чем прошлым разом.

— Ты опоздала. Мы вот-вот сядем на корабль...

— Извините, — ответила я. Я сдержала себя, приняв к сведению еще во время нашей первой встречи, что не следует извиняться или давать объяснения. Она из тех, решила я, кто принимает только один ответ — свой собственный. И бороться с этим было все равно что пытаться построить крепкую башню из сухого песка. Лучше вообще этого не пробовать.

— Я ожидаю расторопности, — начала она, когда в нескольких шагах от нас открылась грузовая камера и стюард с корабля, стоявший внутри, жестом пригласил нас пройти.

— Ненавижу это вращение! — Она сжала мою руку так сильно, что я довела ее до кабины; дети шли впереди. Она не ослабляла жесткую хватку и когда мы поднимались, чтобы проскользнуть в люк. Должна признаться, что и мне поездка враскачку не доставила удовольствия.

Как только мы оказались внутри, наши имена проверили по входным записям, и Гаска ушла, на этот раз, правда, опираясь на стюардессу, чтобы погрузиться в глубокий сон. Детей и меня проводили в небольшую каюту временного сна.

Я зарабатывала те средства, которые джентльфем Зобак отправляла на мой счет, и во время этого перелета я честно их отработала, потому что в периоды пробуждения только я несла ответственность за детей. Я старалась завязать с ними хорошие отношения и думала, что с Оомарком мне это удалось. Он был далеко не таким способным, как его сестра, и намного более податливым. Бартаре не ослушивалась меня. По сути дела,

она была настроена на вежливое сотрудничество — все, что можно было спрашивать с ребенка. Только вот теперь у меня точно укрепилось впечатление, что она двигалась за маской и играла роль, так что я беспрестанно ждала, что то, что скрывается за словами и действиями, наконец-то откроется. И это чувство меня беспокоило, так что мне приходилось подавлять внутреннее нетерпение и раздражение.

В последний временный сон перед приближением и посадкой на Дилан я погрузилась с неразрешенной проблемой — Бартаре все еще ставила меня в тупик, так же как и раньше. Но теперь я восприняла это как вызов, хотя и знала, что должна продвигаться очень медленно и не стараться подтолкнуть девочку к разоблачению.

Хотя благодаря библиотеке Лазка Волька мои знания о других мирах были довольно обширными, наверняка более глубокими, чем у большинства путешественников, Дилан был первым новым миром, который я посетила. И когда, после небольшой качки, мы сели на взлетную площадку, я была взволнована.

Хорошо знакомые небеса Чалокса были зеленоватого оттенка, и это казалось мне естественным цветом любого неба. Но здесь свод над нами был голубым, украшенным глыбами белых облаков. Вместе с детьми я сосредоточенно разглядывала информационные ленты, предоставленные библиотекой корабля.

Дилан был обнаружен примерно сто лет назад — довольно странно — по автоматическому сигналу бедствия, хотя корабль, который отправил его, затем так и не нашли. Это была планета типа Зэмл. А некоторые необъяснимые останки свидетельствовали о том, что, возможно, на этой планете были когда-то коренные жители или же она была колонией одной из рас Предтечей. Фактически мужа Гаски Зобак отправили сюда именно с целью собрать информацию об одной из рас. Он был не археологом, а правительственным чиновником, уполномоченным объявить, что раскопки находятся под защитой государства, если эксперты сочтут это необходимым.

На Дилане было два города: Тамлин, порт, где мы приземлились, и Товард, расположенный по другую сторону планеты и имеющий альтернативную посадочную площадку. Ни один из них не был большим. Дилан был в основном сельскохо-

зяйственным миром. На западном континенте преобладали открытые равнины. А так как местные животные были очень редки, эти равнины служили пастбищами для завезенных стад. Восточный континент, посреди которого располагался Тамлин, был густо засажен ворским виноградом и хазардийскими фруктами — и те, и другие на иных планетах являлись предметами роскоши.

Но насаждения занимали не все пространство, так как для этих растений требовалась особая почва и специальный полив, потому обработанная земля перемежалась с пустошью. Тем не менее эти расстояния ничего не значили — ведь все плантации и поселения были связаны воздушным транспортом.

Здания Тамлина не напоминали дома давно населенных хорошо обжитых миров. Все они были очень похожи друг на друга: роботы-рабочие строили их блоками по стандартным планам, применявшимся и в других мирах. Единственное, чем они различались, это растениями у стен. Здесь радовали глаз не только местные плоды, но и экзотические инопланетные, завезенные сюда и сейчас цветущие.

Как только мы сошли с дебаркадера, к нам направилось несколько человек, поприветствовать вновь прибывших. Но мужчина, подошедший к джентльфем Гаска, уж никак не походил на три-ди изображения отца ее детей. Он был намного старше и одет в форму портового чиновника.

— Где Конрой? — требовательно спросила Гаска. — Неужели служебный долг не позволяет ему быть здесь, чтобы встретить нас?

— Моя дорогая Гаска. — Чиновник сжал ее руки. — Ты же знаешь, Конрой был бы здесь, если бы только мог. Просто...

— Он мертв! — Слова Бартаре прозвучали как военная тревога — таким холодом они обдали нас всех на секунду, которая, казалось, тянулась значительно дольше.

Она сделал шаг вперед и посмотрела в лицо чиновнику.

— Это правда, — продолжала она. — Почему бы не сказать, что он умер?

Я видела, как на его лице один оттенок изумления сменялся другим, и поняла, что Бартаре говорила правду.

— Но как... — В его голосе слышались протест и смущение.

— Умер! — Гаска пронзительно вскрикнула; за ее криком эхом раздался тихий плач Оомарка. Она рухнула на руки чи-

новнику, а я сделала шаг вперед, протянув руку Оомарку, который развернулся и обнял меня, уткнувшись лицом в мой дорожный плащ. Но когда я коснулась плеча Бартаре, она откинула с плеча мою руку и стояла без движения; ее маленькое бледное лицо ничего не выражало.

Вокруг нас царила суета. Гаску, без сознания, чиновник отнес на руках в ждущую наземную машину, а нас двое молодых космодромных полицейских проводили к другой. Оомарк продолжал держать меня отчаянной хваткой, но Бартаре была такой равнодушной, будто выступала лишь зрителем, и довольно пренебрежительным. В тот момент я почувствовала к ней отвращение, отчуждение от нее, как если бы встретила неизвестную форму жизни, с которой надо обращаться с чрезмерной осторожностью. Нам выделили жилье в одном из правительственных домов, и мне понадобилось довольно много времени, чтобы убедить Оомарка отпустить меня; я постаралась найти кого-то, кто рассказал бы мне, что случилось. Но когда я вернулась к детям, Оомарк стоял напротив сестры; его заплаканное лицо было перекошено от гнева.

— Ты — ты знала! Тебе все равно! — резко обвинял он ее.

Я замерла за дверью. Может, он получит ответ, который она не даст в моем присутствии.

— Она сказала мне. Его дни были сочтены. И — он нам не нужен. Больше не нужен.

— Она плохая! — Красное лицо Оомарка контрастно отличалось от бледного лица сестры. — А ты слушаешь плохое, которое она тебе говорит! Плохое, плохое!

И тут впервые я увидела, как спокойствие Бартаре прервалось. Она дала брату пощечину; его голову отбросило назад, на щеке остался след ладони.

— Тихо! — Сейчас ее голос не был ровным и контролируемым. — Не знаешь, что говоришь. Ты можешь все еще больше испортить, когда говоришь подобные вещи. Тихо, дурак!

Она отвернулась от него, а он остался стоять там же, где и был, съежившийся и дрожащий; крупные слезы стекали по его лицу, а он даже не двигался, чтобы отереть их. Когда я вошла, он рывком метнулся ко мне, снова уткнувшись в меня лицом, требуя утешения не столько словом, сколько действием. Но Бартаре стояла у окна спиной к нам. И в ее позе было что-то

такое, отчего мне подумалось, что она напряженно слушает что-то, чего мне не слышно.

Я решила, что будет лучше на время предоставить ее самой себе. Отрывок разговора, который я подслушала, терзал мне ум. Кто эта загадочная Она, о которой оба они упоминали? Насколько я знала — а я хорошо это знала, — на борту корабля и то недолгое время снаружи, когда мы приземлились и до того, как к нам подошел офицер, дети непрерывно были со мной. Я не передавала таких новостей Бартаре, и уж наверняка ее мама тоже. И потому — как она узнала это и от кого?

И сама формулировка фразы, этот комментарий об ее отце... «Его дни были сочтены. И он нам больше не нужен».

Я испытывала непреодолимую потребность обсудить с кем-нибудь то, что услышала, попросить совета. Я считала себя вполне самостоятельной и хорошо вооруженной после подготовки в приюте. И все же здесь почувствовала себя беспомощной, как ребенок, поступающий в первый класс. Тем более беспомощной, что у меня не было инструктора, к которому можно было бы обратиться с вопросами.

Нас не оставили одних надолго, ибо тот чиновник, что унес Гаску, вскоре пришел навестить нас. Он пришел с женой, женщиной с приятным лицом, которая первым делом устремилась к детям; он же отвел меня в сторону, чтобы кое-что сообщить.

Я узнала, что Конрой Зобак погиб за день до нашего приезда в аварии, когда его флиттер попал в неожиданный шторм. Его семья не могла немедленно вернуться на Чалокс, хотя именно этого потребовала Гаска, придя в себя, — так как лайнер, привезший их, уже покинул систему, так что они не смогут вернуться в родной мир еще несколько лет. Поэтому мы должны остаться на Дилане, пока не появится возможность организовать другое транспортное средство, а когда это случится, мой осведомитель, комендант Пизков, понятия не имел.

Он предлагал нам жилье в своем собственном доме, но сказал мне, что Гаска настояла на переезде в квартиру, приготовленную ее мужем. Ему не понравилась эта ситуация, но он вынужден был с ней примириться. Он пожелал, чтобы я не терялась и звонила ему, если мне что понадобится.

Я не понимала, почему Гаска хотела быть одна; мне ка-

залось, она относилась к тому типу людей, которые, случись беда, и физически, и эмоционально тянулись бы к любой поддержке. Но комендант сказал, что он на время послал к ней медсестру. Я испытала облегчение, узнав, что не отвечаю и за нее, как за детей.

Сказав мне это, комендант смерил меня таким взглядом, что я почувствовала себя неловко, хотя знала, что ничем не заслужила такого отношения.

— Это вы сказали девочке о смерти отца? — строго спросил он.

— Да что вы! Я и сама этого не знала. Вы посылали сообщение на корабль до посадки?

Он покачал головой и нахмурился еще сильнее.

— Да, это правда — откуда вам было знать? Мне самому сообщили о случившемся лишь сегодня утром, когда обнаружили флиттер. Очень немногие это знали. Но как *она* узнала? Она эспер?

Его предположение было логичным, хотя я раньше никогда не слышала, чтобы столь юный эспер мог скрывать такую силу.

— Мне ничего об этом не говорили, и в ее реестре это не значится.

— Бывают случаи неожиданного пробуждения способностей, — задумчиво сказал он. — Шок может разбудить дремлющий дар. Я поговорю с парапсихологом. Он с вами свяжется.

Я с облегчением кивнула. Кто мог оказать мне лучшую помощь, чем высококвалифицированный парапсихолог? И уж конечно, комендант попал в точку в том, что касалось причины этого странного знания, даже, наверное, беспокойства, которое Бартаре разбудила во мне. Если она была латентным эспером, то в периоды повышенного напряжения это чувствовалось бы, точно так же как шок мог высвободить ее силы.

Только провожая детей и жену коменданта к наземной машине, я начала ощущать пробелы в этой теории. Во-первых, Бартаре даже не была в этом мире, когда ее отец умер, и не проявляла ни малейшего намека на духовную связь, закончившуюся шоком при его смерти. И что это за *она,* которую обсуждали дети? Из их беседы я вынесла твердое убеждение, что они говорили о ком-то третьем, кого Бартаре воспринимала

как друга, а Оомарк со смешанным чувством страха и благоговения. Кто *она* была? Я могла поклясться только, что в то утро она не была одним из видимых спутников.

Видимым спутником? Почему мой мозг выбрал именно это самое слово — будто спутник мог быть и невидимым? Я мысленно встряхнулась. Как говаривал Лазк Вольк, я слишком подвержена игре собственного воображения. Надо придерживаться фактов. Только в данном случае факты не поддавались осмыслению.

Дом, который Конрой Зобак приготовил для своей семьи, был расположен на окраине города. Он находился в районе, где жили в основном правительственные чиновники и высокопоставленные временные посетители. И все же дома были построены по одному образцу, один в один, все вокруг открытого внутреннего двора, в который выходили все комнаты.

В центре двора был прудок и, кроме того, ухоженные клумбы цветов или декоративного кустарника; каждая была огорожена низенькой оградкой. Тротуар вымощен цветными камнями и блоками кристаллического материала. Неожиданно, когда мы следовали за слугой, несущем наш багаж, я заметила, что Бартаре двигается по вымощенной дорожке странными прыжками, каждый раз стараясь поставить ногу только на кристаллическую плиту. Узор на дороге поглотил ее до такой степени, что можно было подумать, она была занята действием, от которого зависит очень много.

Потом она вскинула голову и быстро осмотрелась, будто хотела убедиться, что ее не заметили. Наши взгляды встретились и задержались меньше чем на мгновение. Она отвернулась и пошла нормально, не обращая внимания на то, что лежало у нее под ногами. Но я знала: она поняла, что я наблюдала за ней. И снова я почувствовала беспокойство и огромное желание обсудить это с кем-то, кто знает больше, чем я.

Три комнаты, приготовленные для меня и детей, располагались с задней стороны двора. Комнаты для Гаски, которые она займет, когда приедет с медсестрой, находились справа. Четыре комнаты слева от входа включали библиотеку, кабинет Конроя Зобака, столовую с просторной кухней и большую кладовую.

В каждой спальне было маленькое вентиляционное отверстие. Тому, кто привык к планетной роскоши, планировка

дома, возможно, показалась бы бедной и довольно безыскусной, но я находила ее приятной. А в открытом внутреннем дворике приятно было посидеть. На мой взгляд, намного лучше, чем переполненные квартиры, к которым я привыкла за свою жизнь.

Вскоре на меня навалилось довольно много дел: я была занята, расселяя детей в новой квартире, а потом помогая медсестре, сопровождавшей Гаску. Ей дали успокоительное, так что она передвигалась как в тумане и вяло выполняла распоряжения медсестры. Та сообщила мне, что когда ей предложили остаться с семьей коменданта, Гаска впала в такую истерику, что доктор решил, будет лучше позволить делать, что ей хочется, и надеяться, что тишина и спокойствие этого дома ей помогут.

Как только мы довели ее до кровати, она сразу же погрузилась в глубокий сон. И поскольку, казалось, ничто ее не тревожило, мы с медсестрой начали распаковывать и раскладывать по местам ее вещи.

Мы позвонили слуге, чтобы он накрывал на стол. Еда нам понравилась. Оомарк налегал изо всех сил, и я заметила, что сегодня и Бартаре, которая обычно ковырялась в тарелке, проявила аппетит почти такой же, как у брата. Мы приземлились в послеобеденное время; сейчас уже темнело, и я предложила детям лечь спать.

И снова я была приятно удивлена, когда ни один из них не стал бунтовать; казалось, они даже хотели этого. И оказалась еще больше изумлена, когда — я как раз подоткнула Оомарку одеяло — он поймал мою руку и крепко сжал ее, глядя мне в лицо, будто искал утешения.

— Ты не уйдешь? Ты будешь здесь?

— В комнате, Оомарк? Ты хочешь, чтобы я осталась в комнате, пока ты не уснешь?

Ни один из детей не проявлял раньше таких чувств. И я с воодушевлением восприняла, что Оомарк так относится ко мне, хотя я и сожалела о причине, вызвавшей это отношение.

На мгновение мне показалось, что он согласится с моим предложением. Но потом он освободил мою руку и покачал головой.

— Просто здесь — в доме. — Он приподнялся на локте. — Бартаре говорит, ты Ей не нравишься.

— Я не нравлюсь Бартаре? — возразила я, хотя у меня было подозрение, что «она» в этой фразе не была его сестрой.

— Ты не понравишься Бартаре, если не понравишься Ей, — сказал он. — Бартаре...

— Ты звал меня, брат?

Бартаре стояла в дверях. Она уже была в ночной рубашке. А ее волосы, освобожденные от дневных шнуров, были распущены и ниспадали на плечи.

— Нет. — Он отвернулся так резко, будто меньше всего на свете хотел сейчас увидеть сестру. — Я хочу спать. Уходи! Я хочу спать.

Я решила, что пытаться сейчас на него надавить — время неподходящее, потому ослабила хватку и пожелала ему спокойной ночи. Когда я подошла к двери, его сестра отступила передо мной. Но оказалось, она ждала меня снаружи.

— Оомарк просто маленький мальчик, знаешь ли, — сказала она так, будто ее от брата отделяла долгая вереница лет. — Испуганный маленький мальчик.

— *Ему* здесь бояться нечего, — продолжила она после паузы. Простое предложение, но в интонации, с которой она произнесла слово «ему», во взгляде, которым посмотрела на меня из-под полоски бровей, было что-то разоблачающее. Это было предупреждение. И в нем чувствовалось такое безбрежное бесстыдство, что я была просто поражена, потому что на мгновение, может быть, всего на секунду или две, мы, казалось, поменялись ролями. Я была у нее под контролем, а не она на моей ответственности. Думаю, она моментально почувствовала, что допустила ошибку, зашла чуть дальше, чем следовало, ибо то, что обволакивало ее, как покров, исчезло, и она снова оказалась маленькой девочкой.

— Здесь странно... — Бартаре посмотрела в сторону, обвела взглядом двор, будто стараясь навести на мысль, что и она готова расплакаться из-за этого чуждого мире. Только смена настроения запоздала и была слишком наигранной — хотя я держала себя в руках и скрыла, что заметила ее ошибку.

— Но планета приятная — судя по тому, что мы успели увидеть.

— Она убила моего отца, знаешь ли.

— Авария. — Я не могла понять ее — и, возможно, просто в ее глазах я была ей не ровня.

— Да, авария, — согласилась она. И снова, хотя, может, я была слишком подозрительна, мне послышалась угроза в ее словах.

— Хочешь пойти спать сейчас? Мне показалось, ты сказала, что устала.

— Да, — согласилась она, и в ее голосе слышалось почти облегчение, как будто она была благодарна за мое предложение.

И когда я укладывала ее спать, как и Оомарка, она снова была маленькой девочкой.

— А ты сейчас тоже ляжешь спать? — спросила она, когда я собиралась уходить.

— Да, скоро...

— Но ведь ты не уйдешь далеко?

— Я буду во дворе. — Но мне как-то не верилось, что ей нужна моя поддержка. Скорее, ей хотелось узнать, где я буду, чтобы достичь какой-то своей цели.

Я села так, чтобы видеть двери обеих детских спален. Прежде чем усесться, включила автоматическую сигнализацию у ворот двора. Ничто не могло войти и выйти, не встревожив робостража и не заставив сработать сигнализацию. Не могу на самом деле сказать, почему так поступила, но, когда это было сделано, я почувствовала себя в большей безопасности.

В отсвете очень большой и желтой луны, которая освещала Дилан ночью, кристаллические квадратики в тротуаре флюоресцировали и светились почти так, как если бы под каждым была лампочка. Мне было видно, что в комнате у Гаски горит ночной свет; я знала, что медсестра собиралась сидеть с ней по крайней мере часть ночи.

Но хотя я пыталась обдумать связно и содержательно все то, что случилось с того момента, как мы приземлились, оказалось, что я все больше и больше засыпаю, пока наконец не поплелась к двери спальни, едва не выпав из стула.

Я вошла в комнату и, слегка повернув голову, краем глаза заметила какое-то мерцающее движение. Но когда, немного приподнявшись, резко повернулась, чтобы взглянуть на это прямо, то не увидела ничего, кроме зеркала. И мне подумалось, что это мое собственное отражение на секунду испугало меня.

Это смятение несколько встряхнуло меня, так что я начала

готовиться ко сну проворнее. И только когда я села к зеркалу расчесывать волосы, это произошло.

Моя коричневая кожа, волосы над ней, мои зеленые глаза — в этом зеркале они показались очень большими и более зелеными, чем раньше. Я внимательно изучала то, что видела, вспоминая слова Лазка Волька о своей внешности и размышляя, правду ли он говорил и есть ли у меня действительно надежда, что я привлекательна, — мысль, не оставляющая равнодушной ни одну женщину.

Потом мое отражение исчезло, будто резкое движение расчески по густым кудрявым волосам стерло их из существования. И я увидела...

Общие очертания, может, напоминали мои, но то, что злобно и вызывающе выглядывало оттуда, было не мной. От ужаса я онемела и замерла, хотя во мне поднималось желание закричать. Гладкая коричневая кожа, отражавшаяся в зеркале, теперь была увядшей, морщинистой, покрытой темными пятнами. Зубов не было, и мой рот съежился в морщинистую дыру, а нос и подбородок слились вместе. Волосы стали седыми и тонкими и вялыми редкими прядями свисали на изборожденный глубокими морщинами лоб. Вместо глаз были только темные и пустые впадины — и все же я могла видеть!

Я услышала сдавленный крик и увидела, что ужас в зеркале трясется и дрожит, и сама я раскачивалась перед ним вперед-назад. Расческа выпала у меня из рук и со звоном ударилась о туалетный столик. И этот слабый шум разбил иллюзию. Она исчезла, и я дикими глазами уставилась на то, что всегда видела в зеркале; мое сердце от испуга билось быстро и тяжело. Видение, кошмар, что бы это ни было — исчезло. Но, безвольно сидя, дрожа от холода внутри меня, я знала, что *это* видела. *Что* я видела? И почему?

Глава 3

Вся дрожа, я доползла до постели и улеглась, стараясь разобраться в этой иллюзии, — а я была уверена, что это было не что иное, как иллюзия. Только вот не было такого сочетания света и тени в этой комнате, которым можно было бы объяснить этот кошмар на поверхности зеркала. И уж конечно, я не

вдыхала вызывающих наваждения испарений и не принимала никаких галлюциногенных средств. Покрепче укутываясь в одеяло, — мне казалось, что никогда снова не согреюсь, — я заглядывала в самые дальние уголки памяти в поисках хоть какого-нибудь ключика к разгадке: что же действительно произошло здесь за эти несколько мгновений.

В библиотеке Волька было множество объяснений всевозможных странных событий из разных миров. Я достаточно начитанна, чтобы знать: то, что, возможно, кажется «магическим», совершенно необъяснимым одному виду или расе, может быть само собой разумеющимся для других, живущих от них всего в какой-то там четверти галактики. А эсперы иногда добиваются странных результатов, ставя в тупик даже свою собственную расу.

Эсперы! Прав ли комендант в своих догадках о Бартаре и было ли произошедшее со мной проекцией ее мыслей обо мне — заставляющих меня увидеть себя такой, какой она хотела бы, чтобы я была?

Мысль об этом была ужасна, но не столь фантастична, как некоторые другие объяснения, которые я уже отбросила. В порыве я снова встала и небрежно накинула халат. Тот обволакивающий полусон, в который я раньше была погружена, теперь рассеялся. Сейчас спать хотелось в той же мере, как утром после пробуждения.

Я засунула ноги в просторные шлепанцы и пошла выглянуть в садик: мне снова показалось, что там кто-то движется. Но в этот раз, когда я столкнусь с этим лицом к лицу, оно не исчезло. Вдоль внутренней стены от тени одного дверного проема до другого скользила фигура — маленькая фигура.

Первое, что мне захотелось сделать, это крикнуть. Но затем я вспомнила о сигнализации, которую установила у входной двери, и мне очень захотелось увидеть как можно больше, прежде чем себя обнаружу. Я двигалась как можно тише тем же путем, стараясь приглушать шуршание шлепанцев по дорожке.

То, за чем я следила, дошло до последней внутренней двери — в библиотеку. И там он или она медлила так долго, что я уж было решила, не это ли цель. Потом, будто убедившись, что за ней не следят, фигура вышла на яркий лунный свет.

Бартаре! Но почему-то я была совсем не удивлена. Она

была уже не в ночной рубашке, а в любимом зеленом платье, хотя ее волосы свободно развевались, как в последний раз, когда я ее видела. Она несла что-то, держа обеими руками; казалось, предмет был маленьким и легким, но был так дорог, что обращаться с ним надо очень аккуратно. Держа его перед собой, чуть вытянув вперед руки, она остановилась, внимательно изучая узор на дорожке.

Потом, как будто только что приняла важное решение, поставила то, что несла, на одну их хрустальных плиток; ставила она это очень осторожно, будто хотела быть абсолютно уверена в том, что делает.

Пристроив его на свой вкус, она сделала пару шагов назад, и ее ручки задвигались жестами, которые, как мне казалось, выражали некоторое беспокойство. Должно быть, эти жесты что-то значили, но у меня складывалось впечатление, что так ищут важное слово, ускользающее от сознания.

Я слышала неясный шум, слишком далекий и слишком низкий для моего слуха, чтобы различить слова, — и все же это была речь. Вот так, разговаривая, — может быть, с тем, что она поставила на землю, а может, просто с воздухом, — Бартаре начала танец, который вел ее ногу с одной кристальной плиты на другую; и она очень старалась не наступить ни на что другое.

Узор был большим, а плиты находились довольно далеко друг от друга; ее круг неминуемо вел ее к месту, где в тени двери кабинета ее отца стояла я. Теперь я уже могла различить отдельные слова, все еще бессмысленные. Ясно было, что это песнопение, а слова сплетались вместе в каденции ритуального восхваления или заклинания.

Заклинание! Я ухватилась за это слово. Это многое объясняло, и хотя в этом заключалась опасность для любого ребенка с чрезмерным воображением, все же это не было сверхъестественным. Мне были известны сотни случаев, когда подростки, особенно девочки, вступив в пору юности, создавали себе воображаемые силы и играли с верой в силы, неизвестные другим. А если Бартаре была эспером, сама не зная об этом, то, может быть, именно так ею руководила ее постепенно возрастающая сила.

Она завершила танец недалеко от меня и, повернувшись, стала прямо напротив того предмета, заливаемого ярким лун-

ным светом. И снова она сделала жест, будто схватив и притянув к себе некое излучение. Собрав таким жестом нечто невидимое, она начала раскатывать его между ладоней, подобно тому как берут и раскатывают в шарики влажную глину. Потом она бросила то, чего на самом-то деле и не держала, целясь в дверь спальни матери.

И снова она взяла что-то от предмета, скатала и бросила это. В этот раз метание этого ничто было направлено к двери Оомарка. Когда она начала собирать невидимое в третий раз, у меня уже не оставалось сомнений, что это предназначалось для комнаты, в которой меня сейчас не было — так оно и было.

Бросив это в последний раз, она заметно расслабилась. В ее позе читалось ощущение безопасности, такое же, какое было и у меня, когда я закрывала двери во двор, будто теперь она закрыла какие-то двери и получила возможность свободно делать все, что захочет.

Она вернулась к предмету, все еще с осторожностью стараясь наступать только на кристальные плиты, подняла его и плотно прижала к себе. Потом, наступая только на кристалл, пошла к входным воротам дворика.

Но как бы ни велика была ее вера в то, что она сделала, она не одержала победу над робостражем. С треском и позвякиваниями защитный экран рассыпался перед ней световыми предупредительными сигналами, и на звуковой сигнал тревоги она ответила тихим криком. Она остановилась, подняв правую руку, и будто бросила что-то в преграду, не позволяющую ей уйти, но на этот раз безрезультатно. Экран сдерживал, сигнализация продолжала издавать звуки, и я решила, что настало самое удобное время показаться.

— Бартаре, — я выступила из тени.

Она резко развернулась; ее нога соскользнула с кристальной плиты, на которой она стояла, глаза блестели, как у загнанного в угол напуганного зверя, а губы прижались к зубам, блеснувшим белизной, готовым укусить. Так, словно она ожидала физического нападения.

Это движение вывело ее от зоны предупреждения. Сигнализация замолчала, и поле защиты погасло. Но не пошла ко мне навстречу, а стояла и ждала, когда я подойду к ней. Ее руки сжимали то, что она держала, будто это следовало защи-

тить превыше всего. И я увидела, что это та самая кукла-идол, которую она одевала в зеленое.

— Бартаре, — я все не могла подобрать слова. И подозревала, что на вопросы, которые я задам, она отвечать не станет. Возможно, я могла бы кое-как наладить с ней отношения, завоевать доверие, если не стану на нее давить. Уж в том, что это и есть ее секрет, я не сомневалась. — Бартаре, пора спать.

Никто лучше меня не знал, насколько неподходящей была эта реплика.

— Вот и спи, — возразила она. — Они ведь спят, — она кивком указала на комнаты матери и брата. — Почему же ты не спишь? — Мне показалось, что уже тот факт, что я тут стою, сбивал ее с толку, означал для нее неудачу.

— Не знаю. Может, потому что это моя первая ночь в чужом мире. Разве кто может сказать, что ничуть не меняется, когда ступает на чужую землю? — Я говорила с ней, как говорила бы с Лазком Вольком.

— Все миры чужие — если рассудить.

Думается, она намекала на то, что на этой планете произошло, потому я кивнула.

— Это так, ибо никто не может посмотреть глазами другого и увидеть в точности то, что он видит. То, что я называю цветком — вот этим, — и я нагнулась, чтобы прикоснуться к чашеобразному цветку, росшему на клумбе рядом, — ты, может быть, тоже назовешь цветком, и все же не увидишь его таким, каким вижу я. — Я замерла, ибо растение, до которого я дотронулась, претерпевало странную трансформацию.

Цветок был чуть светлее цвета слоновой кости. Теперь же от того места, где мои пальцы нежно коснулись его, разливалось темное, нездоровое пятно. Цветок увядал, гнил, умирал — и умер, будто мое прикосновение оскверняло и убивало.

Бартаре засмеялась.

— Я вижу мертвый цветок. А что видишь ты, Килда? То же самое? Видишь, как смерть исходит от твоих пальцев?

Может, это была галлюцинация, но как она была вызвана, этого я сказать не могла. Несомненно, это лишало меня силы духа. Теряя последнюю надежду, я, как могла, цеплялась за логику — может, этот цветок действительно был настолько нежным, что любое прикосновение могло повредить его? Бы-

вают же нежные растения, хотя настолько нежного я никогда не видела.

— Ты часто видишь смерть, Килда? Как в зеркалах? — Она приблизилась ко мне, не сводя с меня сверкающих глаз, стараясь заглянуть ко мне в душу, увидеть страх, наполнявший меня, когда я смотрела в зеркало. В тот момент я могла поверить — была просто уверена, — что Бартаре не только знала, что случилось, но и знала, почему и как. И я не могла не спросить.

— Почему, Бартаре, и как?

И снова она засмеялась, пронзительно, немного жестоко, как иногда смеются дети, если бесхитростно добиваются достижения своих собственных целей.

— Почему? Потому что ты смотришь, Килда, и слушаешь, и хочешь знать слишком много. Хочешь, глядя в другие зеркала, Килда, всегда видеть то, чего тебе не хотелось бы? А ведь могут случиться и другие вещи — похуже, чем просто отражение.

Она намеренно немного отвернулась от меня бросить взгляд на залитый лунным светом двор. Потом снова заговорила, но обращалась не ко мне. Она произнесла эти слова пустому воздуху.

— Видишь? — строго спросила она. — Килда не страшнее любого другого. Не нужно думать о ней дважды.

Она замолчала, будто ждала ответа. Потом отступила на шаг или два, и выражение торжества исчезло с ее лица. Мое собственное воображение дорисовало выговор, который я не слышала, но который смирил самолюбие девочки. Если так и было, возможно, именно потому она рискнула сорвать на мне разочарование и гнев, тем более что я была свидетелем.

Ее замешательство было замешательством ребенка. Она потеряла Силу, потревожив зрелость, маскировавшую ее. Ее черты сморщились в хорошо знакомую маску бессильного гнева, и она пронзительно закричала:

— Ненавижу тебя! Только пошпионь за мной еще раз, и пожалеешь! Пожалеешь! Пожалеешь! Вот увидишь!

Она развернулась и побежала, уже не обращая внимания на плиты, по которым летела, стремясь только добежать до двери комнаты. И через секунду та захлопнулась, плотно закрывшись за девочкой.

Я долго стояла, оглядывая двор, потом наклонилась, чтобы поближе изучить цветок, к которому прикоснулась. Нет сомнений, во дворе никого не было. А цветок был черным, быстро изгнившим клубком. Я почти ожидала, что это окажется иллюзией, но все это было абсолютно реальным — или выглядело реальным. Я сломала стебель цветка и взяла его с собой. Но прежде чем снова вернуться в свою комнату, заглянула к Оомарку.

Он крепко спал. Убедившись в этом, я в каком-то порыве пошла и в комнату Гаски Зобак. В тусклом свете ночи медсестра, свернувшись калачиком, спала в кресле, а Гаска без движения, но дыша, лежала в кровати. Будто они все приняли снотворное.

У меня в руке был мертвый цветок, а в памяти во всех деталях осталось все, что видела во дворе, и, самое главное, сейчас у меня была крайняя необходимость с кем-нибудь все это обсудить. И я решила, что если комендант не пошел дальше слов в своем предложении пригласить парапсихолога, я должна организовать эту встречу сама.

С этой мыслью я легла спать. Мне казалось, что я слишком взвинчена, чтобы уснуть, — но ошиблась, ибо последнее, что я помню — я потянулась и подоткнула одеяло.

Даже сейчас я понятия не имею, как объяснить то, что случилось утром. Я проснулась с чувством, что как следует выспалась, — и все. Воспоминание о прошедшей ночи и о том, что мне нужна помощь, исчезло. У меня осталось только поддразнивающее смутное воспоминание, беспокоившее меня в течение дня, о том, что мне нужно было что-то сделать, с кем-то встретиться — но что и с кем, вспомнить это я не могла.

Джентльфем Пизков зашла к нам в первой половине дня, и ее присутствие действовало на меня успокаивающе. Видно было, что она любит и понимает детей. И Оомарк и Бартаре, оба вели себя в тот день, как обычные дети. Она взялась показать нам город. Мы прилетели накануне недели национальных торжеств в честь годовщины приземления Первого Корабля колонии. И вскоре нас затянуло веселье официальных торжеств.

Я заметила, что Оомарк подружился с двумя мальчиками, почти ровесниками, а вот Бартаре, всегда вежливая и произво-

дившая своим воспитанием впечатление если не на сверстников, то на взрослых, такого успеха в обществе не добилась.

Мало-помалу, как, бывает, собирают в единое целое неясные осколки сна, я вспомнила ту сцену во дворе. Но — вот что странно — теперь она уже не смогла встревожить меня, внушить мысль, что это серьезно. Я застала Бартаре за очень образной игрой и позволила ее действиям перейти границы здравого смысла. В дальнейшем я смогла бы лучше контролировать ее, если бы рассматривала такое поведение как детскую игру, и не более.

Вот так можно подпасть под влияние — и не осознать этого.

Стараниями Бартаре, которая не проявляла больше желания гулять при лунном свете или разговаривать с воздухом, это казалось все менее и менее важным. Ее нынешняя некоторая замкнутость в общении с другими детьми меня не особенно тревожила — это очень напоминало меня в ее возрасте. Не думаю, что правильно вынуждать детей вести себя «нормально», так, как это мнится взрослым, — это только отдалит и охладит ребенка.

Вместо этого я все-таки нашла с Бартаре общие интересы. Она видела, как я распаковывала записывающее устройство, которое дал мне Лазк Вольк, и, казалось, ее это заинтересовало. Я рассказала ей о его галактической библиотеке и о том, что я там работала, добавив, что надеюсь добавить к ней что-нибудь — если удастся здесь найти материал настолько необычный, чтобы его сочли ценным. Но я объяснила, что должна очень тщательно отбирать материал, так как могу выслать лишь ограниченное количество записей.

Полагаю, ее интерес, как, видимо, она и задумывала, обезоружил меня — уловка, старая как мир — так что, когда она внесла свое предложение, я не без удовольствия отметила, что нашла кое-что, чем можно завоевать ее расположение. И действительно, меня заинтересовала ее идея: она предложила посетить руины, которые ее отец осматривал перед роковой аварией.

Но можно ли это делать — вызвало сомнения. Прежде всего, развалины находились в местности без единого поселения, причем довольно далеко от Тамлина, — а это означало ночевку вне дома, — и условия там были очень скудными, лишь для

работающего там персонала. Я объяснила это Бартаре, и хотя она, казалось, была разочарована, но вскоре предположила, что, возможно, есть и другие достопримечательности, поближе к городу.

Так хорошо, слишком хорошо для ребенка, скрывала она свои собственные желания: я была абсолютно убеждена, что ей просто хочется посмотреть на меня в качестве записывающего эксперта за работой. И я блуждала в тумане самодовольства.

Гаска Зобак тоже продолжала плыть в тумане. Но этот туман был, или по крайней мере на тот момент казался, намного более серьезным. Она довольствовалась полусном и ложью. Всякая попытка разбудить ее приводила к возобновлению истерики. После двух таких битв медики сообщили, что они в полном замешательстве. Пока ее не выводили из этого полусна (который уже не был вызван лекарствами), она была вменяемой. Попытка «встряхнуть» ее приводила к такому состоянию, что доктора серьезно опасались за ее рассудок.

В конце концов врач признал, что ее случай выходит за пределы его компетенции и что ей требуется лечение на другой планете. Предложение, что первый же корабль, который приземлится здесь и сможет взять нас на борт, повезет нас на Чалокс, было безоговорочно одобрено. Беда была в том, что такой корабль в ближайшее время не ожидался, а приземлялись в изобилии грузовые корабли и звездолеты дальнего следования; а дни между тем шли своим чередом.

Оомарк не скучал с друзьями. И еще, теперь он посещал школу при космопорте, где хорошо освоился. Мне казалось, он стал более беззаботным и радостным, чем когда-либо. Он проводил на улице больше времени, чем в доме, но я считала совершенно естественным, что в компании мальчиков-сверстников он жил более нормальной и безопасной жизнью, чем под подавляющим контролем Бартаре. А кроме того, дом, в котором ради Гаски нужно было поддерживать тишину, мало подходил для маленького активного мальчика.

Бартаре так сильно возражала против школы, что я взяла ее обучение на себя, зная, что Гаска так и планировала. У нее был подвижный и проницательный ум; такой лучше всего развивать не стандартной системой обучения, как требует обще-

образовательная школа, а скорее осторожной навигацией и совместными открытиями.

Как человек, она не стала мне нравиться больше. Никогда не исчезало чувство, что она всего лишь сносила — иногда нетерпеливо — людей вокруг. Но я уважала ее способности. А когда она перестала проявлять склонность к играм или действиям, требующим богатого воображения, мне стало с ней намного проще.

Она не оставила желания найти материал для записи в библиотеку Волька и время от времени возвращалась к этой теме, внося разнообразные предложения. Наконец, может, потому, что я уже подустала и даже немного стыдилась постоянно отвечать «нет» на ее активно выдвигаемые идеи, я согласилась потратить немного ленты на посещение Луграана.

Странно, но на Дилане практически не было крупных местных животных, а в одном отчете-обозрении было сделано робкое предположение, что в далекие времена планета была намеренно лишена такой формы жизни. Так что осталось немного мест, к которым всегда направлялись гости планеты. И одним из них было излюбленное место детских пикников — Луграанская долина.

Сами луграанцы ставили в тупик изучающих их ученых. Прежде всего, попытка перевезти одного из существ из долины привела к его смерти, причем даже после детальнейшего исследования при вскрытии тела причину смерти так и не установили. Так что теперь приближаться к ним было запрещено, хотя за их жилищами можно было наблюдать с горных выступов.

Конечно, они уже были занесены на ленты, и я не сомневалась, что в коллекции Волька такие ленты есть. Но на этой планете это были единственные коренные жители, представляющие хоть какой-то интерес, и я могла попытать силы на нескольких таких записях, доставив Бартаре удовольствие, и, не скрою, тем самым поддерживая ее интерес.

Казалось, судьба нам улыбнулась, так как школьная группа Оомарка как раз собиралась посетить Луграан. И к этой загородной прогулке могли, по желанию, присоединиться родители и другие члены семьи. Так что у Бартаре была отличная причина настаивать на экспедиции.

Однако для Оомарка это было совсем не так уж приятно.

Когда я заговорила об этом, в нем впервые за все эти дни выглянуло его прежнее «я». С его лица мигом исчезло энергичное оживление, он недовольно выпятил нижнюю губу и бросил сердитый взгляд на сестру.

— *Это ты* хочешь поехать, — он говорил скорее с ней, чем со мной. Его слова звучали как обвинение.

— Конечно, Килда собирается делать записи...

— Это место не для тебя. — Он и не скрывал враждебный настрой. — Не дай ей поехать, — повернулся он ко мне. И напряжение, отразившееся на его лице, не соответствовало ситуации, которая его вызвала. Наверное, он с отчаянием наблюдал, как всей дружбе и свободе, которые он завоевал, угрожает сила, на победу над которой он не мог даже надеяться.

Я не могла не уступить этой просьбе. Если для Оомарка это значило так много, я не буду настаивать. Мы и сами могли поехать в Лургаанскую долину. Так я и сказала, и на его лице промелькнуло облегчение, которое сразу же исчезло, когда он взглянул на сестру.

Мой взгляд последовал за его. Тень, что я уловила на ее лице, разбудила покалывания давнишней тревоги. Оомарк кое-как взял себя в руки, будто в этот раз с моей помощью собирался одолеть Бартаре.

— Хочешь поехать один, не с нами? — спросила Бартаре. Она произнесла слова раздельно друг от друга, придавая им больше веса, чем требовалось для такого простого вопроса.

Оомарк покраснел, потом побледнел. Но стоял на своем.

— Д-да...

Бартаре улыбнулась.

— Ну, пусть будет по-твоему.

Оомарк открыл рот от удивления, развернулся и выбежал в сад, как если бы он уже опаздывал в школу и должен был быть там — или где-то подальше от нас — как можно скорее. Бартаре посмотрела на меня, все еще улыбаясь.

— Он передумает — вот увидишь. А ты должна сказать джентльхомо Ларгрейсу, что мы поедем.

— Нет, в другой раз. Если Оомарку хочется побыть с другими мальчиками без нас, пусть.

Она покачала головой.

— Мы ему понадобимся — вот увидишь. Только подожди немного.

Было что-то такое в ее уверенности, из-за чего скорлупа уютности, из которой я не выходила последние несколько дней, дала первую трещину. Шевельнулись глубоко запрятанные воспоминания. Зеркало... Что-то я в нем видела...

Бартаре перестала улыбаться; когда ее взгляд встретился с моим, в нем была тревога.

— А впрочем, это неважно, совсем неважно, — поспешно добавила она. — Пожалуйста, мы ведь собирались в Воррайт, посмотреть на ветряные картины.

И она сделала то, что делала нечасто — взяла меня за руку. Бартаре недолюбливала, когда к ней прикасаются; я запомнила это еще в самом начале нашего знакомства и тщательно соблюдала дистанцию. Действительно, она редко когда намеренно стремилась к физическому контакту.

Мы пошли в выставочный зал Воррайт, и, очевидно, Бартаре была поглощена тем, что там видела. Она играла роль маленькой девочки. Но я продолжала пробуждаться и была настороже, как и раньше, той ночью во дворе. Кем бы Бартаре ни была — а я уже начинала сомневаться, смогу ли узнать, кем, — она не была нормальным ребенком. А теперь, вспоминая ее представление во дворе, я испытывала насущную потребность излить все свои сомнения, предположения и подозрения кому-нибудь вроде Лазка Волька, кто много знал о вселенной и был бы непредубежден.

Парапсихолог — как или, скорее, почему я забыла, что хотела его позвать? И почему комендант так и не перешел к делу со своим предложением? Обладала ли Бартаре каким-то новым, доселе неведомым эсперским даром — заглушать мысли у тех, на кого она хотела повлиять?

Для себя я на один вопрос ответила. Но я не знала, как ей это удается. И пока я не смогу это выяснить, будет намного лучше и дальше играть в маскарад, оставаться беззаботным спутником, который ей и нужен был.

И еще, теперь я не сомневалась, что если бы ей позарез хотелось поехать в Луграанскую долину, Оомарк не смог бы ей противостоять. Но я с большим пониманием относилась к его желанию держаться подальше от сестры. Возможно, ранее он никогда не был свободен от ее контроля, пока обстоятельства здесь, на Дилане, не сделали это возможным.

Освободившись от наложенных на меня уз — что бы это ни

было, — мое воображение приступило к работе. Мне нужно было научиться управлять им, твердо сказать себе, что нужно оставаться настороже, но не верить, что Бартаре способна на многое — пока не найду конкретные доказательства.

И доказательство появилось, причем так, что пробудило мои самые плохие предчувствия, встревожило все мои предупредительные системы.

Мы вернулись из города, обсуждая увиденное. Но Оомарк оказался дома раньше нас. Его обычно круглое мальчишеское лицо вытянулось, а кожа, слегка загорелая под солнцем Дилана, выглядела нездорово бледной.

Я поспешила к нему, стоящему, прислонившись к стене, прижав к животу руки; крупные капли пота стекали со лба к верхней губе. Казалось, он пытается сдержать рвоту.

Не успела я подойти к нему, как он отступил от стены, о которую опирался, и посмотрел прямо в лицо сестре.

— Забери... забери, что Она сделала с Гриффи! — В его пронзительном голосе слышалось приближение истерики — те же дикие нотки, которые я слышала в голосе его матери, дважды, когда врачи пытались привести ее в чувство.

— Я ничего не сделала, — возразила Бартаре.

— А тебе и не надо было — это Она сделала! Останови ее! Гриффи... Гриффи хороший! Он... — Глаза Оомарка закрылись, и из них полились слезы. — Ну ладно, ладно! Можешь поехать — можешь ехать — куда хочешь. Я — я заболею!

Он заревел; я подхватила его и, как могла быстро, потащила к окошку. И в тот момент было совершенно не важно, что, возможно, Бартаре скажет или сделает в ответ на этот взрыв.

Глава 4

Я вымыла потное лицо Оомарка. Оба мы были больны — он от потрясения, я — от печали. Теперь он сидел на краю кровати, весь съежившись, и смотрел в пол. Он разрешил мне ухаживать за ним, и всякий раз, как я уходила, чтобы намочить полотенце, хватался за мой верхний пиджак. Я села рядышком, обняла его плечики и прижала его к себе. Он спрятал лицо.

— Расскажешь об этом? — спросила я. Ясно было, что у

него шок. И если виновата в этом Бартаре... В тот момент у меня было желание проявить достаточно примитивизма, чтобы наказать ее своими собственными руками.

— Она сказала, я пожалею, — бубнил он. — И правда. Но не Гриффи! Нельзя было делать это с Гриффи! — и снова истеричная нотка.

Я была в замешательстве. Что лучше — подстегнуть его рассказать мне то, что случилось, или постараться, чтобы он забыл это, и попросить у медсестры успокоительного?

Он решил за меня, снова показав испещренное слезами лицо.

— Гриффи... он живет с Рандольфом. Он пука, настоящий живой пука, а не такой... чучело... который... который был у меня, когда я был маленький. Он повсюду ходит с Рандольфом, даже в школу. Только он никогда бы не пришел сюда, потому что он знал — видишь — он знал!

— Знал что? — Пука был инородной формой жизни с другой планеты; своим пушистым видом он создавал непреодолимое желание погладить его — идеальный питомец. Но так как они были баснословно дорогими, я была удивлена, что на планете, столь далекой от планеты их происхождения, у ребенка мог быть пука.

— Он знал, — не переставал повторять Оомарк. — Он знал о Ней.

— О твоей сестре?

Мальчик покачал головой.

— А может, он знал и о Бартаре, потому что Она и Бартаре — они всегда вместе. Но Она — плохая! И из-за нее Гриффи было больно! Я знаю, это Она. Ему было очень больно. И может, даже врач ему не поможет. Она хотела, чтобы я пожалел, — потому что я не хотел... Не хотел, чтобы Бартаре поехала с нами. Но не нужно было делать больно Гриффи — он никому не сделал ничего плохого и он самый милый пушистик, которого я знаю! — Он снова затрясся всем своим маленьким тельцем, и меня напугала сила этого срыва. Я освободила одну руку и звонком вызвала слугу. Когда эта машина на колесиках подъехала, я напечатала сообщение для медсестры.

Вместе мы успокоили и уложили его в кровать. Потом я пошла искать Бартаре. Я нашла ее в библиотеке; она слушала

читающий аппарат, выказывая должное внимание уроку истории. Но я нажала кнопку стопа и посмотрела ей прямо в лицо.

— Оомарк думает, что ты каким-то образом сделала больно пуке его друга. — Я пришла с твердым намерением задать резкие вопросы, потребовать разъясняющих ответов.

Она невыразительно посмотрела на меня, будто с искренним удивлением или испугом.

— Как бы я могла, Килда? Я никогда не видела никакого пуки. И в тот день я была с тобой.

— Оомарк без остановки говорит о некой Ней, действующей через тебя, — настаивала я, решившись на этот раз не отпускать ее просто так.

— Оомарк просто маленький ребенок, — ответила она. — Я, бывало, пугала его, когда он плохо себя вел. Я рассказывала ему, что за ним придет Зеленая Леди и сделает все, что я ей скажу. Теперь он думает, что Зеленая Леди действительно существует...

— И ты все еще играешь на его страхах, чтобы добиться своего?

— Ну, иногда...

Довольно правдоподобные совпадения вполне вероятны. Если б я меньше видела и слышала и была бы не столь подозрительной, то, может быть, и поверила бы ей. Что делать дальше — принять ее объяснения и ждать, пока она не выдаст себя с головой? Или же немедленно вызвать парапсихолога и устроить им встречу?

— Не стоит, знаешь ли. — Говоря это, она смотрела мне прямо в глаза; на губах ее играла тень недовольства.

— Но, видишь ли, Бартаре, я ведь не маленький мальчик, которого тебе удалось запугать своими сказками. Я не верю в Зеленую Леди, и Оомарк тоже не будет верить. Вполне очевидно, что вам обоим нужно больше помощи, чем я могу оказать.

Она улыбнулась шире.

— А ты попробуй! — В ее голосе звучало ликование, далеко не детское. — Только попробуй!

К своему ужасу, я обнаружила, что она права. Попробовать-то я могла, но могла и попасть впросак, это я поняла, когда шла звонить коменданту Пизкову и просить о помощи, которая нам точно была нужна. И, по-настоящему напуганная этой проверкой, я вернулась к Бартаре, которая снова слушала

ленту, ни дать ни взять школьница, поглощенная домашним заданием.

— Видишь, — взглянула она на меня, когда я вошла, — я же говорила, что Она не позволит тебе это сделать.

Я села на стул напротив этой моей загадочной подопечной.

— А может, ты скажешь, кто такая эта Она? Твоя мать? — Я сделала самое дикое предположение, на какое была способна, надеясь удивлением выдавить ответ. Результаты не оправдали мои ожидания.

Бартаре вылетела из кресла, наклонились надо мной; ее лицо искривила судорога эмоции, которую я не могла разгадать.

— Да как ты... — Потом это чувство прошло. Она слегка отвернулась; было настолько похоже, что она что-то слушает, что я повернулась в том же направлении. Там ничего — никого — не было.

— Кто Она? — снова спросила я.

Бартаре дерзко ответила:

— Это лучше знать мне, а тебе, Килда, лучше не выяснять. Действительно лучше. Ты мне нравишься — немного. Но что посеешь, то пожнешь. Не волнуйся об Оомарке. И можешь сказать ему, что с Гриффи все будет нормально — пока сам он будет делать то, что нужно. К тебе это относится в той же мере. Мы поедем в долину. Это важно.

На этом она оставила меня сидеть в библиотеке.

Моей первой реакцией была вспышка гнева. К счастью, подготовка в приюте научила меня смотреть фактам в лицо. И моей самоуверенности, и моему самоуважению был нанесен тяжелый удар. Значит, у Бартаре есть силы, безусловно, силы эспера, которые не давали мне обратиться за помощью. Средств для борьбы у меня оставалось немного. И когда я осознала этот факт, то была напугана почти так же, как тем видением в зеркале. Теперь, по крайней мере, у меня не было ни малейших сомнений, что то видение устроила Бартаре — как предупреждение или как угрозу. Знала ли Гаска Зобак о том, что за дочь она произвела на свет?

И не было ли ее затворничество вызвано нежеланием видеться с Бартаре без поддержки мужа? Или и это было спланировано Бартаре? Ведь могла же она мешать мне обращаться за помощью, чтобы с ней справиться.

Мои знания об эсперах и их силах были не глубже, чем у среднего начитанного любителя, и черпались из лент Волька. И тем, у кого нет таких способностей, трудно судить, или даже поверить, насколько безмерны достижения тех, кто этим даром наделен.

Эспер она или нет, а все внутри меня бунтовало против контроля Бартаре, под который я могла попасть, как Оомарк. Возможно, Бартаре в своей детской самоуверенности не верила, что предупрежден — значит вооружен и что были же меры, которые можно предпринять, чтобы предотвратить захват, — я даже испугалась, поняв, как далеко зашла в мыслях. Попасть под контроль к ребенку почти в два раза младше меня! Невозможно! Или возможно? Этот гнетущий вопрос навис у меня над душой грозовой тучей.

У меня не хватало знаний: все, чем я владела, — какие-то отрывки и кусочки информации. И из этих кусочков я должна выстроить линию обороны и укреплять ее, пока не смогу сразиться с Бартаре. Как я мечтала о доступе в библиотеку Волька — хотя бы на час.

А пока моим лучшим прикрытием было внешнее спокойствие. Неохотно мне пришлось признать этот горький факт. Были еще упражнения против галлюцинаций, и я приступила и к ним. А между тем — могла ли я предоставить Вольку материал лучше, чем рассказ об этой причудливой паутине, в которую невольно попала? Я прошла долгий путь в поисках чуда, которое можно добавить в его хранилище знаний, и вот нашла, что искала, — не на Дилане, но внутри себя.

Я вернулась к себе в комнату и достала записывающее устройство Волька. Да, в нем был мыслепреобразователь. Я когда-то пользовалась им, но недолго, и была не до конца уверена, что моя подготовка позволяет записать такой отчет. Но решила, что сейчас это единственный надежный способ — я ведь понятия не имела, насколько сильны были эсперские способности Бартаре и могла ли она подслушивать слышимые записи.

Закрыв дверь на засов, я легла на кровать и стала в уме составлять самую отчетливую запись, на какую была способна, обо всем, что случилось со мной с тех пор, как я встретила Гаску Зобак и ее детей. Дважды я в уме конспектировала события, редактируя и стараясь, насколько возможно, освободить

их от своих эмоций и догадок. Может, добавлю их в конце, но в первую очередь необходимо изложить именно факты, а не мою интерпретацию фактов, хотя, как и в любом отчете, как бы составитель ни старался сделать его беспристрастным, следы автора все равно будут заметны в нем.

Собрав факты в связное и значимое целое как можно лучше, я затянула лобный диск и начала передавать мой дважды отредактированный отчет. Я стала делать это максимально быстро, чтобы на меньшую длину ленты уместилось как можно больше информации. И оказалось, что такой процесс намного утомительнее, чем любые два обычно записанных отчета.

Потом я отмотала ленту назад, чтобы не видно было, что ее использовали. Я понимала, что принимаю меры предосторожности на случай, если за мной шпионят, но вот недооценить Бартаре — такую ошибку делать не стоит.

Оомарк провел остаток дня в постели. Кроме того, стало ясно, что так же, как он обратился ко мне за помощью раньше, так теперь уклонялся от нее. Насколько я знаю, Бартаре к нему не приходила. Но теперь я ни в чем не могла быть уверена, и ясно было лишь, что он боялся — или меня, или того, что наговорил мне в замешательстве. Он в самом деле получил звонок по визикому от владельца Гриффи; тот заверял, что, похоже, чертенку лечение помогает.

На следующее утро он охотно сел в школьный автобус, хотя — я заметила — несколько раз с опасением посмотрел в сторону двери сестры; она так и не показалась. Через час она все-таки вышла, одетая в плотное прогулочное платье, готовая к экспедиции в долину.

Я переоделась в короткие штаны, походные ботинки и пиджак с подкладкой — этой дальновидности мне еще предстояло обрадоваться. И собрала наплечную сумку с запасами пищи: на тот случай, если мы пойдем в долину с группой, включающей класс Оомарка, то не будем навязываться к ним на обед. Чем дольше я смогу сейчас изолировать Бартаре, тем лучше. К моему облегчению, она, оказалось, приняла мою идею оставаться в сторонке, будто это было самое лучшее, что можно сделать; а может быть, ей просто так же хотелось удержать меня от контактов за пределами нашего частного поля битвы, как мне — обуздать ее.

Мы вовремя добрались до парковки флиттеров, и оказа-

лось, что будем лететь с двумя матерями и одной тетей. Случайные контакты для меня, из-за собственного происхождения, были в лучшем случае трудны. А теперь, при моем внутреннем напряжении, это было еще большим бременем. Но все же, похоже, я достаточно хорошо сохранила внешнюю оболочку, что они приняли мой отчет о Гаске в ответ на их расспросы и болтовню; наверное, я неплохо справилась со своей ролью.

Бартаре снова правильно играла маленькую девочку, вежливо отвечая на предложение одной из матерей встретиться с ее дочерью. Она несла — настояв на этом — записывающее устройство, старательно не выпуская его из рук.

Путешествие длилось дольше, чем я предполагала: сначала мы пролетали над сельской местностью, разделенной на секции и поля с обильным, почти созревшим урожаем, а потом над ненаселенными землями. Именно здесь становилось совершенно очевидно, что Дилан — малозаселенная пограничная планета.

Всю свою жизнь я жила на перенаселенной планете, где единственное, что что-либо росло, только в специальных садах, о которых тщательно заботились на протяжении длительного времени. И хотя усердные дизайнеры садов ощутимо преуспели в искусстве визуально увеличивать маленькое до довольно большого, они были просто ничтожными островками растительности по сравнению с тем, что мы сейчас видели.

Здесь была открытая местность, какую я видела ранее только на визиолентах. И она производила тяжелое впечатление. Было что-то пугающее в этих длинных полосках открытой земли, над которой мы неслись. Земля здесь была не так плодородна, как ближе к Тамлину. Росло мало деревьев, да и те больше напоминали кусты. За равниной начались холмы. Все чаще и чаще скалистые породы вырывались сквозь почву на поверхность. Мы пронеслись над водоемом, из которого поднимался пар от горячих источников, пропитанных минералами. Странное это было место — оно завораживало и приковывало взгляд. Но не думаю, что у меня могло возникнуть желание прогуляться здесь.

Дальше шли зубчатые горные цепи. Солнце ярко освещало кристаллические пласты. Должно быть, когда-то землю перевернуло мощным вулканическим взрывом. И произошло это в

самом центре этой очень негостеприимной страны, над которой мы пролетали.

Бартаре смотрела очень внимательно, ее лицо прижималось к пластиковому экрану окна. Складывалось впечатление, что она ищет ориентир, который обязательно должна найти. Но я не доверяла собственным впечатлениям о Бартаре. Из-за той оборонительной позиции, что я заняла по отношению к ней, мне легко было прочесть в ее действиях больше, чем, возможно, в них действительно было.

Мы приземлились на древнюю посадочную полосу: плато, выровненное, как отличный насест. Там рейнджеры объединяли прибывающих в группы и провожали к верхним выступам, откуда можно было наблюдать за деятельностью луграанцев.

Признаю, там я потеряла бдительность — как потом выяснилось, роковым образом. Бартаре была рядом со мной, а Оомарк маячил вдалеке, стоя между инструктором и своим лучшим другом — хозяином Гриффи. Он явно старался не смотреть в нашу сторону с того момента, как группы посчитали и направили к этому возвышению. Я очень остро чувствовала, что он нас избегает, хотя, возможно, другие этого и не замечали.

Бартаре и шагу не сделала, чтобы присоединиться к брату. Когда мы подошли к выступу, она протянула мне записывающее устройство. А так как никак нельзя было допустить, чтобы она догадалась, в каких целях я включала его раньше, я начала настраивать визиолинзы прибора на панораму под нами.

Луграанцы не проявляли к нам никакого интереса. Возможно, вообще не видели нас, пока были заняты. Они были негуманоидами, хотя и прямоходящими. На их пухлых тельцах имел место контраст между длинными и тонкими верхними и короткими и толстыми нижними конечностями, и украшал их широкий мясистый хвост, которым они, когда время от времени останавливались друг напротив друга, будто разговаривая, прочно опирались о землю, так что их ноги и хвост образовывали устойчивый треножник.

Они были темно-красного цвета; все тело покрывала поросль жестких, похожих на перья, волос. Голова крепилась на теле шеей, такой гибкой и длинной, что напоминала шею реп-

тилий; на голове красовался ярко-желтый клюв и гребешок более длинных волос на макушке.

Их передние лапы отчасти напоминали человеческие руки, и они ими хорошо пользовались — судя по хижинам, сложенным из камней, настолько хорошо выбранных и подогнанных друг к другу, что стояли очень прочно. Они занимались и сельским хозяйством, представленным выращиванием грибов и разведением каких-то гигантских насекомых, служивших им эквивалентом крупного скота.

Уж конечно, они были достаточно необычны, чтобы приковывать внимание, — слишком сильно, как я неожиданно поняла, когда огляделась по сторонам и увидела, что Бартаре исчезла. Среди группы ее тоже нигде не было. И, пытаясь отыскать ее, я выяснила, что и Оомарк тоже пропал.

Я отошла от края выступа; моя первая вялая тревога перерастала в уверенность, что детей надо найти, и быстро. Но когда я захотела поговорить с рейнджером, или с инструктором, или даже с кем-то из других детей, то обнаружила — к растущему страху, — что то сдерживание, мешавшее мне обратиться за помощью и справиться с Бартаре там, в городе, вернулось. Я могла думать о том, что мне надо было сделать; однако сделать это было невозможно. Но, казалось, ничто не мешало мне уйти с выступа. Я вернулась по тропинке. Никто даже голову не повернул посмотреть мне вслед или что-нибудь спросить, хотя мне очень хотелось, чтобы это случилось.

Должно быть, я обнаружила уход Бартаре и Оомарка несколько раньше, чем этого ожидала девочка, так как я все же заметила их впереди, но не по дороге на парковку флиттеров, а карабкающихся по скалам вверх и вправо. Из-за наложенного на меня сдерживания я не могла привлечь к себе внимание, поэтому все, что мне осталось, это следовать за ними.

Ясно было, что, чтобы взбираться наверх, мне нужны свободными обе руки, так что мне следовало сделать выбор между записывающим устройством и сумкой с провиантом. У последней был крепкий несущий ремень, потому я поставила записывающее устройство на землю у поворота, где собиралась свернуть за детьми. Я надеялась, это будет отметкой пройденного пути.

Еще я боялась, что то, что сдавило мои способности бить тревогу — что бы это ни было, — не даст мне оставить и этот

маленький указатель. Но нет, я смогла оставить его там. Я даже могла без помех идти за детьми.

Они уже исчезли из виду, и если я не хотела потерять их где-то среди этого нагромождения скал, нужно было спешить. Хотя я была в хорошей физической форме — благодаря воспитанию в приюте, — но, возможно, никогда не взобралась бы на первый выступ, если б не суровая необходимость, потому что это оказалось намного труднее, чем выглядело снизу. Склон был ненадежным, со скользящими камнями, которые каскадом обваливались, если потерять осторожность. И я полностью сконцентрировалась на том, что было прямо передо мной.

Я добралась до вершины подъема и оглядела путь передо мной, чтобы убедиться, что еще не полностью потеряла детей. Они уже взбирались на следующий уступ. Правда, Оомарк отставал, и время от времени Бартаре останавливалась его подождать. Что она говорила, мне не было слышно, но каждый раз этого хватало, чтобы ненадолго обеспечить ему короткий прилив энергии. Я оставалась на месте, следя, как они добираются до вершины того, другого холма, потому что очень сильно подозревала: увидь Бартаре, что я преследую их так близко, она предприняла бы шаги, чтобы остановить меня. Я могла следовать только в некотором отдалении, пока мы не достигли местности, рельеф которой способствовал более легкому путешествию.

Как только они оказались на гребне горы, я продолжила преследование. Затем наконец смогла глянуть вниз на длинную полоску относительно ровной территории. Правда, скалистые породы здесь были так многочисленны, а земля так неровна — зарубки изборожденных скал, груды обдуваемых ветром обветшалых больших валунов, — что ходить здесь нужно было медленно и осторожно, такое это было место.

Оомарк определенно отставал. Даже когда Бартаре разворачивалась и ждала, с похвалой ли или с критикой, он устало тащился медленным шагом. Он опустил голову, и казалось, больше никогда не оторвет взгляда от земли под ногами. Но он не останавливался, и, наверное, Бартаре приходилось довольствоваться тем, что было.

Они пересекли открытую местность и исчезли. Мне понадобилось больше времени, чтобы повторить их путь. Добравшись

до дальней стороны, я обнаружила другой откос, еще длиннее и круче. Почти прямо подо мной стояла Бартаре, опираясь спиной об эту скалистую стену. Ее руки лежали на бедрах, а голова быстро поворачивалась справа налево, справа налево.

Оомарк все еще спускался по стене. Потом он судорожно набрал воздуха в грудь и упал. Я обмерла, когда он не поднялся снова, а продолжил лежать у ног Бартаре. Ее нетерпение бросалось в глаза: она резко наклонилась и обеими руками схватилась за ткань его пиджака, там, где та обхватывает плечи, и потащила его, поставив сначала на колени, а потом на ноги. И хотя он снова держался на ногах, она не отпускала его, будто, если бы отпустила, он упал бы.

Обрыв представлял собой стену широкого открытого пространства, которая, может быть, когда-то была рекой, давным-давно высохшей. Хотя то тут, то там среди валунов виднелись колючие кустики, здесь не было ни малейших следов лишайника или мха.

Большинство камней — темного серо-коричневого цвета. Но то здесь, то там среди них виднелись камни совершенно другого оттенка, так что они сразу бросались в глаза. Темно-красные шары не совсем правильной формы. Некоторые доходили детям до плеч. Другие можно было поднять и взять в руки. И они были разбросаны повсюду, будто какой-то гигант лениво швырнул вниз пригоршню цветных булыжников, так что они упали и вразброс покатились.

Взглянув на них один раз, начинаешь приглядываться к ним пристальнее. Кое-где они лежали близко друг к другу, а кое-где на расстоянии. Один, среднего размера, где-то не выше пояса Бартаре, располагался недалеко.

Таща за собой Оомарка, девочка подошла к этому камню и подобрала булыжник. Она ударила им по красному шару. В ответ прозвучала музыкальная нота, как звон колокольчика. Бартаре слушала, пока не смолкло и слабое эхо.

Она снова обхватила плечи Оомарка и резко, сильно его встряхнула. Я видела, как ее губы движутся, хотя не могла уловить шепота.

Но что бы она ни говорила, это действовало. Он наклонился взять кусочек камня и облокотился о булыжник, который она уже ударила, в то время как его сестра перешла к большему камню.

Она махнула рукой. Оомарк ударил по своему булыжнику, а она в это же время ударила по тому, который выбрала. Прозвучали две ноты — но они заметно различались.

Бартаре покачала головой и кивнула Оомарку. Они пошли пробовать вторую пару. Но ее не смутило то, что она сочла неудачей. Оказалось, Бартаре готова была проработать всю равнину. Когда они отошли уже довольно далеко, я тоже спустилась с обрыва.

Вся моя надежда была на то, что Бартаре так погружена в это занятие, что не увидит меня, хотя что буду делать, если попадусь, я не имела ни малейшего понятия. Только была уверена, что моей обязанностью было оставаться с детьми.

Я добиралась до дна долины, оглушаемая почти непрерывным звоном музыкальных камней. Иногда они звучали почти в унисон. А как-то раз Бартаре подала Оомарку сигнал, чтобы он попробовал еще раз. Но что бы она ни искала, ей пока не удавалось этого найти.

Они прошли уже половину этой долины, когда я последовала за ними, петляя между камнями. Я поскользнулась и выставила вперед руку, чтобы не упасть. Коснулась ладонью одного из красных шаров — и отдернула руку. Будто моя кожа и плоть на мгновение прикоснулись к горячей печи, может, не настолько горячей, чтобы обжечь, но достаточно теплой, чтобы напугать.

Я осторожно потрогала один из обычных серых булыжников и выяснила, что он не теплее, чем обычный камень, нагретый на солнце, намного меньше, чем красные. И я очень старалась к красным больше не прикасаться. Потом взглянула посмотреть, где Бартаре, и увидела, что она пристально смотрит на меня. Она подняла правую руку и сделала жест, будто кидает что-то, и словно бы световая пика ударила мне в лицо и ослепила глаза.

Глава 5

Сколько времени ослеплял меня этот блеск — не могу сказать, ибо воистину это было ослепление. Когда зрение ко мне вернулось, дети были уже далеко, не у противоположной стороны долины, к которой они ранее направлялись, а слева от меня.

Мигая, чтобы избавиться от остатков тумана в глазах, я увидела, что они все еще колотят булыжниками по каменным шарам. Я попыталась идти за ними, но мои ноги словно попали в какую-то предательскую ловушку. Я раскачивалась, но не могла оторвать их от земли.

Я боялась. И все-таки изо всех сил рвалась за теми двумя, уходящими все дальше и дальше. Скалы там были выше и скрывали перемещения детей; вскоре я и вовсе потеряла их из виду.

Как только они исчезли, мои оковы будто сразу спали. Я пошла, пошатываясь, хотя двигалась с таким трудом, что не осмеливалась спешить. Мелкие камешки почти дьявольски скользили и свободно перекатывались у меня под ногами. Мне приходилось ползти там, где хотелось бежать, цепляться за камни, чтобы протащиться вперед.

Кое-как я дотащилась до того места, где скалы были выше, и начала пробираться между ними, пока, наконец, не вовремя покатившийся камень заставил меня потерять равновесие, и я упала, больно подвернув лодыжку. Я осторожно потерла ее, опасаясь, как бы это не оказалось растяжение связок. Но, встав, обнаружила, что еще могу кое-как ковылять.

На этом камешки и гравий словно успокоились и стали попадаться все реже и реже; дорога тоже становилась ровнее. И вот, наконец, я стояла меж двух скал, каждая выше человеческого роста, опираясь рукой на одну из них, и вглядывалась в лежащую передо мной открытую местность, усыпанную красными камнями, намного больше, чем те, что были в первой долине. А вот и дети.

Оомарк тащился, будто бы из последних сил. Я слышала отдаленное бормотание, которое приняла за голос Бартаре, побуждавший или заклинавший его идти дальше. Как-то он отшвырнул камень, который нес, и развернулся, будто собираясь уйти. Но Бартаре метнулась очень быстро — исчезнув с одного места, почти моментально появилась в другом, преградив ему путь. Я видела лицо Оомарка. Щеки его были красными, со следами размазанных слез. Ясно было, что он слушался сестру против воли.

Она указала на другой камень, который он поднял. Его плечи так поникли, что мне захотелось подбежать к нему и стать на его защиту. Он медленно развернулся и побрел к бли-

жайшей из красных сфер так, будто и не видел самого камня, но чувствовал, что он именно там.

Бартаре снова понеслась со скоростью молнии, и мне подумалось: она настолько погружена в то, что делает, что ничего более не замечает.

От камня, который ударила Бартаре, прозвучала низкая нота, и я услышала, что она издала крик торжества. Она не двинулась с места, но махнула Оомарку рукой, чтобы он постучал по другому камню.

Он ударил по нему, а она снова стукнула по своему камню. Ноты были очень близки, но не совпадали. Только когда ее брат подошел к третьему камню, она получила, что хотела. Оба звука слились в одну ноту.

Бартаре слушала, немного склонив голову набок, не отводя глаз смотря вперед, будто ожидая там что-то увидеть. И когда после долгой паузы ничего не произошло, она сигналом приказала брату ударить еще раз.

И еще раз этот долгий пульсирующий звук сотряс и воздух, и мое тело. Я слышала, что звук может восприниматься вибрацией, но ощущение, что тебя пронизывает певческая нота, устрашало — настолько, что я знала: необходимо остановить то, что делают дети. Осознанно или нет, но Бартаре будила силы, которыми наш мир управлять не способен.

Я сделала шаг вперед; лодыжка болела. Оомарк снова отшвырнул камень, которым стучал, и стоял, подняв правую руку, закрывая ею лицо, словно от удара. И хотя я слышала, как Бартаре ругалась, он больше не шелохнулся, чтобы выполнить ее приказания.

— Стучи! — донеслись до меня крики Бартаре. — Стучи, Оомарк! Хочешь, чтобы я наслала на тебя силы? Стучи же!

На какое-то мгновение мне подумалось, что он настоит на своем. Но то ли ее угрозы, то ли то, что она так долго над ним доминировала, взяли свое. Не глядя, он наклонился за камнем. Изо всех сил зажмурил глаза, будто меньше всего на свете хотел видеть сестру.

— Бей, — пронзительно крикнула она.

И снова вибрацией прозвучала эта двойная нота, что для меня была сродни физическому нападению. И снова ответа — какого бы она ни ожидала — не последовало. Но она так была поглощена всем этим, что я не сомневалась, что смогу подо-

браться поближе и схватить ее. Нападать нужно было сзади, а то она смогла бы применить тот очень эффективный удар на расстоянии, который уже пробовала.

Но Оомарк выдал меня. Он взглянул в ту сторону, откуда я кралась, и, должно быть, какая-то перемена на его лице насторожила Бартаре. Она слегка развернула голову, так, чтобы видеть меня краем глаза, и снова крикнула.

— Бей!

Этот приказ будто привел в движение и меня: я упала, ударившись об один из красных булыжников. Сумка с припасами, которую я несла, стукнулась об него, и прозвучало три, а не две ноты.

Вибрация, которую я физически ощущала раньше, не шла ни в какое сравнение с силой, поглотившей меня в этот раз. У меня не хватает слов описать, что я чувствовала. Все, что могу сказать, это что я перестала ощущать землю, будто меня на веревке крутили над неизмеримой пропастью, и вот так я висела в пространстве над временем, и все это было окутано кромешной тьмой и небытием.

Но вот я начала приходить в себя, открыла глаза и сразу же закрыла их из-за накатившего ужасного приступа тошноты. То, что я увидела, не походило ни на что известное мне, было настолько чуждо всему, что я знаю, что во мне появились сомнения, в здравом ли я уме.

И хотя я лежала на какой-то гладкой твердой поверхности, но знала и то, что не могу оставаться в этом состоянии навсегда. Необходимо приложить усилие, хотя бы самое слабое. Стараясь не терять контроль и обуздать душивший меня страх, я снова открыла глаза.

Сначала я уставилась прямо перед собой, опасаясь увидеть, что находится справа или слева. Не было солнца, не было луны — только серость, как в ранних летних сумерках. Только она не успокаивала, как успокаивает этот час в нормальном для меня мире.

Медленно, очень медленно я повернула голову вправо. Я не увидела скалы, окружавшие меня раньше. Вокруг были скорее геометрические фигуры, одни неподвижные, другие двигающиеся. Из тех, что двигались, некоторые плавно плыли без видимой цели, другие дергались зигзагами. Их причудливый маршрут и неземные формы привели к возвращению при-

ступа тошноты, так что мне снова пришлось закрыть глаза и изо всех сил попытаться контролировать себя.

Воздух вокруг был серым, но эти формы казались резких цветов, а некоторые и вовсе жгли взгляд, если смотреть на них слишком долго или пытаться рассмотреть их поближе. Потом я повернула голову влево и не открывала глаза, пока не почувствовала, что смогу смотреть на то, что там будет. Только тогда я взглянула.

Много неподвижных треугольников, прямоугольников, немного кругов; плавающих фигур было все одна-две; все они двигались медленно. Я оперлась руками о поверхность, на которой лежала, и немного приподнялась.

Хотя от этого перед глазами у меня все закружилось, я упорствовала, пока головокружение не прошло, и рискнула сделать еще одно движение. Казалось, я лежала на поверхности скалы, смягченной, как подушечками, редко разбросанными кучками сияющих пылинок, на ощупь напоминающих очень мелкий песок. Несколько блесток пристало к моей коже, очертив контур ладони и пальцев, когда я подняла руку.

В целом я стала понимать, что вижу. Затем я насторожилась от того, что услышала. Где-то плакал ребенок, не навзрыд, как от гнева или разочарования, а жалостливо хныча, будто потеряв последнюю надежду. И находясь посреди этого странного мира, я не могла определить направление, откуда исходит плач. Но догадывалась, кто из моих подопечных его издавал.

— Оомарк, — позвала я, осознавая, что, возможно, в этом мире и звуки могут таить опасность. Но я должна была ответить на это рыдание.

Когда я произнесла его имя во второй раз, стенания ненадолго прекратились, и он спросил в ответ, будто не мог поверить, что здесь кто-то еще есть:

— Килда? Ведь правда ты Килда?

— Да. Где ты? — Мне показалось, он слева. И я надеялась, что мне не придется смотреть на мельтешащие предметы, чтобы найти его.

Кое-как я встала на ноги, и после секунды-другой головокружения обнаружила, что могу волочить ноги, хотя лодыжка болела сильнее, чем раньше.

— Ты где? — повторила я, не получив ответа.

Снова раздался его голос, низкий и напуганный:

— Я... я не знаю.

— А Бартаре с тобой? — В тот момент я надеялась, что нет. Я была не в том состоянии, чтобы мериться с ней силой воли. Мне нужно было время, чтобы взять себя в руки.

— Нет.

— Можешь сказать мне, где ты? Что вокруг тебя? — Я пыталась сориентироваться по фигурам, очевидно, достаточно неподвижным, чтобы служить ориентиром. Один темно-малиновый конус не двигался с того момента, как я впервые посмотрела на него, а немного выше — ярко-зеленый треугольник, а слева от них буро-оранжевый цилиндр. Мне показалось, что голос Оомарка исходит с той стороны, и если он видит те же фигуры, у меня будет ориентир.

— Тут большое дерево... и куст с желтыми ягодами... и какие-то камни... — Он говорил и хныкал в перерыве между словами.

То, о чем он говорил, было невозможно.

— Ты... ты уверен, Оомарк?

— Да! Да! Килда, пожалуйста, забери меня отсюда! Мне тут не нравится! Я хочу домой! Пожалуйста, Килда, ну приди же!

Его голос доносился точно прямо из-за малинового конуса. Но я замерла от страха, когда голубой стержень с двумя шестиугольными ребрами неожиданно пролетел вниз прямо за моей головой и оцарапал поверхность оранжевого цилиндра. Когда он исчез, я упрямо направилась тем же курсом.

— Я тебя вижу, Килда, теперь вижу! — позвал Оомарк. Маленькая фигурка устремилась ко мне. К моему облегчению, это был сам Оомарк, в своем собственном человеческом теле, и он схватил и крепко меня обнял. У меня было смутное подозрение, что, наверное, мы оба изменились, как и ландшафт вокруг нас. Но очевидно, и он видел меня в обычном обличье.

Он так прижался ко мне, что я не могла шелохнуться. И должна признаться, что и я вцепилась в него мертвой хваткой. Наконец его рыдания стихли и хватка ослабла. И тогда я осмелилась сказать больше, чем просто слова утешения.

— Оомарк!

Он посмотрел на меня. Его лицо было запачкано грязью и слезами, но он слушал, что я говорила.

— Скажи мне, что это? — Я показала на оранжевый цилиндр.

— Куст, с ягодами — их так много, что ветки прогибаются, — сразу ответил он.

— А это? — Следующим я выбрала зеленый треугольник.

— Дерево.

— А это? — Теперь настала очередь темно-красного конуса.

— Большая неровная скала. Но, Килда, зачем ты хочешь все это знать? Ты же сама видишь...

Падая на колени, я обняла его и притянула к себе. Следовало осторожно подбирать слова, но придется сказать ему правду.

— Оомарк, послушай внимательно. Я всего этого не вижу...

Я остановилась, не зная, что сказать дальше. Уже одного этого признания достаточно, чтобы его страх вырос. Я знала, что он потянулся ко мне, как к якорю безопасности, и если окажется, что на меня нельзя опереться, то, возможно, для него все будет потеряно.

— Семена папоротника... — Его комментарий меня просто изумил.

Это было так не к месту, что мне подумалось, он не понимает, что говорит. Но он с важным видом кивнул, будто мои слова доказывали что-то.

— Что за семена папоротника? — спросила я с осторожной нежностью.

— Она когда-то дала Бартаре. Если они попадут в глаза или ты их съешь, будешь видеть вещи по-другому. Должно быть, Бартаре дала их мне. А что *ты* видишь, Килда? — спросил он с искренним интересом.

Семена папоротника... Она... — еще больше частичек загадки. Казалось, я никогда ее не разгадаю.

— Твой куст кажется мне оранжевым цилиндром. Дерево — зеленый треугольник, а скала — темно-красный конус.

Его глаза следовали за указаниями моего пальца.

— Тогда ты не видишь, что прямо здесь, да, Килда?

— Не так как ты, Оомарк. А теперь послушай — ты говоришь, что Бартаре ушла, или, по крайней мере, ее здесь нет. Где она? Ты видел, что она уходила?

— Я не видел ее, после того как попал сюда, — сказал он. — Но я чувствую ее — здесь! — Он ослабил объятия и поднял правую руку постучать по центру лба.

— Как ты думаешь, найдешь ее?

Он вздрогнул.

— Не хочу, Килда. Она... она с Ней... с Леди.

— А кто она, эта Леди, Оомарк?

Он отшатнулся от меня, отвернувшись, будто не хотел смотреть мне в глаза.

— Она... Она друг Бартаре. Она мне не нравится.

— А где Бартаре с ней познакомилась?

— Сначала во сне, я думаю. Однажды Бартаре сказала, что мы должны кое-что сделать — спеть странные слова. Она налила лаирового сока на землю, раскрошила сладкое печенье и разорвала красивые мамины перья и смешала все это вместе. Потом села в траву и велела мне закрыть глаза и считать до девяти, потом открыть их, и я увижу что-то чудесное. Бартаре увидела — а я нет. Леди... она сказала Бартаре, что у меня какие-то неправильные глаза. Но потом Она часто приходила и всему учила Бартаре. После этого я больше не нравился Бартаре, но она заставляла меня помогать ей. Но она не хотела играть с Майрой, или Джантой, или с кем-то из девочек. Она притворялась, что ходит к ним, а вместо этого пряталась и разговаривала с Леди. И она сказала, что Леди обещала ей, что если она будет делать все правильно и очень стараться, то сможет когда-нибудь попасть в мир Леди. И... — Он оглянулся, его губы задрожали, а глаза снова начали наполняться слезами. — И я думаю, это и случилось. Только нам тоже пришлось попасть туда. А я не хочу здесь оставаться — Килда, пожалуйста, пойдем домой!

Я и сама ничего другого не хотела, но как этого достичь — не имела ни малейшего представления. Я как раз обдумывала ответ, когда, с искоркой проницательности, Оомарк догадался о том, что я не хотела говорить.

— Думаю, мы не можем вернуться, если только Бартаре и Леди нас не отпустят. Но, Килда, они... они могут оставить нас здесь навсегда?

— Нет. — Может, я была слишком уверена, но, видя, как он трясется, не посмела ответить иначе. — Но если мы сейчас найдем Бартаре и Леди, может быть, попросим их отпустить нас...

— Не хочу — мне не нравится Леди. Мне и Бартаре не нра-

вится, больше не нравится. Но я пойду искать их, если ты думаешь, они отправят нас домой.

Был и еще один вопрос, который следовало задать.

— Оомарк, ты сказал, Бартаре давно знает Леди. Они познакомились на Чалоксе?

— Да.

— Но теперь мы на другой планете, очень далеко от Чалокса. — Был ли этот лабиринт частью Дилана... Я не была в этом уверена. — Леди — она что, прилетела с вами на корабле? И все это время ее дом был здесь? — Я осторожно продвигалась вперед. Конечно же, если только это не была галлюцинация такой силы, какую мог вызвать только очень тренированный специалист, это ни в коем случае не могла быть работа эспера. Но если отбросить это объяснение, то что оставалось, кроме кошмара, не основанного ни на чем, что я знала в своем времени и пространстве?

— Она... — Он нахмурился, будто я указала на проблему, над которой он раньше не задумывался. — Она была там и была здесь. А *это* ее мир. Ей наш мир не нравится. Она очень долго убеждала Бартаре прийти к ней, потому что самой так трудно навещать Бартаре. Но я не знаю, где этот мир! — И снова полились слезы.

— Ну ничего. Может, это и неважно, Оомарк, — я быстро обняла его. — Важно найти Бартаре и Леди и сказать им, что мы должны отправиться домой.

— Да, да! — Когда я поднялась на ноги, он схватил меня за руку и потащил.

Для меня в чуждом пейзаже не было дороги. Но казалось, что Оомарк уверен: он знал, куда нам идти. То и дело он указывал на блестящие формы и говорил, что это дерево, куст или еще какая-то вполне естественная деталь ландшафта. Но для меня в чужой стране ничего не изменилось. Боль в лодыжке все росла, пока, наконец, я могла передвигаться, только слегка прихрамывая. Еще я хотела есть и пить и в конце концов уселась под расплывчатым голубым восьмиугольником, который, по словам Оомарка, был кустом; Оомарк сказал, еле сдерживаясь:

— Я страшно хочу есть, Килда. Эти ягоды были вкусными, но я много не съел...

— Ягоды? — Я потянула к себе через колено сумку с припасами, чтобы открыть ее. — Какие?

— Те желтые, с большого куста. Я ведь упал в куст, и они размазались у меня по рукам. Я слизал сок, и он оказался вкусным, так что я поел их. Вот, смотри. — Он вскарабкался на ноги, прежде чем я успела сделать предупредительный жест, и устремился к голубому конусу с тремя верхушками неподалеку. Обе его руки до запястья погрузились в него, и он вытащил красный круг, в который впился зубами. Я услышала хрустящий скрип и предостерегла его слишком поздно.

— Нет, Оомарк! Нельзя есть неизвестные фрукты...

Но он проглотил последний кусочек и снова потянулся к конусу, сорвав еще один плод. Этот он предложил мне.

— Ешь, Килда. Вкусно!

— Нет! Оомарк, выброси, пожалуйста. Ты же знаешь космические правила. То, что растет в других мирах, может быть смертельно опасным. Выброси, пожалуйста! Смотри — у меня есть шоколадные кубики. — Я судорожно копалась в сумке и выбрала то, что, как мне казалось, привлечет его больше всего — сладости.

Он поставил свой круг на землю и направился к кубику, но с видимой неохотой. Оомарк любил сладкое. Не в его духе было так медлить.

Он развернул кубик и поднес его ко рту; при этом его лицо выражало странное отвращение. Он вел себя так, будто сам запах конфеты, которая ему всегда так нравилась, сейчас был отталкивающим. Затем медленно завернул ее и протянул мне.

— Как-то странно пахнет. Может, испортилась или еще что. Я правда не хочу, Килда.

Я взяла, открыла и понюхала ее сама. Никакого запаха, кроме знакомого запаха шоколада, не было, так что я заподозрила, что на него повлияла еда этой планеты. Я решила, что лучше не заставлять его сейчас есть конфету. Когда он действительно проголодается, то захочет съесть припасы, которые у меня с собой. Только вот их было так мало... Я вполне допускала, что мы действительно оказались на другой планете, хотя способ и причины транспортировки объяснить не могла. А первое правило исследователя в такой ситуации — это использовать только нормальные припасы и не жить за счет этой планеты. Однако я не спорила сейчас с Оомарком, утоляя свой

голод вафлей-концентратом. И перед тем, как мы собрались в путь, перевязала лодыжку — как могла туго.

Течение времени не замечалось. Сумерки не смеркались в ночь и не рассветали в день. Только моя усталость свидетельствовала, что прошло много минут, а может, и часов, с тех пор как мы с Бартаре приземлились на флиттере там, в Луграанской долине.

— А далеко... далеко до того места, где Бартаре и Леди? — спросила я, когда мы снова остановились отдохнуть, и все вокруг было очень похоже на то место, где мы ели.

— Я не знаю. Это... это забавно. — Оомарк всеми силами старался объяснить. — Вещи иногда словно бы близко. А потом... потом они как бы вытягиваются, и снова далеко. Если... если я думаю о каком-то месте, то, кажется, оно далеко. А если я просто иду и думаю о Бартаре — ну, оно снова ближе. Правда, Килда, я не знаю, почему это так, — правда не знаю.

Он явно был выбит из равновесия, и я не давила на него, хотя его ответы казались бессмысленными. А все мое тело болело от усилий, которые надо было предпринимать, чтобы двигаться дальше. С другой стороны, то ли из-за нашей остановки, то ли из-за съеденных фруктов — если это были фрукты — Оомарк был полон сил, будто вышел утром после хорошего ночного отдыха. Когда я остановилась в третий раз, он вернулся ко мне:

— Килда, нога сильно болит?

— Есть немного, — пришлось признать.

— Давай здесь немного побудем. — Он оглянулся вокруг. — Я знаю, ты не можешь видеть, как я, но это милое местечко. Вон там... — он осторожно повернул меня налево, — там высокая трава, и она выглядит мягкой, на ней хорошо сидеть. Пожалуйста, Килда! Я смогу найти Бартаре в любое время. Она не спрячется от меня. Но если мы доберемся до нее и Леди, когда ты так устала, Килда... Бартаре и Леди вместе — я боюсь их! И тебе тоже следует бояться, правда!

Мое исстрадавшееся тело поддержало этот аргумент. Моя воля изо всех сил боролась с огромным облаком усталости, и она проиграла. Я споткнулась и упала на колени на том самом месте, куда он меня привел. Обнаружив, что подо мной мягкая земля, я уже не могла заставить себя подняться. Вздохнув, я сдалась.

Глава 6

Я заново забинтовала лодыжку. В глазах болело и жгло, будто после взрыва ослепляющего света. Этот мир совершенно не предназначался для нас. И все же Оомарк видел его иначе, нормально. Может, Бартаре его как-то подготовила?

От этого недомогания я зажмурила глаза, но совершенно не спала. Здесь — я чувствовала — бродит опасность.

— Оомарк, Бартаре давно знает Леди?

Когда он не ответил, я открыла глаза шире. Он отвернулся. Все, что я видела — ссутуленные плечи и затылок, — излучало желание не отвечать. Потом он сказал хриплым шепотом:

— Я не хочу говорить о ней. Она... Она знает, когда я говорю о ней.

— Бартаре?

— Нет! Леди! Нехорошо говорить о ней — от этого она думает обо мне! — Он был явно встревожен. И как бы ни хотела я узнать больше и как бы ни было мне это необходимо, я поняла, что не должна слишком сильно давить на него.

— Ты... ты когда-нибудь был здесь раньше, Оомарк? — Был ли и этот вопрос недопустимым, на запретной территории, или он на него ответит?

— Нет. Там дома — на Чалоксе — оттуда нельзя было добраться. Бартаре... Она только недавно выяснила, что сюда можно добраться. Она хотела сбежать — только она и я, — но оттуда было слишком далеко. Так что ей пришлось ждать, пока не представился шанс.

— Это поэтому ты не хотел, чтобы она ехала?

Он кивнул.

— Она всегда говорила, что когда-нибудь поедет куда-то. Но... я не хотел ехать, потому что не хочу быть здесь! Не хочу!

— Никто из нас не хочет. — Я пыталась высказать мысль, что вернуться на безопасный Дилан — это лишь вопрос времени.

— Бартаре хочет. Она очень хотела приехать. Она не вернется обратно. Ни за что. Вот увидишь.

Беда была в том, что я, может, и не видела, но чувствовала, что он прав. И понятия не имела, что делать, если вдруг столкнусь с Бартаре. Мне надо было серьезно подумать о нашем противостоянии.

Я потерла глаза — они все еще болели. Это жжение было неисчерпаемым источником боли.

— Оомарк, расскажи мне, как это выглядит. Я хочу сказать, то, что прямо здесь.

— Ну, тут большой куст, большой, как дерево, — начал он и потом замолчал так надолго, что я даже открыла глаза. Мальчик уставился на желто-розовый треугольник справа. Я быстро отвела глаза — так сильно от его мерцающего блеска возросло жжение.

— Что это?

— Мне... мне это не нравится, Килда. Пожалуйста, давай пройдем хоть немножечко. Я не хочу больше здесь оставаться.

— Конечно.

Я встала на ноги, и мы тронулись в путь. На этот раз наше передвижение замедляла не столько моя лодыжка или общая усталость, сколько мое зрение. Я непрерывно моргала; слезы лились у меня из глаз.

Мы дошли до открытого пространства, где таких неподвижных цветных фигур было немного, а отсутствие сверкающего цвета несколько успокоило глаза.

Оомарк остановился. Перед нами раскинулся широкий зигзаг. На его золотой поверхности заметно было мерцающее движение.

— Река. — Оомарк пристально посмотрел на мерцание. — Кажется, глубокая, Килда. И вода... вода мутная. Дна вообще не видно.

— Нам надо перейти ее?

— Бартаре где-то там. — Он махнул рукой за зигзаг.

— Может, найдем место, где она уже или мельче? — предложила я. — Пойдем вверх или вниз?

— Она скорее там. — Он махнул рукой влево.

— Ну, тогда туда и пойдем.

Однако пока мы тащились вдоль реки, ширина зигзага не менялась. Оомарк время от времени докладывал, что она все такая же неприступная. Вдруг он снова замолчал.

— Теперь мы идем не туда.

Один из поворотов был более крутым, чем обычно. Если бы мы так и шли вдоль реки, то начали бы отдаляться от Бартаре. Но не успела я обдумать эту трудность, Оомарк взглянул мне прямо в лицо:

— Я не хочу идти дальше, не хочу!

Его возбужденность была очевидна. Он мотал головой из стороны в сторону, будто его загнали в угол и он непременно должен найти выход.

— Оомарк, ты что?

— Не хочу! Не пойду! Не заставишь! Не заставишь! — Истерия пронизывала его голос. — Нет, нет!

Мальчик ринулся на меня, и я отступила на шаг или два; он застал меня врасплох, так что я не успела вытянуть руку и схватить его. Он прошмыгнул мимо и исчез, убежав в клубящуюся серость, которая проглотила его, скрыв из поля зрения.

— Оомарк! Оомарк! — Я боялась, что уже потеряла его. Что подтолкнуло его к побегу, я сказать не могла; разве что те, к кому мы шли, были действительно ужасающей целью.

Я слушала. Он не отвечал, и единственное, на что я теперь надеялась, — это уловить какие-нибудь звуки в дымке. И я их услышала — и поковыляла туда, откуда они доносились, до боли напрягая лодыжку.

Потом наступила абсолютная тишина, и я позвала:

— Оомарк! Оомарк!

Я услышала хныкание, такое же, как то, что привело меня к нему в первый раз. И попыталась идти на слух. И снова пространство было наполнено ослепляющими фигурами. Вообще-то, их резкий цвет был еще неприятнее — из-за него я все время терла измученные глаза.

Наконец я натолкнулась на параллелограмм пульсирующего желтого цвета. Но хотя видела я именно его, царапали и рвали меня на части ветки с шипами. Я отшатнулась, вскрикнув; по рукам текли маленькие струйки крови. Упав на колени, я глянула вниз, но увидела только серый бархат. Однако когда я провела рукой по этой поверхности, то почувствовала землю и песок, мягкость мха или очень короткой травы.

То, что осязание и зрение противоречили друг другу, огорчало меня в тот момент не так сильно, как то, что Оомарк исчез — теперь я не слышала даже хныканья. Припав к земле, я звала и слушала.

— Оомарк! Оомарк!

Мой голос разбудил только слабое, несчастное эхо, похожее на стон. Брести ли мне на ощупь и дальше? Но ведь я могла ошибиться в направлении.

— Оомарк?

На этот раз ответ был — приглушенный крик с другой стороны зарослей, в которые я забежала. С другой стороны?.. И далеко ли? Лишь бы только он не замолчал...

— Оомарк!

Ответил — хотя я не могла разобрать слов, только звук. Спотыкаясь, я бросилась вперед, стараясь не столкнуться снова с какой-то фигурой; они сверкали вокруг, пока не слились для меня в прыгающие языки пламени.

— Оомарк!

Я была так уверена, что последний ответ послышался издалека, что даже испугалась, когда он ответил, стоя прямо передо мной.

— Я здесь.

Он сидел на земле, и казалось, окрасился в какой-то сероватый оттенок, так что я смогла разглядеть его, только когда он шевельнулся. И когда, выбившись из сил, я шлепнулась неподалеку, все моргая и моргая, от боли, от слез, и старалась разглядеть его получше. Потому было в нем что-то такое...

Нет, я не ошиблась — он хорошо сливался с серым. Должно быть, он несколько раз спотыкался и падал, так что весь покрылся землей, потому что он и *был серым* — с ног до головы. Или это мое зрение? Я в страхе потерла глаза. Нет, я все еще различала оранжевый и желтый, малиновый и ярко-красный. Но Оомарк был серым — и его тусклый цвет бледнел!

— Я не пойду снова! Ты не заставишь меня! Бартаре и Леди — они не хотят, чтобы я приближался! Если я пойду, они что-то сделают, что-то... что-то плохое. Не пойду!

— Хорошо. — Я слишком устала, чтобы как-то убеждать его сейчас. — Тебе и не надо.

— Ты все-таки заставишь меня! Я знаю, заставишь! — Он был агрессивно враждебен, и мне подумалось, что в любой момент он может снова сорваться с места. Случись такое — я сильно подозревала, что больше никогда его не найду.

— Нет. — Я старалась говорить как можно убедительнее. — Не буду. Я слишком устала сейчас, чтобы идти дальше.

— Это все оттого, что ты не хочешь есть фрукты. — В его голосе звучала злобная нотка. — Не хочешь меняться...

— Меняться? — словно по инерции повторила я.

— Да. Знаешь ли, надо измениться. Ты не понравишься

этому месту, если не изменишься. А если изменишься, ну, тогда все будет в порядке. Правда, Килда! — Его голос смягчился. Он вытянул серую руку, будто для того, чтобы коснутся моей, но так и не дотронулся до меня кончиками пальцев.

Измениться?.. Может, не в моих глазах было дело, когда я заметила, что Оомарк все больше и больше сливается с цветом земли, на которой сидит...

— А ты изменился, Оомарк?

— Думаю, да. Но, Килда, если ты не изменишься, я не смогу остаться с тобой. А если я не с тобой... Я не хочу быть один! Килда, пожалуйста, не заставляй меня остаться в одиночестве! Пожалуйста! — Он вытянул руки, будто хотел ухватиться за меня. И все же — я заметила — он, казалось, не мог довести движение до конца. Он или не мог, или не хотел прикасаться ко мне.

Когда я вытянула руки в ответ, он отшатнулся. Потом поднялся и медленно попятился, не отрывая от меня глаз, будто подозревал, что я попытаюсь его схватить.

— Ты должна измениться, Килда, должна!

Он развернулся и подбежал к одному из окружающих нас. Я аж вскрикнула, настолько его цвет напоминал горящий факел. Но когда Оомарк отступил от пламенного света, он обеими руками держал какую-то дрожащую лампочку. И протягивал ее мне.

— Съешь это, Килда! Ты должна это съесть!

То, что могло привести к борьбе, — а я видела, что он решительно настроен, — так и не произошло, потому что из-за двух огненных столбов прозвучал странный звук.

Он был придушенным, хриплым. Может, так бормотали бы слова на незнакомом языке. Оомарк оглянулся через плечо, уронил огненную лампочку и издал дикий крик ужаса.

Потом бросился бежать, и я потеряла его из виду. За ним, касаясь земли то одним, то другим кончиком, гналось нечто темно-фиолетовое, — возможно, это были два треугольника, спаянные посредине. От них исходило кулдыканье, будто они изо всех сил старались выкрикнуть что-то членораздельное.

Как ни неуклюже оно выглядело, но стремительно и целенаправленно следовало за Оомарком. Я не могла угадать, что это, но реакция Оомарка была такой, будто это что-то ужасное.

Оно промчалось мимо меня и исчезло, рванув по следам мальчика. Я попыталась ударить его сумкой с припасами, но то ли попытка моя была слабовата, то ли прикосновения на него не влияли. И никакого интереса ко мне оно не проявляло.

Кое-как я поднялась и направилась по следам охотника и жертвы. Все это случилось так быстро, что поначалу мной двигал, наверное, только инстинкт. Потом меня повлек вперед весь ужас этой погони. Что Оомарк все еще бежал, а фиолетовое нечто гналось за ним, я была уверена по звукам.

Мне не довелось долго быть свидетелем этой погони: неожиданно длинная волнистая малиновая лента вылетела, скрутившись, как раз передо мной. Мне не удалось избежать того, что извивалось у меня в ногах и затем со всей силы швырнуло меня на землю; удар оказался настолько сильным, что я лишилась и чувств и сознания.

Темно... Было очень темно. Зачем-то... по какой-то причине нужно двигаться... Эта потребность беспощадно пронизывала меня с ног до головы. Теперь я ползком волочилась, как черепаха. И все же эта потребность не давала мне передышки.

Вытянутые руки, на которых я подтягивалась вперед, неожиданно провалились во что-то влажное. Жидкость плескалась вокруг ладоней. Вода! Я жаждала этой воды больше, чем чего бы то ни было в жизни. Я волочилась дальше, упала снова, головой в воду. Потом пила и пила, будто никогда не смогу напиться. Она была такой вкусной и сладкой... Должно быть, я все еще пила, когда снова провалилась в темноту.

Я очнулась от сна, столь глубокого, что ни одно воспоминание не шевельнулось во мне, пока я не села и оглянулась вокруг с детским удивлением.

Солнечного света не было. Во мне шевельнулась мысль — а что такое солнце? Над головой должно быть яркое тепло. Я подняла лицо к небу — серебристо-серому небу, сквозь которое кольцами клубилась дымка. Прямого источника света, который я могла бы обнаружить, не было.

От пробуждения памяти я беспокойно заерзала. Мои глаза больше не болели. Да — это был нормальный, естественный мир, в котором не было сверкающих фигур. Я была рядом с прудом, в который впадал миниатюрный водопадик; из него струился маленький ручеек, над которым висели растения с высокими свежими зелеными листьями, по форме напомина-

ющими лезвия древних мечей. В середине каждой грозди этих лезвий — как сокровище, которое они призваны были защищать, — стебелек немного темнее, увенчанный большими белыми цветами; каждый лепесток был слегка украшен точкой мерцающего серебра.

Дальше росли кусты, отяжелевшие от цветов, кремово-белых или бледно-серебряных. Нигде — я медленно поворачивала голову, чтобы осмотреть долину, в которой была, — нигде не было никакого другого цвета, кроме оттенков белого и кремового — у цветков, серебристо-серого — скал, и зеленого — листвы.

Я зачерпнула воду рукой и снова напилась. И все вспомнила.

— Оомарк?

Но это другой мир — должно быть, я каким-то образом вернулась на Дилан. Тогда — что с детьми? Вернулись ли они тоже? Или же они все еще в ловушке — на ней, в ней — как бы себе это ни представлять. Я должна найти их — или помочь найти.

— Оомарк!

Я встала на ноги; мое тело было на удивление легким, восстановившим силы. Теперь я не чувствовала ни усталости, ни острой боли, ни тупой. И не хотела есть. Я только испытывала нетерпение.

— Оомарк?

Рассматривая потревоженный мох и землю, я видела след, который продавила, когда ползла к бассейну. Может, если пойти назад по следу...

И действительно, я оставила хорошо заметный след, сначала сломав стену цветущих кустов, а потом и между деревьев. От цветов исходил сильный аромат, а среди них нежно порхали существа с прозрачными крылышками, насчет которых я так и не смогла решить — птицы ли это или очень большие насекомые. У деревьев были темно-зеленые листья. Между ними то тут, то там виднелись большие, плоские, как тарелки, цветы; такие цветы рисуют дети: большая середина, каждый лепесток отдельно от другого. Они тоже были зелеными, но намного светлее и ярче. У некоторых на лепестках была примесь голубого; других расцвечивала светло-серебристая пыль. И все же и те, и другие росли на одном и том же дереве.

Хотя мне нужно было срочно отыскивать детей, я все время оглядывалась по сторонам; казалось, я вижу детали отчетливее, чем когда-либо в жизни.

Следы того, как я ползла, закончились, наконец, в том месте, где начинались следы ног. Когда я их увидела, уверенность, что я освободилась от другого мира, разрушилась: это были следы моих собственных ботинок. Эти следы затем пересекались с маленькими, а также с еще одними большими. И те большие были странно бесформенными, так что нельзя было сказать, что за существо их оставило, кроме того, что, наверное, это были отпечатки преследователя Оомарка.

Итак, я шла по продолжению маленьких следов. Они вели вперед, петляя между стволами деревьев, будто Оомарк летел не разбирая дороги с единственной целью — лишь бы оторваться от преследования, что бы это ни было. Мой страх все возрастал; я побежала что есть духу в ту же сторону.

Деревья стали расти реже. Затем выбежала из рощи на открытую местность, но и здесь поле зрения было ограниченным из-за тумана. Оглянувшись, я увидела, как туман смыкается за моей спиной.

Деревья сменились кустами, многих из них украшали ароматные цветы. Что-то просвистело у меня над головой и скрылось. Должно быть, какая-то птица или другая летающая живность выискивала жертву.

У меня росло подозрение, что за мной наблюдают. Дважды я резко останавливалась и, оборачиваясь, осматривала пройденный путь. И хотя я не видела, что там что-то движется, все же чувство, что что-то только что торопливо спряталось, не ослабевало.

Ведший меня след, который был так отчетливо виден на влажной почве леса, здесь различить было труднее. Я нашла только несколько слабых оттисков, а на пересеченной тропинке остались отпечатки ботинок Оомарка и следы бесформенной ноги охотника. Раз я вообще потеряла их, и мне пришлось кружить вперед-назад, пока не нашла какую-то грязную и примятую траву, которая — подумалось мне на первый взгляд — должно быть, была местом, где Оомарка схватили. И все же, в утешение мне, чуть дальше был след ботинка.

Здесь он резко повернул направо. Интересно, пытался ли он повернуть обратно в лес, уйти с открытого места — ведь

здесь не было никакого укрытия, кроме травы, толстой и сочной, хлещущей меня по лодыжкам, когда я пробиралась сквозь нее.

Эта особая туманная атмосфера скрывала деревья, из которых я вышла. Я была окружена маленьким открытым пространством, которое передвигалось вместе со мной, будто я была под каким-то передвижным колпаком, созданным, чтобы навсегда ограничить мне поле зрения. Я с трудом брела сквозь траву и камни, пока не оказалась у каменного возвышения высотой с дерево. Когда я дошла до этого места, то услышала рыдания, самой своей безнадежностью подававшие мне сигнал об опасности.

Настороженная, я стала двигаться бесшумно, как только могла, с осторожностью ставя ногу на гравий и камушки, обильно разбросанные среди камней, пока не добралась до места, откуда можно было взглянуть вниз со склона.

И как раз на границе видимости, у стены тумана, были те, кого я искала. Оомарк был втиснут меж двух камней, будто изо всех сил пытался пролезть в самый узкий кармашек безопасности. Он плакал, но походило это больше на блеяние, звук, исходящий, наверное, от человеческого существа, которого страх довел почти до безумия. И он все еще слабо двигал руками, будто толкал что-то, будто старался так защититься от нападающего.

И все же то нечто, что охотилось на него, было скорее в отдалении, чем вблизи, расхаживая вперед-назад, будто его отгораживала от мальчика какая-то невидимая стена. Он... оно... нечто — у меня перехватило дыхание от изумления, и в то же время я была совершенно уверена, что мои глаза достоверно докладывали о том, что там бродит. Размером с человека, в целом гуманоид; я никогда не видела ни человека, ни инопланетянина, похожего на него. Его плечи были широкими и ссутулившимися, отчего и без того большая голова при движении не держалась прямо, а наклонялась вперед. Руки были длинными. Ноги толстыми, и он был покрыт черными волосами, кучерявыми, как шкура у домашних животных. И все же это не было животным — ибо по всему волосатому телу виднелись остатки одежды, спутанные и связанные вместе, будто оно старалось сохранить их, как, бывает, держатся за амулет, хотя, возможно, существу было бы намного удобнее их отбросить.

Снова и снова оно останавливалось и поворачивалось к Оомарку, и мне было слышно то же нечленораздельное бормотание, которое оно издавало во время погони. Но Оомарк не отвечал и не двигался, если не считать этих толкательных движений.

Интересно, почему существо не подошло и не высвободило мальчика из этого неудачного укрытия? Уж конечно, его сила была бесконечно больше, чем у маленького ребенка. И все же было очевидно, что по той или иной причине оно не могло достигнуть цели своей охоты, какова бы эта цель ни была.

И эта нерешительность или неспособность давала мне шанс спасти его. Я стряхнула с плеча сумку с припасами. Затем переложила ее содержимое в перед пиджака. Потом начала искать камни подходящего размера и веса.

Глава 7

С потяжелевшей сумкой в руке я скользила вперед, используя камни как прикрытие. Эта чудовищная фигура снова начала расхаживать. Поступь была столь неуклюжей и неторопливой, что мне подумалось, что, может быть, и реакция у него не слишком быстрая. Но полной уверенности в этом не было. Недооценка противника может привести к катастрофе.

Я следила за этим рысканьем, выбирая удобный момент для нападения. Потом прыгнула, изо всех сил размахнувшись сумкой, метя в голову чудовища. Но мое импровизированное оружие было не слишком удобным, и удар пришелся по касательной ниже, в плечо.

И все же ударило оно довольно сильно, чтобы зверь закричал. Он пошатнулся и рухнул на колени. Я проскочила мимо и бросилась к камням, где был Оомарк. Уже там я развернулась на случай нападения, которое это нечто могло предпринять.

Оно все еще стояло на коленях, держась лапой за плечо, по которому я ударила, и издавало мяукающий звук, качая головой. Надолго ли оно выведено из строя, я сказать не могла. Я схватила Оомарка, хотя он слабо пытался отбиться от меня, и кое-как выцепила его из расщелины.

Он отбивался; ясно было, что, отстаивая свою свободу, он просто слишком взвинчен, чтобы вникать, кто я такая. Я по-

лучала укусы и царапины, но крепко его держала, стараясь между делом утешить его словами ободрения, что он уже не один.

Не знаю, какое из утешений все-таки до него дошло, или он просто устал и не мог сражаться дальше, но, наконец, обмякнув, он просто повис у меня на руках. Одной рукой я потянулась к сумке, а второй старалась опереть его о себя.

Зверь был все еще занят полученной раной. И едва мне поверилось, что мы, может быть, спасемся, эта волосатая голова развернулась и уставилась прямо на нас. Нос был почти незаметен, а глаза оказались парой таких маленьких глубоко сидящих пуговиц, что их вообще не было видно. Рот, как щель, сейчас был открыт, будто существу не хватало воздуха. А видневшиеся клыки выглядели так угрожающе, что моя сумка с камнями воспринималась теперь как соломинка, воюющая с лазером.

— Оомарк! — Я старалась придать голосу приказной тон, пробиться сквозь страх, который сковал его. Несомненно, я не могла одновременно нести его и защищать нас обоих. — Оомарк! Нам надо уходить! Ты понимаешь?

Я чувствовала, как маленькое тело, прижавшись ко мне, болезненно вздрагивает. Он шумно вдохнул, но все-таки ответил:

— Килда? — будто вдруг осознал, что между ним и источником его страха теперь стояла я.

— Да, я Килда! — Времени на долгие утешения не было. Надо было убегать, пока это нечто снова не преградило нам путь. Я сдерживала нетерпение, приговаривая: — Я пришла, Оомарк. Но теперь ты должен тоже действовать. Если я возьму тебя за руку, ты пойдешь? Я не смогу тебя нести.

— Килда, оно! — Из-за его хватки я не могла идти. — Оно нас поймает!

— Нет, если уйдем, не поймает. — Я тщательно контролировала голос. — Я ударила его, Оомарк. Оно ранено. Но мы должны уйти, пока оно не остановило нас.

Мальчик повернулся посмотреть на него. Поворачиваясь, он задел макушкой о мою руку. Должно быть, я вскрикнула от удивления, потому что он снова крепко прижался ко мне.

Однако меня напугали не действия зверя. Напугало меня нечто на голове моего подопечного, то, что я увидела, ког-

да взглянула внимательнее. Одинаково расположенные, над каждым виском, маленькие выпуклости. Бугорки были слишком правильной формы, так что это не были шишки, полученные, когда он убегал. Ранками они тоже не казались — он не вздрогнул, когда я слегка их задела.

Я рассмотрела его повнимательнее. И правда, его кожа стала странно серой. И на ногах и руках, там, где пиджак и бриджи были разорваны и сквозь них виднелась кожа, она была покрыта мягким светлым пушком. Он изменился, сильно изменился, — стал чем-то совсем иным, а не маленьким человеческим мальчиком.

На секунду я даже забыла о волосатом чудище, нашем общем враге. Но от звука, громче, чем его прежнее мяуканье, я о нем вспомнила. Существо снова стояло на ногах, но шло неровным шагом. И я начала надеяться, что своим ударом что-то ему повредила.

Он проковылял к нам два или три шага. Я туго сжимала в руке ремень сумки — наготове — и замахнулась. Я собиралась нанести удар. Но, должно быть, существо восприняло это как предупреждение. И остановилось.

Я смотрела, как двигаются его губы, а в уголках щелеобразного рта собирается слюна, будто перед участием в какой-либо битве. Затем оно подняло ладонью верх одну лапу, пустую, и протянуло ее, обращаясь ко мне; скорченные губы издали два слова, искаженные, далекие от четкой человеческой речи, но понять их все-таки можно было.

— Нет... друг...

Вытянутая рука вернулась к горлу; она теребила и щипала волосатую кожу, будто существо было так выбито из колеи неспособностью объясниться со мной, что готово было вырвать слова из голосовых связок.

Лишь спустя некоторое время я шевельнулась. Теперь оно давало понять — насколько могло, — что не стоит у нас на пути. Насколько можно было верить этой перемене в отношении, я понятия не имела. Однако правдой было и то, что, наверное, оно с легкостью могло бы вытащить Оомарка из камней, а ведь не сделало этого. Возможность нельзя было упускать...

Пока я раздумывала, оно повернулось к нам спиной. Все еще держась рукой за плечо, оно заковыляло прочь. И не

повернулось взглянуть еще раз в нашу сторону, а продолжало уходить. Что это — уловка, и оно подкрадется к нам где-нибудь в засаде за камнями?

Но оставаться на месте — тоже не решение. Я подумала, что, несмотря на туман, я, может быть, смогу вернуться обратно в леса, возможно даже к пруду, у которого проснулась. Только вот что мне это даст? Важно было — я не сомневалась — найти Бартаре и эту таинственную Леди. Дверь должна открываться в обе стороны, и если однажды мы через нее проникли сюда, то должны и выйти обратно. Нужно только найти ее. И самый простой способ это сделать — найти того, у кого ключ.

— Оно ушло. — Я нежно повернула голову Оомарка, чтобы он увидел это сам. — Теперь, когда оно ушло, мы тоже должны идти.

— Теперь... Быстрее, пока оно не вернулось! — Он ухватил меня за ремень и потянул к открытой местности. Но у меня было собственное представление о маршруте. Мы должны иметь какую-то цель, к которой идем.

— Оомарк, ты же хочешь уйти отсюда, с этой планеты, ведь хочешь?

Он не поднял головы посмотреть мне в глаза, а взглянул на меня как-то странно, украдкой. И в то же мгновение меня поразило, что его глаза не были больше теплыми карими глазами, а жесткими, сверкающими золотом, — я никогда раньше не видела таких глаз на лице человека.

— Отсюда! — повторил он. — Да, Килда, пожалуйста! Пока оно не вернулось!

— Оомарк, ты еще знаешь, где Бартаре?

И снова взгляд этих золотых глаз.

— Я всегда знаю. Ей все равно — уже все равно.

— Почему?

— Потому... потому... — Его личико искривилось в растерянности. — Думаю, потому, что теперь это не имеет значения...

Я хотела знать, почему это не имеет значения. Но как-то не могла заставить себя спросить. Вместо этого спросила:

— Сейчас ты можешь ее найти?

Он глянул прямо на меня долгим, проницательным, не детски пристальным взглядом. И в нем было что-то холодное и чужое, не от того Оомарка, которого я знала.

Потом он кивнул.

— Сейчас могу. Пошли!

Он схватил меня за руку и потянул налево, от скал. По крайней мере, если только существо не вернулось обратно, сделав круг, после того как исчезло из виду, мы направлялись в сторону, противоположную той, где оно пропало в тумане.

— Я хочу есть, — объявил он через секунду или две.

Казалось, уж очень быстро он пришел в себя после полного ужаса и короткого периода безумия. Я немного удивилась этому, раздумывая, естественно ли это или еще одно проявление произошедшей в нем перемены.

— Очень хорошо. У меня есть припасы. — Я пошарила рукой в куче продуктов, которые хранились у меня в передней части пиджака.

Он скорчил рожу.

— Не этот хлам — настоящую еду.

— Ну, она вполне настоящая, — заверила я его, — хотя и немного помятая. Давай найдем место подальше от этих камней и поедим. — Сейчас, когда он упомянул о еде, я поняла, что тоже хочу есть.

Попадающиеся время от времени россыпи камней постепенно перешли в полоски песка и гравия. Но это было самым насыщенным и красочным из всего, что я видела на фоне белого и зеленого, — многие камушки были глубоких теплых тонов и напоминали мне сияние, через которое мы прошли раньше.

Оомарк отпустил мою руку и метнулся в сторону, наклонившись, вырыл что-то из земли. Он вернулся с растением, напоминающим по форме веер темно-фиолетового цвета; в его мясистых листьях просвечивали зеленые прожилки.

— Вкусно! — Он размахивал им у меня перед носом; болтавшийся лоскут ткани разорванного рукава открывал его руку, на которой серые волоски стали выглядеть еще длиннее и толще, чем раньше. Он аккуратно разорвал растение пополам и предложил мне одну часть, откусив от другой с нескрываемым удовольствием. Я покачала головой. Я не сомневалась — отобрать у него его часть я не смогу. Но и положить такое себе в рот — тоже.

Он жевал и глотал.

— Вкусно! — подстегивал он меня, удивляясь моему отказу.

— Ешь, конечно. Но оставь немного места и для настоящей еды. — И снова моя рука потянулась к пиджаку, чтобы убедиться, что все еще ношу там необходимую еду, хотя сколько времени продержится этот запасик, я не знала. Это ведь только дело времени — а потом и меня обстоятельства вынудят есть то же самое, что Оомарк сейчас поглощает с таким удовольствием.

Мы нашли местечко для отдыха. Оно показалось мне безопасным, потому что место было вполне открытым и у меня был обзор во всех направлениях. Оомарку здесь тоже понравилось.

Сев на землю, он потянул за подошвы ботинок.

— Ноги болят. Кажется, ботинки жмут. Посмотрю-ка, почему...

Его жизнерадостное возвращение к нормальности после такого испуга все еще немного изумляло меня. Не верилось, что его способность приходить в себя после шока так велика, но хоть за это спасибо.

Пока он высвобождал ноги, я вынимала всяческие контейнеры, забивавшие мой пиджак. И хотя я легко могла бы съесть все, что было сейчас передо мной, но открыла только одну упаковку, разломав толстую плитку на две порции. Это был пирог с обогащенными протеином фруктами — высокоэнергетичная пища и очень вкусная.

И все же, когда я поднесла свой кусок ко рту, мне показалось, что от него пахнет как-то не так. Нужно было заставлять себя жевать и глотать это, и вкус не доставлял мне удовольствия. Я вспомнила, как раньше Оомарку не понравился шоколад. А может, если попробовать еду или воду этого мира, то начинаешь испытывать сильное неприятие своей естественной еды? Я упрямо ела этот кусок. И чем дольше я старалась, тем менее противным он становился, так что последние кусочка два были вполне нормальными по вкусу.

— Этот твой. — Я протянула Оомарку вторую половину.

Он покачал головой.

— Не хочу. Он испорченный, что ли. Я даже отсюда чувствую, что он плохой. Не надо есть такую дрянь, Килда. Еще отравишься.

И он наотрез отказался поесть что-нибудь из моих припасов. Поскольку накормить его силой я не могла, пришлось принять, что он был вполне сыт растениями, которые съел.

Возможно, позже, если он больше не найдет таких растений и будет действительно голоден... Я сбросила верхний пиджак и сделала из него поясную сумку. Прежняя сумка должна остаться оружием. Теплый воздух ласкал кожу рук. Хотя на мне был только исподний жакет, короткий, без рукавов и с глубоким вырезом, мне не было холодно.

Казалось, серый свет придавал моей голой коже иной оттенок. Я не стала такой же серой, как Оомарк; скорее моя коричневая от природы кожа стала еще более темной и красновато-коричневой. У нее появился блеск, будто ее намазали жиром. И все же на ощупь она была нормальной. Жаль, не было зеркала; в его отсутствие я провела по голове рукой, стараясь на ощупь определить, как выгляжу.

Результат был не таким мгновенно ужасающим, как когда я взглянула на свое отражение в спальне, но все же сильно напугал меня. Во-первых, мои волосы, всегда такие кучерявые, что с трудом расчесывались, так что мне приходилось стричь их более коротко, чем диктовала мода, ниспадали теперь прямыми прядями. Я вырвала волосок: он не был коричневым, а стал зеленым! Именно зеленым!

На ощупь глаза, нос, рот остались, кажется, такими же, как и всегда. И на том большое спасибо.

— Так-то лучше! — Оомарк стащил с себя ботинки, отбросив их в сторону, будто больше никогда не хотел их видеть, и вытянул вперед ноги.

Его ноги — о нет! Я, наверное, настолько отказывалась верить в то, что видела, что закричала бы, если б не боялась издать хоть звук. Это больше не были человеческие ноги. Пальцы срослись вместе, так что то, на что я смотрела, представляло собой скорее нечто среднее между деформированной ногой и раздвоенным копытом, а шерсть стала намного длиннее и гуще.

— Оомарк. — Я вся съежилась, но заставила себя протянуть руку, коснуться роговой части копыта и провести по шерсти. Я как-то неистово надеялась, что это обман зрения, что я прикоснусь к нормальной ноге.

Но это было не так. Копыта Оомарка, его волосатые ноги — все это можно было пощупать так же, как и увидеть — так же, как зеленые волосы, которые я выдернула.

— Ну вот, теперь мне намного легче идти, — объявил он.

Очевидно, вид копыт его ничуть не смутил. Может, он и ожидал их увидеть, когда снимал ботинки. Затем он размял ноги, как, наверное, делают, освободившись от мучительных уз.

И когда я оглядывала его от копыт до макушки, то увидела кое-что еще. Выпуклости на висках заметно увеличились. Они уже не были круглыми и покрытыми кожей. Наоборот — они были кривыми, заостренными и кремово-белыми — они стали рогами!

Бывает, наступает момент, когда, пережив слишком много потрясений, начинаешь спокойно воспринимать то, чему глаза отказываются верить. И я почти подошла к этой точке. Или же я была настолько потрясена, что уже ничего не могла счесть ненормальным. Да, странно, но это уже нисколько не напугало меня.

Когда мы пошли дальше, у меня снова появилось ощущение, что за нами следят. Но туман опустился такой плотной пеленой, что единственное, в чем я могла убедиться, бросая назад частые взгляды, это что преследователь — кем бы или чем бы он ни был — не подступал близко.

Оомарк не поднял отброшенные ботинки, а оставил их валяться там, где бросил. И еще дважды он по дороге выдергивал из земли и жевал фиолетовые растения, каждый раз предлагая их и мне. Но мне не хотелось. Один раз я взяла кусочек, чтобы рассмотреть его поближе, но его запах был для меня так же неприятен, как, казалось, был для Оомарка запах моих припасов. Даже просто подержав его в руках, я, выбросив его, вытерла их о бриджи.

— Далеко мы от Бартаре? — требовательно спросила я, когда уже казалось, что конца не будет нашему походу. Местность вокруг была сплошными открытыми лугами с толстой, сочной травой. И ни один кустик не нарушал эту ровную поверхность. Трава росла странными кругами, словно все было аккуратно размечено. По краям эти круги обрамляла более высокая и темная зеленая поросль. Я заметила, что Оомарк старался не наступать на эти более темные ленты, когда переходил через них. И я последовала его примеру, отчасти оттого, что врожденная осмотрительность подсказывала мне, что ни одна предосторожность не повредит.

Мы были в центре одного такого круга, когда я задала этот вопрос. Он шел впереди и потому оглянулся через плечо; его

рога стали еще заметнее. И еще я увидела, что его уши, когда-то такие маленькие, удлинились и теперь поднимаются выше макушки.

— Не знаю. Она там... — Он уверенно ткнул вперед в туман.

Но где это «там»? Казалось, он понятия не имел, и когда я проявила настойчивость, признался, что не может сказать — что он только ощущал, что она была впереди и что если мы пройдем достаточно далеко, то найдем ее. Я неуверенно взглянула в туман и хотя никак не могла измерить, далеко ли он простирался, но была уверена, что в начале этого путешествия поле зрения у меня было намного больше и что внешняя пелена постепенно сжималась; это было отнюдь не приятно, особенно если учесть, что я была твердо уверена — за нами следят. А что, если из-за этого тумана, самого плотного, какой мне когда-либо доводилось видеть, мы уже заблудились? Тогда мы легкая добыча — для кого угодно.

Неплохо было бы найти какое-нибудь убежище или забиться в дыру, пока туман не рассеется полностью или хотя бы не станет таким, каким был, когда я вышла из леса. Но не успела я этого предложить, как Оомарк подошел ближе. Его нос, ставший больше, чем нормальный, с широкими, раздувающимися ноздрями, был повернут влево и, казалось, вынюхивал воздух.

— Давай останемся здесь, в кольце Народа, — сказал он. — Там другие.

Изменилась не только его внешность: его речь стала странной, выбор слов другим. Теперь меня удивляло то, что он делал — опустился на четвереньки и пополз по внутреннему периметру круга, прижавшись головой к земле, просто порывисто впитывая запахи по ходу движения. Завершив этот круг, он снова вскочил на копыта.

— Это волшебное место. — Он похлопал по земле с обеих сторон. — Другие не прорвут круг, знаешь ли. Мы выждем здесь, пока туман снова не рассеется.

Я села, чтобы поближе рассмотреть его изменившееся лицо, надеясь, что, может, выражение лица мне поможет.

— Что там за другие, Оомарк?

— Другие — Темные. Они и Народ никогда не бывают заодно. Но здесь Народ в безопасности, если только не время приносить жертву и он не печально избранный. — Он вздрог-

нул, как бывает, когда думаешь о каком-то хорошо знакомом ужасе.

— А что за Народ? — осторожно продолжала я. Тот Оомарк, которого я знала, почти исчез, растворился в этом чужом ребенке. Я изо всех сил старалась как-то поймать и удержать тот последний остаточек, но как это сделать, я не знала.

— Народ? Тебе что, туман в голову ударил, Килда? Это же всем известно, народ — ты — я...

— Бартаре и Леди?

— Все, да, все, — кивнул он.

— И все остальные? И тот, кто преследовал тебя?

Мне подумалось, он выглядел несколько удивленным.

— Он... он не из Темных и не из Народа. Он — Между. — В его фразе слово «между» стало названием вида. — И ты такой станешь, Килда, если не будешь внимательной. — Этой последней фразой он метнул в меня, как угрозой.

Вообще-то, я сразу же глянула на свои собственные руки, чтобы посмотреть, не показалась ли на них грубая серая шерсть и не превращаюсь ли я в монстра, такого же, какого ударила сумкой с камнями. Но моя кожа — правда, темная и блестящая — оставалась гладкой.

— Как я им стану?

— Если ты сама не примешь, то и тебя не примут, — сказал он торжественно. Наверное, провозглашал закон или правило. — Полпути ты прошла. Но еще полпути тебя должно провести путешествие. Сними ботинки, коснись ногами земли, чувствуй!

Я не решалась. Оомарк сбросил свои ступни, как скорлупу, и обнаружил копыта. Если я сброшу мои, увижу ли такую же мутацию? Я попыталась пошевелить пальцами — и была уверена, что чувствовала: они шевелятся. Но все же следует знать! Я стащила ботинки.

Мои ноги! Нет, копыт у меня не было, но они были не такими, как раньше. Пальцы стали длиннее и тоньше. И даже более сложно устроенными — на каждом показался еще один сустав. Я освободила их. Они оказались намного более цепкими, чем положено быть человеческим пальцам. Эти новые, гибкие конечности при прикосновении с землей вцепились в почву.

Все мое тело пронзило потрясение, будто эти пальцы,

врывшись в землю, наткнулись там на источник энергии, потоком хлынувший вверх по ногам, ко мне в тело. Я отдернула их и постаралась снова залезть в ботинки.

Но мне это не удавалось. Удлинившиеся пальцы никак там не умещались, или скрючивались так, что я не смогла бы ходить. А когда я старалась собрать их вместе и засунуть, как в чехол, они сами по себе извивались в разные стороны, будто жили своей собственной жизнью и решительно пытались вернуться к почве.

Наконец я оторвала у ботинок подкладку и с мстительной тугостью обвязывала ноги этими полосками, будто имела дело не с собственной кровью и плотью, а с восставшими существами, которые боролись против меня.

Как только я закончила такую перевязку, сделав так, что ни один из пальцев не касался земли непосредственно, они затихли. И я почти верила, что под этой обмоткой спрятаны нормальные человеческие ноги. Идти дальше придется без ботинок, но обмотки остались мерой предосторожности, отказаться от которой я не осмеливалась.

— Не очень-то умно, Килда, — прокомментировал Оомарк. — Лучше бы ты шла путем Народа, а то затеряешься, ты ведь не из Темных.

— Я — Килда с'Рин, — сказала я вызывающе. — Я не из этого мира. И ты тоже, Оомарк Зобак!

Он засмеялся в ответ, и что-то совсем недетское звучало в его смехе.

— Из этого, Килда, из этого — как и я. И скоро ты не сможешь этого отрицать. Не сможешь.

Глава 8

В тот момент спорить мне не хотелось — в Оомарке сейчас было что-то такое... Хотя он все еще был маленьким мальчиком, он вдруг повзрослел — и стал скрытным. Мне не нравились те взгляды, что он бросал украдкой в мою сторону, — злорадствуя ли над моими трудностями или ища во мне перемену?

Я еще раз вынула еду. Но он так и не съел ничего из того, что я предложила. Я ела — намного меньше, чем хотелось. Но надо ограничивать себя. Ведь эти запасы не пополнишь.

Пошел дождь, а может, это туман, становящийся все гуще и гуще, конденсировался на наших телах. Мне было видно не дальше кольца, в котором мы сидели. Довольно странно — но от сырости я не чувствовала себя неуютно.

У меня было какое-то странное ощущение на макушке — подняв руку, я нащупала, что мои волосы не прилипли к голове из-за влаги, а стоят вертикально, и пригнуть их можно, только прижав рукой. Из-за влаги на коже и волосах расхотелось пить.

Взглянув на Оомарка, я увидела, что он лижет тыльную сторону ладони (теперь волосы росли и там), и даже руки повыше, прямо как мокрый кот, привередливо выполняющий свой туалет; оказалось, все это его ничуть не смущало.

Потом его голова резко вздернулась и он уставился куда-то через мое плечо. Я заставила себя посмотреть в ту же сторону. Сначала мне была видна только дымка. Потом я уловила какую-то тень, которая не плыла вместе с туманом, а пробиралась сквозь него. И хотя я ни звука не слышала, она кралась по окружности кольца. Так вот что за нами следило?

Я дотянулась до тяжеловесной сумки. Как я мечтала теперь о шокере, хотя, конечно, бластер был бы еще лучше. Однако это нечто — что бы это ни было — так и осталось темной тенью.

Оомарк поворачивался, не отрывая глаз от движущейся тени. Интересно, видел ли он ее лучше, чем я?

— Что это?

— Это Темный.

Его ноздри раздулись, будто проверяя воздух, и потом он добавил:

— Он не может пройти сквозь кольцо. Так что... — Его голова приподнялась. — Там еще что-то есть.

В тот момент и я унюхала его запах и в отвращении отвернулась — тошнотворный запах. Через наше убежище пронеслось зловоние давнего гниения и грязи. Должно быть, я вскрикнула, потому что Оомарк сказал:

— Темные. Они всегда так пахнут. Но вот другой...

Он встал. Темная тень по кругу проскользнула перед ним. Но Оомарк продолжал вглядываться в туман впереди. Секундой позже он покачал головой:

— Оно там. Думаю, наблюдает, но не знаю, что это может быть — не воняет так, как Темный.

Продолжить ему не дал заглушивший его слова донесшийся издалека высокий звук, от которого у меня мурашки по спине побежали. И на этот трубный зов ответили — и ответ звучал так близко, что мне подумалось, может быть, это та самая тень за стеной кольца. Ответом было низкое сердитое рычание.

И снова зов, точно вызов, требование — так был он похож на приказ. Последовало рычание — протест, мрачная жалоба. Но в ответ на третий рев рычания не последовало, а лишь донеслось глубокое мычание — может, это и был требуемый ответ.

Оомарк снова присел на корточки — руки рядом с коленями — и свернулся калачиком, будто пытаясь стать как можно меньше, чтобы его не заметили. Я видела, что его плечи подергивались мелкой дрожью. Голова была спрятана на коленях, так что лица мне не было видно.

Хотя я обыскивала взглядом стену тумана, но больше не видела этой темной тени; зловония от нее тоже не осталось. Там, в сером клубении воздуха, снова прозвучал рев. Теперь в нем не было требовательной нотки, скорее злорадство, обещание, что худшее еще впереди. Не успело его эхо замолкнуть, как раздалось тявканье, звук, от которого меня невольно потянуло закрыть руками уши. Мне хотелось увязнуть в земле и покрыться защитным дерном.

— Что это? — полушепотом спросила я Оомарка. Казалось, он столько знает об этом месте, — его страх сейчас стал столь очевиден, — что мне подумалось, он сможет объяснить мне.

— Охота! А-а-а-а! — Его слова перетекали в стон чистого страха. — Он охотится...

— Кто? — Я дышала Оомарку в плечо. В ответ он замахнулся на меня, будто в нынешнем состоянии не мог отличить друзей от недругов. — Кто? Скажи мне! — трясла я его.

— Предводитель Темных. — Эти странные желтые глаза, которыми Оомарк обозревал теперь чуждый мир, безотрывно смотрели на стену тумана. Язык лизал губы. — Зовет свою стаю на охоту.

Утешительного ничего не было. Все еще не отпуская Оомарка, я с напряжением выслушивала хоть какой-нибудь звук в темной дымке. Но когда рев прогремел снова, звук был уже слабее, дальше, а отвратительное тявканье, отвечающее на него, было едва слышно.

Я почувствовала, что Оомарк немного расслабился. Он снова облизал губы. Нюхал воздух.

— Темная гончая ушла, — сообщил он.

Я знала, что должна вытянуть из Оомарка все, что он знает или подозревает об этом мире. Путешествовать вслепую, не зная, когда и откуда может выпрыгнуть опасность, было слишком большим риском. Знания были моей надеждой.

— Оомарк, ты должен рассказать мне все, что знаешь об этом мире, — о таких вещах, как Темные и охотники...

И снова он хитро посмотрел на меня исподлобья.

— Пожалуйста, Оомарк. Если нам надо идти дальше, мне нужно знать, какие здесь таятся опасности.

Он пожал плечами:

— Ты сама выбрала свое непонимание. Ты станешь от того, другого места, а не полностью от этого.

Я возмутилась.

— Я вообще не из этого места. Я вернусь *в свое собственное* место!

— Вот видишь? — Он развел руками. — Ты выбираешь быть в середине. И, следовательно, охотник Темных и такие, как он, могут охотиться на тебя. Ты хочешь знать? Вот, средства перед тобой, но ты не хочешь ими пользоваться.

— Оомарк! — Я исчерпывала запас терпения. — Расскажи мне, что можешь.

Мальчик раздумывал. Я подумала: «Если он откажется, то как мне его заставить?»

Потом он медленно сказал:

— Я всего не знаю, разве что когда что-то вроде рога охотника звучит, то здесь, — он коснулся лба, — здесь появляется знание. Я знаю, что можно есть и пить, что мы можем встретить по дороге и друг это или враг. Но до того, как это происходит, я этого не знаю, правда. Только когда вижу или слышу...

Он говорил правду, я не сомневалась. И, не успела я вытянуть из него побольше, как он приподнял голову и указал мне подбородком.

— Тот Между, который был у камней, здесь.

— Чего он хочет? — Казалось, Оомарк был так уверен, будто действительно видит волосатое существо.

— Ищет еду.

У меня в голове мелькнула ужасающая догадка: это *мы* до-

быча, которую выслеживает серое чудище? Я покрепче уцепилась за сумку, приготовившись тратить все силы, защищая нас.

Оомарк коснулся моей руки и покачал головой:

— Не мы. Он не то чтобы охотник. Нет, он охотится за тем, что ты носишь — едой из другого места.

— Почему?

— Я не знаю, только она его притягивает. Она ему так нужна, что он просто жить без нее не может. Он ни о чем другом думать не может, только об этом. Потому я могу, в свою очередь, почувствовать его ужасный голод в себе. — Оомарк приложил руки к животу, потирая его.

Но почему? Почему существу из этого мира понадобились мои запасы? Ему не удастся их отобрать, сказала я себе неистово. Этот узел был у меня в руках, да и сумка наготове для любого нападения.

— Да, вот что ему нужно. Он будет идти за нами, пока у него хватит сил. Он ранен, ты же знаешь. Ты ранила его, когда ударила. Сюда. — Оомарк ткнул пальцем в свое плечо, с осторожностью, будто опасаясь надавить на рану.

— И все-таки он очень сильный. — Я слишком хорошо помнила эту огромную тушу, и у меня не было желания иметь дело с его нападением.

— Он устал, и ему больно. Сейчас он нашел другое кольцо и отдыхает в нем. Но когда мы пойдем дальше, он тоже пойдет, — с уверенностью докладывал Оомарк, и я ему верила. Нам нужно избавиться от этого преследователя или обескуражить его.

Странно, хотя я устала, когда мы устраивались в этом кольце, спать не хотелось. Кажется, Оомарку тоже. Хотя потом мы разговаривали немного, проводили время (а сколько времени, я не могла сосчитать), будто ждали какого-то сигнала. И от ожидания мне было как-то не по себе. Это был тихий, медлительный период между двумя вспышками действия.

Больше звуков мы не слышали. Тени в тумане тоже больше не двигались. Наконец я осознала, что занавес поднимается, что я вижу больше. Оомарк поднялся на ноги, вернее, на копыта.

— Время выступать. Пора нам в путь. Я голоден.

Я потянулась открыть сумку. Он покачал головой.

— Я хочу настоящей еды, а не той, которую нюхать противно! Пошли!

С этими словами он пересек границу темно-зеленого ободка кольца; его копытца застучали по полоске скалы за кругом. Я посмотрела на свои ботинки. Ясно было, что надеть их снова не удастся. Защищать ноги придется обмотками. Причины тащить на себе лишний груз не было, потому я оставила их лежать там, а сама пошла за мальчиком.

Туман рассеивался все быстрее. Местность, на которой мы сделали привал, была ровной, ее пересекало множество колец разного размера. Неподалеку одно из таких колец было занято. Сгорбленная фигура, которая как раз неуклюже вставала на ноги, была чудищем, охотившимся за Оомарком. Лохмотья, служившие ему одеждой, развевались по ветру. Оно повернуло голову в нашу сторону. Одна рука висела без движения. Но другая двигалась, и оно вытянуло пустую руку ладонью вверх. Я видела, что его рот шевелится, как и тогда, когда существо старалось заговорить.

И снова это усилие было сильным, судорожным, пока мой страх не смягчился налетом сочувствия. Даже я могла на расстоянии понять, что он не желал нам зла, по крайней мере сейчас, и просил то, что я несла. Почему ему так хочется еды, которую Оомарк отвергал? Щель рта двигалась, в уголках показалась слюна. А рука, дрожа, будто от напряжения, умоляюще протянулась ко мне.

— Пошли! — Оомарк потащился вперед. Он нетерпеливо оглянулся. — Мне нужна еда.

— Едаааааа. — Слово было жалким подражанием слову мальчика, но существо все же произнесло его.

Согнутой рукой я покрепче прижала к себе припасы, а другой рукой замахнулась утяжеленной сумкой. И все же я колебалась. И в тот момент я уже знала, что не смогу сделать все то, что диктовал мне здравый смысл ради нашей же безопасности. Я зажала зубами ремень сумки с камнями, держа ее наготове. Потом просунула руку в припасы и не глядя схватила, что первым попалось под руку. Это был кусок шоколада.

Не глядя — лишь бы не стать более щедрой, чем осмелилась, я бросила это в ту сторону, где было существо, и побежала за Оомарком. Но мальчик остановился и, когда я нагнала его, сердито посмотрел на меня.

— Зачем ты это сделала?

— Потому что... жалко было...

— Его? — И указав в ту сторону, он засмеялся смехом, который мне не понравился.

Я повернулась посмотреть назад; существо припало к земле, вытянулось, как Оомарк при звуке того ужасного рева. Оно не пыталось идти за нами.

— Что... что случилось?

— Тебе было жалко. — Он усмехнулся надо мной, его губы сложились в неприятную улыбку, напомнившую мне... о Бартаре! — Тебе было жалко. Но сейчас его еще жальче! — Мальчик ткнул пальцем в фигуру.

— Почему?

— Ты дала ему еды — так посмотри же на него! Ему больно, больно, больно. И он заслуживает эту боль! Он ни то ни се. Может, вскоре он станет вообще ничем.

— Оомарк! — Я старалась схватить его за руку, но он не давался, смеясь с ненавистью. — Эта еда... она отравила его?

— А если нет, он об этом пожалеет. Ты тоже, Килда, ты тоже. Посмотри на себя, только посмотри!

Теперь он схватил меня за руку и рывком поднес к моим глазам, сжав ее так сильно, что остался синяк.

Коричневый блеск на моей коже стал сильнее. Вокруг моей плоти начинала образовываться какая-то твердая скорлупа. Я отдернула руку, отказываясь смотреть на нее.

— Ты не остановишь это, знаешь ли. — Оомарк стал не таким насмешливым. — Посмотри на меня! — Он танцевал, подпрыгивая то на одном, то на другом копытце, поворачиваясь так, чтобы я могла разглядеть его со всех сторон. Его руки потянули пиджак, расстегивая его. Теперь он сбросил с себя его и исподний китель, так что оказался голым по пояс. Голым? Нет! Его тельце было полностью покрыто мягким серым пушком. На руках и плечах он рос не так плотно — можно было разглядеть кожу, — но у пояса длиннее и толще.

— Оденься! — Я попыталась изречь приказ, как могла когда-то раньше.

— Нет! — Он лягнул один из пиджаков. — Нет! — Он широко развел руки и бесился в нелепом танце. — В них жарко. Они царапаются. Они мне больше не нужны — никогда!

Подпрыгивая, он поскакал дальше, будто боялся, что я

поймаю и попытаюсь одеть его силой. В отличие от выброшенных ботинок, пиджаки я не оставила, но плотно скрутила их и засунула в сумку с камнями.

— Пошли! — кивал он мне. Но я еще раз оглянулась на волосатое существо.

Был ли Оомарк прав? Оказалась ли еда, о которой так жалостливо молил инопланетянин, ядом? Но если наша еда была для него смертельна, то почему оно — или он — хотело ее так сильно, преследовало нас, умоляло? А если наша еда — яд для этого существа, то не следует ли из этого, что еда этого мира — яд для нас? Я-то ничего не ела, кроме того, что носила с собой, но Оомарк...

Я выбросила из головы все мысли о раненом существе и побежала за мальчиком, твердо решив, что на этот раз не позволю ему так рисковать.

Но было уже слишком поздно: он стоял у большого куста или маленького дерева, растущего на склоне холмика. Куст прогибался под тяжестью золотистых ягод, и Оомарк был не единственным, кто угощался. С некоторых веток свешивались существа с прозрачными крылышками, каких я уже видела в лесу. А в траве были маленькие животные.

Ни существа с крылышками, ни животные не обращали никакого внимания ни на Оомарка, ни на меня, когда я подошла поближе. Они были слишком заняты едой. Ягоды были большими, наверное, с мой большой палец, и так наполнены соком, что он брызгал во все стороны, когда кожура лопалась. Оомарк запихивал их в рот по три-четыре штуки сразу, так что сок стекал по подбородку, затекая на шерсть на груди.

— Вот. — Он протянул липкую руку с тремя шариками на ней. Когда я покачала головой (а мне потребовалось много решительности, чтобы не согласиться, — при виде их мне еще больше захотелось есть), он усмехнулся. Потом пожал плечами и отправил в рот ягоды, от которых я отказалась.

Я отошла в сторону, понимая, что у меня нет ни единого шанса его остановить, и опасаясь, что сама могу уступить соблазну. Я обратила особое внимание на холм, у которого рос этот куст. Странно было, что аккуратный холм расположен посреди ровного места, и создавалось впечатление, что его сделали здесь специально, непонятно зачем. И еще, это был

лишь один из холмов, расположенных по прямой. Я насчитала девять в границах туманной видимости.

У каждого из этих холмов росли деревья или кусты. Но не все они были одного типа. На трех росли желтые фрукты. Еще с трех свешивались шары побольше — они поместились бы в мою ладонь — и были темно лилово-красные. Пировавших у них не было. Вообще в них было что-то отпугивающее. Листья деревьев тоже были не одинаковой формы, а неправильной и такого темного зеленого цвета, что он приближался к черному.

На трех других деревьях листва была намного светлее — лента серебряной кромки окаймляла листья очень бледного зеленого цвета. Их тонкие стволы и ветви были покрыты не грубой, а гладкой корой, тоже серебристого оттенка. Фруктов на них не было, только грозди белых цветов, которые нежно раскачивались, несмотря на то, что, казалось, ветра не было. Время от времени от них доносился такой сладкий аромат, то я еле сдерживалась, чтобы не подбежать к ним и спрятать лицо в одном из таких соцветий. Но, как и лиловые фрукты, они, казалось, запрещали прикасаться к себе, хотя к ним я не испытывала такого отвращения, как к темным фруктам.

Все эти деревья росли как бы по системе: сначала золотистые ягоды, потом лиловые шары, а потом серебряные цветы. Потом все начиналось снова и повторялось два раза. Так что я была очень даже уверена, что это не случайно. Что представляли собой эти холмы? Могилы правителей или священников, сейчас давно забытых? Вокруг них царила аура ушедшей эпохи, веяло укоренением в землю, на которое давил вес не лет, а столетий. А может, то были останки зданий, замурованные в землю, может, последние из каких-то древних крепостей?

Похоже, Оомарк насытился: он отошел от куста, стал на колени и начал тереть руки о траву, срывая ее пучками, чтобы отереть сок с лица, хотя его попытки восстановить чистоту не особенно увенчались успехом.

Потом он повернулся взглянуть на холм и поднял обе руки. Держа их ладонями наружу, он заговорил, уж конечно, не со мной и не с прыгающими и летающими существами, которые все еще ели.

— Моя благодарность, о Спящий, за изобилие стола и богатство пира.

В словах чувствовался ритуал, пробуждение невидимого.

Сказав это, он не медля подошел ко мне, как человек, готовый к активным действиям.

— Кто такой Спящий?

Оомарк с изумлением посмотрел на меня и оглянулся на холм.

— Не знаю.

— Но ты же сказал...

— Я сказал так, потому что это правильно и уместно. Прекрати все время спрашивать, спрашивать, спрашивать, Килда! Если бы ты ела, ты бы знала — так что не спрашивала бы!

— Я бы знала, если бы ела? Так ты узнаешь, да, Оомарк?

— Думаю, да. В любом случае, я знаю, что надо благодарить Спящего после того, как поел здесь. Народ всегда так делает.

Он пошел вдоль холма, пройдя мимо лиловых фруктов и подходя к серебристым цветам.

— А эти? — Я все еще пыталась расширить запас знаний. — Здесь фруктов больше...

— Нет! — Он с отвращением отвел глаза от лиловых шаров. — Съешь их — и умрешь. Не все Спящие хорошо думают о Народе. Не ешь эти и не *трогай* те, — он указал на цветы.

— Так они тоже смертельны?

И снова он выглядел изумленным.

— Нет, ну не так. Это... они могли бы послужить Народу в случае чего, но такое не в их природе. — Его сердитое изумление возрастало. — Я правда не знаю, Килда. Фрукты плохие, потому что Спящий там ненавидит нас. Но цветы... они не совсем такие... не такие, чтобы Народ к ним прикасался...

Три типа Спящих, сделала я вывод: предлагающие фрукты для восстановления сил, опасные и злые, и те, которые лучше не трогать. Или у меня разыгралось воображение и я слишком много извлекаю из того, что видела и что сказал мне Оомарк?

Когда мы проходили мимо холма с серебристым деревом, его соцветия и листья, похожие на знамена, заколыхались, будто их тормошил сильный ветер. А вот деревья у соседних холмов, казалось, ничто не волновало. Наконец эти порывы оторвали веточку, не выдержавшую под тяжестью соцветия. Она не упала на землю, а все вертелась и вертелась в воздухе, пока ее не бросило, будто кто-то, прицелившись, метнул копье — расщепленным концом вниз, — на землю к моим ногам.

Оомарк вскрикнул и попятился. В порыве я нагнулась и схватила веточку ниже раскачивающегося соцветия. Казалось, я схватилась за ледяной жезл, такой холод пробежал вверх по моей руке. И все же я не могла ее отпустить. Вместо этого я отодрала ее от земли.

Сильный ветер, который отломил ее от дерева и принес ко мне, утих, будто его никогда и не было. И — мои пальцы...

Твердая коричневая корка на них исчезала, разлетаясь как пыль. Мое тело, с которого сняли этот панцирь, было по-прежнему коричневым, но кожа была такой, как всегда. И хотя руке все еще было холодно, у меня не возникло желания выбросить веточку. Вместо этого я прикрепила ее к ремню.

Оомарк снова отступил.

— Выброси, туда, откуда она пришла! — Он указал на утихшее дерево. — Она тебе навредит!

Я согнула пальцы и с благоговением и благодарностью посмотрела на нормальное тело.

— На такой вред я пойду с радостью. Видишь, Оомарк, моя рука опять такая же, как и всегда!

Он закричал и убежал от меня, будто от того волосатого существа. Может, я теперь ужас, преследующий его...

Глава 9

Он без труда ускользнул от меня, рванув прочь, не обращая никакого внимания на мои приказы, за которыми последовали просьбы. Скорее даже, он бежал так, будто точно знал, где хочет скрыться. Меня поглотила мысль, что его дезертирство убьет сразу двух зайцев: не я только потеряю ребенка, за которого несу ответственность, но и сама потеряюсь без проводника.

Кое-как мне удалось не терять его из виду — он уже почти миновал последний холм. Дальше тоже попадались холмы, но уже более покатые, менее заметные.

Оомарк не обогнул их, а наоборот, бросился прямо к ним. Поросшие густой растительностью, они возвышались с обеих сторон, скрывая его от моих глаз. На бегу я размышляла: может, я как раз среди руин некогда великого города? Если так, то не много же осталось от его стен и строений.

То тут, то там небольшими рощицами виднелись деревья с фиолетовыми плодами зла — хотя выглядели они как-то сморщенно. Много плодов попадали с веток и гнили в траве, мучая ноздри поднимавшимся зловонием.

Вообще, чем больше виднелось таких деревьев, тем, как выяснилось, все сильнее я задыхалась и кашляла, так что пришлось умерить бег. Теперь я потеряла из виду Оомарка, который исчез за барьером тумана.

Выкрикивая его имя, я снова бросилась бежать со всех ног. Но в ответ доносилось только искаженное эхо моих слов, будто исторгнутое губами, никогда не произносившими человеческой речи. Потом я услышала шлепок, карканье — и посмотрела налево.

Там росло несколько фруктовых деревьев; в них, под ними, расхаживали вразвалочку, сидели на насесте и кормились какие-то пернатые. Вернее, это сначала они показались мне пернатыми, пока я не разглядела их получше. У них были когтистые чешуйчатые лапы, как у домашних птиц. Но на них держались желтые тела, заканчивающиеся длинными мягкими хвостами. Шеи, не столько длинные, сколько гибкие, заканчивались заостренными головами, на которых красовались четыре то ли рога, то ли белый хохолок, отчего у существ был такой вид, будто они носили маленькую корону. Красные глаза, казалось, светились. Резко заостренные крылья были покрыты широкими желтыми крупными перьями. Сами существа явно были раздражительного нрава: хлеща друг друга хвостами, угрожая когтями и клювом, они боролись за гниющие фрукты.

Хотя размера они были небольшого, была в них какая-то враждебность, не обещавшая ничего хорошего тем, кто привлечет к себе их внимание. Я резко замолчала и поспешно прошла дальше, не сводя с них глаз даже после того, как отошла, — меня не оставляло неприятное чувство, что они только притворялись, что так погружены в трапезу, а на самом деле были готовы в любую минуту погнаться за мной.

Должно быть, именно тогда, когда я так сосредоточилась на этих летающих созданиях, я и потеряла последнюю надежду догнать Оомарка. Совсем вскоре я наткнулась на развилку дороги, по которой шла. На этом густом торфе невозможно было найти хоть какие-нибудь следы, подсказывающие, какую из дорожек выбрать.

И туман, и возвышавшиеся курганы и холмы ограничивали мне поле зрения. И кроме того, две дорожки из трех — та, что шла вперед, и другая, ведущая налево, немного изгибались, так что не было видно, куда они ведут. Возможно, именно поэтому я остановила свой выбор на правой тропинке, которая, казалось, шла прямее.

Только вот дальше эти кучи торфяных развалин — или чем бы эти насыпи ни были — становились все выше и выше, пока не стали выше человеческого роста. А дорога все-таки свернула. Я время от времени останавливалась, прислушиваясь, надеясь уловить какой-то звук, подтверждающий, что я сделала правильный выбор. Именно во время одной из таких остановок я заметила оцарапанное местечко, где торф был оторван от камня, — свидетельство того, что кто-то — или что-то — этим путем *все-таки проходил.*

Он попался мне на глаза, потому что камень под ним светился так, что это было заметно даже в полусвете, в сумерке среди холмов. Я подошла поближе, надеясь обнаружить отпечаток ноги, и свечение превратилось в серебристое сияние.

Но это был лишь стертый след, ничего мне не говорящий, разве что недавний; хотелось верить, что оставил его Оомарк.

На первом же повороте я увидела, что мой путь превратился в приводящий в замешательство лабиринт дорожек, петляющих вдоль и поперек возвышающихся холмов, многие из которых покрывала мрачная тень. Я начала опасаться, что найти того, кто захотел здесь затеряться, просто невозможно. Дорога разветвлялась снова, и снова она была корнем, давшим бесчисленные маленькие побеги. Потом и она сузилась и почти исчезла.

Я остановилась. Холмы, стеной окружавшие меня, были почти в два раза выше моего роста, а опускающиеся сумерки были почти такими же мрачными, как и опасный период сгустившегося тумана. Мне не нравилось то, что лежало впереди, — уж лучше вернуться назад и пойти какой-нибудь другой дорогой. Возможно, не выйду на след мальчика — на такую удачу я и надеяться не могла, — но, может быть, она выведет меня из этого потустороннего места.

Оно действительно было потусторонним — в этом я готова была поклясться. Я была уверена, что что-то порхает сразу же за пределами моего поля зрения или крадучись шпионит за

мной. Иногда мне слышался далекий призрачный шорох, как шелест легкого ветерка по сухой листве, отчего казалось, что я слышу шепот инопланетных существ. И еще — хотя нигде больше в этом мире я не чувствовала изменения температуры — здесь было теплее. Только это тепло не приносило уюта. Скорее, от этого казалось, что я иду по тонкому мостику безопасности над всесжигающими кострами.

Я облизала губы и подумала о воде. Ноги шли почти сами по себе, волочась по земле, а длинные тонкие пальцы извивались под повязкой, будто стараясь освободиться и вкопаться в почву, чтобы высасывать энергию, которая так напугала меня, когда я сняла ботинки.

И вот, когда я повернулась отыскать путь назад, то в полной мере осознала всю свою недальновидность. Все извивающиеся дорожки были похожи как две капли воды, и я не была точно уверена не только в том, какая именно дорожка привела меня сюда, но даже и в направлении, откуда пришла. Я почувствовала себя в ловушке, а с осознанием этого на меня накатила волна паники, лишив самоконтроля. Я бросилась по ближайшей дорожке и, когда она раздвоилась, — по правой, а когда раздвоилась и она, то по левой; мое сердце бешено стучало, во рту было сухо от страха, голова еле соображала, так что в тот момент я была бы легкой добычей. Что я была в месте, враждебном моей форме жизни, я уже больше не сомневалась, точно так же, как не сомневалась, что за мной наблюдают — с внушающим ужас хихикающим предвкушением, таким, которому я не могла дать имени, для которого не могла вообразить формы.

Не было вещи, которая далась бы мне в жизни тяжелее, чем заставить себя в тот момент остановиться, задыхаясь, и действительно посмотреть вперед и принудить свой мозг отвергнуть эмоции. И правда, все дороги выглядели одинаково, но я неистово боролась с паникой. И все никак не могла успокоить ноги. Они колотились и копали землю, будто жили своей собственной жизнью, не подчиняясь моим приказам. А желание разорвать повязки, которые я с таким трудом приладила, почувствовать землю, было таким неистово жгучим, что я не знала, выдержу ли.

И тут до меня донесся слабый запах, и я вспомнила о ветке на поясе. Хотя с того момента, как я подняла ее, прошло уже

некоторое время, ни цветы, ни листья не увяли, будто ветку только что сорвали с дерева. Я дотронулась до стебля; от этого прикосновения по руке заструилось ощущение чистого холода — по-другому я это чувство описать не могу. Точно как тепло, исходящее из земли подо мной, несло с собой ощущение гниения и давнего увядания, так и этот холод был ножом, прорезающим путь к здравомыслию и логике.

В порыве я взяла с пояса ветку и, наклонившись, провела ею по измученным ногам. Хотя из-за обмотки она не коснулась моего тела непосредственно, пальцы перестали извиваться. Они больше не вкапывались в землю. Так что, идя дальше, я несла ее в руке, а сверток с едой прикрепила к поясу на ее месте. В другой руке я все еще держала, размахивая ею, тяжелую сумку.

То, с чем я столкнулась, когда обогнула следующий холм, было не напугать сумкой с камнями. На какое-то мгновение, очень короткое, мне подумалось, что я нагнала Оомарка. Потом я поняла, что то, что стояло передо мной, не могло быть Оомарком даже после многих трансформаций.

Это было намного больше, немного выше, чем я, и намного массивней. Оно напоминало Оомарка только в общих чертах: таким же образом удерживалось на двух копытах. А поскольку одежды на нем не было, поросль волос свободно свисала по бокам жесткими клочьями, с комками грязи и чего-то липкого. Хоть и с копытами на ногах, оно было двуногим и прямоходящим. Передние конечности несомненно заканчивались руками, которыми оно деловито почесывало волосы по бокам. Голова была длинной и узкой. Возможно, когда-то она была более человекоподобной, но сейчас выглядела как какая-то нелепая маска — слишком широкий нос и почти никакого подбородка под свивающими и непрерывно шевелящимися губами.

Оно немного пускало слюну, так что ниточка жидкости стекла по рту и намочила пучок бороды, торчащий на подбородке. А над большущими глазами вперед и вверх закручивались рога, больше и намного более изогнутые, чем те, что росли у Оомарка. Кожа на лице была желто-коричневой. От тела исходило такое зловоние, что мне стало дурно. Оно смотрело на меня не моргая, и — что гораздо хуже — в его взгляде выражались интеллект и злое намерение.

Я попятилась. А оно продолжало почесываться и пялиться на меня. Потом, ковыляя, пошло на меня, словно ему не было нужды торопиться, будто исход любой схватки был и так уже решен в его пользу. И я знала, что оно наслаждается моим страхом и отвращением.

Я не решалась повернуться к нему спиной и броситься бежать. У меня было такое чувство, что я должна смотреть ему прямо в лицо, и, пока меня на это хватит, у меня есть хотя бы маленькое преимущество. Оно намеренно использовало впечатление, которое произвело на меня, чтобы у меня сдали нервы. А я робко пятилась, имея лишь сумку с камнями, — жалкое оружие против такого врага.

Оно с презрительным высокомерием смотрело на меня странными глазами. В них не было черного ядра или зрачка — они были полностью красными, как у тех летающих существ, мимо которых я проходила раньше. Пока я отходила назад, а оно, не торопясь, ковыляло вперед, мы зашли под темную тень холма, и эти глаза вдруг сверкнули в темноте огнем, как два факела-близнеца. Своим видом они не производили впечатления слепоты — хотя и выглядели как непроницаемые овалы огня, ясно было, что это тем не менее органы зрения.

Я продолжала пятиться, точно так же как оно непреклонно следовало за мной, хотя и не предпринимало никаких попыток к нападению. И тут я задела плечом за какое-то возвышение и, потеряв равновесие, изо всех сил старалась удержаться на ногах.

Уткнувшись одним плечом в холм, я осознала, с крупицей ободрения, что с одного бока защищена.

Существо подняло рогатую кособокую голову и несколько раз зарычало. И, к моему содроганию, на его рык ответили справа, будто другие такие же чудища только и ждали, что я окажусь там, чтобы схватить меня. Я остановилась, боясь отвернуться от этих сверкающих глаз и посмотреть в сторону.

И снова мой противник зарычал, но на этот раз ему ответили пронзительным визгом, как кричали те летающие создания, что с жадностью пожирали упавшие на землю фрукты. Оно выбросило вперед руку, и одно из летающих существ уселось на ней, как на насесте. Другое парило в воздухе, взлетая и ныряя; его гибкая шея изгибалась, будто в ней не было костей,

и оно то вытягивало голову вперед к монстру, то выравнивала ее, выпрямляя шею, будто собираясь броситься на меня.

Но это была еще не вся компания, собиравшаяся загнать меня в ловушку. Глухой звук, тяжелый топот, кто-то бежит — и черная тень присоединилась к рогатой. Она была очень большой — в холке доходила почти до плеча первого — и шла на четырех ногах. Оно помахивало из стороны в сторону хвостом, тонким, как кожа, натянутая на кости (очень может быть, что так и было, потому что он был не гладким, а с узелками через равные промежутки), шлепая себя по ляжкам. Его голова была просто черепом, обтянутым кожей, без подкладки из плоти. На месте глаз — большие впадины, и глубоко в них я видела то же мерцание, что и в глазах рогатого. Челюсти, составляющие две трети головы, широко раскрылись, обнажив два ряда фосфоресцирующих клыков. Между ними показался огромный черный язык. На голове были маленькие, очень близко посаженные к черепу уши, а кожа, обтягивающая на некоторых местах, но провисшая отвратительными морщинами на раздутом брюхе, была абсолютно голой.

Ковыляя на четырех ногах, он расположился сбоку от рогатого. Я знала, что не могу не то что повернуться спиной к этой компании, даже отвернуться и посмотреть, куда надо отступать дальше, чтобы не упереться спиной в холм. Отступление было невозможно, и у меня не было ни малейшей надежды победить, если они бросятся и собьют меня с ног.

То, что произошло, было полной неожиданностью, так что даже земля снова как бы ушла из-под ног, а я почти потеряла самоконтроль. Я услышала слова, казавшиеся совершенно бессмысленными.

— Скарк, Скарк! Шак, Шак!

Четырехлапое существо передо мной подпрыгнуло, закрутилось и поставило передние лапы на холм. Его голова-череп запрокинулась, а открытая пасть испустила такой звук, от которого по коже мурашки побежали.

Рогатое существо тоже повернулось в сторону звука, запрокинув чудовищную голову, чтобы лучше смотреть вверх. Еще оно подбросило летающее существо с руки-насеста, будто подавая ему знак отыскать источник этого крика.

Хриплый голос продолжал:

— Скарк, Скарк! Шак, Шак!

Я была так напугана, что мне понадобилось довольно много времени, чтобы понять, что их внимание сейчас направлено на речь, а у меня появился призрачный шанс спастись. Я изменила маршрут и поспешила в направлении, противоположном тому, откуда доносился спасший меня звук. Там открывалась одна дорожка, на которую я и скользнула, а затем понеслась, посматривая назад.

Эти слова не замолкали, они звучали снова и снова; время от времени их заглушали завывания четырехногого врага. Они несколько приободрили меня. Неужели кто-то — что-то — в этом лабиринте ужасов специально вмешался, чтобы спасти меня? Оомарк? Но это был не его голос. Он был более глубоким и хриплым, это был не детский крик.

— Скарк, Скарк...

Теперь, будучи уже несколько в отдалении, я не была точно уверена в направлении, разве что это было где-то сзади. Слова эхом разносились над холмами, звуча то так громко, что я боялась, не привел ли меня лабиринт опять к тому же месту, то так слабо, что я едва различала отдельные слова и начинала надеяться, что ушла далеко от опасности, хотя не стала бы на это полагаться.

Если б только я могла уйти от холмов! Я пристально вглядывалась в темноту, очень слабо надеясь, что увижу что-то, что подскажет мне, как выйти на тропинку, которой я пришла. Однако все дороги так походили одна на другую, что выбирать из них было бессмысленно.

Первым моим указателем стало дуновение запаха зла. Я была уверена, что именно так пахло от фруктовых деревьев, и запах доносился от нового ответвления тропы слева. Поскольку другого ориентира у меня не было, я охотно доверилась своему носу.

Зловоние становилось все сильнее, и я вышла, наконец, но не к деревьям, у которых ели крылатые, а скорее на открытую местность, где росло намного больше деревьев. Они с двух сторон очерчивали границу коридора или дорожки, ведущей к прудику или озерку треугольной формы, слишком правильной, чтобы быть естественной.

Увидев эту воду, я захотела пить, но здесь это было невозможно. Воду, в которую падали фрукты таких деревьев, — а я увидела, что в ней плавают гнилые шары, — не стоило пить.

Потому я свернула в узкий проход между холмами, окольцовывавшими это место, и рощицей. Вскоре стволы и ветки образовали толстую стену между мной и водой. Слабое эхо слов затихло, побудив меня перейти на усталую трусцу. Если существа избавились от обладателя того голоса — кто бы он ни был, — они, возможно, уже вынюхивают мой след.

Именно когда уже тащилась из последних сил, я и вышла на след. Точно, эти щелки от копыт в земле были сделаны ногой, намного меньше, чем у того чудища из кошмара, и больше похожи на следы, которые мог бы оставить Оомарк. Воодушевленная верой в это, я пошла по следам. Но я не теряла бдительности, выслушивая охотников. Вдалеке я услышала лай, хотя это был не такой крик, какой издавало четвероногое существо в ответ на зов через холмы. В этом звуке была нотка жуткого торжества, будто это существо уже почти настигло добычу, за которой гналось. Я набрала полные легкие воздуха и попыталась бежать быстрее, стремясь добраться до открытой местности.

Удача — а может, и еще что-нибудь — была на моей стороне: я проковыляла мимо холма и увидела впереди открытую местность, поросшую травой. Но не только это; еще и маленькие следы копыт, отпечатанные на лоскутке голой земли. Я знала — или думала, что знаю, — что Оомарк прошел этим путем.

Я бросилась бежать со всех ног, оставив зловещие холмы позади, хотя каждый миг боялась услышать лай слишком близко за спиной. Когда этого не произошло, я задумалась, что же это охотилось там? О причинах же и происхождении столь подходящего вмешательства я могла только гадать.

Что привело там к моему спасению? Неожиданно мне в голову пришла мысль о том косматом создании, преследовавшем нас и молившем о пище. Может, он так неистово хотел наложить лапы на припасы, которые я несла, что мог спасти меня от своих собратьев, чтобы получить весь трофей самому. Этой мысли было достаточно, чтобы я еще ускорила шаг.

Сколько времени заняли блуждания в лабиринте холмов, не могу сказать даже приблизительно. Вообще, насколько я могу судить сейчас, оказалось, время в том чуждом мире не измерялось в том смысле, как мы это понимаем; хотя, может

быть, те периоды, когда туман сгущался и рассеивался, аналогичны ночи и дню более нормального существования. Если так, рано или поздно мне пришлось бы иметь дело еще с одним сгущением тумана. А минувший опыт предупреждал меня, что было целесообразно найти одно из колец-убежищ, которые мне показал Оомарк. И хотя на бегу я обыскивала взглядом местность во всех направлениях, характерных кругов более зеленой травы не было.

Меня терзали жажда и голод. Я начала чувствовать такую усталость, какой не знала с тех пор, как мои слишком гибкие пальцы ног впитали энергию из самой земли. Обмотки на ногах изнашивались и ослабевали. Очень скоро мне придется изобретать замену. Я больше не видела следов и понятия не имела, иду ли за Оомарком или уже нет. В целом обстоятельства были вовсе не благоприятные, и идти намного дольше я не смогла бы.

В конце концов дело разрешила одна из повязок. Она ослабла, запуталась у меня между щиколотками, и из-за этого я шлепнулась. Я лежала, оглушенная падением, потом поднялась посмотреть, нужно ли перевязать ногу, пожертвовав для дела еще частью пиджака.

И еще, оглянувшись вокруг, я поняла, что туман стал гуще, чем когда я оторвалась от холмов. Скоро он сгустится окончательно.

Веточка! Она была у меня в руке, когда я упала. Я быстро ее нашла. Длинный стебелек сломался пополам. Но неувядшие цветы и все еще свежие листья были в порядке. А трава на ощупь была влажной, будто туман был нежным освежающим дождем. Я положила ветку на землю и вынула припасы. Так мало! А ведь только из-за того, что перед отъездом я запаслась излишне щедро, рассчитывая поделиться конфетами с Оомарком и его друзьями, у меня было и то, что есть. Я положила в рот кусочек вафли. Вместо облегчения это доставило страшные мучения: я так захотела съесть все остальное, что пришлось в спешке снова завязать это, только бы соблазн не победил осмотрительность.

Растягивая удовольствие от этого кусочка изо всех сил, я развязала обтрепавшиеся и изношенные обмотки на ногах, стараясь держать ноги на сумке с камнями, так чтобы они не прикасались к земле. Но снова я не могла управлять ими. Не

успела я дотянуться до ветки с цветами, они, извиваясь, дотянулись до дерна.

Мне не удавалось их освободить. Пальцы загнулись вниз, врылись в землю, крепко пригвоздив меня к ней. Я неистово сражалась против собственной плоти. Но мое собственное тело преодолело меня, и снова эта энергия растеклась от пальцев вверх. За этим последовало такое ощущение здоровья и благополучия, что я вяло уступила.

Но я прекратила эту битву только на время. Возможно, удастся использовать возродившиеся силы в благих целях. Я подняла ветку, держа ее на уровне груди, склонив к ней голову. Когда я сделала это, мой мозг, казалось, прояснился, и я снова почувствовала решимость не сдаваться. Позволить моему телу командовать собой — подсказывал мне инстинкт — означало бы конец мне, Килды с'Рин, — такой, какая я есть на самом деле. А этого я не позволю.

Приободрившись, я смогла прикоснуться цветами к ногам, потом оторвать пальцы от земли и поставить их на сумку с камнями. Но, взглянув на пальцы, я испугалась: отерев их от липкой земли, я увидела, что они потемнели и стали еще длиннее и тоньше, чем были, когда я смотрела на них в прошлый раз. Мне было противно прикоснуться к ним, будто они были не моими, а принадлежали кому-то, подцепившему омерзительную болезнь.

Я разорвала пиджак — сложная задача в отсутствие режущих инструментов. В конце концов мне удалось получить два сдвоенных кусочка ткани. Между ними я положила гладкие плоские кусочки оберток от продуктов, делая все возможное, чтобы уплотнить импровизированную обувь. Их я завязала с максимальной осторожностью, опасаясь, как бы они не развязались, а я бы не осталась стоять на земле голыми ногами. Завязав последние узелки, я осторожно проверила их, поставив на землю правую ногу. Пальцы остались неподвижными. Похоже, я их успешно изолировала.

Но на все это ушло время, и, хотя я была сильнее, чем когда упала, туман уже практически сгустился. Я как-то не была расположена слепо бродить в этой дымке. Я слушала, но ничего не слышала. Однако тишина не воодушевляла. А мое воображение незамедлительно предоставило тревожные предположения — может, сама я была хорошо видна для нормальных

обитателей этой планеты и, может, как раз в этот момент была конечной точкой преследования.

Я вся съежилась, снова положив ветку на колени, и исходящий от нее аромат успокаивал мне нервы. Сумку с припасами я закрепила на ремне, оружие держала под рукой. Я ждала — хотя чего, кроме катастрофы, — не могла сказать.

Глава 10

Я не спала. Вообще-то я понимала, что мне уже довольно долго не хотелось спать; да, усталость тела была, но желания спать — нет. Однако идти дальше, пока не рассеется туман, я не могла, так что единственное, чем я могла заняться, это подумать. Где-то глубоко у меня в душе дремали осколки памяти — может, что-то, что я запомнила в хранилище знаний Лазка Волька.

Лазк Вольк... Сейчас казалось, мое прошлое на Чалоксе осталось так далеко, будто я смотрела на длинный-предлинный коридор, в дальнем конце которого виднелась полуоткрытая дверь. Но кое-как, вспомнив его, я смогла собраться с мыслями. Я старалась вообразить, что сижу перед ним и как раз собираюсь сделать доклад о какой-нибудь учебной ленте, выстраивая слова в порядок, готовясь высказать ценные и весомые соображения.

Какие же факты мне удалось открыть? Отвращение Оомарка к еде, которую я несла, перемены в нем, его страх перед веткой с цветами.

Но — я ведь тоже начала меняться, хотя и не ела того, что он. Как? Почему? Я тщательно перебирала все, что помнила. Я же пила! Проснувшись здесь, я выпила из пруда. Следовательно, я внесла в организм кое-какие природные продукты этого мира. Тогда почему цветущая ветка вернула мою кожу в нормальное состояние? И что с моими волосами? Я выдернула два волоска взглянуть на них.

Они были не такими зелеными, как раньше, — это точно. Они снова стали слегка волнистыми. И это сделали цветы. Не поэтому ли Оомарк их боялся? Знал ли он, что они остановят перемены в нем, а может, и сделают его таким, как раньше? Но ведь он должен хотеть этого! Я покачала головой и вспом-

нила привычное резюме компьютера Волька: «недостаточно данных».

Раздумывать об Оомарке нет смысла. Лучше ограничусь тем, что я думаю, чувствую и знаю о себе самой. Легко можно допустить, что если здесь ешь и пьешь, то в твоем теле происходят изменения. Волосатое создание — если я не ошибалась в своих предположениях, то он — она — оно — может, когда-то было человеком! Этим объяснялось, почему он (почему-то я думала о чужаке как об особи мужского рода) делал неистовые попытки получить еду другого мира в надежде, что с ее помощью совершит обратную перемену. Но цветы же помогли мне — почему они не помогли ему? Может, перемена в нем достигла такого уровня, что он уже не может ими воспользоваться? Я могла только гадать и гадать, но так и не узнать, додумалась ли до правды.

Я уловила перемену в окружающем и подняла голову, напряженно вслушиваясь. В тумане что-то двигалось. Я следила за этой едва различимой тенью. Уж слишком хорошо я помнила и ту тень, что кружила вокруг кольца, когда мы с Оомарком там укрывались, и тех, кого я встретила среди холмов.

Тень, темная тень, шла прямо на меня! Я приподнялась — с тяжелой сумкой наперевес. Слепо убегать сквозь туман не было смысла. Лучше уж встретиться с опасностью лицом к лицу, хоть и не много было надежды на то, что то, что шло за мной, мне по силам одолеть.

Фигура медленно приближалась, пошатываясь, будто была ранена или искалечена. Потом я смогла разглядеть ее яснее, насколько позволял туман. Волосатое существо! Я замахнулась сумкой, предупреждая, и оно остановилось.

На груди у него была изорванная повязка, которая, возможно, прикрывала рану. Но — он изменился! По крайней мере, мне не запомнилось, чтобы он так напоминал человека. Его голова стала прямее, а плечи не такими сутулыми. И волосяной покров — не таким густым.

— Друг... — Слово прозвучало отчетливо, как если бы его произнесли Оомарк или Бартаре. И снова он показал обе пустые руки, в знак доброжелательности. Доверять ли ему? Если бы я нашла партнера, проводника в этой стране кошмаров, добраться до детей было бы проще, а может, я смогла бы даже вернуться в нормальный мир.

— Кто ты? — строго спросила я.

Он заколебался, не зная, подойти ли поближе, и потом прошаркал еще несколько шагов. Я увидела, что в одном месте на тряпках, которыми он обернул тело, было темное пятно, и почти безотчетно добавила:

— Ты ранен!

Он прикрыл ладонью перевязанную рану.

— У Шарка были клыки — В его голосе звучала усталость.

— Шак — Шарк. — Я эхом повторила крики, которые привлекли внимание чудовищ, позволив мне убежать. — Это ты звал так из-за гребня холма?

— Они должны отзываться на свои настоящие имена. Таков закон, — уклончиво ответил он. — Вот почему они так тщательно таят свои имена, чтобы не повиноваться, когда их называют.

Может, это имело бы смысл, знай я столько же, сколько и он. Но, по крайней мере, должно быть, именно это существо спасло меня от тех, кто подкрадывался среди холмов. Так что я не могла поверить, глядя на него, что он желает мне зла.

— Что тебе нужно? — Может, это прозвучало холодно и жестко. Но я все-таки еще не была готова к радушному приему такого странного коллеги-путешественника.

— У тебя есть... еда. — Он облизнул губы.

— Теперь уже очень мало, — быстро ответила я. — И зачем она тебе? Здесь ведь ее, кажется, полно.

— Если ты ее ешь, то становишься частью этого мира, — сказал он медленно. — И тогда можешь и не надеяться вернуться назад.

— А дорога назад *вообще есть?* — Я страстно ухватилась за это. — Где?

— *Они* знают, Великие из Народа. И у них можно выпытать. Но я узнал это слишком поздно. Я оказался здесь в ловушке. Но если ешь настоящую еду, появляется шанс разрушить их чары. — Он указал на ветку цветов. — Ты не смогла бы держать это, будь одна из них. Они боятся нотуса, потому что он нейтрализует их заклинания. — Он пошатнулся, будто больше не мог держаться на ногах, и опустился вниз, протянув ко мне руки в мольбе получить то, что я несла.

Благоразумие подсказывало мне оставить его в одиночестве. Но в тот момент сочувствие побороло благоразумие.

Я опустилась рядом с ним на колени, потянув за его тяжелое плечо, пока не перевернула его на спину. Его глаза закрылись, он часто дышал. Пятно на повязке было высохшим, так что я не стала сдвигать ее, чтобы исследовать рану, опасаясь больше навредить, чем помочь.

В этот раз я находилась достаточно близко, чтобы увидеть, что эти лохмотья были остатками обычной ткани, а на одном кусочке была видна эмблема. Я знала этот знак. Это существо, лишь очень отдаленно напоминавшее человека, носило эмблему изыскателя!

Изыскатели! Прикоснуться к этому символу, дающему связь с прошлым, было стимулом к действию — и усилило мою решимость противостоять опасностям этого мира. И правда, это была связь со здоровой нормальной жизнью, хотя, оказалось, тому, кто носил ее, удача не слишком-то помогла остаться собой.

Он зашевелился, и его глубоко впавшие глаза открылись. Я даже не была уверена, понимает ли он меня, но я должна была знать.

— Ты изыскатель? — Думаю, я бы стала вытрясать из него ответ, если б он сам не проговорил медленно:

— Джорс Косгро, перворазведчик, 25-е подразделение, Сектор Аргол...

Только одна вещь сейчас имела для меня значение — Сектор Аргол. Если он с этого сектора, то, может быть, бывал на Дилане. Но зачем? Дилан есть на звездных картах уже больше ста лет. А разведчики отправлялись в далекие неисследованные края. Если только его не послали сюда по какому-то заданию и он оказался очень далеко от того места, где ему следовало бы быть.

— Я попала сюда с Дилана. Как ты попал сюда?

Если б он на это ответил, то, может быть, у меня появился бы ключ к возвращению. Его разговоры о ком-то из Народа, у кого, может быть, можно было выпытать, как нам вернуться, не много для меня значили. Мне нужны были только факты.

— Джорс Косгро, перворазведчик, 25-е подразделение, Сектор Аргол... — повторял он механически из последних сил.

Я наклонилась ближе.

— Джорс Косгро!

Он уставился на меня, и у меня сложилось впечатление,

что он вообще меня не видит. Обескураженная, я села на корточки. Может, это последствия ранения, а возможно, он изменился так сильно, что память о прошлом помутилась. Жаль, не было воды: может, если б брызнуть ему в лицо... Но что он там говорил? Ему нужна была еда, которую я несла. Я открыла сумку с припасами. У меня осталось три плитки шоколада и остальное — пачки вафель. И еще — тюбик ежевичного джема, который выдавливают на вафли, и еще мясной экстракт — его тоже выдавливают. Я выбрала мясо, как самое питательное.

И все же я не сразу решилась открыть колпачок. Ведь припасов было так мало. Надо быть осторожной, а то я не смогу остаться нормальной или помочь детям. Дети — они мой первоочередной долг. С другой стороны, этот чужак знал местные опасности. Он уже однажды спас меня и, может, поможет нам выбраться отсюда. Такими доводами убеждала я себя, и среди них был еще и тот, что не могла же я просто отвернуться от того, кто пришел ко мне вот так, от того, кто был со мной одной расы.

Я просунула руку под его косматую голову, немного приподняла его так, чтобы он облокотился о мое плечо, и, приложив конец тюбика к его полуоткрытым губам, выдавила в рот мягкую пасту. Я дала ему лишь немного, помня, что припасы нужно беречь.

Я видела, что он проглотил это, хотя, казалось, процесс этот был трудным и болезненным. Потом он шевельнулся, будто стремясь сесть; я помогла ему. Он так наклонился вперед, что мне подумалось — он упадет лицом на землю, но он держался за живот, а его рот дергался от боли.

— Не... важно... — Он извлекал слова из хриплых вдохов, изо всех сил стараясь сдержать проявление мучений. — Скоро... станет лучше...

Но мне те мгновения, которые он сражался в этой битве, показались очень долгими. Наконец он выпрямился. Волосы на его лице блестели от пота; он поднес руку отереть пот с глаз.

Потом он посмотрел на еду, и я быстро прикрыла ее рукой. Он съел, сколько дали, но не больше.

— Ты права. — Его голос звучал тверже. — Надо экономить. — Потом, с трудом повернув голову, указал на ветку: — Дай мне... нотус. — И снова в его голосе чувствовались сомнения; он смотрел на цветы почти с опаской.

Чего он хотел, я сказать не могла, разве что знала, какую перемену они произвели во мне. Может, он надеялся на такой же результат. Протягивая ему цветы, я наклонилась понюхать их.

А вот он резко отвернулся, будто запах, который для меня был таким бодрящим, казался ему омерзительным зловонием едких испарений.

Я видела, с каким напряжением он заставляет себя медленно повернуть голову, наклониться к ветке и глубоко вдохнуть. Он с шумом сделал вдох, закашлялся и почти сразу же отклонился от ветки. Его руки поднимались медленно, словно у человека, протягивающего пальцы к горящим углям, собравшего всю храбрость для испытания, во имя долга или воли.

И он взял ветку и держал ее, хотя его трясло и крутило, как под пыткой.

— Больше... не... могу... — На его губе, там, где, должно быть, зубы врезались в плоть, появилась капля темной крови. Он отбросил ветку и сел, ссутулившись, с таким безутешным видом, что я с волнением спросила:

— На что ты надеялся?

— Я зашел слишком далеко... После того как я потерял свои припасы, мне оставалось или есть их еду, или умереть с голоду, хотя я никогда бы не сдался! — Он сидел, уставившись на свое собственное тело, будто одновременно и презирал, и боялся того, что видел. Потом, наверное, ему удалось посмотреть на факты трезво и победить себя — его голова снова поднялась, он взглянул на меня, готовый принять то, что было здесь и сейчас.

— Нельзя идти вперед, глядя назад. — Может, это была цитата. — И для нас сейчас должно быть важно только движение вперед. Ты из старой расы Терры? — Перемена темы удивила меня.

И тут я рассмеялась, потому что вопрос был таким глупым.

— Да кто же из нас с Терры, когда даже ее месторасположение никто не знает? Мой отец был разведчиком. На Чалоксе он вступил в планетный брак, в результате чего я и появилась. Откуда мне знать, сколько сотен поколений связывает меня с Террой?

— Терра неизвестна? Но это невозможно! Ведь у меня на корабле ленты с Терры! Я только в четвертом поколении от Первого Корабля на Нордене.

Пришла моя очередь изумиться. Я никогда не встречала, даже среди тех дальних странников, которые время от времени бывали в жилище Лазка Волька, кого-нибудь, кто действительно вступал в контакты с Террой. Уже многие поколения она была легендой. Рассказывали, что ее уничтожили в какой-то галактической войне. Те, кого я знала, были либо межпланетными гибридами, как я, или могли проследить — и прослеживали с нескрываемой гордостью — свое родословное древо к Первому Кораблю. Но и этот корабль, в свою очередь, был с одной из перенаселенных внутренних планет, а не с Терры.

— Никогда не встречала никого, кто так или иначе контактировал бы с Террой. — Интересно, он говорит правду или почему-то старается произвести на меня впечатление?

— Неважно. Важно то, что на Терре есть очень древние легенды о месте, таком как это. — Его рука указала на то, что нас окружало. — Но тогда это было частью Терры.

Теперь я точно знала: он потерял рассудок — так измучен пребыванием здесь, что несет всякую чушь.

— Это же Дилан! — возразила я. Только вот в этом я не была так уж уверена. Это точно был не тот Дилан, который я знала.

Тот, кто называл себя Джорсом Косгро, покачал головой.

— Ты говоришь, ты попала сюда с Дилана. Я знаю, что попал сюда с неизвестной планеты, на которой приземлился. И у Терры есть легенды. Ленты на моем корабле — на них есть обо всем этом... Они рассказывают о Народе холмов, который живет под землей и старается заманить к себе смертных. Если отведать их еды или питья, становишься привязан к ним. Скарк — и о нем тоже есть легенды. На три-ди я даже видел похожую на него древнюю статую. А Шак — говорят, он скитался ночами по Терре, принося несчастья или смерть любому, кому попадался на глаза. Такие люди обладали странными силами разума, так что делали вещи, которые человечеству казались невозможными. Даже кольца безопасности — их тоже иногда видели на земле Терры. И считалось, что вступить в такой круг — это к несчастью, и к несчастью вдвойне — его так или иначе уничтожить.

Его слова звучали убедительно. По крайней мере, очевидно было, что он верил в то, что говорил. Но не может быть, чтобы это была Терра! Не может быть! Я так и сказала.

— Может, и не Терра, может, что-то другое. Может, это существование в другом пространственно-временном измерении, мир, не подчиняющийся законам природы, которые мы знаем; но время от времени он вступает в контакт с какой-нибудь нашей планетой, так что между ними возникает пространственная связь. Все легенды о Терре очень-очень древние. И действительно, они из того времени, когда планета была очень малонаселенной и человеческий род был невелик. Такие пересечения миров были в далеком прошлом. Так что, может, случилось так, что связь с этим миром разорвалась и он, или Терра, перешел в новое положение. И тогда, когда врата открылись, они открылись в новый мир.

— Но для чего они заманивают, переносят нас сюда? — Кое-что начало проясняться. — Бартаре... Она хотела приехать сюда — ее кто-то направлял. Но зачем она им понадобилась?

— Бартаре — это кто?

Я вкратце рассказала ему, почему и как здесь очутилась и что должна найти детей.

— Подменыш, — сказал он. — В одном из сказаний о Народе холмов им по какой-то причине время от времени была нужна новая кровь и приходилось черпать свежие силы у человечества. Они или переманивали взрослых, или обманным путем зазывали их в свои владения, или обменивались детьми с человечеством, когда те были еще очень маленькими, хотя, может, последнее сказание все-таки о чем-то другом. Ясно, что твоя Бартаре отлично знала, за чем охотится, и нашла это здесь. И если она их крови, а это вполне возможно... — он покачал головой, — не думаю, что она вернется добровольно.

— Добровольно или нет, она должна вернуться, — сказала я с решительностью; но в глубине души и сама не понимала, как эта решительность еще не угасла.

— Интересно... — начал он; и когда запнулся, я подсказала ему:

— Ты что-то знаешь... Где я могу ее найти?

— Возможно. Ее призывание — работа кого-то из Великих. Тебе придется пойти в один из их городов, чтобы выяснить это. А так как у них есть стража, тех, кого ты ищешь, предупредят о твоем приходе. И не недооценивай их, Килда с'Рин, ибо наш род зависит от работы человеческого ума и машин, которые выполняют наши приказы, а то, чем они обладают,

абсолютно чуждо нашему образу мышления и нашим силам, но здесь оно могущественнее.

— Но ты можешь показать мне... Отвести меня туда? — Я отмахнулась от предупреждения.

— Если пожелаешь. Кажется, у нас выбора особенно нет.

Что он, возможно, сказал бы дальше, узнать не удалось, потому что вдалеке мы услышали тот рев, который напугал меня и Оомарка. Но в этот раз не было способного спасти нас кольца. Мой спутник двинулся со скоростью большей, чем я могла от него ожидать. Он вскочил на ноги, глядя прямо в завесу тумана; его широкие плоские ноздри вбирали воздух, будто он по запаху определял, откуда исходит угроза.

Сначала он повернулся в сторону, откуда доносился звук. И в этот раз я не обманулась — он был ближе. Потом посмотрел направо и снова засопел.

— Там находится бегущая вода, — указал он, будто все это видел. — Если мы до нее доберемся, у нас есть шанс...

Почему вода означала безопасность — я не понимала. Но придется доверять тому, кто больше знал об этом мире. Так что я прикрепила сумку с припасами к поясу, а в руки взяла ветку и сумку с камнями.

Он указал на ветку.

— Это может им помешать. Каждый раз, как я скажу «здесь!», поворачивайся и мети ею по земле, где мы только что прошли. Собаки в замешательстве потеряют след.

И мы отправились в путь, прикрываемые туманной завесой. Каждый раз, когда он говорил «здесь!», я разворачивалась и подметала за нами землю. Время от времени мы слышали звуки рога и как в ответ звучит тявканье. Иногда он звучал ближе; и тогда сердце мое билось чаще, я чувствовала, как во мне поднимается холод страха. Потом, к счастью, звук снова отдалялся, хотя — не знаю, может, это была какая-то особенность тумана. Что я видела, так это то, что моя ветка, пережившая столь долгое использование после того, как ее оторвали от родного дерева, начинала обтрепываться, а цветы увядать. Так что я боялась, она скоро погибнет. Я поделилась своими опасениями с Косгро, но единственное, чем он меня утешил, это надеждой, что нам удастся найти другое серебристое дерево, — редкостью они не были.

— Мы уже ближе — слышишь?

Я слышала журчание воды. У наших ног лежала голая серая земля, на которой тускло мерцали белые камни. Косгро стал на одно колено и обеими ладонями зачерпнул с земли несколько таких камней. К моему удивлению, он стал внимательно изучать их, будто как раз сейчас было самое подходящее время поиграть в детскую игру. Отобрав девять из них, он махнул мне рукой. Мы оказались на берегу потока, не только быстрого, но и с мутной водой. Мне вовсе не улыбалось идти вброд.

— Вот. — Один за одним он брал камни, плевал на каждый и бубнил что-то таким низким голосом, что мне не было слышно. После такой обработки он бросал их в воду, первый рядом с берегом, потом каждый чуть дальше, будто так делал мост. Я вот-вот собиралась потребовать объяснений, как вдруг просто потеряла дар речи.

Разве могла я поверить свидетельству моих изумленных глаз? Из струящейся воды, как раз там, куда хлюпнули эти камешки, выросли белые плиты, построившись в выложенную из камней дорожку. Должно быть, это оптический обман.

— Вперед! — Он еще держал в руках три камушка, но другой рукой слегка подтолкнул меня, подчеркивая важность приказа. Ясно было, он собирался довериться плитам. Я, может быть, запротестовала бы, но тут снова зазвучал рог — слишком близко.

Так что я шагнула на ближайшую плиту в твердой уверенности, что у меня под ногами не окажется устойчивой поверхности и я шлепнусь в воду. Только вот под моими перевязанными ногами *была твердая опора.* Воодушевленная этим, я пробовала дальше и дальше. Сквозь туман мне не было видно другой берег потока, не знала я и насколько хватало мостика.

Я подошла к шестому камню — а вода все струилась передо мной. Косгро дышал мне в спину; он ненадолго задумался, прежде чем бросить седьмой камень, потом сказал:

— Жди здесь, пока я не смогу выяснить, близко ли нам до того берега.

Он прыгнул на седьмой камень и оттуда бросил восьмой. Теперь его закрывала пелена тумана, и я видела его очень расплывчато. Я ждала, вздрогнув от того, что струйка воды, ударившись о плиту, на которой я стояла, намочила мне ступни и ноги.

— Вперед. — Его крик звучал приглушенно, но мне подумалось, он зовет меня. Так что я прыгнула на седьмой, на восьмой и, наконец, на последний камень. Вода все еще расстилалась передо мной, слишком много воды. Но туман уже не скрывал Косгро: он стоял в воде по пояс, держась одной рукой за упавшее дерево, которое выглядывало из воды. Он жестом приказал мне прыгать, так, чтобы он смог до меня дотянуться.

Убедившись, что сумка с камнями и запасы еды надежно прикреплены к поясу, я выбросила перед собой то, что оставалось от ветки, освободив обе руки, и наконец прыгнула.

Течение было столь сильным, что меня бы сбило с ног, закрутило и затянуло под воду, если бы волосатая рука не схватила и не удержала меня. Кое-как мы оба бултыхались в воде и из последних сил выбрались на берег, после чего, еле дыша, стали приходить в себя.

И снова прозвучал рог, так близко, что, должно быть, он как раз был на другом берегу.

— Плиты — а они по ним...

— Смотри, — сказал он, что я и сделала.

Плит не было — а ведь по меньшей мере два из них я должна была увидеть.

— Это волшебство не длится долго, и, если я пожелаю, другие не смогут им воспользоваться. Есть кое-что полезное в том, чтобы шпионить за Народом, знаешь ли. Я таился, скрывался и шпионил за ними, как только мог, выслеживая, как они живут за пределами своей крепости — надеясь вызнать достаточно, чтобы устроить себе возвращение или заключить с кем-нибудь из них сделку. Они не особенно обращают на меня внимание — я ведь один из Между: не из Темных и не из их племени — так как я все-таки не подчинился их образу жизни. Единственное, на что я надеялся, это узнать, что удастся. Но, по крайней мере, хоть что-то из доставшегося мне с таким трудом сослужило нам в этот час хорошую службу.

Хотя мне до сих пор едва верилось, что он перевел нас через реку таким необычным способом, я не могла отрицать, что мы находились на другом берегу.

Рог снова позвучал — на этот раз дикой, угрожающей нотой. Я вскочила на ноги, готовая броситься бежать. Но Косгро, казалось, не торопился.

— Бегущая вода, — он указал на поток. — Она остановит Темных, пока они где-нибудь не найдут мост, по которому перейдут сюда. Так что на время они нам не угроза.

Глава 11

— Но мы же не останемся здесь! — Как бы далеко ни был этот мост, мне хотелось оказаться подальше отсюда, хотя и передвигаться в тумане тоже было не безопасно.

— Нет. — Он отряхнулся, подобно тому как отряхиваются от воды животные. Моя одежда плотно облепила тело. Впервые я затосковала о жаре, о возможности увидеть солнце и согреться в его лучах.

Я охотно предоставила ему возможность выбирать маршрут, у меня ведь ориентиров не было. В такой слепоте я могла просчитаться настолько, что вернулась бы обратно к реке. Он снова понюхал воздух, будто так мог учуять, куда следует идти. Потом сказал:

— Недалеко отсюда есть безопасное местечко Народа.

И быстро зашагал, словно ясно видел дорогу. Я поспешила догнать его и требовательно спросила:

— Откуда ты знаешь?

— А ты не чуешь?

Все, что я могла унюхать, — это аромат увядших цветов.

— В своих заклинаниях, чтобы заколдовывать и расколдовывать, Народ использует растения. От того места, где они растут, исходит тяжелый запах.

— Такой как этот? — Я дотронулась до запачканной ветки.

— Нет, это кое-что другое. Я не знаю, кто их посадил. Но Народ ими не пользуется. Оно из более ранних времен, может, от другой расы...

— Эти холмы, у которых они растут, — это когда-то был город или захоронение?

— Да, могло быть и то, и другое. Если кто и знает историю этого мира, то только Великие из Народа. А они ревностно охраняют свое знание. Между ними и Темными вечное соперничество. И еще соперничество между собой. И есть что-то еще... — Он остановился, будто не хотел продолжать.

Но я настаивала — ведь все, что я узнавала, каждый кусо-

чек, могло оказаться важным для возвращения в тот мир, который я знала.

— Что еще?

— Не думаю, что Народ — высшие существа, хотя, правда, пока что им удается держать Темных под контролем. Но я достаточно слышал, чтобы понять, что есть что-то, чего и *они* боятся и чему время от времени приносят жертвы, причем живыми существами, — и это еще одна из причин, по которой им приходится заманивать существ из других миров.

— Дети! — Неужели Бартаре призвали с этой целью? Если так, то тем более мне нужно найти их — и быстро.

— Не знаю. — Казалось, его это не слишком заботило.

Меня накрыла волна гнева, пока ее не иссушил здравый смысл. В конце-то концов, с чего бы ему переживать? Для него дети ничего не значили. И возможно, единственное, что привязывало его ко мне, — это еда, которую я несла. Только, если это именно так, почему он просто не стукнет меня и не заберет пищу? Я не сомневалась, что он был сильнее меня и дрался лучше и мог забрать припасы без особых усилий. И все же с самого начала он действовал просьбами, а не силой. Да, ну и загадкой он был, — и эта загадка продолжала меня изводить.

— Туман рассеивается.

Я слишком глубоко погрузилась в свои собственные мысли, чтобы заметить это, пока он не обратил внимание. Но теперь и я заметила: и правда, обзор расширился. Очень скоро мы подошли к дороге. Это была не просто тропинка из дерна, вроде тех, что вели к холмам, а настоящая, выложенная хорошо подогнанными друг к другу блоками. И некоторые из этих блоков светились таким же светлым сиянием, как и плиты, из которых мой спутник построил столь странный мост. Другие были красными, или желтыми, или даже черными. И хотя казалось, они были разбросаны наугад тут и там, не составляя различимого узора, все-таки можно было идти, наступая на плиты только одного цвета, — если не торопиться и смотреть внимательно.

— Подожди. — Рука Косгро поднялась передо мной, как преграда. — Это один из их путей переходов.

— Дорога, как я вижу...

— Не просто дорога. Она ведет не в одно место, а во много.

Не могу объяснить, потому что сам не знаю, как она работает. Но видел, как ею пользуются. И работает так — плиты разного цвета ведут в разные места. Если идти неосторожно, то она или не сработает, или приведет тебя туда, куда идти не хочешь, — ведь Темные тоже ею пользуются. Раз ты ищешь определенных людей, выбирай светящиеся плиты. Переступай только с одной такой плиты на другую и на каждом шагу держи в уме лицо того, кого хочешь увидеть. Сконцентрируйся на этом изо всех сил, и тогда она приведет тебя к нему.

— Но ведь детей двое — Оомарк и Бартаре.

Он пожал плечами:

— Наверное, тебе придется выбрать.

Выбрать? Бартаре была с загадочной Леди, которая привезла сюда ее — и нас. А раз она приехала по доброй воле, возможно, она была ограждена здесь от многих опасностей, как любой, кто здесь живет. Но Оомарк сбежал в неизвестность. И, подумав об охоте и о тех, кого я видела у холмов, я решила, что в конечном счете выбора-то у меня нет — только Оомарк; я так и сказала.

— Как скажешь. Ступай на светящиеся плиты и представляй его себе, каким он был, когда ты видела его в последний раз.

Я была удивлена, потому что говорил он так, словно его не интересовало, куда я пойду. Значит ли это, что здесь мы расстаемся? Я спросила об этом, и он издал звук, который, наверное, был резким смехом.

— Оставить тебя? Нет — пока ты носишь то, что для меня жизнь. Но одно место не хуже другого, если мы будем подальше от Темных. Я все еще лелею смутную надежду, что из нашей встречи может получиться кое-что еще. Однако раз в поисках ты, тебе и вести. Только возьми меня за руку, потому что у меня в голове нет картинки, так что мне придется полностью положиться на тебя.

На долю секунды я была склонна отказаться, освободиться от Джорса Косгро. Мои старые подозрения пробудились вновь. Но наконец я протянула руку, и он твердо сжал ее.

Если бы кто-нибудь видел, как мы шли по дороге, странную картину он бы узрел. Чтобы ступать только по светящимся плитам, я двигалась странным зигзагом, иногда вперед, иногда — если было нужно — назад. Я старалась изгнать из

своего мозга все, кроме Оомарка, каким я видела его в последний раз — убегающим от меня из-за того, что я держала ветку.

Моя возвратно-поступательная тропа увела нас от места, где мы впервые вступили на вымощенную дорогу. Теперь, когда туман рассеялся, я видела, что дорога резко обрывалась всего в нескольких метрах от того места, где я остановилась, чтобы изучить оставшиеся плиты. Пока что мы ничего не добились, и я уже собиралась отказаться от этой идеи и потребовать, чтобы Косгро поменял маршрут.

— Думай о мальчике! — Вполне возможно, он читал мои мысли и подстегивал меня снова сконцентрироваться.

И снова я послушно вызвала лицо Оомарка в памяти и прошла три последних шага по вымощенной дорожке, таща за собой Косгро, как на буксире. Потом, казалось, я побежала, но и земля подо мной тоже двигалась, так что мне пришлось прибавить скорости, чтобы удержаться на ногах. С обеих сторон что-то жужжало и расплывалось, будто от нашей скорости страна, по которой мы перемещались, затуманивалась.

Потом я упала, или, скорее, почувствовала, будто меня отшвырнули с движущейся дороги, так что я довольно сильно ударилась о какую-то твердую поверхность и пару секунд лежала, тяжело дыша, пока не смогла сесть и осмотреться. Я услышала стон и оглянулась.

Косгро лежал чуть поодаль; его руки прижимались к ране на груди, будто его скрутило от боли. Потом, напрягшись изо всех сил, он сел, так что мы сидели бок о бок, стараясь разглядеть, куда забросил нас это странный вид путешествия.

От места нашей посадки простиралась широкая полоса зеленого покатого склона. Луг был богат зеленью, но более темных колец на нем не было заметно. Зато были бледные цветы, белые и кремовые, и кусты, отяжеленные теми золотистыми ягодами, которыми так наслаждался Оомарк. И вокруг каждого куста собрались летающие и прыгающие существа.

Неподалеку передвигались существа побольше; они или угощались фруктовым изобилием, или лежали в траве. Оомарк? Может, это Оомарк? Или это? Или это?

С такого расстояния они для меня были почти одинаковыми. Все они ходили на раздвоенных копытах, были волосатыми и с рогами, как и мальчик. Только когда двое двигались рядом, можно было различить очень маленькую разницу в росте.

Я не могла отличить одного от другого. Если позвать — придет ли Оомарк?

Трое из них, похоже, играли, перекидывая друг другу предмет округлой формы. Другой ласкал маленькое животное, теребя и приглаживая его шерсть. Ни на одном не было клочков одежды, которые все еще носил Оомарк, когда покинул меня. Но помня, как легко он отбросил ботинки и верхний пиджак, я не могла рассчитывать, что он не выбросил и остальную свою одежду из другого мира.

— Отличишь его? — допытывался Косгро.

— Нет. Могу позвать.

— Нет! — Он не скрывал эмоций. — Мудро будет не привлекать больше внимания, чем нужно.

— Они... они ведь не Темные?

— Нет, они из Народа, но очень молодые. Все они страшные проказники и ничем тебе не помогут. Как раз наоборот. Так что лучше постарайся узнать мальчика потише.

— Но они все одинаковые! Разве что, кажется, некоторые чуть повыше других. Это все равно что ожидать, что я выберу одну песчинку из кучи песка. — Я сосчитала. Их было десять, и я не видела различий.

— Это, конечно, представляет собой проблему, — согласился Косгро. — Было ли что-нибудь, к чему он был очень привязан и о чем ты можешь заговорить сейчас, чтобы привлечь его внимание? Если есть, то мы можем подойти поближе. Тогда ты сможешь обронить нужное словцо и ждать реакции. Остальные постараются его спрятать, но, может, из-за твоей речи он как-то выдаст себя.

— Бартаре? Я могла бы заговорить о ней...

Косгро покачал головой:

— Она связана с событиями этого мира и в том, что касается тебя. И может, они о ней знают. И могут симулировать ответную реакцию, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Ты, похоже, много о них знаешь...

— Да. Когда я впервые попал сюда, именно они украли мою еду, когда я застрял в болотной трясине. Они отбежали, так что я не мог их догнать, и, разодрав мою сумку, разбросали все, что в ней было. Когда я все-таки выбрался, то шел за ними по следу, пока не узнал, что гнев привлекает Темных. И я открыл, что должен контролировать свои эмоции, чтобы

защищаться. Эти существа меняются каждую минуту, и поступки их тоже не бывают последовательными долго. Думаю, все они — дети, которых набирали из других миров и разных веков...

— Веков? Но ведь они не могли прожить так...

Он развернулся и смотрел мне прямо в лицо.

— Кроме убийств Темных, которые все же происходят время от времени, смерти здесь нет. В галактике есть расы, продолжительность жизни которых неизмеримо больше, чем моего вида, — к примеру, закатане. Но даже они знают смерть. Место, где нет естественной смерти, так никогда и не нашли, хотя оно и существует в легендах и мифах многих народов.

— Ты знаешь что-нибудь, что заинтересует Оомарка — ну, имя или что-то в этом роде? — Он вернул меня к более неотложным делам.

Я думала: имя его матери? Или отца? Не уверена. Может, какого-нибудь друга с Дилана? И тут меня осенило — Гриффи, из-за которого он был так потрясен!

— Могу попробовать...

— Времени у тебя будет немного, — прокомментировал он. — Они такую скорость могут показать, что, если убегут, мы не сможем найти их снова.

Можно было обойтись и без предупреждения, от которого я только еще больше занервничала. Теперь они смотрели на нас, и я боялась, что они развернутся и удерут. Поэтому стала действовать быстро, смотря в траву, будто ища в ней что-то; вытянув руку, я позвала:

— Гриффи, пошли! Гриффи! Гриффи!

Я не решалась поднять глаза и посмотреть, произвела ли я впечатление на группу передо мной. Вместо этого я добавила фразу, которая, я надеялась, станет кульминацией моего представления.

— Гриффи? Он *должен* быть где-то здесь! Помоги найти его — Гриффи!

— Гриффи! — В этот раз звала не я. Голос был моложе, резче. — Гриффи, сюда! Где... где же он?

Одна из этих копытных фигур отделилась от остальных и бросилась ко мне. Двое других рванули, будто чтобы помешать собрату. Но они сразу же свернули в сторону и бросились в стороны, как только Косгро поймал бежавшего ко мне, кото-

рый немедленно стал вырываться. Потом остальные сорвались с места и побежали. И неслись они с такой удивительной скоростью, что, конечно же, мне их никогда не догнать.

С некоторым напряжением Косгро справился со своим пленником. Тяжело дыша, он стоял, держа Оомарка, а копыта мальчика лягали и вскапывали землю.

Когда я подошла к ним, Оомарк пронзительно закричал:

— Пусти, пусти! Ты наврала! Гриффи здесь нет! Пусти! Я позову Бартаре! А она возьмет с собой Леди, и ты пожалеешь — так пожалеешь! — Он снова был маленьким мальчиком. В своей ярости он потерял ту необычность речи, которая пришла к нему вместе с переменами во внешности.

— Давай, Оомарк, зови Бартаре. Если ты ее позовешь, я только благодарна буду...

Он перестал бороться так резко, что у меня зародились подозрения. Я надеялась, что и у Косгро тоже и он не ослабит хватку.

— Ты не хочешь ее видеть. Она заставит тебя страшно пожалеть... Она и Леди... Они знают много вещей, от которых людям плохо. Вот увидишь!

— Я хочу увидеть Бартаре. И думаю, ты знаешь, где она. Ты говорил, что знаешь, — ты меня к ней вел.

— Там мне не место. А здесь свободный Народ — теперь они мои родичи. Пусти меня к ним. — Он стоял спокойно и теперь был готов скорее выпрашивать свободу, чем драться за нее. Только вот в его взгляде, который он не отводил от меня, мерцала хитрость, обещавшая, что нам же будет хуже, если мы ему поверим. Вся его компания, с которой он был, уже исчезла из виду.

— Оомарк, ты не из этого мира, — начала я, и Косгро покачал головой. Я подумала, он имеет в виду, что этим доводом мальчика не убедить. Конечно, нет, но, может, сработает гнев...

— Мне не верится, что ты действительно знаешь, где Бартаре. Ты только говорил так. Если б знал, ты б это доказал...

Если он откажется сотрудничать, я не знала, что нам делать. Может, мы и могли держать его пленником, но заставить его вести нас — нет. А если он и согласится вести нас добровольно, то откуда нам знать, ведет ли он нас правильно?

— Пожалеешь, пожалеешь!

— Очень хорошо. Пожалею. Но нам надо увидеться с Бартаре.

— Она с Леди. Мне не нравится Леди. Не хочу туда идти...

Возможно, его неприязнь к спутнице Бартаре из ее мечты была настолько сильной, что его невозможно убедить. Я могла только не оставлять попыток.

— Ты хочешь быть свободным и играть со своими друзьями. Отведи нас к Бартаре. Потом, если все еще захочешь, пойдешь к друзьям. А пока будешь с нами.

Наверное, в этом лохматом мальчике существовало еще достаточно того старого Оомарка, чтобы почувствовать вес авторитета взрослого, и по привычке он отозвался на него.

— Хорошо. В любом случае мне не придется беспокоиться о тебе — или о тебе — после того, как вас увидит Леди.

— Идем, — сказала я.

Оомарк усмехнулся:

— Мне же лучше. Увижу ваш конец. — И в его тоне было больше, чем просто детская угроза. Как раньше с Бартаре, я уловила, что он погрузился в знание, недоступное ни одному ребенку.

И снова эта чуждая его часть господствовала над человеческой.

Он оглядел Косгро — сверху вниз, справа налево.

— Можешь отпустить меня, Между, — сказал он приказным тоном. — Я не убегу от тебя. Желаешь, чтобы я поклялся Листом и Дерном?

Косгро отступил.

— Я принимаю твое обещание.

— Если вы все-таки идете, так пошли. — Начав путь, Оомарк сгорал от нетерпения, оглядываясь на нас обоих.

Мы последовали за ним. Он шел впереди, и нам пришлось разогнаться до его рыси. Когда мы проходили среди кустов, с которых свисали ягоды, послышался резкий шум. Куски мягкой земли, смешанные с раздавленными ягодами, полетели в нас словно ниоткуда, забрызгивая соком, — пока Оомарк не поднял руку и не прикрикнул на них. После этого все прекратилось, а его собратья, которые, наверное, планировали засаду, оставили нас в покое. Когда я разок обернулась, то увидела, что они не бросили Оомарка, а сбились в компактную группу и шли следом за нами.

В том, что мы продвигались к одной из величайших опасностей этого мира, я нисколько не сомневалась. И поведение Косгро ни в малейшей мере не смягчало моих дурных предчувствий. Он все время смотрел по сторонам, словно ожидая нападения. Друзья Оомарка так затаились в тылу, что наполовину растворились в тумане.

— Еще далеко? — спросила я наконец.

Оомарк одарил меня одним из своих хитрых взглядов.

— Далеко ли? Если вы не нужны Бартаре, это может быть в два раза дальше. — Бессмыслица для меня, казалось, оказалась вполне вразумительной для Косгро, потому что он сразу же резко остановился. Оомарк развернулся:

— Чего вы ждете? Вы хотите увидеться с Бартаре. Если хотите с ней увидеться, пошли!

— Только если поведешь нас не через долину, — возразил Косгро.

И снова я ничего не понимала. Но я не возражала: пусть спорит, раз уж заспорил.

Оомарк переминался с копыта на копыто в танце нетерпения.

— Я времени даром тратить не буду. Пошли — или отпускайте меня!

— Только не долиной.

Оомарк ответил на это вспышкой ярости:

— Да что ты знаешь о дорогах? Туда, обратно, долиной, напрямую? Ты один из Между! Ты ничтожнее, чем то, что здесь закопано! — Его копыто ковырнуло ком земли, который, отлетев, попал Косгро по колену. — Между! — Оомарк загикал, превратив это слово оскорблением.

— Только не долиной, — в третий раз сказал Косгро, тихим и невозмутимым тоном. В нем звучал авторитет того, кто привык, что ему повинуются, и ожидает, что его снова беспрекословно послушаются. Голова Оомарка поникла, будто он не в силах был дольше выдерживать пристальный взгляд другого. Он подбросил еще один комок земли, но если он и задумывал попасть им в Косгро, то промахнулся.

— Хорошо! — закричал он наконец. — Поведу вас окольным путем!

— Так-то лучше. — И снова спокойный ответ Косгро возымел свое действие. Я видела, что эта его победа вернула

Оомарка ближе к его человеческой сущности. А с Оомаркомальчиком нам было легче справиться.

Он подошел и протянул одну руку Косгро, который взялся за нее, а Косгро взял мою руку. Когда мы были связаны таким образом, Оомарк пошел дальше. Но в этот раз он не шел рысью напрямую, как в прошлый раз, а скорее вилял туда-сюда в траве, доходившей до щиколотки. Это напомнило мне, как я шла с плиты на плиту по дороге, которая, казалось бы, никуда не вела. Здесь не было узора, по которому можно было бы идти.

Так и мы преодолевали этот изнуряющий путь, который, казалось, не вел нас к цели, а был какой-то бессмысленной игрой. И все-таки, раз Оомарк согласился на это только под давлением Косгро, я знала — это было важно.

Я так была занята, наблюдая за извилистыми перемещениями этих двоих, что обращала мало внимания на что-либо еще. Но через некоторое время увидела, что трава становится не такой густой. Появились длинные полоски серебристого песка, усыпанные крапинками огня, хотя крапинки были зелеными, а не красными. Они становились все гуще и гуще, пока песок не стал пылью драгоценных камней.

Когда травы уже больше не было — только этот драгоценный песок, — из тумана стали выступать высокие предметы. Сначала мне подумалось, что это были гигантские деревья, потом я разглядела, что это были колонны из ограненного кристалла, молочно-белые или прохладно зеленые. Это были башни, украшенные резьбой. То есть такими они казались, когда мы были еще прилично далеко от них. Но чем ближе мы подходили, чем меньше они такими выглядели; вместо них показались просто огромные обветшалые колонны. А все-таки вдалеке неизменно маячил облик башен, башен и башен.

Совсем вблизи иллюзия исчезала, и у подножия этих колонн было множество извивающихся дорожек. И, пытаясь пройти по ним, путник терялся, чувствовал себя ничтожным.

Даже здесь Оомарк не шел прямо, а вилял по одной из этих дорожек из стороны в сторону. Дважды он сделал полный круг, будто начиная заново. И все-таки каким-то образом вел нас глубже в лабиринт. Мне становилось все страшнее — я ду-

мала, что мы можем наткнуться на нечто подобное тому, что я встретила в холмах. Наверное, холмы тоже когда-то были такими, только колонны разрушились.

Впечатление, что это был город, продолжало нарастать; правда, это был город без единого жителя на улице, без единой головы, высунутой из окна, без единого намека, что кроме нас здесь двигалось еще что-то живое.

Во мне все возрастало желание крикнуть, узнать, одни ли мы здесь. Но царила наводящая ужас тишина. И единственное, что я слышала, это шепот Оомарка: может, он повторял слова монотонного песнопения. Наверное, так он и делал с того самого момента, как начал этот странный метод продвижения вперед. Я просто не заметила этого раньше.

Он остановился, да так резко, что Косгро налетел на него, а я, в свою очередь, на широкое плечо своего спутника. Перед нами был город, по бокам — колонны, и больше ничего. Оомарк снова усмехался — той неприятной, недетской гримасой, которая родилась не от доброй воли.

— Тут стена, — сообщил он.

Ничего такого я не видела. Косгро отпустил меня, хотя продолжал держать Оомарка, и вытянул вперед руку. Очевидно было, что его пальцы ткнулись в невидимую поверхность. Он провел рукой вверх и вниз, исследуя ее.

Оомарк попытался освободиться.

— Тут стена, — повторил он. — Путь туда, путь обратно не может вас провести. Я сделал все, что мог. Отпустите меня!

— Мы не дошли до Бартаре, — заметила я.

Он бросил в мою сторону сердитый взгляд, не скрывая враждебности.

— Не получится. Я не из Великих. Я не могу пройти через это.

— Да, не можешь, — согласился Косгро. Я была в смятении, не только потому, что он согласился, но и потому, что вдруг осознала, что то, что я должна была делать, стало зависеть от него, может даже, слишком сильно — почти угрожающе.

— Мы не можем, но, наверное, может она. — Косгро чуть пододвинулся, так, чтобы я стала прямо перед невидимой преградой. — Попробуй нотус.

Глава 12

Я посмотрела на ветку. Теперь она увядала быстро, цветы желтели и засыхали, а аромат был уже не таким сильным. Но когда я сняла ее с пояса, Оомарк весь съежился.

— Нет! — Думаю, он попытался бы убежать, только вот Косгро не отпускал его.

— Прикоснись к стене, — приказал мне он, удерживая мальчика.

Я почувствовала, что мои пальцы коснулись гладкой поверхности. Она была теплой; и когда мои пальцы скользили по ней, их покалывало, будто там струился поток энергии.

Потом я протянула вперед ветку. Взрыв света, треск. Как короткое замыкание энергии.

— Да, — кивнул Косгро. — Я так и думал. Вот почему они боятся нотуса — он уничтожает творения их силы. А поскольку они вырабатывают энергию из самих себя, сейчас это может отрикошетить и по ним. Ну, пошли дальше.

Ни того ни другого Оомарк не хотел. Он перестал брыкаться и вырываться, но свесил голову и отказался отвечать на вопросы, которые задавал Косгро.

— А мы не можем просто пойти прямо? — нетерпеливо спросила я.

— Думаю, нет. Это одно из тех мест, где перекрещивается слишком много их иллюзий. Если только... — Косгро снова посмотрел на ветку. Она вся ссохлась, и, когда я ею пошевелила, стала рассыпаться серыми хлопьями пепла.

— Цветы остались? — спросил он.

Я внимательно ее рассмотрела. В самом центре было шесть цветов — увядших, но целых.

— Дай мне три. Сама возьми остальные, — сказал он. — Потри ими глаза.

Я испытывала сомнения. Зрение очень ценно. У меня не было ни малейшего желания подвергать свое опасности: я слишком хорошо помнила, как блуждала в стране геометрических фигур.

— Если хочешь найти здесь дорогу, — настал его черед проявить нетерпение, — это твой единственный шанс. Говорю тебе, их иллюзии слишком хорошо держатся. Мы можем запутаться и остаться в ней пленниками.

Он верил в то, что говорил, — это я знала. Медленно подняла сморщенные цветы, закрыла глаза и потерла веки помятыми лепестками. Держа их у самого лица, я еще могла учуять их аромат, который, как обычно, навевал ощущение здоровья.

Я открыла глаза.

Колонн-башен вокруг меня не было. Я судорожно вдохнула: казалось, я вернулась туда, к холмам, где подкрадывались чудовища. Меня окружали груды обвалившихся кирпичей, покрытых дерном и ежевикой, а дорога, которая прямо вела нас вперед, была только узенькой тропинкой, извивающейся между этими развалинами.

— Что ты видишь? — резко спросил Косгро.

Я глянула на него и быстро отвернулась — все поплыло перед глазами, голова закружилась. Знакомая мне волосатая фигура колыхалась, выглядела то так, то эдак, и я уже ни в чем не была уверена. Кого я видела: неясную фигуру человека — в дымке, расплывчатую? Или волосатое существо? Или даже — мгновениями — огромный пурпурный треугольник?

— Нет! — В отчаянии я протянула руку, в неистовой надежде, что, может быть, он снова примет устойчивую твердую форму.

— Что ты видишь? — снова спросил он.

— Тебя... ты ... весь двигаешься. Кто... кто ты?

— Да не меня! — Голос исходил от этого сбивающего с толку водоворота форм, которые выплывали одна из-за другой. — Что ты видишь вокруг?

— Холмы... руины... — Я принялась осматривать то, что, казалось, было реальным и не двигалось.

— Дорогу?

— Узенькую тропинку...

— Тогда веди нас по ней — и не оглядывайся!

Я рада была повиноваться. Только когда я смотрела только вперед, мне становилось спокойнее, и паника, наполнившая меня, когда я смотрела, что случилось с Косгро, начала отступать.

— Что *ты* видишь? — спросила я.

— То же, что и раньше. Я ведь не использовал нотус — пока еще...

Наверное, он был прав. Не будь у нас двойного... тройного

зрения — моего, его и Оомарка, вместе взятого — это могло бы привести к беде.

— Мальчик с тобой?

— Да. Что впереди?

Я точно не знала, зачем ему эта информация, но предоставила ее, насколько позволяли мои способности, описывая осыпающиеся холмы. Но один так походил на другой, что почти невозможно было выбрать ориентир. Однако тропинка была утоптана, так что, похоже, ею пользовались часто. На ней были следы, как от копыт, и другие, вполне походившие на отпечаток ноги в ботинке. Я все время описывала Косгро то, что видела, но он не задавал больше вопросов.

Оказалось, этот лабиринт холмов простирается на большое расстояние. Наконец Косгро нарушил молчание:

— Что впереди?

— Кроме холмов — ничего.

— А вот мы видим, что башни возвышаются ближе. Думаю, мы, наверное, приближаемся к сердцу этого места.

Его слова сработали словно ключ, повернутый в замочной скважине, — я уловила перемену: тропинка немного изогнулась, а затем перед нами предстало сооружение, которое менее пострадало от течения времени. Его стены не были покрыты зеленью. Кирпичи стен были голыми, а тропинка, которой мы шли, вела через массивные открытые ворота в стене. Если бы за воротами было темно, не думаю, что я бы так охотно вошла. Но за ней струился свет, ярче, чем все, что я видела в этом погруженном в туман мире.

Итак, мы вошли в место, которое, должно быть, было сердцем этой страны. Крыши над нами не было. Над стенами через определенные промежутки были кольца из серебряного металла, а на них держались светящиеся шары. Они были не мощнее, чем свет заурядной луны на какой-либо планете, но все вместе давали ощутимое сияние. Мы стояли на мостовой, сродни той дороге, пользоваться которой научил меня Косгро. Она была сделана из плит разных цветов — серебряных, зеленых, кристальных. Но черных или красных — как и на той дороге — не было.

Мостовая представляла собой квадрат перед платформой, поднимавшейся над ней на две ступеньки. Она вся была из кристалла и излучала свой собственный мягкий свет, а так-

же слабый туман, который — у четырех углов — поднимался вверх прядями дыма, будто там жгли костры.

На платформе, у ее центра, дымка собиралась и развеивалась, потом собиралась снова, образовывая смутно расплывчатые фигуры, которые вновь исчезали, появлялись и меняли форму. Можно было безотрывно смотреть на то угасание и поток, и...

— Килда! — Меня дернули за руку и повернули; в голосе Косгро я услышала такую настойчивость, что быстро осознала, что он рядом. Предупреждений тоже больше не надо было. Это было место, в котором ни на миг не следовало терять бдительность.

Но если его окрик и вывел меня шоком из зачарованного полусна, он вызвал еще и перемену в покачивающемся тумане. Тот стал уплотняться и принимать конкретные очертания.

— Бартаре! — Я видела ее впервые с того момента, как мы покинули долину звенящих камней. Она тоже изменилась.

Ее волосы стали намного длиннее; они закрывали ее до талии, как плащ, пока она не откинула их назад. Лицо похудело, и от этого глаза казались больше. Она стояла, прижав руку к подбородку, теребя пальцами нижнюю губу, наблюдая за нами с видом человека, который должен принять важное решение. У нее был устрашающе уверенный вид.

Она улыбнулась, будто читала мысли и знала, что моя неуверенность возрастает, ибо она уже не была ребенком, перед которым я могла отстаивать тусклую тень авторитета, который у меня некогда был.

— Все-таки пришла, Килда с'Рин, несмотря на все предупреждения, — сказала она. Ее голос остался высоким и легким, голосом ребенка, но она не была больше человеческим ребенком. — И зачем? Что собираешься сделать, Килда? Вырвать нас обратно в этот маленький, ничтожный мирок, в котором я была никем, ничем? Думаешь, я пойду — или Оомарк — теперь, когда он познал, что значит быть одним из Народа? Не он ли хотел быть свободным? Мы вырвались из оков, которые ваша раса сделала для нас. Да, это тело было из вашего мира... — Она провела рукой от груди к бедру. — Но дух, обитающий в нем, вернулся домой! И теперь тело становится для него подходящим вместилищем. Мы не можем вернуться — и не хотим!

Она отошла от центра платформы и теперь стояла перед нами, глядя вниз, поигрывая длинными кончиками волос. И все-таки в ней что-то осталось от человека, которым она была, точно так же, как это то тут, то там проглядывало на поверхность в Оомарке, и я видела, что она наслаждается своей убежденностью, что полностью держит все под контролем.

— Мы свободны! — повторила она. — И ты не можешь снова отнять у нас свободу, Килда.

Бартаре была в центре нашего плана. И если нам и суждено было вернуться в наш мир, то через нее.

— Свободна ли ты, Бартаре? — Я с осторожностью подбирала слова. — Кто же стоит за тобой — вон там? — Я указала на плотную колонну клубящегося тумана, все еще занимающего центральное место на платформе.

Ее полуулыбка увяла, и она подошла ближе.

— Не смей называть меня Бартаре. Я не Бартаре. Я та, кем мне суждено было стать. Ты не можешь управлять мной, называя этим именем.

— А если ты не Бартаре, то кто же ты? — Я заметила, что она ускользнула от моего вопроса о том, кто еще присутствует на платформе.

И тут она засмеялась.

— Нет, так не поймаешь меня, Килда. Ты не сможешь называть меня по имени. Я свободна от любых уз. Понимаешь, Килда, — я свободна!

— Я в это не верю, — равнодушно и смело возразила я.

Она уставилась на меня, затем впервые оглянулась назад, в туман. Когда она снова обратила на меня внимание, то еще раз засмеялась, хотя и не так уверенно. Наверное, использование нотуса усилило мою интуицию, потому что мне удалось учуять ее беспокойство.

— Спроси у *нее,* — я указала на туман, — свободна ли ты.

Мне казалось, там должна быть эта Леди. И от моих слов в тумане стало что-то меняться. Он поплотнел и потемнел. Наконец он превратился в фигуру, выше, чем любая человеческая, и все же человекоподобную; в женщину — по моим догадкам — величественную, повергающую в трепет. Ее черные волосы волнами ниспадали до земли и, как у Бартаре, были откинуты назад, а голову обрамляла серебряная лента с белыми камнями. Еще больше белых камней и серебра широким

ожерельем обрамляли зеленое платье, ниспадая узкой полоской по груди до пояса. Зеленый цвет ее наряда был тем оттенком зеленого, который так нравился Бартаре и в нашем мире; он реял вокруг нее, будто она была одета не в ткань, а в некую живую субстанцию, ласкающую ее тело. Как и у Бартаре, ее черные брови складывались в полоску над глазами, а черты лица составляли пугающую холодную красоту.

Я видела ее такой всего мгновение — достаточно долго, чтобы навсегда запечатлеть ее в памяти. Потом, как было и с Косгро, она замерцала и стала меняться в одно, а потом в другое и в третье. И перемены эти происходили так быстро, что на меня накатила тошнота, и все же я не могла отвести взгляд.

И снова Косгро спас меня от ловушки иллюзии — если то была иллюзия. Он резко окликнул меня по имени. Я вздрогнула — и вырвалась из оков, которыми ее глаза сковали меня, и снова перевела взгляд на Бартаре.

— Спроси у нее, — сказала я. — Пусть она скажет, что ты свободна.

— Мне не нужно спрашивать. — Голос Бартаре стал весомее от гордости. — Я ее расы, ее духовная дочь! Я подменыш! Знаешь, что это значит, Килда? Когда-то люди вашего вида хорошо это знали. Я из тех, кого отправляют к людям, чтобы изучить их образ жизни и принести с собой в этот мир кое-что от них. Теперь она дала мне право показать истинную себя, себя как одну из Народа, — и тем самым доказать тебе, что я не из тех, с кем можно не считаться. Думаешь, я ребенок, Килда, и буду делать то то́, то это, как ты говоришь? Я играла в эту игру, пока была вынуждена, чтобы получить возможность добраться до врат. Но ребенок в этом мире, ребенок из Народа, — не из тех, кому ты можешь отдавать приказания.

Потому что ты... потому что ты... — Она испытывала колебания, повторяясь. И снова оглянулась. Но я решительно отвела глаза и не смотрела в том направлении. Что бы она ни собиралась сказать — она передумала. Вместо этого она махнула рукой.

— Узри, вот Народ и те, кто с ним. Они идут, чтобы увидеть, как я докажу свое право стоять здесь — с этим!

Неожиданно у нее в руках появился меч с узким клинком — не могу сказать, откуда она его взяла, — меч не из металла, а вырезанный из дерева, срубленного только что, так

что оно было еще чисто белым. Используя его как указку, она водила им из стороны в сторону, обращая наше внимание на то, что мы уже были не одни возле платформы. Подошли другие и тихо наблюдали.

И действительно, странное это было сборище. Были такие, как Оомарк, может, даже из той самой группы, что следила за нами. Были женщины, стройные, с густыми зелеными волосами, развевающимися вперед-назад на голове; их кожа отливала коричневым, а носили они легкую одежду из листьев. Были мужчины и женщины гуманоидного вида, еще более человекоподобные, и все были с черными волосами и носили зеленое. И были и другие, прекрасные и безобразные; то тут, то там проглядывало лицо или голова, такие абсурдные, что, казалось, они были из ночного кошмара. Они собирались вокруг с трех сторон платформы, но только мы трое стояли лицом к Бартаре.

— Ты осталась Между, Кильда, как и это фыркающее чудовище, что пришаркало сюда по твоему приказу. А Оомарк... — Ее глаза обратились на брата, скрючившегося у моих ног. Одной рукой он держался за мои бриджи и опустил голову, не отрывая взгляда от земли.

— Да, Оомарк... Я перед ним в долгу, ибо он помог открыть врата, хотя сделал это, потому что я так велела, а не оттого, что хотел оказать мне помощь. Но сейчас он прилип к тебе, Килда...

Я опустила руку на кудряшки, теперь покрывающие голову мальчика.

У меня выскочили слова, которые я не имела намерения произнести:

— Потому что он еще не полностью утратил то, чем когда-то был.

— Да? Что ж, раз он сделал свой выбор, то и пребывать ему в выбранной судьбе. Отныне троих вас подчиню я нашим целям, и на этот раз вы послужите данью Темным. Вы станете засовом на тех вратах, через которые вынесло слишком много истинной крови. Силами, данными мне...

— Килда, — это был Косгро. — Дай руку! Дай, но не смотри на меня. Лучше смотри туда!

Его слова как указательный палец развернули мой взгляд направо. Там на земле валялись те два или три цветочка ноту-

са, которые я ему отдала. Они были желтыми и увядшими, но хорошо заметными.

Его рука накрыла мою с такой силой, что можно было закричать от боли, если бы я не осознавала слишком хорошо и кое-что другое: в нем была такая сила, ибо то была сила не только физическая, но и духовная. Что-то во мне отвечало на эту мощь и тянулось к ней. Я уже не смогла, даже если бы захотела, оторвать глаз от двух этих цветов. Оомарк сжался рядом со мной, обхватив мои ноги, пряча лицо.

— Положи руку на то, что осталось от ветки. — И снова приказ Косгро каким-то наитием направил меня к этим обломкам палок, цветов и листьев. Оставшиеся кусочки рассыпались, но мои ладони и пальцы поймали и старательно удержали их.

Я лишь смутно осознавала монотонное песнопение детского голоса Бартаре. Слова были странными. Я попыталась закрыть уши, понимая, что, слушая, только укрепила бы сети иллюзии, которые она плела.

Итак, я смотрела только на помятые цветы. А в стальных тисках руки Косгро прочла усилие, державшее его в напряжении, усилие, в которое он вкладывал всю свою энергию.

Потом цветы поплыли у меня перед глазами, так же, как чуть раньше Косгро и женщина, которая была не женщиной. Здесь больше не было цветов — были лазеры, очень похожие на те, что я много раз видела в своем собственном мире.

Косгро резко отпустил мою руку. Я видела, как он наклонился взять это оружие другого мира. Один лазер он взял в руку, которая уже не приняла бы никакой другой формы. Второй он дал — прикладом вперед — мне. И я схватилась за него, хотя никогда не держала в руках ничего подобного.

— Остановить ее! — Он сделал — или это показалось? — выстрел в Бартаре. Но мне в голову пришла другая мысль, и я стала перед ним у подножия платформы, а затем швырнула пепел мертвых цветов прямо в лицо девочке. И некоторые попали в цель. Остальные рассыпались в облако мелких частиц, и казалось, их было намного больше, чем та маленькая пригоршенка, которую я бросила.

Она страшно закричала. Меч-указка выпал у нее из рук, ударился о край платформы и раскололась на части. Бартаре раскачивалась из стороны в сторону; ее пальцы царапали

лицо. Шатаясь, она прошла шаг или два прямо на меня и наклонилась — одна ее рука все еще защищала глаза, — будто на ощупь, за сломавшимся мечом. Но вместо этого она упала прямо ко мне в руки, и я быстро подхватила ее.

Над ней неистово кружилась эта колонна тумана, и я отвела от нее свой пристальный взгляд. Все еще держа девочку, обмякшую у меня в руках, — бремя тяжелее, чем то, которое я смогла бы выносить заметное время, — я начала пятиться. Она не сопротивлялась. И за это я была благодарна. Начни она бороться, заставить ее я бы не смогла.

— Назад! — Это был Косгро. Он отгородил меня от других. Теперь его фигура вернула свою неизменность — он опять превратился в волосатого гуманоида, каким всегда был. Но держал лазер наготове.

Толпа продолжала глазеть на нас в полной тишине. Никто не сделал и шага в нашу сторону. Я поверить не могла, что удача улыбается нам так долго. Они что, так и отпустят нас с Бартаре?

С того момента как я отцепила от себя Оомарка, чтобы напасть на Бартаре, он так и сидел, вжавшись в землю. И тут он пополз на четвереньках, будто ему не хватало сил встать на копыта. Я всей душой хотела помочь ему, но двух детей сразу мне было не дотащить.

В воздухе что-то стало двигаться. Вихрь с платформы метнул на нас длинную летящую полосу зеленого. Я видела, как ее насквозь прорезала яркая вспышка лазера. И отрезанная часть упала на вымощенный участок. Но она не замерла — наоборот, как живое зло, извивалась и тянулась к нам.

Косгро снова выстрелил и расщепил ее надвое. Теперь обе части по-змеиному двигались к нам. И тем не менее никто из собравшихся не шелохнулся. Их лица ничего не выражали. Может, наша ссора с существом на платформе — из-за чего бы она ни была — их не касалась. И за их любопытствующий нейтралитет я была им признательна, но твердо полагаться на его постоянство мы не могли.

Теперь мы были в арке прохода в стене. И, казалось, кроме этих ползающих зеленых лент, ничто нам не мешает просто уйти без боя — если только снаружи нас не ждет другая опасность.

Но за стеной были только холмы... Холмы? Нет! Из-за таю-

щих холмов излучали свой свет кристальные шпили. То ясновидение, которое дал мне нотус, проходило. Я громко вскрикнула.

— Что? — быстро переспросил Косгро.

— Я снова вижу башни.

— Да, было время — нам везло, но, наверное, время это закончилось.

Я поняла, что он имел в виду. Если я не вижу все как есть, то не смогу вывести нас обратно. Но если не могла я... а Оомарк? Он снова был возле и вцепился в меня мертвой хваткой затравленного человеческого ребенка, хотя и с внешностью покрытого шерстью существа. Бартаре все еще была без сознания.

— Я не смогу нести ее долго...

— Хорошо, дай я понесу. — Косгро взял ее с моих ноющих рук и перекинул через свое крепкое плечо, левой рукой поправляя ее для равновесия. В правой руке он все еще держал лазер.

Я поставила Оомарка на ноги. Он шел, не сопротивляясь моей хватке. Оставив тыл на усмотрение Косгро, я развернула мальчика лицом к дороге, которая, казалось, шла прямо между стройными линиями башен.

— Оомарк, ты должен провести нас!

Я посмотрела на ладонь, в которой держала пылинки нотуса. Там от нее оставалось еще немного тонкой пелены. Могло помочь — потому я протерла глаза.

И тут я увидела мельтешащий мир — одно видение сменяло другое. Мне понадобилась вся моя сила воли, вся целеустремленность, чтобы все-таки не закрыть глаза от этой тошнотворной суеты сменяющихся видов. Одной рукой я за плечо направляла Оомарка к дороге, которую видела только время от времени. Он пошел, глядя прямо перед собой, будто у него не было своей воли и он шел только под моим руководством.

Я достаточно замечала, чтобы вовремя использовать свой лазер. Зеленое нечто вилось у нас под ногами, пытаясь опутать их, а второе выскочило из-за холма. И оба раза, что я в них стреляла, они распадались на части, но не погибали, а, извиваясь, устремлялись за нами.

— Идут за нами? — спросила я Косгро.

— Нет.

Какая-то часть моего мозга этому удивилась. Но я полностью переключилась на дорогу.

Мы поворачивали, следуя тропе, а вокруг нас холмы превращались в башни, а башни в холмы. Но башни становились все более отчетливыми, и я догадалась, что действие пыли заканчивается.

Однако Оомарк все шел и шел, даже когда я видела одни миражи, и нам пришлось возложить на него все наши надежды на спасение. С того момента как мы прошли невидимый барьер входа, он не издал ни звука, и мне казалось, что он двигается в состоянии транса.

Шли ли мы той дорогой, которой пришли, я не знала. Стремление освободиться от этого места было столь велико, что я побежала бы, если б могла. Но нельзя было заставить Оомарка ускорить шаг, да и Косгро не смог бы угнаться за ним, неся на себе Бартаре.

Потом, в какой-то момент, у меня из рук исчез лазер. Я услышала, как Косгро вскрикнул, и догадалась, что и его оружие тоже пропало. Как и другие дары нотуса, оружие нам только на время одолжили. Но, по крайней мере, с их помощью мы смогли начать выбираться отсюда. Теперь я с опаской оглядывалась по сторонам, боясь увидеть в засаде одну из этих зеленых лент.

Казалось, этот переход длится вечно. Я холодела от страха. И все-таки именно чувства как кнут гнали меня вперед. А Оомарк вышагивал так решительно, что я держалась за надежду, что он приведет нас к свободе. И в конце концов так и случилось — он вывел нас на открытую местность.

Я бросилась на колени и притянула его к себе, от благодарности сжимая его в объятьях. Потом посмотрела на Косгро.

— Нам удалось — мы спасены!

Глава 13

Он покачал лохматой головой:

— До этого еще далеко. Вообще-то, мы сейчас еще в большей опасности.

Тон у него был такой, что я вся похолодела, будто ледяной ветер бичом клубился вокруг меня.

— Но мы же вышли из города, — запротестовала я.

Он поправил Бартаре на плече.

— Разве ты не помнишь, что она сказала о принесении нас в жертву Темным?

— И что это значит?

— Если то, что я думаю, — то это серьезно. Народ здесь не главные, хоть и хвастаются, что это так. Две стороны ведут вражду в этом мире. И Темные собирают пошлину. Я слышал — ходят слухи, — что даже Великие из Народа платят дань, чтобы сохранить то, чем они правят. И думаю, дань — это мы.

— Если... если нам удастся вернуться...

— Да, наша единственная надежда — это возвращение в наш мир. И эти дети однажды уже открыли врата. Надо лелеять хоть и слабую, но надежду, что у них нам удастся научиться, как вернуться. Но мы не должны задерживаться здесь.

— Тогда где же?

— Там, где нет ни темных, ни светлых, каких знают эти люди — на дикой земле.

— А такая есть? — Мне казалось, что наши шансы стремительно уменьшаются.

— Есть такие места — на них растет нотус. Они неподвластны никому.

— Где нам такое найти?

— Вот в этом-то и дело. Точно не знаю. Но если идти дальше — это хоть небольшая, но защита. Если мы задержимся в любом другом месте, то можем стать добычей темных либо светлых.

Я еле сдерживалась, чтобы не закричать от гнева и ярости. Он разбил все мои надежды — и немного дал взамен. Вслепую брести по этому потустороннему миру, думалось мне, это план безумца.

Наверное, он прочел мои мысли, потому что в тот момент сказал:

— Я говорю тебе правду; ведь скрывать худшее — это, возможно, значит плести другую сеть ловушек для себя самих. За нами будут охотиться так, как, наверное, здесь еще ни за кем не охотились, и, кроме как на самих себя, нам не на кого положиться. Но чем быстрее мы отсюда уйдем, тем лучше.

Он даже не посмотрел, иду ли я за ним. Поправив Бартаре на плече, он направился в туман. Не видя других вариантов,

я взяла Оомарка за руку и пошла вслед. К моему облегчению, мальчик не вырывал руку и не отказывался идти за мной, хотя шел все еще словно в остолбенении.

Мы снова пересекли полосу изумрудного песка и добрались до дерна. Но туман не спадал, и я не могла понять, как Косгро может точно знать, что мы не бродим по кругу, который в конечном счете приведет нас назад к тому самому месту, от которого мы бежали. Он не бежал; напротив, шел таким шагом, что Оомарк и я легко за ним поспевали. Теперь, когда мы избавились от невыносимого гнета страха и стресса, я почувствовала, что хочу есть, и поняла, что нам не протянуть долго без пищи и отдыха.

Ровная поросль дерна стала время от времени прорываться кустами. Наконец, Оомарк вырвался от меня и кинулся к одному кусту, сгибавшемуся под тяжестью золотистых ягод. Когда я побежала было за ним, Косгро остановил меня.

— Пусть. Он все равно съест, попытаешься ты удержать его от этой еды или нет. Мы должны экономить еду другого мира для нас самих.

Это прозвучало так бессердечно, что я развернулось к нему в гневе и изумлении. Без сомнения, он прочел это на моем лице.

— Дети все равно не станут сейчас есть твои припасы. Пытаться заставить их — это все равно что выбросить эту еду, потому что их организмы не примут сейчас этой пищи. А вот нам нужна сила, которую мы от нее получаем. А если мы сдадимся и станем есть местную еду, то убьем в себе тех, кем всегда были. Ты этого хочешь, Килда?

Возможно, логика в том, что он говорил, была. Но я бунтовала против нее, как, наверное, Оомарк бунтовал бы против пищи, которой я хотела его накормить. Косгро положил Бартаре на траву и присел на корточки рядом с ней. Я раздумывала. Мне хотелось пойти к Оомарку, который быстро срывал ягоды с веток, забрызгивался их соком, запихивая плоды в рот.

Только вот глядя, как он ест, я поняла, что Косгро прав. Мне не удалось бы сдержать мальчика. И Косгро бы мне явно не помог. Так что я села и наклонилась над Бартаре, в первый раз задумавшись об ее состоянии; лежала она очень тихо.

Я положила на нее руку: ее сердце ровно билось, и со стороны могло показаться, что она спокойно спит.

— Бартаре! — Я взялась рукой за ее плечо. Пальцы Косгро сжали мое запястье, оттаскивая его.

— Лучше оставь ее так. Если она проснется, то, может быть, не захочет пойти с нами, а мы не сможем с ней бороться.

— Но... что с ней?

— Она в шоке из-за нотуса. Я видел, такое случалось. Это ненадолго. Но в этой стране все люди и другие существа страшатся отсутствия сознания, потому что тогда то, что они ненавидят, может подкрасться к ним и незаметно напасть.

Мне пришлось принять его слова; хотя мысленно я сердилась на себя за то, что так сильно завишу от этого незнакомца. Однако его логика снова оказалась убедительной, потому что, если Бартаре настроена враждебно (а у нас были все основания полагать, что так оно и есть), тогда действительно она могла замедлить наше продвижение вперед.

— Нам нужна еда. — Косгро бесцеремонно перебил мой ход мысли.

И снова я немного удивилась его сдержанности. Он уже давно мог силой забрать у меня еду, даже бросив меня здесь на волю случая. Но ведь он этого не сделал — он просил, а не отбирал. Только это и давало мне уверенность в том, что на него можно положиться.

Я открыла сумку и обвела взглядом жалкие остатки припасов. Вафлю пополам? Или разломать на две части плитку шоколада?

Но он продолжал:

— Надо поесть больше, чем раньше...

— Нет! — Я обеими руками накрыла свой запас. — Осталось так мало — надолго не хватит!

— Это правда. Но и нас тоже надолго не хватит, если мы не получим силу, которую она дает нам. А сейчас нам нужна вся наша сила.

Я все еще колебалась. И с завистью смотрела на Оомарка. Иметь еду под рукой и отказывать в ней умирающему от голода организму было вдвойне мучительно. Сколько же осталось времени, пока и нам придется есть то, что растет здесь?

— Нам нужна сила, чтобы идти дальше, — повторил Косгро.

Когда я вынимала из упаковки две вафли, протягивая одну из них ему, моя рука дрожала мелкой дрожью. Он съел вафлю;

я тоже. И каждый кусочек мы смаковали как можно дольше. И, чтобы больше не соблазняться, я снова скатала сумку и прикрепила ее к поясу.

Вернулся Оомарк, вытирая липкие руки о бока, облизывая языком подбородок там, где тек сок. Он взглянул на Бартаре, потом на меня и встревожился; та самая хитрость снова заблестела у него в глазах.

— Она нужна Леди. Она придет за ней, — заметил он.

Его убежденность произвела на меня такой эффект, что я обернулась вполоборота, ожидая, что беда у меня за спиной.

— Что будет, то будет. — Косгро встал и наклонился, чтобы взять Бартаре. — Лучше пойдем-ка дальше...

— Куда? — спросил Оомарк. — Мы же станем мясом для охотников, когда вновь придет туман.

Косгро посмотрел на мальчика так пристально, будто выискивал в нем ответ на незаданный вопрос. И потом спросил, разговаривая с Оомарком, как с равным:

— А где бы ты укрылся от охотников?

Я думала, Оомарк удивится. Но теперь в его личике просвечивало больше человеческого.

— Есть только одно место — если сможем его найти.

Косгро кивнул. Они оба знали что-то особенное, не допуская к этому меня. Для меня это было нестерпимо.

— Если вы знаете — оба знаете, — то где?

— Там, где растет нотус, — обронил Оомарк, все еще глядя на Косгро.

— Но я думала... — Я вспомнила, как он удирал от меня, когда я подняла ветку, будто то, что у меня в руках, несет смерть.

— Там безопасно — от Темных и от Леди. — Но я видела, что его всего затрясло, будто такая безопасность дорого обойдется.

— Безопасно, — повторил Косгро таким тоном, что я невольно подумала о даваемом обещании. Поскольку они так вот отгораживались от меня, мое раздражение все росло, и теперь я потребовала уже во весь голос, будто стараясь растрясти их спаянность: — Где нам его найти? Это близко?

— Мы будем искать, — ответил Косгро. — И надеемся, что нам улыбнется удача, как бы мало ни осталось ее для нас в этом мире. Мы можем учуять его...

Он развернулся, будто собрался иди куда-то. Я потянулась за рукой Оомарка — может быть, мы пойдем, как и раньше, — но он выскользнул и выбежал чуть вперед Косгро. Раз уж, оказалось, они верили в то, что только запах может привести нас к безопасности, я тоже начала втягивать полные легкие воздуха в поисках этого аромата.

Хотя мы с трудом брели вперед, я не замечала ничего, что было бы нам в помощь. Нетерпение и горечь все росли. Я была уверена, что это дурацкие поиски — уж слишком сильно они зависели от воли случая, — и все же ничего не могла предложить вместо этого.

Теперь дерн попадался клочьями, а над зеленью возвышалась одинокая скала. Она была серой, и на ней из-за тумана образовались следы ручейков стекающей жидкости, о которых я жадно замечталась, проводя языком по сухим губам и все больше и больше вспоминая прекрасный вкус воды.

Затем, как из-под вуали, перед нами начала вырисовываться скала, не такая как предыдущая: в далеком-далеком прошлом ее сделали руками. Природе бы такое не удалось. Она была как пьедестал, квадратная. И внизу у подножья, вырезанные так глубоко, что читались несмотря на впадинки и полоски, оставленные эрозией, — буквы. Язык был мне незнаком; я не видела ничего подобного даже в собрании галактических мертвых языков Лазка Волька. С левой от нас стороны колонны была вырезана фигура. На ее лице нельзя было разобрать черт — если они вообще когда-либо были. Осталась только округлость головы и протяженность гуманоидного тела, хотя и с расправленными крыльями.

Вырезана она была немного наклоненной вперед, взирающей вниз себе под ноги, на подножие колонны. Там росла высокая темная трава, такая, как и та, что обрамляла кольца безопасности.

Косгро остановился. Одной рукой он указал на траву:

— Проводник, если сработает для нас.

— Проводник... но как? — Я не закончила, потому что он перебил меня.

— Сорви травы, Килда, и побольше.

Хотя и не понимая зачем, я подошла к подножию колонны, схватила рукой охапку травы и что есть силы потянула, чтобы вырвать ее из земли. Но она не поддавалась. Наоборот — упря-

мые листики порезали мне руки; я отпустила ее и вскрикнула от удивления.

— Не так! — подбежал Оомарк. — Ты не бери — ты проси. И если воля благоволит к нам, то все получится.

Он оттолкнул меня плечом в сторону и взглянул в размытую голову-шар.

— Дай руку. — Он не стал дожидаться, пока я подниму руку, — он схватил ее сам. Я и слова против не успела сказать, как он провел открытой ладонью, где из порезов сочилась кровь, по вырезанной из камня груди.

— Оплачено кровью, — закричал он. — Оплачено кровью. Теперь отплати добротой, по старой сделке, — пусть будет так, как мы просим.

Это произвело на меня такое впечатление, что я почти ждала, что голова-шар откроет рот, заговорит, согласится или откажет. Но ничего такого не произошло. А Оомарк, ослабив хватку, выпустил мою руку и дал ей ускользнуть от скалы, на которой остались темные пятна.

— Теперь тяни, — велел он мне.

Я нянчилась со своей рукой:

— У меня порезы — так что давай ты.

— Не могу. Ты заплатила цену, не я. Если сделка и совершена, то только с тобой.

Он не стал объяснять, только отступил на шаг, предоставив действовать мне. И снова я схватила траву, на этот раз другой рукой.

— Нет! — Оомарк снова остановил меня. — Правой рукой, а то сделка недействительна.

Сжав порезанными пальцами траву, я вздрогнула. На этот раз я не стала резко дергать ее, а постаралась вытягивать медленнее. После долгих усилий она уступила. Корни не были прямыми и ветвистыми; скорее, вся охапка, которую я выдернула, росла из одного сучковатого и толстого клубня, который вышел из земли с пронзительным писком протеста. Я села на корточки, ожидая, что скажет Косгро: что он захочет сделать с этим богатством?

— У него есть свое могущество. Если где-нибудь поблизости растет нотус, он укажет дорогу. Держи его не очень крепко, так, чтобы только не выронить из рук. В дороге он покажет, куда нам.

Так как все это было частью незнакомого мне мира, я не возражала. Я поднялась на ноги и, пока мы шли, держала охапку травы с одеревенелым сильно изогнутым корнем подальше от себя.

— Скоро сгустится туман. — Оомарк шел между нами, словно у него были все основания искать защиты. И он был прав. Уже начал наступать тот период, когда путь будет слишком скрыт от нас, чтобы идти по нему.

Но в этот самый момент пучок травы и корень в моей руке повернулись направо. И хотя я боролась против этого, он упрямо поворачивался именно в этом направлении. Я обратила на это внимание своих спутников и услышала в ответ вздох облегчения от Косгро.

— Туман сгущается... — Оомарк дергал его за один из клочков униформы, все еще облеплявших тело Косгро. — Нельзя идти дальше.

— Думаю, выбора нет, — ответил второй.

Я видела, что сейчас он еще сильнее горбится под весом Бартаре и прижимает одну руку к болтающейся на груди повязке, будто его беспокоит рана.

— Нотус может быть не так близко, — возразил Оомарк.

— Стой где стоишь, — сказал мне Косгро. Потом протянул руку к корню, проверяя его на твердость, быстро отдернул пальцы и потер их о бедро.

— Думаю, ждать не имеет смысла. В любом случае рискнуть придется. Здесь вообще никакого укрытия нет.

Мы как раз пришли к месту со множеством камней, и оно мне ни в малейшей степени не нравилось. Организовать здесь засаду было бы делом нетрудным, и мое воображение расставляло врага за каждым камнем, мимо которого мы проходили. Может, Оомарк и предпочел бы здесь спрятаться, но в моих глазах это место не сулило безопасности.

Когда я обходила эти булыжники, корень травы у меня в руке раскачивался и менял направление. А идти приходилось медленно, потому что земля была очень ненадежной: камушки, перекатывающиеся под ногами, да места, где легко было споткнуться.

Во время таких переходов повязки, которыми я обвязывала ноги, быстро изнашивались, и я знала, что если не обновлю их скоро, идти придется босиком — а я так боялась этого состоя-

ния! Так что время от времени я летела вперед с безрассудной скоростью, пока глухое предупреждение Косгро не замедляло меня.

Туман уже почти полностью сгустился, и от этого мы шли еще медленнее. В этот раз мы не слышали никаких звуков рога. И первый намек о близкой угрозе донес до нас воздух своим кисло-зловонным дыханием, достаточно сильным, чтобы я заткнула рот.

А Косгро втянул глубокий вдох миазмов. Он остановился, так же как и я, и теперь обеими руками поправлял положение своего живого груза. Я видела лицо Бартаре, ее закрытые глаза, ее медленное ровное дыхание.

К сожалению, корень указывал прямо на источник этого зловония. Я оперлась о камень и взглянула на Косгро. Знал ли он, что там впереди? Что это? Осмелимся ли мы встретиться с этим лицом к лицу?

Наверное, он вычислял перевес сил. Дважды он шумно глубоко вдохнул. Оомарк припал к земле между нами, снова ища защиты, которую мы могли дать этому маленькому существу.

Наконец Косгро пожал плечами:

— Выбора у нас нет. Раньше или позже оно нас обнаружит, даже если мы замрем здесь. Но тогда у нас не останется шансов спастись.

— Что это?

— Один из падучих червей, я думаю. Но это не так уж важно — все Темные так или иначе воняют. Это одно из предостережений, которые есть у Народа; кажется, Темные обычно не знают, что так выдают себя тем, на кого охотятся. Идем же...

Я хотела отказаться, остаться на месте: камень у меня под рукой казался мне сейчас якорем безопасности. Но, как обычно, мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться высшему знанию.

Все еще держа указующий корень, я протиснулась между камней и пошла дальше. Отвратительный запах становился сильнее. И хотя я что было сил напрягала слух, но не слышала, чтобы кто-то двигался. Моя рука протянулась к тяжелой сумке с камнями, которую я все еще несла, взяв на ремень. Смогу ли я ее применить, если вдруг передо мной появится какое-нибудь чудовище? Я высвободила ее, чтобы в любой момент замахнуться.

Крайне неприятная вонь гниения мучила мое обоняние. Хотелось кашлять, но я не посмела. Оомарк обеими руками зажал нос и дышал через рот.

В тумане что-то закружило. Теперь стало ясно, что там что-то движется. Пальцы сжали мое плечо. Меня резко бросили к высокому камню. Потом Бартаре втолкнули мне в руки, и Косгро неровным движением разжал мою хватку вокруг сумки с камнями. Он пошел впереди нас, размахивая ею, будто проверяя вес и силу это убогого оружия. Оомарк плелся за мной.

У движения в темноте была какая-то темная сердцевина. Но туман опустился так плотно, что увидеть, что там ползло, можно было только с очень близкого расстояния. Мне не нужны были предупреждения от других, чтобы замереть в неподвижности; как бы я хотела умерить биение своего сердца, звук своего дыхания. Мне казалось, и то, и другое было сигналами, которые влекут на нас это нечто.

Темное сгущение в тумане становилось все более и более определенным. Оно приблизилось к краю завесы. Потом прорвался узкий темный клин, нацеленный в Косгро, как острие копья, и на секунду или две мне подумалось: вот оно.

А затем оно стало хорошо видно: кольцеобразной формы, и передвигалось сокращениями и расширениями между гребнями хряща. Глаз, носа, рта я различить не могла — не видела ничего, кроме черной плоти.

Оно неподвижно застыло на мгновение или два, потом метнулось к Косгро. Он обрушил сумку сбоку на его конусообразную голову с такой силой, что снес этот конус к камню слева, размазав его между камнями в сумке и неподатливо твердой поверхностью.

Звука не было; была струя вязкого липкого вещества. Потом дикими рывками на нас обрушилась вся масса этого ужасного тела, извиваясь и, похоже, молотя хлыстом. Косгро наносил удар за ударом, хотя не так удачно, как самый первый. Дважды оно с сокрушительной силой обхватывало его своим гибким телом. И все же, в то время как его разбитая голова висела безжизненно, Косгро снова вырывался на свободу.

Я ничем не могла ему помочь, только боялась за него. Это существо было, наверное, в три раза выше его, а в длину еще больше и, казалось, переносило его удары, нисколько не пострадав.

В основном Косгро бил в его голову. Раз или два, когда он попадал в тиски захвата, я думала, что это конец. И я видела, что он уже изнемогал. Если первым же ударом он нанес чудовищу смертельный удар — то долго же оно умирало!

Дважды, когда его обвивали кольца, он по-прежнему старался бить в голову. Наконец голова упала на землю и лежала без движения, хотя вся остальная часть твари сворачивалась и разворачивалась кольцом. Он повернулся и посмотрел на меня. И в его взгляде было что-то такое, отчего я бросила Бартаре у стены и стала неистово оглядываться в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Только камни! Я засунула корень-проводник в перед пиджака и схватила один, такой тяжелый, что поднять его до колен я смогла только обеими руками. Схватив его, я кое-как доплелась и опустила свой груз на извивающееся тело червя. Он неуклюже шлепнулся, поскольку времени целиться у меня не было. Должно быть, по удачному стечению обстоятельств, камень попал на чувствительное место, потому что кольца, все еще державшие Косгро, конвульсивно дернулись и ослабили хватку, так что он успел высвободиться и отпрыгнуть на безопасное расстояние до того, как они снова сжались.

Поспешив ко мне, он кое-как ухватил и оттащил меня назад как раз вовремя, потому что конвульсии стали бешеными. Червь дико колотил землю и камни, будто кнутом, в преддверии бесславного конца своего бренного существования. Сквозь град этих неистовых ударов я слышала, как Косгро тяжело дышал.

— Нам... надо... подняться... — Он подталкивал меня назад к детям. Потом, весь забрызганный кровью существа, излучая его отвратительную вонь, он остановился, чтобы поднять девочку.

— Наверх! — Его глаза блестели, будто самой силой этого слова он мог поднять нас всех.

Я последовала за Оомарком, который уже карабкался вверх по скале, стараясь найти какую-то опору для пальцев... или копыта, чтобы взобраться дальше. В конце я приподняла мальчика, чтобы ему удалось ухватиться за край верхней площадки. Потом — и сама толком не знаю, как это осилила, — я оказалась рядом с ним.

Там наверху было несколько выступов, расположенных

гигантской лестницей, и Оомарк уже выискивал путь на следующий. Я развернулась и помогла поднять Бартаре, которую Косгро поддерживал снизу.

Остаток этой дикой альпинистской прогулки остался смутным пятном в моей памяти. То, что она нам удалась, было такой же невероятной удачей, как и первый удар Косгро в битве. Но то сражение полностью лишило его сил. Он попытался, даже с моей помощью, поднять Бартаре на плечо — и не смог. Так что мы кое-как тащили ее вдвоем, пока не добрались до местечка намного выше, чем то, где нам встретился червь.

Внизу — теперь уже в дымке тумана — еще слышны были непрекращающиеся усилия этого существа. Казалось, оно было очень даже живым. И Косгро сказал в перерывах между судорожными вдохами, которые, казалось, причиняли ему боль:

— Надо... идти... дальше... Услышат... придут... охотники...

И мы продолжили взбираться, едва держась на ногах, хватаясь друг за друга и неся с собой Бартаре, которая продолжала спать, словно лежала в своей постели, и во мне пробудилось желание шлепками по лицу разбудить ее, но я сдержала этот приступ озлобления.

Наконец Косгро свалился в изнеможении, полусидя, полулежа, на выступе, достаточно широком, чтобы мы все могли на нем расположиться. Ничего не было видно — ни внизу, ни вверху, ни даже вдаль. Казалось, он, тяжело дыша, был доволен передышкой. А я — в ненамного лучшем состоянии — свернулась калачиком рядом с ним. Оомарк сжался рядом, в пределах видимости, поворачивая голову направо и налево, будто напряженно вслушиваясь.

Глава 14

Конвульсии червя были как удаленный барабанный бой. Но теперь стали слышны и другие звуки. Этот мир, который при сгущении тумана всегда был таким тихим, вдруг стал оживленным, хотя, я не сомневалась, все эти звуки исходили снизу, не угрожая нашей безопасности. Я не могла определить, что их издавало, да и не хотела.

Оомарк пересел ближе.

— Пришел первый, маленький, а теперь побольше. Скоро они закончат червя, и потом могут пойти за нами.

— Действительно, — согласился Косгро. — Нам пора двигаться дальше. — Он взглянул на Бартаре и еще раз осторожно прикоснулся к повязке.

— Твоя рана... ею надо заняться.

— Позже. Сейчас у нас нет времени, — сказал он с серьезным видом. — Но я уже не смогу нести ее долго.

— А еще далеко? — резко спросил Оомарк. — Посмотри на корень, Килда. Далеко?

Я забыла о нашем удивительном проводнике. Теперь я его снова достала.

Оказавшись у меня в руке, он указал в том же направлении, куда уходил далее выступ, на котором мы пристроились. Косгро прикоснулся к нему кончиками пальцев.

— Достаточно твердо. Мы не очень далеко. Пока смогу, понесу ее.

Будто ему придало сил то, что он прочел по корню, он поднялся и позволил мне помочь поднять Бартаре и перекинуть ее через плечо, как раньше. И мы снова пошли, вдоль выступа. Мне не надо было напоминать об осторожности. Я слишком хорошо слышала звуки, доносящиеся снизу. Несложно было догадаться, что будет, случись нам привлечь внимание тех, кто там пировал. Нам чрезвычайно повезло при встрече с падучим червем. Второй раз удача так широко нам не улыбнется.

Выступ становился все уже и уже, и я задумалась, как нам взобраться выше на этот крутой склон или спуститься по нему. Учитывая, что Бартаре была безжизненным грузом, вряд ли мы бы это осилили.

Но удача все же улыбнулась еще раз, потому что, когда выступ все-таки закончился, мы оказались перед рядом уступов, похожих на ступеньки очень крупной лестницы, ведущей вверх, по которым мы могли взбираться.

Это была ужасно тяжелая дорога, и на вершине мы снова рухнули на землю, шумно и тяжело дыша. На этой высоте корень у меня в руке повернулся, указав вниз под углом; это говорило о том, что мы были выше убежища, на которое так надеялись. Таким плотным был туман вокруг, что я боялась, не упадет ли кто-нибудь из нас, или все мы, с какого-нибудь невидимого обрыва, продвигаясь в этой непроглядной дымке.

— Вниз, да? — Косгро пристроил поудобнее Бартаре, глядя на корень. — Но если нам по этой дороге, мы по ней идти не можем — пока что.

Он вздохнул, как человек, приложивший столько усилий ради такой незначительной цели.

— Кроме того, — продолжил он через секунду, за которую я успела осознать, насколько велика была опасность, — есть еще и проблема еды...

Еда! Я крепко сжала узел. Но не могла отрицать, что хотела есть. Едва ли мой сильный голод утолило то подобие еды, которую мы разделили около ягодного куста. Если я едва не теряла сознание при одной мысли о пище, то насколько хуже, должно быть, это было для Косгро, который не только нес Бартаре, но и потратил столько сил, сражаясь с падучим червем.

Я неохотно развернула припасы и снова похолодела, когда увидела, как мало их осталось. Как только они закончатся, у нас пропадет последняя надежда остаться самими собой.

Я намазала вафли протеиновым маслом и взяла себе порцию поменьше. К большей части, для Косгро, я добавила шоколадный кубик. Он не постеснялся принять большую порцию: такого разделения требовал здравый смысл.

Тщательно прожевывая вафлю, я быстро завернула еду обратно, спрятав ее с глаз долой и подальше от искушения. Потом начала перевязывать ноги. На это нужно было пожертвовать еще частью пиджака.

Взглянув на них, я содрогнулась — такими чуждыми они стали. Пальцы стали ненормально большими — как... как корни! Корнеобразные ступни, кожа, затвердевшая, как кора, зеленые волосы — я не вскрикнула, но зажала рот рукой и старалась поскорее обмотать ноги, ни о чем не думая.

Допустим, я повиновалась бы импульсу, который подталкивал меня отбросить в сторону обмотки и вкопаться в почву пальцами — корнями? Стала бы я от этого кустом, деревом, чем-то закрепленным в этом мире на все времена? Нужно следить, чтобы этого не произошло, чтобы я не позволила пальцам дотронуться до земли.

Оомарк ходил туда-сюда. Теперь начал притопывать по камню.

— Нам надо идти! Внизу много Темных, идет еще больше!

Косгро снова вздохнул:

— Он прав. При сгущении тумана они охотятся больше всего. Червя им не хватит.

Я подняла корень, надеясь, что он как-нибудь изменил сигнал. Но он все так же указывал вниз.

— Куда нам идти? Если вслед за этим, то надо возвращаться.

— А этого мы не можем! — Косгро скрестил руки на груди. — Будем двигаться на этом уровне как можно дольше — и надеяться на какой-нибудь маленький подарок судьбы.

И он снова понес Бартаре. Но теперь мы еле ползли и часто останавливались передохнуть. Корень в моей руке неожиданно поменял направление. Я остановилась, чтобы показать своим спутникам его перемещение обратно.

— Мы прошли это место.

Косгро положил девочку. Вместе мы стали на колени и очень медленно и осторожно поползли налево, надеясь наткнуться на кромку обрыва и таким образом выяснить, что внизу. И тут, подобно тому как вонь от падучего червя была предупреждением, так сейчас освежающий аромат нотуса стал обещанием надежды. Косгро воскликнул; щель его рта вытянулась в гротескную пародию человеческой улыбки.

— В этот раз мне не становится от него плохо!

— От чего?

— От запаха нотуса! Я уже выношу его. — Он стукнул большим волосатым кулаком по камню. — Неужели не понимаешь? Еда помогла! Я теперь в меньшей степени часть этого мира. Нотус не отпугивает меня!

Мне понятно было его возбуждение: такое же испытала я, когда моя кожа размягчилась после того, как я подобрала ту первую ветку. Мы лежали рядом, плечом к плечу, стараясь разглядеть внизу край скалы. Но туман был таким густым, что мы ничего не могли разглядеть. Деревья, которые мы искали, были, может быть, очень далеко, а может быть, очень близко, но, так или иначе, скрыты от нас.

Как мои пальцы-корни черпали из почвы своеобразную энергию, так сейчас этот аромат давал мне другую. Голод, щемящей болью терзавший мне живот, исчез. Я почувствовала умиротворение; почувствовала, будто для меня нет ничего невозможного, что я распоряжаюсь судьбой, а она подчиняется моей воле.

— Кажется, спускаться не так уж и трудно, — сказала я. Та часть скалы, которую мы видели, была изломана и изрыта, предлагая опору для руки и ноги.

— Там, где мы видим, да, — согласился Косгро, но добавил: — Бояться-то надо того, что нам не видно. Если бы у нас была веревка, что-то, что помогало бы спускаться, мы бы могли...

Неужели он собирается сдаться? С изумлением я выпрямилась и села.

— Но ведь мы же должны спуститься!

— Согласен. Но как, по-твоему?

Секунда здравого размышления — и я поняла, что он прав. Трое из нас легко могли это сделать. Но с Бартаре у нас не было шанса — не было для всех нас. И вот я стояла перед единственно возможным решением. Только я могла обращаться с нотусом, не испытывая дискомфорта. То, что даже одна ветка была настоящим подспорьем, было уже проверено. И это подспорье нужно нам, чтобы выжить. Значит, я должна спуститься, взять свежую ветку и вернуться с ней.

Я так и сказала и приготовилась услышать возражения от Косгро. Он долго молчал, и потом сказал:

— Полагаю, это единственно возможный план.

— Ты как-то не очень уверен.

— Ничего не могу поделать, это так. Мы не знаем, что там внизу, не знаем даже, можно ли карабкаться по скале вниз там, где мы ее не видим. Спускаться в неизвестное опасно, а ты в наименьшей степени подготовлена к встрече с такими опасностями.

— По запаху можно сказать, что там, должно быть, не одно дерево нотуса в цвету. И сколько опасностей этого мира могут к такому приблизиться? Или я ошибаюсь, думая, что это средство от многих местных недугов?

— Нет. И — ты права, ты одна можешь с ним справиться. Я только могу сказать: будь начеку и береги себя, как только можешь.

После того через, что мы прошли, такие предостережения были излишни. Я еще раз проверила обмотки на ногах, чтобы убедиться в их надежности. И прежде, чем соскользнуть с края вниз, я сделала еще кое-что. Я вручила ему сумку с продуктами, тем самым выказав ему самое большое доверие, на какое

была способна. Он не потянулся к ней; скорее, пронизывающе посмотрел на меня и сказал — слова его были ясными и резкими:

— Если ожидаешь неудачи, лучше не ходи. В самом воздухе будет витать что-то, что притягивает и увеличивает неуверенность, накликивая судьбу, которой можно было бы избежать.

Я делано засмеялась, надеясь скрыть, как его слова меня потрясли.

— Так ты что же, думаешь, я предвижу свою гибель? Ошибаешься. Просто не хочу, чтобы сумка мне мешалась. Теперь я делаю тебе исключительно важное ответное предупреждение — может быть, наши жизни зависят от этого узелка.

Он кивнул:

— Думаешь, я этого еще не понял? Уж поверь, он будет хорошо охраняться.

Опускаясь через край, я не оглянулась назад, а направила все свое внимание на каменную стену со множеством полезных для меня трещин. Хоть и туго перевязанные, мои ноги были более гибкими и лучше выискивали впадины и выступы, чем если бы они были в ботинках. Но я пробиралась очень медленно, тщательно проверяя каждый выступ, прежде чем опереться на него.

Весь мой мир сузился до этой полоски стены, влажной из-за густого тумана. Секрет заключался в том — быстро обнаружила я, — чтобы жить только настоящим моментом. Так что я цеплялась и выискивала опору, цеплялась и выискивала, и каждый раз, меняя положение, отыгрывала еще кусочек пути. Запах нотуса становился все сильнее, подбадривая меня, когда я решалась подумать о нем — поверить, что дерево или деревья не могли быть слишком далеко.

Наконец моя нога коснулась поверхности и замерла; все еще оставаясь лицом к стене, не решаясь развернуться, я соскользнула одной, а потом другой ногой вниз и провела вперед-назад, чтобы окончательно убедиться, что мне есть на чем стоять. Держась одной рукой за стену, я очень медленно развернулась.

У меня под ногами был твердый камень, ровная поверхность, уходящая в туман. И на краю видимого пространства — зеленый обод дерна. Я в нерешительности задержалась на месте, потому что не была уверена, смогу ли вернуться сюда же

без ориентиров. Но нотус не мог быть очень далеко, а нерешительность ничего не решала.

Я начала вслух считать шаги, надеясь, что так у меня будет хоть какой-то ключ к дороге обратно. Так я дошла до дерна, мягкого и пружинящего под ногами. Здесь я наклонилась и вырвала охапку упругой травы, несмотря на ее сопротивление, чтобы оставить ориентир. И так я шла вперед, оставляя за собой отметки каждые пять шагов.

Так я дошла до первых деревьев нотуса. Их было больше чем одно — по сути, маленькая рощица. И я стояла, дыша полной грудью, ликуя от пьянящего чувства благополучия и здоровья.

Цветы висели толстыми гроздьями, но были не чисто белыми, как на той моей ветке. Некоторые были с золотистым обрамлением по краям. А другие отрывались и плавно слетали на землю, где на дерне их уже порядком набралось.

Я осторожно подошла к ближайшему дереву и подняла глаза, решив выбрать самую свежую ветку, потому что, казалось, цветы уже миновали пик цветения и приближались к концу своего жизненного пути.

Сделав выбор, я подняла руки отломить ветку с дерева. Но когда мои пальцы дотронулись до нее, она сама отвелась подальше, будто дерево догадалось, что я собираюсь сделать, и оказывало мне сопротивление. От этого я отпрыгнула назад, — мне в голову пришла странная мысль, что оно может хлестнуть меня в отместку.

Был ли это такой же случай, как с пучком травы? Должна ли я внести в ответ какую-нибудь странную плату? Я оглядела порезы на руке. Они все еще болели, но кровь уже не шла. Я глубоко вдохнула и подошла к стволу дерева, приложив порезанную и грязную руку к сияющей серебристой поверхности.

Я не знаю, почему сделала именно это, но почему-то казалось, что так правильно. Я заговорила с нотусом, будто с равным существом, к которому можно было обратиться за помощью, если бы оно могло понять, как нам эта помощь нужна. Я просила у дерева то, что оно само мне даст, сказав, что не предприму попыток взять то, в чем мне откажут; теперь я вспомнила, что первую ветку отнесло ко мне ветром и что я не срывала ее.

Надо мной шелестели листья-ленточки и кивали охапки цветов. Это движение не было вызвано ветром, оно передавалось следующему дереву, и следующему, становясь все громче и громче.

Надо мной разразился шквал падающих, уже увядающих цветов, которые отрывались от дерева, будто их бросили. Они попадали мне в волосы, в складки пиджака, липли к рукам и плечам, будто у лепестков было клейкое покрытие.

У меня над головой что-то резко раскололось. Когда я отклонилась назад, чтобы посмотреть, что случилось, все еще не отрывая рук от ствола, прямо мне в руки с необъяснимой точностью упала ветка. По форме как буква Y, с гроздью цветов на каждой палочке. И, к моему восторгу, они еще не были увядающими, как упавшие цветы, так что можно было ожидать, что они продержатся дольше.

Я снова заговорила, выражая благодарность неведомым силам, ниспославшим мне этот дар, испытывая благоговейный трепет, тронутая ответом на мою просьбу, стыдящаяся своего собственного акта жадности при попытке отломать ветку на свой выбор. Казалось, ствол потел под моими ладонями, во всяком случае, там конденсировалась жидкость. Больше всего на свете хотелось мне прикоснуться к стволу губами, слизать в сухой рот тяжелые блестящие капли. Моя жажда была столь велика, что соблазнила меня, и, отбросив всякое благоразумие, я обняла ствол и припала к нему губами.

Жидкость не была водой — она была слишком сладкой. Но от нее исходило тепло и чувство добра и надежды. И хотя я не вполне напилась, как привыкла, она очень меня освежила. Уходя от дерева, я снова вознесла благодарность. И мне это не казалось странным, потому что нотус был не просто деревом — хотя чем он был, я не знала.

Надежно закрепив ветку за поясом, я вернулась к обрыву. Взбираться было не так трудно, как спускаться, потому что легче глядеть вверх на выступы, и к тому же жидкость восстановила мои силы, подготовила меня к новому напряжению.

Упавшие на меня цветы так и висели, приклеившись к моей коже. А мне и не хотелось отряхивать их — их аромат и нежное прикосновение к телу были очень приятны.

А раз подъем был не таким тяжелым, как спуск, то и времени он занял меньше, что меня ободрило. Добравшись к краю и

перемахнув через него, я с энтузиазмом старалась придумать, как нам всем спуститься к роще. Для меня она была идеальным прибежищем для отдыха и восстановления сил.

Когда я добралась до вершины, туман начинал рассеиваться. Бартаре лежала все там же, очевидно, в таком же глубоком сне, как и раньше. Неподалеку Оомарк сидел на корточках, будто играл в часового. Косгро сидел рядом с девочкой; плечи его ссутулились, руки свисали между колен — весь его вид выражал полное истощение.

Он поднял голову, глядя, как я триумфально размахиваю веткой в воздухе.

— Нужно как-то спуститься, — сказала я ему. — Там целая роща нотуса. И...

Из-за того, что я размахивала веткой, несколько лепестков, приставших к моей коже, наконец оторвались. Они парили в воздухе, пара из них упали на Бартаре — на лицо и грудь.

Впервые она шелохнулась — не просто шелохнулась, а пришла в себя с проворностью спавшего человека, разбуженного опасностью. Ее руки отряхивали лицо. Мы были так напуганы, что застыли как вкопанные. Ведь она так долго была более или менее неодушевленной частью нашей группы, что мы почти уже начали воспринимать ее именно такой.

Косгро бросился к ней, но слишком поздно. Она ускользнула от него с безрассудной скоростью животного, бегущего от погони. Лепесток с ее лица пристал к пальцам. Она закричала, ударила рукой о тело, будто ей нужно было во что бы то ни стало отряхнуть с себя что-то мучительное.

— Бартаре! — Я сделала шаг вперед; подняв вверх руку останавливающим жестом, будто видя во мне ужасное чудовище, она издала крик, от которого я замерла.

Может, Косгро тогда и схватил бы ее, если бы Оомарк не оказался у него на пути. Мужчина столкнулся с мальчиком, споткнулся и какое-то время старался удержаться на ногах. Бартаре, наконец встав на ноги, бросила на нас последний взгляд ужаса и вызова и бросилась бежать — туда, в туман, подальше от края обрыва, в неизвестность.

Не думая ни о чем, я рванула за ней.

И только когда оказалась окружена туманом, поняла все свое безрассудство, ведь теперь все мы, наверное, будем слепо бродить в тщетной надежде встретиться. Мы можем закричать

и, возможно, так установим контакт — но этот шум несомненно привлечет внимание и тех, с кем мы не хотели или не осмелились бы встретиться.

Как только я осознала всю серьезность своей ошибки, то остановилась и начала слушать. Мне был слышен глухой стук ног о камень — Бартаре. Но стоило шелохнуться — и звук исчез. Так что я не решилась принять его за ориентир. Я взглянула на ветку нотуса. К ней меня привел корень. А теперь, не приведет ли меня нотус к Бартаре? Только-только мне в голову пришла эта мысль, как ветка повернулась в моей руке и двойным грузом цветов ее развилка указала направление. И я не сомневалась — это не я ее повернула. У меня не было иного выхода, как последовать за проводником.

Я поступила, как мне наказывал Косгро, когда мы искали с помощью дороги Оомарка: сосредоточилась на лице девочки и дала нотусу указать мне путь. И он повел меня, уводя от обрыва.

И еще раз я прошла от камня к песчаному почвенному склону; взлохмаченные низкорослые кусты прорывались из тумана, который затем снова их заглатывал. Я часто останавливалась и слушала. Но если Бартаре все еще бежала, то уже намного обогнала меня. Я не могла разобрать этот слабый топот ног. Нет, его я не слышала. Но были другие звуки, явственно убеждавшие, что я не одна в этом лабиринте. Кто-то сновал вперед-назад по своим собственным делам.

Я похолодела при мысли о том, что Бартаре столкнется лицом к лицу с каким-нибудь местным чудовищем. Сможет ли девочка позвать на помощь свою Леди, я точно не знала. И вполне возможно, мне придется столкнуться с ними обеими, когда я ее найду. Но я не позволяла таким мыслям сейчас меня запугивать.

Потом я почувствовала, что кто-то зовет, — но не в полный голос; скорее это была вибрация, пронизывающая воздух. А так как ветка указывала в этом направлении, я решила, что Бартаре зовет на помощь. Земля передо мной неожиданно стала сырой и размякла, а трава и мох, которые прикрывали ее, оказались скользкими, так что я поскользнулась и упала.

Я завершила путешествие, уткнувшись в один из покрытых дерном холмов, с силой врезавшись в него, и, услышав напряженный смех, взглянула наверх. Бартаре опустилась на колени

у гребня холма и смотрела на меня с удовлетворением человека, который видит врага в затруднении. Потом подняла руку и подала сигнал кому-то, кого мне не было видно; она отчетливо позвала:

— Подойти и насыться, бегущий в темноте!

Это предупреждение было преднамеренно запоздалым: я еще даже не встала на ноги, хотя была уже на коленях, когда эта тень стала ужасающе отчетливой. Шак или другой монстр-близнец. Пуская слюну, он устремился ко мне ужасно мрачно и тихо; между верхней и нижней челюстью показались клыки.

— Ешь! Ешь! — В пронзительном голосе Бартаре не было уже ничего человеческого. Потом она добавила: — Последняя благодарность тебе, Килда. Хоть раз в жизни от тебя будет польза. Поиграй с Шаком, и он забудет обо мне.

Все еще стоя на коленях, я подняла ветку с цветами и ткнула ею в сторону Шака.

— Шак. — Я вложила в голос всю силу, на какую была способна.

Чудовище остановилось так резко, что его аж занесло, — когти продавили в земле борозды, пока оно старалось затормозить, не наткнувшись на меня. Тогда я воспользовалась веткой как хлыстом, ударив его. Шак попытался уклониться, но цветы попали ему по голове и плечу.

Он отпрыгнул назад, рыча и сильно кашляя. Монстр припал на живот к земле, стараясь подкрасться ко мне под другим углом. Но и к этому я была готова.

— Шак. — Я взяла инициативу в свои руки, сделав шаг вперед к распластавшемуся чудовищу, помахивая веткой над его головой. Он задом полз по земле от меня, пока наконец, запрокинув голову, не издал такой мощный вой, что в ушах зазвенело от диссонанса. Потом в мгновение ока исчез в тумане.

Я что есть духу взбежала на холм. Бартаре перешла на другую его сторону и стояла у подножия. Очевидно, она была в раздумьях и только потому не убежала в неизвестное. Не успела она и пальцем шевельнуть, как я сбежала вниз и схватила ее запястье мертвой хваткой.

Она вырывалась, не чтобы убежать, но пытаясь освободиться. Было ясно, что она до смерти боится малейшего прикосновения ветки. И хотя она упиралась на каждом шагу, я тащила ее с собой — холм оставался слева от меня, — ожидая

любого нападения из тумана. Так мы и пробрались в обход к другой стороне холма, с которой я сюда прибежала.

Бартаре была со мной, и мне подумалось, я смогу держать ее пленницей, *хотя бы* какое-то время. Но сможем ли мы теперь вообще когда-нибудь найти остальных, я не была уверена. А возможность того, что мы действительно потерялись, была еще одним осложнением. Сопротивление Бартаре не прекращалось, и наконец я яростно прикрикнула на нее.

— Будешь шуметь, я вот что использую! — Я помахала веткой у нее перед лицом, и она тут же отступила от нее, насколько могла.

Я была в таком состоянии — между страхом, что вернется Шак, и возможно, с подкреплением, и опасением, что я потеряла Косгро и Оомарка, — что действительно выполнила бы угрозу. Должно быть, она прочла решительность на моем лице, потому что ее боевой дух сразу же угас.

Глава 15

— Ты не понимаешь, что делаешь! — Она снова говорила недетским голосом. — Этим ты можешь уничтожить меня!

— Но и ты хотела уничтожить нас, — напомнила я ей. — Разве ты не это хотела сделать в том городе?

Она послала мне один из тех хитрых взглядов исподлобья, которые исходили и от Оомарка, когда он сильнее всего отстранялся от своего человеческого «я», — только еще отчужденнее, — который снова охладил меня.

— Но, — она быстро поняла промах, — ты ведь не хочешь убивать меня. Ты хочешь держать меня пленницей. Следовательно, ты этим не воспользуешься...

Я видела и чувствовала, что она напряглась всем телом, снова готовясь возобновить сопротивление; так что поторопилась с ответом, надеясь, что и в моем голосе, и, в выражении лица отразится убежденность.

— Нет, убивать я тебя не хочу, Бартаре. Но могу легонько прикоснуться к тебе, и думаю, это сдержит тебя — или от этого ты станешь беспомощной и потеряешь сознание, как в прошлый раз. — Я протянула к ней ветку, и она отшатнулась. Но это еще не обуздало ее.

— Ты не можешь приказывать мне — делай то, делай это. Я от этого мира, а ты нет. И если ты попытаешься затащить меня обратно в тот мир — бойся, потому что я буду сражаться с тобой до конца. С тобой и с этим сопляком, который называет себя моим братом. Брат... Будто я ему родня! И с этим Между, который ползает и умоляет и пойдет на все, чтобы ему позволили слизывать крошки с твоей сумки с припасами. Вы трое — даже не думайте, что способны сражаться с Народом!

— Как в тот раз, когда забрали тебя? — напомнила я ей. Но на сердце у меня было тяжело. Я не представляла, как дальше тащить ее с собой, если она так и останется такой непокорной. А насчет возвращения назад... если только... Мне в голову пришла мысль — и начала там прочно обосновываться.

— А ведь ты можешь навсегда избавиться от нас...

— Так и будет, — вспыхнула она, — когда Мелюза разберется с вами. — Она рассмеялась. — Даже не надейся сковать ее чарами, громко выкрикивая это имя. Это не настоящее ее имя, не больше чем Бартаре — мое. Ты не можешь управлять нами.

— Ты можешь безболезненно избавиться от нас, — сказала я ей. — Но если нам придется защищаться, мы не отступим — и мы это уже доказали. Покажи нам выход из этого мира, и мы больше не потревожим тебя.

— Ты — может быть, и Между, наверное, тоже. Но Оомарк — он теперь уже один из нас. К тому же у меня нет ключа к вратам мира... Не с этой стороны.

Я почувствовала приступ страха. А что, если врата открываются только с той стороны?

— Но у твоей Мелюзы есть. Иначе как она нашла тебя там?

Бартаре облизала губы. Она уже больше не вырывалась.

— И если Мелюза это сделает, вы правда уедете и не будете нам докучать?

— Определенно. — Меньше всего на свете я снова хотела увидеть этот кошмарный мир. Но не было у меня и намерения оставлять Бартаре. Честно говоря, не верилось, что в ней течет неземная кровь, как и в то, что ее оставили на Чалоксе с какой-то целью. Пожалуй, когда придет время, я приложу все силы, чтобы она последовала с нами. Это был старый-престарый космический закон, действовавший с тех пор, как люди

впервые покинули родительскую планету, — ту легендарную Терру. Даже если твой спутник — злейший враг тебе, нельзя оставлять его на враждебной планете. Надо рисковать собственной жизнью, лишь бы освободить его и улететь с ним.

Я не испытывала к Бартаре привязанности, но и не оставила бы ее здесь, если бы нам обломился огромный кусок удачи — найти врата. Удастся ли мне взять с собой ее и Оомарка в измененном обличье — я не знала. Но пока что достаточно было заключить с ней соглашение, чтобы она не так сильно отягощала нас.

— Я не совсем тебе верю, — сказала она. — Однако... — Она не сказала того, что собиралась добавить. Вместо этого она изменилась в лице — это было единственным предупреждением, из-за которого я повернулась взглянуть, что там подкрадывалось.

Шаку удалось найти компаньона, так что теперь у него было вместе с кем побороться за добычу. Как человек, имевший доступ к библиотеке Лазка Волька, содержащей описания множества странных чудес, я думала, что меня ничем не поразишь, но это невообразимое чудище было худшим из всего, что я могла представить.

У моей расы врожденное отвращение к рептилиям, хотя после выхода в космос удалось несколько ослабить его в общении с такими расами, как закатане и еще несколько других, чьи предки были покрыты чешуей в те времена, когда наши носили мех. Но во мне укоренилось достаточно этого первобытного страха, чтобы на секунду или две удержать меня от того, что могло оказаться фатальным.

Это существо было тошнотворной смесью гуманоида и рептилии. У него было зеленокожее тело, усыпанное бородавками и опухолями. Вытянутые руки были четырехпалыми, с дискообразной присоской на внутренней стороне каждого пальца. Тело было обрюзгшим, живот свисал, ноги — короткими и согнувшимися, будто под весом этого пуза. Голова большая и круглая; очень большие глаза посажены почти на макушку. Ушей не было видно, но рот разевался огромной пастью, и оттуда изнутри...

Инстинкт, возможно, усиленный всем тем, что произошло раньше, спас меня. В момент нападения я вытянула ветку, и язык, этот длинный скользкий шнур, хлыстнувший вперед,

разбрызгивающий отвратительную желтую слизь, коснулся одного из соцветий.

Он мгновенно защелкнулся обратно в пасть, которая с шумом закрылась. Существо необыкновенно человеческим жестом поднесло к пасти обе руки, шатаясь, подалось назад, раздирая руками губы-полоски более темно-зеленого цвета, размахивая из стороны в сторону пузырчатой головой, очевидно, в агонии.

— Пошли! — Бартаре потянула меня. Я пошла, временами оглядываясь на чудовище, продолжая отступление. Оно упало там, у холма, и все еще разрывало пасть; казалось, оно полностью забыло о нашем существовании.

Мы пробирались вдоль земляной стены как можно скорее. А что, если там уже ждал Шак? В последний раз бросив настороженный взгляд на зеленое чудище, я устремила взор вперед. Никакой черной фигуры. Но все-таки мы направлялись в туман; за его пеленой могло скрываться все, что угодно.

А кроме того, как мне найти Косгро и Оомарка без ориентира? Или... я посмотрела на Бартаре.

— Можешь найти брата? — Если он мог отследить ее в этом мире, то уж она, конечно, сможет сделать то же самое.

Она ответила не сразу, я за это время задумалась, могу ли вообще как-нибудь заставить ее давать мне информацию? Если я и контролировала ее, то очень слабо.

— У тебя то, что отпугивает Темных, — сказала она наконец. — Но не всех из них можно контролировать. Не думаю — зная, что ты собой представляешь, — что ты пойдешь дальше и оставишь меня с ними. Вы так не поступаете. И потом — может, я и вправду немного изменилась, живя с людьми. Да, я могу найти Оомарка, и если он с Между, то и того тоже. Идем!

У меня не было иного выхода, кроме как поверить ей, хотя мучительно было отбросить иллюзию безопасности, которую придавал мне холм за спиной. Но на самом деле ведь не он спасал от Шака или другого бородавчатого существа. Самое лучшее свое оружие я держала наготове в руке и должна не терять бдительности, не только по отношению к любому враждебному движению Бартаре, но и к тому, что, может быть, движется в тумане.

Мы подошли к скользкому склону, с которого я свалилась;

взбираться было трудно. Обе руки у меня были заняты, и я не держала Бартаре. Если она снова сбежит, я пропала.

Но наконец-то мы взобрались наверх — перед нами был песчаный подъем. Потом, помня о трюке, которому научил меня Косгро, я разворачивалась через каждые несколько шагов и прометала нотусом по нашему следу, надеясь таким образом остановить погоню.

— Туман рассеивается, — заметила Бартаре; так и было, но я уже начала уставать, и единственное, о чем могла думать, это что мы должны найти место, где бы укрыться. Самым надежным, безусловно, была рощица нотуса, если только удастся уговорить Оомарка и Бартаре. А там, может быть, Косгро удалось бы сыграть какой-нибудь трюк с иллюзиями, и это на время решило бы нашу проблему.

И вот, мы вернулись на тот самый участок скалы у гребня. И — все оказалось замечательно! Косгро не ушел искать меня, а сидел с Оомарком, который стал уже почти таким же волосатым, и опирался о него, обняв его рукой.

Когда мы подошли, они встали на ноги. Косгро вопрошающе смотрел на меня. Я уже хорошо знала его грубые черты и научилась распознавать малейшие изменения в выражении лица. Но он ничего не спросил, пока я не развернулась и не промела за нами последний раз.

Потом он сказал:

— Компания?

— Да, и такая, что дышит в спину.

— Ну, тогда неплохо бы пойти куда-то.

— Туда. — Я указала на обрыв. Я ожидала, что Оомарк станет возражать, но он ничего не сказал. Он так и держался за мужчину, не отпуская его большую руку.

Но когда Бартаре подошла к краю скалы, она заартачилась. Возможно, запах нотуса был для нее предупреждением.

— Нет! Не пойду! — Теперь ее протест выражал голос упрямого ребенка.

Я не знала, угрожать ли ей веткой; но ей возразил Косгро.

— Пойдешь! — сказал он с уверенностью. — Или останешься здесь — одна.

Раз она уже убегала в туман, я не видела в этом какой-то угрозы, способной подействовать на нее. Но снова оказалось,

что все эти трое обладали каким-то знанием, которого я была лишена.

Косгро поднял руку:

— Слушайте!

Мы слушали. Шум с той стороны, где был убит падучий червь, раньше приглушаемый туманом, становился громче. Рычание и рев — чего-то очень грозного.

— Они покончили с тем, что послал им случай, — сказал Косгро Бартаре. — Те, кто пришли под конец, лишь раздразнили аппетит и хотят его утолить. Скоро они отыщут дорогу и пойдут по нашему следу.

Она перебила его:

— Темные охотятся, только когда туман сгущается. — Она была как загнанный зверек, бросающий быстрые взгляды направо и налево в поисках спасения. Я стояла между ней и дорогой, которой мы только что пришли.

— Когда они голодны, то охотятся в любое время. А ниже есть лишь одно безопасное место. Туда они не пойдут ни под каким давлением.

— Мы не можем! Я не могу! — выкрикнула она свой протест. Она утратила уверенность, которую демонстрировала передо мной. Возможно, потому что Косгро был в большей мере от этого мира, она видела в нем более серьезного противника.

— Мы можем, и ты можешь, — возразил он. — Или так, или столкнуться с тем, что придет. А оно придет голодным и не отвернет в сторону. А ты хорошо знаешь, Бартаре, что спасаться бегством от таких, когда они голодны, это просто раззадоривать их сильнее. Побежишь — если побежишь, — на свою беду. Здесь нет убежища, кроме того, внизу.

— Но нотус тоже смертелен. — Она ломала руки.

— Не совсем так. Ты ведь отведала нотуса, когда Килда разбила твои чары. Разве он убил тебя?

Она ответила не сразу:

— Но я впала в сновидения. Я не хочу таких снов. Я их не потерплю.

— Нотус прикоснулся к тебе. Но ты можешь укрыться в его тени, не касаясь его. И другие тоже не прикоснутся к тебе.

Не верилось, что ее убедили, но кое-как он уговорил ее. Она сломалась. То, что с ней произошло, не опишешь по-

другому: она снова превратилась в маленькую девочку, которой и должна была быть.

Когда он кивнул, она подошла к краю, хотя ясно было, что до смерти боится каждого шага вперед. И я испытала неимоверное облегчение, когда она начала спускаться; за ней последовал Оомарк. Косгро подал мне сигнал. Я покачала головой.

— Я последняя, и я замету этим путь. — Я тряхнула веточкой, думая не только о неведомых угрозах с места гибели червя, но и о бородавчатом существе. Если оно пришло в себя от травмы языка, то, может, следует за нами. А в нем было что-то такое, отчего оно казалось мне еще хуже, чем Шак или Скарк. Ни за что на свете не хотелось снова с ним встретиться.

— Ладно. — Он неуклюже спускался через край, будто ему трудно было двигаться. Я вспомнила о его ране. Открылась ли она из-за недавнего перенапряжения? Он так и не разрешил мне заняться о ней, а навязывать ему такие услуги против воли я не могла.

Следуя своему обещанию, я останавливалась везде, где только можно было, и мела нотусом. Как и на предыдущей ветке, на этой тоже пока не было следов увядания. Я решила про себя, что, когда будем уходить из рощицы, попрошу вторую ветку про запас.

Аромат был сильным. Я набрала полные легкие воздуха, расслабляясь. Развернувшись у подножия скалы лицом к рощице, я увидела, как, немного впереди, Косгро, обхватив рукой каждого ребенка, толкает их дальше, хотя ясно было, что идти под ветками было страшным испытанием для всех них.

Мы шли и шли, пока не вышли на участок открытого пространства, где не было деревьев, а только серебристый туман неба над нами. Там Косгро отпустил детей, и они упали на землю, одеревенелые и безмолвные, будто заключенные в камере страшного зла.

Я подошла к дереву, положила руки на ствол и снова почувствовала ту самую благотворную влагу. Провела влажными ладонями по лицу. И это оживило меня, будто я напилась из ручья. Потом взялась за свой жакет и оторвала от него с края лоскуток. Я приложила его к стволу, пока он не вобрал в себя всю влагу с него. С этим хорошо смоченным кусочком ткани я вернулась к остальным.

Эта жидкость так восстанавливала мои силы, что я не мог-

ла не поверить, что она не поможет Косгро. Его голова упала на грудь, так что лица мне не было видно, а обе руки были прижаты к повязке. Я опустилась на колени и как можно нежнее положила руку ему на плечо.

— Ты должен позволить мне заняться твоей раной, — сказала я ему. — Если в нее попадет инфекция, то это катастрофа — не только для тебя, для нас всех.

Он тупо посмотрел на меня, будто не слышал, что я сказала, а если и слышал, то не понял. Я положила влажную ткань поперек ветки, чтобы она не касалась земли, и развела его руки, чтобы развязать его запачканную грязную тряпку. Под ней вдоль его большой выпуклой груди была вздувшаяся красная линия. Я немного знала о ранах и о том, как их лечить, но эта показалась мне серьезной.

Его голова снова поникла, и он не подал никакого знака протеста. Я взяла влажную тряпочку и коснулась ею красного вздутия, стараясь, насколько возможно, не нажимать.

Он вздрогнул и сморщился от боли. Потом его тело напряглось, как у человека, обрекающего себя на необходимую боль. Затем я еще дважды подходила к дереву, чтобы намочить импровизированную губку, возвращаясь и обрабатывая рану. В третий раз я присела на корточки — и была поражена тем, что увидела, и не могла поверить, что мои глаза не обманывают меня. Воспаление заметно уменьшилось. Оказалась, у нотуса много плюсов для тех, кто в состоянии его принять.

В третий раз я намочила ткань и обмотала ее вокруг него, прикрепив так же, как он сам закрепил предыдущую повязку — булавкой значка, выцветшего, но все еще с различимым изображением, — значка перворазведчика. Когда я закончила, он с облегчением вздохнул, его тело расслабилось.

— Это серьезно? — спросил он.

— Серьезно — по крайней мере было. Но роса дерева помогла. Теперь рана не такая воспаленная.

Он осторожно пошевелил мускулами.

— Должно быть, ты права. И болит сейчас намного меньше.

Я пожертвовала еще часть жакета. Это был последний кусочек, который я рискнула от него оторвать. Снова намочила ее у дерева и направилась к Оомарку.

— Дай-ка я тебя умою. — Он дернулся и увернулся бы. Но Косгро его удержал. И снова я дотронулась очень нежно, зная,

как ребенок боится нотуса. Хотя я думала, что он закричит, он молча терпел то, что я с ним делала, дрожа всем телом.

И снова я собрала драгоценную жидкость. Когда я вернулась, Бартаре стояла на ногах, ругаясь с Косгро.

— Не делай этого! — завизжала она, когда я направилась к ней. — Только попробуй, и пожалеешь! Я тогда не смогу найти ваши старые врата — я стану... стану Между, Между! — Ее судорожные крики были столь неистовы, что я остановилась.

— Но тебе ведь нужна вода, Бартаре, а я обнаружила, что эта роса — то же самое, что много воды.

— Только заставь меня это сделать, — кричала она на меня, — и увидишь, что будет. От нотуса Народ забывает. Говорю тебе — я все забуду, а я нужна вам именно потому, что я помню.

Очевидно, она верила в то, что говорит, и я не рискнула проверить, так ли это. Если Бартаре нуждается в воде, ей придется подождать, пока мы снова отправимся в путь и найдем ручей или пруд.

Я сложила намоченную ткань, которую не смогла применить, и засунула ее между поясом и кожей под укоротившимся жакетом.

Косгро отвязал узел от своего ремня — нашу еду. Он протянул узел мне, и я открыла его: намного меньше, чем нам необходимо. Я предложила немного детям. Бартаре отказалась с жестом нескрываемого отвращения. А вот Оомарк, к моему удивлению, согласился на вафлю. Он ел ее маленькими кусочками, которые жевал, будто что-то горькое, но все же ел.

Наблюдая за ним, я почувствовала, что во мне зарождаются слабые ростки надежды: может, нотус произвел некоторые перемены. В том, что он сделал шаг назад на правильную дорогу, я не сомневалась.

Порция, которую мы с Косгро поделили между собой, была и вправду очень маленькой. Но почему-то мой организм и не требовал больше. Потом я осмотрела обмотки на ногах. Лоскуты материи стирались и изнашивались очень быстро. Нужно как-то получше защитить ноги. Я в унынии рассматривала, что у меня есть из подручных материалов, когда Косгро спросил:

— Может, попробуешь их? — Он указал на кучу листьев-ленточек, образовавшуюся под ближайшим деревом. Листья

были желтыми и увядшими, но когда я подобрала несколько и стала проверять их на прочность, обнаружилось, что они невероятно крепкие. Я сразу же набрала целую охапку.

— Давай я. — Косгро взял кучку листьев и, хотя его пальцы дергались и тряслись, будто ему было больно, стал заплетать и связывать их вместе с мастерством, с которым мои неумелые попытки никогда не сравнялись бы. Я стала подражать ему, и наконец вместе мы изготовили две пары подстилок, всего четыре штуки, толщиной с мой большой палец, и сплели грубые шнуры из волокна листьев.

Сандалии, в которые я в конце концов обула несчастные ноги, не были произведением искусства, но уж точно защищали мои ноги, и, наверное, лучше, чем все, что у меня было с тех пор, как я сняла ботинки. И когда я крепко затянула последний шнур, то оглядела их с немалым удовольствием.

Как долго они прослужат, я не знала, но в любом случае нужно быть готовой к тому, что они износятся. Я уселась связывать листья в охапку, уложив их аккуратно друг на друга и связывая вместе, намереваясь унести с собой.

Мне было жалко, что Косгро пришлось бросить сумку с камнями на месте битвы с червем. Мало того, что это было наше единственное оружие, еще я засунула туда одежду Оомарка, которую тот бросил и которая сейчас могла бы пригодиться. Я задумалась об этом.

— Что теперь планируешь?

Я так испугалась того, что казалось чтением моих мыслей, или, скорее очень расплывчатых намерений, что просто уставилась на Косгро. Навряд ли он согласится попытаться вернуть сумку, но мне этого очень хотелось.

— Мы оставили там сумку...

— Предлагаешь вернуться за ней — за сумкой с камнями? — Он хрипло засмеялся. — Думаешь, это сокровище стоит того, чтобы возвращаться за ним?

Я была уязвлена.

— Она хорошо помогла тебе с червем. Если б не она, ты... мы все были бы мертвы!

— Ты понятия не имеешь, что там сейчас творится.

— У меня есть нотус...

— Ну, не слишком его переоценивай. Есть такая вещь, как засада. Ты и понятия не имеешь, кто и как следит за тобой сей-

час. Органы чувств, которые служат нам, не предупреждают нас вовремя, чтобы мы защитились от таких скитальцев. — Он сделал непонятный жест руками. — Но если с тобой не поспоришь, если тебе нужно взглянуть в лицо судьбе...

Странно, но именно его отказ, какое-то ощущение в его голосе, которое я не могла определить, и решило все дело. Я всегда полагала, что безрассудство — это не героизм, а иногда намного хуже трусости. То небольшое преимущество, что давала нам сумка, не перевесило бы стычку с монстрами. Я еще не успела забыть, что только удивление в глазах Бартаре спасло меня от бородавчатого существа, подкравшегося сзади.

— Ты прав...

Большой разрез его рта улыбнулся.

— Пусть же судьба засвидетельствует этот исторический момент — женщина признает, что неправа.

Теперь настала моя очередь засмеяться:

— Неправда! Я не сказала, что неправа; я сказала, что ты прав.

— Уже увиливаешь, Килда? Ну, мне даже этого достаточно. Не горюй о сумке с камнями. Может, я подыщу оружие получше и не такое громоздкое.

Он встал, разминая сильные руки. Ясно было, у него стало больше сил, чем было, когда мы пришли в эту рощицу. Увидев это, я почувствовала себя уверенней.

Потом он начал ходить по краю лужайки, наклоняясь и выискивая что-то среди упавших листьев, в некоторых местах покрытых, как снежной порошей, увядшими цветками.

Глава 16

Обойдя по кругу лужайку, он вернулся с собранными палками, упавшими ветками деревьев. Теперь проверял их. Две сломались, когда он их согнул, три выдержали. Две из них были толщиной с два моих пальца; третья еще толще, и с одного ее конца торчали обломки веток поменьше.

Косгро попробовал размахивать каждой из этих трех и фехтовал ими, как мечами; я видела такое на три-ди лентах о примитивных мирах.

— Этому, конечно, далеко до лазера, — прокомментировал он, — но получше твоей сумке с камнями. — И он сделал в мою сторону жест, который, будь он сделан не такой звероподобной фигурой, можно было принять за формальный мужской галантный поклон.

Но слабыми и маленькими показались эти палки, когда я подумала о том, как сражаться ими против чудовищ. Но они были из нотуса, а это могло прибавить им ценности по сравнению с обычными деревянными прутами.

— Сейчас ты спокойно с ними обращаешься, — заметила я, — а раньше, когда пытался прикоснуться к ветке...

— Да! И правда, нотус больше меня не беспокоит. Еда... это... — он дотронулся до новой повязки, — все действует!

Я не заметила перемен в его внешности, подобных тем, что произошли со мной, когда я впервые взяла нотус. Но я ведь и не была под влиянием этого мира так глубоко и так долго.

— Эта и эта, я думаю. — Он отбросил одну из тонких веток, но оставил две другие. — И можем попробовать еще кое-что.

Он снова пошел к деревьям и собрал пригоршни опавших цветков. И опять выяснилось, что теперь он справлялся с ними без риска для себя. Он принес их назад ко мне.

— Натрем ими палки, — сказал он, садясь по-турецки и собираясь воспользоваться собранным специально для этого; я последовала его примеру с другой веткой.

При растирании цветки в моей руке превратились в маслянистую мягкую массу. Аромат был очень сильным и слишком сладким. Я с энтузиазмом втирала ее, и, казалось, дерево при такой обработке хорошо впитывало. Кроме того, белая кора стала фосфоресцировать, так что когда мы отряхнули с рук последние прилипшие кусочки, у нас было не только примитивное оружие, но и своего рода факелы.

Косгро направил свой факел в воздух, который тот с шумом разрезал; в ответ послышался крик. Сидевшая в мрачном молчании Бартаре, которую я игнорировала, решив, что ее лучше на время оставить в покое, вся съежилась, хотя удар пришелся на расстоянии от нее. Она не встала на ноги, но начала пятиться, не отрывая взгляд от Косгро, будто не смела отвернуться, отползая от него.

— Доказывает их эффективность, — заметил он. — Может, у нас будет нечто, сопоставимое с лазером.

— Нет! — Когда я подошла к ней, взволнованная ее очевидным раболепным ужасом, она вскинула руки, будто я держала наготове хлыст. А мне стало стыдно за то, что я вызываю такой страх. Я отбросила палку, которую держала, и протянула пустые руки.

— Видишь, у меня ее нет, Бартаре. Не бойся.

Она осторожно выглянула из-под рук, за которыми пряталась, и опустила их. Ее зеленые глаза были такими большими на маленьком личике. И именно в тот момент я осознала, что она почти не изменилась внешне.

Ее пристальный взгляд был очень опасливым, и я сказала:

— Мы не навредим тебе, Бартаре. Почему ты боишься?

— Прокляты, — тихо вскрикнула она с жестом, который включал не только нотус вокруг нас, но также Косгро и меня. — Прокляты для Народа!

— Почему? — выпытывала я.

— Еще до Народа, от тех, кто пришел раньше. Народ вошел сквозь врата, и их было мало. Другие здесь дали им убежище и приняли их с миром. Но те, другие — они не использовали сокровища этого мира. Они не хотели взывать к силам и править ими. А Народ понял, как это делается. Потом наконец те, другие, сказали, что они не должны делать такие вещи и что врата откроются, и Народ снова должен покинуть этот мир и отправиться на новую планету. Но Народ этого не хотел, потому что если они отправлялись в дорогу на какое-то время, то старели, их силы убывали и они умирали.

Поэтому они начали войну с другими. И победили, ибо их силы были больше. Но у тех других, у них были свои тайны, — она говорила нараспев, будто то было песнопение, какая-то древняя сага полузабытой истории, — и свои силы. И хотя большинство ушли через свои врата, некоторые решились остаться.

Косгро опустился перед ней на одно колено и слушал, будто это было очень важно для нас всех.

— А они все еще здесь, Бартаре? Те «другие», которые воевали с Народом?

Она покачала головой.

— Это неизвестно. В некоторых местах они поставили барьеры, которые Народ не может преодолеть. Но так как за долгие годы ничего не изменилось, Народ полагает, что они или

умерли, или ушли. Но нотус они оставили, и Народ не может извести или уничтожить его. А это плохо! — Ее лицо перекосило от отвращения. — Он приносит боль и разрушает, из-за него теряешь силы и забываешь ритуалы. Он такой же враг, как и Темные. А теперь вы берете его в руки — и воспользуетесь им против Народа!

И она заплакала, так горько, как плачут от опустошения духа и глубокой печали, которые не дано пережить ни одному ребенку. Я подошла к ней, обняла ее, прижав к себе ее юное тело, сотрясаемое рыданиями. И заговорила так успокаивающе, как только могла:

— Бартаре, мы не воспользуемся этим оружием против того, кто на нас не нападает. Ведь и Народ сражается с Темными, правда ведь? Вот и мы тоже. Мы не хотим вредить тем, кто живет в этом мире. Все, чего мы хотим — и я тебе это уже говорила, — это просто вернуться снова на нашу планету и быть в безопасности.

Я не знала, погружена ли она в глубину своего горя настолько, чтобы не слышать и не понимать меня, — но ответа не последовало. А потом меня удивил Оомарк. Он подошел к нам и робко взял руку сестры, безжизненно свисавшую на мое колено, и сжал ее своими ручками.

— Бартаре, — сказал он, — мы ведь не нужны тебе, правда? Ты ведь обрадуешься, если мы уйдем. И Леди мы тоже не нужны, по-настоящему...

Она вздохнула, икнула и повернула голову на моем плече так, чтобы видеть его.

— Они хотят забрать тебя... и меня... обратно с собой.

— Больше всего они хотят вернуться сами, — ответил он ей. — А Леди... Она может не дать им нас, если мы ей действительно нужны.

Что-то в этом смутном сомнении подействовало на Бартаре, как прут. Она оттолкнула меня в сторону.

— *Я* ей нужна! — Бартаре вспыхнула, хотя я заметила, что она не добавила имя Оомарка. — Она не отпустит меня! Хорошо. — Снова овладев собой, слишком уж быстро, она заговорила больше с Косгро, чем со мной. — Хорошо. Я отведу вас к вратам, если найду их, и тогда вы сможете пройти. А мы будем радоваться, радоваться, радоваться! — С каждым словом она ударяла кулаком по земле, будто била врага.

— Далеко отсюда? — допытывался Косгро. Она пожала плечами:

— Как я могу сказать здесь? Нотус закрывает все возможности поиска отсюда. Мне нужно выйти из этого места, чтобы это уловить.

Итак, нам придется еще раз положиться на проводника, которому мы не доверяем, и мне это не нравилось. А Бартаре можно доверять еще меньше, чем Оомарку. Можно ли с его помощью как-то ее проверить?

Туман рассеялся, и мы покинули рощу, хотя у меня сердце разрывалось, когда мы уходили из этого святилища. Мы не повернули назад, туда, где скончался падучий червь, а резко взяли в сторону. Так как невозможно было установить стороны света, я никогда не знала, шли ли мы на север, восток, юг или запад. Вообще, я все время боялась, что мы бродим кругами.

Бартаре повела нас через узкое ущелье или каньон. Сначала она пошла быстро. Наверное, ей очень хотелось поскорее уйти подальше от нотуса. Потом, когда даже намек на аромат исчез, она остановилась.

— Уйдите — отойдите от меня! — Она возбужденно замахала на нас руками и взобралась на верх склона. Там она стояла с закрытыми глазами, потом начала медленно поворачиваться. Так она обернулась три раза. Затем подняла руку и так и держала ее, когда начала поворачиваться в четвертый раз.

Ее рука резко дернулась вверх и застыла, указывая в одну точку. Потом она открыла глаза и подала нам знак другой рукой.

— Туда.

Она была абсолютно уверена. Но направляла ли она нас к вратам — или к цитадели Народа, где нас и схватят, мы как раз уверены не были. Я только надеялась, что рассуждение Оомарка убедило ее.

Через некоторое время мы вышли из скал на простор покрытой дерном местности, на которой имелись травяные кольца. И вскоре дошли до одной из рощиц кустов с желтыми ягодами. Бартаре устремилась вперед, обрывая ягоды и жадно проглатывая их. Оомарк бросился за ней, но потом остановился. А когда все-таки решился и присоединился к ней, я заметила, что он пировал уже не с таким наслаждением, как раньше. Он взял только пригоршню ягод и медленно их ел.

Наконец Бартаре насытилась, и, когда присоединилась к нам, в ее улыбке снова заиграла та самая хитринка. Она быстро приходила в себя после срыва в рощице.

— Очень жаль, что вы не едите еду Народа, — заметила она. — Почему ты хочешь быть Между, Килда? Боишься?

— Я боюсь перестать быть собой — Килдой с'Рин, — сказала я ей.

— Как будто Килда с'Рин — это такая великая вещь!

— Для меня — да. Я такой родилась — и хочу такой остаться.

— А еще думаешь обо мне как о ребенке. А я намного мудрее, чем ты вообще когда-нибудь будешь. Это как если взять апельсолнце, съесть только кожуру и выбросить мякоть.

— Есть такая вещь, как слишком много знаний — плохих знаний, — ответила я. Она почему-то пыталась спровоцировать меня. Если в роще она была податливой, но сейчас снова стала собой — трудной, как всегда. И это меня тревожило, потому что она вполне могла завести нас в ловушку.

— Ты! — Теперь она переметнулась к Косгро. — Что, быть Между — это жить славной жизнью? Ты тоже хочешь стать собой? А что ты такое сейчас?

— Может, ты мне скажешь, — возразил он. — Ты говоришь, что ты из Народа, а я Между. Разве это не делает меня вообще недостойным твоего внимания? — Говоря, он помахивал палками нотуса, и от этого ее самоуверенности немного поубавилось.

Она не столько ответила ему, сколько сказала всем нам:

— Ваши врата далее впереди. Пошли, если хотите найти их.

И снова она пошла впереди, мы за ней. Но с каждым шагом мои предчувствия усиливались.

Зеленый дерн ковром раскинулся у нас под ногами. Сандалии из сухих листьев были удобнее, чем обмотки. Казалось, будто я иду на подушечках.

Наконец мы пришли к месту, где стоял холм, выше, чем все, что я до сих пор видела, покрытый толстым дерном, кроме одной стороны, смотрящей на нас; там зелень была вырезана, обнажая серую землю в форме символа, выше человеческого роста. На зеленом фоне это был ориентир, пропустить который было просто невозможно.

Бартаре остановилась у подножия холма, пристально раз-

глядывая знак. Потом повернулась к нам с торжествующей улыбкой.

— Я обещала привести вас к вратам. И это я выполнила. Но открыть их — совсем другое дело, мне оно не по силам. И как вы теперь справитесь?

Косгро стоял чуть позади нее, тоже изучая символ. Должно быть, для него он что-то значил. Однако Бартаре пыталась внушить нам, что мы беспомощны. Может, мы уже в пределах досягаемости нашего здравого мира — Дилана, — и все-таки все наши усилия никчемны.

— Что... — начала я, когда Косгро подал мне знак замолчать. Что-то в нем было такое, что говорило о скрытом возбуждении. Может, он видел решение дилеммы?

Он поднял нотус и указал его кончиком на символ. Бартаре закричала и бросилась было на него, пытаясь вытянутой рукой поймать руку, державшую прут. Я подалась вперед, выставив перед ней мою веточку потоньше как преграду. Она упала; лицо ее дергалось, пока она бубнила непонятные мне слова.

Косгро стал двигать рукой. Кончиком нотуса он вырисовывал линии символа, начертывая их в воздухе в буквальном смысле слова. Кончик палки оставлял в воздухе светящийся след, создавая миниатюрную копию большого рисунка с холма. Хотя он опустил прут, это сияние так и осталось висеть в воздухе.

Потом, снова подняв палку, Косгро нацелился ею, как целятся, собираясь бросить копье. Он громко выкрикнул два слова и метнул нотус через центр символа в воздухе. Палка взмыла вперед и вверх, попала в центр рисунка на холме и, подрагивая, замерла там.

Слова, которые он выкрикнул, все повторялись и повторялись таким мощным эхом, какого я никогда раньше не слышала, и через некоторое время отдельные звуки слились в громоподобный гул. Из дрожащего прута взрывом вырвалась ввысь яркая струя белого огня.

Шум утих. Бартаре распласталась на земле, защищая голову руками. Оомарк, свернувшись, лежал рядом с ней. Но Косгро стоял прямо, глядя на огонь, который он так странно разжег, и я стояла плечо к плечу рядом с ним.

Мне ужасно хотелось спросить, что он делает. Обладал ли он силой или еще чем-то, что нужно, чтобы открыть врата?

Однако увидев, как внимательно он смотрит на огонь, я не посмела заговорить.

Врата не открылись. Но с другим громовым раскатом что-то появилось между нами и сверкающим прутом. Не глядя на меня, Косгро протянул руку и схватил второй прут нотуса, слегка наклонив его кончиком вниз, держа его, как мужчины держат оружие.

Вихрь света стал плотным. Снова перед нами оказалась женщина — если то была женщина, — которая была с Бартаре в городе. Она не двигалась, не сделала ни единого жеста, только смотрела на нас; ее прекрасное лицо ничего не выражало.

Она и вправду была прекрасна. И, думаю, она была из тех, кто с наслаждением пользовался красотой как оружием. Но если она планировала сейчас сделать это с Косгро, то наверняка оказалась разочарована.

— Мелюза. — Он поприветствовал ее деловито, как тот, кто пришел заключить сделку и не хотел терять времени.

— Да, это один из моих титулов, — ответила она; ее слова, хоть и произнесенные тихо, были не ласковее, чем рог темного охотника. И страшили так же, как этот звук. Может, она была из Народа, но перед нами предстала Темной стороной.

— Что ты хочешь? — Она подошла к сути вопроса без обиняков, как и он.

— Чтобы открылись врата.

Теперь эти безупречные губы искривила тень улыбки.

— Ах, человечек, ты не знаешь, о чем просишь. Иначе не требовал бы от меня этого.

— Я прошу о возвращении для себя, для тех, кто не от этого мира. Нам нет здесь места — отпусти нас.

— А то что вы сделаете? — Она была взрослым, который забавляется назойливостью ребенка.

— Воспользуемся этим. — Он поднял прут немного выше. — И этим... — Я догадалась, чего он хотел, и потрясла веткой с цветками, которую несла.

— Ты воспользуешься тем, чего не понимаешь, и, возможно, получишь то, чего сам не хотел бы. Ты несведущ, ты даже не из Народа. То, на что ты случайно набрел, уничтожит тебя самого тем быстрее.

— Пока что оно принесло нам пользу. Думаю, гораздо

больше следует бояться тебе. Мы не много у тебя просим — открыть врата, ибо мы не твоей породы, не твоего вида.

— Кроме одной. — Ее голос стал немного резче. — Ее воспитывали и формировали для нас. Мы не торгуем своими.

— Своими? И все же она не устояла перед нами, когда ты приказала ей показать силы. Ты придавала ей форму, но она провалила экзамен, который ты ей устроила. Посмотри на нее! Твоя ли она в глубине души?

— Мелюза! — Бартаре вскочила на ноги. Она пронеслась мимо нас и начала взбираться на холм, вытянув руки, будто стремясь обнять женщину, которая ждала там. Но Мелюза не сделала приветственного жеста в ответ.

— Итак, — произнесла она через голову Бартаре, обращаясь к Косгро, — у вас все?

— Все. Ведь ты же не пожелаешь, чтобы все распалось у тебя на глазах.

— Мелюза! — Бартаре кричала с болью в голосе. Она пыталась пробиться к женщине из Народа. Теперь она билась обеими руками о то, что казалось невидимой стеной между ними.

— Будь она твоего рода, неужели не прошла бы эту преграду? — продолжал Косгро. — Ты поставила ее как защиту против опасностей, угрожающих тебе. Почему же тогда она удерживает ту, кого ты назвала дочерью?

— Мелюза! — Бартаре выкрикивала это имя. Она упала на колени, но продолжала бить по невидимой для нас поверхности, отгораживающей от нее женщину.

— Ты споришь змеиным языком! — вспыхнула женщина. Впервые ее спокойствие дало трещину.

— Я не спорю, я устанавливаю очевидные факты. Бартаре не предала тебя, но, кажется, ты или твои сторонятся ее. Разве ее не пропустила бы твоя преграда, будь она тебе родня?

— Она была одной из избранных; ее долго обучали и ждали. — Мелюза посмотрела на девочку, которая не могла добраться до нее. — С чего бы преграде отвергать ее? — Она указала одной рукой на Бартаре, которая подняла голову; из глаз ее потоком молчаливой мольбой лились слезы.

Наступила долгая тишина, прерываемая только рыданиями Бартаре. Потом Мелюза снова заговорила:

— Не знаю, почему и как. Но, кажется, она не одна из нас. Ну что ж, тогда мне незачем с тобой разговаривать. — Ее

окутывала такая зловещая аура, что я еще крепче вцепилась в нотус.

И снова она указала рукой, в этот раз на Косгро. С кончиков ее длинных пальцев хлынул луч зеленого света. Но как бы быстро она ни выстрелила, так же быстро ответил и ее противник, перерезав луч прутом нотуса; прут разрезал его так легко, будто это нож порезал на мелкие кусочки что-то твердое. Отрезанный кусок под углом упал на землю, где с быстро расширяющейся обугливающейся полоски земли поднялся дымок.

Я почти предугадала ее следующий ход, так что держала ветку наготове, ведь на этот раз она указала на меня. Я почувствовала жар луча, который она на меня направила, так как, хоть я и вытянула ветку насколько могла, она имела меньше силы, чем палка Косгро. Но он, отступив вполоборота, разрезал луч, которого мой ломкий щит не выдержал бы, — снова отразив удар.

— Вот видишь, — его голос был спокойным и уверенным, — нас так просто не возьмешь. Я знаю, что Народ не из тех, кто бесполезно сражается, зная, что перевес не на их стороне. Отпусти нас, ибо если мы останемся, то все время будем источником раздора. А в вашем мире сейчас таких и без того слишком много... Ведь если мы все еще будем здесь, когда ты откроешь врата, чтобы привести сюда людей, кто знает, что может случиться? Подобное тянется к подобному. Мы можем затянуть в свою компанию тех, кого ты заманиваешь. Тогда что станет с твоими планами и нуждами?

Насколько его угрозы реальны, я не знала. Но, может быть, не знала и Мелюза. Однако она устроила нам еще одну проверку. В этот раз она протянула руки к Бартаре и позвала нежным голосом:

— Бартаре, иди ко мне!

И девочка старалась изо всех сил, бросаясь на невидимый барьер, пока не упала, все еще слабо стуча по нему измученными руками. Но пройти ей не удалось. И наконец руки Мелюзы опустились, и она обратилась к Косгро:

— Если преграда ее не пропускает, она нам не нужна. Возможно, вы ее как-то испортили. Следовательно, она ваша. Ты просишь врата — хорошо, ты их получишь...

— Нет! — перебил ее Косгро с авторитарной ноткой в голосе. — Я не просил врат вообще. Я просил о наших вратах — о

тех, через которые я прошел, и тех, через которые прошли другие. Нам не нужен раскинувшийся перед нами другой странный мир; нам нужны те миры, которые были нашими перед тем, как нас затащило сюда.

Как он мог быть так уверенно требовать? Нас все равно могли обмануть. Интересно, какие меры предосторожности мы могли предпринять против подобного обмана?

— Именно ваши врата? Очень хорошо. — Эта тень улыбки, которая мне так не нравилась, становилась заметнее; от этого ее красота становилась еще более зловещей. — Ты получишь то, о чем просишь, хотя, возможно, это принесет тебе мало радости и окажется, что даже быть Между — много лучше.

— Поклянись семью именами — Архероном, Балафмаром...

Ее лицо исказилось от ужаса, и она подняла руку, будто собираясь наслать на него проклятие.

— Не оскверняй своим языком эти силы. Ты плесень, грязь, ты меньше, чем ничто! Таким, как ты, не позволено взывать к ним! Ты осквернил столь великие вещи, а потому заслуживаешь...

Он молча слушал ее мгновение, не более, и поднял прут.

— Я плесень, грязь и не смею произносить имена твоих сил? И все же я держу это — еще большую силу, и вот не взорван и не уничтожен за то, что сделал это. Я научился некоторым вашим секретам, Мелюза. И те, что узнал, я приберег до того часа, когда смогу заставить кого-нибудь из вас послужить мне. И я говорю тебе, поклянись этими именами, когда говоришь, что вернешь нас в миры, из которых мы пришли.

Она снова взяла себя в руки. Но в ее глазах горела красная ненависть.

— Я не могу вернуть вас в эти миры. Я могу только открыть врата. Возвратиться должны вы сами.

— Пусть так. Поклянись в этом.

И она поклялась, и, хотя мне имена показались неразборчивыми, они вполне удовлетворили Косгро. Когда она закончила, он кивнул.

— Что ж, хорошо. Теперь врата, Мелюза.

Я подошла к Оомарку и протянула ему руку. Он крепко схватился за нее. Потом подошла к Бартаре. Она пыталась

увильнуть от меня, но ее силы были настолько растрачены, что она не смогла отдернуть руку. Я твердо решила, что нам троим нужно быть в такой связке, чтобы быть вместе, когда мы вернемся туда, где нам и следует быть.

Потом я посмотрела на Косгро. Сейчас, когда настало время расстаться, я была смущена и расстроена. Я так много хотела сказать — и для этого совсем не было времени. И вдруг я поняла, что не хочу ехать без него. И все же это то, о чем он просил, и я должна принять его выбор.

Он все еще наблюдал за Мелюзой.

— Мы готовы, Леди.

— Идите же и взыщите мир, который сможете, — закричала она. Затем топнула ногой по дерну. От этого с огромной скоростью разверзлась трещина, будто холм разорвался на части, превращаясь в темный свод.

— Пошли! — Я в последний раз слышу, как Косгро что-то говорит... Он смело вошел в темноту; я неохотно последовала за ним, таща детей за собой.

Глава 17

Нас поглотила темнота, которая одновременно казалась и движением. У меня было ощущение, что нас подхватил и закрутил вихрь, и я больше не чувствовала свое тело; я не знала, держу ли детей, превратилась ли в какой-то обрывок, подхваченный ветром... Потом темнота стала абсолютной, и я впала в состояние безмерного покоя.

Но это состояние длилось недолго. На меня накатило недовольство, побуждавшее к действиям. И отделаться от него было невозможно, так что я открыла глаза.

Темноты уже не было. Было солнце, теплое, обжигающее меня, слепящее глаза, — естественное, нормальное солнце, которого мне так долго недоставало в том вечном тумане.

Я села и оглянулась удостовериться, что я вернулась в мир, подобный тому, в котором родилась. Полоска песка, на которой я лежала, а там дальше — красные и серые камни. Когда я увидела их, у меня в памяти что-то шевельнулось, кольнула иголочка страха. Красные камни? У меня были все основания их бояться.

Рядом — можно рукой дотянуться — лежало маленькое тело. На нем были только лохмотья бридж, но это было человеческое тело! На лбу не видно никаких рогов, а босые ноги были человеческими ногами, а не копытами! Я с облегчением вздохнула. Оомарк снова стал мальчиком, а не подменышем, которым сделало его пребывание в другом мире.

Оомарк... А где Бартаре? Она что, сбежала от меня во время перемещения, осталась на той серой планете? Я огляделась по сторонам. Нет — раскинув в стороны тонкие бледные ножки и ручки, лежала какая-то зеленая фигура, будто не мягко упала, а была неаккуратно брошена, как игрушка, к которой ребенок-великан не проявлял больше интереса.

Именно к ней я подползла прежде всего, развернула, подняла ее, испугавшись, что она не спит, что она покинула нас навсегда. Ее глаза под черной полоской бровей были плотно закрыты, а лицо стало бледным, будто она долго и тяжело болела. Но дышала она ровно и легко, будто просто спала.

— Бартаре, — я нежно позвала ее по имени, уложив ее голову себе на плечо. — Бартаре!

Она пошевелилась. Ее губы прошептали что-то, но так тихо, что я не расслышала. Потом она открыла глаза и посмотрела мне в лицо. На долю секунды мне показалось, она не узнает меня, а лишь разглядывает с легким замешательством. Потом, должно быть, память вернулась к ней, потому что на лице ее отразилась такая безутешность, какой ни одному ребенку не почувствовать. Она заплакала, не шумно и протестующе, а тихо, от глубокой печали. Слезы собирались и стекали по щекам. Рот двигался, но не издавал ни звука. Это зрелище пробудило во мне сочувствие. Я прижала ее к себе еще сильнее, укачивая ее, напевая что-то в ее взъерошенные волосы, стараясь утешить ее всеми способами, которые она от меня примет.

— Килда. — Оомарк сел и посмотрел на нас. На его лице была тень страха. Он подполз ко мне по песку и гравию, обнял и меня, и сестру, вцепившись в нас изо всех сил. Возможно, мы были единственным якорем безопасности в целом враждебном мире. Я немного отпустила Бартаре, чтобы одной рукой обнять и Оомарка, держа их обоих.

— Все хорошо, — снова и снова повторяла я монотонным речитативом. — Все хорошо, мы вернулись, вернулись домой.

Это было то самое место, откуда началось наше путешествие, — полоса русла высохшей реки с музыкальными камнями, открывшими врата между мирами. Долго ли нас не было? Я не могла понять, сколько времени прошло. Догадывалась лишь, что, должно быть, прошло несколько дней и нас наверняка уже ищут. Может, поисковая команда где-то рядом и можно найти их... Все мое тело ломило от усталости, такой сильной, какую мне еще не приходилось испытывать. Я посмотрела на ноги в этих примитивных сандалиях... ветка... Впервые я вспомнила о нотусе и посмотрела на пояс, куда спешно прикрепила ее перед тем, как ухватиться за детей у заколдованного холма. Но ветка исчезла. Но мои ноги — они снова были ногами с человеческими пальцами. Так что, должно быть, я снова вернула себе человеческое обличье, как и Оомарк.

— Я хочу есть, мне холодно. Я хочу домой! — плакал Оомарк.

— Скоро, скоро. Бартаре, дорогая, как ты думаешь, ты сможешь немножко пройти? Если мы доберемся до станции парка, то попадем домой быстро.

— Я была дома, ты меня забрала. — Ее голос был слабым, разбитым, печальным. Теперь она отталкивала меня.

— Я хочу домой, быстрее. Пожалуйста, Килда! Хочу домой! — Оомарк встал и потянул меня за руку.

Я поднялась, обозревая долину в надежде завидеть какого-нибудь спасателя, который избавил бы нас от возвращения на станцию пешком, потому что мое тело ныло от каждого движения, будто меня подвергли чрезмерному напряжению.

Но никого не было видно. Мы же в практически необитаемой области. А Косгро... А на какой планете проснулся он? Вернется на свой корабль и поднимется в новый полет первооткрывателя, сочтя испытание в серой стране лишь очередным эпизодом своей жизни, переполненной приключениями? Попытается ли он найти нас или выяснить нашу судьбу через какие-нибудь официальные каналы — а может, я могла бы отследить его? Но сейчас я не стала над этим задумываться. Важнее всего было скорее вернуться на станцию, а потом в Тамлин.

Бартаре не сопротивлялась. Казалось, она покорно приняла мысль, что не вернется в другой мир. Но продолжала тихо,

горестно плакать. Время от времени она проводила грязными ладонями по щекам, отирая слезы.

Мы поднялись до верха ущелья речного русла, когда мне стало понятно, что возвращение назад будет еще труднее, чем я думала. Измученное тело сопротивлялось каждому движению, которое я от него требовала, а дети начинали отставать. У меня не было сил помогать им. Я прислонилась к камням, еще раз обыскивая взглядом небо и землю в поисках признаков жизни.

— Килда! Вон — кто-то идет! — Оомарк указал не на небо, а поверх нагромождения камней. Только это не был сотрудник парка, ищущий нас. Вперед шла одинокая фигура, шла медленно, часто останавливаясь и опираясь о булыжники, будто ей страшно нужна была опора.

Я замахала обеими руками и закричала:

— Мы здесь! Мы здесь!

На мой крик ответили жестом, говорящим, что нас заметили, и фигура направила свою медленную поступь в нашу сторону. Должно быть, человек был ранен или болен, раз ему так тяжело давалось продвижения к нам.

Когда он подошел ближе, я разглядела, что это был молодой человек и на нем не униформа сотрудника парка. Истрепанные остатки бриджей прикрывали часть тела, а на груди была повязка. Кожа на руках и лице была очень темной — космический загар звездного странника, но на частях тела, редко подвергаемых воздействию солнца, она была цвета слоновой кости. У него не было бороды — еще одно доказательство, что он был космическим исследователем, потому что волосы на лице навсегда исчезают у них при первом полете. Темно-рыжие волосы были очень короткими — буквально щетина на черепе, хотя брови были такими же черными, как у меня. Его лицо было сухопарым и вытянутым, кости отчетливо выступали под темной кожей. Ясно было, что он был не в лучшей форме, чем мы.

Мое внимание сосредоточилось на повязке — я замерла тихо, едва дыша. Неужели?.. Но Мелюза поклялась вернуть нас в наши собственные миры. С чего бы Косгро быть здесь? Он приземлился на необитаемой планете, потом случайно прошел через врата. А это — Дилан, мир, известный и заселенный уже более ста лет.

Я прошла шаг или два навстречу и вопросительно произнесла имя:

— Джорс Косгро?

Он остановился, держась левой рукой за камень, приставив правую к глазам, будто не знал, верить ли тому, что видит.

— Так она все-таки нарушила клятву, — сказал он. — Послала вас вместе со мной.

— Нет! Наоборот! — Хотя Мелюза намеренно или ненамеренно предала его, я была рада, хоть и знала, что это для него значит. — Это же Дилан, она послала тебя с нами!

Он уставился на меня.

— Это... — отвечал он очень медленно, растягивая слова; я бы говорила так же, если бы старалась объяснить что-то ребенку, который меня почти не слушает, — планета, на которой я приземлился. Ее нет ни на одной карте — я ее открыл.

— Это же Дилан! — возразила я. — Вот оттуда мы пришли... — Я указала на скрывавшуюся за камнями станцию. — Вот там, за этими гребнями, станция парка. Там наверняка сейчас ищут нас. И мы в коротком перелете на флиттере от Тамлина, города-порта.

Он крепко сжал руку в кулак и с силой ударил по камню.

— Говорю тебе, я приземлился на неизвестной планете. Я еще не посылал о ней отчета — могу отвести тебя к своему кораблю, доказать это...

Он, безусловно, бредил; причиной бреда, наверное, была рана. Я осмотрела повязку, которую сделала. На ней не было свежих пятен. Но даже если рана и не открывалась, он, должно быть, очень перенапрягся. Мы оказались в истощении, потому что у нас было очень мало еды. Как только доберемся до станции, о нем смогут хорошо позаботиться.

— Пошли! — Оомарк подбежал и схватил Косгро за руку. — Пожалуйста, я так хочу есть. Станция недалеко, правда недалеко. Нас там покормят.

Косгро посмотрел на лицо мальчика.

— Где это место? — спросил он, будто его ответ был очень важен.

— Ну, я точно не знаю точно где, — начал Оомарк, к моему беспокойству. Его неуверенность только усилит заблуждение Косгро. — Мы недалеко от Луграанской долины и парка с флиттерами. Джентльхомо Ларгрейс привез мой класс из шко-

лы. А Килда и Бартаре приехали с другими семьями на пикник. Нам нужно было понаблюдать за луграанцами и написать доклад. И сотрудники парка сказали нам держаться вместе и не разбредаться кто куда. Они точно будут в ярости, когда найдут нас. Килда, а они так разозлятся, что скажут коменданту, и он нас накажет? — Впервые с момента возвращения он выглядел напуганно.

— Думаю, когда комендант Пизков все узнает, он поймет, — поспешила я успокоить его.

Косгро молча переводил взгляд с одного на другого. На его темном лице было выражение изумления. Но когда Оомарк снова потянул его, он пошел.

— Я хочу увидеть эту станцию, этот парк флиттеров. Покажите мне! — сказал он.

Мы с трудом пробирались по каменистой местности. Я, мягко говоря, волновалась. Меня беспокоил тот факт, что мы все еще не увидели спасателей. Сотрудники парка, уж конечно, установили бы наблюдение на одной из самых высоких точек, с окулярами дальнего действия — для слежения. И все же, если бы не наличие нескольких летательных аппаратов, эту планету действительно можно было бы счесть такой же безлюдной, какой она была по мнению Косгро.

Подойдя к вершине холма, мы посмотрели вниз на след, ведущий от платформ долины к парку флиттеров. Наличие протоптанной дороги должно было сразу же убедить Косгро.

Но — там ничего не было. Разве что слабое напоминание, что такой путь когда-то существовал. Я не ошиблась — именно здесь сбежали Бартаре и ее брат, а я последовала за ними. Чуть далее отсюда была скала, где я оставила записывающее устройство Лазка Волька. Но теперь не было не только коробки: сама скала — я огляделась по сторонам — тоже исчезла.

— Килда, где дорога? Что случилось с дорогой? — плакал Оомарк.

— Да, так где же дорога? — торжествующе вопрошал Косгро, будто это доказывало его правоту. И все же я видела слишком много ориентиров, оставшихся неизменными, так что я не ошибалась. А если присмотреться повнимательнее, то можно было разобрать остатки дороги.

— Дорога проходила здесь. И вот ее часть еще можно разглядеть! Там! Там! Там! — Я тыкала пальцем. Но то, что она

изменилась от хорошо заметного пути до такого состояния — мне было очень тяжело понять.

— Я хочу домой, пожалуйста, Килда! — испуганно говорил Оомарк.

— Мы пойдем вниз, к парку флиттеров. — Я взяла его за руку. — Сюда. — Я решительно двинулась по этому вполне удобному пути, который должен был служить нам связью с цивилизацией. Здесь недалеко... всего два поворота...

Ноги болели. Камни, так не похожие на дерн серого мира, царапали кожу сквозь хлипкие сандалии. Но я ковыляла дальше.

Парк флиттеров — да, остатки от него! Ни один флиттер не стоял на потрескавшейся поверхности, края которой торчали грубыми зубцами в тех местах, где из нее выпали большие куски. Им явно очень давно не пользовались, следов ремонта тоже не было заметно. Как такое могло произойти всего *за несколько дней?* Все выглядело так, словно прошли годы с того момента, как здесь хоть кто-то был.

От станции сотрудников парка осталась один остов. Крыша провалилась, само строение было заброшено, и, должно быть, уже давно. Наверное, я закричала, не в силах поверить тому, что видела, и все же понимая, что это не сон. Это было так же реально, как и обдувавший меня ветер, как песок, царапающий мне ноги.

Чья-то теплая рука взяла меня под локоть. Я вцепилась в Джорса Косгро, держалась за него так же, как Бартаре и Оомарк вцепились в меня.

— Пожалуйста! — Мой голос тоже был детским и напуганным. — Что, что случилось? Это... это же был парк, это станция... Был, говорю же, был!

— Есть только одно объяснение этому. Я не хотел этому верить. Но ты права. Это когда-то действительно было тем, о чем ты говоришь.

— Тогда что случилось? Отчего все так изменилось? Не может быть, чтобы такое случилось за несколько дней!

Его рука обняла мои плечи, а теплота рядом и его сила успокаивали. Меня всю трясло, и, казалось, я никогда не согреюсь.

— Есть еще одна часть легенд старой Терры — легенд о подменышах и о мире Народа. Я как-то не задумывался об этом раньше. А теперь, похоже, это действительно так.

— Что... что ты хочешь сказать?

— Что некоторые из тех, кто отправился в серый мир или кого туда забрали, вернулись обратно через — как им казалось — день, месяц, а может быть, год. Но когда они снова возвращались в свои родные места, выяснялось, что прошли года или столетия.

— Нет! — Это казалось выше моего понимания. Я закрыла глаза, отказываясь смотреть на опустошение вокруг меня, отказываясь верить, что все это — действительно дело времени и что нас многие годы считают пропавшими.

Потом он немного отстранился, сильно надавив мне руками на плечи. Он даже немного встряхнул меня, будто стараясь обратить на себя все мое внимание; я через силу открыла глаза и встретила его спокойный проницательный взгляд.

— Килда, когда ты попала в этот серый мир — какая была дата? Не планетного времени, а галактического.

— Это был... 2422 год После Полета...

— 2422 год, — повторил он. — Но, Килда, когда я здесь приземлился, был 2301 год После Посадки.

— На сто двадцать один год раньше! Не верю! — Мне хотелось отрицать это, я на такое была не согласна! И все же, оглядевшись, увидела, что доказательства очевидны. Я снова со страхом встретила его взгляд. — А... а какой год может быть сейчас? Как долго?..

— Здесь этого уж точно не выяснишь. Надо добраться до какого-нибудь поселения.

— Ближайшее очень далеко отсюда. — Я провела языком по неожиданно высохшим губам. — Без флиттера до Тамлина не доберешься.

— Но не с моим кораблем, — возразил он. — Даже сто двадцать лет не смогут повлиять на разведчика-изыскателя. Пошли.

Я охотно приняла его предложение. Чем скорее я покину это место, тем лучше, пока не привыкну к мысли, что время — наш враг. Но я видела, что Косгро был молодым человеком, — конечно, усталым и истощенным, но молодым. И дети — они тоже остались такими же, какими были, когда мы прошли сквозь врата. Моя собственная кожа была гладкой — на ней не было следов старения. Я провела кончиками пальцев по лицу. Полной уверенности не было, но на ощупь кожа была такой же гладкой и без глубоких морщин, — как на руках.

— Куда мы идем?

— Обратно... туда...

— Килда, где флиттеры? Почему все разрушено? — вмешался Оомарк. — Я хочу поехать домой.

Бартаре налетела на него:

— Нет никаких флиттеров, а может, и города тоже нет, — пронзительно закричала она. — Все исчезло — все, все! Вы хотели вернуться? Так смотрите, что из этого вышло!

— Прекрати! — В первый раз за долгое время я заговорила с ней резко. — Мы ни в чем не уверены, Бартаре. Оомарк, мы пойдем на корабль Косгро. В нем или в разведческом флиттере он отвезет нас в Тамлин.

И хотя все мы ускорили шаг, ведь всем хотелось побыстрее попасть на корабль, мы его так и не нашли. Вместо этого мы вышли на открытое место, и там Косгро резко остановился, оглядываясь вокруг, очевидно в поисках ориентиров. Когда он повернулся ко мне и заговорил, его голос был мрачным и пустым.

— Исчез.

— Я знаю. Он в парке музея в Тамлине.

Мы оба уставились на Оомарка.

— Что? Откуда ты знаешь? — хором спросили мы.

— Потому что, когда джентльхомо Ларгрейс вез нас сюда, он по дороге рассказал о таинственном корабле. Когда поселенцы только прибыли, они нашли здесь брошенного разведчика. Он тут был уже давно, потому что был такой разновидности, какой они никогда не видели. Но ничего о нем так и не выяснили — корабль был заперт. Так что в конце концов его перевезли в город в музей. Он обещал взять нас посмотреть на него во время следующей экскурсии.

— Если это в городе, придется идти туда пешком.

— Как? У нас нет припасов, а это долгий путь по незаселенной местности до ближайшего жилища — если они еще есть.

— А разве у нас сейчас есть выбор? — спросил он, и я знала, что он прав. Выбора не было — разве что остаться здесь и умереть на месте. А какими бы усталыми мы ни были, конец — это был не наш выбор.

Остаток этого кошмарного путешествия превзошел все, с чем мы сталкивались в сером мире. Не то чтобы нам угрожали чудовища из тумана, но голод не оставлял нас ни на секунду.

Косгро применял свою подготовку на выживание, и только благодаря его умениям мы остались живы.

Мы жили мясом животных, которых он ловил в ловушки, убивал метким броском камня или ударом палки. Он сражался с животными и птицами за ягоды — почти иссохшие ягоды. Лохмотья нашей прежней одежды превратились в тряпки, которые уже не закрывали наших тел, и мы носили очень непрочные заменители одежды из травы и тростника. Ноги все сильнее и сильнее болели, а потом постепенно становились все более и более огрубелыми; в отношении времени мы только подсчитывали дни с того момента, как нашли развалины станции.

И за все это время мы ни разу не видели флиттеров, вообще никаких свидетельств, что на этой планете все еще обитают люди. Я даже представить не могла, что же произошло. Когда я исчезла с Дилана, на нем был небольшой, но стабильный приток эмигрантов. С каждым годом создавалось все больше и больше плантаций и пастбищ. А сейчас мы несколько раз натыкались на травоядных животных, но быстро научились избегать их. Они совершенно одичали и стали меньше, сильнее и настороженнее, будто научились защищаться, чтобы выжить.

На двадцатый день нашего скитания мы наткнулись на первый признак того, что человек когда-то приручил эту часть земли. Вдоль холма тянулись вьющиеся виноградники, и плоды все еще свешивались с ветвей сухими увядшими гроздьями, опустошенными птицами и насекомыми; очевидно, урожай так и не собрали. Мы срывали и ели морщинистые плоды. Они были горькими и намного меньше, чем те, которые мне помнились, но это была еда, и мы не только наелись досыта, но и сделали сумки из листьев, сколотых шипами, чтобы унести с собой припасы.

Эти виноградники обросли дома и сделали их почти недоступными. Стены их были так оплетены и скрыты, что мы и не пытались проникнуть внутрь. Ясно было, что не осталось ничего, что могло бы нам пригодиться.

Но даже после этого доказательства крушения цивилизации Дилана я не теряла надежды, что город и порт все же сохранились. Если бы мы до него добрались, то нашли бы там людей, если и не тех, кого оставили, — давно ли? — то все-таки людей.

Довольно странно, но чем дальше мы продвигались, тем больше Бартаре утрачивала то, что проявлялось в ней от того серого мира, все больше становилась нормальным ребенком. И хотя Оомарк поначалу задавал беспокойные вопросы, он тоже начал принимать эти странные обстоятельства. И я подумала, что и он, и она — еще маленькие и потому могли лучше адаптироваться, чем я и Косгро. Для меня это был бесконечный кошмар, и я изо всех сил старалась проснуться и сбросить его с себя.

К счастью для моего рассудка, а возможно, и для душевного равновесия Косгро (хотя он, в силу своей профессии, был лучше подготовлен к встрече с такими странными ударами судьбы), наши дни наполняло само стремление к выживанию, продвижение вперед и присмотр за детьми, их здоровьем и благополучием. Но я почти сломилась, когда мы пробирались через заброшенные и заросшие землевладения и шли к окраинам Тамлина.

Здесь все та же бурная растительность еще не успела посеять столь страшное опустошение. Дома стояли целыми, хотя то здесь, то там недоставало крыши или виднелись другие признаки долгой заброшенности и запущенности. Казалось, Дилан погрузился в пустоту и тишину волей какого-то удара судьбы или катастрофы. Мы подошли к дому, из которого когда-то вышли, чтобы поехать на экскурсию в долину. Я вошла в сад — прямо передо мной были закрытые двери. Я нерешительно позвала. Как и ожидалось, ответа не последовало. И все-таки я подошла и открыла дверь комнаты Гаски. В ней не было даже мебели.

— Килда, все исчезло — моя одежда, моя ракушка, — все! Все пропало! — Оомарк выбежал ко мне из комнаты, которая когда-то была его. Бартаре даже не подошла к своей двери — она стояла у высохшего бассейна.

— А ты на что надеялся? — В голосе снова зазвучало ее былое нетерпение. — Все исчезло, давно исчезло! — Может, смысл всего того, что мы видели до сих пор, не так уж поражал Оомарка до этого момента. Он побледнел. Потом подошел к Косгро и спросил дрожащим голосом:

— Значит, это правда? Нас не было долго-долго?

Косгро не пытался его утешить. Вместо этого он ответил, как ответил бы мальчику намного старше или мужчине:

— Это правда, Оомарк.

— Жаль... жаль, что моя ракушка не сохранилась, — сказал он. — Папа, она была у него, когда он был маленьким. Он хотел, чтобы я всегда ее хранил. Я хотел бы, чтобы хоть она осталась...

Он медленно пошел к воротам и, повернувшись, спросил:

— А если здесь никого не осталось, что нам делать?

— Мы еще не были в порту. Если кто-то и остался, то его — или их — следует искать именно там.

Мы не заходили в другие дома. Теперь мы спешили по улицам города. А вокруг нас были только молчаливые руины.

И вот мы подошли к защитному ограждению посадочной площадки. Кораблей не было. Я и не ожидала, что они будут. Обожженные шрамы, оставленные многими стартами, все еще отмечали поле, но ведь они сохраняются потом многие годы.

— Башня управления... — Косгро будто разговаривал сам с собой; он заметил башню и направился по полю этой сожженной площадки к зданию, которое было центром жизни порта, где должно было быть полно компьютеров и устройств связи. Может, если нас и бросили здесь — у меня внутри что-то вздрогнуло, — там все еще будет работать какое-нибудь устройство и мы сможем вызвать помощь со звезд?

Я ускорила шаг, а дети побежали, стараясь угнаться за быстрым шагом Косгро. Мы добежали до центральной двери башни — закрыта. Но управление дверью все еще работало, и она нам открылась.

Косгро позвал — голос его казался раскатом грома:

— Здесь кто-нибудь есть?

Глава 18

В ту же секунду я пожалела о его словах, ибо его голос отдался пустым эхом, вернувшись зловещим стоном. Я не ожидала никакого ответа и от этого испугалась.

Из пустого воздуха авторитарным требованием прозвучали слова: «Кто там?» На долю секунды мне даже поверилось, что мы вернулись обратно на серую планету, где подобные иллюзии могли быть возможными.

— Разведчик Косгро и его спутники, — ответил мой по-

путчик. Потом он подошел к одному из экранов интеркома и ткнул пальцем в панель управления, чтобы мы появились на каком-нибудь работающем экране в здании.

Я услышала приглушенный возглас, а потом:

— Пункт наблюдения за полетной палубой. Садитесь на грав и поднимайтесь.

В правой стене плавно отворилась дверь, открыв нам шахту грава. Мы вошли, энергетическое поле охватило нас и понесло наверх. Внутри меня расслабилась лента тугого давления. Что ж, мы все-таки были на Дилане не одни. Что бы ни случилось с того дня, как мы отправились в эту роковую прогулку в долину, это было ужасным, но, по крайней мере, от этого наш вид не прекратил здесь свое существование.

Грав доставил нас на наблюдательный пункт. И как только дверь отворилась, мы увидели ожидающих нас трех человек. Но среди них не было знакомых лиц. И я поняла, что глупой была моя надежда увидеть коменданта Пизкова, который поверил бы нашему рассказу уже просто потому, что мы наконец объявились здесь и сейчас.

Эти трое были немолоды. Они были одеты в форму, но их куртки были залатанными и изношенными. У двоих был знак планетной милиции, третий был рейнджером. У них наготове были лазеры, которые они вложили обратно в кобуры, как только мы сделали шаг вперед.

— Кто вы? — спросил главный.

— Перворазведчик Джорс Косгро, Килда с'Рин, Бартаре и Оомарк Зобак, — ответил Косгро за нас всех.

— Ваш корабль — где разбился? — Рейнджер проявлял настойчивость. — Вы беженцы?

— Судя по виду, ты попал в точку. — Офицер махнул рукой другому. — Не сомневаюсь, им нужна еда. Садитесь. А ты, Бролстер, принеси припасы.

Вот так неожиданно мы заняли места в креслах тех, кто отслеживал отправляющиеся и прибывающие космические корабли, и ели еду, в существование которой мне уже почти не верилось. Что бы тут ни случилось по воле судьбы, у них все еще были саморазогревающиеся контейнеры, содержимое которых следовало смаковать кусочек за кусочком.

Однако когда острый голод был утолен и я оглядела помещение, то увидела, что оно уже не было больше рабочим

местом. Многие устройства закрыты тканью и запечатаны защитной пленкой, будто ими долго не пользовались. По сути дела, похоже, в рабочем состоянии была только высокая панель кнопок и рычажков, перед которой сидел человек, представившийся нам как район-коммандер Вейджил.

Его товарищами были патрульный Бролстер и рейнджер Кьюри; именно Кьюри взирал на нас так, словно затаил какие-то подозрения относительно целей нашего здесь пребывания.

— Вы ведь потерпели крушение, не так ли? — спросил Вейджил, когда мы поели.

Не успел еще Косгро ответить, как Оомарк подошел к нему и положил исцарапанные запачканные ручки на руку район-коммандера.

— Пожалуйста, скажите, где все? Они... они все были здесь вчера... — Он обернулся и посмотрел на меня. — Ведь это был вчера, Килда? Долго мы были в этом месте?

— Не знаю. — Довольно долго, чтобы самой испугаться, если начну распространяться об этом.

— Что... — нетерпеливо перебил Кьюри.

И снова Вейджил поднял руку:

— Не сейчас, — приказал он, прежде чем мягко, подбадривающе улыбнуться Оомарку. — Люди умерли, сынок, почти все. А что, у тебя тут был кто-то, кого ты хотел увидеть?

— Маму, она болела. А еще Рандольфа и его чертенка Гриффи, и джентльхомо Ларгрейса, и коменданта Пизкова...

Я видела, как при упоминании последнего имени Вейджил сощурился, и поняла, что это имя ему знакомо.

— И ты думаешь, они все здесь?

— Конечно. Они ведь были здесь — все были здесь, когда мы отправились в долину. А теперь... все по-другому. Все наши вещи исчезли из дома. Даже ракушка, которую мне подарил папа, — все!

— Прошло уже сорок лет, как коменданта Пизкова перевели, — тихо сказал патрульный. — Его имя было в записях, которые мы опечатали на прошлой неделе. Сорок лет!

— А какого числа вы пошли в долину? — спросил Вейджил Оомарка.

Оомарк немного нахмурился и взглянул на меня.

— Килда, когда это было?

Мне не хотелось им говорить, но выбора не было.

— Четвертого ади 2422 года После Посадки.

Они изумленно уставились на меня. Я увидела недоверие и подозрительность на двух лицах. Только Вейджил, казалось, остался непоколебимым.

— Сейчас, — сказал он, — двадцать первое нарми 2483 года После Посадки.

— Нет! — Наверное, именно мой крик ужаса убедил их.

Рука Кьюри снова потянулась назад к прикладу оружия. Но после моего возгласа его пальцы расслабились. Я подозревала, но не была уверена. Больше шестидесяти лет! А я не чувствовала, что состарилась, и дети выглядели не старше, чем тогда, когда мы попали в серый мир. А потом я вспомнила — ведь для Джорса прошло больше ста восьмидесяти лет!

— Это уловка. — Это был Кьюри. — Они шпионы, их выслали обмануть нас. — Он вытащил лазер и направил его на Косгро, наверное, считая разведчика самым опасным из всех нас.

— Не торопись! — Вейджил пристально разглядывал нас, но говорил с Оомарком: — Ты ходил здесь в школу?

— Конечно! — с нетерпением ответил Оомарк. — Я был в четвертой группе, с Рандольфом и Фюрвеллом и Портусом...

— С кем еще? — подсказал Вейджил, когда тот остановился.

— Ну, с Рандольфом и Фюрвеллом и Портусом — с ними я дружил. Но там еще были девочки — и были Бути Наверс и Клив. А... его звали так же, как вас! Он были Кливом Вейджилом! Он ваш сын? А он никогда не говорил, что у него папа военный...

— А он им и не был, — медленно ответил начальник. — Клив Вейджил был моим старшим братом.

Оомарк покачал головой.

— Не может быть. Он же маленький мальчик, как я, а вы, вы — *старый!*

— Их внедрили, снабдили этим диким рассказом и внедрили! — снова перебил Кьюри. — Наверное, посланы, чтобы дать сигнал наземному отряду змей. Лучше сжечь их прямо сейчас.

— Тихо! — На этот раз голос Вейджила был резким. — Оомарк Зобак, его сестра Бартаре и Килда с'Рин. — Указательным пальцем он показал на каждого из нас. — Да, я вспомнил! Долгие месяцы искали и так и не нашли никаких ваших сле-

дов. Дело оставили, только когда началась война. А потом ни у кого уже не было времени...

— Какая война?

И он рассказал нам; его голос звучал так, будто он старел на глазах, излагая факты, как их знали те немногие, что уцелели на Дилане. Произошло неожиданное нападение неприятельских отрядов с целью захватить кольцо внешних миров. Их разбили в сражении возле Небьюлы, но это было только начало. Уничтоженная группа была лишь разведывательным отрядом огромной армады. Последовали рейды и снова нападения. Когда враги были окончательно разбиты, вся эта часть галактики, некогда цивилизованная, погрязла в хаосе, в котором сильные выживали, а слабые быстро уходили из жизни. Между отдельными солнечными системами, даже между мирами, не осталось коммуникации. Неведомые болезни, распространявшиеся сами по себе или по чьей-то злой воле, превратили некоторые миры в склепы.

На третьем году войны весь Дилан, кроме караульной службы, спешно эвакуировали. Какое-то время поле здесь, на Тамлине, служило центром техобслуживания для небольших военных кораблей. А потом корабли перестали прилетать. Пять лет назад маленький гарнизон выслал свой собственный последний корабль-разведчик, чтобы выяснить, что случилось. Он так и не вернулся. К счастью, на складах рядом с портом оставалась огромная масса запасов топливных элементов.

Землевладения и пастбища давно превратились в пустоши. Несколько остававшихся на Дилане семей съехались в один из кварталов порта и были размещены в зданиях, изначально предназначенных для военного командования. Они все еще проводили постоянный мониторинг внепланетных комов, надеясь уловить какие-нибудь новости. Только вот уже долгое время ничего не слышали.

— Итак, — сказал Кюри, когда Вейджил закончил этот безрадостный доклад, — откуда вы прибыли? Вы беженцы? Или шпионы, которых внедрили, чтобы нас захватить?

Бартаре подошла ко мне. Теперь ее рука дотронулась до моей. Чары, которые когда-то управляли ею, отступили. Ей нужна была та слабая поддержка, которую я могла ей оказать.

— Ну же, — настаивал Кьюри. — *Откуда* вы прибыли? И не рассказывайте мне о шестидесяти годах из прошлого! Если вас

послали враги, вам это не поможет. У нас еще работают защитные поля, и мы не дадим вам их уничтожить!

— Килда? — Косгро обратился ко мне. Наверное, он считал, что мне скорее поверят, хотя чем больше я думала о нашей истории, тем она мне самой казалась невероятней. Однако, кроме правды, мы ничего не могли им предложить. Ее я и рассказала им, сократив свой рассказ до изложения голых фактов того, что произошло со мной, с Оомарком и с остальными из нашей маленькой компании. И даже в таком виде история, казалось, заняла много времени и звучала очень странно.

Когда я закончила, первым заговорил Вейджил:

— Другой пространственно-временной континуум, время от времени связанный с другими мирами.

— Хочешь сказать, ты им веришь? — резко спросил Кьюри.

— Такая теория известна, — возразил его начальник. — И она подходит к тому, что я знаю об исчезновении этих троих. — Он жестом указал на детей и меня. — А ты? — Он обратился к Косгро. — Когда ты вошел в этот мир и как?

Джорс снова рассказал о приземлении на планету в качестве перворазведчика, о том, что случайно попал в серый мир, и о годе, в котором это произошло.

— Год 2301! — Кьюри не скрывал, что не верит.

— Да, 2301 год, — повторил Косгро. — Думаю, я смогу это доказать. Оомарк говорит, что здесь был обнаружен и перевезен в музей мой разведчик. Вы все знаете их особенность. Они все на персональном коде и открываются только тому, кто его устанавливает. Если корабль все еще здесь — он откроется только для меня и ни для кого другого.

Я забыла об этой мере предосторожности разведчиков. Он не только находился на персональном коде после приземления, так что посторонний в него приникнуть не мог и в случае необходимости корабль мог служить укрытием, но и внутри был разработан так, что его управление реагировало только на одного человека: на того, кто был его пилотом. Для Джорса не было лучшего способа доказать, кто он, чем войти в этот корабль.

— В музее? — переспросил Вейджил, и потом его голос окрасился волнением: — Конечно, он все еще там. Не было оснований его перемещать.

— Тогда пойдемте к нему, скорее, — потребовал Косгро.

— Оставайся у кома, — приказал Вейджил Бролстеру. Они вели круглосуточное наблюдение, надеясь, что шепот космоса когда-нибудь подскажет им, что о них не забыли.

Мы спустились на граве и вышли на площадку перед терминалом, выжженную ракетным огнем, но не ощущавшую этого горячего дыхания уже долгие годы. Но не отправились пешком в город-призрак. У Вейджила неподалеку была припаркована наземная машина, и, хотя она была маленькая, мы все в нее втиснулись. И когда ехали по пустым улицам, гул мотора отдавался слишком уж громким эхом. Мне все меньше и меньше нравился вид этих слепых окон, и пыли, и сухих листьев, и осыпавшихся обломков у некоторых зданий. Так основательно они были построены, что вполне могли бы простоять здесь и не пятьдесят лет, а и сто, и больше: памятник мертвой колонии... Сколько еще таких миров вращалось вокруг других солнц? А ведь на некоторых, возможно, не осталось даже горстки жителей, которые могли бы проехаться по отдающих эхо городам. Наверное, некоторые были полностью сожжены и превратились в мертвые тлеющие угли, на другие нападала чума, оставляя мертвецов непохороненными лежать там, где они падали. Я старалась не думать об этом. Лучше думать о том, что если уж мы и вернулись в опустевший мир, то по крайней мере в тот, который мы знали, а не в тот серый, населенный чудовищами, что держал нас в плену.

Наконец мы притормозили у двухэтажного здания. Из-за него выглядывал, устремившись вверх, нос корабля, готовый обыскивать свою стихию — космос. Он был куда меньше, чем лайнер, доставивший нас на Дилан, даже меньше, чем средний корабль вольных торговцев. Но все же это был космический корабль, и его вид вселял надежду, что человечество еще не до конца изгнали со звезд.

Мы прошли через парадный двор музея, и Вейджил прожигал замки лазером, торопясь к тому выходу, за которым находился разведчик. Когда мы дошли, Косгро быстро вышел вперед и стал у основания одного из стабилизаторов; как бы мал ни был этот межзвездный корабль, на его фоне Косгро выглядел карликом. Он быстро обвел его взглядом. Потом медленно заговорил. Мне этот набор звуков казался бессмысленным, и все же я знала, что это кодовая фраза, какая-то звуковая комбинация, установленная как сигнал.

Сбоку открылся люк, так легко, будто Косгро покинул корабль всего час назад. Из него выдвинулся трап, с глухим звуком бухнувшийся на землю у ног исследователя. Он ухватился за него, готовый взойти на борт, но тут Кьюри кинулся, бросившись под ноги Косгро, отчего тот не свалился на землю, а скорее завалился на трап. Он был так удивлен этим нападением, что не сопротивлялся.

Вейджил выкрикнул:

— Кьюри! Ты что делаешь? Он же доказал, что не соврал. Он именно тот, за кого себя выдает. Иначе бы корабль ему не ответил.

— Не будь идиотом! — закричал Кьюри. — Он же пилот. А может, этот корабль готов к взлету? Он может взлететь — и бросить нас! Бросить нас гнить тут! — Его лицо было маской ярости. — Ну нет, он не взлетит и не бросит нас!

Теперь Косгро стал действовать. Что он сделал с человеком, прижавшим его к лестнице, мне не было видно, но тот отлетел назад. Пилот встал лицом к лицу с Кьюри; его руки сложились в формальное приглашение врукопашную. Кьюри бросился к лазеру, но оружие лежало достаточно далеко, и Косгро, подпрыгнув, нанес противнику удар в шею. Рейнджер грохнулся к опоре трапа. Косгро, готовый продолжать оборону, резко обернулся к Вейджилу.

— Расслабься. Я не такой, как Кьюри. — Вейджил сохранял спокойствие. — Ты его убил?

Косгро удивился.

— Нет. Зачем?

— А вот он бы тебя убил. — Район-коммандер извлек веревку и не без проворства прихватил сдерживающими путами запястья Кьюри.

— Слишком уж сильно Тамлин изменился, — он говорил, не глядя на нас. — Нас мало. Мы слишком долго ждали. Для некоторых из нас убить — это не слишком сложно. Мы давно приспособились. Другие из-за своего характера не могут довольствоваться в жизни тем, что осталось. Кьюри одержим мыслью, что если бы только нам удалось связаться с кем-то, Дилан бы возродился. Он не может смириться с тем, что ни одна планета не пытается связаться с нами: это означает, что или нам нечего им предложить, или уже не осталось никого, кто бы помнил, что мы здесь.

Вейджил присел на корточки.

— Ну, теперь он безопасен. Отвезу его обратно в наше убежище, дам ему остыть. Кстати — твой корабль в рабочем состоянии?

— Нужно посмотреть. — Косгро взлетел вверх по лестнице и исчез за люком. Нам казалось, прошло очень много времени. Оомарк прижался ко мне с одной стороны, Бартаре с другой.

— Килда, — спросил мальчик, — а где мы теперь будем жить? В нашем доме ведь больше нет мебели. Ничего нет...

Вейджил улыбнулся ему.

— Ну, об этом не волнуйся, сынок. У нас есть дом для всех вас. У меня внук примерно твоего возраста, и в убежище есть еще двое вроде него, и девочки тоже есть, — добавил он для Бартаре. — Наши семьи ведут хозяйство вместе, и не так уж нам плохо. Нас пятьдесят человек, у нас ресурсы целого города плюс еще около сотни ломящихся от избытка складов с одеждой, едой и всем прочим...

— Бывало, колонии распространялись по всей планете с поселений значительно меньших, — заметила я.

— Именно так. Большинство из нас это понимает. Мы ведем наблюдение в порту. Некоторые из нас, как Кьюри, верят, что это всего лишь временное положение вещей. Остальные... — Он пожал плечами. — Мы не лелеем пустые надежды. У нас много чего есть, намного больше, чем бывало у выживших в космических катастрофах, которые начинали в новом мире. И мы растем: десять из нас — дети, и будет еще больше. Мы выкарабкаемся.

С таким начальником, как Вейджил, наверное, выкарабкаются. А как же мы — где осядем мы? Неужели нам так и суждено быть Между, не принадлежа ни одному из миров?

Косгро снова показался на лестнице. Как только он ступил на землю, трап быстро поднялся и крышка люка захлопнулась.

— Работает, но нужен новый топливный элемент. Этот уже непригоден.

— Что ж, неплохо. А теперь — пойдемте назад в убежище. Бролстер уже связался с остальными, и им не терпится с вами познакомиться.

Кьюри был все еще без сознания, когда его обмякшее тело, как багаж, загрузили в машину. Снова мы проехали по тихим

улицам, направляясь обратно к порту и примыкающим к нему зданиям убежища оставшихся жителей.

Разношерстная группа с нетерпением ждала знакомства с нами. Женщины почти набросились на Оомарка, Бартаре и меня. Я уже и забыла простые радости: вымыться в освежителе, оттереть глубоко въевшуюся за дни скитаний грязь, постоять под струей, излечающей царапины и синяки. Странно было снова смотреться в зеркало, полностью одеться, пахнуть духами, которые мне предложила дочь Вейджила, — все это было прекрасно. Но знать, что меня больше не отягощают гири страха и ответственности, которые висели на мне тяжким грузом, — это было лучше всего.

Наш рассказ казался удивительным почти для всех слушателей (ведь сейчас мы рассказывали его в подробностях), как и их история для нас. Под нажимом Вейджила, хотя теперь это уже никогда бы не дошло до библиотеки Лазка Волька (и как там дела на Чалоксе? было ли собрание Волька все еще в целости и сохранности, служа источником знаний для цивилизации, — какой бы эта цивилизация ни была?), я начала без сокращений записывать на ленту наш рассказ. Потом свои впечатления добавил Оомарк, но когда я подошла с этим к Бартаре, она поначалу даже не ответила.

Хотя она держалась со своими сверстниками не полностью особняком, как раньше, но и не стала она и полностью родственной Алисе или Вензи из убежища. Когда я спросила ее во второй раз:

— Ты сделаешь это, Бартаре? Ты ведь знаешь о мире Народа намного больше, чем мы...

— С чего бы? — резко спросила она.

— Потому что это знание, а любое знание следует сохранять для будущего. — Я выдала ей кредо Лазка Волька, которое он внушал мне с детства.

— Они думают, это выдумка. — Она жестом обозначила местных жителей. — Многим хочется верить, что этого на самом деле не было. И через некоторое время так и произойдет, это будет всего лишь странная сказка-рассказ. Кому вообще нужна твоя запись? Твой Лазк Вольк никогда ее не услышит. Он, наверное, умер уже давно.

— Это не важно. Но я могу тебя только попросить, Бартаре, заставить тебя я не могу.

И тут маска, которую она носила, окончательно раскололась.

— Она больше не придет, — шепотом сказала Бартаре. — Она никогда больше не придет!

— Мелюза? — Но мне и не нужно было подтверждение. Я знала, о ком она говорит.

— Она... Она сказала, что мне не добраться до нее, там, на холме, и я не добралась. Так что я никогда и не была для Нее настоящей дочерью — вообще никогда! — Слова вырывались все быстрее и быстрее. — Раньше у меня всегда была Она — а теперь у меня нет никого!

— У тебя есть я, Бартаре, правда, у тебя есть я. — Я предложила ей все, что могла.

Она покачала головой.

— Ты этого хочешь, Килда, дать мне что-нибудь, потому что тебе меня жалко, потому что ты чувствуешь, что должна обо мне заботиться. Но тебе нечего мне дать. Ты — это ты, а я — это я, и мы слишком разные.

Она выражала в словах то, что я всегда чувствовала.

— Нет. Она не вернется, Килда. Я уже слишком много забыла. Я лежу ночью с открытыми глазами и пытаюсь вспомнить слова заклинания и что я делала, чтобы вызвать то или другое. Но они ускользают от меня. И очень скоро это и для меня станет только выдумкой. Когда это время придет, я надеюсь, мне будет уже все равно. И ведь это самое худшее, Килда, — надеяться, что мне будет все равно.

Она взяла меня за руку.

— Но не проси меня записывать это, Килда, потому что если я это сделаю, то, может быть, потом однажды мне захочется прочитать. И я кое-что вспомню, но никогда не вспомню всего, никогда!

Я понимала ее. Выбор Бартаре сделан, раз уж в сером мире за нее его сделали другие. Если она и отбросит в сторону все, что это для нее значило, то сейчас. Так что я никогда не просила ее сделать запись, хотя, согласись она, архив многим бы обогатился. Я думала о том, какое удовольствие это доставило бы Лазку Вольку... Но, как она правильно заметила, он уже никогда не сможет это прочитать.

С того дня Бартаре все больше и больше походила на других детей; может, поначалу она намеренно пыталась этого до-

биться. Но вскоре явное напряжение в этих попытках прошло. Ее былая невидимая спутница давно исчезла.

Нет, не Оомарк и не Бартаре не смогли полностью вписаться в жизнь крошечной колонии Дилана. Не смогла — я. Оказавшись выкинутой из жизни больше чем на пятьдесят лет, я так и не смогла наверстать их, хотя искренне верила, что, как и Бартаре, изо всех сил стараюсь вписаться в общество, членом которого теперь была. Я думала, что, когда вернусь из серого мира, все будет в порядке. Но теперь поняла, что ошибалась.

Вейджил привлек меня в качестве специалиста по записям для сохранения в порту официальных данных. Если колония не выживет (а над нами всегда тенью висела угроза, что неожиданная эпидемия, нападение или какое-то стихийное бедствие сметут нас с лица земли), то наши останутся для грядущих поколений. Но эта деятельность не занимала все мое время.

Как за незамужней женщиной, за мной ухаживали и настаивали на браке пятеро холостых мужчин колонии. И я знала, что рано или поздно мне придется повторить судьбу остальных представительниц моего пола на Дилане — муж, дети, узкая тропинка возможного будущего. А с этим я еще не могла смириться. Я всеми силами стремилась оттянуть необходимость принятия окончательного решения.

А Джорс в это время работал на своем корабле. Топливных элементов на складах было хоть отбавляй, но все они предназначались для военных кораблей. Это означало, что понадобится много времени и мастерства, чтобы переделать под них намного меньшее изыскательское судно. Ему предоставляли любую помощь, какой только располагала колония, потому что они видели в нем свой последний шанс установить связь с иными мирами. Как Вейджил и говорил нам, большинство колоний принимало вещи как они были, оставили надежды на межзвездные контакты и тратили силы, чтобы как можно лучше обустроить то, что их окружает. Но были и другие, не смирившиеся. Кьюри, начавший с попытки подраться с Косгро, стал его самым преданным помощником. Я предполагала, что рейнджер рассчитывает оказаться в корабле, когда тот поднимется в воздух.

Теперь я видела своего недавнего спутника очень редко. Он усердно работал и возвращался в убежище, только чтобы

поесть и поспать. Но кульминации его и мои проблемы достигли в один и тот же день.

Под конец утра Матильда, жена Вейджила, отвела меня в сторонку и заговорила прямо. Я стала яблоком раздора. Между двумя холостыми мужчинами, ни один из которых мне не нравился, случилась драка. Вообще-то, я проявляла максимум осторожности — зная ситуацию — и не выказывала благосклонности ни одному из них, стараясь проводить как можно больше времени среди женщин. Но уже сам тот факт, что я не делала выбора, становился причиной конфликта. На благо всей колонии, такое не должно повториться. Я должна сделать выбор, и немедленно.

То, что она рассуждает здраво и что это на благо всей группы, я отрицать не могла. Но то, что меня заставляют это сделать... Мое внутреннее возмущение было столь велико, что я бегом покинула убежище и направилась в тихий город. Куда я иду, значения не имело. Я шла сначала под одной улице, потом по другой. Пятеро холостых мужчин, и ни к одному из них меня совершенно не тянуло. Я не чувствовала себя частью колонии. Мне не хотелось связывать с ними свое будущее.

Я остановилась в саду дома, который когда-то был домом коменданта Пизкова. Цветущая растительность давно уже вышла из бортов клумбы, в которую ее посадили. Все слабое изгнано из существования, а плодородное и крепкое процветало. Здесь происходила борьба за жизнь, и у них я получила урок. Здесь было прекрасно и умиротворенно. Жаль, я не могла остаться в этом месте, забыв все, что ждало меня за этими полуоткрытыми воротами.

Меня вернуло к действительности позвякивание металла. Вздрогнув, я подумала, что, может быть, меня выследил один из моих настырных ухажеров. Но здесь стоял Косгро.

На нем была форма со склада. Позвякивали его космические ботинки с магнитными пластинами. Но костюм не совсем подходил ему по размеру, а руки были красными и с мозолями оттого, что он сейчас много работал.

— Я видел, как ты пришла, — по визио корабля, — сказал он почти обвинительным тоном. — Корабль готов к полету.

— Они будут в восторге.

— Они об этом не знают. Думают, у меня еще день-два.

— Почему?

Он не ответил. Вместо этого он подошел ко мне. Его натруженные руки легли мне на плечи так крепко, что стало больно, и все же я была этому рада. Он притянул меня к себе, очень близко. Потом посмотрел мне прямо в глаза, и я поняла: нам больше не нужны слова — вот то, чего я так искала, что мне было так нужно.

— Поедешь. — Это не был вопрос, но я все-таки ответила.

— Да! — И потом спросила: — Когда?

— Сейчас. У меня на борту есть припасы. Благодаря Кьюри.

— Он надеется поехать?

Косгро покачал головой.

— Я не давал таких обещаний. Но кое-что я возьму с собой. Я возьму с собой их послание. Это я сделал бы в любом случае. И, Килда, я не знаю, что нас там ждет. Если мы полетим в такой абсолютный хаос, о котором подозревает Вейджил, то это может оказаться намного хуже, чем все, что ты себе способна представить.

— Хуже серого мира ничего быть не может.

— Нельзя забрать с собой детей.

— Да. Но они сами выбрали свой путь. Оомарк здесь счастлив. Думаю, Бартаре тоже будет счастлива. Она освободилась от своей наводящей ужас спутницы, которая толкала ее на другой путь.

— А вот ты нашла спутника — ну, может, не совсем ужасного. И я буду принуждать тебя...

Я приложила пальцы к его губам.

— Ты меня ни к чему не принуждаешь. Я тоже сделала свой выбор. Куда пойдешь ты, пойду и я, даже на край звездного неба.

И мы проскользнули через необитаемый город к кораблю. Джорс привел меня в жилище, которое было для него действительно единственным домом, которое вскоре станет домом и для меня тоже. Я с радостью променяла безопасность Дилана на неизвестность, ждущую впереди нас обоих.

УГРЮМЫЙ ДУДОЧНИК

Глава первая

Мне приходилось слышать, будто ленты зексро хранятся вечно. Но даже следующее поколение может не найти ничего интересного в нашем рассказе. Из нас самих только Дайнан и, может, Гита, которая сейчас работает в хранилище инопланетных записей, в состоянии продолжить эту историю нашего времени. Мы теперь используем наше считывающее устройство только для поисков необходимой технической информации: никто не знает, насколько хватит его энергии. Поэтому моя лента может долго пролежать нетронутой, если только спустя века в иных мирах не вспомнят о нашей колонии и не заинтересуются ее судьбой или же здесь вырастут новые поколения, способные восстановить давно заглохшие механизмы. Итак, моя запись может оказаться бесполезной: за три года наше маленькое общество далеко продвинулось от цивилизации к варварству. Тем не менее каждый вечер я час посвящал записям, используя помощь всех остальных: даже дети многое могут добавить. Это рассказ об угрюмом дудочнике Гриссе Лугарде, который спас горстку соплеменников, чтобы настоящие люди не исчезли из мира, который он любил. Но мы, те, которых он спас, в сущности, так мало о нем знаем, что в записи речь пойдет больше о наших делах и поступках, а также о его смерти. Белтейн — единственная планета в секторе Скорпиона, никогда не предназначавшаяся для колонизации; она сразу была организована как экспериментальная биологическая станция. Ее климат пригоден для людей, но на планете не было разумной жизни, вообще не было высокоорганизованных живых существ. Два покрытых богатой растительностью материка разделяют широкие моря. Восточный

материк оставили для туземной жизни. Заповедники, поселки и фермы разместились на западном континенте вокруг единственного космопорта. Как часть Конфедерации Белтейн просуществовал около ста лет, до начала Войны четырех секторов. Эта война длилась десять лет. Лугард считал эту войну началом конца нашей расы и ее владычества в космосе. Время от времени возникают звездные империи, конфедерации, другие объединения. Потом они становятся слишком большими, или старыми, или же разрываются изнутри. И лопаются, как наполненный воздухом шаролист, если его проткнуть шипом; остается лишь увядшая оболочка. Впрочем, жители Белтейна приветствовали окончание военных действий с надеждой на новое начало, возврат золотого века «до войны», о котором молодое поколение знало лишь понаслышке. Может, старшие и чувствовали правду, но отворачивались от нее, как человек, прячущийся от холодного зимнего ветра. Иногда лучше не знать, что тебя ждет за углом. Население Белтейна и раньше было невелико, в основном специалисты и члены их семей, к тому же многие были призваны на военную службу, а из сотен улетевших вернулась горсточка. Моего отца среди вернувшихся не было.

Мы, Коллисы, ведем род от прибывших Первым Кораблем, но, в отличие от других, мой дед был не технером и не биомастером — он командовал силами безопасности. Поэтому с самого начала наша семья была обособлена от общества из-за различия интересов. Возможно, моему отцу не хватало честолюбия. Молодым человеком он улетел с Белтейна и прошел курс подготовки для патрульной службы. Но не старался продвинуться. Наоборот, предпочел вернуться, надеясь в свое время, как и его отец, получить пост командующего силами безопасности. Только начавшаяся война и призыв всех пригодных к службе оторвали его от родной планеты. Я, несомненно, последовал бы его примеру, но в течение десяти лет мы были изолированы от космоса, это меня и задержало. Моя мама, дочь технера, умерла еще до того, как отец улетел со своим отрядом; с тех пор я жил в семье Аренов. Имберт Арен, глава станции Кинвет, был двоюродным братом моей матери и единственным моим родственником на Белтейне. Серьезный человек, добивавшийся результатов скорее благодаря терпению и упорству, чем уму. Вообще он подозрительно

относился к неортодоксальным решениям и ссылкам на «интуицию» со стороны своих подчиненных, хотя — надо отдать ему должное — ограничивался легким неодобрением и никак не препятствовал их поискам. Его жена Ранальда, истинный гений в своей области, терпимостью не отличалась. Мы редко ее видели: она занималась какой-то закрытой темой. Очень рано все домашнее хозяйство легло на Аннет, которая была на год моложе меня. Была еще младшая сестра Гита; обычно ее видели с информационными лентами в руках; она столь же мало интересовалась домом, как и ее мать. Должно быть, узкая специализация, становившаяся все более и более необходимой по мере продвижения человека в космос, привела нас, так сказать, к мутации. Хотя наиболее пораженные ею люди возражали бы особенно яростно. Мне настоятельно советовали выбрать какую-нибудь нужную для станции профессию, но все они мне не нравились. В конце концов я стал готовиться стать рейнджером — Арен считал, что это занятие мне подходит, — но тут война, которая, впрочем, впрямую нас не затрагивала, подошла к мрачному концу. Победы не достигла ни одна из сторон, противники расходились в крайнем изнеможении. Затем начались бесконечные «мирные переговоры». Больше всего нас тревожило, что Белтейн оказался забыт основавшим его союзом. Если бы задолго до этого мы не перешли на самоснабжение и наша планета не смогла бы кормить и одевать нас, положение стало бы отчаянным. Торговля и связь с внешним миром и так сократились до одного корабля в два года в последний период войны, да и то два срока корабль пропустил. А когда он наконец прибыл, мы обнаружили, что это второсортный транспортник, доставивший горстку участников войны. Ветераны оказались слепыми и хромыми, как говорится, отходы военной машины.

Среди них был и Грисс Лугард. Первый помощник отца, он играл важную роль в моем детстве, но я не узнал спускающегося по трапу хромого человека с небольшой дорожной сумкой, казавшейся слишком тяжелой для его худых рук; вес сумки как будто клонил его набок и добавлял неуверенности в походке. Проходя мимо, он взглянул на меня, уронил сумку, поднял руку; рот на частично восстановленном (выдавала слишком гладкая кожа) лице перекосился.

— Сим!..

Он протер глаза, и я узнал его по браслету на запястье, теперь слишком просторному.

— Я Вир. А вы... — я взглянул на знаки различия на воротнике его грязного выцветшего мундира, — сектор-капитан Лугард!

— Вир, — он повторил мое имя, как будто ища в прошлом что-то знакомое. — Вир... да, ты сын Сима! Но... но... ты очень похож на Сима.

Он постоял, глядя на меня, потом поднял голову, повернулся и задумчиво огляделся. Теперь он как будто видел дальше пыли, поднятой нашими башмаками.

— Да, много времени прошло, — негромким усталым голосом сказал он. — Очень много.

Плечи его сгорбились, он наклонился за упавшей сумкой, но я опередил его.

— Куда, сэр?

В старых казармах никто не жил уже по меньшей мере пять лет, они использовались как склады. В семье Лугарда все умерли или улетели с планеты. Я решил, что Лугард может пожить у нас. Аннет может не найти комнату, ну да это неважно. Лугард глядел мимо меня на юго-западные холмы и на горы за ними.

— Есть ли у тебя флиттер, Сим... Вир?

Я покачал головой.

— Их теперь используют только в крайнем случае. У нас совсем нет для них запасных частей. Лучшее, что я смогу достать, — это хоппер.

Я знал, что, взяв хоппер, уже нарушу правила. Но Грисс Лугард был близким мне человеком, а я давно уже не встречал никого из своего детства.

— Сэр... если хотите погостить... — продолжал я.

Он отрицательно покачал головой.

— Когда часто что-то вспоминаешь, — он говорил как будто сам с собой, убеждал себя, — хочешь проверить, верно ли оно. Если сможешь достать хоппер, полетим на юго-запад, в крепость Батт.

— Но это, должно быть, развалина. С тех пор как шестой взвод улетел оттуда восемь лет назад, там никто не бывал.

Лугард пожал плечами.

— Я видел немало развалин, и эта мне понравится. — Он порылся в кармане и извлек металлическую пластинку размером

с ладонь; пластинка сверкнула на солнце. — Благодарность от правительства, Вир. Крепость Батт моя, пока я этого хочу.

— Но продовольствие...

— Там его достаточно. Все мое. Я заплатил за Батт половиной лица, здоровыми ногами и многим другим, мальчик. Теперь хочу... домой.

Он по-прежнему глядел на холмы. Я взял хоппер, указав, что лечу по делу. Этого хотел Грисс Лугард, и я преодолею любое препятствие, если потребуется. Хопперы предназначались для исследования пересеченной местности. Они двигались по поверхности, где это было возможно, и совершали прыжки, если местность становилась непроходимой. В них не предполагался комфорт; их назначение — доставить вас к месту. Мы пристегнулись к передним сиденьям, и я ввел в указатель курса координаты крепости. В наши дни приходится обеими руками держать руль. Постоянно ожидаешь поломок, и автоматике нельзя доверять.

С началом войны население Белтейна сократилось. Людей не хватало, поэтому некому было посещать отдаленные поселения; они пустели одно за другим. Я помнил, какой была крепость Батт до войны, смутно помнил детские впечатления, но уже много лет там не был. Крепость располагалась на границе лавовой местности — опасной территории, которая в далекие времена, наверно, освещала большую часть материка титаническими извержениями. Даже выветрившаяся поверхность вулканов поражала. Позже эта местность превратилась в дикую мешанину обрывов и потоков, лабиринт острых, как нож, хребтов, скрывавших там и тут островки растительности. Говорили, что, помимо сложности самой территории, здесь есть и другие опасности — звери, сбежавшие из экспериментальных лабораторий и нашедшие идеальное логово в этом забытом углу. Правда, это только слухи. Очевидцев не находилось. Тем не менее возникла традиция, и здесь никогда не выпускали из рук шокера.

Мы свернули с дороги на тропу, такую незаметную, что я не увидел бы ее, если бы не показал Лугард. Но он показал уверенно, как будто видел ориентиры в ярком свете солнца. Вскоре мы были уже в незаселенных местах. Я хотел спросить его, но не решался задавать вопросы: Лугард явно был занят своими мыслями.

Он найдет и другие изменения на Белтейне, менее заметные, чем покинутые поселения, хотя тоже значительные. Исчезли целые группы населения: сначала военные, затем ученые и технеры. Оставшиеся неосознанно, а может, кое в чем и сознательно изменили атмосферу. Война шла далеко и особенно большого влияния на нашу планету не оказала. Она сказалась в сводках, в сокращении поставок и специалистов, в растущем раздражении людей, которых отрывали от исследований и заставляли заниматься поиском новых способов убийства. Я слышал, что в секциях военных проблем намеренно затягивались работы. А пять лет назад произошел гневный взрыв, последний командующий и такие люди, как доктор Корсон, обменялись угрозами. Но затем командующий отбыл по приказу, и Белтейн вернулся к мирному существованию.

Общее настроение у нас теперь пацифистское — настолько, что я сомневался, найдет ли Лугард место среди людей, не хотевших никаких перемен. Да, конечно, он здесь родился. Но, как и мой отец, рос в военной семье и не смешивался с кланами поселенцев. О крепости Батт он говорит как о своей. Так ли это? Или его прислали сюда для организации нового гарнизона? Вряд ли это будут приветствовать.

Тропа настолько заросла, что мне пришлось подняться в воздух, держась над вершинами кустов. Если вслед за Лугардом действительно прибудет гарнизон, может, там найдутся технеры-механики, способные чинить наши машины? Они уже дошли до такого состояния, что поселенцы поговаривали о возвращении к вьючным животным.

— Поднимись выше! — приказал Лугард.

Я покачал головой.

— Нет. Если хоппер рассыплется здесь, мы можем еще приземлиться живыми. Не хочу рисковать.

Он посмотрел сначала на меня, потом на хоппер, как будто увидел его впервые. Глаза его сузились.

— Какая развалина...

— Один из лучших, какой можно найти, — быстро ответил я. — Машины не ремонтируются сами. Роботы-технеры заняты в лабораториях. С тех пор как коммандер Тасмонд улетел с остатками гарнизона, поставок не было. Большинство хопперов пришлось разобрать на запчасти, а недостающее приходится заменять надеждой.

И вновь я встретился с его вопросительным взглядом.

— Так плохо? — негромко спросил он.

— А что такое «плохо»? Комитет решил, что в конечном счете это хорошо. Его членам нравится, что на планету перестали поступать приказы. Партия вольных торговцев надеется на независимость и свободную торговлю. А тем временем ремонтные работы ведутся в первую очередь в лабораториях, остальное распадается. Но никто, ни один член Комитета не хочет возвращения контроля извне.

— Кто руководит?

— Комитет... главы секций... Корсон, Арен, Элси, Власта...

— Корсон, Арен, да... А кто такой Элси?

— Он из Етхолма.

— А Ватсилл?

— Призван и улетел. И Праз тоже, и Барнтол. Вся молодежь. И кое-кто из самых умных.

— Корфу?

— Он... он покончил с собой.

— Что? — Лугард явно удивился. — Я получил письмо... — Потом покачал головой. — Оно долго шло... отсюда. А почему?

— Официальное заключение: нервное истощение.

— А что на самом деле?

— Говорят, открыл нечто чрезвычайно смертоносное. Его заставляли продолжать исследования. Он не хотел. На него надавили, и он побоялся, что не выдержит. Вот и позаботился, чтобы выдержать. Этот слух устраивает Комитет. Один из доводов против инопланетного контроля. Они говорят, что никогда больше не вложат оружия в чужие руки.

— У них и не будет такой возможности — нет подходящих рук, — сухо заметил Лугард. — И мечты о торговле им тоже лучше оставить. Распад уже рядом, парень. Каждая планета старается извлечь максимум из своих ресурсов и радуется, если на них никто другой не претендует...

— Но ведь война кончилась!

Лугард покачал головой.

— Формально да. Но она разорвала Конфедерацию на клочки. Закон и порядок... мы не увидим их в наше время, не оттуда... — он указал худой рукой на небо над нами. — Не в наше время и, наверно, не в следующих поколениях.

Удачливые планеты, богатые природными ресурсами, еще одно-два поколения будут удерживаться в рамках цивилизации. Другие быстро покатятся вниз. К тому же появятся волки...

— Волки?

— Старое название агрессоров. Кажется, так называли хищников, охотившихся стаями. Их свирепые нападения в нашей генетической памяти. Да, будут и волчьи стаи.

— С Четырех Звезд?

— Нет. Они пострадали не меньше нас. Но есть остатки разбитых флотов, корабли, чьи родные планеты сожжены, у которых нет домашнего порта. Они легко превращаются в разбойников, продолжают вести жизнь, как в последние годы, только сменив название — не отряды регулярной армии, а пираты. Богатые планеты первыми подвергнутся нападениям... а также места, где они смогут основать базы...

Я подумал, что знаю теперь, зачем он вернулся.

— За вами прибудет гарнизон, чтобы защищать Белтейн...

— Я хотел бы этого, Вир, хотел бы! — Искренность его хриплого голоса произвела на меня впечатление. — Нет, я получил государственную собственность в качестве пенсии и к облегчению казначея. У меня права на крепость Батт со всем содержимым, вот и все. А почему я вернулся... что ж, здесь я родился и хочу, чтобы кости мои покоились в почве Белтейна. Теперь поверни на юг...

Следы старой дороги почти исчезли. Последствия одного-двух размывов почти скрыли быстрорастущие лианы. Мы находились в местности со следами старых лавовых потоков. Местная растительность приспособилась к пустыне. Была середина лета, период цветения почти закончился. Но кое-где все еще виднелся поздний цветок, маленький цветной флажок. На лианах повисли зреющие желтые плоды. Дважды при приближении хоппера взлетали птицы, оторванные от кормежки.

Мы покружились над обрывом и увидели перед собою Батт. Нельзя было лучше приспособиться к местности: часть горы удалена, на ее месте сторожевой пост. Он был организован сразу же после Первой Посадки, когда оставались сомнения относительно местной фауны, и должен был служить защитой на пути в дикую лавовую местность. Хотя вскоре стало

ясно, что необходимости в такой защите нет, крепость служила штаб-квартирой местных патрульных групп, пока они еще были.

Я посадил хоппер на площадку у главного входа. Двери оказались засыпанными песком и выглядели так, будто их заварили. Лугард неуклюже выбрался из машины. Он потянулся за сумкой, но я уже протягивал ее. Судя по сумке, он путешествовал налегке, и если там нет никаких припасов... Что ж, может, он передумает и захочет, пусть даже временно, погостить в нашей секции.

Он не запретил мне следовать за собой, просто пошел, держа в руках металлическую пластинку, которую я уже видел в порту. Подойдя к засыпанной песком двери, он долго стоял, глядя на крепость, как будто ожидал, что одно из разбитых окон откроется и оттуда его окликнут. Затем чуть нагнулся, всматриваясь в дверь. Протер рукой ее поверхность, вложил пластинку в прорезь замка. За последние годы я потерял веру в надежность и выносливость механизмов и поэтому ожидал разочарования. Но на этот раз я ошибся. Конечно, последовали мгновения ожидания, но затем казавшаяся цельной поверхность неслышно раздвинулась. Одновременно вспыхнул свет, и мы увидели длинный коридор с закрытыми дверями по обе стороны

— Проверьте, есть ли продовольствие, — сказал я.

Он повернулся, чтобы взять сумку, которую я все еще нес, и улыбнулся.

— Хорошо. Входи и проверь...

Я принял приглашение, хотя и догадывался, что он предпочел бы остаться в одиночестве. Но я теперь знал Белтейн лучше его. Я улечу в хоппере, а он... он будет здесь совершенно один. Он прошел по коридору к двери в дальнем конце, быстро и решительно провел рукой над пластиной, вделанной в ее поверхность. Дверь открылась, мы стояли перед гравилифтом. Тут Лугард проявил осторожность, бросив в лифт свою сумку. Она начала медленно опускаться. Видя это, он спокойно шагнул следом. Мне пришлось заставить себя сделать шаг: доверие к старым механизмам кончилось. Мы опустились на два этажа; я покрылся потом, ожидая, что механизм в любой миг откажет и мы ударимся о пол внизу. Но наши башмаки с легким толчком коснулись поверхности, и мы оказались в

подземном складе крепости. В полутьме я увидел сложные механизмы. Значит, я ошибался, думая, что после моего отъезда у Лугарда не будет транспорта. А он повернул направо, где в нише лежало множество контейнеров и ящиков.

— Видишь... припасов здесь хватит, — и он кивком указал на это внушительное зрелище.

Я огляделся. Слева располагались стойки для оружия, но пустые. Лугард прошел мимо меня и стянул чехол с одной машины. Пластиковое покрытие соскользнуло с копателя, уткнувшего в пол свой заостренный нос. Моя надежда обнаружить флиттер померкла. Вероятно, уходившие захватили с собой не только оружие, но и транспортные средства. Лугард отвернулся от копателя, на этот раз движения его были полны энергии.

— Не сомневайся, Вир. Здесь всего хватает.

Намек в его словах был достаточно ясен, я тут же вернулся к лифту, и мы поднялись во входной коридор. Я уже направлялся к выходу, когда он остановил меня.

— Вир...

— Да?

Я повернулся. Он смотрел на меня, как бы не зная, говорить ли дальше. Мне показалось, что он преодолевает какое-то внутреннее препятствие.

— Если найдешь еще раз дорогу сюда, заглядывай.

Возможно, это не слишком теплое приглашение. Но принимая во внимание, от кого оно исходит, я не сомневался в его искренности.

— Загляну, — пообещал я.

Он стоял на пороге и смотрел мне вслед. Легкий вечерний ветерок уже нанес песок в коридор. Уходя, я обернулся, помахал рукой и увидел, как в ответ он поднял руку. Затем я направился в Кинвет, оставив последнего солдата Белтейна в избранном им убежище. Мне почему-то неприятно было думать об одиночестве Лугарда в крепости. Там его преследуют тени тех, кто когда-то ходил по этим коридорам и никогда не вернется. Но спорить с выбором Грисса Лугарда никто не решился бы. Опустившись на хоппере в Кинвете, я увидел огни сквозь вечерний сумрак.

— Вир? — окликнула меня из дома Гита. — Аннет велела поторопиться. У нас собрание...

Собрание? Да, вот и еще один хоппер с кодом Етхолма на хвосте, а за ним флиттер из Хайчекса. Похоже, у нас собирается полкомитета. Но... почему? Я ускорил шаг и на время забыл о крепости Батт и ее новом командире.

Глава вторая

Возможно, под крышей Аренов в этот вечер собрался и не весь Комитет, но люди, разговаривавшие за закрытыми дверьми, возглавили бы любое заседание Комитета. Я-то думал, что придется отчитываться за взятый хоппер. Да если бы я предпочел флиттер, это тоже не заметили бы. Аннет, которая накрывала на стол, прежде чем позвать гостей из отцовского кабинета, объяснила причину необычного собрания.

Корабль, который привез Лугарда и других ветеранов, оказывается, имел еще одно поручение. Когда капитан вышел из гипера, с ним связался другой корабль, о котором нам не было известно. И Комитет получил прошение. Начали сбываться предсказания Лугарда, хотя его взгляд на происходящее казался чересчур мрачным. Существовали корабли без портов, чьи родные планеты превратились в радиоактивные уголья, на их поверхности жизнь теперь невозможна. Один из таких кораблей сейчас находился на орбите над Белтейном и просил разрешения на посадку и поселение.

Белтейн, по самой причине своего возникновения, — там с самого начала была организована экспериментальная биологическая станция, — был «закрытой» планетой, с единственным портом, доступным для получивших разрешение кораблей. Но эта закрытость исчезла с концом войны. По правде говоря, населенные районы занимали такую ничтожную часть материка, что нас нельзя было даже назвать осваиваемым миром, несмотря на немалое количество поселков вокруг порта. Весь восточный материк оставался незаселенным и открытым для любой колонизации. Победят ли старые запреты? А если нет, то не станет ли это сигналом для всех отбросов войны? Я думал о мрачном пророчестве Лугарда, о волчьих стаях, рыщущих среди межзвездных трасс в поисках беззащитных жертв. Знают ли люди, совещающиеся в кабинете Арена, о такой возможности? Вряд ли.

Я взял тарелку с поджаренным хлебом и понес ее на стол. Обслуживающие роботы давно исчезли, осталось несколько в лабораториях. Мы возвращались к прошлому и использовали для работы мышечную силу — руки, ноги, спину. Аннет хорошо готовила — я всегда предпочитал ее обеды той пище, которую предлагали в порту, — там на кухне еще действовал роботовар. Аппетитный запах жареного хлеба заставил вспомнить, что я не ел с полудня, а обед в порту был еще хуже, чем обычно.

Вернувшись за подносом с чашками, я заметил, что Аннет смотрит в окно.

— Где ты взял хоппер?

— В порту. Нужно было отвезти пассажира в глушь.

Она удивленно взглянула на меня:

— В глушь? Но кого?..

— Грисса Лугарда. Он хотел добраться до Батта. Прибыл в транспорте.

— Грисс Лугард?.. Кто это?

— Служил с моим отцом. До войны командовал Баттом.

«До войны» для нее было еще загадочнее, чем для меня. Когда до нас дошли первые сообщения о конфликте, Аннет едва вышла из ясельного возраста. Сомневаюсь, чтобы она помнила предшествующее время.

— Зачем он прилетел? Он ведь солдат?

Солдаты, люди, сделавшие войну своей профессией, теперь на Белтейне легенда, как удивительные существа из детских лент.

— Он родился здесь. Ему отдали крепость...

— Ты хочешь сказать, что там опять будет гарнизон? Но война кончилась. Отец... Комитет... они будут возражать. Ты знаешь Первый закон...

Еще бы не знать! Мне вдалбливали его в уши и, предположительно, в голову достаточно долго. «Война бесцельна; нет таких противоречий, которые не могли бы преодолеть терпеливые разумные люди, обладающие доброй волей и связанные друг с другом».

— Нет, он один. Больше не служит. Он был тяжело ранен.

— Должно быть, спятил к тому же, — Аннет начала наливать суп в супницу, — если собирается жить в глуши.

— Кто собирается жить в глуши? — Это ворвалась Гита, держа в руках множество ложек.

— Человек по имени Грисс Лугард.

— Грисс Лугард... а, второй комендант Лугард. — Она удивила меня, как часто удивляла всех. Улыбнувшись нашему удивлению, резко тряхнула волосами. — А что тут такого? Я умею читать. И читала не только сказки. Я читала исторические записи — историю Белтейна. Это все есть в старых лентах. И еще много другого. О том, как второй комендант Грисс Лугард отыскал в лавовых пещерах реликты, он нашел там следы Предтеч. Из Прайм Центра должны были прислать кого-то для проверки, но началась война. И никто уже не прилетел. Я много читала, чтобы узнать, что же там нашли. Бьюсь об заклад, он явился, чтобы взглянуть на сокровища — сокровища Предтеч! Вир, а нельзя ли нам стать его помощниками?

Следы Предтеч? Если Гита сказала, что прочла об этом в лентах, так оно и есть. В таких делах она не ошибалась. Но я никогда не слышал о следах Предтеч на Белтейне.

Выйдя за пределы солнечной системы, вырастившей человека, мы вскоре обнаружили, что не одиноки в своих поисках миров дальнего космоса. На межзвездных дорогах мы встретили других. И по галактическому счету они тоже были новичками, хотя опередили наши робкие шаги к звездам на сотни лет. Были и такие, что вышли в космос до них, и такие, что вышли еще раньше, и еще, и еще... невозможно перечислить поднимавшиеся и распадавшиеся империи или сосчитать, сколько поколений долгожителей сменилось с тех пор, как корабли Предтеч садились на давно забытые планеты.

Когда-то шла оживленная торговля предметами, оставленными Предтечами, особенно на центральных планетах внутренних систем, где было много богатых людей, желавших потратить свои богатства. Конечно, покупали и музеи, но, говорят, самые крупные сделки заключались с частными коллекционерами. Если лента, которую читала Гита, говорила правду, я мог понять причину возвращения Лугарда в Батт. Получив в свое владение крепость, он получил и права на все последующие находки. Но какая ему теперь польза от этого?.. Нет, если дела действительно так плохи, как он говорит, можно наткнуться на целый склад Предтеч и ничего не получить от этого.

Но мысль о сокровищах всегда притягивает. И реакция моя была такой же, как у Гиты, — отправиться на поиски. От этой мысли кровь побежала быстрее.

Лавовые пещеры не место для благоразумных, разве только знаешь местность и хорошо вооружен против любой неожиданности. Эти пещеры образованы не действием воды, а, скорее, рождены из огня. Языки лавы стекали по склонам, поверхность их застывала, а внутренность оставалась жидкой и продолжала течь, образуя пустоты. Проходили века, крыша пустот могла обрушиться, открывая их внешнему миру. Длинные лавовые коридоры тянулись на мили. Местность вокруг них была изрезана трещинами, кое-где потолки пещер совершенно провалились, местами образовались естественные перемычки-мосты. Встречались и кратеры, обрушившиеся вулканические конусы — опасности, делающие местность недоступной для обычного путешественника.

— Можно, Вир? А может, и бродяги смогут? — Гита возбужденно стучала ложкой о ложку.

— Конечно, нет! — Аннет повернулась к ней от плиты, держа в руках половник. — Местность опасна, а бродяги — еще дети; ты знаешь это, Гита!

— Не одни они пойдут, — возразила Гита, не успокаиваясь. — Вир пойдет, а может, и ты. Все по правилам — не заблудимся. И я никогда не была в лавовых пещерах...

— Аннет, — позвал из другой комнаты Арен. — Мы торопимся, дочь.

— Да, иду... — Она вернулась к супнице. — Отнеси ложки, Гита. А ты, Вир, пожалуйста, кувшины.

Мать девочек не пришла. В этом не было ничего необычного: эксперименты в лабораториях идут без перерыва на обед, и Аннет давно перестала посылать туда еду или оставлять матери порцию. И поэтому она чаще всего кормила нас тем, что можно разогреть повторно или даже в третий раз. Гости и хозяин уже сидели за столом, мы сели с краю, понимая, что нельзя мешать. Не будучи членом Комитета, я обычно находил такие встречи скучными. Но сегодня могло быть по-другому. Впрочем, если я и надеялся услышать новости о корабле беженцев, меня ждало разочарование. Корсон ел механически, как человек, занятый какими-то мыслями. Арен молчал. Только Алек Элси похвалил еду, приготовленную Аннет, потом повернулся ко мне:

— Ты подготовил хороший отчет, Коллис, о северном склоне.

Если бы это сказал Корсон, я был бы доволен, даже польщен. Но я знал, что мой отчет мало интересует Элси, он просто поддерживает разговор. Я пробормотал «спасибо», и на этом все бы кончилось, если бы не Гита. Если Гита чего-то захочет, то — я хорошо знал это — рано или поздно своего добивается.

— Вир сегодня был в лавовой местности. А вы там бывали, первый тех Элси?

— Лавовая местность? — Он помолчал и удивленно поднял чашку кофе. — Зачем? Там даже не было картографирования... сплошь пустыня. Что ты там делал, Коллис?

— Отвозил одного... сектор-капитана Лугарда. Он сейчас в крепости Батт.

— Лугард? — Арен оторвался от своих мыслей. — Грисс Лугард? Что он делает на Белтейне?

— Не знаю. Говорит, что ему отдали Батт...

— Новый гарнизон! — Арен со стуком опустил чашку на стол, расплескав кофе. — Мы не допустим такой глупости снова! Война закончена! Необходимости в службе безопасности больше нет! — В его устах слово «безопасность» звучало как ругательство. — Опасности нет, и мы не потерпим над собой никакого контроля! Чем скорее они поймут это, тем лучше. — Он перевел взгляд с Элси на Корсона. — Все дело получает теперь другое освещение.

Но какое дело, он не объяснил. Наоборот, потребовал от меня подробного рассказа обо всем, что я узнал от Лугарда, а когда я закончил, вмешался Элси:

— Похоже, Лугард будет жить в крепости на пенсии.

— Это может быть маскировкой, — Арен все еще был возбужден. — Его документы в порту... Они могут прояснить нам кое-что. — Он снова обратил внимание на меня. — Присматривай за ним, Вир. Он пригласил тебя и потому не удивится, если ты появишься снова...

Предложение мне не понравилось, но я не мог сразу отказаться, во всяком случае, не в присутствии остальных, да еще за его столом, который он сделал и моим. Возвращение Лугарда задело Арена за живое, иначе он не стал бы предлагать шпионить за человеком, который был другом моего отца.

— Отец, — снова вмешалась Гита, по-прежнему добиваясь своего, — а можно Виру взять нас с собой? Бродяги никогда не были в лавовых землях.

Я думал, Арен утихомирит ее одним из своих взглядов, которые действовали безотказно. Но он этого не сделал и вообще не ответил, зато заговорил Элси:

— А, бродяги? И каковы же их последние достижения, моя дорогая?

Он из числа тех взрослых, которые не умеют разговаривать с детьми, в голосе его появился сюсюкающий оттенок, который — правда, в меньшей степени — чувствовался и в разговоре со мной. Когда нужно, Гита умеет быть вежливой. Она улыбнулась главе Етхолма, а улыбка у нее обаятельная.

— Мы побывали в инкубаторе для ящериц и записали их писк, — ответила она, — для экспериментов доктора Дрекса в области связи.

Мысленно я одобрительно поаплодировал. Она напомнила отцу о добровольной помощи в важных делах и тем самым подкрепила свою просьбу.

— Да, — согласился Арен, — это была хорошая работа, Элси, ребята проявили терпение и настойчивость. Значит, вы хотите побывать на лавовых полях...

Я был удивлен. Неужели он согласится? Аннет напротив меня напряглась, губы ее шевельнулись, она готова была возразить. Но Арен заговорил снова, обращаясь на этот раз ко мне:

— Полезная организация эти бродяги, Коллис. Вы хорошо дополняете учебные ленты. Жаль, что мы не можем также развить и инопланетную науку. Но теперь, с окончанием войны, для этого появляются возможности.

Я думал, верит ли он сам в это. Организация бродяг была скорее идеей Гиты, хотя она вовлекла меня и так крепко привязала, что я теперь не мог бы отказаться, даже если бы захотел.

Первые поселенцы на Белтейне собирались выращивать из своих детей касту ученых. Собственно, это было частью плана всей организации станции. Но война помешала этому плану, как и многому другому. Инопланетная наука могла уйти за эти годы далеко вперед. Мы об этом догадывались. Но наши знания так специализировались и сузились, нам так не хватало свежей информации, что, по нашим подсчетам, мы отстали лет на десять, а может, и на все сто. Одна из задач наших воспитателей — препятствовать этому процессу отставания. Но лучшие из них были призваны на военную службу. Оставались самые пожилые и, следовательно, более консервативные.

Затем, на третьем году войны, разразилась эпидемия (по слухам — у нас всегда ходят слухи, — эпидемию вызвали слишком ретивые эксперименты в военных разработках; в результате — ссора между руководителями секторов и закрытие двух проектов). После этого стали еще меньше заботиться о воспитании подрастающего поколения. Время от времени родители выбирались из лабораторий и ужасались отсутствию систематического образования у детей. Потом внезапное изменение хода собственного эксперимента привлекало их внимание и они забывали о детях. В Кинвете никогда не было много детей, а сейчас их только восемь, от семилетних близнецов Дагни и Дайнана Норкотов до Теда Мейки, которому исполнилось четырнадцать и который считал себя — и тем раздражал окружающих — вполне взрослым.

Гита с детства была командиршей. У нее живое воображение и абсолютная память. Она читала все ленты, какие могла раздобыть, — лабораторные записи читать запрещалось — и потому обладала самыми разнообразными и удивительными познаниями. Она прекрасно отличала факты от вымысла, с одинаковой легкостью сочиняла небылицы и отвечала на серьезные вопросы. Для младших она стала кладезем премудрости. Они предпочитали обращаться к ней, а не ко взрослым: родители были настолько заняты, что по существу у нас образовались две социальные группы, различающиеся по возрасту.

Организовав своих последователей, Гита принялась за меня. И я обнаружил, что, хочу или не хочу, а уже чаще предводительствую экспедициями бродяг, чем занимаюсь собственной подготовкой к рейнджерству. Вначале я отказывался от такой ответственности, но Гита прекрасно поддерживала дисциплину: достаточно было пригрозить бродяге, что его оставят в одиночестве, и он выполнял любой приказ. И вскоре я стал гордиться тем, что учу младших. Аннет, строго говоря, не была одной из нас. Она никогда не доверяла энтузиазму Гиты и считала, что сестра не учитывает опасности. Но когда походы возглавлял я, она не выражала опасений: знала, что я не буду рисковать. Иногда она участвовала в наших экспедициях, выполняя роль снабженца. И — должен с похвалой отметить — никогда не жаловалась в пути. Но отправиться с бродягами в лавовую местность — тут я на стороне Аннет и готов ее поддержать.

Между тем Арен принялся расспрашивать младшую дочь.

— Ты все продумала? — Он, по крайней мере, знал, как разговаривать с младшими: в голосе его звучал неподдельный интерес, как если бы он расспрашивал коллегу.

— Еще нет, — честно ответила Гита. Она никогда не пыталась что-то скрыть. — Но мы уже были на болотах и несколько раз в горах, а там ни разу. А для расширения кругозора... — она обычно так объясняла необходимость новых предприятий, — мы бы хотели осмотреть крепость Батт.

Я заметил, что она не упомянула о сокровищах Предтеч.

— Расширение кругозора? Как ты на это смотришь, Вир? Ты сегодня там побывал в хоппере. Как местность?

Уклониться от ответа было нельзя, как ни хотелось. Ему достаточно взглянуть на показания приборов, чтобы узнать правду. Впрочем, не думаю, чтобы Имберт Арен стал меня проверять. Я достаточно хорошо знал его, чтобы понять: он уже принял решение. Он хочет, чтобы мы отправились на лавовые поля, — вернее, к крепости Батт. И легко догадаться о причине — ему нужны сведения о Лугарде. Возможно, он считал, что получит их от Гиты, если не от меня. У детей острый взгляд, они многое замечают.

— Вокруг крепости местность проходимая. Дальше я бы не пошел без предварительной разведки.

— Гита, — повернулся к ней отец, — достаточно ли поездки к крепости для расширения кругозора?

— Да! А когда — завтра? — выпалила она.

— Завтра? Что ж, можно и завтра. Аннет, — обратился он к старшей дочери, — завтра мы будем в порту. Мама тоже. Думаю, там же будут Норкоты и Ваймарки. У нас общее собрание. Почему бы не устроить тебе выходной? Захватите еды — как это говорится — сухим пайком.

Я был уверен, что Аннет возразит. Но как бы она ни была настроена, возражать не стала. Гита радостно вскрикнула. Она уже мысленно составляла перечень всего необходимого для поисков сокровищ Предтеч.

— Передай привет сектор-капитану, — обратился ко мне Арен. — Скажи, что мы будем рады видеть его в порту. Его опыт нам полезен.

В этом я сомневался: Арен неоднократно и предельно ясно выражал свое мнение о военных; вряд ли он станет слушать

Лугарда. Арен так хотел ускорить наш отъезд, что разрешил взять грузовой хоппер; его недавно отремонтировали, и он мог вместить всю группу. Как только ужин окончился, Гита отправилась предупреждать свою компанию о завтрашнем путешествии. Я помогал Аннет убирать со стола и видел, как она хмурилась, засовывая тарелки в единственный действующий кухонный механизм — инфрамойку.

— Отцу нужны сведения о Гриссе Лугарде, — внезапно сказала она. — Он ему не доверяет.

— Ему стоит встретиться с Лугардом, и он узнает правду.

— Мне не понравилось, как нас хотят использовать.

— Лугард определенно не намерен завладеть Белтейном. Он, вероятно, хочет, чтобы его оставили в покое... не думаю, чтобы он нам обрадовался.

— Ему есть что скрывать?

— Он хочет мира и спокойствия.

— Солдат?!

— Даже они устают от войны.

Я и раньше сталкивался с ее склонностью к предвзятым мнениям. Так ее учили всю жизнь. Я же у Аренов был скорее гостем, чем членом семьи, и потому больше полагался на обстоятельства; в десятилетнем возрасте я кулаками защищал мнение отсутствующего отца; меня тогда строго наказали.

— Может быть. — Я ее не убедил. — Ты веришь в эти сокровища Предтеч? Ведь не было никаких следов находок.

— Да мы ведь и не искали, — возразил я не потому, что верил в сокровища, а потому, что это была правда. Конечно, большая часть западного материка охвачена аэрофотосъемкой, там работало несколько исследовательских отрядов, поэтому почти вся территория обследована, но есть и белые пятна, о которых многое еще предстоит узнать. Земля наша обширна и пуста. Беженцы с корабля, если им разрешат высадку, смогут найти подходящее место на севере, юге или дальше на западе и нисколько не помешают нам.

Мы решили выступить рано, но те, кто отправлялся в порт, опередили нас. Я понял, что собирается не просто Комитет; будут присутствовать все, кто сможет, чтобы обсудить просьбу корабля. Для детей же этот вопрос не представлял интереса. Гита столько говорила о лавовой местности, что я боялся разочарования.

Я сел в кресло пилота, осмотрелся и дал ясно понять пассажирам, что мы направляемся к крепости Батт, а не за крепость. Далее. Мы не будем приставать к Лугарду, не будем заходить без его приглашения; в глубине души я надеялся, что такое приглашение не последует. Если он умен, то, увидев нас на экране, предоставит возможность бродить снаружи. Отдельно я внушил Гите, что если Лугард проявит гостеприимство, она не станет упоминать Предтеч или нечто подобное. Она ответила презрительным взглядом. Будто она не знает, что делать! Я такой же ограниченный, заметила она, как и Аннет. Если таковы все взрослые, она раздобудет в лаборатории приостанавливающие рост таблетки и как можно дольше постарается оставаться такой, как сейчас. Она себе и такой нравится!

Дорога из Кинвета была короче, чем из порта. В прежние времена Кинвет был первым звеном в цепи, связывавшей Батт с остальными поселками. Менее чем через час мы приземлились на усыпанной песком посадочной площадке. Я ожидал, что ворота крепости будут закрыты, однако они были открыты навстречу утреннему солнцу; рядом стоял Лугард, как будто пригласил нас и теперь встречал.

Подчиняясь приказу, бродяги держались позади, пока я объяснял наше появление; сзади слышались приглушенные возгласы. Ветеран был не один. На его худом плече восседал хервин, как будто был знаком с ним с того времени, как вылупился из яйца. К ногам Лугарда жался горный хеней. В руках хозяин Батта держал тонкий темно-красный стержень. Лугард не окликнул нас, не начал разговор, он поднес стержень к губам. И начал играть — и, услышав чистые ноты, похожие на капли весеннего дождя, хервин засвистел свою утреннюю песню, а хеней начал покачиваться на когтистых лапах — неуклюже танцевал. Не знаю, сколько мы стояли, слушая эту музыку: раньше я ничего подобного не слышал. Музыка увлекла нас. Наконец Лугард опустил дудочку и улыбнулся.

— Магия, — негромко сказал он, — друфинская магия.

Он издал еще одну ноту, и тут же хервин взлетел и поднялся прямо в небо, а хеней, казалось, впервые увидел нас, испуганно заворчал и неуклюже заторопился в убежище среди скал.

— Добро пожаловать. — Лугард продолжал улыбаться. — Я Грисс, а вы?..

Дети, будто освободившись от колдовства, подбежали к

нему, и каждый назвал свое имя. Лугард приветствовал всех и предложил осмотреть Батт, разрешив заходить в любую комнату, дверь в которую не заперта. Когда дети исчезли в коридоре, Лугард взглянул на меня, на Аннет, снова на меня; на лице его появилось мрачное выражение.

— Корабль беженцев... — это был не вопрос, а скорее приказ отвечать, — что решили относительно корабля?

— Не знаем. Сегодня собрание в порту.

Лугард захромал на освещенное солнцем место.

— Одолжи мне твой хоппер. — Опять это был скорее приказ, чем просьба. — Неужели они настолько глупы, что позволят им приземлиться?..

Я молча отошел — так велика была его озабоченность. Ясно, что его преследовала одна какая-то навязчивая мысль. Он уже сидел в кабине, когда Аннет крикнула:

— Вир! Он увозит всю нашу еду... и оставляет нас здесь. Когда он вернется? Останови его!

Задержать хоппер было уже невозможно. Я схватил Аннет за руку и дернул назад, подальше от маленького песчаного водоворота, поднятого взлетающим хоппером. Она потребовала ответить, почему я позволил ему улететь. По правде говоря, у меня не было ответа. Но я убедил ее, что мы сможем использовать припасы Лугарда, и вообще неплохо бы посмотреть, что там делают бродяги.

Глава третья

— На самом деле это не волшебство, — услышали мы из какой-то комнаты голос Гиты. — Неужели ты никогда не читала ленты, Прита? Вибрации, звуки, они привлекают зверей и птиц. Не знаю, что такое «друфинский», — вероятно, что-то инопланетное. Но это звук... может, особая дудочка для таких звуков...

Как обычно, она сразу отделила реальное от нереального. Я часто думаю: что есть реальное и что нереальное? Нереальное для одного человека или даже целого народа может быть реальным для других. К сожалению, в библиотеках Белтейна было очень мало информации об иных мирах — в основном научные работы. Но я слышал много рассказов астронавтов,

и не все рассказывались только для того, чтобы поразить аборигенов. Для меня друфинская магия ничего не значила, но, несомненно, объяснение Гиты было верным. Впрочем, было о чем подумать и кроме этой волшебной музыки.

— С такой дудочкой, — вмешался Тед, — хорошо охотиться: никогда не придешь с пустыми руками.

— Нет! — Гита возразила так же быстро, как она возражала против сверхъестественного. — Это ловушка и...

Я вошел в комнату. Гита, с пылающими щеками, смотрела на Теда, каждая черточка ее лица выражала возмущение. За нею младшие дети застыли, как оцепеневшие. На стороне Теда был лишь Айфорс Джулиан. Такие стычки происходили и раньше, я их все время ожидал. Возможно, когда-нибудь разница во мнениях заставит Теда покинуть бродяг. Он хочет действовать, ему нужны более сильные впечатления, чем мы можем предложить.

— Второй Закон, Тед, — сказал я, хотя это отбрасывало меня в мир взрослых. Но этого напоминания было достаточно, чтобы подавить мятеж.

Второй Закон: «Мы ценим жизнь и благополучие, но и наши младшие братья ценят их. Нельзя отбирать жизнь бессмысленно или удовлетворяя древнее проклятие нашего племени — бесцельную жестокость».

На Белтейне нет необходимости в охоте — разве чтобы получить образцы для лабораторных исследований. К тому же нужно с этими образцами обходиться осторожно, чтобы впоследствии их можно было выпустить в заповедники. Заповедники разбросаны по всей планете, их обитатели изучаются. Основная цель исследований — мутанты из горных заповедников. Их интеллектуальный уровень искусственно повышен, некоторые из этих животных даже участвовали в войне, в «звериных отрядах», под контролем людей. Я надеялся стать таким контролером. Поскольку процесс обучения был прерван, я хотел убедить руководителей работ, что практика не менее полезна теперь, чем инопланетная наука, сведения о которой, возможно, никогда больше не будут доступны. Я охотился со шокером и показывал бродягам свои видеозаписи. Возможно, это было ошибкой. Тед... ну, мы жили в мире без насилия; размышления и эксперименты в четырех стенах — наша главная деятельность. За последние годы было несколько случаев

беспричинных убийств и грабежей. Преступников отправили в психиатрическую лабораторию в порту, а истории замяли. Но... возможно, не только машины выходили из строя на Белтейне в последние годы. Я думал о тупике в обучении. Если не идешь вперед, то и на месте не остаешься — отступаешь. Неужели мы отступаем? Нас по-прежнему ограничивает закон, позволяющий жить в мире с окружающей природой и друг с другом. Но...

— Вир... — Тед сменил тему. То ли он хотел уйти от обвинений Гиты, то ли действительно заинтересовался. — Что это?

Он указал на стены. Время почти не коснулось их. Вероятно, Батт был закрыт герметически. Краски оставались яркими, как будто их нанесли только что. Три стены комнаты были сплошными, четвертая разделялась входной дверью на две высокие панели. Все стены были заняты картами, изображавшими поверхность планеты. Поселения обозначались выключенными лампочками. Были обозначены и давно покинутые пункты безопасности, большей частью просто сторожевые посты. Под каждой стеной — табло с набором кнопок и рычажков, перед каждым табло — рабочее кресло, легко передвигавшееся вдоль стены. В центре комнаты — небольшое возвышение, а на нем — пятое кресло. Дайнан Норкот, сев в него, обнаружил, что оно вращается. Детские воспоминания зашевелились во мне. В возрасте Дайнана я был тут однажды и видел в этом кресле отца — он медленно поворачивался, глядя на мигавшие на табло огоньки. Синие огоньки — секторы, красные — посты безопасности, желтые... нет, зеленые — заповедники.

— Это центр связи, — сказал я Теду.

Не просто центр связи, а главный центр, более важный, чем расположенный в порту. Крепость Батт была наиболее надежным пунктом, поэтому здесь и разместили самые главные механизмы. Работают ли они? Огни не горят, но, может, их просто отключили. Я подошел к северной стене. Вот порт... Наклонившись над табло, я понял, что так неудобно работать, и поэтому сел в кресло и принялся изучать цифры и надписи на табло. Наконец я нашел нужную кнопку.

В комнату ворвались голоса; Аннет вскрикнула; мы смотрели на стену, откуда доносились звуки, такие отчетливые, как будто говорящие стояли перед нами. Дагни Норкот подбежала к моему креслу.

— Это мой папа, — заявила она. — Но ведь он в порту...

Голос ослаб, как будто Норкот отошел от микрофона или иссякала энергия аппаратуры. Рядом со мной теперь стояла Аннет:

— Мы не должны подслушивать, о чем говорят в Комитете.

Правда. Но я хотел знать, насколько эффективна система связи, поэтому отключил порт и нажал кнопку Етхолма. И снова прием. Не так четко, как голос Норкота, но достаточно, чтобы убедиться, что старая установка действует.

— Понимаешь, — Тед втиснулся между Аннет и моим креслом, — этот Лугард может слышать все, оставаясь здесь. А нет ли тут видеоэкрана?

Опять я вспомнил. Встав из кресла у северной стены, я направился к центру, куда только что взгромоздился Дайнан. После двух неудачных попыток я то ли припомнил, то ли случайно нашел нужную комбинацию из двух кнопок в ручке кресла плюс еще рычажок внизу. Часть стены скользнула в сторону, обнажив экран.

— Ага! — В этом восклицании выразилась крайняя заинтересованность Теда. — А теперь что?

Я быстро взглянул на карту. Не хотелось заглядывать в населенные секторы. Первым бросился в глаза заброшенный пост безопасности на крайнем севере.

— Тед, нажми первую кнопку в первом ряду, — приказал я, в то же время прижимая кнопки у себя.

На экране появились блики, а затем изображение, такое смутное, что я вначале решил, будто не хватает энергии. Но постепенно картина прояснилась: мы увидели другую комнату. В ней тоже контрольное табло и несколько кресел. Но одна стена расколота большой трещиной и...

— Смотрите — рогатый бородавочник!

Мы были поражены. В кресле действительно сидел рогатый бородавочник. Пупырчатая кожа, заостренная морда, голова с двумя выступающими рогами делали его отталкивающим. Он сидел в кресле, положив перепончатые лапы на подлокотники, и смотрел на нас. Возможно, мы случайно включили приемный экран на северном пункте. Бородавочник выглядел почти разумным, как будто был занят своим тайным делом в чужом доме и очень удивился, увидев нас. Мы видели его раздувающееся горло, слышали приглушенное, но вполне узна-

ваемое хриплое рычание. Он наклонился к нам, морда его заполнила экран, и я услышал голос Приты:

— Нет! Нет!

Я отпустил кнопку, экран погас, и стена скользнула на место.

— Мне это не нравится! Он смотрел на нас! — Голос Приты перешел в плач.

Я повернулся, но Аннет уже обняла Приту.

— Ты знаешь рогатых бородавочников, — успокаивающе сказала она. — Их нечего бояться. И даже если этот видел нас, он испугался, как и ты. — Она повернулась ко мне. — Вир, это ведь был старый сторожевой пост? — После моего кивка она продолжала: — Он пустует много лет. У бородавочника там, наверное, логово.

— Он смотрел на нас, — повторила Прита.

— А мы на него, — ответила Аннет. — Мы квиты. И это место очень далеко от нас.

— Два дня пути в хоппере, Прита, — вмешался я. — Туда больше никто не ездит.

— Вир, — Гита, стоя за Тедом, указывала на табло. — Давай попробуем другую. Может, эту?

— Нет! — выпалила Аннет, прежде чем я смог ответить. — Довольно подслушивать и подглядывать! Сектор-капитан Лугард увез наши припасы, посмотрим, что есть в его шкафах. Ведь мы можем этим воспользоваться, Вир?

— Конечно, — поддержал я ее, но на всякий случай задержался, чтобы убедиться, что покидаю комнату последним.

Передо мной неохотно вышли Гита и Тед, они постоянно оглядывались на заманчивую возможность подсматривать в любом месте по всей планете.

— Вир!

Маленькая рука скользнула в мою. Я взглянул в почти треугольное лицо Приты. Семьи, положившие начало заселения Белтейна, происходили с разных планет: их подбирали в соответствии с особыми способностями и талантами. Они представляли множество различных типов. Некоторые испытали значительные физические мутации. Прита Ваймарк, на месяц моложе Гиты, была ростом с Дагни, хотя старше ее на пять лет. Но ее хрупкие кости и стройное тело были вовсе не детскими. Она обладала живым умом, но и робостью, повышенной чувствительностью к тому, что другие совсем не замечали или

чувствовали очень смутно. Ее ангельское лицо теперь казалось озабоченным.

— Вир, — повторила она почти шепотом, — этот бородавочник... он... он смотрел на нас.

— Да? — подбодрил я ее.

За этим утверждением скрывалась какая-то тревога. Я тоже смутно чувствовал что-то, беспокоило, как это существо сидело в кресле перед табло: его поза и поведение пародировали дежурного наблюдателя.

— Он... он... не... — Она запнулась, как будто не могла облечь тревожившую ее мысль в слова.

— Возможно, просто необычна его поза в кресле. Бородавочников никогда не обучали, ты знаешь. Они слишком неразвиты. И мы наткнулись на сторожевой пост далеко в пустыне. Это ведь не заповедник.

— Может быть... — Но я понял, что она не успокоилась.

— Когда вернемся, Прита, — постарался я ее успокоить, — я сообщу об этом. Если с бородавочниками проводились эксперименты и один из них сбежал, об этом есть записи. Но никто не боится даже экспериментальных животных — ты и это знаешь.

— Да, Вир. Просто он так сидел, глядя на нас...

Но она продолжала держать меня за руку, пока мы не дошли до последней открытой двери. Внутри Аннет рассматривала этикетки на консервных банках, доставая их из только что открытого ящика и ставя на стол. За этим столом когда-то размещался за обедом весь гарнизон. Кухня Лугарда оказалась простой: он соединил две портативные плитки. Посуда сложена в ящике, и Тед с грохотом доставал ее оттуда. У дальней стены находились громадные установки с дисками для набора заказов, но нам хватало блюд Лугарда. Гита передавала Айфорсу то, что отобрала Аннет, Айфорс вставлял банки в подогреватель. Все очень четко и эффективно.

— Похоже, голодными мы не останемся, — заметил я.

Аннет с возбужденным лицом повернулась ко мне.

— Вир, настоящий кофе! Не суррогат! И множество инопланетных блюд. Даже ломтики дичи с гарниром из листьев фасса — мы такого много лет не видали!

— Лугард, должно быть, пользуется запасами офицерской столовой. — Я принялся рассматривать этикетки.

Мы хорошо питались на Белтейне, наш обычный стол мог показаться роскошным на другой планете: биолаборатории снабжали нас большим количеством мясных продуктов. Но уже очень давно не было импорта, а мы слышали, хотя сами не могли попробовать, ностальгические воспоминания взрослых о разных лакомствах. В конце концов благоразумие взяло верх, и Аннет выбрала для еды не экзотические блюда, а те, что не обещали никаких неожиданностей со стороны наших непривычных желудков. Вначале мы ели осторожно, а затем с обычным хорошим аппетитом. Когда мы кончили, Аннет поставила в ряд несколько банок и задумчиво взглянула на меня.

— Как ты думаешь, он согласится продать это? — спросила она. — Мне бы хотелось их сохранить для празднования Двенадцати Дней.

— Почему бы не спросить? Ему должен понравиться свежий хлеб, ягодные варенья или даже глубоко замороженный обед. Консервы надоедают, даже инопланетные. А теперь, — я обратился ко всем, — давайте наведем порядок.

Дисциплина победила, хотя я знал, что им хочется заняться исследованиями. Я заметил, что дверь гравилифта заперта, за что был благодарен Лугарду. Ребята подчинятся правилам, за запертые двери заглядывать не станут.

Я отключал нагреватель, когда что-то заставило меня пересчитать присутствующих. Двоих не было — Теда и Айфорса. Я позвал их по имени. Аннет обернулась, но Дайнан объяснил:

— Они ушли, как только убрали посуду, Вир.

Комната связи? Вполне в духе Теда; впрочем, вряд ли даже Тед сможет включить экраны. Тем не менее я быстро пошел по коридору: Тед все чаще нарушает дисциплину, а мне не хочется, чтобы между нами происходили стычки.

— Грисс Лугард!

Слова звучали громко, они разносились по коридору, отражаясь от стен. Я вошел в тот момент, когда Тед убрал руку с кнопки. По-видимому, он хотел отключить звук, но старую установку заело, и голос продолжал греметь.

— Таково положение, джентльхомо. — Голос Лугарда, усиленный радиоприемом, звучал резко. — Их обещаниям нельзя доверять...

— Только с вашей точки зрения, сектор-капитан. — Это Сцильд Дрекс. — Ум военного всюду видит опасности...

— Ум военного! — ясно послышался ответ Лугарда. — Я думал, что объяснил понятно: ситуация так же очевидна, как солнце у вас над головой! Вы хотите мира. Вы считаете, что война окончена. Может, она и кончилась, та война, которую мы вели, но и мира теперь нет — есть вакуум, в котором нет законов. Та защита, на которую мог рассчитывать мир, истощилась. И в этом вакууме, подобно вашим вирусам, распространяется анархия. Планета, не готовая к самозащите, станет мишенью грабителей. Существуют разбитые флоты, уничтоженные миры. Люди, уцелевшие в этих битвах, почти всю жизнь сеяли вокруг себя смерть. Это их привычный образ жизни — убивай или будешь убит, отбирай или погибни. У них нет дома, им некуда возвращаться, их дом теперь — корабль. И нет больше контроля из центра, нет страха за последствия, если они отнимут у слабого, у тех, кто не может или не хочет противостоять им. Вы позволите этому кораблю сесть, только одному кораблю, этим бедным заблудшим людям, как вы говорите. Дадим им землю, ведь у нас ее достаточно. Один шанс из ста, что они искренни. Но девяносто девять шансов, что вы сами откроете дверь собственной гибели. Один корабль, два, три, удобная база, откуда можно пиратствовать. И я спрашиваю вас, Корсон, Дрекс, Арен, все остальные. Это правительственная экспериментальная станция. Что здесь разрабатывалось? Какие ваши тайны люди без совести смогут использовать как оружие?

Наступила тишина. Лугард как будто бросил всем вызов. Потом мы услышали голос Корсона:

— Ничего такого нет — по крайней мере сейчас. Когда нас принуждали к подобным экспериментам, мы отказывались, а когда административного надзора не стало, мы уничтожили все результаты.

— Все? — переспросил Лугард. — Записи, образцы, может быть, — но не вашу память. И пока у человека сохраняется память, всегда есть способ использовать ее.

Послышался резкий звук — хлопок ладони о ровную поверхность.

— Опасаться такого насилия нечего, сектор-капитан Лугард. Я... мы считаем, что ваша прежняя служба приучила вас видеть темные замыслы за каждым поступком. У нас нет оснований не считать этих людей теми, за кого они себя выдают, — беженцами, ищущими новой жизни. Они приглашают

нас к себе на борт убедиться, что они пришли с миром. Мы не прогоним голодающих от своей двери, мы не можем отвергнуть этих людей и по-прежнему считаться обществом, стремящимся к миру. Предлагаю поставить вопрос на голосование. И считаю, что вы, сектор-капитан, не можете в нем участвовать. Вы не настолько наш.

— Да будет так... — На этот раз голос Лугарда звучал устало. — «И когда Ямар возвысил голос, его не слушали. И когда он закричал, со смехом прижали руки к ушам. И когда он показал им облако над горами, ответили, что оно далеко и сюда не придет. А когда на холмах сверкнули мечи и он указал на это, ему ответили, что это солнце отражается в ручье».

Плач Ямара! Как давно я не слышал, чтобы его цитировали. Да и к чему он на Белтейне? Ямар — легендарный солдатский пророк. Его сагу заучивают все новобранцы, постигая разницу между военным и штатским.

Снова звук — стук по полу подошв. Какое-то бормотание, затем голос Арена:

— Если больше помех нет, приступим к голосованию.

И тут, хотя Тед перестал бороться с кнопкой, в комнате связи наступило молчание. Тед снова нажал кнопку, рассчитывая на этот раз включить звук. Ответа не было.

— Вир... — за мной стояла Гита. — О чем говорил Грисс Лугард? Почему он не хотел, чтобы беженцы высадились?

— Он... боится, что это пираты... что нас ограбят. — Не думая о слушателях, я сказал ей правду.

— Да это просто глупо, — сказала Аннет. — Впрочем, не следует винить сектор-капитана. Он солдат и не понимает нашего образа жизни. Пойдем, Тед, не нужно было подслушивать заседание Комитета...

Тед слегка виновато взглянул на нас:

— Я не хотел... мы пытались узнать, сколько станций еще действует. Я нажал кнопку по ошибке, и она застряла. Правда, так и было.

— А теперь... — Аннет огляделась, окружающее ей явно не нравилось, — теперь нам лучше уйти. У нас не было права входить сюда.

— Он сказал, что мы можем входить в любую комнату с открытой дверью, — быстро ответила Гита. — А в этой дверь открыта. Вир, — обратилась она ко мне, — можно нам поднять-

ся на сторожевую башню и поглядеть на лавовые поля, раз уж идти туда мы не можем?

Мне это показалось разумным желанием, а когда мы обнаружили, что дверь, ведущая на верхние этажи Батта, не заперта, мы пошли туда. Мы поднялись по лестнице, в верхней части довольно крутой. Аннет предпочла остаться внизу с близнецами Норкотами и Притой, которая не выносила высоты. Наконец мы вышли на продуваемую ветром площадку, по которой когда-то расхаживали часовые. Я достал бинокль и взглянул на север и на запад. Тут и там виднелись темно-зеленые пятна растительности, местной для Белтейна, в отличие от светло-зеленых инопланетных растений, которые росли вокруг поселков. Кое-где лежали темные, почти черные тени. Повсюду тянулись потоки застывшей лавы, собиравшиеся в огромные карманы. Были и другие лавовые образования; никогда я не видел такой заброшенной, проклятой местности. Даже если тут и есть какая-то жизнь, можно искать годами и не напасть на след.

— Да... — Тед отрегулировал свой бинокль. — Будто сунули палку в сургуч, повернули несколько раз и дали застыть. А где пещеры?

— Я знаю не больше тебя. Я бывал раньше в Батте, но совсем маленьким. В пустыню меня не брали. Не помню, чтобы я когда-нибудь видел пещеры. Может, меня туда и не водили.

— Вир, а сколько им лет... этим лавовым потокам? — задумчиво спросила Гита.

— Посмотри в геологических лентах. Я все равно не знаю. — Я отстегнул бинокль и протянул его Айфорсу, который потом по очереди передаст его Сабиану и Эмрису.

— Они старые, очень старые, — настаивала она.

— Несомненно.

— Тогда, если пещеры тоже старые, их возраст не меньше, чем возраст... Предтеч.

— Кто знает, когда они жили? Было ведь множество видов Предтеч, — уклончиво ответил я, стараясь поймать взгляд Гиты и предупредить ее, чтобы не распространялась насчет поисков сокровищ. Но она локтями опиралась на парапет и, держа бинокль Теда обеими руками, рассматривала дикую местность.

— Предтечи? — К несчастью, Тед расслышал. — А при чем тут Предтечи? Ведь здесь нет никаких руин.

Прежде чем я смог остановить ее, Гита ответила:

— И это все, что ты знаешь?! Грисс Лугард отыскал до войны следы Предтеч в лавовых пещерах. Отец говорит, что Лугард готовит Батт для нового гарнизона и Комитет не допустит этого. Комитет включит отражающий луч, если попробуют высадить солдат. Лугард появился раньше, чем они узнали о его планах, и больше ничего подобного они не допустят. Но если он вернулся, чтобы искать сокровища Предтеч... Может, он позволит нам помогать ему... или Комитет заставит его...

— Тед! Гита всего лишь наткнулась на слух в старых лентах. Вот и все. Мы не станем упоминать об этом в разговорах с Гриссом Лугардом или дома... понятно? Это запрет.

Я обратился к их собственному правилу. «Запрет» — это информация, которая держится в тайне от всех, даже от меня. И я всегда уважал их запреты. В данном случае это было особенно важно.

Тед обернулся, но в его ответе не было и следа вызова.

— Согласен! — Он использовал обычную формулу.

Тогда я повернулся к Гите:

— Запрет?

Она энергично кивнула:

— Запрет!

Остальные поддержали ее.

— Вир. — Эмрис нацелил бинокль на восток. — Что-то приближается... хоппер, я думаю. Идет на максимальной скорости...

Я взял у него бинокль и посмотрел в том направлении. Наш хоппер — с Лугардом. Наверно, пора убираться отсюда. Я повел свою команду вниз.

Глава четвертая

Если бы мы ожидали увидеть какую-нибудь реакцию Лугарда на происшедшее в порту, то были бы разочарованы. Внешне он выглядел обычно. С улыбкой захромал к дверям Батта; впрочем, лицо его было слегка искривлено восстановленной тканью левой щеки и челюсти.

— Прошу прощения, джентльфем, — обратился он к Аннет, используя вежливое инопланетное обращение и свобод-

ной рукой делая приветственный жест; в другой руке он нес корзину с едой, которую утром упаковала Аннет. — Похоже, в спешке я прихватил ваш обед. Надеюсь, вы нашли, чем его заменить...

— Да, — коротко ответила она. Но потом тоже улыбнулась и добавила: — Нашли получше, чем в моей корзине, сектор-капитан.

— Не сектор-капитан, — поправил он. — Я в отставке, никем не командую и не буду. Я Грисс Лугард, владелец Батта. Но никакого отношения к силам безопасности не имею. Их больше не будет на Белтейне.

Тон его, вначале легкий и приветливый, стал серьезным: он предупреждал о чем-то, а не просто объяснял свое присутствие. Затем настроение его снова изменилось, вернулась улыбка.

— Как вам моя крепость? — Вопрос был адресован нам всем.

— Боюсь, мы слишком многое себе позволили, хотя вы разрешили входить в открытые комнаты, — заговорил я. Лучше сразу признаться, что мы наткнулись на систему связи, — возможно, он хотел сохранить ее в тайне. — Мы включили вызов...

Он не перестал улыбаться:

— Да? И он сработал? И хорошо?

Может ли быть, что он сам не испытал систему, что ему не любопытно было проверить сеть, раскинутую по всей планете?

— Связь действует. Мы поймали часть вашего выступления на Комитете. — Пусть сразу узнает об этом. Если нас вышвырнут за то, что подслушивали... что ж, пожалуй, мы заслужили.

— Мое красноречие, не сдвинувшее горы предубеждений.

По-прежнему он был спокоен. Может, знал, что мы подслушаем? Но как это возможно? А может... может, он хотел, чтобы мы это сделали? Но зачем? Я догадывался, что на этот вопрос он не захочет ответить. Прита подошла ближе и взглянула прямо в его восстановленное лицо.

— Мы видели кое-что еще...

— В зале Комитета? — Все тот же беспечный тон.

— Нет. Вир говорит, что это один из старых постов безопасности. Там в кресле сидел рогатый бородавочник... он вел себя как... как человек!

— Что? — Впервые его безмятежность была нарушена. — Что ты хочешь сказать?

— Мы включили видеоэкран, — объяснил я, — и наткнулись на пост Дикий риф. Эта штука сидела в кресле у табло и смотрела прямо на нас. Конечно, случайное совпадение, но впечатляющее.

— Может быть, — согласился он. — Но если экран работал и в том конце, бородавочник испугался не меньше, правда, Прита? — Он запомнил ее имя из всех названных утром. — Не думаю, что нам нужно бояться нашествия рогатых бородавочников... Не их.

Другое дело беженцы на корабле, подумал я. Несмотря на внешнюю невозмутимость, внутренне Лугард не принял спокойствия бельтанской жизни. Впрочем, трудно было в это поверить в оставшуюся часть дня. Аннет была покорена им, как и все бродяги. Я думаю, даже любопытство Гиты относительно Предтеч отошло на второй план перед непрерывным потоком рассказов Лугарда. Он говорил о планах организации новых заповедников, где будут изучать местную жизнь, применяя инопланетную технику. Он с ней хорошо знаком. Он не хочет работать с мутантами, только с нормальными животными. Его рассказы и замыслы захватывали, и мы поверили, что именно такую жизнь он и собирается вести. Он снова достал свою дудочку, и ее звуки, очаровывавшие зверей и птиц, очаровали и нас. Он играл, мы слушали и не замечали, как идет время, пока он со смехом не отложил инструмент.

— Вы высоко оценили мою скромную музыку, друзья. Но тени удлиняются, близится ночь, и я думаю, если вы задержитесь здесь, возможны неприятности...

— Вир! — Аннет вскочила на ноги. — Солнце почти село! Мы здесь уже много часов! Простите, Грисс Лугард, — она слегка запнулась, произнося его имя, — мы слишком злоупотребили вашим гостеприимством.

— Но, милая леди, это не злоупотребление. В Батте одиноко. В любое время вас — всех вас — тут ждут с радостью. Эта дверь не будет закрываться.

Он коснулся рукой поверхности двери, как бы подкрепляя свое приглашение.

— Мы можем прийти снова? — спросила Гита. — Когда?

Он рассмеялся.

— Когда хочешь, Гита. Все вместе и любой из вас — когда захотите.

Мы попрощались с благодарностью. Но, направляя хоппер к Кинвету, я гадал, вернемся ли мы когда-нибудь в Батт. Выступление Лугарда в Комитете вряд ли улучшило мнение о нем, и Арен и его коллеги, вероятно, сочтут, что контакты с отставным офицером отрицательно повлияют на молодежь. К моему удивлению, однако, никто из нынешних руководителей Белтейна даже не упомянул о споре с Лугардом. Нас расспросили о событиях дня. Мы не упомянули о нашем невольном подслушивании. Но я не считал это обманом. Бродяги молча согласились со мной: они, по-видимому, решили, что вся эта история — для взрослых запрет. В остальном они были свободны и с подробностями рассказывали о планах Лугарда по изучению дикой жизни. Я инстинктивно сомневался в этих планах, но именно их Лугард назвал причиной своего возвращения на Белтейн.

— Значит, он просил вас вернуться, — заметил Арен, когда Гита кончила. — Но не злоупотребляй его вежливостью, дочь. Он здесь со специальным заданием.

— Специальное задание?! — Я не сдержал восклицания.

— Да. Но мы считаем, что это не все. К несчастью, он на все склонен смотреть с военной точки зрения, хоть и порвал с армией. Думаю, из-за ранений. Теперь у него статус поселенца-рейнджера... и в контракте особо отмечено разрешение на археологические раскопки.

— Предтечи! — воскликнула Гита и торжествующе посмотрела на меня. — Я была права...

Но ее отец покачал головой:

— Не Предтечи, нет. Здесь никогда не было их следов. Но перед войной Лугард нашел в лавовой пещере какие-то странные реликты. Тогда не было времени на исследования: уже вспыхнуло пламя всемирного безумия. Реликты так и не были изучены, сам Лугард призван в космос и не успел ничего сделать. Потом крыша пещеры обвалилась и закрыла его находки. Теперь, выйдя на пенсию, он попросил в качестве платы крепость Батт и окружающую местность — и получил их. Все это есть в портовых документах. Вероятно, ему потребуется время, чтобы найти то место. Теперь, Вир, — он обратился непосредственно ко мне, — я не хочу, чтобы дети мешали Лугарду. Бедняга, он и так много пережил. Его взгляды на жизнь не

должны нас раздражать. Он так долго жил в мире насилия, что теперь видит его повсюду. Если ему нужно общество, может быть, именно молодежь... — Он задумчиво посмотрел на нас и добавил: — Он что-нибудь говорил вам о заседании Комитета? Как-то комментировал его решение?

— Какое решение, отец? — спросила Аннет, хотя, вероятно, как и я, догадывалась об ответе — впрочем, он соответствовал ее взглядам.

— Было решено предложить беженцам дружбу и убежище, — ответил несколько нетерпеливо Арен и вернулся к интересовавшей его теме: — Лугард ничего не говорил об этом? Никаких замечаний?

Я мог бы солгать, но он спрашивал не меня.

— Я тебе сказала, — Гита проявляла нетерпимость, когда ее захватывала какая-то идея. — Он говорил о животных и пригласил нас приходить еще. И он играл на дудочке...

— Ну, хорошо. Не вижу ничего дурного, если вы снова отправитесь в Батт, но подождите приглашения. А ты, Вир, завтра отвезешь туда специальное послание Комитета. Мы хотим кое-что уточнить, чтобы потом не было недоразумений.

Он не сказал, что за послание. Но я отчасти догадывался, что было в ленте, которую на следующее утро повез в Батт. И когда я передал ее Лугарду, бровь на здоровой половине его лица дернулась. Он криво усмехнулся. Лугард выбрался из-под сложного механизма, который я не знал, хотя он слегка напоминал культиватор. Только на месте рыхлителя была стрела с заостренным концом. А вдоль борта тянулся транспортер с ковшами. Все еще улыбаясь, Лугард переложил ленту из одной руки в другую.

— Официальный призыв к спокойствию и терпимости? — Казалось, он спрашивал себя, а не меня. — Или официальное разрешение поступать по-своему? Пожалуй, лучше прочесть, чтобы я смог ответить. Что ты думаешь об этом моем чудище, Вир?

Он не торопился прочесть послание; продолжая держать ленту в одной руке, другой он провел по транспортеру с ковшами — одни из них располагались прямо, другие, там, где транспортер уходил под машину, переворачивались.

— Копатель, — ответил он на мой незаданный вопрос. — Предназначен для такой местности — видишь гусеницы?

Впрочем, поездка на нем — все равно не удовольствие, — он кивнул на лавовые поля.

— Значит, вы хотите откопать пещеру?

Не знаю почему, но рассказ Гиты о сокровищах Предтеч и Арена — об археологических раскопках по-прежнему казались невероятными. Неужели на Белтейне были найдены следы древней расы?

— Раскопать пещеру? Конечно. И, вероятно, не одну. Это все имеется в моих документах, парень. — Мне показалось, что он окинул меня быстрым оценивающим взглядом, как будто призадумался обо мне, как и я о нем.

— Машина требует основательной проверки — слишком долго она тут пролежала. Впрочем, она предназначена для тяжелой работы в сложных обстоятельствах. Осмотри ее, если хочешь. — И он ушел в крепость, унося ленту.

Раньше я никогда не видел такой машины, но о большей части ее функций легко было догадаться. Стрела, сейчас подогнутая под корпус, должно быть, расчищает место раскопок, транспортер уносит в сторону землю. На машине были еще бурав и вентилятор, оба густо смазанные. Я решил, что их можно присоединять к концу стрелы. Машина относительно невелика, управляет ею один человек, эластичные гусеницы способны пронести ее по лавовой местности. Должно быть, очень эффективный инструмент. Какие еще механизмы лежат в подвалах Батта? Лугарду полагалась очень большая сумма, раз он сумел получить все это. Мог быть и другой ответ. Если мир охвачен хаосом, как рассказал Лугард, какой-нибудь чиновник мог посчитать лишним числить в своих документах крепость на Белтейне и охотно передал права на нее — может быть, за взятку.

— Итак, они сделали выбор. Какая слепота и глупость! — Лугард стоял за моей спиной.

— Позволили беженцам приземлиться? Но, может, они и не так опасны?

Лугард пожал плечами:

— Будем надеяться. А я тем временем не стану развращать невинные юные умы своим инопланетным пессимизмом.

— Арен предупредил вас?

Он невесело улыбнулся:

— Не очень прямо, но это подразумевается. Я должен чувствовать гражданскую ответственность за свои обязанности и

права. Говорили что-нибудь детям... что им нельзя сюда приходить?

— Просто Гиту предупредили, чтобы она вам не мешала.

Теперь его улыбка меньше напоминала гримасу:

— Отлично. И я отвечу честной игрой — больше никаких предупреждений. Все равно их не убедить. Мозги закостенели, как лавовые потоки в горах.

— То же самое они думают о вас.

— Пускай. Но приводи детей, Вир, если они захотят. В Батте временами одиноко. И у них острый разум. Они скорее помощь, а не помеха.

— А что вы ищете? — осмелился я спросить.

— Вероятно, некоторые назвали бы это сокровищами.

— На самом деле Предтечи? — Должно быть, я выдал свое недоверие.

Он улыбнулся.

— Нет, не думаю, что это Предтечи. Впрочем, не стоит отбрасывать и эту возможность, пока мы не побываем в ледяной пещере... если я найду ее снова. Десять лет — долгий срок, особенно для меня. Да и местность изменилась — прошло несколько оползней, лава обрушилась.

— А что это за пещера?

— Мы пытались найти подходящее место для складов. Время поджимало. Мы знали, что война приближается. Белтейн мог не остаться в стороне от военных линий, а оказаться в самом центре схватки. Нам нужны были тайники. Лавовые пещеры тянутся, как туннели. Мы вскрыли несколько и исследовали их. Взвод, которым я командовал, обнаружил лед, а в нем какие-то предметы: не мы первые догадались устроить тут склад. Разные вмороженные в лед вещи. Но нам пришлось поскорее запечатать пещеру. Начальство не хотело, чтобы тут рылись в такой критический час.

— Гита обнаружила эту историю в старых лентах.

Лугард кивнул:

— Да, кто-то проболтался. Поползли слухи. И тогда твой отец решил обезвредить болтовню, насколько возможно. Мы признали находку и объявили ее закрытой до приезда инопланетных экспертов. На самом деле мы запечатали всю секцию. Вероятно, придется потрудиться, чтобы откопать ее. Может, это вообще неосуществимо.

— Но если обстановка сейчас настолько плоха...

— Зачем мне охотиться за сокровищами? Теперь я свободный человек, Вир. И мне нечем заняться. А здесь подготовлено оборудование, и меня гложет любопытство. А почему бы и нет? Найду я эту пещеру или нет, никто не заинтересуется моими находками — этого мне достаточно. Разве что ты с детьми...

Я не мог сдержать возбуждения. Если бы Лугард сказал об этом бродягам, удержать их было бы невозможно. Помогая или мешая, но они будут осаждать Батт.

— Ну, мне надо закончить с этим старым скалорубом... — Он опустился на колени, потом лег и заполз под копатель. — Если дети захотят, приводи их в любое время.

Вернувшись в Кинвет, я рассказал о приглашении Арену. К моему удивлению, он благосклонно отнесся к посещению бродягами Батта и к их участию в раскопках. Поэтому в последующие недели мы побывали там несколько раз. Иногда с нами отправлялась и Аннет, она привозила блюда своего приготовления и меняла их на инопланетные деликатесы Лугарда, к удовольствию обоих.

Все эти недели беженцы, посадившие свой корабль не в порту, а далеко на севере в избранном ими месте, спокойно занимались своими делами. Жители Белтейна давно привыкли интересоваться только своей работой, поэтому мало кто навещал лагерь беженцев. Сами они несколько раз появлялись в порту, прося медицинской помощи и припасов, предлагая взамен инопланетные товары; некоторые их предложения с радостью были встречены. Казалось, Лугард ошибся в своих пророчествах. Я должен был бы догадаться, что Лугард тоже вступит в контакт с пришельцами; зная его отношение к ним, я удивился, обнаружив на посадочной площадке Батта незнакомый флиттер, когда как-то утром привел туда свой хоппер. Я прилетел один, чему впоследствии радовался: если бы были свидетели происшедшего...

Лугард стоял у входа в Батт, но дудки в его руке не было; стоял он лицом к двум незнакомцам, одна рука в непосредственной близости к оружию, не похожему на привычный мне шокер.

На незнакомцах были потрепанные форменные кители; глубокий загар свидетельствовал о долгом пребывании в от-

крытом космосе; руки они держали на виду, явно не желая встревожить Лугарда. Я порылся в боковом углублении хоппера и извлек шокер. Держа его в руке, выбрался из кабины и неслышно двинулся вперед. Но Лугард увидел меня.

— Желаю хорошо погостить! — приветствовал он меня, как принято на Белтейне.

— Ясного солнца и хорошего дня! — столь же традиционно ответил я.

Незнакомцы разом повернулись. Я ожидал увидеть оружие, но их руки оставались пустыми. Они смотрели на меня ничего не выражающими глазами. Я, однако, был уверен, что теперь они узнают меня повсюду. Сейчас же они пытались решить, какое отношение я имею к Лугарду.

— Нет, господа, — обратился к ним Лугард. — Мне не нужна помощь в работе. И наблюдатели мне тоже не нужны.

Незнакомец повыше пожал плечами.

— Мы только предложили, — сказал он. — Хотели помочь ветерану... надо помогать друг другу...

— К сожалению... нет! — Голос Лугарда звучал холодно и категорично.

Незнакомцы повернулись и пошли, не оглядываясь. Я по-прежнему держал шокер наготове. До сих пор мне не приходилось пускать его в ход для защиты. Но, глядя на садившихся в флиттер, я испытывал неприятный холодок за лопатками. С детства меня учили не прибегать к насилию, но поколения предков, живших в мире насилия, дали о себе знать.

— Что им нужно? — спросил я, когда флиттер взмыл в воздух, подняв тучу песка.

— Говорят, хотели наняться на работу — Пальцы Лугарда обхватили рукоятку оружия. Лицо его было неподвижно. — Конечно, они слышали о сокровищах...

— Они могут вернуться с подкреплением? А вы здесь один...

Лугард рассмеялся:

— Это крепость сил безопасности. Я могу активировать защиту, и ничто не прорвется. Нет, это была... попытка. И все же, Вир, когда Комитет пригласил беженцев, он открыл дверь несчастьям, хотя этому и не верит. А теперь... чем могу быть полезен?

Я вспомнил свою новость.

— Мне дают назначение — в заповеднике Анлав.

— Когда?

— В следующем месяце.

Мне показалось, что он вздрогнул, услышав о моей радости. Может, боялся этого? Но почему? Он знал, что это единственное интересовавшее меня занятие на Белтейне. Меня не отфутболивают, не напоминают об отсутствии должной подготовки — все благодаря моей настойчивости.

— В следующем месяце, — повторил он. — Значит, после Двеннадцати Дней. А если мы отметим его небольшим праздником? Все бродяги и Аннет, если она сможет прийти. Попроси ее, Вир. Я близок к открытию. Мы и это отметим.

Меня его слова ошеломили. Он был уверен в успехе, и я почувствовал возбуждение от близости клада. Некоторое время мы вместе занимались новой машиной, предназначенной для перевозки припасов. Лугард считал, что ее можно приспособить для уборки обломков из пещеры, которую он начал раскапывать. Вернувшись в Кинвет, я опять увидел во дворе множество машин. Они разлетались, а Арен нетерпеливо занял место за рулем моего хоппера, чуть не вытолкнув меня, и тут же взлетел. Я поискал Аннет. Она, как ни странно, не была занята домашним хозяйством, а с озабоченным лицом смотрела в окно на улетающего отца.

— Что случилось?

— На орбите еще два корабля. Говорят, хотят присоединиться к беженцам... будто бы им обещали тут место.

— Я думал, договор касался только одного корабля.

— Они говорят, что это ошибка, что договор касался их всех. Комитет собирается на переговоры с их представителями. Они прилетают в шлюпке.

Я вспомнил о предостережении Лугарда, которым так пренебрегли, о незнакомцах в Батте, о беззащитном порте. Ощущение опасности, испытанное в Батте, вернулось. Знал ли об этом Лугард? И как защитить людей, которые сами не хотят защищаться?

— Доктор Корсон считает их требования вполне разумными, — продолжала Аннет. — В конце концов, они просто хотят быть со своими друзьями. Возможно, это просто недоразумение. Но будет общее голосование. А что об этом думает Грисс?

Я рассказал ей о приглашении, она кивнула:

— Мы можем пойти. Все будут заняты голосованием, им не до нас. Если он что-то найдет и мы увидим первыми!..

Она больше не вспоминала о беженцах, как будто сознательно избегала неприятного разговора. Но я знал, что мы оба о них помним.

Глава пятая

Было решено провести общее голосование. Значит, все взрослое население Кинвета и остальных поселков соберется в порту. Поэтому Арен и родители остальных бродяг обрадовались нашей поездке в Батт. Я слышал, что мнения по поводу беженцев разделились, предстоял спор. Вероятно, наиболее подозрительные члены Комитета вспомнили предостережение Лугарда. Конечно, порт когда-то имел защитные устройства, но долгие годы на них никто не обращал внимания, и что с ними теперь... И сможет ли оживить их горстка вернувшихся с войны ветеранов?

На третий из Двеннадцати Дней весь отряд бродяг двинулся в путь: Дагни и Дайнан Норкоты, Гита, Сабиан Дрекс, Эмрис Джесом, Айфорс Джулиан, Прита, Тед и, конечно, Аннет. Предстояло путешествие в лавовую страну, поэтому все захватили походные рюкзаки, хоппер был перегружен, и нам пришлось продвигаться осторожно, часто останавливаясь. Поэтому мы добрались до Батта только около девяти.

Лугард ждал нас, сидя за рулем того что когда-то было транспортной машиной пехоты. Оставив нас разгружать хоппер, он ушел в крепость. Вернувшись, с громом захлопнул дверь; я успел заметить, как он прячет в карман металлическую пластинку с кодом. Значит, он считает, что во время нашего отсутствия тут могут появиться посетители? Я не удивился этим предосторожностям.

Взрослые вряд ли поместились бы в машине, но дети расселись относительно удобно. Аннет сидела рядом с Лугардом, остальные теснились среди рюкзаков и разных ящиков. Я осмотрелся в поисках оружия. Его не было. Если Лугард и прихватил его, то куда-то запрятал.

Углубляясь в пересеченную местность под палящим солнцем, мы были вынуждены надеть темные очки: лавовые скло-

ны вокруг ослепительно сверкали. Тропа, по которой мы двигались, извивалась в поисках прохода. Я подумал, что Лугард неоднократно бывал здесь, хотя нас он взял с собой впервые. Царапины на скалах по бокам свидетельствовали о том, что тут проходили большие машины, гораздо больше, чем наша или копатель, который приводил в порядок Лугард. По поведению Лугарда было видно, что он, хоть и высказался неопределенно, был уверен, что отыщет ледяную пещеру.

Мы двигались по неровной дороге с максимальной скоростью, на какую только можно решиться в такой местности. Миновали не одно отверстие в лаве. Дважды пересекали лавовые мосты. Повсюду виднелись пятна лишайников и мхов. Мы сделали так много поворотов, что не будь в машине компаса, я не мог бы сказать, где теперь Батт — позади нас или впереди. Такой обманчивой местности я никогда не встречал на Белтейне — будто нарочно нагромоздили множество потоков, конусов, кратеров, чтобы обмануть глаз и чувство направления. Трудно было судить и о времени. Казалось, мы уже очень давно движемся по этой раскаленной местности под ярким солнцем. Но, взглянув на часы, я обнаружил, что мы в пути менее часа. Никаких животных мы не встретили. Впрочем, скрежет наших гусениц распугает любую живность.

Наконец мы обогнули обрушившийся конус высотой в холм и увидели, что след ведет прямо к пещере. Над входом виднелся остов крана. Лугард затормозил рядом с входом. Указав на небольшую платформу, он предложил мне и Теду первыми спуститься вниз, пока он будет управлять подъемником. Я не спелеолог и потому неохотно ступил на шаткую поверхность. Лицом ко мне стал Тед, мы ухватились за петли безопасности, поставив у ног груду рюкзаков и один из ящиков Лугарда. Начался спуск, и я был рад, что продолжался он недолго. Сначала стало полутемно, затем мрак поглотил нас, как огромный зверь.

Внизу было прохладно — приятная перемена после палящего зноя снаружи. Я вспомнил, что воздух внизу перемешивается медленно и поэтому в нескольких шагах от входа температура его уравнивается с температурой стен. Лугард предупредил нас, чтобы мы захватили куртки, и теперь, дрожа, я понял почему. Платформа совершила несколько спусков, каждый раз привозя двоих пассажиров и груду добра. Я уди-

вился, какое количество ящиков и тюков захватил с собой Лугард: он спустил не только то, что мы привезли в машине, но и множество тюков, ожидавших у входа в пещеру. Наконец Лугард спустился сам, но не на платформе, а прямо по веревке и с такой легкостью, как будто проделывал это не раз. Платформа оставалась на дне пещеры. Я решил, что это дополнительная мера предосторожности. Лугард ни разу не упомянул беженцев с корабля, но, вероятно, и не забывал о них. Однако я был убежден, что если бы существовала опасность, он не привел бы сюда детей. Но какая опасность? Об этом мы могли узнать без всякого предупреждения. Спустившись, Лугард включил небольшой прожектор, чтобы осветить дорогу. Зимой пещеры становятся холодными ловушками. Холодный воздух опускается вниз, покрывая стены изморозью. Лугард искал ледяную пещеру, поэтому чем дальше мы были от входа, тем холоднее становилось.

Отойдя несколько шагов от входа, Лугард направил луч прожектора вверх. На стенах под потолком виднелась какая-то бесформенная масса. Там что-то непрерывно двигалось.

— Западники! — воскликнула Гита.

Взад и вперед раскачивались птичьи головы на длинных шеях. Да, это были западники в своих гнездах из грязи. Ночные птицы, они известны тем, что, вспугнутые, всегда летят на запад — отсюда и их название. Их колония располагалась вблизи входа в пещеру, и скоро мы ее миновали. Тропа шла вниз, но не круто, а под небольшим углом. Идти было нетрудно. Я искал следы машин. Но на полу не было следов гусениц, а на стенах — царапин. В каменном туннеле мы встретили единственное приспособление, устроенное Лугардом, — небольшую тележку на гусеницах. Мы нагрузили на нее тюки и ящики. Но свои рюкзаки понесли сами. И снова я удивился количеству багажа.

Мы шли уже около часа, когда Лугард остановился и предложил отдохнуть. Он сгрузил тюки с тележки, сложил их у стены и повернулся к выходу, как будто собирался вернуться за оставленным. Стены пещеры и застывшая лава под нами дрогнули, появилось ощущение, что мир вовсе не такой прочный и устойчивый. Я услышал крик и увидел в свете прожектора испуганные глаза и готовые закричать раскрытые рты. Ко мне прижалось маленькое тело, и я инстинктивно обхватил рука-

ми Айфорса; он ухватился за меня, будто я его единственная надежда на спасение. Второй удар оказался сильнее первого. Посыпались обломки лавы. Оглушенный, я закрылся руками, задыхаясь в облаках пыли.

— Назад! — Я увидел, как Аннет, спотыкаясь, двинулась в направлении выхода. Одного из детей она толкала перед собой, другого тащила сзади. Лугард попытался остановить ее, но она увернулась. — Назад! Сюда, дети!

— Останови ее! — обернулся ко мне Лугард, и в этот момент третий удар отбросил меня к стене.

Айфорс по-прежнему цеплялся за меня. Я увидел, как упал Лугард, а прожектор, который он, должно быть, уронил на пол, пустился в дикий танец. Обломки продолжали падать, некоторые ударились в груду только что сваленных вещей. Одной рукой я нащупал крепления своего рюкзака и отстегнул его. Тед сидел с ошеломленным видом.

— За ней! — выдохнул Лугард. — Вход... груда камней... может засыпать...

Он пытался встать, но последний толчок бросил на него несколько тюков, а он к тому же хромал. Я попытался оторвать от себя Айфорса, комбинезон треснул.

— Тед! Возьми Айфорса!

Разорвав комбинезон, я оторвал наконец испуганного мальчика и подтолкнул к Теду, который с трудом вставал на ноги. Остальные все были здесь; Гита стояла на коленях у прожектора, устанавливая его. Прита свернулась клубком рядом. Эмрис тряс головой и обеими руками протирал глаза. Не было только близнецов и Аннет. Попасть под рухнувшую крышу! Я понимал страх Аннет, но если она идет навстречу опасности... Лугард лучше знает эти проходы... я не могу бежать по такому неровному полу при свете фонарика. Я двинулся как можно быстрее назад по тропе, громко окликая Аннет.

Она не ушла далеко. Ее остановила груда камней, загородивших туннель. Далеко вверху мы видели клочок неба. Когда я догнал ее, она прижималась к стене, глядя на свободное небо, достичь которого не могла. Близнецы жались к ней.

— Назад! Лугард говорит, что здесь опасно... может обвалиться потолок.

Я крепко схватил ее за руку. Она попыталась вырваться, я оказался сильнее, но оттащить ее от стены больше, чем на

один-два шага, не смог. Я боялся, что еще один толчок может раздавить нас раньше, чем мы достигнем безопасного места.

— Наружу! — Она рвалась в противоположном направлении, хотя дорога была закрыта. — Надо увести туда детей!

— Не здесь! — Я прижал ее к стене плечом и попытался обратиться к ее рассудку. — Лугард говорит, что здесь опасно. Он знает пещеры. Есть другие выходы...

Сам я в этом сомневался. Если крепления подъемника упали — а таких толчков они могли не выдержать, — как же мы поднимемся, даже если удастся расчистить завал в туннеле? Кто-то должен будет взобраться наверх и укрепить веревки. И я знал, кто это будет, хотя от одной мысли меня мутило: я не очень хорошо переношу высоту. Лучше вернуться к Лугарду и поискать другой выход.

— Лугард! — Аннет почти выплюнула мне в лицо имя. — Он не имел права приводить нас сюда... подвергать детей опасности!

— Разве он мог предвидеть землетрясение? Но нужно вернуться. Там глубже и поэтому безопаснее.

Но и в этом я не был уверен. Аннет неохотно пошла назад. Я поднял Дагни, ее маленькое тело дрожало в конвульсиях. Она не плакала, но дышала тяжело, глаза ее были широко раскрыты и полны такого страха, что она вряд ли осознавала окружающее. Аннет, поддерживая, вела брата Дагни. Мы еще не вернулись к прежнему месту, как пещера опять дрогнула. Прижавшись к стене, мы, как могли, своими телами защищали детей. Падали обломки и катились вниз по уклону туннеля. Каким-то чудом ни один из них не задел нас. Потом затишье, и вновь во мне зашевелился страх. Когда-то это была вулканическая страна. Могут ли такие толчки дойти до подземного огня и разбудить вулканы? Аннет была права в своем инстинктивном стремлении выйти на поверхность, и чем быстрее мы туда выберемся, тем лучше.

— Вир! Аннет! — наши имена отдавались гулом в туннеле.

Я осторожно поднялся, почти опасаясь, что это движение может вызвать повторение толчков, таким неустойчивым казался теперь мир.

— Мы здесь!

В горле у меня пересохло от пыли. Я заставил Аннет встать. По-прежнему я нес Дагни, а Аннет вела мальчика.

Мы осторожно пошли вниз. И наконец дошли до места стоянки. Лугард сидел на тележке, вытянув правую ногу, и растирал ее руками. Он поднял голову, и я увидел в его глазах облегчение.

— Медпакет! — Он не остановился, чтобы показать, где в груде тюков лежит сумка, только кивнул в ту сторону. — Каждому дай по большой зеленой таблетке — это противошоковое.

Все остальные, должно быть, уже получили свою долю, потому что Айфорс спокойно сидел, прислонившись спиной к тюку, а Прита пила из фляжки, в то время как Тед разбирал груду припасов, Эмрис помогал ему, а Сабиан стоял рядом. Гита склонилась к Лугарду, держа наготове другую фляжку.

Аннет остановилась перед Лугардом.

— Как мы выберемся отсюда? Дети...

— Вероятно, в большей безопасности, чем на поверхности, — ответил он.

— Здесь? — недоверчиво переспросила она. — Здесь камни падают на головы.

— Дальше будет безопаснее. Мы пойдем туда.

— Это землетрясение, — спросил я шепотом, наклонившись, — оно не разбудит вулканы?

— Землетрясение? — переспросил Лугард. Рот его исказился, как от сильной боли в ноге, которую он массировал. — Бедные... — Он спохватился и продолжил: — Это не землетрясение.

— Что? — Аннет присела на корточки, так как иначе не могла смотреть Лугарду в глаза: он по-прежнему не вставал. — Тогда что же это?

— Распределители.

Сначала я не понял. Думаю, Аннет вообще не поняла. Когда значение этого термина всплыло в памяти, у меня перехватило дыхание. Я мог бы задрожать, как Дагни, все еще лежавшая на полу. Распределители — удлиненные заряды — невинное название для смерти и таких разрушений, каких никогда не видели на Белтейне. Распределители превратили в пустыню немало мирных планет.

— Беженцы? — Я ухватился за единственное возможное объяснение.

— Именно.

Лугард перестал массировать ногу, медленно и осторожно согнул колено, но не смог скрыть, что у него от боли перехватило дыхание.

— Что это значит? — еще громче спросила Аннет.

Гита придвинулась ближе. Тед прервал свое занятие, все слушали.

— Распределители?

— Бомбы, — сказал Тед, прежде чем Лугард смог объяснить.

Вероятно, Лугард не мог простить себе, что открывает нам такую правду. Но мы все равно должны знать, что нас ожидает.

— Бомбы? — недоверчиво переспросила Аннет. — Бомбы... здесь, на Белтейне? Но почему? И кто?..

— Беженцы, — ответил я. — А какова вероятность...

Боясь продолжать, я замолчал. Нет, лучше сейчас не думать, что могло произойти наверху. Сейчас нужно сосредоточиться на тех, кто смотрит на меня, на ответственности перед бродягами, которых я так опрометчиво завел в опасность. Я спросил Лугарда:

— Вы знали... или подозревали?

Он медленно кивнул:

— Подозревал с самого начала. А со вчера был убежден.

— Комм?

Он опять кивнул. Я непроизвольно стиснул плечо Дагни, она негромко вскрикнула. Если Лугард предвидел нападение, значит он сознательно привел нас сюда, потому что... Он как будто читал мои мысли.

— Потому что это самое безопасное место на Белтейне... вернее, в Белтейне — теперь и здесь. Я ведь говорил, что мы обнаружили это убежище еще до войны. Если бы у меня было больше времени, если бы эти глупцы в Комитете поверили мне... мы все были бы здесь в безопасности.

— Нет! — Аннет зажала рот руками, размазав грязь по щекам и подбородку. — Не верю! Зачем им это? Мы приютили их...

— Им нужна только база, — ответил Лугард.

Голос его звучал устало, как будто он силой тащил себя, а теперь, когда его худшие опасения сбылись, сила оставила его.

— Может быть, проголосовали против посадки двух новых кораблей, а те готовы брать то, что им не принадлежит.

— Куда теперь? — нарушил я наступившее молчание.

— Вниз, — указал Лугард на туннель. — Там есть база.

Я ожидал, что Аннет возразит, но она медленно встала и подошла к медицинской сумке. Лугард протянул руку.

— Помоги мне встать, — приказал он. — Мы сможем использовать тележку. Нужно нагрузить ее.

— Это продовольствие?

— Да.

Я помог ему подняться, и он секунду-две опирался на меня, прежде чем перенести свой вес на ногу. Очевидно, это ему удалось, и он сделал, прихрамывая, один-два шага. Но по сжатому рту видно было, чего это ему стоило. Пока Аннет заботилась о близнецах, остальные грузили тележку. Я подумал, что вскоре ее придется разгрузить и посадить туда Лугарда, а может, и близнецов. Тед и я ухватились за веревку, Гита подставила плечо Лугарду. Аннет понесла Дагни, прижавшуюся к ней с закрытыми глазами под действием успокоительного, а Эмрис и Сабиан вели с собой Дайнана. Айфорс ковылял у тележки, придерживая груз одной рукой. Мы двигались с частыми остановками, и наконец я убедил Аннет положить Дагни на тележку. Но взамен она взяла с тележки узел. Больше Аннет не пыталась спорить. Думаю, она все еще не верила Лугарду и в глубине души сердилась, что не может выйти и доказать свою правоту.

Дважды нам попадались боковые туннели, здесь потоки лавы разделялись. Но Лугард всегда указывал на главный туннель. Он тяжело дышал, струйки пота образовали полоски на его покрытом грязью лице. Иногда он начинал дышать ртом. Но остановки объявлял я, а он ни разу ни на что не пожаловался. Мы уже больше двух часов находились под землей. Сделали более продолжительную остановку и поели. Я видел, как смотрит Аннет на еду, и догадывался, о чем она думает. Она не верила, что это могло произойти, произошло с того самого утра, когда она сама намазывала этот хлеб джемом, — и джем она сама варила и хранила в шкафу в своем доме в Кинвете. Существует ли еще Кинвет?

Лугард лишь делал вид, что ест, но дети были голодны и съели все, что им дали. Не уменьшить ли порции? Сколько нам еще предстоит оставаться в пещере? Лугард захватил припасы: еду, воду, но... А что мы увидим, выйдя наружу? Допустим, беженцы покончили — мой разум не мог с этим смириться, и я заставлял себя смотреть в лицо жестокой правде — покончили

с жителями Белтейна. Лучше ли нам оттого, что мы избежали общей гибели? Но, очевидно, Лугард считает, что у нас есть шанс выжить, иначе он не затеял бы это. Отодвинув еду почти нетронутой, он рылся в кармане куртки. И извлек свою дудочку. Аннет рядом со мной шевельнулась, но сдержалась. Может, она собиралась возразить? Но если и так, то передумала.

И вот в глубине пещеры, вдали от внешнего мира, Лугард заиграл. И его волшебная музыка влила в нас уверенность и надежду. Я сам чувствовал, как успокаиваюсь; вихрь мыслей замедлился, я снова поверил. Во что именно, я не мог бы сказать, но я верил в правоту правого, в то, что человек может надеяться и в надежде обрести истину. Я никогда не забуду этот миг, хотя никак не могу вспомнить мелодию. Эти чувства всегда во мне, и я сожалею, что мелодия больше не согреет меня: хоть мы многое испытали в этот день, судьба готовила нам еще более тяжелые удары.

Началось, когда Лугард опустил дудочку и мы очнулись от успокаивающего волшебства, послышался звук, ничего общего не имеющий с музыкой. Голова Лугарда дернулась, он закричал:

— К стенам!

Мы бросились туда. Я швырнул Аннет вместе с Дайнаном, затем Гиту и Эмриса; в то же время Тед подтолкнул Айфорса и Приту к противоположной стене.

— Дагни! — закричала Аннет.

Дагни спала на груде одеял у тележки, и теперь мы не могли ее достать. Но Лугард был ближе. Я видел, как он кинулся туда, схватив девочку, и бросил ее в сторону от себя. Но тут ноги его подогнулись, и он упал в ярком свете прожектора. С боковой стены пещеры с грохотом соскользнули камни. И прежде, чем я смог вытащить Лугарда, каменный поток сомкнулся над ним, как река в пик наводнения.

Глава шестая

Та же каменная река завалила прожектор, и мы оказались во тьме, кашляя и задыхаясь в облаках пыли. Какое-то время я мог только прижиматься к стене и пытаться облегчить боль в легких. Потом мне удалось включить фонарь на поясе. Вместо

яркого луча прожектора появилось слабое пятнышко. И то, что оно осветило, заставило меня снова пожелать тьмы. Наша тележка, оставленная посреди туннеля, должно быть, сыграла роль дамбы, хотя камни протащили ее немного. В груде обломков за тележкой Лугард — он должен быть там.

— Гита! Дайнан! Тед! — Голос Аннет, но настолько хриплый, что имена можно разобрать с трудом. Аннет делала перекличку.

Я уже был возле тележки, и Тед рядом. Приходилось работать с раздражающей осторожностью: камни шевелились, и мы боялись, что они снова обрушатся. К нам присоединились Гита и Эмрис, включившие свои поясные фонари. Стало лучше видно. Аннет брала у меня камни и относила в сторону. Мы молчали, слышался только резкий кашель; я знал, что все прислушиваются со страхом и надеждой. Работа шла медленно, а нужна была скорость.

Когда мы откопали Лугарда, оказалось, что именно груз на тележке избавил его от мгновенной смерти. Случайно два ящика упали по обе стороны его тела и отчасти защитили его. Он лежал лицом вниз, и я боялся пошевелить его. Он молчал; мне казалось — умер; мы расчистили пространство вокруг, и Аннет быстро расстелила одеяла рядом с его засыпанным пылью телом. Нам кое-как удалось положить его лицом вверх. Глаза его были закрыты, из угла рта стекала темная струйка. Я не медик, могу лишь оказать первую помощь при несчастном случае. У Лугарда были переломы и, я уверен, внутренние повреждения. Аннет раскрыла медицинскую сумку. К счастью, сумка лежала у стены, там, где Лугард оказался бы в безопасности, не вернись он за Дагни. Но в сумке почти ничего не было — только болеутоляющее кратковременного действия. Может, мы убьем его, если переложим хотя бы на тележку, но это единственная возможность его спасти.

— Расчисть дорогу, — приказал я Теду, — и разгрузи тележку.

Он кивнул и вместе с остальными мальчиками принялся за работу. Аннет смочила водой из фляги обрывок одежды. Когда она коснулась лица Лугарда, он открыл глаза. Я надеялся, что он не придет в себя. Ему, должно быть, ужасно больно. Губы его шевельнулись, я нагнулся.

— Вам нельзя говорить...

— Нет... — Он шептал чуть слышно. — Карта... внутренний закрытый карман... достань ее... к базе...

Тут лицо его исказилось, уголки рта обвисли, изо рта пошла темная пена. Аннет обтерла ее. Я нащупал пульс у него на горле. К груди прикоснуться не решился — бьется ли сердце. Он не умер... еще нет. Я не верил, что он выдержит перемещение на тележку. А нести в одеялах еще хуже. Там, впереди, есть припасы, Лугард упоминал об этом. Но есть ли среди них медикаменты? В распоряжении Лугарда была вся крепость Батт. Значит, должны быть. Но в глубине души я понимал, что только немедленная госпитализация в порту может его спасти. Но нельзя же просто сидеть и ждать, пока он умрет, если есть хоть малейший шанс. Аннет, должно быть, думала о том же. Она взглянула на меня:

— Возьми карту и иди. Там могут быть медикаменты...

Но оставить всех... Она угадала мои сомнения.

— Так будет лучше. Мы не можем сейчас двигать его. А там могут быть носилки... да мало ли что еще.

— А если снова начнут падать камни?

— Мы расстелем одеяло здесь, — она кивнула в сторону, продолжая стирать с лица Лугарда кровавую пену. — Это мы сможем сделать. Побудем тут. Оставить его нельзя, но и ждать бесконечно мы не можем. Там должно быть что-нибудь — может, более подходящая тележка. Попробуй, Вир.

Мы осторожно передвинули Лугарда к стене. Я как можно бережнее расстегнул его куртку и достал сложенную пластиковую карту. Линии на карте засветились от наших ламп: они были нанесены специальной краской для использования при ограниченном освещении. На карте было множество тунелей, и потребовалось некоторое время, прежде чем я нашел тот, в котором мы находились. Проследив наш путь от входа в пещеру, я увидел, что впереди относительно ровная дорога. И база Лугарда, возможно, не так уж далеко.

Тед отыскал прожектор и осмотрел его. Он был предназначен для работы в трудных условиях; после того как мы починили один из контактов, прожектор заработал. Я взял одну флягу; мне хотелось пить, но благоразумнее было поберечь воду; к тому же мы обнаружили, что бак с водой на тележке дал течь. Аннет заполнила все наши фляги и занялась поиском других емкостей.

Перед уходом я постоял рядом с Лугардом. Он дышал, а пока человек жив, остается надежда. С этой надеждой я и ушел. Некоторое время дорогу мне освещал прожектор, но я не оборачивался. Затем подошел к очередному разветвлению, и на этот раз карта подсказала, что нужно свернуть с главного туннеля. Через мгновение я оказался во тьме и включил свой поясной фонарь.

В пещерах есть своя жизнь; она разная в зависимости от влажности, наличия пищи, количества света и других обстоятельств. Я видел в лабораториях слепые создания, извлеченные из вечной тьмы. Когда-то на Белтейне была небольшая биоспелеологическая лаборатория, но после смерти Йена Такуата ее забросили. Но те создания жили в богатых водой пещерах, здесь же совсем другие условия. Я направлял луч фонаря в разные стороны. Хоть бы простого червя увидеть!

Но луч высветил у стены груду костей и обрывки шкуры. Чувство отвращения рассеялось — это не останки человека. Рогатый бородавочник, но очень большой. Я таких не видал. Бородавочники живут в болотах. Что делал здесь этот? Возможно, в лабиринте ходов есть и такие, что ведут к воде. Бородавочник мог заблудиться. Тогда это вселяет надежду на находку воды. Воздух здесь холоднее, причем с каждым поворотом температура падает. На скалах появилась изморозь. Я добрался до конца спуска и огляделся. Вот тропа. По ней перетаскивали тяжести. Я удивлялся энергии Лугарда. А может, это следы тех, кто думал о подземном убежище еще до эвакуации Батта?

Пещера от узкого входа резко расширялась. Луч фонаря осветил ее, и я в удивлении застыл. Показались три постройки, дальняя чуть видна. Между ними груды ящиков и тюков. Лугард не мог один все это проделать. Остатки незавершенного замысла.

Строения были сложены из блоков. В каждом по одной двери и больше никаких отверстий. Полукруглые крыши из таких же блоков. Если они когда-то и были закрыты, Лугард их открыл. Возможно, код ворот Батта действовал и здесь. Я заглянул в первое строение. Должно быть, оно предназначалось для командного пункта, а может, и для связи. Невысокая перегородка, не доходившая до потолка, делила его на три части. В одной два стола, стеллаж с грудой папок и небольшой ком-

пьютер. В другой — табло комма, почти такого же, как в Батте. Я попытался включить связь. Не знаю, на что я надеялся, — может, получить какой-нибудь ответ с поверхности. Но связь не действовала. В третьей, и последней, «комнате» находились четыре койки и простейшие бытовые приспособления. Похоже, ими никогда не пользовались.

В следующем сооружении — в большом помещении — много коек, а за перегородкой — кухня и баки для воды. Я повернул кран — тонкой струйкой потекла вода.

В третьем — множество контрольных табло. Во всяком случае, это не связь. Может, пункт управления ракетами и защитными устройствами. Вероятно, оружие, которым должны были управлять отсюда, так и не было установлено или его демонтировали, когда силы безопасности отправлялись в космос.

Я вернулся в помещение с койками. Одна из них, самая легкая, оказалась единственным, что можно было использовать в качестве носилок. Какое-то время я провозился, снимая койку с креплений. Посмотрел на часы. Должно быть, уже ночь. Впрочем, ночь или день — какое это может иметь значение здесь? Строения защитят от холода; их можно обогреть, если мы разберемся в оборудовании. У нас есть достаточно надежное убежище.

Койка оказалась неудобной ношей. К тому же у меня совсем не было веревок, чтобы привязать Лугарда или спустить койку с уступов. Может, удастся разорвать одеяла на полосы. Добравшись до конца подъема, я тяжело дышал и нуждался в продолжительном отдыхе. Но времени для этого не было.

В конце концов я потащил койку за собой, время от времени меняя руки, когда затекали пальцы. Койка цеплялась, царапала камни и издавала грохочущий шум, от которого болела голова. Мне все время приходилось останавливаться и давать отдых пальцам, иначе они совсем онемели бы. Койка была слишком тяжела, чтобы ее нести, тяжела и неудобна, чтобы тащить за собой. Она застревала в обломках скал, и тогда приходилось высвобождать ее. И во всем мире не осталось ничего, кроме этого упрямого каркаса, который я с радостью разбил бы о стену.

Неожиданно боковой туннель кончился, и я увидел свет прожектора. Темная фигура бросилась ко мне, мой фонарь осветил Теда. Он мгновение смотрел на меня, потом подхватил койку. Я один за другим расцепил пальцы.

— Что там? — спросил Тед.

— Все в порядке. Как Лугард?

— Пока жив.

Я и не надеялся на такой ответ. Но если Лугард продержится, пока мы не отнесем его в нижнюю пещеру, — я не искал там медикаментов, но они наверняка есть. Тяжело дыша, я опустился на колени у тележки; Тед подтащил койку. Аннет укрыла Лугарда, оставив снаружи только лицо. Кровотечение изо рта прекратилось. Я не знал, хорошо это или плохо.

— Привяжите его к койке. Поднимите на тележку. Но придется нести его в другую пещеру. Там база сил безопасности. Даже бараки есть...

— Бараки?

Аннет протянула мне упаковку саморазогревающегося рациона. Пахло восхитительно. Я протянул руку, но пальцы мои онемели. Еда упала бы, если бы Аннет не продолжала ее держать. Она поднесла банку к моим губам, и я с благодарностью отпил, чувствуя, как рассеивается туман усталости. Между глотками я продолжал:

— В них оборудование. Но есть и казарма. Мы можем там остановиться.

Аннет взглянула на Лугарда:

— Он без сознания.

— Так лучше.

Это была правда. Придется для безопасности привязать его к койке. Мне не хотелось думать, что должно вынести его изломанное тело. Однако у меня... у нас не было выхода. Взять его с собой и идти значило дать ему хоть небольшой шанс, оставаться на месте — просто ждать неизбежного конца. К тому же опять могут быть обвалы, хотя Аннет заверила меня, что пока я отсутствовал, ничего угрожающего не произошло. Мы как могли осторожнее подняли Лугарда, уложили его на койку и обвязали полосками одеял, приготовленными Гитой и Притой. Таким образом мы неподвижно закрепили раненого. Вещи мы собрали в одном месте, а свои походные рюкзаки взяли с собой. Мы с Тедом взялись за петли из полосок одеяла и подняли Лугарда на тележку.

И вот мы медленно двинулись. Аннет с детьми — по обе стороны тележки, мы с Тедом направляли ее по центру тунеля. Гита с прожектором шла впереди, благодаря освещению

мы обходили самые крупные препятствия. И все же мы не могли заставить тележку двигаться ровно. Необходимо было спешить, в то же время нельзя было и торопиться. Койка с Лугардом находилась в неустойчивом равновесии, и любой толчок мог, несмотря на наши усилия, швырнуть ее на скалы. Мы свернули в боковой туннель, ведущий к нижней пещере. Аннет взглянула в лицо Лугарда. Он был без сознания. Во всяком случае, я на это надеялся.

— Нужно выйти наружу. Ему нужна помощь... в порту доктор Симонс...

Если еще есть в порту доктор Симонс, подумал я. Но Аннет продолжала упрямо считать, что Лугард ошибся в своей догадке о бомбардировке; а может, она хотела сохранить надежду в детях. Я не собирался выяснять ее истинные мысли, меня слишком пугал предстоящий спуск с уступов.

— Смотрите! — Эмрис указал на высохший остов бородавочника. — Что это?

— Рогатый бородавочник, глупышка, — ответила Гита. — Вероятно, забрался сюда и заблудился. Но он должен был идти от воды...

Она пришла к тому же заключению, что и я.

— Внизу есть вода, — ответил я, — в трубах. Ведь в трубы она откуда-то попала. А вода может послужить проводником наружу.

Мы подошли наконец к спуску, и Гита направила вниз луч прожектора, осветив крутизну. Я услышал восклицание Аннет:

— Туда?! Но нам никогда не спустить его...

— Придется. Мне не удалось найти веревок.

Я тупо смотрел на гигантскую уступчатую лестницу, на груду щебня у ее основания. Спуститься вниз и вернуться... хватит ли у меня сил? Ответ нашелся у Теда.

— Эмрис, Сабиан, разворачивайте нашу находку.

По его приказу младшие мальчики начали вытаскивать что-то из-под курток. Это оказалась даже не обычная веревка, которая может порваться или перетереться, а ленты тангфора — сплава, применяемого при изготовлении сопел ракет. Полоски были изготовлены в виде цепи, и на каждом конце цепи — крюки из того же прочнейшего материала.

— Нашли в припасах, которые мы разгружали, — объяснил Тед. — То, что нужно?

Будь у меня возможность выбирать, ничего лучше я бы не нашел. Я так и сказал, когда мы разложили цепи. Они достанут с одного уступа до другого; впрочем, я не знал, выдержим ли мы вес койки с Лугардом.

— Иди вперед с детьми, — сказал я Аннет. — Мы с Тедом, Эмрисом и Сабианом попробуем управиться тут. Но вначале вы должны спуститься и отойти в сторону.

Я понимал, что малейшая ошибка — и мы вчетвером полетим вниз. А это опасно не только для нас, но и для тех, кто будет ждать внизу. Аннет, вероятно, хотела возразить, но взглянула на Дагни, которую несла большую часть пути, и передумала.

— А как... ага, ремни рюкзака! — Она положила девочку на пол и начала снимать рюкзак.

— Мне кажется, ты не...

— Я смогу! — Она повернулась ко мне с той же яростью, с какой рвалась на поверхность после первой бомбардировки.

Я не стал с ней спорить. Силы мне потребуются для спуска.

Мы смотрели, как они спускаются один за другим: вначале Гита, которая установила прожектор на краю спуска, чтобы освещать дорогу; затем Прита, которую Гита уговаривала не смотреть вниз, а только себе под ноги; затем Айфорс; последней, очень медленно, после Дайнана, спускалась Аннет, неся привязанную к ней Дагни. К счастью, уступы не представляли серьезных препятствий для спуска; гораздо больше беспокоила меня груда щебня у основания. И не только холодный воздух заставлял вздрагивать, когда мы следили за их спуском. И вот Гита внизу, за ней остальные — все, кроме Аннет, двигавшейся все медленнее и медленнее. По собственному опыту я знал, что утомило ее. Мне казалось, она отдыхала очень долго, прежде чем спуститься с последнего уступа. Наконец все они перебрались через осыпь. Эмрис собрался открепить прожектор. Я покачал головой:

— Оставь его. Нам понадобится свет.

— Как мы будем спускаться? — это Тед.

Я видел только одну возможность, может, и не лучшую, но других у нас не было.

— Прикрепим здесь, — я указал на один крюк цепи, — другой — к койке. Один из нас с нижнего уступа будет регулировать спуск. А мы опускаем, я за один конец, остальные двое — за другой.

Тед кивнул:

— Регулировать будет Сабиан.

Сабиан самый младший. Сила нам понадобится для спуска. Я взглянул на него.

— Справишься?

— Не знаю, — честно ответил он. — Не могу сказать, пока не попробую. — С этими словами он соскользнул на первый уступ и стоял там, глядя вверх; большие темные глаза выделялись на слишком бледном в свете прожектора лице.

Мы прикрепили крюки с обеих сторон рамы и испытали их прочность. Другие два крюка закрепили на поверхности скал и тоже испытали. Затем подтащили койку с неподвижным грузом к краю обрыва, и начались худшие часы моей жизни. Нам потребовалось больше двух часов для медленного спуска; на каждом уступе мы останавливались и заново проверяли крюки, немного отдыхали, наклонялись к Лугарду и вслушивались в его неровное дыхание, чтобы убедиться, что он жив. Я утратил всякое представление о времени, каким оно было в нормальном мире. Здесь время превратилось в злобное существо, которое изобрело для нас страшную пытку. Последнюю часть спуска я проделал как в густом тумане и внизу упал, способный только дышать. Остальным было не легче. Эмрис неподвижно лежал рядом с койкой. Тед сгорбился с другой стороны. Я услышал шорох и радостный возглас.

— Аннет!

Мне что-то сунули в руки, я не смог удержать, тогда это что-то оказалось возле моего рта. Я почувствовал вкус укрепляющего напитка. В чрезвычайный рацион всегда добавляют специальные восстанавливающие средства, но поможет ли это мне? Наконец мы, шатаясь, смогли идти, а Аннет, Гита, Прита и Айфорс несли перед нами койку с Лугардом, используя петли из одеял. Я уже настолько пришел в себя, что мог поддерживать Эмриса и Теда. Плечи и руки онемели. Потом они начали болеть, и боль все усиливалась. Мы спотыкались и скользили, хотя по-настоящему ни разу не упали; наконец опасная осыпь осталась позади, мы были в более широкой части пещеры. Из дверей бараков струился свет. Я помню только, как перевалился через порог.

Проснувшись, я обнаружил, что лежу на полу, на матраце той самой койки, на которой мы принесли Лугарда. Как все

болело! Руки будто вывихнуты, кости смяты непомерным напряжением. Видимо, я застонал. Даже повернуть голову было невыносимо больно. Надо мной появилось лицо Аннет, с темными кругами под глазами, с таким выражением, какого я у нее раньше не видел.

— Ты проснулся...

Голос ее звучал резко, и что-то в ее тоне немедленно привело меня в себя. Я попытался сесть. Аннет не помогала, она с каким-то нетерпением смотрела на меня, как будто ждала слишком долго. Я руками протер лицо, ощущая пыль и обломки, и замигал.

— Как Лугард?

— Умер, — ровным голосом ответила она.

Первой моей реакцией был гнев: все наши усилия оказались напрасными; после всего, что мы сделали, Грисс ускользнул от нас. Но тут же появилась другая мысль. Кто будет руководить нами после смерти Лугарда? До сих пор мне некогда было думать о будущем. Когда мы достигли основания, у меня даже появилось ощущение, что самое трудное позади. Неправда. Кое-как я поднялся. Слева на койке лежал Тед; за ним на одной койке остальные двое из спускавших Лугарда. А из глубины помещения, оттуда, где кухня, доносились голоса.

— Вир, ты проснулся!

Я медленно повернул голову — ощущение такое, что от быстрых движений можно распасться на части. Из общего помещения вышла Гита. Она схватила меня за руку.

— Идем, ужин готов. Ты проспал почти весь день.

Пошатнувшись, я встал. Аннет поддержала меня.

— Здесь много еды, — сказала она, как бы уверяя себя, — и кухня работает.

Возможно, на кухне в Кинвете пахло привлекательнее, но в ту минуту я так не думал.

Глава седьмая

Мне пришлось опереться локтями об узкий стол, чтобы поднести к губам чашку горячего кофе. Поглощая обжигающий напиток, я чувствовал, как уходит усталость. Аннет сиде-

ла напротив меня, положив руки на стол. Чувствовалось, что она напряжена; ее беспокойство передавалось мне.

— Он сошел с ума, — ровным голосом сказала она.

— Ты сама чувствовала толчки.

К чему поддерживать напрасную надежду? Я видел беженцев у Батта, верил, что Лугард правильно оценивал опасность. Он не сумасшедший. Напротив, я начинал думать, что он-то и оказался самым здравомыслящим человеком на Белтейне, когда потребовалось заглянуть в будущее. Но теперь...

— Он пришел в себя перед смертью? — Хоть какой-нибудь совет...

Она отрицательно покачала головой:

— Он дышал тяжело. Потом... сразу... дыхание прекратилось. Вир, что нам делать?.. Мы не сможем вернуться тем же путем...

Я отставил чашку и извлек карту. Расстелил ее на столе. В ровном свете помещения ее линии по-прежнему заметно светились.

Я провел пальцем от входа, найденного Лугардом, до нашего нынешнего лагеря — большой нижней пещеры. Из нее выходило несколько туннелей. Два из них, похоже, ведут на поверхность. Но я помнил слова Лугарда о том, что весь этот район был закрыт силами безопасности еще до того, как они оставили Батт. Он открыл доступ сюда с большими усилиями... мне казалось, что у него не было времени, чтобы распечатать остальные входы, даже если он этого хотел.

— Незачем бояться худшего, пока все не проверим, — так я сказал Аннет.

Она хотела, чтобы мы как можно скорее ушли отсюда. Но мне хотелось избежать дальнейших разочарований, особенно для младших. В конце концов мы решили, что вначале я исследую оба эти туннеля.

Перед уходом мне предстояло дело, трудное, может, для меня более трудное, чем для других. Осуждать мертвых не принято, но, думаю, Аннет винила Лугарда в том, что воображаемые им ужасы вовлекли нас в катастрофу. Она не желала ему смерти, но и не жалела его. Однако помогла мне укутать тело пластиковыми листами из запасов базы. При этом что-то выскользнуло из одеяла, державшего тело Лугарда на месте во время путешествия, которое мне не хотелось вспоминать. Это

что-то хрустнуло под ногой, и я поднял обломок дудочки, из которой он извлекал свою волшебную музыку. Должно быть, инструмент сломался, когда Лугарда засыпало. Я собрал все обломки и сунул их ему под куртку.

— Дагни — нет, — вдруг сказала Аннет, когда мы закончили. Она рассуждала сама с собой. — Прита? Да. Все остальные тоже.

В конце концов мы с Тедом отнесли тело Лугарда обратно к груде щебня. За нами шли все, кроме Дагни, спавшей под влиянием успокоительного.

Вырубить могилу в скале мы не могли. Пришлось задвинуть койку с телом в расселину, а затем засыпать — вначале гравием, потом обломками скал, пока не получилась заметная насыпь. Мне хотелось лазером отметить это место. Но в оставленном снаряжении мы не нашли оружия. У нас были только три шокера: мой, Аннет и Теда. Гита приволокла последний обломок и с усилием взгромоздила его на верх насыпи. Я видел слезы на ее щеках.

— Я хотела бы... хотела бы, чтобы кто-нибудь сыграл на дудочке. Он был добрый человек, Вир.

Сам я не отнес бы к Лугарду это определение, но вспомнил, как он вел себя с детьми, и подумал, что со своей точки зрения Гита права. Хорошо, что можно это вспомнить, и еще его храбрость и веру в то, что нужно выполнять свой долг. У меня не было ни малейшего сомнения: он верил в то, что спас нас, что бы ни думала Аннет.

Но и она не смогла уйти просто так. Взяв Гиту за руку, она другую руку протянула мне, я взял за руку Теда, он — Эмриса, и мы образовали кольцо вокруг могилы звездолетчика, который больше никогда не увидит звезд. Аннет запела «Иди с добром», мы подхватили; молитва вызывала странное эхо. Не обращая на это внимания, мы допели ее до конца.

Я решил дождаться утра; впрочем, утро, день, вечер, ночь здесь понятия относительные — я о них мог судить только по циферблату часов. Тем временем мы продолжали разбирать припасы, нашли одеяла для замены разрезанных на полосы, еду в наборах концентратов — достаточный запас на долгое время — и оборудование для раскопок. Но оружия не было, а комм в штабном бараке оставался нем, хотя мы время от времени включали его. Возможно, Лугард активировал лишь

часть оборудования. В бараках было тепло, кухонные установки действовали — и это было спасением: холод в пещере становился непереносимым.

Нашлась и одежда — форма сил безопасности. Для всех, кроме нас с Аннет, она оказалась велика. Нашлось несколько прожекторов, все в рабочем состоянии, и еще много веревок, какие до того обнаружил Тед.

Дети охотно работали, сортируя находки. Перетаскивая ящик с концентрированной фруктовой пастой, я заметил Теда. Он стоял в дверях помещения, которое я считал пунктом управления ракетами. Я поставил ящик и подошел к Теду.

— В чем дело?

Он вздрогнул и слегка повернул голову. Но при этом не смотрел мне в глаза.

— Это ведь пункт управления огнем, Вир?

— Кажется, да.

— Значит, его можно использовать, можно ударить по этим... вышвырнуть этих дьяволов с Белтейна...

— По-твоему, Грисс Лугард был прав?

Я так долго видел упрямую уверенность Аннет в том, что мы — жертвы навязчивой идеи, что почти удивился, услышав слова Теда.

— Да. Можно привести это в действие?

— Нет. Снаряды, которыми отсюда управляли, размонтированы. Может, их и не устанавливали. Из этой базы перед закрытием вывезли все оружие; конечно, самое главное они не могли оставить. Но даже если бы и были ракеты, нельзя их слепо использовать.

— Наверное, ты прав. А вдруг, выйдя, мы обнаружим, что они захватили планету? Что тогда, Вир?

Он задал вопрос, который мучил меня самого. Судя по приготовлениям, Лугард собирался провести здесь много времени. Но я знал, что Аннет с этим не согласится, если, конечно, ей не докажут, что на поверхности опасно. У Аннет хватит воли и решимости уйти одной, если я не попытаюсь найти выход. Значит, нужно выходить. Но я намерен был действовать осторожно, чтобы не нарваться на опасность. Лугард умер, спасая нас от нее.

— Начнем с разведки. Вряд ли кого-нибудь заинтересует дикая местность, — сказал я, но тут же призадумался.

Слух о сокровищах Предтеч привлечет внимание беженцев, если они захватили планету. Впрочем, пустыня, как нарочно, создана для укрытия. И если мы выйдем, сохраняя путь отступления на базу...

— Партизанская война?

— Война? С нашими бродягами? Будь разумным, Тед. Если понадобится, мы можем скрываться годами. Просто нужно действовать осторожно, пока мы не узнаем, что случилось.

Я видел, что он не удовлетворен, но пока можно не бояться безрассудных поступков. Вдобавок я обратился к его чувству ответственности, назначив его старшим на время своего отсутствия. Остальную часть «ночи» — по часам — мы проспали. На следующее утро — третье под землей — около восьми часов я отправился в путь. Мне хотелось бы иметь походный комм, чтобы поддерживать связь с базой, но все такие устройства отсутствовали, как и оружие. Вообще в припасах были странные пробелы, и я гадал, не Лугард ли ответствен за такой необычный выбор. Может, коммы отсутствуют, чтобы мы не пытались связаться с поверхностью и не выдали себя? Я скопировал карту на листе пластика, оставив оригинал Аннет. Взял с нее слово не двигаться с места до моего возвращения и отдельно велел Теду проследить за этим. Затем, с легким рюкзаком, я решительно пошел от освещенного лагеря.

Оглянувшись, я увидел темные тени. Кто-то — мне показалось, Гита — поднял руку в приветствии. Я махнул в ответ. Выбор мой пал на левый туннель: он был шире, хотя все-таки оставался лишь туннелем сравнительно с пещерой. Увидев царапины на стенах — туннель расширяли, — я приободрился: по-видимому, мой выбор правильный. Туннель не спускался, как тот, по которому мы пришли, а шел горизонтально. Однако через час я наткнулся на тщательно сделанную преграду. Кто-то хорошо поработал лазером. Я увидел части машин, вплавленные в скалы. Сюда пригнали строительную технику, забросали ее камнями и с помощью высоковольтного лазера превратили в затычку, которую невозможно сдвинуть с места. Вряд ли это сделал Лугард. Операция сил безопасности. Зачем они это сделали? Какие сокровища хотели спрятать? Может, пункт управления?.. А что, если им пришлось оставить здесь и ракеты?.. Я обдумал это предположение. Возможно, это и так. Может, у нас под рукой средство, способное освободить Бел-

тейн. Но я не знаю, как запустить такую систему, да и нельзя проводить эксперименты, пока нам неизвестно, что происходит на поверхности. Ясно только, что в прошлом кто-то приложил большие усилия, чтобы скрыть базу.

Если Лугард знал об этом, возможно, он собирался использовать оружие для защиты. Еще одна тайна, которую он не разделил с нами, а теперь уже слишком поздно. Я участок за участком рассматривал сплавленную массу, пытаясь найти проход. Не удастся ли преодолеть преграду под потолком? Нет. Пришлось повернуть назад, чтобы осмотреть второй туннель. Выйдя в пещеру, я взглянул в сторону лагеря. Двери бараков закрыты. И света нет: бараки построены без окон. Сообщить о неудаче? Напрасная трата времени. Лучше сразу заняться вторым выходом. Второй туннель все время сворачивал из стороны в сторону, на стенах его — никаких царапин, но вскоре мой фонарь осветил опрокинутую тележку, такую же, какой пользовался Лугард.

Гусеница тележки застряла в камнях. Казалось, ее оставили в спешке... чтобы выбраться наружу? Может, прямо впереди выход? Я перешел на рысцу, насколько позволял неровный пол. Туннель еще более отклонялся вправо и вниз. Я почувствовал разочарование, хотя здравый смысл говорил мне, что в текущей лаве не может образоваться отверстие, ведущее вверх. И тут меня поджидало второе разочарование — стена из сплавленных обломков. Она была не такая, как первая. Я не вполне уверен, но эта стена показалась мне новой. Ее сделали не десять лет назад, а всего несколько дней. Лугард?

Здесь было не так холодно. На стенах нет инея. Я заметил металлический блеск и опустился на колени рядом с оружием — тем самым, что я видел у дверей Батта, когда Лугард стоял перед беженцами, — или его близнецом. Оружие казалось совершенно новым. Не думаю, чтобы оно лежало здесь долго. Я мгновенно схватил его и направил на каменную перегородку. Может, удастся прожечь отверстие. Но когда я нажал на курок, ничего не произошло. Должно быть, заряд истощился при изготовлении преграды. Теперь я был уверен, что этот проход перекрыл Лугард. Но почему? Зачем ему закрывать нас в нем? Подготовка к долгой осаде, а теперь это... Должно быть, он сильно опасался того, что сейчас на поверхности. Только ли нас хотел он спасти? Или тут есть тайна, которую нужно сохранить?

Я сел на пол, держа лазер, и задумался. Вряд ли есть смысл гадать дальше. Разгадку можно найти в лагере. Для собственной безопасности нам нужно знать правду. Есть еще третий туннель. Я считал, что его не стоит исследовать. Осмотреть его сейчас или вернуться на базу для более тщательных поисков? В конце концов я решил вернуться и пошел, прихватив с собой разряженный лазер Лугарда. Может, сумею отыскать заряд для него и прожечь перегородку. Миновал полдень, я проголодался и перед возвращением поел. И вот тут, поглядывая по сторонам, я случайно увидел на гладкой пыли, покрывавшей пол, цепочку следов.

Насколько я знаю обитателей заповедников, это не был один из них. След размером с мою ладонь. Значит, животное довольно большое. Лапа трехпалая, пальцы такие тонкие, как будто прошел скелет. Может, еще какое-то существо заблудилось, как рогатый бородавочник, и плелось здесь, умирая с голоду? Следы появились после того, как Лугард изготовил преграду. Я не заметил их, спускаясь по туннелю, а тут нет места, где могло бы спрятаться большое животное. Я пожалел, что была закрыта спелеологическая лаборатория и у меня нет никакого представления об обитателях подземелий. Конечно, животное, ищущее убежища в лавовых туннелях, не похоже на жителей богатых водой пещер. Наклонившись, я измерил отпечаток. Мелкий песок и щебень — судить о весе животного трудно. Но вид отпечатков мне не понравился. Трехпалая лапа, по-видимому, принадлежала какой-то рептилии.

Осмотрев след, я решил, что животное спустилось по туннелю, наткнулось на преграду и повернуло назад. Очевидно, оно привыкло двигаться у стен, во всяком случае, все следы были там. Убрав упаковку походного рациона, я встал и осветил цепочку следов, ведущих назад, к большой пещере. Они могли быть сделаны и час назад, и день, и неделю. Но мне не понравилось, что около лагеря скрывается какое-то неизвестное существо. Если это умирающий с голоду хищник, он может напасть на любого. Шокер быстро действует на теплокровных, его воздействие на рептилий гораздо слабее, разве что на максимальном уровне, а наши шокеры всегда настроены на низкий. Поэтому я пошел назад так быстро, как сегодня еще не ходил. У тележки следы отделились от стены и затерялись в центре туннеля. Осветив тележку, я увидел порванный трак.

Ровные края разрыва сделаны не скалой. Похоже, тут работали когти. А когти, способные разорвать гусеницу... Я крепче сжал найденное оружие. Если бы отыскать свежий заряд для него, нам не о чем было бы беспокоиться. Лазер, который плавит скалы, остановит даже медведебизона — самое опасное существо, какое я знал. Ни один рейнджер не приближался к нему, не оглушив предварительно шокером. Наконец я вышел в большую пещеру. Здесь следы резко сворачивали влево, по-прежнему держась у стены. Я был доволен этим: если существо не любит открытых пространств, ему придется пересечь пещеру, ведущую к лагерю, а бараки способны выдержать нападение. Нужно только соблюдать осторожность за их стенами.

Я продолжал идти вдоль следов, пока они не исчезли в расщелине. Поглядев на карту, я понял, что это вход в третий туннель. В пыли несколько цепочек следов вели в туннель и из него. Похоже, эти существа тут часто ходят. Из расщелины тянуло таким холодом, что я поразился. Если это рептилия, как она выдерживает такую температуру? Рептилии не могут жить в жаре и под прямыми солнечными лучами, а холод делает их вялыми, некоторые даже впадают в спячку. Именно изучение таких животных привело к открытию «холодного сна»! До открытия гиперпрыжков огромные расстояния между звездами люди преодолевали в состоянии «холодного сна», лежа в похожих на гробы ящиках.

Существо, оставившее след, тем не менее выбрало туннель, еще более холодный, чем пещера. Самые поздние следы, перекрывавшие остальные, вели туда, и я решил не ходить по ним.

Вместо этого я пошел к лагерю. Дверь, ведущая в пункт управления оружием, была полуоткрыта, внутри темно, темно и в бараке с коммами. Повинуясь какому-то импульсу, я не пошел к населенной казарме. В конце концов, я не говорил, когда вернусь, а мне очень нужен заряд для лазера Лугарда. Его можно отыскать здесь. Если бы он нашелся среди припасов или в других помещениях, я бы уже знал.

Я вошел в темное штабное помещение. Закрыл за собой дверь, и тут же вспыхнул свет. То же самое происходило и в других бараках. Но не в пункте управления огнем. Значит ли это, что Лугард активировал только часть оборудования? Мы знаем, что комм не действует, но что еще здесь есть?

Я подошел к картотекам. Они открывались прикосновени-

ем пальцев к реле. Когда я прикоснулся к первому реле, шкаф открылся, и я увидел пустую внутренность. Там были секции для микрофильмов и для лент, но самих лент не было. То же и в других отсеках. Тогда я поискал на стенах другие реле и нашел их четыре. Но если они и охраняли какие-то тайны, то не раскрыли их. Может быть, они были настроены на отпечатки Лугарда или даже моего отца, если к ним не притрагивались с начала войны.

Я сел к столу, положив на него оружие. В столе три ящика, тоже пустые. Потом я увидел четвертый, узкий, прямо под столешницей. Я заметил его только потому, что его осветил мой поясной фонарь, который я забыл выключить.

Казалось, открыть этот ящик невозможно: ни защелки, ни кнопки. Я вытащил охотничий иридиевый нож и его несокрушимым концом прощупал еле заметную щель соединения. Потребовалось немало терпения, но наконец что-то щелкнуло, и открылся неглубокий ящик.

В нем оказался только один пласталист — тоже карта. Я разложил ее на столе и принялся сравнивать с той, что дал мне Лугард. Частично они совпадали. Но моя старая карта покрывала лишь около четверти новой. Опять я увидел сеть туннелей. Во всех случаях за преградами, которые я встретил, были обозначены продолжения туннелей, ведущие к каким-то помещениям или установкам.

Ракетные шахты? Или что-то аналогичное? Рядом цифры, настолько мелкие, что их трудно прочесть. Я решил, что это код. Ну, раз эти помещения для нас закрыты, не так уж важно, что там. Меня больше интересовал третий — холодный — туннель. На карте Лугарда он был лишь слегка обозначен, здесь же имелось много подробностей.

Судя по карте, этот туннель вел к пещере, не меньшей, чем та, в которой мы находились. А может, просто одна большая пещера с узким переходом. Дальняя сторона этой пещеры не была дорисована, как будто этот конец составитель карты не исследовал и не знал истинных его очертаний. Пещера на карте была слегка заштрихована, что особенно подчеркивало ее значение; поверх штриховки — опять код. Я вспомнил рассказ Лугарда о ледяной пещере, в которой он нашел следы чужаков. Холод, тянувший из пещеры, свидетельствовал о наличии льда. А специальное обозначение на карте — о важности

этого места. Но никаких признаков выхода на поверхность. Приходилось признать, что два известных выхода запечатаны и нам придется возвращаться тем же путем, каким мы сюда попали. А для этого — разобрать завал, остановивший Аннет. И за ним... я вздрогнул, представив себе подъем. А ведь лифт не работает.

Свернув обе карты, я сунул их в карман. Дальнейший осмотр комнаты связи и жилых помещений ничего не дал. Впрочем, я захватил с собой оружие, решив тщательнее поискать заряды для него. Оружие нам необходимо. Выйдя из штабного помещения, я услышал крики.

— Дагни! Дайнан!

На крики стены отзывались эхом.

— Дагни! Дайнан!

Дверь казармы была распахнута, оттуда струился свет. Видна была Аннет — это она кричала. Дальше, в полутьме, еще одна фигура — это мог быть только Тед — и еще кто-то, может, Гита, движущаяся в другом направлении — к уступам. И я побежал — вспомнил трехпалые следы.

— Что случилось? — Я поравнялся с Аннет, когда она снова позвала детей.

Она повернулась, схватив меня обеими руками.

— Вир, дети — они ушли!

И, продолжая держаться за меня, закричала:

— Дагни! Дагни! Дайнан!

Кто-то с другой стороны включил прожектор. Его луч дотянулся до стены пещеры и осветил расщелину, вдоль которой тянулись зловещие следы.

— Домой... — Я расслышал это слово сквозь крики Аннет и увидел Приту. Встретив мой взгляд, она кивнула, как бы подчеркивая значение своих слов. — Дагни хотела к маме, хотела домой. Она не понимала, что случилось. Когда Аннет пошла, чтобы принести ей поесть, — мы думали, она спит, — Дагни убежала. А Дайнан — он никогда не оставлял сестру.

Это правда. Куда бы ни шел один из близнецов, туда же — и другой. Впрочем, обычно вел Дайнан. И он не позволил бы сестре уйти во мрак одной. По-прежнему помня о следах, я схватил Аннет за руку.

— Тихо! — Всю силу вложил я в этот приказ. — Уведи всех, всех!

Она не понимая смотрела на меня, но больше не кричала.

— Мы здесь, кажется, не одни. — Все, что я мог сказать. — Зайдите внутрь и оставайтесь там. Переключите шокеры на высший уровень.

Из тьмы появился Тед.

— Они оставили след, — сообщил он и тут же спросил: — Вир, а выход?..

Я покачал головой:

— Выхода нет. А где след?

Мои страхи оправдывались: Тед махнул в сторону холодной расселины.

— Аннет, Тед, заведите детей внутрь и держите их там! И еще... — Я сунул Теду бесполезный лазер. — Обыщи все запасы и попробуй найти заряд к этому. Стреляй во все, что не сигналит фонариком.

Он кивнул, не задавая вопросов. Аннет могла бы задать, но я подтолкнул ее:

— Уводи их!

— А ты куда?

— За ними. — Я уже сделал два шага к расщелине. И добавил как последнюю предосторожность: — Пусть прожектор будет направлен туда.

Свет может и не помочь, но если мне предстояло иметь дело с созданием, живущим во тьме, тогда другое дело.

Глава восьмая

Я нашел следы, которые видел Тед. Не узнать отпечатки маленьких ботинок невозможно. И они лежали поверх моих, там, где я останавливался, осматривая след животного. Я вздрогнул. Если бы я не задержался в штабном помещении, а сразу пошел к казарме, мог бы помешать им уйти. Но сейчас не время думать о том, что могло бы быть. Несколько мгновений я раздумывал, включать ли поясной фонарь. Свет необходим, но он может привлечь внимание. Впрочем, свет совершенно необходим. А вот окликать детей я не буду. Становилось холоднее. Стены туннеля, покрытые инеем, сверкали на свету. Я не понимал, что привлекло сюда детей. Может, они сознательно избегали встречи со мной — ведь они знали, что я

исследую два других туннеля. Не похоже на близнецов. Оставалось предположить, что испытанный шок подействовал на обычно робкую Дагни. Она казалась в полузабытьи, когда не спала. Дети не могли уйти далеко. Я вслушивался, надеясь услышать их шаги или — я думал об этом с замирающим сердцем — звуки чуждой жизни.

Я видел, что туннелем пользовались — следы лазера, царапины на стенах, отпечатки гусениц, — здесь побывали не только люди, но и тележки. Туннель шел под уклон, температура падала. Я слышал только звук собственных шагов. И ничего не видел в луче фонаря. Шокер в руке был установлен на высокий уровень, хотя это быстро истощало заряд. Сколько у меня запасных зарядов? В кармане на поясе два, еще несколько в рюкзаке, но его я оставил. А сколько у остальных? Надо было проверить это, когда мы осматривали свои запасы. Впрочем, тогда пища и вода казались важнее. Я взглянул на часы. Четыре пополудни — снаружи день, светит солнце. Но здесь эти представления не имели смысла. Дети где-то близко, но я не осмеливался идти слишком быстро. Вывихнутая лодыжка означала бы для всех нас катастрофу. Может, дети, увидев мой фонарь, убегут? Или с них хватит холода и темноты и они готовы повернуть назад? Мне хотелось крикнуть, но воспоминание о следах заставляло молчать. Туннель круто ушел вниз — похоже на преодоленный нами спуск, только без уступов. Приходилось держаться за стены.

Я удивился: близнецы спустились здесь? Очевидно, так и есть, иначе я догнал бы их. И тут я услышал: негромкий, но отчетливый плач доносился снизу. И увидел слабый отблеск фонаря. Приободрившись, я двинулся вниз, в такой нестерпимый холод, что пальцы отказывались касаться стен. Как они туда добрались? К счастью, спуск оказался недолгим. На полпути я разжал руки и спрыгнул в груду гравия. Но тут же вскочил, отделавшись несколькими царапинами.

— Дагни? Дайнан? — осмелился я позвать.

Плач не прекратился. Но мне ответили, только голос шел не со стороны фонаря.

— Вир... Вир, выведи нас... — это Дайнан.

— Где вы?

Я по-прежнему смотрел на фонарь и не мог поверить, что детей там нет.

— Здесь!

Они оказались гораздо дальше налево и выше, если только эхо меня не подводит. Я двинулся туда.

— Вир, — снова голос Дайнана, тонкий и слабый. — Там этот зверь. Он убежал, когда я бросил фонарь. Но он кусал фонарь, топтал его... и, может, он вернется. Вир, уведи нас отсюда!

Я посветил своим фонарем в направлении голоса. Небольшой уступ, очень узкий. Сзади скорчилась Дагни, Дайнан впереди, защищая ее. Девочка плачет без слез, глядя прямо перед собой, из ее рта вырывается стон, из уголка губ тянется струйка слюны. Отсутствие выражения на лице испугало меня: мне показалось, что она потеряла рассудок от всего, что испытала.

На лице Дайнана тоже страх, но выражение сознательное. Дайнан схватил меня за руку своей маленькой холодной рукой и глубоко вздохнул: будто огромная тяжесть свалилась с его плеч, когда он коснулся меня. Уступ, на котором они теснились, был для меня слишком мал. Как же спустить Дагни, если она не придет в себя?

— Дагни...

Взобравшись на груду щебня, я смог дотянуться до ее рук и взять их в свои. Они безвольно лежали в моих руках: она, кажется, не чувствовала моего прикосновения. Продолжая смотреть прямо перед собой, она не переставала стонать. Я знал: при истерии иногда пощечина может привести в себя. Но это хуже любой истерии.

— Давно она такая? — спросил я Дайнана.

В таком состоянии она не могла идти.

— С тех пор... с тех пор, как этот зверь хотел съесть нас. — Голос его задрожал. — Она... она не слушает меня, Вир. Плачет и плачет. Вир, она тебя послушает?

— Не знаю, Дайнан. Можешь спуститься, чтобы я снял ее?

Он послушно спрыгнул, освобождая мне место. Дагни по-прежнему как будто не осознавала моего присутствия. Я боялся, что теперь она вообще недоступна для влияния извне. Ей нужна помощь профессионала, а это возможно лишь в мире, в который у нас нет пути. Я кое-как снял ее с уступа, и она висела на моем плече, по-прежнему плача. А мне предстоит поднять ее по этому склону.

— Вир! Слушай!

Я слышал только стоны Дагни. Но когда Дайнан потянул меня за руку, я прислушался. И услышал другой звук... как будто скатился камень. Из-за эха трудно было определить направление. Кажется, звук доносится сверху... и издалека.

— Вир... зверь?

— Какой он? — Лучше хоть немного узнать о том, что мне предстоит.

— Большой... с тебя ростом... и ходит на задних лапах. Он хуже бородавочника... весь в чешуйках и противный, противный. — Голос Дайнана все больше дрожал, он с трудом сдерживал страх.

— Ладно, ладно. Послушай, Дайнан. Ты говоришь, его привлек ваш фонарь...

— Не знаю, Вир... у него нет глаз... вообще нет! — Снова в его голосе звучал ужас. — Но свет ему не нравится. Я бросил в него фонарь, и он больше не нападал на нас. Прыгнул на фонарь и кусал его, и бросал... а потом... он ушел.

Привлекает тепло? Может, этот жилец тьмы и не нуждается в глазах, но тепло он ощущает. Я кое-что вспомнил. Так крошечные создания в подземных водах находят добычу — они улавливают тепло тела. Говорят, некоторые из них ощущают тепло ладони, поднесенной к скале возле их норки. Если этот зверь тоже охотится, ощущая тепло, его прежде всего должен привлечь фонарь... а теперь его привлечет мой поясной фонарь. Возможно, я смогу использовать фонарь, как это сделал Дайнан, если зверь на нас нападет. Хотя как поднимать беспомощную девочку без света?

Фонарь Дайнана все еще горел, хотя и начал мигать. Эти фонари сделаны прочно, и зверь не смог его сломать. Увы, звуки доносились именно оттуда. Я не смог придумать, как поднимать Дагни и в то же время не оказаться совершенно безоружным. Рисковать я не стал. Есть другая возможность — выманить зверя на открытое место и оглушить шокером. Но и тут я не был уверен, что шокер подействует, даже включенный на максимум. Я осмотрел пояс Дагни. Девочка лежала лицом к стене, глаза ее были открыты, но ничего не видели. Фонарь оказался на поясе.

Я отцепил его; Дагни продолжала лежать, пассивная, как игрушка.

— Послушай, Дайнан...

Очень многое зависело от того, что нам предстояло сделать. Если встреча со зверем, то в таком месте, которое я сам выберу, и подальше от детей. Я осветил подъем. Высоко над головой находилось самое близкое место, где я задержался при спуске. Оно было даже удобнее уступа, на котором я нашел детей.

— Вот что мы сделаем. Я не могу рисковать, взбираясь с Дагни, пока она... больна... а этот зверь может напасть. Поэтому я подниму вас обоих туда. И оставлю вам фонарь. Берегите его. Потом опять спущусь и оставлю свой фонарь как приманку. Когда зверь набросится на него...

— Но у тебя нет ни бластера, ни лазера! — Голос Дайнана дрожал, но мальчик рассуждал логично.

— Нет. Но мой шокер настроен на полную мощность. Если я буду осторожен — а я буду, — может сработать. Просто мы не можем взбираться, пока это существо угрожает нам.

Я видел, как он кивнул, сжав в кулаке поясной фонарь Дагни. Фонарь самого Дайнана мигал все чаще и чаще. Я прислушался, но звуки прекратились; я мог лишь надеяться, что зверь не подкрадывается бесшумно в темноте к добыче. С огромным трудом я поднял Дагни на уступ. Это еще раз подтвердило, что нельзя подниматься дальше, если постоянно существует угроза нападения сзади. Надо утихомирить «зверя» Дайнана перед дорогой назад.

Посадив Дагни спиной к стене, а Дайнана перед ней, я немного отдохнул, в то же время успел дать мальчику последние наставления:

— Я спущусь к твоему фонарю. А свой включу и укреплю на скале. Буду между вами и зверем. Не включай фонарь Дагни. Это очень важно. Если зверь охотится по теплу, его вначале привлечет мой фонарь, тепло фонаря скроет излучение наших тел.

— Да, Вир.

Я протянул ему свою фляжку и припасы:

— Дай Дагни немного воды, если она сможет проглотить. Вот здесь А-рацион. Попробуй ее покормить. Вам нужно подкрепиться. Если какое-то время ничего не будешь слышать, не беспокойся. Возможно, придется подождать.

«Но недолго», — подумал я, спускаясь к фонарю. Здесь так холодно, что дети долго не выдержат. Да и тело мое настолько онемело, что я сомневался, смогу ли драться.

Все дольше становились промежутки между вспышками фонаря, брошенного Дайнаном. Да и светил он все слабее. Я с осторожностью крадущегося охотника подошел к нему; на поверхности легче скрываться. Продолжающаяся тишина беспокоила меня: воображение рисовало зверя Дайнана, притаившегося где-нибудь рядом, следящего за каждым моим движением и готового в любую секунду напасть раньше, чем я смогу использовать свое оружие, может быть, вообще бесполезное.

Я закрепил свой фонарь между камнями и скорчился в ожидании. Холод сковывал, притупляя чувства. А может, мне это казалось со страху. Время от времени приходилось шевелиться, чтобы не затекло тело, ведь тогда бы я совсем не мог двинуться. Циферблат на часах не был виден, и потянулось бесконечное время в мучительном напряжении.

Никакого предупреждающего звука — в одно мгновение зверь оказался здесь! Он стоял, слегка склонив голову набок, повернув рыло к фонарю, опустив плечи; похожие на листья полоски шкуры колебались и застывали в направлении света — или меня, стоявшего рядом.

Существо было мертвенно-бледного цвета. Дайнан сказал правду: на голове «зверя» два небольших возвышения — вероятно, на месте глаз, от которых эволюция отказалась за ненадобностью тысячелетия назад. Как такое большое животное находит здесь себе пропитание? Я всегда считал, что пещерная жизнь миниатюрна, самые большие живые существа здесь — слепые рыбы. Но это было ростом с меня. К тому же было ясно, что оно всегда передвигается на двух ногах: передние конечности гораздо слабее задних; существо прижимало их к животу.

Жуткое впечатление усиливалось сверхъестественной худобой животного. Все его конечности — угловатые кости, обтянутые чешуйчатой шкурой. Голова — череп, едва прикрытый плотью, а все тело было таким тощим, будто животное умирало с голоду. Но двигалось оно энергично, без признаков слабости: должно быть, крайняя худоба — его естественное состояние.

Стоя на задних лапах, оно казалось страшнее, чем если бы передвигалось на четырех. Мы связываем двуногое передвижение с разумом, хотя это далеко не всегда так. Складывалось впечатление, что мне противостоит не безмозглая тварь, а по-

велитель подземелья, подобно тому как люди — повелители поверхности.

Но для подобных размышлений было мало времени. Слепая голова рывками поворачивалась направо и налево, всегда в направлении фонаря. Голова с длинным узким черепом и маленькой пастью, окруженной единственном на всем теле избытком плоти, — своеобразным вытянутым утолщением. Похоже, оно обычно всасывает пищу, а не кусает ее зубами. В целом это было кошмарное зрелище. Вдруг, без всякого предупреждения, оно прыгнуло. Мой ответ запоздал на одну-две секунды. Вероятно, меня отвлекла необычная наружность животного. Это мне дорого обошлось. Я прицелился в голову и нажал курок: известно, что голова — наиболее уязвимое место для шокера. Казалось, то, что верно для всех живых существ, здесь неверно. Я даже не видел, как оно изменило направление прыжка.

Но теперь оно устремлялось не к фонарю, а ко мне. А передние лапы, казавшиеся такими слабыми сравнительно с мощными задними, готовы были схватить меня и рвать когтями. Я снова направил луч в голову, но не остановил животное. Оно вскочило на камни, за которыми я прятался, и готово было ударить меня. Слепота, казалось, ничуть не мешала ему знать, где я нахожусь. Мне повезло: когти лишь разорвали комбинезон, оставив кровоточащие царапины. Спасло меня то, что камни под животным шевельнулись и оно должно было удерживать равновесие. Я бросился направо и покатился за грудой камней. Теперь зверь находился между мной и детьми. Расправившись со мной вторым или третьим ударом, он займется ими. Надо увести его от выступа. Не хотелось думать, сколько я продержусь в этой отчаянной игре. Похоже, шокер бесполезен. Два полных заряда в голову — это поразило бы любой мозг. Но животное даже не замедлило движения. Теперь я оказался рядом с фонарем и попытался улучить мгновение и вытащить его. Не то чтобы мне не хватало света, но животное хотело добраться до меня, а прямые световые лучи, по-видимому, все же беспокоили его. К моему облегчению, оно не повторило нападения, и у меня появилась возможность прийти в себя. Существо оставалось на неустойчивом обломке, поворачивая голову вслед за лучом. Не обладая зрением, оно каким-то образом ощущало свет. Может, это существо

привыкло к холоду, и даже ограниченный источник тепла его и привлекает, и отталкивает. Если так... если бы у меня был лазер! Но я с таким же успехом мог мечтать о распределителе — он действует вернее.

Однако когда я отполз назад, прочь от уступа и детей, зверь спрыгнул с камней и последовал за мной, как будто я дул в дудку Лугарда. Только двигался он настороженно.

Преследуемый охотником, я оказался в незнакомом месте. Луч фонаря разбудил своим прикосновением ледяные сталагмиты, похожие на зубы гиганта. Пол частично был покрыт прозрачным льдом, состоящим из гексагональных призм, расположенных по вертикали. Их грани отчетливо проступали. А на стене, где был закреплен мой фонарь, я увидел еще большие кристаллы с четкими гранями. В другое время эта красота поразила бы меня. Сейчас же я лишь напрягся в страхе, что поскользнусь на этих кристаллах, упаду и стану легкой добычей хищника.

Существо не реагировало на холод; по-видимому, это его естественная среда обитания, хотя это противоречит всему, что мы знаем. Мои плечи и грудь кровоточили, холод грыз сквозь прорехи в одежде. Если я позволю ему слишком долго гнать меня, холод даст ему преимущество в нашей последней схватке. Я поднял шокер и выстрелил в третий раз, но не в голову, а в середину туловища — с удивительным результатом!

Вздрогнув в свете фонаря, животное вскинуло голову. Из сморщенной пасти вырвался странный звук, на который послышался ответ — из-за моей спины! Я задрожал от ужаса, прижался к одному из ледяных столбов и упал, поскользнувшись на льду. Шокер отлетел, но я как-то умудрился удержать фонарь. Перевернувшись, я ударился о пол здоровым плечом. И оказался перед странными предметами, которым здесь явно было не место. Когда-то они были глубоко погружены в лед, но кто-то начал его растапливать и частично высвободил их. Я видел тени, смутные формы, все покрыто льдом. Прямо передо мной из ящика или контейнера торчала какая-то палка; в ящике их было несколько. Я схватил ее в надежде использовать как дубину. Звуки приближались. Я не стал вставать, только поднялся на колени и взмахнул палкой. На ее поверхности я нащупал какие-то углубления, кончики пальцев как раз попали в них.

Из конца палки вырвался ослепительный луч света. Он ударил по ледяной колонне. Послышался свист, шипение пара. Меня окатило горячей волной, закипела вода. Я вторично взмахнул палкой, на этот раз намеренно прижав углубления пальцами, и существо, спешившее ко мне по скользкому полу, внезапно оказалось безголовым. Но продолжало держаться на ногах! И неслось ко мне, пока я не ударил его лучом в грудь. Из леса ледяных колонн выскочило еще одно. Но то ли при виде меня, то ли от света оно держалось осторожно, кружило, передвигаясь с изумившей меня скоростью. Я не мог с ним соперничать в этом: мешали холод и раны. Я не стал целиться, а просто провел стволом оружия по тому сектору, где находилось животное. Оно упало, но не только оно. Раскалывались ледяные столбы, падали огромные глыбы. Стена за ними как будто начала плавиться. Там открылась черная дыра, откуда донесся громовой шум.

Некоторое время я лежал, не в силах подняться. Наконец, повернув чудесную палку и используя ее как опору, умудрился встать. Пошатываясь и останавливаясь, я добрался до черной дыры, проделанной оружием, и посветил внутрь фонарем. Свет отразился от водной поверхности: целая река стремилась из тьмы во тьму. Я медленно двинулся назад, к уступу, светя перед собой, чтобы Дайнан знал, что я иду.

— Вир! Вир!

Я услышал его зов и прислонился к стене, обдумывая, что делать дальше. Обрывки одежды я как можно плотнее прижал к телу. Но кровь продолжала сочиться из порезов. И холод мучил по-прежнему. Я не смогу подняться с Дагни, даже если Дайнан попытается мне помочь. Но и оставить детей и идти за помощью я не могу.

— Дайнан...

— Да, Вир? — радостно отозвался он.

— Ты сможешь подняться наверх и добраться до лагеря?

Я многого просил у него. Нет ли других чудовищ? И сможет ли он добраться без помощи?

— Попробую, Вир.

— Постарайся, Дайнан.

Я не смел показывать свою тревогу: моя твердость должна поддержать его в пути.

— Слушай. У меня есть оружие. Не знаю, что это такое... я нашел его здесь. Нацеливаешь, нажимаешь вот эти места на

поверхности, и отсюда вылетает очень горячий луч. Я даю его тебе. Если встретишь такого зверя, стреляй в середину тела. Понял?

— Да, Вир.

Голос его звучал увереннее. Из-за оружия, которое я даю ему? Человек всегда чувствует себя увереннее с оружием в руках. Может, поэтому мы держимся за оружие и развиваем скорее тело, а не мозг, как нужно делать, по мнению многих на Белтейне. Но остаться без оружия... Я осмотрелся, держась руками за обломки скал. В этот момент я вовсе не был уверен, что смогу проделать необходимое для безопасности моей и Дайнана путешествие.

— Подожди, Дайнан. Я должен достать другое оружие.

Я двинулся вперед, боясь остановиться, чтобы не упасть и больше не встать. Раны, нанесенные когтями, горели. Я подумал о яде и тут же постарался отогнать эту мысль, сосредоточившись на необходимости добраться до ледяного склада и добыть другой жезл. Я проковылял мимо обгоревших останков чудовища, и мой фонарь осветил полурастаявшую стену и торчащий из нее ящик с откинутой крышкой.

Я достал из ящика второй жезл. В ящике оставались еще два. Но они были другими. Тот, что я сейчас взял, серо-голубой, как и первый, а остальные два — тускло-серебристые. Я направил тот, что держал в руке, на ледяную колонну и выстрелил. Снова волна жара, лед растаял. Только этот один ящик и высвободился изо льда. Я смутно видел за ним большие ящики, какие-то тени. Сокровища чужаков, о которых говорил Лугард? Кто оставил их и когда? И кто освободил этот ящик изо льда? Лугард? От головокружения я чуть не упал. Стараясь сохранить равновесие, болезненно оцарапал подбородок о ящик и осветил фонарем крышку. На ней было какое-то изображение, не вырезанное глубоко, но видное в прямом свете. Голова! Чудовище! Нет, у этой головы есть глаза, но форма черепа та же самая. Неужели эти существа были оставлены здесь тысячелетия назад? Человек, не знакомый с космосом, сказал бы, что это невозможно. Но мы видели на множестве миров слишком много необъяснимого. Рисунок имеет отношение к чудовищу — я в этом не сомневался. Но сейчас у меня нет времени для размышлений или исследований. Дайнан должен идти за помощью. Собрав все силы, я двинулся назад, к уступу.

Глава девятая

Дайнан полез вверх, а я скорчился на узком уступе, обхватив руками Дагни. Стоны ее стали тише. Глаза были полузакрыты; из-под опущенных век виднелись лишь белки глаз. Второй жезл, взятый из ящика, лежал у меня на коленях, свободную руку я прижал к ранам на груди. Холод был ужасен. Нужно двигаться, чтобы восстановить кровообращение. Но Дагни висит мертвым грузом, а я слишком слаб. К тому же, хоть я и убил двух чудовищ, возможно, другие прячутся за ледяными столбами.

Мысли мои замедлялись, путались. Я почувствовал сонливость. Но где-то внутри звучал тревожный звонок. Не спать — это путь к гибели. Я старался прислушиваться. Даже отсюда мне казалось, я слышу голос подземной реки. Река... вода должна куда-то течь. Можно ли ей довериться как дороге наружу? Я не знал в лавовой местности ни одной большой реки. Но этот район Белтейна никогда тщательно не исследовался. В последнее время, когда людей стало мало и большинство было занято в лабораториях, вообще исчез интерес к тому, что лежало за пределами поселений. В какой-то мере охранялись только заповедники животных. Я думаю, мы первые оказались в этой местности после того, как крепость Батт оставили.

Очевидно, река может вывести нас наружу. И если мы не найдем другого пути, придется воспользоваться этим. Время шло, Дагни становилась все тяжелее и тяжелее. Я забыл отметить время, когда Дайнан ушел и крикнул сверху, что благополучно поднялся. Поэтому часы мне ничего не говорили.

Дорога назад была прямой — если только он не встретил еще одно слепое чудовище! Но ведь он маленький мальчик, замерзший, измученный. От него нельзя ожидать такой же скорости, как от меня. Одной рукой я неуклюже пошарил в рюкзаке, достал тюбик с укрепляющим. В свете фонаря было видно, что лицо Дагни вымазано той же пищей. Должно быть, Дайнан пытался покормить ее. Но когда я попробовал сделать то же, пища вываливалась из ее расслабленного рта; я понял, что ничего не выйдет. Я высосал укрепляющее. У него сильный неприятный привкус, но оно должно поддержать силы в чрезвычайных обстоятельствах, и я заставил себя проглотить все. Дагни по-прежнему стонала. Время как

будто остановилось. Бесконечный день-ночь продолжал тянуться.

Меня поддерживала необходимость постоянно быть настороже. В конце концов я сдавил раны, нанесенные когтями зверя. Боль рассеяла туман, охвативший мозг. Время продолжало тянуться, сверху ничего не было слышно; хотя я и говорил себе, что еще рано, настроение ухудшалось. Скажет ли Дайнан, чтобы захватили необходимое оборудование? Почему я не сказал ему об этом? Надо было дать точные указания, перечислить все необходимое. Вряд ли Дайнан сумеет... В этом, кстати, я ошибся. Когда они наконец пришли, я увидел, что Дайнан обо всем подумал. Они принесли с собой веревки, с помощью которых мы спускали Лугарда. Тед спустился и обвязал ими Дагни, а потом поднимался рядом с нею, пока ее тащили сверху. Попытавшись двинуться, я понял, что настолько замерз и устал, что почти ничего не могу; поэтому пришлось, скорчившись, ждать, пока Тед не вернулся и не закрепил на мне ту же самую петлю. Веревка задела раны, я вскрикнул и стонал до тех пор, пока петлю не переместили ниже. Я, как мог, пытался подниматься сам, но этого было мало, и я двигался очень медленно. Вверху, вероятно, решили, что я так же тяжел, как Лугард.

Наконец я наверху, лицом вниз, раны страшно болят. Каким-то образом мне удалось перевернуться. Горел, ослепляя, один из прожекторов, который они захватили с собой. Я закрыл глаза, пока осматривали мои раны, снимали с них обрывки одежды, я ими останавливал кровотечение. Наконец облегчающая прохлада — это к ранам приложили обезболивающее из медицинской сумки. Облегчение было так велико, что я почувствовал сильную слабость, задрожал, но открыл глаза и увидел Аннет и Теда. За ними на полу сидела Гита, держа на руках Дагни; Прита вытирала лицо девочки и пыталась влить воду в ее раскрытый рот.

— Идти сможешь? — спросила Аннет, отчетливо выговаривая слова.

Неважно, могу ли я, — должен! Невозможно отягощать их моим весом на ровной поверхности. Время очень существенно для Дагни. Как только мои раны обработали, я почувствовал приток новых сил. Держась за Теда и Аннет, я поднялся, хотя это было нелегко. И обнаружил, что вполне могу идти.

— Несите ее, — кивнул я в сторону Дагни. — О ней нужно позаботиться.

Аннет взяла девочку из объятий сестры. Я сомневался, чтобы можно было что-то сейчас сделать для Дагни, но если что-то возможно, Аннет это сделает. Может, ее забота и время залечат раны — если только нам не удастся получить настоящую медицинскую помощь наверху. Будут ли враги воевать с ребенком, с больным ребенком? Рядом со мной оказалась Гита. Она поступила так же, как когда-то с Лугардом: положила мою здоровую руку себе на плечо, предлагая опору, в которой я так нуждался. Остальную часть пути я помню смутно. В конце концов я проснулся в казарме.

На этот раз койки вокруг меня были заняты спящими. Одни стонали, другие бормотали во сне. Я осторожно ощупал себя. Куртки нет. Пальцы скользнули по повязкам, защищавшим и залечивавшим раны. Это легкое прикосновение вызвало приступ боли. Мы должны благодарить судьбу: в нашем распоряжении есть медикаменты. Я знал, что раны под повязками быстро заживут. Однако я проголодался, и голод заставил меня двигаться. Опустившись на четвереньки, я осторожно встал и потащился в столовую, оставив одеяла на койке. Здесь был полумрак. Свет на время сна в казарме приглушали, но все же тут не было абсолютной мглы пещер. Я видел плиту, тюбики с пищей и другие припасы на полке у стены. Направился к плите. Как открыть тюбик? Хоть я и чувствовал себя лучше, но по-прежнему мог действовать только одной рукой. Поэтому зубами отвернул колпачок и подождал, пока согреется содержимое. Еда пахла восхитительно, рот наполнился слюной, и я не стал ждать, пока все согреется, а жадно высосал теплую пищу.

— Это ты...

Я повернулся на это восклицание и увидел Аннет, закутанную в одеяло. Глаза ее припухли, а лицо осунулось: это была не девочка, а женщина, знавшая тяжелые дни и, может быть, еще более тяжелые ночи.

— Как Дагни?

Она покачала головой и вошла в комнату, тщательно закрыв за собой дверь. Затем, как будто думая о чем-то другом, нажала пластинку в стене, и свет сразу стал ярче.

— Кофе на плите, — усталым голосом сказала она. — Нажми кнопку.

Я положил пустой тюбик, достал две чашки и поставил их на стол. Аннет не пыталась помочь мне; села, поставив на стол локти и опустив голову на руки.

— Может, в порту... что-нибудь сделают... — Но в голосе ее звучало сомнение. — А как проходы, Вир?

По-прежнему одной рукой я налил кофе в чашки, критически осмотрел их и добавил в каждую по две полных ложки тростникового сахара. Размешал сначала в ее чашке, потом занялся своей.

— Оба прохода закрыты. У нас нет оборудования — по крайней мере я его не видел, — чтобы пробить перемычки.

Она невидящим взглядом смотрела прямо перед собой, не замечая ни кофе, ни меня. Я забеспокоился. Выражение ее лица слишком напоминало то, что я видел у Дагни.

— Я еще кое-что нашел в ледяной пещере...

— Знаю... жезл. Дайнан показал его нам.

— Он похож по действию на лазер. Может, прожжем преграду. Там есть еще река...

— Река, — тупо повторила она, а потом с пробудившимся интересом: — Река?

Я сел напротив нее, довольный, что прорвался сквозь отрешенность. Прихлебывая кофе, рассказал об обвале в пещере и о том, как нашел реку.

— Но ведь этим оружием можно пробить проход в одном из туннелей, — заметила она, беря в руки чашку. — Это лучше, чем пускаться по реке, неизвестно куда ведущей. Если тебе удалось пробить стену пещеры, то с перегородками должно получиться.

Я должен был признать логичность ее рассуждений. Но мысль моя продолжала возвращаться к подземному потоку, хотя я согласился вначале испытать оружие и попробовать прожечь путь наружу.

Я действительно попытался, но безрезультатно: не хватило энергии. Должно быть, я использовал весь заряд, оставшийся в древнем оружии, когда сражался в пещере с чудовищами. Выбрав самую подходящую перемычку, я выстрелил. Луч на мгновение вспыхнул и погас. Как я ни вертел оружие, больше ничего добиться не удалось. Второй жезл, который я принес с собой, также ответил лишь короткой вспышкой. Я отправился к ледяному складу и принес оставшиеся два жезла, но ни один

из них не действовал. Что бы ни скрывалось подо льдом, оно было для нас недоступно, как за стальной стеной. Мы попытались сколоть лед. Но было ужасно холодно, а продвигались мы так медленно, что поняли: времени на это у нас нет. Слишком в тяжелом состоянии Дагни. С невероятными усилиями Аннет умудрилась покормить и напоить девочку, которая лишь поэтому оставалась живой. Но, кроме этого, она не могла ничего сделать. В конце концов и Аннет согласилась попробовать выход по реке; тот путь, по которому мы пришли, был перегорожен в двух местах. Мы установили, что река за стеной была неглубокой, всего по пояс, но холодная вода и быстрое течение не давали идти вброд. Под лучами наших фонарей вода была такой прозрачной, что можно было вступить в нее по ошибке, думая, что какой-нибудь камень выступает над поверхностью, тогда как он лежал на дне. Отобрав припасы, мы занялись сооружением плота, используя для этого части установок центра управления огнем. Нам нужны были шесты, чтобы тормозить плот при очень быстром течении или направлять его; а подъемные тросы подойдут в качестве якорей.

Возможно, что туннели впереди заполнены водой доверху. У нас была водонепроницаемая оболочка; впрочем, без проверки невозможно было сказать, выдержит ли она подводное плавание. За работой мы утратили всякое представление о времени. Мы ели, когда были голодны, спали, устав, и работали, отдохнув. Я забыл сверить часы, и теперь можно было лишь догадываться, сколько дней мы уже под землей. У нас постоянно возникали споры об этом, пока, по предложению Аннет, не была запрещена сама тема. Наконец плот был готов, мы нагрузили его припасами и всем, что будет необходимо для путешествия наверху, если нам суждено вновь достичь поверхности Белтейна.

В последнюю ночь я сосчитал спящих на койках. Одного не хватало. Я еще раз пересчитал, на этот раз по пальцам. Гита! Но где... Мой спальный мешок у входа, но я навещал Аннет в ее отгороженном уголке, чтобы посмотреть, не нужна ли помощь ей и Дагни. Должно быть, тогда Гита и выскользнула. Куда? После приключений близнецов вряд ли она отважится на самостоятельное исследование. Не стоит громко звать ее и поднимать лагерь, пока я не поищу сам. Я выскользнул из пещеры и осмотрелся. Через какое-то время зрение адаптирова-

лось к темноте, и я увидел отсвет поясного фонаря откуда-то из камней у основания подъема. Рассерженный ее неосторожностью (хоть больше следов мы не находили, не было уверенности, что рядом не бродят чудовища), я пошел туда.

Я собирался резко заговорить с ней, но промолчал, увидев, где она стоит. Гита держала в руках один из жезлов, принесенных мной из ледяного склада. Конец жезла был направлен на стену. Из него вырывалась серия вспышек, очень слабых сравнительно с тем огнем, которым было уничтожено чудовище.

— Гита!

Она повернула голову, но не опустила жезл. В ее лице была упрямая решимость, в этот момент она была особенно похожа на Аннет.

— Ты сам сказал, что они не годятся для твоих целей, — вызывающе заявила она, готовая оправдать свои действия. — А для этого они годятся.

Она пользовалась двумя жезлами, чтобы высечь в скале буквы. Мы так давно использовали для записи ленты, что письмо вручную оказалось почти забыто. Но на Белтейне недостаток снабжения привел к оживлению некоторых древних умений, и Гита с энтузиазмом училась писать.

— Грисс Лугард, — она читала уже написанное на скале. — Друг...

Да, правда, он был нашим другом. Он сделал для нас все, что смог. Я думаю, ему понравилась бы надпись Гиты больше, чем перечисления титулов и званий.

Я взял у нее жезл. До сих пор не могу объяснить, зачем я это сделал, но, экономя каждую искорку энергии, добавил под неровным «друг» еще восемь букв. Гита читала их одну за другой, по мере того как они появлялись на скале:

— Д-у-д-о-ч-н-и-к. Дудочник. О, это тоже ему понравилось бы. То, что нужно, Вир! Я не могла уйти и оставить его так, без надписи.

Романтика старых лент, скажет кто-нибудь. Но я знал: она права. Это нужно было сделать. И я был рад, что Гита подумала об этом. Как последний штрих я воткнул оба жезла в груду камней, они стояли прямо, древки без знамен, памятник, который, может быть, не увидит больше ни одно живое существо, но который мы будем помнить долгие годы. Никто не видел нашего ухода, никто не заметил и возвращения. И мы

не упоминали об этом, даже в разговоре друг с другом, а прямо отправились спать.

«Утром», если над слоем скал и почвы действительно было утро, мы в последний раз проверили содержимое своих рюкзаков. Запасы, оставленные Лугардом и более ранними исследователями, постепенно истощались. На мне была форма службы безопасности, с которого я спорол не имевшие теперь значения знаки различия. Мне очень нравился значок с капитанским метеором, и я часто думал, кто был этот капитан и что происходило с ним на других мирах. Мы спустились в ледовую пещеру очень рано, поступив с Дагни так, как раньше с Лугардом: закутали ее в одеяла, а сверху завязали пласталистами, которые защитят ее, когда мы будем на плаву.

Плот мы оставили у пробитой стены, и на нем уже лежали самые тяжелые вещи. Стоило немалых усилий спустить его на воду и затем удерживать, пока шла погрузка. Поднявшись на борт и отвязывая один из канатов — Тед в это время отвязывал другой, — я вдруг встревожился, меня охватили сомнения, правильное ли решение мы приняли? Но я знал, что если мы хотим спасти Дагни, больше ждать нельзя.

К счастью, течение оказалось не таким быстрым, как я думал, но достаточно сильным, чтобы нести нас. Один из прожекторов мы установили на носу (если можно говорить о носе плота), поэтому опасности впереди увидим. Мы с Тедом расположились по обеим сторонам плота и держали наготове шесты, чтобы отталкиваться от стен. Воздух оставался холодным, но нас уносило от ледовой пещеры, и вскоре температура стала такой же, как в нашем лагере.

Я по часам следил за нашим продвижением. Мы отплыли в двенадцать, но я не знал, полдень это или полночь. К пятнадцати мы все еще были в туннеле, один или два раза потолок нависал, так что нам приходилось ложиться, но настоящих трудностей не было.

Мы уже десять часов находились в пути, и я не мог определить, далеко ли нас унесла вода. Неожиданно Эмрис вскрикнул и указал вперед, рука его ясно была видна в свете прожектора:

— Звезда!

В тот же момент прожектор осветил куст, который никак не мог расти под землей, хотя мы по-прежнему плыли между

скальными стенами. Теперь мы почувствовали, как наши легкие наполняются свежим воздухом. До сих пор мы даже не отдавали себе отчета, что дышим воздухом с сильным запахом подземелья. Итак, мы выбрались из пещер. Стояла ночь, и мы не знали, где находимся. Я прополз вперед и ослабил крепление прожектора, так чтобы его можно было немного поворачивать справа налево. Кусты, но маленькие и чахлые. Скалы, и между ними полосы песка. Должно быть, уровень реки временами поднимается.

Затем каньон, по которому мы плыли, расширился, в воду врезалась длинная песчаная отмель. Плот развернулся, поскольку только Тед управлялся с шестом, и причалил к отмели с толчком, от которого все мы покачнулись. Я повернул прожектор и осветил песчаный пляж с кустами жесткой травы, растущей выше от воды. Достаточно хорошее место, чтобы дождаться дня. Я сказал об этом, и остальные согласились. У всех болело тело от долгой неподвижности. Тед и я чувствовали себя лучше других, потому что работали с шестами. Мы выбрались на песок и начали оттаскивать плот подальше от течения, чтобы его не унесло.

Мы разбили лагерь, и я посмотрел на компас, который находился в наших запасах. На второй карте реки не было. Должно быть, картограф о ней не знал. Но судя по компасу, мы двигались на юго-запад; это означало, что мы находимся за горами, в местах расположения больших заповедников. Если я прав, то это абсолютно дикая местность. Но недалеко находятся посты рейнджеров, и если утром мы увидим какой-нибудь знакомый ориентир, то сможем найти один из таких постов. При виде звезд я почувствовал такое облегчение, что не сомневался: все будет хорошо.

Мы поели и расстелили постели. Усталость навалилась, как еще одно одеяло. Я разместил Теда в одном конце лагеря со шокером под рукой, а сам лег на другом. Я не думал, что кто-нибудь из нас способен быть часовым, но по крайней мере принять предосторожности нужно.

Меня разбудил какой-то звук. Громкий, резкий крик повторился. Я открыл глаза, замигал от солнечного света и увидел птицу, входящую в реку, пока вода не сомкнулась над ее головой. Водяной гусь! Мы, должно быть, потревожили его своим присутствием. То, что мы его увидели, оз-

начало, что мы действительно в дикой местности. Я сел и огляделся.

Больше никто не шевелился. Раннее утро, свет еще сероватый, мы в каньоне. Я посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли, и увидел свой ориентир, и очень заметный. Белый Конус, погасший вулкан, увенчанный вечной снеговой шапкой. Значит, мы прошли под горами.

Если Белый Конус в том направлении, это должна быть Красная река, хотя волна, набегавшая на песок в нескольких метрах от нас, не имела характерного красноватого оттенка, как в заповеднике. Я не знал другой значительной реки в этой местности. А ведь я собирался быть рейнджером и немало времени провел за изучением аэрофотоснимков. Если это река Красная — а я был уверен в этом, — нам нужно лишь продолжить движение, и мы доберемся до моста на дороге в заповедник. Штаб-квартира Анлав находилась недалеко от моста. Я вздохнул с облегчением. Хорошо! Почти так же хорошо, как если б мы увидели коммуникационную башню Кинвета. Я принялся готовить завтрак на походной плите. Горячая пища ознаменует праздничный выход из пещер. Один за другим поднимались остальные, так же, как и я, готовые тут же продолжить путь. На станции должен быть флиттер. Если все в него не войдут, Аннет возьмет с собой Дагни и всех, кого еще сможет, а остальным придется ждать второго рейса. Я думал о будущем и вдруг вспомнил. Мы вышли из тьмы на свет, но что произошло здесь? Может, мы здесь в большей опасности, чем в пещерах. Я велел всем быть поосторожнее. Не думаю, чтобы все были со мной согласны, и поэтому отдал ясный приказ, хотя не знал, будут ли они повиноваться.

— Мы не знаем, что произошло. Для собственной безопасности мы должны это узнать. Возможно, сюда просто не дошли разрушения. Я надеюсь добраться до штаб-квартиры Анлав. Там есть комм, и мы узнаем больше. Но идти нужно осторожно.

Кое-кто кивнул. Я ожидал возражений Аннет, но их не было. Она слегка улыбнулась и сказала:

— Хорошо. Я согласна. Но чем скорее мы узнаем, тем лучше.

Я удивился тому, что она изменила позицию. Неужели поверила, что Лугард говорил правду и мы снаружи найдем опасность, а не помощь и комфорт? Но у меня не было возможно-

сти расспросить ее. Вновь мы погрузились на плот и поплыли. Течение здесь было медленным, и нам с Тедом все время приходилось отталкиваться шестами, пока мы не устали. Тогда Аннет передала Дагни Прите, а сама с Гитой заняла мое место, а Эмрис и Сабиан — место Теда. Как мы ни старались, к темноте мы не достигли моста.

Река, которая текла теперь между красноватыми берегами, приобрела знакомый мне оттенок. Снова мы разбили лагерь, встали на рассвете и взялись за шесты. Поздним утром мы увидели мост. Причалив к берегу, мы спрятали большую часть груза, взяв с собой лишь походное снаряжение. Гита, Аннет, Дагни, Айфорс, Дайнан и Прита укрылись в кустах, Сабиан остался часовым, а мы втроем пошли вперед. На дороге не было свежих следов. Здесь обычно пользовались наземными машинами. Хопперы распугивали животных. Недавняя непогода оставила на дороге полосы красной грязи, подсыхавшей и трескавшейся на полуденном солнце. Никаких следов, кроме нескольких отпечатков лап животных. Эта нетронутая дорога тревожила, и я заметил, что держу в руках шокер, — тот, что принадлежал Аннет, — посматривая то вправо, то влево, то оглядываясь, как будто боюсь внезапного нападения из кустов.

Глава десятая

— Это ведь самый большой заповедник? — Тед приблизился ко мне; говорил он негромко, как будто разделял мои опасения. Эмрис шел по середине дороги и немного сзади.

— Да, Анлав.

Я не думал, что нам нужно опасаться животных. Они держатся в самых диких местах заповедников. Впрочем, о мутантах, которые жили здесь, этого я сказать не мог. Анлав некогда был самой главной из горных лабораторий. Но это было несколько лет назад. Сокращение работ заставило на время перевести их центр в заповедник Пилав. Мы миновали поворот и увидели станцию рейнджеров. Подобно всем остальным постам, она сознательно была построена так, чтобы сливаться с местностью. Стены — из грубых необработанных камней. На крыше, как на обычном холме, растут терн и виноград, гараж прячется за кустами.

Я приложил ко рту руки и издал опознавательный крик. Мы с растущим нетерпением смотрели на дверь станции. Никакого ответа. Ничего не оставалось, как подойти в открытую. Если силовое поле включено, мы об этом вскоре узнаем. Предупредив мальчиков, я пошел вперед, вытянув руки. Животные, натыкающиеся на силовое поле, испытывают, как мне говорили, слабый шок. Я не знал, как оно подействует на человека. Но рука не встретила преграды, и я подошел к полуоткрытой двери. С каждым шагом росло беспокойство. Анлав настолько важен, что на станции рейнджеров обязательно должны быть люди. Что здесь произошло? От моего прикосновения дверь распахнулась. Я осторожно переступил порог и оказался в главном помещении. Станция обычно состоит из трех рабочих помещений, самое большое из них идет во всю длину здания; кроме того, несколько жилых комнат с кухонным оборудованием. В глубине находятся небольшая лаборатория и кладовая. Я чуть не упал: по контрасту после яркого солнца глаза почти не видели. Запнулся обо что-то на полу. Включив фонарь, я увидел обрывки пласталистов, которые обычно используются для упаковки. Проведя фонарем по комнате, я увидел другие следы беспорядка. Стул оттолкнули так торопливо, что он упал на спинку, и теперь ножки его торчали, как стволы шокеров. На столе тарелки с засохшими остатками пищи. Комм выплевывал ленту сообщений, пока она не кончилась и машина не остановилась. Стойка, в которой обычно держали шокеры, пуста. Что-то зашелестело, когда я подошел. Пушистый зверек выскочил из-под стола и метнулся в кладовку. Пост покинули не только внезапно, но и довольно давно.

Я поискал панель освещения и дважды провел по ней рукой, чтобы свет был поярче. Тед из двери спросил:

— Никого нет?

Я осмотрел жилые помещения. Одежда висела на крючках, четыре койки аккуратно застелены. Уходившие не упаковали свои вещи. Я убедился в этом, заглянув в стенные шкафы: там висела форма, лежало белье. В кладовой порядок, но на полу следы грабежа: изгрызенные контейнеры, рассыпанные и наполовину съеденные припасы. Из-под перевернутого мешка я услышал предупреждающее рычание.

— Ушли, — ответил я на вопрос Теда, пятясь из кладовой и не желая поворачиваться спиной, кто бы там ни прятался.

Есть маленькие зверьки, которые не кажутся несведущему человеку опасными, но их не стоит недооценивать.

— Ответ можно найти лишь в одном месте.

Я подошел к столу, рядом с которым на полу лежало кольцо ленты. Я не мог судить о мощности комма Анлава, но мне показалось, что прошло не менее одного-двух дней, прежде чем машина перестала передавать никем не читаемую информацию. Лента покрыта кодом, но он простой, употребляется лишь для краткости. Я прочел его без труда — обычные сообщения приборов, установленных на пастбищах и звериных тропах, о перемещении животных. Два сигнала тревоги о появлении хищников на пастбищах; обычно в таком случае высылались рейнджеры со шокерами.

— Комм, — указал Тед на другую установку.

Одним шагом я оказался возле нее. Взяв микрофон, я услышал шум включенной связи, который невозможно ни с чем спутать. Но других звуков не было. Я нажал клавишу экрана — он оставался темным. Никакой передачи не было.

— Вызывай! — Тед стоял рядом.

— Пока не надо. — Я опустил микрофон и нажал кнопку, отключающую связь. — Пока мы не узнаем больше...

Казалось, он будет спорить, но Тед кивнул.

— Можем встревожить тех, кому не нужно о нас знать.

— Именно. Давай поищем флиттер.

В гараже мы нашли наземную машину и хоппер. У машины был открыт капот, рядом в беспорядке лежали инструменты, как будто работавшего неожиданно куда-то вызвали. Тед подошел посмотреть.

— Вставляли новый аккумулятор... он уже вставлен, только закрутить гайки.

Эмрис взобрался в хоппер и, прежде чем я смог остановить его, включил двигатель. Никакого ответа. Должно быть, обе машины оставлены именно потому, что в спешке оказались бесполезны.

— Вылезай! — прикрикнул я на Эмриса. — Помни, о чем мы говорили... не торопись. Если выберем хоппер, нас могут засечь на экране. Нет, передвигаться можно только в наземной машине, у нее есть искажающее поле. А если тебе так уж

хочется действовать, — добавил я, когда Эмрис, недовольный и протестующий, вылез из хоппера, — отправляйся к мосту и приведи всех. Скоро пойдет дождь.

Яркое утро сменилось сумраком. По небу двигались темные тяжелые тучи; казалось, концентрирующуюся в воздухе влагу можно пить. Когда Эмрис ушел, я повернулся к машине. Тед прав: две трети работы уже проделаны. Оставались лишь некоторые недоделки. И если больше никакого ремонта не требуется, к нашим услугам средство передвижения, гораздо более подходящее теперь, чем хоппер и флиттер. Хотя машина движется только по земле, она снабжена специальным полем, искажающим ее облик для стороннего наблюдателя. С включенным полем машина невидима. Она не может двигаться быстро, зато остается незамеченной; впрочем, на радаре можно заметить слабый сигнал. Машина служит для незаметного приближения к животным на открытой местности. Если беженцы с космических кораблей — наши недруги, такой транспорт им неизвестен.

— Закрой капот, — сказал я Теду. Пока дождь не кончится, мы ничего не сможем сделать. — Поторопим ребят.

Мы попали под дождь и вернулись на станцию насквозь мокрые. Я положил Дагни на одну из коек, и Тед быстро включил обогреватели. Затворив дверь, мы оказались укрытыми от непогоды даже лучше, чем на пещерной базе.

— Что здесь случилось?

Аннет смотрела на тарелки, на стул, который никто из нас не удосужился поднять, на связки ленты на полу.

— Персонал покидал станцию в спешке — не знаю, как давно. Давайте убедимся, что у нас нет незваных гостей.

Со шокером наготове я пошел в кладовую. Предупредив всех, чтобы держались снаружи, я переключил оружие на минимум: зверек под ящиком небольшой. Проведя парализующим лучом, я начал переворачивать ящики и корзины, пока не обнаружил добычу. Зверек спал, задрав заостренное рыло. Это был инфлекс, лагерный воришка, не упускающий случая подкормиться возле людей. Впрочем, он не так безвреден, как кажется. Зверь оказался самцом, а у самцов в когтях есть желобки с раздражающим ядом. Я положил зверька на ящик и продолжал поиски. Кажется, он один. Показав ребятам его когти, я вынес зверька за дверь и положил под выступ кры-

ши, который отчасти защитит его от ненастья. Свежий воздух и дождь быстро разбудят его. Аннет нашла комм и настроила его на волну порта. Я едва успел перехватить у нее микрофон.

— Что ты!.. — начала она яростно.

— Мы ведь договорились — не торопиться, пока не будем знать, — напомнил я.

— У нас нет времени подсматривать и подслушивать! — Она пыталась вырвать микрофон. — Необходимо доставить Дагни к врачу, и побыстрее. Если вызовем, за нами пришлют флиттер.

— Попробуй послушать. — Я подумал, что на нее подействует, если она не поймает ни одной передачи. — Фихолм — единственный поселок по эту сторону гор. Попробуй его.

Я отдал ей микрофон и настроил шкалу. Если передача идет, мы ее услышим, даже если не располагаем направленным лучом. Слышался шум статического электричества, но никакой передачи. Я переключил на прием, готовый в любой момент прервать связь. Но до нас доносился только треск разрядов. Аннет наклонилась, чтобы прочесть, какую кнопку я нажал.

— Не понимаю. Они должны передавать. В этот час не может не быть связи.

— Может быть, некому передавать...

Она яростно затрясла головой, отвечая не столько на мои слова, сколько на собственные страхи.

— Комм никогда не оставляют. Попробуй экстренный вызов.

— Нет. Послушай, Аннет. Если Лугард был прав, мы можем оказаться в худшем положении, чем сейчас. Мы ведь договорились не торопиться. Здесь есть наземная машина. Ее чинили, когда персонал покинул станцию, но как только погода прояснится, мы закончим ремонт. Наземные машины медлительны, но у них есть защита. Обещаю: как только сможем — двинемся в Фихолм. А оттуда перелететь через горы — пара пустяков. Скажи, разве это означает, что ничего не случилось? — Я указал на комнату. — Уходя, они захватили все оружие, какое было на станции.

— Хорошо. Но как только сможем...

— Двинемся, — пообещал я.

Она отошла от комма и наклонилась, чтобы поднять стул.

А потом пошла к плите и занялась продуктами. Я начал обыскивать стол в поисках хоть какого-нибудь намека на происшедшее. Ничего, кроме обычных записей. Лента на полу, которую я еще раз более тщательно осмотрел, не содержала ничего, кроме сообщений из заповедников. К полудню гроза кончилась. Как только стало возможным выходить, мы с Тедом занялись машиной. Тед неплохо разбирался в двигателях и вообще оказался хорошим помощником. Но нас не готовили к технической работе, поэтому дело продвигалось не так быстро, как хотелось бы. Не успели мы закончить и захлопнуть крышку, как налетела вторая гроза. Пришлось вернуться на станцию.

Ночь прошла беспокойно. Может, мы просто привыкли к тишине пещер. Мне пришло в голову вставить свежую ленту в приемник данных и включить его, обратив внимание на то, что происходит между нами и Фихолмом. Приемник защелкал, передавая кодированные данные об упавших деревьях, вышедших из берегов ручьях, животных, убегающих от ветра и дождя. Главнейшие из этих сообщений я отмечал на карте, чтобы мы были готовы к встрече с ними в пути.

Мы двинулись на рассвете. Нас окружал влажный мир, но вчерашняя непогода миновала. Машина предназначалась для перевозки оборудования в заповедники; освободив ее от этого оборудования и оставив только сиденья, мы получили достаточно места для всех. Поле я не включал: хотел поберечь его для приближения к Фихолму. Дорога покрылась лужами и рытвинами, но гусеницы машины и не к такому были готовы. Мы продвигались равномерно. Дважды приходилось объезжать упавшие деревья, и один раз мы пережили несколько тревожных моментов, перебираясь через ручей; мутная вода поднялась вокруг корпуса машины до уровня сидений, внутрь просочилось несколько ручейков. Но гусеницы вытащили нас на относительно сухое место. Мы видели животных, но всегда в отдалении. К полудню начался подъем, впереди маячила высокая остроконечная скала, на вершине ее был установлен наблюдательный пост для изучения жизни заповедника. Никаких признаков присутствия людей, хотя один из тросов подъемника был порван и свободно болтался на ветру.

Аннет, впрочем, не обращала внимания на окружающее: ей удалось добиться ответной реакции Дагни, которая попросила

пить. Она по-прежнему не осознавала окружающего, но когда мы ели, тоже выпила содержимое тюбика: теперь не нужно было вливать его ей в рот и заставлять глотать. Я решил, что к сумеркам мы доберемся, и начал готовить Аннет к необходимости дальнейших предосторожностей. Когда я сказал, что придется всем оставаться в машине под защитой поля, пока я отправлюсь на разведку, она согласилась, но, как мне показалось, с насмешкой: по-прежнему не верила в необходимость такой меры. Я только раз был в Фихолме, и то очень недолго. Мы с двумя другими кандидатами в рейнджеры пересели здесь с флиттера в хоппер, отправлявшийся в заповедник. Фихолм больше Кинвета, это единственный поселок по эту сторону гор. И все же это всего лишь деревушка, особенно в сравнении с инопланетными городами. Здесь располагалась штабквартира рейнджеров. Мы выбрались из машины, и я с беспокойством ее осмотрел. Тревога о полуотремонтированном двигателе не покидала меня. Это наше единственное средство передвижения. Если оно откажет, положение станет серьезным. Но пока никаких признаков этого нет.

Сумерки наступили рано, на небе вновь собирались тучи, и я выжимал из двигателя все, что мог, надеясь обогнать грозу. Добравшись до начала подъема, я свернул с дороги и въехал в небольшую рощицу, а через нее в лощину. Выступ скалы образовал здесь стену, я подогнал к ней машину. Оставаясь в машине, ребята будут защищены. Я взял с собой только шокер. Меня не оставляла надежда найти более мощное оружие. Аннет пообещала не включать фары, пока я не вернусь. Тед занял мое место у руля. Он включит поле, как только я окажусь вне его досягаемости. Выйдя из машины, я преодолел подъем. А когда обернулся, машина исчезла. Я испытал некоторое облегчение. Пока они в машине, им ничего не угрожает.

Незачем возвращаться на дорогу. Я пошел по полю, где было больше укрытий. Внизу виднелось темное пятно Фихолма; ни одного огонька, что само по себе служило тревожным признаком.

Местность вокруг поселка была расчищена, большинство кустов и деревьев убрано, осталось лишь немного для тени и украшения. Дома располагались по овалу, в центре которого была посадочная площадка для флиттеров и хопперов. Я не знал, каково население Фихолма, но темные здания могли

вместить не менее двухсот человек. Помимо штаб-квартиры заповедников, здесь размещался магазин. Раньше он торговал инопланетными товарами, теперь служил пунктом обмена всего, что производилось в лабораториях и поселках. Впрочем, каждый поселок практически находился на самообеспечении; интерес к инопланетным редкостям падал; в конце концов, после первых десяти лет освоения планеты, с других миров поступали лишь предметы роскоши и экзотики.

Я подошел к возделанным полям, немного отступил для разбега, чтобы перепрыгнуть через ограду, — она обычно находилась под током, но тут заметил, что над оградой нет слабого голубоватого свечения. Ветка, коснувшаяся ограды, не пострадала. Защита почти созревшего урожая не была включена. Я видел, как этим пользуется стадо варкенов. А по количеству вытоптанных и съеденных растений ясно, что это не первое нападение на поле.

Животные фыркали, принюхивались и отбегали при моем приближении, но недалеко, и поглядывали, не стану ли я их преследовать. Убедившись, что я им не опасен, они возвращались к пиру, какого никогда раньше не знали. Темные дома, отключенная защита — все это мне не нравилось. Тут я наткнулся на хоппер, который налетел на стену. Я посветил в кабину и тут же выключил фонарь, стараясь изгнать из памяти увиденное. После этого я не прятался. Если бы оставался хоть кто-то живой в Фихолме, этого бы не было. Я заглянул в первый же дом и опять увидел... Нет, одного взгляда было достаточно, чтобы я выскочил оттуда. Но оставалась штаб-квартира, и, может, там я обнаружу что-нибудь, хоть какой-нибудь намек. Мертвые лежали и на открытом воздухе. И стервятники из заповедников, прилетевшие на пир... Я избегал их, как мог. Но, чтобы войти в здание, мне пришлось переступить через скелет. Внутри я увидел людей, умерших на посту у комма и в других местах, но нигде никаких указаний, что же так внезапно покончило с поселком, существовавшим больше ста лет. Я заставил себя осмотреть несколько мертвецов. Ни ран, ни ожогов от лазера. Казалось, они просто упали во время работы и умерли, может, в несколько секунд.

Газ? Но ведь умирали и на воздухе. Или это самые сильные, которые перед смертью смогли выбраться наружу? Никакое известное мне оружие не могло вызвать такое опусто-

шение. Подобное оружие могло быть у инопланетян. До нас доходили слухи о новых видах вооружения, созданных для захвата чужих планет. Такое оружие уничтожало все население, оставляя планету пустой. Может, беженцы применили его здесь? Возможно, они пользовались им до того, как стали пиратами? Ведь Лугард предсказывал, что остатки регулярных флотов займутся пиратством. Но к чему такая бессмысленная бойня? Я находился в центре связи. Приборы включены, как и в тот момент, когда рука умирающего соскользнула с них. Горела лампа прямой связи. Я подошел ближе и прочел: Хайчекс — поселок по ту сторону гор. Но из приемника доносился только треск, такой же, какой мы слышали на станции рейнджеров.

Итак, этот город нам не поможет. И я не поведу сюда свой отряд. Я занялся поисками оружия. В конце концов мне попалось еще три шокера и один дальнобойный лазер, предназначенный для расчистки местности. Но он был слишком тяжел для перевозки, а когда я его включил, свечение было таким слабым, что я понял: он почти разряжен. То, что в этом поселке, обслуживавшем три заповедника, не оказалось оружия, служило еще одним тревожным предупреждением. Похоже, тут рылись до нас. Зайдя в склад, я убедился в этом.

Все в диком беспорядке. Ящики и контейнеры вскрыты, их содержимое рассыпано и растоптано. Но не жители Белтейна рылись тут — я увидел два или три отчетливых отпечатка космических сапог. Грабители были из числа беженцев. Они ли послужили причиной гибели города? Я опустился на четвереньки и пальцем тронул вытекавшую из контейнера жидкость: похоже, грабеж произошел вчера, а ведь город погиб намного раньше, может быть, в тот же день, когда мы ушли под землю, или вскоре после этого.

Я порылся в оставшемся и нашел специальный мешок, который сбрасывали в заповедниках там, где не было посадочной площадки. В него я уложил банки и тюбики с продуктами. Из пещер мы принесли с собой немного, и если придется держаться подальше от поселений, потребуется вся еда, какую мы сможем найти.

Мешок оказался слишком тяжелым, мне пришлось тащить его за собой, но он был подготовлен к такому обращению, и я не беспокоился. Через другую дверь я вышел на посадочную

площадку поселка. И здесь картина бессмысленных разрушений. Я осмелился на мгновение дважды включить фонарь. Он осветил два сгоревших флиттера. С полдюжины хопперов, исполосованных лазерами и превратившихся в массу полурасплавленного металла. Ни одной неповрежденной машины. Хватит с меня Фихолма — могилы, в которую превратился Фихолм. На этой стороне есть еще две рейнджерские станции, но вряд ли мы там найдем помощь. У нас только один способ добраться до Кинвета — вначале на машине, потом пешком через горы. Но нужно ли туда добираться?

Таща за собой мешок с припасами, я пошел обратно полями. Из тени одной из рощиц я вдруг заметил на небе искру. Далеко от Фихолма, но это не звезда — скорее огонь флиттера. Курс его был неровным, он поднимался и опускался, двигался вправо и влево, как будто его вел неопытный или больной пилот. Я заторопился к машине, надеясь, что оттуда не вздумают сигналить пилоту. Увиденное в Фихолме еще более укрепило мою решимость держаться настороже. Начался дождь, сильный, холодный; мешок потяжелел, особенно на подъемах. Огонь флиттера больше не был виден. Загремел гром, вспыхнула молния, я вздрогнул и перешел на бег.

Глава одиннадцатая

Я лежал на животе под кустом и смотрел в сторону машины. Саму машину я не видел из-за искажающего поля. Струйки дождя бежали по спине, собирались у пояса, а потом, когда я шевелился, ледяные потоки струились по бедрам и ногам. Стояло лето, дни теплые, но в этой ночной грозе чувствовалось приближение осени, и больше всего мне хотелось оказаться под крышей. Но огонь флиттера сделал меня вдвое осторожнее. Любой сигнал, поданный мною, может нас выдать.

Прикрыв лампу руками, чтобы огонь сверху не был виден (впрочем, только сумасшедший пилот станет продолжать полет при таких порывах ветра), я дважды нажал кнопку. В машине должны заметить эти вспышки. Внизу ничего не двигалось, я забеспокоился и готов был бежать туда со шокером. Я боялся, что они вызвали флиттер из машины по комму, и кто знает теперь, с кем мы можем встретиться.

Внизу что-то мигнуло, появились громоздкие очертания машины. Никакого света — по крайней мере, мои предупреждения действуют. Я встал и пошел вниз, таща свой тяжелый мешок.

— Вир? — Беспокойство звучало в голосе Аннет.

— Да! — Я ухватился за дверь. — Впустите меня — быстро!

Я влетел внутрь, как будто атаковал врага. Послышались недовольные возгласы: мокрый, я растолкал всех.

— Флиттер... вы не вызывали его? — Я нажал кнопку поля и только тогда с облегчением перевел дух.

— Нет, — ответил Тед. — Ты сказал...

— А почему нельзя? — Голос Аннет заглушил ответ Теда. — Он держал микрофон так, что я не могла достать его. Иначе я вызвала бы. Но что случилось, Вир?

Я так устал, что больше не мог притворяться. В конце концов раньше или позже они все узнают; да и так, наверное, догадываются.

— Город мертв, — сказал я.

— Все улетели? — недоверчиво переспросила Аннет. — Но куда — в порт, над горами?

— Я сказал мертв, а не покинут. Город мертвых...

Я почувствовал, как она напряглась, попыталась отпрянуть на переполненном сиденье.

— Но как?.. убиты?..

— Те, кого я видел... нет следов ни лазера, ни бластера. Просто упали во время работы. Но город мертв. А склады ограблены. Я принес два шокера, остальное оружие исчезло.

— Значит, Лугард был прав! — вмешался Тед. — Беженцы напали... но зачем они убили всех?

— Нет! — Аннет била дрожь. — Нет! Неправда! Вир, мы должны вернуться в Кинвет. Возьмем флиттер — в Фихолме должны быть флиттеры.

— Были. Кто-то методично уничтожил их. Их резали лазерами. Хопперы тоже. Пригодного транспорта там нет.

— Тогда... что же нам делать? Дагни...

— У нас есть эта машина, и я принес продукты, легкие и питательные. Лучше всего нам вернуться в заповедник, пересечь горы...

— Этот флиттер... — спросил Тед. — Ты думаешь, это были грабители?

— Могли быть наши в поисках выживших, — сказала Аннет. — И мы их не вызвали... — Голос ее звучал обвиняюще.

— Ты видела, чтобы нормальный флиттер так летел? — вместо меня спросил Тед. — Что-то случилось с машиной или пилотом. Мы вернемся тем же путем, что пришли, Вир?

Соблазнительная мысль. Вернуться в штаб-квартиру рейнджеров — там мы найдем убежище, может, используем как базу, тем временем разведаем маршрут через горы. Но любое строение как магнитом должно притягивать грабителей. Здесь множество карт; в том же Фихолме беженцы могли найти карту, на которой помечены все станции рейнджеров.

— Думаю, нет. Мы двинемся отсюда на юго-восток, в холмистую местность. Там, в Гурьем Роге, есть приемный пункт мутантов. Направимся туда — может, раздобудем еще припасов.

Впрочем, в эту ночь никуда двигаться мы не могли: укрывались и отдыхали в машине. Я не собирался включать фары, такие заметные во тьме. Движение по пересеченной местности невозможно, а искать дороги — все равно что напрашиваться на обнаружение. Я думал, Аннет станет возражать, но ошибся. Наоборот, она принялась устраивать нас поудобнее. Мы немного поели. Уснули мы, я думаю, от сильной усталости. Дважды меня будил плач спящих детей: им что-то снилось. Но я ничего не видел во сне — спасибо и за это. Аннет успокаивала и утешала младших. Когда Прита захныкала, просыпаясь, Аннет протянула мне руку, и я взял ее. Прита замолчала, а Аннет придвинулась ко мне и прошептала:

— Вир, а мы сможем перебраться через горы?

— Сможем, если не будем действовать слепо. Сейчас лето, тропы в заповедниках открыты. По ним мы выйдем из гор недалеко от Батта.

Я заколебался, вспомнив посетителей, которых Лугард встречал вооруженным. У нас такого оружия нет. Если слух о сокровищах привлек их в Батт, сейчас они могут быть там — ищут пресловутую находку Лугарда.

— Вир... — Она говорила так тихо, что я с трудом разбирал слова. — Я кое-что вспомнила...

— Что? — подбодрил я, когда она замолчала.

— Ты знаешь, в Етхолме проводили эксперименты по заказу сил безопасности. — Она глотнула, как будто слова выходили с трудом.

— Это было давно, с тех пор их закрыли.

— Все так считали... Доктор Корфу... ты знаешь, что он сделал?

— Принял двойную дозу снотворного и не проснулся.

— Он... он не хотел продолжать эксперименты, на него надавили. Я слышала, как мама... она участвовала в первых опытах. Они создавали мутировавший вирус. Вир, он должен был убивать разумные существа... поражал мозг... а планета оставалась нетронутой, потом ее должны были занять десантники. На животных вирус не действовал. Вир, что, если...

Опять я вспомнил одно из предостережений Лугарда. У нас могут быть тайны, которые грабители используют в будущих рейдах. Вирус с такими данными, рассеянный над ничего не подозревающим городом, континентом, целой планетой, период ожидания — и легкая добыча для сеятелей. Вирус... моя рука потянулась к затвору двери... если в Фихолме был такой вирус, я его носитель. Может, я уже мертвец! Может, для всех нас все уже кончено. Я провел с ними ночь, в тесном помещении, дышал тем же воздухом, касался их. Может, они все мертвецы из-за меня! Люди в городе умерли так быстро и неожиданно, что я подозревал отравление каким-то газом, накрывшим поселок. Может ли так же действовать инфекция?

— Может быть, я...

— Нет. Ты сказал, что они мертвы уже некоторое время. — Шепот ее звучал отрывисто.

— Да.

— Вирус из Етхолма рассчитан на сорокавосьмичасовой удар. Затем он погибает. Была разработана и противовирусная вакцина. Если найдем записи, сможем узнать. Но ты не сможешь вести машину вверх по тропе.

— Нет. Но сколько можно, мы ее используем. Вначале Гурий Рог. Если не ошибаюсь, там всегда был многочисленный персонал. Это пункт ввода мутантов, и там наблюдали лишь за высшими типами. Может, их отозвали, как всех рейнджеров. Там мы найдем припасы, укрытие. Это самая высокогорная из постоянных баз заповедников.

— А какие мутанты там были?

— Не знаю. Навещая Анлав, мы туда не заходили. Нам просто рассказали об этой базе, когда мы пролетали над ней на флиттере.

— У персонала был транспорт?

— Может быть, хоппер и обязательно — такая же машина. Им приходилось перевозить раненых животных для лечения. Всегда есть опасность, что на мутантов нападут контрольные животные. А чтобы изучить их по-настоящему, мутантов нельзя держать на привязи или в клетке. Да, мы можем найти там хоппер. Это наполовину облегчит путь через горы.

Я почувствовал, что мне не терпится добраться до Гурьего Рога.

Гроза к рассвету выдохлась. Как только рассвело, я тронул машину и повел ее на полной скорости; энергию отнимало и искажающее поле: его никогда не предполагали держать постоянно включенным. Эти машины предназначались для неровной местности, но на сколько хватит заряда, я не знал. Возможно, придется идти пешком до того, как мы достигнем цели. Поэтому я старался двигаться побыстрее. К счастью, дорога на юго-восток шла преимущественно по открытой местности. Постоянные холмы вынуждали подниматься и спускаться. Дважды до полудня приходилось останавливаться: Приту и Айфорса укачивало. Дагни, укутанная в одеяла, лежала неподвижно. Она ела и пила, не открывая глаз, и Аннет не могла сказать, спит ли она. Мы пообедали у маленького ручья. Обед не готовили, обошлись тюбиками чрезвычайного рациона. Было жарко, солнце обжигало кожу. Мы не стали задерживаться. Перед отъездом я наполнил водой все фляги. Кто знает, как обстоят дела с водой в горах?

Холмы вокруг нас становились все выше; мне приходилось отыскивать извивающуюся тропу, а не двигаться прямо вверх или вниз, как раньше. Казалось, я был прав насчет воды: местность становилась все более и более пустынной. Грозовые потоки прорыли овраги, загромоздили проход буреломом, и наше продвижение все замедлялось. Но затем мы вышли на расчищенную дорогу. Это был путь на Гурий Рог. Я не раздумывая свернул на него, решив увеличить скорость.

Расстояния с воздуха и на земле кажутся различными. Когда мы проделывали этот путь по воздуху с инструктором, казалось, что мутантная станция совсем недалеко от штаб-квартиры рейнджеров и обе они на небольшом удалении от Фихолма. Теперь я думал, не заблудился ли, миновав Гурий Рог и углубившись в холмы.

Мы спускались по оврагу между рядами высоких кустов спигана. Наступило время плодоношения, и ветви, густо усеянные пурпурными плодами, сгибались до земли, преграждая нам путь. Насекомые, от крошечных до огромных зандских мух, которых я не смог бы накрыть ладонью, расправив яркие крылья, впивались в переспелые плоды на ветвях и на дороге. Множество птиц, стада небольших животных, наевшихся до опьянения; некоторые из них лежали на спинах, устремив к небу когтистые лапы. Хорошо, что мы ехали в закрытой машине: запах перезревших плодов вряд ли захочешь ощутить еще раз.

Мы уже проехали это пиршество, когда я остановился: существо, стоявшее посреди дороги мордой к нам, здесь не кормилось. Его появление перед машиной свидетельствовало, что оно не только видит нас (хотя как оно могло видеть сквозь искажающее поле?), но и хочет нас для чего-то остановить.

— Истробен! — Гита наклонилась вперед, ее голова оказалась на уровне моего плеча. — Вир, это истробен!

Если бы я сам этого не видел, не поверил бы: животное приподнялось на задние лапы, немного придвинулось к нам и поманило передней. Ошибиться в этом жесте было невозможно — оно нас манило. Мутант!

— Он хочет, чтобы мы что-то сделали, — повторила Гита, схватив меня за плечо.

— Но поле включено, — рука Аннет коснулась рукояти на табло. — Как он нас может видеть?

— Это мутант, — повторила Гита, — он многое может. Вир, нужно узнать, чего он хочет.

Но я не собирался возиться с животными. К тому же мутантам нельзя доверять. Неизвестно, кто еще бродит вокруг, свободный от лабораторного контроля. Я включил одно из защитных устройств машины. Мы ничего не почувствовали, но животные, поедавшие плоды, казалось, сошли с ума. Птицы взлетели, некоторые при этом столкнулись. Четвероногие — те, что были в состоянии, — убегали как могли быстро, уносились в разные стороны от машины, как будто она взорвалась. Истробен задрожал, но остался на месте. Видно было, каких усилий это ему стоило. Пасть его раскрылась, должно быть, в крике, но в нашем поле мы его не слышали и не знали, крик ли это боли или гнева. Потом он опустился на четвереньки и, пьяно пошатываясь, двинулся в кусты.

— Что ты сделал? — спросил Тед.

— Включил ультразвук — им отгоняют животных.

Гита, сжав руку в кулак, ударила меня по плечу.

— Ты не должен был! — закричала она. — Он не хотел повредить нам. Он хотел, чтобы мы что-то сделали...

Я, не слушая ее, увеличил скорость; мне хотелось побыстрее выбраться из кустов. Мы выехали на ровное место, покрытое свежей растительностью, какой мы не видели уже много часов. Причина этого сразу же стала ясна: фонтан на площадке, из него струится в небольшой бассейн или пруд вода, а оттуда по вымощенному камнями руслу скрывается среди влаголюбивой растительности. За фонтаном находился еще один искусно сооруженный дом, сливавшийся с местностью. А за ним — необычная скала, давшая имя станции, — она действительно напоминала рог гура, даже спиральные наросты, какие бывают у взрослых самцов, здесь тоже выступали.

Мы так неожиданно оказались в открытом месте, что у меня не было времени прятаться и разведывать, как я хотел. Но никаких признаков жизни не было, а на стоянке транспорта пусто, даже наземных машин нет. Я отключил поле, и мир немедленно наполнился звуками. Смешанный шум — стоны, крики, время от времени рычание — все это, казалось, шло от дома.

— Что это? — Аннет держала шокер наготове.

Я собирался открыть дверцу, но заколебался. Шум в таких масштабах означал что-то необычное, что-то дурное. Но я не видел никакого движения.

— Вир, истробен... — привлекла мое внимание Гита, потянув за руку.

Я посмотрел, куда она показывала. Животное, пытавшееся противостоять ультразвуку, или его двойник, ковыляло из ягодных кустов. Глаза его были полузакрыты; оно качало головой из стороны в сторону, как будто его оглушили. Но оно упрямо держалось на лапах и миновало нас, направляясь к дому. При этом оно тоже издавало звук, что-то вроде ворчания. Крики в доме стали стихать.

— Вир, посмотри! Он снова нас зовет.

Зверь добрался до фонтана и стоял там, полуоткрыв пасть: немалых усилий, видно, стоили ему движения. Он поднял переднюю лапу и сделал неуклюжий манящий жест. Больше от-

казываться было нельзя. Да я и не мог. Но, выходя из машины со шокером наготове, отдал категорический приказ:

— Никто больше не выходит. Закройте за мной дверь и ждите, пока я не дам знак. Если я вскоре не появлюсь, уезжайте...

Я не дал им времени на протесты, просто захлопнул дверь и осторожно двинулся к фонтану. Истробен, увидев, что я иду к нему, казалось, был доволен. Он повернулся и пошел, но не к дому, как я ожидал, а направо. Я следовал за ним. Тут я увидел, как начиналась трагедия. Должно быть, перед самым ударом, опустошившим наш мир, сюда доставили партию мутантов из какой-то лаборатории. Их разместили в клетках, чтобы постепенно выпустить в заповедники, и потом, очевидно, забыли. Без пищи, без воды. Лежавшие неподвижно туши свидетельствовали, что для многих животных помощь пришла слишком поздно. Истробен согнулся, носом прижавшись к проволочной сетке. В клетке на боку лежал другой истробен. При виде товарища он попытался поднять голову, но не смог. Одного взгляды было достаточно, чтобы убедиться, что опасности для нас здесь нет, но сделать нужно много. Я окликнул ребят, и вскоре мы открывали клетки и несли корм из контейнеров, стоявших поблизости. Эти контейнеры были добавочной пыткой для пленников, так же как и вода из фонтана.

Многие из лежащих были еще живы, и мы занялись ими. Те, что первыми пришли в себя, отправились вниз по склону холма в дикие места заповедника. Остальных мы оставили в клетках с открытыми дверцами, с запасом воды и пищи. Они будут постепенно приходить в себя. Пять животных погибли.

Дом был пуст. В нем те же следы спешки, что и в штаб-квартире рейнджеров. Должно быть, крайняя необходимость позвала людей, иначе они бы не оставили животных без присмотра. Значит, людей специально собрали в Фихолме, и там они погибли.

Единственное объяснение, пришедшее мне в голову. В доме мертвых не было, поэтому мы с радостью заняли его; но помещение предназначалось для одного-двух человек, и нам было тесно. Меня больше всего обрадовала находка подзаряжающего устройства на стене у посадочной площадки. Мы можем провести здесь день или больше и полностью вос-

становить энергию машины. Я надеялся, что она еще послужит нам.

Я рассматривал подзаряжающее устройство, стараясь вспомнить все необходимые действия. Подошла Гита.

— Вир, эти животные — все мутанты?

— Думаю, да.

— А насколько они разумны?

Я пожал плечами. Невозможно оценить без лабораторных записей. Истробен, несомненно, проявил разум, пытаясь привлечь наше внимание к заключенному в клетке. Мы все, конечно, слышали рассказы о звериных отрядах — животных, работавших вместе и под руководством обученных людей. Рассказывали и об использовании их в войне. Животные действовали и на вновь открытых планетах: у них гораздо острее чувства. Но не все мутанты могли пользоваться телепатией, а это было необходимо в работе с ними. В клетках находилось двадцать животных пятнадцати различных пород; некоторые были мне совершенно незнакомы. Пять погибли, среди них два — незнакомых. Оставшиеся в живых разбредутся по заповеднику, но испытания, для которых они предназначались, никогда не будут проведены. Я желал им добра, но решил, что нас они больше не касаются.

— Не знаю, — ответил я на вопрос Гиты. — Может, их сюда и послали, чтобы проверить, на что они способны, — продолжал я, распутывая проводку.

— Они опасны?

— Нет. Это было предусмотрено. О себе могут позаботиться, но они не агрессивны. Нормальные животные — дикие — не привыкли к человеку. Некоторые районы заповедников нельзя посещать без искажающего поля и ультразвука.

— А этот бородавочник?

В первое мгновение я не понял, о чем она говорит: это было далеким прошлым.

— Какой?

— Которого мы видели у комма. Вир, это был мутант?

— Все возможно...

Она энергично кивнула.

— Знаешь, когда командующий улетел и все говорили, что покончили с военными проектами, многие лаборатории больше не докладывали в центр.

Верно. Но при чем тут бородавочник? Я спросил ее об этом.

— Не знаю. Но Прита продолжает вспоминать о нем. Она говорит, что он следил за нами, что мы ему не понравились...

— Даже если так, хотя я в это не верю, — ответил я, — это животное за горами на севере и далеко от любого поселка. Оно нам не опасно.

— Но, Вир, если все... — Она заколебалась, потом продолжала: — Если все, кроме нас, мертвы, мутанты могут стать разумным населением планеты.

Возможно, но пока об этом можно не думать.

— Мы не знаем, все ли мертвы, — решительно ответил я. — Завтра отправимся на разведку. Как только найдем подходящую тропу, двинемся в путь. И скоро ты будешь дома.

— Не хочу, Вир. Если Кинвет похож на Фихолм...

— Приближается зима. Мы должны вернуться до того, как закроется проход, — продолжал я, как бы не слыша ее.

Я не знал, что ей ответить: я чувствовал то же самое. Лучше перезимовать в Батте или в каком-нибудь пункте рейнджеров, чем возвращаться в мертвый Кинвет. Нельзя отвести детей в город, полный призраков, и оставить их там. Не все родители были так далеки от детей, как Арены. Те, у кого были близкие отношения с родителями, не должны видеть, что с ними случилось, если Кинвет постигла судьба Фихолма.

— Вир, смотри! — Она схватила меня за руку и показала на Гурий Рог.

Скала использовалась рейнджерами как наблюдательный пункт: оттуда открывался прекрасный вид на окружающую местность. Незадолго до этого я велел Теду туда подняться, и теперь он яростно размахивал руками, указывая на север. Я знаком велел ему спускаться, а сам побежал к подножию скалы.

— Флиттер... разбился... на холме к северу... — Он тяжело дышал. — Горит!

Тот, что пролетал над нами накануне? Разбился и горит — мало надежды спасти экипаж.

— Сабиан, медпакет! — За нами стояла Аннет. — Тед, сможем добраться на машине?

Тед с сомнением покачал головой:

— Не знаю, там очень круто. Но можно вскарабкаться...

— Куда это вы направляетесь? — спросил я.

— Люди на борту! — Аннет смотрела на меня так, будто у меня выросли рога бородавочника. — Они ранены. Надо торопиться!

Я понял, что никакие возражения не остановят ее.

Глава двенадцатая

— Тед, ты остаешься... будешь дежурить.

Аннет не остановить, раз она считает это своим долгом, но должен быть какой-то порядок. Я думал, Тед станет возражать. Ничего подобного. Ни следа упрямства, как бывало до похода в пещеры. Он кивнул, и я протянул ему запасной шокер.

— Оставайся в укрытии. Ты знаешь, что делать.

Я не стал вдаваться в подробности — высокая оценка. Он опять кивнул.

Аннет уже надела на плечо медицинскую сумку и пошла в направлении, которое указал Тед. Пришлось поторопиться, чтобы догнать ее. Проводник нам не был нужен. В сумерках невозможно миновать пламя. Аннет торопливо шла по бездорожью, и я не пытался успокоить ее. Довольно скоро она сама замедлила шаг и остановилась, тяжело дыша после крутого подъема. Пришлось переводить дух, прежде чем идти дальше. Я шел рядом. Ясно была видна сцена катастрофы. Флиттер ударился о скалу. Как будто рука великана смяла его, отбросила в сторону и подожгла.

— Никто не уцелел, — сказал я.

Ее тяжелое дыхание напоминало всхлипывание. Я продолжал:

— Возвращайся...

— А ты?

Она не смотрела на меня: глаза ее все еще были устремлены на сцену крушения, как будто она не могла оторваться.

— Посмотрю...

В глубине души я считал, что путешествие к этой груде лома совершенно бесполезно.

— Ну... хорошо...

Аннет была потрясена. Я не видел ее такой с тех пор, как она наткнулась на завал в пещере и поняла, что мы отрезаны от поверхности. В жизни Белтейна так редко встречались на-

силие и трагедии, что нам не часто приходилось сталкиваться со смертью. Она видела, как умирал Лугард, но не была в Фихолме, а рассказ о мертвом городе не стал для нее реальностью. А теперь ее как будто ударили.

Я смотрел ей вслед. Она ни разу не оглянулась, шла, опустив голову, глядя только себе под ноги. Потом я снова обернулся к обломкам флиттера. Он упал на каменистую площадку. Я был рад этому: по крайней мере, не нужно бояться лесного пожара. Конечно, грозы основательно увлажнили растительность, но тлеющие угли всегда могут разгореться, особенно при ветре. А из всех опасностей, подстерегающих в заповеднике, самая большая — огонь. Не стоит подходить ближе. Я не могу приблизиться настолько, чтобы опознать флиттер и тех, кто находился в нем. Но остается крошечная возможность узнать, что же произошло на Белтейне. Поэтому я пошел.

Я был прав. Жар, отраженный от скал, не давал приближаться к пылающей машине. Всматриваясь в очертания флиттера, я вдруг понял, что он не наш. Даже поломанный и обгоревший, он сразу выдавал свое инопланетное происхождение. Затем я обнаружил бластер, далеко отлетевший от кабины с распахнутой дверцей. Регулярное оружие службы безопасности. От удара о скалу бластер разбился, починить его было невозможно. С тех пор как Белтейн покинули вооруженные силы, я такого бластера ни разу не видел. Я даже не пытался дотронуться до него. Рассказ Аннет о вирусах не выходил из памяти. Если флиттер... если эту машину пилотировали мертвые или умирающие люди (я вспомнил неуверенный полет, виденный накануне), обломки все еще могут быть заразными. Итак, я не тронул бластер и осторожно переступил через другие обломки. Их было достаточно, чтобы подтвердить мою догадку: флиттер инопланетный.

Огонь гас; все, что могло гореть, сгорело. Мне незачем задерживаться. Вернувшись на станцию, я обнаружил, что Тед и Аннет перенесли внутрь наши вещи. Дагни лежала на одной из коек; в этой же комнате были постели девочек, а Эмрис и Сабиан разложили наши в большой комнате.

— Нашел что-нибудь? — спросил Тед, когда я вошел.

Я с одобрением заметил, что он находился у окна, из которого видны подходы к дому, в руке держал шокер, второй ле-

жал рядом. Дом задней стенкой упирался в подножие Гурьего Рога, поэтому оборонять нужно было только фасад.

— Нет. Думаю, это был не флиттер. Скорее разведывательный флаер с корабля. Мало что от нее осталось. И... нужно держаться от нее подальше.

Аннет поймала мой взгляд.

— Да! — тут же подхватила она. — Да!

Мы поели, и я распределил дежурства. Аннет от этой обязанности освобождалась. На ее попечении Дагни. Но Гита, Тед, Эмрис, Сабиан и я будем дежурить по очереди. Не могу сказать, чего мы ожидали, но стоило подготовиться к худшему. Я взял фонарь и обошел загоны мутантов. Почти все животные разбежались. Истробен, остановивший нас, был в клетке с товарищем. Он подталкивал пищу к морде лежавшего; тот ел понемногу и был, по-видимому, еще не в состоянии подняться. Видя, что у них нет воды, я принес ее и поставил ведро рядом с лежащим животным; потом набрал воды в ладони и дал полакать. Первый истробен отодвинулся с негромким рычанием. Второй пил и пил, но когда я в четвертый раз поднес ладони с водой, он отвернулся и занялся едой с большей энергией, чем раньше. Это была самка, и, мне показалось, беременная. А тот, первый, должно быть, самец. Этих животных привозили с других планет, и они весьма редки. Я подумал, что они — часть какого-то проекта, только что завершенного. Об этом говорило их недавнее появление в заповеднике. И если они всю жизнь провели в лаборатории, как же они выживут в заповеднике без присмотра рейнджеров? Конечно, они всеядны. И ни одно животное не отправлялось в заповедники, пока не адаптировалось к имевшейся там пище. Но... Впрочем, я не мог размышлять об этих несчастных переселенцах. Я принес еще воды и пищи. Самец сопровождал меня до контейнеров. Он постучал лапой по крышке закрытого контейнера и посмотрел на меня с той же мольбой, с какой смотрел в ягоднике.

Я открыл крышку и отошел, чтобы посмотреть, что он будет делать. Он принюхался, но ничего не взял. Опустился на четвереньки и отправился к самке, должно быть, довольный, что пища есть. Некоторое время я осматривал оставшихся животных, надеясь, что они вскоре разбредутся: сами мы не могли здесь задерживаться. И опять мне захотелось сделать этот

дом нашим постоянным жилищем, хотя он тесен и не так удобен, как штаб-квартира рейнджеров. Сколько времени займет переход через горы? Не знаю. Иногда в конце лета грозы закрывают проход. Если Батт не занят, это место гораздо лучше для нас, чем все по эту сторону гор. Для себя я выбрал последнее дежурство, поэтому, вернувшись в дом, сразу лег спать. Тед разбудит, когда придет время.

Спал я неспокойно, впечатления последних дней не оставляли и во сне. Но как только Тед тронул меня за плечо, я проснулся.

— Все спокойно, — прошептал он. — Мутанты возвращались за пищей, но к двери не подходили.

— Хорошо.

Я заступил на дежурство. Постоять у одного окна, перейти к другому, и так через равные промежутки. Но ничего не видно при свете полной зеленой луны — одного из чудес Белтейна. Машину я оставил на подзарядке; пока батареи не зарядятся, она не нуждается в присмотре. Вопрос в том, долго ли мы сможем на ней двигаться. Хотя Аннет говорила, что состояние Дагни улучшается, выздоровление шло медленно. Девочку придется нести на руках, когда мы покинем машину. Значит, возьмем меньше припасов. Лучше всего чрезвычайный рацион: он дает максимум калорий при минимуме веса; но нужны еще вода, одежда для высоты — даже летом проход местами покрывает снег. Многое можно оставить, но есть вещи, которые оставлять нельзя. Мысленно я составлял их перечень. У стены в дальнем конце комнаты находился комм, который связывал станцию с Фихолмом. Накануне мы включали его со слабой надеждой, быстро развеявшейся. Я решил установить его в машине и включить на самый широкий диапазон, хотя это потребует утром дополнительной работы. Неожиданно мне захотелось услышать голос, любой голос, даже голос возможного врага, лишь бы знать, что мы не одни на Белтейне.

А что, если мы одни? Нужно готовиться к худшему. В порту есть установка SOS; ее можно включить, и она автоматически будет посылать сигнал в космос. Любой корабль, проходящий в зоне слышимости, обязан ответить, если только это не сигнал, предупреждающий о заражении. В таком случае корабль, поймавший сигнал, обязан сообщить об этом в ближайший центр Патруля.

Центр Патруля? Много столетий патруль охранял межзвездные линии и восстанавливал порядок на планетах, где возникала угроза жизни. Но если мрачные прогнозы Лугарда верны, существует ли еще Патруль? Или его остатки отошли к более богатым внутренним планетам, где могла сохраниться цивилизация?

Я слышал страшные рассказы о планетах, где закон и порядок исчезали за ночь, иногда в результате природных катастроф, иногда из-за войн и эпидемий. Поселенцы Белтейна использовали их пример как доказательство верности своего пацифистского мировоззрения. Но что, если нас ожидают и война, и эпидемия — вернее, их последствия? И если помощь из космоса не придет?

Технология уже начала распадаться. Она будет регрессировать и дальше. Мы с Тедом знаем достаточно, чтобы поддерживать в рабочем состоянии хоппер, машину или даже флиттер. Но когда не будет ни запасных частей, ни энергии, ни... В некоторых поселках есть вьючные животные, их использовали в экспериментах. Есть поля, возделываемые роботами. Но сколько эти роботы будут действовать — сеять, собирать урожай, хранить его? Я вдруг представил себе поле, которое продолжают возделывать роботы, создают запасы пищи для людей, а люди не приходят, и в забытых хранилищах гниет урожай, а роботы продолжают работать, пока не рассыплются сами. Нас всего десять — и целая планета. Не может быть! Где-нибудь есть — должны быть — люди! Во мне все громче звучало нетерпение — найти других. Я еле сдерживался, чтобы не разбудить ребят и не отправиться на поиски немедленно.

Подавив нетерпение, я дождался утра. Когда все встали, я подготовился к путешествию со всеми возможными предосторожностями. Мы разобрали припасы: те, что были в машине, те, которые взяли в Фихолме, и найденные здесь, отобрали самую легкую и калорийную пищу. Пересмотрели содержимое своих рюкзаков, принесенных еще из Батта. Выбросили все, что не было абсолютно необходимо, перепаковали рюкзаки, разместив в них то, что понадобится, когда мы покинем машину.

Мы осмотрели ленты и записи станции и обнаружили карту западной части гор: на ней окрестности прохода. Управив-

шись с рюкзаками, мы занялись багажником машины; туда поместили, сколько вошло, пищи и воды. Затем осмотрели одежду и заменили изношенную и порванную тем, что нашли в шкафах. Аннет, Прита и Гита приладили ее на маленьких членов нашей группы. Эти приготовления заняли целый день. После полудня Айфорс заметил, что два истробена наконец покинули клетку и двинулись вниз по ручью. Мы собрались у выхода, чтобы посмотреть на них. Самец шел впереди, явно настороже, самка двигалась неуверенно, с частыми остановками, низко свесив голову и тяжело дыша.

Гита помахала им рукой, но животные не смотрели на нас. Как будто вся их энергия и решимость сейчас концентрировались на том, чтобы добраться до зарослей.

— Надеюсь, они найдут подходящее логово, — сказала Гита.

— Вир. — Прита смотрела на меня. — Сейчас освободилось много мутантов?

— Наверное. Большинство из них уже в заповедниках. Помнишь, Комитет предложил это несколько месяцев назад? Трудно стало добывать специальный корм, когда не прилетели корабли.

— Но, может, и другие остались в клетках без пищи и воды?

— Не думаю. Осталась только одна большая лаборатория — в Кибтроу. Эти животные оттуда. Посмотри маркировку на контейнерах с кормом. Вероятно, собирались избавиться от всех мутантов.

— Кибтроу, — повторила она. — Это за горами, к северу от порта?

— Да.

— Вир, когда мы переберемся через горы, может, кто-нибудь пойдет туда? Просто, чтобы проверить...

— Обещаю тебе: мы это сделаем. — Я сказал это не просто чтобы отделаться. Просьба истробена в ягоднике — одно дело. То, что я обнаружил здесь, заставило меня принять решение: где бы мы ни искали выживших, одновременно нужно убедиться, что ни одно животное не осталось без пищи и воды просто потому, что человек не смог его освободить.

— Утром... — Аннет разгладила последнюю куртку, которую она подгоняла под размер маленького Дайнана Норкота, и застегнула молнию.

— Да, — ответил я на незаданный вопрос.

Утром мы отправимся в путь. Хотя в течение дня ничто не предвещало опасности, мы дежурили и вторую ночь. Небо было безоблачным, ярко светила полная луна. Последние выжившие мутанты покинули загон. Весь оставшийся корм я перетащил к ручью: если они вернутся, они не станут подходить к дому. Впрочем, когда их потребности были удовлетворены, ни один их них не проявил к нам ни малейшего интереса — как будто нас закрыло искажающее поле. Начиная свое дежурство, я обдумывал слова Гиты. Если человеческое население на Белтейне сильно сократится (я отказывался думать, что остались только мы), что станет с мутантами? В некоторых лабораториях заявляли, что вывели существа с высоким уровнем интеллекта. Континент велик, по большей части ненаселен, и животные могут там скрываться очень долго. Может ли возникнуть новая разумная раса, не знающая о своем происхождении? Но это при условии, что мы исчезнем. Мы поели в последний раз в доме и забрались в машину. Впервые Дагни как будто проснулась, осознала окружающее. Она сидела на коленях у Аннет, тесно прижавшись к ней, глядя вокруг, но говорила очень мало. По словам Аннет, Дагни была уверена, что мы только что вышли из пещеры. На нее благотворно подействовало спокойствие, отсутствие тревог и мирный ландшафт.

Мы предупредили всех, что в присутствии Дагни нельзя говорить ни о прошлом, ни о том, что может ждать нас впереди. Если она считает, что мы в обычном путешествии, какие не раз совершали раньше, тем лучше. Наш путь пролегал мимо утеса, на котором разбился флиттер, но я как можно дальше обошел это место. Обломки все еще дымились, но корпус был так изломан и оплавлен, что теперь я не смог бы опознать его. Мы подошли к старому руслу, ведущему в горы; согласно карте, это наилучший путь, если только не повторится гроза с наводнением. Многочисленные следы предыдущего наводнения, застрявшие в скалах, напоминали о том, что не всегда эта пустыня лишена воды. Мы ползли вверх так медленно, что спешащий пешеход обогнал бы нас. Я выключил поле: мы шли большей частью в тени стен каньона, и здесь не должно было быть опасных для нас животных.

Поздним утром мы встретили галофи — столкнулись с

ним, выходя из-за поворота. Это был великолепный образец своей породы — одной из немногих местных для Белтейна пород, достигших значительных размеров. Спина его была покрыта грубой чешуей толщиной с палец; там, где чешуйки прилегали одна к другой, виднелась бахрома, напоминавшая мех; на самом деле это была мясистая плоть. Такие же выросты образовали кольцо на горле и нечто вроде гривы, шедшей от больших фасеточных глаз до спинного хребта и дальше до хвоста. Передние лапы — с острыми когтями, задние — плоские и широкие, приспособленные для быстрого продвижения по песчаной почве. Когда животное встревожено, грива его встает дыбом, высовывается раздвоенный язык и зверь убегает на задних лапах.

Но этот не собирался убегать, и через секунду я понял почему. Я увидел тускло-зеленую самку, только что отложившую яйца. Где-то поблизости в скалах находилось гнездо, и нам противостоял серьезный противник шести футов ростом, способный, если действительно разозлится, порвать корпус машины.

Я кулаком ударил кнопку ультразвука, галофи отпрянул, но не отступил, а готовился к нападению; я видел, как молнией вылетает язык животного. Этим языком галофи воспринимает звуки, ушей у него нет. Должно быть, зверь сейчас испытывает страшные мучения.

Животное раскачивалось, дергалось и наконец, потеряв равновесие, упало за скалу, с которой готово было напасть. Я увеличил скорость. Эмрис, сидевший сзади, сообщил:

— Вон его голова. Он все еще размахивает языком, но нас не преследует. Теперь он лег спиной к ущелью.

— Гнездо, — коротко ответил я и выключил ультразвук.

Мы ушли уже далеко, вряд ли галофи будет нас преследовать. Инстинкт удержит его у гнезда, пока не вылупятся малыши. Сейчас его оттуда не оторвать. Но эпизод свидетельствовал о том, что нельзя слишком доверять окружающему спокойствию. Дагни! Как отразился на ней этот эпизод? Не отбросил ли снова в беспамятство? Аннет покачала головой, предупреждая и успокаивая одновременно. Дагни прижималась к ней, глаза ее были закрыты.

— Спит.

Прежде чем выйти из машины в полдень и поесть, мы

внимательно осмотрели местность. Солнце стояло в зените, но было прохладно. Мы уже были высоко в горах; рассматривая карту, я подумал, что вскоре придется оставить машину. Поэтому я предложил, достигнув этого пункта, заночевать, даже если еще останутся светлые часы: так у нас будет убежище на ночь. А пеший переход начнем утром. Наконец мы остановились у выступа скалы. Сюда добирались уже с некоторым риском. Выйдя, я вместе с мальчиками укрепил гусеницы машины камнями для безопасности. Тут было совсем холодно, хотя солнце по-прежнему светило. Я поплотнее запахнул куртку и сказал, что пойду вперед — разведаю дорогу по крайней мере на час пути. А заночуем мы здесь.

Идти было трудно, но в дороге попадались указатели, выжженные бластером, и местами тропа была расчищена. Значит, я иду правильно. Если выступим на рассвете, к вечеру перевалим через самое высокое место и начнем спуск на другой стороне. А там должно быть убежище. Найдя подходящую скалу, я взобрался на нее и принялся осматривать в бинокль пройденный нами путь. Никакого движения, если не считать одной-двух птиц. Похоже, погода нам благоприятствует. Аннет установила меж камней походную плиту, и когда я вернулся, кофе уже дымился. Это маленькое удобство тоже придется оставить. Я одобрил ее решение накормить нас горячим. До самого Батта теперь у нас не будет ничего, кроме чрезвычайного рациона. Я надеялся, что мы доберемся за два дня, хотя меня беспокоила лавовая местность. Ночью снова дежурили по очереди. На этот раз участвовала и Аннет, поэтому дежурства стали короче. Но в машине было так тесно, что, я думаю, только маленькие спали хорошо. Ноги мои затекли, спина болела, когда я на рассвете выполз из машины. Аннет опять подогрела еду и кофе, потом мы убрали плиту и все лишнее в машину. Затем все, кроме Дагни, надели рюкзаки и взяли по две фляжки. Я обрадовался, увидев, что Дагни идет самостоятельно. Выглядела она лучше, чем накануне. Она пойдет рядом с Аннет, а Прита непосредственно за ними, чтобы помочь в случае необходимости. Я пошел впереди, за мной Гита, Эмрис, Сабиан, Аннет и две девочки, потом Дайнан и Айфорс. Замыкал нашу цепочку Тед. Мы будем меняться местами, но впереди все время пойду я. Мы с Тедом несли

тросы с крюками, которые хорошо послужили нам и могут еще понадобиться.

С первыми лучами солнца мы двинулись по тропе. Думаю, никто из нас не оглядывался.

Глава тринадцатая

Один я поднимался бы быстрее. Но приходилось беречь силы: чем дольше Дагни сможет идти, тем лучше для всех. Было холодно, почти так же, как в ледяной пещере. И ветер пробирал сквозь одежду. Не стало деревьев, только временами полоски травы и гнущиеся от ветра чахлые кустики. На скале сидел пакка; он не встревожился при нашем приближении, смотрел на нас круглыми глазами, ветер шевелил его длинную голубоватую шерсть, хвост он обернул вокруг лап. Щеки его раздулись от утренней добычи; был период, когда пакка запасает еду на зиму. Везде, где мы останавливались, чтобы перевести дыхание, я в бинокль осматривал пройденный путь. Не знаю, что я ожидал увидеть. Несомненно, в разбившемся флиттере никто не выжил. Но, может, кто-то вышел из него раньше.

Время от времени я видел движущиеся точки. Должно быть, крупные животные из заповедника. Но ничто не двигалось на пройденной нами тропе или возле оставленной машины. Дождя не было, но небо затянули тучи. Все предвещало ухудшение погоды, и мы заторопились. Пока Дагни держалась лучше, чем я мог надеяться. Она шла рядом с Аннет и Притой, не отставая. Даже заметила пакку и сказала об этом. Хороший знак. Мы дошли до высоты, на которой росли только лишайники. В тени скал появились снежные сугробы; в тех местах, куда не заглядывало солнце, они были довольно высокими. Ветер заставил нас поднять воротники, которые обычно, как флажки, болтались за плечами. Здесь Дагни начала спотыкаться, но мы не замедлили движения: нужно как можно быстрее миновать перевал и начать спуск. Между двух острых скал нашлась расселина; все сгрудились в ней и достали тюбики с рационом. Я посмотрел по карте путь от станции мутантов. Опасности сбиться с тропы не было: слишком ясно видны следы тех, кто проходил здесь раньше. Я старался определить расстояние до убежища по ту сторону перевала.

— Далеко еще? — спросила Аннет.

Дагни сидела у нее на коленях, прижавшись головой к плечу, закрыв глаза. Мне показалось, что у нее участилось дыхание. Впрочем, в разреженном воздухе высот все мы дышали чаще обычного.

— Через перевал и потом чуть больше, чем расстояние отсюда до машины. — Я не стал скрывать правды: не время пробуждать ложные надежды.

— Она не дойдет, — твердо сказала Аннет.

Я знал, что она права. Сняв рюкзак, я выложил его содержимое. Было взято самое необходимое. Но мы предусмотрели и возможность, что придется расстаться и с этим. Я начал отбирать то, что нельзя оставлять. Запасные заряды для шокера сунул в карман куртки. Тюбики с рационом можно разделить — все равно большая часть будет вскоре съедена. А вот одеяла... Тед положил на одно одеяло руку.

— Это понесу я. Во второе завернем Дагни. А это, — он выбрал самую тяжелую из оставшихся вещей — прожектор, — я смогу прицепить к поясу.

Когда мы снова двинулись, я нес Дагни в гамаке из веревок на спине. Она не просыпалась, положив голову мне на плечо. Снова в состоянии, похожем на кому. К счастью, горная тропа не требовала крайнего напряжения сил, и я снова и снова благословлял тех представителей службы безопасности, которые ее проложили. Конечно, это не гладкий асфальт, но на лучшее нельзя было надеяться. Тропа проходила в ущелье между двумя пиками, почти такими же величественными, как Гурий Рог. В ущелье было сумрачно, дул сильный ветер, мы жались к стенам, согнувшись, делая каждый шаг с осторожностью. Дагни тяжелее рюкзака, поэтому мне приходилось быть вдвойне осторожным, чтобы не потерять равновесие под порывами ветра. В ущелье тропа пошла под уклон. Выйдем мы из него ниже, чем вошли. Я обрадовался этому. Говорить мы уже не могли — приходилось перекрикивать вой ветра — и обменивались жестами, когда возникала необходимость.

Однажды путь нам преградил сугроб, пришлось брести по снегу. А в конце ущелья нас ожидала серьезная преграда. Идя впереди, я увидел поперечную трещину, которая аккуратно, как гигантским ножом, рассекала тропу. Не знаю, была ли она, когда прокладывалась тропа. Во всяком случае, на карте

ее не отметили. Но она слишком широка для прыжка, и я не видел способа преодолеть ее.

Мы отступили в ближайшее укрытие и прижались друг к другу. У нас есть веревки с крючьями. С их помощью можно попробовать спуститься в трещину и попытаться выйти на поверхность с другой стороны. Оставив Дагни с Аннет, я велел всем закутаться в одеяла. Тед держал веревку и следил за моим спуском. На дне было множество каменных осколков. Направо идти бесполезно: щель вскоре сузилась, и я уперся в скалу. Левая сторона выглядела привлекательнее. Я шел по ущелью, пока не нашел стену, по которой можно подняться с помощью веревок. Потребовалось немало усилий, чтобы всех переправить через трещину, и мы выбились из сил. Тед прошел немного вперед и вернулся с обнадеживающим известием: ему удалось найти продолжение тропы. К тому же ему показалось, что он видел крышу убежища. Но оно еще довольно далеко внизу. Приближалась ночь. Мы поели и стали совещаться. Аннет возражала против ночевки на открытом воздухе. Ее беспокоила не только Дагни, но и все остальные. Я склонен был согласиться с нею. У нас есть фонари, но они могут привлечь внимание, без чего нам лучше обойтись.

— Это только вероятная опасность, — заметила Аннет, когда я сказал ей об этом. — А ночь здесь гораздо опаснее. Если мы будем пользоваться фонарем осторожно...

— Заслоним со всех сторон, — размышлял я, — направим только на тропу. Двигаться придется медленно...

— Лучше, чем оставаться на месте.

— Тед, — сказал я, — пойдешь впереди. Я понесу Дагни и не смогу быть все время настороже. Эмрис замкнет цепочку.

Я впервые возлагал на мальчика такую ответственность. Но он хороший ходок и всегда сохраняет хладнокровие. Перед ним может идти Аннет. Но придется не растягиваться и стараться в темноте не упасть: такое падение могло бы иметь непоправимые последствия. Я не посмотрел на часы и потому не знаю, сколько времени ползли мы по тропе. Для отдохнувших, не отягощенных поклажей людей, возможно, дорога показалась бы легкой, но мы были нагружены и устали. Тед пользовался фонарем и время от времени светил назад, когда сталкивался с особенно трудным участком. Ночь была облачной, но когда я мог думать о чем-нибудь, кроме следующего

шага, я благодарил провидение за то, что не было дождя. Потом я заметил, что вокруг нас кусты и ветер уже не так безжалостен. Тропа снова стала похожа на расчищенный путь. Но она вся заросла, и я увидел, как взмахивает ножом Тед, расчищая ее. Некоторое время спустя — очень долгое, как мне показалось, — мы вышли на поляну, покрытую жесткой горной травой, и фонарь Теда осветил фасад убежища.

Оно было не таким массивным и хорошо сооруженным, как станция рейнджеров. Дверь висела на одной петле, через порог надуло груду опавшей листвы. Я даже обрадовался этим следам запустения: они означали для нас безопасность.

Спотыкаясь, мы забрались внутрь и почти сразу упали на грязный, усеянный листьями пол. Тед провел лучом по сторонам, осветив убожество нашего жилья. Вдоль одной стены стояли койки, вернее обычные нары. И больше ничего — ни мебели, ни плиты, вообще ничего. Груда высохшей травы и листьев в углу и несколько побелевших обглоданных костей говорили, что после ухода людей здесь было логово какого-то животного. Но кости старые, трава прошлогодняя, а может, позапрошлогодняя, так что даже нового жильца здесь больше нет.

Аннет развязала свой рюкзак, достала одеяла, торопливо расстелила их на койке и, взяв у меня Дагни, положила ее отдыхать. Хотелось чего-нибудь горячего, но на это не было никакой надежды. Тот, кто не поместился на нарах, лег на полу. Я прислонился к двери, расстегнув кобуру шокера. Хоть мы и устали, все равно нужно дежурить, особенно по эту сторону гор.

Ветер, сопровождавший нас на тропе, теперь стих. Я так устал, что с трудом шевелился, но спать не хотелось. Как будто я миновал пункт, за которым надобность в сне отпадает. Слышалось тяжелое дыхание спящих. Ни стонов, ни криков — только тяжелое дыхание. Однажды я услышал шорох и ухватился за рукоять шокера. Медлительность собственной реакции меня поразила. Но звук не повторился; тот, от кого он исходил, не пытался приблизиться. Не знаю, далеко ли мы были от Батта. Может, карта подсказала бы, но ночью я не мог в нее заглянуть. И я не представлял, сможем ли мы пешком пересечь дьявольскую лавовую страну. А может, лучше и не возвращаться в Батт, хоть мы и оставили там хоппер и про-

довольствие в изобилии. Я слишком устал, чтобы думать последовательно, но мысли мои шли одна за другой в уставшем мозгу. Я уже готов был предпринять то, что с самого начала предлагала Аннет, — разведывательную экспедицию в населенную местность. Пешее путешествие будет долгим и трудным, не все из нас его вынесут. Поэтому нужно найти базу, с которой можно действовать. Но кроме Батта, я такой базы не видел.

— Вир...

Я узнал шепот Теда.

— Я сменю тебя...

Больше всего мне хотелось передать хотя бы эту часть ответственности, но я знал, что не усну.

— Не могу спать, — сказал я, когда Тед подполз ближе, — я подежурю еще.

— Вир... — он не принял мое невысказанное предложение вернуться к одеялам, — куда мы пойдем дальше?

— В Батт, если сможем.

— Ты думаешь, мы не сможем пройти по лавовым полям?

Видно, он думал о том же.

— Да... и крепость может быть занята.

В нескольких словах я впервые рассказал ему о встрече Лугарда с беженцами.

— По-твоему, они охотятся за сокровищами, за тем, что мы нашли в ледяной пещере?

— Да, это привлекло бы их.

— Что же нам делать?

— Что сможем. Утром посмотрим карту, поищем удобный подход к Батту. Если такой подход есть, а Батт не занят, остановимся там. В нем есть возможности защищаться.

— Лугард знал эти возможности, а мы — нет.

— Придется учиться; если потребуется, методом проб и ошибок, — возразил я.

Разговор с Тедом, как ни странно, успокоил меня; и тут же навалилась сонливость, глаза буквально слипались.

— Принимай дежурство, Тед, — с трудом сказал я.

Помню, как добрался до груды одеял, оставленных Тедом, и больше ничего. Проснулся я оттого, что солнце светило прямо мне в лицо. Тело нежилось в тепле. Я слышал, как рядом шепчутся, шевелятся.

Сев и протерев глаза, я заметил в убежище что-то похожее на порядок. Листва, высохшая трава старого логова, большая часть грязи и песка выметены. Койки аккуратно застелены одеялами, кроме той, на которой лежал я. На моем месте у двери сидела Аннет. Рядом с ней лежал шокер; она перебирала ягоды, складывая их на широкий лист. Прита была занята тем же. Дагни сидела между ними и время от времени брала ягоду и клала в рот. Остальных не было видно. Прита подняла голову, увидела меня и улыбнулась.

— Аннет, Вир проснулся.

— Пора! Никогда не видела, чтобы так крепко спали!

Если бы не тон, ее слова можно было бы принять за осуждение. Но она улыбалась. Встав, она добавила:

— Иди умойся. Снаружи есть ключ. Потом поешь — тебе это нужно не меньше сна.

— После твоих слов — да!

Я вдруг почувствовал страшный голод, но продолжал сидеть, мигая. Как-то изменилась атмосфера. Аннет как будто в одном из наших прошлых походов, уверенная, что мы вернемся домой, где все нам знакомо. Может, это потому, что мы на краю знакомой местности? Неужели она думает, что все будет по-прежнему, когда (и если) мы вернемся в Кинвет? Во всяком случае, я не собирался нарушать ее заблуждение; слишком благодарен был за то, что оно слегка отпустило напряжение, давившее на всех с того момента, как нас замуровало в пещерах. Маленький ключ выбил в камне бассейн, и я хорошо попользовался им. Возможность умыться еще улучшила мое настроение. Поляна, на которой располагалось убежище, вся заросла кустами, большей частью ягодными. Вот откуда ягоды у Аннет.

Я все еще стоял на коленях у воды, когда появился Тед. Увидев меня, он быстро подошел и доложил:

— Я посмотрел утром карту. Между нами и Баттом лавовая местность. — Он нахмурился. — Я поднялся на высоту, чтобы осмотреться. Там что-то... Я не говорил никому. Хотел, чтобы сначала ты узнал.

— Хорошо. — Я вытер руки пучком длинной травы. — Где?

— Вир, ты готов? Завтрак! — позвала Аннет.

Тед продолжал хмуриться.

— Лучше не говорить при них? — кивнул я в сторону девочек.

Он подтвердил:

— Гита видела, но она будет молчать. Это... это не уйдет. Можно поесть сначала, чтобы они не беспокоились.

— Вир, — в свою очередь из кустов вышла Гита, — там...

Тед сделал выразительный знак; на мгновение Гита возмутилась, потом поняла. Итак, я не мог наслаждаться завтраком, просто проглотил рацион и похвалил добавку из ягод. Тед и Гита скрывали свое нетерпение лучше, чем можно было ожидать. Наконец я смог сказать, что должен осмотреться, и ушел. Аннет впервые не стала спрашивать, куда мы идем; я поторопился уйти, прежде чем она спросит. Тед привел меня к импровизированной лестнице, ведущей на вершину изогнутого ветром дерева — боргара. Лестница оказалась другим деревом — фенсалом. Буря когда-то вырвала его и наклонила так, что оно переплелось ветвями с боргаром. Красный ствол фенсала, лишившийся почти всей своей ароматной коры, резко выделялся цветом на фоне боргара, который уже потерял листву и взамен произвел множество бледно-голубых цветов. Тед, примостившись на соседней ветке боргара, поддерживал меня, а я смотрел в бинокль. Настроив оптику, я увидел хоппер. Насколько можно судить, он в порядке. Приземлился на ровной, незаросшей полоске, не пострадав при посадке.

— Доставит нас в Батт без труда, — заметил Тед.

Правда. Но то, что хоппер всего в одном-двух часах ходьбы от нас, вовсе не означает, что он пригоден к работе. Видимо, у Теда тоже были сомнения, потому что он добавил:

— Не знаю, что там внутри. Но мы с Гитой следим за ним по очереди все утро. Никого не видели. Может, это приманка...

Хорошая догадка, но Тед заходит слишком далеко.

— Если и приманка, то не для нас, — сказал я.

Вряд ли нас могли выследить так, чтобы мы не заметили. Мы видели лишь тот флиттер, да и он разбился. С другой стороны...

Гита располагалась ниже нас.

— Ты думаешь, там внутри мертвецы, как в Фихолме...

Я не мог отказать ей в проницательности.

— Весьма вероятно.

— Но если они умерли от вируса, он нам не повредит. А хоппер нам нужен...

— Что ты знаешь о вирусе?

Я мог бы и догадаться. Мы были в тесной машине, когда Аннет рассказала мне о своих страхах.

— Мы слышали. Тед и я знаем, и еще Эмрис и Сабиан. Прита верит, что мама ждет ее. И Айфорс, он все время говорит о своем отце. Они не должны знать, пока можно скрывать. Но, Вир, — она вернулась к главному вопросу, — разве мы не можем использовать хоппер, если опасность заражения не грозит?

— Наверное, можем. Но мы ведь не знаем точно, от чего погиб Фихолм. Может, не от вируса.

— Ты не заболел, Вир, а ты был там. Ты принес пищу. Мы ели ее, и никто не заболел... кроме Дагни, но она не от вируса. — Гита логично перечисляла пункт за пунктом.

— Верно. Хорошо. Оставайтесь здесь. Тед, передаю тебе команду. Пойду посмотрю. Если хоппер можно использовать, я на нем прилечу. — Я отстегнул от пояса компас и отметил направление, затем пометил ориентиры. — Если выступлю немедленно, смогу вернуться засветло. Остальным скажите, что я ушел разведать дорогу вниз.

— Хорошо. — Тед подождал, пока я спущусь, потом спустился сам. Гита уже ждала на земле.

— Я тоже хочу идти, Вир.

— Нет.

— Но, Вир, а вдруг это ловушка? Я хорошо управляюсь со шокером, а к машине не подойду. Прикрою тебя.

— Нет. — И добавил, чтобы подсластить пилюлю: — Именно потому, что ты хорошо управляешься со шокером, я и хочу, Гита, чтоб ты осталась. В одиночку легко проскользнуть и уйти незаметно. Поверь мне, я буду осторожен. Но если это ловушка, если нас каким-то образом выследили, они могут быть тут. Все должны быть в укрытии, с постоянным дежурством — понятно?

Угроза была маловероятной, но она была; я не обманывал Гиту. Она осталась недовольна, но больше не возражала.

— Если я не вернусь до темноты, — сказал я Теду, — скройтесь. Думаю все же, что лучше идти к Батту — если он пуст. Но...

Я замолчал в нерешительности. Можно ли предвидеть, что случится со мной, со всеми? Зачем обременять их советами, которые могут оказаться бесполезными? Если я не вернусь, ситуация изменится.

— Действуй самостоятельно, — единственное, что я мог сказать.

— Да, Вир...

Я оглянулся, потому что сделал уже два шага.

— Будь осторожен, — почти сердито добавил Тед. — Мы не можем потерять тебя.

Как далеко мы ушли от чувства, которое я испытывал когда-то, — неужели это было всего несколько дней назад? — будто Тед бросает вызов моему старшинству. Мне пришло в голову, что Тед сейчас смотрит на меня, как я смотрел на Лугарда в начале нашего рокового путешествия. Мне это не понравилось, потому что ставило в положение, которого я не хотел. Я поднял в ответ руку и нырнул в кусты. До сих пор мы не заглядывали далеко в будущее. Я думал, как и другие члены группы, постарше, что произошло нечто ужасное. Но за завтрашний день мы не заглядывали. А если случилось худшее и мы единственные люди на планете?

Идти в порт, включить тревожный вызов. Но ответа можно ждать годами — если вообще дождешься. Что тогда? Я отшатнулся от этих мыслей. Лучше для меня и для всех нас, если мы будем заниматься только неотложными делами. А моя задача сейчас — исследовать хоппер. Если он покинут или его экипаж мертв, это подарок судьбы. Не нужно бояться идти через лавовую страну. Я ее видел раньше и поэтому ужасался мысли о пересечении ее пешком, с ограниченными припасами, без проводника, без подробной карты. Идя по компасу, я оставил старую тропу и свернул влево. Местность была лесистая, но деревья не такие гиганты, какие можно встретить ниже. Чтобы не заблудиться, я часто смотрел на компас. Приходилось рассчитывать на свою подготовку будущего рейнджера. Деревья становились выше, а внизу — все темнее. Время от времени я останавливался и прислушивался. Но слышны были только обычные лесные звуки. Наконец я подошел к кустарнику, за которым поляна, а на ней — хоппер.

Оставаясь в укрытии, я добрался до места, где кусты вы-

давались вперед. Дверца хоппера, которую я раньше не видел, была полуоткрыта. Увидев, что не дает дверце закрыться, я встал и, несмотря на протесты желудка, пошел навстречу тому, от чего в обычных условиях отпрянул бы.

Глава четырнадцатая

В хоппере было четыре пассажира, один из них — пленник. Он находился на сиденье пилота и был одет в комбинезон поселенца. За ним сидел человек в форме, как у беженцев, с лазером в руке. Нетрудно было догадаться, что он целился в пилота, когда наступил конец. Остальные двое также были в форме. Мне не хочется вспоминать следующий час. Копать могилу было нечем. Я мог только прикрыть их землей. Сделав это, я убедился, что хоппер в порядке. Можно только гадать, куда они направлялись. Может, за горы, а может, в Батт — в этом направлении других населенных пунктов не было. Но уже некоторое время все они мертвы.

Наконец я смог взлететь и направиться к нашему убежищу. Машина была в хорошем состоянии, даже лучше, чем наши в Кинвете. Я убедился в этом, проверив, как она реагирует на команды. Хоппер был на ручном управлении, а не на автопилоте, поэтому я не мог определить, откуда и куда он летел. Уже в сумерках я сел на небольшую поляну. И был доволен, не увидев никого из детей, когда выбрался из кабины.

— Домой! — это Аннет ласково провела рукой по корпусу хоппера. — Мы можем лететь домой!

— Еще нет.

— Как это нет? — сердито спросила она. — Нам нужно лететь в Кинвет, узнать, что там произошло.

— Я знаю, что произошло, по крайней мере частично, — ответил я ей и всем им: чем скорее они привыкнут к необходимой осторожности, тем лучше. — В хоппере был пленник и охрана. Пленник — наш поселенец, охрана — беженцы.

— Кто он? — спросила Аннет.

Я покачал головой.

— Я его не знаю.

К моему облегчению, она оставила эту тему, спросив:

— Куда же, если не домой?

— В Батт. Помнишь комнату связи?

Это была единственная приманка, с помощью которой я мог получить ее согласие. Будет ли она спорить? Скажет, что до сих пор коммы не дали ничего? И если она будет продолжать настаивать на возвращении в Кинвет, достаточно ли моего авторитета, чтобы отказать ей? Мы никогда с ней не расходились во мнениях окончательно, а сейчас это было бы хуже всего.

— В Батт, — повторила она и замолчала, как бы обдумывая сказанное.

— Это лучшее убежище. Мы еще не знаем всех его возможностей. Лугард говорил, что его защиту преодолеть невозможно.

— Защиту от кого? — горько спросила она. — Пока нет никакой угрозы для нас... здесь. И мы должны знать...

— Да...

Она, должно быть, поняла мою мысль и значение быстрого взгляда, брошенного на детей. На мгновение она как будто испугалась, потом, очевидно, чувствуя свою вину, сдалась.

— Значит, Батт. Полетим вечером?

— Завтра рано утром.

Я не собирался действовать неосторожно. Если Батт занят искателями сокровищ, он может оказаться змеиным гнездом. И мы провели вторую ночь в голой хижине. Но нам повезло — есть хоппер, не нужно готовиться к опасностям лавовой страны. Я проверил комм хоппера. Он работал. Но я не пытался вызывать, только слушал. И ничего не услышал.

Утром, на рассвете, мы забрались в кабину. Как и в машине, нам было тесно, но мы все равно были счастливы. Подбадривала знакомая обстановка. Я наметил курс — прямую линию на Батт. Пролетая над лавой, я мысленно благодарил судьбу за то, что нам не нужно преодолевать эту местность пешком. Когда мы двигались к пещере, то нас вел Лугард, и вел по уже известному пути. А теперь, глядя на изломанную потрескавшуюся местность, я понимал, что мы могли бы заблудиться и остаться здесь навсегда. Незадолго до полудня мы достигли Батта. Аннет, сидя рядом со мной, наблюдала в приборы. На небе ни одного флиттера, никаких шумов. Взглянув вниз, она сообщила, что посадочная площадка свободна.

Я удивился:

— Хоппер, в котором мы прилетели...

Когда это было? Сколько дней назад? Из-за наших подземных приключений я потерял счет дням.

— Да! — Это и ей пришло в голову. — Где же он? Захвачен мародерами, пришедшими после нас?

Лугард закрыл вход в крепость. Если он включил и защиту, мы не сможем попасть внутрь. Значит, у нас не будет безопасной базы. Я подумал: как глупо, что еще в пещере я не отыскал металлическую пластинку, открывавшую вход в крепость.

Но тут Аннет сообщила, что вход открыт. Одним препятствием меньше! Однако я не посадил хоппер перед входом, а, используя все свое умение, сел на крышу. Возможно, в двери ловушка. Нужно избежать ее. Включив магнитные крепления колес, я со шокером наготове выскочил из кабины. Слышался легкий шум ветра среди странно выточенных скал, солнце обрушило свой жар мне на голову и плечи. Я тут же почувствовал, что одежда, пригодная в горах, не годится в лавовой местности. Я подошел к входу в сторожевую башню. Аннет заняла мое место у руля, и я взял с нее слово, что при любой неожиданности она взлетит, даже если я не успею вернуться.

Странно было шаг за шагом спускаться в спокойную тишину Батта. Тишина подавляла — каждый неосторожный шаг мог вызвать катастрофу. Я часто останавливался и прислушивался, но ничего не слышал. Внутри даже стих шум ветра. Я спускался все ниже и ниже, пока не оказался в главном зале, откуда видны были комната связи, гравитационный лифт и столовая, где мы ели так давно. Никого я не встретил. В столовой я впервые нашел доказательство того, что Батт посещали. Как и на складах Фихолма, тут были следы торопливого обыска, хотя бессмысленных разрушений я не видел. Запас продуктов не уменьшился.

Следующая цель — комната связи. Тут беспорядка не было, и я не мог сказать, включали ли комм. Сам я не пытался это сделать. Подбежав к главному входу, я понял, что его открывали лазером и поэтому он снова не закрылся. Это нанесло удар по моим надеждам на безопасную базу, но этим мы займемся позже. В крепости никого не было. По моему сигналу все вышли из хоппера, и мы вступили в Батт. Два дня мы работали, превращая его в крепость, какая была нам нужна. Я думал, Аннет станет возражать против ненужной траты времени.

К моему удивлению, этого не произошло, хотя она посидела в комнате связи. Не сомневаюсь, она пыталась поймать какую-нибудь передачу.

Гравилифт работал, хотя я ему не доверял. Мы нашли второй вход в подземный этаж крепости. Я искал его, потому что знал: машины, которыми пользовался Лугард, доставлены не в лифте. Из подземного склада открывался выход в одно из лавовых ущелий. Мы испытывали механизмы, пока не нашли один, который, вероятно, использовался, когда закрывали вход в пещеры. На нем был установлен лазер. С большим трудом его можно было перетащить для защиты входа в Батт. Прожженную лазером главную дверь мы завалили чем могли, затем с помощью лазера сплавили в единую пробку — теперь здесь была непроходимая стена. Входа с поверхности больше не было — только через крышу или через лавовое ущелье. Потребовалось бы массированное нападение, чтобы проникнуть внутрь. На складе оказалось множество припасов, в течение долгого времени мы ни в чем не будем нуждаться. На третью ночь я лежал в изнеможении, но с чувством безопасности, какого не испытывал с момента начала всех наших злоключений. Впрочем, долго наслаждаться этим чувством не пришлось. Подошла Аннет.

— Кинвет!

Она произнесла только одно слово, но с решимостью, в которой звучали и обещание, и угроза. И добавила:

— Я ничего не поймала — мы должны знать.

Конечно, она права. Но как мне хотелось теперь, когда мы близки к разгадке, оттянуть ее.

Видя мои колебания, Аннет добавила:

— Если ты не пойдешь, пойду я... даже в одиночку.

И я знал, что она выполнит свое обещание.

— Пойду.

Чувство безопасности исчезло. Как кратковременно оно было! Как будто на меня снова взвалили тяжесть, от которой я освободился.

— Если... если случилось худшее, — она смотрела не на меня, а куда-то вдаль, как будто не хотела, чтобы я заглянул ей в глаза, — есть порт и сигнал.

— Знаешь, Аннет, этот сигнал...

— Да, на него могут ответить через много лет! — В ней про-

глянула прежняя несговорчивая Аннет. — Но это шанс, которого мы не можем упустить. Кинвет и затем, если необходимо, порт. Но, Вир, не ходи один.

— Ты не пойдешь, — возразил я.

— Не я, — к моему облегчению, согласилась она. — Но мы должны быть уверены в Кинвете, в портовом сигнале. Двое лучше одного. Тед...

— Но...

— Я знаю. Ты считаешь его старшим после себя, своим преемником, что ли. Конечно, он не Вир Коллис, как ты не Грисс Лугард. Но ты должен взять его именно по той причине, по какой хочешь оставить. Он следующий за тобой, лучший из нас.

Подумав, я решил, что она права, хотя не хотелось этого признавать. У Теда есть качества, которые позволят ему решить необходимую задачу, если со мной что-то случится. И то, что Аннет предвидела такую возможность, значило, что у нее нет прежней надежды, заставлявшей ее так упорно стремиться в Кинвет. Но я ни о чем ее не спрашивал: об этом лучше не говорить. Я потратил еще день, чтобы убедиться, что Батт готов к защите. Аннет была этим недовольна. Затем мы ушли пешком — в этом я Аннет не уступил. Хоппер — последнее средство спасения для оставшихся в Батте. К тому же я считал, что лучше двигаться скрытно, хотя это удлинит путь. Лучшая наша защита — не попадаться на глаза.

Тропа, ведущая к Батту, сильно заросла. Ею не пользовались десять лет, все передвижение осуществлялось во флиттерах и хопперах. Но она достаточно заметна, заблудиться невозможно. С собой мы взяли легкие рюкзаки и шокеры с запасными зарядами. Я обыскал всю крепость в надежде найти более мощное оружие. Но, как и на пещерной базе, его не было: должно быть, унесли с собой уходившие войска. Последним моим делом в Батте было снять лазер, которым мы заплавили дверь, с большими усилиями перетащить его на крышу и закрепить для обороны. Не думаю, чтобы это понравилось Аннет; вряд ли она станет им пользоваться, даже в чрезвычайных обстоятельствах. Впрочем, кто знает, как поведет себя человек, глядящий в лицо смерти?

Мы шли по дикой местности, почти такой же запущенной, как в заповеднике, но к полудню встретили одинокую ферму.

Здесь еще одна трагедия. Как и на станции мутантов, в загонах оставался скот. Животные почти все погибли. Мы освободили двух еще живых тягловых животных — они съели всю траву в своих загонах, — накормили, напоили их и выпустили на волю. Я подумал, что если на обратном пути найдем, хорошо бы прихватить их с собой.

Что же касается мелкого скота и птицы, им уже нельзя было помочь. Дом был пуст, и мы не знали, что случилось с хозяином и его семьей. Грабители в доме не побывали. Мрачное начало, у которого нет и не может быть светлого конца. Мы поплелись дальше, придерживаясь, насколько можно, дороги. Она была нам нужна, как связь с безопасным прошлым, с цивилизацией Белтейна.

Мы почти не разговаривали, пока Тед не выпалил:

— Ты думаешь, все... все погибли, Вир?

— Возможно.

— Беженцы тоже?

— Те, что в хоппере, были мертвы. Наверно, высвободили нечто, с чем не справились.

Тед остановился и посмотрел мне в глаза.

— Нам лучше... все узнать?

— Придется.

Положение Теда в Кинвете было почти таким же, как мое. Его родители погибли в неудачном лабораторном эксперименте, воспитывался он в семье Дрексов, родственников отца. Близких не потерял, но это не значит, что он был так же далек от всех, как я. Он ведь не относился к семье работника службы безопасности.

— Ты прав, — неохотно согласился он. — И что же мы будем делать, если это правда? Да, знаю, включим портовой сигнал. Кто знает, когда его услышат?

— Корабельный закон, — коротко ответил я.

— Корабельный закон? — повторил он. Потом понял: — А, ты имеешь в виду правило космических кораблей. Создадим колонию, как если бы высадились на необитаемой планете. Но мы ведь не уцелевшие после кораблекрушения.

— Очень похоже на то. И у нас для начала есть больше, чем у переживших кораблекрушение. Нам принадлежит все, что здесь осталось. Это наше — без всякого сомнения.

— Машины не будут работать вечно. Большинство из них мы даже не сможем обслуживать. А когда все остановится...

Да, мы будем предоставлены сами себе. Надо закрепиться до того, как остановятся машины. Это значило заглядывать на годы вперед, а я все еще не хотел — пока не припрет. Думаю, Теду такие мысли нравились не больше, чем мне. Он замолчал. До конца дня мы говорили немного и только о том, что встречалось по пути. Мы заночевали у ручья в небольшой роще. Костра не разводили. Дежурили по очереди, утром съели чрезвычайный рацион и отправились дальше.

К полудню мы подошли к знакомым полям. Скот бесцельно бродил на свободе. Несколько животных с жалобными криками пошли за ними, но мы прогнали их, так как не хотели привлекать к себе внимания.

И вот мы в Кинвете — в том, что когда-то было Кинветом. На лентах я видел картины военных разрушений на других мирах, но значили они для меня не больше, чем художественные или исторические ленты, — на них события, которые прямо тебя не затрагивают. И то, что я увидел здесь, подействовало, как удар в лицо. Обгорелая изрытая земля, остатки домов и лабораторий, которые мы знали всю жизнь. Ни один ориентир не остался цел, чтобы напомнить о поселке. Как будто все, сделанное людьми, раздавили ударом гигантского кулака.

— Нет! — У Теда вырвался стон. Он не побежал туда, в зону разрушений; смотрел на меня с искаженным лицом.

— Что...

— Должно быть, это мы слышали в пещерах.

— Но почему?

— Вероятно, мы никогда не узнаем.

— Я... я... — Он размахивал шокером, как будто это был бластер, а перед нами — преступники, совершившие это.

— Побереги заряды... они нам еще понадобятся.

Обещание возмездия на него подействовало.

— Куда теперь?

— В порт.

Но я не надеялся, что там лучше. Мы собирались остановиться в Кинвете, но теперь даже близко к нему не хотелось подходить. Мы пошли быстрее, чем раньше, стараясь как можно дальше уйти от этого страшного места. Уже давно стемнело, когда мы заночевали в сарае на краю поля, — в нем обычно

хранили урожай. Между Кинветом и портом раскинулись почти сплошь возделанные земли. Наступала пора уборки урожая. Жатва уже началась, потому что на некоторых полях мы видели только стерню, хотя нигде не было ни мешков с зерном, ни полевых роботов. Вероятно, нам придется позаботиться об урожае. Тут слишком много его для нашей маленькой группы, но я не мог допустить, чтобы он погиб. С начала войны нас приучили беречь каждое зернышко.

На следующее утро мы подошли к окраинам Етхолма. Возможно, поселок не пострадал, как Кинвет, но в пещерах мы ощутили не один бомбовый удар. На обратном пути можно заглянуть и в Етхолм, и в Хайчекс, но сейчас важнее порт. Мне показалось, что если кто-то выживет, то он будет в порту.

Мы шли быстрым шагом, которому учат рейнджеров. Переход, отдых, опять переход — рейнджеры переняли эту манеру у службы безопасности. Это самый быстрый способ передвижения пешком, а полями так можно идти долго. Но мы были еще за пределами порта, когда увидели две металлические колонны, устремленные в небо.

— Корабли! — воскликнул Тед.

— Тише!

Я схватил его за руку и потянул в кусты, отделявшие одно поле от другого. Теперь нужна вся скрытность и хитрость. Несомненно, не правительственные корабли, но и не корабли вольных торговцев — эти могли приземлиться, только если их заставили.

— Патруль? — не утверждение, а вопрос.

Теперь мы крались, перебегая от одного укрытия к другому. Может, мы ошибаемся: поселенцы подали сигнал и корабли прилетели на выручку. Если так, мы в безопасности. Но я решил ничего не принимать на веру. У ворот, ведущих в порт, следы беспорядка и борьбы. Следы огня, расплавленные участки — здесь использовали лазер. Мы миновали разбитые хопперы, флиттер, ударившийся о крышу дома. Но ни звука, ни следа живого. Наконец мы добрались до ворот и спрятались за хоппером, искореженным лазером. Я достал бинокль.

Корабли долго находились в космосе — это было видно по состоянию их бортов. Ближний к нам больше не поднимется. Его дюзы сильно изувечены. Я удивился мастерству пилота, посадившего корабль с такими дюзами. Он, должно быть, сам

потерял речь от такой удачи. На обоих кораблях полустертые надписи. Какие-то вооруженные силы. Корабль беженцев здесь не приземлялся — но, может, это те два, что последовали за ним и требовали тех же условий? Люки открыты, трапы спущены, но ничего не движется. Я бросил взгляд на один трап, долго смотрел на него, потом поднялся.

— Что, Вир?

— На трапе мертвец. Думаю, можно не бояться кораблей. Пошли в здание порта.

Мы не приближались к кораблям, но достаточно приободрились, чтобы в открытую пройти по полю к зданию администрации. Мягкие подошвы наших лесных ботинок не производили никакого шума в залах, где недавно стучали космические сапоги. Здесь были следы запустения еще до катастрофы — закрытые двери, секции зала, где уже давно никто не ждал разгрузки, не собирались инопланетные пассажиры — так было уже много лет. Терминал напоминал памятник — не мертвому герою, а мертвому образу жизни. Я обнаружил, что дрожу, несмотря на удушливую жару. Наша первая цель — центр связи. Здесь царил дикий беспорядок. Все свидетельствовало о схватке. Приборы изрублены лазерными лучами, на полу засохшая кровь. Видны были и попытки восстановить центр. На одном столе лежали инструменты, проводка обнажена. Думаю, это передатчик сигналов кораблям на орбите.

Но ремонт едва начался, и даже если бы я мог, я не знал, как его продолжить. То, что мы искали, находилось дальше, в небольшой комнате. Перешагивая через обломки, мы пошли туда. Дверь сопротивлялась, пришлось нам обоим нажать изо всех сил. Она заскрипела и открылась. За ней, на помосте, находился космический маяк — когда-то находился! Осталась же от него масса расплавленного металла, вряд ли нужного кому-нибудь на Белтейне.

— Нет маяка, — после долгого молчания сказал Тед. — Здесь тоже сражались.

— Кто-то, наверно, хотел включить его, но был пойман...

Хоть я и не верил в помощь из космоса, но теперь ощутил утрату; все вокруг будто потемнело; разорвалась последняя нить, связывавшая нас с прошлым миром. Я повернулся и, так как Тед не сразу пошел за мной, а продолжал смотреть на оплавленную глыбу, положил руку ему на плечо.

— Идем. Сейчас это бесполезно. Есть еще одно место в здании, куда я должен зайти. Тоже не за помощью, а за ответом на вопрос. Но этот ответ мне нужен.

Здесь должен быть ключ к происшедшему. Сюда отовсюду ежедневно приходили рапорты, и хранились они в памяти компьютера. Если он не уничтожен, можно найти самые последние сообщения и узнать, что произошло. Я сказал об этом Теду, и мы, минуя разрушенный центр связи, побрели в поисках банка данных Белтейна.

Глава пятнадцатая

Я ожидал увидеть и компьютер разрушенным, но нет: либо схватки здесь не было, либо никого не интересовали записи. Подойдя к пульту управления в центре комнаты, я принялся изучать кнопки на панели. Переднюю стену занимал экран, он давал визуальные ответы на вопросы. А в стены были встроены реле, содержащие не только полную историю планеты от Первой Посадки, но и доклады всех лабораторий. Большинство из них закрыты, а код доступа к информации мне не известен. Я заколебался. Какая комбинация выдаст нам сведения о происшедшем в последние дни? За неимением лучшего набрал ключевое слово «беженцы»: ведь именно прибытие первого корабля беженцев вызвало все последующие события.

— Четвертый день, шестой месяц, сто пятый год после Первой Посадки...

Запись неожиданно громко прозвучала в помещении; я уменьшил громкость. Продолжалось перечисление фактов — корабль беженцев запросил разрешение на посадку, она разрешена на севере. Было добавлено несколько данных о новом поселке. Затем говорилось о появлении новых кораблей, опять просьбы о посадке, встреча между представителями кораблей и Комитетом, решение о всеобщем голосовании. Пока что все это мы знали. Но дальше начиналось неизвестное. Я наклонился вперед, слушая, что было дальше.

— Двенадцатый день, седьмой месяц, сто пятый год после Первой Посадки. Всеобщим голосованием решено разрешить посадку еще двум кораблям, при условии, что их больше не будет. Результаты голосования: 1200 на 600.

Голос замолк. Похоже, это все, что хранится в памяти компьютера о беженцах. Можно поискать в другом месте... Я снова набрал код и ждал.

Ответ был закодирован — серия чисел и упоминаний, понятных только тому, кто составлял код. Так продолжалось некоторое время, затем...

— Сектор четыре — пять. Рано утром прибыл отряд беженцев. Просят медицинскую помощь. Силой захватили доктора Ремерса. Оставили охрану. Убиты Лойенс и Меттокс. Лаборатория Райтокс разграблена. Большая часть персонала под стражей. Предупреждение: они захватили отчеты о старых экспериментах...

Опять последовал код — серия чисел. Я на всякий случай запоминал их, сделав знак Теду. Он кивнул, губы его зашевелились: он тоже старался запомнить. Голос оборвался внезапно, и мы услышали шорох перематывающейся ленты.

— 6 — с — р — т — текс — ру — 903, — повторил я.

— Да, — согласился Тед.

Оставалось проверить, имеется ли информация, соответствующая этому коду. Я набрал команду.

— Закрытая информация, — послышался голос, на табло вспыхнул красный сигнал. Я знал, что в помещениях, некогда занятых службой безопасности, звучит сигнал тревоги. Но теперь никто на него не ответит, не прибежит охрана для проверки.

Дав сигнал предупреждения, машина готова была выдавать информацию. Большей частью это были непонятные нам формулы, но потом послышалась обычная речь:

— Высоколетучее. Нестабильно. Не рекомендуется к использованию. Результаты испытаний. Возможности заражения: действует в течение сорока восьми часов. Никаких симптомов, кроме легкой головной боли. Вызывает мозговое кровотечение. Передается, пока жив зараженный; может передаваться только от живого к живому. Уничтожает только разумную жизнь до уровня... — Еще серия чисел, затем: — Информация закрыта, пятый уровень, двойной код. Мы уничтожаем все, кроме основной формулы, которая кодируется...

Конец. Тед придвинулся ближе, глядя на табло.

— Они, должно быть, нашли эту формулу. Но зачем?

— Лугард боялся этого.

Я рассказал Теду, что говорил Лугард о пиратских флотах, использующих биологическое оружие. Похоже, однако, что оружие вышло из-под контроля.

— Они его использовали, и все просто... умерли...

Думаю, что хотя Тед видел Кинвет и порт, в глубине души он не верил в конец Белтейна.

— Наверно, мы никогда не узнаем, что произошло, — сказал я, включая опять запись ежедневных событий.

Было еще два сообщения: одно из Хайчекса, второе из Кинвета, последнее было прервано на полуслове, хотя в нем не содержалось и намека на опасность.

Вот и все. Возможно, когда-нибудь мы вернемся сюда, попытаемся расшифровать коды или как-нибудь иначе добраться до банков данных. Сейчас на это нет времени. Я медленно встал, переводя взгляд с одной стены на другую. Огромное богатство знаний скрывается за ними, но большей частью это специальные сведения, они нам сейчас не помогут. Но есть еще кое-что... Я бывал тут несколько раз с поручениями и знал, чего хочу и где это находится. Подойдя к дальней стене, я набрал серию цифр. Послышались щелчки реле, и из углубления выпали две ленты зексро. Я подобрал их и хотел уже уходить, когда послышался еще один, более громкий щелчок.

— Пожалуйста, подпишитесь. Все требования на ленты должны быть подписаны.

Тед издал приглушенный звук — полусмех, полуплач. Это говорило о состоянии его ума. Но я повернулся и вставил большой палец в щель для снятия отпечатка, назвал себя, сказал, что я из Кинвета по официальной надобности.

— Прекрати! — Я схватил Теда за плечо и сильно потряс его.

— Подпись... — повторял он. — Подпись! Как будто ничего не случилось и ты пришел за припасами.

— Да!

Меня тоже поразило равнодушие программы. Планета умерла или умирает, а машина требует подпись, чтобы выдать две катушки ленты. Нам это внезапно напомнило весь окружающий ужас. Мы повернулись и побежали — прочь от этой неоконченной, а может, уже кончившейся истории, побежали по коридорам, по залам, прочь из здания, на поле, где молчаливые мертвые корабли указывали на звезды, от которых

мы, возможно, навсегда отрезаны. Снаружи чувства, охватившие нас в здании порта, слегка рассеялись. Солнце светило, дул прохладный ветер, мы вновь поверили, что живы. Хотя главная цель, ради которой мы пришли в порт, не выполнена, есть многое другое, что может оказаться полезным. Я решил посмотреть, что можно будет постепенно переместить в Батт. А если удастся найти флиттер в рабочем состоянии, нам вообще повезет. Легче было бы разойтись, действовать поодиночке и встретиться в условном месте, но мы не хотели этого. Не хватало решимости бродить в одиночку по городу, населенному мертвецами.

То, что нам нужно, может находиться лишь в нескольких местах — в парке для действующего транспорта, в пакгаузе инопланетной техники (впрочем, он, вероятно, пуст), в мастерской, где ремонтировали транспорт, и на общем складе. Я перечислил эти места, Тед согласился. Но остатка дня на поиски не хватит, и мы решили переночевать в пакгаузе. Заходить в жилые дома не хотелось.

Машинный парк нас разочаровал. Как и в Фихолме, здесь большинство флиттеров и хопперов было методично уничтожено. Один или два уцелевших нуждались в ремонте. Впрочем, я решил, что со временем мы сможем привести их в рабочее состояние. Больше всего угнетала тишина. Да, шелестел ветер, мы слышали крики птиц (слишком много птиц для населенного места), время от времени — шаги животных. Но нам все время хотелось оглянуться. Странное чувство, как будто из комнаты, в которую мы вошли, люди только что вышли; кто-то исчез за углом за секунду до нашего появления. Напряжение росло, пока Тед не выразил его в словах:

— Они здесь! — это был не вопрос, а утверждение.

— Нет, мы ведь никого не видели.

Но я тоже чувствовал, будто за нами следят. Неужели это потому, что здесь много мертвецов? После парка мы осмотрели пакгаузы, где разгружались корабли. Я смутно помню, как мальчишкой приходил сюда с отцом. Тогда это было шумное место.

Одновременно разгружались четыре-пять кораблей, привозили технику, увозили продукты, произведенные в наших лабораториях; все здание было забито грузами. Теперь оно пустовало. В дальнем конце — несколько тюков. Мы пошли

туда. В помещении было темно. И даже шелест наших шагов звучал здесь слишком громко.

— Грабители... — вдруг сказал Тед.

Он был прав. Остатки иноземных грузов разграблены. Мы увидели разбитые ящики, перевернутые тюки и опять бессмысленное уничтожение ненужного. Тщательный осмотр помог бы отыскать что-нибудь полезное, но транспорта у нас не было, а в рюкзаки мы намерены были класть только самое необходимое.

— Склад. — Я перешел к следующему пункту своего перечня.

— Там то же самое, — ответил Тед. — Нам нужно продовольствие...

И снова он прав. Я вспомнил, что завтракали мы давно. Зайдя в помещение, где вели переговоры таможенники и суперкарго, мы осмотрелись. В комнате две двери: одна, через которую мы вошли, вела в обширную пустоту пакгауза, другая — на улицу. Я открыл ее и выглянул — тишина. Закрывая эту дверь, опустил палец в кодовый замок. Не знаю почему, но после этого стало спокойнее. Мы нашли небольшую плиту. Очевидно, на ней кипятили кофе. А Тед, заглянув в ящик, обнаружил там банку с кофе и множество чашек. Должно быть, держали для официальных посетителей: на чашках были гербы всех поселков.

Я заметил, что Тед выбрал чашки мало знакомых нам поселений — они находились за горами. Я отмерил порцию кофе и поставил кофеварку на плиту. Хорошо заниматься чем-то привычным. Сидя в ожидании кофе по обе стороны письменного стола, мы старались не смотреть друг на друга.

— Что теперь? — первым нарушил молчание Тед.

— Вернемся в Батт.

— Ты думаешь, мы... мы здесь одни?

— Может, кто-то остался на севере, но сомневаюсь. Они тоже прибыли бы в порт.

— А беженцы?

— Тоже были бы здесь, у кораблей — если бы выжили.

— Наверное, ты прав. — Он через плечо оглянулся на дверь в пакгауз, которую мы оставили полуоткрытой. — Не могу подавить чувство, что тут кто-то есть. — Он заговорил быстрее: — И не хочу встретиться с этим.

Он отхлебнул кофе, продолжая прислушиваться. Я знал, что он имеет в виду.

Мы разложили одеяла на полу — жесткая постель, но нам подходит: здесь, по крайней мере, нет «привидений». Конечно, в порту отыскались бы более удобные постели, но в эту ночь они не для нас.

Хотя ничего не говорило о необходимости дежурства, мы все же решили спать по очереди. Теду выпало дежурить первым, и я завернулся в одеяла. Мы выключили свет, предпочитая полутьму: из пакгауза пробивалось освещение. Я думал, что не усну, однако уснул сразу же — и проснулся от прикосновения Теда. Рукой он зажимал мне рот, требуя тишины. Проснувшись окончательно, я тоже услышал это. В пакгаузе звучали шаги, и только космические сапоги могли произвести такой стук. Один человек... нет... кажется, я слышу шаги еще двоих. Тед прошептал мне на ухо:

— Они пришли с поля. Я слышал, как там сел флиттер.

Мы подкрались к двери и заглянули в пакгауз. В дальнем конце, где лежал разграбленный груз, светил фонарь. Мы увидели там две фигуры. Итак, мы не одни... Тед снова прошептал:

— Думаешь, они ищут нас? Знают, что мы здесь?

— Нет... Иначе они напали бы, — ответил я. — У них преимущество в оружии, они без труда захватили бы нас.

Похоже, они что-то искали в разбитых контейнерах. Действовали торопливо, как будто их поджимало время или что-то пугало.

Если они заражены вирусом, то это ходячие мертвецы. Они об этом знают — видели другие жертвы. И они для нас большая угроза, чем если бы охотились за нами с лазерами.

— Собираемся и уходим, — прошептал я. — Не оставляй ничего, что выдало бы наше присутствие.

Мы стали осторожно собираться. Тед поставил чашки в ящик, я закрыл плиту в шкаф. Мы не осмеливались зажигать свет, но мне показалось, что поверхностный взгляд не обнаружит следов нашего присутствия. Я открыл наружную дверь, и мы выскользнули на улицу. Когда мы уже поверили, что благополучно ускользнули, сзади послышался крик. Мы уже на квартал ушли от пакгауза, и теперь нам оставалось обогнуть посадочное поле и выйти за город.

— Лазеры! — предупредил я Теда, и мы укрылись в подъезде дома.

Дверь подалась, и мы чуть не упали в прихожую. Я мгновенно закрыл дверь. Ее легко прожечь, но даже для этого нужно время. Тед споткнулся обо что-то в темноте и чуть не упал. Он дико закричал и метнулся мимо меня внутрь. Я на мгновение зажег фонарь, взглянул — и так же быстро побежал за ним.

Прихожая заканчивалась гравилифтом, но я свернул в дверь налево и потянул за собой Теда. Мой выбор был вознагражден — большое окно. Оно открыто, и нам потребовались считаные секунды, чтобы вылезти через него в сад, чуть ли не в садовый пруд. Садик окружен виноградником, таким густым, что только лазер мог прорезать эту стену. Но сила страха и отвращения была такова, что мы, не обращая внимания на царапины и уколы, взобрались на ограду и через нее вывалились наружу — снова на улицу. И снова услышали отдаленные крики — скорее не сигналы тревоги, а вопросы. Они считают, что мы из их отряда? Если так, почему мы бежали — или с началом эпидемии люди стали бояться друг друга?

Я на мгновение растерялся. Куда идти? Подальше от порта в открытую местность — в этом наше преимущество. Я сказал об этом Теду.

— И куда потом — назад в Батт?

— Нет. Они могут нас выследить.

Хотя там есть защита, я слишком многое видел в порту, чтобы на нее рассчитывать. Мы побежали по улице, держась в тени. Теда на мгновение осветило прожектором, прежде чем он упал на землю.

— Эй!

Не испепеляющий луч, которого мы ждали, а просто оклик. Значит, нас преследуют не враги, а наши? Но я же слышал стук космических сапог в пактаузе.

— Подождите! — снова оклик вместо огня.

Но мы не стали ждать. Я рывком поднял Теда, и мы скользнули между двумя зданиями, стараясь, чтобы между нами и преследователями было какое-нибудь строение.

— Флиттер! — выдохнул Тед.

Нельзя ошибиться, услышав звук взлетающего флиттера. Мы инстинктивно пригнулись, стараясь раствориться в тени, чтобы нас не увидел пилот. Флиттер скользнул над ближай-

шей крышей и полетел вдоль улицы, которую мы только что покинули. Может быть, забрать тех, что искали нас?

— Пошли!

Мы пользовались любой хитростью, чтобы запутать преследователей. Поразительное зрелище увидели мы, когда оглянулись. В порту вспыхнуло освещение. Я с детства не помню такого блеска — здесь всегда экономили энергию. Должно быть, они считают, что мы там где-то прячемся.

— Они не стреляли, — заметил Тед. — Почему?

— Может, с них хватит убийств, — мрачно предположил я. — Или мы оказались слишком далеко, когда они поняли, что мы не из их числа.

— А может, это наши?

— Наши не могут быть в космических сапогах — а именно их я слышал в пакгаузе.

— Что нам теперь делать?

— Повернем на север. Если они будут преследовать...

— Но как? Они с чужих планет, у них нет опыта.

— Им и не нужно. Нужен инфраскоп. А он у них есть. Поэтому мы будем держаться подальше от Батта, пока они идут за нами... или рыщут вокруг.

Инфраскоп — назначение у прибора доброе, но он поможет нас прикончить, если мы не уберемся подальше. Этих приборов множество в порту. Рейнджеры использовали их для наблюдения за животными. Их легко настроить на тепло человеческого тела — с их помощью отыскивали заблудившихся в заповедниках. И вот мы двинулись на север, в направлении, противоположном тому, откуда пришли. Я думал, как бы обмануть инфраскопы. Уйти под землю — да. Нужно держаться подальше от лавовой местности, чтобы не привести к Батту. Но в этих холмах тоже есть пещеры. У нас мало продовольствия и нет возможности возобновить запас. К рассвету мы далеко ушли в глушь, но флиттер легко нас догонит. Нужен отдых. Мы выбрали рощу с густым подлеском и сели. Тед спал первым, я караулил.

Под низко нависшими ветвями деревьев было прохладно. Я был уверен, что с флиттера нас не увидят. Но им и не нужно нас видеть. Если инфраскоп покажет, что мы здесь, им стоит только направить сюда лазер, и все будет кончено. Я услышал с юга звук приближающегося флиттера. Растительность здесь

густая, и если мы на время разделимся, они получат две цели. Я разбудил Теда.

— Что?..

— Пошли! — Я подтолкнул его вправо. — Идем на север... но не вместе.

— Хорошо!

Он надел рюкзак, и мы разошлись. Флиттер как будто висел над нами. Я напряженно ждал огненного луча. Вместо этого послышался громовой голос:

— Выходите! Мы не причиним вам вреда!

Они считают нас глупцами? Зачем им говорить с нами? С поселенцами они не разговаривали. Но они не стреляли, хотя флиттер по-прежнему висел над нами. Я слышал, как движется сквозь кусты Тед, держась на расстоянии от меня. Неужели эта нехитрая уловка сбила со следа наших преследователей? Или они почему-то не хотят больше убивать? Мы видели не только наших мертвецов, но и их. Может, просто их стало слишком мало? Или они ищут тех, кто работал в лабораториях и знает противоядие? Вероятно, истину я никогда не узнаю.

— Мы можем поджарить вас, — продолжал громкоговоритель, — прямо на месте. Вы это знаете. Мы этого не делаем. Выходите! Мы все в одинаковом положении — мы умрем, и вы умрете. Но вы умрете быстрее, если не выйдете!

Просьбы, потом угрозы, но явное нежелание их выполнять. Они хотят получить нас живыми, значит, мы им очень нужны. Местность спасла нас самым непредвиденным образом. Здесь, должно быть, находился небольшой заповедник для исследований. Кроны деревьев смыкались над узким рвом — скрытым подходом для наблюдений. Я споткнулся и упал в ров, а через секунду услышал звук падения Теда. Ров искусственный, он вымощен. Края его выше головы. Я свистнул, как древесная ящерица, и услышал ответ Теда. Он подошел ко мне. Мы пробирались в темноте, спотыкаясь о корни, нависшие ветви, опасаясь включать фонарь. К своему удивлению, я услышал, что флиттер улетает. Он уже не висит над нами. Неужели они отказались от преследования? Если мы им нужны живыми, то, пока мы во рву, они в затруднении. Возможно, ищут место для посадки, чтобы поискать пешком. Тогда преимущество на нашей стороне.

— Похоже, садятся, — сказал Тед.

Неудачный выбор — звук далеко от нас. Мы продолжали двигаться по рву. Должен же он где-то кончиться.

Глава шестнадцатая

Ров становился мельче, но над головой по-прежнему заросли. Дважды мы натыкались на наблюдательные посты, с сиденьями, с полками, на которых когда-то стояли приборы. По состоянию рва, по густым зарослям я решил, что это место давно уже не использовалось. Местность к северу от порта была мне незнакома. Это наименее населенная часть континента, небольшой участок возделываемых земель в глуши. Несколько постов безопасности, гарнизоны которых часто менялись. Проекты, первоначально тут осуществлявшиеся, давно оставлены. Где-то впереди начинаются холмы, переходящие в горы, через которые мы прошли. Там у нас было бы укрытие от флиттера: инфраскоп плохо действует на пересеченной местности.

Я больно ударился подбородком о какое-то препятствие, и мы оказались у конца рва. Я нащупал несколько ступенек. Флиттер уже какое-то время не слышен. Если преследователи приземлились, преимущество на нашей стороне: мы подготовлены, а они больше привыкли к космическим просторам.

— А мы сможем вернуться в Батт, если сейчас пойдем на север? — спросил Тед.

— Не сразу. Придется еще свернуть на запад.

— Там нет дорог.

— Да. Но дальше есть посты безопасности.

Посты, должно быть, разрушены. Я вспомнил, что мы видели на экране в Батте. Рогатый бородавочник, привычно сидящий в кресле и глядящий на нас. Дрожь пробежала по спине. Мы выбрались на старую дорогу.

— Куда теперь? — Тед придвинулся ближе. — Мы... мы в лесу?

Неуверенность его имела основания. Видимость почти нулевая. Я нащупал упругую стену кустарника. Проведя руками вверх, обнаружил, что кусты смыкаются над головой, образуя крышу. Такие незаметные подходы для наблюдателей устра-

ивались в заповедниках мутантов. Но заповедник мутантов на севере? Ведь они все за горами. Впрочем, мы многого о Белтейне не знаем. В последние годы было столько закрытых проектов... многие из них позже оставлены... сотни заповедников могут скрываться в отдаленных районах континента, а поселенцы о них не подозревали, да это их и не интересовало. Я осмелился включить фонарь, зная по прошлому опыту, как хорошо сооружаются такие тайные подходы. По обе стороны туннель, образованный растительностью. Она держится на сетке из специальной стали, которая способна долгие годы сопротивляться воздействию. Стены не менее прочны, чем у домов в поселках.

Направо или налево? Компас подсказал — налево. Никакой флиттер не обнаружит нас сверху. Если все устроено, как в других заповедниках, вверху расположены полосы, искажающие показания инфраскопа. Нам повезло с этим безопасным путем... Меня продолжало удивлять, что такое сложное сооружение находилось рядом с портом и о нем никто не знал. Я не читал информационные ленты, как Гита, но считал, что все знаю о заповедниках.

— Что... что это?

Тед придвинулся ближе. Он шел за мной, едва не наступая на пятки.

— Похоже на пункт наблюдения за мутантами. Но вот где... среди заповедников такой не значится. Ага!

Мы зашли в тупик, но я знал, как тут действовать. Передав Теду фонарь, я порылся в ветвях и отыскал дверцу. Открылась она с трудом — ею уже несколько лет не пользовались. Ветви расступились, лианы разорвались, и мы выбрались наружу. Перед нами то, что мне меньше всего хотелось увидеть, — открытая местность, к тому же болотистая. Заросли тростника почти с деревья высотой. На них все еще летняя листва, которая подхватывает малейший порыв ветра. Она всегда в движении, шуршит, листья сталкиваются, обнажаются спелые плоды. Вдобавок к тростникам — гротескные груды хортала, гриба, образующего огромные наросты и быстро отмирающего; в оставшихся наростах селятся различные животные и птицы. Здесь опасно просто потому, что никогда не знаешь, когда кусачий или жалящий обитатель придет в ярость. Каменистая тропа вела прямо в болото, заросшее, обесцвеченное водо-

рослями и мхами. Над лужами с илистыми краями, с грязной водой, как дьявольские зеленые свечи, танцевали болотные огоньки. Так непохоже на Белтейн, который я знал, как будто мы, пройдя через туннель, попали в другой мир.

— Мы пойдем туда? — спросил Тед.

Раньше этой дорогой часто пользовались, но мне этого не хотелось. Конечно, можно вернуться и исследовать другой конец туннеля, хотя он ведет в противоположном направлении. Тяжелые испарения болота достигли обоняния; тростники зашумели на ветру. Тут даже днем опасно ходить, решил я. И уже хотел повернуть назад, когда услышал возгласы из туннеля. Должно быть, наши преследователи упали в траншею. Значит, они по-прежнему идут за нами. Повернув назад, мы попадем им в руки.

Я стал внимательно изучать каменистую дорожку. Насколько можно судить, она идет по какому-то возвышению. Ни разу не исчезает в болоте, ни в одном месте не перекрывается растительностью. И тут, удивленный, я понял, что, несмотря на сумерки, ясно вижу каждый камень дорожки; они как будто были покрыты фосфоресцирующим материалом. Дорожка сделана так, что видна в темноте. Значит, она предназначалась для наблюдения за ночными животными?

— Придется идти туда, — решил я. И сделал первый шаг.

Наши преследователи обуты в сапоги с металлическими подошвами, им тут будет нелегко: камни покрыты чем-то скользким. Наши мягкие башмаки несли нас устойчиво, конечно, если мы не слишком торопились. Некоторое время мы двигались прямо в болото, и его гнилые испарения окружили нас. Тростники стали гуще и, когда дорога свернула влево, совсем заслонили ту ее часть, что мы миновали.

Наши глаза привыкли к темноте, и свечения камней вполне хватало. Я не пользовался фонарем. Мы уже далеко углубились в эту печальную местность, когда набрели на остров, высоко поднимавшийся над уровнем болота. Пять камней образовали лестницу, ведущую от дороги на его поверхность. Остров был искусственно выровнен, хотя растительность свидетельствовала, что его уже несколько лет не посещали. В центре несколько загонов напоминали знакомую нам станцию мутантов — место, где содержат животных, прежде чем выпустить в естественную для них среду обитания.

Вероятно, это тупик, и я подумал, что сделал неправильный выбор. Тратить время на пересечение острова мы не стали. Там опять каменные ступени, ведущие к посадочной площадке. Площадка окружена стеной из светящихся камней, рассчитанных, очевидно, на то, что их видно с воздуха. Почему было нужно доставлять сюда груз по ночам? Никакой другой причины не могло быть.

Мы обошли стену с трех сторон. Никакого выхода. В конце концов я решился включить фонарь и осветил пространство за стеной, пытаясь найти проход через болото. Фонарь осветил гряду, похожую на ту, по которой шла дорога, но невымощенную. Если это продолжение дороги, она нас выдержит. Хотя, конечно, риск есть. Мы вернулись к загонам. Впервые я заметил небольшое сооружение из проволочной сетки, затянутой растительностью. Дверь его открыта, вход весь перевит лианами, преграждавшими путь. Мы расчистили его. Осторожно осветив внутренность, я решил, что это сооружение должно так же сливаться с местностью, как все наблюдательные пункты рейнджеров. И это всего лишь временное убежище. Как и строение в горах, оно было лишено мебели, если не считать двух коек, встроенных в стены и покрытых неприятной на вид плесенью.

Сильно пахло сыростью. Тед вскрикнул, и я уловил справа вспышку шокера. Фонарь осветил существо, дергавшееся, пока луч не подействовал полностью; тогда оно затихло, выставив брюхо и обнажив могучие когти. Сам по себе кос-краб очень опасен. А тут за ним виднелась паутина, и в ней что-то двигалось...

— Назад!

Я попятился, Тед за мной. Целое гнездо крабов! Не знаю, кто еще здесь обитал, но у меня не было никакого желания это узнавать. Придется повернуть назад — но, выйдя из сооружения, мы услышали звук и увидели вверху свет прожектора. Флиттер выследил нас!

Я отстегнул фонарь и бросил его в хижину. Пусть кажется, что внутри кто-то есть.

— Пошли!

Мы побежали к посадочной площадке, через стену, к гребню, который, возможно, ведет на ту сторону болота. Если нас ищут не по инфраскопу... но на такую удачу нечего рассчи-

тывать. Может, увидя свет, они задержатся у хижины. Теперь приходилось идти ощупью, а это было опасно. Но спустя короткое время почва под ногами стала совсем твердой. Ножом я срезал ветку и стал ощупывать ею дорогу в поисках незаметного поворота. Призрачные болотные огни горели тут и там, давая слабый свет. Сзади донесся шум садящегося флиттера. Я вздохнул с облегчением. Они увидели посадочную площадку и сели, возможно, привлеченные светом в хижине. Значит, их инфраскоп больше не действует, иначе они поняли бы, что это обман.

Неожиданно мой прут провалился. В панике я стал щупать им направо и налево, надеясь, что это просто поворот, а не конец безопасного пути. Действительно, слева я нащупал продолжение твердой поверхности. Теперь все держалось на нервах. Напряжение становилось все сильнее, тропа шла не прямо, а сворачивала то направо, то налево, то снова направо. Каждый поворот вызывал страх, что мы подошли к концу. Я решил, что это возвышение искусственное, сделано для какой-то цели, хотя оно и не было вымощено. Оно слишком извивалось, чтобы быть естественным. Болотные огни остались позади. Мы по-прежнему двигались сквозь болотное зловоние, какие-то существа ускользали из-под ног. Каждое мгновение мы ждали, что они перестанут убегать и загородят нам проход. Наконец гребень привел нас к маленькому озеру. Я услышал удивленное восклицание Теда и повторил его.

Мы увидели огни — не болотные огоньки и не фонари или прожекторы, как на флиттере. Это было бледное свечение, похожее на свечение камней на дороге. Камни! Светятся камни! Из них сложены грубые столбы и расставлены там и тут. Между столбами, поднимавшимися над темной поверхностью воды, — насыпи, слепленные из грязи и тростника.

— Рогатые бородавочники! — полушепотом воскликнул Тед.

Да, рогатые бородавочники. Но я никогда не видел такого их поселения. Обычно они живут поодиночке, одно озеро занимает одна семья. А здесь я насчитал не менее двадцати насыпей со столбами между ними. Водная поверхность спокойна. Похоже, по виду ближайшей насыпи (в ней чуть выше поверхности виднелось входное отверстие), что они оставлены. Но все же картина была так далека от нормы для этого вида,

что я почувствовал беспокойство. На Белтейне быстро привыкаешь обращать внимание на все необычное. Узкая тропа проходила рядом с одним из столбов. Действительно, искусственное сооружение, камни скреплены той же смесью грязи и растительности, из которой слеплены жилища животных. Это сделали рогатые бородавочники? Но как? У них не хватило бы интеллекта для сооружения такой системы освещения. Камни одинаковые, точь-в-точь такие, как на дороге, ведущей к острову. Я опустился на колени и пощупал землю. И нащупал углубления, хотя они сгладились за несколько лет. Столбы сооружены из покрытия дороги! Осторожно поглядывая на насыпи куполы, мы продвигались вперед. Кое-что обнадеживало. Бородавочники любят селиться у воды, но в болотах не живут: они питаются тем, что растет в сухих местах. Значит, мы на краю болота.

В серых предрассветных сумерках мы вышли на твердую землю, оставив позади болото. Флиттера не слышно. Дорога, проведя нас через трясину, неожиданно кончилась еще одной посадочной площадкой. Я осмотрелся в поисках пещеры или какого-нибудь убежища. Мы падали с ног от усталости и без отдыха далеко не уйдем.

— Вир!

Я повернул голову. Тед указывал на утес впереди.

— Вир! Иопей!

Я тоже увидел его — голова с широким клювом, ярко-оранжевое и белое оперение. Иопей взлетел, упал вниз и, казалось, исчез в скалах. Мы двинулись туда. Гнезда иопея, сделанные из смеси перьев, мха и секреции специальной железы, всегда находятся у входа в пещеру. Гнездо внутри, а сама птица охотится за насекомыми снаружи. Нам повезло, что мы ее вообще увидели. Если бы не иопей, мы никогда не нашли бы пещеру: вход закрывала нависающая скала. Нужно было протискиваться в узкую щель. Мы оказались в полутемной пещере с песчаным полом. Это не лавовая местность, поэтому туннелей нет. И я не собирался идти вглубь. Здесь мы в безопасности от инфраскопа. Можно посветить фонарем. Узкий вход напоминал горлышко бутылки. Пещера оказалась очень странным местом. В своих блужданиях по лавовым пещерам мы видели немало необычного, но здесь было кое-что новое.

С пола поднималась густая поросль чисто белой раститель-

ности высотой до колена. Она выросла из семян, принесенных иопеями, чьи бормочущие крики у нас над головой напоминали стоны. Некоторые побеги высохли и погибли, другие еще боролись за свою обреченную жизнь. Тед перевел фонарь от этой призрачной растительности на птиц, которые беспокойно зашевелились в гнездах.

С пола послышался другой звук. Тед успел осветить мохнатый зад с пушистым хвостом — ткач-брод. Хвост торчал из громадного гнезда, сплетенного частично из высохших побегов призрачных растений, частично из принесенных снаружи кусочков. Все сооружение достигало высоты талии человека, оно крепилось к дальней стене и было изготовлено не одним поколением бродов. Характерное травяное плетение кое-где смялось и порвалось, но было ясно, что гнездо по-прежнему обитаемо.

Мы обошли призрачную растительность, гнездо бродов и угол, где гнездились иопеи, — там стены и пол были покрыты неприятно пахнувшими пятнами. Оставалось узкое пространство, на котором можно было прикорнуть. Фонарь продолжал светить, беспокоя птиц, пока мы ели. Затем я достал карты и принялся обдумывать план дальнейших действий.

Дежурили мы по очереди. Еще дважды ели. Иопеи постепенно привыкли к нашему обществу и, когда мы выключили фонарь, принялись вылетать и влетать. Судя по моим часам, мы провели в укрытии полтора дня. Я надеялся, что преследователи отказались от поисков. Оставаться здесь слишком долго я тоже не хотел: боялся, что они полетят на юг и найдут Батт. Мы поняли, как было глупо с нашей стороны пользоваться коммом. Если Аннет в наше отсутствие возобновит такие же попытки, результаты могут быть самые печальные. Последние часы в пещере были трудными: очень хотелось двигаться. Наконец вслед за иопеями мы выбрались из полутьмы. Пока никаких признаков слежки. Теперь приходилось двигаться по компасу на юго-запад. В этой местности нелегко выдерживать направление — повсюду холмы.

Мы обогнули болото в первую ночь. Светила луна, иногда слишком ярко. Не нужно было нащупывать каждый шаг, поэтому мы продвигались быстро. Я продолжал искать следы бородавочников. Поселение было рассчитано на множество этих животных, и они должны были оставить заметный след,

ведущий из болота. Когда мы наконец набрели на эту их «дорогу», я был, несмотря на все свои предположения, поражен шириной и глубиной пространства, испещренного следами их когтей. Тут вполне могла пройти машина; дорога шла в углублении, вытоптанном поколениями этих существ. Я не интересовался, куда она идет. С меня достаточно и следов, хотелось побыстрее оставить их позади. В одиночку рогатые бородавочники не опасны, но стада (а раньше они никогда не водились стадами) следует избегать.

Мы быстро шли, пока болото не осталось южнее, и тогда повернули на запад. Все время ожидали услышать звук флиттера, но его все не было; мы несколько успокоились, но не настолько, чтобы попасть в ловушку. Инфраскопа у меня не было, зато имелось нечто, развивающееся у каждого рейнджера, иначе ему просто нечего делать в этой службе, — шестое чувство опасности. Дойдя до поворота за выступ скалы, я неожиданно остановился и рукой преградил дорогу Теду. Вместо того чтобы идти вперед, я отступил, потянув за собой Теда. Прислушался, стараясь ощутить чужой запах. Ни следа опасности впереди — и все же я знал, что нас впереди поджидают.

Последним рывком я упал в расщелину, частично подмяв под себя Теда. Мы долго лежали, прислушиваясь. Не знаю, как они поняли, что ловушка не сработала. Возможно, все же пользовались инфраскопом. Их подгоняла необходимость, такая жестокая, что они решили действовать в открытую.

— Мы знаем, что вы здесь.

Голос гремел в скалах, как ранее в порту.

— Мы не причиним вам вреда. Нам нужна ваша помощь — клятва перемирия.

Клятва перемирия? Да, некогда давались такие клятвы и даже выполнялись. Но после того, что произошло на Белтейне, после того, что мы видели, никакого доверия к их «чести».

— Мы нужны вам, вы нужны нам... — продолжал голос, и в нем звучало отчаяние.

— Послушайте, мы безоружны. Смотрите...

Из-за скалы в лунный свет вылетело оружие. Со стуком ударилось о камень: бластер, два лазера и еще одно, незнакомое мне, но, несомненно, не менее, а может, и более смертоносное.

— Мы идем — у нас пустые руки — клятва перемирия...

Сначала я увидел их тени. Приготовил шокер и заметил, что Тед сделал то же. Их было трое, лица я не разглядел, они стояли спиной к свету. Двигались медленно, каждый шаг давался им с трудом. Шли, вытянув руки ладонями вверх. Один остановился и коснулся лба правой рукой. Я вспомнил симптомы болезни и застыл в ужасе.

— Давай, — шепнул я Теду, — на полную мощность!

Глава семнадцатая

Они рухнули, обрушились на землю, как будто были слеплены из глины, растекающейся под напором воды. Они не умерли, но на время их можно было не опасаться.

— Тед, стой! — резко приказал я, потому что он двинулся к неподвижным телам.

Не знаю, каковы признаки болезни и есть ли видимые признаки, но то, что эти люди так упорно шли за нами, было предупреждением. Я считал, что есть только одна причина этого — они знают, что мы местные, и думают, что можем усмирить демона, которого они выпустили.

— Передается от живых, — напомнил я Теду, когда он вопросительно взглянул на меня. — Возьмем их оружие и уйдем, прежде чем они...

Он кивнул и подобрал лазер и бластер, а я остальное. Мы осторожно обошли лежавших.

— Флиттер, — сказал Тед.

— Да.

Если мы найдем их транспорт и заберем его, то не только оставим их пешими, не способными следить за нами, но и ускорим свое возвращение в Батт. Мы не слышали звуков посадки, но это не значило, что флиттер не стоит где-то поблизости, поэтому мы принялись за поиски. Я не знал, сколько времени будет действовать на них шокер. Люди на него реагируют по-разному. Но, захватив оружие, мы контролируем ситуацию. У них остается только один вид вооружения, но очень страшный, если они поймут это. Им достаточно коснуться нас, и мы мертвы, хотя некоторое время будем еще ходить, говорить, казаться живыми. Мы поднялись на холм, у подножия которого шли. С высоты я тщательно осмотрел окрестности и

увидел то, что мы искали, на небольшой лужайке за одним из холмов.

Я принялся разглядывать флиттер в бинокль. Дверь кабины открыта — и в траве лежит человек. Может, выпал из кабины или упал, стоя рядом. Но лежал он неподвижно и не под действием шокера. Я уверился в своем предположении — отряд нес с собой заразу. Но флиттер — можем ли мы им воспользоваться? Для нас он так много значил. И оставить его к услугам врага... Полет на юг приведет их к Батту. Итак, заражена ли машина?

— Он мертв? — Тед тоже увидел флиттер. — Зараза?

— Да. Если мы решимся взять флиттер...

Мы не знали численности их отряда. Внутри могут быть еще люди, мертвые или умирающие. Тед, глядя на флиттер, напрягся так заметно, что я уловил его удивление.

— Что случилось?

— Посмотри на хвост... возле красной травы.

Трава, на которую он указывал, была отчетливо видна на фоне тусклых листьев зика. Секунду или две я ничего не замечал, настолько хорошо прятался хищник. Потом он шевельнулся, и я сразу увидел отвратительную рогатую голову, нацеленную на неподвижное тело

— Рогатый бородавочник? — удивился я.

Он действовал так, как никогда не действуют бородавочники. Обычно эти животные не опасны, хотя их внешность внушает отвращение. Это амфибии, взрослые особи достигают метра в высоту. Их широкие морды с зияющей щелью пасти и тремя мясистыми наростами — один передний, там, где у человека нос, другие над выпуклыми глазами — крайне отталкивающи по нашим стандартам. Известно также, что бородавочники способны менять цвет кожи, сливаясь с окружением. Это робкие существа, предпочитающие свои болотистые логова, убегающие, когда их потревожат, хотя самцы вооружены когтями, в определенное время года ядовитыми. Они охотятся, выпрыгивая на добычу из укрытия, хватают жертву лапами с присосками и разрывают горло когтями.

Этот бородавочник был огромен. Я о таких даже не слышал. Голова, которая располагалась над согнутыми плечами под прямым углом, была шире и больше обычной. Зверь как будто приглядывался. Характерным прыжком он передвинул-

ся к хвосту флиттера, рядом с телом. Низко наклонился, покачивая головой, осматривая или принюхиваясь. Очевидно, удовлетворенный, он неожиданно вытянул передние лапы, положил их на дверцу и с видимым усилием неуклюже просунул внутрь голову. И оставался так некоторое время, тщательно осматривая внутренность флиттера. В бинокль мне была видна только его спина. Соскочив на землю, он снова обратился к человеку, щупая передними лапами его тело.

— Вир! Смотри, что он делает!

Я тоже видел. Болотное животное держало в лапе длинный нож. Свет отразился в металлическом лезвии. Бородавочник держал находку, изучая ее выпуклыми глазами. Все в его движениях свидетельствовало, что это не животное, а разумное существо, которое нашло нечто, способное в будущем принести пользу.

— Вир, но как?..

— Мутант. — Единственное возможное объяснение.

То, что я видел, плюс поселок в болоте... все это значит... Итак, были эксперименты с мутациями местных животных, а не только с привозными. Но с какой целью? Снова бородавочник принялся осматривать или обнюхивать мертвеца. Потом повернулся к флиттеру и сделал тщетную попытку залезть в кабину — это было настолько не похоже на его обычное поведение, что я с трудом перевел дыхание. Но приземистое тело помешало ему, хотя зверь прилагал большие усилия. Наконец он оставил свои попытки и двумя большими прыжками исчез в направлении болота. Нож он унес в пасти. Для нас он кое-что сделал. Его поведение у флиттера ясно показало, что в кабине никого нет. А машина нам нужна. Надев рюкзаки, мы спустились с холма. Шли не торопясь. И тщательно осмотрели лужайку, прежде чем выйти на нее.

Тело мы обошли так же, как и тех, оглушенных шокером. Проходя, я заметил, что мертвец одет в форму космонавтов. К какому союзу он относился, мы никогда не узнаем. Пока Тед караулил, я вслед за бородавочником заглянул внутрь. Флиттер был шестиместный, одна из больших машин из порта. За пассажирским салоном валялось множество ящиков, как будто экипаж занимался грабежом. Я протиснулся внутрь и сел в кресло пилота. Как я и думал, машина была на ручном управлении.

— Давай! — позвал я Теда.

Он повиновался без лишних движений, захлопнул за собой дверцу кабины и сел в кресло второго пилота. Я включил двигатель. Указатель энергии приближался к нулю. У меня не было времени на подзарядку в порту. Оставалось надеяться, что до Батта хватит. У меня небольшая практика в обращении с флиттерами. В последнее время на Белтейне больше пользовались хопперами. Тем не менее я поднялся в воздух всего лишь с одним-двумя толчками. И направился на юго-запад с наибольшей скоростью, какой мог достичь. Намного быстрее, чем в хоппере. Курс я проложил в обход порта, чтобы не насторожить врагов, которые, возможно, там оставались.

— Вир, — нарушил молчание Тед, — эти мутировавшие бородавочники...

— Да?

— Ведь о таких экспериментах никогда не сообщалось.

— Нет.

А сколько еще подобных секретов теперь обнаружится? Возможно, проводились такие эксперименты, о которых вообще нет информации, даже закодированной в памяти компьютера.

— А что, если есть и другие?

— Думаю, можно ожидать дальнейших сюрпризов.

— Но ведь мы теперь не можем рассчитывать на помощь извне. И...

— И нам придется жить на Белтейне вместе с мутантами, — закончил я. — Да, есть над чем задуматься.

— Батт в дикой местности, далеко от заповедников. Вир, как ты думаешь, мы сможем открыть пещеры вновь? База была бы безопасным местом...

— Да, если там нет опасных местных животных. Помнишь ледяную пещеру?

В общем, он был прав. Лугард и его предшественники хорошо обдумали местоположение последнего убежища.

— Вир, посмотри — туда! — Движение заметил Тед, я сосредоточил внимание на приборах.

То, что он увидел, при других обстоятельствах было бы вполне обычным зрелищем в это время года. Внизу на поле роботы убирали урожай; в конце каждых трех рядов они выплевывали мешок с зерном. Но кто их запрограммировал?

За ними виднелись еще два поля, уже убранных. Значит, они работают день, может, два. Беженцы? Неужели есть выжившие, которые подумали об уборке? Роботов нужно программировать тщательно: наши поля невелики, а роботы склонны действовать, невзирая на изгороди, забредая даже в густой кустарник, если за ними не присматривать. А здесь поля убраны правильно. Но не видно никого с управляющим устройством. И ферм поблизости нет.

— Клиновидный овес!

Узнав злак, я невольным движением чуть не остановил флиттер в полете. Это не человеческая пища. Грубое зерно, которое сейчас убирали роботы, обычно направлялось в заповедники, где зимой служило кормом животным. Зачем убирать клиновидный овес теперь?

Робот, двигавшийся под нами, подошел к краю поля. Я ожидал, что он врежется в изгородь. Возможно, какой-нибудь умирающий в бреду активировал робота, сам не понимая, что делает. Но робот на границе поля остановился. Я еще раз облетел поле, рассматривая подготовленные к отправке мешки с зерном и стоящего робота. Поле убрано совсем недавно, может, только вчера. А мешков с зерном нет. Оставались лишь три у изгороди. Остальные исчезли.

— Кто-то жив! — воскликнул Тед. — Давай поищем. Вир, мы должны!

С поля вела дорога. Мы пролетели вдоль нее, но не увидели ни фермы, ни небольшого поселка, только амбар для зерна. И никого живого. И хоть нам срочно нужно было возвращаться в Батт, я не мог не учитывать возможности, что кто-то из поселенцев выжил. Поэтому я посадил флиттер на площадке, где останавливались грузовые машины. Двери амбара были широко раскрыты. А внутри ничего — ни одного мешка. Мы звали, потом я увидел микрофон комма на стене и попробовал вызвать по нему. Ответа не было.

Возвращаясь к флиттеру, я увидел следы в пыли. Это не были следы хоппера или машины, лесных ботинок или космических сапог. Отпечатки копыт, и я их узнал. Совсем недавно, уже после того, как тут побывали последние машины и человек, по дороге прошло несколько сирианских кентавров. Клиновидный овес и кентавры хорошо увязывались друг с другом. Но робот-уборщик — кто управлял им? И вдруг я почувство-

вал, что не хочу этого знать, хочу вернуться в Батт, к своим, в дикую местность, где нет места невероятному.

— Вир, смотри — тут что-то тащили. — Тед показал полосы в пыли.

Да, тащили что-то тяжелое. Мешки с зерном или... Все вокруг показалось чужим. Было такое чувство, будто мы слишком мешкаем там, где нас не хотят видеть. Не то чтобы я ощущал слежку, что какие-то наблюдатели-нелюди лежали поблизости, разглядывая нас. Нет. Как будто мы заглянули в покинутый дом, где больше никогда не будут жить люди. Успокаивая разыгравшееся воображение — такие картины увидишь разве в развлекательных лентах, — я направился к флиттеру. Набрав максимальную скорость, решил больше не отвлекаться.

Мы не снижались над полями, ждущими уборки. То, что росло там, предназначалось для людских желудков. Нигде не видно действующих роботов. Еще месяц, может, всего три недели, и урожай уже не спасти. Во мне росло предчувствие, что нам в Батте придется об этом серьезно подумать. Припасы следует сохранить для непредвиденных обстоятельств, а питаться тем, что дадут поля. Всегда должен быть запас на крайний случай. Необходимо было обогнуть порт, поэтому мы пролетели над двумя небольшими поселками — Риволмом и Пикчексом. Их не бомбили, но и они превратились в могилы. К сумеркам мы приблизились к дикой местности, в которой находится Батт. На случай, если Аннет продолжает включать комм, как она это делала раньше время от времени, я настроил инструмент на волну порта — так нельзя установить, куда мы движемся, — и передал в нашем коде:

— Говорит Вир, говорит Вир, отвечай, Грисс...

Считая, что она поймет меня (впрочем, на самом деле на ответ я не надеялся), я установил комм на автоматический повтор вызова. Но вдруг щелчки нашего кода были заглушены более громким сигналом. Я громко произнес, переводя с кода:

— Опасность, опасность!

Я передал:

— Что случилось?

— Отряды мутантов, отряды мутантов. Нас осаждают отряды мутантов — не приближайтесь!

Она, должно быть, считала, что мы идем пешком и не имеем оружия. Но отряды мутантов — что это значит? Боро-

давочник, обыскивающий мертвеца в поисках ножа, следы кентавров, роботы-уборщики, которые больше не служат человеку, — что происходит на Белтейне? В прошлом я не обращал внимания на разговоры о необычных экспериментах с мутантами. О звериных отрядах, участвовавших в войне, говорилось только в закрытых сообщениях. Но и эти отряды, и группы наблюдателей состояли из высокоразвитых животных, и обязательно под командованием человека. Командир-человек всегда был способен сохранить порядок и дисциплину в своем чешуйчатом, пушистом или крылатом войске. Но что, если среди этих мутантов оказывались мятежники — вернее, те, кого считали мятежниками исследователи: мутанты, не желавшие подчиняться человеку? Благоразумнее всего было бы их уничтожить, проследив, чтобы они не дали потомства. Однако, несмотря на ограничения подобных экспериментов в последнее время, всегда находились ученые, настолько увлеченные своим делом, что продолжали работать, не обращая ни на что внимания, считая, что никакой опасности нет, пока образцы под присмотром.

— Что за мутанты? — передал я.

— Мы не можем определить, их много, они разные. Держитесь подальше... — пришел ответ.

Отвечала Аннет, я узнал ее почерк.

— Мы во флиттере. — Поскольку нам угрожали не беженцы, я решил говорить в открытую: — Можем ли мы сесть на крышу?

— Нет. Среди них унжеры...

Тед присвистнул, и я мог бы сделать то же. Гигантские хищные птицы, местные обитатели равнины. Унжер достаточно велик и безмозгл, чтобы не только напасть на флиттер, но и повредить его. Нападение нескольких унжеров вполне способно отправить нас на землю. Но я не видел смысла в том, чтобы садиться. Как пройти через отряды мутантов? К тому же наземный вход в крепость закрыт. Я взглянул на оружие, захваченное у беженцев. Два лазера...

— Включаю автопилот, — сказал я Теду. — Займи это окно, а я — то. Стреляй из лазера. Будем пробиваться.

Он взял один из лазеров и осмотрел спусковой механизм, я проделал то же с другим. Оружие не сложнее шокеров, к кото-

рым мы привыкли. Прицел и спусковая кнопка. Нацелишься и нажимай ее.

— У меня есть оружие, — передал я Аннет. — Мы летим.

И мы полетели в сгущающемся сумраке. Я увидел направленный в небо прожектор — маяк. Сквозь эту световую колонну пролетали унжеры, казалось, патрулировавшие в воздухе над Баттом. Наших на крыше не видно, но хоппер, который мы там оставили, теперь стоял в другом месте. Прожектор был сбит со своего основания и помят, но продолжал светить.

— Приближаемся! — предупредил я Теда.

Звук мотора, должно быть, насторожил летающих стражников. Один свернул и полетел прямо на нас. Я ждал, пока он не окажется в зоне досягаемости, затем выстрелил из лазера. Пламя охватило птицу, и через мгновение обугленное тело тяжело падало. Я видел, как луч лазера срезал другого унжера, и понял, что Тед начеку. Мы сбили еще шестерых, прежде чем они оставили нас в покое и поднялись в небо, с которого уже ушло солнце, но еще не исчезли цвета. Теперь оборона целиком на Теде, а мне предстояло посадить флиттер на крышу. Я не был уверен, что мне хватит умения, но другого выхода не было.

Я сделал три круга, не решаясь садиться. Наконец в четвертый раз, зная, что лучшей возможности у меня не будет, я нажал кнопку посадки.

Лишь просидев несколько мгновений в неподвижном флиттере, я поверил, что мы благополучно сели. Выключил мотор, выскользнул из кабины с лазером наготове, чтобы отразить нападение. Вход в сторожевую башню на крыше был закрыт. Я нетерпеливо застучал рукоятью лазера и обернулся, услышав свистящий крик сверху. Тед бежал по крыше, обернулся, опустился на одно колено, выстрелил. Я увидел скользящего вниз унжера и понял, что Тед промахнулся. Выстрелил я — и удачно. Послышался стук, что-то ударилось о крышу, вначале недалеко от флиттера, потом ближе к нам. Тед подбежал ко мне. Тут он включил фонарь, и я увидел, что стучало — стрелы из какого-то серебристого материала с остриями, вымазанными зловещей жидкостью. Они прилетали снизу, из-за стен Батта. Стрелы продолжали падать все ближе к нам. Мы не могли вернуться к флиттеру под этим дождем, и я подозревал, что стрелы еще опаснее, чем кажутся.

— Лазером, — сказал я Теду. — Прожигай мне дорогу. Стреляй в воздух, не давай им упасть.

Он так и поступил, оставив мне узкое пространство под лучом. Я чувствовал над собой горячий воздух. Ухватив дымящееся тело унжера, я использовал его как прикрытие. Теперь, если успеют открыть дверь, у нас есть шанс. Конечно, если в крепости знают, что мы на крыше, и сейчас разбирают завал. Стрелы продолжали падать. Тед хотел жечь их, но я его остановил. Заряды лазеров нам еще понадобятся. Оставалось только ждать и надеяться.

— Что за мутанты? — спросил Тед. — Бородавочники? Кентавры?

— Может быть кто угодно. Импортировали множество животных.

Да, подумал я, множество, а среди нас нет никого, кто бы знал, где и как искать о них информацию, чтобы понять природу неожиданного противника.

Мы услышали шум за дверью.

— Вир?

— Да! — закричал я.

Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем нас впустили внутрь. Едва взглянув на нас, Эмрис, Гита, Сабиан и Аннет снова принялись сооружать баррикаду. Аннет глянула на меня через плечо, продолжая работу:

— Они напали три часа назад. Мы собирались навсегда закрыть этот вход.

— Хорошо, что не успели. — Я начал ей помогать. — Кто? Или что?

— Не знаем, Вир, не знаем! Они напали внезапно. Некоторых мы узнаем, других — нет. Животные, которые уже не животные. Вир, неужели мир сошел с ума?

— Его к этому подтолкнул человек, — ответил я. — Мы остались одни.

Она как будто на глазах постарела.

— Все умерли...

— Или умирают. — Я подумал о беженцах.

— А как нам... как нам помириться с этими? — Она указала на стену Батта и на то, что за ней.

Действительно, как? У меня не было ответа, да и ни у кого в тот час не было.

Глава восемнадцатая

Нам рассказали, что мутанты возникли как бы ниоткуда. За время осады мы даже не узнали ни их количества, ни того, какие виды животных к ним относятся. А осада была настоящая, державшая нас за стенами крепости. В конце концов в отчаянии я поднял флиттер и принялся летать низко над землей, где они укрывались, а Тед и Эмрис поливали местность из окон лучами шокеров. После первой схватки с унжерами мы не использовали лазеры. Весь день после этого мы не видели среди камней и кустов никакого движения. На второй день со сторожевой башни я увидел отступление странного войска — оно ушло к горам. Еще три дня мы не решались поверить, что мутанты действительно ушли, не оставив засады. Мы не знаем, почему они на нас напали. Быть может, освободившись от власти человека, они не желали снова в ней оказаться. Загадкой оставалось, как они узнали, что мы в Батте.

Гита предположила, что один из освобожденных на станции мутантов следовал за нами. Однако это свидетельствовало бы о давно существовавшей организации. Объединить разные виды в единую армию — сложнейшее действие. Я не мог поверить, что мутанты настолько разумны. Одно время мы думали, что ими командуют люди, — какой-нибудь уцелевший рейнджер, свихнувшийся от пережитого, послал их против нас, приняв за врагов. Но Аннет сказала, что до появления унжеров все они много раз бывали на крыше, и любой человек распознал бы себе подобных. Во всяком случае, и нападение, и его прекращение оставались неразрешимой загадкой. Точно так же мы никогда не узнаем, что вызвало нападение на Кинвет и распространение заразы.

Мы знали, что теперь, после отступления мутантов, у нас самая сильная позиция на Белтейне. Возможно, нас спасло осознание страшной реальности. Нам так много предстояло сделать, что мы работали с утра до вечера и, утомленные, засыпали мертвым сном. Нашим спасением был флиттер. Мы не решались выходить в окрестности. Мутантов не видели, нападений больше не было, но не было и уверенности, что они не прячутся где-нибудь поблизости, готовые напасть. Мы с Тедом никогда не вылетали вместе, чтобы не потерять обоих пилотов. Он стал так же хорошо управлять флиттером, как и

я, а потом лучше меня. Мы по очереди вылетали на разведку, хотя ни разу не видели ни беженцев, ни выживших поселенцев. Главной целью Теда стала ремонтная мастерская в порту; он брал с собой Эмриса; тот караулил, пока Тед грузил инструменты и запчасти, которые затем перевозил в Батт. Теперь всего достаточно, чтобы флиттер работал многие годы, заверил меня Тед. Если, конечно, не произойдет крушения. Гита, Сабиан и я дважды посетили фермы и активировали роботворщиков, оставив их работать на ночь, — им безразлично, день или ночь; возвратившись на рассвете, мы увозили убранное; работали мы под охраной всякий раз, как оказывались на краю поля.

Мы видели других роботов и знали, что их привели в действие мутанты. Но эти роботы функционировали днем, а ночью урожай убирался. Возможно, среди мутантов были ночные животные. Потом появились признаки, что их организация — если таковая существовала — раскололась и началась кровавая борьба. Однажды, отправившись в сад, мы обнаружили, что не первые здесь. Почва изрыта острыми копытами кентавров, были и отпечатки лап, которых я раньше не видел, только в пыли рядом с Баттом. Виднелись пятна свертывавшейся крови, но тел не было. После этого мои надежды окрепли. Если наши враги поссорились, нам угрожает меньшая опасность. Теперь их будут больше занимать собственные распри.

Трижды я возвращался в порт и пытался разобраться в записях. Иногда попадались понятные отрывки. У Гиты, которую я брал с собой из-за ее привычки работать с записями, получалось лучше. Мы нашли небольшой переносной аппарат для чтения записей и вместе с грудой катушек привезли в Батт и разместили в комнате связи. Позже постараемся установить, какой информацией мы располагаем (впрочем, большей частью она слишком специальная). Именно тогда я начал свой рассказ о последних событиях бельтанской истории. Но боюсь, что он слишком неполон, что мы упускаем информацию, которая в будущем понадобится. Медикаменты и информационные записи из медицинской библиотеки мы смогли переместить в Батт. Но никто из нас не обладал нужной квалификацией для управления сложной диагностической и хирургической техникой, поэтому многие достижения медицины для нас пропали. Нижние помещения Батта загромоздились все-

возможными материалами из порта и поселков; ободренные отсутствием нападений, мы старались найти что возможно. Но мы не разбирали находки, просто приносили все, что помещалось во флиттере.

Началась осень, дожди шли даже в лавовой местности, где обычно сухо. Мы закрепили флиттер и хоппер, укрыли их пластилистами. И лишь тогда занялись разборкой найденного. Распаковывали то, что можно использовать сразу, остальное складывали для хранения. Иногда вспыхивали ссоры, когда работавшие не соглашались друг с другом. Но так много предстояло разобрать, так это было интересно — самое разнообразное добро было привезено во флиттере, — что мы забывали споры. Наконец, поняв, что плохо организованная работа ведет к еще большей сумятице, мы устроили совет и решили составить план и строго его придерживаться. С этих пор мы работали не менее напряженно, но с большим успехом. Я хотел попытаться вернуться в пещеру Лугарда. Привлекали не только запасы, оставшиеся там, но и возможность получить хорошее убежище. Вдобавок в ледяной пещере имелся клад древних предметов, в котором могли храниться еще большие чудеса, чем жезл, отогнавший чудовищ. Но работать в пустыне, чтобы раскопать пещеру, пусть даже под охраной, было безумием. Вместе с работой по плану мы подготовили программы обучения — каждый из нас должен был изучать какую-то специальность и общие сведения, необходимые для выживания.

Именно тогда мы осознали (говоря «мы», я имею в виду себя и Аннет), что это дети людей, которые много поколений были узкими специалистами и привыкли работать умственно, а не физически. Первые поселенцы Белтейна были отобраны за знания, и хотя их потомкам не хватало первоклассного обучения, получаемого на других планетах, они унаследовали образ мышления и привычку к поиску информации. Тед избрал технику и упрямо изучал ее, ему помогал Эмрис. Они проводили много времени в подземном складе, изучали инструкции к машинам, разбирали моторы, которые мы не могли использовать, и снова собирали их. Думаю, это была очень полезная тренировка. Аннет склонна была к биологии. Она собрала и прочла все ленты, касавшиеся мутантов, каждую свободную минуту она погружалась в них, а Гита, интересовавшаяся об-

щими, а не специальными проблемами, стала нашим библиотекарем и вела информационные записи.

К моему удивлению, Прита выбрала медицину, придя к ней через интерес к лекарственным травам, который у нее всегда к ним был. Сабиана занимали роботы и уборка урожая. Теперь он заинтересовался агротехникой. Айфорс не проявлял каких-то отчетливых склонностей. Он много и разнообразно читал, и я подумал, что он последует примеру Гиты. Дайнан тоже еще не сделал выбора, но усердно изучал то, что мы ему советовали. Я не упоминаю Дагни — это было наше постоянное горе. В течение осени продолжалось медленное улучшение ее состояния. Прита и Аннет проводили с ней многие часы, но регрессии происходили так часто, что и более терпеливые воспитатели пришли бы в отчаяние. Гита снова и снова проигрывала детские записи, и мы радовались, когда Дагни отзывалась на них. Но казалось, какая-то важная часть ее мозга функционирует неверно. Мы начинали радоваться улучшениям, а она тут же вновь уходила в беспамятство.

Думаю, она так и не поняла, что случилось и почему она живет за толстыми стенами Батта, а не дома. Она не проявляла любопытства — это казалось Аннет самым зловещим симптомом. Осенью она стала часто простужаться и проводила большую часть времени в постели, кашляя, ненадолго засыпая. Аппетита у нее не было. Иногда ее приходилось кормить с ложечки, она упрямо отворачивала голову от Аннет или Приты, пытавшихся накормить ее супом. В каждом помещении Батта были нагреватели, мы с Тедом возились с ними, используя все инструменты, какие могли найти. Но когда дожди сменились снегом, в комнатах стало холодно. Теперь Дагни не вставала, и я заметил, что она все меньше сидит в постели, облокотившись на подушки. Нас приводило в отчаяние, что не хватает знаний, чтобы помочь ей. Мы могли дать ей лишь заботу и любовь.

Конец наступил в середине зимы. Однажды утром Дагни как будто пришла в себя. Дайнан провел с ней много времени, но наконец, обеспокоенный, пришел к Аннет и спросил, что ему сказать сестре: она хочет домой и спрашивает, где ее родители. С необычной для его возраста мудростью брат-близнец объяснил ей, что они находятся в другом поселке по делу, связанному с работой лаборатории. На время Дагни успокоилась.

Но сейчас она вновь волнуется и просится к родителям. Дайнан, помнивший, как она в таких же обстоятельствах убежала в ледяную пещеру, встревожился ее настойчивостью. Аннет обнаружила, что Дагни сидит на краю кровати, закутавшись в одеяло, и готова бежать. Приход Аннет успокоил девочку, и она согласилась снова лечь; лекарство она принимала только вместе с Дайнаном. Возбужденное состояние перешло в глубокий сон; больше Дагни не проснулась. Мы похоронили ее, как когда-то Лугарда: земля была скована морозом. Лазером я высек имя и даты жизни; впрочем, мы потеряли счет времени и считали не дни, а сезоны. Мы ведь так и не узнали, сколько дней провели в пещерах.

Так мы потеряли второго — после Лугарда — члена нашей группы. И так мала была эта группа, что хоть Дагни почти не принимала участия в нашей жизни, после ее смерти образовалась брешь, которую нечем было заполнить. Аннет, Тед, Гита и я много работали, чтобы и остальные были постоянно заняты. Мы отпраздновали День Середины Зимы, как можно тщательнее вычислив эту дату. Мы надеялись, что дети не станут сравнивать наш праздник с прошлогодним. Аннет приготовила вкусный обед с инопланетными приправами, которые она сейчас расходовала крайне бережно. После обеда Гита подошла ко мне и протянула небольшой сверток. В нем оказалась дудочка — не такая, как у Лугарда. Ей не хватало волшебства. Но Гита сунула ее мне в руки, и я увидел, что все смотрят на меня.

И вот я, игравший когда-то в беззаботные дни детства на тростниковой дудочке, но никогда после того, как услышал Лугарда, поднес дудочку к губам, вначале неуверенно, потому что давно не играл. Но потом ноту за нотой припомнил одну из походных песен. Вначале получалось с трудом, потом легче. Аннет подхватила мелодию, остальные — за ней, их голоса заглушили звуки моей дудочки — возможно, к лучшему. Когда песня кончилась, Гита сказала:

— Не надо больше слов, Вир... только мелодию.

Это меня подбодрило, и я осмелился на серию журчащих нот, которые исполнял когда-то у костра, — тогда мы были всего лишь бродягами, а не последними уцелевшими на планете людьми. Я сыграл мелодию до конца, а они напряженно слушали, как будто моя музыка открывала дорогу к лучшим

дням. После Дня Середины Зимы холода усилились. Мы дрожали и возились с нагревателями, почти не выходя из Батта, хотя иногда случались дни с ярким солнцем на ослепительно-белом снегу. В Батте было безопасно, но меня начала тревожить мысль, что придется отсюда переселяться. Возвращаться в поселок не хотелось. Там слишком много воспоминаний. Стоило обдумать устройство нового, нашего собственного поселка у порта. Конечно, я не надеялся восстановить космический маяк. С другой стороны, если хаос, вызванный войной, не продлится так долго, как предсказывал Лугард, и кто-то снова будет устанавливать контакт с Белтейном, то корабль приземлится в порту. Обнаружив, что порт пуст, осмотрев ближайшие поселки, экипаж корабля вряд ли двинется дальше в поисках уцелевших жителей планеты.

В конце концов я упомянул об этом на одном из еженедельных советов. Ни одно из зданий порта мы не могли сделать таким же неприступным, как Батт. И потребует это многолетней работы.

Сабиан с энергией, которой я от него не ожидал, напомнил, что нужно заниматься и сельским хозяйством. Хотя мы, даже с помощью роботов, не можем возделывать все ранее окультуренные земли, но основные виды продуктов надо выращивать. Поля располагались ближе к порту, чем к Батту. Запрограммированные роботы основную работу выполняют сами. Мы не забывали и о мутантах. Единственным свидетельством, что они не потеряли к нам интерес, оставались следы на снегу вокруг Батта (мы даже не были уверены, что следы оставлены мутантами, а не обычными животными). Но мы не хотели быть внезапно отрезанными от крепости.

Итак, было решено, что я полечу в порт и осмотрю его в поисках небольшого здания, пригодного для наших целей. Со мной отправится Эмрис, он поднимет флиттер, пока я буду заниматься разведкой. Мы старались обезопасить наше самое ценное имущество.

Мы вылетели ранним утром. День обещал быть ясным. В прошедшие два дня дули теплые ветры. Снег в сугробах вокруг лавовых гребней подтаял. Я думал о том, когда мы сможем заняться пещерами. Может, только через годы. Кратчайший путь к порту вел через возделываемые земли, покрытые снегом. Мы свернули в сторону от Кинвета. В порту один из

кораблей беженцев все еще стоял носом к звездам, но второй, у которого были повреждены дюзы, упал, пробив носом стену пакгауза. На всем белом поле и на молчаливых улицах не было ни одного следа. Мы сделали круг, и я выбрал небольшой дом в дальнем конце поля, где в добрые старые времена жил комендант порта. Дом построили одновременно с портом, он был сложен из больших камней и почти так же прочен, как Батт. Я выбрался из кабины, и Эмрис немедленно взлетел. Он будет кружить надо мною, пока я осматриваю жилище.

Пожалуй, подойдет, решил я. К счастью, дом не занимали после отлета последнего коменданта, поэтому здесь не было и смерти. Мы сможем, как и в Батте, заблокировать входную дверь и окна первого этажа и установить снаружи подъемную лестницу к верхним помещениям. Трудная работа, займет целый год. В назначенное время Эмрис сел, он был чрезвычайно возбужден.

— На севере, Вир, город!

Город! Беженцы? Или поселенцы, бежавшие из своих домов?

— Покажи! — потребовал я.

Он послушно нажал курсоуказатель. Если можно назвать городом разбросанные хижины, то это город. Обитатели его высыпали наружу, заслышав шум снижающегося флиттера.

— Вверх и прочь!

Реакция Эмриса, к счастью, была мгновенной. Я видел достаточно, чтобы понять, что мы чуть не оказались в положении человека, сунувшего палку в осиное гнездо.

— Это... это мутанты! — недоверчиво сказал Эмрис, когда флиттер поднялся и полетел в сторону. — Но у них дома. Что же готовили в лабораториях?

За те немногие мгновения, пока мы парили над беспорядочной мешаниной хижин, я насчитал по крайней мере три вида — все травоядные, но три разных вида, живущих рядом вполне мирно. Может, это справедливо только для травоядных? А хищники или всеядные? Сколько еще подобных «поселков» разбросано вокруг? Во всяком случае, хоть я и был уверен, что кентавры запустили роботов-уборщиков прошлым летом, они не могли пользоваться нашим транспортом из-за устройства тел — и потому не будут нас преследовать.

Но поселок мутантов в непосредственной близости от пор-

та противоречил нашим планам переселения. Придется оставлять послание на случай прилета спасательной экспедиции. И я твердо решил это сделать. Не потому, что сохранял хотя бы слабую надежду на такое прибытие. Просто нужно поддерживать веру в жизнь за пределами Белтейна, в жизнь нашего рода.

И теперь мы живем в крепости и, когда выходим, берем оружие. Мы сохраняем жалкие остатки человеческой цивилизации, бережем знания и пытаемся улучшить обучение. Заботимся о машинах, зная слишком хорошо, что их не хватит даже до конца нашей жизни. Мы сознаем, что те в нашей маленькой колонии, что придут за нами, будут спускаться все ниже и ниже по лестнице цивилизации и, может быть, со временем встретят тех, кто поднимается по этой лестнице.

* * *

Прошло уже три года с того дня, как мы вслед за угрюмым дудочником Гриссом Лугардом оказались в безопасности его пещер. Два года назад мы с Аннет стояли перед лицом всего нашего маленького общества, давая клятву совместной жизни. Этой весной — еще не стаял снег — родился наш сын Грисс, первый из поколения, которое никогда не увидит звезд. Если, конечно, не случится чудо. Мы больше никого не потеряли, хотя в период уборки урожая Сабиан и Эмрис отбили нападение мутантов — на этот раз хищников, отдаленных потомков собаки. Гита надеется, что когда-нибудь мы сможем установить контакты с некоторыми видами. Она считает освобождение мутантов из клеток началом таких взаимоотношений и хотела бы отправиться за горы для встречи с истробенами. Но на это мы не решаемся: нас слишком мало. Потеря одного члена ставит в опасное положение всю колонию. Поселок мутантов у порта процветает. Мутанты управляли роботами на полях уже два сезона. Затем роботы вышли из строя. По настоянию Аннет и Гиты, в знак дружбы мы с Тедом ночью слетали туда и починили машины, пустив их утром в работу. И хотя мы оставили в знак мира продовольствие, особенно куски соли, мутанты ничем не ответили. Они по-прежнему шпионят за нами, и мы всегда выходим парами, но не убиваем, пользуемся шокерами. Мы с Тедом проводим долгие дни

в порту, восстанавливая маяк и отбирая ленты. Надеемся, что наша установка сработает, если поблизости появятся корабли. Упавший корабль ржавеет, а тот, что стоит, наклонился. Будь мы подготовлены, могли бы взлететь в нем — но куда?

Похоже, пророчество Лугарда о конце межзвездной цивилизации оправдывается. После кораблей беженцев никто не посещал Белтейн. И вряд ли посетит, разве что в начале новой эры, когда где-то на другой планете человечество выберется из варварства, овладеет древними знаниями и ринется в космос. Если при этом будет вновь открыт Белтейн, мы надеемся, что найдут эту запись и другие, которые мы будем вести, пока у нас есть ленты зексро. Закончив очередную ленту, мы ставим ее на постоянную запись в порту. Так прилетевшие узнают, как для нас кончился один мир и начался другой. Тут кончается моя часть рассказа. Мы решили, что запись продолжит Гита. Завтра я отправляюсь в порт и помещу свой рассказ в память машины.

Опять время жатвы. Мы будем следить за полями мутантов, помогать им, если сможем, надеясь на прорыв и на дружбу наших рас. В ином случае наше будущее темно, как пещеры, через которые мы прошли. Но мы нашли выход к свету. И каждый день молимся, чтобы это снова случилось.

Содержание

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР 5
ОПАСНЫЕ СНЫ 157
АНДРОИД, К ОРУЖИЮ! 339
ОПАСНЫЙ СПУТНИК 525
УГРЮМЫЙ ДУДОЧНИК 725

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

Андрэ Нортон

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

Ответственный редактор *Е. Березина*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Лёвкин*
Компьютерная верстка *В. Андриановой*
Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 05.09.2016. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Гарнитура «NewtonCTT». Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,04.
Тираж 5000 экз. Заказ М-2359.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

В электронном виде книги издательства вы можете купить на **www.litres.ru**

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб 2261.*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл , Ленинский р-н, г Видное-2,
Белокаменное ш., д 1, а/я 5 Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел : (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.. (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70
В Екатеринбурге: ООО«РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.
В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев,пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной. 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46 Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-90700-7

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ЗН

ЛЕГЕНДЫ ФАНТАСТИКИ

Вся
НОРТОН

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФАКТОР

ISBN 978-5-699-90700-7